

**Российская академия наук
Институт славяноведения**

**Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко,
А.Ф. Носкова, Т.А. Покивайлова**

МОСКВА И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

**Становление политических
режимов советского типа**

1949 – 1953

Очерки истории

**Москва
РОССПЭН
2002**

Федеральная программа книгоиздания России

Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН 15 мая 2001 г.

Ответственный редактор
д.и.н. А.Ф.Носкова

Рецензенты:
д.и.н. Е.Ю.Гуськова, д.и.н. Г.Ф.Матвеев, д.и.н. И.И.Орлик

Научно-организационная работа
и составление именованного указателя
м.н.с. Д.А.Ермакова

Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.
В 68 **Москва и Восточная Европа. Становление политических ре-
жимов советского типа (1949—1953): Очерки истории.** — М.:
«Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН),
2002. — 686 с.

В книге на основе документов из федеральных архивов России исследуются проблемы, имеющие принципиальное значение для понимания истории Восточной Европы в 1949—1953 гг. До недавнего времени они оставались вне сферы внимания ученых. Выявленные и впервые вводимые в научный оборот авторами книги советские документы раскрывают процесс складывания в странах Восточной Европы директивно-централизованной системы государственной власти и нового правящего слоя — партийно-государственной номенклатуры, и также показывают механизм утверждения в регионе режимов советского типа, политику информационной изоляции, политические репрессии, затронувшие различные слои общества, формирование и функционирование института советских советников в системе государственного управления и силовых ведомствах.

Для историков, политологов и всех интересующихся историей СССР и Восточной Европы.

© Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А., 2002.

© Институт славяноведения РАН, 2002.

© «Российская политическая энциклопедия», 2002.

«Каждый народ и каждая страна есть живая индивидуальность со своими особыми данными, со своей неповторимой историей, душой и природой... Откуда же эта нелепая идея, будто государственное устройство можно переносить механическим заимствованием из страны в страну?»

Иван Александрович Ильин,
русский философ, историк, публицист.

«На земле какой бы то ни было страны взойдет и созреет только то зерно, для посадки которого была подготовлена почва.»

Rudé právo. 12.VI.1987.

К ЧИТАТЕЛЮ

XX век ушел в историю. В памяти людей он останется временем двух мировых войн, мощных национально-освободительных движений, приведших к распаду четырех многонациональных империй и краху колониализма. В общественном сознании этот век еще долгие годы будет ассоциироваться с гигантским по масштабам, длительным по времени и жестоким по методам социальным экспериментом «строительства социализма», который закончился в Европе на рубеже 80—90-х годов полным социально-политическим, экономическим и морально-психологическим его крахом.

Современные историки, философы, политологи считают советский режим в том виде, в каком он сложился на рубеже 20—30-х годов, классическим образцом левого тоталитаризма. После Второй мировой войны этот его вариант в различных модификациях получил «второе дыхание» за пределами СССР.

В начале 50-х годов ближе всего к советскому образцу подошли страны Восточной Европы — Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Албания, Югославия*. Именно в этих государствах после кратковременного, политически вариативного переходного этапа народной демократии (1944—1948), которому была свойственна острая политическая борьба за характер власти, наступил период внедрения принципов организации общества по советскому образцу. 1949—1953 гг. стали временем интенсивной сталинизации региона.

Как протекал этот процесс? Какие социально-политические силы оказались заинтересованными в утверждении сталинского варианта социализма? С помощью каких инструментов шло установление тотального контроля над обществом и личностью, как

* Применительно к группе вышеназванных стран в книге используется термин «Восточная Европа» в его геополитическом смысле.

достигалось гражданское согласие? Какими методами осуществлялось подавление сил, которые правящими коммунистическими группировками в тот или иной момент рассматривались как наиболее опасных противников режима? В чем причина широких политических репрессий в компартиях и их руководстве? Какую роль в насаждении сталинизма в странах региона играло советское высшее руководство и сколь высока была в этом процессе активность новых национальных партийно-государственных элит? И, наконец, стали ли сложившиеся в 1949—1953 гг. режимы действительно советскими аналогами? Именно эти проблемы авторы настоящей книги выдвинули в центр исследования, результаты которого выносят на суд читателей.

Определяя географические рамки своего исследования, авторы сочли возможным не включать в качестве объекта анализа историю ГДР 1949—1953 гг. Такая позиция определялась в значительной мере тем, что послевоенные восточные германские территории изначально развивались в особом оккупационном режиме, установленном международными решениями глав великих держав. Ялтинско-Потсдамские договоренности, касавшиеся всей территории Германии, определяли направление и содержание преобразовательных процессов в советской зоне оккупации Германии, что обусловило не только их хронологическую асинхронность по сравнению с другими странами региона, но и специфику процесса сталинизации возникшей в 1949 г. ГДР. В советской политике ГДР занимала особое место, отдельное от стран Восточной Европы, ибо в Москве все еще продолжали рассматривать ее судьбу в рамках общегерманской проблемы. Здесь лишь весной 1953 г. прекратила свою деятельность Советская контрольная комиссия, а наблюдение за работой органов власти ГДР с точки зрения выполнения ими Потсдамских соглашений стал осуществлять Верховный комиссар СССР в Германии.

Кроме того, следует иметь в виду, что в этот период внутри советского руководства не было единства по вопросу целесообразности строительства социализма в ГДР. В частности, в мае 1953 г. на заседании президиума Совета министров СССР проявились разногласия на этот счет¹. В отечественной историографии высказывается предположение, что в высшем советском руководстве все еще имели место расчеты на объединение Германии, которая могла бы стать «серьезным противовесом растущему американскому влиянию в Западной Европе». Поэтому отнюдь не случайно в отечественной и зарубежной, в том числе немецкой, историографии ГДР 1949—1953 гг. предстает как самостоятельный объект исследований истории стран советского блока².

Авторский коллектив рассматривает данную книгу как логическое продолжение вышедшей в 1993 г. монографии «Народная демократия: Миф или реальность? (Общественно-политические процессы в Восточной Европе в 1944—1948 гг.)», где было предложено новое понимание народной демократии как переходного поли-

вариантного периода, завершившегося в 1948 г. утверждением монополюсной власти компартий.

С 1949 г. начался новый этап в истории региона: компартии стали интенсивно осуществлять трансформацию всех сторон общественной жизни в соответствии со сталинской доктриной построения социализма. Речь шла не только о коренных переменах в формах собственности, организации производства и социальных отношениях, но и о принципиальных изменениях в структуре государственной власти и управления. Поэтому отнюдь не случайно период 1949—1953 гг. получил в научной литературе название «горячей фазы советизации» региона.

Смерть харизматического лидера весной 1953 г. стала знаковым явлением в развитии советского блока. Она сделала возможным постепенный, с приливами и отливами отказ правящих группировок в своей реальной политике от догматических сталинских постулатов. Необходимость этого настойчиво диктовалась все четче обрисовывающейся угрозой внутрисистемных кризисов. Начинались новые времена...

В марксистской, отечественной и зарубежной, исторической науке 1949—1953 гг. рассматривались как триумфальное наступление социализма, время становления с братской советской помощью международных отношений «нового типа». Такая позиция обуславливалась, с одной стороны, идеолого-политической заданностью, с другой, — доступностью для исследователей только официальных, открытых партийных документов, что заставляло многих уходить от изучения «неудобных», но составлявших сущность режима проблем.

На рубеже 80—90-х годов мощные общественные и социальные сдвиги, приведшие к краху коммунистических режимов в Европе, обусловили начавшийся в отечественной науке отход от понимания сугубо прикладной роли исторических исследований.

Возникшая в конце 80-х годов новая историко-политическая ситуация, как и устранение идеологической цензуры в науке, немедленно сказалась на характере и профессиональном уровне исторических исследований. Монографии и сборники статей, вышедшие в 1991—1995 гг. в России, уже качественно отличались от всего написанного в советское время по периоду «строительства социализма», отразив переоценку ценностей отечественными учеными, менявшимися вместе с эпохой³. С позиций сегодняшнего дня эти работы правильно было бы оценить как своего рода переходные, в которых отчетливо отразился шедший тогда в научном сообществе поиск новых методологических подходов.

Изменение политической реальности в России сопровождалось шквалом критики советского прошлого и нарастанием новой волны политизации и мифологизации в исторической науке. С точки зрения тематики данной книги это в полной мере проявилось в обсуждении феномена тоталитаризма. В западной историографии эта проблема присутствовала еще с конца 20 — начала 30-х годов и весьма интенсивно дискутировалась философами, политолога-

ми и историками в 50—80-е годы, когда была разработана теория тоталитаризма, выявлены его системообразующие признаки и специфические черты, определяющие разновидности этого исторического явления. Тогда же был поставлен вопрос о сущностной идентичности фашизма и коммунизма. Такая постановка получила достаточно широкое, хотя и не единодушное признание ученых-обществоведов за рубежом⁴. Наряду с этим, существовала и продолжает существовать точка зрения о нетождественности этих исторических явлений. В исследованиях все настойчивей проводится мысль о необходимости дифференцированного анализа различных тоталитарных режимов, о выявлении не только сходств между ними, но и различий, которые не менее важны и могут быть обнаружены и поняты лишь при сравнительном анализе конкретно-исторического материала⁵.

Крушение власти КПСС в СССР сняло с отечественных ученых политический запрет на обсуждение проблемы тоталитаризма и его типов. Как результат этого появились сначала переводы ранее изданных за рубежом фундаментальных работ авторов теории тоталитаризма и критиков коммунизма — А.Аренд, Р.Арона, Н.Бердяева, Э.Морена, М.Джиласа, Ж.Желева и др.⁶

В отечественной науке, прежде всего среди философов, начались уже в конце 80-х годов дискуссии о сущности тоталитаризма. Так, в 1989 г. была проведена дискуссия «Тоталитаризм как исторический феномен». Рассматривая тоталитаризм как целостное явление, советские философы в ходе обсуждения поставили вопросы о характерных признаках тоталитаризма, отмечая, что тоталитарные режимы вне зависимости от их направленности, являлись своеобразной реакцией «на ситуацию вызова». При этом под «ситуацией вызова» понималась «необходимость ускоренной модернизации, форсированного догоняющего развития, когда общество испытывает очень сильные перегрузки»⁷.

Сталинский режим, установленный на рубеже 20—30-х годов в СССР, был квалифицирован как наиболее тоталитарный, «поскольку он охватил все сферы человеческой деятельности, и материальной, и духовной». Одновременно было констатировано, что фашистский режим в Германии уступал сталинизму «в смысле контроля за хозяйственной деятельностью».

Чрезвычайно важно отметить, что участники дискуссии сделали попытку периодизации сталинского тридцатилетия в истории СССР, выделив три этапа, различных по тем целям или «общим проектам», которые власть предлагала обществу. Первый этап связывался с решением общенациональной задачи — индустриализации, которую «было призвано решать все общество». Второй этап, начиная с середины 30-х годов, определялся как «период чисток», удаления (уничтожения) несогласных, которых «быть не может». И наконец, третий этап — Великая Отечественная война: «...Это уже совершенно другое представление о сообществе. Это уже не авангард истории, не авангард мирового пролетариата, ведущего за собой пролетариат других стран, но это коллектив соотечественников, защищающих свою страну»⁸ и затем восстанавливающих

ее, — добавим мы. Для понимания послевоенной истории Восточной Европы нам представляется чрезвычайно важным тезис, прозвучавший в этой дискуссии, о том, что «для установления новой сильной власти надо было, чтобы прежняя сильная власть сменилась "демократией". Свергнуть такую власть, связанную обычно с нестабильностью и отсутствием "порядка", носителям тоталитаризма было куда проще»⁹.

В основе дискуссий рубежа 80—90-х годов, проходивших среди отечественных политологов и историков, лежали теоретические наработки, главным образом зарубежных исследователей, в ряду которых, как уже отмечалось, активно обсуждался вопрос тождественности фашизма и коммунизма. Фактически в переводах начала 90-х годов иная точка зрения не была представлена. Во многом это было следствием политического «заказа» времени.

На этот «заказ» откликнулись российские историки, философы и юристы, в частности, А.П.Бутенко, Ю.И.Игрицкий, Г.И.Чернявский, К.С.Гаджиев и др., которые взяли на себя труд не только ознакомить отечественную научную общественность с основными тезисами и аргументами западных теоретиков тоталитаризма, но и сформулировать свои позиции по этой проблеме¹⁰. Часть российских ученых по сути дела приняла тезис о тождестве базисных характеристик фашизма и коммунизма. Некоторые в пылу идеолого-политического разоблачения мифологем, сформированных советской историографией, выдвигали тезис и о том, что «гитлеровский фашизм был во многом порождением сталинского»¹¹.

Другие ставили вопрос о более «мягкой» природе и большей «эффективности» правототалитарных режимов по сравнению с коммунистическими, которые рассматривались как левототалитарные¹². Сторонники подобных подходов «озвучили» свои позиции, в частности, на международной научной конференции «Тоталитаризм и анти тоталитарные движения», состоявшейся в Харькове в 1994 г., где затрагивались проблемы послевоенной истории Восточной Европы. Они утверждали, что левые тоталитарные режимы «более основательно разрушают естественно-экономическую и социальную структуру общества, а также более тщательно маскируют свою антигуманную антидемократическую сущность». Было сформулировано принципиально важное заключение, что левототалитарным обществам легче трансформироваться в правые режимы, чем эволюционировать в сторону демократии¹³. На сегодняшний день мы можем констатировать, однако, что 10-летний опыт посткоммунистического развития бывших европейских социалистических стран не подтверждает этот прогноз.

В изучении интересующей нас проблемы становления политических режимов в странах Восточной Европы безусловный приоритет в начале 90-х годов принадлежал политологам и философам. Политологические работы строились, как правило, на эпизодическом привлечении фактического исторического материала лишь в качестве иллюстраций. Это в значительной мере определя-

ло специфику, сильные и слабые стороны проделанной политологами работы и ее результаты.

Нам представляется, что политологические исследования, базирующиеся на принципе «абстрактно-общего», дают целостное осмысление социально-политических процессов, но не воссоздают картину конкретно-исторического развития. Эта задача может быть решена историками, которым свойственен метод изучения конкретных событий, фактов, особенного и универсального в истории каждой страны. Ее решение связано напрямую с «архивной революцией» в России в первой половине 90-х годов. Именно она открыла доступ историкам к некоторым ранее секретным фондам федеральных архивов, резко повысив информационную ценность исторических исследований. Тем самым создалась возможность приступить к изучению проблем, которые прежде по идеолого-политическим соображениям выводились за пределы научного анализа историков. К ним относится и проблема тоталитаризма.

Ответом на принципиально новую ситуацию стала организация в Институте всеобщей истории РАН специального методологического семинара под руководством д.и.н. Я.С.Драбкина. Результаты работы этого семинара были реализованы в коллективном труде «Тоталитаризм в Европе XX века» (1996 г.), что явилось весьма весомым и реальным вкладом историков в шедшие научные дискуссии. Впервые в российской науке проблема тоталитаризма рассматривалась на основе системного анализа конкретно-исторического материала. Авторы этой работы, выделив тоталитаризм на основе трех существенных его признаков (унитарная идеология, массовое движение, репрессивный режим) из системы родственных ему авторитарных и автократических режимов, определили фашизм и коммунизм как два различных подтипа тоталитаризма¹⁴.

Оценивая вклад этого коллектива, хотелось бы специально отметить усилия авторов по поиску истоков и причин появления тоталитарных режимов. Материал по истории стран Восточной Европы 40—50-х годов, которым мы располагаем, в полной мере подтверждает их выводы о том, что гносеологические корни тоталитаризма лежали в стремлениях «различных социальных сил к резкому преобразованию существующих общественных отношений». «Тот факт, — резюмируется в книге, — что тоталитарные режимы возникли в столь разных странах... и в существенно различных исторических ситуациях, заставляет связать их рождение с назревшими потребностями различных слоев в социально-экономической и социально-политической модернизации общества, т.е. с ускоренным созданием основ индустриальной системы или переходом от одного его этапа к другому. И вместе с тем с условиями, когда "нормальный" процесс осуществления таких преобразований затруднен или невозможен»¹⁵.

В дискуссиях отечественных ученых по проблемам тоталитаризма активно обсуждалась и послевоенная история европейских стран советского блока. Еще до «архивной революции» в России состоялся ряд «круглых столов», где делались попытки пересмотреть оценки, бытовавшие в советской исторической науке. В ходе

этих обсуждений в полной мере проявилась острая потребность в новой источниковой базе исторических исследований¹⁶. В таких условиях стало закономерным создание в начале 90-х годов в Институте славяноведения РАН Научного центра по истории сталинизма в Восточной Европе.

В течение ряда лет коллектив центра проводил поисковую работу в фондах Архива Президента (АП) РФ, Архива внешней политики (АВП) РФ, Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива (ГА) РФ. Она завершилась публикацией в 1994—2001 гг. фундаментальных проблемно-тематических сборников документов: «Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг.» Т. I—II, «Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг.» Т. I (1944—1948), «НКВД и польское подполье (По «Особым папкам» И.В.Сталина. 1944—1945.)», «Три визита А.Я.Вышинского в Бухарест. 1944—1946 гг.», «Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944—1945». Включенный в эти сборники корпус ранее недоступных исследователям документов из советских архивов, наряду с другими публикациями документов последних лет, коренным образом изменил источниковую базу изучения послевоенной истории стран Восточной Европы. Это позволило коллективу центра обратиться к ее монографической разработке, в частности, к проблеме формирования политических режимов советского типа в регионе в 1949—1953 гг., в новом ракурсе рассматривать роль и масштабы влияния высшего советского руководства на внутренние общественные процессы и глубину копирования советского опыта, критически переосмысливать то, что было ранее написано в марксистской историографии, в том числе и авторами данной работы¹⁷.

Перемены в характере власти в странах региона, происходившие на рубеже 80—90-х годов под антикоммунистическими лозунгами, не могли не повлечь за собой принципиального изменения парадигмы развития исторической науки в регионе. Исчезла монополия марксизма-ленинизма в официальной историографии. При плюрализме научных взглядов в современных историографиях бывших социалистических стран и множественности политических ориентаций авторов, при сохранении в некоторых странах, на наш взгляд, условно левого направления в науке¹⁸, значительная часть историографического спектра занята в настоящее время историками, которые или в предшествующий период уже находились в оппозиции к коммунистическому режиму, или на рубеже 80—90-х годов оставили марксистские позиции и перешли в лагерь его открытых критиков. В ряде стран в начале 90-х годов возникли научные учреждения (Институт современной истории в Праге, Институт политических исследований в Варшаве, Институт проблем тоталитаризма в Бухаресте, Институт истории 1956 г. в Будапеште), главной целью которых было на принципиально новой документальной основе дать интерпретацию послевоенной истории стран Восточной Европы, альтернативную марксистско-ленинской историографии.

К настоящему времени следует признать, что историки региона в посткоммунистический период внесли существенный вклад в источниковое обеспечение разработки истории стран Восточной Европы, в том числе и на «социалистическом этапе» их развития. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации архивных документов в виде сборников или отдельных тематических подборок¹⁹. Важно при этом подчеркнуть, что ученые всех направлений едины в стремлении создать новую документальную базу для изучения послевоенной истории.

90-е годы были отмечены разворачиванием научной полемики вокруг оценок «социалистического прошлого», появлением в большинстве стран региона основанных на новых исторических источниках во многом дискуссионных монографических работ (книг и статей) как общего плана, так и по отдельным проблемам послевоенного времени²⁰. Активно поднималась проблема советской (сталинской) модели социализма и ее внедрения в страны региона. В частности, в этом направлении плодотворно работали такие историки, как А.Верблян, К.Керстен (Польша), И.Баева, И.Марчева, В.Мигев (Болгария), М.Барновский (Словакия), К.Каплан (Чехия), В.Фрунзе, И.Кипер (Румыния), Я.Райнер (Венгрия)²¹ и др.

Таким образом, начался сложный, противоречивый процесс восстановления исторической правды. Именно на этом этапе освобождавшаяся от марксистско-ленинских догм историческая наука вновь оказалась перед угрозой политизации. Во весь рост встал вопрос об интерпретации новых источников.

Заметный подъем в исторической науке бывших социалистических стран в 90-е годы был обусловлен не только раскрепощением этой науки в результате крушения коммунистической власти, но и идейными потребностями новых политических элит, заинтересованных в абсолютной дискредитации прежних режимов. В значительной мере этим и объясняется то принципиально важное обстоятельство, что в посткоммунистических национальных историографиях всех стран региона стало преобладать антикоммунистическое направление. Усилия большинства исследователей были сконцентрированы в первую очередь на проблеме террора и репрессий в период «построения социализма»²², проблеме, которая вплоть до конца 80-х годов находилась под строгим политическим запретом, а в новых условиях стала рассматриваться многими учеными не как один из способов консолидации общества через утешение, а как определяющий признак тоталитаризма.

Постановка в качестве центральной трагической проблемы террора и репрессий, во многом, естественна и объяснима. Но имеющая место в ряде работ ее абсолютизация, а порой и политическая эксплуатация, формирует у читателя (вне зависимости от намерения авторов) односторонний вывод, что сущность политических режимов в странах Восточной Европы сводилась только к их репрессивным функциям. Такая трактовка режимов мало соответствует исторической реальности, ибо за скобками остаются важнейшие компоненты их сущности: цивилизационный рывок через инду-

стриализацию, урбанизацию, ускоренную социальную циркуляцию; создание системы широких социальных гарантий и социальной защищенности; введение принципа доступности культуры и всеобщности образования.

Апогеем примитивизации проблемы террора в странах, где власть принадлежала компартиям, является, на наш взгляд, вышедшая в 1997 г. в Париже «Черная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии», созданная международным коллективом под руководством французского историка С.Куртуа.

Переведенная на ряд языков, книга в 1999 г. опубликована и в России* с предисловием академика А.Н.Яковлева²³.

Среди мировой научной общественности реакция на эту публикацию была далеко не однозначной. Острой критике подвергается предисловие, где С.Куртуа излагает замысел, концепцию и цели работы: поставить знак тождества между фашизмом и коммунизмом, распространить на последний прозвучавшие в Нюрнберге в 1945 г. обвинения фашизма в преступлениях против человечества. Метод доказательства этого тезиса в историческом сообществе расценивается как неприемлемый. Сравнительный анализ коммунизма и фашизма сведен автором предисловия только к числовому показателю через подсчет их жертв. Такой упрощенный, статистический подход к проблеме был расценен многими исследователями, в том числе и Н.Вертом, автором одного из центральных разделов книги, как антиисторический²⁴. Среди ученых преобладает мнение, что предложенный С.Куртуа метод не позволяет выяснить ни сущности и специфики режимов, ни степени их укорененности в обществе, ни причин возникновения и краха.

Наиболее резкую и серьезно мотивированную критическую оценку позиции С.Куртуа дал немецкий историк М.Букмиллер. «Черная книга» расценена им не как историческое исследование, а как «отражение политики по вопросу осмысления истории». Немецкий ученый видит главный концептуальный изъян книги в том, что авторами не раскрыты причинно-следственные связи явлений и событий. М.Букмиллер солидарен с другими немецкими историками — Г.Вебером и М.Хильдемайером, которые считают, что в книге отсутствуют принципиально новые материалы, а большинство фактов, выдаваемых С.Куртуа и другими авторами за сенсацию, давно известны в науке. Отметив очевидную бессмысленность многих тезисов Куртуа и агрессивность его обвинений, Букмиллер подчеркнул, что публикацией такой работы ученый «полностью опорочил свою репутацию»²⁵.

«Числовой» метод сравнения фашизма и коммунизма, как и концепция «Черной книги», в целом не поддерживается подавляющим большинством российских ученых, хотя в нашей науке есть

* В русском издании поражает непрофессионализм переводчиков раздела «Восточная Европа — жертва коммунизма», что выражается в искажении цитат, имен, фамилий и названий, путанице в научном аппарате.

и отдельные ее сторонники*. Но не они определяют содержание идущей научной дискуссии о тоталитаризме. Академик РАН А.О.Чубарьян считает, что использование «чисто количественных параметров» в качестве определяющих при сравнении систем нацистской Германии и Советского Союза является недопустимым упрощением и не позволяет раскрыть социальную сущность двух тоталитарных режимов²⁶. По сути близкие позиции занимают ведущие специалисты академических институтов и вузов страны — Я.С.Драбкин, Б.С.Орлов, А.И.Борозняк и др.

Среди специалистов по истории СССР и стран Восточной Европы «Черная книга коммунизма» также вызвала весьма критические оценки. Известный историк, профессор Карлова университета в Праге и Свободного университета в Берлине М.Рейман откликнулся на эту публикацию специальной книгой. Он подверг сомнению не только приводимые авторами «Черной книги» данные о жертвах коммунистического террора, но и убедительно доказал несостоятельность их генеральной посылки. М.Рейман считает недопустимой предпринятую С.Куртуа попытку возложить вину за конкретные преступления конкретных режимов на коммунизм как явление. Рейман отвергает сам принцип суммирования жертв тоталитарных режимов, существовавших в разные времена и в разных странах. Такой принцип, по мнению Реймана, весьма напоминает «методологию, как если бы коммунистическая наука подсчитывала жертвы "капитализма" и "империализма"»²⁷. Позицию, близкую М.Рейману, занимают и ряд других исследователей истории стран Восточной Европы, в частности Г.Слабек, Л.Колаковский, Т.М.Исламов, К.Урбан, Т.Краус.

Полемизируя с главной философской идеей «Черной книги» о тождестве фашизма и коммунизма, польский ученый Л.Колаков-

* Например, Ю.С.Новопашин пытается доказать «превосходство» коммунистических режимов в Европе, Азии и Америке, по сравнению с нацистским режимом в Германии, в деле расправы с собственным народом. Уничтожение только 200 тыс. немцев ставится им в заслугу национал-социалистическому правительству Германии и рассматривается как доказательство «мягкости» фашизма по сравнению с коммунизмом. «Таким образом, — делает вывод Ю.С.Новопашин, — "превосходство" советского режима по сравнению с нацистским в деле расправы с собственным народом иллюстрируется соотношением 1:310». По-видимому, автор этой числовой «конструкции» сознательно забывает тот факт, что национал-социализм был обращен своей репрессивной стороной прежде всего вонне — против «врагов расы». (Об этом см.: Эссе Э. Понятие тоталитаризма: Определение содержания и история развития // Россия и Германия на пути к анти тоталитарному согласию. М., 2000. С. 59.) Все это чисто формальное построение, предложенное Ю.С.Новопашиним, рухнет, если учесть, что гитлеровцы не только имели планы физического истребления «неполноценных» народов — евреев, цыган, славян, — но и приступили к их реализации, которая была прервана лишь победами Красной Армии (Новопашин Ю.С. Академическое обществознание под перекрестным огнем // Славяноведение. 1997. № 3. С. 28).

ский считал необходимым отметить, что фашизм и коммунизм отличаются принципиально разными идеологиями — расовой и классовой, и поэтому идеология коммунизма была притягательна совсем для иных людей, чем идеология фашизма. Несмотря на то, что коммунистическая идеология оказалась всего лишь иллюзией, она, — подчеркивал Колаковский, — вызвала к жизни явление, не свойственное нацизму. Речь идет об историческом феномене: именно коммунизм породил в своем лоне собственных критиков, которые способствовали разрушению системы изнутри и вызвали ее окончательный крах. Профессор Слабек, оценивая «Черную книгу», подчеркнул, что она безусловно станет рубежом в описании новейшего времени, но «не благодаря своему особому познавательному содержанию, а как раз наоборот: вследствие доведения — во вступлении в особенности — тенденциозности и упрощений до такого апогея абсурда, который не мог не вызвать протестов и полемики даже со стороны людей, неприязненно относящихся к коммунизму, но в силу своих человеческих достоинств способных воспринять аргументацию своих оппонентов»²⁸.

Вышеприведенные оценки коренным образом расходятся с суперлятивами, которые даны академиком А.Н.Яковлевым в его предисловии к русскому изданию «Черной книги». Академик представил российскому читателю эту книгу как масштабную, серьезную, «туго набитую фактами», «многие из которых уникальны своей новизной, подчас невероятностью»²⁹. Написанное в духе анафемы коммунистам, предисловие, к сожалению, не носит научного характера, а изобилует эмоциональными оценками, отражающими политическую конъюнктуру России начала 90-х годов*.

Будучи специалистами по послевоенной истории стран Восточной Европы, а Восточная Европа — это один из «геополитических» разделов «Черной книги» — мы берем на себя смелость утверждать, что этот раздел вызывает много нареканий. Несмотря на то, что авторами являются известные историки-профессионалы — А.Пачковский (Польша), К.Бартошек (чешский историк, живущий после 1968 г. во Франции), — безусловно, знающие предмет и располагающие архивными материалами, этот раздел отличается упрощенностью изложения рассматриваемых событий, откровенной идеолого-политической заданностью, скудостью научного аппарата (большая часть его вторична), вольным обращением с фактами, вплоть до фальсификации. Как пример, можно привести изложение сюжета о «деле» Сланского. В трактовке Бартошека (с. 400—401) инициатором этого «дела» выступает Сталин. Готвальд же изображается лишь как человек, услужливо давший со-

* По собственному признанию академика, он еще 40 лет назад понял «людоедскую и самоедскую» сущность марксизма-ленинизма. Заметим, однако, что такая «проницательность» не помешала ему длительное время пребывать в высших эшелонах советской власти, в том числе в Политбюро ЦК КПСС.

гласие. Между тем документально доказано (и автор этого не мог не знать), что инициатива определения Сланского как главной фигуры будущего процесса принадлежала именно представителям чешской политической элиты, активно поставлявшим в Москву компромат на генерального секретаря. Сталин же далеко не сразу дал согласие на арест «своего человека» в Праге. Содержание переписки Сталина и Готвальда по этому поводу было известно чешским историкам еще в начале 90-х годов.

В основу «польской» части этого раздела положена посылка об особо предвзятом отношении советских лидеров, и особенно Сталина, к Польше, полякам и ко всем общественным силам, так или иначе способствовавшим восстановлению независимости: дворянству, армии и духовенству (с. 342). Это особое отношение увязывается автором с пережитым Сталиным «бесчестьем» в связи с поражением Красной Армии под Варшавой в 1920 г. Причины репрессий против поляков таким образом сводятся только к личной мести Сталина и тем самым предельно упрощаются. Подлинный конкретно-исторический материал о репрессиях 40—50-х годов в Польше отрывается от исторической реальности, разрушается взаимосвязь и последовательность событий, создается заведомо искаженная картина развития Польши этого времени. По нашему убеждению, раздел «Восточная Европа — жертва коммунизма» наглядно и весьма убедительно показывает, что подбор фактов под заранее поставленную политическую цель антиисторичен и неизбежно демонстрирует ущербность авторской позиции. Трудно в связи с этим не согласиться с М.Букмиллером, подчеркнувшим, что: «Фанатический поход против коммунизма несет в себе элементы, которые были характерны для коммунизма сталинского образца: обобщения, безжалостное обвинение, не имеющее в своем основании эмпирических данных, и жесткая ценностная шкала без учета исторических событий»³⁰.

На наш взгляд, концепция тождества двух режимов неизбежно ведет к упрощению истории, к «черно-белому» подходу в оценках послевоенного времени. Разрыв генетической связи между военно-политическими итогами войны, ростом левых настроений в Европе в целом и преобразованиями в общественном устройстве стран региона после войны при непосредственном участии СССР ведет к подмене в исторической памяти народов понятия «освобождения от фашизма» понятием «новой оккупации». Отсюда делается вывод об исключительно силовом, навязанном извне происхождении послевоенных режимов, не имевших якобы никакой социальной опоры в обществе. Примером такой подмены является послесловие профессора А.Фитовой к переводу на польский язык изданного в России сборника документов «НКВД и польское подполье (По «Особым папкам» И.В.Сталина), 1944—1945 гг.». А.Фитова, говоря о целях прихода Красной Армии в Польшу на заключительном этапе войны, обходит молчанием первостепенной важности задачу освобождения страны от гитлеровской оккупации и спасения тем самым польской нации от уготованного ей фашистами физического истребления. Вы-

водятся за скобки и интересы СССР по обеспечению спокойного тыла действующей армии. С помощью целенаправленно подобранного конкретно-исторического материала читателю навязывается тезис о том, что Красная Армия появилась на польской земле с единственной и неотложной задачей — с помощью террора и репрессий внедрить сталинский вариант социализма и тем самым вновь поработить Польшу. Польское же общество изображается абсолютно единодушным в своем противостоянии и СССР, и польским коммунистам, что не соответствует исторической правде³¹.

Непредубежденному читателю ясно, что такие подходы преследуют сугубо политическую цель и «работают» в направлении, необходимом новой элите, выстраивающей свою политику воздействия на общественное сознание.

Другой мифологемой является тезис об СССР как «империи зла» и «абсолютной вине» советского руководства за все, происходившее в странах региона в исследуемый период³². Протагонисты этого тезиса разрывают прямую связь между утверждением политических режимов советского типа в Восточной Европе на рубеже 40—50-х годов и обстановкой холодной войны. Кроме того, они исключают из научного анализа такой принципиально важный субъект политики, как носители идеи перехода к «социализму по Сталину» в коммунистическом движении и обществе каждой из стран региона.

Речь идет о прямых или завуалированных попытках во имя «национально-корпоративных интересов» вывести из числа активных участников этого процесса собственных лидеров рабочих партий и формировавшуюся тогда коммунистическую номенклатуру. Им отводится, как правило, исключительно пассивная роль простых исполнителей воли советского политического руководства, а то и прямых жертв политики Москвы. Вот предложенное известным польским историком Е.Эйслером понимание взаимоотношений И.В.Сталина с польскими лидерами В.Гомулкой и Б.Берутом: «Берут и до 1948 г. — Гомулка являлись для Сталина всего лишь исполнителями его поручений. Он был для них учителем и мастером, они, — особенно Берут, его учениками. Не было даже следа партнерских отношений. Речь шла о полном подчинении советскому диктатору. Берут светил отраженным светом... его самостоятельность была иллюзорной!»³³ Перед читателем своего рода полуправда.

Опираясь на записи бесед Сталина с руководителями компартий в регионе и их шифрпереписку, можно сделать вывод, что отношения были политически и психологически более сложными и отнюдь не сводились только к прямому диктату Сталина. Представляется, что изучивший архивы российский ученый В.К.Волков правильно уловил специфичность контактов Сталина с главами восточно-европейских государств, когда написал: «Беседы Сталина... чем-то напоминали паломничество верующих к святым местам. Кремлевский оракул обладал своеобразным даром воздействия на своих собеседников, мистифицируя их своим вниманием, простотой поведения, политическим опытом. Имеется много свидетельств этих его черт и того впечатления, которое он производил на своих гостей.

Это актерское мастерство накладывалось на его огромную власть, и даваемые им инструкции он умел преподнести в виде советов, родившихся как бы в ходе совместного общения»³⁴.

Но и это было лишь одной из сторон дела. Не следует упускать из вида тот факт, что восточно-европейские лидеры стремились опереться в своей деятельности на огромный авторитет Сталина, использовать его в собственных целях. Конкретные обращения к Сталину по основным вопросам, включая кадровые, предстают как неотъемлемая часть методов управления национального руководства³⁵.

Следует отметить, что немалую роль в «демонизации» образа Сталина и представлении отношений с ним в выгодном в настоящее время для себя свете сыграли сами бывшие коммунистические функционеры высокого ранга³⁶. При этом просматривается стремление не только переложить на Москву свою долю ответственности за происходившее на рубеже 40—50-х годов в Восточной Европе, но и подчас создать себе имидж защитников национальных интересов перед давлением Москвы. Такие фрагменты в воспоминаниях представителей коммунистической элиты нередко используются современными историками без необходимого критического осмысления. Так, например, в чешской историографии 80—90-х годов была весьма распространена возникшая на основе воспоминаний бывшего министра обороны Чехословакии А.Чепички версия о том, что в феврале 1948 г. приехавший в Прагу заместитель министра иностранных дел СССР В.А.Зорин привез К.Готвальду приказ Сталина использовать правительственный кризис для взятия власти и просить советское правительство о военной помощи. Готвальд же якобы первую часть приказа выполнил, а вторую — отверг. Если же обратиться к документам, то картина окажется иной. Согласно информации Зорина из Праги, «Готвальд... высказался в том смысле, что было бы хорошо (для воздействия на Бенеша и всех правых), если бы некоторые советские части в Германии и Австрии начали бы некоторые передвижения у границ Чехословакии». Ответ советского правительства 22 февраля 1948 г. был категоричным: «...Предложения о передвигании советских войск в Германии и Австрии, а также даче указаний Готвальду из Москвы считаем нецелесообразными. В.Молотов»³⁷.

Приведенный пример показывает, сколь важно введение в научный оборот новых документов советского периода. А между тем оно вызывает среди историков, прежде всего за рубежом, далеко не однозначную реакцию. По-видимому, содержание этих документов не оправдывает ожиданий тех исследователей, которые стремятся свести оценку советской политики в регионе только к диктату, а также придать национальной коммунистической элите имидж страдающей стороны. Появились обвинения в попытках реабилитации советского политического руководства и персонально Сталина³⁸ в адрес тех российских ученых, которые вводят в научный оборот ранее секретные советские документы и пытаются на их основе реконструировать политику Москвы в регионе в 1944—1953 гг. Представляется, что за такими обвинениями просматривается в первую очередь откровенное

стремление части историков соответствовать новой политической конъюнктуре.

Попытки переложить ответственность за репрессии в компартиях только на советское руководство просматриваются и в мемуарной литературе, особенно в воспоминаниях детей «больших родителей». Эта линия отчетливо видна, например, в книге Я.Хылинского, сына Б.Берута, когда он излагает позицию отца по мере эскалации «дела» Гомулки³⁹.

Документы же показывают, что политика Москвы была в высшей степени прагматичной, соотносилась с конкретными историческими реалиями и вовсе не сводилась к примитивному политическому диктату. Коммунистические лидеры стран Восточной Европы были единомышленниками советского руководства, а вовсе не статистами. Отношения советского руководства и глав партий региона отнюдь не исчерпывались формулой «приказ — исполнение», ибо каждый из партнеров «играл» и свою «игру». Для Сталина определяющими были интересы формировавшегося советского военно-политического блока и прочность власти коммунистов в странах этого блока. Для лидеров восточно-европейских компартий, внутри руководства которых шла непрерывная борьба за место на партийном Олимпе, за право быть источником информации для Москвы, во многом определяющим становилось сохранение личной власти. Последнее можно было обеспечить лишь в союзе со Сталиным, став его единственным «доверенным человеком»⁴⁰. Это особенно отчетливо проявлялось в ходе внутривнутрипартийных репрессий 1948—1953 гг., когда «выбор» жертв судебных политических процессов осуществлялся, как правило, на месте, в столицах стран Восточной Европы, и во многом определялся ходом этой борьбы. Поэтому правы, на наш взгляд, те историки, которые признают ответственность не только Москвы, но и представителей национальной коммунистической элиты за происходившее в каждой из стран региона. Например, польский историк А.Фришке считает, что «ППР по собственной инициативе строила монопартийную систему и сужала рамки свободы... Правившие Польшей коммунисты прежде всего по своей собственной воле, а не в результате внешнего давления желали строить систему по советским образцам»⁴¹. Документы российских архивов позволяют эту характеристику с полным основанием распространить и на другие компартии стран Восточной Европы⁴².

Следует отметить еще один миф, появившийся в начале 90-х годов в историографии некоторых восточно-европейских стран. Речь идет о якобы масштабном, активном, порой вооруженном, сопротивлении утверждению режимов советского типа в регионе в начале 50-х годов. Конкретно-исторический материал не подтверждает этот тезис. Даже в Польше, где в 1944—1948 гг. организованное военно-политическое антикоммунистическое подполье являлось историческим фактом, в исследуемый период можно говорить о его затухании⁴³.

В других странах, например, в Чехословакии, хотя имели место попытки отдельных политиков из либеральных и социал-демократических кругов, не смирившихся с февральским (1948 г.) переворотом, создать внутри страны антикоммунистическое подполье, к осени 1949 г. эти попытки были пресечены чехословацкой госбезопасностью, что подтверждает и современная чешская и словацкая научная литература⁴⁴.

Однако, наряду со взвешенными, адекватными конкретно-историческому материалу оценками этой проблемы, в историографии прослеживается и другая тенденция. Например, в румынской научной литературе налицо явные попытки на основе отдельных сведений о существовании в горах мелких вооруженных групп бывших легионеров и армейских офицеров преувеличить значимость и общественный вес подобных фактов, трактуя их как вооруженное «движение сопротивления» тоталитаризму⁴⁵. Справедливости ради следует признать, что такая тенденция имеет место и в отечественной историографии. В частности, она выражается в стремлении некоторых авторов необоснованно увеличить массовость диссидентского движения в СССР, расширить его хронологические рамки.

Появление этой тенденции в 90-е годы было продиктовано рядом причин, в том числе, по нашему мнению, и политической потребностью новой элиты обосновать свою укорененность в обществе.

Ко второй половине 90-х годов, после непродолжительного периода политизированного, в значительной мере публицистического по форме отрицания какой-либо социальной базы коммунистических режимов в 40—50-е годы профессиональные историки в ряде стран региона стали давать более объективную трактовку этой проблемы. Признается факт поддержки коммунистов частью восточно-европейского общества в момент их прихода к власти. Это позволяет с научных позиций подойти и к другому принципиально важному вопросу. Речь идет о широко распространенном в современной историографии тезисе об исключительной «привнесенности» режимов советского типа в страны Восточной Европы. Теперь же ставится, как нам представляется, совершенно обоснованно вопрос о степени такой «привнесенности» применительно к каждой стране*, то есть о наличии объективной социальной базы для установления левототалитарных режимов в восточноевропейском регионе. Более того, в национальных историографиях отмечается также и расширение их социальной поддержки вплоть до начала 50-х годов. Именно такую позицию разделяют, например, известные исследователи в Чехии и Болгарии — К.Каплан, Д.Сирков, В.Мигев и др. Наряду с этим, констатируется и постепенно обозначившееся сужение общественной поддержки строя, что объясняется очевидным разрывом между полученными от коммунистов

* Такой подход российских исследователей был зафиксирован в сборнике «Россия и Германия. На пути к антитоталитарному согласию» (М., 2000. С. 227).

общественными авансами и возможностями их реализации, прежде всего в материальной сфере⁴⁶.

Вывод о сужении социальной поддержки режимов в первой половине 50-х годов, имеет принципиальное значение для понимания того «инструментария», с помощью которого обеспечивалось функционирование режимов. Он дает «ключ» к видению роли и места политических репрессий как особого, силового способа воздействия на общественное поведение, как одного из компонентов механизма согласия в процессе формирования режимов советского типа и номенклатурной системы управления обществом в 1949—1953 гг. Опираясь на этот вывод, можно установить значимость монополизации коммунистами информационного пространства, его переориентации на СССР и попыток блокировать информационные потоки, шедшие с Запада. Следует отметить, что в настоящее время в национальных историографиях стран региона имеет место разработка лишь отдельных аспектов этой проблемы⁴⁷. Доказанное учеными сокращение социальной поддержки режимов делает понятным и возрастание значимости «внешнего» фактора (включенность в советский блок) в обеспечении сохранности и функциональности этих режимов, что констатируется в современной исторической науке.

Вместе с тем имеется и иная трактовка проблемы социальной поддержки власти компартий. Суть ее сводится к утверждению, что кроме узкой группы «фанатиков-коммунистов», режим поддерживали карьеристы, конформисты и «аполитичные патриоты», готовые пойти на компромисс с любой властью⁴⁸. При этом акцент на компромисс и на адаптацию к строю как главные формы взаимодействия с властью различных социальных групп общества имеет свой смысловой подтекст: он призван обосновать отсутствие социальных «корней» режима, его навязанность исключительно извне. Как остроумно и самокритично заметил болгарский историк Д.Сирков, «...Мы ограждаем себя от неприятной обязанности посыпать свои головы пеплом, предпочитая кинуть этот материал на чужое темя»⁴⁹.

Вовсе не отрицая высокую значимость «внешнего» фактора при возникновении и утверждении режимов советского типа в Восточной Европе, думается, что такое, во многом «спрямленное» толкование их социальной основы, не сопрягается с конкретной действительностью рубежа 40—50-х годов. Именно тогда компартии, превратившись в массовые, стали основным и практически единственным источником кадров. Абсолютизация «внешнего» фактора сдвигает по сути дела на периферию научного анализа принципиально важный вопрос о новом «политическом классе» — партийно-государственной номенклатуре. Рожденная коммунистической властью, она не только составила стержень социальной базы новых режимов, была активным двигателем процесса их формирования и функционирования, но и определяла диктаторский способ осуществления власти.

Научный анализ проблемы складывания партийно-государственной номенклатуры всех уровней может стать весьма перспективным для понимания внутренней логики и механизмов развития этих ре-

жимов. Он может дать ответ на вопрос, какие социальные группы вливались в номенклатуру, становились социальными носителями режимов и превращались в наиболее прочную внутреннюю социальную опору системы, просуществовавшей не один десяток лет.

Изучение проблемы социального происхождения, общеобразовательного, профессионального и культурного уровня «новых управленцев», по нашему мнению, даст возможность понять также и одну из важнейших причин появления института советских советников во всех основных сферах общественной жизни региона. Этот институт справедливо рассматривается в современной историографии в первую очередь как важнейший показатель ограничения суверенитета и нарастания зависимости стран региона от СССР. В таком контексте вся деятельность советников оценивается исключительно в негативном плане. В процессе исследования проблемы зачастую (вольно или невольно) обходится та роль, которую сыграли советские советники в деле модернизации (или создания) ряда базовых передовых отраслей промышленности, а также в развитии военно-промышленного комплекса и формировании современных армий стран Восточной Европы.

Сугубо негативная оценка во многом отражает современные общественные настроения в регионе и является реакцией на 40-летнюю зависимость от Москвы. Кроме того, нельзя сбрасывать со счета то весьма существенное обстоятельство, что в руках национальных историков не было аутентичных документов, характеризующих цели, функции и объем правомочий советников. Эти документы находятся в российских архивах и пока еще далеко не полностью введены в научный оборот. Национальные же историки пользуются, и притом далеко не всегда критически, различного рода политизированными мемуарами, отличающимися субъективным характером, а также источниками более позднего происхождения, что нередко ведет к искажению действительности. Это наиболее отчетливо проявилось в чешской историографии в работах К.Каплана, Д.Янака и З.Ирасека, в румынской — А.Попа⁵⁰.

Между тем материалы российских архивов свидетельствуют, что институт советников как сложное и многоплановое явление не может оцениваться лишь одним «знаком». По сути дела, в настоящее время в изучении этой проблемы делаются только первые шаги. Они могут стать значительно более плодотворными при сложении усилий национальных и российских историков. Исключительно важно, что понимание этого демонстрируют коллеги за рубежом, не только подчеркивающие своевременность отказа от «тотального отрицания» недавнего прошлого и необходимость доминанции в исследовательской работе таких критериев, как аргументированность, беспристрастность, научная добросовестность, но и демонстрирующие такой подход в своих работах⁵¹.

Таким образом, современная историографическая ситуация свидетельствует о том, что в настоящее время на новой документальной основе идет переоценка 40-летней истории «социалистического этапа» в развитии региона. Причем толкование периода

1949—1953 гг. испытывает наиболее сильное воздействие политической конъюнктуры, что во многом объясняется сложным, противоречивым, порой трагическим содержанием этого времени.

Авторы книги не ставили перед собой задачу воссоздать всеобъемлющую картину становления политических режимов советского типа в Восточной Европе. Исходя из состояния историографии и новой источниковой базы, они считали целесообразным сосредоточить внимание прежде всего на тех проблемах, которые недостаточно или вообще не исследованы в отечественной науке. В первую очередь имеется в виду проблема формирования нового правящего слоя и тот «инструментарий», с помощью которого он утверждал свое господство. Многоаспектность и сложность проблематики обусловили выбор авторами формы ее изложения. Книга состоит из ряда проблемно-тематических документальных очерков, написанных на региональном материале. В них через призму отношений национальной элиты с Москвой рассматриваются следующие вопросы:

- оформление системы государственной власти;
- состояние кадров и формирование партийно-государственной номенклатуры;
- монополизация информационного «поля» и попытки установления информационной блокады региона;
- внутрипартийные политические репрессии как «инструмент» второй «большевизации» компартий и внедрения принципа вождизма;
- политические репрессии как одно из средств подавления инакомыслия, упреждения оппозиции и достижения гражданского согласия;
- институт советских советников и его роль в становлении государственно-политических структур.

Авторы отдают себе отчет в том, что данный перечень проблем далеко не исчерпывает истории становления сталинизма в Восточной Европе. Мы сочли допустимым не включать в книгу в качестве отдельного очерка, например, вопрос о роли моноидеологии в тоталитарном обществе, имеющий прежде всего историко-философский характер. Предметом специального исследования могут быть и некоторые другие проблемы.

Предлагая свое видение сложного периода в развитии этих стран и их отношений с Москвой, авторы надеются, что книга послужит импульсом к дальнейшей фундаментальной разработке истории становления режимов советского типа в Восточной Европе.

Данная книга является трудом коллектива авторов. Обращение к читателю и Заключение написаны Т.В.Волокитиной, Г.П.Мурашко и А.Ф.Носковой; вводная статья «Накануне: новые реалии в международных отношениях на континенте в конце 40-х годов и "ответ" Москвы» и главы первого раздела «Социально-политические носители тоталитарной власти» — Т.В.Волокитиной. Глава IV второго раздела «Механизмы утверждения режимов советского типа» написана Т.А.Покивайловой. Остальные главы раздела — Г.П.Мурашко и А.Ф.Носковой.

Мы выражаем глубокую признательность сотрудникам российских архивов за многолетнюю помощь в выявлении необходимых документальных и иллюстративных материалов. Искренне благодарим наших коллег-историков за профессиональные консультации и советы в ходе написания и обсуждения рукописи.

Книга подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 97-01-00308).

- ¹ См. подробнее: Филитов А.М. СССР и ГДР: год 1953 // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 123—129.
- ² Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М., 1998; СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И.Тюльпанов. 1945—1949. М., 1994; Glassner G.J. Kommunismus-Totalitarismus-Demokratie. Berlin, 1995. S. 121—127; Германский вопрос глазами Сталина (1947—1952) // Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 82—117; Scherstjanoi E. Political calculation and the interpretation of Western positions as a topic: Research into Stalin's policy toward Germany (Draft paper for the conference «Stalin and the Cold war. 1945—1953». September. 1999. New Haven); Центрально-Восточная Европа во второй половине XX в. Т. 1. М., 2000. С. 268—275.
- ³ Например: Восточно-европейский социализм: Становление режима, попытки его модификации, причины краха. М., 1992; Краткая история Польши. М., 1993; Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: Миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе в 1944—1948 гг. М., 1993; Власть и интеллигенция: Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы. М., 1993; У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточно-европейские страны в 1944—1949 гг. М., 1995; Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995; Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Начало создания сошлагера // СССР и холодная война. М., 1995. С. 76—98.
- ⁴ См., например: Borkenau F. The totalitarian End. Y.L., 1959; Friedrich C.J., Brzezinski Zb. Totalitarian dictatorship and autocracy. Cambridge (Mass). 1956, 1965; Kornhauser W., Routledge L. and Keqau P. The politics of mass society, 1956; Totalitarismus in 20. Jahrhundert. Eine Bilanz der internationalen Forschung. Hrsg. E. Jesse. Bonn. 1966; Pethybridgt K. The social ingredients of stalinism. L., 1974; Schapiro L. Totalitarianism. L., 1972; Bracher K.D. Die totalitäre Erfahrung. München, 1987 и др.; см. также: Jesse E. Die Totalitarismusforschungen und ihre Repräsentanten // Aus Politik und Zeitgeschichte. B. 20/98. 8. Mai 1998. S. 3—18.
- ⁵ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993; Furet F. Le passé d'une illusion. Essai sur l'idée communiste au XX-e siècle. Paris. 1995; Reiman M. O komunistickém totalitarismu, a o tom co s nim souvisi. Karolinum Pr. 2000; Краус Т. Сталинизм как историческое явление // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе. М., 1999. С. 30—40; Россия и Германия на пути к антитоталитарному согласию. М., 2000; Випперман В. Европейский фашизм в сравнении. 1922—1982. Новосибирск, 2000. С. 16, 17, 184.

- ⁶ Арон Р. Указ. соч.; Аренд А. Истоки тоталитаризма. М., 1996; Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992; Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991; Желев Ж. Фашизмът (тоталитарната държава). София, 1990; Морен Э. О природе СССР. Тоталитарный комплекс и новая империя. М., 1995; Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
- ⁷ Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 16.
- ⁸ Там же. С. 29—32.
- ⁹ Там же. С. 21.
- ⁰ Гаджиев К.С. Тоталитаризм как феномен XX века // Вопросы философии. № 2. 1992; Чернявский Г.И. Большевизм и национал-социализм: Сравнительный анализ двух форм тоталитаризма. Харьков, 1993; Что такое тоталитаризм: Исследования зарубежных политологов. Ч. I—II. М., 1993; Тоталитаризм и антитоталитарные движения. Харьков, 1995; Бутенко А.П. Откуда и куда идем? Взгляд философа на историю советского общества. Л., 1990.
- ¹ Дьяконов Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922—1933. Неизвестные документы. М., 1992. С. 7.
- ² Чернявский Г.И. Указ. соч. С. 32—33, 35—36; Тоталитаризм как исторический феномен... С. 29.
- ³ Тоталитаризм и антитоталитарные движения... С. 61—62.
- ⁴ Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 9—11, 501—502.
- ⁵ Там же. С. 506.
- ⁶ См.: Советский Союз и страны Восточной Европы: Эволюция и крушение политических режимов, середина 40 — конец 80-х годов XX в. // История СССР. 1991. № 1; СССР и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в середине и второй половине 40-х годов // Советское славяноведение. 1991. № 6; Революция и реформы // Новая и новейшая история. 1991. № 2.
- ⁷ См., например: СССР и страны народной демократии. Становление отношений дружбы и сотрудничества. 1944—1949 гг. М., 1985; Краткая история Болгарии. М., 1987; Краткая история Чехословакии. М., 1988; Краткая история Венгрии. М., 1991; Краткая история Румынии. М., 1987; Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989; Златев З., Матеев Б., Мигев В. България в епохата на социализма. София, 1981; K dějinám socialistického Československa. Praha. 1986; Góra W. Polska Ludowa 1944—1984. Zarys dziejów politycznych. Lublin, 1986.
- ⁸ См., например: Werblan A. Stalinizm w Polsce. W., 1991; Syzdek E., Syzdek B. Józef Cyrankewicz: zanim zostanie zapomniany. W., 1996; Czubiński A. Dzieje Najnowsze Polski. T. II. Polska Ludowa 1944—1989. Poznań, 1992; Balogh S. Magyarország külpolitikója. 1945—1950. Bud. 1988; Vida J. Koalíció és párharcok. 1944—1948. Bud. 1986; Romsics J. Magyarország története a XX. században. Bud., 2000; Pünkösti A. Rákosi a hatalomert 1945—1948. Bud., 1992; Он же. Rákosi a csucson 1948—1953. Bud. 1996; Rainer M.J. Nagy Imre. Politikai életrajz. I. kot. 1896—1953. Bud., 1996; Hegedüs A. A történelem és a

- hatalom igezetében. Bud., 1988; Ślabek H. Inaczej o historii Polski. 1945—1989. W-wa, 2000 и др.
- 19 Buzatu Gh., ChirŃoiu M. Agresiunea comunismului în România. Dokumente din arhivele secrete, 1944—1989. 2 vol. Buc., 1998; Documente ale procesului LucreŃiu Pătrăşcanu. Principiul bumerangului. Buc., 1996; K politickým procesům v Československu 1948—1954. Dokumentáče komise ÚV KSČ pro rehabilitaci 1968. Sešity USD AV CR. Sv. 15. Pr., 1993; Cirkevní komise ÚV KSČ 1949—1951. Edice dokumentů. Pr.-Br., 1994; Garlicki A. Z tajnych archiwów. W., 1993; Dokumenty do dziejów PRL. Agentura informacji wojskowej w latach 1945—1956. W., 1992; Dokumenty do dziejów PRL. Aparat bezpieczeŃstwa w latach 1944—1956. Cz. 1—11. W., 1994, 1996; Raina P. Koscioł w PRL. Dokumenty. T. 1. 1945—1959. Poznań, 1994 и др.
- 20 Wojna domowa czy nowa okupacja? Polska po roku 1944. W., 1998; Spór o PRL. Wr. 1996; Syzdek E., Syzdek B. Kontrowersje wokół oceny dziejów PRL // Dziś № 5. 1999. S. 74—82; Syzdek B. Nowe spójrzzenie na PRL // Myśl socjaldemokratyczna. 1999. № 2. S. 106—109; Paczkowski A. Pól wieku dziejów Polski 1934—1983. W., 1995; Albert A. (Roszkowski W.) Najnowsza historia Polski. 1914—1993. T. 11. Londyn, 1994; Kersten K. Między wyzwoleniem a zniewolnieniem. Polska 1943—1956. Londyn, 1993; Kuroń J., Żakowski J. PRL dla początkujących. W., 1995; Eisler J. Zarys dziejów politycznych Polski. 1944—1989. W., 1992; Kaplan K. Československo v letech. 1948—1953. Zakladatelské období komunistického režimu. Praha, 1991; Bilek J. Pomocní technické prapory 1950—1954. Sešity ÚSD AVČR sv. 3. Praha, 1992; Hejl V. Zprava o organisovaném nasili. Pr., 1990; Deletant D. România sub regimul communist. Buc., 1997; Barbulescu M., Deletant D., Hitchins K., Papacostea Ş., Teodor P. Istoria României. Buc., 1998; Tânase S. Anatomia mistificării 1944—1989. Buc., 1997; Он же. Elite şi societate. Guvernarea Gheorghiu-Dej. 1948—1965. Buc., 1998; Шарланов Д. Тиранията. Жертви и палачи. София, 1997; Чачевски В. Българският комунизъм. София, 1993; Петров Г. Крахът на тоталитарната икономика. София, 1990.
- 21 Od diktatury k diktature. Slovensko v rokoch 1945—1953 / Ed. by M. Barnovský Br., 1995; V tieni totality. Perzekuce na Slovensku v začatkach komunistickej totality (1948—1953) / Ed. Pešek. Br., 1996; Pešek J. Odvrata na tvar totality. Politické persekucie na Slovensku v rokoch 1948—1953. Br., 1998; Constantiniu Fl. O istorie sinceză a poporului român. Buc., 1999; Frunză V. Istoria comunismului în Romania. Buc., 1999; Werblan A. Stalinizm w Polsce. W., 1991; Czy Polska była panstwem totalitarnym. Stenogram konwersatoriumz dnia 19.XII.1990. W., 1991; Kersten K. Narodziny systemu władzy. Polska. 1943—1948. Lublin, 1989; Баева И. Полша, Чехословакия и Унгария в годините на «униформения социализъм» // Утопия и реалност. София, 1991; Марчева И. Съветският модел в българската икономика. Основни проблеми, идеи и перспективи на изследване // Исторически преглед. 1996. № 3; Мигев В. Утвърждаване и разгръщане на сталинския модел на социализма в България. 1948—1953 г. // Страници от българската история. Събития. Размисли. Личности. Кн. 2. София. 1993; Он же. По въпроса за установяването на съветския модел на социализма в България (1948—1951) // Исторически преглед. 1996. № 5.

- 22 Torańska T. Oni. W., 1997; Turlejska M. Te pokolenia załobami czarne... Skazani na śmierć i ich sędziowie. 1944—1954. W., 1990; Poksiński J. «TUN» Tatar-Utnik-Nowicki. W., 1992; Он же. Spisek w wojsku. Victis Honos. W., 1994; Błażyński Z. Mówi Józef Swiatło. Za kulisami bezpieki i partii. L., 1985; Marat St., Snopkiewicz J. Ludzie bezpieki. Dokumenty czasu bezprawia. W., 1990; Boldur-Lăjescu G. Genocidul comunist în România. Vol. 1. Buc., 1992; Tismăneanu V. Arheologia terorii. Buc., 1966; Он же. Fantoma lui Gheorghiu-Dej. Buc., 1995; Anii 1949—1953. Mecanisme terorii. Anale Sighet 7. Buc., 1999; Törvenytelen szocializmus. A tényfeltároló bizottság jelentése. Bud. 1991; Ivanov M. Justičná vražda aneb smrt Milady Horakové. Pr., 1991; Utitz B. Neuzavřena kapitola. Politické procesy padesátých let. Pr., 1990; Kaplan K. Největší politický proces M. Horakova a spol. Pr., 1995; Hejl V. Zpráva o organizovaném násilí. Pr., 1990; Statná bezpečnosť na Slovensku 1948—1953. Br., 1996; V tieni totalitaritu. Politicke perzekucie na Slovensku v rokoch (1948—1953) / Ed. J. Pešek. Pr., 1996.
- 23 Courtois St., Werth N., Panne J.L., Paczkowski A., Bartosek K., Margolin I.L. Le livre noir du communisme. Paris, 1997; Куртуа С. и др. Черная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии. Пер. с фр. яз. М., 1999.
- 24 Верт Н. Сравнивая нацизм и сталинизм сегодня // Россия и Германия. На пути к антитоталитарному согласию. М., 2000. С. 175.
- 25 Букмиллер М. О дискуссии по поводу «Черной книги коммунизма» // РГАСПИ. Научно-информационный бюллетень. Вып. 2(12). Специальный. М., 2000. С. 9—11.
- 26 Чубарьян А.О. Вопросы в ходе совместной дискуссии о тоталитаризме // Россия и Германия на пути к антитоталитарному согласию. М., 2000. С. 17.
- 27 Reiman M. O komunistickém totalitarismu... S. 63—70.
- 28 См.: Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе. М., 1999; Literární noviny. С. 16/21.4.1999; H. Slabek. Inaczej o Historii Polski. 1945—1989. W., 2000. S. 230—231, 237; Kolakowski L. Cóż tam, panie w bibliotece // Gazeta Wyborcza 22/23 maju 1999.
- 29 См.: Куртуа С. и др. Черная книга коммунизма. С. 5, 13, 32.
- 30 Букмиллер М. Указ. соч. С. 12.
- 31 См., например, дискуссию: Wojna domowa czy nowa okupacja? Polska po roku 1944. W.-Kr. 1998; NKWD i polskie podziemie 1944—1945. Z «teczek specjalnych» Józefa W. Stalina. Kr., 1998; Poślowie II. S. 421—444.
- 32 Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K., Papacostea Ș., Teodor P. Istoria României... P. 487—515; Rataj J. Komunistické Československo. С. 1. 1948—1960. Zapadočeská univerzita. 1995.
- 33 Diskusia nad historia PRL... S. 20.
- 34 Германский вопрос... С. 120.
- 35 Богданова Р. Българският вариант на десталинизация (1953—1956) // Исторически преглед. 1997. Кн. 4. С. 35.
- 36 См., например: Torańska T. Oni. W., 1997; Kaplan K. Mocni a bezmocni. Toronto. 1989.
- 37 См., например: Kaplan K. Pět kapitolů o únoru. Pr., 1996. S. 353; Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. Т. 1. 1944—1948. М., 1999. С. 552.

- 38 Вовканич І. Чехословацький «переможний лютий» 1948 р. в сучасній чеській та російській історіографії // Український історичний збірник. 1999. Київ. 2000. С. 285; NKWD i polskie podziemie... S. 429.
- 39 Chyliński J. Jaki był Bolesław Bierut. Wspomnienia syna. W., 1999. S. 170.
- 40 См. подробнее: Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Советский фактор в послевоенной Восточной Европе. 1945—1948 // Советская внешняя политика в годы «холодной войны». М., 1995; Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953. Т. 1. 1944—1948. С. 5—19; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. Т. I, II. М.; Новосибирск, 1997, 1998.
- 41 Spór o PRL... S. 112; См. также: Weyner J. Sternicy: od Nowotki do Rakowskiego. W., 1997. S. 78, 80.
- 42 См., например: Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. Док. 171, 302, 304; Советский фактор в Восточной Европе... Т. I. Док. 216, 218, 219.
- 43 См.: Informator o nielegalnych antypaństwowych organizacjach i bandach zbrojnych działających w Polsce Ludowej 1944—1957. W., 1964; Kołakowski L. PRL — wesoły nieboszczyk // Spór o PRL... S. 151—152.
- 44 См.: Kaplan K. Největší politický proces... Brno. 1995; Pešek I. V tieni totality...
- 45 Rezistența anticomunistă în România. 1945—1965 // Arhivele totalitarismului. № 2—3. 1996; Brișca A. Rezistența anticomunistă din Bucovina // Arhivele totalitarismului. № 1. 1993. С. 99—102; Ionițoiu C. Rezistența armată anticomunistă din munții României 1946—1958. Buc., 1993; Grigore Olimp Joan «Mână albă». Rezistența anticomunistă în România // Magazin istoric. № 3. 1993.
- 46 См.: Kaplan K. Československo v letech 1948—1953. S. 4—10; Kaplan K. Pět kapitolů o únoru... S. 541; Kuroň J., Zakowski J. PRL dla początkujących. Wr., 1995. S. 62—66; Friszke A. Opozycja polityczna w PRL. 1945—1980. Londyn, 1994. S. 71; Мигев В. Утвърждаване и разгръщане на сталинския модел на социализма в България... С. 60—62, 69.
- 47 См.: Kaplan K., Tomašek D. O cenzuře v Československu v letech 1945—1956 Sešity ÚSD AVČR. Sv. 22. Pr., 1994; Mysliński J. Mikrofon i polityka. Z dziejów PRL. Główny Urząd Kontroli Prasy. 1945—1949. W., 1994; Ficeac B. Cenzura comunistă și formarea «omului nou». Buc., 1999.
- 48 Holzer I. Historia nie zna bilansów. Refleksje o dziejach PRL // Spór o PRL... S. 34.
- 49 Сирков Д. История и политика // Минало. 1996. № 1. С. 76.
- 50 См.: Kaplan K. Sovětské poradcí v Československu v letech 1949—1956. Sešity ÚSD AVČK. Pr., 1993; Janak D., Jirasek Z. Sovětské paradcí a ekonomický vývoj v Ostravsko-karvinském revíru. Opava, 1996. Pop A. 1950. Legația S.U.A. informează: dominația U.R.S.S. asupra României nu poate fi slăbită // Magazin istoric. 2001. № 4. P. 40—45.
- 51 См.: Зафиров Д. Съветските военни инструктори в БНА — принос и негативи // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София, 2000. С. 312—329.

НАКАНУНЕ: НОВЫЕ РЕАЛИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА КОНТИНЕНТЕ В КОНЦЕ 40-х годов И «ОТВЕТ» МОСКВЫ

Победоносное завершение Второй мировой войны сделало Советский Союз одним из признанных мировых лидеров. Встречи «большой тройки» в Тегеране и Ялте (1943 г., 1945 г.) зафиксировали фактическое признание советского государства великой державой. Весной 1945 г. СССР вошел в состав Совета безопасности ООН в качестве постоянного члена. Сталин по праву победителя стал влиятельным политическим партнером западных держав.

Победа, явившись зримым доказательством жизнестойкости советского политического строя, безусловно, консолидировала советское общество вокруг своего, обретшего харизму лидера, затушевала, пусть временно, преступные стороны сталинского режима в массовом сознании советских людей и в мировом общественном мнении. Передавая настроения тех дней, писатель В. Некрасов, автор известной повести «В окопах Сталинграда», уже в наши дни отмечал: «Победителей не судят! Увы! Мы простили Сталину все! Коллективизацию, 37-й год, расправу с соратниками, первые дни поражения»¹.

«Поколение победителей» явилось по существу новым социумом с общими проблемами, схожими настроениями, желаниями, стремлениями. Принесенный с войны дух фронтового братства еще долгие годы определял атмосферу в советском обществе². И хотя социально-психологическая характеристика последнего не была однозначной, отношение к системе, прошедшей, как подчеркивалось официальной пропагандой, проверку на прочность в годы войны, в целом было позитивным. Это привело, по некоторым наблюдениям, к усилению процесса догматизации режима³. При этом и те из советских людей, кто критически оценивал отдельные элементы системы, «не могли даже представить какой-либо другой», — свидетельствует писатель В. Кондратьев⁴. Анализируя состояние послевоенного общества, нельзя не отметить это характерное противоречие. «Победа, — пишет историк Е. Ю. Зубкова, — принесла с собой дух свободы, но наряду с этим создала психологические механизмы, блокирующие дальнейшее развитие этого духа, механизмы, которые стали консерваторами позитивных общественных процессов, зародившихся в особой духовной атмосфере военных лет»⁵ и выразившихся прежде всего в готовности к демократическим переменам.

Приобретя статус великой державы, Советский Союз вместе с тем оказался на международной арене в весьма сложном положении. Французский исследователь Н.Верт оценил его как «в высшей степени парадоксальное»⁶, понимая под этим существенный разрыв между видимой ситуацией и реалиями в раскладе сил. В общественном сознании и среди руководства стран — союзниц СССР по антигитлеровской коалиции, безусловно, еще продолжал действовать «эффект Сталинграда», однако подкрепить политический и военный авторитет соответствующим экономическим потенциалом советская сторона была не в состоянии: понеся колоссальные потери, людские и материальные, лежавшая в руинах страна, хотя и обладала мощным военным производством, тем не менее не могла соперничать с Западом, и прежде всего в сфере новых технологий (машиностроение, электротехническая и атомная промышленность)⁷. Отмеченная выше парадоксальность внешнеполитической ситуации в реальной политике была чревата серьезными издержками для СССР. Понимание этого потребовало от советского руководства четкого определения своего стратегического курса в условиях складывавшегося биполярного мира.

Будучи политиком-реалистом, Сталин признавал перспективу возникновения двухполюсного мира и не верил в бесконфликтное существование «полюсов». В целом он не отбрасывал как возможность урегулирования отношений между ведущими державами, так и игры на противоречиях, существовавших между империалистическими государствами. Тегеранско-Ялтинская схема устройства мира становилась в этих условиях полем для больших компромиссов обеих сторон и до определенного времени устраивала последних⁸.

Выстраивая свою внешнеполитическую линию, Москва исходила из концепции сфер или зон влияния. В сферу особых интересов СССР входила, в частности, Восточная Европа. Геополитическое положение стран региона — между СССР и Германией, роль Советского Союза в разгроме фашизма определили признание западными партнерами по коалиции приоритета СССР в этой части континента. Зная о поддержке советским руководством Временного правительства Польши, министр иностранных дел Великобритании А.Иден в беседе с главой польского правительства в эмиграции Ст.Миколайчиком 11 января 1945 г. заявил, что «в недалеком будущем» английская сторона будет вынуждена признать временное люблинское правительство и «ввиду этого отказаться от признания польского правительства в Лондоне». А президент США Ф.Рузвельт в письме Сталину от 6 февраля 1945 г. подчеркивал: «...Соединенные Штаты никогда не поддержат каким-либо образом любое временное правительство в Польше, которое было бы враждебно Вашим интересам»⁹. Понятно, что «частный» польский сюжет сфокусировал и отразил общий подход американской стороны к признававшемуся ею праву Советского Союза на восточно-европейскую сферу влияния.

Восточно-европейский регион рассматривался Москвой в первую очередь как пояс безопасности советского государства по западному и балканскому периметру советских границ. Причем, как показывают документы, советское руководство отождествляло сферу безопасности со сферой интересов СССР*. Внимательное прочтение некоторых материалов, готовившихся в аппарате НКВД СССР и предназначенных сугубо для внутреннего пользования, а посему предельно откровенных и деидеологизированных, дает, на наш взгляд, основание для подобного вывода и не позволяет рассматривать идею пояса безопасности как чистой воды риторику, как это предлагают некоторые отечественные исследователи¹¹.

К числу таких материалов, бесспорно, может быть отнесена знакомая исследователям разработка крупного советского дипломата И.М.Майского, представленная 10 января 1944 г. наркомом иностранных дел В.М.Молотову¹².

Основная «общая установка» Майского заключалась в формулировании центральной внешнеполитической задачи СССР на послевоенное время — добиться гарантии безопасности Советского Союза и сохранения мира «в течение длительного срока» («минимум 30 — максимум 50 лет»). Из этого срока 10 лет отводилось на «залечивание ран», нанесенных Советскому Союзу войной. Принципиально важно подчеркнуть приоритет задач внутреннего характера, решению которых предстояло подчинить все усилия на внешнеполитическом фронте. За указанные 30—50 лет СССР должен был стать могущественной державой, которой не страшна никакая агрессия. Континентальной Европе предстояло за это время превратиться в социалистическую, что в принципе, по мысли Майского, исключило бы любые новые войны. В записке Майского многократно подчеркивалась острая необходимость сохранения хороших отношений СССР с западными партнерами, прежде всего с США и Англией, как с точки зрения решения экономических задач СССР, так и сохранения мира. Главный приоритет — создание эффективной системы безопасности в Европе — сознательно отодвигал на второй план социалистическую перспективу развития континента. При таком подходе пролетарские революции в Европе становились серьезной помехой, и их следовало оттянуть на указанный срок. Несложный подсчет показывает, что «социализация» континента, таким образом, должна была завершиться минимум к 1974, — максимум к 1994 г., то есть в наше время. В качестве альтернативы пролетарским революциям рассматривался режим, базировавшийся «на принципах широкой демократии, в духе идей Народного фронта». Ключевой вопрос о Германии предлагалось

* Заслуживает внимания оценка внешнеполитического курса Советского Союза, данная М.М.Литвиновым корреспонденту Си-Би-Эс в Москве Р.Хоттлетту в июне 1946 г.: в России произошел «возврат к вышедшей из моды концепции безопасности, основанной на расширении территории — чем больше вы ее имеете, тем выше ваша безопасность»¹⁰.

решить таким образом, чтобы на протяжении указанных 30—50 лет Германия, неся заслуженное наказание, была фактически лишена возможности войти на равных в число ведущих европейских государств.

Заметим, что «рабочий» документ Майского в части, касавшейся «обезвреживания» Германии и недопущения новой агрессии с ее стороны, был озвучен Сталиным 28 апреля 1944 г. в беседе со Ст. Орлеманьским*. В лице Орлеманьского, активно выступавшего за сотрудничество Польши и СССР в борьбе против Германии, Сталин, безусловно, нашел благодарного слушателя, когда подробно развивал в беседе свое видение решения германской проблемы. «...Промежутки между актами агрессии Германии все сокращаются, — говорил Сталин. — Первый промежуток (между нападением Германии на Францию в 1870 г. и началом Первой мировой войны. — *Авт.*) был в 40—42 года, второй промежуток в 21 год, считая от 1918 до 1939 года... Германия сможет в какие-нибудь 15 лет возродиться. Поэтому мы должны думать не только о том, как кончить нынешнюю войну, которую мы, возможно, окончим победой, но и о том, что будет через 20 лет, когда Германия восстановит свои силы»¹³. Реплику Орлеманьского о том, что «если между Россией и Польшей будет дружба, то немцы не пойдут на восток. Они пойдут тогда на запад», Сталин парировал: «...Мы не пустим немцев и на запад, поскольку Россия и Польша будут также в союзе с западными странами — Англией и Францией»¹⁴.

В это время, судя по документам, Сталин активно размышляет над идеей славянского союза. Можно предположить, что послевоенная система безопасности, острие которой следовало направить против Германии, виделась ему как конструкция, включающая и объединение славянских государств. Не случайно в упомянутой выше беседе с Орлеманьским Сталин говорил о своей «мечте» — «возродить политику Грюнвальда** на широкой основе»¹⁵. Во время встречи с Ст. Миколайчиком 9 августа 1944 г. Сталин счел необходимым разъяснить основы такого союза, разграничившись со старым, «царским», славянофильством: «У нас нет политики покорения каких-либо славянских народов. В этом смысле мы против славянофильства, которое предполагает, что Россия должна быть во главе славянских народов и что эти славянские

* Орлеманьский Ст. — американский католический священник польского происхождения, занимал видное положение среди польской диаспоры в США. В Москву приехал по приглашению советской стороны в связи с решением вопроса о создании в Польше коалиционного правительства, альтернативного лондонскому правительству в эмиграции, с которым с 1943 г. у СССР были прерваны дипломатические отношения.

**15 июля 1410 г. около деревни Грюнвальд войска Польши и Великого княжества Литовского под руководством Владислава II Ягелло окружили и нанесли поражение немецкому Тевтонскому ордену, положив конец продвижению тевтонов на восток.

народы должны быть угнетаемы Россией. Мы признаем равенство прав славянских народов»¹⁶. Последующий ход событий показал, что в заявлении советского лидера демагогическая и пропагандистская составляющие занимали важное место. Вместе с тем Сталин по-видимому считал возможным убедить собеседников в своей искренности и явно стремился донести мысли о «новом» славянофильстве до возможно более широкого круга слушателей. На приеме болгарской и югославской делегаций 28 января 1945 г. он высоко оценил перспективу оборонительного союза славянских народов, подчеркнув: если «старое славянофильство» выражало стремление царской России подчинить другие славянские народы», то «наше славянофильство — совсем другое...» Его цель — объединить славянские народы как равные для общей защиты своего существования и будущего¹⁷. В апреле 1945 г. во время пребывания югославской делегации во главе с Й. Броз Тито в Москве Сталин вновь поднял вопрос об опасности для всеобщего мира восстановления Германии. Парируя реплику одного из присутствовавших о том, что немцам для восстановления потребуется более 50 лет, Сталин заметил: «Нет, они восстановятся, и притом очень быстро. Дайте им 12—15 лет, и они опять встанут на ноги. Вот почему так важно единство славян... Если славяне будут едины и солидарны, никто в будущем не сможет даже пальцем пошевелить»¹⁸. (Заметим, что срок, отпускаящийся Сталиным Германии на восстановление ее экономического и военного потенциала, не оставался неизменным. На приеме в Кремле 23 июня 1945 г. по случаю создания в Польше Временного правительства национального единства Сталин говорил: «История нас учит, что не нужно долго ждать восстановления немецкой силы. Хватит шести лет, и Германия снова может возродить свою силу и угрожать новой войной»¹⁹.) И наконец, осенью 1945 г. в ходе обсуждения работы журнала «Славяне» в Отделе международной информации ЦК ВКП(б) до участников совещания довели мнение Сталина о характере будущего союза славянских народов: «Это не царский великодержавный панславизм, а это союз равных славянских государств». Во время обсуждения была подтверждена четкая антигерманская направленность союза: «Если до сих пор в истории немецкий народ нарушал мир в Европе и варварскими войнами наносил неисчислимый ущерб всем народам, а особенно народам славянским, то рождающийся теперь постоянный союз этих славянских народов раз-навсегда противопоставится немецкой агрессии и явится основой мира в Европе»²⁰. Союз, действительно, рождался. Конкретные шаги по его созданию были предприняты еще в военное время заключением в 1943 г. советско-чехословацкого договора. В апреле 1945 г., уже в самом конце войны, были подписаны аналогичные советско-югославский и советско-польский договоры. (В последнем говорилось и о необходимости подписания договора между Венгрией и Польшей.) Они стали своего рода несущей конструкцией в будущем объединении государств Восточной Европы, призванном обезопасить западные границы СССР.

Славянская идея находила определенную поддержку среди видных политиков того времени. В частности, о необходимости «общей славянской политики» неоднократно говорил президент Чехословацкой республики Э.Бенеш²¹.

Важно заметить, что в это время, как показывают документы, наблюдалась тенденция безосновательного расширения «славянской семьи», рожденная, несомненно, конъюнктурными соображениями. В беседе с главой делегации Национального комитета освобождения Югославии А.Хебрангом 9 января 1945 г. Сталин бросил реплику о том, что «албанцы тоже славяне по происхождению»²². А вице-председатель Национал-царанистской партии Румынии Н.Лупу, излагая 18 апреля 1945 г. политсоветнику СКК А.П.Павлову свою теорию происхождения румын, назвал их «народом, родственным славянам»²³.

Таким образом, как нам представляется, тенденция обозначить контуры будущего союза восточно-европейских стран, прежде всего как объединения славян, была налицо. Отсюда и поиски славянских «корней» у народов, имевших абсолютно иное этническое происхождение. Ясно, что подобные натяжки были призваны обслужить решение серьезных геополитических задач. Впоследствии идея славянского союза постепенно сошла на нет, однако в массовом сознании, как показали дальнейшие события, она продолжала существовать. Более того, время от времени, подобно солнечным протуберанцам, она и в наши дни появляется на политическом небосклоне, используемая политиками, как правило, в конъюнктурных целях.

Создание пояса безопасности предполагало наличие в малых странах Восточной Европы дружественных СССР режимов. Именно этот момент становился решающим для советской стороны, определяя демонстрировавшееся на том этапе мнимое «безразличие» Москвы к характеру устанавливаемых там «порядков»²⁴. «Германский фактор», под которым понималась прежде всего боязнь новой агрессии, не только играл ключевую роль в определении региональной политики Советского Союза, но и серьезно влиял на формирование внутривосточных блоков и коалиций политических сил в самих странах региона, выражаясь, в частности, в их активной переориентации на СССР²⁵.

В исторической литературе нередко говорится о нереальности германской угрозы в то время. «Можно констатировать: после войны у советского государства не было ярко выраженного внешнего и внутреннего врага», — пишет, например, историк А.В.Фатеев²⁶. Подобная констатация, приводимая без каких-либо комментариев, по нашему мнению, способна подвести читателя к выводу о спекулятивных действиях советской стороны, использовавшей мифическую «германскую угрозу» в собственных геополитических целях. Заметим, однако, что возможная германская угроза сильно беспокоила и западных союзников СССР. Британское правительство, например, не исключало создания в перспективе «общей системы обороны против Германии». В качестве ее важ-

нейшей составляющей виделась «система региональной обороны в Западной Европе», но при этом допускалось создание «каких-либо [аналогичных] объединений» антигерманской направленности и в Восточной Европе. «Единственной исключительной целью» создания таких объединений было намерение «сдержать Германию». Об этом, в частности, шла речь в беседе В.М.Молотова с послом Великобритании в Москве А.Кларком Керром 28 ноября 1944 г. Советскую сторону, как следует из записи беседы, весьма беспокоил вопрос о характере и направленности будущего «западного блока»²⁷. В этом же русле прозвучало заявление госсекретаря США Д.Бирнса, сделанное им по ходу консультаций с В.М.Молотовым 20 сентября 1945 г. в Лондоне. Констатируя, что «американский народ исполнен решимости не допустить Германии вооружаться», Бирнс осторожно поставил вопрос о возможном договоре между СССР и США с целью «держать Германию разоруженной в течение 20—25 лет»²⁸. Таким образом, с учетом вышеизложенного можно констатировать, что на рубеже войны и мира «германский фактор» рассматривался как своего рода «невралгический узел» будущей европейской политики, и задача недопущения новой агрессии со стороны Германии выдвигалась союзниками как вполне актуальная.

Выступая на основе международных договоренностей главным гарантом послевоенного общественного развития в Восточной Европе, советская сторона, безусловно, учитывала и внутренний фактор, важной составляющей которого являлось состояние общества в регионе, его настроения²⁹. В странах Восточной Европы к окончанию войны идеи фашизма потерпели крах, а их политические носители утратили социальную поддержку среди подавляющей части общества. Антидемократические режимы, прямо или косвенно связанные с фашизмом, стали восприниматься в оккупированных странах как непосредственные виновники утраты государственного суверенитета, а в странах-сателлитах — как виновники трагедии втягивания в войну на стороне фашистской Германии и поражения в ней. В массовом сознании господствовали стремления к демократии и решению на ее основе послевоенных задач общенационального масштаба, и именно эти стремления стали основным вектором общественного развития, превратились в консолидирующий фактор, определивший новую политико-психологическую атмосферу в регионе.

Безусловно, общим знаменателем общественных настроений стали антифашизм и демократизм. Однако представления о демократии, о путях движения к ней располагались в достаточно широком диапазоне. Уже к концу войны четко определились три центра притяжения различных социальных сил. Вокруг одного из них объединились те довоенные партии и группировки, которые видели для себя образец в западно-европейской демократии, сочетавшей элементы либерализма, свободы личности и республиканского парламентаризма. Другой центр начал постепенно формироваться вокруг социалистических (социал-демократических) и ком-

мунистических партий, выступавших от имени рабочего класса. На этом этапе социализм — стратегическая цель рабочего движения рассматривался ими как перспектива, как генеральный ориентир, временно уступив место приоритету общенациональных задач. Однако решение последних мыслилось различными методами. Условно можно говорить о двух вариантах действия: в рабочем движении были представлены как сторонники принципов либеральной представительной демократии, интерпретировавшихся прежде всего с точки зрения обеспечения интересов социально слабых слоев, так и протагонисты немедленных «революционных» акций. Третий центр был представлен организованным крестьянским политическим движением. Отстаивая особые интересы мелких производителей, тяготевшие к этому центру крестьянские партии выступали с позиций либерализации и демократизации общественных порядков. Все три центра претендовали на руководящую роль в послевоенной общественной жизни, характеризовавшейся политическим плюрализмом.

Различия подходов сторонников этих центров к определению перспектив развития поначалу не могли перевесить имевшиеся центристские тенденции: готовность различных политических сил ко взаимодействию во имя решения общенациональных задач (переход к демократии, восстановление экономики, урегулирование национально-территориальных проблем, стабилизация международного положения). Конкретным выражением такого взаимодействия явилась коалиционная система власти.

Вместе с тем анализ социальной структуры общества в странах Восточной Европы, его социокультурные характеристики объясняют появление уже непосредственно после войны тенденции, составившей альтернативу демократии. Основным ее выразителем стала в первую очередь та часть коммунистического движения, которая была готова следовать большевистским доктринальным установкам и содействовать немедленному переходу к социализму по советскому образцу. Свою социальную опору носители данной тенденции справедливо усматривали в обнищавшей за годы войны, но политически активизировавшейся леворадикальной части рабочего класса, крестьянства, мелких городских слоев и интеллигенции, пополнившихся маргинальными группами. Советский Союз и особенно Красную Армию эти слои рассматривали как своего главного «классового союзника», присутствие которого в Восточной Европе усиливало социальные надежды и политические амбиции, что само по себе вело к возникновению атмосферы революционного нетерпения и, как следствие, к «выбросам» левого радикализма.

Наличие сравнительно широкого спектра социально-политических сил в условиях существования в большинстве стран региона общества, не имевшего отработанных механизмов достижения компромиссов и социального согласия, с одной стороны, было чревато нарастанием центробежных тенденций, а с другой, усиливало зависимость изменений на политической сцене от воздействия внешнего, в первую очередь, советского фактора. Акцент на

последний вовсе не означает, что исследование влияния «западного фактора» в регионе не имеет перспектив. Мы склонны разделить позицию российского исследователя И.И.Орлика, согласно которой в рассматриваемое время стратегия Запада, определявшаяся его государственными интересами, обусловила постепенное снижение активности «западного фактора» в регионе. Несомненным приоритетом для Запада и прежде всего для США являлся курс на реализацию американской стратегии в Западной Европе³⁰.

В странах Восточной Европы существовало множество не только внутри-, но и внешнеполитических ориентаций, и советской стороне нужно было найти некую равнодействующую, которая позволила бы сохранить сотрудничество с западными державами в Европе на антигерманской основе и объединить во имя решения общенациональных задач разнородные политические силы в самом регионе. Отсюда поддержка Москвой в странах Восточной Европы коалиционных способов осуществления власти. При этом обязательным условием было участие в коалициях коммунистов, которые еще совсем недавно находились на периферии общественной жизни. С основанием можно констатировать, что, выстраивая внешнеполитическую линию по отношению к странам региона, советская сторона экстраполировала апробированные принципы сотрудничества в рамках антигитлеровской коалиции как на внешнюю, так и на внутреннюю политику правящих коалиций в Восточной Европе. Такой подход открывал для Советского Союза возможность не осложнять отношений с Западом, а для малых стран — избежать однонаправленной ориентации их политики — только на СССР. Выражая соответствующие настроения болгарского общества, один из членов крестьянской партии БЗНС (Болгарского земледельческого народного союза) заявил: «Мы хотим иметь в комнатах окна со всех сторон, а не только на север — к Советскому Союзу...»³¹

Подобная позиция для советской стороны была наиболее приемлемой и выгодной с политической точки зрения. В 1944—1945 гг. Сталин неоднократно подчеркивал необходимость для восточно-европейских политиков иметь дружественные отношения как с Советским Союзом, так непременно и с западными державами. Так, в упомянутой выше беседе со Ст.Миколайчиком в Москве 9 августа 1944 г. в ответ на заявление польского лидера, что «между Польшей и Советским Союзом будут установлены доверие и дружба», Сталин подчеркнул: «Польша должна иметь также союз с Англией, Францией и США». Эту же мысль Сталин выразил перед членами польской делегации, находившейся в Москве в июне 1945 г. в связи с созданием Временного правительства национального единства: «Польша будет большим и сильным государством. Для такой Польши недостаточно только союза с одним государством. Она должна иметь союзы с несколькими большими государствами. Польше нужны союзы с Западными государствами, с Великобританией, Францией, и дружественные отношения с

Америкой... Польше нужно заключать новые союзы»³². Аналогичная линия проводилась и при разборе в марте 1945 г. в Наркомате иностранных дел СССР проекта Кошицкой правительственной программы, представленной чешскими коммунистами. Знакомившийся с проектом заведующий IV европейским отделом НКВД СССР В.А.Зорин заметил, что внешнеполитический раздел «лишен чувства меры в вопросе об отношении к Советскому Союзу и единству славянских народов», и предложил так исправить формулировки, чтобы «при сохранении ориентации Чехословакии на Советский Союз и на укрепление единства славянских народов подчеркнуть также укрепление дружественных отношений Чехословакии с Англией, США, Францией и др[угими] объединенными нациями»³³. Подобные примеры можно продолжить.

Такая позиция Москвы давала малым странам региона возможность достигать социально-политических компромиссов в обществе, избегать острого внутривнутриполитического конфликта, сообща решать наиболее назревшие и актуальные общенациональные задачи. На основе такого подхода возникла концепция «национального пути» к новому общественному строю, реализовывавшаяся с разной мерой последовательности в странах региона как модель переходного поливариантного общества³⁴. В истории она получила название народной демократии. Концепция «национального пути» находила отклик не только в коммунистических, но в социалистических (социал-демократических) и либерально-демократических кругах. В Чехословакии, например, именно крупнейший деятель либеральной демократии президент Чехословацкой республики Э.Бенеш внес заметный вклад в формирование данной концепции. Его рассуждения о специфичности перехода к социализму в разных странах получили в ЦК ВКП(б) название «формулы Бенеша». «Социалистические мероприятия, — говорил, в частности, Бенеш, — следует осуществлять мирным путем, без диктатуры пролетариата, без применения определенных теорий марксизма-ленинизма. Я думаю, что в развитии человечества мы достигли уже такого периода, когда это стало возможным»³⁵.

Советским руководством, судя по архивным документам, идея «национального пути» к социализму как руководство к действию была воспринята на завершающем этапе войны в связи с прогнозированием развития событий в освобождаемых от фашизма странах. Краткая запись в одном из рабочих блокнотов А.А.Жданова, относящаяся приблизительно к лету 1944 г., свидетельствует, что для занимаемых Красной Армией Австрии, Венгрии, Германии, а также для стран — соседей СССР как наиболее вероятный мыслится «мирный переход к социализму»³⁶. Материалы подтверждают, что в это понятие советское руководство поначалу вкладывало тактику демократического блока как основную. В ряде бесед с руководителями компартии Финляндии в марте—мае 1945 г. советская сторона довольно подробно охарактеризовала главные положения этой тактики: коммунистам «нельзя изолироваться от других партий» парламента, чтобы не оказаться в условиях «блестя-

щей изоляции»; демократический блок создается «не на принципе персональных комбинаций, а на основе определенной платформы»; блок — не временная комбинация для раздела мест в правительстве. Он «должен быть прочным и постоянно действующим сотрудничеством фракций на основе выполнения принципиальной платформы...» Параллельно формулировались и такие задачи коммунистов, как захват в свои руки «определенных командных постов», проникновение в госаппарат, приобретение навыков в управлении государством³⁷. Иными словами, в демократическом блоке коммунистам следовало наращивать свои успехи.

Не отказалось советское руководство от этой идеи и годом позже. В 1946 г. Сталин в беседах с зарубежными политическими лидерами и интервью неоднократно подчеркивал некоторые существенные черты мирного перехода к социализму, «национального пути». Во время встречи с К.Готвальдом в июле 1946 г. Сталин назвал те страны (Югославия, Болгария, Чехословакия, Польша), в которых, по его мнению, был возможен свой, особый путь к социализму. Этот путь не требовал «введения» советской системы и диктатуры пролетариата. «Наш путь был краткий, быстрый и стоил много крови и жертв. Если вы можете это обойти, — обойдите, — говорил Сталин. — Ту цену крови и жертв, которую нужно было принести, уже принесла Красная Армия»³⁸. Возможность отказа при продвижении к социализму от основных, наиболее одиозных постулатов коммунистической доктрины, Сталин констатировал в интервью газете «Дейли Геральд» в августе 1946 г. Советский лидер указал на опыт английского, «парламентского», социализма, особо подчеркнув его мирный характер. «Русский путь был короче, но труднее, сопровождался кровопролитием...», в то время как английский путь — это «более длительный процесс», — говорил Сталин³⁹.

Но, пожалуй, наиболее детальную и развернутую характеристику строя новой демократии как «национального пути» к социализму Сталин дал в беседе 23 мая 1946 г. с польскими лидерами коммунистом Б.Берутом и социалистом Э.Осубка-Моравским. «В Польше нет диктатуры пролетариата, и она там не нужна, — говорил Сталин. — У нас были сильные противники, мы [в России] должны были свалить трех китов — царя, помещиков и довольно сильный, разбавленный иностранцами класс русских капиталистов. Для того чтобы одолеть эти силы, нужна была власть, опирающаяся на насилие, то есть диктатура. У вас положение совершенно иное. Ваши капиталисты и помещики в такой степени скомпрометировали себя связями с немцами, что их удалось смять без особого труда. Патриотизма они не проявили. Этого "греха" за ними не водилось. Несомненно, что удалить капиталистов и помещиков в Польше помогла Красная Армия. Вот почему у вас нет базы для диктатуры пролетариата. Строй, установленный в Польше, это демократия, это новый тип демократии. Он не имеет прецедента. Ни бельгийская, ни английская, ни французская демократия не могут братья вами в качестве примера и образца. Ваша

демократия особая... Демократия, которая установилась у вас в Польше, в Югославии и отчасти в Чехословакии, это демократия, которая приближает Вас к социализму без необходимости установления диктатуры пролетариата и советского строя... Вам не нужна диктатура пролетариата, потому что в нынешних условиях, когда крупная промышленность национализирована и с политической арены исчезли классы крупных капиталистов и помещиков, достаточно создать соответствующий режим в промышленности, поднять ее, снизить цены и дать населению больше товаров широкого потребления, и положение в стране стабилизируется. Количество недовольных новым демократическим строем будет все уменьшаться, и Вы приблизитесь к социализму без кровавой борьбы. Новая демократия, установившаяся в Польше... является спасением для нее... Режим, установленный ныне в Польше, обеспечивает ей максимум независимости и создает все необходимые условия для процветания без эксплуатации трудящихся. Этот режим стоит сохранить»⁴⁰. (Подчеркнуто в документе. — Авт.)

Снова к этому вопросу Сталин вернулся в беседе с лидерами ППС Э.Осубка-Моравским, Ст.Швальбе и Ю.Циранкевичем 19 августа 1946 г. «Должна ли Польша пойти по пути установления диктатуры пролетариата?» — Спрашивал Сталин. И тут же отвечал: «Нет, не должна. Такой необходимости нет. Более того, это было бы вредно. Перед Польшей, как и перед другими странами Восточной Европы, в результате этой войны открылся другой, более легкий, стоящий меньше крови, путь развития — путь социально-экономических реформ. В результате войны в Югославии, Польше, Чехословакии, Болгарии и других странах Восточной Европы возникла новая демократия, совершенно отличная от демократий, установленных в некоторых странах прежде. Если говорить, например, об английской демократии или даже демократии Франции, где 200 семейств по-прежнему вершат судьбы страны, то это один тип демократии». «Товарищ Сталин, — указывалось далее в записи беседы, — называет такой тип демократии политической демократией, которая и после этой войны не затронула экономических основ государства. Что же касается демократии, возникшей в странах Восточной части Европы, в том числе в Польше, то это иной, совершенно отличный тип демократии. Это, как говорит товарищ Сталин, более комплексная демократия. Она затронула как политическую, так и экономическую жизнь страны. Эта демократия совершила экономические преобразования. Так, например, в Польше новое демократическое правительство осуществило аграрную реформу и национализацию крупной промышленности, а это вполне достаточная база для того, чтобы без диктатуры пролетариата двигаться по пути дальнейшего развития в сторону социализма. В результате этой войны изменился облик коммунистических партий, изменились их программы. Резкая грань, существовавшая ранее между коммунистами и социалистами, постепенно стирается. Об этом говорит, например, факт слияния в единую партию коммунистической и социал-демократичес-

кой партий Германии... В программе объединенной партии Германии не фигурирует диктатура пролетариата... Но значит ли это, что демократические правительства стран, где нет диктатуры пролетариата и которые идут к социализму по пути реформ, не должны решительно бороться против атакующей их реакции? Нет, не значит. Демократические преобразования, социально-экономические реформы, проведенные в странах Восточной Европы, в том числе в Польше, надо уметь отстоять до конца»⁴¹.

Иными словами, очевидно, что летом—осенью 1946 г. Москва и лично Сталин продолжали рассматривать народно-демократическую модель как долговременную и не исчерпавшую к тому времени еще своего позитивного потенциала.

Что касается Германии, то исключительность ситуации в этой стране, в том числе и прежде всего внешнеполитической, определили абсолютно иной подход и взгляд советского руководства на перспективы ее развития. Эмоциональная сталинская оценка, прозвучавшая во время беседы с Миколойчиком 9 августа 1944 г. («...Германии коммунизм подходит так же, как корове седло»⁴²), трансформировалась в конце 1948 г. в четкую инструкцию, предназначенную немецким коммунистам.

18 декабря 1948 г. на встрече с В.Пиком, О.Гротеволем, В.Ульбрихтом и Ф.Эльснером Сталин заявил: «Путь к народной демократии еще преждевременен. Надо подождать... В Германии обстановка сложная, надо идти к социализму не прямо, а зигзагами. В этом своеобразии задачи. Если же вы будете проводить в жизнь положения народной демократии, то коалиция развалится... Условия в Германии тяжелые, и они диктуют более осторожную политику». (Примечательно, что в качестве синонима понятия «осторожная политика» советский лидер использовал определение «оппортунистическая политика» и шутя заметил, что «на старости лет стал оппортунистом»⁴³.)

Эта генеральная установка не всегда точно соотносилась с конкретными акциями в советской зоне оккупации, где советская военная администрация, отнюдь не ориентируясь до определенного времени на создание сепаратного государства (ситуация кардинально изменилась в 1949 г.), вместе с тем резко ограничивала деятельность на политической сцене тех независимых «буржуазных» организаций и отдельных функционеров, которые противостояли немецким социалистическим традициям (СПГ и КПГ), и нередко прибегала к большевистским методам организации послевоенного общества⁴⁴.

Размышляя о функционировании демократических блоков, Сталин не мог не задумываться и о ключевых фигурах этих объединений. Симптоматично, что таковыми ему представлялись на том этапе вовсе не коммунисты. При этом, несомненно, учитывалась демонстрировавшаяся этими деятелями готовность к сотрудничеству с СССР, понимание важности для советской стороны решения тех или иных стратегических задач в собственных интересах для достижения безопасности и стабильности в мире. Чрезвычай-

но важно было, чтобы лидеры блоков могли стать связующим звеном между сторонниками восточной и западной ориентации в обществе, которое в тот момент характеризовалось открытостью к воздействию как с Запада, так и с Востока. Не будет преувеличением считать, что такого лидера, могущего стать гарантом надежности компромисса и его долговременности, Сталин нашел в лице президента Э.Бенеша. На это были и особые причины. Начиная с 1939 г., Бенеш неоднократно подчеркивал необходимость общей границы Чехословакии и СССР, допускал в связи с этим включение в состав Советского Союза Закарпатской Украины. «Ни полякам, ни венграм я не отдам Закарпатской Руси, а вам отдам», — заявил он в октябре 1941 г. послу СССР при союзных правительствах в Лондоне А.Е.Богомолу⁴⁵. Эта позиция Бенеша не менялась и впоследствии. Москва же, со своей стороны, рассматривая Чехословакию как «форпост нашего влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе», не мыслила послевоенное устройство континента без наличия общей с Чехословакией границы «достаточного протяжения»⁴⁶, то есть точка зрения чехословацкого президента не могла не импонировать советской стороне.

Документы свидетельствуют о том, что в это время внимание Сталина привлекают также О.Ланге в Польше, Ю.Паасикиви в Финляндии, Г.Татареску в Румынии, З.Тильди в Венгрии. Это, с нашей точки зрения, говорит о поиске Москвой хотя бы приблизительно аналогичных Бенешу по масштабу фигур политических лидеров в других странах. Один из лидеров Национально-либеральной партии Г.Татареску заинтересовал советское руководство, думается, прежде всего в силу открыто заявленной им собственной внешнеполитической переориентации. 12 января 1945 г. в беседе с сотрудником СКК в Румынии С.А.Дангуловым Татареску признал, что в течение 20 лет своей политической жизни он ориентировался на Запад. Однако в условиях сложившегося в Восточной Европе нового соотношения сил, вызванного победами Красной Армии, «продолжать ориентироваться на Запад — это значит вести страну по заведомо неверному пути». Ориентация на СССР — «основа моей политики», — заявил Татареску⁴⁷. Планы Татареску относительно создания военного союза между СССР и Румынией, безусловно, находили отклик у советской стороны, размышлявшей о заключении двустороннего пакта о взаимопомощи с Румынией и создании на его основе на румынской территории советских военных, воздушных и морских баз⁴⁸. Этот пакт рассматривался советским руководством не только как один из серьезных факторов послевоенной политической стабильности в мире, но и как важнейший инструмент складывания советского блока. Заметим в связи с этим, что еще 25 октября 1939 г. Сталин подчеркнул в беседе с Г.Димитровым, что «в пактах о взаимопомощи (с Эстон[ией], Латвией, Литвой) [мы] нашли ту форму, которая позволит нам включить в орбиту влияния Сов[етского] Союза ряд стран»⁴⁹. (Подчеркнуто в документе. — *Авт.*)

В обществе стран Восточной Европы внешний (советский) фактор справедливо расценивался как один из важнейших регуляторов внутренних процессов. В силу этого становится понятным то стремление к взаимодействию с СССР, которое демонстрировали представители партий различного политического спектра, добивавшиеся встреч с советским руководством и в первую очередь лично со Сталиным. В советском лидере они видели советчика, арбитра, а подчас и последнюю инстанцию в решении спорных вопросов. «Сталин был чем-то большим, чем вождь в борьбе, — вспоминал много позднее М.Джилас. — Он был воплощением идеи, был претворен в коммунистических головах в чистую идею, а тем самым в нечто непогрешимое. Сталин был нынешней победной борьбой и грядущим братством человечества»⁵⁰.

Документы свидетельствуют, и это понятно, что особенно активно стремились к установлению тесных контактов с Москвой национальные коммунисты. Интересен и круг вопросов, выносившихся ими на обсуждение или консультации со Сталиным. Диапазон поистине огромен: от признания союзниками по антигитлеровской коалиции Комитета освобождения Югославии до развития народного образования в Албании, от итогов референдума 1946 г. в Польше до «мобилизации масс» в связи с оживлением оппозиции в Венгрии⁵¹ и пр.

Однако мнение и советы Москвы и особенно Сталина становились основополагающими не только для коммунистов. Один из лидеров польских социалистов Ю.Циранкевич в беседе с послом СССР в Варшаве В.Г.Яковлевым 23 августа 1947 г. подчеркивал: «Мы, польские социалисты, считаем тов. Сталина настолько авторитетным для нас человеком, что советы его должны являться для нас руководящей линией»⁵². О решении руководства ППС «просить товарища Сталина вмешаться в наши отношения с ППР» говорил Циранкевич Яковлеву 31 октября 1946 г.: «Мы целиком принимаем его арбитраж и последуем его совету»⁵³. Это заявление полностью соответствовало истине. В отчете посольства СССР в Польше за 1947 г. вторая половина 1945 г. и весь 1946 г. охарактеризованы как период «хронического кризиса» в отношениях между рабочими партиями. «Всякий раз, — указывали авторы отчета, — во время таких кризисов положение выравнивалось лишь благодаря авторитету товарища Сталина, личные советы которого принимались к руководству обеими партиями»⁵⁴.

Советская сторона демонстрировала дифференцированный подход к инициативам восточно-европейских политиков, направленным на получение приглашения в Москву. Так, например, Сталин отклонил просьбы о личной встрече, поступившие 29 и 30 августа 1946 г. от вице-председателя Крайовой Рады Народовой профессора С.Грабского и одного из лидеров оппозиционной крестьянской партии — ПСЛ, В.Керника, просившего аудиенцию также и от имени Миколайчика. Лидеры ПСЛ хотели обсудить в Москве ряд вопросов и, в частности, острые разногласия с рабочими партиями по вопросу о будущих выборах в Сейм и

распределении мандатов на основе «партийного ключа»⁵⁵. Советский руководитель расценил эту просьбу как «попытку привлечь Сталина для разрешения спорных вопросов между польским правительством и оппозицией в лице ПСЛ». Поблагодарив (через советских дипломатов) Миколайчика и Керника за доверие, Сталин отказался взять на себя роль арбитра, «...чтобы не создавать плохого прецедента»⁵⁶. По этой же причине отказ во встрече получил и тяготевший к национально-либеральным кругам польский интеллеktуал Грабский.

Таким образом, сталинский «арбитраж» становился важным инструментом внутривосточной жизни стран региона, умело использовавшимся советской стороной в целях укрепления позиций коммунистов, находившихся на пути к властной монополии. В конечном счете, беседы и встречи Сталина, оказывая, по оценке В.К.Волкова, «долгосрочное влияние» на общественно-политические процессы в регионе, явились «составной частью политического механизма советизации Восточной Европы, консолидации советского блока»⁵⁷.

На рубеже 1946—1947 гг. в общественных настроениях в европейских странах проявились новые, разнонаправленные тенденции. Применительно к региону Восточной Европы они выразились в явном усилении позиций левых сил, в первую очередь, во властных политических структурах. Это показали прошедшие парламентские выборы. Материалы российских архивов подтверждают, что по меньшей мере в трех странах — Польше, Румынии, Венгрии — итоги выборов были фальсифицированы⁵⁸. Однако, с нашей точки зрения, этот, безусловно, важный факт не может изменить общего вывода об укреплении властных позиций прежде всего коммунистов: ведь для того, чтобы «подправить» результаты голосования, нужно было располагать немалыми возможностями, в том числе и применения определенных «технических средств». Заметим, что советское военное присутствие, несомненно, расширяло такие возможности.

В экономической сфере в странах региона отчетливо проявились серьезные трудности, вызывавшие недовольство населения. Сведения об этом поступали в Москву по разным каналам из Польши, Венгрии, Болгарии и других стран⁵⁹. В Польше, например, забастовавшие в г. Жирардове текстильщики сетовали не только на отсутствие угля, но и на то, что их голос не доходит до «вождей»: «от Минца* до рабочего слишком длинный путь»⁶⁰, то есть констатировали возрастание дистанции между «руководителями» и «народом».

Отсутствие отчетливой позитивной экономической динамики в странах Восточной Европы радикализировало общество, рождало, в первую очередь, в левых кругах соблазн отказаться от долговре-

* Минц Г. — член Политбюро ЦК ППР, министр промышленности Польши.

менного перехода к социализму в пользу ускорения этого процесса, что неизбежно означало социально-политическую конфронтацию. Снять же острые экономические проблемы постоянными мощными «инъекциями» советская сторона по объективным причинам была не в состоянии. Не исключая возможности новой мировой войны, советское руководство направляло огромные средства в военно-промышленный комплекс (расходы на оборону в послевоенные годы неуклонно возрастали). В это время полным ходом шли работы по созданию атомной бомбы⁶¹. Вместе с тем это не означало, что советская сторона не оказывала помощь Восточной Европе, да и не только ей. Несмотря на охвативший в 1946—1947 гг. огромную территорию голод⁶², из Советского Союза было экспортировано 2,5 млн тонн зерна⁶³, в том числе и Болгарию, Румынию, Польшу, Чехословакию, Югославию. Однако подобные масштабы помощи были все же несопоставимы с требующимися и, главное, не имели систематического характера. В условиях ухудшения экономического положения в странах региона расширялась реальная социальная база для будущего поворота, состоявшая прежде всего из социально слабых слоев, принимавших радикальные программные установки коммунистов.

По-иному складывалась обстановка в Западной Европе, где налицо были перспективы постоянной экономической помощи со стороны крупнейшей мировой державы — США. Это вело к снижению радикализма в обществе и, как следствие, к определенному уменьшению радиуса общественного влияния левых сил и в первую очередь компартий. На таком фоне проявились тенденции к политическому союзу западно-европейских государств с США и к их региональной консолидации. Закономерен вопрос — на какой основе была возможна такая консолидация?

Если в 1946 г. великим державам еще удавалось в целом поддерживать компромиссную тональность межгосударственных отношений и наличие «германского фактора» оказывало на этот процесс стимулирующее влияние, то в 1947 г. принес серьезные изменения. На встрече министров иностранных дел в Лондоне (ноябрь—декабрь 1947 г.) западные державы предложили так называемые Дополнительные принципы, согласно которым в западных зонах оккупации Германии предполагалось создать сепаратное государство. Это означало прямое нарушение совместных договоренностей великих держав по Германии и прорисовывало четкую перспективу ее включения в формировавшиеся союзные отношения в Западной Европе. Центральным же пунктом геостратегического замысла Сталина в Европе являлось создание нейтральной, то есть не входящей в политической союз с западными державами Германии как своего рода буферной зоны между ними и Советским Союзом с его сферой влияния в Восточной Европе⁶⁴. Понятно, что инициатива Запада была воспринята в Москве весьма болезненно, тем более что выдвинута эта инициатива была «по горячим следам» — после обнаружения плана Маршалла. Намерение США и Англии

сделать Германию основным звеном в процессе восстановления Европы определило в конечном счете негативное отношение СССР к плану Маршалла и советское давление на страны Восточной Европы, приведшее к отказу последних от участия в реализации плана⁶⁵.

Противоречия по германскому вопросу фактически оказались непреодолимыми. 1947 г. положил конец практике периодических встреч министров иностранных дел стран-союзниц для консультаций и подготовки решений по наиболее принципиальным международным вопросам⁶⁶.

Одним из итогов данного процесса явилось разрушение коалиции на антигерманской основе. Образ Германии как общего врага стремительно уходил в прошлое. В Западной Европе и США он все активнее вытеснялся образом врага нового — СССР, с которым связывалась угроза продвижения коммунизма в глубь Европы. Ялтинская стратегия мало-помалу эволюционировала к политике «сдерживания коммунизма», а впоследствии, уже в 50-е годы, и к наиболее жестким схемам блокового противостояния.

На востоке Европы образ враждебной Германии между тем продолжал сохраняться в исторической памяти народов, прежде всего славянских. Планы создания западного блока и возрождения германского военно-экономического потенциала особенно настойчиво были встречены в Польше и Чехословакии. «Так же, как и СССР, мы в высшей степени заинтересованы в искоренении нацизма и фашизма. Мы заинтересованы также в том, чтобы в сердце Европы была устранена опасность повторения немецкой агрессии», — подчеркнул, выступая в Законодательном Национальном собрании Чехословакии 21 марта 1947 г. министр иностранных дел Я.Масарик⁶⁷. А советский посол в Праге В.А.Зорин сообщал, что «в отношении к Германии, к ее восстановлению Чехословацкое правительство и в конце 1947 г. продолжало исходить из того, что это — вопрос существования Чехословакии. В этом вопросе продолжает существовать наибольшее единство точек зрения всех партий Национального фронта»⁶⁸. Подобные оценки опасности создания блока с участием Германии высказывались и польскими политиками. Так, правый социалист Я.Станьчик, особо подчеркивая нацеленность западного блока на войну, заявлял: война — «это ликвидация нашей независимости, а, может быть, и физического существования. Ведь к танцу будет приглашена Германия»⁶⁹. В отчете посольства СССР в Польше за 1947 г. подчеркивалось: в правильности отказа от участия в плане Маршалла «широкие слои польского народа» убедил тезис, что план будет способствовать восстановлению промышленной мощи Германии. 21 ноября 1947 г. министр иностранных дел З.Модзелевский прямо заявил в Сейме, что план Маршалла нацелен на возобновление германской агрессии⁷⁰.

В глазах многих политиков, прежде всего славянских стран, Москва оставалась главным оплотом славян в борьбе против Германии. Наглядно подтвердило это и предсмертное письмо Я.Маса-

рика Сталину от 9 марта 1948 г.* (10 марта Масарик покончил с собой, выбросившись из окна). «Еще в ранней моей молодости, — писал Масарик, — отец (Томаш Г.Масарик — первый президент Чехословацкой республики в 1918—1935 гг. — *Авт.*) мне внушал, что без прямой и действенной поддержки России Чехословакия никогда не сможет выстоять в борьбе против германского напыла. Эта идея укоренилась во мне так же глубоко, как и у большинства чешских политиков. Мы всегда полагали, что в защите от германизма не можем положиться ни на какую иную страну, кроме России. Мюнхен протрезвил и тех из нас, кто еще надеялся на активную солидарность Англии. Мои личные контакты с американскими государственными деятелями убедили меня в том, что Соединенные Штаты, как и Англия, не способны понять, что защита Чехословакии от германизма служит одной из важнейших гарантий мира в мировом масштабе»⁷¹.

Ответом советской стороны на активность Запада стала спешно создававшаяся особая система коллективной безопасности в Восточной Европе. 14 октября 1947 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) была утверждена директива министерству иностранных дел СССР о заключении договоров о взаимопомощи со странами Восточной Европы⁷². Согласно директиве, МИД должен был «обеспечить заключение договоров о взаимопомощи между малыми странами Восточной Европы (Румыния, Болгария, Венгрия, Югославия, Чехословакия, Польша), а после этого заключить договоры о взаимопомощи между СССР и теми из указанных выше стран, с которыми у Советского Союза еще не имеется такого рода договоров». В директиве оговаривалось, что предстоящие договоры должны будут исходить из обязанности стран «оказывать взаимную помощь против агрессии со стороны любого государства, а не только со стороны Германии и объединившихся с нею в политике агрессии государств». Это фактически была своеобразная программа-максимум, поскольку имелся и еще один, запасной вариант на случай, если бы не удалось достичь договоренности на предложенной основе. В таком случае предлагалось «особо... рассмотреть вопрос о заключении договора о взаимопомощи против агрессии со

* Предсмертное письмо Я.Масарика, обнаруженное в архиве ЦК КПЧ в специальном фонде А.Новотного, было опубликовано в еженедельнике «Ческе новины» в 1991 г. и затем перепечатано газетой «За рубежом». Письмо вызвало много споров среди историков и архивистов, активно обсуждавших вопрос о подлинности документа. Предпринятые автором поиски оригинала письма или хотя бы каких-либо его следов в российских архивах, в том числе в АП РФ, не дали результатов. Однако, с нашей точки зрения, заслуживает поддержки позиция чешского историка В.Чады, который, защищая версию об аутентичности документа, констатирует, что ни одно из содержащихся в письме положений не вступает в противоречие с ранее известными историческими фактами и реалиями. Основной пафос письма — протест против развернувшейся после февральского кризиса 1948 г. в Чехословакии «советизации» страны.

стороны Германии или других государств, объединившихся непосредственно или в какой-либо иной форме с Германией в политике агрессии».

На основе реализации этих указаний к весне 1948 г. полным ходом уже шел процесс создания договорной конструкции как основы системы безопасности в Восточной Европе: были оформлены однотипные союзные договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между некоторыми странами Восточной Европы, а также после соответствующих консультаций были заключены договоры между последними и СССР.

16 февраля 1948 г. на встрече с венгерской правительственной делегацией (М.Ракоши, Э.Мольнар, Д.Секфью) Молотов подробно разъяснил советскую позицию в отношении двусторонних договоров: «Договоры о взаимной помощи направлены против возможной агрессии со стороны Германии или государств, которые объединились бы с Германией в политике агрессии. Советское правительство исходит при этом из того, что без Германии в Европе невозможно развязать войну, представляющую опасность для Советского Союза, Венгрии, Румынии и других демократических стран». Советский министр иностранных дел напомнил о выступлении Бевина в январе 1948 г., касавшемся создания Западного союза с участием Германии, то есть, по словам Молотова, «вчерашнего, а возможно, и завтрашнего агрессора». «Такой союз, — подчеркнул Молотов, — несомненно, будет направлен против миролюбивых государств, поэтому договор о взаимной помощи между миролюбивыми государствами должен быть направлен против возможной агрессии Германии и ее союзников»⁷³.

Чрезвычайно важным было то обстоятельство, что в тексты договоров включалась статья, предусматривавшая взаимные консультации по всем вопросам международного порядка, считавшимся затрагивавшими интересы СССР. Это открывало возможность советской стороне действовать от имени связанных с ней договорами государств и пресекать, таким образом, любые «несанкционированные» Москвой проявления последних на международной арене. Система договоров с СССР и стран Восточной Европы между собой явилась важнейшим звеном в процессе оформления советского блока.

В новых международных условиях Москве предстояло не только определить адекватный ситуации стратегический курс в регионе Восточной Европы, но и способствовать его внедрению в политическую практику. С внутривосточной точки зрения в странах Восточной Европы фактически происходила «смена вех»: тенденция национально-государственного единства все активнее отходила на второй план, уступая место иной общественной тенденции — социально-политической конфронтации. Разумеется, этот процесс имел определенную временную протяженность.

Уже 21 мая 1947 г. М.Ракоши после встречи с В.М.Молотовым сообщал сотруднику Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) Л.С.Баранову: «Нам дали совет перейти на линию более сильной

классовой борьбы»⁷⁴. В это время за «уступчивость» партнерам по Национальному фронту и склонность к компромиссам советская сторона остро критикует К.Готвальда и Р.Сланского, выражает недовольство В.Гомулкой, защищавшим идею «польского национального пути». Подтверждает вышесказанное и беседа А.А.Жданова 30 июня 1947 г. с финскими коммунистами В.Песси и Х.Кусинен в Москве. В их адрес прозвучала критика за согласие с умеренной политикой коалиционного правительства М.Пеккалы, за неправильную, по мнению Москвы, тактику в блоке, в том числе и за чрезмерную лояльность к партнерам. «На основе мирного сотрудничества в блоке коммунисты ничего не приобретут, наоборот, скорее могут потерять то, что уже приобрели, — говорил Жданов. — Нельзя в блоке обойтись без кровопускания по отношению к своим партнерам, если они нарушают основу сотрудничества». Жданов советовал коммунистам не быть излишне «щепетильными» в отношении с другими партиями блока, в том числе с социал-демократами. «Мы ждем от Финской компартии наступательных боев», — подытожил он⁷⁵.

Такие подходы вполне определенно прорисовывали дальнейшую перспективу концепции «национальных путей» к социализму и возможности ее реализации в странах региона в новых условиях. Очевидно, что настрой советского руководства на устранение «мягких», недостаточно революционных методов действия в рамках демократических блоков противоречил самой сути концепции как эволюционного мирного перехода к социализму на основе сотрудничества в коалиции, предполагавшего компромисс и равноправие партнеров. Это противоречие не сразу было уловлено и правильно оценено союзниками и партнерами коммунистов: так, например, в марте 1947 г. Э.Бенеш в интервью корреспонденту газеты «Нью-Йорк Тайм» подчеркнул, что «Чехословакия является типичной страной, в которой нет советского режима и которая идет к социализму эволюционным путем»⁷⁶. Иными словами, чехословацкий президент достаточно оптимистично прогнозировал будущее. На наш взгляд, это в значительной мере объяснялось позицией руководства КПЧ, — по оценкам Москвы, «очень умеренной» партии, склонной к компромиссам с либеральными партнерами по Национальному фронту⁷⁷.

Многочисленные публикации архивных документов и разработки исследователей, предпринятые в последнее время, убедительно свидетельствуют, что после создания в сентябре 1947 г. Коминформа начался достаточно длительный этап развенчания концепции «национальных путей» к социализму, ее демонтаж⁷⁸. На этом этапе происходит последовательное насыщение оценок и характеристик народной демократии как специфической формы перехода к социализму идеями классовой борьбы. Причем ее обострение объявлялось «закономерностью режима народной демократии», а забвение этого приравнивалось к недопустимой для коммуниста утрате «революционной перспективы»⁷⁹.

По мере отсечения от власти в странах региона (в том числе и силовыми, непарламентскими методами) представителей либеральной демократии, крестьянских и позднее социалистических и социал-демократических партий⁸⁰ приверженность идее «национального пути» среди национальных коммунистов все настойчивее стала рассматриваться советской стороной как демонстрация их «самостоятельности» и «отречения» от Москвы, как угроза сокращения советского воздействия в регионе. Представляется, что сам факт использования силовых методов в борьбе с идеей «национального пути» и парламентской демократии по соглашению свидетельствует: политика компромиссов еще не потеряла жизнеспособности, имела определенные внутренние резервы.

Смена стратегии повлекла за собой резкое обострение борьбы в руководствах компартий. Советская сторона сделала ставку на ортодоксальные элементы и своей поддержкой фактически обеспечила усиление их позиций в партийной элите. С опорой прежде всего на эти элементы предполагалось решать задачу превращения компартий в партии-монолиты, основанные на принципах большевизма. Огромная роль в этом процессе Коминформа общеизвестна. Подчеркнем лишь, что с его подачи начал интенсивно формироваться еще один образ врага — «англо-американского империализма» и его «агентов».

Тем не менее, провозгласив разделение мира на два лагеря и сменив стратегический курс, Москва продолжала в реальной политике занимать осторожную позицию в отношении Запада, стараясь без необходимости не обострять ситуацию. Это было не просто, тем более, что в 1948 г. международная обстановка существенно осложнилась.

Речь идет прежде всего о германской проблеме, которая неумолимо превращалась в центральную проблему «холодной войны» в Европе.

В начале 1948 г. западные державы объявили о созыве 19 февраля в Лондоне сепаратного совещания по германскому вопросу. По свидетельству документов, это сообщение серьезно обеспокоило как советских, так и восточно-европейских лидеров.

11 февраля 1948 г. заместитель министра иностранных дел СССР В.А.Зорин принял польского посла в Москве М.Нашковского. Посол заявил, что в связи с предстоящей конференцией «трех» по вопросам Германии польское правительство предлагает созвать в Праге на два дня раньше совещание министров иностранных дел Польши, Югославии и Чехословакии «для обсуждения немецкого вопроса». Нашковский заметил, что итогом совещания могло бы стать опубликование коммюнике «о полном совпадении мнений трех правительств по германской проблеме». В коммюнике предполагалось выразить решительный протест против нарушения постановлений Потсдамской конференции, срыва выплаты репараций странам, пострадавшим от германской агрессии, и отказа в выдаче военных преступников заинтересованным странам. Обосновывая выдвинутую инициативу, Нашковский привел

следующие аргументы в ее пользу: «1. До сих пор по германскому вопросу выступал только Советский Союз с защитой позиции, которую поддерживают все славянские государства. По мнению польского правительства, было бы полезно, если бы мир услышал голос и других государств, выступающих в данном случае самостоятельно по вопросу, который их непосредственно затрагивает. 2. Созыв такого совещания может помешать конференции США, Великобритании и Франции по германскому вопросу и, во всяком случае, затруднить ее работу. 3. СССР, может быть, неудобно в теперешней обстановке выступать открыто против конференции, которая созывается в Лондоне. В этом случае выступление трех союзных с СССР правительств могло бы оказаться полезным. 4. События внутренней политики имеют также немаловажное значение. В Польше, Югославии и особенно Чехословакии выступление по германскому вопросу могло бы сыграть положительную роль в укреплении позиций компартий. Учитывая предстоящие выборы в Чехословакии*, такого рода шаг мог бы сыграть положительную роль в укреплении позиций левых элементов. Кроме того, по мнению польского правительства, было бы полезно сблизить позиции Чехословакии и Югославии, между которыми в последнее время имелись некоторые трудности»**81.

Примечательно, что в тот же день, 11 февраля 1948 г., на заседании Политбюро ЦК ППР было принято решение «собрать в Праге конференцию вице-министров [иностраных дел] Польши, Чехословакии, Югославии. Провести переговоры с заинтересованными государствами»82. Такое изменение статуса участников планировавшейся встречи объяснялось просто: в Варшаве поначалу считали, что в Лондоне соберутся заместители министров иностранных дел трех держав, и хотели таким образом «соответствовать» уровню лондонской встречи. Видимо, получив новую информацию на этот счет, поляки и произвели, как видно из слов Нашковского, необходимые уточнения.

Советская сторона не затянула с ответом: на следующий день, 12 февраля, Зорин вновь принял польского посла и заявил, что «советское правительство относится положительно к инициативе польского правительства»83.

Дав «добро» на проведение пражской встречи, Москва приняла свой дополнительный ход: 13 февраля 1948 г. советское правительство направило ноту протеста против действий западных держав, констатируя прямое нарушение ими принятых в Потсдаме постановлений. 17—18 февраля министры иностранных дел Польши, Чехословакии и Югославии собрались в Праге. Одним из

* На май 1949 г. были назначены выборы в Национальное собрание, которому предстояло принять новую Конституцию страны.

** Вероятно, речь шла о трениях, возникших при поставках через Югославию чехословацкого вооружения для повстанческой армии в Греции в ходе Гражданской войны 1947—1949 гг.

итогах встречи явилась декларация, адресованная правительствам четырех оккупировавших Германию держав. Участники пражского совещания констатировали, что развитие событий в Германии должно нежелательное направление: политические реалии противоречат Ялтинским и Потсдамским договоренностям, предусматривавшим искоренение германского милитаризма и нацизма и принятие необходимых мер для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира. В декларации подчеркивалось, что правительства Польши, Чехословакии и Югославии должны получить право участия в консультациях с правительствами других Объединенных Наций по германскому вопросу, что соответствовало бы принятой 5 июня 1945 г. правительствами СССР, Великобритании, США и Франции Декларации в связи с окончанием войны в Европе⁸⁴.

Согласованный на пражской встрече документ был направлен правительствам великих держав — Великобритании, СССР, США и Франции.

Советская сторона в специальной ноте, переданной 28 февраля 1948 г. министру иностранных дел Чехословакии Я.Масарику, солидаризировалась с основными положениями принятого в Праге документа. Заявив о том, что советское правительство «разделяет позицию», выработанную на встрече трех министров иностранных дел, Москва подчеркнула также обязательность для великих держав следовать духу и букве июньской декларации 1945 г.⁸⁵ Несомненно при этом, что советское руководство относилось к Польше, Чехословакии и Югославии к числу государств, особенно заинтересованных в решении германской проблемы.

К сожалению, мы не располагаем документальными свидетельствами о том, как сам факт пражской встречи и принятый на ней документ были оценены на Западе. Думается; резонанс от них был невелик. Однако ознакомление читателя с вышеприведенными документами важно, с нашей точки зрения, не только потому, что в специальной литературе совещание в Праге, равно как и связанные с ним определенные дипломатические шаги Москвы попросту не упоминаются. Представляется, что эти документы позволяют зафиксировать проявленную польским правительством несомненную самостоятельность во внешнеполитических делах. К слову сказать, данная инициатива поляков была не единственной. На протяжении марта 1948 г. Варшава неоднократно через посла в Москве М.Нашковского зондировала почву относительно возможности самостоятельных выступлений по тем или иным вопросам внешней политики. Так, например, 12 марта Нашковский попросил совета у В.А.Зорина, «не следует ли использовать открывающуюся во второй половине апреля сессию Европейской экономической комиссии для того, чтобы атаковать план Маршалла»⁸⁶. Ответ советской стороны, переданный 6 апреля 1948 г. заведующим IV европейским отделом МИД СССР А.М.Александровым через посольство Польши, был в целом позитивным: предлагалось не включать вопрос о плане в повестку дня или делать по нему

специальное выступление (учитывая состав участников заседания, такой вариант казался Москве бесперспективным), а ограничиться критикой документа при обсуждении конкретных вопросов, вынесенных на рассмотрение⁸⁷.

Еще пример. 10 июня 1948 г. Нашковский информировал Зорина о том, что «польское правительство намерено в ближайшие дни сделать правительствам Соединенных Штатов, Великобритании, Франции, Бельгии, Голландии, Люксембурга представления с протестом против заключения этими правительствами соглашения по германскому вопросу. Польское правительство интересуется, — подчеркнул Нашковский, — имеет ли советское правительство какие-либо соображения в связи с этим»⁸⁸. Ответ советской стороны нам неизвестен, но, думается, для отклонения этого предложения поляков Москве нужны были бы какие-то особо веские основания. В целом инициативы польской стороны, на наш взгляд, дают возможность в определенной мере скорректировать устоявшиеся в историографии представления о безоговорочной зависимости восточно-европейских государств от советского руководства, превращавшей их в марионеток Москвы.

Но вернемся к событиям зимы 1948 г. 23 февраля, то есть с пятнадцатичасовым опозданием против объявленного, в Лондоне открылось совещание по германскому вопросу, продолжавшееся до 1 июня и явившееся важным этапом формирования сепаратного западногерманского государства.

Уже в первой фазе совещания, 23 марта 1948 г., США, Великобритания и Франция отказались от совместной с СССР работы в Контрольном совете в Германии, фактически разрушив союзный контрольный механизм в этой стране.

В сложившейся обстановке Москва крайне болезненно отреагировала на создание в марте 1948 г. первой в послевоенной Европе замкнутой военной группировки — Западного союза, куда вошли Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерланды, Люксембург. (Заметим, что замысел создания подобного блока возник еще в 1947 г. в русле жесткого курса Запада, а не явился его реакцией на события февраля 1948 г. в Чехословакии.) Заявленная основателями Союза цель — «коллективная самооборона» в случае возникновения войны в Европе — в Москве была встречена с понятным недоверием, поскольку тесная увязка создания Западного союза и четкого курса на завершение раскола Германии с последующим вовлечением ее западной части в европейские военные структуры была для советской стороны очевидна.

Судя по документам, советское руководство негативно отреагировало уже на планы создания Западного союза. Априори он был оценен советским руководством как агрессивный блок с «немирнолюбивыми» целями, как, «военный союз», особая опасность которого связывалась с привлечением к участию «недемократизированной» Германии⁸⁹. Именно германский фактор играл ведущую роль в определении советской позиции по вопросу создания Западного союза. В подтверждение приведем выдержку из беседы В.М.Моло-

това с главным редактором «Правды» П.Н.Поспеловым 3 февраля 1948 г. Как бы заочно полемизируя с руководителями западных держав, Молотов говорил: «Против Германии хоть десять западных блоков организуйте! А ваш блок включает возможные агрессивные державы»⁹⁰. Очевидно, что в новой ситуации вопрос о характере и направленности западного блока, сильно обеспокоивший Молотова по ходу беседы с послом А.Кларком Керром в ноябре 1944 г., был предельно ясен советской стороне.

Вместе с тем, как доказывают новейшие исследования по германской проблеме, основой которых, что принципиально важно, являются не доступные ранее ученым архивные материалы, советское руководство и прежде всего Сталин в это время не отказались от прежнего плана создания единой Германии и заключения с ней мирного договора. Более того, последующие события вокруг Западного Берлина свидетельствовали о попытках Сталина «навязать Западу свою концепцию решения германского вопроса, предотвратить образование сепаратного правительства в Западной Германии»⁹¹. Это диктовало необходимость вполне определенной тональности в отношениях с Западом, недопущения обвинений в свой адрес в эскалации напряженности.

С этой целью предпринимались действия широкого спектра. В плане внутривластного весьма показательным, что советским средствам массовой информации было дано в это время указание «по отношению к "главным клиентам" — Англии, Америке, Франции взять другой тон», писать о них «без крикливости, без ругани... без истерики», использовать «наиболее взвешенные, точные и вместе с тем спокойные формулировки», отказаться от карикатур, шаржей и сатиры в адрес западных держав, для статей взять тон «дипломатичный, деликатный»⁹². Возможно, эти установки были призваны также смягчить чрезвычайно острую по форме первоначальную реакцию советских СМИ на позицию Запада по германскому вопросу⁹³.

В плане внешнеполитическом усилия Москвы были направлены на то, чтобы не спровоцировать Запад несогласованными с советской стороны заявлениями и действиями восточно-европейских коммунистов.

Через призму возможной реакции Запада в Москве расценили «чрезмерную» самостоятельность Г.Димитрова в вопросе о федерации или конфедерации стран Восточной Европы и заключении таможенной унии, активность Й. Броз Тито в вопросе о Триесте и в албанских делах. В целом понятны реакция Сталина в отношении военных аспектов албанской политики Югославии и прозвучавшее на трехсторонней советско-болгарско-югославской встрече в Москве 10 февраля 1948 г. категорическое указание в адрес Тито: «Не надо сапогом влезать в Албанию!»⁹⁴

Вместе с тем крайне важно для советской стороны в это время было интенсифицировать процесс создания восточного блока. Именно в этом русле, с нашей точки зрения, следует рассматривать активные поиски и отбор аппаратом ЦК ВКП(б) фактов, под-

тверждавших «антимарксистские ошибки» национальных коммунистов. Эта деятельность особенно активизировалась к весне 1948 г. Именно в это время в ОВП ЦК ВКП(б) был подготовлен целый блок таких материалов. Но если справки по Венгрии и особенно Албании носили в целом скорее информационный характер, то записки по Югославии, Польше, Чехословакии содержали набор прямых обвинений в национализме⁹⁵. Все эти материалы, написанные на партийном «новоязе», отличала однотипность формулировок, категоричный, даже запелляционный и агрессивный тон.

Анализ их наводит на мысль, что на рубеже 1947—1948 гг. в Москве задумывалась репрессивная политическая акция широкого масштаба, конечной целью которой было очищение коммунистического руководства от сторонников самостоятельного курса, основанного на концепции «национального пути» к социализму. Вполне вероятно, что набор стран предстояло расширять. Напомним, что еще в феврале 1947 г. Сталин в беседе с Г.Георгиу-Дежем поднял вопрос о «националистических ошибках внутри румынской компартии». Результатом такой акции должно было стать сосредоточение всей полноты власти в руках ортодоксальных лидеров, во всем равнявшихся на СССР и готовых к форсированному переходу к советской модели, а также «усмирение» чересчур «зарвавшихся» национальных лидеров путем установления прямого диктата ЦК ВКП(б). В конечном счете все эти меры преследовали главную цель — усилить консолидацию стран региона и ускорить тем самым создание восточного блока. «Закручивание гаек» давало также возможность приглушить растущее недовольство в странах региона, связанное как с переживавшимися экономическими трудностями, так и с очевидным разочарованием части населения новым режимом и его лидерами, а также контролировать настроения общества по отношению к СССР.

Эта последняя задача, как показывают документы, была достаточно актуальной. «Польская реакция господствует на идеологическом фронте, — указывалось в отчете посольства СССР в Варшаве за 1947 г. — ...Сенсацией в теперешней Польше может стать лишь материал, как-либо компрометирующий польское правительство или СССР»⁹⁶. Руководство ППР, — сообщал в политписьме В.М.Молотову посол В.З.Лебедев 10 марта 1948 г., — ведет «стыдливую» линию в отношении пропаганды сближения с СССР⁹⁷. Не могли не насторожить советскую сторону и сведения об известном охлаждении к СССР, критическом настрое части восточно-европейского общества к советскому опыту и пр. Подтверждали подобные выводы советских наблюдателей, например, сведения о падении численности Союза друзей СССР в Чехословакии и о резком уменьшении в 1947 г. числа подписчиков на журнал «Свет Советов», рассказывавший о жизни советской страны. Наблюдавшееся в чешском обществе «усиление безразличия и антипатий к народно-демократическому режиму», возникшему под влиянием Советского Союза, сопровождалось, как сообщалось в Москву, возложением всей «вины» за переживавшиеся трудности и недостатки на СССР⁹⁸.

Безусловно, это были весьма тревожные симптомы, стимулировавшие поиски советской стороной быстродействующих и эффективных средств для их подавления.

Благоприятная возможность подобных действий неожиданно открылась с началом советско-югославского конфликта весной 1948 г. Если подходить к нему, как это делают некоторые отечественные исследователи, как к расколу социалистического лагеря⁹⁹, то конфликт был ненужным и опасным для Москвы явлением. Тогда правомерен вопрос, — почему Сталин проигнорировал некоторые имевшиеся возможности урегулирования* и предпочел пойти на эскалацию конфликта и его интернационализацию, используя с этой целью Коминформ? Ответ очевиден: эскалация конфликта давала возможность Москве резко ускорить процесс складывания восточного блока, его консолидации, введя в арсенал методов компартий антититоизм, направленный против еще одного образа «врага». Обвинения в связях с Тито и его «агентами», наряду с национализмом, недооценкой роли СССР и т.п., отныне фигурируют во внутривнутрипартийной борьбе, в которой национальными коммунистами активно разыгрывалась и «московская карта», то есть право на особо доверительные отношения и контакты с Москвой. Для советского руководства при этом открывалась дополнительная возможность «направлять» те или иные группировки в компартиях и выступать арбитром. Тесная взаимосвязь между осуждением югославского руководства и созданием единообразного и дисциплинированного блока не только как интернационального союза, но и как союза стран с однотипными политическими режимами, очевидна.

Между тем резолюция второго совещания Коминформа по Югославии (июнь 1948 г.) вызвала далеко не однозначные оценки в обществе стран Восточной Европы. Общей была только полная неожиданность. Но это было характерно и для советского общества. В кругах БЗНС резолюцию сравнивали с «громом среди ясного неба». Такой же была реакция и болгарских коммунистов. Официальное одобрение резолюции партийным руководством в странах региона вовсе не отражало подлинных настроений членской массы. Например, в Польше партактивы в Гданьске, Сопоте, Штуме выразили сомнение в справедливости обвинений, предъявленных югославам. Да и на пленуме ЦК ППР 1 июля 1948 г. участники подчеркивали неубедительность и туманность мотивировок отдельных положений критики КПЮ. Некоторые болгарские и чехословац-

* Известна позиция отдельных лидеров восточно-европейских компартий, считавших необходимым приезд югославов в Москву для прямых переговоров с советским руководством и улаживания конфликта (Г.Георгиу-Деж), а также участие их в предстоящем совещании Коминформа (В.Гомулка). Гомулка в мае 1948 г. предлагал фактически сыграть посредническую роль, выражал готовность приехать в Белград на переговоры с Тито. Советскому руководству это было известно¹⁰⁰.

кие коммунисты и социал-демократы одобряли «смелость и самостоятельность Тито». При этом действия югославского лидера подчас излишне героизировались: польские коммунисты, например, считали, что Тито де понял намерение СССР «коммунизировать» Югославию и отвернулся от русских. «Наше правительство боится России, и она у нас делает все, что захочет», — констатировали отдельные члены ППР¹⁰¹. Определенная часть польского населения, как сообщалось в донесении консульства СССР в Гданьске от 24 июля 1948 г., выражала надежду на разрыв отношений с СССР, считая, что «если бы не Советские войска, Польша давно сделала [бы] то же самое», что и Югославия¹⁰².

По-разному виделись и перспективы дальнейшего развития событий. Оптимизму одних (Югославия останется в лагере демократических стран во главе с СССР, «ошибки руководства будут исправлены» и пр.) противостояли ожидания усиления разногласий между странами народной демократии вплоть до разрыва с СССР, падения престижа компартий — других. В аграрных странах — Болгарии, Румынии особый интерес вызвала та часть резолюции, где содержалась критика КПЮ по крестьянскому вопросу. Страх перед коллективизацией по советскому образцу, надежды на то, что социалистическая перспектива сможет сочетаться с сохранением частной собственности на землю определяли настроения крестьянства. В то же время усилились слухи о скором военном конфликте Запада с СССР. Население балтийского побережья Польши осенью 1948 г. стало запасать продовольствие на случай войны¹⁰³. Заметим, что, по сообщению консульства в Гданьске от 30 октября, источником подобных слухов являлись английское и американское радио (население активно слушало передачи радиостанций Би-Би-Си и «Голос Америки»), а также газеты и журналы, которые привозили в страну моряки польского торгового флота. В отдельных номерах изданий, как указывалось в документе, излагался подробный план военных действий Запада против СССР¹⁰⁴. Реакция советского руководства на эти факты была вполне предсказуемой: усиление антиюгославской и в первую очередь антититовской пропаганды и ужесточение контроля за каналами информации и ее содержанием в странах региона определили ближайшую перспективу действий Москвы.

Волна антититовской пропаганды в Восточной Европе была достаточно высока. Именно под ее флагом прошли чистки, аресты, а впоследствии и судебные процессы над многими партийными функционерами. Репрессивные методы преследовали цель превращения компартий в «крепости». Именно такие партии, подобные, по сталинской терминологии, «ордену меченосцев»¹⁰⁵, основанные на большевистских принципах, становились ядром режимов советского типа в Восточной Европе.

Советско-югославский конфликт, явившийся непосредственным результатом смены стратегического курса Кремля, был использован советским руководством в целях ускорения создания восточного блока. Это дает основания взглянуть на этот конфликт

под новым углом зрения: рассматривать его не как раскол социалистического лагеря, а как одно из средств решения главной стратегической задачи Москвы в регионе.

Таким образом, сложившаяся после войны геополитическая модель мира представляла собой биполярную структуру конфликтного характера. Принципиальные изменения в международных отношениях на протяжении 40-х годов (в расчет, разумеется, следует принять ситуацию и в других регионах мира, например, «дальневосточный фактор») явились одновременно как определенным результатом внешнеполитической деятельности Советского Союза, так и, несомненно, одной из причин, приведших к изменению его стратегического курса в Восточной Европе. Активно влияя на процесс складывания биполярного мира, Москва была вынуждена скорректировать свою внешнеполитическую линию, что привело к усилению конфронтации с Западом. Эти подвижки в «большой политике» немедленно отразились и на внутривнутриполитическом положении в странах Восточной Европы, входивших в сферу интересов Советского Союза. Основным вектором происшедших здесь изменений был отказ от примирительной, компромиссной политики и переход к внутривнутриполитической конфронтации, превратившейся в основную общественно-политическую тенденцию развития в регионе.

1947—1948 гг. стали тем рубежом, которые отчетливо зафиксировали происшедший поворот. Применительно к странам Восточной Европы он означал завершение важнейшего этапа их послевоенного развития. Период народной демократии как воплощенный в реальность конкретный вариант демократии по соглашению заканчивался. Во внутренней жизни стран региона отчетливо обозначился новый ориентир. Им стала сталинская модель организации общества. Вместе с тем переход к этой модели, несомненно, являлся процессом с присущими ему временными хронологическими рамками. Применительно к 1948 г. еще нет оснований говорить о том, что в странах Восточной Европы налицо были все основные существенные черты сталинизма.

Политические системы оставались многопартийными, хотя в условиях активного продвижения коммунистов к властной монополии, многопартийность все более ощутимо приобретала формальный, «фасадный» характер. (В Югославии компартия уже в 1945 г. являлась единственной общегосударственной и многонациональной силой. Что касается Албании, то компартия вообще была единственной политической партией в стране). В странах региона существовали многоукладная экономика и разнообразные формы собственности. Весьма далеко было еще и до монополии марксизма-ленинизма в сфере идеологии. Здесь прочными оставались позиции церкви, прежде всего католической (особенно в Польше и Венгрии), занимавшей в обществе ту же «нишу», на которую претендовала и компартия. В регионе сохранялось также многообразие источников информации, причем западные информационные каналы являлись более доступными, что объяснялось

географическим положением стран региона и высоким уровнем технической оснащенности информационных служб Запада. Продолжал существовать и относительно широкий диапазон политических ориентаций общества. Даже в Польше, спецификой послевоенного развития которой являлось значительно более масштабное, чем в других странах региона, использование силовых методов, установившийся к 1949 г. режим и политсистема также не соответствовали советскому типу тоталитарной модели государства. Примечательно, что это признает и современная польская историография¹⁰⁶.

Как и в любом развитии, в процессе перехода к новой, сталинской, модели неизбежно должно было иметь место сочетание воздействия внутреннего и внешнего факторов, коррелирующих (усиливающих или тормозящих) друг друга.

- 1 Литературная газета. 12 сентября 1990 г. С. 15.
- 2 Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945—1964. М., 1993. С. 25.
- 3 Известия. 3 февраля 1990 г.
- 4 Коммунист. 1990. № 7. С. 115.
- 5 Зубкова Е.Ю. Указ. соч. С. 34.
- 6 Верт Н. История советского государства. 1900—1991. М., 1992. С. 314.
- 7 Нежинский Л.Н., Челышев И.А. О доктринальных основах советской внешней политики в годы «холодной войны» // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945—1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 12.
- 8 Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945—1991. М., 1998. С. 29.
- 9 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 39. Д. 587. Л. 3.
- 10 Цит. по: Холловэй Д. Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия. 1939—1956. Новосибирск, 1997. С. 226.
- 11 См., например: Юнгблюд В.Т. «Образы Российской империи» и внешнеполитическое планирование США в 1944—1945 гг. // США. Экономика. Политика. Идеология. 1998. № 6(342). С. 68—69.
- 12 Документ неоднократно публиковался. См., например: Источник. 1994. № 4; Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953. Т. 1. 1944—1948. М., 1999. С. 23—48.
- 13 Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953. Т. 1. 1944—1948. М.; Новосибирск, 1997. С. 38.
- 14 Там же. С. 40.
- 15 Там же. С. 39.
- 16 Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. 1944—1948. С. 86.
- 17 Цит. по: Георги Димитров. Дневник. 9 март 1933 — 6 февруари 1949. София, 1997. С. 464.
- 18 Djilas M. Wartime. N.-Y., 1977. P. 437—438.
- 19 Archiwum Act Nowych (Warszawa). 295/VII — 244. S. 40—41.
- 20 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 733. Л. 69—70.

- 21 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 181.
- 22 Там же. С. 132.
- 23 Там же. С. 207.
- 24 «Какие порядки, политические, социалистические (Так в тексте. Правильно: социальные. — *Авт.*) или религиозные, будут существовать в Польше — дело самих поляков. Что мы, советские люди, хотели бы иметь в Польше? Мы хотели бы, чтобы в Польше существовало такое правительство, которое понимало бы и ценило бы хорошие отношения со своим восточным соседом и было бы согласно сохранять эти отношения в интересах борьбы с общим врагом — Германией, которая, как бы мы ее ни разбили, снова возродится. В этом состоит наша главная цель», — заявил Сталин Ст.Орлеманьскому в беседе 28 апреля 1944 г. (Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 38).
- 25 Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Советский фактор в послевоенной Восточной Европе. 1945—1948 гг. // Советская внешняя политика в годы «холодной войны»... С. 74.
- 26 Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945—1954. М., 1999. С. 31.
- 27 Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Т. 2. 1944—1945. М., 1983. С. 238—241.
- 28 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 43. Д. 678. Л. 71—72; Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 29.
- 29 Подробнее см.: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: Миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе в 1944—1948 гг. М., 1993. С. 11—12, 89—91.
- 30 Орлик И.И. Чехословацкий кризис в феврале 1948 года и политика Западных держав // Февраль 1948. Москва и Прага. Взгляд через полвека. М., 1998. С. 99—107.
- 31 Централен държавен архив (София). Ф. 28. Оп. 1. А.е. 98. Л. 107.
- 32 Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. 1944—1948. С. 87; *Archiwum Act Nowych*. 295/VII — 244. S. 41.
- 33 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 171.
- 34 Подробнее см.: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Указ. соч.
- 35 *Právo Lidu*. 1945.23.XII.
- 36 РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 174. Л. 3.
- 37 Там же. Д. 63. Л. 3—4, 44.
- 38 *Státní ústřední archiv (Praha)*. Archiv UV KSČ. F. 01. Sv. 2. A.j. 13. L. 104.
- 39 *Daily Herald*. 1946. 22.VIII.
- 40 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 457—458.
- 41 Там же. С. 511.
- 42 Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. 1944—1948. С. 87.
- 43 Германский вопрос глазами Сталина (1947—1952) // Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 135.

- 44 СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И.Тюльпанов. 1945—1949. Сборник документов. М., 1994. С. 12.
- 45 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 186—187.
- 46 Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. 1944—1948. С. 41, 30.
- 47 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 135.
- 48 Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. 1944—1948. С. 24, 32, 33, 40.
- 49 Георги Димитров. Дневник... С. 184—185.
- 50 Беседы со Сталиным // Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 47.
- 51 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 28, 443, 505, 560, 616, 678.
- 52 Там же. С. 696.
- 53 Там же. С. 537.
- 54 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30а. П. 247. Д. 3. Л. 23.
- 55 Там же. Ф. 06. Оп. 8. П. 42. Д. 698. Л. 73—74; Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 513.
- 56 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 359. Л. 85.
- 57 Германский вопрос... С. 120.
- 58 Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Советский фактор в послевоенной Восточной Европе... С. 94—95.
- 59 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 147, 460, 614, 894.
- 60 Там же. С. 375.
- 61 Холловой Д. Указ. соч. С. 232—297.
- 62 Подробнее см.: Зима В.Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.
- 63 Внешняя торговля СССР (1918—1966 гг.). М., 1967. С. 88—89.
- 64 Германский вопрос... С. 124—125.
- 65 Подробнее см.: Наринский М.М. СССР и план Маршалла: По материалам Архива Президента РФ // Новая и новейшая история. 1993. № 2; Его же. Нарастание конфронтации: план Маршалла, Берлинский кризис // Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. Апогей и крах сталинизма. М., 1997. С. 53—89.
- 66 История внешней политики СССР. 1945—1975. М., 1976. Т. 2. С. 81.
- 67 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1083. Л. 252.
- 68 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29а. П. 171. Д. 2. Л. 55.
- 69 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 768. Л. 136.
- 70 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30а. П. 247. Д. 3. Л. 45—46.
- 71 За рубежом. 1991. № 11. С. 11.
- 72 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 727.
- 73 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 34. Д. 448. Л. 5—6; Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. 1944—1948. С. 538.
- 74 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 315. Л. 54.
- 75 Там же. Ф. 77. Оп. 3. Д. 174. Л. 3; Адиебеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. 1947—1956 гг. М., 1994. С. 133; Rieber A.J.

Zhdanov in Finland // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. № 1107. February 1995. Pittsburgh. P. 47, 49—51, 56, 65—66.

- 76 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1083. Л. 244.
- 77 Там же. Ф. 77. Оп. 3. Д. 88. Л. 17; АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 27а. П. 138а. Д. 1. Л. 18.
- 78 Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998; Волокитина Т.В. «Холодная война» и социал-демократия Восточной Европы. 1944—1948 гг. Очерки истории. М., 1998. С. 38—81.
- 79 РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 108. Л. 39.
- 80 Подробнее см.: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Указ. соч. С. 92—305.
- 81 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30. П. 214. Д. 4. Л. 10—11.
- 82 Archiwum Act Nowych. 295/V-4. S. 17.
- 83 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30. П. 214. Д. 4. Л. 12.
- 84 Там же. Ф. 0138. Оп. 29. П. 146. Д. 8. Л. 20.
- 85 Там же. Л. 19.
- 86 Там же. Ф. 0122. Оп. 30. П. 214. Д. 4. Л. 15.
- 87 Там же. Л. 42.
- 88 Там же. Л. 21.
- 89 РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 97. Л. 44.
- 90 Там же. Л. 52.
- 91 Волков В.К. Указ. соч. С. 132.
- 92 РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 97. Л. 53, 78, 89.
- 93 Подробнее см.: Фатеев А.В. Указ. соч. С.88—90.
- 94 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 253. Л. 22.
- 95 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 787—800, 802—811, 814—829, 831—858.
- 96 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30а. П. 247. Д. 3. Л. 73—74.
- 97 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1301. Л. 6.
- 98 Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. 1944—1948. С. 517.
- 99 Гибианский Л.Я. Коминформ в зените активности: создание организационной структуры и третье совещание // Совещания Коминформа... С. 509.
- 100 Archiwum Act Nowych. 295/VII-73. S. 12—13а, 16—17.
- 101 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30а. П. 247. Д. 3. Л. 70.
- 102 Там же. Л. 71.
- 103 Там же. Л. 73.
- 104 Там же. Л. 70, 74.
- 105 Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 71.
- 106 Paczkowski A. Pólwieku dziejów Polski. 1939—1989. Warszawa. 1995. S. 238.

Раздел I

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НОСИТЕЛИ ТОТАЛИТАРНОЙ ВЛАСТИ

Глава I

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП «КАДРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В ПОСЛЕВОЕННОЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ И ПЕРВЫЕ ИТОГИ

Вторая мировая война открыла этап глубоких структурных перемен в общественно-политической жизни региона. Его основным содержанием явились недопущение к власти в конце войны прежних политических режимов и возрастание в регионе влияния СССР. В условиях утверждения у власти новой политической силы проблема естественной смены лиц, занимавших в прошлом государственные и административные посты, приобрела масштабный характер устранения старых властных структур, смены элит. Имели место существенные изменения в организации государственных органов, создание новых структур, введение новых должностей. Рассматривая эти изменения в контексте трансформации политических режимов, следует признать определяющей такую их общую характеристику, как радикальность¹. В первую очередь это касалось старых кадров, удаление которых «наказательным» путем расчищало кадровое «поле» для новых управленцев.

Проблема кадров актуализировалась после окончания войны по всей Европе. Общее направление ее решения зафиксировала «большая тройка», констатируя в Потсдаме применительно к Германии необходимость и обязательность «искоренения германского милитаризма и нацизма». Великие державы подтвердили свои намерения предать военных преступников «скорому и справедливому суду»². Показательно, что, как свидетельствуют документы, термин «военные преступники» Москва предполагала толковать в будущем «в расширительном смысле». Такой подход предлагал, в частности, советский дипломат И.М.Майский. В упоминавшейся записке наркому В.М.Молотову от 10 января 1944 г. он обосновал необходимость включить в это понятие «не только тех лиц, которые совершили преступление на поле битвы или в районах оккупации, но также членов СС, СА, аппарат нацистской партии со всеми его разветвлениями, широкие круги армейской, воздушной, морской и административной верхушки»³. Хотя в период войны и в первые послевоенные годы в мировом сообществе понятия «военные преступники» или «преступники войны» относились к «главным военным преступникам», то есть прежде всего к Германии, уже первые программные документы всех новоформированных правительств содержали специальные пункты о наказании фашистов и коллаборационистов. В странах Восточной Ев-

ропы это решение было реализовано новой властью в своих политических интересах. Фактически параллельно развивались два процесса: наказание бывшей политической элиты сочеталось с широкой сменой государственной администрации. В первый процесс была включена судебная система в виде новых судебных органов и чрезвычайного законодательства. В регионе все это вообрало в себя понятие «народный суд». Официально в центре внимания «народных судов» была прежде всего старая политическая элита, запятнавшая себя сотрудничеством с фашизмом.

Применительно к странам-сателлитам деятельность «народных судов» получила международно-правовую мотивировку также в виде решений «большой тройки»: уже Соглашения о перемирии с бывшими союзницами Германии в войне — Болгарией, Венгрией и Румынией содержали схожие пункты о сотрудничестве властей этих стран в деле задержания военных преступников и их наказания⁴. Продублированные позднее, в феврале 1947 г., в Мирных договорах с этими странами⁵ соответствующие пункты фиксировали необходимость судебного наказания военных преступников в значительной мере как бы вдогонку. К примеру, в Венгрии на основе постановления правительства от 25 января 1945 г. о народном судопроизводстве⁶ уже за 6 месяцев в качестве военных преступников были арестованы 22 тыс. человек, из которых 9 тыс. интернированы, 2 тыс. преданы «народным судам». Последние функционировали в стране с 3 февраля 1945 г. Однако их «результативность», судя по некоторым фактам, вызвала неудовлетворение у руководства ВКП. На 15 марта 1945 г. было осуждено лишь двое, да и само число судов не достигло запланированной цифры: вместо 23 действовали 17 составов. Под впечатлением этой информации генеральный секретарь ЦК компартии М.Ракоши в середине марта сообщил в Москву: «Народные суды... действуют неправильно. Под нашим давлением в их деятельность было внесено некоторое оживление, однако эти учреждения построены так, что приведение смертных приговоров в исполнение производится очень медленно. Наша задача сейчас — принимать все необходимые меры и требовать как быстрого решения дел, так и привлечения к ответственности действительно больших политических преступников, а не только мелких жуликов»⁷. На встрече с сотрудниками Отдела международной информации (ОМИ) ЦК ВКП(б) 23 июня 1945 г. Ракоши пришлось выслушать резкую критику Г.Димитрова, упрекавшего венгерских коммунистов, в частности, в отсутствии «политических процессов» в стране. Ракоши попытался парировать: «Фашистские вожди бежали, — пояснял он. — У нас нет ни одного министра, ни одного статс-секретаря фашистского. Это очень плохо, плохо в том смысле, что мы до сих пор не смогли создать политический процесс. Были такие люди, как начальник концлагерей, как полковник или начальник тюрьмы, одним словом, мелкие исполнители, но настоящих вождей в наших руках нет... Когда я читал, что в Болгарии удалось взять всех министров, у меня слюнки текли. Я сказал — какая счастливая страна. У нас

все бежали, а на нет и суда нет. Мы надеемся, что нам выдадут этих фашистских вождей, и тогда мы организуем процесс»⁸.

Народные суды действовали в Венгрии до 1 апреля 1950 г. Всего ими было рассмотрено 58953 дела, по которым осуждены 26286 человек, в том числе вынесено 476 смертных приговоров. В исполнение приведено 189⁹. Но крупного «политического процесса» на том этапе провести так и не удалось.

В Болгарии в конце сентября 1944 г. во исполнение программы первого правительства Отечественного фронта (ОФ) был принят закон о народном суде над виновниками вовлечения страны в войну на стороне фашистской Германии и связанных с ней злодеяний. Идея проведения народного суда была популярна среди всех участников ОФ, хотя для одних она была воплощением высшей справедливости, а для других прежде всего поводом к тому, чтобы «убрать массы с улиц», создать «спокойную, мирную обстановку». Например, члены политической группы, впоследствии партии «Звено», неоднократно напоминали о «сдержанности», необходимости действовать «в рамках справедливости», избегая максимализма и «правового нигилизма»¹⁰. Практика, к сожалению, быстро доказала правомерность опасений «звенарей», о чем будет сказано ниже.

Проведение «наказательной» акции вызывало у руководства БРП(к) немало вопросов. 5 декабря 1944 г., в связи с предполагавшимся отъездом В.Коларова в Софию Г.Димитров попросил о встрече болгарских руководителей с И.В.Сталиным. Г.Димитров мотивировал эту просьбу тем, что им нужны советы по вопросам, при решении которых компартия «встречает затруднения и чувствует себя не вполне уверенно». Среди этих вопросов значилось и проведение народного суда над бывшими фашистскими министрами и военными преступниками¹¹.

Из-за крайней занятости Сталина личная встреча в тот момент не состоялась, но, как показывают документы, его общие установки в связи с обострением внутривнутриполитической ситуации в Болгарии и, в частности, высказанное Г.Димитрову в телефонном разговоре 13 декабря недовольство чрезмерной политической активностью коммунистов и нежеланием считаться с партнерами по ОФ¹² возымели действие. По всей вероятности, это отразилось и на сроках проведения народного суда, позволив до некоторой степени ввести «наказательную» акцию в русло закона.

В декабре 1944 г. начались судебные процессы. По просьбе болгарского правительства и по согласованию с правительствами США и Великобритании советская сторона передала арестованных «главных виновников» (членов Регентского совета Б.Филова, Н.Михова, князя Кирилла Габровского, премьер-министра Б.Божилова, министра Василева и др.) болгарским властям для осуществления правосудия «непосредственно в стране». Это в определенной мере нарушало прежние договоренности, поскольку по решению Тегеранской конференции 1943 г. главные подсудимые, разрабатывавшие и осуществлявшие внутри- и внешнеполитический курс болгарского правительства, должны были предстать

перед международным судом. Именно в силу этого они и были переданы после ареста в сентябре 1944 г. советским властям. 26 января 1945 г., выступая в ОМИ ЦК ВКП(б), секретарь ЦК БРП(к) Т.Костов подчеркивал: «Огромную роль в борьбе против фашизма сыграют наши народные суды, которые уже начали свою работу и скоро вынесут справедливый, а это означает — беспощадный приговор всем гитлеровским агентам в нашей стране. Болгария является первой страной, в которой фашисты уже сидят на скамье подсудимых перед народным судом, составленным из избранников комитетов Отечественного фронта. Народные судьи будут судить по совести и убеждению, не придерживаясь всевозможных процессуальных тонкостей буржуазных законов. Поэтому наш народный суд над фашистами будет иметь не только внутреннее, но и международное значение. После суда над регентами, дворцовыми советниками, министрами кабинетов, управлявших страной с 1941 по 9 сентября 1944 г., и депутатами Народного собрания, одобрявшими прогитлеровскую политику правительства, последуют другие процессы... У нас есть все основания думать, что до конца марта будут закончены все эти процессы и что расправа с активными фашистскими агентами будет самой беспощадной»¹³. Костова, как видим, не смутило явное несоответствие понятий «суд» и «расправа», которые он фактически счел рядоположенными. Что касается названных им сроков, то ошибся Костов не настолько: судебные процессы завершились в конце апреля 1945 г. Всего было проведено 135 процессов, в том числе 2 центральных, рассмотревших дела представителей высшего эшелона власти.

Точная статистика деятельности народных судов в Болгарии отсутствует. Наиболее часто фигурирующая цифра касается общего числа подсудимых — 11122. Оправданы были 1516 человек, прекращены или приостановлены дела 451 чел., 1305 чел. были приговорены к пожизненному заключению, 8 чел. — к 20 годам строгого режима, 981 чел. — к 15 годам строгого режима, 2730 чел. — к смертной казни¹⁴.

В литературе уже отмечено это бросающееся в глаза несоответствие — сравнительно малое число осужденных и огромное, по сравнению с другими странами, число смертных приговоров, но болгарские авторы настаивают на факте несовершенной статистики, фиксируя случаи вынесения смертных приговоров по отношению к убитым, умершим, эмигрировавшим лицам, вынесения нескольких приговоров в отношении одного и того же лица, а также указывая на отсутствие точных сведений о приведении приговоров в исполнение¹⁵. Однако подобная мотивировка не кажется нам достаточно убедительной. Примечательно, что и некоторые современники процессов считали, что народный суд был призван решить некую сверхзадачу, не ограничиваясь прокламировавшей дефашизацией. Так, будущий лидер «лояльной оппозиции» Н.Петков еще до суда предсказывал: «Будут судить регентов, министров, депутатов, военных и полицейских, объявленных фашистами. Это расправа с болгарской государственностью, а не с гитлеровскими агентами»¹⁶.

В коммунистических «верхах» деятельность народного суда получила в целом положительную оценку, хотя Костов признавал наличие «значительных ошибок». Он констатировал: «Может быть, мы ошиблись при разработке закона, установив, что в каждый состав народного суда должно быть включено много юристов. Опыт показывает, что многие наши юристы проявляют большую любовь к формальностям и оказываются неподходящими для возложенной на них работы. ЦК не может согласиться с утверждением, что правосудие — это соблюдение норм. Особенно неправильно такое мнение в наше время»¹⁷. Иными словами, не закон, а пресловутая «революционная целесообразность» получала предпочтение у болгарских коммунистов. Чем чреват такой подход, хорошо известно по нашей, отечественной, истории.

Конкретные материалы позволяют констатировать, что, действительно, понятие «фашизм» и его производные толковались необоснованно расширительно. Такой подход нередко демонстрировали и советские представители в Болгарии. В сентябре 1945 г. сотрудник группы политсоветника СКК Х.Розов, возвращаясь к итогам работы народных судов, отметил, что они убрали лишь «верхушку болгарского фашизма», оставив основные его кадры почти нетронутыми¹⁸. И хотя пока не представилось возможным установить, была ли это личная оценка Розова или мнение советской части СКК, а, быть может, и более высоких инстанций, данная позиция симптоматична.

Документы дают возможность зафиксировать и такую особенность борьбы с «фашизмом» в Болгарии, как проведение масштабных репрессий на местах до суда и без суда. Болгарский либеральный демократ Ст.Мошанов в беседе с заместителем политсоветника СКК в Болгарии Д.Г.Яковлевым 6 декабря 1944 г. так охарактеризовал сложившееся в стране положение и, в частности, «массовые перегибы при арестах»: «Процесс бурной реакции освобожденного от фашистского гнета народа против своих угнетателей затянулся настолько, что перешел в хроническую форму, и эта форма стала повседневным явлением»¹⁹. 15 декабря 1944 г. факты саморасправы болгарских коммунистов с арестованными подтвердил в беседе с членом группы политсоветника СКК Ф.Фечиным и кандидат в члены Политбюро ЦК БРП(к) В.Червенков²⁰. О масштабе репрессивных мероприятий позволяют судить и некоторые материалы о положении в провинции. 30 января 1945 г. на встрече заместителя политсоветника СКК К.Д.Левычкина с руководством народной милиции и госбезопасности в Бургасе советскому дипломату сообщили: с 9 сентября 1944 г. по 30 января 1945 г. в Бургасской области арестовано 1100 человек; после проверки 300 человек освобождены, примерно 300 человек расстреляны без суда, остальные будут судимы. 1 февраля 1945 г. на аналогичной встрече в Пловдиве прозвучали следующие цифры: арестовано 1400 человек, без суда расстреляны около 300 человек, 200 человек отправлены (опять-таки без суда) в лагерь, 1200 человек будут отданы под суд.

Всего в стране, по некоторым данным, за несколько недель после 9 сентября 1944 г. без суда и следствия были ликвидированы свыше 18 тыс. человек²¹. Размах репрессий не насторожил советских представителей в стране, хотя истинными их причинами нередко становились карьеристские побуждения и простое сведение личных счетов. (Это, в частности, отмечал и Т.Костов, на встрече в ОМИ ЦК ВКП(б).) Левычкин, например, советовал привлекать к проведению репрессивных мероприятий союзников по ОФ, которые, таким образом, пройдут «проверку на деле» и не смогут в дальнейшем возложить всю вину за репрессии на коммунистов²².

Фактически поощряя нарушения законности, советские представители в стране объективно нередко игнорировали официальную установку Москвы на невмешательство СКК в работу народных судов. Это не осталось незамеченным. 13 января 1945 г. заведующий IV европейским отделом НКВД СССР В.А.Зорин и его помощник А.Абрамов направили заместителям наркома иностранных дел СССР А.Я.Вышинскому и В.Г.Деканозову докладную записку о работе СКК в Болгарии, в которой резко осудили попытки советских сотрудников повлиять на определение сроков судебного заключения некоторых подсудимых²³.

Не исключено, что настроения московского руководства стали известны сотрудникам СКК. 20 января 1945 г. тот же Левычкин, например, в беседе с народным судьей Шулевым отказался сформулировать позицию советской стороны в отношении готовившегося приговора обвиняемому, проходившему по одному из центральных политических процессов. Из записи беседы: «Шулев заявил, что он пришел для того, чтобы выяснить позицию русских в отношении предстоящего приговора по делу преступников войны... Шулев сообщил, что в судебном органе существуют разногласия между представителями политических партий по существу предстоящего приговора. Поэтому он хотел бы знать мнение советской делегации (так в тексте. — *Авт.*) и придерживаться этого мнения на суде. Я ответил Шулеву, что этот вопрос не входит в компетенцию Союзной Контрольной Комиссии. Судебные органы имеют все необходимое, чтобы принять справедливое решение... Судьи имеют конкретный материал о деятельности преступников, знают размеры их преступлений перед болгарским народом и Объединенными Нациями, знают настроение болгарского народа. Наконец, сами судебные органы являются народными. Этого вполне достаточно, чтобы избежать ошибки в решении суда. Шулев заявил, что настроение народа является стихийным. Он не в курсе всех тонкостей судебного процесса... Кроме того, говорит Шулев, Болгария не имеет самостоятельной политики. Ее политика определяется политикой СССР... Поэтому они не могут самостоятельно принять решения и хотели бы знать нашу точку зрения по существу приговора. Я еще раз подтвердил свое решение. Шулев ушел неудовлетворенным»²⁴.

В Румынии практически одновременно, 20 и 21 января 1945 г. были приняты два закона — «О преследовании и наказании воен-

ных преступников», предусматривавший разные меры наказания вплоть до смертной казни, и «О преследовании и наказании виновников катастрофы страны». По второму закону наказание «по максимуму» предполагало пожизненное заключение, а кроме того, именно в соответствии с этим документом учреждались в стране народные суды.

Реализация этих законов началась в апреле—мае 1945 г., то есть после того, как в результате визита в Бухарест уполномоченного СНК СССР по делам СКК в Румынии А.Я.Вышинского к власти было приведено правительство П.Грозы, и соотношение сил в кабинете министров изменилось в пользу Национально-демократического фронта (НДФ).

Подготавливая отставку правительства Н.Радеску, советская сторона делала упор на необходимость «обеспечить порядок и честное выполнение [Румынией] условий Соглашения о перемирии». В телефонограмме политического советника СКК в Румынии А.П.Павлова В.М.Молотову от 3 марта 1945 г. подчеркивалось, что «правительство Радеску из-за засоренности его реакционными элементами оказалось не только не способным обеспечить порядок и спокойствие в стране, являющейся тылом Красной Армии, но и прямо поощряло преступную деятельность железногвардейцев, приверженцев Антонеску и других фашистских элементов. Радеску препятствовал выявлению и наказанию военных преступников и саботировал чистку армии и государственного аппарата от легионерско-фашистских элементов. Характерно, что из армии, насчитывающей несколько сот тысяч солдат и несколько десятков тысяч офицеров, были исключены и преданы суду в качестве прогитлеровцев и военных преступников только 53 человека, из которых к тому же ни один не осужден». Выдвинув против Румынии также обвинение в «подготовке к установлению режима военной фашистской диктатуры», Павлов от имени советской части СКК фактически обозначил необходимость привлечения к судебной ответственности «provokatora и профашиста Радеску и его клику»²⁵. 7 марта 1945 г. П.Гроза публично заявил о начале чистки от «фашистов» во всех сферах общественной жизни, а уже 2 апреля центральный орган компартии газета «Скынтейя» сообщила об арестах нескольких сотен полицейских и офицеров контрразведки, «виновных в постигших страну бедствиях»²⁶. В начале мая 1945 г. в Москву пришло сообщение из Бухареста о решении Совета министров предать народному трибуналу 47 военных преступников во главе с генералом Мачичем. Последний обвинялся в зверских убийствах мирного населения Одессы в октябре 1941 г. В ответ на взрыв в штабе румынской оккупационной армии в городе по приказу маршала И.Антонеску были проведены массовые репрессии. Поскольку приказ Антонеску касался коммунистов, оккупационные власти объявили таковыми мирных граждан, в основном еврейской национальности. По неполным данным, жертвами расправы стали 20 тыс. евреев.

Накануне процесса министр юстиции коммунист Л.Патрашкану заявил в прессе, что «осуждение преступников будет основываться на объективных данных, а не на основании соображений мести». 22 мая 1945 г. 29 военных преступников, в том числе и генерал Мачич, были приговорены к смертной казни, а 8 подсудимых — к различным срокам тюремного заключения. 5 июня 1945 г., однако, смертные приговоры были заменены пожизненным заключением*. Позднее, в мае 1946 г., были вынесены смертные приговоры диктатору И.Антонеску, его заместителю М.Антонеску, военному министру К.Пантази, начальнику сигуранцы (тайной полиции) Е.Кристеску. Отдельные сведения, которыми мы располагаем, свидетельствуют о значительном размахе «наказательной» акции в Румынии: так, в беседе с английским журналистом А.Гибсоном 23 мая 1945 г. П.Гроза заметил, что за прошедшие со дня прихода к власти его кабинета два месяца арестованы 90 тыс. человек²⁷.

В других странах региона также развернулась «наказательная» акция, шедшая в русле решений «большой тройки». Против политической коллаборации были направлены декреты президента Чехословацкой республики Э.Бенеша о военных преступниках и коллаборантах, а также о создании чрезвычайных народных судов и Национального суда, подписанные 1 февраля и 19 июня 1945 г. Временное Национальное собрание объявило их законами. Словацкий Национальный совет принял аналогичный закон 15 мая 1945 г. В соответствии с этими законами по обвинению в коллаборации в народные суды были переданы 132 тыс. дел, но рассмотренными оказались немногим более 38 тыс. Всего до конца 1947 г. в Чехословакии к народному суду было привлечено 158 тыс. военных преступников и коллаборантов. Осуждены 46400 человек, из них к высшей мере наказания приговорены 778 человек²⁸.

Характерно, что чехословацкие коммунисты также старались интерпретировать понятие «коллаборация» широко, что давало как политический, так и экономический выигрыш: в частности, позволяло элиминировать сторонников правых сил и переводить в управление государством принадлежавшие обвиняемым имущества или фабрики. Однако такая позиция оформилась не сразу. Политики некоммунистической ориентации стремились к более точной и корректной интерпретации правовых норм, учитывая реальную обстановку, существовавшую в годы войны в Протекторате²⁹. Касалось это и трактовки понятия «коллаборация». Не исключено, что именно под влиянием такого подхода в проект программы правительства Национального фронта чехов и словаков, разработанный заграничным руководством КПЧ в марте 1945 г., вошел пункт о том, что «служба в государственном и общественном аппарате бывшего оккупационного и предательского режима сама по себе не будет считаться подлежащей наказанию». Симптоматично, что

* Генерал Мачич умер в тюрьме Аюд 15 июня 1950 г. от сердечного приступа.

знакомившийся с проектом заведующий IV европейским отделом НКВД В.А.Зорин критически отнесся к предложенной формулировке³⁰. По всей вероятности, мнение советского дипломата и обусловило некоторое изменение позиции чехословацких коммунистов по вопросу о коллаборации. В окончательный вариант программы был включен следующий текст: «...Народ и правительство будут внимательно следить, чтобы в национальные комитеты не попали элементы, которые сотрудничали с оккупантами, поддерживали предателей и, служа врагу, получили мерзкую личную выгоду»³¹. Иными словами, установленным коллаборантам вход во властные структуры был закрыт.

Руководители Протектората должны были предстать перед Национальным судом. Осенью 1946 г. суд рассмотрел дела 9 министров коллаборантских правительств (из 16). Четверо из них были приговорены к различным срокам тюремного заключения, трое были оправданы и двое освобождены от наказания. Дела руководителей «Словацкого государства» во главе с Й.Тисо, находившихся в тюрьме, были переданы в компетенцию Национального суда в Братиславе. Как информировал на первом совещании Коминформа в 1947 г. генеральный секретарь ЦК КПЧ Р.Сланский, «вокруг приговора над Тисо (так в тексте. — *Авт.*) разгорелась ожесточенная борьба. Наши чешские партнеры и сам президент [Бенеш] колебались до последнего момента. Мы добились большинства в правительстве по этому вопросу только после того, как пригрозили открытием массовой кампании протеста»³². Окончательно судьба основной массы заключенных решилась в дни острого политического кризиса в Словакии, по ходу которого коммунисты реализовывали задачу ликвидации «клерофашистской реакции» в стране. Национальный суд вынес смертный приговор Тисо; в апреле 1947 г. он был приведен в исполнение.

В политотчете посольства СССР в Праге за 1947 г. указывалось, что коммунисты во время процесса по делу Тисо решали основную политическую задачу — «разоблачить подлинную сущность [его] антинародной, антидемократической политики...» В связи с этим советские дипломаты подчеркивали античешскую направленность политики Тисо, особенно в межвоенные 1936—1939 гг., политики, которая встречала широкую поддержку значительной части населения Словакии. Последнее, как констатировалось в отчете, «имело основания (подчеркнуто нами. — *Авт.*) быть недовольным отношением бывших правящих кругов чехов к Словакии», ущемлением национальных, политических, культурных ценностей и прав словацкого народа*³³.

* Заметим, что сформулированная весной 1946 г. принципиальная установка руководства КПЧ на «ограничение компетенции словацких национальных органов»³⁴ фактически означала определенную преемственность позиций прежнего «буржуазного» правительства в отношении Словакии.

В целом советская сторона не была удовлетворена ходом «наказательной» акции в Словакии, считая, что «кроме казни Тисо, ничего не сделано для борьбы с реакцией». Осенью 1947 г. в Москве продолжали считать, что в Словакии фашистские элементы «не выкорчеваны».

Критическая тональность преобладала и в оценках, характеризовавших положение дел в стране в целом. Так в информационной записке «О современном политическом и экономическом положении Чехословакии», подготовленной к учредительному совещанию Коминформа (сентябрь 1947 г.), подчеркивалось, что КПЧ не воспользовалась благоприятной ситуацией (пребыванием Красной Армии в стране до декабря 1945 г.) и не наказала предателей народа, не очистила страну от остатков фашизма, которые ныне «орудуют в партиях, входящих в Национальный фронт»³⁵.

В Польше борьба с проявлениями политической коллаборации развернулась еще в период оккупации. По некоторым данным, подпольные организации уничтожили около 3 тыс. «шпикиров»³⁶, но в целом политическая коллаборация как массовое явление не имела места в стране. Военные преступники и предатели попадали под действие декрета ПКНО (Польского комитета национального освобождения) от 31 августа 1944 г., в соответствии с которым высшей мере наказания подлежал достаточно широкий круг лиц, в том числе и доносчики. Декретом ПКНО от 23 сентября 1944 г. вводились военные суды и прокуратура³⁷, юрисдикция которых распространялась и на гражданских лиц. Военные суды активно использовались новой властью в борьбе против подпольных военно-политических структур лондонского лагеря. Дополнения, внесенные в действовавшее законодательство в сентябре—октябре 1944 г., предусматривали смертную казнь или пожизненное заключение за преступления, представлявшие угрозу безопасности и целостности государства. Прежде всего под удар попадали сторонники тех политических сил, которые оказывали или пытались оказывать сопротивление утверждению политического режима во главе с ППР.

В 1944—1948 гг. военные суды вынесли более 22 тыс. приговоров, в том числе 2500 смертных, большинство из которых были приведены в исполнение. Кроме того, советские военные власти пользовались правом устанавливать «справедливый порядок» в тылах своего фронта в Польше; при этом понятие «тылы» подчас толковалось, как справедливо считают польские исследователи, произвольно и неоправданно широко³³.

В результате действий различных оперативных групп, в том числе и подразделений военной контрразведки «СМЕРШ» НКВД и НКВД СССР, были арестованы тысячи участников польского антиправительственного подполья. К осени 1945 г. в лагерях и тюрьмах НКВД СССР находились более 20 тыс. интернированных на территории Польши. Важнейшую роль при проведении «оперативно-чеккистских мероприятий», несомненно, играла их политическая составляющая — подавление противников новой власти. Иными словами, в Польше, где национальная политическая элита

в большей части своей не была поражена «болезнью» коллаборации, «наказательные» антифашистские акции новая власть при поддержке советской стороны смогла сразу направить по «классовому руслу», превратив их в инструмент борьбы за адекватный собственным идейно-теоретическим установкам режим. В ходе этой борьбы из общественной жизни была элиминирована значительная часть прежней элиты и слоя государственных служащих.

2 августа 1945 г. была объявлена приуроченная к годовщине образования ПКНО и в связи с созданием коалиционного правительства амнистия сторонникам польского правительства в эмиграции в Лондоне, в том числе бойцам Армии Крайовой (АК). Под нее попадали те из «лондонцев», кто до 15 сентября 1945 г. признал бы свою подпольную деятельность и сложил оружие; амнистия, однако, не распространялась на руководителей подпольных структур³⁹. Воспользовались правом амнистии примерно 44 тыс. человек. Однако до конца 1945 г. в Польше фактически сохранялось военное положение, продолжались аресты*.

Большой сложностью отличалась ситуация в Югославии, где в условиях оккупации резко обострились межэтнические противоречия, усилился радикальный национализм, породивший крайний политический экстремизм и насилие в широких масштабах. Оккупанты, активно используя соответствующие настроения, содействовали созданию квислинговских «национальных» структур типа «Независимого государства Хорватии», руководителем, «поглавником», которого стал лидер хорватских усташей (от хорв. усташа — повстанец) А.Павелич. Стремясь к созданию «этнически чистого» хорватского государства, правительство Павелича проводило политику геноцида. Ее итогом стало уничтожение почти 800 тыс. чел., в основном сербов, более 30 тыс. евреев и примерно столько же цыган. Военные силы усташей насчитывали около 150 тыс. чел.⁴¹

В мае 1941 г. германское командование создало в Белграде «правительство» М.Ачимовича, но уже 29 августа его сменило так называемое правительство национального согласия Сербии во главе с бывшим генералом югославской армии, бывшим военным министром М.Недичем. Будучи крайним националистом, Недич также исповедовал идею «этнически однородного» государства,

* Поясняя годом позже, в августе 1946 г., позицию высшего руководства ППС по вопросу об отношении к «аковцам», премьер-министр Польши и один из лидеров ППС Э.Осубка-Моравский подчеркивал, что прежде, враждебное отношение к АК было «неправильным». «Такое отношение не отвечало политической сущности АК, которая была, как известно, военной организацией во время оккупации. В ее рядах находились массы поляков, в частности, патриотической молодежи. В настоящее время официальные круги не предъявляют никаких обвинений АК»⁴⁰.

Выступая от имени правительства, Осубка-Моравский сознательно взял на ППС часть «чужой» вины за резко негативные оценки АК, хотя нетерпимые позиции в отношении «аковцев» демонстрировали прежде всего польские коммунисты.

только сербского. Достижение этой цели ему виделось возможным при опоре на германские штыки.

Сторонники идеи «этнически чистых» государств нашлись также и среди словенцев («белогвардейцы»), и среди боснийских мусульман. Все они оказались в лагере коллаборации.

Последнему противостояли силы, выступавшие против оккупации: королевское правительство Югославии, находившееся в эмиграции в Лондоне и сохранившее статус правительства союзного, воюющего со странами «оси», государства; четническое (от серб. чета — отряд) движение, руководимое полковником Драголюбом (Дражей) Михайловичем, и возглавлявшееся коммунистами народно-освободительное движение.

Четническое движение носило националистическую окраску. Его сторонники вынашивали планы обновления монархического института, создания «Великой Сербии» в рамках «Великой Югославии». Однако поначалу Михайлович считал, что реализация задуманного возможна единственно на пути борьбы с оккупантами. Это объясняет готовность четнического руководства к налаживанию сотрудничества с партизанами Й. Броз Тито в рамках единого освободительного движения весной—летом—осенью 1941 г. По инициативе коммунистов состоялось даже две встречи Михайловича и Тито. Однако уже в декабре 1941 г. Михайлович отказался от сотрудничества и установил контакт с Недичем и германскими и итальянскими оккупационными властями. Стали отмечаться случаи нападения четников на сербских партизан. Численность четнического движения постоянно росла: если осенью 1941 г. она равнялась 3—5 тыс. чел., то в сентябре 1944 г. отряды Михайловича объединяли уже 60 тыс. чел.⁴²

Возглавлявшая народно-освободительное движение компартия Югославии взяла в годы войны на вооружение традиционную югославистскую идею в сочетании с принципами интернационализма. Будущая Югославия виделась руководству КПЮ как сформированная на равноправной основе федерация народов Югославии. КПЮ стала единственной силой в стране, которой удалось объединить югославских патриотов и поднять их на вооруженную борьбу в общенациональном масштабе, придав ей организованный характер. В рядах Народно-освободительной армии сражались к осени 1944 г. 400 тыс. бойцов. Таковы исторические факты, требующие адекватной оценки, каким бы ни было сегодня отношение к коммунистической идеологии⁴³.

Таким образом, за воссоздание в той или иной форме единой Югославии выступали участники как коммунистического, так и антикоммунистического сопротивления оккупантам, тогда как радикальные этнические националисты, независимо от национальности, оказались в лагере коллаборации⁴⁴.

Вследствие этого понятно, почему после освобождения страны и установления народной власти, означавшей победу коммунистов, размах «наказательной» акции, направленной против военных преступников и коллаборантов, стал столь значительным.

Еще на этапе активной вооруженной борьбы против захватчиков летом 1941 г. военные суды сурово решали вопрос о судьбе предателей и пособников, проводили конфискацию их собственности. Имевшие место в первой половине 1945 г. массовые репрессии в основном затронули эти же категории населения, хотя, по некоторым сведениям, в поле зрения судебных органов и прежде всего тайной политической полиции (ОЗНА) попадали и оппозиционно настроенные к режиму лица. В первую очередь именно против них применялась такая мера, как лишение избирательных прав (по оценке того времени, число «лишенцев» достигало 250 тыс. человек). Официальным основанием также служили подозрения в коллаборации и предательстве.

В стране была создана широкая сеть чрезвычайных и военных судов для гражданского населения. Деятельность этих органов вызвала резкое недовольство в обществе. Советское посольство в Белграде располагало информацией на этот счет, равно как и материалами «о массовых расстрелах, о неспокойствии в стране», о том, что, опасаясь ареста, «люди бегут в леса» и пр. Судя по документам, советской стороне были известны многочисленные факты нелегального распространения в столице листовок от имени различных партий с требованием роспуска чрезвычайных судов и объявления амнистии всем «политическим преступникам». Особая акцентация на то, что перед судом должны предстать лишь те из них, кто «непосредственно сотрудничал с оккупантами, совершал злодеяния и преступления»⁴⁵, доказывает: понятием «политический преступник» и в Югославии органы власти и суды пользовались произвольно и необоснованно широко, подверстывая под него по разным соображениям всех неугодных лиц.

Статистические сведения об итогах «наказательной» акции в стране отличаются значительным разбросом. Данные немецкого исследователя В.Брокдорфа, например, о 1,7 млн «жертв коллаборации»⁴⁶ сближаются со статистикой, приводимой хорватскими специалистами — 1,9 млн чел. Достоверность этих сведений поставил под сомнение, считая их преувеличенными, крупнейший польский исследователь истории Второй мировой войны Ч.Мадайчик⁴⁷. Российский ученый М.И.Семиряга приводит данные Г.Нойбахера, согласно которым «наказательная акция» в Югославии коснулась примерно 1 млн чел.⁴⁸

Мало что могут добавить и архивные материалы, которыми мы располагаем. Так, например, в феврале 1946 г. советское посольство сообщило в Москву В.М.Молотову полученную от секретаря ЦК КПЮ М.Джиласа информацию: «...Органами ОЗНА после освобождения Югославии ликвидировано около 200 тыс. человек, сотрудничавших с оккупантами и являвшихся активнейшими врагами нового режима». Кроме этого, осенью—зимой 1945 г. в лесах Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины было уничтожено около 11 тыс. членов усташских и четнических отрядов, арестованы и расстреляны главные сподвижники Д.Михайловича. Сам Михайлович в июле 1946 г. по приговору федерального суда Югославии

был расстрелян по обвинению в национальном предательстве и коллаборации. Прошли также судебные процессы над военными преступниками и коллаборантами — архиепископом А.Степинацем, членами квинслиговских правительств Недичем, Ачимовичем, Цинцар-Марковичем и др. Недич покончил с собой в тюрьме, а Павеличу удалось бежать из страны. В 1959 г. он умер в Испании.

«Наказательная» акция имела и экономическую сторону. По решению президиума АВНОЮ от 21 ноября 1944 г. все имущество врага и его пособников переходило государству. Секвестрировалась и затем также переходила в государственное управление собственность «отсутствовавших лиц», под которыми понимались прежде всего иностранные граждане. Это решение, позднее дополненное другими юридическими актами, в том числе и законом о конфискации (1945 г.), стало основой развернувшегося в стране масштабного процесса фактической национализации. Его итогом явилось сосредоточение в руках государства уже к середине 1945 г. более 80% всей промышленности, почти всей банковской системы, преобладающей части оптовой и внешней торговли⁴⁹.

В Албании задача выявления и нейтрализации пособников оккупантов, а также проведения экономических конфискаций и секвестрирования была возложена на отряды охраны порядка — партизанскую стражу и областные гарнизоны, сформировавшиеся с августа 1943 г. по решению генерального штаба Национально-освободительной армии Албании (НОА). И партизанская стража, и гарнизоны фактически действовали в условиях двойного подчинения — генштабу НОА и создававшимся на освобожденных территориях национально-освободительным советам, заменявшим старый административный аппарат.

Контроль со стороны генштаба НОА был крайне жестким. В поле его внимания попадали даже отдельные случаи конфискации скота у крестьян деревни, не поддерживавшей партизан.

После освобождения Албании в ноябре 1944 г. в стране развернулась работа военных трибуналов, деятельность которых направлялась также и на решение в пользу новой власти экономических вопросов. С помощью революционных трибуналов проводился в жизнь принятый 14 января 1945 г. закон «Об общих положениях о конфискации частной собственности». Согласно его статьям, власти могли конфисковать, причем без какой-либо компенсации, любое предприятие. Бывшие владельцы автоматически отстранялись от руководства, уступая место рабочим и лояльным власти специалистам. Несогласные обвинялись в экономическом саботаже и попадали под трибунал.

Развивавшиеся в стране общественно-политические процессы испытывали непосредственное влияние и прямое воздействие Югославии, где борьба с коллаборацией фактически означала и прерывное устранение потенциальной оппозиции. Однако определением «коллаборация» албанское руководство не пользовалось, предпочитая ему понятия «реакция» или «реакционные элементы». По документам не всегда можно четко определить «кто

был кто», поскольку диапазон распространения этих терминов был значительным: помимо политических противников нового режима, ими характеризовались открыто уголовные элементы, члены соперничавших старых родовых кланов, в том числе отличавшихся и по профессиональному признаку, и пр.

Так, в докладной записке референта Отдела внешних сношений (ОВС) ЦК ВКП(б) П.И.Манчхи, побывавшего весной 1946 г. в Албании, констатировалось, что «по всей стране имеются многочисленные разрозненные реакционные (мужские и женские) группы по 5—10 человек. В эти группы входит главным образом молодежь. Во главе этих групп стоят бывшие крупные землевладельцы, бывшие офицеры старой армии, бывшие жандармы и полицейские, католические попы, бывшие члены марионеточных правительств, бывшие члены антинародных организаций "Балли Комбата" (Так в тексте. Правильно: «Балы Комбтар». — *Авт.*) и "Легалитет". Кроме того, на севере Албании орудуют вооруженные банды общей численностью около 600 человек»⁵⁰. О положении в северной части страны, где отсталые в социально-экономическом и политическом развитии горные районы жили по законам и обычаям далекого прошлого, следует сказать особо. Оно, действительно, было крайне напряженным. В октябре 1944 г. феодальная верхушка Севера предприняла попытку сформировать свое правительство, противостоявшее руководству Национально-освободительного фронта. Албанские байрактары* объединились в «Лигу Шкодры» с целью защиты этнических границ Албании, далеко выходявших за установленные международными договорами пределы. В Тиране в качестве ответной меры было решено укомплектовать местные органы власти выходцами с юга, внесшими заметный вклад в партизанское движение.

Информация, поступающая в Москву по партийным и дипломатическим каналам, свидетельствовала о том, что для албанского руководства задача борьбы с «реакционными элементами» оставалась актуальной и в последующие годы. Весной 1947 г. министр внутренних дел К.Дзодзе сообщил посланнику СССР Д.С.Чувахину о связи группы депутатов Народного собрания с балыстами и «об их организованной антиправительственной деятельности». В качестве превентивной меры правительство намеревалось арестовать 100—120 человек. Среди них, по словам Дзодзе, были 7—9 врачей и преподавателей, 13—15 торговцев и промышленников, 5—7 адвокатов и судей, 15—20 человек из семей членов бывших реакционных правительств, 5 бекташей**, до 12 офицеров армии Зогу, 5—7 католиков и пр. Одновременно активно велась кампания по сдаче населением оружия. В 1947 г. органами полиции

* Байрактары — представители местной родовой феодальной знати.

** Бекташи — член дервишского ордена, основанного в Турции Хаджи Бекташи в XV в. До 1925 г. существовал в Турции, затем центр переместился в Албанию.

было сдано несколько десятков тысяч различных видов оружия. В 1948 г. эта кампания была продолжена и притом, судя по документам, достаточно успешно: каждый месяц от населения поступало по 1—2 тысячи ружей, винтовок и других видов оружия. При этом, по оценке Дзодзе, не требовалось «особого нажима» со стороны полиции и органов безопасности⁵¹. В марте 1948 г. премьер-министр Э.Ходжа сообщил Чувахину о «больших успехах» в деле ликвидации вооруженных банд в стране. Если к началу 1947 г. в Албании имелось 500—600 вооруженных бандитов, то весной 1948 г. их насчитывалось 150—160 человек. «Сейчас в стране нет серьезных вооруженных банд, которые вели бы борьбу с народным режимом по политическим соображениям. Теперь в горах северной и отчасти центральной части страны прячутся, главным образом, уголовные преступники, скрывающиеся за убийства и воровство от органов народной защиты. Что же касается политических преступников, то они насчитываются единицами и полностью изолированы от народа», — заключил Ходжа⁵².

В целом, если говорить о политическом итоге «наказательной» акции в Восточной Европе, то следует признать, что с ее помощью и под антифашистскими лозунгами произошло фактически полное отстранение правившей в военные годы верхушки не только от управления, но и от участия в общественной жизни. При этом такое отстранение могло означать и физическое уничтожение. Другим важным моментом «наказательной» акции явились удары по старой политической элите, старым «буржуазным» управленцам, то есть слою чиновничества, результатом которых явились возникновение новой кадровой ситуации и осознававшаяся в обществе необходимость ее быстрого разрешения.

Что касается самих «народных судов», то в исторической литературе уже отмечены такие стороны их деятельности, как доминанция политических целей коммунистов, субъективизм и сознательные нарушения трактовки законов, давление и нажим на судебный аппарат и пр.⁵³ Однако представляется, что все эти и многие другие негативы оказались возможными в том числе и благодаря особой психологической атмосфере в послевоенном обществе, его готовности воспринять идею сурового наказания сторонников прежних режимов и даже расправы с ними. В этих условиях, воспользовавшись благоприятной международной обстановкой и, что крайне важно, определенной поддержкой или пассивностью союзников по правительственным коалициям, коммунисты смогли развернуть мощную пропагандистскую кампанию и успешно сыграть на общественных настроениях в целях создания новых властных структур. Примеров тому немало. Весной 1945 г. один из видных деятелей румынской Национал-либеральной партии Г.Татареску так предлагал «решить» задачу демократизации страны: «...Часть из них (противников нового режима. — *Авт.*) мы посадим в тюрьму, кое-кого ликвидируем, кое-кого вышлем»⁵⁴.

Руководитель БЗНС Н.Петков считал возможным устранить своего политического конкурента д-ра Димитрова-Гемето в апреле

1945 г., устроив против него «процесс» в стране или выслав в Россию⁵⁵. А на совещании Коминформа в Шклярской Порембе В.Гомулка напомнил об отношении польских социалистов к силовым методам решения политических вопросов коммунистами: «Во время выборов в Сейм в январе 1947 г. ППС не была согласна со многими нашими мероприятиями по отношению к классовому врагу, но все же в основном не сопротивлялась этим репрессиям»⁵⁶.

Характерный для общества стран Восточной Европы «силовой синдром», несомненно, облегчил компартиям проведение «наказательных» акций. «Народные суды», равно как и революционные трибуналы (Албания), чрезвычайные и военные суды (Югославия), несомненно, вышли в своей деятельности за пределы первоначально обозначенной задачи, положив начало первой фазе смены кадров в регионе.

Следует отметить, что репрессии, направленные против предателей и коллаборантов, приобрели широкий размах и в западной части европейского континента. Непосредственно после войны во Франции, например, суды вынесли 2071 смертный приговор, 1303 из которых впоследствии были заменены различными сроками тюремного заключения. В исполнение было приведено 768 смертных приговоров. Всего за коллаборационизм осуждены были 39,9 тыс. человек. Из 800 тыс. государственных чиновников, работавших в административном аппарате в период войны, 20 тыс. были подвергнуты проверке, результатом которой явилось увольнение со службы почти 5 тыс. человек. Суды в Бельгии вынесли 55 тыс. приговоров за коллаборацию. В Голландии это число достигло 50 тыс.⁵⁷

На состояние кадрового вопроса в странах восточно-европейского региона повлиял и другой, не столь известный, как «народные суды», и сравнительно малоизученный процесс — так называемые административные чистки, протекавшие опять-таки в рамках дефашизации. Наибольшую рельефность этот процесс, охвативший практически все уровни управления, приобрел в странах сателлитах, где получил прямую поддержку СКК, выполнявших важные функции надзора вплоть до подписания мирных договоров в Париже 10 февраля 1947 г.

В Венгрии уже 4 января 1945 г. Временное национальное правительство приняло постановление о создании или реорганизации органов местного самоуправления. Эти органы получили статус временных и им надлежало действовать вплоть до принятия правительством актов, восстанавливающих государственную администрацию. В постановлении особо подчеркивалась необходимость придания органам самоуправления широкого представительного характера. Реализация постановления сопровождалась проверкой деятельности государственных служащих в период войны и отстранением тех, кто, по субъективной оценке проверявших, имел фашистские или правобуржуазные связи и проявления. На этом этапе, по некоторым данным, чистка затронула 1—2% чиновни-

ков⁵⁸. В таком объеме она не удовлетворила венгерское коммунистическое руководство. «Проверка государственных служащих окончилась для нас явной неудачей, — сообщал М.Ракоши Г.Димитрову в Москве 17 марта 1945 г. — Если не считать государственных и частных служащих, бежавших в Западную Венгрию, то не менее 95% оставшихся здесь служащих снова возвращаются на свои старые должности. Это, безусловно, делает новую проверку крайне необходимой»⁵⁹. Следующий этап чистки в стране отразил политическую борьбу за власть внутри Национального фронта. После победы партии мелких сельских хозяев (ПМСХ) на выборах в ноябре 1945 г. задачей ВКП стало разрушение влияния этой партии в обществе и ослабление ее позиций в административных органах. По инициативе ВКП в мае 1946 г. в рамках Национального фронта было достигнуто межпартийное соглашение о так называемом списке «Б» — сокращении числа государственных служащих на 10%. Механизм сокращения предусматривал создание трехчленной комиссии, которая, в конечном счете, и решала судьбу служащего. В комиссию входили представители главы кабинета, соответствующего министра и профсоюзов. Как сообщил министр внутренних дел Л.Райк в начале апреля 1947 г. сотруднику ОВП ЦК ВКП(б) Г.Я.Короткевичу, по списку «Б» были удалены 22 тыс. реакционных чиновников⁶⁰. (Данные Райка сильно отличаются от доминирующих в венгерской историографии сведений, согласно которым число уволенных, главным образом по политическим причинам, достигло 60 тыс. чел.) Документы показывают, что коммунисты стремились использовать кампанию сокращения в своих узкопартийных целях. Как сообщалось в отчете советского консульства в Дебрецене за 1947 г., слухи о предстоящих увольнениях по списку «Б» сориентировали многих руководителей на компартию. Однако партийное руководство выдвинуло встречное условие их приема в ВПК: «Если они приведут с собой определенное количество рабочих». Так, главный механик электростанции в Дебрецене получил задание привести не менее 200 рабочих. Учитывая тот факт, что, как указывалось в отчете, «рабочие стремятся следовать партийной принадлежности своих непосредственных начальников, а начальники, как правило, социал-демократы»⁶¹, становится понятным: руководство ВПТ решало триединую задачу — стремилось обеспечить рост партийных рядов, добиться этого прежде всего за счет рабочих и, кроме того, ослабить позиции своего извечного соперника — СДПВ, хотя с левым крылом этой партии коммунисты активно сотрудничали⁶².

Помимо официальной, узаконенной кампании, еще раньше, в феврале 1946 г., в стране возникло движение «снизу», направленное на фактическую чистку государственных учреждений, земельных органов, муниципалитетов и др. Оно получило название «народных приговоров». По инициативе с мест массовые демонстрации и митинги трудящихся принимали резолюции (выносили «приговоры»), обязывавшие тех или иных служащих освободить занимаемые ими посты. Специальные группы представителей, на-

значенных во время митингов, контролировали оперативность исполнения «приговора»⁶³. Движение за «народные приговоры», явившееся, по существу, вариантом чисток, сыграло определенную роль в процессе смены кадров. Всего, по данным, относящимся к весне 1946 г., в стране имелся 691 государственный пост высокого ранга. 31,6% от этого числа занимали коммунисты, а вместе левые партии имели в своих руках 62,3% государственных постов. Буржуазно-демократическая партия — 0,3%; 23% постов были заняты беспартийными⁶⁴. Но в целом и на этом этапе венгерские коммунисты оценивали результаты чисток достаточно критически. В упомянутой беседе Райк констатировал: «Что касается административного аппарата, то замена старых кадров была незначительной. Кроме главных ишпанов (глава провинции), в городах и комитетах большинство руководителей самоуправлений осталось старыми. Сейчас из числа главных ишпанов 6 — коммунисты, 6 — социал-демократы и 12 — члены партии мелких сельских хозяев... Нам удалось сменить ряд бургомистров, но аппарат бургомистров изменился мало. Но это еще не большая беда, главная беда в том, что основное чиновничество, работавшее с реакционерами-руководителями самоуправлений, осталось на месте. Освежить аппарат самоуправления — самое трудное дело. Работать в административных органах могут специалисты, а для того, чтобы обучить людей и сделать их специалистами, нужно длительное время... В области работы в администрации я не могу отметить много положительного. Там, где коммунисты сильны, чиновники подчиняются им... Там, где политическое влияние коммунистов слабее, приходится применять власть... Что касается министерств, то за исключением трех министерств, руководимых коммунистами, в большинстве министерств дело с чисткой обстоит плохо»⁶⁵.

Вопросы наказания военных преступников и чистки административного аппарата находились под постоянным контролем СКК. Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, любые самостоятельные шаги венгерской стороны в данном вопросе становились предметом тщательного изучения и оценки со стороны советской части Комиссии. Так произошло, в частности, летом 1945 г., когда правительство Венгрии по инициативе министра юстиции, правого социал-демократа, приняло декрет, ограничивший деятельность политической полиции. Сам министр А.Валентини получал право изымать из ведения МВД любое дело военного преступника с одновременной передачей при этом министру юстиции и самого арестованного. 2 июля 1945 г. политсоветник СКК Г.М.Пушкин в беседе с министром иностранных дел Я.Дьёндёши указал венгерскому представителю на то, что декрет «не способствует усилению борьбы с военными преступниками и фашистскими элементами в Венгрии...», что «правительство поступило неправильно, предварительно не посоветовавшись с Союзной Контрольной Комиссией по этому вопросу», и, наконец, что «декрет может легко быть использован реакционными элементами против демократии». Итогом беседы явилось обещание Дьёндёши

«переговорить с Миклошем (премьер-министр. — *Авт.*) и добиться непроведения декрета в жизнь»⁶⁶. На следующий день, 3 июля 1945 г., Пушкин в беседе с Миклошем сам резко поставил вопрос о судьбе декрета. Из записи в дневнике Пушкина: «Миклош пытался нападать на полицию, обвиняя ее в том, что она действует часто несправедливо, арестовывает невинных людей и т.д.* Я ответил Миклошу, что согласен с ним в том, что в полиции необходимо навести порядок, но в то же время должен отметить, что полиция является единственным органом в стране, который хоть что-то делает в области изоляции военных преступников и фашистских элементов». Пушкин оценил декрет как документ, «отнимающий право у полиции обеспечивать охрану и безопасность венгерской демократии»⁶⁸.

Резонанс от заявлений советского представителя был столь значительным, что о нем следует сказать особо. 17 июля 1945 г. лидер социал-демократической партии А.Сакашич сообщил Пушкину о том, что руководство партии «резко осудило поведение Валентини» и большинством голосов решило отозвать его с данного поста. Надо ли говорить, что судьба декрета была решена в соответствии с мнением советского представителя?

Прямым следствием вмешательства советского представителя стали также серьезные изменения в составе и структуре венгерской полиции, насчитывавшей примерно 40 тыс. человек. Старые кадры были переведены в так называемую гражданскую полицию, в то время как состав политической полиции, осуществлявшей контроль за политической благонадежностью, был почти полностью обновлен. Все руководящие посты в ней заняли коммунисты. Кроме того, руководство ВКП решило создать батальоны специального назначения «из надежных людей» как «серьезную опору» компартии⁶⁹.

Связано это было с намерением союзнических партий, в первую очередь социал-демократов, противопоставить «монополии коммунистов» в силовых структурах, особенно в полиции, «демократический паритет» и необходимостью руководства компартии пойти в этом вопросе на определенные уступки. Кроме того, партийный «спецназ» становился ответом и на попытки некоторых политических и военных кругов ввести вместо распущенной жандармерии так называемые охранные батальоны. Руководство компартии не исключало в связи с этим возможности, хотя и в далекой перспективе, вооруженной борьбы в стране.

* Факты незаконных задержаний, арестов и рукоприкладства признал и М.Ракоши. Выступая 23 июня 1945 г. в ОМИ ЦК ВКП(б), он, в частности, многие негативы в деятельности полиции объяснил отсутствием в ее рядах новых профессиональных кадров: «...Наши товарищи... не забыли только то, как их били при аресте. Это одно, что они знают. Бывает очень плохо, когда арестуют товарища и, пока он достанет свой партбилет, ему успеют уж дать четыре пощечины, потом просят извинения»⁶⁷.

Что касается вопроса о паритете в полиции и других силовых ведомствах, то руководство КПВ не намеревалось соглашаться на его установление в полном объеме. В 1945 г. развернулась упорная борьба за армию. Коммунистам не удавалось закрепиться в генеральном штабе и «сверху» влиять на процесс реорганизации вооруженных сил. В письме Г.Димитрову от 17 марта 1945 г. М.Ракоши сообщал: «Мы имеем сведения о том, что в армию набираются в первую очередь фашистские унтер-офицеры по секретным указаниям, в то время как коммунисты и антифашисты в армию не принимаются»⁷⁰. Забегая вперед, заметим, что вопрос о собственной доминации в руководстве силовых структур коммунистам удалось решить к весне 1947 г., но для венгерской армии переломным стал 1950 г., когда в перестроенных на основе организационных принципов Советской армии вооруженных силах страны прошла мощная чистка (уволено 1100 офицеров) и абсолютное большинство офицерского корпуса составили новые офицеры — выходцы из народа⁷¹.

В Болгарии также параллельно деятельности народных судов активно развернулась административная чистка. Она затронула, помимо центральных, областные, околийские и местные органы государственного управления. Как и в Венгрии, особое внимание было уделено силовым структурам. Лишь за несколько дней только из органов МВД, руководимого коммунистом А.Юговым, было уволено 30 тыс. человек. Уже на основе постановления Совета министров от 10 сентября 1944 г. на базе партизанских отрядов началось формирование народной гвардии и народной милиции. Прерогативой последней являлись все вопросы, связанные с внутренней безопасностью страны. К лету 1945 г. в Болгарии насчитывалось около 10—15 тыс. милиционеров⁷², значительное число которых сосредоточивалось в столице и других крупных городах. Видимо, не без основания оппозиционная пресса констатировала резкое увеличение числа вооруженных людей на улицах Софии. «До фашистского режима, — писала газета оппозиционных социал-демократов "Свободен народ", — на софийских перекрестках стояло по одному полицейскому. Теперь их обыкновенно по два, а в некоторые часы и по одному на каждом углу. Кооператив милиционеров в Софии насчитывает более 10 тыс. членов. Разве в полициине заключается новая демократическая Болгария?»⁷³

Чистки и кадровые изменения затронули и юридические органы. В конце сентября 1944 г. из 618 юристов и правоведов в аппарате юстиции 77 были уволены (это составило 12,4%). К середине февраля 1945 г. более 25% судейского персонала было смещено. В целом органы юстиции оказались сформированными на непартийной основе. В них работали только члены компартии, что явилось прямым нарушением коалиционного принципа организации власти Отечественного фронта.

В ведении МВД находились и органы местной власти. Это в значительной мере способствовало преобладанию в них коммунистов. Так, к весне 1945 г. членами БРП(к) были более 75% руково-

дителей околийских управлений и городских кметов, свыше 84% сельских кметов (и это по неполным данным) и более 76% их заместителей. И только в отношении областных директоров статистика не была столь подавляющей: из 9 директоров 3 были коммунистами (33,3%), 3 — членами БЗНС, 2 — «звенарями» и 1 — социал-демократом⁷⁴.

Однако такое положение было не везде. В частности, в экономических министерствах, возглавлявшихся «земледельцами» и социал-демократами, смена кадров шла медленнее и не приобрела столь радикального характера, как в структурах, руководимых коммунистами. В информационных материалах советских представителей в Болгарии, направлявшихся в Москву, отмечалась неблагоприятная ситуация в министерстве финансов (министр — «независимый», т.е. беспартийный П.Стоянов) и иностранных дел (министр — «звенарь» П.Стайнов), где якобы имела значительная засоренность аппарата «профашистскими элементами»⁷⁵.

Со значительными трудностями разворачивались чистки на местах. 3 ноября 1944 г. секретарь обкома профсоюзов Пловдивской области Балканджиев в беседе с К.Д.Левычкиным сообщил, что «чистка административного аппарата от фашистских элементов идет слабо, особенно в военных учреждениях и на предприятиях, где почти целиком сохранилось старое фашистское руководство... Чтобы скрыть от народа фашистское руководство, руководители этих предприятий перебрасываются с одного предприятия на другое. Несмотря на требования рабочих, военное министерство не очищает административный аппарат от фашистов. Старое руководство саботирует военное производство под видом трудностей и нехватки сырья». Балканджиев подчеркнул и такую особенность переживаемого момента: предприниматели опираются на старые законы, а профсоюзы — на новую власть, которая еще не издала законы о труде. Конфликтные вопросы между предпринимателями и рабочими решаются с помощью милиции, которая состоит из членов компартии и партизан⁷⁶.

В Румынии процесс отстранения старой государственной администрации не сразу вошел в законодательное русло. Во второй половине 1944 г. в ряде районов страны имели место кровопролитные схватки демонстрантов, требовавших ареста фашистов — руководителей префектур, примарий и отдельных предприятий, с полицией. К концу 1944 г. в руках Национально-демократического фронта уже находилось более половины префектур. От «фашистов» удалось очистить ряд крупных предприятий («Астра Ромынэ», «Вега», «Вулкан», «Ромыно-Американ» и пр.). Кое-где, как, например, в Трансильвании, в управление заводами и фабриками, брошенными прежними хозяевами, вступали фабрично-заводские комитеты.

В конце марта 1945 г. в силу вступил декрет-закон о чистке государственного аппарата⁷⁷. От работы в его структурах отстранялись коллаборационисты, участники легионерского движения, бывшие члены полицейских или полувоенных организаций фа-

шистского типа, работники старого пропагандистского аппарата, в том числе печати. Законом предусматривались также санкции по отношению к вышеуказанным лицам. В результате его применения удалось в определенной мере сменить кадры административного аппарата на местном уровне — в префектурах, примариях, муниципалитетах. Реорганизация коснулась и силовых структур, в первую очередь армии и МВД. В марте 1945 г. в воинских частях был создан аппарат по политическому воспитанию солдат и офицеров. В штате МВД, насчитывавшем в марте 1945 г. 6 300 чел., были проведены серьезные изменения: 2 851 сотрудник был переведен в резерв и 195 — уволены. На их место, как считали коммунисты, пришли «честные, демократически настроенные и способные элементы». В июне 1946 г., по информации министра внутренних дел Т.Джорджеску, число сотрудников министерства возросло до 8 500 чел., причем лишь 4 084 сотрудника работали в нем до 23 августа 1944 г., то есть при старом режиме⁷⁸.

Несмотря на эти перемены, советская сторона резко критически оценила проделанную работу. Первый заместитель наркома иностранных дел СССР А.Я.Вышинский в беседе с Г.Георгиу-Дежем 9 января 1946 г. указал на то, что «бездействие министерства юстиции в отношении профашистских элементов, выразившееся в прекращении работы народных трибуналов по формальным причинам, а также крайняя засоренность государственных учреждений фашистскими и профашистскими элементами (особенно таких органов, как полиция, юстиция, министерство иностранных дел) являются нетерпимыми и не способствуют укреплению авторитета компартии и правительства, в котором компартия играет ведущую роль». Георгиу-Деж «признал правильность этих замечаний»⁷⁹.

В Польше вопрос кадров решался в острейшем противостоянии двух антифашистских структур: находившегося в эмиграции в Лондоне правительства, сохранявшего до августа 1945 г. широкое международное признание, и ПКНО, а затем Временного правительства, признанного только Советским Союзом, но действовавшего на освобожденной от гитлеровцев польской территории. Национальная польская администрация была уничтожена гитлеровским оккупационным режимом, но в годы войны лондонскому правительству удалось создать в стране нелегальные структуры (Polska Podziemna — подпольная Польша), задача которых заключалась в овладении политической властью по окончании войны. После разрыва весной 1943 г. дипломатических отношений СССР с польским правительством в эмиграции на оккупированной территории усилиями польских коммунистов началось создание новых польских нелегальных структур, ориентированных на СССР, — рад народных всех уровней — от гминных до воеводских, подчиненных Крайовой Раде народных (КРН). В своей деятельности КРН и ее исполнительный орган — Польский комитет национального освобождения получали полную и реальную поддержку Москвы.

Законом КРН восстанавливался традиционный для Польши институт исполнительной власти на местах — воевод, старост и т.д. Персональные назначения на эти должности осуществлял ПКНО, в котором у коммунистов были сильные позиции. Хотя в 1945 г. ППР согласовывала с союзниками по коалиции эти назначения, все же она имела реальную возможность управлять процессом создания правительственных структур на местах. Иными словами, в Польше происходило формирование под контролем и руководством КРН новой — или по форме, или по кадровому составу — системы управления. Вопрос о кадрах сыграл заметную роль в ходе переговоров между поляками о формировании правительства национального единства, развернувшихся в Москве в мае—июне 1945 г. В заключенном соглашении подчеркивалось, что сторонники бывшего главы эмигрантского правительства Ст.Миколайчика получат треть постов не только в правительственном кабинете, но и в государственной администрации. В развернувшейся в 1945—1946 гг. острой «схватке за Польшу», то есть за возможность реализовать собственную концепцию развития страны, Польское стронництво людове (ПСЛ) как главный и почти единственный политический противник коммунистов, потерпело поражение, даже располагая административным ресурсом (представительство ПСЛ было весьма существенным по всей вертикали управления страной, но особенно на его нижнем уровне). По существу, политическим, административным и репрессивным мерами оппозиционная крестьянская партия была раздавлена. Окончательно это стало ясно после выборов в Сейм в январе 1947 г. Важно подчеркнуть, что на исход выборов, в частности, на возможности «техническими» средствами «поправить» в нужную коммунистам сторону статистику, решающим образом повлиял факт преобладания коммунистов в административных органах и особенно в силовых структурах.

Такое положение дел лишь относительно упрощало ситуацию. Подобно тому, как это было в Югославии и Албании, с момента возникновения в июле 1944 г. ПКНО формирование органов послевоенной власти и государственного аппарата строилось на классово-политических принципах. Уже в апреле 1945 г. в 9 из 10 крупнейших городов страны посты начальников милиции занимали коммунисты и лишь в одном — член левой крестьянской партии Стронництво людове (СЛ)⁸⁰. Но судя по некоторым документам, это еще не снимало серьезных упреков со стороны местного руководства ППР в адрес милиции. Так, в поступившем в ЦК ВКП(б) отчете Варшавского воеводского комитета ППР за январь—февраль 1945 г. прямо говорилось о том, что «отделения милиции... не совсем надежны...»⁸¹ Положение мало изменилось и к концу 1945 г. В одной из ноябрьских бесед с политсоветником посольства СССР в Варшаве В.Г.Яковлевым глава правительства Э.Осубка-Моравский констатировал: «...Часть членов ППР, которая работает в милиции, принадлежит к числу шкурных элементов и недобросовестно выполняет свои обязанности»⁸². Что касается

органов безопасности, полностью контролируемых коммунистами, то значительные извращения в их повседневной деятельности также выявились довольно рано. Информировав Москву и лично Сталина о положении в партии, Политбюро ЦК ППР 15 мая 1945 г. было вынуждено констатировать: «Насаждение пэпээровцев на руководящие должности в органах безопасности проводилось в связи с сектантскими установками местных организаций ППР. Это во многих случаях привело к тому, что некоторые начали отождествлять органы безопасности с ППР, создавать привилегии для ППР, культивировать в органах безопасности ненужную подозрительность и пренебрежительное отношение к другим коалиционным партиям, тормозить их развитие, вмешиваться в их внутренние дела, проявляя при этом тенденции к администрированию; практиковалось также преодоление различного рода неизбежных расхождений и осложнений методом административного нажима или даже арестов неугодных или недостаточно уступчивых лиц»⁸³. Эти нелюбимые для ППР самооценки нашли подтверждение в докладной записке советника НКВД при Министерстве общественной безопасности Польши генерала Н.Н.Селивановского Л.П.Берии от 11 октября 1945 г. о состоянии органов безопасности в стране. Селивановский сообщал о засоренности последних «предателями, участниками подпольных организаций, взяточниками, мародерами и прочим преступным элементом», об арестах более 300 сотрудников «за связь с антиправительственным подпольем» и «злоупотребление служебным положением», увольнении 365 сотрудников (причины не указывались), переходе в бандформирования 176 человек и пр. Селивановский подчеркнул, что «через министра [общественной безопасности] Радкевича и наших инструкторов принимаются меры по обеспечению более тщательного отбора людей в органы общественной безопасности»⁸⁴, однако, как информировал глава Временного правительства Польши Э.Осубка-Моравский советского дипломата В.Г.Яковлева в конце ноября 1945 г., «несмотря на предложение [со стороны] ППС направить в милицию проверенных людей для укрепления ее кадров, лидеры ППР отказываются от такой помощи»⁸⁵. Таким образом, вопреки собственным заверениям польские коммунисты тщательно оберегали силовые структуры от проникновения туда союзников, стремились сделать их собственной вотчиной.

Сложной представлялась польским коммунистам ситуация в армии. 10 мая 1945 г., выступая с докладом в Отделе международной информации ЦК ВКП(б), первый секретарь ЦК ППР В.Гомулка сообщил о намерении компартии уже в текущем году увеличить Войско Польское до 20 дивизий. «...Самая большая трудность, — говорил Гомулка, — это офицерский корпус. Мы не имеем офицеров, нам не хватает офицеров, особенно высших... Низший и средний состав мы можем еще быстро иметь, но вопрос о высшем офицерстве мы не можем разрешить на протяжении короткого времени. На это нужны годы. Конечно, мы Войско Польское не можем целиком строит на бывшем офицерском корпусе

бывшей польской армии, потому что в основном этот корпус реакционный, санационный. Вот, например, Красная Армия освободила из лагерей Германии несколько тысяч польских офицеров, захваченных немцами в плен еще в 1939 г., но мы имеем от этого очень маленькую пользу. Сделали проверку и убедились, что сможем взять в армию 10 — максимум 15% этих людей, остальные пока не годятся с политической точки зрения — опасные элементы, поэтому мы их не возьмем... В офицерскую школу направляем сейчас рабочих, направляем рабочую молодежь, крестьян и, конечно, со временем создадим офицерский корпус. политически надежный для демократической Польши. Пока вопрос о войске у нас... не разрешен. Войском занимаются очень важные органы, государственный аппарат, этому вопросу мы уделяем много внимания»⁸⁶.

Проблема административных чисток приобрела острый характер и в Чехословакии. Но здесь, в отличие от Польши, сохранилась их антиколлорационистская направленность. Как показывают документы, особое внимание чехословацкие коммунисты также уделяли силовым структурам.

Из беседы чехословацкого лидера К.Готвальда с послом СССР в Праге В.А.Зориным 14 апреля 1945 г. следовало, что «военные вопросы» (смена военного командования и реорганизация министерства обороны), «организация внутренней охраны и реорганизация министерства внутренних дел» не просто значились среди «важнейших вопросов на первый период», но и возглавили соответствующий перечень самых актуальных, куда входили также «взаимоотношения со словаками», «наказание коллаборантов» и финансовые вопросы. Весной 1945 г. были осуществлены значительные изменения в составе военного командования: пост главнокомандующего занял генерал Л.Свобода, начальника генштаба — генерал В.Бочек, начальника отдела генштаба, ведавшего вопросами контрразведки, — коммунист Б.Рейцин, начальника отдела просвещения — коммунист Я.Прохазка. Перемены коснулись и первого армейского корпуса. Зорин отметил в дневнике: «Готвальд подчеркнул, что все эти изменения прошли не так гладко и что Бенеш, а также некоторые министры были настроены не столь решительно», «...были склонны смягчить это решение»⁸⁷.

Введение института политкомиссаров в армии (в Чехословакии они назывались политпросветработниками), наполнение офицерского корпуса участниками движения Сопротивления внутри страны, начиная уже с 1945 г., несколько снизило число профессиональных офицеров, однако численность старых офицерских кадров еще оставалась большой, достигая 70%. Положение в чехословацкой армии являлось предметом постоянного внимания советской стороны. Как видно из документов, в Москве считали, что к весне 1947 г. ситуация в стране в определенной мере осложнилась, что объяснялось активизацией «реакционных элементов» как среди военных, так и в руководствах национально-социалистической и демократической партий. Активность этих партий, в свою

очередь, увязывалась с начавшейся в 1947 г. реализацией двухлетнего плана. Выразилась она, в первую очередь, как следовало из информационной записки Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) от 31 мая 1947 г. о положении в чехословацкой армии, в давлении национальных социалистов на министра обороны Л.Свободу. «Из имеющихся данных явствует, что за последнее время генерал Свобода играет роль "сидящего на двух стульях": в правительстве он поддерживает мнение и предложения коммунистов, а в министерстве и в армии является послушным исполнителем требований национальных социалистов и особенно военной канцелярии президента Бенеша», — подчеркивалось в записке. Основной мишенью, как указывалось в документе, становилась деятельность политпросветработников в войсках, причем, Свободе приписывалось стремление заменить на этих постах коммунистов национальными социалистами. Выступая 29 апреля 1947 г. в школе офицеров просвещения, Свобода резко высказался против попыток сделать из службы просвещения в армии «надстройку партийной (имелась в виду КПЧ. — *Авт.*) политики». «Единство, нация, государство и армия являются большим, нежели партия, — говорил Свобода. — Поэтому партийная политика в армии не подходит... Офицер просвещения является и останется солдатом и командиром, — и никогда не будет политиком!» Советские наблюдатели подвергли критике и второстепенную роль, которую играло Главное управление воспитания и просвещения, не имевшее реальной возможности распоряжаться своими кадрами: все перемещения офицерских кадров по сложившейся практике оставались компетенцией командующих соответствующих родов войск⁸⁸.

Тональность донесений советских наблюдателей из Праги мало изменилась и к осени 1947 г. 15 августа заместитель начальника Главного политуправления Вооруженных сил СССР генерал-лейтенант С.С.Шатилов сообщил в ЦК ВКП(б) А.А.Жданову: «За последнее время правые партии Чехословакии — национал-социалисты (так в документе. — *Авт.*), словацкие демократы и другие реакционные элементы развернули активную деятельность, направленную к вытеснению влияния коммунистов в чехословацкой армии. Министр национальной обороны генерал Л.Свобода, внешне продолжающий сотрудничество с коммунистами и поддерживающий нередко их предложения на заседании правительства, находится под сильным влиянием правых элементов и проводит их политику в армии... Факты недоброжелательных действий генерала Свободы объясняются тем обстоятельством, что Свобода стремится к тесному сотрудничеству с военной канцелярией Президента республики. Последняя сейчас фактически руководит армией, проводит линию национальных социалистов и усиленно завоевывает своими людьми командные посты в армии...» 22 августа 1947 г. эта записка была направлена Сталину, Молотову, Берии, Микояну, Маленкову и Вознесенскому — так называемой «шестерке». Характерна резолюция Молотова, ознакомившегося с до-

кументом: «т.т. Жданову, Маленкову. Об этом вопросе следовало бы поговорить с чехами на совещании в П[ольше]. В.Молотов»⁸⁹.

Однако сами чехословацкие коммунисты ситуацию в силовых структурах оценивали в общем и целом позитивно. «В Польше», то есть на организационном совещании Коминформа в сентябре 1947 г., Р.Сланский, в частности, назвал ее сравнительно благополучной, хотя и с некоторыми оговорками. Как «относительно хорошие» представитель КПЧ оценил позиции компартии в министерствах земледелия (министр-коммунист Ю.Дюриш), информации (министр-коммунист В.Копецкий). Сланский подчеркнул, что улучшилась ситуация в министерствах финансов и внутренней торговли: в сформированном 2 июля 1946 г. новом кабинете руководство этими министерствами было поручено коммунистам Я.Доланскому и Я.Змргалу. Как «слабые» оценивались позиции компартии в министерстве иностранных дел (министр-беспартийный Я.Масарик). По словам Сланского, в государственном аппарате страны имелось «большое число представителей старой реакционной бюрократии»⁹⁰.

Москва также была настроена критически, оценивая ход и итоги чистки государственного аппарата в Чехословакии и укрепление его коммунистами. В информационной записке ОВП ЦК ВКП(б) «О современном экономическом и политическом положении Чехословакии» (сентябрь 1947 г.) подчеркивалось, что КПЧ «оказалась перед фактом срыва чистки госаппарата». Подтверждением должны были служить следующие цифры: в министерстве внутренних дел (министр-коммунист В.Носек) из 48 заведующих отделами и секциями только 14 были коммунистами; в министерстве финансов (министр-коммунист Я.Доланский) из 75 руководящих работников к КПЧ принадлежали лишь пятеро; в министерстве промышленности (министр-социал-демократ Б.Лаушман) на 131 руководящего работника приходилось всего 13 коммунистов; в министерстве иностранных дел соотношение было 51 и 7; в руководящем аппарате министерства юстиции (министр — национальный социалист П.Дртина) всего 2 коммуниста, причем оба «на второстепенных постах». «Такое же положение и в низовом и среднем звене госаппарата, где преобладает влияние партии национальных социалистов», — заключали авторы справки⁹¹.

Примечательно, что, критикуя руководство компартии в целом («медленно осознает свои ошибки и свои слабости в государственном аппарате и в армии, неуверенно и без сколько-нибудь продуманного плана приступает к их ликвидации», «не изжиты в партии беспечность и излишняя самоуверенность в вопросах борьбы с реакцией»), в Москве сочли на этом этапе нужным также в определенной мере персонифицировать критику: Готвальд как председатель совета обороны и Сланский как председатель парламентского комитета обороны «имеют большие возможности для влияния на положение дел в армии..., но не используют их»⁹².

Что касается другого важного элемента силовых структур — министерства внутренних дел и госбезопасности, то уже весной

1945 г., по информации Готвальда, министр-коммунист В.Носек работал над планом реорганизации всей системы внутренней охраны, «используя опыт Советского Союза». Предполагалось, в частности, создать единый орган государственной безопасности с приданной ему вооруженной силой (милицией). Для проведения крупных операций (борьбы с немцами, венграми и вооруженными отрядами противника) планировалось сформировать специальные войска внутренней охраны. И, наконец, по замыслу Носека, замкнуть всю цепь должна была служба внутренней и внешней разведки, подчиненная министерству внутренних дел⁹³. Сам Готвальд считал, что осуществить этот план можно будет лишь после освобождения Чешских земель. Праге приходилось считаться с тем, что в Словакии существовали свои органы госбезопасности. Вмешательство центрального правительства могло вызвать ненужное напряжение в отношениях с Братиславой.

К осени 1945 г. определенную часть задуманного удалось реализовать. В октябре Р.Сланский сообщил в одном из информационных писем в ЦК ВКП(б): «Что касается безопасности, то здесь в наших руках находится не только министерство внутренних дел, но и отделы безопасности в Чешском и Моравском национальных комитетах, во всех больших и важных городах. Именно с помощью национальных комитетов, которые организуют свой аппарат безопасности, нам удалось включить в состав новых отрядов национальной безопасности много бывших партизан, рабочих и вообще демократических элементов»⁹⁴.

Положение в Словакии было иным. В конце 1945 г. корпус национальной безопасности здесь в основном состоял из старых кадров (бывших жандармов и полицейских) и был обновлен менее чем на 25%. В целом процесс очищения силовых структур в Чехословакии от нежелательных для коммунистов элементов продолжался, хотя и с разной степенью интенсивности. Напомним, что детонатором событий февраля 1948 г. явились самостоятельные действия министра внутренних дел В.Носека, произведшего без согласования с другими партиями перемещение по службе офицеров корпуса национальной безопасности.

Административные чистки после февраля 1948 г. были организованы уже только по принципу «политической принадлежности». В ходе чисток лишились своих должностей 120 тыс. национальных социалистов, около 100 тыс. членов народной и демократической партий, 20 тыс. социал-демократов⁹⁵.

В Югославии и Албании новые органы власти формировались в ходе народно-освободительной борьбы. На освобожденных югославских территориях уже осенью 1941 г. оккупационные и квислинговские власти были ликвидированы. Возникла и функционировала разветвленная система народно-освободительных комитетов (НОК). Число их было значительным: несколько тысяч сельских, 800 общинных, 240 районных, 51 окружной, 14 краевых и областных⁹⁶. В 1943 г. НОК получили статус постоянных органов власти. Оформление властных структур в виде комитетов имело

вполне конкретное объяснение у югославских руководителей. В 1947 г. в одном из выступлений Й. Броз Тито подчеркивал: «Захотели эту форму власти наши народы потому, что она имела известное сходство с формой власти в Советском Союзе»⁹⁷.

Состав НОК отражал социальную структуру движения Сопротивления в целом: в них преобладали рабочие, крестьяне, ремесленники, учителя. «Старый» слой чиновничества не был допущен к управлению страной. Понятно, что профессиональный управленческий уровень новых кадров был, мягко говоря, невысоким. Особенностью Югославии было то, что с первых дней освобождения существовала тесная связь государственного аппарата с аппаратом компартии. «Личная уния КПЮ и государственной власти» пронизывала все ячейки югославского общества сверху донизу, — подчеркивают югославские исследователи Б.Петранович и Ч.Штрбац⁹⁸.

Национально-освободительные советы Албании на освобожденных территориях также заменяли собой административный аппарат. В октябре 1944 г., накануне освобождения страны, за национально-освободительными советами были закреплены функции органов власти. Советы вышли из подчинения Национально-освободительному фронту (НОФ), который, по югославскому примеру, стал общественно-политической организацией. Первичными ячейками НОФ являлись вновь сформированные советы фронта. Таким образом, в Албании сложилась достаточно громоздкая и неэффективная система из двух «пирамид» — национально-освободительных советов и советов НОФ, причем критическая ситуация с кадрами привела к тому, что руководящие посты в обеих этих «пирамидах» занимали одни и те же люди. Так, например, О.Нишани возглавлял президиум Антифашистского национально-освободительного совета и одновременно являлся председателем Генерального совета НОФ. Один из трех его заместителей по Генсовету фронта К.Дзодзе был заместителем Нишани и по президиуму Совета⁹⁹.

Итак, овладение административными органами и «кадровая революция», то есть замена старого чиновничества новыми, лояльными людьми (особенно это важно в силовых структурах), будучи характерными для любой смены власти явлениями, сопровождали также и процесс утверждения народно-демократического строя в Восточной Европе. Смена кадров означала возникновение новой политической элиты, проводилась на разных уровнях властных структур и создавала новую социальную прослойку, которой предстояло сыграть серьезную роль в будущем. В этом процессе антифашистская составляющая переплелась повсеместно с классово-политическими целями, что наложило свой отпечаток на качественные характеристики возникшей в регионе новой кадровой ситуации.

Рассматривая проблему смены кадров, следует отметить, что ее значение резко возросло в момент перехода от военного времени к мирным будням, требовавшим рутинной работы, не возможной

без профессиональных знаний и навыков, а также опыта в различных сферах управления. Как и при всякой радикальной акции, на передний план массово выдвигались люди, проявившие себя в «борьбе», но весьма далекие от управляющих сфер. Объективно это повсюду ставило новую власть перед выбором: чему отдать предпочтение — профессионализму или политической конъюнктуре. Непосредственно после войны в регионе поначалу реализовывался первый подход: в силу объективных причин в том числе действия антифашистских критериев, реализации тактики антифашистского демократического блока на основе коалиционности и компромисса предпочтение отдавалось профессионализму. Однако это было явлением временным, и изменение ситуации в рамках правящих коалиций¹⁰⁰, ломавшее компромиссные основы власти, во все большей степени способствовало утверждению нового критерия селекции кадров. Кстати, для коммунистов реализация критерия профессионализма была крайне трудной задачей. В подтверждение этому обратимся к документам.

10 февраля 1945 г. писатель О.Василев, руководивший софийской дирекцией радиовещания, проанализировал кадровую ситуацию в Болгарии в письме Г.Димитрову следующим образом: страна «стоит перед необходимостью перестроить свою жизнь во всех областях. Если бы это переустройство было чисто советским, то нам было бы во много раз легче, так как мы восприняли бы выработанные уже Советским Союзом формы работы, использовали бы, так сказать, готовый колоссальный общественный и государственный опыт... Сегодняшняя международная обстановка, однако, не позволяет, чтобы процесс нашего переустройства пошел по самому легкому пути. Переустройство должно совершиться на более неопределенной, более нелепой, промежуточной основе демократизма, при этом и реформы будут такие же средние, промежуточные и с не очень ярко очерченными формами. А как раз для таких преобразований отсутствуют и пример, и опыт, и подготовленные кадры. Поэтому и бремя ответственности лиц — партийных и работающих в государственном строительстве — еще больше. Именно это положение требует чрезвычайной бдительности, предосторожности, конкретного подхода и большого напряжения»¹⁰¹.

Однако меньше чем через год в Болгарии произошли изменения, которые в целом можно оценить как начало поворота к новому подходу к кадровой проблеме — подходу сугубо политическому. Уже на IX пленуме ЦК БРП(к) в декабре 1945 г. прозвучали заявления о необходимости чистки госаппарата и от оппозиционеров, активной замене партнеров по ОФ на руководящих постах коммунистами и пр. По мере продвижения компартии к монополии власти в стране акцент на замену старых кадров исключительно коммунистами усилился. Ускорителем этого процесса в Болгарии, как и в других странах региона, явился Коминформ, нацеливший руководство партий на овладение всеми командными высотами.

В октябре 1947 г. на пленуме ЦК БРП(к), ставшем заметной вехой в процессе сталинизации партии, был остро поставлен вопрос о чистке министерств иностранных дел, земледелия, благоустройства, торговли, а также силовых структур. Большинство министерств возглавлялось не коммунистами, а их партнерами по коалиции, и чистка и укрепление с ее помощью силовых структур, вероятно, рассматривались как непереносимое условие решения кадровой проблемы в нужном ключе, а в более общем плане — как залог обеспечения стабильности государства. Примечательно, что объектом чисток в это время должны были быть не просто «чуждые», но и «колеблющиеся» элементы. Критерий при этом сформулирован четко: «наш» или «чужой», причем, к категории «чужих» могли быть отнесены не только, а на данном этапе уже не столько открытые враги, а, по существу, все инакомыслящие. В документах того времени нередко встречается характерное определение «здоровые кадры». Болгарская исследовательница И.Баева подметила, что на практике оно означало беспрекословных исполнителей чужих решений, а не просто преданных идее людей¹⁰². В значительной мере это объяснялось тем, что «здоровье» кадров, как правило, оборачивалось отсутствием профессиональных навыков, прямым следствием чего становилась безынициативность.

Таким образом, к концу 40-х годов в регионе четко определился главный вектор «кадровой революции»: отказ от антифашистского принципа селекции кадров и замена старых, «чужих» функционеров новыми, верными и преданными политической идее и правящей партии, «своими», пусть неопытными и неподготовленными профессионально. На упомянутом октябрьском пленуме ЦК БРП(к) 1947 г. В.Червенков четко сформулировал задачу «провести решительное переустройство государственного аппарата, всей государственной организации, устраняя буржуазно-демократические пережитки прошлого». Результатом должно было стать создание «действительно нового типа государственной организации, которая не только не будет мешать, но и самым эффективным образом будет содействовать нашему переходу на путь социалистического развития». Червенков определил и главный способ решения поставленной задачи — смелее выдвигать «молодые, может быть, еще недостаточно опытные, но преданные кадры». Именно такой подход к кадровой проблеме приобрел в Восточной Европе универсальный характер.

Серьезным препятствием на пути «оздоровления» государственного аппарата стал в большинстве стран региона образовательный ценз как обязательный при решении кадровых вопросов в прошлом. Это обусловило пристальное внимание новой власти к гимназиям и университетам, дававшим необходимые для получения должностей знания, подводило руководство к мысли о необходимости радикальной чистки преподавательских кадров и учащихся, регулирования социального состава последних¹⁰³.

Таким образом, проблема «носителей власти», которым предстояло управлять в условиях, когда в силу как объективных, так и

в еще большей степени субъективных факторов была серьезно нарушена или прервана кадровая преемственность и «народ», то есть в первую очередь безвластные ранее социальные слои, получил доступ к управлению страной, быстро выдвинулась в регионе в число наиболее актуальных и политически острых. Отказ от критерия «профессионализма», доминанция классово-политического принципа смены кадров государственного аппарата, утвердившиеся в качестве основного вектора начавшейся «кадровой революции», непосредственно влияли на определение конкретных параметров формировавшегося политического режима и системы в целом, их стабильность и способы ее обеспечения.

В общем и целом селекция кадров, осуществлявшаяся на основе прочной и, главное, доказанной принадлежности к определенной политической группировке (коммунистической) становилась прологом к рождению новой, коммунистической бюрократии. Поначалу, в зародыше, эта бюрократия неквалифицированная, она не имеет опыта решения управленческих задач, но она — «своя», и ей отдается предпочтение перед чужаками-«спецами». Пришло время головокружительных карьер.

- ¹ Баева И. Смяна на елита и кадрите в България и Източна Европа (1944—1948) // Лица на времето. София, 1996. Кн. 1. С. 71.
- ² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. 17 июля — 2 августа 1945 г. Сборник документов. М., 1980. С. 492.
- ³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 145. Л. 7—8.
- ⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 206—212, 284—292; Т. 3. С. 76—85.
- ⁵ Внешняя политика Советского Союза. 1947 год. Ч. 1, 2. М., 1952. С. 64—361.
- ⁶ Освобождение Венгрии. 1944—1945 гг. Сборник документов. Будапешт, 1975. С. 115—120.
- ⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 782. Л. 128—129.
- ⁸ Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. Документы. Т. 1. 1944—1948. М., 1999. С. 203.
- ⁹ История венгерской народной демократии. 1944—1975. Будапешт, 1984. С. 19.
- ¹⁰ Наредба-закон за съдене от народния съд виновниците за вълвичане на България в световната война срещу съюзените народи и злодеянията, свързани с нея // Държавен вестник. 1944, 6 октомври; Волокитина Т.В. Программа революции. У истоков народной демократии в Болгарии. 1944—1946 гг. М., 1990. С. 87—88.
- ¹¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 289. Л. 32.
- ¹² Георги Димитров. Дневник. 9 март 1933 — 6 февруари 1949. София, 1997. С. 452.

- 13 Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953. Т. 1. 1944—1948. М.; Новосибирск, 1997. С. 146.
- 14 Дума. 1990. 16 май.
- 15 Баева И. Указ. соч. С. 75; Българските държавни институции. 1879—1986. София. 1987. С. 262—263.
- 16 Цит. по: Мешкова П., Шарланов Д. Българската гилотина. Тайните механизми на Народния съд. София, 1994. С. 52; Валева Е.Л. Политическите процеси в България. 1944—1948 // Славяноведение. 1999. № 4.
- 17 Цит. по: Богданова Р. Българският вариант на десталинизацията. 1953—1956 // Исторически преглед. 1997. Кн. 4. С. 32.
- 18 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 151.
- 19 Там же. С. 106.
- 20 Там же. С. 150.
- 21 Исусов М. За някои съвременни оценки на най-новата история на България // История и обществознание. 1990. № 2. С. 10.
- 22 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 151—152.
- 23 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34. П. 116. Д. 18. Л. 6.
- 24 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 139—140.
- 25 Три визита А.Я.Вышинского в Бухарест. 1944—1946. Документы российских архивов. М., 1998. С. 111.
- 26 Dennis Deletant. Romania under communist rule. Bucharest, 1998. P. 61.
- 27 Ibid. P. 63.
- 28 Tomaszewski J. Cesta Komunistických stran k moci v Střední Evropě. Srovnávací pohled // Soudobé dějiny. 1988. № 2—3. S. 218.
- 29 Ibid. Czechosłowacja. Warszawa, 1997. S. 145.
- 30 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 822. Л. 3.
- 31 Cestou května. Dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce. Duben 1945 — květen 1946. Praha, 1975. S. 35.
- 32 Сөвешания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 108.
- 33 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29а. П. 171. Д. 2. Л. 3.
- 34 Сөвешания Коминформа... С. 109.
- 35 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 3. Л. 105; Д. 39. Л. 22, 21.
- 36 Korboński S. W imieniu Rzeczypospolitej. Parys, 1967. S. 107.
- 37 Kochański A. Polska 1944—1991. Informator historyczny. Т. 1. Warszawa, 1996. S. 31, 35.
- 38 Dominiczak H. Organy bezpieczeństwa PRL. 1944—1990. Rozwój i działalność w świetle dokumentów MSW. Warszawa. 1997. S. 67.
- 39 Bombicki M.R. Zbrodnie prawa. Wyroki Sądów wojskowych w latach 1944—1954. Т. 1. Poznań. 1993. S. 13.
- 40 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 375. Л. 12.
- 41 Marjanovič J. Velika Britanija i narodnooslobodilački pokret u Jugoslaviji 1941—1945 // Jugoslovenski istorijski časopis. 1963. № 2. S. 37.
- 42 Белградская операция. М., 1964. С. 82.

- 43 Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик?.. Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000. С. 160—162.
- 44 Романенко С.А. Югославия: История возникновения, кризис, распад, образование независимых государств. Национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX—XX вв. М., 2000. С. 68—90.
- 45 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 296. П. 154. Д. 3. Л. 1; Оп. 29. П. 116. Д. 16. Л. 24—25.
- 46 Brockdorff W. Kollaboration oder Widerstand. München. 1968. S. 51.
- 47 Madajczyk C. Faszyzm i okupacje. 1938—1945. Wykonywanie okupacji przez państwa Osi w Europie. T. II. Mechanizmy realizowania okupacji. Warszawa. 1984. S. 344.
- 48 Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 799.
- 49 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 30. П. 120. Д. 37. Л. 78; Морача П. Компартия и социалистическая революция в Югославии в 1941—1945 гг. // Из истории Великого Октября и последующих социалистических революций. М., 1978. С. 539; У Конгрес Комунистичке партије Југославије. 21—28 јула 1948. Стенографске белешке. Београд, 1949. С. 189—190.
- 50 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 437.
- 51 Там же. С. 625—626, 784.
- 52 Там же. С. 783.
- 53 См. например: Мешкова П., Шарланов Д. Указ. соч.
- 54 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 33. П. 127. Д. 5. Л. 16.
- 55 Централен държавен архив (София). Ф. 28. Оп. 1. А.е. 25. Л. 184.
- 56 Совещания Коминформа... С. 266.
- 57 Antoni Czubiński. Europa dwudziestego wieku. Zarys historii politycznej. Poznań, 1997. S. 258.
- 58 История венгерской народной демократии... С. 18.
- 59 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 782. Л. 128.
- 60 Там же. Д. 315. Л. 18.
- 61 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 28. П. 126. Д. 11. Л. 68, 67.
- 62 Подробнее см.: Волокитина Т.В. «Холодная война» и социал-демократия Восточной Европы. 1944—1948 гг. Очерки истории. М., 1998. С. 115—138.
- 63 A Magyarorszag története. II köt. Budapest, 1964. 502—503. old.
- 64 Вида И. Партийно-политическая структура венгерской народной демократии. 1944—1948 гг. // Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae. 26. 1980. 325. old.
- 65 Советский фактор в Восточной Европе... С. 428—430.
- 66 АВП РФ. Ф. 012. Оп. 6. П. 77. Д. 60. Л. 21—22.
- 67 Советский фактор в Восточной Европе... С. 201.
- 68 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 235—236.
- 69 Советский фактор в Восточной Европе... С. 428.
- 70 Там же. С. 168.

- 71 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 387, 453—457.
- 72 Там же. Т. 1. 1944—1948. С. 234.
- 73 Свободен народ. 1945. 17 октомври.
- 74 Гришина Р.П. Расстановка политических сил в Болгарии после установления народно-демократической власти (сентябрь 1944 — ноябрь 1945 гг.) // Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 55—56.
- 75 АВР РФ. Ф. 074. Оп. 34. П. 115. Д. 10. Л. 81—82.
- 76 Там же. Л. 1.
- 77 Decret-lege pentru purificarea administrațiilor publice // Știința. 1945. 31 martie.
- 78 Dennis Deletant. Op. cit. P. 60.
- 79 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 366.
- 80 СССР — Польша. Механизмы подчинения. 1944—1949 гг. Сборник документов. М., 1995. С. 95.
- 81 Восточная Европа в документах... Т. 1944—1948. С. 215.
- 82 Там же. С. 308.
- 83 СССР — Польша... С. 135.
- 84 НКВД и польское подполье. 1944—1945. (По «Особым папкам» И.В.Сталина). М., 1994. С. 232, 234.
- 85 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 308.
- 86 СССР — Польша... С. 110.
- 87 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 202—204.
- 88 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 39. Л. 110—111.
- 89 Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1357. Л. 228, 232.
- 90 Совещания Коминформа... С. 111.
- 91 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 39. Л. 23.
- 92 Там же. Л. 24.
- 93 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 203.
- 94 Там же. С. 204—205.
- 95 Kaplan K. Československo v letech 1948—1953. Praha, 1991. S. 11.
- 96 Петранович Б. Вклад Югославии с победу антигитлеровской коалиции // Всемирно-историческая победа советского народа. М., 1971. С. 185.
- 97 Броз Тито Ј. Изградња нове Југославије. Београд, 1948. Кн. 2. С. 378.
- 98 Petranović B., Štrbac Č. Istorija Socijalističke Jugoslavije. Knjiga prva. Opšti pregled. Beograd, 1977. S. 45.
- 99 Краткая история Албании. С древнейших времен до наших дней. М., 1992. С. 379—380.
- 100 Подробнее см.: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: Миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе в 1944—1948 гг. М., 1993; Волокитина Т.В. Сталин и смена стратегического курса Кремля в конце 40-х годов: От компромиссов к конфронтации // Сталин-

ское десятилетие «холодной войны». Факты и гипотезы. М., 1999. С. 10—22.

¹⁰¹ Советский фактор в Восточной Европе... С. 139.

¹⁰² Баева И. Указ. соч. С. 80.

¹⁰³ Подробнее см., например: Лашкевич А.А. Болгарская высшая школа в 1944—1947 гг. // Советское славяноведение. 1987. № 6; Connolly J. Foundations for reconstructing elites: Communist higher education policies in the Czech lands, East Germany and Poland, 1945—1948 // East European Politics and societies. 1996. Vol. 10. № 3. P. 367—392.

Глава II

ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ — НОВОГО ПРАВЯЩЕГО СЛОЯ

Зарождение и утверждение в странах Восточной Европы политических режимов советского типа неизбежно означали переход власти в руки новых политических сил, формирование новых организационных структур и кадрового состава государственного аппарата.

Понимание процесса постепенного превращения новых кадров в «командную силу», формирования их менталитета, социально-психологических и идейно-политических установок многое объяснит в появлении определенного типа управленца, не регионально-го, а скорее «формационного» по своему характеру, если иметь в виду новую, «социалистическую» формацию. Выявление существенных черт национальной бюрократии как социальной группы, представлявшей собой своеобразную, иерархически организованную «вертикаль», вплотную подводит к рассмотрению нового для стран региона феномена партийно-государственной номенклатуры, которая оформлялась на рубеже 40—50-х годов.

К этому времени высшие органы коммунистических партий, венчавшие всю действовавшую партийно-государственную систему, являлись уже реально существовавшим властно-исполнительным механизмом, контролировавшим жизнь общества. Этот механизм, создававшийся по советскому образцу и подобию, стал в странах региона, как и в СССР, сердцевинной всего партийно-государственного руководства. Поэтому без осмысления его природы, характерных черт и особенностей функционирования невозможно изучение процесса становления политических режимов и шире — политсистем советского типа в Восточной Европе.

Изучение процесса формирования партийно-государственной номенклатуры в регионе предполагает всестороннее рассмотрение ситуации в компартиях, как основном, почти единственном источнике новых кадров. Являясь продуктом жизнедеятельности классов или сословий общества на определенном этапе его развития в XX в., компартии, придя к власти, сами рождали подобие нового класса, названного М.Джиласом в свое время «политической бюрократией»¹.

В Восточной Европе уже на этапе движения Сопrotивления коммунистические партии претендовали на участие во власти от имени вполне определенной социальной силы — рабочего класса. Рассматривая последний как единственно способный отражать ко-

ренные интересы большинства нации, компартии брали на себя миссию предлагать общенациональные программы восстановления независимости, экономического возрождения, ликвидации реакционных группировок, новую концепцию внешнеполитических союзов. Определяя себя вербально как партии рабочего класса, коммунисты не везде могли, хотя, безусловно, стремились, подтвердить это собственным социальным составом. Последний дает возможность выделить две группы стран региона, в которых в этом плане имелись принципиальные различия. В первую группу входили Венгрия, Польша, Румыния и Чехословакия, где статистика социального состава компартий свидетельствовала о преобладании, хотя подчас и не особенно значительном, в их рядах рабочих.

Венгерская коммунистическая партия (ВКП) в октябре 1946 г. объединяла 653 тыс. членов, из которых 42,6% составляли рабочие, 39,4% — крестьяне; 8,7% — учащиеся, домохозяйки и пр., 4,8% — интеллигенция. Польская рабочая партия (ППР) в декабре 1945 г. насчитывала более 235 тыс. членов. По социальному составу они распределялись следующим образом: 57,7% — рабочие, 32,7% — крестьяне, 9,6% — интеллигенция. В компартии Румынии (КПР), насчитывавшей летом 1946 г. более 700 тыс. членов, также преобладали рабочие — 44,8% и крестьяне — 38,54%, 8,12% приходилось на долю служащих и 2,27% — интеллигенции. Численность коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) весной 1946 г. превысила 1 млн членов. 57,7% в ее рядах приходилось на долю рабочих, 12,8% составляли сельские жители (причем, главным образом, это были сельскохозяйственные рабочие), 9,2% — интеллигенция².

Иной была картина во второй группе стран, к которой относились Албания, Болгария и Югославия. В компартии Албании (КПА) в конце 1945 г. состояло чуть более 10 500 чел. Преобладали в ней крестьяне (50%), рабочие составляли 15,5%; сравнительно высока была доля учащейся молодежи и интеллигенции (35%). Как и другие компартии региона, Болгарская рабочая партия (коммунистов) (БРП(к)) после войны резко увеличила свою численность, доведя ее к весне 1945 г. до 250 тыс. чел. 56% в рядах партии составляли крестьяне, 28% — рабочие, 9% — интеллигенция. Численность компартии Югославии (КПЮ) в конце войны превысила 161 тыс. чел. В 1946 г. половину членской массы составляли крестьяне (50,38%). На долю рабочих приходилось 27,55%, служащих и интеллигенции — 10,33%³.

Социокультурные характеристики рабочего класса в странах Восточной Европы отличались значительными особенностями, объясняемыми различным уровнем цивилизационного развития каждой из стран. Это также может служить одним из оснований предлагаемого деления стран региона.

1. ВЕНГРИЯ, ПОЛЬША, РУМЫНИЯ, ЧЕХОСЛОВАКИЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК РАБОЧИХ ПАРТИЙ

Венгрия

В межвоенный период Венгрия относилась к группе аграрно-индустриальных стран, но к началу 40-х годов она существенно продвинулась по капиталистическому пути: в создании национального дохода почти 40% приходилось на долю промышленности⁴. В структуре промышленности выделялись добывающие и тяжелые отрасли, прежде всего машиностроение. В конце 40-х годов именно в этих отраслях сосредоточились примерно 2/3 всего рабочего класса Венгрии. В целом по промышленности 60% составляло фабричное производство⁵.

Особенности процесса индустриализации и в первую очередь ее незавершенность обусловили наличие на экономической карте страны единственного крупного промышленного центра — Большого Будапешта, на предприятиях которого работала почти половина промышленных рабочих. Вместе с тем в структуре промышленности сравнительно велика была доля кустарного и полукустарного производства (25%); с ним, по данным 1946 г., была связана деятельность 44% всех занятых в промышленности рабочих. Имеющиеся данные позволяют констатировать сравнительно высокий уровень профессиональной подготовки и квалификации рабочих: в 1949 г. из 28,5% рабочего класса в общем составе экономически активного населения 11,2% составляли квалифицированные рабочие, 12,1% — разнорабочие. На долю малоквалифицированных рабочих приходилось 5,2%⁶.

Важным показателем экономического развития была и достаточно высокая степень урбанизации: в 1941 г. в городах проживало 38,3% населения. О состоянии цивилизованности общества красноречиво свидетельствовали распространение грамотности и структура образования. К 1941 г. около 94% населения страны были грамотными. Из них 15% имели восьмилетнее образование, 4,2% — среднее и 1,6% — высшее⁷. С 1940 г. в Венгрии действовал закон о всеобщем восьмилетнем школьном обучении. Вместе с тем основные звенья народного образования, причем на всех уровнях, контролировались католической церковью. Действовавшие в стране различные клерикальные группировки активно влияли как на процесс политизации общества в целом, имевший в Венгрии благоприятные предпосылки, так и на политическую ориентацию рабочего класса. Прямым следствием этого явилась имевшая место в межвоенный период ограниченность воздействия левых сил, в первую очередь коммунистов⁸.

Возникшая в 1918 г. ВКП после поражения венгерской социалистической революции в августе 1919 г. в течение четверти века действовала в условиях подполья. В нелегальный период ее численность не превышала 3 тыс. человек⁹. После освобождения стра-

ны начался бурный рост партийных рядов, вследствие чего партия приобрела массовый характер.

К лету 1945 г. в стране оформилась сеть первичных организаций и партийный аппарат. ЦК партии состоял из 25 человек; оперативную работу проводили Политбюро (11 человек) и Секретариат (5 членов). В Секретариат вошли М.Ракоши, Л.Райк, М.Фаркаш, Я.Кадар, Й.Реваи. В руководящих органах партии были представлены как «московские» кадры, так и работавшие в стране в нелегальных условиях коммунисты.

Вопрос о социальном составе длительное время находился как бы в тени: ставя задачу «завоевания» парламента, руководство ВКП заботилось прежде всего о численности партии. По результатам первых выборов в Национальное собрание, состоявшихся 5 ноября 1945 г., компартия, за которую было подано 796 тыс. голосов (17,4%), получила 70 депутатских мандатов и 4 поста в правительстве, в том числе (под давлением СКК) пост министра внутренних дел.

Итоги выборов, на которых победу одержала партия мелких сельских хозяев (ПМСХ), отразили объективную расстановку сил в стране и свидетельствовали о том, что либерально-демократическая ориентация превалировала в обществе. Венгерские коммунисты, попытавшиеся осенью 1945 г. реализовать в своем политическом курсе классовые подходы и на их основе возглавить решение общенациональных экономических задач, не получили поддержку общества. Отказ ВКП от политического взаимодействия с ПМСХ, ставка на блок единственно с социал-демократами при опоре на наиболее радикально настроенные слои рабочего класса дали негативный резонанс, отразившийся на результатах голосования¹⁰.

Извлекая политические уроки, ВКП весной 1946 г. пошла на создание левого блока с социал-демократами, народно-крестьянской партией и профсоюзами, предложив обществу народно-демократическую альтернативу развития страны¹¹. Наличие этой альтернативы, постепенное, хотя и все более явное проявление ее нацеленности на социалистическую перспективу, противостояние предложенной центристскими силами ПМСХ аграристской концепции развития — вот основные внутривнутриполитические параметры, в которых развертывалась деятельность ВКП в 1946—1947 гг.

К осени 1947 г. в ВКП насчитывалось уже свыше 750 тыс. членов, причем только за один месяц август в ее ряды вступили 100 тыс. человек, что свидетельствовало о нарастании в обществе леворадикальных настроений, стимулировавшихся, в свою очередь, резким изменением международной обстановки и поворотом к «холодной войне». Следует также учесть, что в это время массовый характер приобрел начавшийся еще летом 1947 г. процесс перехода в компартию рядовых социал-демократов¹².

В массе своей члены ВКП были молодыми по партстажу коммунистами. Прослойка «старой гвардии», то есть кадровых коммунистов с нелегальным стажем, была крайне тонкой: менее 10 тыс. человек. Они во многом еще жили воспоминаниями о 1919 г.,

пройдя «школу Коминтерна», видели в ВКП партию пролетарской диктатуры, считали возможным использовать вступление в страну частей Красной Армии для продолжения революции 1919 г. На практике подобные настроения вели к извращению политики сотрудничества в рамках демократического блока и другим проявлениям левого сектантства, воцарению мелких коммунистических «диктаторов» на местах.

Нельзя сказать, что все эти явления были тайной для руководства ВКП. Выступая на совещании Коминформа в сентябре 1947 г. Й.Реваи подчеркнул: «В сознании широких масс наша партия жила как партия 1919 года, как партия диктатуры пролетариата. Было много так называемых старых коммунистов, которые думали, что Красная Армия освободила Венгрию с целью создать советскую власть... Эти люди не понимали политики сотрудничества с другими демократическими партиями... и причинили партии много вреда»¹³.

Что касается молодых кадров, то в значительной мере именно при опоре на них ВКП решала в «ударном порядке» такие сложные задачи, как раздел помещицкой земли, восстановление транспорта и промышленности, наступление на политических противников¹⁴. Вместе с тем среди «молодых» также имела место тяга к митинговщине и демонстрациям, не исключали они и прямые «революционные» действия.

Иными словами, массовый прирост ВКП составили люди, не имевшие практического опыта и необходимой идеологической подготовки, но «рвавшие в бой». Члены ВКП были объединены в первичные организации по территориальному и производственному признакам (в городах, деревнях и на заводах). Социальный состав подтверждал преобладание в партии рабочих (420 тыс.). Численность крестьянства составляла 280 тыс. Более детальную картину состояния компартии рисовали материалы о местных организациях ВКП.

Так, в отчете советского консульства в Дебрецене за 1947 г. подчеркивалось, что на территории консульского округа ВКП была второй по численности политической силой после ПМСХ и насчитывала 165170 чел. Ей незначительно уступала СДПВ (160750 чел.). Именно между коммунистами и социал-демократами развивалось острое соперничество за привлечение рабочих в свои ряды.

Советские наблюдатели отмечали, что к коммунистам тяготели рабочие крупных промышленных предприятий и в первую очередь те, кто был занят на тяжелых работах, в то время как рабочие, занятые на более легких работах или на мелких предприятиях, как правило, были членами СДПВ. Такой вывод вполне укладывался в прокурство ложе схематических представлений о партийно-политических пристрастиях «пролетариата», закрепленных в марксистско-ленинской теории. Авторы отчета в качестве недостатка констатировали слабое влияние компартии среди интеллигенции (среди врачей членов партии только 23%, среди педагогов — 7%).

Значительно большую активность проявляло чиновничество: 30—35% служащих государственных учреждений были коммунистами, а остальные в основном социал-демократами¹⁵.

Соперничество двух партий проявилось в активном привлечении новых членов, что, как следствие, вело к снижению критериев приема.

Заметим, что упомянутый выше переход в ВКП социал-демократов приобрел в начале 1948 г. лавинообразный характер, особенно в промышленных районах. За три недели февраля на заводе «Манфред Вейс» в компартию перешли 2200 рабочих, на электроламповом заводе — 1067, на судостроительном заводе «Ганц» — 600 и пр. Всего за первую неделю февраля в ВКП вступили в 3,5 раза больше социал-демократов, чем за первую неделю января 1948 г. Анализ заявлений, поданных при приеме в ВКП, говорит о неудовлетворенности рядовых социал-демократов борьбой в руководстве СДПВ, неверии в способность «верхушки» партии осуществить революционные чаяния трудящихся, желании «продолжать борьбу» в той партии — ВКП, которая способна отстоять интересы народа. Но, на наш взгляд, не следует оставлять «за кадром» и сугубо прагматический момент: стремление людей обрести более надежную точку опоры, обеспечить собственное будущее. Решение этих вопросов многие связывали с пребыванием в правящей партии.

В одной из справок ЦК ВКП, направленной в Москву в ЦК ВКП(б), указывалось, что к весне 1948 г. после массового приема численность партии приблизилась к 1 млн чел.¹⁶ Но на этом этапе такое разбухание партийных рядов руководством оценивалось критически. Как подчеркивал лидер партии М. Ракоши, «наша партия по своему составу уже давно перестала быть передовым отрядом рабочего класса и вместо этого она заключает в себе абсолютное большинство промышленных рабочих»¹⁷. Для приведения ВКП в соответствие с требованиями, предъявляемыми к компартии марксистско-ленинской теорией, предстояло покончить с «практикой либерализма» при приеме новых членов, скорректировать социальный состав, положить конец засоренности рядов. Конкретные задачи в этом плане сформулировал в июне 1948 г. так называемый объединительный съезд, на котором была создана Венгерская партия трудящихся (ВПТ). В частности, в новом уставе партии устанавливался 6-месячный кандидатский стаж.

Фактически с этого времени можно фиксировать постоянное и пристальное внимание руководства к социальному составу партии. Причины этого понятны: сознательно и целенаправленно осуществлявшаяся прежде «массовизация» партии рассматривалась как важнейшее условие завоевания коммунистами властной монополии. Объединение рабочих партий — коммунистической и социал-демократической, означавшее победу леворадикальной альтернативы¹⁸, зажгло коммунистам «зеленый свет» на этом пути. В новых

условиях с учетом предстоящих задач были необходимы принципиальные изменения в подходе к «качеству» партийных рядов.

При этом утверждение, что улучшение «качества» напрямую зависело от изменения социального состава в пользу рабочего элемента, приобрело аксиоматический характер.

После создания ВПТ во всех ее руководящих структурах (ЦК, Политбюро, Секретариате) обозначилось преобладание коммунистов. Председателем партии был избран социал-демократ А.Сакашич, а генсеком — М.Ракоши. Среди трех его заместителей двое (М.Фаркаш и Я.Кадар) были коммунистами, и один (Д.Марошан) социал-демократом. Примечательно, что поначалу двери ВПТ оставались широко открытыми для всех желающих. Однако уже в июле—августе 1948 г. Политбюро произвело проверку выполнения решений объединительного съезда по вопросам партстроительства. Особое внимание уделено было изучению социального состава ВПТ.

Констатировалось его сильное ухудшение в городских парторганизациях, осуществивших массовый прием государственных служащих. Например, из 1500 госслужащих, зарегистрированных в г. Пече, в ВПТ состояли 724, в Капошваре 539 из 750, в Сексарде 240 из 250. Такое положение непосредственно отразилось на социальном составе руководства парторганизаций. В партком электрозавода в Будафоке, например, входили 6 человек: 1 рабочий и 5 служащих, причем рабочего, как указывалось в одном из партийных документов, во время заседания всегда отсылали с каким-либо срочным поручением. Из ЦК ВПТ в Москву сообщили, что на отдельных заводах служащим удается вытеснить рабочих из руководства парторганизаций и «фактически прибрать последние к своим рукам»¹⁹. Руководство ВПТ констатировало, что в партию проникли не только мелкобуржуазные, но «в отдельных местах... и буржуазные элементы»²⁰.

В силу этого становится понятным, почему осенью 1948 г. прием в ВПТ был прекращен. Решением Политбюро от 2 сентября 1948 г. в течение 6 месяцев предстояло провести обмен партбилетов и проверку членов партии. Фактически это означало чистку. Смысл принятого Политбюро решения разъяснил Й.Реваи, выступая перед делегатами 1-ой Общегосударственной конференции по вопросам партийной учебы: «безмерное раздувание числа членов партии» он определил как одну из «правых оппортунистических опасностей (так в тексте. — Авт.)», подкарауливавших ВПТ²¹.

Заметим, что необходимость чистки констатировала и советская сторона. В политотчете посольства СССР в Венгрии за 1948 г. отмечалось, что хотя создание ВПТ и положило конец «нездоровому росту» обеих рабочих партий, в особенности ВКП, членская масса новой партии оказалась зараженной мелкобуржуазной идеологией, распространявшейся бывшими членами СДПВ. В этой массе «растворились» немногочисленные коммунисты, имевшие марксистско-ленинское воспитание, поскольку ВКП до объединительного съезда не стала «подлинно большевистской партией», а

лишь «медленно развивалась в этом направлении»²². Критическое отношение советской стороны вызвало и намерение венгерского руководства организационно оформить внутри ВПТ группу «активистов» в 300—350 тыс. (!) человек, выдав им специальные удостоверения, проводя особые закрытые собрания и т.п. Эта «партийная гвардия» должна была стать своего рода кастой, а, по советским оценкам, «привилегированной, полулегальной группой»²³.

Представляется, что речь шла о создании своего рода партийного «спецназа» — опоры руководства и возможного орудия различных манипулирующих стоящих у власти лиц.

Реализация подобного плана означала бы, помимо прочего, и введение в практику принципа «сортности» партийцев. И это не ускользнуло от внимания советских наблюдателей, подметивших, что «искусственное разделение членов партии на более преданных и менее преданных» было заложено уже в Уставе ВПТ, официально закрепившем наличие в партии особой категории «партийных работников». К этой категории были отнесены «наиболее преданные члены партии, работающие на любом участке партийной работы, которых на основании проводимой ими партийной работы, по предложению руководства местной партийной организации, совещание партийных работников квалифицирует как партийных работников»²⁴.

К сожалению, мы не располагаем данными о том, какова была численность «партийных работников» и оказалась ли, в действительности, реализованной и в какой мере, идея создания особой касты партийцев.

Проверка членов ВПТ развернулась весьма интенсивно. Было сформировано 7 тыс. проверочных комиссий, в которых работали 30 тыс. чел.

Предварительные итоги проверки были оглашены на пленуме ЦК 5 марта 1949 г. По официальным данным, комиссии проверили 989 862 члена партии и рекомендовали исключить 178 509 чел. (18%), перевести в кандидаты 120 158 чел. (12,1%)²⁵.

Кроме обычных комиссий, работало еще несколько сотен специальных: они проверяли членов партии в министерствах, государственных учреждениях, армии, полиции. Общий итог их деятельности: проверено 42 138 партийцев, предложено исключить 8 615 чел. (20,1%), перевести в кандидаты 7 549 чел. (17,8%). Из этого числа на долю министерств пришлось 6 162 члена партии, прошедшего процедуру проверки. Исключены 1 591 чел. (25,8%), переведены в кандидаты 1 161 чел. (18,8%). Нет сомнения, что особое пристрастие проявилось по отношению к министерствам, руководимым в прошлом политическими оппонентами компартии. Например, в министерстве финансов, которое четыре года возглавлял член ПМСХ, было исключено 46% членов ВПТ. Значительное число исключенных пришлось на министерства торговли (34,5%) и юстиции (32%)²⁶, руководимые в прошлом социал-демократами.

Анализ материалов пленума ясно свидетельствует, что основной удар комиссии нанесли по таким категориям членов ВПТ, как

ремесленники и торговцы (исключено 35%), государственные служащие (27%), интеллигенция (26%). Все они подпадали под разряд мелкобуржуазных и даже буржуазных элементов, чье присутствие в рабочей партии становилось все более недопустимым. Для сравнения: из числа рабочих — членов ВПТ исключено было около 10%, крестьян — около 13%. «Эти цифры показывают, — отмечалось на пленуме, — какие большие изменения произошли в партии, подтверждают, что в партии в большом количестве скрывались классово чуждые элементы». Именно от них удалось «очистить партию» и улучшить ее социальный состав: удельный вес рабочих возрос в среднем на 4—5%²⁷.

Конкретно, в частности, на заводе МАВАГ рабочая прослойка в парторганизациях увеличилась с 79,6 до 82%, на заводе «Манфред Вейс» — с 84,7% до 88,1%. Несомненно, участников пленума не могли не вдохновить эти цифры. В представлениях высшего руководства подобные изменения социального состава приближали ВПТ к «идеалу» руководящей силы в обществе. Венгерские промышленные рабочие и бедное крестьянство, подчеркивал Ракоши, все более отчетливо понимают, что их будущее будет обеспечено лишь в том случае, если все важные позиции в стране займут трудящиеся, которые будут выполнять свои обязанности с «социалистической сознательностью»²⁸.

По итогам проверки мартовский пленум определил задачу и далее развивать в партии «характер передового отряда». Возобновление приема в ВПТ было отсрочено еще на 3 месяца — до 1 июня 1949 г. 31 мая 1949 г. на пленуме ЦК было принято специальное постановление по привлечению в партию новых членов. Пленум подтвердил основной принципиальный подход — принимать самых достойных, улучшать социальный состав, т.е. постоянно увеличивать удельный вес рабочих и, во вторую очередь, трудящихся крестьян. Было решено «до особого распоряжения» отложить рассмотрение дел исключенных в ходе проверки лиц, если они выражали желание вновь вступить в ВПТ. Формулировался также категорический запрет не принимать в партию кулаков и прочих «эксплуататоров»²⁹.

Интересно, что задача чистки партийных рядов не снималась с повестки дня. Более того, она вступала в новую фазу. В связи с эскалацией «дела» члена Политбюро ЦК ВПТ Л.Райка, арестованного в мае 1949 г., был взят курс на резкое повышение бдительности в партийных рядах. В одном из документов ЦК ВПТ, переданных в Москву, указывалось: по примеру ВКП(б) известно, что «самая большая работа по очищению партии предстоит после массовой проверки. ЦК ВПТ необходимо учесть богатый опыт большевистской партии, нужно повысить классовую бдительность, чтобы найти в партии еще сохранившихся в ней врагов и удалить их из своих рядов»³⁰.

Первый удар приняли на себя работники центрального аппарата ВПТ, серьезные перемены в котором обозначились уже летом 1949 г. Непосредственно после ареста Райка из него были удалены

47 сотрудников, в том числе 22 технических. Мотивировка их удаления — «несоответствие должности с политической точкой зрения», мелкобуржуазные взгляды и др. Были сняты с работы 13 активистов партаппарата Будапешта, 10 человек переведены на другую работу, чтобы разорвать их «нездоровое» окружение и связи. Большую роль во всех этих перемещениях играл центральный отдел кадров ЦК. На него ложилась проверка всех кандидатов на ту или иную должность, изучение характеристик, отзывов с предыдущих мест работы и пр., с целью привлечения в аппарат «здоровых элементов». Данная деятельность высоко оценивалась руководством ВПТ, отмечавшим, что социальный состав центрального аппарата «беспрерывно улучшается». Подтверждением этому служили данные о росте в нем удельного веса рабочих (в январе 1949 г. — 46%, а в январе 1950 уже 56%) и крестьян (соответственно 6 и 11%). Вместе с тем была поставлена задача увеличивать прослойку трудящихся, прежде всего «за счет кадров мелкобуржуазного происхождения». По всей вероятности, таким способом руководство ВПТ намеревалось «перекрыть» представительство интеллигенции (12%) в аппарате, превышавшее удельный вес крестьян.

Пристальное внимание высшего руководства к состоянию центрального аппарата сохранялось и позднее. Заместитель генерального секретаря ЦК ВПТ М.Фаркаш в беседе с сотрудником канцелярии Коминформа С.Г.Заволжским 11 июля 1949 г. сообщил, что по итогам проверки аппарата ЦК освобождены от работы 75 человек и еще 20 намечено освободить. Кроме того, «в ближайшее время ЦК напишет закрытое письмо ко всем партийным организациям об усилении бдительности»³¹.

Понятно, что интенсификация процесса чисток и проверок не способствовала стабилизации состава сотрудников. Проверка центрального аппарата выявила довольно высокий уровень текучести его кадров: только 13% политических сотрудников работали более двух лет. Преобладали кадры, пришедшие в 1948—1949 г.

В сентябре 1949 г. закрытый пленум ЦК ВПТ провел серьезные изменения в составе высшего партийного руководства. Как отмечал С.Г.Заволжский в справке «Руководство Венгерской партии трудящихся» от 30 января 1950 г., сообщение об этих изменениях «в печати не публиковалось и до сведения партийных организаций пока не доводилось»³². А изменения эти были весьма существенными. Как «враги венгерского народа» из ЦК и Политбюро были выведены Л.Райк, Д.Палфи, Т.Сеньи, П.Юстус и З.Хорват. Из Политбюро был также удален И.Надь, которому инкриминировался «ряд крупных ошибок» в вопросе о кулачестве. На место выбывших, указывал Заволжский, были кооптированы М.Хорват и И.Ковач (в состав Политбюро), Г.Лшонци, Л.Пирош, К.Понграц, П.Виг, Ш.Зэлд (в состав ЦК). Изменения затронули также состав Секретариата и Оргбюро. Закрытость информации вызвала вопросы даже в Москве. 29 марта 1950 г. на имя Заволжского пришел запрос, в котором содержалась просьба уточнить со-

став руководящих органов партии. Москву, в частности, интересовало: «а) Почему нет Марошана в составе Оргбюро? б) [Почему нет] Ревай в составе Секретариата?» Выведены ли из Оргбюро И.Сирмай и М.Эрдеи или они случайно не включены в список? Выведены ли из состава ЦКК Хайду, Панди и Пиклер? Остался ли И.Кошша членом Политбюро? Кроме того, Заволжского просили сообщить точное число членов и кандидатов в члены ВПТ, структуру ЦК партии (отделы и их руководство), а также, по возможности, дать краткие данные или хотя бы списочный состав секретарей комитатских комитетов ВПТ³³.

13 апреля 1950 г. за подписью заведующего отделом связи канцелярии секретариата Коминформа Н.Н.Пухлова в Москву во Внешнеполитическую комиссию ЦК ВКП(б) ушло сообщение о том, что «заместитель генерального секретаря ЦК ВПТ Марошан Дьердь является членом Оргбюро ЦК ВПТ», а «Кошша Иштван решением Политбюро ЦК ВПТ выведен из состава членов Политбюро»³⁴. Дать оперативный ответ на другие поставленные Москвой вопросы в аппарате Коминформа, по всей вероятности, не смогли.

Прямым следствием «дела» Райка явился также перевод значительного числа партийных работников в силовые структуры и ведущие звенья государственного аппарата. Но, как и в случае с «тришкиным кафтаном», это вскоре вызвало, по оценке венгерского руководства, отставание в партийной работе от конкретных задач дня³⁵. На пленуме ЦК в феврале 1950 г. М.Ракоши даже поставил вопрос о «серьезной опасности» этого процесса, принявшего, по его словам, нежелательные размеры.

Накрывшая страну после завершения «дела» Райка волна шпиономании была высока. Частые призывы к усилению революционной бдительности отражали и откровенный страх первых лиц партии и государства за собственную жизнь. Достаточно сказать, что еще до ареста Райка Секретариат ЦК принял специальное постановление о бдительности, определившее в качестве главной задачи обеспечение безопасности центрального здания ЦК(!), «чтобы не дать возможности врагам проникнуть в него»³⁶. Повысить бдительность предлагалось также путем «лучшего охвата членов партии», означавшего прежде всего детальное изучение настроений активистов и рядовых членов ВПТ.

Решению этой задачи был призван способствовать начавшийся в 1949 г. процесс, получивший в ВПТ название децентрализации. На самом деле речь шла о фактическом разукрупнении партийных организаций при одновременном переносе акцента с территориального принципа построения партии на производственный. Этот процесс имел следующую динамику: если в июне 1948 г. в стране насчитывалось 6242 первичные организации, то осенью 1950 г. — около 11 тыс.; если в 1948 г. 76,6% всех «первичек» строились по территориальному принципу, то в 1950 г. — 42%³⁷. Данные изменения рассматривались коммунистами как принципиальные по своему характеру, означавшие преодоление «социал-демократического наследства» и реализацию «основного условия большевиза-

ции компартий»³⁸. (Заметим, что такой подход разделяли и в других компартиях региона.) Основное же значение «децентрализации» заключалось в том, что разукрупнение парторганизаций давало возможность усиления контроля за членской массой.

Итогом «децентрализации» явилось серьезное изменение структуры первичных организаций. Наиболее крупные из них с числом членов 300—500 чел. и более (их удельный вес среди других категорий «первичек» составлял соответственно 3,8 и 1,5%), как указывалось в одной из справок о состоянии ВПТ на 1 января 1950 г., «почти не существуют»³⁹.

По оценкам венгерского руководства, контролировать «чистоту» партийных рядов существенно помогала имевшаяся учетная система аппарата ВПТ. В частности, активно использовалась составленная в подотделе учета алфавитная картотека с информацией обо всех лицах, связанных с партией с 1948 г., когда проводился обмен партбилетов, об исключенных, а также о тех, кто не может быть принят в партию. В ЦК ВПТ существовало убеждение, что именно благодаря строгой системе учета удалось осенью 1949 г. добиться, чтобы 1668 исключенных при проверке и обмене партбилетов «вновь не проникли в партию»⁴⁰. Видимо, не будет преувеличением считать эту картотеку первым камешком в основании возведенной впоследствии мощной «постройки» — номенклатурного принципа учета и распределения партийно-государственных кадров.

Мы не располагаем подробными сведениями о чистках партаппарата на местах. Но то что он, как и центральный аппарат, стал объектом проверки, сомнений не вызывает. Судя по доступным документам, число непосредственно пострадавших за связи «со шпионской группой» Райка на уездном и комитатском уровнях было невелико: по некоторым данным, были сняты 1 уездный секретарь и 1 зав. отделом. «По политическим мотивам» (без уточнений), а также за аморальное поведение партийных постов лишились несколько членов уездных бюро ВПТ⁴¹. Иными словами, непосредственно после «разоблачения» Райка чистки сосредоточились в верхнем эшелоне партийного руководства, что отразило шедшую там острую борьбу за власть*.

В дальнейшем задача очищения руководства решалась в ходе отчетно-выборной кампании в партии в июне 1950 г., обновившей руководство парторганизаций на 50% и изменившей социальный состав партбюро. Основное направление работы здесь заключалось в привлечении к активной деятельности не просто рабочих, но особенно стахановцев и других передовиков производства. Что касается членской массы, то вопрос об улучшении ее социального состава предполагалось решать, с одной стороны, освобождая от «торгашей, попов и других мелкобуржуазных элементов», а с другой — не допуская в ВПТ «нетрудовых элементов» и служащих⁴².

* См. главу VI.

Усилия, направленные на изменения социального состава партии, обусловили довольно серьезную динамику. К середине 1950 г. в ВПГ, насчитывавшей более 850 тыс. членов (9,2% населения страны), состояли:

- рабочие — 49,9%, из них промышленные — 38,6%;
- служащие (включая т.н. кадровых служащих, т.е. милицию и госбезопасность) — 24,6%;
- крестьяне — 13,3%;
- ремесленники, мелкие торговцы, лица без определенных занятий — 9,7%;
- интеллигенция — 3,9%⁴³.

По возрастному составу преобладали члены партии от 36 до 50 лет (38,7%), затем следовала группа 25—35-летних (27,2%). Чуть больше 1/5 состава (21,5%) — лица старше 51 года. И самой малочисленной была группа молодежи — от 16 до 24 лет (12,6%)⁴⁴.

Сопоставляя эти данные с дополнительной информацией о составе партийных кадров, нам удалось установить, что представители самой многочисленной группы (36—50 лет) преобладали в руководстве низовых организаций в провинции (42,9%), низовых организаций Большого Будапешта (48,1%) и среди освобожденных членов районных, городских и заводских парткомов города (44,0%). Группа 25—35-летних занимала почти равные позиции среди освобожденных членов парткомов разного уровня Большого Будапешта (45,5%), но явно преобладала среди освобожденных членов уездных парткомов (57%) и освобожденных членов комитатских парткомов (60%).

«Старики» (старше 51 года) не были представлены вообще в парткомах комитатского уровня и среди освобожденных членов столичных парткомов. Крайне незначительным было их участие в уездных парткомах (1,0%). Чуть активнее их привлекали к руководству низовых организаций Большого Будапешта (9,7%) и особенно низовых провинциальных организаций (13,8%). Что касается молодежи, то наиболее полно она была представлена на уездном уровне (18,01%), а слабее всего — на комитатском (9,5%).

Такой расклад свидетельствовал о том, что процесс вытеснения «стариков» с верхних «этажей» партийной власти фактически завершился.

По партийному стажу доминировавшие на комитатском «срезе» кадры (25—35 лет) были молодыми партийцами: 71,9% от их числа вступили в ВКП в 1945 г. То же относилось к уездному уровню (60%) и к освобожденным членам парткомов Большого Будапешта (46,4%). Их доминанция имела как бы «двойной» характер: молодой возраст сочетался с малым партийным стажем.

Крайне узким был слой ветеранов — членов партии, вступивших в ее ряды до освобождения, представленных на руководящей партийной работе. Наибольший удельный вес их приходился на группу освобожденных членов парткомов Большого Будапешта (39,2%). Хуже всего они были представлены на уездном уровне (4,4%).

По роду занятий во всех категориях партийных должностей превалировали промышленные рабочие. Наивысшим их представительство было на комитатском уровне (65,2%). Уступили они сельскохозяйственным рабочим и крестьянам лишь в руководствах провинциальных низовых организаций (34,6% против 43,7%). Примерно одинаковым было участие промышленных рабочих, с одной стороны, и сельскохозяйственных рабочих и крестьян с другой в уездных парткомах (46,7 против 46,4%)⁴⁵.

Не случайно секретарь ЦК ВПТ Й.Ковач констатировал на страницах «Сабад нэп», что в состав парткомов удалось влить «свежую кровь», имея в виду новые кадры, прежде всего из рабочих. Вместе с тем Ковач подчеркнул, что в парткомах много стариков и мало молодежи, что средний возраст членов парткомов — 42 года⁴⁶.

Проделанный нами анализ доступной статистики не позволяет безоговорочно согласиться с выводами Ковача, в частности, с тезисом о преобладании в парткомах «стариков».

Наполнение рядов партии и ее руководящих структур «рабочим элементом» порождало важнейшую проблему его обучения. Так же, как и в других странах, решалась она путем организации школ и курсов. Система партучебы состояла из нескольких звеньев: в каждом комитате действовали 3-х недельные курсы, в стране имелись три школы с 3-х месячным и центральная школа с 6-месячным обучением. Через эту систему уже к сентябрю 1947 г. прошли около 100 тыс. членов партии. Кроме того, практиковалась ускоренная подготовка агитаторов при проведении тех или иных кампаний национального масштаба. Так, перед выборами 1947 г. на недельных курсах было подготовлено несколько тысяч агитаторов.

По данным на конец 1949 — начало 1950 г., руководство комитатских парткомов на 60% состояло из лиц, прошедших 2—3-х месячную подготовку в системе партучебы. Абсолютное большинство членов руководства провинциальных низовых организаций (92%) закончили 4—6-и недельные курсы. Такой же уровень подготовки преобладал, но в меньшей степени (39%) у членов уездных парткомов, а также в районных, городских и заводских парткомах Большого Будапешта (26%). Примечательно, что довольно высок был процент партийных руководителей, вообще не прошедших партучебу: в провинциальных низовых организациях — 81%, в низовых столичных организациях — 83,6%, в крупных организациях Будапешта — 30,1%. На уездном уровне число таких руководителей не превышало 15%, а на комитатском — 5,0%⁴⁷.

Перестройка организационной структуры вызвала усиление идейно-теоретической и воспитательной работы в ВПТ. 20 октября 1949 г. Политбюро приняло резолюцию «О поднятии идеологического уровня». Во исполнение ее был резко увеличен выпуск популярной марксистско-ленинской литературы (8 млн экз. в 1949 г.), значительно расширена внутривнутрипартийная образовательная сеть. Особое внимание было обращено на обучение вновь избранных секретарей первичных организаций и налаживание индивидуаль-

ного изучения партийцами работ классиков марксизма-ленинизма. Эта работа велась на всех уровнях. Под руководством агитпропа ЦК ВПТ в 1950 г. из 494 руководящих партработников 127 самостоятельно изучали материал по программе двухгодичной партшколы, 234 — по одногодичной программе и 133 — по программе 5-и месячных курсов. Индивидуальной подготовкой было охвачено большинство партработников среднего звена. В целом, судя по партийной отчетности, около 30% членов партии было включено в систематическую партучебу. Была введена также практика организации «партийных дней», задача которых заключалась в коллективном обсуждении теоретических и политических вопросов. Характерна оценка, данная в ЦК ВПТ эффективности этой работы осенью 1950 г.: «...Среди членов партии возросло уважение, любовь и дружба к Советскому Союзу и лично к товарищу Сталину. Все больше увеличивается количество членов партии, которые лучше понимают освободительную роль Советского Союза и большевистской партии, а также и руководящую их роль в международном лагере мира. Возрос интерес к рабочему движению в борьбе за мир, проходящей под руководством компартий в капиталистических странах. Усилился среди членов партии пролетарский интернационализм, а также ненависть их и вообще трудящихся к империалистическим поджигателям войны»⁴⁸. Барабанная дробь формулировок мало что могла дать с точки зрения объективных оценок результативности проводившейся идеологической и воспитательной работы среди партийцев, но в аппарате Коминформа, куда поступил соответствующий документ, вопросов не возникло.

Несколько скорректировать приведенную оценку ЦК ВПТ позволяют материалы о встречах сотрудников печатного органа Коминформа газеты «За прочный мир, за народную демократию!» с читателями — рабочими будапештских предприятий в июне 1950 г. На одном из заводов аудиторией был задан вопрос: «Понимают ли рабочие статьи?» Ответ был обескураживающим: «...[Нам] трудно еще понимать самые значительные и самые серьезные статьи. Надо разъяснять непонятные вопросы». В ходе встреч выяснилось также, что регулярно газету не читают даже партийные функционеры⁴⁹.

По всей видимости, все же руководство ВПТ владело информацией об истинном положении дел, определяя конкретные перспективы дальнейшей партийно-просветительской работы. По данным секретариата Коминформа, полученным из ЦК партии, все освобожденные партработники, в том числе и освобожденные члены уездных партийных комитетов, в течение двух лет должны были окончить 5 или 3-х месячную партшколу или соответствовавшие ей курсы. Руководящим сотрудникам государственного аппарата и руководящим хозяйственным работникам предстояло окончить 3-х месячную партшколу или получить соответствовавшую этому уровню подготовку. Кроме того, до конца 1951 г. 500 руководящих функционеров партии, массовых организаций и госаппарата, не имевших необходимой теоретической подготовки, были

обязаны закончить, очно или заочно, годичную партшколу. Примечательно, что перед руководящими партийными кадрами была также поставлена задача овладеть русским языком. На 1 января 1950 г. его изучали более 300 тыс. человек⁵⁰.

Несмотря на размах задуманных мероприятий, итоги 1950—1951 учебного года в сети партпросвещения, подведенные в решении Политбюро от 17 мая 1951 г., были малоутешительными. Политбюро признало, что партийцы не осознали важности изучения теории, а ЦК не удалось обеспечить необходимого укрепления дисциплины ни в одном из слоев партработников. Даже в Будапеште 40% секретарей парторганизаций не учились систематически, а в руководствах сельских ячеек этот процент был еще выше. Плохо обстояло дело и в комитетах, где также не удалось охватить всю партийную массу различными формами партучебы. Назывались и цифры. Так, например, в комитате Боршод-Земплен лишь 32% состава парторганизации занималось политучебой, в комитате Сольнок — около 35%, в комитате Саболь-Сатмар — менее 30% и т.п. Из советского консульства в г. Дебрецене сообщили, что в городке Надудвор, например, из 772 членов и кандидатов в члены ВПТ марксистско-ленинскую теорию изучали всего 160 человек⁵¹. Усилия руководства ВПТ по организации партучебы явно отставали не только от задач дня, но и от имевшего место роста партийных рядов.

По материалам секретариата Коминформа, получавшего сведения непосредственно из ЦК «братских» партий, в 1951 г. динамика роста ВПТ была позитивной: кандидатами в члены ВПТ было принято 99 379 человек, переведено в члены партии 77 232 чел., исключено 11 355 чел. Общее число партийцев на январь 1952 г. составило 945 606 человек⁵².

Некоторые изменения претерпел социальный состав ВПТ. К категории рабочих относились 45,1% ее состава, причем преобладали промышленные рабочие (38,7%). Здесь изменений, по сравнению с 1950 г., не было. Второе место принадлежало служащим (27,3%), чей удельный вес несколько возрос; трудящиеся крестьяне составляли 15,3%, в том числе 8,1% — единоличники; 5,5% приходилось на долю интеллигенции. Удельный вес неработающих членов партии — домохозяек, пенсионеров и пр. — 4,7% — превышал численность ремесленников и мелких торговцев (2,1%).

По возрастному составу 54,4% составляли в рядах ВПТ лица, достигшие 36 лет и старше, 28,6% приходилось на возраст 25—35 лет и 17% — 18—24 года⁵³.

Анализ социального состава руководящих партийных работников, включая членов ЦК, свидетельствует о том, что среди них также преобладали рабочие: 57,5% из них по социальному происхождению и 51,2% — по социальному положению. Вторую ступень прочно занимали здесь трудящиеся крестьяне. Однако здесь разрыв между социальным происхождением и социальным положением был более значительным — соответственно 31,9% и 23,7%. Это

говорит о «крестьянских» корнях почти 1/3 руководящего состава партии. Наиболее интересна следующая группа — служащих: 4,2% по социальному происхождению и 18,7% — по социальному положению. Такой расклад свидетельствовал о том, что ряды служащих (чиновников) пополнялись в первую очередь за счет выходцев из других классов и социальных слоев. И эти выходцы, как правило, порывали со своими «корнями». Нехитрые подсчеты свидетельствуют, что именно рабочие и крестьяне (по социальному происхождению) влились в сословие служащих. Вслед за М.Восленским рискнем допустить, что новыми чиновниками стали, как и в свое время в СССР, в подавляющем большинстве случаев «сознательные ренегаты класса, из которого происходят»⁵⁴.

Аналогичный процесс, хотя и в гораздо более скромных размерах, наблюдался и среди интеллигенции: на новом этапе 1,3% ее являлась интеллигенцией по социальному происхождению и 4,6% — по социальному положению⁵⁵.

В целом среди штатных партийных работников преобладали рабочие по социальному происхождению (64,1%); на долю трудящихся крестьян приходилось 25,6%, служащих — 4,2%, интеллигенции — 1,0%⁵⁶.

Политическая подготовка руководящих партийных работников свидетельствовала скорее о невысоком уровне: 57,6% прошли обучение на низкой ступени — от 2-х недельных политкурсов до 3-х месячной партшколы. Более высокую ступень — от 6-и месячной партшколы до ВПШ — одолели лишь 4,5% функционеров. Основная, неруководящая, масса партийных работников в подавляющем большинстве (77,4%) закончила партшколу со сроком обучения от 1 до 6 месяцев и более, но 10,7% ограничились своей подготовкой курсами, где обучение длилось менее 1 месяца⁵⁷.

Логично предположить, что такие кадры не могли обеспечить необходимого уровня руководства партийными организациями, и это потребовало от ЦК ВПТ поиска более адекватных мер. Как отмечал член Политбюро Й.Ковач в беседе 16 июля 1951 г. с послом СССР Е.Д.Киселевым, ЦК ВПТ «проводит большую работу по возвращению бывших партийных работников на партийную работу». Ковач пояснил: «После разгрома банды Райка и других нужда в укреплении армии, управления госбезопасности, ведущих звеньев государственного аппарата заставляла руководство партии черпать кадры из состава партийных работников. Все это привело к тому, что качество и уровень партийной работы стали отставать от все возрастающих задач, выдвигаемых жизнью».

Одновременно в распоряжение ЦК поступили 350 выпускников хозяйственно-технической академии (аналог советской Пром-академии, но с более коротким сроком обучения — 1,5—2 года), а также 650 выпускников 5-и месячной партшколы и 171 выпускник годичной и двухгодичной партшкол. Основная масса их была направлена на партийную работу в комитатские и районные комитеты ВПТ или в парторганизации крупных предприятий и учреждений на посты секретарей. Ковач высоко оценил это пополнение —

«молодые, проверенные в политическом отношении, теоретически подкованные люди»⁵⁸. Подтверждением ставки на молодежь явилась и проведенная осенью 1951 г. фактическая чистка в низовых парторганизациях, в ходе которой из ВПТ были исключены коммунисты с довоенным стажем. На «оперативный простор» выходила молодая, амбициозная, рвущаяся к власти партийная бюрократия. Но чисткой и устранением «стариков» радикальным образом улучшить дело не удалось.

В поисках выхода венгерские руководители (по некоторым сведениям, среди них был председатель Госплана З.Ваш) предложили штрафовать работников партаппарата «за различные упущения». Это предложение начало реализовываться. В мае 1952 г. о подобной инициативе стало известно в советском посольстве. Е.Д.Киселев немедленно сообщил об этом в Москву. Непосредственная реакция ЦК ВКП(б) неизвестна, но кое-какие сведения все же имеются. Например, сравнительно широко внедренная в Венгрии система штрафов на предприятиях за различные нарушения трудовой дисциплины весьма обеспокоила советскую сторону, оценившую такие меры как «пережиток капиталистических порядков», противоречивший духу государственного и общественного устройства народной демократии⁵⁹. Советская позиция по этому вопросу усугублялась утверждениями венгров о том, что система штрафов якобы устанавливалась «по примеру Советского Союза». Е.Д.Киселев, в частности, назвал это «антисоветской клеветой». Понятно, что распространение данной системы на такую сферу, как партийная работа, должна была вызвать резко негативную оценку советской стороны.

Москва получила также своевременную информацию о «некоторых деталях» кадровой работы венгерских коммунистов. Киселев отметил в своем дневнике после упомянутой выше беседы с Й.Ковачем: «В настоящее время каждый ответственный работник из числа членов ЦК, а также министры и их замы получили от руководства ЦК задания в течение ближайшего времени досконально изучить по 60—80—100 чел. на каждого. Изучение должно охватывать не только анкетные данные, деловые и политические качества, но также изучение среды, знакомств, характера и круга интересов, взятых в самом широком смысле этого слова. Такой метод, считает Ковач, значительно поможет более конкретному изучению людей и снизит ошибки в расстановке их»⁶⁰.

Очевидно, что объем и характер полученных «заданий» свидетельствовали о том, что на партийных и государственных руководителей возлагались фактически функции специальных подразделений партаппарата (в ВКП(б) таковым был учетно-распределительный отдел, изучавший и контролировавший кадры, ведавший списками номенклатуры) и даже, в какой-то мере, функции политической полиции. Такой подход к делу изучения и расстановки кадров вряд ли был в перспективе продуктивным. Однако он, несомненно, отразил утвердившийся в стране новый стиль конкретного руководства партийно-государственного аппарата кадровой политикой.

Польша

Польша, как и Венгрия, накануне Второй мировой войны была аграрно-индустриальной страной, отягощенной острыми национальными противоречиями и характеризовавшейся сравнительно многообразной палитрой политических и конфессиональных ориентаций населения. На уровень политической культуры последнего важное влияние оказало участие многих поколений поляков в длительной борьбе за восстановление национальной независимости. Политически организованный рабочий класс составлял (вместе с членами семей) до 1/3 населения страны. Однако, несмотря на наличие достаточно четко оформленного промышленного ядра, в составе пролетариата преобладали рабочие первого поколения, связанные с неиндустриальными формами производства⁶¹. В структуре промышленности ведущие позиции принадлежали горнодобыче, металлургии, химической, текстильной, пищевой и некоторым другим отраслям. Но с ними был связан лишь каждый пятый наемный работник, в то время как сельскохозяйственным рабочим являлся каждый третий.

В период немецкой оккупации численность и структура рабочего класса претерпели серьезные изменения, обусловленные в первую очередь процессами деклассирования и расширения маргинальной прослойки внутри промышленного рабочего класса⁶².

Отсюда проистекала множественность его политических ориентаций, что, вкупе с особой обостренностью национального самосознания населения, в том числе и рабочих, и конфессиональной принадлежности абсолютного большинства последних (около 65% к концу войны) к политизированному польскому костелу⁶³, серьезно влияло на облик рабочего класса, его политические пристрастия, симпатии и антипатии.

Рабочие входили практически во все многочисленные партии и национальные движения, действовавшие в межвоенной Польше, но прежде всего в социалистическое, коммунистическое и основанное на принципах классовой солидарности христианско-демократическое. Христианские демократы, конституировавшиеся в 1937 г. в партию труда (Стронництво працы), распространяли свое влияние прежде всего на клерикально настроенных рабочих⁶⁴.

В качестве главных претендентов на право выражать интересы и формулировать стратегические цели рабочего класса выступали социалисты и коммунисты, идейно-политический водораздел между которыми был в межвоенный период достаточно глубок.

Польская социалистическая партия (ППС) располагала значительным влиянием в рабочем движении. Ее массовую базу составляли рабочие высокой квалификации, государственные служащие. К ним относились железнодорожники, печатники, работники связи и пр. ППС ориентировалась также на сельскохозяйственных рабочих, на средние городские слои, мелких служащих и чиновников. На протяжении всего межвоенного периода ППС действовала легально, обладала работоспособным политическим активом, чем

выгодно отличалась от компартии. Социалисты к тому же не были в глазах общества отягощены просоветскими настроениями и кон-тактами, что в условиях Польши было весьма немаловажно.

Бурный рост рядов ППС пришелся на 1944—1945 гг. В апреле 1945 г. она насчитывала 125 тыс. членов. Из них только 17% имели довоенный стаж или вступили в социалистическое движение в период оккупации. Основная масса партийцев (более 50%) пришли в возрождающуюся ППС из левых профсоюзов, спортивных, кооперативных и прочих организаций. Более 30% состава партии были политическими новобранцами⁶⁵.

Компартия Польши (КПП), тесно связанная с Коминтерном и распущенная им в 1938 г., в массовом сознании воспринималась как инонациональная сила. В 1942 г. был восстановлен организационный центр польских коммунистов, объединивший не только бывших членов КПП, но и часть леворадикально настроенных социалистов и людовцев (деятелей крестьянского движения). В годы оккупации партия, получившая новое название — ППР, насчитывала немногим более 12 тыс. членов. Также относительно многочисленной кадровой организацией (примерно 18 тыс. чел.) вышла ППР из подполья в июле 1944 г. К моменту завершения освобождения страны от гитлеровской Германии в рядах партии состояли около 30 тыс. членов, но уже в апреле 1945 г. число партийцев возросло десятикратно, достигнув 302 тыс. человек. Такой взрывообразный рост польские исследователи объясняют вступлением в ППР тех, кто ожидал от новой власти быстрых и решительных перемен, причем любой ценой.

Ряды ППР на этом этапе пополнили малоквалифицированные рабочие, бывшие безработные, крестьянская малоземельная беднота, сельскохозяйственный пролетариат, репатрианты из других стран⁶⁶. Настроения этой массы накладывались на коминтерновский менталитет части партийного аппарата и актива. «Партийные низы, исповедовавшие лозунги КПП» оказывали серьезное давление на центральное и воеводское руководство ППР, в котором велика была доля бывших членов КПП, молодежного коммунистического союза (более 50%) и новобранцев, вступивших в партию в 1944—1945 гг. (25%), — вспоминал позднее о ситуации 40-х годов один из лидеров ППР Я.Берман⁶⁷. Взятые вместе эти факты объясняют массовый характер ультралевых «выбросов», наблюдавшихся в рядах ППР.

«Качество» партийной массы проливает свет на такое явление, которое выделило ППР, хотя и на весьма короткое время, из числа других компартий стран региона: уже с конца апреля 1945 г. началось падение численности партии. В июле в ее рядах насчитывалось 160 тыс. человек. В руководстве ППР считали, что причиной такого спада явился выход из партии «неустойчивых и классово-чуждых элементов», которые убедились, что быть членом партии — «значит очень часто подвергать свою жизнь опасности...», «нести серьезную партийную нагрузку...» Поскольку именно на начало 1945 г. пришелся наибольший размах действий Армии

Крайовой в стране⁶⁸, такую оценку, видимо, можно считать объективной. Однако она была, безусловно, неполной. Весной 1945 г. в стране наблюдался активный рост негативных для коммунистов настроений, имевших общеполитическую, экономическую и социально-психологическую подоплеку. Падение доверия к ППР на фоне нарастания стремлений к политической суверенизации в ППС и СЛ⁶⁹, несомненно, сказалось на численности ППР, вызвав отток определенной части партийцев. Следует также учитывать, что на этот процесс повлияло и вхождение в состав правительства авторитетного лидера крестьянской партии ПСЛ Ст.Миколайчика, осуществленное по решению Ялтинской конференции глав великих держав в феврале 1945 г. Участие Миколайчика в работе кабинета означало перегруппировку политических сил в стране и вызвало у части общества сомнения в прочности позиций ППР.

Летом 1945 г. руководство ПСЛ сформулировало программу политической конфронтации с коммунистами, а уже осенью открытое противостояние ППР и ПСЛ превратилось в осевую линию развития страны⁷⁰. ПСЛ обозначилась как легальная оппозиция в рамках правящей коалиции. В этих условиях ППР заявила о намерении укреплять свои позиции чисто политическими методами, обеспечивая выгодную для себя «парламентскую конфигурацию» в ходе подготовки к будущим выборам в Законодательный сейм. Это несколько успокоило некоторую часть общества, резко негативно настроенного против репрессивных мер коммунистов как средства воздействия на общественно-политические позиции населения. Настроения общества существенно изменялись и по мере решения важнейших политических задач, прежде всего присоединения при решающей поддержке советской стороны западных земель. К тому же осенью 1945 г. в пользу ППР была решена и проблема АК⁷¹. Все это способствовало определенному укреплению позиций ППР, что выразилось и в росте ее численности. В августе в стране насчитывалось 10 528 партийных ячеек, в том числе 1880 фабричных и 5202 сельских. В октябре количество ячеек составило 11 531⁷².

По сообщению польской стороны, почти весь прирост ППР в это время пришелся на рабочих, что отразило усиление активности рабочего класса в целом. Рабочие брали под свое управление и охраняли от дальнейшего разрушения заводы и фабрики, помогали проведению аграрной реформы в деревне. Рабочими были в значительной мере укомплектованы аппарат госбезопасности, милиция, армия, госаппарат. Рост крестьянской прослойки был сравнительно невелик и несколько усилился в связи с земельной реформой.

I съезд ППР (декабрь 1945 г.) определил задачу создания миллионной партии и в связи с этим выдвинул лозунг «Ни одной фабрики без ячейки ППР». Однако в резолюции съезда указывалось также и на необходимость расширения сети парторганизаций в деревне — «каждая сельская партиячейка должна организовать новые партиячейки в соседних селах».

Фактически была определена линия на превращение ППР в «массовую партию народа». На съезде неожиданно выяснилось, что правильному проведению этого нового курса в жизнь якобы мешал старый актив, являвшийся «основным носителем сектантства». Такая постановка вопроса встретила недовольство «стариков». Их настроения отчасти иллюстрирует переданный в начале 1946 г. в ЦК ВКП(б) информационный материал заместителя директора Центральной партийной школы ЦК ППР Р.Каплан-Кобринской, поднявшей, среди прочих, вопрос о необходимости «дружной совместной работы старого и нового актива». «До съезда, — писала Каплан-Кобринская, — трудностей в совместной работе старого и нового актива не замечалось. Но на съезде как-то неудачно этот вопрос был поставлен, что, вернее, испортил дело. [...] Ведь именно этот старый актив составляет костяк партии (61% делегатов съезда) и эту именно новую линию в сочетании с глубоким классовым сознанием и преданностью реализует в жизнь партии. Одним словом, вышло это очень неудачно, и остался неприятный осадок, и, конечно, после съезда некоторые новые элементы в партии, как раз не те лучшие новые кадры, а именно наименее ценные, будут пытаться это использовать, заявляя, что старый актив не способен проводить новую линию партии. Надо это уладить, потому что воз-то тяжелый, и его надо разом и дружно тянуть»⁷³.

Каплан-Кобринская не преминула отметить среди негативов в работе партийного руководства и неприятие им критики. «На съезде, — сообщила она, — пара критических выступлений или выступлений с новыми мыслями встретила с таким резким отпором со стороны руководства, что люди начали бояться говорить, что думают, и это дает почву для выступлений на ура и для очко-вирательства»⁷⁴.

Материал Каплан-Кобринской раскрывает и «нелюбовь» некоторых высокого ранга руководителей к «образованным марксистам», «теоретикам». «Багаж теории» якобы расценивался ими как серьезная помеха в новых условиях, а призывы к утверждению «творческого марксизма» фактически подменялись лозунгом «Долой грамотных!»⁷⁵

Подобные факты даже с учетом определенной, возможно не-малой, доли субъективизма в оценках Каплан-Кобринской тем не менее важны, поскольку свидетельствуют о достаточно сложной ситуации в руководстве и активе ППР.

В первой половине 1947 г. серьезно ухудшилась экономическая ситуация в стране, что вызвало значительный рост дороговизны и, как следствие, усиление недовольства в польском обществе, в том числе и в рабочем классе, страдавшем от разгула спекуляции и черного рынка. В этих условиях рабочие партии предложили различные пути выхода из кризиса. ППС считала необходимым опереться на активность и мобильность частного сектора, установить приоритет производства средств потребления. Это давало возможность приступить к строительству «основания дома», который, как

подчеркивали социалисты, лишь в далеком будущем «примет социалистический облик». ППР со своей стороны обосновала курс на ограничение частного и регулирование кооперативного секторов, на обеспечение «все возрастающего перевеса государственного хозяйства». Ограничение позиций капитализма означало ориентацию на приближение перехода к социалистическому строительству. Под нажимом тех партийцев, которые испытывали «голод борьбы», тоску по «настоящим» революционным делам, в руководстве ППР к середине 1947 г. более благоприятная перспектива начала вырисовываться для сторонников крайних форм действия⁷⁶.

В глазах значительной части польского общества выход страны из тяжелой экономической ситуации путем «рывка», принятия серии чрезвычайных мер для решения таких острых вопросов, как, например, безработица, выглядел предпочтительнее, нежели путем постепенного улучшения положения. Понятно, что в силу этого возрастал приток новых членов в ППР. Кроме того, в январе 1948 г. в ряде районов страны начался активный переход эпээсовцев в компартию. Особенно большие масштабы он приобрел в Силезии, Поморье (в Быдгощи), Кракове. Руководство ППР, хотя и склонно было оценивать этот процесс как «в основном здоровый», все же отдавало себе отчет в том, что определенную роль играли и «конъюнктурные соображения» части эпээсовцев⁷⁷. Важно учитывать также, что далеко не всегда речь шла о добровольных действиях членов ППС. 8 марта 1948 г., например, лидер ППС Ю.Циранкевич сообщил советнику посольства СССР В.Г.Яковлеву о многочисленных фактах принудительной записи целых организаций ППС в ППР в Катовицах⁷⁸.

В конечном счете, разными путями задачу роста партийных рядов, поставленную I съездом ППР, удалось решить к середине 1948 г., когда численность партии достигла 997 тыс. чел. По сравнению с декабрем 1945 г. индекс процентного роста ППР составил 423,7⁷⁹. Быстрый рост достигался прежде всего за счет основных промышленных центров. В декабре 1948 г. в ППР состояло около 21% рабочих всей национализированной промышленности (в металлургии — 22,5%, в текстильной — 18,5%, в угольной — 15%, в металлообрабатывающей — 26%, в электротехнической — 28% и пр.). При этом на крупных предприятиях характерным для состава парторганизаций являлась, как правило, «здоровая», по оценкам руководства ППР, пропорция квалифицированных кадров рабочих. Это явление наблюдалось и позднее: в 1951 г. число последних составило 40%⁸⁰.

Следует подчеркнуть, что руководство ППР, реализуя собственную установку на массовизацию партии, исходило из насущных задач политической борьбы. «Мы сознательно развертывали строительство массовой партии, — подчеркнул на заседании Коминформа в сентябре 1947 г. В.Гомулка. — Кадровая партия не заменит у нас массовой партии, тем более, что у нас немного опытных партийных активистов. Часто мы должны направлять десятки тысяч членов партии для проведения различных общественных

компаний»⁸¹. Однако в «верхах» ППР хорошо понимали издержки процесса массовизации. Уже осенью 1947 г. кампания по выдаче постоянных партийных билетов была использована для устранения из ППР «чуждых и ненужных» лиц. Расчет был на удаление примерно 5% ее членской массы⁸², что должно было составить около 40 тыс. человек.

Задача чистки партийных рядов еще более актуализировалась под влиянием советско-югославского конфликта, начавшегося весной 1948 г. Четко определенный к тому времени курс на объединение ППР и ППС делал необходимым, с точки зрения коммунистического руководства, не только «отсев националистических элементов» из ППС, но и «очищение ППР от проникших в ее ряды чуждых элементов». На этом этапе лидеры ППР впервые сформулировали задачу «укрепления пролетарского костяка... и регулирования социального состава партии в духе организационных принципов марксизма-ленинизма»⁸³.

Подготовка к объединению развернулась в качественно новой внутривнутриполитической обстановке. Атмосфера польского общества, активная часть которого принимала социалистическую перспективу, уже была насыщена идеями усиления классового борьбы, ликвидации правонационалистического уклона, остатков «ВРН-овского реакционного подполья»*.

С 1 октября 1948 г. был приостановлен прием в ППР, ограничены возможности открытых дискуссий. 15 октября началась чистка в воеводских организациях. Главными мотивами исключения из партии становились принадлежность к «классово-чуждым элементам», неработоспособность, моральное разложение. Однако первые итоги разочаровали: выявился якобы слишком мягкий «либеральный» подход. Так, в Сопоте, парторганизация которого насчитывала 1 300 членов, по предварительным наметкам следовало исключить не менее 300 человек. В основном это были торговцы, спекулянты, случайные в партии лица. Однако к 30 октября 1948 г., когда было проверено 75% состава организации, исключенными оказались «только» 19 человек, причем 11 из них — рабочие, вина которых заключалась в неаккуратной уплате членских взносов, 7 — торговцы и 1 служащая, как не состоявшая в обществе советско-польской дружбы. Всего по Гданьскому воеводству было исключено 157 человек, в том числе 55 рабочих, 30 крестьян. А в целом из ППР оказались «вычищенными» (вместе с «мертвыми душами», т.е. состоявшими на учете, но фактически выбывшими из партии) около 50 тыс. человек⁸⁴. Что касается ППС, то общий итог чистки в этой партии был равносителен ее разгрому. По мне-

* ВРН — от «Вольность. Рувность. Неподлеглость» — название Польской социалистической партии в годы войны (ППС—ВРН). Одна из ведущих политических сил в лондонском правительстве и «подпольном государстве». До лета 1945 г. ППС—ВРН оставалась в подполье. Часть ее членов активно противодействовала утверждению новой власти в Польше.

нию польского исследователя А. Гарлицкого, из ППС была удалена почти четверть ее состава, а остальная часть фактически парализована⁸⁵.

Характерной чертой чисток рабочих партий являлось и одновременное «очищение» административного и управленческого аппарата. В основном этот процесс развивался под лозунгом удаления «классово-чуждых элементов». Так, в Гданьском воеводстве были освобождены 3 старосты из 11; 47 войтов из 111. В Поморском воеводстве из 18 старост лишились своих должностей 4, из 56 бургомистров — 18, из 118 войтов — 52. В Ольштынском воеводстве удалены 6 старост из 17⁸⁶. По результатам партийных чисток лишились также руководящих постов многие директора предприятий, кооперативных организаций, начальники цехов и пр. На их место начали выдвигать рабочих. Но, как указывалось в отчете генконсульства СССР в Гданьске за 1948 г. «выдвижение рабочих на ответственную хозяйственную работу проходит робко и не только из-за нерешительности парторганизаций, но потому еще, что сами рабочие не соглашаются идти на эту работу». По данным генконсульства, в конце 1948 г. число «выдвиженцев» в консокруте достигло примерно 100 человек⁸⁷.

Чистки имели продолжение и после объединительного съезда ППР и ППС в декабре 1948 г. Руководство ПОРП поставило в это время вопрос об усилении борьбы с «пережитками пэпэсовского национализма и реформизма», в том числе и с их «просачиванием» в новую партию. В силу этого момент выдачи партийных документов был использован для «нового учета» членов партии. По сообщению в Москву из советского посольства в Варшаве, на этом этапе «дальнейшего очищения» как «чуждые элементы» из ПОРП были исключены еще около 150 тыс. человек⁸⁸.

Руководство ПОРП, в котором преобладали коммунисты, направило усилия на проведение постоянной чистки партийных рядов. «Борьба за очищение рядов партии ведется... неустанно под контролем Центральной контрольной комиссии партии, — подчеркивал на будапештском совещании Коминформа в ноябре 1949 г. член Политбюро ЦК ПОРП А. Завадский. — При этом ни на минуту не забывается, что эмигрантская шайка правых социалистов, завербованных давно уже англо-американской разведкой, не прекращает своих происков и усилий вести подрывную работу среди бывших пэпэсовцев в партии»⁸⁹.

В ноябре 1949 г. под влиянием «дела» Л. Райка прошел III пленум ЦК ПОРП, получивший название «плenums бдительности». В основном докладе лидер партии Б. Беруг всячески раздувал опасность проникновения в страну «титовской агентуры». Вину за все имевшие место слабости и ошибки он возложил на В. Гомулку, заместителя министра обороны М. Спыхальского и кандидата в члены ЦК З. Клишко, отвечавшего до сентября 1948 г. за кадровую политику. В установившейся в стране атмосфере всеобщей подозрительности особую остроту приобрел вопрос о проверке кадров, доверии к ним. Советская сторона по каналам Коминформа «через

т[оварища] Зеленец»* регулярно получала сведения о положении в ПОРП, ее организационном развитии.

В июле 1949 г. в стране насчитывалось 3 355 местных партийных комитетов. Основание этой пирамиды составляли волостные комитеты (2 421), а вершину венчали воеводские (16). Пространство между ними заполняли городские (508), уездные (268) и районные (142) комитеты. С учетом численности парткомов на предприятиях и в учреждениях можно говорить о действовавшем в это время более чем 100-тысячном отряде партийных активистов⁹⁰.

Как свидетельствуют архивные материалы, именно эта часть партийной массы оказалась на острие первых ударов после «плenums бдительности». «На фоне» его решений руководству вдруг стала видна особенно сильная засоренность партийного и административно-хозяйственного аппарата на местах. По информации первого секретаря воеводского комитета (ВК) ПОРП в Гданьске В.Конопки, переданной в генконсульство СССР, до конца 1949 г. пришлось сменить оказавшихся «врагами» всех (!) начальников отделов комитета. С таким же размахом велась карательная работа и на более низких ступенях партийной лестницы. По инициативе ВК «в порядке проверки» членам партии были розданы специальные анкеты. После обработки примерно 8 тыс. заполненных анкет выяснилось, по словам Конопки, что из каждых 100 членов партии 8—10 человек подлежали исключению или, по меньшей мере, переводу в кандидаты⁹¹.

Решения «плenums бдительности», как выяснилось, «открыли глаза» многим, например, секретарю ВК ПОРП в Щецине Ю.Ольшевскому. Констатируя в беседе с консулом СССР И.Борисовым 20 декабря 1949 г. сильную засоренность парторганизаций, он сообщил, что в некоторых «первичках» число исключенных и переведенных в кандидаты достигнет 40%⁹².

В целом на воеводском уровне за период с 1 декабря 1949 г. по 1 октября 1950 г. было исключено 13 080 членов и кандидатов ПОРП, что составило 30,2% всех исключенных. Особое внимание комиссии партийного контроля обратили на категорию служащих. Они преобладали среди исключенных — 72,8%. Затем с большим отрывом шли рабочие — 14,3% и крестьяне — 4,8%. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают возможность раскрыть содержание категории служащих, а также мотивы, приведшие к решению об их исключении. Речь идет, в частности, о справке, подготовленной в секретариате Коминформа на основании материалов орготдела ЦК ПОРП и направленной в Москву председателю Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В.Григорьяну. Согласно этому документу, в октябре 1949 г. из ПОРП были исключены 493 члена и 36 кандидатов по категории служащих. Основная часть их пришлась на долю работников государственного аппарата

* Партийный псевдоним сотрудника аппарата ЦК ПОРП Леона Зильберштейна.

и органов самоуправления (355 членов и 28 кандидатов). Затем, по убывающей, шли: работники министерства обороны — 38 членов и 2 кандидата; директора предприятий — 24 члена и 1 кандидат; работники партаппарата — 11 членов; сотрудники госбезопасности — 10 членов и 2 кандидата; специалисты сельского хозяйства — 1 член; и, наконец, «прочие» — 54 члена партии и 3 кандидата⁹³.

Причины исключения носили в основном политический характер. Здесь картина была следующей: идеологически враждебные элементы — 163; классово-чуждые лица — 55; сотрудничество с оккупантами — 55; участие в работе госаппарата периода «санации» — 39; «измена польскому народу» — 25; связь с реакционным подпольем — 16; враждебная пропаганда — 13; провокаторы и лазутчики — 10.

Помимо обвинений, касавшихся военного времени и политической борьбы первых послевоенных лет, фигурировали также обвинения в финансовых злоупотреблениях (36), экономическом вредительстве (22), злоупотреблении служебным положением (15), взяточничестве (7), воровстве (26), пьянстве при сборе налогов (!) (55). Карались также случаи нарушения дисциплины (29), морального разложение (17) и пр.⁹⁴

Задача очищения рядов ПОРП не снимала с повестки дня вопрос об увеличении численности партии в дальнейшем, но при этом центральное руководство стремилось не допустить «чрезмерного роста» прежде всего там, где, как подчеркивалось в одном из решений ЦК ПОРП, это «угрожает стиранием границ между партийной организацией и беспартийными массами». В связи с этим Оргбюро ЦК видело основной резерв партии среди «лучших и наиболее сознательных рабочих, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции», особенно в немногочисленных парторганизациях. Такой подход, и это любили подчеркивать польские коммунисты, соответствовал ленинскому учению о партии как передовом отряде, авангарде рабочего класса. Реализация его привела к тому, что только за период с 1 декабря 1949 по 1 октября 1950 г. более половины принятых кандидатов были выходцами из рабочих (54%), крестьяне составили 23,9%. На долю служащих приходилось 18,8% принятых кандидатов⁹⁵.

Однако в общей членской массе ПОРП, насчитывавшей к середине 1951 г. 1 234 662 чел., социальная «иерархия» выглядела иначе. Доминировали рабочие, хотя их удельный вес в партии несколько снизился — 48,2% против 51,3% в 1949 г. Второе место занимали объединенные в одну группу «работники умственного труда» и государственные служащие — 32,5%. И лишь третьими шли крестьяне — 13,5%⁹⁶. Такой социальный состав не удовлетворял руководство ПОРП. Ведь еще в ноябре 1949 г. на III пленуме ЦК ПОРП Б.Берут обратил внимание на нежелательность опережающего роста прослойки служащих, по сравнению с рабочими и крестьянами. Это, — говорил Берут, — «влечет [за собой] отрыв партии от рабочих и крестьянских масс и делает ее податливой мелкобуржуазным колебаниям».

И позднее подобная оценка сохранялась. Заведующий орготделом ЦК ПОРП В.Двораковский писал на страницах журнала «Жиче партии» (№ 12, 1951), что в партийных организациях имеется еще большой процент служащих, «ослабляющий боеспособность партии и снижающий уровень ее активности...» Сформулированная им задача обеспечить вступление в партию «политически надежных товарищей..., людей, связанных с рабочим классом и трудящимся крестьянством...»⁹⁷, по существу, дискриминировала такой необходимый источник пополнения партийных рядов, как «трудовая интеллигенция». Заметим, что подобный подход должен был импонировать многочисленным рядовым партийцам, считавшим польскую интеллигенцию в целом «реакционной массой»⁹⁸.

Однако сложные экономические и культурные задачи, вставшие перед страной (в июле 1950 г. был принят 6-летний народно-хозяйственный план) не просто актуализировали проблему кадров, в том числе и партийных, но и обозначили определенный поворот в подходе к проблеме интеллигенции, участию последней в социалистическом строительстве.

В декабре 1951 г. ЦК ПОРП принял специальное постановление «О росте и регулировании состава партии»⁹⁹. Хотя этот документ и зафиксировал «нежелательные изменения» в социальном составе партии, выразившиеся в продолжавшемся уменьшении рабочей и крестьянской прослойки на фоне роста числа «работников умственного труда», в нем впервые была предпринята попытка дифференцировать состав этой последней категории. Были выделены две группы — к первой относились «весьма ценные для партии» рабочие — выдвиженцы, научные работники, творческая и техническая интеллигенция, учителя и студенты; вторую составили служащие и работники учреждений и торговых организаций. По логике вещей, они, надо полагать, были отнесены, как минимум, к менее ценной, а, может быть, и вообще к малоценной группе. Понятно, что, выдвигая на повестку дня задачу «дальнейшей большевизации» ПОРП и перехода в целях ее решения к продуманному и систематическому регулированию роста партийных рядов (об этом говорилось в упомянутом постановлении), руководство, естественно, полагало возможным сокращение прослойки служащих, в первую очередь, за счет группы малоценных кадров.

Несовершенный характер статистики не дает, к сожалению, возможности проследить, как на практике развивался этот процесс. Известно, например, по отрывочным данным, что в результате очередной проверки, завершившейся к концу декабря 1951 г., из партии были исключены 16 395 чел. Но, вопреки всем расчетам «центра», процент рабочих и служащих среди исключенных был одинаковым (соответственно 33,4 и 33,0%).

Характерно, что причинами исключения зачастую становились обвинения, обращенные, как и прежде, в прошлое: например, участие в подпольных реакционных организациях после освобождения Польши от оккупации. В то же время такая причина, как «отрыв от партийной организации», выразившийся в неуплате

членских взносов и непосещении партсобраний, считалась мало-важной и нередко оценивалась вышестоящими партийными органами как «механический подход», нежелание местных руководителей вникнуть в суть дела¹⁰⁰.

Все это было неслучайным: якобы вскрытые преступные связи прошлого, поиск и нахождение вражеской «руки» в ПОРП давали власти возможность «объяснить» экономические трудности в стране и реакцию населения на них.

Весной 1951 г. вспыхнула забастовка горняков в Домбровском угольном бассейне. В ответ на решение правительства увеличить на один час рабочий день на подземных работах, доведя его до 8,5 часов, шахтеры четырех шахт Бендзинского района Катовицкого воеводства отказались подняться наверх. В ходе забастовки, принявшей экономический характер, они выразили острое недовольство нехваткой жилья, низкой заработной платой, плохим снабжением, дороговизной¹⁰¹. «Для разрядки обстановки» власти задействовали войска внутренней охраны, с помощью которых забастовщиков удалось поднять на поверхность.

За событиями в Домбровском бассейне последовали так называемые грифицкие события — волнения крестьян в Грифицах (Щецинское воеводство), ставшие реакцией на проводившееся местными органами в ходе хлебозаготовок «самочинное раскулачивание», сопровождавшееся насилием и разграблением имущества репрессированных. ЦК партии принял специальное постановление, в котором вся вина за творимые в деревне беззакония была возложена на районный партийный комитет и руководство органов госбезопасности. Виновные были арестованы и в конце мая 1951 г. осуждены.

По решению ЦК уездный комитет ПОРП в Грифицах, а также первичные организации шахты «Красная гвардия» и трех участков шахты «Ювиш» были распущены. ЦК обратился с закрытым письмом к членам партии Бендзинского района, подвергнув резкой критике местные комитеты партии за оторванность от масс, «бюрократический оптимизм», «бездушный бюрократизм»¹⁰².

После грифицких событий, которые в общественном мнении напрямую ассоциировались с историей создания колхозов в СССР, в отдельных районах страны, в частности в Щецинском воеводстве, усилилась антисоветская пропаганда. По сообщению в Москву вице-консула СССР М.Л.Джибладзе, значительное распространение среди населения получили слухи о том, что грубые методы работы администрации «были заимствованы у русских большевиков», что именно «их ставленники на местах проводили политику принуждения». Варшава-де, где «сидят добрые польские коммунисты», попросту не знала о том, что происходит на местах¹⁰³. Антикооперативные настроения в деревне также имели конкретного адресата. В Познанском воеводстве, например, крестьяне открыто говорили о том, что «спулдзельни» (кооперативы) привезли к нам русские», что «кончится господство русских и [наступит] конец спулдзельням»¹⁰⁴. Среди крестьян — членов ПОРП возро-

дились надежды на отказ от кооперирования как магистрального пути к социализму в деревне, на то, что «найдется какой-то иной, польский, путь»¹⁰⁵.

Настроения населения, частично выразившиеся в вышеописанных событиях, серьезно озаботили польское руководство. Положение в стране, меры по улучшению экономической и политической обстановки обсуждались на Всепольском совещании партийного, государственного и хозяйственного актива (октябрь 1951 г.). С докладом «О положении в стране» выступил Г. Минц. Фактически им был сформулирован новый жесткий курс, означавший «завинчивание гаек». Основным исполнителем становились органы государственной безопасности, перед которыми была поставлена конкретная задача: «За злостную неспадчу хлеба, антиправительственные разговоры, саботаж на заводах производить аресты...» Более того, были определены контрольные цифры: например, в каждой гмине Краковского воеводства «безпека» могла арестовывать по 3—4 человека, а в Катовицком воеводстве предполагалось арестовать 1 тыс. человек¹⁰⁶.

Естественно, что такой поворот во внутренней политике сопровождался требованием навести порядок в партийных организациях. Укрепление партийной дисциплины, разоблачение и искоренение пробравшихся в ряды ПОРП «врагов» обозначились как неотложная задача. Методы ее «решения» сильно осложнили кадровую проблему в стране. В отчете генконсульства СССР в Щецине за 1951 г., в частности, указывалось на постоянную «перетасовку» кадров, администрирование, «увлечение снятием с работы и исключением из партии». Только в октябре—ноябре 1951 г. в воеводстве были освобождены 2 секретаря повятовых комитетов ПОРП, 4 — гминных, 36 секретарей первичных парторганизаций. А за весь отчетный год были сменены составы всех 12 повятовых комитетов, причем некоторые — дважды. В упомянутом отчете генконсульства подчеркивалось: «При таком отношении к кадрам весьма трудно обеспечить различные звенья аппарата устойчивыми, знающими свое дело работниками. Такое избивание кадров приводит к тому, что некоторые работники отказываются от выдвижения, боятся»¹⁰⁷. Подобная перетряска коснулась не только партийного, но и административного аппарата. В 1951 г. сменены были все председатели повятовых рад народных в Познанском и Щецинском воеводствах и почти все — в других воеводствах. Были заменены 3 председателя воеводских рад народных. «Председатели гминных рад народных и солтысы менялись, как перчатки», — сообщали советские дипломаты в Москву¹⁰⁸. Ситуация усугублялась начавшимися с середины октября массовыми арестами, свидетельствовавшими, что новый курс становится реальностью. В октябре 1951 г. «за саботаж» только в Щецинском воеводстве были арестованы 250 человек. В этом же месяце «в соответствии с указанием из Варшавы» (в отдельных воеводствах считали, что «с санкции Берута») органы «безпеки» произвели массовые аресты (до 30—50 в день) в Катовицком воеводстве.

Советские наблюдатели оценили происходившее как «новую тенденцию к левацким заскокам: партийно-политическая работа заменяется голым администрированием, тюрьмой»¹⁰⁹.

По большому счету все это противоречило общей установке «центра» на бережное отношение к кадрам, необходимость которого вытекала из острой нехватки последних. «Мы ощущаем огромный недостаток в кадрах, недостаток, который временами переходит в настоящий голод кадров в нашем народном хозяйстве и часто мешает его развитию», — подчеркивал Берут на IV пленуме ЦК ПОРП в мае 1950 г.¹¹⁰ Нехватка квалифицированных, способных, «преданных и честных» людей была определена польским руководством как узловая политическая проблема. Конкретизируя сказанное Берутом, первый секретарь Щецинского ВК ПОРП Е.Прима в беседе с советским консулом после пленума отметил: «У нас и кадров мало, и выдвигать не из кого. Крупных предприятий мало, рабочий класс на них молодой и малоизвестный. Готовых кадров нет. Придется выдвигать, обучать, растить, ибо другого выхода нет»¹¹¹.

Точных и полных данных о численности «выдвиженцев» у нас нет, но все же отдельные сведения дают представление о размахе этого явления. По некоторым данным, с 1945 г. по март 1951 г. на руководящую работу только из Домбровского угольного бассейна ушли более 18 тыс. горняков. Их места, особенно начиная с 1948 г., занимали новые рабочие, преимущественно сельская молодежь. Понятно, что замена эта была неадекватной. Есть основания полагать, что масштабы кампании выдвижения регулировались недостаточно. Во всяком случае, в январе 1951 г. Оргбюро ЦК ПОРП было вынуждено констатировать «рост излишних штатов» во многих ведомствах, управлениях, на предприятиях. «В то время, как количество производственных рабочих, занятых в промышленности, возросло в истекшем (т.е. в 1950. — *Авт.*) году только на 14%, рост служащих, в первую очередь административных, достиг в промышленности 28%»¹¹². Иными словами, обозначившаяся ранее тенденция к опережающему росту управленческого аппарата приобрела устойчивый характер. Руководящие посты в промышленности, сельском хозяйстве и органах народной власти занимали в основном члены ПОРП. Так, в 1950 г. по Краковскому воеводству число «выдвиженцев» — коммунистов составило 1170 человек, а беспартийных — всего 34. Заметим, что в среднем партийном звене существовало понимание неправильности такого подхода. «Боязнь беспартийных не только неосновательна, но и вредна из-за отрыва партии от масс», — говорилось в одном из выступлений на пленуме воеводского комитета ПОРП в Кракове в марте 1951 г.¹¹³

В условиях властной монополии коммунистов четко определился традиционный подход к кадровой политике в стране. По словам Берута, «...соответствующий уровень и рост партийных кадров, их политическое, воспитательное и организаторское влияние, по существу, лимитируют и определяют направление и темпы

процесса воспитания, подбора и состояния кадров в нашем государственном аппарате, а также во всех областях нашего народного хозяйства и общественной жизни». В реализации кадровой политики первостепенную роль предстояло играть партаппарату, на который ложилась задача выявления, выдвижения и переподготовки кадров из партийного актива, насчитывавшего к весне 1950 г. примерно 200 тыс. человек¹¹⁴. Руководство ПОРП держало партаппаратчиков в поле зрения и, исходя из их политико-организационного опыта, марксистско-ленинской подготовки и общих знаний, определило три группы «политических работников».

В первую группу входили сотрудники ЦК, секретари воеводских комитетов и их заместители — работники, выполнявшие наиболее ответственные руководящие функции. По отношению к общему числу штатных работников ПОРП первая группа составляла около 9%. Партстаж членов этой группы был не менее трех лет.

Ко второй группе относились секретари повятовых и городских комитетов и инструкторы воеводских комитетов. Примечательно, что образовательный уровень инструкторов был в целом выше — 48% от их числа имели среднее и высшее образование, в то время как среди секретарей повятовых и городских комитетов такое образование имели только 26%. (Для сравнения: даже весной 1953 г. всего 16,9% членов и кандидатов ПОРП имели среднее и высшее образование¹¹⁵.)

Помимо общего образования, аппаратчики получали и специальное — в системе партучебы: 36% секретарей повятовых и городских комитетов и 23% инструкторов воеводских комитетов окончили Центральную партийную школу, а воеводские школы — 20% секретарей и 19% инструкторов. По численности вторая группа вдвое превышала первую, но взятые вместе они составляли около 25% общего числа работников партаппарата. Эти две группы образовывали актив ПОРП центрального и среднего звена.

Третья группа включала работников более низкого уровня: референтов повятовых и городских комитетов, штатных секретарей гминных комитетов, освобожденных секретарей парткомов крупных предприятий. Эта группа составила 57% общего числа сотрудников партаппарата, т.е. была преобладающей. Примерно половина ее состава прошла через паршколы, но 41% из них ограничился лишь краткосрочными школами. Иными словами, подавляющая часть сотрудников партаппарата не имела теоретической подготовки даже в объеме программы воеводских курсов¹¹⁶.

Для исправления этого положения и обучения партийных активистов потребовалось существенное расширение сети партийных школ, увеличения преподавательского состава, улучшения качества его работы. С этой целью к весне 1951 г. при ЦК ПОРП по советскому образцу был создан институт подготовки научных кадров. «Пропускная способность» центральной и воеводской партшколы в 1950—1951 учебном году составила 6 тыс. человек.

Польское руководство ориентировалось в кадровой политике на советский опыт и открыто говорило об этом: «...организовать и

улучшить методы изучения людей в ходе их работы, следить за их ростом и жизнью, знать кто и как растет, помогать людям расти быстрее — вот весь секрет политики кадров, испытанной ленинско-сталинской политики кадров», — подчеркнул Б.Берут.

Судя по документам, советские представители в стране внимательно отслеживали состояние кадрового вопроса, анализировали действия в этой сфере польского руководства. По дипломатическим и партийным каналам информация на этот счет регулярно поступала во Внешнеполитическую комиссию ЦК ВКП(б), МИД СССР или напрямую в «инстанцию», т.е. в Политбюро ЦК ВКП(б). Речь шла при этом как о партийных кадрах, так и об управленцах.

Характерно, что в отдельных случаях оперативная информация польского происхождения становилась известной «верхам» в Москве раньше, чем в Варшаве. Так, 30 января 1951 г. посол Лебедев шифртелеграммой на имя Сталина передал полученные им «в доверительном порядке» сведения о падении численности ПОРП, уменьшении представительства в партии рабочих при одновременном росте числа интеллигенции. «Эти данные пока еще не доложены руководству партии и не утверждены им», — сообщал дипломат¹¹⁷.

Пример тщательного анализа кадровой ситуации советскими представителями — обширная, на 25 страниц, справка «Проблема кадров в Польской республике в свете решения задач шестилетнего плана экономического развития и построения основ социализма», подготовленная советником посольства СССР Д.И.Заикиным. Адресованный заместителю министра иностранных дел А.И.Лаврентьеву, этот документ из МИДа 30 января 1951 г. был переслан в ВПК ЦК ВКП(б)¹¹⁸.

Основное заключение автора справки было, несомненно, позитивным. «Методы разрешения проблемы кадров в Польской Республике, — писал Заикин, — являются правильными, заимствованными у Советского Союза. Учитывается опыт нашей страны в области разрешения проблемы кадров, а также принимаются к руководству указания товарища Сталина, сделанные по этому вопросу. В подготовке кадров имеются большие успехи». Вместе с тем Заикин усмотрел «некоторый разрыв между теоретической постановкой и практическим разрешением проблемы кадров». В частности, постоянные заявления о «смелом выдвижении новых молодых кадров», подкреплявшиеся ссылками на установки советского лидера, на практике должным образом не реализовывались. «Некоторые польские руководящие товарищи, — говорилось в справке, — ...неоправданно цепляются за старые, часто скомпрометированные кадры, не проверяют должным образом лиц, прибывающих из-за границы, сразу же доверяют им ответственные посты в государственных и партийных органах, искусственно создавая им при этом авторитет».

Недовольство Заикина было вызвано «узкой постановкой», по его словам, проблемы кадров на последних партийных пленумах,

где она обсуждалась «только с точки зрения потребности в кадрах в связи с развитием экономики страны и быстрыми темпами индустриализации, не касаясь вопроса чистки кадров в связи с социалистическим переустройством как в городе, так и в деревне...» А между тем, считал Заикин, вопрос чистки являлся не менее важным, чем численная потребность в кадрах, «поскольку польский государственный и партийный аппараты еще засорены чуждыми новой Польше лицами». В качестве примера Заикин привел факты, подтверждавшие, в частности, неблагоприятное положение с дипкадрами: только в июне—августе 1950 г. в страну не вернулись 25 дипломатов, а 26 были срочно отозваны, поскольку подозревались как потенциальные «невозвращенцы». В справке подчеркивалось, что польские руководители в лице Бержута, Бермана и и.о. министра иностранных дел Скшешевского слабо реагировали на «сигналы» и не предпринимали необходимые меры¹¹⁹.

Не вызывает сомнения, что «сигналы» исходили от советской стороны. Отсутствие же ожидавшейся реакции поляков, по нашему мнению, можно объяснить их нежеланием жесткими «оргвыводами» бросить тень на авторитет режима, дать повод усомниться в его прочности. Санкции против дипкадров могли попросту увеличить число «невозвращенцев», вызвать нежелательный резонанс за рубежом. Кроме того, не исключено, что в условиях острой нехватки кадров польское руководство не спешило оголять новые участки работы.

Советская сторона принимала непосредственное участие в подготовке польских кадров. Но если в управленческой сфере эта задача во многом решалась с помощью советских советников, работавших в стране, то в отношении партийных кадров активно использовались поездки в СССР с целью изучения советского опыта. Подобные визиты стали регулярными. Их инициаторами являлась польская сторона.

Например, весной 1949 г. через посла СССР в Польше В.Лебедева руководство ПОРП обратилось с просьбой в Москву разрешить поездку в СССР группе слушателей ВПШ при ЦК партии в количестве 50—55 человек «для изучения опыта организационно-партийной работы руководящих органов ВКП(б) и ознакомления с жизнью СССР». 7 мая председатель ВПК ЦК ВКП(б) В.Григорьян в письме Сталину просил рассмотреть подготовленные проекты соответствующего постановления ЦК ВКП(б) и «ответа т. Берману» с согласием принять в июне 1949 г. группу выпускников ВПШ сроком на 3—4 недели¹²⁰. Согласие Сталина было получено, и 1 июня 1949 г. Политбюро ЦК приняло позитивное решение. Сотрудникам аппарата ЦК ВКП(б) Сулову, Григорьяну, Шепилову и Дедову было поручено подготовить план работы с польской делегацией. Ответственность за прием и выполнение плана работы была возложена на В.Григорьяна и зав. отделом агитации и пропаганды ЦК Л.Ф.Ильичева, а за материально-бытовое обслуживание — на Управление делами ЦК ВКП(б). 75% расходов по пре-

быванию делегации в СССР несла советская сторона («за счет партийных сумм») и 25% — ЦК ПОРП¹²¹.

Подготовленный «ориентировочный план работы» с делегацией представлял собой внушительный документ на три с лишним машинописные страницы. Его составители учли, что после годичного обучения в ВПШ при ЦК ПОРП ее выпускники должны были быть направлены на руководящую работу в воеводские парторганизации, и предложили членам делегации ознакомиться с работой ряда отделов Московского комитета ВКП(б) (партийных, профсоюзных и комсомольских органов, пропаганды и агитации, легкой промышленности, сельского хозяйства), Ногинского горкома и Ухтомского райкома ВКП(б), первичных парторганизаций завода «Калибр» и двух колхозов Ухтомского района Московской области. В Ленинграде, куда планировался выезд делегации, ей предлагалось ознакомиться с работой парторганизаций одного—двух промышленных предприятий города. Особое внимание в плане уделялось таким вопросам, как структура партийных органов, подбор, расстановка и подготовка кадров, создание резерва на выдвижение, планирование работы, постановка партийной информации, отчеты и выборы партийных органов, учет коммунистов, организация и проведение массовых политических кампаний, обобщение опыта работы партийных организаций, связь с вышестоящими парторганизациями и «первичками», контроль за выполнением постановлений вышестоящих парторганов и собственных решений, инструкторские кадры и т.п. В ВПШ при ЦК ВКП(б) членам делегации предстояло также заслушать цикл из 11 лекций, в том числе и по вопросам организационной структуры ВКП(б), партийной пропаганды и марксистско-ленинского воспитания, идеологической работы партии и пр. На «злобу дня» были рассчитаны такие лекции, как «Критика империалистической философии правых социалистов», «Космополитизм — идеология англо-американского империализма», «Мичуринская агробиология на службе социалистического сельского хозяйства» и др. Завершалась программа пребывания заключительной беседой в ВПШ при ЦК ВКП(б), во время которой члены делегации должны были получить комплекты литературы, необходимой для будущей работы¹²².

По аналогичному отработанному сценарию строилась работа с другой делегацией — «группой руководящих работников ЦК ПОРП», которая прибыла в СССР в августе 1949 г. Цель поездки — «ознакомление с опытом организационно-партийной работы ВКП(б)». В состав группы входили руководители отделов ЦК ПОРП (кадров, орготдела, экономического, управления пропаганды, просвещения и культуры) и их заместители: З.Новак, В.Клосевич, А.Альбрехт, А.Старевич, Ю.Коле, Ф.Блиновский, Я.Изидорчик, М.Окс.

По «ориентировочному плану» группе было предложено ознакомиться с работой отделов ЦК ВКП(б) (партийных, профсоюзных и комсомольских органов, агитации и пропаганды, легкой

промышленности, транспортного), отделами МК ВКП(б), Дмитровского городского комитета партии, первичными парторганизациями Дмитровского района Московской области (промышленного и сельскохозяйственного профиля). При этом особое внимание уделялось вопросам организации парторботы, учета, подбора и выдвижения кадров, контроля за выполнением решений и пр. Предусматривалось и проведение заключительной беседы в ВПК ЦК ВКП(б)¹²³.

Таким образом, партаппарат в Польше формировался под сильным влиянием советского опыта. Численность его в 1950—1953 гг. возросла более чем в 2 раза. В начале 50-х годов до 70—80% аппаратчиков происходили из рабочих. Кадры крестьянского происхождения рекрутировались из числа малоимущих или неимущих, что напрямую отражалось на их профессиональной подготовке, в основном низкой. К середине 50-х годов проявилась новая тенденция — в парткомах снизу доверху наблюдалось определенное вытеснение представителей рабочих и крестьян «работниками умственного труда». В высших органах власти процент рабочих и крестьян был невелик, зато неуклонно возрастала доля профессиональных аппаратчиков. Даже на уровне воеводских комитетов ПОРП они в 1953 г. составляли более половины их общего состава¹²⁴. По возрастному критерию в аппарате преобладали лица от 26 до 40 лет (45,2%). 50-летний рубеж превысили 17,6% аппаратчиков, молодежь до 25 лет составляла 6,8%¹²⁵.

По образовательному уровню положение вряд ли можно было назвать благополучным: на 30 сентября 1953 г. 40,9% имели неполное среднее и 16,9% — среднее и высшее образование¹²⁶.

Актуальная задача быстрого повышения квалификации партаппарата решалась через систему партучебы с отрывом от производства. Существовавшая в середине 50-х годов в стране развитая сеть подготовки кадров составляла важную часть партийной инфраструктуры и действовала под недремлющим оком руководства ПОРП. Это касалось программ обучения, отбора слушателей, а впоследствии и их трудоустройства. По отрывочным сведениям, только в 1953—1954 гг. через воеводские школы с 6-месячным сроком обучения прошли более 20 тыс. слушателей. Подавляющее большинство их укрепило партаппарат, а остальные — госаппарат и руководства различными политическими и общественными организациями.

Преобладающая часть партаппаратчиков вела свой партийный стаж с периода непосредственно после освобождения страны и пребывала ранее в основном в рядах ППР. По данным на 1954 г. (более ранними мы, к сожалению, не располагаем), в аппарате ЦК ПОРП не менее 27% были в свое время членами КСМП и КПП, 17% — членами ППР во время войны и оккупации, но при этом почти все вели свою партийную «родословную» от ППР. Аналогичным было положение в Политбюро и Секретариате ЦК: почти все их члены имели многолетний стаж партийно-политической деятельности, по меньшей мере, со времени войны и часто даже с

межвоенного периода. Значительное число членов Политбюро выполняло свои руководящие функции с момента возникновения партии, что свидетельствовало о персональной стабильности этого органа партии. Так, на временном отрезке между I и II съездами партии (1948—1954 гг.) 52 из 73 членов ЦК (т.е. более 70%) «вышли» из ППР, а 22 (30%) — из ППС. Из 11 членов Политбюро 10 были ранее членами ППР. То же было и в Секретариате ЦК¹²⁷.

Номенклатурный принцип организации работы партийного и государственного аппарата начал реализовываться в Польше в 40-е годы. Процесс этот развивался по линии объединения элементов партийного и государственного аппарата, точнее сращивания соответствующих постов и должностей по мере перехода к системе партии-гегемона. В начале 1949 г. принцип номенклатурный, действовавший на практике, хотя и юридически необязательный, был закреплён введением конкретных списков должностей, находившихся в ведении ЦК, воеводских и повятовых комитетов ПОРП. Опубликованный в 1990 г. польским исследователем А.Гарлицким архивный документ «Номенклатура кадров ЦК» остается на сегодняшний день единственным известным нам списком польской партийно-государственной номенклатуры. Гарлицкий полагает, что данный документ был подготовлен в секретариате ЦК ПОРП в начале 1949 г.

В двух неравных по объему разделах документа были перечислены должности, назначение на которые, снятие и разного рода перемещения производил ЦК партии. В разделе «Партийный аппарат» были зафиксированы 7 разрядов должностей — от руководителей отделов ЦК, их заместителей и всех политических сотрудников ЦК до первых секретарей повятовых и отдельных городских комитетов ПОРП. Вторая, большая часть, содержала перечень должностей государственного аппарата (16 министерств, 4 государственных комитета), органов самоуправления, радио, кино. Отдельно были «расписаны» органы польской кооперации, профсоюзы, массовые организации, пресса и пр.¹²⁸ В отличие от советской политической практики, вне данного перечня остался польский костел, что объяснялось спецификой отношений костел—государство—партия в Польше. В СССР, как известно, глава Русской православной церкви входил в номенклатуру ЦК партии¹²⁹.

Реализация номенклатурного принципа означала узаконенное установление жесткой системы контроля над всеми кадрами на центральном и периферийном уровне. Были заложены прочные основы той системы управления, которую в мае 1950 г. Б.Берут охарактеризовал следующим образом: «...Наша партия... должна иметь по важным кадровым и персональным вопросам право окончательного решения».

Румыния

Состояние рабочего класса в послевоенном румынском обществе во многом обуславливалось тем, что облик национальной экономики определяло отсталое сельское хозяйство. Доля промышленности в структуре национального дохода в межвоенный период составляла 22,1%, а удельный вес рабочих в социальном составе населения не превышал 7%. В годы войны милитаризация экономики привела к почти двукратному увеличению числа занятых в промышленности, причем пополнение было осуществлено прежде всего за счет сельскохозяйственных рабочих, беднейших слоев крестьянства и части люмпенизированных категорий городского населения¹³⁰.

Основу румынской промышленности составляли нефтедобыча и отрасли по переработке сельскохозяйственной продукции, где широко использовался ручной труд. Доля металлургии и машиностроения в валовом выпуске промышленной продукции в 1948 г. едва превысила 16%, но наличие этих отраслей свидетельствовало о том, что процесс базовой индустриализации мало-помалу набирал темпы. Основная масса промышленных рабочих (46,3%) была сосредоточена на крупных заводах и фабриках, где число занятых превышало 500 чел., но доля таких предприятий составляла всего 3,8% промышленного потенциала страны. 24% рабочего класса трудились на преобладавших в промышленности мелких, нередко кустарных предприятиях с числом рабочих от 10 до 100. Таких в стране насчитывалось 82,6%¹³¹.

Состоянию промышленности соответствовал и облик рабочего класса, его внутренняя структура; значительное представительство маргинальных слоев с неустановившимися новыми социальными связями в городской среде, с низким культурным и общеобразовательным уровнем играло здесь решающую роль. Заметим, что 30% населения страны в 1945 г. по-прежнему оставалось неграмотным¹³².

В структуре рабочего класса Румынии преобладали неквалифицированные и низкоквалифицированные группы рабочих. Они отличались социальной нестабильностью и слабой политизированностью, оказывались наиболее восприимчивыми как к лозунгам социальной уравнительности, так и к силовому методу их реализации. Характерная для маргиналов готовность противостоять миру собственников, определявшая социально-психологические настроения значительной части рабочих, являлась на рубеже войны и мира благоприятной почвой для распространения влияния и укрепления позиций компартии, незначительной по численности и не имевшей опыта легальной политической деятельности в условиях парламентской демократии.

Вышедшая из подполья в 1944 г. компартия Румынии едва считывала, по общепринятым данным, 1 тыс. членов. В это число, однако, не вошли члены партии, находившиеся в эмиграции, глав-

ным образом, в СССР, а также те, кто потерял связь с партией и лишь позднее, после освобождения страны, сумел восстановить ее.

Как и в других странах региона, компартия быстро увеличивала свои ряды, причем людей принимали группами, по спискам. Уже весной 1945 г. в КПР насчитывалось 35 тыс. человек. Тем не менее она оставалась самой малочисленной среди организованных политических сил. Для сравнения: социал-демократическая партия объединяла 400 тыс., Фронт земледельцев — около 1 млн чел. и пр.

КПР межвоенного периода была кадровой, нелегальной организацией, руководство которой находилось под контролем Коминтерна. После 23 августа 1944 г. в страну вернулись из Москвы А.Паукер и В.Лука, сразу же вошедшие в состав узкого руководства КПР. Оставаясь под влиянием жестких установок распущенного к тому времени Коминтерна, эти функционеры выступали за прямую реализацию классовых принципов. Их позиция противостояла взглядам тех членов руководства, которые защищали идею консолидации трудовых слоев общества, видели возможность и необходимость укрепления коалиции политических сил в лице Национально-демократического фронта (НДФ) и участия коммунистов в нем. Выразителем таких взглядов был в первую очередь Л.Патрашкану. «Московские кадры» Лука и Паукер внесли в партийное руководство дух морализаторства, демонстрировали собственное превосходство над оставшимися в годы войны в подполье коммунистами, стремились навязать свои взгляды, подчеркивали, что для генерального секретаря ЦК Г.Георгиу-Дежа и других функционеров они являются «учителями» и т.п.¹³³

В целом обстановка в «верхах» КПР характеризовалась не только довольно значительными идейно-политическими разногласиями, но и сложным морально-психологическим климатом. Что касается низовых парторганизаций и рядовых коммунистов, то на этом уровне зачастую наблюдалось непонимание установок, шедших сверху и направленных на укрепление НДФ. В условиях отсутствия тесных рабочих контактов и взаимопонимания центра и низовых организаций партийное руководство на местах стремилось подчинить уездных префектов и примарей, создавать контролируемую уездными парторганизациями полицию, что объективно, естественно, усиливало центробежные силы в НДФ. Характерно, что действия такого рода на местах увязывались с советским опытом (в СССР «...секретарь обкома — это главная фигура..., и ему должны все подчиняться»¹³⁴). Следует подчеркнуть, что левый радикализм в КПР и стремление коммунистов сконцентрировать в своих руках власть на местах в значительной мере стимулировались присутствием в стране Красной Армии и позицией СКК, решающий голос в которой принадлежал советским представителям.

Таким образом, уже на рубеже 1944—1945 гг. существенным компонентом формировавшегося политического режима в стране становилась партия с ярко выраженными леворадикальными настроениями. Реализацию полученного ею шанса участия во власти она в значительной мере связывала с увеличением численности

собственных рядов. На учредительном совещании Коминформа в сентябре 1947 г. Г.Георгиу-Деж информировал, что в партии состоят 710 тыс. человек, 44% из которых — рабочие и 39% — крестьяне¹³⁵.

Помимо информации, прозвучавшей в Шклярской Порембе, ЦК ВКП(б) располагал сведениями, поступившими из международного отдела ЦК компартии Румынии. По этим данным, КПП в конце 1947 г. насчитывала 799 351 чел., причем рабочие составляли 42,21%, крестьяне — 39,01%. Удельный вес рабочих, как видим, за несколько месяцев немного снизился, и произошло это за счет увеличения числа служащих и интеллигенции, принятых в партию (соответственно, 10,12% и 3,1%)¹³⁶.

В феврале 1948 г. в Бухаресте прошел объединительный съезд рабочих партий. Его атмосфера, по сообщению присутствовавшего в качестве наблюдателя референта Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) В.Лесакова, отличалась единодушием и демонстрировавшимся восторженным отношением к СССР и И.В.Сталину. Резолюция съезда закрепила создание единой Румынской рабочей партии (РРП) — «верховного штаба [пролетариата], руководствующегося учением Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, сильного своим внутренним единством». В соответствии с большевистскими принципами, в резолюции констатировалась недопустимость наличия в партии каких-либо фракций и группировок, необходимость оберегать партийные организации от уклонов и ошибок¹³⁷. Четкая ориентация на советский опыт партийного строительства ясно обрисовывала перспективы решения организационных вопросов, подходы к формированию руководящих органов РРП разного уровня, регулированию социального состава партии и пр. Сформированные уже на съезде и непосредственно после его закрытия на пленуме ЦК высшие органы РРП отразили преобладание в них коммунистов. Представительство бывших социал-демократов можно сравнить лишь с отдельными вкраплениями. А среди уездных секретарей парторганизаций, к примеру, вообще не было ни одного социал-демократа. Уже само «объединение» оставило за пределами РРП почти 153 тыс. или 53,66% членов СДП¹³⁸. Численность РРП на этот момент дается в разных источниках по-разному, причем диапазон достаточно велик. Москва получила, например, данные из международного отдела ЦК РРП, согласно которым партия насчитывала после съезда 1 057 428 членов¹³⁹. По информации же, поступившей в ЦК ВКП(б) по дипломатическим каналам, численность РРП в тот момент составила 851 152 чел.¹⁴⁰ Румынский историк Г.Цуцуй называет третью цифру — 937 846 чел.¹⁴¹ Кстати, именно эти данные, с учетом других источников, кажутся нам наиболее адекватными. Уже в период подготовки к объединительному съезду руководство КПП пришло к выводу о необходимости поэтапного очищения партийных рядов. Во время съезда Лесаков получил информацию о том, что с целью недопущения в будущую РРП чуждых элементов до вручения партбилетов будет проведена предварительная проверка членов партии.

Ее острие направлялось прежде всего против бывших социал-демократов, а также, как указывалось в одной из справок ЦК ВКП(б), «мелкобуржуазных элементов», оппортунистов, карьеристов, шкурников и т.д. На этом этапе в партии осталось 901 476 членов. Одновременно прием в партию новых членов был закрыт. Все вышеуказанные меры были призваны улучшить социальный состав РРП, который в результате объединения, как констатировало руководство, «резко ухудшился»: процент рабочих (39,48) и крестьян (38,95) снизился по сравнению с 1947 г., а интеллигенции (4,49) и особенно служащих (11,63) возрос¹⁴².

Начало советско-югославского конфликта и особенно принятие в июне 1948 г. антиюгославской резолюции Коминформа обострили вопрос о состоянии партийных рядов. Это было характерно для компартий всех стран региона. Не стала исключением и РРП. Партийные функционеры демонстрировали в беседах с советскими представителями высокие критерии требований, предъявлявшихся к коммунистам. Так, в одной из справок, подготовленных в ОВП ЦК ВКП(б), приводились слова секретаря парторганизации г. Александрии: «У нас числится 1700 коммунистов, а настоящих, верных, готовых умереть за коммунизм, только 12». Примечательно, что этот вывод, звучащий для современного читателя по-детски наивно, в целом был серьезно воспринят советской стороной. «Если допустить, что в этой фразе ответственного партийного работника есть некоторое преувеличение, то, несмотря на него, эта характеристика в основном верно отражает положение с состоянием партийных рядов», — отмечалось в справке¹⁴³. Советские оценки в это время были направлены на максимальное уточнение главных векторов кадровой работы РРП. Судя по документам, советские представители считали первостепенными устранение групповщины в парторганизациях на местах и чистку «разбухших рядов партии от враждебных, классово-чуждых и неустойчивых элементов и в первую очередь от бывших членов социал-демократической партии...»¹⁴⁴

По всей вероятности, в той или иной форме советы эти были доведены до румынского руководства. Его ответом стала начавшаяся в ноябре 1948 г. по решению Политбюро ЦК РРП проверка партийного актива. В ходе ее было проверено 20 987 членов партии, находившихся на руководящей административной или партийной работе. В результате проверки 1366 человек или 6,15% от общего числа проверенных лиц были исключены из партии, а 1607 человек получили взыскания. Среди исключенных преобладали бывшие члены социал-демократической партии (12,98%), бывшие активные, легионеры, «железнодорожники», шовинисты, лица, имевшие серьезные отклонения от линии партии, и пр. Итогом проверки явилось также освобождение значительного числа управленцев от руководящей работы как несоответствовавших своим должностям. Таких было 2232 чел. К моменту завершения проверки — в июне 1949 г., по полученной Москвой информации удалось несколько изменить социальный состав руководящих кадров:

число рабочих среди них было доведено до 51,77% (в ноябре 1948 г. оно составляло 43,06%)¹⁴⁵. Кроме того, проверка способствовала формированию слоя «выдвиженцев». Только в уездные, районные и подобного уровня парторганизации были направлены на работу 4582 партактивиста, среди которых преобладали рабочие (77,12%).

Советские наблюдатели в стране высоко оценили итоги проверки, показавшей, по их заключению, что «огромное большинство руководящих кадров состоит из честных элементов, преданных партии и рабочему классу». «Несмотря на то, что актив партии еще является молодым на руководящей работе, имеет недостаточную политическую подготовку, все же этот актив сумел успешно выполнить многие задачи большого политическо-экономического (так в документе. — *Авт.*) значения», — подчеркивалось в одной из справок¹⁴⁶.

Видимо, вдохновившись полученными результатами, Политбюро ЦК РРП приняло решение о поголовной проверке всех членов партии. Она началась в июле 1949 г. Цели этой акции были понятными — укрепить партию, улучшить ее социальный состав, устранить чуждое влияние и, стимулируя критику и самокритику, усилить революционную бдительность. Вся оргработа по подготовке кампании чистки была проведена центральной комиссией из 25 человек, в которую вошли члены ЦК и партийные активисты. Комиссия подготовила и передала в Политбюро на утверждение материалы по проверке — директивы, инструкции, вопросы и пр. Была сформирована 71 уездная комиссия, насчитывавшая 341 чел., преимущественно рабочих. По сведениям, переданным из международного отдела ЦК РРП советской стороне, к этой категории населения относились 94% членов комиссий. Рабочие преобладали и на посту руководителей комиссий (86,9%).

Помимо уездных комиссий, существовали их подразделения на местах, так называемые подкомиссии разного уровня. Весь аппарат по проверке членов партии насчитывал 42 тыс. человек¹⁴⁷. На практике, однако, число «проверяющих» оказалось значительно большим, поскольку накануне проверки на открытых партсобраниях их участники, в том числе и беспартийные, брали на себя обязательства содействовать «разоблачению врага».

По мере эскалации советско-югославского конфликта и кампании по «разоблачению агентов Тито» в странах региона, инициированный руководством РРП поиск «врага с партийным билетом» привел к тому, что, по румынским оценкам, «тысячи товарищей пришли на помощь комиссиям и подкомиссиям и разоблачили враждебные элементы»¹⁴⁸.

Кампания проверки членов партии продолжалась до мая 1950 г. и дала очень интересные результаты. Проверено было по всей стране 913 027 чел. Абсолютное большинство из числа проверенных (98,24%) были «молодыми» по стажу партийцами: вступили в РРП после 6 марта 1945 г. Лишь 626 чел. (0,07%) являлись членами партии со времен подполья, т.е. составляли «старую гвар-

дию». Узкой была также прослойка тех, кто ранее, не будучи членом партии, поддерживал коммунистов в период подполья (4809 чел. или 0,53% из общего числа проверенных)¹⁴⁹.

В ходе проверки значительная часть членов РРП (192 881 чел. или 21,13%) была исключена. Мотивировкой явились «враждебная деятельность и большие отклонения от линии партии» (112 901 чел. или 12,37%). Категория «больших» (в другой формулировке — «тяжелых») отклонений от линии партии включала проявления шовинизма, национализм и антисоветскую агитацию. (На совещании Коминформа в Будапеште в ноябре 1949 г. член Политбюро ЦК РРП И.Кишиневский сообщил, в частности, об исключении 2 500 человек, совершивших преступления и участвовавших в грабежах на советской территории в годы войны¹⁵⁰.) Всего к этой категории исключенных было отнесено 9 139 чел. (1%). По партстажу большинство исключенных (20,86% от числа проверенных) составили «молодые партийцы»; 49 чел. (0,01%) являлись членами партии со времен подполья, а 210 чел. (0,02%) в это же время оказывали КПР разного рода поддержку.

После проверки в партии осталось 720 146 чел. Преобладал, выражаясь языком документов, «рабочий элемент» — 42,51%; среди «нерабочего элемента» доминировали крестьяне (33,2%) и «мелкобуржуазные слои» (24,29%). Среди партийцев, прошедших проверку, насчитывалось 5 176 чел. (0,72%), имевших связь с коммунистами в период подполья. Вместе с тем подтверждено было членство в партии значительного числа лиц, состоявших в прошлом в «железной гвардии», национал-царанистской и национал-либеральной партиях и др. или симпатизировавших им. Такие составили 11,72% (84 391 чел.). Причем среди этой группы преобладали «железнодорожники» и сочувствовавшие им¹⁵¹. Странная, на первый взгляд, терпимость руководства к бывшим участникам реакционных, по оценкам того времени, группировок и партий имеет свое объяснение. В 1939—1940 гг., борясь за создание широкого национального фронта, ЦК КПР призывал коммунистов вступать в разного рода массовые организации и движения, в том числе «железную гвардию»¹⁵².

Следует отметить, что в ходе проверки руководство РРП пришло к выводу о необходимости заострить внимание на вопросе регулирования состава партии. Состоявшийся в январе 1950 г. пленум ЦК подчеркнул необходимость индивидуального подхода при приеме в партию и постановил, что 80% будущих партийцев должны составлять рабочие. На долю всех других социальных категорий отводилось 20%. Пленум утвердил новый порядок приема в партию, предполагавший создание наиболее благоприятных условий для рабочих крупных предприятий тяжелой промышленности, имевших к тому же более продолжительный производственный стаж. Согласно решению пленума, при приеме в РРП таких рабочих требовалось две рекомендации от членов партии с не менее чем трехлетним партстажем. Остальные промышленные рабочие предоставляли три рекомендации от коммунистов с трехлетним

стажем, а прочие вступавшие четыре рекомендации, причем, партстаж рекомендовавших должен был быть не менее четырех лет. Общим условием была совместная работа рекомендующего и рекомендуемого как минимум в течение одного года.

Значительные различия определены были и в прохождении кандидатского стажа. Для льготной прослойки рабочего класса устанавливался кандидатский стаж в шесть месяцев. Для других категорий рабочих (промышленность, МТС, госхозы), кооператоров и трудящихся крестьян кандидатский стаж равнялся одному году, а принадлежавшие к остальным социальным категориям должны были проходить кандидатский стаж в течение полутора лет¹⁵³. Поддерживать «чистоту» партийных рядов следовало путем тщательного изучения каждого желающего вступить в РРП, а также пассивных членов партии. Вместе с тем решение пленума закрепило «систематическое очищение» партийных рядов как важнейший инструмент укрепления РРП и превращения ее в подлинно руководящую силу общества.

В июле 1950 г. очередной пленум ЦК РРП, подвел итоги проверки. В специальном решении подчеркивалось, что для партии нового типа обязательным является преобладание рабочего элемента. Была сформулирована задача довести в ближайшие 2—3 года общее число рабочих в РРП до 60%. Приостановленный в феврале 1948 г. прием в РРП новых членов предполагалось начать с 1 октября 1950 г.¹⁵⁴

Проверка партийных рядов позволила также скорректировать в известной мере состав партаппарата и госаппарата. В первом рабоче составили 63,65%, а в госаппарате число руководителей — рабочих значительно увеличилось: с 24,21% до 39,73%. Это стало возможным благодаря тому, что комиссии по проверке выдвинули на ответственную работу 60 тыс. коммунистов, в основном рабочих¹⁵⁵.

Руководство РРП в целом высоко оценило итоги кампании по проверке партии, но вместе с тем констатировало, что в ней остались еще враждебные элементы. Отсюда вытекала задача их выявления, очищения партийных рядов, усиления революционной бдительности. Регулирование социального состава объявлялось постоянной необходимостью, и этот процесс не должен был принимать характер политической кампании.

Иными словами, перманентная чистка становилась дамочловым мечом, нависшим, однако, в первую очередь, над «нерабочими» категориями членов партии.

На основании имеющихся архивных документов можно проследить, как выполнялись решения пленума, насколько эффективной и своевременной была их реализация. По информации секретариата Коминформа, основное решение июльского пленума по социальному составу РРП не было выполнено — довести удельный вес рабочих в партии до 60% не удалось. Выправить положение попытались с помощью своего рода «техники», направленной на искусственное увеличение цифр, характеризовавших представи-

тельство рабочих в составе РРП. Несмотря на то, что, согласно принятой 8 августа 1952 г. инструкции ЦК партии о ведении партийного хозяйства, социальное положение членов и кандидатов в члены РРП следовало указывать по той социальной группе, в которую они были зачислены при приеме в партию¹⁵⁶, параллельно действовало «разъяснение», позволявшее в отчетах увеличить рабочую прослойку. В предназначенном для внутреннего пользования инструктивном письме говорилось: «При установлении социального положения принятых из рядов кандидатов в ряды членов партии необходимо учитывать следующее: а) рабочие и крестьяне, независимо от факта, что они во время прохождения кандидатского стажа стали служащими, считаются относящимися к группе "рабочие" или "крестьяне"; б) служащие и крестьяне, которые во время прохождения кандидатского стажа стали рабочими, считаются относящимися к группе "рабочие"»¹⁵⁷.

По всей вероятности, это разъяснение не помогло. Даже в июне 1955 г. число членов и кандидатов — рабочих составило едва лишь 42,02%. Руководство Коминформа сочло главной причиной такого положения то, что «вопросы регулирования социального состава партии недооценивались в самом аппарате ЦК, а также в первичных организациях... Работа по урегулированию соц[иально-го] состава партии не рассматривалась как постоян[ная] задача укрепления всей работы парт[ийных] организаций, как жизненный вопрос партии, от которого зависит осуществление линии партии. Работа ведется по-кампанейски, что приводит к тому, что кол[ичест]во канд[идатов] и в особенности принятых из рабочих колеблется от одного м[еся]ца к другому. Вредным является и то, что работа по приему в партию и по урегулированию соц[иально-го] состава рассматривается как задача только одной части парт[ийного] аппарата (работников отдела рук[оводящих] парт[ийных] органов), но не как задача всей партии, каждого чл[ена] партии»¹⁵⁸.

Серьезные нарушения были зафиксированы и в сроках возобновления приема в РРП: соответствующие инструкции ЦК по приему были приняты лишь в марте 1952 г., вследствие чего приступить к приему удалось только в мае месяце. Но и на этой стадии пополнение партийных рядов шло крайне осторожно, приняв выборочный характер: сперва прием был разрешен в шести «первичках» 5 областей, причем за каждую «первичку» отвечал заместитель заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК РРП; затем, в июле 1952 г., был разрешен прием в нескольких «первичках» 12 областей; в декабре 1952 г. было решено принимать кандидатов из «первичек» социалистического сектора сельского хозяйства и лишь в июле 1953 г. все «первички» получили право принимать кандидатов. Стремление наверстать упущенное время выразилось в отмечавшемся ухудшении социального состава партийных новобранцев, падении, в частности, доли среди них рабочих. В секретариате Коминформа пришли к выводу, что ответственность за создавшееся положение несет партийная верхушка, поскольку именно отдел руководящих партийных органов ЦК

РРП, как выяснилось, настаивал на том, чтобы «первички» принимали как можно больше кандидатов. При этом, как говорилось в одной из справок секретариата, отдел «смешивал право приема канд[идатов] с обязательством принимать кандидатов». Возникла даже своеобразная «теория» — придать приему массовый характер без учета социального состава и отрасли, к которой относилась та или иная первичная парторганизация. Понятно, что акцент на массовость рождал в руководстве партии опасения за «чистоту» ее рядов. В целях решения данного вопроса широко распространилась практика сбора характеристик и всякого рода информации, относившейся не только к близким, но и к дальним родственникам, с тем, чтобы изучить «все периоды» прошлого заявителя, независимо от того, имеет ли это какое-либо значение в его жизни или нет¹⁵⁹.

Много критических замечаний у сотрудников секретариата Коминформа вызывал процесс прохождения кандидатского стажа, превратившийся, как подчеркивалось, по существу, в формальность.

Отмеченные бюрократизм и формализм в деятельности парторганизаций имели прямое отношение и к работе с активом, как беспартийным, так и партийным. Секретариат Коминформа летом 1955 г. констатировал, что резолюцию июльского пленума ЦК РРП 1950 г. о создании в парторганизациях широкого актива беспартийных выполнить в целом не удалось. Там же, где такой актив существовал, в нем превалировали служащие. Такое положение отразило якобы распространенную «ошибочную концепцию», согласно которой «служащие могут лучше выполнять задания, поскольку у них больше свобод[одного] времени и они имеют более высокий уровень знаний»¹⁶⁰.

Что касается работы с партактивом, то она принимала подчас весьма своеобразный характер. Так, еще 10 марта 1950 г. секретариат ЦК РРП принял решение об обязательном изучении партактивом и руководством массовых организаций русского языка, «языка Ленина и Сталина». В информации, полученной канцелярией секретариата Коминформа от И.Кишиневского и переданной 30 марта 1950 г. в Москву, подчеркивалось: «Во всех звеньях партактива будут выделены товарищи, в задачу которых входит организация кружков по изучению русского языка. Руководствам массовых организаций будет также предложено выделить товарищей для этой цели. Педагогические кадры и учебники для всех кружков русского языка будут обеспечены министерством народного образования и Академией наук»¹⁶¹. Вряд ли, учитывая низкий образовательный и культурный уровень населения, именно эта задача — изучить русский язык — была первостепенной, но тем не менее ее постановка характеризует как образ мышления высшего румынского руководства, так и его партийный менталитет.

Ориентация румынской стороны в партийном строительстве на советский опыт и помощь в конкретных вопросах отразилась, среди прочего, и на ее подходе к составу и состоянию руководя-

щих органов РРП. Москва регулярно получала информацию об изменениях в структуре партийных органов, выдвижении руководящих кадров, составе аппарата ЦК и пр. В одних случаях посылка информации осуществлялась по запросу канцелярии секретариата Коминформа и отвечала сложившейся практике, позволявшей пополнять коминформовские досье по коммунистическим партиям. Так, во второй половине октября 1951 г. секретарь ЦК РРП А. Могиорош передал в канцелярию подробную справку «Некоторые статистические данные о составе кадров аппарата ЦК РРП»¹⁶².

Из справки следовало, что численность аппарата составляла к этому времени 488 чел. Это число состояло из аппаратчиков двух категорий: заведующие отделами и их заместители (38 чел.), заведующие секторами, их заместители и инструкторы (450 чел.). Сведения о социальной принадлежности аппаратчиков отразили отмеченное выше стремление «оработить» партийные ряды, в данном случае на уровне ЦК. Из справки следовало, что по социальному происхождению 179 чел. относились к рабочим, 133 — к крестьянам (беднякам — 99 и середнякам — 34), 69 чел. были выходцами из служащих и 13 представляли интеллигенцию.

Сложнее обстояло дело с социальным положением (в справке имелась и такая графа). Из приведенных данных следовало, что 303 аппаратчика, уже не имевших прямого отношения к производству материальных благ, были тем не менее отнесены к рабочим, 4 — к крестьянам-беднякам, 94 — к служащим и 62 — к интеллигенции. Ущербность такой статистики очевидна. По партстажу преобладали лица, вступившие в компартию в 1945 г. (соответственно 11 и 252 чел.). Затем шла группа вступивших в 1946 г. (2 и 78 чел.). Это были наиболее многочисленные группы.

В первой категории относительно заметной была группа партийцев (5 чел.), чей стаж начинался с 1944 г., а во второй категории группа (28 чел.) со стажем с 1947 г. Крайне малочисленным было представительство «стариков», чей партстаж исчислялся с периода подполья: в 1923—1943 гг. в партию вступили 20 чел. из числа заведующих отделами и их заместителей и 47 — заведующих секторами, их замов и инструкторов. Характерно, что абсолютное большинство аппаратчиков (465 чел.) проявили себя на этапе народной демократии, но не принимали участия в движении Сопротивления (456 чел.).

Аппаратчики обладали определенным опытом работы в партийных или массовых организациях. Самой многочисленной по двум указанным категориям была группа с 6-летним стажем (соответственно 10 и 105 чел.). Среди заведующих отделами и их заместителей лишь у одного был малый стаж партработы в 2 года, тогда как во второй категории 13 человек имели стаж в 1 год и 8 чел. — менее 6 месяцев.

Рекрутировались аппаратчики, как правило, из парткомов разных уровней (по двум категориям — из обкомов пришли 70 чел. и из аппарата обкомов 160 чел.) — это был основной источник кад-

ров аппарата ЦК, а также из местных организаций (49 чел.), госаппарата (58 чел.); 16 чел. значились в графе «прибывших из других стран», что, по всей вероятности, означало, в первую очередь, из СССР. И, наконец, 82 аппаратчика пришли с производства, но все они осели в секторах или в группе инструкторов. До должности зав. отделом или его заместителя не поднялся ни один.

Преобладали в аппарате ЦК румыны (285 чел.), затем шли евреи (137 чел.), венгры (49 чел.), 13 чел. были отнесены к «славянам» и 2 — к «сербам», чье славянское этническое происхождение авторам справки, видимо, было неизвестно.

По возрасту аппарат ЦК нельзя было назвать старым: преобладали (209 чел.) лица от 30 до 40 лет, затем шла группа (142 чел.) 25—30-летних, что вместе составляло явное большинство (351 чел. из 488). Третье место принадлежало 40—50-летним: таких насчитывалось 107 чел. Всего лишь 7 чел. превысили 50-летний рубеж, и, наконец, 23 чел. были совсем молодыми функционерами — 20—25 лет. Таким образом, возрастной состав свидетельствовал о значительных потенциальных возможностях аппарата, его физической работоспособности.

Хуже обстояло дело с образовательным уровнем. Лишь 53 чел. имели высшее образование, причем 47 из них работали на уровне секторов ЦК. Отделами руководили лишь 6 «вышистов». 251 аппаратчик имел среднее (100 чел.) или незаконченное среднее (151) образование. Руководство отделами было доверено 17 из них. Преобладали аппаратчики с начальным образованием (159 чел.), причем 10 руководили отделами.

Картина дополнялась малооптимистичными сведениями о полученном аппаратчиками «партийном образовании»: 171 чел. такового вообще не имел. Наиболее значительной была группа окончивших вечерний университет марксизма-ленинизма (147 чел.), из которых 25 руководили отделами. Данный университет оставался, как следовало из справки, основным заведением, где аппаратчики без отрыва от производства могли пройти курс партийной подготовки. К октябрю 1951 г. этой возможностью воспользовались 88 чел. 17 человек (из них 12 руководителей отделов) предпочли заочное обучение в московской высшей партшколе. Но наиболее популярной формой учебы в сети партпросвещения являлось «изучение трудов товарища Сталина»: к ней прибегли 231 чел., в том числе 20 руководителей отделов и их заместителей. Эффективность такой подготовки весьма сомнительна: в лучшем случае можно было ожидать механического заучивания или цитирования сталинских работ. В этом же русле шла работа кружков по изучению «Краткого курса ВКП(б)», где обучались 124 аппаратчика.

Заметим, что о низкой общеобразовательной и политической подготовке «значительной части работников» аппарата ЦК как об одном из негативов, мешавших его функционированию, сообщали из канцелярии секретариата Коминформа в Москву и позднее. В сопроводительной записке к аналогичной переданной румынской стороной информации от 2 января 1953 г. сотрудник канцелярии

Н.Рогов также подчеркивал, что 180 чел. имеют начальное и 83 — незаконченное среднее образование, 125 чел. не имеют политобразования, а 266 чел. не обладают необходимым опытом работы — состоят в аппарате менее одного года. Особое внимание Рогова привлекли сведения о том, что 128 чел. из аппарата ЦК РРП имеют родственников в капстранах, 18 чел. ранее состояли в социал-демократической, национал-царанистской и др. партиях, а также в сионистских организациях¹⁶³. Понятно, что подтекст информации такого рода состоял в косвенной постановке вопроса о доверии кадрам аппаратчиков.

Румынская сторона нередко выступала прямым инициатором передачи в секретариат Коминформа, а следовательно в Москву, разного рода информации. Подспудной целью таких инициатив являлось получение консультаций и «советов». Касалась такая информация и кадровых вопросов. Так, 31 января 1952 г. сотрудник канцелярии секретариата Коминформа А.И.Котеленец сообщал в Москву председателю Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В.Г.Григорьяну: 30 января 1952 г. в адрес канцелярии секретариата поступили документы о номенклатуре ЦК, областных, городских и районных комитетов РРП. Документы направлены нам зав. международным отделом ЦК тов. Гизелой Ваш по поручению секретаря ЦК тов. Могиорош[а]. Указанные документы работники канцелярии не запрашивали и никакой беседы с руководителями ЦК РРП по этому вопросу не вели. Тов. Ваш по телефону сообщила, что тов. Могиорош просит совета о номенклатуре руководящих партийных органов в связи с предстоящим упорядочением этого дела»¹⁶⁴.

Документ этот интересен прежде всего тем, что четко фиксирует начало утверждения номенклатурного принципа выдвижения и перемещения партийно-государственных кадров, воспринятого румынским руководством. Не располагая более ранними документами, мы можем предположить, что этот принцип начал вводиться в практику в начале 50-х годов. Опираясь на некоторые архивные материалы, постараемся реконструировать, хотя бы и в общем виде, как реализовывался этот принцип.

За период с 15 марта по 1 августа 1952 г. партийные органы РРП подобрали и выдвинули на руководящую работу 25 540 чел., в том числе 3 466 — в парторганизации, 8 472 — в народные советы, 5 338 — в центральные государственные органы, 3 362 — в учреждения, предприятия, хозяйственные и культурные организации, 4 902 — в массовые организации.

По партийной линии направлены: 246 чел. — в обкомы РРП, 82 — в горкомы, 812 — в райкомы, 1 973 — секретарями первичных парторганизаций, 6 — парторгами обкомов партии, 297 — парторгами коллективных хозяйств.

По линии народных советов выдвинуты 196 чел. — в областные советы, 192 — в городские, 550 — в районные, 7 534 — в сельские.

По линии массовых организаций направлены 2943 чел. — в руководства профсоюзных организаций, 977 — в Союз трудящейся молодежи (СТМ), 229 — в АРЛЮС, 198 — в Общество Красного Креста, 265 — в Союз демократических женщин Румынии, 158 — во Фронт земледельцев, 74 — в демократические комитеты национальных меньшинств, 20 — в Венгерский народный союз (МАДОС), 38 — в комитеты защиты мира.

Большинство «выдвиженцев» являлись рабочими и трудящимися крестьянами. По партийной принадлежности 65% были членами РРП, 20% — СТМ, 15% — беспартийными. Рабочие доминировали среди выдвинутых в народные советы (88%) и партийные органы (60%)¹⁶⁵.

Учет партийных кадров, контроль за их перемещением на этом этапе положительно оценивались румынским руководством. В беседе с советником посольства СССР в Бухаресте Н.П.Сулицким 12 августа 1952 г. А.Могиорош особо подчеркнул, что румынская практика «целиком соответствует учету членов партии, имеющему место в коммунистической партии Советского Союза»¹⁶⁶. Это означало наивысшую оценку.

К весне 1952 г. в связи с проведением денежной реформы и разоблачением «правооппортунистической группы В.Луки» обстановка в стране осложнилась. ЦК РРП обратился с закрытым письмом ко всем парторганизациям и членам партии об итогах денежной реформы и задачах партии. Было принято также решение провести обсуждение письма на партсобраниях, разъяснить его содержание и таким образом попытаться сгладить возникшее в связи с реформой недовольство. Но желаемого результата эта кампания не дала, в том числе из-за низкой явки членов партии на собрания: в среднем она составила 70—72%, но в отдельных парторганизациях и того ниже. Еще менее удовлетворительным было положение в сельских организациях РРП, где явка едва перевалила за 60%. Кроме того, в ЦК РРП имелись сведения, согласно которым около 90 тыс. членов партии вообще ни разу не посещали собрания и не участвовали в партийной жизни¹⁶⁷.

После майского пленума ЦК РРП 1952 г., характеризовавшегося оргвыводами в отношении В.Луки и Т.Джорджеску*, руководство партии объявило о новой проверке парторганизаций. Она оказалась радикальной: исключено было примерно 200 тыс. чел. В случаях, если большинство членов парторганизации высказывалось против решения ЦК, «провинившиеся» организации распускались, а члены РРП проходили перерегистрацию. Так произошло, в частности, в районе Кишинеу — Криш области Арад. Разобраться в ситуации туда выезжал лично Могиорош; кроме того, для вы-

* В.Лука был исключен из ЦК РРП, а «дело» его передано на рассмотрение в Комиссию партийного контроля. Т.Джорджеску выведен из Политбюро, Секретариата и Оргбюро ЦК РРП и направлен на низовую работу.

явления недовольных, специально созданная «бригада ЦК» начала проверку всех парторганизаций района¹⁶⁸. Впоследствии советским посольством была получена информация о том, что из 65 первичных организаций района 55 были распущены¹⁶⁹. По сведениям, сообщенным А.Могиорошем Н.П.Сулицкому в упомянутой выше беседе 12 августа 1952 г., численность РРП составила после проверки 600 тыс. чел., причем удельный вес рабочих не превышал 40%. С учетом этого ЦК поставил задачу в течение двух лет довести численность рабочей прослойки до 60%¹⁷⁰.

Особое внимание было уделено в связи с борьбой против «правого уклона» порядку приема новых членов. Прием, как рассказал Могиорош, осуществлялся с санкции ЦК по итогам проверки конкретной парторганизации и после целого этапа подготовительной работы: обсуждения редакционной статьи газеты «Скынтейя» от 31 июня 1952 г. по итогам пленума, разъяснения Устава, ознакомления с произведениями Ленина и Сталина о партии и пр. Если областной комитет РРП признавал, что в данной парторганизации можно начинать прием в партию, то он должен был ходатайствовать об этом перед ЦК¹⁷¹.

Весьма тщательно проводилась проверка кадров «по государственной линии», и особенно (учитывая пребывание В.Луки на посту министра финансов) финансово-банковской системы, а также торговли, кооперации, министерства сельского хозяйства. Здесь был сменен весь руководящий аппарат. В Госбанке партийная организация была перерегистрирована, и в итоге из 800 коммунистов в партии оставлено лишь 60¹⁷². Радикальность чистки объяснялась еще и стремлением «выкорчевать» из рядов РРП выходцев из других партий. По данным ЦК РРП, к середине марта 1952 г. таковых насчитывалось более 86 тыс. чел., и они, как считало руководство, могли попытаться действовать «в своих интересах»¹⁷³. Превентивные меры были призваны сорвать коварные замыслы «врага».

Отдельные итоги кампании чистки были подведены ЦК РРП и обобщены в информативном материале «Некоторые данные о результате ликвидации последствий правого уклона». 16 сентября 1952 г. этот материал был направлен в ЦК ВКП(б). В нем, в частности, подчеркивалось, что за последнее время из РРП, молодежного и женского союзов активно устранялись враждебные элементы. 24 500 чел. были сняты с ответственной административной работы¹⁷⁴. Итоги чистки еще более укрепили румынское руководство в необходимости усилить внимание к вопросу воспитания и выдвижения кадров, который оценивался как «один из центральных в партийной работе»¹⁷⁵.

Подтверждением стал тот факт, что во второй половине 1952 г. в ЦК РРП завершилась работа над трехлетним планом подготовки партийных и государственных кадров. По оценке Г.Георгиу-Дежа, данной им в беседе с советским послом А.И.Лаврентьевым 28 декабря 1952 г., «этот план даст необходимое направление для решения вопроса о кадрах»¹⁷⁶. Но, судя по всему, — предстояло в пер-

вую очередь осуществить персональные перемещения (предполагалось, например, сменить зав. отделом партийных и административных кадров ЦК Гольдбергера, у которого «не все было в порядке в прошлом»), доукомплектовать аппарат ЦК РРП, серьезно очистить аппарат министерств и «оздоровить» его работу, поднять на должную высоту идеологическую работу партии и пр.

Внимание к «оздоровлению» министерств стимулировалось, несомненно, завершением следствия по делу В.Луки и А.Паукер. В конце ноября 1952 г., например, по информации из Бухареста, из МИДа были по разным причинам освобождены 56 человек. Однако эту работу, направленную против «приверженцев Паукер» в аппарате министерства, предстояло продолжить¹⁷⁷. В декабре 1952 г. удалось подобрать 100—120 «проверенных товарищей» для аппарата Госснаба и министерства внешней торговли. Сложности с упорядочением и укомплектованием дипкадров продолжали сохраняться¹⁷⁸.

К весне 1953 г. можно было подвести определенные итоги двудесятилетнего процесса: чистки партийного и государственного аппарата и его пополнения новыми кадрами. Эти два встречных потока численно примерно уравнивались. В 1952 г. с руководящих постов, в основном «по политическим мотивам», было снято 25 тыс. чел., а направлено на руководящие посты в государственный и партийный аппарат около 22 тыс. чел. Для укрепления государственного и хозяйственного аппарата в его низовом звене с партийной работы были переведены 12 тыс. коммунистов, а на руководящие посты в различные организации и учреждения — около 1 тыс. партработников¹⁷⁹.

Неблагоприятная ситуация в сельских парторганизациях, неоднократно отмечавшаяся и советскими наблюдателями¹⁸⁰, обусловила процесс, который можно назвать походом в деревню, внешне несколько напоминавшим движение «тысячников» в СССР. В 1952 г. в сельские райкомы РРП пришли около 8 тыс. коммунистов-рабочих. Кроме того, примерно на 25—30% удалось обновить руководство ряда обкомов партии¹⁸¹.

Однако, судя по документам, радикально изменить ситуацию к лучшему не удавалось. Например, в информационной справке от 20 мая 1953 г. сотрудника канцелярии Коминформа В.Кирсанова, проанализировавшего состояние партработы в области Тыргу Муреш, говорилось «о канцелярско-бюрократических методах руководства партийной жизнью», «заседательской суете», «многочисленной писанине», «администрировании». «Обком партии завалил райкомы директивами и циркулярами, всевозможной отчетностью. Работники райкомов днем и ночью сидят над составлением запрашиваемых обкомом сведений. ...Отдельные руководящие партийные работники отрываются от масс и превращаются в партийных делег»¹⁸².

Побывавшие в Кэлэрашском районе в июне 1953 г. сотрудники канцелярии В.Баранов и Л.Костров также констатировали серьезные упущения в постановке партийной работы. «Райком партии

все еще прибегает к администрированию, — говорилось в подготовленной ими справке. — Этим можно объяснить тот факт, что только за последнее время райкомом партии были наложены партийные взыскания на 200 членов партии. Даваемые партийные взыскания не играют нужного воспитательного значения (так в тексте. — *Авт.*). В районе установилась порочная практика, когда наложенные на коммунистов партийные взыскания не снимаются, члены партии, имеющие взыскания, не стремятся к тому, чтобы хорошей производственной и общественной работой, а также активным участием в партийной работе снять эти взыскания. Планы работы первичных парторганизаций составляются нерегулярно, а некоторые совсем работают без планов. ...Трудящиеся района редко информируются о текущих политических событиях в стране и по вопросам международного положения Румынии. Значительная часть населения вообще не охвачена массово-разъяснительной работой. Секретари, члены бюро и зав. отделами райкома партии, руководящие работники райисполкома очень редко выступают с политическими докладами на собрании рабочих и колхозников. Работа с агитаторами ведется нерегулярно. Значительная часть агитаторов не выписывает и систематически не читает газет»¹⁸³.

Очевидно, что, осуществляя «правильную политику кадров», означавшую, что их подбор и расстановка велась «по политическим и деловым качествам», при несомненном и ярко выраженном приоритете первых, румынское руководство продолжало испытывать серьезные трудности с кадровой проблемой. Они были неизбежны, поскольку критерий профессионализма сознательно выводился за скобки. В силу этого достигнутое к 1954 г. упорядочение учета кадров на номенклатурной основе мало что могло изменить по существу дела.

О том, что действительно именно в 1954 г. номенклатурная система приобрела законченный вид, свидетельствуют материалы, опубликованные румынским исследователем С.Тэнасе, и некоторые дополняющие их документы ЦК РРП, которыми мы располагаем.

С.Тэнасе удалось ознакомиться с обширным документом «Номенклатура ЦК РРП», подготовленном Секретариатом ЦК¹⁸⁴. Он дает возможность не только получить представление о должностном диапазоне этого списка, но и определить численность номенклатурных работников. В номенклатуру Политбюро входило 286 должностей, относившихся к высшим этажам власти: президент, вице-президенты и члены президиума Великого Национального собрания (18), председатель и заместители председателя Совета министров, первые заместители министров (47), председатели и заместители председателей Государственного планового комитета и Комиссии госконтроля (5), председатель Верховного суда, президент Национального банка, руководители дипломатической службы (26), директор Аджерпресс, руководитель Соврома, председатель управления сберегательных касс, председатель Торговой

палаты, начальник генерального штаба, командующие военными округами (2), командующий военно-морскими силами, командующий военно-воздушными силами, командующий силами противовоздушной обороны, руководитель I-го отдела министерства информации, зав. отделами ЦК РРП (11), первые секретари и секретари обкомов партии (18), первый секретарь Союза трудящихся молодежи, президент и члены президиума Академии РНР (11), руководство газеты «Скынтейя» (3) и журнала «Лупта де класса» и т.д.

Номенклатура Секретариата ЦК охватывала второй эшелон партийно-государственных кадров. Насчитывая 4957 должностей, она включала в себя членов комиссии партийного контроля (51), орготделов ЦК, профсоюзов и СТМ (1054), сотрудников Высшей партийной школы имени Штефана Георгиу и пр. Отдел пропаганды ЦК непосредственно держал в поле зрения 710 должностей аппарата ЦК РРП, центральную прессу, министерство культуры, творческие союзы, Академию РНР, министерство просвещения и т.д. Отдел тяжелой промышленности и транспорта курировал 389 должностей, сельскохозяйственный отдел — 1003, отдел внешних связей — 187, административный отдел ЦК — 1040 и пр.

В целом список номенклатуры Политбюро и Секретариата ЦК РРП включал 5243 должности. Учтя приведенные Г.Георгиу-Дежем данные о 100-тысячном отряде «кадров РРП», т.е. аппарате партии, можно прийти к заключению: сравнительно малочисленная группа (аппарат плюс высший эшелон партийно-государственной власти) осуществляла всесторонний контроль и управление обществом.

Номенклатурные списки приравнивались к документации, хранившейся в особом режиме секретности. В целях избежания утечки информации не только организация и ведение учета кадров номенклатуры, но и порядок хранения дел жестко и детально регламентировались. Например, подготовленная в июне 1954 г. подробнейшая инструкция по организации и ведению учета кадров номенклатуры партийных органов заняла 11 машинописных страниц¹⁸⁵. Безусловно, в дальнейшем списки номенклатуры уточнялись, расширялись или дополнялись. Однако существенно повлиять на уже созданную номенклатурную систему это не могло.

Чехословакия

Рабочий класс Чехословакии представлял собой наиболее многочисленную и организованную социальную группу. В межвоенный период его удельный вес среди экономически активного населения в среднем достигал 44,6% (в Чешских землях — 46,5%, в Словакии — 37,6%). В 30-е годы Чехословакия прочно входила в число государств, наиболее продвинувшихся по пути капиталистического развития, что обусловило складывание принципиально иной, нежели в остальных странах региона, внутренней структуры рабочего класса: самой многочисленной (особенно в Чешских зем-

лях) была группа промышленных рабочих. В целом по стране в промышленности, ремесле, строительстве и на транспорте было занято 60% рабочего класса, 23% составляли сельскохозяйственные рабочие. Еще разительнее было это соотношение в Чешских землях — 66 и 18%. В Словакии оно составило 44 и 33%¹⁸⁶.

Война и сопутствовавшая ей милитаризация экономики вызвала резкое увеличение численности рабочих. Способствовала этому также и эвакуация немецких заводов на территорию Чехословакии с середины 1943 г. с целью обезопасить их от возможных бомбардировок союзниками. В Чешских землях доля рабочего класса возросла на 42%, а в Словакии на 51%, причем в Словакии рост рабочего класса происходил как за счет ликвидации постоянно существовавшей безработицы, так и за счет привлечения в промышленность крестьян и сельскохозяйственных рабочих. В созданном оккупантами Протекторате Богемия и Моравия рабочий класс интенсивно насыщался выходцами из других слоев — ремесленниками, офицерами, интеллигенцией, студентами и служащими.

После войны доля кадровых рабочих уменьшилась. Причина этого крылась в сильных миграционных процессах, переходе части квалифицированных кадров в органы управления заводами, администрацию и госаппарат. В районах пограничья стал складываться новый рабочий класс, характеризовавшийся низкой профессиональной подготовкой, слабыми адаптационными способностями и высокой степенью социальной неустойчивости.

В целом же рабочий класс Чехословакии являлся классом промышленно развитого общества. В стране сплошной грамотности, где уже в межвоенный период обязательным было восьмилетнее образование, наблюдались не только мощная количественная прослойка квалифицированных и обученных рабочих (51,5% в Чешских землях и 44,7% в Словакии), но и глубокие традиции политической организованности, воплощенные в опыте активного функционирования политических и профессиональных организаций в условиях парламентской демократии. Это, безусловно, самым серьезным образом отразилось на общественном менталитете. Однако в политическом багаже рабочего класса был и иной опыт — «Мюнхена» и кризиса парламентаризма, под влиянием которых в общественном сознании сформировались идеи социального переустройства на новых принципах, в значительной мере ассоциировавшихся с социализмом. Сильные просоциалистические настроения — визитная карточка послевоенного чехословацкого общества.

Бурный рост КПЧ в это время отразил несомненно его «полевание», причем в наиболее радикальном варианте. Освобождение страны Красной Армией подпитывало леворадикальные настроения, усиливало позиции КПЧ, переместившейся с периферии общественной жизни в ее центр.

Основанная в 1921 г. КПЧ до 1939 г. действовала на легальных основаниях в рамках демократической системы Чехословацкой республики. В парламенте ей принадлежало около 10% голосов.

Пережив период подполья, КПЧ вышла из него, имея в своем составе 37 тыс. членов, однако уже во второй половине 1945 г. численность партии превысила полмиллиона человек¹⁸⁷ и продолжала бурно расти. После проведенной в 1946 г. перерегистрации и обмена партбилетов в КПЧ состояло 1 283 тыс. членов (1 133 тыс. в Чешских землях и 150 тыс. в Словакии)¹⁸⁸. Заметим, что имеющаяся на этот счет статистика сильно разнится: по данным чешского историка К.Каплана, например, 1 250 тыс. членов КПЧ насчитывала позднее, накануне февральских событий 1948 г.¹⁸⁹ Тенденция стремительного роста тем не менее очевидна, какими бы сведениями ни оперировал исследователь. Во многом она реализовывалась благодаря тому, что до февраля 1948 г. двери в партию были широко открыты всем желающим: количественный состав был призван способствовать утверждению властной монополии коммунистов в борьбе с другими партиями. Побывавшая в стране сотрудница Славянского комитета СССР С.Шмераль сообщила в МИД СССР 29 декабря 1947 г.: «Коммунистическая партия быстро растет. Вербовка в партию проходит весьма активно. Однако в методах вербовки и отборе людей много недостатков. Принцип приема в партию основан на следующем положении, которое разъяснили мне Сланский, Швермова и в контрольной комиссии ЦК КПЧ: "Существуют коммунистические партии массовые и "выборовые" (от слова выбор, отбор): у нас партия массовая, а в СССР — состоит из людей отобранных. Поэтому двери в КПЧ открыты широко, поголовно всем. Нам нужно набрать полтора миллиона членов партии, принимаем всех, после выборов будем проводить чистку"». Для вступления в партию достаточно было двух рекомендаций и подтверждения соответствующих органов, что фамилии кандидата нет в списках коллаборационистов¹⁹⁰.

По нашим данным, контрольные цифры роста численности КПЧ определялись еще жестче: руководство партии намеревалось довести ее в обозримом будущем до 2 млн чел. Для выполнения задуманного предпринимались такие меры агитационно-пропагандистского характера, как, например, проведение 7—15 марта 1948 г. «Готвальдовой недели». В ходе ее партийные ряды удалось увеличить до 1 800 тыс. чел. Партийные организации, вовлекшие в свои ряды большое число новых членов, получали звание «Готвальдовых организаций». Такого звания, например, удостоилась в апреле 1948 г. парторганизация одной из сберкасс Пражского края, в которой из 695 служащих 687 (т.е. 98,8%) были членами компартии¹⁹¹.

Огромный и фактически неуправляемый наплыв в КПЧ создавал значительные трудности с точки зрения обеспечения «качества» членской массы. Осенью 1948 г. партийное руководство хорошо понимало это. Именно в это время возникает план проведения проверки парторганизаций. В сентябре один из функционеров КПЧ А.Кольман подготовил статью «За большевистскую самокритику в нашей коммунистической партии Чехословакии», предна-

значенную для центрального органа Коминформа — газеты «За прочный мир, за народную демократию!» Судя по имеющимся документам, уже в начале октября 1948 г. с ней ознакомились сотрудники аппарата Баранов, Антипов, Пужлов, Овчаров и Заволжский. «...Наша партия, — писал Кольман, — до сих пор не отвечает многим требованиям марксистско-ленинской партии, потому что практическое руководство партии (товарищи Сланский, Швермова, Бареш) ясно не поняло эту цель. Достаточно прочитать ряд выступлений руководящих товарищей, чтобы убедиться, что определение Ленина, согласно которому компартия является авангардом рабочего класса, подменялось другими определениями, согласно которым она — авангард трудящихся, народа или даже нации. Достаточно напомнить, что даже Устав нашей партии не содержит эту единственно правильную формулировку... Наша партия не избавилась в своем организационном построении от социал-демократического наследия, она не построена на производственном принципе. А это не "организационная мелочь", а основное условие, без которого все разговоры о большевизации партии останутся пустым звуком». Кольман подчеркнул, что рабочее ядро партии «размыто», сильно потеснено мелкобуржуазными элементами, что увлечение ростом численности партии привело даже к некоторым «идеологическим уступкам». Основной «диагноз», по Кольману, это — головокружение от успехов, ведущее к отклонениям от ленинско-сталинских принципов партийного строительства. Ставя цель превратить КПЧ в большевистскую партию, партийное руководство, — говорилось в статье, — должно учитывать и активно использовать опыт СССР: «Мы против механического копирования, но имеется немало такого, чему можем и должны у него учиться»¹⁹².

Начатая по решению Президиума ЦК КПЧ в сентябре 1948 г. проверка партийных рядов сопровождалась приостановкой приема новых членов, введением кандидатского стажа. В инструктивных материалах по вопросам проверки подчеркивалось, что особо пристально следовало проверить вступивших в партию после 25 февраля 1948 г. Однако промышленные рабочие получали здесь значительные преимущества: предполагалось, что лишь в исключительных случаях их следовало переводить в кандидаты в надежде, что «они исправятся». Что касается «нерабочих элементов», то к ним подход должен был быть в целом более строгим, но также и дифференцированным. Особенно основательно предполагалось проверить категорию общественных и частных служащих, ремесленников и лиц свободных профессий. «Мы будем тщательно выяснять, какие побуждения привели их в партию, были ли они как следует проверены при приеме в партию, знакомы ли они с принципами, политикой и Уставом партии, как они выполняют свои обязанности по отношению к партии... Особенно строго мы будем поступать в тех государственных и других учреждениях, где в партию явно из карьеристских соображений всту-

пило большинство служащих», — говорилось в одном из инструктивных документов.

Иным виделся подход к членам КПЧ из числа трудового крестьянства: «...Здесь нужно будет поступать очень осторожно и переводить на положение кандидатов, главным образом, тех, кто не является образцом в смысле выполнения хлебопоставок». В зависимости от социального положения следовало решать вопрос о пребывании в партии женщин.

Несколько более мягкий подход был воспринят в отношении лиц, вступивших в партию до февраля 1948 г. В случае претензий к ним предполагалось более широко применять 3—6-и месячный испытательный срок, в течение которого члены партии должны были ознакомиться с Уставом и программой КПЧ, получить, как разъяснялось в Информационном бюллетене ЦК КПЧ, «элементарные политические знания». К этой же группе были отнесены и бывшие социал-демократы, вступившие в КПЧ в ходе «объединения» или индивидуально¹⁹³.

К концу ноября 1948 г. проверку прошли 575 358 чел. или 25% партийцев. Подавляющая часть проверенных (84,8%) были признаны достойными состоять в КПЧ; 1,3% получили выговор; 0,1% лишились права занимать партийные посты; 0,5% вычеркнуты из партийных списков, т.е., согласно Уставу, временно отстранены от партийной и общественной работы, и 0,7% исключены из КПЧ¹⁹⁴.

Введение осенью 1948 г. кандидатского стажа также преследовало цель повысить «качественные» показатели КПЧ. «По прошествии кандидатского стажа будет проверено, выполнял ли кандидат добросовестно возложенные на него задания, ознакомился ли он с политическими принципами и Уставом партии и достоин ли он вообще быть членом партии», — указывалось в постановлении Президиума ЦК КПЧ о введении кандидатского стажа¹⁹⁵. В инструкции к постановлению¹⁹⁶, пояснялось, что статус «ведущей партии в народно-демократической республике» обуславливает еще более тщательный отбор членов партии, «чтобы к нам не пробрались карьеристы, стремящиеся только добиться собственных выгод, или даже вредители, подосланные к нам врагами». Такой акцент понятен: обстановка в стране осенью 1948 г. рассматривалась партийным руководством как значительно более опасная, чем, скажем в мае 1945 г., поскольку считалось, что победа в феврале открыла «фазу обостренной классово-борьбы»¹⁹⁷.

С оглядкой на это вводился дифференцированный подход к различным социальным слоям и категориям общества. Для рабочих стаж устанавливался в 1 год, для остальных — в 2 года. К категории рабочих относились не только промышленные и сельскохозяйственные рабочие, но и та часть государственных служащих (!), характер работы которых соответствовал деятельности промышленных рабочих. Поскольку никаких пояснений и конкретных примеров на этот счет в инструкции не содержалось, несомненно,

открывалась возможность произвольного подхода к определению продолжительности кандидатского стажа для части служащих и, как следствие этого, ускоренного вступления их в ряды КПЧ, однако по категории рабочих. В порядке исключения кандидатский стаж мог быть сокращен или, по распоряжению ЦК, отменен. К числу таких «исключений» отнесены были, например, высокие показатели в труде рабочих и инженеров.

Введение кандидатского стажа призвано было прежде всего тщательно изучить новые кадры, а проверка членов КПЧ в значительной мере была рассчитана на отсеивание из партийных рядов не только малоактивных и чуждых элементов, но и тех, кого в период массового приема принуждали вступать в партию. Такие факты были не единичными. В ноябре 1945 г. в советском посольстве в Праге была получена информация, согласно которой в ходе проверки многие на вопрос о причинах вступления отвечали, что их «почти насильно записали в партию»¹⁹⁸.

Оргвопросам предстояло занять важное место и в намеченном на май 1949 г. IX съезде КПЧ. Это был первый после февраля 1948 г. высший партийный форум, которому руководство придавало большое значение. Однако подготовка съезда вызвала немало критических замечаний со стороны советских наблюдателей. Суммируя их, сотрудники аппарата Коминформа констатировали: «...Руководители КПЧ решили провести не деловой съезд с серьезным и критическим обсуждением деятельности партии, а массовую и парадную манифестацию». Особое неудовольствие вызвала работа над основными документами съезда: по советской оценке, они готовились «в суеде и спешке, без участия членов партии...»¹⁹⁹ Вместе с тем по линии советского посольства в Праге в Москву поступала информация о намерении чешского руководства активнее использовать при решении оргвопросов опыт ВКП(б)²⁰⁰. Чтобы контролировать приток в КПЧ, предполагалось, например, принять на съезде решение возобновить прием в партию на индивидуальной основе. Основной упор на этой стадии был сделан на привлечении в партию рабочих-передовиков, которые перевыполняли норму в течение не менее 3-х месяцев, а в деревне — членов Единых сельскохозяйственных кооперативов — ЕСХК. Руководство партии отказалось от прежних определений КПЧ как «общенародной» организации, восприняло «ленинско-сталинское» определение компартии как авангарда рабочего класса. Соответственно и требования к авангарду должны были ужесточиться.

Кроме того, «дело» Райка, завершившееся в Венгрии в сентябре 1949 г., стимулировало более строгий подход руководства КПЧ к «качественному» показателю при отборе будущих партийцев. Выступая в ноябре 1949 г. на совещании Коминформа в Будапеште, представитель КПЧ Л.Копржива подчеркнул важность постановки вопроса об усилении бдительности, борьбы с «англо-американской агентурой» и пр. Он в связи с этим информировал об аресте в Праге большой группы бывших членов чешской национально-социалистической партии и нескольких правых социал-де-

мократов. На допросах они заявили, что получили указания вступать в компартию, добиваться ответственных постов, подрывать партийные ряды изнутри и передавать шпионские сведения англо-американской разведке²⁰¹. Такого рода «признания» становились обоснованием для поиска «врага с партийным билетом», следовательно, и для новых чисток и проверок в КПЧ.

В декабре 1949 г. в руководстве оформилось мнение о необходимости проверки партийных документов, означавшей фактически чистку рядов КПЧ. Хотя эта проверка началась в самом конце 1949 г., ей почему-то придали статус предварительной, в то время как в феврале—марте 1950 г. предстояла «более серьезная и солидная проверка партийных документов членов и кандидатов КПЧ». Об этом советского посла М.А.Силина информировал заведующий международным отделом ЦК партии Б.Геминдер²⁰². Именно в это время, судя по документам, руководящие партийные и государственные деятели выдвинули в качестве панaceи от многих бед критику и самокритику. Характерно в этом плане признание поверника (министра) транспорта Словакии К.Бацилека вице-консулу СССР в Братиславе В.Г.Высотину 24 декабря 1949 г.: «У нас нет самокритики, а есть только тебьякритика. Каждому хочется подметить недостаток другого, а самому быть непогрешимым... Критику у нас не любят, с ней не в ладу»²⁰³.

Много и подробно говорилось о критике и самокритике на февральском пленуме ЦК КПЧ 1950 г., посвященном революционной бдительности. В своем докладе Готвальд призвал «проветрить наши организации свежим ветром критики и самокритики. И не только организации, но и руководящие кадры, областные комитеты, областных секретарей, районные комитеты, районных секретарей, Центральный комитет и центральный аппарат. Не взирая на лица, не взирая на нас». Поддержав тезис о важности критики и самокритики, член Политбюро ЦК КПЧ Л.Копржива счел в то же время необходимым точнее сориентировать партийную массу, указав «мишени» для критических выступлений. По словам Копрживы, якобы доносившего до членов ЦК мнение рядовых партийцев, «"верхушка" (руководство) и "низы" (массы членов КПЧ) были хорошими, в то время, как "середина" — некоторые районные и областные работники, не всегда хороши»²⁰⁴. Такой подход фактически выводил из-под огня критики высшее партийное руководство, несшее наибольшую ответственность за все происходящее в стране. Роль «стрелочников» отводилась наиболее многочисленной прослойке партийных функционеров, среди которых в первую очередь следовало искать врага с партийным билетом.

Особое внимание основных докладчиков на пленуме к вопросам критики и самокритики имело серьезные причины. Доклад Готвальда готовился на основе непосредственных указаний советской стороны и прежде всего лично Сталина. Как отмечал в беседе с М.А.Силиным 31 марта 1950 г. Р.Сланский, «все указания тов. Сталина вошли в доклад тов. Готвальда...», а решение пленума

явилось, по существу, оформлением указаний, которые получил сам Сланский в ЦК ВКП(б)²⁰⁵. Для советского же руководства тезис о необходимости развивать критику и самокритику всегда был любимым коньком. Это, по нашему мнению, имело свои глубинные причины. Запрещение фракций в компартии означало лишение ее возможности сопоставлять разные позиции, взгляды и подходы к рассматриваемым проблемам, использовать оппозиционный потенциал в конструктивных целях. Собственно говоря, критика и самокритика были призваны стать своеобразным внутренним оппонентом, привлекать внимание к наиболее слабым, уязвимым или ошибочным сторонам деятельности правящей партии. Вместе с тем в советской практике самостоятельная, без команды «сверху», критика была невозможна. Думается, явно «установочное» выступление Л.Копрживы, призванное «правильно» сориентировать коммунистов, свидетельствовало о том, что чехи оказались способными учениками.

Февральский пленум постановил также смелее выдвигать работников с мест в центральный аппарат партии. По оценке Сланского, данное решение было принято «по следам» беседы М.А.Силина с руководителями ЦК КПЧ. Советский дипломат прямо сослался при этом на опыт ВКП(б). ЦК компартии Чехословакии отреагировал быстро, введя в аппарате ЦК институт практикантов. Фактически речь шла о стажировке партийных работников с мест, прикрепленных к более опытным аппаратчикам. Продолжительность обучения зависела от индивидуальных способностей практиканта и, следовательно, от достигнутых результатов, но в целом длилась от 3 до 9 месяцев. По окончании обучения Секретариат ЦК по предложению сектора высших партийных кадров распределял новые кадры. Организация такого обучения проводилась в соответствии со специально подготовленным документом «Система практики в аппарате ЦК КПЧ»²⁰⁶.

После "плenums бдительности" прошла третья по счету проверка состава КПЧ. Она имела, помимо очевидной задачи «стать школой бдительности и усердия в деле более тщательного изучения кадров» еще и иную — теснее «сблизить» КПЧ с ВКП(б).

К февралю 1951 г. проверку прошли 1 846 957 членов партии и кандидатов. Положительный результат она имела для 1 677 443 чел., исключено 25 954 чел., к 143 590 членам и кандидатам была применена такая мера, как «вычеркивание из списка», означавшая приостановку членства в партии. Согласно директиве ЦК КПЧ, «вычеркивание из списка» применялось к тем членам и кандидатам, которые «имеют хорошие намерения, но не в состоянии понять и проводить политику партии»²⁰⁷. Их не следовало исключать из партии и они, будучи лояльными по отношению к власти, могли выполнять свои обязанности как граждане. Не явились на проверку 4 386 коммунистов. Негативные итоги проверки в целом коснулись 8,4% членской массы (для сравнения: в 1948 г. — 4,5%)²⁰⁸.

Чистки (проверки) обусловили следующую динамику социального состава партии (в %):

	1946 г. (VIII съезд КПЧ)	1949 г. (IX съезд КПЧ)	На 31.XII. 1951 г.
Рабочие и управленцы	57,10	47,00	49,35
в том числе рабочие:	—	—	42,40
квалифицированные	—	—	23,95
подсобные	—	—	15,60
сельскохозяйственные	—	—	2,85
Крестьяне	12,80	11,30	5,70
а) до 5 га	—	—	3,37
б) до 10 га	—	—	1,41
в) до 15 га	—	—	0,80
г) более 15 га	—	—	0,12
Чиновники	—	12,00	15,05
Учителя и профессора	9,20*	3,00*	2,20
Студенты	—	—	0,95
Домохозяйки и прочие	—	15,30	14,80 ²⁰⁹

* В эту группу включены и студенты.

Очевидно, что чистки на протяжении этого периода привели к стойкому снижению удельного веса крестьянства и учительско-профессорской прослойки.

Число рабочих, уменьшившееся за период между VIII и IX съездами КПЧ, вновь несколько возросло в 1949—1951 гг., но не достигло уровня 1946 г. Некоторое увеличение числа рабочих уступало темпам роста прослойки чиновников в партии (+2,35% против +3,05%).

Такая волнообразная динамика, базирующаяся на статистических данных ЦК КПЧ, не позволяет разделить утверждение К.Каплана о постоянном падении численности рабочих в партии, начиная с февраля 1948 г. и вплоть до 1968—1970 гг., как и его вывод о «классовом орнаменте фасада» партии. На наш взгляд, не дают основания для подобного вывода и приведенные этим автором цифры о достаточном широком представительстве рабочих в районных комитетах КПЧ и его росте (в 1949 г., например, 58%, в 1953 г. — 76,6%)²¹⁰.

Вместе с тем проверка вскрыла немало тревожных для руководства фактов, когда формальные моменты одержали верх над «классовым подходом». Еще на пленуме ЦК КПЧ 22 февраля 1950 г. заместитель генерального секретаря ЦК Й.Франк отметил, что нередко проверяющие отдавали предпочтение лицам мелкобуржуазного происхождения только потому, что те посещали собрания, знали как отвечать на вопросы и заранее заручились под-

держкой влиятельных партийцев, в то время как «старые хорошие рабочие» оказались неподготовленными. Сельские парторганизации не использовали проверку, чтобы избавиться от деревенских богачей²¹¹. Ясно, что подтекст был таков: комиссии проявили формальный подход, далекий от классового.

Президиум ЦК КПЧ указал в своих директивах, что принятая на IX съезде (май 1949) установка на прием в КПЧ прежде всего передовых рабочих, а в деревне — лучших кооператоров из числа мелких и средних собственников сохраняет актуальность. Таким образом, подтверждалась задача улучшения социального состава партии²¹².

В Словакии события развивались по аналогичному сценарию. В мае 1950 г. прошел IX съезд КПС. Советская сторона заранее была проинформирована о том, что словацкие коммунисты будут опираться на опыт подготовки и проведения IX съезда КПЧ. Предполагалось, в частности, ограничиться короткой резолюцией, рассматривая основные доклады в качестве постановлений съезда. Развернутое приветствие делегатов съезда К.Готвальду задумывалось как «обязательство компартии Словакии». Персональный состав высших партийных органов еще до съезда был известен в Москве как и основная установка, данная председателем партии В.Широким, — «чтобы на съезде как можно больше выступали с критикой и самокритикой рядовые члены партии, районные и областные партийные руководители»²¹³.

После съезда развернулась проверка партийных рядов. Однако еще до ее начала в руководстве КПС было известно о снижении численности партии. Среди наиболее распространенных причин указывалось на механическое выбытие (непосещение партсобраний и неуплата членских взносов вели к вычеркиванию из партийных списков в райкомах) и «исчезновению» членов партии, как правило, связанное с переездом в Чехию без оповещения об этом райкома. Случаи добровольного выхода из партии также имели место и особенно участились в связи с войной в Корее. В ЦК КПС даже использовали термин «корейская болезнь»²¹⁴.

К началу декабря 1950 г., по документально подтвержденным областными комитетами КПС сведениям, проверку прошли более 123 тыс. членов и кандидатов, или 52,2%. Подавляющее большинство (104 332 чел.) осталось в рядах КПС, но из них 8 890 чел. (7,2%) были переведены в кандидаты, а 3 602 (2,9%) был продлен кандидатский стаж. Вычеркнутыми из списков оказались 2 578 чел. (2,09%), а исключенными — 1 258 чел. (1,01%)²¹⁵. Хотя эти сведения советская сторона и получила от руководства КПС, достоверность их не бесспорна. Как сообщил секретарь ЦК КПС К.Мошко вице-консулу СССР В.Г.Высотину 6 декабря 1950 г., к началу проверки даже точное число членов КПС не было известно (!). «Предположительными» данными ЦК партии руководствовался и в ходе кампании. Спецификой последней в Словакии можно считать принятие членами партии и кандидатами обязательств при получе-

нии новых партийных документов. Диапазон обязательств был достаточно широк: например, стать ударником труда, обучить передовым методам труда определенное число людей, привлечь к работе на предприятии знакомых или родных, вступить в Единый сельскохозяйственный кооператив (в деревне), содействовать переводу кооператива из низшего типа в высший, привлечь в кооператив новых людей и пр. Помимо обязательств производственного плана, многие заявляли о намерении выписывать и регулярно читать партийную прессу, изучить к определенному сроку какое-либо произведение классиков марксизма. Вместе с тем часть обязательств была охарактеризована в ЦК КПС как «неконкретные» или «несерьезные» — например, «изо всех сил работать на строительстве социализма», «аккуратно платить членские взносы», «регулярно ходить на собрания», «за две недели изучить Краткий курс истории ВКП(б)» и др.²¹⁶

Организация проверки, проводившейся практически самим руководством парторганизаций, вызвала недовольство у части партработников среднего звена. Председатель областного комитета в Кошице Ю.Маурер, в частности, рассказал секретарю генконсульства СССР в Братиславе А.А.Фабричникову о своем предложении создать специальную комиссию, проводить проверку не в узком кругу, а в присутствии всех членов данной парторганизации. Но это предложение не прошло²¹⁷.

Объективно оценить результаты проверочных кампаний и чисток крайне затруднительно. Очевидно одно: они коснулись сотен и тысяч людей, как рядовых партийцев, так и занимавших важные посты в государственно-партийной иерархии страны. На 1950—1951 гг. пришлось в Чехословакии самая массовая чистка с момента установления монопольной власти коммунистов. Масштабы этой акции были связаны с «разоблачением» «врагов», «империалистических агентов» и «буржуазных националистов» О.Шлинга, М.Швермовой, Р.Сланского, Г.Гусака, Л.Новомеского и др.

Очищение партии от их сторонников и адептов должно было, по мнению руководства, сплотить партийную массу как основу гигантской пирамиды власти в стране.

Внешне после акций «очищения» картина складывалась вполне благополучная. Так, на 31 декабря 1951 г. в КПЧ преобладали коммунисты, вступившие в партию после освобождения (1945 г.) и до февраля 1948 г. Таких насчитывалось 1 087 760 чел. (62,30%). Второй по численности группой были члены партии с февраля 1948 г. — 637 297 чел. (36,49%). Менее 1,3% членской массы приходилось на категории вступивших в 1921—1945 гг. По возрастному критерию выделялись 2 группы: 35—45-летних (525 051 чел. или 30,10%) и 45—60-летних (514 650 чел. или 29,90%). Группа молодежи (до 25 лет) превосходила по численности ветеранов (старше 60 лет): соответственно 200 076 чел. (11,45%) против 138 671 чел. (7,95%)²¹⁸.

Костяк партийного руководства состоял из ветеранов, членов довоенного Политбюро ЦК. Одновременно в ходе начавшегося в стране еще в конце 1948 г. «кадрового наступления» им доверены были и важные государственные посты. В это же время в Чехословакии начала формироваться номенклатура — перечень постов, назначение на которые проводили центральные, региональные и районные партийные органы. Но первые установки на этот счет носили общий характер инструкции по руководству процессом отбора кадров²¹⁹. Более отчетливые очертания номенклатурный принцип начал приобретать с 31 января 1949 г., когда Президиум ЦК КПЧ принял постановление о компетенции парторганизаций в кадровых вопросах. В нем были названы, в частности, те должности, назначение на которые осуществлялось с согласия Президиума ЦК и Секретариата ЦК²²⁰. Кстати, начиная именно с этого времени, партийные документы, касавшиеся номенклатурного принципа кадровой политики, получают гриф секретности. В марте 1950 г. список должностей был существенно расширен и приобрел более законченный вид, дополнившись разделом о прерогативах краевых партийных органов²²¹. Осенью 1951 г. после прихода А.Новотного в Секретариат ЦК был рекомендован подробный кадровый порядок органов ЦК, краевых и окружных комитетов КПЧ. В феврале 1952 г. «кадровый порядок» утвержден политсекретариатом ЦК КПЧ. Это был внушительный, на 146 страниц, перечень, подробная роспись должностей в партийной и государственной иерархии, по каждому министерству, комитету, общественным организациям, церкви. Этот перечень имел уже и официальное название — «кадровая номенклатура».

В близких хронологических рамках шло утверждение номенклатурного принципа кадровой политики и в Словакии. В октябре 1949 г. председатель Словацкого совета профсоюзов Ф.Зупка в беседе с генконсулом СССР Н.Г.Новиковым заметил, что «существует определенный круг лиц, из числа которых берут на руководящие посты». Из «низов» в это число войти почти невозможно. По информации Зупки, такое положение вызывало недовольство многих старых рабочих — коммунистов, усматривавших в нем нарушение «рабоче-крестьянского» характера власти в республике. В 1948—1949 гг., например, в районных комитетах КПС, насчитывавших более 800 членов, представительство рабочих не достигало и 100 человек²²².

Вопросы кадровой политики значились в каждой повестке заседания Президиума ЦК КПЧ. Иногда их было более десяти. Рассматривались должности и кандидаты на их занятие как из номенклатуры Президиума, так и в более широком плане — из номенклатуры ЦК, а также кандидатуры, которых «поднимали» и чествовали: профессора, дипломаты, артисты, художники и пр. Обсуждались также и вопросы о назначении персональных пенсий партийным и государственным деятелям высокого ранга.

Партийное руководство стремилось поднять престиж Президиума ЦК в обществе. Уже с середины 1948 г. предложение Готвальда о расширении прерогатив Президиума за счет государства начало реализовываться. Возник и действовал своего рода «протокол», когда на разного рода торжественных мероприятиях членство в Президиуме упоминалось прежде, чем государственный пост. Например, «член Президиума ЦК КПЧ, Президент республики Климент Готвальд» и пр.

Средства массовой информации выделяли членов Президиума и Секретариата ЦК из круга других партийных функционеров, называя их по именам: например: «т.т. А.Новотный, Йозеф Ленарт и В.Широкий посетили...»

По сведениям К.Каплана, еще в 1948 г. Сталин якобы рекомендовал Готвальду сделать членов Президиума зависимыми от него материально. Но Готвальд, обладая беспрекословной властью в партии, на это не пошел²²³. Придя на вершину власти в сентябре 1951 г., А.Новотный ввел систему «подарков» членам Президиума. На протяжении 2-х лет они ежемесячно получали так называемые белые конверты. Сумма зависела от демонстрировавшейся ими степени поддержки лидера. По Каплану, она колебалась от 700 000 крон за весь срок пребывания у власти до 1,1 млн (столько, например, получил З.Фирлингер)²²⁴. Естественно, что действовала и традиционная система поощрения: лучшее снабжение и медицинское обслуживание, социальные льготы, персональные пенсии и пр.

В кадровой номенклатуре партийных органов насчитывалось около 130 тыс. должностей. Но для определения численности стоявшего за этой цифрой отряда аппаратчиков ее следовало увеличить в несколько раз. Так, номенклатурный пост заместителя министра занимали трое и более человек.

Статистика, при всей ее неполноте, показывает также и постоянный рост партийного аппарата. Например, в секретариате ЦК в 1947 г. насчитывалось 294 аппаратчика, в марте 1949 — 528, в августе 1949 — 614, в сентябре 1950 — 703.

На районном уровне в 1950 г. в Чешских землях действовало 2 075 аппаратчиков²²⁵. После ареста Сланского осенью 1951 г. в ходе реорганизации аппарат еще более возрос. Следует отметить, что «дело» Сланского, которому среди прочего инкриминировали создание «второго центра власти», стимулировало попытки перестроить партаппарат. В этом принимал участие и Готвальд. Предполагалось ослабить всевластие аппарата, устранить «двуцентрие» (Секретариат ЦК и Президиум).

Беседуя с работником посольства СССР П.Г.Крекотенем 3 сентября 1951 г., министр информации В.Копецкий рассказал, что «зачастую генеральный секретарь и его заместители решали многие вопросы самостоятельно, не согласовывая их с Президиумом. Иногда получалось так, что Президиум узнавал задним числом о принятом секретариатом решении»²²⁶. На пленуме ЦК КПЧ 6 сентября 1951 г. по предварительному согласованию с Москвой

была ликвидирована должность генсека (ее занимал Сланский)*, был создан оргсекретариат, который, как и политсекретариат, возглавил Готвальд. В литературе давно подмечено, что реорганизация прошла под знаком нарушения уставных норм: все организационные перестановки должны были быть одобрены съездом, последний же осуществлял избрание высших органов партии, в том числе и Секретариата. Пленум не был правомочен упразднить и пост генсека. Кроме того, по Уставу, в КПЧ действовал один Секретариат. Фактически неустанный политсекретариат (в него входили 7 чел.) играл роль своего рода внутреннего президиума партии, ему было поручено ежедневное руководство партийно-политическими делами²²⁹.

По всей вероятности, изменения неполностью удовлетворили Готвальда. Через советское посольство в Чехословакии он обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой командировать в Прагу ответственного работника, который помог бы ему при перестройке аппарата ЦК КПЧ. 12 сентября 1951 г. секретарь ЦК ВКП(б) М.А.Суслов в письме И.В.Сталину писал: «Считал бы возможным удовлетворить просьбу тов. Готвальда, командировав в Прагу сроком на 1 неделю ответственных работников аппарата ЦК ВКП(б) тт. Шаталина Н.Н. и Виноградова И.Т.

Тов. Шаталин — член оргбюро ЦК ВКП(б), зав. планово-финансовым отделом ЦК ВКП(б), хорошо знает структуру аппарата ЦК и работу его отделов.

Тов. Виноградов — заместитель зав. отделом партийных органов ЦК ВКП(б), в аппарате ЦК работает с 1946 г., до этого 8 лет работал секретарем по пропаганде Саратовского и Молотовского обкомов ВКП(б). Хорошо знает работу партийного аппарата²³⁰.

Сталин дал согласие, и 14 сентября 1951 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение по «вопросу тов. Готвальда» в соответствии с предложением Суслова. Но кандидатура Виноградова при этом была заменена: в Прагу поехал Е.И.Громов из аппарата ЦК ВКП(б)²³¹.

18 сентября 1951 г. Готвальд подготовил «несколько вопросов» к советским советникам об организации и работе аппарата ЦК

* В письме И.В.Сталина К.Готвальду от 24 июля 1951 г., в частности, подчеркивалось: «...Т. Сланский наделал много ошибок в области выдвижения и расстановки руководящих кадров. Он оказался подлеповатым и слишком доверчивым, ввиду чего заговорщики и преступники довольно свободно и безнаказанно орудовали во вред партии и народу. Нам кажется поэтому, что нельзя держать на посту генерального секретаря человека, который плохо разбирается в людях и допускает часто ошибки в деле распределения кадров. Поэтому мы думаем, что его следовало бы заменить другим»²²⁷. 26 июля 1951 г. Готвальд сообщил Сталину о намерении ввести Сланского в состав Совета министров, где он «должен и впредь исполнять ответственную работу, хотя бы и на другом участке», и запросил мнение Москвы на этот счет. Предложения Готвальда были приняты. В Прагу поступила следующая информация: «Согласен. Филиппов. 27 июля 1951 г.»²²⁸

ВКП(б). Они касались различных направлений работы, но особенно интересовали Готвальда подготовка сотрудниками аппарата материалов для руководящих партийных органов, в том числе касающихся работы министерств и решений дисциплинарного характера, организация работы с кадрами (отбор, воспитание, распределение, контроль за деятельностью и пр.), распределение обязанностей между секретарями ЦК, диапазон самостоятельных действий секретаря при решении тех или иных вопросов, компетенция КПК, связь аппарата с министерствами, массовыми организациями, работа с письмами трудящихся и пр. Всего Готвальд сформулировал 15 вопросов²³².

Перед отъездом в Прагу Громов был проинструктирован на заседании «четверки» (Сталин, Берия, Булганин, Маленков) при участии Суслова. Шаталин к тому времени еще не вернулся из отпуска.

Советские представители трижды встречались с Готвальдом, получили от него подробную информацию о замыслах и мотивах перестройки аппарата ЦК КПЧ²³³. Важной составляющей плана Готвальда явилось изменение структуры аппарата. Предстояло, в частности, увеличить число отделов с 8 до 12, как путем создания абсолютно новых (например, отдела массовых организаций), так и дробления прежде существовавших (например, на базе организационно-инструкторского отдела было намерено создать отдел партийных органов и отдел профсоюзных и комсомольских органов) и пр. Но, пожалуй, наиболее существенным моментом явилась ликвидация единого отдела кадров с передачей его функций соответствующим отделам. Если увеличение числа отделов позволяло рассчитывать на более оперативное решение вопросов конкретного руководства, то вопрос о судьбе единого отдела кадров имел, несомненно, более глубокий подтекст. Руководитель такого отдела (прежде им был Сланский) получал в свои руки практически неограниченные властные возможности, расставляя «своих» людей в нужные места и в нужное время. Большевистский лозунг «Кадры решают все!» приобретал в связи с этим поистине всеохватывающее значение. Намерение Готвальда, по всей вероятности, заключалось именно в недопущении впредь сосредоточения всей кадровой политики в руках одного лица.

Шаталин и Громов постарались выполнить поручение, но при этом «превысили свои полномочия».

Как видно из справки Берии, Булганина, Маленкова и Суслова Сталину от 12 октября 1951 г., находясь в Праге, Шаталин и Громов «нарушили директивы Политбюро, самочинно ознакомив т. Готвальда и других секретарей ЦК компартии Чехословакии с практикой работы отделов и даже Секретариата ЦК ВКП(б)», поспешили рассказать чехословацким товарищам все, чем последние интересовались». При этом Шаталин и Громов не доложили вовремя о недостатках в практике работы и структуре ЦК КПЧ, не согласовали свои выводы и рекомендации чехословацкой стороне с Москвой.

29 сентября 1951 г. на заседании «четверки» провинившиеся не смогли убедительно объяснить свое поведение, долго не понимали, в чем их ошибка и «только в конце вынуждены были [ее] признать...»²³⁴ Эта история весьма показательна, ибо свидетельствует о том, что в советской практике работа аппарата и все, что с ней связано, являлись «святыми святыми» в деятельности компартии и оглашению не подлежали ни при каких обстоятельствах.

6 декабря 1951 г. на пленуме ЦК КПЧ прошли дальнейшие изменения в составе Президиума ЦК и политсекретариата (последний увеличен до 8 чел.). Избрана (хотя опять-таки это было прерогативой съезда) новая комиссия партконтроля. В первой половине 1952 г. в верхах партийной иерархии прошли новые перемещения: разными способами из оргсекретариата были выведены члены, избранные в сентябре 1951 г. В Секретариат ЦК вошли новые люди, вошли тихо и незаметно, без сообщений об их избрании или об освобождении их предшественников. Просто в печатном партийном органе вдруг замелькали новые имена — Ф.Пексы, Й.Угера, Й.Теслы...²³⁵

Похоже развивались события в компартии Словакии. 19 октября 1951 г. на пленуме ЦК КПС также была проведена реорганизация и также с нарушением Устава²³⁶. Так же тихо и незаметно сошли с политической сцены секретари ЦК Ш.Баштованский и К.Мошко — ни об их освобождении, ни о новых выборах не сообщалось.

На организационное развитие КПЧ сильное влияние оказал XIX съезд ВКП(б) (5—14 октября 1952 г.). Под влиянием его установок в ЦК КПЧ была форсирована подготовка к Общегосударственной партийной конференции, намеченной на декабрь 1952 г. Основная задача конференции — принятие нового Устава партии. Работа над текстом велась с середины 1952 г. при тесном взаимодействии с советской стороной. Еще в сентябре 1952 г. в Москве находилась делегация ЦК КПЧ (В.Широкий, А.Новотный, Б.Келлер), обсуждавшая в ЦК ВКП(б) проект Устава КПЧ²³⁷. После доработки проекта новый вариант Устава 18 ноября 1952 г. вместе с сопроводительным письмом К.Готвальда вновь поступил в Москву с просьбой сообщить замечания²³⁸. Заключение по проекту готовили секретарь ЦК КПСС М.А.Суслов и А.Б.Аристов и председатель Комиссии ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями В.Г.Григорьян. 26 ноября 1952 г. заключение было направлено секретарю ЦК КПСС Г.М.Маленкову.

В заключении были подробно перечислены внесенные в проект исправления и уточнения. Вместе с тем подчеркивалось наличие «некоторых существенных положений... отличающихся от соответственных положений Устава компартии Советского Союза». В частности, в Уставе КПЧ: не предусматривалось проведение общепартийных дискуссий; не устанавливались размеры членских и вступительных взносов; исключенный из партии первичной организацией коммунист до утверждения решения об исключении лишался права посещать партсобрания (соответствующее решение утверждалось райко-

мом, а не горкомом, как в Уставе КПСС); не было предусмотрено закрытое голосование при выборах партийных органов.

Отдельные пометы на экземплярах проекта иллюстрируют, в каком направлении советские эксперты размышляли над присланным документом. Кроме неоднократно повторяющихся пожеланий «отредактировать» или «тщательно отредактировать» проект, имелась, к примеру, и такая помета: «Надо ли целиком повторять Устав ВКП(б)?»²³⁹ Возобладала точка зрения, что полного совпадения быть не должно. Окончательное заключение, представленное на утверждение «наверх», гласило: «Считаем целесообразным сообщить тов. Готвальду, что наши замечания исчерпываются тем, что было сообщено т.т. Широкому, Новотному и Келлеру в беседе в ЦК КПСС, и новых замечаний у нас не имеется».

Ответ чехословацкой стороне был дан по дипломатическим каналам. 13 декабря 1952 г. в общем отделе секретариата ЦК КПСС был зарегистрирован следующий документ: «Посол в Праге тов. Богомолов сообщил тов. Готвальду о том, что ЦК КПСС не имеет замечаний к новому проекту Устава КПЧ. А.Смирнов* 8 декабря 1952 г.»²⁴⁰

Думается, что терпимость советской стороны к указанным несоответствиям в уставах КПЧ и КПСС объяснялась несколькими обстоятельствами, главное из которых, видимо, заключалось в том, что в основном новый устав КПЧ поставленную задачу выполнил: принятая организационная структура КПЧ в целом соответствовала оргструктуре КПСС. На этом фоне наличие определенных различий, хотя и достаточно важных, было вполне допустимым.

¹ Новый класс // Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 198.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 263. Л. 172; Д. 266. Л. 104; PPR.VIII.1944—XII.1945. Dokumenty. Warszawa, 1959. S. 291; Archiwum Act Nowych. (Wydział VI); Sygn. 295/VII-211. K. 1; 295/VII-70. K. 63—64; Шмераль Я.Б. Расстановка политических сил в Чехословакии после освобождения страны и стратегическая линия КПЧ // Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 279.

³ АВП РФ. Ф. 067. Оп. 13. П. 103. Д. 13. Л. 195; Ф. 0144. Оп. 32. П. 129. Д. 13. Л. 58; ЦДА (София). Ф. 1 Б. Оп. 5. А.е. 1. Л. 6; Klasno-Socijalna struktura Saveza komunista Jugoslavije. Beograd, 1984. S. 327.

⁴ Андорка Р. Формирование социальной и профессиональной структуры населения послевоенной Венгрии // Классы и социальные слои: Исторические судьбы. СССР и Восточная Европа. М., 1990. С. 237.

* А.А.Смирнов — ответственный работник аппарата ЦК ВКП(б) (КПСС) в 1949—1956 гг.

- 5 Беренд И.Т. Развитие венгерской промышленности со времени освобождения страны // 25 лет свободной Венгрии. Будапешт, 1971. С. 7.
- 6 Андорка Р. Указ. соч. С. 234.
- 7 Школа европейских стран социализма. М., 1976. С. 82.
- 8 Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: Миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944—1948 гг. М., 1993. С. 60.
- 9 Вида И. Партийно-политическая структура венгерской народной демократии. 1944—1948 гг. // Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1980. № 26. 310.old.
- 10 Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Указ. соч. С. 186—189.
- 11 Там же. С. 191.
- 12 Волокитина Т.В. «Холодная война» и социал-демократия Восточной Европы. 1944—1948. Очерки истории. М., 1998. С. 130.
- 13 Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 286.
- 14 Там же. С. 148.
- 15 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 28. П. 126. Д. 11. Л. 67—69.
- 16 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 265. Л. 63.
- 17 Там же.
- 18 Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Указ. соч. С. 314.
- 19 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 266. Л. 105—106.
- 20 Там же. Л. 105.
- 21 Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 59. Л. 138.
- 22 Там же. Д. 94. Л. 68.
- 23 Там же; АВП РФ. Ф. 077. Оп. 28. П. 125. Д. 8. Л. 82.
- 24 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 94. Л. 68.
- 25 Там же. Ф. 17. Оп. 137. Д. 265. Л. 65; Ф. 575. Оп. 1. Д. 141. Л. 114.
- 26 Там же. Ф. 17. Оп. 137. Д. 266. Л. 106.
- 27 Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 141. Л. 114, 116.
- 28 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 29. П. 137. Д. 55. Л. 83.
- 29 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 265. Л. 65.
- 30 Там же. Д. 266. Л. 107.
- 31 Восточная Европа в документах российских архивов 1944—1953. Т. 2. 1949—1953. М.; Новосибирск, 1998. С. 180.
- 32 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 141. Л. 15.
- 33 Там же. Л. 150, 151.
- 34 Там же. Л. 158.
- 35 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 567.
- 36 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 265. Л. 75.
- 37 Там же. Д. 143. Л. 31.
- 38 Там же. Д. 68. Л. 45.
- 39 Там же. Ф. 17. Оп. 137. Д. 265. Л. 15—16.
- 40 Там же. Л. 69.

- 41 Там же. Л. 74.
- 42 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 363—364.
- 43 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 265. Л. 18.
- 44 Там же. Л. 17; Ф. 575. Оп. 1. Д. 144. Л. 85.
- 45 Там же. Ф. 17. Оп. 137. Д. 266. Л. 110—112.
- 46 Szabad Nér, 14.V.1950.
- 47 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 266. Л. 112.
- 48 Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 143. Л. 32.
- 49 Там же. Ф. 17. Оп. 137. Д. 263. Л. 96—97.
- 50 Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 141. Л. 112.
- 51 АВР РФ. Ф. 077. Оп. 32. П. 158. Д. 59. Л. 34—35.
- 52 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 231. Л. 9.
- 53 Там же.
- 54 Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 141.
- 55 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 231. Л. 9.
- 56 Там же. Л. 10.
- 57 Там же.
- 58 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 567.
- 59 Там же. С. 739.
- 60 Там же. С. 568.
- 61 Polska odrodzona. 1918—1939. Państwo. Społeczeństwo. Kultura. Warszawa, 1988. S. 249; Historia polskiego ruchu robotniczego 1918—1939. Warszawa, 1988. Т. 3. S. 18.
- 62 Madajczyk Cz. Polityka III Rzeszy w okupowanej Polsce. Warszawa, 1971. Т. 2. S. 20.
- 63 Bobowski St. Stosunki Państwo-Kościół Katolicki w latach 1945—1965. Warszawa, 1986. S. 1.
- 64 Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Указ. соч. С. 44.
- 65 Syzdek B. Polska Partia Socjalistyczna w latach 1944—1948. Warszawa, 1974. S. 68—69, 80, 99, 161.
- 66 Słabek H. Historia społeczna Polski Ludowej (1944—1970). Warszawa, 1988. S. 538.
- 67 Цит. по: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Указ. соч. С. 45.
- 68 Подробнее см.: НКВД и польское подполье. 1944—1945 гг. (По «Особым папкам» И.В.Сталина). М., 1994.
- 69 Носкова А.Ф. Крестьянское политическое движение в Польше (сентябрь 1939 г. — весна 1948 г.). М., 1987. С. 103—104, 111—112.
- 70 Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Указ. соч. С. 162.
- 71 Kersten K. Narodziny systemu władzy. Polska. 1943—1948. Lublin, 1989; НКВД и польское подполье...
- 72 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 102. Л. 139.
- 73 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 377.
- 74 Там же.

- 75 Там же. С. 376.
- 76 Волокитина Т.В. «Холодная война» и социал-демократия... С. 94.
- 77 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30. П. 214. Д. 5. Л. 64.
- 78 Там же. Л. 37.
- 79 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 102. Л. 141.
- 80 Kozik Z. PZPR w latach 1954—1957. Szkic historyczny. Warszawa, 1982. S. 23.
- 81 Совещания Коминформа... С. 65.
- 82 Там же.
- 83 Там же. С. 421.
- 84 Волокитина Т.В. «Холодная война» и социал-демократия... С. 112; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 102. Л. 145.
- 85 Rok 1948 // Polityka. 17.XII.1988.
- 86 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 31. П. 233. Д. 12. Л. 14—15.
- 87 Там же. Л. 15, 90.
- 88 Волокитина Т.В. «Холодная война» и социал-демократия... С. 115.
- 89 Совещания Коминформа... С. 625.
- 90 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 102. Л. 147.
- 91 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 31. П. 232. Д. 9. Л. 117—118.
- 92 Там же. Л. 126—127.
- 93 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 102. Л. 201.
- 94 Там же.
- 95 Там же. Д. 154. Л. 288.
- 96 Там же. Ф. 17. Оп. 137. Д. 875(р). Л. 74—75.
- 97 Там же. С. 89.
- 98 Там же. Д. 260. Л. 7—8.
- 99 Там же. Д. 875(р). Л. 182—199; List Sekretariatu KC do KW i KP PZPR w sprawie wzrostu i regulowania składu partii // O budownictwie partyjnym. Uchwała KC PZPR. 1949—1953. Warszawa, 1954.
- 100 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 875(р). Л. 85—88.
- 101 Там же. Д. 620. Л. 26, 27, 29; Волокитина Т.В. «Холодная война» и социал-демократия... С. 208.
- 102 Centrum władzy. Protokoły posiedzeń kierownictwa PZPR. Wybór z lat 1949—1970. Warszawa, 2000. S. 90; Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 528—530; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 620. Л. 51, 56; Д. 622. Л. 74.
- 103 Там же. Д. 620. Л. 89.
- 104 Там же. Л. 90 об., 91.
- 105 Там же. Л. 92.
- 106 Там же. Л. 199—200.
- 107 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 35. П. 240. Д. 76. Л. 18—19.
- 108 Там же. С. 40—41.
- 109 Там же. Оп. 34. П. 263. Д. 14. Л. 106, 110—111.
- 110 Там же. П. 275. Д. 89. Л. 26.
- 111 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 280. Л. 99.

- 12 Там же. Д. 622. Л. 33—34.
- 13 Там же. Д. 620. Л. 17.
- 14 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 34. П. 275. Д. 89. Л. 24.
- 15 Kozik Z. Op. cit. S. 25; PZPR w liczbach od II do III zjazdu. Warszawa, 1959. S. 22.
- 16 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 34. П. 275. Д. 89. Л. 23—24.
- 17 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 151. Л. 63.
- 18 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 34. П. 275. Д. 89. Л. 21.
- 19 Там же. Л. 26, 27, 28.
- 20 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1299. Л. 17.
- 21 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 151. Л. 17.
- 22 Там же. Л. 21—24.
- 23 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 159—161.
- 24 Kozik Z. Op. cit. S. 29.
- 25 PZPR. w liczbach... S. 21.
- 26 Ibid. S. 22; Kozik Z. Op. cit. S. 25.
- 27 Kozik Z. Op. cit. S. 33.
- 28 Garlicky A. Z tajnych archiwów. Warszawa, 1993. S. 109—114.
- 29 Восленский М. Указ. соч. С. 123—124.
- 30 Landau Z., Tomaszewski J. The economic structure of the european socialist countries. Prage, 1984. P. 19; Константинеску Н.Н. Индустриализация Румынии. М., 1967. С. 9; АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 35. П. 137. Д. 18. Л. 105.
- 31 Обзор экономического развития РНР. М., 1957. С. 40.
- 32 Школа европейских стран... С. 189.
- 33 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 36. П. 136. Д. 14. Л. 14—15.
- 34 Там же. Ф. 012. Оп. 34. П. 130. Д. 11. Л. 41.
- 35 Совещания Коминформа... С. 121.
- 36 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 263. Л. 172.
- 37 Там же. Оп. 128. Д. 1160. Л. 123—126; Ф. 575. Оп. 1. Д. 156. Л. 131—135.
- 38 Волокитина Т.В. «Холодная война» и социал-демократия... С. 160.
- 39 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 263. Л. 172.
- 40 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 376. П. 229. Д. 4. Л. 100.
- 41 Țuțui Gh. Evoluția partidului social-demokrat din România de la frontul unic la partidul unic. București, 1979. P. 92.
- 42 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 263. Л. 173, 172.
- 43 Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 103. Л. 69.
- 44 Там же. Л. 70, 72.
- 45 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 376. П. 229. Д. 4. Д. 107.
- 46 Там же. Л. 108.
- 47 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 263. Л. 122—123.
- 48 Там же. Л. 124.
- 49 Там же. Л. 102.

- 150 Совещания Коминформа... С. 603.
- 151 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 263. Л. 102—104.
- 152 Rokiavilova T. The Comintern and its Romanian section in the years 1939—1941 // Centre and Periphery. The history of the Comintern in the light of new documents. Bruxelles, 1997. P. 248.
- 153 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 263. Л. 174.
- 154 Там же. Л. 185—186, 191.
- 155 Там же. Л. 140, 142.
- 156 Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 379. Л. 128.
- 157 Там же. Л. 131.
- 158 Там же. Л. 13, 16.
- 159 Там же. Л. 19.
- 160 Там же. Л. 17—18.
- 161 Там же. Д. 155. Л. 96—97.
- 162 Там же. Д. 206. Л. 231—238.
- 163 Там же. Д. 271. Л. 2.
- 164 Там же. Д. 239. Л. 4.
- 165 Там же. Д. 244. Л. 66.
- 166 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 40. П. 202. Д. 12. Л. 98.
- 167 РГАСПИ. Ф. 575; Оп. 1. Д. 271. Л. 211; Д. 244. Л. 124.
- 168 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 40. П. 202. Д. 12. Л. 97.
- 169 Там же. Оп. 41. П. 215. Д. 10. Л. 22.
- 170 Там же. Оп. 40. П. 202. Д. 12. Л. 97.
- 171 Там же. Л. 98.
- 172 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 855. Л. 99.
- 173 Там же. Д. 857. Л. 98.
- 174 Там же. Л. 181.
- 175 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 811.
- 176 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 41. П. 215. Д. 10. Л. 22.
- 177 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953 г. С. 835.
- 178 Там же. С. 840.
- 179 Там же. С. 877.
- 180 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 271. Л. 210; Д. 273. Л. 36—38.
- 181 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 878.
- 182 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 272. Л. 145—146.
- 183 Там же. Д. 273. Л. 36—37.
- 184 Tănase St. Elite și societate. Guvernarea Gheorghiu Dej. 1948—1965. București, 1998. P. 118—119.
- 185 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 380. Л. 48—59.
- 186 Kalinová L., Brabec V. K některým strankam vývoje struktury a postávení dělnické třídy v letech 1945—1948 // Odbory a naše revoluce. Praha, 1968. S. 50—51.
- 187 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 103. Л. 28.
- 188 Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 44. Л. 247.

- 189 Kaplan K. The Communist Party in Power. A profile of Party Politics in Czechoslovakia. London, 1987. P. xi.
- 190 Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953. Т. 1. 1944—1948. Документы. М., 1999. С. 517—518.
- 191 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 148. Д. 19. Л. 23.
- 192 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 68. Л. 4—6, 8.
- 193 Коммунистическая партия Чехословакии. Информационный бюллетень. № 17. Ноябрь 1948 г. С. 8—10.
- 194 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 404. Л. 48.
- 195 Коммунистическая партия Чехословакии. Информационный бюллетень... С. 1.
- 196 Там же. С. 2—11.
- 197 Там же. № 15. Октябрь 1948 г. С. 45.
- 198 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 147. Д. 11. Л. 108.
- 199 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 112. Л. 27—28.
- 200 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 30. П. 160. Д. 7. Л. 98.
- 201 Совещания Коминформа... С. 684.
- 202 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 30. П. 159. Д. 6. Л. 146.
- 203 Там же. Оп. 32. П. 179. Д. 16. Л. 2—3.
- 204 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 277. Л. 123—124.
- 205 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 328.
- 206 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 32. П. 178. Д. 10. Л. 52—53.
- 207 Funkcionář. 15.II.1950.
- 208 Zasedání ÚV KSČ ve dnech 21—24. února 1951 r. na Hradě Pražském. Praha, 1951. S. 138.
- 209 Státní Ústřední Archiv (Praha). (Далее: SÚA). Fond ÚV KSČ. 100/24. Sv. 33. A.j. 786. L. 96.
- 210 Kaplan K. The Communist party in power... P. 12, 37.
- 211 Korbel P., Vagasski V. Purges in the Communist Party of Czechoslovakia. N.-Y., 1952. P. 9.
- 212 Rudé právo. 27.II.1951.
- 213 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 32. П. 179. Д. 16. Л. 53, 72.
- 214 Там же. Л. 125.
- 215 Там же. Л. 121.
- 216 Там же. Л. 122—124.
- 217 Там же. Л. 86—87.
- 218 SÚA. Fond ÚV KSČ. 100/24. Sv. 33. A.j. 786. L. 92.
- 219 Kádrová nomenklatura KSČ. 1948—1956. Sborník dokumentů // Sešity Ústavu pro Soudobé dějiny ČSAN. Sv. 2. Praha, 1992. S. 11—12.
- 220 Ibidem. S. 17—23.
- 221 Ibidem. S. 24—108.
- 222 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 30. П. 160. Д. 8. Л. 74.
- 223 Kaplan K. The Communist Party in Power... P. 80—81.
- 224 Ibidem. P. 81.
- 225 Ibidem. P. 153, 177.

- 226 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 601.
- 227 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 394. Л. 109.
- 228 Там же. Л. 112, 113.
- 229 Korbelt P. The Communist Party of Czechoslovakia after the coup. N.-Y., 1953. P. 6—7.
- 230 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 611.
- 231 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 814. Л. 86.
- 232 Aparat ÚV KSČ v letech 1948—1988 // Sešity Ústavu pro Soudobé dějiny ČSAN. Sv. 10. Praha, 1993. P. 9. S. 62.
- 233 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 623—624.
- 234 Там же. С. 632.
- 235 Rudé právo. 4.III.1952; 6.IV.1952; 15.IV.1952.
- 236 Korbelt P. The Communist Party of Czechoslovakia... P. 7.
- 237 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 861. Л. 64—66.
- 238 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 829—830.
- 239 Там же. С. 838.
- 240 Там же.

2. АЛБАНИЯ, БОЛГАРИЯ, ЮГОСЛАВИЯ: РАБОЧИЕ ПАРТИИ С КРЕСТЬЯНСКИМ «ЛИЦОМ»

Албания

Облик межвоенного албанского общества определялся господством в нем феодальных, родоплеменных и религиозных связей и противоречий. Капитализм делал в стране лишь первые шаги. Зарождавшееся промышленное производство было представлено, главным образом, нефтедобычей и мелкими (10—30 занятых) кустарными промыслами, связанными с переработкой сельскохозяйственного сырья. В конце войны общая численность рабочих и служащих, связанных с доиндустриальным промышленным производством, составляла 3% от общего числа населения¹.

Малочисленный нарождавшийся неорганизованный рабочий класс Албании не имел опыта политической борьбы. «Правильной» ориентации возникших до войны первых пропагандистских коммунистических групп содействовал исполком Коминтерна. Члены этих групп участвовали в локальных выступлениях экономического и политического характера, некоторые руководили рабочими забастовками. В целом, однако, коммунистические группы, имевшие скорее пропагандистский характер, отличались слабой активностью. Непосредственно после оккупации страны фашистской Италией в апреле 1939 г. они не стали объединяющей силой, способной сплотить общество против агрессора.

Однако в ходе развития национально-освободительной борьбы и возрастания леворадикальных настроений албанским коммунистам удалось объединиться и создать в ноябре 1941 г. партию (КПА). В основу деятельности КПА были положены два принципа: искоренение прежних ошибок, в первую очередь, групповщины, и принятие ориентации на борьбу против классового врага. Особое внимание уже на организационном собрании, проведенном 8—14 ноября в г. Тиране, обращалось на привлечение в партию рабочих и крестьян, на теоретический рост кадров. Главным источником изучения марксистско-ленинской теории рекомендовалось сделать «Краткий курс истории ВКП(б)». Четкий ориентир на превращение КПА в партию нового типа обусловил принятие уставного положения о демократическом централизме как руководящем принципе организационного построения.

Численность КПА быстро росла: если в конце 1941 г. в ее рядах насчитывалось 130 чел., то в октябре 1944 г. уже 2250. Социальный состав партии в целом отражал структуру албанского общества: при населении страны в 1 222 000 чел. рабочих насчитывалось около 15 тыс. В КПА рабочие составляли в среднем 15%, а крестьяне — 50%. Остальные 35% приходились на учащуюся молодежь и интеллигенцию, представлявших, как правило, состоятельную часть общества. При анализе кадрового состава партии важно учитывать, что в Албании индивидуальные, клановые и семейные отношения традиционно имели значительно больший вес, нежели

в других странах. Вопросы идеологии зачастую отступали на задний план. Поэтому стоит внимательнее присмотреться к прозвучавшей на Бератском пленуме КПА в ноябре 1944 г. оценке: «Мы не имеем марксистской партии»².

В сентябре 1945 г. в КПА состояли по разным данным около 11 тыс. человек. Большую проблему являл собой образовательный статус коммунистов: более 80% из них имели только начальное образование, число полностью неграмотных составляло 548 чел. Лишь 397 чел. имели незаконченное высшее образование. Характерно, что руководство КПА, озабоченное состоянием парторганизаций, составило для себя «приблизительную таблицу культурного развития». Согласно таблице в гражданских организациях партии низкое развитие имели 70% членов, среднее развитие — 28%. По армейским организациям цифры были следующие: низкое развитие — 85%, среднее развитие — 15%³.

В первые годы после освобождения, следуя югославскому примеру, КПА продолжала оставаться как бы на нелегальном положении — членство в партии не афишировалось, решения руководства не публиковались, партийные бюро действовали как комитеты Демократического фронта, руководящие органы назначались, сравнительно широко использовался метод кооптации новых членов и пр.⁴

Совокупность всех вышеозначенных факторов обусловила возможность концентрации реальной власти в руках узкого партийного руководства и превращения партийной массы в объект манипулирования. Задача эта облегчалась проведенной в 1945—1946 гг. партийной чисткой. Как указывалось в одной из справок, составленной посланником СССР в Албании Д.С.Чувахиным, во время чистки «основным критерием преданности партии того или иного коммуниста было: его социальное происхождение, участие в национально-освободительном движении, дисциплина, моральное поведение, отношение к реакционным элементам, работа в партии, выполнение партийных поручений». В результате чистки к середине 1946 г. были исключены 1 264 члена партии или 11% ее состава, причем 60% исключенных продемонстрировали «полнейшую неграмотность»: «они представления не имели, что такое партия, зачем она нужна, какие цели преследует»⁵.

Чувахин, проанализировав итоги проверки, сообщил в Москву следующие цифры: в группе «А» (гражданские парторганизации) наибольший процент исключенных (40%) пришелся на кулаков (исключено 22 чел. из 55 состоявших в КПА на июнь 1946 г.). Затем располагались середняки (исключено 124 чел. из 528 или 23,4%), представители интеллигенции (105 из 540 или 19,4%), ремесленники (41 из 289 или 14,1%), крестьяне-бедняки (153 из 1243 или 12,3%). Наименьший показатель был по категории рабочих (55 из 734 или 7,49%). Всего в группе «А» исключено было 666 чел. из 4789, что составило 13,9%. В группе «Б» (армейские парторганизации) общий процент исключенных был ниже: из 6 631 члена партии партбилетов лишились 598 чел. или 9,02%. Но расклад по ка-

тегориям был несколько иным. Лидировала интеллигенция (32 исключенных из 85 или 37,6%). Затем шли кулаки (14 из 54 или 26,0%), середняки (211 из 1636 или 12,9%), бедные крестьяне (228 из 2 815 или 8,1%) и ремесленники (21 из 640 или 3,28%). Рабочие замыкали список (26 из 907 или 2,87%)⁶. Статистика по случаям исключения свидетельствовала, что мотивами такой санкции являлись связь с оккупантами и реакцией, социальное происхождение, саботаж и злоупотребления по работе, воровство и мошенничество, утрата партбилета, пассивность. Среди исключенных имела также группа «врагов партии и народа».

Чистка и последовавший за ней новый прием несколько скорректировали социальный состав КПА. На 31 декабря 1946 г. в партии на учете состояли 11 837 коммунистов. Доминировали бедные крестьяне — 4 859 чел. или 41% (в скобках для сравнения здесь и далее приведем данные за 1945 г.: 2 820 чел. или 24,8%). Затем шли середняки — 2 227 чел. или 18,8% (2 379 или 22,5), рабочие — 1 472 или 12,5% (1 632 или 15,5%), ремесленники — 799 или 6,8% (861 или 8,2%), интеллигенция — 514 или 4,3% (720 или 6,8%), студенты — 435 или 3,7% (1 513 или 14,3%). Замыкали список зажиточные крестьяне (кулаки) — 75 или 0,6% (256 или 2,4%)⁷.

Таким образом, сравнение показателей 1945 и 1946 гг. свидетельствует о том, что доля всех категорий населения, за исключением рабочих и крестьян-бедняков, уменьшилась. Зато последние дали резкий рост — с 24,8 до 41%. Кроме того, нельзя не отметить серьезное уменьшение числа студентов в КПА — с 14,3 до 3,7%. Незначительным оказалось представительство в партии зажиточного крестьянства — всего 0,6%. Зато среди руководящих кадров КПА в 1946 г. студенчество доминировало со значительным отрывом — 239 чел. или 24,2%. Затем шли рабочие — 154 чел. или 15,6%, крестьяне-бедняки — 136 или 13,8%, представители интеллигенции — 129 или 13,1%, середняки — 120 или 12,2%. Наиболее слабым было представительство кулаков — 21 чел. или 2,1%. Всего, по данным Чувашина, численность руководящих кадров составила 987 чел.⁸

Быстрый рост рядов партии продолжился и в 1947 г. В информационных материалах миссии СССР в Албании, направленных в мае 1947 г. в Москву, он был назван «совершенно ненормальным»⁹. На этом этапе численность КПА возросла почти втрое, достигнув 32 583 чел. Абсолютное большинство составляли молодые коммунисты — 27 914 чел.

Среди членов партии более половины (51,2%) составляли бедняки-крестьяне. Доля рабочих возросла, составив 15,3%. Несколько сократилось число середняков — 13,6%. Близкая картина складывалась и по группе кандидатов, но доля бедного крестьянства была там еще значительнее — 63,5%. В 1947 г. таким же было соотношение в социальном происхождении кадров в силовых структурах — армии и полиции.

Практически не изменился и образовательный статус коммунистов. В 1947 г. начальное школьное образование имели 75,2%

членов партии, полусреднее — 7,5%, среднее — 4,15%, незаконченное высшее (речь шла о студентах университетов) — 0,94%. Значительным было число членов КПА, вообще не имевших образования — 11,55%.

Еще более впечатляющей была картина в силовых структурах: не имели образования в армии 10,84%, в полиции — 34,55%, начальное школьное образование было соответственно у 81,53 и 64,79%. В армии 0,49% имели незаконченное высшее образование. В полиции таких партийцев не было вообще¹⁰.

Крестьянский облик КПА с преобладанием в ней бедняцкой массы (ее доля в крестьянской прослойке составляла 54%), низкое культурное развитие, слабая, а чаще всего «никакая» теоретическая и профессиональная подготовка преобладающей массы партийцев предопределили огромные трудности в кадровой политике. Понятным становится, почему вопросы кадров практически не сходили с повестки дня.

Албанское руководство не без основания считало, что собственными усилиями подготовить в короткие сроки необходимое число специалистов не удастся. Отсюда проистекала четкая ориентация на помощь Советского Союза специалистами, советниками, инструкторами, а также путем обучения в СССР албанских студентов. На себя оно брало вопросы партийного обеспечения кадровой проблемы.

В конце 1947 г. определены были контрольные цифры по увеличению численности КПА на 1948 г. Предстояло принять около 15 тыс. новых членов, обеспечить прирост 70%. Это позволило бы, по расчетам руководства, создать первичные партийные организации во всех районах страны и в первую очередь в рабочих центрах. Сам прием задумывался как обеспечение притока в партию преимущественно фабричных рабочих и шахтеров; «рабочие массы», таким образом, наносили при этом, как подчеркивалось в одном из документов Политбюро ЦК КПА, «ущерб, хотя и относительный, крестьянству»¹¹.

Реализация намеченного плана была возложена на Тука Якову, который в сентябре 1948 г. был выдвинут на пост секретаря ЦК по оргвопросам. Пленум ЦК компартии охарактеризовал его как «наиболее подходящего для этой работы руководителя, вышедшего из недр рабочего класса, одного из основателей нашей партии и ее славного бойца, который внес ценный вклад в организацию партии, в организацию и руководство Национально-освободительной армии, который самоотверженно боролся за народное дело и за правильную марксистско-ленинскую линию партии»¹². Якове предстояло возглавить работу по регулированию численности партии и улучшению социального состава парторганизаций и руководства. Критерии для назначения на руководящие партийные посты оставались прежними: рабоче-крестьянское социальное происхождение и активное участие в национально-освободительном движении. Продолжала действовать установка, сформулированная еще не пленуме партии в Берате в ноябре 1944 г.: если

КПА не будет заботиться о своем социальном составе, то ей грозит опасность перерождения в мелкобуржуазную социал-демократическую партию. Исходя из этого, предстояло затруднить доступ в КПА интеллигенции, зажиточному крестьянству и главам феодально-родовых кланов («ага, беям или их сынкам»)¹³.

Возникновение весной 1948 г. советско-югославского конфликта и принятие Коминформом июньской резолюции были восприняты албанским руководством как важнейший сигнал к кардинальной перестройке работы партии. КПА по югославскому примеру и с югославской помощью ставила во главу угла формирувавшегося политического режима Демократический фронт, от имени которого осуществлялись в стране все мероприятия. Тем самым она могла принять и на себя выдвинутые в адрес югославов обвинения в «растворении» в ДФ. Для выпрямления «линии» партийному руководству пришлось совершить поворот на 180°. Если в феврале 1948 г. ошибочной объявлялась самостоятельная, независимая от ДФ деятельность некоторых партийных организаторов на местах, их стремление «руководить... помимо ДФ», то теперь предстояло не только объяснить правомерность подобного подхода, но и разработать отвечающее требованиям Коминформа соотношение в деятельности КПА и ДФ, подчеркнув при этом руководящую роль партии.

Политбюро ЦК КПА в новой обстановке усилило внимание к вопросам подготовки партработников. К лету 1948 г. в стране действовали пять центральных партийных курсов, способных одновременно принять 600 слушателей, и так называемые районные курсы в крупнейших городах. Всего их было 41, и делились они, в зависимости от уровня подготовки слушателей, на две категории: 29 курсов I категории охватывали 817 чел. и 12 курсов II категории — 431. По оценке Политбюро, лучшие результаты были получены на центральных курсах, находившихся под непосредственным контролем и наблюдением ЦК, в то время как районные курсы работали значительно менее эффективно. Причина тому усматривалась в недостаточном внимании к ним со стороны агитпропотдела ЦК партии¹⁴.

Имеющиеся в нашем распоряжении немногочисленные материалы обрисовывают контуры такого явления, как не адекватное задачам дня состояние аппарата ЦК партии. Об этом, в частности, поступали сигналы от советских наблюдателей в Москву. При этом уже с осени 1948 г. ими фиксировались подхалимаж, угодничество, клановость, слабая профессиональная подготовка аппаратчиков¹⁵. Эти характерные черты отличались невероятной живучестью и в значительной степени определяли еще и годы спустя облик албанского партаппарата даже на самом высоком уровне.

Серьезно обсуждались вопросы партстроительства на II Всеалбанской конференции АПТ (в ноябре 1948 г. КПА получила новое название — Албанская партия труда) в апреле 1950 г. Выступавший с докладом по оргвопросам Т.Якова подчеркнул, что за один только 1949 г. партия выросла на 107,94%. Но улучшение качест-

венного состава оставалось по-прежнему делом первостепенной важности. «Массовизация» АПТ, хотя и не подвергалась прямой критике, была тем не менее увязана в докладе с именем поповшего к тому времени в опалу члена Политбюро К.Дзодзе. Ему задним числом вменялось в вину, что по его распоряжению прием в АПТ осуществлялся формально — по строгому плану, в соответствии с намеченными нормами. Директива Дзодзе, говорил Т.Якова, «противоречила Уставу большевистской партии, она приводила к тому, что партия росла раньше времени, увеличивалась количественно, но не учитывала качества»¹⁶.

В целях исправления положения по распоряжению ЦК был пересмотрен и «сокращен до минимума» прием в партию. Кроме того, была объявлена борьба тем коммунистам, кто тяготился партийной дисциплиной, был чужд партии и народу, способствовал «вредным явлениям» в АПТ. К последним, в частности, были отнесены нередкие случаи семейственности, старой вражды, интриг. Мало того, что в парторганизации новые члены зачастую принимались, особенно в деревнях, по родственному признаку, он сильно проявлялся и при обсуждении различных вопросов: муж поддерживал жену, брат — сестру и двоюродного брата, приятель приятеля и пр. «Разоблачение» К.Дзодзе вызвало волну наступления против албанских «троцкистов». Одним из проявлений этого наступления стал, по оценке Яковы, «великий сдвиг» в кадровой политике компартии. Поскольку на конференции основной акцент был сделан на «антитроцкистских» разоблачениях, почти незамеченным прошло крайне важное замечание, прозвучавшее в докладе Яковы: «Кадры расстановливаются коллегиальным способом компетентными органами по номенклатуре, одобренной ЦК»¹⁷. На наш взгляд, именно введение в практику номенклатурного принципа отбора и расстановки кадров и стало упомянутым «великим сдвигом», поскольку отразило качественно новый этап в процессе складывания партийного государства в Албании.

В докладе Яковы были вскрыты также источники «троцкизма» и прочих «нездоровых явлений», среди которых особо выделен низкий культурный и идеологический уровень членов партии¹⁸.

Якову на конференции поддержал секретарь ЦК АПТ Б.Спаху, который, опираясь на информацию с мест, привел ряд примеров, свидетельствовавших, по его словам, о наступлении «буржуазной идеологии». Спаху информировал о том, что волновало рядовых членов АПТ. С нашей точки зрения, характерны не только поднимавшиеся ими на партсобраниях вопросы, но и ответы или комментарии, дававшиеся партийными руководителями. Например, на собрании в парторганизации гимназии в Гирокастре спросили: «Если торжество коммунизма — закон, то почему ничего нельзя делать без Советского Союза?» Неизвестно, каков был дан ответ, но Б.Спаху на партконференции подчеркнул, что в основе вопроса лежит тезис «троцкистских агентов Белграда» о возможности построения социализма без СССР. Вряд ли убедительным и исчерпывающим можно было считать ответ на вопрос, за-

данный в Програде: «Почему АПТ, где в процентном отношении больше крестьян, не называется крестьянской [партией]?» — «Ответ простой: наша партия — нового типа, строится на большевистских принципах. Крестьянство — резервная сила в капиталистическом обществе. Оно может быть и резервом буржуазии, и резервом пролетариата». Или такой еще пример. В Корче на собрании в одной из парторганизаций прозвучал вопрос: «Должен ли рабочий иметь образование для участия в партийном руководстве?» Прямого ответа не последовало. Он был заменен общими рассуждениями о том, что «империалисты были бы только рады, если бы наша партия осталась без рабочих, т.е. стала бы буржуазной»(!)¹⁹. Думается, трудно не согласиться с выводом хотя и по другому поводу, Т.Яковы, заметившего в докладе: «Путаные взгляды демонстрируют не только рядовые коммунисты, но и кое-кто из товарищей на разных ответственных постах»²⁰.

Руководство АПТ рассчитывало, что положение можно будет выправить с помощью организации сети политобразования. На конференции указывалось, что в течение только 1949 г. в стране было открыто 297 политшкол при первичных парторганизациях (в них обучались 6 125 членов АПТ и кандидатов), 66 кружков (1 257 слушателей). В 9 округах страны действовали месячные курсы, через которые прошли 1400 обучающихся. Около 500 членов партии закончили трехмесячные курсы. Таких в стране было 11. В Тиране функционировала одногодичная партийная школа. Набор в нее составлял 100 человек.

Как позитив был приведен факт самостоятельного изучения руководящими партийными кадрами «Краткого курса истории ВКП(б)» и других произведений, прежде всего работ классиков марксизма-ленинизма. Материалов, могущих проиллюстрировать эффективность такой подготовки кадров, к сожалению, у нас нет. Но заметим, что в соседней Болгарии изучение «Краткого курса» в системе партпросвещения сопровождалось большими трудностями для слушателей. Воспринимать чужой материал было сложно, а общий образовательный уровень многих партийцев был таков, что они сами требовали более доступную «простую политграмоту».

Вряд ли есть серьезные основания считать, что в Албании положение было иным. Даже позднее, в 1952 г., высшее руководство АПТ в своей работе и публичных выступлениях, по оценкам советских наблюдателей, слабо использовало марксистско-ленинскую литературу. Сравнительно большее внимание привлекли «Вопросы ленинизма» Сталина и некоторые другие его работы, помещенные в 7 и 8 томах «Сочинений»²¹. Это было не случайно, т.к. данные тома содержали произведения, написанные в 1925—1926 гг., в которых обосновывалась генеральная линия РКП(б) на построение социализма в условиях «капиталистического окружения», в частности рассматривались вопросы индустриализации, политики в деревне, борьбы с «уклонами» в партии и т.д.²² Подобные вопросы выдвигало в то время на повестку дня и албанское руководство.

Огромные трудности, с которыми столкнулась страна в ходе реализации двухлетнего плана (1949—1950 гг.), неудовлетворительный в целом итог двухлетки (план был выполнен лишь на 87,2%) обусловили необходимость для руководства страны назвать причины создавшегося положения. Наиболее простым виделся следующий выход: найти и разоблачить «врага», помешавшего осуществить задуманное. Выступая 5 марта 1950 г. на конгрессе сторонников мира в Тиране, министр юстиции М.Кономи так определил мнение албанского руководства на этот счет: «Там, где дело не идет хорошо, где срывается план, там — мы можем быть в этом вполне уверенными — работает враг, там враг нашел себе пристанище, и если мы будем бдительны, будем искать врага, то непременно его разоблачим. Чем больше теряет реакция надежды на спасение утерянных позиций, чем ближе подходит она к своей могиле, тем более опасной она становится, тем чаще она меняет свои методы и тем сильнее мы должны ее поразить, тем более мы должны быть бдительными»²³. В начале 1951 г. наиболее значительным стало «дело» Т.Яковы, решение по которому принял IX пленум ЦК АПТ (февраль). В специальной резолюции «О некоторых членах ЦК АПТ, действовавших в противоречии с линией партии», подчеркивалось: «В оценке коммуниста или беспартийного мы должны исходить из его отношения к Советскому Союзу, партии большевиков и товарищу Сталину. Любовь к ним является главным в оценке позиции данного лица. И эта любовь должна выражаться не только в сентиментальных словах, а в конкретных делах на работе, в выполнении задач, возложенных на нас партией и народом, защитой линии партии»²⁴.

Якове, среди прочего, были предъявлены обвинения в «безразличии к опыту ВКП(б) и СССР». «Подтверждалось» это тем, что за последние два года он «совсем мало встречался с советскими товарищами в Албании для беседы с ними и использования их ценнейшего опыта»²⁵.

Пленум принял также резолюцию по докладу Э.Ходжи о внутри- и внешнеполитическом положении Албании и о партийной работе.

Специальный раздел резолюции был посвящен недостаткам в работе руководящих органов партии. Резкой критике была подвергнута деятельность ЦК, Политбюро и Секретариата.

Будучи высшим органом партии в период между партийными съездами, ЦК, указывалось в резолюции, не выполнял свою роль как следует, «недостаточно соблюдался принцип коллегиального руководства в партии», отсутствовала регулярность созыва ЦК, а следовательно, и регулярная информация его членов о решениях политбюро, выполнении решений съезда и пр. «ЦК не мог на деле осуществить руководство и контроль за всеми областями жизни страны». Члены ЦК проявляли слабую активность и ответственность, замыкались на своем участке работы. Стиль работы ЦК исключал критику и самокритику, характеризовался низким уровнем внутрипартийной демократии. Секретариат ЦК не руководил с

должной оперативностью работой аппарата ЦК, не контролировал выполнение решений, плохо готовил вопросы к заседаниям Политбюро. В результате Политбюро функционировало слабо: не полностью владело информацией о состоянии дел в партии, исключило критику и самокритику из своего арсенала, ошибочно полагало, что Секретариат стоит над ним, т.е. является более важным органом, чем Политбюро. Вместе с тем, члены Политбюро оказались в привилегированном положении: не отчитывались перед ЦК (а члены ЦК, в свою очередь, — перед пленумом). И в ЦК, и в политбюро, да и во всей партии процветали семейственность, «некоторый либерализм [по отношению] друг к другу», отсутствие требовательности. Иными словами, сохранялись недостатки, отмечавшиеся ранее на II Всеалбанской конференции АПТ в апреле 1950 г.

Решения пленума пронизывали идеи обострения в стране классово-войны. Невыполнение государственного экономического плана, нанесение ущерба государственной собственности, воровство и злоупотребления, «наглое и халатное отношение к требованиям народа», бюрократия и беспорядок — все эти явления подвергались под характеристику «вражеская деятельность». Враг вершит свои дела, подчеркивалось на пленуме, «прикрываясь партбилетом». Исходя из этой констатации, делалось несколько выводов. Во-первых, формулировалась задача усиления бдительности: «Каждый коммунист, в первую очередь, и каждый гражданин нашей Республики должен быть чекистом». Во-вторых, объявлялась война «мелкобуржуазным пережиткам» в сознании людей — либерализму, оппортунизму, «великодушью», «мягкости». И, наконец, был выдвинут лозунг «Больше заботы о кадрах!» Однако, что характерно, раскрывался этот лозунг, главным образом, в плоскости чистки кадров от враждебных элементов, проверки партийных документов как составной части чистки и укрепления партии. Задача укрепления партаппарата на местах увязывалась с выдвижением на руководящие посты лиц по политическим и деловым качествам.

Вместе с тем критике была подвергнута практика, когда командные должности занимали недостаточно революционные элементы. Таким образом, оценка «политических и деловых качеств» должна была осуществляться через призму «революционности», предполагавшей нетерпимость к положению, когда «недостаточно сильна была ненависть к классовому врагу»²⁶.

Был намечен и ряд конкретных изменений в руководстве АПТ: увеличился до 6 человек состав Секретариата ЦК (ранее в него входили Э.Ходжа — генсек, Т.Якова, Б.Спахуи, М.Шеху). Т.Якова был выведен из Политбюро и освобожден от должности секретаря ЦК. Пленум избрал трех новых секретарей — С.Пано, Л.Белишову и бывшего секретаря районного комитета АПТ в Корче.

Состояние кадрового вопроса было освещено Э.Ходжей и в беседе 5 марта 1951 г. с корреспондентом «Правды» в Албании Н.Булатовым. (Булатов направил запись беседы редактору газеты по от-

делу стран народной демократии Л.С.Баранову, а 14 марта она поступила из редакции «Правды» в ЦК ВКП(б) М.А.Суслову, передавшему, в свою очередь, документ председателю Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В.Г.Григорьяну.) Хотя до пленума «дело» Т.Яковы обсуждалось дважды, оно, по словам Э.Ходжи, «возникло неожиданно для большинства членов Политбюро». Неожиданными, по всей вероятности, предположим мы, явилась эскалация обвинений и тот напор, с каким эти обвинения «подавались» участникам пленума. Заметим, что на заседание Политбюро вопрос о Якове был вынесен по инициативе самого Ходжи, согласовавшего свою позицию с секретарем ЦК М.Шеху. В Албании хорошо знали сталинский лозунг «Кадры решают все!», и Ходжа в поисках главного виновника в невыполнении двухлетки и прочих трудностях вполне сознательно остановил свой выбор на Якове, отвечавшем за оргработу, то есть прежде всего за кадровую ситуацию. Н.Булатову Ходжа пояснил, что деятельность Яковы уже с 1943 г. характеризовалась глубоким оппортунизмом, терпимостью к врагам, отсутствием революционной бдительности, небрежностью в выполнении своих обязанностей. Причины этого — мелкобуржуазное происхождение Яковы и влияние на него католического духовенства. Заметим, что в новых условиях характеристики Яковы резко расходились с приведенными выше суперлативами в адрес этого руководителя, «вышедшего из недр рабочего класса...» Человек, которого совсем недавно Ходжа называл «великим сыном Албании», ныне, по его оценкам, перешел в «фактическую оппозицию к линии партии».

По утверждению Ходжи, отвечая за кадры, Якова проявил себя как бюрократ. Он не только не очищал госаппарат от чуждых и неблагонадежных элементов, но и потворствовал им, что вело к засорению АПТ. Недооценивая опыт ВКП(б) в вопросах партстроительства, Якова не заботился о повышении своего идейного уровня. «За полгода, сетовал Ходжа, он не удосужился прочитать материалы, которые привезла с собой делегация АПТ из СССР в августе 1950 г.» Негодование Ходжи по этому поводу было велико, хотя, по его же словам, «другие секретари ЦК их также еще не читали». Вредное влияние Яковы Ходжа усмотрел также в том факте, что и начальник управления кадров ЦК АПТ Т.Хеба, выведенный из состава ЦК на IX пленуме партии, ни разу не читал «Краткий курс истории ВКП(б)»²⁷.

Характерно, что критика в адрес Яковы на заседаниях Политбюро развертывалась постепенно. На первом заседании почти все участники «отмалчивались». Якову критиковали лишь М.Шеху и Л.Белишова. Сам Ходжа тоже, по его словам, поначалу был настроен излишне мягко и «с ненужной чувствительностью». Но затем все вошло в нужное русло: все без исключения члены Политбюро выступили с критикой Яковы²⁸.

Решения IX пленума рассматривались на пленумах районных комитетов и собраниях партактива. По договоренности с Э.Ходжей Н.Булатов был на пленуме комитета АПТ в г. Шкодре и на

собраниях партактива в Эльбасане и Тиране. Информацию о поездке в Шкодру и собрании в Тиране он направил в Москву в марте 1951 г.

В целом решения IX пленума, как сообщал Булатов, членами парткомов были «восприняты хорошо»: коммунисты приветствовали линию партии на борьбу против оппортунистов и капиталистов, неплохо развернулась критика и самокритика. Было вскрыто немало фактов бюрократизма и формализма в партийной работе. В Шкодре заявили, что пленум комитета фактически не существует: из 29 членов осталось 15. Члены бюро (9 чел.) и работники окружного комитета АПТ по 6—7 месяцев не бывают в деревне. Вопросы на бюро готовятся плохо, исполнение решений не проверяется, критики и самокритики нет, зато процветает семейственность. Бюро окружного комитета не стало оперативным органом, не принимает быстрых и решительных мер. Массово-политическая работа не на должном уровне. Руководство комитета не смогло правильно отреагировать на вопрос одной из текстильщиц: «Правда ли, что Тито изменил и продался американо-английским империалистам?» Оно не придало значения заявлению директора радиоузла в Шкодре о том, что «советские песни уже надоели». На пленуме в Шкодре были оглашены также сведения о слабой организационно-партийной работе на местах: по 3 месяца не было партсобраний, особенно в сельских организациях пограничных районов, по 6—7 месяцев члены АПТ не платили взносов, никаких решений по партийной линии не принято в отношении арестованных 20—30 партийцев. До сих пор ЦК партии не определил функции секретарей окружкомов и некоторых отделов, постоянной связи с центральными партийными органами нет, ее заменяют время от времени «короткие наезды» в провинцию руководителей «сверху».

Н. Булатов передал в Москву свои впечатления и от собрания партактива в Тиране. По его мнению, критика ошибок Т. Яковы «в целом была совершенно недостаточной и неглубокой. Во многих выступлениях чувствовалось сожаление и такое настроение, что, мол-де, беда стряслась с большим человеком. Словом, настоящей принципиальной критики Тук Яковы на активе не было». Булатова удивило и отсутствие Э. Ходжи на партактиве. «Считаю, — информировал он, — что на собрании по такому вопросу не лишним было бы и присутствие т. Э. Ходжи. Но почему-то даже на заключительное заседание актива он не прибыл»²⁹.

Несмотря на то, что IX пленум ЦК АПТ поднял важные для партии и страны вопросы, его решения в албанской печати не были освещены. Дело ограничилось публикацией сокращенной стенограммы доклада Э. Ходжи.

Ставившаяся неоднократно партийным руководством задача чистки АПТ начала осуществляться только после II Всеалбанской партийной конференции. С 1 апреля 1950 г. по сентябрь 1951 г. была, в частности, проведена проверка партийных документов. По данным, приведенным на II съезде АПТ (3 апреля 1952 г.), в ходе ее было исключено 8% членов и кандидатов. Подавляющая часть

исключенных — 47,85% — понесла наказание за враждебную деятельность, вхождение в реакционные организации, борьбу против партии с оружием в руках(?). 39% исключенных «обманывали партию» или были не подготовлены к вступлению в ее ряды. И, наконец, 13,24% были объявлены «дезертирами с фронта борьбы партии» (в Албании, судя по документам, эта формулировка являлась синонимом слова «оппортунизм»). В эту же группу исключенных входили лица, якобы подписавшие заявления об отказе от борьбы с захватчиками в период оккупации Албании. Подобное обвинение носило откровенно надуманный характер.

По партстажу в группе исключенных преобладали вступившие в КПА в 1947—1948 гг. — 55%. Затем шли члены партии с 1945—1946 гг. — 21,8% и с 1944 г. — 9,74%. Самую малочисленную группу исключенных составляли члены партии с 1941—1943 гг. — «старая гвардия». Таких было 19 человек (0,86%).

Следует отметить, что албанские руководители стремились заручиться поддержкой советской стороны при проведении тех или иных мероприятий, в том числе и носивших внутрипартийный характер, или, по меньшей мере, высунуть позицию советских представителей в стране. Для этого находились разные предлоги. Так, например, 23 августа 1951 г. министр внутренних дел и заместитель председателя Совета министров М.Шеху встречался с посланником СССР Д.С.Чувахиным для того, чтобы «поделиться впечатлениями о внутренней ситуации в стране», какой он ее увидел, вернувшись из отпуска. Встреча была организована по инициативе Шеху и касалась, главным образом, «усиления вражеской деятельности», особенно в районах Шкодры и Корчи. Шеху отметил, что враг пытался пробраться в парторганизации на местах и захватить в них руководство. Ответные меры позволили только в районе Корчи выявить 12 секретарей парторганизаций, оказавшихся при проверке «отъявленными реакционерами или иностранными агентами».

Советский дипломат не удержался от искушения поднять вопрос о бдительности. Он заметил, что «дело с бдительностью обстоит не всегда благополучно» как в центральных организациях, так и на местах. Чувахин выразил недоумение по отношению к позиции ЦК, который «ограничился простой критикой» секретарей парторганизаций в Шкодре и Саранде, допустивших «серьезные политические ошибки». Реакция Шеху последовала немедленно: ЦК намерен вывести из состава бюро райкомов ряд членов «за притупление классовой бдительности». Чувахин привлек также внимание Шеху к тому, что в Институте наук «работают сомнительные в политическом отношении сотрудники», что албанская сторона запоздала с упорядочением архивов и др. Шеху был вынужден признать, что «ЦК партии проглядел это важное дело»³⁰.

Таким образом, советская сторона не только владела информацией о состоянии дел в партийных организациях и ходе чистки в них, но и стимулировала в ряде случаев их размах и нацеленность.

На II съезде АПТ Э.Ходжа оценил итоги проверки партийных документов как очищение партии, главным образом, от тех людей, которые проникли в ее ряды в период хозяйничанья в Албании агентов клики Тито во главе с К.Дзодзе³¹. Однако в справке об итогах II съезда, подготовленной атташе миссии СССР в Албании В.И.Мининым, приведенная Ходжей статистика подверглась критике. Минин отметил, что Ходжа не учел более 2 тыс. членов партии и кандидатов, исключенных во время проверки документов самими первичными организациями. Но самое главное, что процент исключенных по партстажу был дан без учета числа принятых в те же годы. В 1947—1948 гг. в партию было принято более 60% ее состава перед проверкой документов. По данным Ходжи, 55% членов партии с 1947—1948 гг. были исключены. Ясно, заметил Минин, что исключенные этой группы «будут представлять не такую уж огромную цифру, как кажется на первый взгляд»³². А следовательно, и оценка степени «очищения» партийных рядов нуждалась в корректировке.

Материалы съезда, поступившие весной 1952 г. в ВПК ЦК ВКП(б), позволяют, хотя и далеко не всесторонне, оценить ситуацию в компартии. Ее численность накануне съезда составила 44 418 чел. Из них 32,6% (14 480 чел.) — кандидаты, 29 938 — члены АПТ. Преобладающая часть партии — бедные (74,1%) и средние (22,02%) слои населения. С этой точки зрения Э.Ходжа назвал социальный состав партии «в целом хорошим». Поскольку в докладе Ходжи отсутствовала динамика роста рабочей прослойки, по сравнению с I съездом, то его вывод о некотором увеличении числа рабочих в партии носил в известной мере условный характер и основывался лишь на сведениях о доле рабочих по отношению к числу принятых в партию лиц после I съезда: она составила 28,06%. К весне 1952 г. в АПТ 8,8% партийцев были рабочими по социальному происхождению и 11,5% — по социальному положению. Задача укрепления партии за счет рабочего класса сохранялась.

Что касается образовательного уровня членов партии, то картина была удручающая. Данные из справки Минина свидетельствовали о том, что 49,1% партийцев имели начальное образование, 30,1% — неоконченное начальное, а 2,2% — были абсолютно неграмотными. Иными словами, более 80% партийной массы были неграмотными и малограмотными. Только 119 чел. (0,2%) имели высшее образование³³. Такое число «вышистов» было недостаточным даже для потребностей центральных партийных и государственных органов. Слабость и ненадежность статистических данных очевидна, но тем не менее представление в общих чертах о том, какая по «качеству» партия заявила о своей руководящей роли в стране, эти сведения дают.

Несмотря на более чем скромные успехи страны на экономическом фронте, на II съезде АПТ, как фиксировали советские наблюдатели, проявилось «увлечение» достигнутыми результатами, «переходящее подчас в самовосхваление».

Твердо усвоив введенное большевиками в политическую практику положение о роли критики и самокритики в партии, албанские коммунисты применяли его по-своему: критика снизу в организациях АПТ практически отсутствовала. В упомянутой справке В.И.Минина подчеркивалось, что ее направление — «сверху вниз». Руководство партии критикуется по инициативе Э.Ходжи и М.Шеху. В одной из бесед с советскими представителями в стране секретарь ЦК Л.Белишова также отметила, что критика снизу в отношении верхов «почти никогда не начинается по инициативе низов, но уж если кто-либо из руководителей даст сигнал, то на указанных товарищей буквально набрасываются и открывается критика самая беспощадная»³⁴.

II съезд произвел серьезные изменения в составе руководящих органов партии. Был сформирован новый состав ЦК из 39 человек (27 членов и 12 кандидатов). Ранее в ЦК входили 32 чел. Расширение состава ЦК рассматривалось албанским руководством как несомненный позитив: оно должно было способствовать активизации работы ЦК и росту руководящих партийных кадров. Состав нового ЦК свидетельствовал о прочном сращивании партийного аппарата с государственным: среди его членов председатель Госплана, министры торговли и промышленности, заместители министров внутренних дел и здравоохранения и т.д. В состав Политбюро вошли 7 человек. Трое были избраны кандидатами в члены политбюро. Состав Секретариата ЦК вновь сократился до 5 человек (удален Б.Спаху).

Первоначальные расчеты албанского руководства были несколько иными. В беседе с временным поверенным в делах СССР в Албании В.А.Кареткиным 28 марта 1952 г., т.е. еще до съезда, Ходжа полагал возможным сформировать несколько больший состав ЦК — 41 чел. — и Политбюро — 11 чел.³⁵ Однако, как следовало из материалов миссии СССР, датированных 8 апреля 1952 г., Ходжа якобы отказался от этого плана ввиду отсутствия достаточно авторитетных и подготовленных руководителей. В связи с этим были введены также должности кандидатов в члены Политбюро³⁶. Подтверждали эту информацию, правда, в несколько ином ключе, и донесения советских дипломатов. В апреле 1952 г. Кареткин сообщал в Москву, что член ЦК К.Нгеля был членом фашистской партии и скрывал этот факт, член Политбюро Х.Капо ранее состоял в троцкистской группе «молодых», член Политбюро С.Колека был членом группы «Зьяри» и пр. Сам Ходжа отмечал, например, крайнюю слабость идейно-теоретической подготовки П.Перистери, бюрократические повадки С.Колеки, леность и принадлежность в прошлом к организации «Байрактар» генерала Х.Леши и т.д. По оценке Ходжи, одним из недостатков состава ЦК было вхождение в него жен многих руководящих работников (Неджмие Ходжи, Фихрет Шеху, Виты Капо, Елены Теречи — жены И.Пашко). Кареткин сообщал: «Такая "семейственность", по словам Э.Ходжи, не является положительным моментом, но что делать, если эти товарищи хорошо зарекомендовали себя как в воен-

ное, так и в мирное время и стоят выше по своим качествам любых членов ЦК — мужчин». Ходжа подчеркнул, что в подборе руководящих кадров основная ставка делалась на тех, кто прошел школу национально-освободительной войны, т.к. «период мирного строительства еще не выдвинул достаточно опытных и солидных работников». Заметим, что и такой подход оказался безупречным. В беседе с Кареткиным 7 апреля 1952 г. Ходжа сказал, что делегаты вспомнили о проявлениях трусости во время национально-освободительной войны со стороны Ф.Пачрами³⁷. Однако это не помешало последнему войти в состав ЦК.

К этому времени советские наблюдатели в стране неоднократно констатировали «дальнейший рост авторитета Э.Ходжи». Однако от них не ускользнуло и значительное усиление позиций министра внутренних дел М.Шеху, «ставшего теперь бесспорно вторым человеком в руководстве партией». Многие кадровые перестановки, в том числе удаление из Секретариата ЦК Б.Спахуи и С.Пано, отклонение кандидатуры Ш.Печи на пост кандидата в члены Политбюро и др. и замена этих лиц людьми М.Шеху, подтверждали этот вывод. Именно Э.Ходжа и М.Шеху задавали тон на заседаниях Политбюро в дальнейшем. По сообщению Кареткина в Москву, члены Политбюро занимают «выжидательную позицию»: «...пока не выступят Э.Ходжа или М.Шеху, остальные члены Политбюро отмалчиваются и "ждут установок"»³⁸. Усиление позиций Шеху подтвердилось еще и тем, что на одном из заседаний Политбюро Ходжа неожиданно предложил ввести пост заместителя генерального секретаря ЦК и назначить на него Шеху. В упомянутой беседе с Кареткиным от 7 апреля 1952 г. Ходжа мотивировал свое предложение тем, что Шеху фактически уже выполняет эти обязанности, и официальное признание этого только укрепило бы руководство партии. Предполагалось также, что Шеху будет освобожден от должности министра внутренних дел и сосредоточит в своих руках руководство работой всего партийного аппарата. «В этой работе, — заявил Ходжа, — у нас еще много недостатков, и весьма серьезных, ...и только руководитель такого калибра, которому нет равных среди остальных секретарей, мог бы справиться с этой задачей». Одновременно была задумана реорганизация МВД, — деление его на два министерства: внутренних дел и государственной безопасности. Ходжа просил Кареткина сообщить о намеченных перестановках в Москву, «поскольку, прежде чем принимать такое решение, они хотели бы знать ее мнение». Сам М.Шеху, по его словам, рассчитывал на прямую помощь советских специалистов в работе силовых министерств. В беседе с Кареткиным он считал нужным также особо подчеркнуть, что албанское руководство не намерено допускать «практику титовцев» и смешивать партию с органами госбезопасности. Поступившая в Москву информация Кареткина свидетельствовала о сложной ситуации в АПТ. Советский дипломат высказал предположение о том, что пребывание М.Шеху на посту руководителя МВД могло серьезно беспокоить Ходжу. Вряд ли албанский лидер не учитывал

наличие сильного соперника и оставил без внимания тот факт, что люди Шеху постепенно занимали все больше и больше ответственных постов. В частности, новым министром внутренних дел вполне возможно мог стать К.Асбиу — заместитель Шеху, избранный на II съезде АПТ в ЦК партии.

В сообщении Кареткина обращает на себя внимание и его вывод о том, что «не было... ни одного такого предложения, более или менее серьезного, о котором бы Э.Ходжа предварительно не советовался с М.Шеху... Только заручившись его согласием, он выдвигал затем свои предложения»³⁹. По всей вероятности, и предложение Ходжи о введении должности заместителя генсека, неожиданное, как указывалось выше для членов Политбюро, для самого Шеху неожиданным не было.

Тем не менее, как сообщил Ходжа в советской миссии, Шеху якобы возражал, и предложение было отложено до следующего съезда партии. Среди мотивов отсрочки был и такой: подобное решение дало бы пищу реакционной пропаганде для утверждений о том, что с удалением из руководства Б.Спаху (Кареткин назвал эти действия «избиением») и новым назначением Шеху роль Э.Ходжи еще более уменьшается, и он оттесняется на задний план. Заметим, что основа для таких выводов была вполне реальной. Доминирование двух лидеров — Ходжи и Шеху — при явной тенденции усиления влияния второго привело к расстановке ими повсюду «своих» людей. Вероятно, это делалось на компромиссной основе. И именно с этой точки зрения, на наш взгляд, можно оценить признание Шеху Кареткину: если на I-ом съезде АПТ была очень заметна тенденция ряда товарищей бороться «за пост», то на последнем, II-ом съезде, такого не было⁴⁰.

Нехватка людей, которых, по оценке Ходжи, можно было бы «с полным правом» ввести в ответственные органы партии, обуславливала необходимость закрывать глаза на серьезные подчас недостатки кадров. Такими недостатками, безусловно, можно было считать «очень низкий общекультурный и идейно-политический уровень» Пило Перистери или леность Мануша Мюфтиу, в целом «культурного и грамотного работника». Оба были избраны кандидатами в члены Политбюро. Заметим, что введение в высшие органы партии руководителя профсоюзов Перистери преследовало цели поставить профсоюзы под более плотный партийный контроль и «орачить» Политбюро, поскольку Перистери, как и Рита Марко, также новый кандидат в члены Политбюро, были выходцами из рабочих⁴¹.

Введение «несколько ленивого» Мануша Мюфтиу в Секретариат ЦК на место Б.Спаху, т.е. в качестве руководителя агитпропа, кажется не совсем логичным: ведь эта должность требовала большой собранности, энергичности, поворотливости. Но очевидно и другое: приходилось, по-видимому, рассчитывать на те кадры, которые имелись.

К сожалению, отсутствие источников не дает возможности проанализировать состав и работу партаппарата. Важным элемен-

том его подготовки и усиления оставалось самообразование, дававшее, как уже отмечалось, сомнительный эффект. Настольной книгой аппаратчика по-прежнему оставался «Краткий курс истории ВКП(б)». В 1952 г. в Албании готовилось его новое, третье, издание.

По некоторым данным, имевшийся в руководстве партии определенный расчет на подготовку партийных кадров в СССР вызывал неоднозначную реакцию в структурах АПТ.

1 ноября 1952 г. заведующий отделом переводов ЦК АПТ С.Шпуза в беседе со вторым секретарем миссии СССР Н.П.Галичим заметил, что в аппарате ЦК нет лиц, окончивших советские вузы, и что это — серьезный недостаток. «Поиски» по ходу беседы таких руководителей дали все же возможность уточнить: сотрудник аппарата ЦК С.Боцай закончил Военно-политическую академию им. Ленина. Свои впечатления от беседы по этому поводу Галичий выразил так: «...Можно предположить, что среди некоторой части работников аппарата ЦК партии имеется опасение оказаться вытесненными новыми кадрами из числа лиц, окончивших высшие учебные заведения в Советском Союзе»⁴².

Думается, что перспективу определенного соперничества парт-аппаратчиков на этой основе, действительно, не следовало исключать. Понятно, что амбиции и карьеристские расчеты мало способствовали бы эффективности работы. Подобная перспектива, вызывала озабоченность как у советской, так и албанской стороны.

Болгария

Облик Болгарии определяло мелкотоварное сельское хозяйство. Лишь 7,9% самодельного населения были заняты в промышленности. Структура последней отражала экономическое отставание Болгарии от развитых стран: преобладали отрасли, связанные с переработкой сельскохозяйственного сырья, в то время как удельный вес отраслей, обеспечивавших технический прогресс и базовую индустриализацию, составлял всего 6,61%. На долю машиностроения приходился только 1%. Накануне войны промышленность давала менее четверти (23,7%) национального дохода⁴³.

Уровень экономического развития определял численность, структуру и основные социокультурные характеристики рабочего класса. В 1946 г. последний составлял 15,3% активно занятого населения. При этом основная масса работавших по найму была связана с доиндустриальными формами производства. Промышленное же ядро фактически только зарождалось: всего 2% занятых в промышленности работали на предприятиях с числом рабочих от 300 до 2 тыс., где применялись технологии машинного производства⁴⁴.

Характеризуя облик рабочего класса, необходимо учитывать, что Болгария была страной с широким распространением грамотности. Накануне Второй мировой войны 72% населения были гра-

мотными, из них 50% имели законченное начальное и основное образование. Что касается рабочего класса, то 72,2% рабочих получили начальное и семилетнее образование⁴⁵.

Фабричные рабочие Болгарии являлись «новобранцами» индустриализации. В массе своей они были выходцами из сельских и добуржуазных городских слоев, не утратили связи с прежней социальной средой. Социальные ориентиры этих общественных групп, обнищавших и люмпенизированных в годы войны, несли в себе значительные элементы психологии маргиналов. Центральное место в их настроениях занимала идея социальной нивелировки, радикального, но элементарного передела собственности. Через призму этих воззрений неимущая и малоимущая часть общества, в том числе и рабочие, представляла себе послевоенное устройство. Именно за счет этой массы шло разрастание политических партий, прежде всего коммунистической. Влияние фашистской идеологии в рабочей среде было незначительным, в отличие, скажем, от Венгрии. В дневниковых записях сотрудника СКК К.Д.Левычкина за ноябрь—декабрь 1944 г. подчеркивалось, что абсолютное большинство рабочих (80—85%) находилось под влиянием Болгарской рабочей партии (БРП), в то время, как фашистские идеи разделяли не более 5% рабочих⁴⁶. Слабыми были среди рабочих и клерикальные настроения: господствующая православная церковь не представляла собой такую активную политическую силу, как, например, католический костел в Польше.

Авторитет БРП в обществе был значительным, что объяснялось, в первую очередь, ее последовательно антифашистскими позициями, активным участием в вооруженной партизанской борьбе (75% партизан были членами партии или революционного молодежного союза — РМС). Влияние БРП усилило и вступление на территорию Болгарии Красной Армии в сентябре 1944 г. Если в это время партия насчитывала 12—15 тыс. человек, то уже к середине января 1945 г. численность ее возросла многократно, достигнув 250 тыс. членов. В марте 1945 г. в рядах БРП(к)* состояло уже около 300 тыс. чел. К этому времени резко возрос приток служащих: если в декабре 1944 г. в Софийской партийной организации соотношение между промышленными рабочими и служащими было 7:1,5, то теперь оно равнялось 1:1⁴⁷.

Конкретные материалы развенчивают господствовавшую долгие годы в историографии мифологему о том, что указанный рост партийных рядов обеспечили «активные и передовые рабочие», что «лучшие представители рабочего класса и других трудящихся» пришли в БРП(к)⁴⁸.

В силу вышеуказанных причин новые партийцы усиливали леворадикальные настроения в пользу установления в стране совет-

* В конце сентября 1944 г. партия получила новое название — БРП(к) — Болгарская рабочая партия (коммунистов); на V съезде в декабре 1948 г. было принято название БКП.

ской власти, уничтожения эксплуататоров, использования по максимуму накопившегося в обществе революционного потенциала⁴⁹.

«Взрывообразный» рост БРП(к) сам по себе исключал индивидуальный подход и отбор. На VIII пленуме партии в марте 1945 г. звучали голоса тревоги по этому поводу. Большую озабоченность участников пленума вызывали партизанские методы деятельности парторганизаций, силовых структур, в которых преобладали коммунисты, комитетов ОФ. Был поднят вопрос о суровых мерах пресечения партизанщины, вплоть до расстрела. Инициатором такого подхода был выступивший с основным докладом секретарь ЦК Тр.Костов. Его поддержал регент-коммунист Т.Павлов: «Партизанские методы действия некоторых наших отечественнофронтовых партийных деятелей и даже отдельных звеньев нашей милиции следует ликвидировать как можно скорее. Правильно говорит в докладе Тр.Костов, что такие проявления будут не только судимы, но и в известных случаях можем приступить даже и к расстрелам». Секретарь областного комитета партии в Пловдиве Г.Грозев сообщил: «Мы вынуждены арестовывать массу партийцев и исключать их из партии, а в последнее время арестовали целую парторганизацию за партизанские проявления и отдали ее под суд. До сих пор за это никого не расстреляли, но, нужно будет, сделаем это». Прямая констатация участниками пленума состава партии как «не особо качественного» обусловила постановку вопроса о необходимости серьезной работы по воспитанию членской массы, поднятию ее уровня. Однако решение этого вопроса отдельные делегаты, например, секретарь областного комитета БРП(к) в г. Горна Джумая Кр.Стойчев, были склонны связать единственно только с увеличением рабочей прослойки в парторганизациях⁵⁰.

Уже в 1946 г. руководство БРП(к) приняло решение о проверке и утверждении членов партии. Утверждение новых партийцев, как правило, затягивалось в связи с огромной массой принятых. Кроме того, не имелось единообразия в оформлении партийных документов. По решению ЦК оформление и выдача партбилета должны были предвлекаться проверкой всех сведений о коммунисте. В итоге на этапе утверждения из партии было исключено более 40 тыс. человек. Однако серьезного улучшения качественного состава БРП(к) это не дало. И в сентябре 1947 г. на организационном совещании Коминформа в Польше В.Червенков сообщил, что прием в партию фактически прекращен и ведется «очищение» ее рядов. Масштабы его по болгарским понятиям были значительны: лишь в 1947 г. из партии было исключено около 30 тыс. членов⁵¹, т.е. 6%. Официально же решение о приостановке приема в партию до ее очередного съезда было принято Политбюро ЦК в мае 1948 г. Состоявшийся в июле 1948 г. XVI пленум ЦК БРП(к) подтвердил решение Политбюро, рекомендовал будущему съезду ввести кандидатский стаж и принять меры по регулированию социального состава партии. Констатировав наличие в ее рядах политически неподготовленных людей, случайных и карьеристских элементов, пленум решил продолжить «очищение» партии. Термин «очи-

шение» означал в болгарской интерпретации нечто иное, нежели широко известные в практике компартий чистки. «Очищение» предполагало внимательное рассмотрение на общих собраниях деятельности тех членов партии, чьи кандидатуры предлагались специальными комиссиями, созданными для проверки партийных рядов при околийских комитетах БРП(к).

На V съезде партии в декабре 1948 г. были оглашены сведения о ее численном и социальном составе. Из членской массы в 464 тыс. человек 26,5% (122 896 чел.) приходилось на долю рабочих, 44,74% (207 490 чел.) — трудящихся крестьян, 16,28% (75 501 чел.) — служащих, 12,48% (57 895 чел.) — ремесленников, учащихся, домохозяйек и пр.

Партия насчитывала 8053 первичных партийных организаций, в том числе 4900 сельских территориальных, 209 — в ТКЗХ, 16 — в МТС, 13 — в ГЗХ (Государственных земледельческих хозяйствах), 878 городских территориальных, 854 — на предприятиях, 811 — в учреждениях, 91 — в учебных заведениях, 89 — в трудовых производственно-ремесленных кооперативных организациях, 120 на транспорте, 49 на шахтах, 23 на строительных объектах⁵².

Таким образом, низовая организационная сеть партии охватывала почти все категории населения.

По возрастному составу члены партии делились следующим образом: до 20 лет — 1%; 20—30 лет — 25%; 30—40 лет — 39%; 40—50 лет — 25% 50—60 лет — 8%; свыше 60 лет — 2%.

Основной удельный вес, как видим, приходился на категорию от 20 до 50 лет, причем, внутри этой группы, безусловно, лидировала прослойка 30—40-летних.

На интересные размышления наводят данные об образовательном уровне членов партии. Из материалов, подготовленных к съезду, следовало, что более половины (52%) коммунистов были неграмотными (7%) или имели начальное образование (45%). Семилетнее образование имелось у 30% членов партии, неполное среднее — у 6%, среднее — у 7%. Менее 5% составляли партийцы в незаконченном высшем (2%) и высшем (2,5%) образованием.

С учетом данных сведений резонно подчеркнуть, какие трудности ожидали БКП как партию-лидера, готового взвалить на свои плечи все тяготы управления страной, ее экономикой, финансами, социальной и культурной сферой.

Посмотрим, как обстояло дело с корпусом партийных функционеров.

Высшие руководящие органы БРП(к) окончательно оформились в первой половине октября 1944 г. К этому времени приостановило свою деятельность загранбюро ЦК, и в страну вернулись некоторые его члены (В.Червенков, Г.Дамянов). До конца 1945 г. в Москве оставались Г.Димитров и В.Коларов. Первым политическим секретарем ЦК стал Тр.Костов. При его избрании были учтены хорошее знание им ситуации в стране, опыт конкретной партийной работы и умение осуществлять оперативное руководство. По этому поводу Г.Димитров писал из Москвы: «Если первый сек-

ретарь достаточно работоспособен и имеет все прочие необходимые партийные и деловые качества, но ему недостает популярности и авторитета, это небольшая беда. Его имя следует лишь умно и тактично популяризовать в партии и обществе. Мы должны решать подобные вопросы в интересах партии по-большевистски, а не руководствоваться соображениями личного престижа или какими-либо еще посторонними соображениями»⁵³. Руководящие органы БРП(к) были сформированы по согласованию с Москвой⁵⁴ и включали в себя как членов дореволюционного ЦК (Д.Танев, Р.Дамянов, Ц.Драгойчева, Г.Атанасов, Д.Димов и др.), так и участников движения Сопrotивления, политзаключенных, политэмигрантов. Такое положение в общем и целом сохранялось и позднее. Г.Димитров в начале 1948 г. назвал три категории коммунистов, которые составили слой руководящих кадров БРП(к): члены руководства компартии, работавшие в стране нелегально; коммунисты, находившиеся до 9 сентября 1944 г. в тюрьмах и концлагерях; коммунисты, находившиеся «не по своей вине» за пределами Болгарии, но участвовавшие в деятельности партии и входившие в ее заграничное руководство. (Понятно, что к третьей категории относились эмигранты, находившиеся в СССР, поскольку только они могли участвовать в руководстве. Эмигрировавшие в другие страны этой возможности практически не имели.)

К V съезду в партии было 46 тыс. членов партийных комитетов: 3 558 из них или 7,73% — бывшие партизаны и политзаключенные, т.е. люди прошедшие проверку, бывшие с партией в нелегкий период ее деятельности. Это была своего рода «старая гвардия», готовая подчас претендовать на особое положение среди других партийных функционеров. Все члены парткомов по партийному стажу распределялись следующим образом: более 28 лет — 676 чел.; 10—20 лет — 2 536 чел.; 5—10 лет — 3 415 чел.; 3—5 лет — 22 000 чел.; менее 3-х лет — 17 000 чел. Логично предположить, что подавляющее большинство вышеупомянутых бывших партизан и особенно политзаключенных относилось к двум первым категориям с наибольшим партийным стажем и, видимо, частично к третьей — от 5 до 10 лет. В то же время основная масса членов парткомов может быть отнесена к двум последним категориям. Составляя по подсчетам около 85%, это были молодые партийцы, не имевшие ни опыта партийной работы, ни соответствующей подготовки. Вступив в БРП(к) после 9 сентября 1944 г., а часть их даже в 1946 г., они не только способствовали «взрывообразному» росту партийных рядов, но и стремительно вошли в руководящую партийную «обойму», правда, пока еще не очень высокого уровня. Так, основная масса из 17 тыс. функционеров со стажем менее 3-х лет являлась накануне V съезда членами бюро только лишь первичных парторганизаций⁵⁵. Но, как говорится, лиха беда начало.

Политическая практика породила деление на «старых» и «молодых» партийцев, что было, впрочем, естественно. Однако в феврале 1946 г., выступая на Софийской областной конференции

БРП(к), Г.Димитров назвал такое деление «абсолютно ошибочным» и предложил следующую градацию: в партии действуют четыре основных категории кадров, в каждой из которых есть и «старые», и «молодые». Задача руководства заключалась в том, чтобы сплотить эти категории в единое целое.

Первая категория кадров являлась, по определению Димитрова, «хребтом» партийных кадров вообще и самой партии. Это — те, кто активно боролись против фашизма до 9 сентября 1944 г., а после продолжали «честно и верно служить партии».

Вторая категория не была активной до 9 сентября, но все же помогала партии бороться, состояла из «честных и преданных партийцев».

К третьей категории Димитров призвал относиться «с известным резервом»: эти кадры не помогали партии, хотя и не переходили на сторону врага, были оторваны от политической жизни, от партии и ее борьбы. Эта категория отстала в политическом и идеологическом отношении и «не может претендовать на руководящее участие в партии сейчас».

И, наконец, четвертая категория — вступившие в БРП(к), после 9 сентября 1944 г. Им еще предстояла большая целенаправленная работа, «чтобы стать полноценными партийными кадрами»⁵⁶.

Заметим, что на совещании Коминформа в сентябре 1947 г. В.Червенков в первоначальный вариант своего доклада включил димитровскую характеристику партийных кадров⁵⁷. Следовательно, для болгарских коммунистов она сохраняла свою актуальность.

Документы показывают, что практическая работа партаппарата быстро выявила его слабые стороны. Решение Коминформа по Югославии (июнь 1948 г.), прошедший вскоре после бухарестского совещания XVI пленум ЦК БРП(к) открыли этап серьезной критики деятельности компартии и ее руководящего звена. Решения пленума обсуждались на закрытых партсобраниях, где рядовые коммунисты выражали острое недовольство работой первичных и районных организаций БРП(к). Отмечались следующие негативные моменты:

— нарушение принципов внутрипартийной демократии, выразившееся, в частности, в практике кооптации коммунистов на те или иные партийные посты и отказе от принципа выборности; слабая критика и самокритика, отсутствие коллективизма в работе, преобладание методов командования, диктаторства, наличие бюрократизма;

— подмена партийными организациями органов государственного управления;

— недооценка руководством и рядовыми членами БРП(к) активной работы в низовых организациях ОФ, пренебрежение ею;

— притупление бдительности, недооценка обострения классовых борьбы в деревне и городе;

— слабая постановка партийного просвещения в целях повышения идейно-политического уровня членов партии⁵⁸.

Оставляя в стороне дежурные фразы о бдительности и классовой борьбе, заметим, что критика фокусировалась на тех недостатках, которые во многом проистекали из принципов формирования партийного аппарата с учетом былых заслуг и, видимо, социального происхождения в ущерб профессиональному и общему культурному уровню. Однако, справедливости ради, следует подчеркнуть, что из вышеприведенных данных следует, насколько ограниченными были возможности создания эффективно действовавшего партаппарата прежде всего по причине «качества» партийных рядов. «Политическая слабость», кадров обозначилась как «очень серьезная слабость партии». Это подчеркнул В.Червенков на совещании Коминформа в Польше⁵⁹. Вместе с тем, как сообщал 31 января 1948 г. К.Д.Левычкин в Москву, «успехи БРП(к) на политическом фронте породили у нее, особенно на местах, головокружение, излишнюю самоуверенность и беспечность». Партия не сумела «освоить организационно и идейно-политически такую огромную массу новых членов». Местные кадры допускают в результате грубые ошибки, бестактность с союзниками⁶⁰. Менее чем через месяц, 26 февраля, анализируя в политписьме В.М.Молотову обстановку в стране, Левычкин зафиксировал наличие в БРП(к) «значительного количества враждебных элементов». При этом советский дипломат сослался на свою беседу с В.Коларовым, сообщившим, что в районе г. Асеновград была ликвидирована «крупная политическая банда», треть состава которой оказалась коммунистами⁶¹. В отчете консульства СССР в г. Русе за 1948 г. приведены сведения о том, что в селах округа имела место вражда коммунистов с членами БЗНС, второй по значению партии ОФ, «на почве овладения общественно-политической жизнью села». Однако кадры БРП(к) таковы, что ряд лиц «не только не в состоянии повлиять на беспартийного крестьянина, но зачастую и сами не понимают цели и задачи своей партии»⁶².

В августе 1948 г. прошли городские и районные партконференции, на которых, как сообщали из советских консульств в Москву, «впервые, хотя и в робкой форме», критиковались ошибки ЦК, конкретных ответственных руководителей. Основное, что ставилось им в вину, — отрыв от масс, бюрократизм. Вскрылись факты превалирования у многих коммунистов-руководителей личного интереса над общественным, государственным, болезненного восприятия ими критики в свой адрес, не говоря уже о самокритике («самокритика руководителя — очень редкое явление»), ущемления прав и авторитета народных советов, вмешательства в административные и хозяйственные функции последних, неумелого руководства, любви к парадной шумихе и митинговщине. Причины виделись, как правило, лишь в засоренности партии «чуждыми», «карьеристскими» и прочими элементами⁶³.

Естественно, что и выход из создавшегося положения не вызывал сомнений — в первую очередь чистки. Эффективность этого метода не обсуждалась, вопрос о масштабах чисток не ставился, по крайней мере, на местах.

Что касается высшего руководства партии, то на его уровне рассматривалась также и проблема ограничения масштабов приема в БРП(к).

В докладе на V съезде БКП Г.Димитров подчеркнул, что дальнейший численный рост партии нежелателен: «...Можно определенно сказать, что 500 000 членов партии — цифра, которую едва ли нужно будет в будущем превысить для того, чтобы партия могла играть свою руководящую роль...» Сразу возникает вопрос: откуда такая цифра? Поддается ли обоснованию и конкретизации зависимость между численностью партии и ее способностью лидировать в обществе?

По-иному ставился вопрос о социальном составе. Димитров был лаконичен: «Возможны и желательны значительные улучшения». Эти улучшения он напрямую связывал с необходимостью увеличения удельного веса рабочих до 30—35%, причем, главным образом, за счет промышленных и строительных рабочих. Иными словами, число рабочих должно было достигнуть 150—175 тыс. человек. Количество крестьян-коммунистов, по оценке Димитрова, можно было уже на том этапе считать удовлетворительным.

Улучшение социального состава, повышение марксистско-ленинской подготовки и активности коммунистов определились как наиболее важные задачи в этот период. «Можно с положительностью сказать, — подчеркивал Димитров, — что в нашей партии нет организованных правых или левых групп или фракций. Но правых или левых проявлений отдельных партийцев в нашей партии все еще насчитывается немало. ...Случаи, когда партийцы гнутя перед трудностями, готовы капитулировать, встречая сопротивление классового врага, не единичны; другие же не считаютя ни с какой партийной и государственной законностью, не признают никаких этапов в развитии, не понимают народной демократии и ОФ как своеобразных путей, которые делают возможным более безболезненный приход к социализму, а прикрываясь громкими «революционными» демагогическими фразами, на деле затрудняют развитие к социализму»⁶⁴.

Таким образом, приведенные выше материалы показывают, что болгарские руководители достаточно критически оценивали положение в компартии. Выйдя, в принципе, на «нужный» количественный уровень, она весьма далека была от желаемого в качественном отношении и, кроме того, не достигла необходимого «потолка» с классовой точки зрения. Она не смогла также нарастить свой авторитет в массах. В одном из анонимных писем, адресованных руководству Коминформа (осень 1948 г.) указывалось: до 9 сентября 1944 г. компартия была одной из самых популярных в народе. «Сейчас ее больше всех ругают. Она находится в ссоре с народом»⁶⁵. Не будучи единичной, эта констатация, вероятно, насторожила руководство БРП(к). Можно предположить, что с ней связан всплеск внимания к ОФ как реальной силе, могущей взять на себя решение многих первоочередных задач, действуя под руководством компартии, но сохраняя до поры характер коалиции.

Кроме того, это давало возможность разделить с союзниками ответственность за проводимую политику и тем самым несколько снять напряжение в отношениях между компартией и обществом. В стране, где рабочий класс отличался малочисленностью и имел свою специфику (преобладание сезонных рабочих и рабочих низкой квалификации, полуремесленников), ОФ мог стать реальной подпоркой коммунистам.

Крайне интересно посмотреть на то, как руководящая роль БРП(к) понималась союзниками коммунистов по ОФ. На этом специально остановился председатель околийского комитета ОФ г. Русе «земледелец» П. Минчев на собрании актива БЗНС, созванного после II конгресса ОФ в феврале 1948 г. По его мнению, реализуя руководящую роль, компартия должна действовать следующим образом:

- ЦК БРП(к) дает основные, принципиальные направления генеральной линии;

- БРП(к) задает тон во внешней политике, «согласованной с политикой всех демократических народов во главе с СССР»;

- ЦК БРП(к) дает основные директивы всем кадрам партии. Как следствие, в партии и, следовательно, в ОФ народ будет видеть действительно руководящую силу «с соответствующим достоинством и авторитетом»;

- БРП(к) дает компетентное толкование и правильные направления применения принципов марксистско-ленинского учения, «сообразуясь с условиями в нашей стране»;

- БРП(к) действует как бдительный страж против всякого посяательства и попыток реставрации со стороны реакции;

- БРП(к) дает указания кадрам о правильном отношении к союзникам в ОФ и особенно к БЗНС.

Реальность, однако, давала другие примеры. Минчев констатировал, что низовые парторганизации БРП(к) понимают свою руководящую роль однобоко:

- руководство всех местных организаций (коопераций, читалищ*, ТКЗХ и пр.) должно состоять исключительно из коммунистов;

- все служащие этих организаций (аппарат) — только члены БРП(к);

- слово местной парторганизации — бюро или лично секретаря — неоспоримо. Если речь идет о вопросах местного масштаба, то оно обязательно для всех;

- блага, привилегии, материальное поощрение — только коммунистам;

- если же речь идет о более тяжелых общественных нагрузках или репрессивных мерах, то «это не касается коммунистов».

* Читалища — культурно-просветительные учреждения, имевшие широкое распространение в стране и ведшие свою историю с эпохи болгарского национального Возрождения.

«Такое понятие руководящей роли партии, — подчеркнул Минчев, — мы считаем неправильным и крайне пакостным. Такое понятие в руках слабокультурных и неокрепших марксистов может легко выразиться в однопартийной тирании "губернаторства", корыстолюбия, властнической грандомании и пр. — что-то вроде "красной дружбашины" во время нашего управления». Понятие «демократического централизма» коммунисты, по мнению Минчева, представляли в окарикатуренном виде: каждое их мнение самое правильное и должно быть реализовано любой ценой. Ошибочно понималась руководящая роль и при решении кадровых вопросов: сокращались и увольнялись те, кто вне БРП(к), поскольку «хорошие» кадры могут быть только среди партийцев⁶⁶.

Мы намеренно прибегли к столь пространным цитированию, так как считаем, что Минчевым дана не просто подробная, но и убедительная, объективная картина положения дел на местах**. Примечательно, что нелады с пониманием и осуществлением на практике руководящей роли БРП(к) отмечали и некоторые ее функционеры. Так, секретарь Ямболовской районной организации БРП(к) И.Тенев, опираясь на данные об образовательном уровне членов партии, справедливо констатировал: «Громадное большинство членов [БРП(к)] с большим трудом справляются с овладением марксистско-ленинским учением партии и с осуществлением ее руководящей роли на практике»⁶⁸.

Материалы архивов показывают, что опасения Минчева относительно нежелательной эволюции режима в стране находили подтверждения. Возникший неожиданно для болгарского общества летом 1948 г. «югославский вопрос» быстро выявил наличие значительного критического потенциала в различных его кругах. Как свидетельствуют донесения советского консульства в г. Русе, часть общества пришла к выводу о том, что «социалистическая система, применяемая в Советском Союзе, а теперь и в Болгарии, выгодна для государства, но не для трудящегося населения...»⁶⁹

Решения XVI пленума и V съезда БКП об улучшении состава партии фактически начали выполняться после июньского пленума ЦК 1949 г., призвавшего ускорить «очищение» парторганизаций. Следует заметить, что слабости партии, связанные среди прочего с огромным ростом, не подкрепленным адекватной подготовкой и

* «Красная дружбашина» — эмоциональная оценка проявлений левого радикализма в период пребывания БЗНС у власти (1919—1923 гг.).

** Характерно, что в справке советского консульства в г. Русе, к которой приложен доклад П.Минчева, о нем говорилось следующее: социальное происхождение — «из крестьян-кулаков», сотрудничал с оппозицией Н.Петкова в активный период ее деятельности, имеет большое влияние среди «земледельцев» и беспартийных в селе. Особо подчеркивалась «враждебная деятельность Минчева по отношению к БРП(к)», подтверждавшаяся, по мнению авторов справки, его выступлением перед активом БЗНС⁶⁷.

обучением новых кадров, были в значительной мере отнесены на счет попавшего к тому времени в опалу Тр.Костова: именно ему персонально было приписано проведение «массовизации» партии вскоре после 9 сентября 1944 г. Руководство партии на этом этапе отказалось от прежних высоких оценок итогов «массовизации», обратив внимание на вызванные ею сильную засоренность парторганизаций, явления групповщины и даже фракционной борьбы в руководящем составе партийных органов⁷⁰. В результате кампании «очищения» 1949 г. из БКП были исключены 7,2% членов партии⁷¹.

По данным, приведенным в информационном письме из советского консульства в г. Сталине (Варна) в июне 1950 г., «очищение» 1949 г. затронуло в консульском округе 4415 чел., в том числе в Сталинском округе исключены из партии 1683 чел., в Коларовградском — 2732 чел. Градация исключенных была привычной: враждебные элементы, в частности, агенты полиции в прошлом, нарушители партийной и государственной дисциплины, морально разложившиеся, механически выбывшие и пр. Было немало случаев, когда очищение заканчивалось снятием с должности без исключения из партии. В Коларовградском округе, например, с ответственных постов было снято 55 человек, в том числе 2 секретаря районных комитетов БКП, 4 члена бюро райкомов, 12 членов пленумов райкомов БКП. Тем не менее советским дипработникам такие масштабы и размах акции показались недостаточными. В письме подчеркивалось, что при более тщательной чистке это число, несомненно, пришлось бы увеличить в несколько раз⁷².

Мотивировкой столь жесткого вывода явился анализ положения дел в руководстве партийных органов. Оказалось, что в одном лишь Коларовградском округе в 65 сельских первичных парторганизациях продолжалась фракционная борьба, причем среди причин ее доминировала в чистом виде борьба за власть, за руководящие посты (таких организаций было 26). В 19 случаях появление фракций объяснялось отсутствием коллективного метода руководства, командным стилем и произволом со стороны секретарей парторганизаций; в 16 случаях причина виделась в связях членов руководства с реакционными элементами.

В Сталинском округе имелись 93 первичные парторганизации, где велась фракционная борьба. В самом г. Сталине было 8 таких организаций, в Сталинском районе — 23, в Провадийском — 32, Балчикском — 12, Толбухинском — 7, Тервелском — 4. В партийных документах все они именовались «больными», применительно к ним ставилась задача немедленного «лечения», т.е. принятия серьезных мер по очистке от чуждых и примазавшихся элементов⁷³.

Многочисленные факты показывают, что хронический характер приняли такие недостатки в работе парторганизаций, как отсутствие коллегиальности в руководстве, грубое администрирование, вмешательство в работу народных советов всех уровней, отрыв от масс, зажим критики и почти полное отсутствие самокритики со стороны партийных руководителей (на партконферен-

ции в Сталинском округе прозвучало весьма образное сравнение: «В самом начале на критику был надет намордник...»), недостаточное внимание к работе с кадрами, низкий политический и теоретический уровень партийцев.

Весьма интересные итоги дало обследование первичных партийных организаций в Пловдивском округе. Задача обследования состояла в обобщении опыта проведения партсобраний. С этой стороны были изучены 953 «первички». Доложивший об итогах проверки на III партконференции БКП секретарь Пловдивского окружного комитета партии Д. Янев сообщил, что на собраниях голос рядовых членов партии звучит лишь в 16,9% парторганизаций, причем, как правило, это имеет место в фабричных организациях и при обсуждении производственных вопросов. В остальных организациях выступают обыкновенно члены бюро и активисты, имеющие среднее и высшее образование. Некоторые члены партии не высказывали своего мнения «со времен» 9 сентября 1944 г. Понятно, что о развитии критики при таком положении дел говорить не приходилось. Более того, открыто констатировалось, что члены партии, вступившие в ее ряды после 9 сентября 1944 г. (их называли иронически «членами партии с 10 сентября»), малоценны, не имеют права критиковать «заслуженных» партийцев со стажем, тем более «шефов». Решения во многих «первичках» (21,4%) не принимаются, на собраниях лишь объясняются задачи, которые следует выполнять. Только в 70,7% обследованных парторганизаций решения принимаются, как и положено, голосованием, из них лишь в 41% организаций решения носят конкретный характер⁷⁴.

Тревожные сведения услышали делегаты партконференции и от секретаря Русенского окружного комитета БКП Фр. Титоренкова: в окружной парторганизации зарегистрировано уменьшение численности состава, причем, главным образом за счет рабочих. Конкретно: постепенно отделились от партии и вышли из ее рядов 400 рабочих. Руководство окружного комитета партии приняло решение вернуть в БКП рабочих и крестьян-бедняков, но реализовать это решение в полной мере по всем околиям не удалось. Тревожная тенденция — «рабочие и крестьяне-бедняки, т.е. те, у кого нет карьеристских побуждений при вступлении в партию, отходят от БКП» — сохранялась. «Коммунист месяцами не посещает партсобрания, не учится, а никому и дела нет», — констатировал Титоренков. Околийские комитеты, не имея прочной связи и опоры в партийных и массовых организациях, делают упор на командование и администрирование⁷⁵.

«Дело» Костова привело руководство БКП к определению целого комплекса задач по искоренению «трайчкостовщины» в партии, поиску случайных и сомнительных элементов в ее рядах, усилению бдительности и повышению партийной дисциплины. Сформулированные на пленуме ЦК в январе 1950 г. по докладу В. Червенкова, они легли в основу обсуждения вопроса о социальном составе партии и его улучшении на III национальной партконференции в июне 1950 г. Червенков привел ряд цифр, характеризовав-

ших состоянии БКП, динамику ее развития после V съезда. За период, истекший с его проведения (декабрь 1948) по апрель 1950 г., из партии были исключены 92 500 членов и кандидатов. Эта негативная статистика значительно перекрывала темпы роста партийных рядов в новых условиях. Для сведения: по некоторым данным, в 1949 г. в БКП было принято 8 384 кандидата⁷⁶. Надо полагать, что подавляющее большинство исключенных в ходе кампании «очищения» накрыла волна борьбы с «трайчokokостовщиной». По оценке Червенкова, «очищение» не сопровождалось необходимым регулированием социального состава. В БКП на 1 апреля 1950 г. состояли 428 846 членов и 13 307 кандидатов. Как и прежде, преобладали в партии крестьяне (44%), причем, абсолютное большинство (35,3%) — это крестьяне-кооператоры. Рабочие составляли 25,8%, служащие — 17,8%. Таким образом, поставленная V съездом задача довести рабочий элемент до 30—35% не только не была выполнена, но число рабочих даже сократилось (напомним, что в конце 1948 г. рабочие составляли около 27% членской массы). И это несмотря на преимущества, которые они получали при приеме: кандидатский стаж устанавливался для рабочих в 1 год, тогда как для других трудящихся — 1,5 года, а кроме того рекомендовавшие могли иметь меньший партстаж, чем в случаях с другими категориями вступавших в партию. На фоне снижения удельного веса рабочих достаточно впечатляюще выглядели цифры, показывавшие рост служащих: соответственно с 16% до 17,8%. Прием новых членов в это время не внес существенных изменений в социальный состав БКП. Из 13 307 кандидатов, принятых после V съезда, рабочие составляли 35,4%, крестьяне — 20,9%, а служащие — 30%. Впечатляла и итоговая цифра: из общего числа служащих в стране в партии состояли 29,5%, в то время, как из рабочих — лишь 18,8%⁷⁷.

С известными колебаниями близкая по основной тенденции картина складывалась и на местах. Например, в столичном, Софийском, округе социальный состав БКП был следующим: рабочие — 29%, крестьяне — 41,4%, служащие — 19%. В окружную организацию входили 20% от общего числа рабочих в округе и 37% служащих.

Как это выглядело практически? На заводе им. А.Югова с общим числом рабочих — 300, парторганизация насчитывала 30 чел., причем 26 из них принадлежали к администрации. На шахтах в г. Своге работали 416 чел., а в партии состояли 17 рабочих. На заводе им. В.Коларова насчитывавшем 900 рабочих, за рассматриваемый период был принят кандидатом в члены партии лишь 1 чел. На шахте г. Перника только 13% шахтеров были коммунистами⁷⁸.

Особенности социального состава БКП, отмеченные на III партконференции, не остались без внимания: было принято решение временно прекратить прием служащих в партию, направив все внимание парторганизаций на увеличение прослойки рабочих в БКП, причем, прежде всего из числа ударников производ-

ства, рационализаторов, тружеников ведущих отраслей промышленности. Было также рекомендовано привлекать в БКП в первую очередь крестьян-бедняков и активистов — членов производственных кооперативов.

В мае 1951 г. Секретариат ЦК принял решение № 367 о приостановке приема в партию адвокатов, торговцев, а также тех пенсионеров и домохозяек, которые «до того, как перешли на пенсию или стали домохозяйками, были служащими»⁷⁹.

Фактически определилось четкое намерение «верхов» обеспечить приток в партию рабочих за счет сокращения в первую очередь служащих. 17 августа 1951 г. Секретариат ЦК принял дополнительное решение № 562, приостанавливавшее утверждение членов и кандидатов партии из этой социальной категории, независимо от времени их приема первичными парторганизациями. В решении предписывалось «аннулировать прием в партию тех членов и кандидатов партии из этой категории, который был утвержден после выхода решения секретариата от 30 мая с.г.»⁸⁰

Высокое процентное представительство в партии служащих беспокоило и советских диппредставителей. В отчете посольства СССР за 1950 г. подчеркивалось, что процент рабочих в БКП, по сравнению с процентом служащих, крайне низок⁸¹.

В целом сформулированную V съездом задачу доведения удельного веса рабочих в БКП до 30—35%, удалось, по минимуму, решить в 1951 г., когда впервые удельный вес рабочих превысил 30%-ный рубеж (30,4% от общего числа членов партии и кандидатов). Однако процесс этот имел некоторые особенности: рубеж был достигнут в ходе чистки партийных рядов. Это была вторая, после 1949 г., крупная чистка БКП и, как отмечалось в отчетах советских консульств в Русе и Бургасе, «более решительная». Так, например, в Бургасе из окружной парторганизации исключено 4 538 членов и кандидатов, что составило около 20% состава БКП. Среди причин исключения первенствовали, как и ранее, принадлежность к «вражеским, чуждым и случайным элементам» (2 668 чел.), нарушение партийной дисциплины (1 286 чел.); затем шли нарушение законности (359 чел.) и морально-бытовое разложение (225 чел.). Социальный состав исключенных дал такую последовательность: 2 992 чел. — крестьяне; 625 — служащие; 522 — рабочие; 285 — ремесленники и прочие⁸².

Произведенные нами подсчеты показывают, что итог чистки автоматически дал повышение удельного веса рабочих в парторганизациях, который достиг, даже с учетом приблизительного характера статистического материала, 29,7%. До чистки в данной парторганизации рабочие составляли 28,65%. Аналогичная картина складывалась не только на окружном уровне, но и в целом по стране. Те отрывочные статистические сведения, которыми мы располагаем, говорят о том, что в результате чистки 1951 г. имело место общее сокращение численности БКП (364 532 члена и 45 663 кандидата) при серьезном «пересмотре» состава сельских первичных организаций. В одних только пограничных околиях

были исключены свыше 50 тыс. членов партии⁸³. Иными словами, имело место сокращение численности крестьян в партии и, как следствие этого, изменение социального состава партии в целом. Итог, повторимся, выразился в превышении 30%-го рубежа для рабочего элемента в БКП.

Позитивная динамика в этом плане наблюдалась и в последующие годы. Так, в 1952 г. численность рабочих в БКП составила 138 307 чел. или 32,07%. К концу 1952 г. на каждых 100 рабочих приходилось 25 коммунистов. Крестьяне по-прежнему доминировали в партии: их насчитывалось 175 903 чел. (40,78%) с преобладанием бедняков (57,68%) и середняков (22,34%). 19,98% крестьян-коммунистов состояли в ТКЗХ. Несмотря на принятые меры, удельный вес служащих даже несколько возрос и составил 18,2%⁸⁴.

В общем и целом перед БКП, как и другими партиями «нового типа», встала проблема недостаточного притока рабочих, и эта проблема так и не была до конца решена.

Вопрос «орабочивания» БКП оставался на повестке дня. Его решению пытались содействовать, с одной стороны, мерами, дававшими преимущества рабочим и ограничивавшими прием представителей других категорий, а с другой стороны, созданием дополнительного «сита», просеивавшего возможных кандидатов. Так, 15 февраля 1952 г. была принята инструкция ЦК БКП о создании партийных групп в составе первичных организаций. Такие группы создавались на производственных участках (в цехах, отделах, бригадах ТКЗХ), в учреждениях и пр. Одна из задач групп состояла в отборе кандидатов в партию, причем свое мнение они сообщали в партбюро. В это время наблюдается определенный рост приема в БКП: в 1952 г. в ее ряды вступили 40 646 человек.

На исходе 1953 г. основное ядро БКП составили рабочие и крестьяне-кооператоры, непосредственно работающие на производстве и в сельском хозяйстве. Эти две категории составили 54,53% членов и кандидатов.

К началу 50-х годов относятся настойчивые попытки болгарского руководства улучшить положение с партийными кадрами всех уровней. На протяжении 1950—1953 гг. принимались различные постановления Политбюро ЦК БКП, связанные с проверкой партийных кадров на местах, а также реорганизацией системы учета и распределения кадров сверху донизу. Главная цель при этом заключалась в усилении руководства, наблюдения и контроля ЦК партии во всех областях общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни. Считалось, что задача изучения и «центрального распределения кадров» аппаратом «в основном» решена, однако дальнейший контроль за их деятельностью был признан недостаточным. Выход здесь виделся на пути своеобразной децентрализации: постановлением Политбюро ЦК от 30 ноября 1950 г. отделы кадров во всех партийных комитетах, начиная с ЦК и заканчивая районными комитетами БКП, были упразднены. Работа с кадрами перешла в ведение отраслевых отделов комитетов

(к примеру, сельскохозяйственный отдел занимался своими кадрами, промышленный — своими и т.д.). В отраслевых отделах ЦК БКП предусматривалось создание сектора учета кадров, в котором хранились личные дела и прочие документы лиц, входивших в номенклатуру отдела. Там же происходило исполнение партийных формуляров, учетных карточек и пр. Документы членов и кандидатов в члены ЦК хранились отдельно, в особом секторе, созданном при специальном отделе ЦК (с 6 ноября 1950 г. специальным отделом стал именоваться бывший техсекретариат ЦК). В окружных, околийских, городских и районных комитетах партии аналогичный сектор учета кадров, где хранились все личные дела номенклатуры комитета, создавался при отделе партийных, профсоюзных и молодежных органов. Кроме того, в новой системе учета кадров было допущено следующее исключение из общего правила: «в силу специфики» в структуре ЦК был создан специальный сектор кадров дипломатических и внешнеторговых органов⁸⁵.

Реализацию руководящей и контролирующей роли партии руководство страны связывало также и с созданием «хорошего, политически подготовленного и высококвалифицированного аппарата политических сотрудников». Постановлением Политбюро от 4 мая 1951 г. были определены функции и порядок работы аппарата⁸⁶. Детальный характер документа, тщательная прорисовка обязанностей и задач Секретариата ЦК, членов Политбюро и секретарей ЦК, отделов ЦК и их заведующих, инспекторов и инструкторов ЦК, парторганизации при ЦК и т.д. наводят на мысль о недостаточно четкой работе структур аппарата; имевшем, по-видимому, место смешении функций различных его звеньев, а также и о случаях превышения собственных полномочий. Так, например, содержавшееся в постановлении указание, что «в Политбюро или Секретариат Центрального Комитета вопросы для решения вносят только члены Политбюро или секретари Центрального комитета», ясно свидетельствовало о том, что эта практика нарушалась. Вкупе с констатацией в постановлении сугубо «вспомогательной» роли аппарата это позволяет предположить наличие серьезных претензий аппаратчиков на расширение своих функций и прерогатив.

В начале 50-х годов номенклатурный принцип подбора, расстановки и учета кадров действовал в Болгарии в полном объеме. Структура номенклатуры была двухуровневой: номенклатура Политбюро и номенклатура Секретариата ЦК БКП. Каждая подразделялась на три категории — А, Б и В. Категория А включала партийных работников, Б — работников профсоюзных и прочих общественных и массовых организаций, печати, и В — сотрудников государственного аппарата, различных министерств и ведомств, Болгарской Академии наук и пр. Различия определялись «уровнем» того или иного функционера, его должности. Так, по категории А в номенклатуру Политбюро входили первые секретари околийских и приравненных к ним городских и районных комитетов партии (таковых было 126 человек). В категорию А номенклатуры Секретариата ЦК входили вторые и третьи секретари этих

комитетов (254 чел.). В категорию Б номенклатуры Политбюро были включены председатель и секретарь Национального совета ОФ (2 чел.), в то время как члены постоянного бюро НС ОФ включались в номенклатуру Секретариата ЦК (11 чел.). По категории В председатель, заместитель председателя и главный научный секретарь БАН состояли в номенклатуре Политбюро (4 чел.), а члены Управительного совета, научные секретари, секретарь редакционно-издательского совета и директора институтов БАН (45 чел.) — в номенклатуре Секретариата ЦК.

Имеющиеся в нашем распоряжении крайне ограниченные материалы позволяют судить только о приблизительной численности номенклатуры. Не представилось возможным также установить и количество должностей, входивших в соответствующие списки. Составить об этом можно лишь приблизительное представление. Например, к категории Б номенклатуры Секретариата ЦК было отнесено примерно 64 должности (158 чел.). По линии министерства внутренних дел (номенклатура Политбюро ЦК и Секретариата ЦК, категория В) устанавливались соответственно 5 и 18 номенклатурных должностей (19 и 70 чел.) и пр. В целом, по неполным данным, номенклатура ЦК БКП (Политбюро и Секретариата) насчитывала около 2300 чел. (соответственно более 620 и около 1650 чел.)⁸⁷.

Болгарское руководство любило ссылаться на использование им советского опыта в разных сферах общественной жизни. Так, и всякого рода изменения в партийном аппарате и кадровой ситуации вообще оговаривались нередко ссылкой на «опыт ВКП(б)»⁸⁸.

Механическое копирование советского опыта подчас приводило к курьезам. Так произошло, в частности, летом 1951 г., когда в связи с применением силовых методов проведения хлебозаготовок и многочисленными нарушениями принципа добровольности при создании производственных кооперативов в деревне начались массовые волнения. Среди их участников было немало членов партии. В качестве ответной меры Политбюро приняло решение о создании при МТС и госхозах политотделов и направлении на политическую работу в деревню рабочих-коммунистов. Влияние советского примера в этом решении очевидно. Однако выдвижение кандидатур проводилось заочно, что впоследствии привело к многочисленным случаям срыва данного решения и потребовало от партийного руководства принятия санкций в отношении части коммунистов⁸⁹. Сомнительным и неэффективным оказался не только подбор, но и подготовка рабочих. 5—6 июля 1951 г. в Софии, Плевене и Пловдиве были проведены двухдневные курсы для ознакомления рабочих с их задачами и будущей деятельностью в деревне. Подготовлены они были плохо. Например, в Софии первая лекция, посвященная Уставу ТКЗХ, шла четыре часа... на русском(!) языке. Как отмечалось в бюллетене партийной информации ЦК БКП, «никто ничего не понял»⁹⁰. «Поход в деревню» рабочих-коммунистов по примеру советских рабочих-«тысячников» с учетом всего вышеизложенного вряд ли мог дать существ-

венные результаты. Думается, прежде всего в силу этого болгарские авторы почти не освещали в соответствующей литературе подобные сюжеты.

Не лучше обстояло дело и с руководящими и техническими кадрами на предприятиях: по оценкам советских наблюдателей, таких кадров катастрофически не хватало. Большинство руководителей предприятий не имели технического образования, но при этом некоторые и не желали учиться, вникать в вопросы производства. Недостатки планирования (поздние сроки планирования, неумение распределить электроэнергию, сырье и т.д.) рождали штурмовщину. Советская сторона обращала внимание на «недостаточную популяризацию советского опыта». Но заметим, что вышеописанное состояние кадрового состава не позволяет позитивно ответить на вопрос: а было ли это по силам? Ясно, что при таком положении дел решение задачи подъема производства в самых разных отраслях болгарская сторона связывала с помощью извне. И она решалась во многом усилиями советских советников и специалистов.

Югославия

В Югославии накануне войны в промышленности, представленной в первую очередь добывающими и перерабатывающими сельскохозяйственную продукцию отраслями, было занято всего 5% самодельного населения. При этом индустриальное «лицо» страны определяли мелкие предприятия с числом рабочих менее 100 человек (таких было 63%), в то время как доля крупных предприятий (более 500 занятых) едва достигала 8,6%.

Война серьезно подорвала промышленный потенциал Югославии: полному или частичному разрушению подверглись 36,5% предприятий, численность рабочего класса к 1945 г. сократилась втрое⁹¹. Социокультурный облик рабочего класса определялся во многом тем обстоятельством, что значительная его часть была представлена рабочими первого поколения, еще не утратившими связей с крестьянской средой и во многом сохранявшими ее менталитет. На мировосприятие рабочих серьезное влияние оказывали такие факторы, как низкий уровень грамотности населения (исключением являлись Хорватия и Словения), а также пестрота конфессиональной картины (48,7% — православные, 37,5% — католики, 11,2% — мусульмане). Дифференциация общества по экономическим, культурным и религиозным параметрам усиливала ощущения национального и социального неравенства, религиозную нетерпимость, чувства превосходства или, напротив, ущемленности среди всех слоев общества, в том числе и в рабочем классе.

Политически последний был ориентирован достаточно разнообразно: рабочая прослойка имелась во всех партиях, действовавших до войны в стране. Скажем, в более развитых Словении и Хорватии значительная часть рабочих состояла в Словенской на-

родной и Хорватской крестьянской партиях. Социал-демократическая партия объединяла до 4 тыс. членов и занимала сильные позиции в профсоюзном движении. Компартия насчитывала около 1500 членов и располагалась на крайнем левом фланге политического спектра.

Однако война и активное включение коммунистической партии в освободительную борьбу, концентрация в руках коммунистов как военного и организационного, так и идейно-политического руководства этой борьбой, принципиально изменили баланс политических сил и в рабочем движении, и в целом в обществе в пользу коммунистов.

Коммунистическая партия Югославии в начале войны насчитывала около 15 тыс. членов. Это были сравнительно хорошо организованные и проверенные кадры. Почти все они (до 80%) не дожили до освобождения страны. Численность партии, несмотря на большие потери, практически постоянно увеличивалась, и к концу войны превысила 141 тыс. человек. И впоследствии, за исключением 1945 г., давшего кратковременный спад численности, процесс увеличения членской массы не знал отката. Да и на протяжении 1945 г. уже определилась тенденция роста партийных рядов — от 100 тыс. в январе до 115 тыс. в конце года⁹². В 1946 г. в КПЮ числилось 169 504 члена⁹³. Бурный рост шел прежде всего за счет радикально настроенных масс крестьянства. Хотя в 1946 г. в КПЮ массово вступали также рабочие и интеллигенция, крестьянство по-прежнему доминировало по численности, составляя более половины (50,38%) членов партии. На долю рабочих приходилось 27,55%, служащих и интеллигенции — 10,33% состава⁹⁴. В 1946 г. прошла перерегистрация членской массы, в результате которой из КПЮ были исключены или переведены в кандидаты около 10%⁹⁵. На этом этапе деятельность партии оставалась нелегализованной. Ее положение оценивалось советскими наблюдателями в стране как полулегальное: партийные собрания низовых организаций проводились строго конспиративно, члены партии скрывали свою принадлежность к КПЮ, не имели на руках партийных билетов. Партийная жизнь в печати не освещалась. Все мероприятия на местах организовывались от имени Народно-освободительного фронта (НОФ). С 1928 г. не созывались партийные съезды. Последним партийным форумом долгое время оставалась проведенная в 1940 г. конференция КПЮ. Фактическое слияние партийных организаций со структурами НОФ обусловило наличие у КПЮ общенациональной, а не классово-партийной программы, что обеспечило ей общественную поддержку и ограничило социальную базу политических конкурентов. 15 сентября 1946 г. в беседе с заведующим Отделом балканских стран МИД СССР А.А.Лаврищевым один из лидеров КПЮ Э.Кардель охарактеризовал политическое положение в стране как прочное. «Оппозиционные группы... не пользуются поддержкой в народе». «За руководителями этих групп, — сообщил Кардель, — установлено тщательное наблюдение, на них подобран компрометирующий материал,

и... в подходящий момент югославское правительство примет более радикальные меры по отношению к ним»⁹⁶.

Судя по документам, в Москве в это время положительно оценивали усилия КПЮ по реализации ее руководящей роли в обществе. Видимо, немалую роль в этих оценках играли и констатировавшиеся в дипломатических донесениях «исключительно хорошее» отношение к СССР, «неподдельная любовь и симпатии» к советским людям, к бойцам Красной Армии⁹⁷. Суммируя эти оценки, Лаврищев сообщал 17 сентября 1946 г. А.Я.Вышинскому: «Мне кажется, что во внутреннем положении Югославии нет ничего такого, что делало бы необходимыми какие-либо советы с нашей стороны. Полагаю, что не следует давать каких-либо указаний т. Лаврентьеву (посол СССР в Белграде. — *Авт.*), так как он правильно характеризует внутреннее положение Югославии»⁹⁸.

Вместе с тем советские наблюдатели констатировали «узкие места» в деятельности высшего эшелона КПЮ. Наиболее серьезным недостатком они считали отсутствие коллективности в работе руководства ЦК, резкое возрастание в связи с этим роли руководящей «четверки» (Тито, Джилас, Кардель, Ранкович). При том нередко были случаи, когда Тито вообще единолично принимал те или иные решения. В политотчете посольства СССР за 1946 г. указывалось, что подобная ситуация вызывала недовольство отдельных членов ЦК. Реагируя на это, руководство КПЮ планировало созыв весной 1947 г. партийного съезда⁹⁹, однако осуществить задуманное удалось только в июле 1948 г. В документах посольства подчеркивалась также слабая организация работы партаппарата и обучения партийцев: первые партшколы были созданы на республиканском уровне только в конце 1946 г. Численность слушателей в каждой такой школе не превышала 200 человек, обучение основам марксизма-ленинизма длилось 3—4 месяца¹⁰⁰.

В ходе подготовки к учредительному совещанию Коминформа (сентябрь 1947 г.) в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б) был подготовлен обширный материал о состоянии и «закономерностях роста влияния» компартий. В справке, посвященной КПЮ, советская сторона отметила слабую политическую подготовку партийных кадров, в том числе и руководящих, приводившую к «практицизму и узости в решении ряда принципиальных вопросов партийного и государственного строительства». Авторы справки среди недостатков выделили и такой: «Партия строит свою работу больше всего на авторитете отдельных руководителей, а не [на] авторитете самой партии»¹⁰¹.

Превратившись в массовую партию, КПЮ продолжала расти и к осени 1947 г. включала в себя почти 400 тыс. членов. Состояние партии само югославское руководство оценивало, с нашей точки зрения, достаточно критически. В полном варианте доклада М.Джиласа на совещании Коминформа в Шклярской Порембе подчеркивалось: «Члены партии, хотя их качества в основном в отношении преданности и боевой готовности удовлетворительны, сравнительно молоды и находятся на сравнительно низком идео-

логическом и политическом уровне. Этим и объясняется факт, что на местах, то здесь, то там, появляются уклоны в неправильном проведении отдельных государственных мероприятий или попустительстве по отношению к врагам народа. Партийные руководства в этом отношении постоянно борются с трудностями и должны исправлять ошибки всякого рода. ...Партия потерпела большие потери в руководящих кадрах и была вынуждена бросить на государственную и партийную работу лучшие и в теоретическом отношении самые подготовленные кадры»¹⁰².

Специфика подхода югославского руководства к НОФ и его роли обусловила относительно медленные темпы роста КПЮ по сравнению с другими странами Восточной Европы. Это признавала и югославская сторона. По словам Э.Карделя, «Народный фронт является единственной массовой политической организацией трудящихся во главе с коммунистической партией как ее руководящим ядром, как авангардом всего трудового народа». И далее: «НФ, имеющий такой характер, исключительно удобное средство руководства массами при условии, что сама коммунистическая партия является дисциплинированной, сплоченной партией, настоящей школой кадров для Народного фронта»¹⁰³. 6-миллионный Народный фронт рассматривался, как «организационное оружие партии для проведения [в жизнь] своей программы»¹⁰⁴.

Слабые стороны кадрового состава партии, отмеченные выше, руководство КПЮ стремилось в первую очередь устранить путем расширения сети партучебы. В 1946 г. система партийной учебы состояла из 6 республиканских средних школ (обучение 1 год) и 10 партшкол с трехмесячным сроком обучения. При ЦК партии действовала высшая партшкола имени Джуро Джаковича. Осенью 1947 г. система партучебы пополнилась большим числом курсов и семинаров с разными сроками обучения. Идеологическая и политическая работа объявлялась обязательной для всех членов партии. Однако объективные обстоятельства сильно затрудняли выполнение этой задачи.

Отмеченный выше перенос главного акцента на деятельность НОФ, затянувшееся «полулегальное» положение партии объясняет крайнюю скудость статистических сведений, касающихся КПЮ, практическое отсутствие данных о социальном и возрастном составе, образовательном уровне, партстаже и пр. То же можно сказать и о партийном аппарате, корпусе руководящих кадров. Предпочтение отдавалось общим формулировкам. Так, в упомянутом выше докладе Джиласа констатировалось: «Социальный и национальный состав партии вполне удовлетворительный; в партии равномерно представлены все трудящиеся слои (рабочие, крестьяне, народная интеллигенция), а также все национальности Югославии. Количество женщин и кандидатов партии тоже удовлетворительное»¹⁰⁵.

Осложнение советско-югославских отношений к весне 1948 г. немедленно отразилось на оценках состояния КПЮ, характеристиках ее лидеров, дававшихся в то время советской стороной. В

политотчете посольства СССР в Белграде за 1947 г. (готовился он в начале 1948 г., а окончательная дата его визирования послом Лаврентьевым 26 апреля 1948 г., что в нашем случае немаловажно) вновь подчеркивалось особое положение в партийном руководстве «четверки» — Тито, Джиласа, Карделя и Ранковича, из чего делался вывод о том, что КПЮ находится на пути превращения в секту. В подготовительных материалах к бухарестскому (июнь 1948 г.) совещанию Коминформа указывалось на «антиленинское понимание лидерами КПЮ роли личности в истории», на «самовосхваление и самовозвеличивание всеми способами Тито», доходившее до признания его личной диктатуры.

Опираясь на «Краткий курс истории ВКП(б)», в частности, на содержащееся в нем «предостережение», что «герои, выдающиеся личности могут попасть в положение смешных и никому не нужных неудачников», авторы материалов констатировали: «К разряду таких героев-неудачников принадлежат и некоторые руководители КПЮ». Они «зазнались, создали культ личности, приписывают себе несуществующие заслуги». Действительно имевшее место в Югославии (как, впрочем, в СССР и других странах создававшегося восточного блока) сращивание партийного и государственного аппарата также было сурово раскритиковано как проявление «оппортунизма и ликвидаторства» руководства КПЮ в вопросе о роли и месте компартии в народно-демократическом государстве¹⁰⁶.

Появление резолюции Коминформа по Югославии летом 1948 г. нанесло сильнейший удар по КПЮ. Агентство Франс-пресс сравнивало впечатление, произведенное этим документом на югославских коммунистов, с разорвавшейся бомбой. Партия фактически оказалась на грани раскола. Часть коммунистов осудила отказ югославского руководства явиться на совещание в Бухарест, более 55 тыс. членов КПЮ (примерно 12% численности) и около 52 тыс. кандидатов солидаризировались с позицией Коминформа. Их стали называть в стране «информбюровцами» и рассматривать как «пятую колонну». В органах госбезопасности — УДБ был создан специальный отдел по борьбе со сторонниками Коминформа, на учет были взяты все лица, уличенные или заподозренные в согласии с резолюцией. На собраниях Народного фронта каждого члена обязывали «выявлять агентуру Информбюро», причем стимулом служило повышение по службе, прощение старых провинностей и пр. Члены партии должны были в обязательном порядке письменно выразить свое отношение к резолюции Коминформа (частичное согласие или несогласие с отдельными пунктами не принималось)¹⁰⁷.

Волна репрессий накрыла страну. Свыше 16 тыс. человек были сосланы в специально созданные концлагеря на островах Голи-Оток и Гргур в Адриатике. Около 5 тыс. человек выехали в политэмиграцию¹⁰⁸. В июле 1953 г. М.Пьяде, выступая в Скупшине, отметил: «С 1948 г. в Югославии было арестовано 172 тыс. человек, из коих 140 тыс. политических преступников или лиц, воспротивившихся экономическим мерам правительства». Больше всего

арестов пришлось на 1948 и 1949 гг. — 97 692 чел.¹⁰⁹ Подавляющую часть арестованных составили члены КПЮ. Арест, естественно, означал исключение из партии. Подготовленные в секретариате Коминформа сводные цифры по исключенным югославским коммунистам свидетельствовали о том, что масштабы исключений считались в руководстве страны обеспокоенными. Выступая на IV пленуме ЦК в марте 1954 г., А. Ранкович заявил по этому поводу, что «основная ориентация в общем была правильной». По приведенным им данным, в 1953 г. только в 22 уездах Боснии и Герцеговины было исключено от 30 до 57% членов партии, что примерно равнялось численности всех коммунистов Черногории¹¹⁰. О социальном составе исключенных можно судить по сообщению «Борбы» в марте 1954 г.: 79,3% составили рабочие (24,82%) и крестьяне (54,48%)¹¹¹.

Для того чтобы как-то компенсировать результаты исключения из партии, одновременно ее двери открылись для «нетрудовых элементов». В подготовленной в секретариате Коминформа в 1952 г. справке о положении в так называемом Союзе коммунистов Югославии* этот термин крайне тенденциозно был раскрыт следующим образом — «буржуазные и кулацкие элементы, усташаи и другие враги трудящихся Югославии». В это же время в компартию влилось значительное количество военнослужащих — 90 948 человек¹¹². Данные за весь период 1948—1953 гг. у нас отсутствуют, но на хронологическом отрезке с ноября 1952 по март 1954 г. число исключенных из партии в 3 раза превысило число принятых. Вместе с тем в течение 1951 г., например, во многих местных парторганизациях наблюдалась стагнация. Так, в 314 парторганизациях Косова и Метохии, в 45 парторганизациях Битольского уезда не было принято в партию ни одного члена и кандидата¹¹³. В целом, по данным, которыми мы располагаем, динамика численности КПЮ выглядела следующим образом: 1948 г. — 468 175 членов; 1950 г. — 607 443; 1951 г. — 704 617; 1952 г. — 779 382; 1953 г. — 700 030¹¹⁴. На VI съезде партии (ноябрь 1952 г.) были объявлены сведения о ее социальном составе. По сравнению с 1948 г., он менялся следующим образом:

	1948 г.	1952 г.
Рабочие	139 516 чел. (29,8%)	251 827 чел. (32,3%)
Крестьяне	231 278 чел. (49,4%)	530 339 чел. (42,4%)
Служащие, лица свободных профессий и пр.	70 227 чел. (15,0%)	176 310 чел. (22,6%)
Студенты	27 154 чел. (5,8%)	20 846 чел. (2,7%)

* Название Союз коммунистов Югославии (СКЮ) было принято в 1952 г. на VI съезде партии.

Эти цифры свидетельствуют о том, что в Югославии организационное развитие партии шло в том же русле, что и в других странах региона, где наиболее позитивную динамику демонстрировали служащие. В Югославии эта категория в партии в численном отношении в рассматриваемый период возросла в 2,5 раза. Для сравнения: по категории рабочих рост равнялся 1,06%, основную же массу партийцев по-прежнему составляли крестьяне. Что касается увеличения удельного веса рабочих, то советская сторона считала приведенные выше цифры «значительно преувеличенными» и не верила им. Она оперировала данными о том, что вплоть до 1948 г. удельный вес рабочих в КПЮ не превышал 10%, а также ссылалась на признание А.Ранковича на VI съезде в том, что значительная часть членов партии из рабочих была принята по приказу во время прохождения ими военной службы, т.е. в принудительном порядке¹¹⁵. Кроме того, советским наблюдателям были известны цифры об итогах массовых чисток второй половины 1953 г., согласно которым в Загребе, уездах Зеница, Фоча и Тузла до 80% исключенных из партии были рабочими, а также данные о численности рабочей прослойки в отдельных районах страны. По признанию югославской прессы, в компартии Сербии было всего 13% рабочих, в области Риека — чуть больше 4% и пр. В Словении на трех крупных промышленных предприятиях с общим числом рабочих и служащих 21 тыс. человек в партии состояло лишь 245 человек, или 1,17%; в Хорватии на пяти промышленных предприятиях (18 тыс. человек) в партии состояла 32 человека, или 0,18%. Ранкович констатировал на VI съезде: «...во многих промышленно развитых районах... не принимают новых членов, прежде всего из рядов рабочих. Существует довольно большое число... предприятий, в которых нет первичных парторганизаций».

Опираясь этими и другими подобными сведениями, в аппарате Коминформа считали, что число рабочих в компартии не только не возросло, но, наоборот, уменьшилось¹¹⁶. Этот вывод подкреплялся также и оценками, исходившими от сотрудников советского посольства в Белграде. Так, в феврале 1952 г. в одном из обзоров югославской печати атташе посольства А.Ханов указал: «...следует иметь в виду, что титовские "статистики" имеют обыкновение причислять к числу рабочих все виды ремесленников, не проводя между ними различия. ...Промышленных рабочих в партии меньше 10%. В то же время служащих — 30% или даже больше. ...Непромышленные рабочие — это в большинстве случаев не рабочие в настоящем смысле этого слова, а, в лучшем случае, полупролетарские слои полуремесленного-полурабочего характера, сельскохозяйственные рабочие и т.д. ...Ядро парторганизаций в титовской Югославии составляют не пролетарские элементы, а интеллигенция и полупролетарские слои. Промышленный же пролетариат совершенно определенно стоит в стороне»¹¹⁷.

Сведения, которые могли охарактеризовать качественное состояние партии, внимательно отбирались сотрудниками аппарата Коминформа и регулярно поступали в Москву. Для оценки их

объективности заметим, что они имели двойное происхождение: исходили от югославской стороны, в том числе из верхних эшелонов руководства, а, кроме того, значительная их часть принадлежала западным обозревателям и аналитикам.

1 февраля 1952 г. центральный орган компартии Хорватии газета «Наприед» указала на оппортунизм, незаинтересованность в собственном идеологическом, политическом и общекультурном развитии «подавляющего числа членов партии», «политическое сектантство» по отношению к некоммунистам, прежде всего к людям со средним и высшим образованием, которые, не будучи марксистами, стояли тем не менее «на линии партии». Тема пассивности, аполитичности членов партии и особенно молодежи, отсутствия желаний изучать теорию, отрыва от масс, примиренчества по отношению к различным «мелкобуржуазным и враждебным взглядам» и пр. постоянно присутствовала в поступающих в Москву регулярных обзорах югославской печати, в первую очередь, партийной¹¹⁸.

Заявления югославских руководителей по этим вопросам звучали вполне откровенно. В марте 1952 г., принимая делегатов конгресса студенческой молодежи, Тито, например, заявил: «Я сожалею, что сегодня образ коммуниста уже не таков, каким он был до войны или во время войны. Образ коммуниста поблек. Ныне он не считает себя бойцом, который должен выносить больше тягот, чем другие, и быть примером для других и пр.» В связи с этим Тито заявил, что не возражал бы против сокращения численности партии на 100 тысяч членов¹¹⁹.

Еще более резко высказался руководитель областного комитета КПЮ в Беловаре З.Бркич на областной конференции в апреле 1952 г. Констатируя на конкретных примерах факт «разрастания в партии элементов морального и политического разложения», он заключил: «Члены партии потеряли революционное лицо»¹²⁰.

С учетом этого руководство стремилось как-то «приподнять» «старую гвардию» партии, сделать ее образцом для подражания. По некоторым неофициальным данным, «стариков», т.е. тех, кто вступил в компартию до войны и в 1941 г., к середине 1952 г. насчитывалось менее 3 тыс. человек. Их выделяли из основной массы коммунистов, вручали специальные значки, которые они должны были носить по торжественным дням.

Ослабление «воинственного духа югославской компартии» фиксировали и западные обозреватели. В статье американского публициста М.Хандлера «Как Тито справляется со своей труднейшей задачей», опубликованной в августе 1952 г. в журнале «Нью-Йорк Таймс мэгэзин» говорилось, в частности, о двух формах «безответственности» многих членов партии. Одна из них — злоупотребление властью на местах в сельскохозяйственных районах, где партийные секретари вели себя как настоящие узурпаторы. «Дело обществу знать, — писал Хандлер, — что партийные секретари ...через злоупотребление своей властью превратились в символ того, что так ненавистно крестьянам в современном режи-

ме». Другую форму безответственности демонстрировали, главным образом, рядовые коммунисты. Это — увиливание от всех обязанностей, отказ выполнять партийные поручения на периферии, слабая посещаемость партсобраний. Хандлер обратил также внимание на то, что «качество членов, вступивших в партию после войны, значительно ниже и по знаниям, и по дисциплине, и по духу самоотверженности»¹²¹.

Ему вторила «Манчестер гардиан», отмечавшая 28 октября 1952 г.: «Многие члены партии уже давно сбросили с себя маску воинствующих борцов за какие-то высокие идеалы. Они находятся в партии не для того, чтобы бороться за марксизм, а для того, чтобы получить дополнительную комнату, побольше дров и других подобных привилегий. До войны члены партии шли на риск быть арестованными, но читали и распространяли коммунистическую прессу. Теперь же они получают ее по почте, но даже не удосуживаются просматривать ее»¹²².

Материалы югославской прессы позволяют проиллюстрировать «качественные» показатели промышленных рабочих. Газета «Наприед» в статьях о состоянии производственной дисциплины, помещенных в номерах от 8—16 июня 1951 г., привела следующие данные: на котлозаводе в Карловаце (800 рабочих) только за 4 месяца 1951 г. было вынесено 1 040 взысканий за нарушения трудовой дисциплины и халатное отношение к народному имуществу. Однако эффективность их была практически нулевой. «Административные меры, — указывала газета, — превратились на этом предприятии в необходимое зло, к которому люди относятся совершенно равнодушно и даже иронически... Последствия таких методов работы: все ухудшающаяся трудовая дисциплина, все большее озлобление рабочих действиями дирекции, полная потеря авторитета партийными, а также и профсоюзными организациями». Последние же считали, что рабочие заслужили свои взыскания и что «с ними невозможно ничего другого поделаться». Постоянно возрастало число партвзысканий, наложенных на членов парторганизации в г. Загребе. Если в третьем квартале 1950 г. взыскание получили 292 человека, то в первом квартале 1951 г. — 771 член партии, причем 486 человек были исключены¹²³.

Заявление Тито о готовности расстаться со 100 тысячами партийцев могло стать сигналом к большой чистке. Однако события стали развиваться по другому сценарию. Весной 1952 г. на Западе появились публикации о «новой ориентации» югославского руководства, лейтмотивом которых были утверждения о том, что, по праву Востоком, партия попала под влияние Запада. Отмечалось при этом, что рядовые партийцы болезненно восприняли подобные изменения. По сообщению «Голоса Америки» от 27 февраля 1952 г. (передача на румынском языке), и само югославское руководство было вынуждено признать, что многие граждане, в том числе члены партии, рассматривали сотрудничество правительства с Западом как большое отклонение от линии партии¹²⁴.

Официально поворот от «революционного изоляционизма» к более тесным отношениям с Западом, особенно с Социнтерном и др., был сформулирован в докладе Тито и Карделя на VI съезде партии. Делегаты, по оценкам западных обозревателей, встретили новый курс «не без удивления, но с единодушным одобрением». Проекты соответствующих съездовских решений были подготовлены и приняты за несколько недель до съезда без согласования со всеми членами ЦК¹²⁵.

Съезд официально закрепил переход к «новой свободе» и «новой идеологии». Опираясь на заявления о начале уничтожения государства и демократизации правительства, югославское руководство приступило к реорганизации штатов правительственных учреждений и государственных организаций, стараясь исходить при этом из уровня квалификации и стажа работы сотрудников. При этом учитывалась объективная сторона дела: 50,3% (т.е. 63 390 чел.) всех государственных служащих имели лишь начальное школьное образование, а 5,3% вообще не имели никакого. При этом абсолютное большинство во второй группе составили коммунисты¹²⁶.

Комментируя происходящее, английский журнал «Экономист» писал: «...Члены партии не всегда отвечают требованиям для их переизбрания вновь или повышения в должности. Это означает, что большинство коммунистов, которые поступили на службу в государственные учреждения после войны, и многие другие, которые получили работу благодаря своему членству в партии или друзьям по партии (благодаря заботе "свояков", как говорят в Македонии), окажутся в результате этой чистки без работы». Таким образом, к середине 1952 г. начался определенный пересмотр прежних подходов к проблеме кадров: если еще зимой 1952 г. действовал и популяризировался, в том числе и на страницах «Борбы», как единственно правильный подбор кадров по политическим признакам, которым отдавалось предпочтение перед профессиональными знаниями и подготовкой, объявлявшимися формальными, то теперь был взят отчетливый курс на повышение удельного веса профессионалов в системе управления. Подтверждалось это, в частности, анализом социального состава судебных органов на страницах журнала «Партийски радник» от 15 апреля 1952 г.: «...В Сербии число заседателей из рабочих с каждым годом все уменьшается. Наоборот, число заседателей профессионало-юристов (так в тексте. — *Авт.*) возрастает», а также расширением весной 1952 г. правительственного кабинета за счет «некоммунистов»¹²⁷.

Таким образом, с нашей точки зрения, основной акцент пришелся в 1952 г. не на очищение в первую очередь партии по примеру СССР и других стран Восточной Европы, а на улучшение состояния госаппарата, в том числе и в результате удаления из него не способных к управленческой деятельности коммунистов. То желательное сокращение численности компартии, о котором говорил Тито, должно было, по мнению западных обозревателей, осу-

ществиться больше за счет «естественного выпадания слабых членов», чем за счет чистки¹²⁸.

При этом, конечно, надо иметь в виду, что аресты «информбюровцев» и сочувствовавших им в значительной степени выполняли задачу «идеологического укрепления» партии и улучшения ее состава в нужном руководству духе. Вот что говорилось, например, на одном из заседаний пленума обкома партии в Риеке летом 1951 г.: «Борясь за политическое единство трудящихся нашей области, за чистоту парторганизаций, мы в первую очередь вели решительную борьбу против информбюровцев... Мы придерживались такой практики, что из партии изгонялись как информбюровцы и те, которые даже не проявляли себя как таковые, но которые не хотели отказаться от родственных или других связей с информбюровцами. ...Для последнего периода особенно характерно, что информбюровцами провозглашались те люди, которые критиковали действия отдельных членов партии, выборных лиц или организаций и комитетов за их бюрократизм, беззаконие и т.д. Это вносило смятение в организации...»¹²⁹

Помимо массовых исключений сторонников Информбюро или считавшихся таковыми, производилась еще проверка членов СКЮ при выдаче партбилетов.

Провозгласив лозунгом партии «ликвидацию бюрократизма», югославское руководство всячески стремилось подчеркнуть успехи на этом пути. Материалы на этот счет многочисленны, тем более что они подавались в сопоставлении с советским опытом, упор в оценках которого делался на негативных явлениях. Применительно к ситуации в партии югославская сторона, в частности, прокламировала: «Наше революционное развитие не пошло по пути слияния партии с государством и разрыва с трудящимися массами, превратив партию в силу, стоящую над обществом, с интересами, отличными от интересов рабочего класса». Именно так высказался политический секретарь ЦК компартии Боснии и Герцеговины Д.Пуцар на V пленуме ЦК 15 апреля 1952 г.¹³⁰

Данная и ей подобные оценки представляются не просто завышенными, они абсолютно не отвечали реальностям политической жизни страны, в которой, начиная с первых дней освобождения, существовала практика совмещения первыми лицами государства своих постов с ответственными партийными должностями.

Аналогичная картина наблюдалась и на нижних этажах властной пирамиды, где на руководящих постах также находились коммунисты. Таким образом, Югославия в своем политическом развитии демонстрировала такой же вариант развития «партийного государства», как и другие страны «социалистического лагеря».

Партийцы из высшего эшелона существовали как бы в ином измерении, по сравнению с рядовыми членами партии. Такие различия обнаружались очень рано и воспринимались в обществе весьма болезненно. На фоне серьезных экономических трудностей «низы» все чаще выражали недовольство своей жизнью, трудным материальным положением и пр. Естественно, что в такой обста-

новке особенно раздражали общество слухи о строительстве министрами собственных дач (и не по одной!), о нежелании руководителей передвигаться без автомобиля и др. Как правило, слухи эти оказывались вполне обоснованными. Так, например, в Москву поступило сообщение о том, что министр финансов Хорватии Анка Берус прибыла из Загреба на заседание областного комитета в Сплит, «захватив» с собой на железнодорожной платформе собственную машину. Хлопоты оправдали себя: в Сплите она подкатила к месту заседания в личном авто. В Сплите же распространились слухи об особом внимании членов правительства к ювелирным магазинам, где они скупали золото и драгоценности. В частности, так говорилось о М.Джиласе, жена которого в конце 1947 г. якобы приобрела в Белграде у ювелира Антониевича несколько бриллиантов стоимостью в 600 тыс. динар. Тут же появилась частушка: «Я сам Митрие-пролетер, али волим солитер» (Я — Митрий-пролетарий, но люблю бриллианты). Определенный критический настрой вызывало, по заключению советских дипломатов, и появление в кадрах кинохроники Тито с перстнями на руках.* Подобные факты рождали в народе убеждение, что ответственные руководители весьма активно заботятся о себе¹³².

Материалы свидетельствуют, что разрыв между «низам» и «верхам» осознавался и сильно беспокоил некоторых членов партии, считавших необходимым привлечь к этому факту внимание руководства. «...В то время как широкие слои населения живут в нужде, большое количество партийных работников и государственных служащих ведут роскошную жизнь, которую, соответственно тем принципам, которые они сами проповедают, не должны были бы разрешить при нынешнем экономическом положении в стране», — говорилось в письме секретаря военного атташе при югославской миссии в Берне от 3 ноября 1949 г.¹³³ Эта же мысль содержалась и в материалах о положении в Черногории в ноябре 1949 г., полученных советской стороной по дипломатическим каналам через Албанию. В них подчеркивалось, что уже в 1945—1948 гг. стало заметно сокращаться общение руководства с «про-

* Аналогичное настроение описал позднее К.М.Симонов, вспоминая свое пребывание осенью 1947 г. на II Конгрессе Народного фронта: «Тито был необыкновенно нарядно одет, в каком-то весьма шедшем ему мундире, с перстнями на пальцах. Он был гостеприимен и, я бы сказал, обаятелен, если бы это обаяние не было каким-то подчеркнутым, осознанным и умело эксплуатируемым. Он был радушен со всеми, с нами тоже... Но сам он был не таким, как в сорок четвертом году. Другим, чем в первый ноябрьский праздник в освобожденном Белграде. Там он был первым среди своих товарищей, неоспоримо первым, а здесь была встреча вождя с народом, встреча, требовавшая если не кликов, то шепота восхищения». Тито «все чаще вспоминался мне в своем дворце при том явлении вождя народу, о котором я уже упоминал, и все реже вспоминался поющим вместе с командирами партизанских корпусов "Эй, комроты, даешь пулеметы!" в сорок четвертом году на празднике седьмого ноября»¹³¹.

стыми людьми», ограничивался доступ частных лиц в правительственные учреждения.

Наиболее отчетливо деление общества ощущалось в социальной сфере. Например, действовавшая в стране система карточного снабжения, точнее известная гражданам, ее «надводная» часть выглядела следующим образом. Группа с индексом «Р» (рабочие) подразделялась на: Р1А — рудокопы и рабочие лесной промышленности; Р1 — рабочие, занимавшиеся тяжелым физическим трудом и приравненные к ним (!) руководители учреждений; Р2 — рабочие, занятые на легких физических работах и самостоятельные служащие; Р3 — вспомогательные служащие и учащиеся старше 14 лет. Группа с индексом «Д» (детская) включала следующие категории: Д1 — дети до 2-х лет; Д2 — дети 2—7 лет; Д3 — дети 7—14 лет. В группу с индексом «Г» входили граждане без постоянной работы и домохозяйки. Имелись также дополнительные карточки с индексом «Б» — больные и «Т» — будущие матери. По стоимости месячного пайка группы различались следующим образом: «Г» — около 200 динаров; «Р1» — 200 динаров; «Д2» — около 150 динаров; «Д3» — 150 динаров.

Но эта структура не была единственной. Помимо нее, существовала и другая, «подводная», для «избранных». Речь шла о снабжении в так называемых «министерских магазинах». Стоимость месячного пайка там равнялась 1000 динаров на одного человека, а снабжались по этой норме все члены семьи должностного лица. Но пайки в «министерских магазинах» также дифференцировались. Существовали три категории: I — для министров и членов ЦК; II — для зам. министров и служащих их ранга; III — для прочих высших государственных и политических руководителей. Отдельное снабжение имел аппарат госбезопасности (УДБ). Советские наблюдатели, фиксируя резко негативное отношение рядовых граждан к УДБ, считали, что одной из причин этого являлось особое материальное положение сотрудников госбезопасности (снабжение, оклады, система привилегий)¹³⁴. Характерно, что попавшие в немилость УДБ граждане могли, наряду с другими наказаниями (обыски, переселение, снижение по службе) лишиться и нормированного снабжения.

Особая роль УДБ в формирующейся политической системе была «обоснована» широко распространившимися еще с 1949 г. установками такого типа: «Коммунистическая партия является авангардом рабочего класса, а УДБ, в которую включены самые испытанные члены партии — партизаны, является авангардом коммунистической партии»¹³⁵. Органы госбезопасности стали главным звеном в реализации распорядка о контроле за партийными кадрами, а по большому счету — важнейшим инструментом консолидации режима Тито.

Разрыв между правящей «верхушкой» и рядовой «массой» существовал также и в рамках парторганизаций. Тенденция выделять руководство в отдельные парторганизации по примеру штабных парторганизаций военного времени наблюдалась и после освобождения

дения страны, хотя никакой специальной директивы ЦК по этому вопросу не было. Подобная практика имела место, например, в министерствах, в народных комитетах (в частности, в исполкоме народного комитета Белграда), в прокуратуре, на строительных предприятиях столицы, в советско-югославском пароходном обществе «Юспад», в Народном банке ФНРЮ и пр., где существовали разные ячейки — одна для руководителей и другая — для подчиненных¹³⁶.

Представляется, что такая дифференциация членов партии также была призвана способствовать процессу консолидации сторонников Тито в государственном и административном аппарате, облегчала контроль за настроениями и проявлениями руководящей прослойки. Наибольший размах и последовательность этот процесс приобрел уже после первой резолюции Коминформа по Югославии и особенно осенью 1948 г. В одной из установочных статей в газете «Наприед» от 15 октября 1948 г. подчеркивалось: «Партийные конференции должны остро поставить вопрос о бдительности по отношению к отдельным антипартийным типам, которые из-за болезненной амбиции, из боязни перед трудностями строительства социализма, вследствие неверия в свои собственные силы скатываются уже после первой предательства партии и народа». Логическим результатом борьбы с «оппортунистами» и «колеблющимися» стали массовые увольнения и перемещения в государственном аппарате.

Последние осуществлялись по принципу личной преданности главным членам руководства. Это подтверждали направленные в январе 1949 г. в Москву по каналам Коминформа материалы болгарского посольства в Белграде, содержавшие конкретную информацию о новых назначениях. Автор справки «О положении в Югославии» пресс-атташе посольства Б.Ненов сообщал, что возглавившая ТАНЮГ Ольга Ковачевич и новый председатель Комитета по делам искусств и культуры П.Перович принадлежали к «личной свите» М.Джиласа. «Личные друзья» или «любимцы» Тито — В.Робникар, М.Радованович, В.Попович, И.Цази и др. заняли ответственные дипломатические и хозяйственные посты¹³⁷, вытеснив в ряде случаев якобы квалифицированные и хорошо подготовленные кадры.

Такой подход рождал вполне определенную атмосферу в партийном и государственном аппарате. Характеризуя ее, «Нойе Цюрихер Цайтунг» писала в марте 1951 г.: «Еще далеко время, когда можно будет критиковать открыто, когда будет возможна открытая борьба мнений. Духовное развитие, освобождение мышления от русского шаблона происходит в теснейшем кругу партийного руководства»¹³⁸. Приведенные нами факты дают возможность не сколько скорректировать вывод газеты: «русский шаблон» оказался гораздо более живучим, он вполне соответствовал большевистскому менталитету руководителей Югославии, что объясняет, хотя бы отчасти, проявление тех же пороков «партийного государства», которые имелись в СССР.

Таким образом, рассмотрение организационной структуры и динамики развития компартий региона, несмотря на серьезные различия между ними, свидетельствует о большом числе общих проблем, тенденций, задач. Это было явлением не случайным. Коммунистические партии стран Восточной Европы на этапе борьбы за монополию политической власти стремительно превратились в массовые. Процесс этот был как бы стихийным, но за ним стояло четкое понимание партийным руководством необходимости на том этапе подобной «массовизации», призванной продемонстрировать укоренение компартий в обществе и право на управление им.

После войны в коммунистическом движении оформились две точки зрения по вопросу строительства массовых партий. Негативное отношение демонстрировал лидер КПЮ Й. Броз Тито, испытывавший «большое недоверие» к подобным объединениям и считавший их «постройками на глиняных ногах»¹³⁹. Тем не менее КПЮ, как мы видим, являлась, несомненно, массовой партией. Напротив, протагонистом идеи массовых партий выступал руководитель итальянских коммунистов П.Тольятти. 27 июля 1946 г. в Учредительном собрании он подчеркнул: «Партия — это организованная демократия. Большие массовые партии — это укрепляющаяся демократия, занимающая решающие позиции, которые больше никогда не окажутся потерянными». Развивая впоследствии свой взгляд на массовые партии, Тольятти отмечал, что «было политически правильным после второй мировой войны использовать подъем демократического и рабочего движения для создания массовых партий»¹⁴⁰.

Вместе с тем понятно, что массовость партии рождала обилие проблем. Одна из них, по словам Тольятти, — в том, что такими партиями «трудно руководить». Другая — поддержание в партийной массе самосознания авангарда, руководящей силы народа. Без этого партия может превратиться в неоформленную массовую организацию, лишенную идеологического единства и способности возглавить борьбу масс. Отсюда еще одна проблема — регулирование численности, социального состава и внимание к «качеству» партийцев. В компартиях вопрос качества в конечном счете всегда стоял над вопросом количества, требуя контроля за вступлением в партию, а также чистки рядов¹⁴¹.

Акцент на пропорциональное представительство рабочих и крестьян в партии, характерный абсолютно для всех компартий и именно в такой последовательности, независимо от того, шла речь о промышленно развитой Чехословакии или полуфеодално-аграрной Албании, объяснялся рядом обстоятельств. Прежде всего — идеологическими мотивами: объявив себя авангардом рабочего класса, партия должна была продемонстрировать это. Каким образом? Преобладанием рабочих в своих рядах. Второе — это нужно было

и с точки зрения укрепления власти, важной социальной опорой которой считался в первую очередь рабочий класс. В силу этого рабочие занимали в партиях привилегированное положение по сравнению с другими социальными категориями. Мнение рабочего класса было более важно для руководства при оценке реакции членской массы на мероприятия власти, рабочим разрешена была более острая критика руководства. Кроме того, и это главное — в период формирования властных структур рабочий класс рассматривался как естественный резервуар новых кадров, как надежная гарантия недопущения бюрократизации управления.

Однако в исследуемые годы во всех странах региона наблюдалась определенная стагнация и даже уменьшение, хотя с отливами и приливами, численности в партиях рабочих, непосредственно занятых на производстве. Если в период утверждения монополии коммунистов на власть это явление было понятным: административная, политическая и военная сферы управления требовали новых руководителей, которые должны были представлять трудовые слои, то в дальнейшем эти причины уже не могли объяснить тревожный факт уменьшения удельного веса новобранцев «от станка». Ряды партий росли в первую очередь за счет других социальных слоев — служащих, интеллигенции, студенчества и пр., естественно претендовавших на свою долю в номенклатурных списках.

Идя в разрез с идеологией, данная устойчивая тенденция не могла устроить ортодоксальное руководство партий. Ей была объявлена борьба; без предварительного анализа ситуации определялись «потолочные» цифры роста рабочей прослойки в партиях, но, за малым исключением, зримого результата действия в этом направлении не дали.

Несовершенство статистики, значительные расхождения показателей способны лишь несколько подправить картину, но коренным образом изменить ее не могут. Даже несовершенная статистика оказывается вещь упрямой, фиксируя нежелательную с точки зрения руководства эволюцию социального состава компартий. В начале 50-х годов вся вина за это возлагалась, с одной стороны, на низшее партийное звено, допускавшее, как указывалось, ошибки в работе с потенциальными партийцами, а, с другой, корни данного явления искали в периоде «массовизации», обвиняя в ее издержках ставших к тому времени опальными бывших руководителей из высшего эшелона партий. Но неэффективность борьбы с такими явлениями и их нарастание стимулировали более терпимое к ним отношение, а также появление в некоторых странах новой концепции, родившейся в недрах партийной бюрократии. Спад участия рабочих в деятельности партийных органов как прямое следствие уменьшения рабочей прослойки в партии стал рассматриваться, например, в Венгрии, как естественный процесс, объяснявшийся объективными причинами, — культурными различиями между «интеллектуалами» и рабочими. Считалось, что люди, занятые административной или управленческой деятельностью, «более обра-

зованны», следовательно, их тяга к партии, бóльшая, нежели у «более отсталых» рабочих, — явление нормальное. Естественно, этот тезис никогда не был оформлен на бумаге, что не помешало руководствоваться им в реальной практике, тормозя, в частности, набор в ВПТ неквалифицированных рабочих¹⁴².

Этот факт, несомненно, отразил признание низкого общеобразовательного и культурного уровня рабочего класса, его малую пользу в организации управления. Конечно, ситуация в странах региона в этом плане не была одинаковой, но тем не менее готовность рабочих к управленческой деятельности и решению выдвинутых на повестку дня задач социалистического строительства не может в целом быть высоко оценена. Конкретные материалы показывают возрастание в послевоенные годы в странах региона так называемого маргинального слоя населения, вырванного обстоятельствами из привычного уклада жизни и не успевшего корнями прорасти в новую почву. Показателем этого процесса явилось, в частности, наличие в составе рабочего класса особой категории рабочих-крестьян. Но к маргинальному слою в известной мере можно отнести также и людей, поставленных на непривычную для них работу — партийную, административную, хозяйственную. Понятно, что эти люди испытывали неуверенность, психологически были более готовы к роли исполнителей, подчинявшихся ясно и четко сформулированным указаниям, «безгрешному» конкретному руководителю. Все это стимулировало процесс бюрократизации управления. Вместе с тем нельзя не отметить, что в это время отнюдь еще не изжило себя «революционное горение», сохранялась вера в государство — источник справедливости, в коммунистические идеалы. Именно в эти годы десятки и сотни тысяч вышедших «из народа» использовали предоставленную им возможность получить образование, пройти профессиональную подготовку, вступали в строй новых управленцев, будущих «командиров производства». Этот огромной важности факт, несомненно, требует адекватной оценки.

В высших эшелонах партий в целом объективно оценивали состояние членской массы. «Качество» партийных рядов, беспокоившее руководство компартий, считалось возможным подправить, улучшить как через систему партийного обучения так и периодическими чистками. При этом принцип «Лес рубят — щепки летят» главенствовал, отражая вполне сознательный подход и понимание неизбежности и даже необходимости перегибов. Не случайно в одной из бесед с Й. Броз Тито Г. Димитров сравнил чистки с «надрезами по здоровому телу, чтобы без остатка удалить гниль»¹⁴³.

Советско-югославский конфликт, начавшийся в 1948 г., обострил проблему чисток, а «разоблачения» ряда руководителей высокого ранга сфокусировали эту проблему на поиске «врага с партийным билетом». В Чехословакии, к примеру, было намечено «очистить партию от нескольких сотен тысяч человек». В целом чистки конца 40 — начала 50-х годов фактически парализовали компартии. Коммунисты уже не шли на риск выразить отличное

от официального мнение, если не хотели быть обвиненными в «антипартийных» и «антисоветских» настроениях. Завершился процесс создания резерва надежных, ориентированных на беспрекословное подчинение приказу кадров. Именно они составили основу исполнительного механизма, готового к работе в рамках создававшейся командно-распределительной системы.

К началу 50-х годов в Восточной Европе оформились «партийные государства». Стержнем их явился приведенный в действие номенклатурный принцип подбора и распределения кадров. Появление номенклатурных списков, их «совершенствование», шедшее повсюду по линии расширения, свидетельствовали о том, что процесс срашивания партийного и государственного аппарата завершился: партия отныне распоряжалась не только собственными кадрами, но и государственными должностями. Сложился особый слой руководителей, входивший в жесткую, закрытую систему. Принадлежность к этой системе, быстро приобретающей характер клана, рождала у вчерашнего скромного партийца ощущение собственной исключительности, и это ощущение подпитывалось режимом, «узаконивалось» им. «Номенклатурный работник, — писал А.М.Некрич, — в каком-то смысле стоял выше, чем просто коммунист»¹⁴⁴. При этом в новых условиях, когда изменилась атмосфера в обществе и партиях, поднявшиеся на волне репрессий выдвиженцы в значительной степени утратили «революционное лицо», стали сервильнее, бесхребетнее¹⁴⁵.

В чешской литературе примером такого аппаратчика для некоторых авторов стал А.Новотный. Выходец из рабочих, коммунист Новотный делал карьеру в пражской партийной организации; в сентябре 1951 г. он был избран секретарем ЦК КПЧ. Имидж Новотного в обществе того времени: бесцветный, безынициативный, не слишком интеллигентный аппаратчик, чьи выступления экспромтом, например, по случаю революционных праздников, отличались несвязностью, а нередко отражали и его мстительный характер. В целом это был имидж слабого лидера, волею судьбы вознесенного на партийный Олимп¹⁴⁶.

Отдельный и большой важности вопрос — об испытании властью. Более того, об испытании властью людей, в массе своей в ней не искушенных, зачастую мало- или среднеобразованных, профессионально не состоятельных. Соблазн разного рода привилегий предстояло совместить с «радением» о «простом народе», служением его интересам. Практика показала, что последние легко отодвигались на второй план, уступая место стремлению не только удержаться на служебной лестнице, но и подняться выше. Попадание в заветные номенклатурные списки становилось гарантией благополучного существования на многие годы.

Документы подтверждают: в странах, испытывавших колоссальные экономические трудности, где жизненный уровень абсолютного большинства населения колебался между бедностью и нищетой, системой различных привилегий создавался необычайно высокий уровень жизни «верхов», существовали оазисы благоден-

ствия для «избранных». Тяга к роскоши принимала подчас уродливые формы. Как иначе можно оценить, например, молочные ванны, которые, по воспоминаниям советского хирурга А.Н.Бакулева, регулярно принимал Тито? И это в то время, когда в Югославии голодали дети! Под вывеской ЦК компартий действовали образцовые хозяйственные, медицинские и культурные учреждения, обслуживавшие элиту. До 20 особняков принадлежало, например, аппарату ЦК румынской компартии. О «нескромном образе жизни» лидеров партии А.Паукер, В.Луки, «роскоши и излишествах», которыми окружил себя член Политбюро ЦК Т.Джорджеску, сообщил в январе 1952 г. в Москву советник МГБ СССР при органах госбезопасности Румынии А.М.Сахаровский. Речь шла о двух особняках Джорджеску с бассейном, детской площадкой, голубятнями, о двух его дачах — в Снагове и Тимише («Дача в Тимише — огромное поместье с большим парком, прирученными дикими козами, с системой проточных прудов для разведения форели»). Сахаровский информировал также и об «особом личном (денежном) фонде», превышавшем 11 млрд. лей, находившемся в распоряжении В.Луки (5 млрд), А.Паукер (4 млрд.) и Т.Джорджеску (более 2,5 млрд)¹⁴⁷.

Заметим, для сравнения, что 12 млрд лей составили налоги с румынского крестьянства за весь 1951 г.

4 августа 1951 г. Г.Георгиу-Деж пригласил советского посла С.И.Кавтарадзе осмотреть хозяйство ЦК РРП, расположенное в 15 км от Бухареста в бывшем имении королевской семьи. Занимая около 1000 га, хозяйство стало, по словам Дежа, «основной базой питания для ответственных работников партии и государства». «Хозяйство, продолжал Деж, снабжает нас всеми продуктами питания: овощами, фруктами, виноградом, вином, разными консервами, всяким мясом (говядиной, свининой, бараниной, телятиной), птицей, колбасными изделиями, молочными продуктами и т.д. вплоть до цветов. ...Все это нам обошлось и обходится не мало. Все сделано по последнему слову науки и техники... Здесь работают проверенные и надежные люди, хорошие агрономы, ветеринары, инженеры». Примечательна реплика Кавтарадзе, по совету которого «во избежание опасных последствий» и было создано это хозяйство: «На такое дело... не жалко средств, жизнь и здоровье стоят несравненно дороже»¹⁴⁸.

Прямым следствием особой заботы о собственном здоровье и безопасности являлись просьбы национальных руководителей стран региона к советской стороне обеспечить химический контроль за качеством продуктов питания, поставлявшихся «верхам». На эти просьбы Москва реагировала быстро и всегда положительно¹⁴⁹.

Документы говорят о том, что советская сторона активно участвовала в процессе складывания национальных партийно-государственных элит, в том числе в формировании элитарной психологии. Достигалось это, в частности, высокими жизненными стандартами, предлагавшимися национальному руководству. Обилие

материалов иллюстрирует многократные поездки национальных лидеров на лечение и отдых в Советский Союз, систематическое получение ими и членами их семей ценных подарков¹⁵⁰. Вот, например, как был организован отдых в Ливадии членов польского правительства и их семей. По сообщению министра внутренних дел СССР С.Н.Круглова, И.В.Сталину, В.М.Молотову и Л.П.Берии от 28 сентября 1946 г., «гости разместились в Свитском корпусе: Гомулка с семьей в квартире из восьми комнат, Спыхальский с семьей — в четырехкомнатной квартире. Квартиры оборудованы стильной мебелью, коврами, портъерами и обеспечены высококачественной посудой. Продукты предварительно проверяются лабораторным путем, часть скоропортящихся продуктов, деликатесов и напитков доставляются из Москвы самолетом. Поварской состав и обслуживающий персонал был заранее подобран и соответствующим образом подготовлен. Гости чувствуют себя хорошо, посещают пляж и в сопровождении нашего работника совершают прогулки и экскурсии в Ялту, Никитский [ботанический] сад, Кореиз и Алупку. Для гостей в Свитском корпусе организован просмотр кинофильмов»¹⁵¹.

Аналогичные материалы имеются в отношении партийных и государственных лидеров и других стран Восточной Европы. Более того, они выявляют тенденцию к постоянному увеличению числа поездок. Так, если в 1946 г. из Албании приехали на отдых и лечение 2 человека, то в 1950—1952 гг. уже 16, причем речь шла о функционерах самого высокого ранга¹⁵².

Распространяя привилегии на своих родных и близких, национальные лидеры проявляли сильную озабоченность, чтобы это не стало достоянием гласности, настойчиво просили советскую сторону обеспечить сохранение тайны¹⁵³.

Во всех странах региона «верхи» окружали себя плотной завесой секретности. Закрытость и недоступность информации для рядовых партийцев и обыкновенных граждан была призвана убедить всех, что национальные руководители — это «первые среди равных», в то время как возведенный в абсолют иерархический принцип построения партии четко отделил «низы» от «верхов», а номенклатурный принцип кадровой политики еще сильнее углубил этот водораздел.

¹ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: Миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944—1948 гг. М., 1993. С. 39.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 267. Л. 40.

³ Там же. Д. 96. Л. 13—15.

⁴ Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 130. Л. 4.

⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 128. Д. 267. Л. 66.

⁶ Там же. Л. 66—67.

⁷ Там же. Л. 69.

- 8 Там же. Л. 70.
- 9 Там же. Л. 65.
- 10 Там же. Д. 472. Л. 62, 64, 65.
- 11 Там же. Л. 98.
- 12 Краткая история Албании. С древнейших времен до наших дней. М., 1992. С. 407.
- 13 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 267. Л. 44.
- 14 Там же. Д. 472. Л. 105.
- 15 Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1124. Л. 7.
- 16 Там же. Ф. 17. Оп. 137. Д. 261. Л. 180.
- 17 Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 130. Л. 110.
- 18 Там же. Л. 183, 186.
- 19 Там же. Л. 247—249, 250.
- 20 Там же. Л. 193.
- 21 Там же. Д. 853. Л. 123.
- 22 Сталин И.В. Сочинения. Т. 7, 8. М., 1947, 1948.
- 23 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 257. Л. 46.
- 24 Там же. Д. 595. Л. 31.
- 25 Там же. Л. 28.
- 26 Там же. Л. 11—13, 20—23, 14.
- 27 Там же. Л. 2.
- 28 Там же. Л. 3.
- 29 Там же. Л. 6—8, 9.
- 30 Там же. Л. 111—113.
- 31 Там же. Д. 853. Л. 95.
- 32 Там же. Л. 121.
- 33 Там же. Л. 96.
- 34 Там же. Л. 120.
- 35 Там же. Л. 23.
- 36 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 715.
- 37 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 257. Л. 39, 25, 36, 30; Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 715, 719.
- 38 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 715.
- 39 Там же. С. 720.
- 40 Там же. С. 721.
- 41 Там же. Л. 718—719.
- 42 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 853. Л. 213—214.
- 43 Статистически годишник на НРБ. София, 1967. С. 110; Бочев И. Революционният процес в България. София, 1963. С. 30.
- 44 Исусов М. Работническата класа в България. 1944—1947. София, 1971. С. 87, 128; Георгиев В. Към характеристиката на българската работническа класа. 1944—1947 // Известия на Българското историческо дружество. София, 1967. С. 52—60; Классы и социальные слои: Исторические судьбы. СССР и Восточная Европа. 20—60-е годы. М., 1990. С. 164.

- 45 Школа европейских стран социализма. М., 1976. С. 52; Классы и социальные слои... С. 156.
- 46 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34. П. 115. Д. 10. Л. 1, 10; ЦДА (София). Ф. 1. Оп. 12. А.е. 468. Л. 6, 7.
- 47 Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Указ. соч. С. 49.
- 48 Иванов К. Членството в партията и регулирането на нейния състав. Лекции, четени във ВПШ при ЦК на БКП. София, 1956. С. 57.
- 49 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34. П. 115. Д. 10. Л. 68.
- 50 Вести на Висшия съвет на БСП. Месечно документално-информационно издание. № 2—3. Март, 1990. Год 1. С. 44, 63.
- 51 РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 92. Л. 4.
- 52 Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 310. Л. 92; Д. 342. Л. 89.
- 53 Цит. по: Исусов М. Комунистическата партия и революционният процес в България. 1944—1948. София, 1983. С. 45.
- 54 Георги Димитров. Дневник. 9 март 1933 — 6 февруари 1949. София, 1997. С. 439—440.
- 55 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 342. Л. 89.
- 56 Димитров Г. Съчинения. Т. 12. С. 56—61.
- 57 Сovesания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документи и материали. М., 1998. С. 270.
- 58 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 38. П. 156. Д. 47. Л. 85—86.
- 59 Сovesания Коминформа... С. 92.
- 60 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 37. П. 147. Д. 46. Л. 42.
- 61 Там же. Л. 49.
- 62 Там же. Оп. 38. П. 156. Д. 46. Л. 6—7, 11.
- 63 Там же. Д. 47. Л. 87—88.
- 64 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 58. Л. 86.
- 65 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 37. П. 147. Д. 46. Л. 127.
- 66 Там же. П. 148. Д. 48. Л. 182—184, 174, 185.
- 67 Там же. Л. 160.
- 68 Там же. Оп. 38. П. 156. Д. 51. Л. 14.
- 69 Там же. Оп. 37. П. 148. Д. 48. Л. 32.
- 70 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 251. Л. 99, 100.
- 71 Социалната структура на обществото и качественият състав на партията. София, 1980. С. 26.
- 72 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 251. Л. 98—99.
- 73 Там же. Л. 100—101.
- 74 Там же. Д. 254. Л. 50—51.
- 75 Там же. Л. 57—58.
- 76 Иванов К. Членството в партията... С. 66.
- 77 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 254. Л. 94—96.
- 78 Там же. Л. 56—57, 58.
- 79 Там же. Д. 588. Л. 74.
- 80 Там же. Л. 141.
- 81 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 40. П. 170. Д. 16. Л. 34—35.

- 82 Там же. Оп. 41. П. 182. Д. 39. Л. 119.
- 83 Там же. П. 179. Д. 14. Л. 204—205.
- 84 Там же. Оп. 42. П. 186. Д. 13. Л. 63.
- 85 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 134. Л. 45.
- 86 Там же. Д. 193. Л. 139—142; Ф. 17. Оп. 137. Д. 588. Л. 80, 116, 143.
- 87 Подсчитано по: Там же. Д. 310. Л. 171—183.
- 88 Например: Там же. Д. 134. Л. 45.
- 89 Там же. Ф. 17. Оп. 137. Д. 588. Л. 115—116.
- 90 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 41. П. 182. Д. 39. Л. 88.
- 91 Экономика Югославии. М., 1966. С. 13; История Югославии. Т. 2. М., 1963. С. 141—142; Grahovač P., Kubović B., Mikić M., Runtjić A., Sirotković I., Stipetić V. Ekonomika Jugoslavije. Opći dio. Zagreb, 1984. S. 204—206; АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 31. П. 191. Д. 7. Л. 7; П. 123. Д. 16. Л. 76.
- 92 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 417. Л. 1; Klasno-socijalna struktura Saveza Komunističke Jugoslavije. Beograd, 1984. S. 327.
- 93 Совещания Коминформа... С. 133.
- 94 Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Указ. соч. С. 37.
- 95 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 31. П. 123. Д. 16. Л. 53.
- 96 Советский фактор в Восточной Европе... С. 338.
- 97 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 296. П. 154. Д. 2. Л. 14, 16, 27.
- 98 Советский фактор в Восточной Европе 1944—1953. Документы. Т. 1. 1944—1948. М., 1999. С. 338.
- 99 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 31. П. 123. Д. 16. Л. 54.
- 100 Там же.
- 101 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 3. Л. 104.
- 102 Совещания Коминформа... С. 280;
- 103 Там же. С. 279, 128, 276.
- 104 Там же. С. 277; РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 62. Л. 98.
- 105 Совещания Коминформа... С. 133.
- 106 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 32. П. 129. Д. 13. Л. 62; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413. Л. 58, 38.
- 107 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 289. Л. 253; Д. 290. Л. 20, 25.
- 108 Гиренко Ю.С. Сталин — Тито. М., 1991. С. 391—392.
- 109 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 417. Л. 1.
- 110 Там же. Д. 416. Л. 50.
- 111 Борба. 30.III.1954.
- 112 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 417. Л. 1.
- 113 Там же. Д. 416. Л. 49; Ф. 17. Оп. 137. Д. 883. Л. 273.
- 114 Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 416. Л. 47; Д. 417. Л. 1.
- 115 Там же. Д. 417. Л. 2—3.
- 116 Там же.
- 117 Там же. Ф. 17. Оп. 137. Д. 881. Л. 36—37.
- 118 Там же. Л. 35, 90, 91 и др.

- 119 Там же. Л. 237, 250.
- 120 Там же. Л. 91.
- 121 Там же. Л. 249—250.
- 122 Там же. Л. 287.
- 123 Там же. Д. 630. Л. 19—20.
- 124 Там же. Д. 884. Л. 182.
- 125 Там же. Д. 881. Л. 289.
- 126 Там же. Л. 246.
- 127 Там же. Л. 101—102, 246.
- 128 Там же. Л. 246.
- 129 Там же. Д. 630. Л. 34.
- 130 Там же. Д. 865. Л. 5.
- 131 Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В.Сталине. М., 1989. С. 174, 178—179.
- 132 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 32. П. 155. Д. 8. Л. 4—5.
- 133 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 289. Л. 42.
- 134 Там же. Д. 290. Л. 17—18, 28—29.
- 135 Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 113. Л. 35.
- 136 Там же. Д. 116. Л. 45.
- 137 Там же. Д. 113. Л. 34—35.
- 138 Там же. Д. 212, Л. 203.
- 139 Советский фактор в Восточной Европе... С. 271.
- 140 Совещания Коминформа... С. 194, 440.
- 141 Diverger M. Les parties politiques. Paris, 1981; Novak M. Systémy politických stran. Úvod do jejich srovnávacího studia. Praha, 1997.
- 142 Hegedus A. Marxist theories of leadership: A marxist approach // Political Leadership in Eastern Europe and the Soviet Union. Chicago, 1970. P. 34—35.
- 143 Беседы со Сталиным // Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 48.
- 144 Некрич А.М. Золотой век номенклатуры // Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. Апогей и крах сталинизма. М., 1997. С. 416.
- 145 Там же. С. 419.
- 146 Taborsky E. Communism in Czechoslovakia. Princeton, 1961. P. 112—113; Jolan J. Antony Novotny: The Sources and nature of his power // Canadian Slavonic Papers. Vol. XIV. 1972. № 2.
- 147 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1306. Л. 45.
- 148 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 39. П. 190. Д. 11. Л. 37.
- 149 Там же. Ф. 07. Оп. 25. П. 22. Д. 274. Л. 59.
- 150 Там же. Ф. 021. Оп. 36. П. 22. Д. 22. Л. 27—28.
- 151 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 139. Л. 178.
- 152 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 73. Л. 16.
- 153 Там же. Д. 72. Л. 1; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 82. Л. 190.

Глава III

ОФОРМЛЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НОВОГО МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

На рубеже 40—50-х годов после завершения экономического восстановления в странах Восточной Европы на повестку дня в качестве основной выдвинулась задача дальнейшей модернизации. Приняв форму «социалистического строительства», началась кардинальная перестройка во всех сферах жизни общества — социально-экономической, политической, культурной. Естественно, что в рамках «социалистического лагеря» она означала реализацию советской политической и экономической модели.

1949—1953 гг. — период консолидации политической власти, ее «сталинизация», приближение к советскому образцу. В соответствии с ним экономическая монополия «партийного государства» должна была сочетаться с организационной, а, следовательно, и политической монополией коммунистических партий, что являлось «первоусловием» социализма «по Сталину»¹.

Переход в новую фазу оказал сильное влияние на структуру, состав и функционирование механизма государственной власти. Эти вопросы являются наиболее сложными при анализе процесса становления политических режимов советского типа. В странах Восточной Европы в конце 40-х годов в период разработки программ «социалистического строительства» им отводилось явно подчиненное место по сравнению с вопросами экономического характера. В известной мере это объяснялось тем, что определенная позитивная динамика, имевшая место в политической сфере стран народной демократии в конце 40-х годов, казалось, свидетельствовала в пользу «нужного» направления развития и функционирования властного механизма.

Встав у руля управления, компартии стран региона рассматривали задачу последовательного укрепления государственной власти как одну из наиболее важных, как главный инструмент рабочего класса в деле построения социализма и развития социалистической демократии².

Максимальное привлечение трудящихся, в первую очередь рабочих и крестьян, во властные структуры в центре и на местах оценивалось как основной способ укрепления существующих режимов и одновременно как зримое подтверждение их демократичности. Знаменитый ленинский лозунг «Каждая кухарка должна уметь управлять государством», хотя напрямую и не выдвигался на повестку дня, но фактически подразумевался при решении кадровых вопросов.

«Соединение властей» — основной принцип формирования высших органов власти

В конце 40-х годов в Восточной Европе сложилась и действовала представительная система власти, включавшая в себя парламент как ее центральный орган и местные органы — народные (национальные) советы (комитеты) всех ступеней. Как и в СССР, «пирамида» советов была призвана олицетворять собой реализацию принципов подлинного «народовластия». Этот подход закреплялся в национальных конституциях. При их подготовке народно-демократические государства непосредственно ориентировались на Конституцию СССР 1936 г., именно в ней видели для себя «великий прообраз». Примечательно, например, что первоначальный проект конституции Югославии 1946 г., составленный югославскими юристами под руководством коммунистов Э.Карделя и М.Пьяде, был почти дословным переводом Конституции СССР на сербско-хорватский язык³. В отдельных странах по советскому примеру названия первых конституций были персонифицированы: Димитровская в Болгарии, Готвальдовская в Чехословакии. Но так же, как и в СССР, в странах региона существовал большой разрыв между внешне вполне демократическими конституционными нормами и реальной практикой общественной жизни.

Прежде всего это коснулось деятельности высших органов законодательной власти — парламентов. Этот институт во всех странах региона был признан важной частью политической системы и воспринимался демократическими силами как атрибут национальной независимости и государственного суверенитета⁴.

Задача превращения парламентов в действительное представительство трудящихся повсюду значилась среди первоочередных. Отличительной чертой этого процесса явилось насыщение данного института представителями трудящихся. Реализация такого подхода на практике означала, как правило, стремление провести в высший законодательный орган как можно большее число членов компартий. Использовались с этой целью различные методы.

В Венгрии на 1 января 1950 г. из 402 депутатов Национального собрания 288 были членами Венгерской партии трудящихся (ВПТ), 61 — партии мелких сельских хозяев (ПМСХ), 38 — национально-крестьянской партии, 10 — независимой венгерской демократической партии, 3 — радикальной партии, 2 депутата были беспартийными. Характерно, что выборы в парламент, как и процедура назначения на высшие государственные посты, проводилась с использованием так называемого партийного ключа. Так, на парламентских выборах в мае 1949 г. по списку Национального фронта от ВПТ было избрано 285 депутатов. Однако соглашение о партийном ключе заключалось лишь на период формирования состава парламента. Это давало коммунистам возможность маневра. По истечении срока соглашения в ходе замены некоторых депутатов новыми ВПТ удалось увеличить долю своего представительства

до 288 человек. «Впредь этот процесс будет продолжаться», — сообщали из ЦК ВПТ в Москву⁵.

По венгерским официальным данным, переданным в ЦК ВКП(б), состав парламента выглядел следующим образом: прева-лировали рабочие — 176 чел. (43,9%), в то время как число крес-тьян (115 чел. или 28,6%) уравнивалось числом депутатов из ин-теллигенции, мелких ремесленников и торговцев (111 чел. или 27,5%). Однако эти данные значительно отличались от картины, которая складывалась на основании самолично заполненных депу-татами анкет. По анкетам получалось, что в парламенте заседали всего 96 рабочих (23,7%), 77 крестьян (19,0%), 40 представителей интеллигенции (9,8%), 31 служащий (8,0%), 9 военнослужащих (2,3%), 1 священник (0,2%); доминировала здесь группа «государ-ственных, партийных и общественных деятелей»: таковых было 146 человек (36,5%).

Такое несоответствие не могло не обратить на себя внимание. Венгерское руководство, однако, сочло, что оно возникло по вине депутатов: одни указали в анкетах социальное положение, а дру-гие — должность. Так, в частности, получилось с руководителями ДЕФОС*, вчерашними крестьянами, которые отнесли себя в анке-тах к категории государственных, партийных и общественных дея-телей. В справке ЦК ВПТ, полученной Внешнеполитической ко-миссией ЦК ВКП(б), отмечалось, что депутаты этой категории, а также служащие государственных учреждений и военнослужащие в подавляющем большинстве по своему социальному положению принадлежали к «трудящимся», и в силу этого официальные дан-ные и сведения анкет «в основном совпадают»⁶.

Среди 402 депутатов была 71 женщина, что составило 17,6%. По сравнению с 1947—1948 гг., процент женщин-депутатов возрос почти в 4 раза, и этот факт оценивался исключительно высоко. Из состава депутатского корпуса 55 человек (13,6%) не достигли 30-летнего возраста.

Документы свидетельствуют, что, отслеживая состояние и дея-тельность парламентов в странах региона, советские наблюдатели в первую очередь обращали внимание на социальный состав, именно с ним связывая эффективность работы высших законода-тельных органов. Так, например, в одной из справок аппарата Ко-минформа, подготовленной С.Заволжским в феврале 1950 г., под-черкивалось: «Сравнение состава законодательных органов Вен-грии созывов 1947 и 1948 гг. показывает, что в сегодняшнем пар-ламенте представители трудящихся занимают несравненно боль-шее число мест и что при решении всех вопросов им, безусловно, принадлежит решающий голос»⁷. На самом деле практика очень быстро показала, что абсолютизация такого подхода оборачивалась серьезными издержками в функционировании парламентов, влияя

* ДЕФОС — созданный в 1948 г. Всевенгерский союз трудящихся крестьян и сельскохозяйственных рабочих.

прежде всего на возможность профессионально решать поставленные вопросы. Выпячивание на передний план трудового происхождения депутатов обслуживало сугубо политические цели.

Также не следует идеализировать и переоценивать и выборное начало в формировании парламентов. В условиях утвердившейся монополии коммунистов на власть выборы для них, как подчеркивал в одной из своих работ М.Джилас, «минимально важны»⁸. Однако, исходя из установки, что все должно быть узаконено, а народ и формально должен продемонстрировать свою лояльность и поддержку власти, отбор будущих парламентариев партийное руководство проводило предельно тщательно. Так было в СССР, по такому же сценарию шел процесс подборки «всенародных избранников» и в странах Восточной Европы, что не только давало возможность власти заранее прогнозировать состав парламентов и их руководство, но и избегать нежелательного хода развития событий. Например, 5 августа 1952 г. временный поверенный в делах СССР в Венгрии В.Азовцев сообщил в Москву министру иностранных дел А.Я.Вышинскому: «Довожу до Вашего сведения, что венгры намечают созвать парламент 14 августа сего года. Предполагается, что Доби Иштван будет избран председателем Президиума Народной Республики, а Ронаи Шандор, который занимает этот пост в настоящее время, будет избран председателем парламента»⁹. Открывшаяся 14 августа сессия парламента утвердила все те изменения, о которых априори информировал Москву Азовцев.

На заседании Политбюро ЦК БКП 17 октября 1953 г., где среди прочих рассматривался вопрос «О подборе кандидатов в народные представители», докладчик Т.Живков сформулировал для партийных руководств следующую «приблизительную ориентировку»: в будущий состав Народного собрания должны войти: — по партийной принадлежности — коммунисты — около 60%; члены БЗНС — 20%; беспартийные — 20%; — по социальному составу — рабочие с производства — 35%; сельские хозяева, в том числе кооператоры — 18%; некооперированные крестьяне — 7%; общественные деятели из среды науки и искусства — 22%; инженеры, техники, врачи, учителя и др. — 15%; Народная армия — 3%; женщины — 15—20%; молодежь — 10—15%¹⁰.

Формируя в соответствии с данной «ориентировкой» высший законодательный орган страны, болгарское руководство озаботилось недопущением в Народном собрании и малейших проявлений «буржуазного парламентаризма». С этой целью Политбюро ЦК БКП приняло в декабре 1953 г. специальное решение о максимальном приближении регламента работы Собрания к Верховному Совету СССР.

Намеченным на ноябрь 1952 г. выборам в Великое Национальное собрание Румынии предшествовала большая подготовительная работа в высшем эшелоне РРП. Помимо основного вопроса — создания проекта новой конституции (он решался при активной помощи советской стороны¹¹), рассматривались разного рода организационные вопросы: было, в частности, определено число изби-

рательных округов (419), оговорены нормы представительства и, естественно, социальный состав депутатов. В беседе с послом А.И.Лаврентьевым секретарь ЦК РРП И.Кишиневский подчеркнул, что не менее 25—28% кандидатов составят беспартийные рабочие и крестьяне. Кроме того, качественный уровень депутатов предполагалось поднять избранием в парламент председателей областных исполкомов, первых секретарей обкомов партии, директоров крупных заводов, стахановцев. Seriously предстояло подойти к вопросу о выдвижении кандидатов от интеллигенции (учителей, профессуры и пр.), обеспечив им достойную норму представительства. Видимо, достичь это предполагалось за счет оттеснения представителей исполнительной власти. Не все министры будут выдвинуты кандидатами в депутаты, отметил Кишиневский¹².

Выборы в ВНС прошли 30 ноября 1952 г. на основе новой конституции, которую сессия парламента старого созыва утвердила 27 сентября по докладу Г.Георгиу-Дежа. Состав нового парламента свидетельствовал о том, что предварительные расчеты руководства РРП были перекрыты. В присланных Г.Георгиу-Дежем в ЦК ВКП(б) материалах по итогам выборов указывалось, что среди 423 депутатов преобладали рабочие — 196 чел. (46,34%), затем шли крестьяне — 132 чел. (31,2%) и «деятели умственного труда» — 95 чел. (22,46%). В группе партийных, государственных, кооперативных, хозяйственных и военных работников, насчитывавшей 299 чел., выделялись руководители центральных и местных партийных и массовых организаций. Их было 172 чел., и они лидировали с большим отрывом. За ними шли работники центральных и местных государственных органов — 62 чел. Далее — председатели коллективных сельских хозяйств — 22 чел., офицеры министерства вооруженных сил, госбезопасности и внутренних дел — 19 чел. Директора предприятий и руководители кооперативных организаций уравнились в числе — по 11 чел. И замыкали список председатели товариществ по совместной обработке земли — 2 чел. Непосредственно на производстве были заняты 124 депутата, из них «от станка» пришли в парламента 44 рабочих, а «с поля» — 34 крестьянина. В парламенте было представлено 46 работников умственного труда, причем преобладали среди них учителя (13 чел.), инженеры (7 чел.) и профессора (7 чел.). В депутатский корпус входили 308 коммунистов и 115 беспартийных. По возрастному составу выделялись следующие категории: 30—40 лет — 148 депутатов (35%); 40—50 лет — 95 депутатов (22,46%); 23—27 лет — 83 депутата (19,62%). Самой малочисленной была группа от 50 лет и старше — 43 чел. (10,16%)¹³. Таким образом, в целом внешняя картина представляла вполне благополучной. Некоторые недостатки в представительстве работой парламента, подмеченные в Секретариате ЦК РРП, предпочитали не афишировать, а пытались незаметно исправить. Так, во главе президиума ВНС остался П.Гроза, которого коммунисты не считали «рабочей фигурой» (речь в данном случае шла не о социальном статусе, а о работоспособности и организаторском таланте). Выход был найден в назначении Грозе двух замест-

тителей, способных, как считалось, наладить работу аппарата президиума¹⁴.

Анализ состояния югославского парламента — Народной Скупщины, серьезно затрудняется из-за отсутствия надежных статистических сведений. В сентябре 1947 г. в информационной записке «О современном экономическом и политическом положении Югославии», подготовленной в Отделе международной информации ЦК ВКП(б), констатировалось, что данные о партийном составе Народной Скупщины и о составе югославского правительства не были опубликованы. Однако, по неофициальным данным, в югославском парламенте коммунистам принадлежало более 70% мандатов¹⁵. Советская сторона в то время пыталась прояснить для себя вопрос и о социальном составе скупщин в народных республиках. В беседе с одним из лидеров КПЮ Э.Карделем в начале июля 1947 г. посол А.И.Лаврентьев не случайно интересовался числом депутатов-рабочих, непосредственно занятых на производстве. Кардель признал, что «количество таких депутатов незначительное», и связал это обстоятельство с допущенной ошибкой в избирательных законах. Законы принимались, подчеркнул Кардель, в его отсутствие в стране и, кроме того, «каким-то образом этот вопрос не был своевременно согласован с Тито». «Поэтому, объяснил Кардель, — когда практически стали намечать кандидатов в состав нынешних народных скупщин, то оказалось, что очень мало осталось мест для рабочих от станка, поскольку необходимое количество мест нужно было предоставить членам правительства, ведущим работникам партии, представителям армии, а также другим партиям». «Кардель полагает, что при следующих выборах положение будет поправлено», — записал Лаврентьев в своем дневнике¹⁶.

В мае 1950 г. прошли выборы в Народное собрание 2-го созыва в Албании. Своих депутатов представил 121 избирательный округ. Социальный состав парламента свидетельствовал о преобладании в нем служащих и интеллигенции — 79 чел. (65,2%), в то время как рабочих насчитывалось 26 чел. (21,48%), крестьян — 15 (12,3%). Большинство депутатов были членами и кандидатами в члены АПТ. По возрастному признаку албанский парламента можно было назвать «молодым»: 90 чел. из 121, т.е. 74,2% депутатов составили группу от 18 до 40 лет, причем почти половину (45,5%) составляли в этой группе 18—30-летние. «Стариков», т.е. превысивших 60-летний рубеж, было среди депутатов всего шестеро (4,95%). Столько же насчитывалось и в возрастной группе от 51 до 60 лет. В докладе мандатной комиссии была предпринята попытка охарактеризовать новое «качество» депутатов: «В нашей республике депутат не является профессиональным политиком, как в капиталистических странах. Напротив, у нас депутат непосредственно связан с производством, со своей основной работой, и порядок работы Народного собрания дает возможность каждому исполнять свои обязанности, которые ему доверили избиратели. Таким образом, депутат становится законодателем и одновременно исполнителем всех зако-

нов, организатором трудящихся народных масс, и таким образом Народное собрание является подлинным представительством нашего народа»¹⁷.

Для албанской политической практики было характерно, что с началом советско-югославского конфликта выявилось стремление албанского руководства многие ошибки и слабости собственной деятельности, в том числе и касавшиеся тех или иных политических институтов, приписать влиянию «вредительской работы титовцев» в стране, искать и найти «югославский след». Влияние югославского опыта, безусловно, имело место, однако его не следует переоценивать. Вряд ли югославы были повинны в том, например, что официально не само Народное собрание, а его президиум рассматривался как высший законодательный орган страны. Именно такая оценка президиума прозвучала из уст его секретаря С.Бахолы в беседе с посланником СССР в Албании Д.С.Чувахиным 4 июля 1951 г.¹⁸ По словам Бахолы, до I съезда АПТ (ноябрь 1948 г.) отношение к президиуму Народного собрания в партийных кругах было неправильным, как к формальному довеску, не игравшему никакой роли в структуре органов власти. Положение стало меняться после поездки делегации представителей народных советов Албании в СССР. Несомненно, под влиянием бесед с советскими руководителями был сформирован аппарат президиума (35 чел.), начала изучаться и контролироваться работа местных советов. Президиум стал предварительно всесторонне изучать проекты подготовивавшихся законов и т.п. Однако, как и в других структурах, многие сложности упирались в проблему кадров. Интересно в связи с этим привести характеристики, данные самим С.Бахолы своим коллегам по работе.

В упомянутой беседе с Чувахиным он указал, например, что председатель президиума НС О.Нишани не старался слишком перегружать себя работой, выражал готовность свалить свои дела на других. Его заместители тоже не работали, как следовало. Например, Б.Спаху — секретарь ЦК АПТ — загружен так, что ему, по словам Бахолы, «не до президиума». А.Джувани — стар, ему 71 год, и он «вообще мало знаком с работой президиума НС», кроме того, он занят работой в Институте наук. Еще один заместитель — М.Пеза — «не может ни читать, ни писать». Однако он много выступает, «говорит неплохо», «народ его понимает». Если Пеза не знает ответа, говорит прямо: «Спрошу и отвечу в следующий раз»¹⁹.

Сотрудники аппарата президиума имели низкий образовательный уровень, как правило, не выше начальной школы, в лучшем случае 2—3 года семилетки. Даже три инструктора, имевшиеся в аппарате, по своему уровню не ушли далеко — начальная школа. Понятно, что их подготовка к тем или иным конкретным мероприятиям требовала немало времени, а эффективность оставалась невысокой.

Аналогичные слабости наблюдались и в работе депутатов — руководителей отдельных секций президиума. С.Бахолы информиро-

вал Д.Чувахина о случае с Х.Пуло, возглавлявшим секцию по работе с народными советами. «Всем нам казалось, что этот старик знает дело и во всяком случае знаком с работой местных органов власти». Но в начале 1951 г., когда Пуло был послан в Корчу «прорабатывать новый закон о советах», он не смог объяснить слушателям основные положения закона и заявил, что, по его мнению, в нем допущена ошибка. «Ясно, что с такими кадрами работать трудно, неизбежны ошибки и искажения наших самых хороших начинаний», — заключил Бахолы²⁰. Заметим, что вскоре Пуло был отправлен на пенсию.

Тенденции централизованного руководства всеми процессами государственной жизни, отчетливо утвердившиеся к началу 50-х годов, ощутили ограничили активность и эффективность деятельности парламентов. Последняя ослабевала по всем линиям: законодательной, контролирующей, непосредственно формирующей другие высшие органы государства. Сильные изменения принципиального характера претерпела, например, правотворческая деятельность: законодательная инициатива исходила отнюдь не от депутатов. Французский юрист Д.Рене подчеркивал в связи с этим в одной из своих работ, что «представители народа» лишь одобряли подготовленные правительством проекты (подлинным инициатором часто выступала компартия), причем реакция депутатов бывала, как правило, единогласной²¹. Например, польский Сейм в 1952—1956 гг. принял 42 закона, но ни один из них не был предложен депутатами²². Не случайно изменилась и оценка роли парламента в социалистическом государстве. В Польше эта роль начала определяться неоправданно узко, главным образом, как политико-воспитательная. Еще в марте 1949 г. руководитель фракции ПОРП в Сейме О.Ланге так определил основные функции парламента: связать широкие слои общества с делами государства, служить трибуной для разговора с обществом²³.

Одновременно широкое распространение получила практика принятия указов и декретов, имевших силу закона, исполнительными органами парламента, что еще более отодвигало последние на второй план. Польский Сейм в 1953 г. принял один закон, в то время как Государственный совет — 44 декрета, имевших силу закона. В последующие годы это соотношение продолжало сохраняться: 5 и 40 в 1954 г., 2 и 43 в 1955 г. Аналогичной была ситуация в Болгарии, где Народное собрание «без боя» уступило свои prerogatives президиуму Народного собрания. При этом и сам президиум играл формальную роль, утверждая, а точнее, штампуя декреты, подготовленные техническим аппаратом без обсуждения, не особенно вникая в их содержание. Подобная практика сложилась довольно рано: уже весной—летом 1948 г. за неполные пять месяцев президиум Народного собрания утвердил без дискуссии 57 декретов, а осенью еще 34²⁴.

Явное принижение роли парламента подтверждалось также такими характерными явлениями, как нерегулярность парламентских сессий и их малая продолжительность, что, в свою очередь,

вело к принятию важных документов в ускоренном порядке. Подобная практика была типичной для СССР: в 1946—1954 гг. сессии Верховного Совета второго и третьего созывов прошли по пять раз, хотя по Конституции СССР парламент должен был собираться ежегодно на две сессии, то есть восемь раз за четырехлетний срок полномочий²⁵. Иными словами, страны Восточной Европы видели перед собой конкретный пример, когда работа парламента определялась прежде всего фактором «целесообразности». Соблазн следовать такому примеру был велик. Например, 4 сентября 1948 г. Г.Димитров внес предложение о продлении мандата Великого Народного собрания на один год до 26 октября 1949 г.; предложение было обосновано необходимостью согласовать действующее законодательство с конституцией, а также утвердить закон о 5-летнем плане, подготовка которого близилась к концу. Продление каденции означало, по существу, «консервирование» искаженной роли парламента, создавало для руководящих верхов удобство законотворческой работы на основе пагубных принципов — практически без дискуссий, при формальном одобрении «представителями народа» подготовленных аппаратом документов.

Советская парламентская практика не знала также и системы нескольких чтений законопроектов. Более того, в 1949 г. она получила критические оценки в советской юридической литературе как «усложненная»²⁶. Под влиянием советских правоведов шло спонтанное сокращение числа чтений и в парламентах Восточной Европы. Например, до 1950 г. в Сейме ПНР еще действовала система трех чтений законопроектов, но с февраля 1951 г. по новому регламенту законы начали приниматься после первого чтения. При социальной и политической однородности состава парламента и примитивизации его функций этот шаг был вполне логичным, поскольку закрепил уже ставшую фактом нивелировку позиций депутатов, их во многом механические оценки обсуждавшихся материалов. Упрощенная процедура отражала единодушие и своеобразную иждивенческую позицию депутатов, которые стали постоянно сопровождать нормотворческую деятельность парламента, принимавшую в высшей степени формальный характер.

На рубеже 40—50-х годов произошло значительное сужение и контролирующей роли парламента. Функция контроля за государственными органами должна была реализовываться, в частности, в практике подачи депутатами интерпелляций, однако имело место вполне сознательное ограничение круга адресатов, которым мог быть послан депутатский запрос. Этот круг замыкался, главным образом, на Совете министров²⁷, что лишало депутатов возможности получать информацию о работе государственных органов из первых рук. Кроме того, сокращалась соответствующая практика вообще: в период работы т.н. Законодательного сейма в Польше (1947—1952 гг.) до середины 1950 г. было внесено 65 интерпелляций, а затем до конца его каденции — ни одной²⁸.

Определенным показателем активности парламента служила работа парламентских комиссий. Их формирование и функциони-

рование также опиралось на советский опыт. До середины 50-х годов в обеих палатах Верховного Совета СССР имелись по четыре комиссии: законодательных предположений, бюджетная, иностранных дел, мандатная. Аналогичные четыре комиссии действовали в парламентах Болгарии и Венгрии. В польском Сейме имелось 7 комиссий. Постепенно, однако, стала проявляться тенденция к разбуханию комиссий, их чрезмерному дроблению²⁹. В Польше, например, в 50-е годы дискутировалось предложение о создании 25 комиссий, но в конце концов остановились на 19. Сводя, таким образом, работу парламента в значительной мере к деятельности комиссий, эта тенденция шла в русле вышеозначенного уменьшения и формализации роли высшего законодательного органа. Впоследствии оппонентами коммунистов этот процесс был назван «депарламентаризацией» парламентов.

Существенные изменения претерпела и практика отзыва депутатов, призванная по первоначальному замыслу проиллюстрировать истинно демократический характер данного выборного органа. Не случайно во всех конституциях имелись конкретные статьи, фиксировавшие право избирателей отзывать своих избранников.

Однако как и в СССР, так и в странах Восточной Европы, юридически соответствующие статьи конституций не были обеспечены. В СССР «Закон о порядке отзыва депутатов Верховного Совета СССР» был принят лишь в 1959 г., то есть 23 (!) года спустя после провозглашения этого права в «Сталинской Конституции». 15 лет не было закреплено это право в законодательстве Польши. Лишь во второй половине 60-х годов соответствующие законы появились в Венгрии и Югославии³⁰.

Отсутствие законов вело к бесправию депутатов, чьи отзыв и замена все в большей мере становились прерогативой вышестоящих лиц. К примеру, в Чехословакии в 1948—1952 гг. без ведома избирателей из Национального собрания были отозваны несколько десятков депутатов³¹. Закрытость информации на этот счет порождала и другие ограничения: она не дала, например, возможность чешскому диссиденту П.Корбелю установить в начале 50-х годов партийную принадлежность 65 депутатов Национального собрания³², появившихся там не в результате выборов или довыборов. Об уходе депутатов из парламента сообщалось только в крайних случаях. Арест Р.Сланского 27 ноября 1951 г. стал, в частности, одним из таких примеров.

В целом в 50-е годы парламент в странах региона во многом утратил свои сущностные законодательные функции и все ощущаемее становился своего рода «орнаментом» на фасаде существующей системы власти, превращался в своей деятельности в «плебисцитарный институт», действовавший под строгим идеологическим контролем правящей партии³³.

Структура государственного аппарата также формировалась по образцу советского. В основу его организации был положен незыблемый принцип «демократического централизма», причем, с акцентом на централизме в бюрократической трактовке этого по-

нения. Прокламировавшиеся демократические принципы играли при этом, по существу, маскирующую роль.

В соответствии со сталинской теорией государства в политической практике стран региона отчетливо наблюдалась тенденция к разрастанию и разветвлению государственного аппарата. Этот процесс шел на фоне закрепленного юридически при Сталине принижения роли представительных органов при одновременном возвышении органов управления. Так, при разработке Конституции СССР 1936 г. по его предложению Совет министров приобрел титул «высшего исполнительного и распорядительного органа государственной власти», в то время как ранее правительство трактовалось как исполнительный орган высшего представительного органа, то есть Верховного Совета.

Копируя советский опыт, восточно-европейские народные демократии включили в свои основные законы именно скорректированную Сталиным формулировку (ст. 30 Конституции ПНР 1952 г., ст. 38 Конституции НРБ 1947 г., ст. 77 Конституции ФНРЮ 1946 г. и пр.). Показательно, что югославские коммунисты в подготовленном ими зимой 1945 г. проекте конституции пошли дальше советского образца, пытаясь существенно ограничить права президиума Народной скупщины в пользу союзного правительства. Сообщая об этом в Москву В.М.Молотову, посол И.В.Садчиков отметил, в частности, что только «по предложению союзного правительства» президиум Народной скупщины мог проводить назначения и смещения министров, председателей союзных комитетов, послов, присуждал почетные звания и награды. Кроме того, президиум был отстранен от назначения и смещения высшего военного командования. Это, согласно проекту, объявлялось прерогативой Народной скупщины в целом³⁴. Чрезмерное усердие в копировании создавало на практике абсурдные ситуации. В Албании, к примеру, Народное собрание попало в такую зависимость от правительства, что зачастую ничего не знало о его планах. В июле 1951 г. президиум Народного собрания мечтал «так организовать дело, чтобы правительство держало... [его] в курсе в отношении своих основных начинаний и проектов»³⁵. Заметим, что правоведам такой казус знаком и в прошлом расценивался ими как реализация одной из негативных сторон «разделения властей»³⁶. Думается, что в данном случае юридическая оценка регистрировала только внешнюю, формальную сторону явления. По существу же, проявлялся прямо противоположный принцип, когда правительство концентрировало в своих руках и законодательную, и исполнительную, и административную власть, выступало как центр «соединения властей», и именно это последнее явилось важнейшим принципом организации всей советской государственной системы, ее органов сверху донизу³⁷.

Подгоняя свою политическую практику под советский образец, национальные коммунисты опирались и на сформулированный Сталиным тезис о слиянии органов власти в лице советов и органов управления. Сравнительно широкое распространение получи-

ла сталинская трактовка советского государственного аппарата как системы советов «плюс миллионные организации всех и всяких беспартийных и партийных объединений, соединяющих советы с глубочайшими «низами», сливающих государственный аппарат с миллионными массами и уничтожающих шаг за шагом всякое подобие барьера между государственным аппаратом и населением»³⁸.

Тезис о слиянии советского аппарата с народом послужил основой для возникновения и распространения в 30-е годы в массовом сознании убеждения в том, что в СССР достигнуто «единство общества и государства».

Такой вывод имел далеко идущие последствия: он под новым углом зрения ставил проблему возможных противоречий между обществом и государственными органами, контроля за их деятельностью со стороны трудящихся, в частности, по логике вещей, придавал таким противоречиям случайный характер, закладывая основы для будущей теории бесконфликтного развития общества при социализме.

Советская модель государства, ставшая со второй половины 40-х годов своеобразной «матрицей для экспортного тиражирования»³⁹, характеризовалась отсутствием четкого разграничения функций коммунистической партии, советов и органов управления. Возник и действовал некий симбиоз, верховенство в котором принадлежало партии. В иерархии государственной власти и управления именно партийные органы функционировали как «верхний этаж», как их главный субъект и последняя инстанция. «...Государственная машина в коммунизме, — писал М.Джилас, — не есть главный инструмент, формирующий отношения собственности и общественные отношения, она таковые лишь защищает. Правда, все вершится от имени государства и в согласии с его установлениями. Но над ними и за спиной любого государственного акта стоит коммунистическая партия. Причем даже не она в целом, а профессиональная партийная бюрократия»⁴⁰.

Следует подчеркнуть, что вербально принципиальный вопрос о соотношении функций партийных и государственных органов ставился правильно: в пользу их разграничения. Партия должна была определять лишь «принципиальную линию», реализация которой становилась прерогативой органов власти в лице советов. Однако в действительности советская модель социализма, носившая во многом чрезвычайный характер, постепенно возвела соединение функций партийных и государственных органов в социалистический принцип организации и развития общественной жизни. Надо признать, что это соединение давало возможность быстро и наиболее эффективно достичь намеченной цели и, как следствие, фактически легло в основу тезиса о возрастающей руководящей роли партии.

Хотя присущие советской модели централистские методы руководства наиболее серьезно и здраво мыслящие круги общества в Восточной Европе связывали именно с «военным хозяйствованием»⁴¹, то есть с деятельностью в экстремальной ситуации, советский опыт государственного строительства, как свидетельствуют

документы, был воспринят в странах, где утверждалась в конце 40-х годов монополия компартии на власть, как единственно возможный, проверенный, обеспечивавший «подчиняемость» общества, самоутверждение стран, многие из которых рвали с прежней отсталостью. Повсеместно в регионе, безотносительно шла ли речь о развитых Чехословакии, Венгрии или значительно отстававших от них Албании, Болгарии или Румынии, нарождавшаяся коммунистическая бюрократия использовала апробированные в СССР формы власти, подтверждая тем самым, что прежде всего сама природа и идеология компартий как партий «особого типа» обуславливали избрание ими вполне узнаваемого варианта установления тоталитарного господства.

Документы показывают, что в странах региона рано проявилась тенденция к буквальному копированию советского опыта государственного строительства, без его тщательного и продуманного изучения и сопоставления с собственными условиями. Проявилось это, в частности, в повышенном интересе к конкретным вопросам структуры и организации работы аппарата Совета министров, других государственных учреждений и массовых организаций. Национальные коммунисты неоднократно, а точнее сказать, постоянно и по различным каналам стремились получить конкретные рекомендации и советы в соответствующих министерствах и ведомствах СССР. Примеров тому множество. Так, 4 декабря 1950 г. во время посещения румынскими представителями министерства госконтроля СССР по их просьбе обсуждался проект структуры аппарата правительства. Во время беседы, продолжавшейся около двух с половиной часов, советские представители — В.Н.Меркулов, М.Т.Помазнев и В.И.Шуликов — подробно рассказали о структуре Совета министров, функциях отраслевых бюро, отделов и групп Совмина, о структуре и организации работы управления делами Совета министров, о взаимосвязи отдельных звеньев аппарата правительства, о подготовке вопросов к рассмотрению президиумом Совета министров, о порядке прохождения материалов и документов в правительстве, организации технической стороны дела и пр.

Однако, как свидетельствует протокольная запись, румынских представителей интересовали и такие вопросы, как порядок составления и утверждения норм выработки на промышленных предприятиях или меры по регулированию штатов и зарплаты в СССР и пр. Советская сторона обещала помочь в уяснении румынами принципов партийного руководства исполкомами советов депутатов разного уровня (областного, городского, районного). О том, насколько детальным и конкретным был интерес румынской стороны, свидетельствует и тот факт, что руководитель делегации секретарь ЦК РРП и заместитель председателя Совета министров И.Кишиневский попросил проконсультировать даже разработанный в Бухаресте проект устава авиаспортивного клуба. Помощь была обещана⁴².

Авторитет советского руководства был столь велик и непоколебим, что не подлежала сомнению способность советской стороны

решить любой вопрос, что называется, не сходя с места. Так, Кишиневский поинтересовался целесообразно ли существование в Румынии министерства (религиозных) культов. Однако Меркулов предпочел уйти от ответа под тем предлогом, что этот «сугубо политический вопрос» должен решаться самим ЦК РРП⁴³.

Стремление тщательно учитывать советский опыт государственного строительства, функционирования административно-хозяйственного и партийного аппарата, копировать или, по меньшей мере, согласовывать соответствующие нормативные документы демонстрировали руководители и других стран. Так, Политбюро ЦК ВКП(б) 12 января 1951 г., рассмотрев «вопрос тов. Червенкова», принял следующее решение: «1. Поручить министерству иностранных дел СССР (т. Вышинскому) передать болгарскому правительству основные законы и положения, касающиеся организации, задач и функций советов депутатов трудящихся СССР и их центральных руководящих органов, согласно прилагаемому списку. 2. Поручить президиуму Верховного Совета РСФСР (т. Тарасову) и Совету министров РСФСР (т. Черноусову) принять группу работников болгарских народных советов в количестве 13 человек сроком на 1 месяц для ознакомления с работой советов депутатов трудящихся СССР, причем, расходы, связанные с их пребыванием в СССР, должно нести правительство Болгарии». Из перечня материалов, переданных болгарской стороне, видно, что объектом пристального изучения последней в то время была деятельность «пирамиды» советов в СССР. В списке материалов значились: 1. Конституция СССР, союзных и автономных республик; 2. Положения о выборах в Верховные советы СССР и РСФСР и в местные советы; 3. Положения о краевых (областных), окружных, районных съездах советов и их исполнительных комитетах (Сборник узаконений 1928 г., № 70); 4. Положение о районных съездах советов и районных исполнительных комитетах (Сборник узаконений РСФСР 1931 г., № 11); 5. Положение о сельских советах (Сборник узаконений 1931 г., № 11)⁴⁴.

В октябре 1951 г. советская сторона дала в целом положительный ответ на просьбу правительства Румынии о передаче Государственной штатной комиссии 90 действующих типовых штатных расписаний массовых организаций СССР. Однако количество документов подверглось значительному сокращению: по распоряжению Совета министров СССР от 24 октября 1951 г. румынская сторона получила 20 типовых штатных расписаний⁴⁵.

Функционирование государственного аппарата

Абсолютизация советского опыта, имевшая место в политической практике стран Восточной Европы, привела к тому, что многие явления, хорошо известные по отечественной истории, оказались типичными и для рассматриваемого региона.

Если в Советской России структура и функции Совнаркома унаследовали в целом дореволюционную схему, что обеспечивало определенную структурную преемственность при полном разрыве старого госаппарата в части социально-классового содержания его политики и персонального состава⁴⁶, то и в Восточной Европе наблюдалась, по существу, та же картина. Очевидно при этом, что многократно закреплённая в историографии мифологема о якобы имевшем место у нас «сломе» (в соответствии с марксистско-ленинским учением) старого государственного аппарата не выдерживает критики. Тем более не было такого явления в странах региона, где и сама задача «слома» старой государственной машины не ставилась. Но вместе с тем по советскому подобию там были сформированы и такие органы, которые не имели никаких предшественников в прежней системе государственного управления. Ведали они вопросами экономического планирования, отражая в условиях конца 40-х годов ставшую или становившуюся реальностью монополию государства на собственность. Этими органами являлись: экономический совет и плановая комиссия, а с августа 1946 г. государственная плановая комиссия в Албании, государственная плановая комиссия в Болгарии, главный экономический совет в Венгрии, главная комиссия планирования в Польше, государственный плановый комитет в Румынии, плановая комиссия в Чехословакии. Руководимые коммунистами, эти учреждения фактически являлись органами власти компартий, обладавшими, по существу, регулирующими властно-управленческими полномочиями в отношении всех экономических учреждений, включая министерства.

В Восточной Европе в 50-е годы определились в качестве общей тенденции развития рост влияния органов государственного управления как важных узлов государственного механизма на различные стороны жизни общества, а также усиление их законодательных функций. Это явление ложилось в русло обозначенного выше принципа «соединения властей».

Последнее означало присвоение ими изначально не свойственных им функций. Заметим, что практика «узурпации» правительством законодательной функции парламента в работах советских правоведов объявлялась порочной и подвергалась резкой критике, поскольку относилась ими к буржуазному государству⁴⁷. Аналогичных явлений в социалистических странах, прежде всего у себя дома, советская сторона предпочитала не замечать. А между тем масштабы издания различных правовых актов органами государственного управления принимали кое-где лавинообразный характер. По данным польских исследователей, например, лишь в 1955 г. было издано около 20 тыс. ведомственных актов и 1 200 решений Совета министров. Среди последних превалировали документы, регулировавшие деятельность центральных органов государственной администрации, что свидетельствовало как о стихийности в развитии структуры и организации этих «этажей» аппарата, так, вероятно, не в последнюю очередь, и о борьбе различных бюро-

кратических групп за «сферы влияния». Многократные и слабо мотивированные изменения структуры и состава госаппарата нередко осуществлялись под влиянием советской практики.

В Польше в 1949 г. вместо одного министерства промышленности и торговли было создано сперва шесть административно-хозяйственных министерств, а потом, в 1952 г. — еще четыре⁴⁸. Далеко не всегда на подобное деление влияли и их обусловливали объективные процессы, развивавшиеся в экономике, например, ускоренная индустриализация, пришедшаяся в Польше на эти годы. В Болгарии, где также имело место резкое увеличение числа министерств, руководство страны, например, констатировало, что нередко реорганизация госаппарата увязывалась с личными интересами представителей администрации, их управленческими амбициями⁴⁹.

Шел численный рост министерств и в Албании. 29 июня 1950 г. Э.Ходжа проинформировал посланника СССР Д.С.Чувахи-на о том, что утверждено предложение Политбюро о создании ряда министерств и назначении новых министров. Албанское руководство, однако, в отличие от советского образца, решило не создавать министерство культуры. Причина: не формировать промежуточного звена между существовавшими культурно-просветительными учреждениями страны и ЦК АПТ, поскольку все эти учреждения работали под непосредственным руководством агитпропа ЦК и согласовывали с ним всю свою деятельность. Ходжа подчеркнул, что министерство не будет в состоянии решать вопросы без ЦК и неизбежно станет посредником⁵⁰. На заседании Народного собрания 4 июля 1950 г. депутатам было представлено новое правительство «для получения доверия». Иными словами, парламентарии были поставлены перед фактом, и их участие в формировании кабинета практически равнялось нулю. В состав правительства, помимо Ходжи, совмещавшего посты премьер-министра, министра иностранных дел и министра национальной обороны, вошли еще 20 человек. Обращает на себя внимание большое для масштабов Албании число заместителей премьера: их было пять — М.Шеху, являвшийся одновременно и министром внутренних дел, а также Т.Якова, Х.Капо, С.Колека, С.Пано. Особо было отмечено, что промышленное развитие Албании привело к появлению в структуре кабинета двух самостоятельно существовавших министерств — промышленности (Р.Марко) и шахт (З.Хамити).

Прошло чуть более полугода, и уже на IX пленуме ЦК АПТ (февраль 1951 г.) в докладе Э.Ходжи прозвучала критика работы правительства и некоторых министерств. Совет министров, как констатировал Ходжа, плохо знал многие вопросы, относившиеся к его компетенции, слабо контролировал министерства и местные государственные органы. В докладе подчеркивалось, что несколько изменило ситуацию в лучшую сторону создание президиума правительства — рабочего органа, способного отчасти компенсировать эти недостатки. Особое внимание Ходжа уделил руководству органов юстиции и Генеральной прокуратуры, чей «оппортунизм»

проявился при вынесении излишне мягких приговоров. Поскольку, как подчеркнул Ходжа, в корне всех ошибок лежал низкий идеологический уровень партийцев, начиная с членов ЦК, как панacea от всех бед была сформулирована задача овладеть учением Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина⁵¹.

К интересным выводам подводит рассмотрение деятельности Совета министров «изнутри».

В Чехословакии, например, после февраля 1948 г. кабинет министров был реорганизован, как подчеркивалось, в духе следования идеям «возрожденного Национального фронта». Правительству был придан коалиционный вид: в его состав включены национальные социалисты А.Нейман и Э.Шлехта и лидовцы (члены народной партии) А.Петр и Й.Плойгар. Как отмечал один из представителей чехословацкой политической эмиграции П.Корбель, эти функционеры, находясь в оппозиции к руководствам своих партий, «были готовы сотрудничать хоть с самим дьяволом»⁵². Однако, на наш взгляд, столь резкая оценка грешит односторонностью: вряд ли следует полностью исключить надежды новых министров на возможность лояльного сотрудничества в рамках коалиции. Примечательно, что их тут же «подперли» советниками, секретарями и позднее заместителями из числа коммунистов, которые, в конечном счете, и определяли правительственную линию.

После гибели в марте 1948 г. министра иностранных дел Я.Масарика число членов кабинета составило 23 человека, в том числе 16 коммунистов. В дальнейшем численный состав правительства менялся незначительно, удерживаясь на уровне 22—23 человек, свидетельствуя о том, что руководство КПЧ не стремилось к его расширению. Вместе с тем в 1949 г. появились такие новые центральные департаменты, как Государственный комитет по делам физкультуры и спорта (его возглавил министр информации коммунист В.Копецкий) и Государственный комитет по делам религий (руководитель — министр юстиции коммунист А.Чепичка). Создание этих ведомств отразило «злобу дня»: намерение подавить движение «Сокол» и нейтрализовать активность католической церкви.

Рокировки начала 1950 г. снова удержали число членов кабинета на уровне 22—23 человек, но число коммунистов в нем медленно, но верно увеличивалось. Однако это, как видно из документов, не снимало с повестки дня вопрос о качестве кабинета, нередко приобретающий весьма неожиданный ракурс. Так, 10 апреля 1951 г. в беседе с советским послом М.А.Силиным К.Готвальд, характеризуя состав правительства, условно разделил его на четыре группы:

— первая группа — те, кому он, Готвальд, «верит и доверяет» (Запотоцкий, Широкий, Сланский, Доланский, Копецкий, Нееды, Дюриш, Копржива, Климент);

— вторая группа — «молодые» (Чепичка, Грегор, Крайчирж, Йонаш). По-видимому, подход к ним был более мягким, с учетом перспективы постепенного «взреления» этих кадров;

— третью группу составляли бывшие социал-демократы, которых Готвальд считал «попутчиками» (Фирлингер, Янковцева, Йон*, Эрбан);

— и, наконец, четвертая группа вызывала у Готвальда весьма критическое отношение (Носек, Свобода, Петр, Нейман, Плойгар). Их работу, в частности, Носека и Свободы, он не одобрял⁵³.

Ко времени беседы А.Чепичка (зять К.Готвальда) возглавлял министерство национальной обороны. При встрече с М.А.Силиным в апреле 1950 г. заместитель министра иностранных дел Борек охарактеризовал Чепичку как «молодого, хорошего партийного организатора», который «безусловно, наведет порядок в министерстве обороны, хотя он и не военный специалист»⁵⁴. В среде военных, однако, мнение о Чепичке было не столь однозначным; советский военный советник полковник В.Наумкин передал в Москву, что, по словам военного химика подполковника Билека, доверие в армии к Чепичке во многом объяснялось наличием вокруг него многочисленных военных советников, а сам Чепичка — карьерист⁵⁵.

Понятно, что такого рода оценки всегда субъективны и требуют всесторонней проверки, тем более, что в данном случае Чепичка, юрист по образованию, был для военных «чужаком». Но как показатели отношений в «верхах» они, с нашей точки зрения, исключительно важны.

В этом плане следует отметить информацию, поступившую в Москву от генерального консула СССР в Братиславе Н.Г.Новикова в мае 1950 г. Основное ее содержание — характеристика отношений в правительстве, данная председателем Словацкого совета профсоюзов Ф.Зупкой. По оценке Зупки, Готвальд и Сланский якобы боялись большого авторитета Запотоцкого и поэтому отодвигали его на второй план. Особой натянутостью отличались отношения Сланского и Запотоцкого. Являясь «передатчиком точки зрения Готвальда», Сланский постоянно оказывал поддержку Широкому. Объяснение такой ненормальной обстановки заключалось якобы в том, что, по словам Зупки, Запотоцкий имел по каждому важному вопросу собственную точку зрения и поэтому был неудобной фигурой для Сланского⁵⁶.

Развернутая характеристика некоторых министров-коммунистов была дана председателем правительства А.Запотоцким в беседе с послом Силиным 21 декабря 1950 г.

Так, руководитель Государственного планового управления Я.Доланский «больше всего молчит и даже часто спит на заседаниях и совещаниях... проводит заседания... с 8 утра до 3 часов ночи. На заседаниях, особенно во время прений, он просто спит. Больше того, выдает себя всегда храпом. Но удивительно., что не-

* О.Йон назван Готвальдом ошибочно: в состав правительства Йон не входил, в 1948—1953 гг. был членом президиума ЦК КПЧ. Но эта оговорка симптоматична.

смотря на то, что Доланский спит, ему удастся как-то слышать все, что происходит на заседании, и к этому члены совета привыкли. По окончании же длительных прений Доланский просыпается и начинает формулировать результаты всех выступлений и выносит всегда удачные решения». Помимо «болезненной сонливости» Доланского, Запотоцкий отметил его крайнюю медлительность при подготовке тех или иных документов, но в целом высоко отзывался о Доланском как руководителе Госплана. Весьма положительно Запотоцкий охарактеризовал министра тяжелой промышленности Г.Климентя: «...Много работает, очень заботится о промышленности и особенно о людях. ...Климент — чуткий, близко стоящий к рабочим человек. ...Сам вышел из рабочих, знает всю тяжесть капиталистического труда и поэтому значительно популярен среди рабочих». Отметив «чрезмерную скромность» Климентя, Запотоцкий, и это показательно, заочно обвинил его в «ложном демократизме»: будучи министром, он «считает необходимым побывать на всех заводах, предприятиях и [в] мастерских, поговорить с рабочими, забывая, что у него существует министерство. ...У Климентя этот недостаток остался от профсоюзной работы». Значительная критика прозвучала в адрес министра информации В.Копецкого: «серьезные прорывы в работе», «в министерстве информации крайне неблагополучно», оценка работы кинопромышленности негативная и пр. Признавая огромные знания, легкость пера Копецкого, Запотоцкий тут же «уравновесил» эти позитивные черты следующим образом: Копецкий «чрезмерно слаб на сердце в том отношении, что не может отказать кому бы то ни было, кто к нему обратится с просьбой. ...Может раздать все государство, не заботясь о том, что из этого произойдет. ...Чрезмерно доверчив»⁵⁷. Отметим, что схожую характеристику дал Копецкому в марте 1950 г. в беседе с советским дипломатом П.Г.Крекотенем чехословацкий писатель Я.Дрда: «слишком доверчивый и даже легкомысленный человек. «Этим пользуются враги»⁵⁸.

Советские наблюдатели в стране стремились регулярно получать любого рода материал, характеризующий партийных, государственных и общественных деятелей Чехословакии. 22 сентября 1950 г. в присутствии посла М.А.Силина генеральный секретарь ЦК КПЧ Р.Сланский дал указание заведующему отделом кадров ЦК Б.Келлеру «снабжать [советское] посольство необходимой справочной информацией по вопросам о характеристиках и биографических данных деятелей Чехословакии». С советской стороны поддержание официальных контактов с Келлером было поручено сотруднику посольства П.П.Разыграеву. Сразу же было условлено, что Келлер передаст материалы о депутатах Национального собрания.

Видимо, в Москве данная информация вызвала известные колебания. На полях полученной записи беседы была сделана характерная помета, принадлежавшая заместителю министра иностранных дел А.И.Лаврентьеву: «Тов. Сытенко. Ваше мнение о правиль-

ности этого шага? Прошу докладную тов. Зорину В.А. — как условились. А.Лаврентьев. 29/IX»⁵⁹. Ответный документ нам неизвестен, как неизвестны, впрочем, и случаи, когда советская сторона демонстрировала бы слабое «знакомство» с функционерами из высшего эшелона власти. Получаемая информация давала основу советской стороне не только для внимательного анализа состояния кадров и, как следствие, возможности влиять на них, но и для других действий.

Рост управленческого аппарата в Чехословакии был связан с разукрупнением и передачей части функций одних министерств другим. Этот процесс начался в декабре 1950 г. В национальной историографии он увязывается с намерением следовать советской модели, копируя при этом структуру исполнительных органов власти. Постановлением правительства № 159 министерство промышленности было расформировано, на его месте возникли два новых — министерство тяжелой промышленности и министерство легкой промышленности. Министерство продовольствия, получив новое название — министерство пищевой промышленности, передало часть своих функций министерству внутренней торговли.

Однако наиболее значительные изменения в составе правительства произошли по решению чрезвычайного пленума ЦК КПЧ 6 сентября 1951 г. Это был пленум, положивший начало отгеснению Сланского и реорганизации высших органов власти. Правительственные постановления № 73 и 74 от 7 сентября 1951 г. добавили 6 министерств к списку центральных органов: госконтроля, природных ресурсов и шахт, топлива и сырья, химической промышленности, общего машиностроения, лесов и стройматериалов. Их возглавили коммунисты, прежде руководившие национализированными секторами экономики. Теперь в правительстве было 30 человек, из которых 25 — члены КПЧ. В это время активно проводились разного рода персональные перемещения в составе кабинета, не без основания названные П.Корбелем министерской «чехардой»⁶⁰. Ее причины различны: и экономические (провал сельскохозяйственной политики, основанной на форсировании кооперирования деревни, привел, в частности, к смене министра — коммуниста Ю.Дюриша), и политические (за арестом в ноябре 1951 г. Р.Сланского последовало перемещение Я.Доланского). В мае 1952 г. после образования министерства сельскохозяйственных заготовок (министр — коммунист Й.Кроснарж) число членов кабинета достигло 31; 26 из них были членами КПЧ.

Параллельно с продолжавшимся появлением новых министерств (например, в августе 1952 г. из министерства транспорта было выделено специализированное министерство железных дорог) имела место и трансформация старых: министерство почт, например, уступило место новому министерству связи. Численный рост Совмина сопровождало и неуклонное увеличение представительства компартии: в конце 1952 г. из 32 членов кабинета 27 человек — коммунисты. Несмотря на то, что реструктуризация высших органов исполнительной власти осуществлялась по образцу

СССР, советская сторона считала, что государственный аппарат в Чехословакии громоздок и неоправданно раздут.

Документы между тем свидетельствуют, что чехословацкое руководство проводило изменения структуры и персональные перемещения, предварительно информируя советскую сторону. Известны, в частности, постоянные контакты секретаря ЦК КПЧ А.Новотного с сотрудником советского посольства П.Г.Крекотеном. Именно ему в декабре 1952 — январе 1953 г. Новотный сообщил о готовившейся по инициативе Готвальда реорганизации кабинета — создании президиума Совета министров, состоящего из премьера и его заместителей. Предстоявшее в связи с этим увеличение числа заместителей главы кабинета предполагалось достичь за счет назначения на должность новых вице-премьеров членов политсекретариата ЦК КПЧ⁶¹.

Окончательно вопрос был решен на совместном заседании политсекретариата и президиума ЦК КПЧ 31 января 1953 г., где были распределены и участки работы. Это распределение выглядело следующим образом:

— Запотоцкий — непосредственное руководство министерством госконтроля, Государственной комиссией по заработной плате, Государственным управлением по социальному обеспечению и «хозяйством т. Волощука — Яхимовом»*;

— заместитель председателя Доланский — Госплан, министерства металлургии, энергетики, топлива;

— заместитель председателя Новотный — министерства тяжелого машиностроения, общего машиностроения, строительной промышленности, строительных материалов и легкой промышленности;

— заместитель председателя Угер — министерства земледелия, государственных хозяйств, заготовок, пищевой промышленности, леса и лесной промышленности;

— заместитель председателя Широкий — министерства иностранных дел, внешней торговли, внутренней торговли, финансов, химической промышленности, Комитет по делам культурных связей с заграницей;

— заместитель председателя Фирлингер — министерства внутренних дел, здравоохранения, юстиции;

— заместитель председателя Копецкий — министерства школ и просвещения, высшей школы, рабочей силы, Главное управление кинематографии, Главное управление полиграфической промышленности, издательств и книготорговли, Радиокomitee, ЧТК (Чехословацкое телеграфное агентство);

— заместитель председателя Неэдлы — Академия наук, Комитет по делам искусств;

— заместитель председателя Чепичка (он же министр национальной обороны) — Государственный комитет физкультуры и

* Имеются в виду Яхимовские урановые рудники.

спорта, Государственный комитет гражданской обороны, Спецотдел по вопросам мобилизации;

— заместитель председателя Бацилек (он же министр национальной безопасности) — министерства железных дорог, транспорта, связи.

Президенту страны непосредственно подчинялись министерства национальной обороны и национальной безопасности. «По решению политсекретариата, — сообщил Новотный, — реорганизуется и оргсекретариат ЦК КПЧ, так, чтобы он соответствовал новой структуре президиума правительства и было бы обеспечено тесное сотрудничество секретарей ЦК КПЧ и отдельных членов президиума по линии руководимых ими министерств». Не обошел Новотный и вопроса о своем уходе из секретариата ЦК КПЧ на работу в правительство. «Новотный заметил, — записал Креконтень, — что хотя, может быть, он ошибается, но, видимо, кому-то его методы работы, в частности, постановка вопросов о проверке и чистке кадров, не нравились. Видимо, — заметил Новотный, — я совал нос в те дела, которые некоторые члены политсекретариата считали своей вотчиной»⁶².

Таким образом, состояние кабинета министров уже в конце 1952 г. отразило хорошо продвинутый вперед процесс «советизации» правительственной машины. Логическим его завершением стала подготовка введения номенклатурного принципа формирования кадрового состава министерств. Однако, как сообщал старший советник МВД СССР при министерстве внутренних дел Чехословакии А.Д.Бесчастнов председателю КГБ СССР И.А.Серову в марте 1954 г., этот процесс имел в стране свои особенности. По информации Бесчастнова, проанализировавшего проект «Номенклатуры должностей в министерствах», «весь руководящий состав центральных учреждений, выдвинутый после 1948 г. из рабочего класса, будет постепенно заменен представителями старой буржуазной интеллигенции, ибо "Номенклатура" предусматривает назначение на руководящие посты лиц, имеющих обязательно, кроме высшего образования, стаж работы по соответствующему профилю от 8 до 15 лет. Проект "Номенклатуры" разработан без учета классовой, партийной принадлежности и деловых качеств лиц, назначаемых на руководящие должности, что не соответствует выдвижению на командные посты молодых специалистов из рабочего класса. Руководству МВД ЧСР, продолжал Бесчастнов, известно, что проект "Номенклатура" получил уже одобрение некоторых членов правительства. Представители старой буржуазной интеллигенции высказывают надежду, что скоро они будут работать без контроля со стороны рабочих-выдвиженцев. В то же время в МВД ЧСР поступают сообщения о недовольстве среди выдвиженцев и их намерении уйти снова на заводы»⁶³.

Таким образом, обстановка в министерствах с введением номенклатурного принципа была чревата осложнениями, и опасения на этот счет отразила, правда, на свой лад, критическая позиция советских наблюдателей.

В Болгарии Совет министров в 1948 г. включал в себя 23 человека: председатель кабинета, 5 заместителей (трое из них непосредственно возглавляли министерства), министры, председатель Госплана, председатель Госконтроля, председатель Комитета по делам науки, искусства и культуры. По партийной принадлежности правительство состояло, главным образом, из коммунистов (17 человек). Кроме министерств и ведомств, при Совете министров существовали Комитет по делам физкультуры и спорта, Государственная штатная комиссия, Дирекция цен и Дирекция статистики. Для решения оперативных вопросов общегосударственного значения были созданы также три правительственных комитета: народной обороны и внешней политики (председатель — Г.Димитров), хозяйственных и финансовых вопросов (Т.Костов), социальных и культурных вопросов (Г.Попов). Верховный надзор за точным соблюдением законов правительственными органами, должностными и гражданскими лицами осуществляла прокуратура НРБ. Перестройка устранила такие элементы старой административно-хозяйственной структуры, как счетные и хозяйственные палаты, товарные биржи и пр. Кроме того, при перестройке хозяйственного аппарата была устранена многоступенчатость в министерствах и ведомствах, где прежде имелось 8 ступеней руководства: министр, главный секретарь, главный директор, директора, начальники отделов, отделений, служб и бюро. По новой структуре предусматривались 4 ступени управления: министр, заместители министра, начальники управлений (дирекций), отделов и аппарат исполнителей. Как подчеркивалось в одной из справок советского посольства, составленной вторым секретарем Ф.Коноваловым в марте 1949 г., «в организационную основу структуры всех министерств и ведомств имеется стремление положить опыт Советского Союза»⁶⁴. В частности, именно так строила свою работу Комиссия государственного контроля Болгарии. 24 ноября 1950 г. Политбюро ЦК БКП вынесло решение о перестройке ее работы. Она проводилась при непосредственном участии советского специалиста Орлова. С его помощью было составлено новое положение о задачах и функциях Комиссии, максимально учитывавшее советский опыт.

В связи с «делом» Т.Костова вопрос о работе госаппарата (как, впрочем, и партийного) приобрел особую остроту. Рубежом здесь стал январский (1950 г.) пленум ЦК БКП. С целью создания «правильной» структуры аппарата и его удешевления 27 февраля 1950 г. при правительстве была создана штатная комиссия, куда вошли представители Госплана, министерства финансов и министерства труда и социального обеспечения. Функции комиссии сводились к рассмотрению структуры и штатов министерств и ведомств, установлению должностных наименований, зарплат, вознаграждений и премий.

На протяжении 1950 г. наблюдалась определенная «перетасовка» министерского руководства. Г.Цанков стал министром внутренних дел вместо Р.Христозова, В.Поптомова сменил на посту

министра иностранных дел М.Нейчев. Место последнего как председателя президиума Народного собрания занял бывший министр обороны Г.Дамянов. Пост военного министра был предложен бывшему заместителю министра П.Панчевскому и пр.⁶⁵

В интересах «оперативного и конкретного руководства» народным хозяйством было принято решение о разукрупнении некоторых министерств. В декабре 1950 г. министерство внешней торговли было разделено на два — министерство внешней торговли и министерство заготовок и пищевой промышленности. Возглавил последнее бывший министр внутренних дел Р.Христовозов. В сентябре 1951 г. было разукрупнено министерство промышленности (министр А.Югов). Вместо него создано два самостоятельных: министерство тяжелой промышленности (министр Югов) и министерство легкой промышленности (на пост руководителя пришел бывший заместитель министра заготовок и пищевой промышленности А.Димитров). Одновременно министерство лесов трансформировалось в Управление при Совете министров.

Изменение структуры министерств преследовало цель сделать исполнительную власть более гибкой, устранить громоздкие звенья и, в конечном счете, повысить эффективность их работы. В одном ряду с такими преобразованиями находились и экстренные меры по улучшению работы некоторых министерств, принимавшиеся с начала 50-х годов. Однако сводились они, как правило, к караящим мероприятиям. За серьезные ошибки и деятельность, противоречившую линии партии и правительства, был снят с поста министра земледелия Т.Черноколев. Он был также выведен из состава Политбюро и исключен из партии⁶⁶. С работы были сняты и три его заместителя. Новым министром был назначен Г.Стоилов. В министерстве было создано политуправление, а в МТС — политотделы. Укрепление руководства МИД выразилось в снятии в 1950 г. заместителя министра Е.Каменова и ряда заведующих отделами. На место Каменова пришли два новых «зама» — Ж.Живков и Л.Герасимов. В середине 1951 г. за плохую работу министерства электрификации (министр К.Георгиев) поплатились своими креслами три его заместителя. За плохую работу и засоренность аппарата был снят министр коммунального хозяйства П.Каменов. Его сменил С.Тончев.

И в дальнейшем укрепление аппарата Совета министров шло по линии сокращения сотрудников и новых назначений. Отличительной чертой многих перестановок являлось пополнение госаппарата «испытанными партийными кадрами». Так, Ж.Живков был бывшим секретарем Хасковского окружного комитета БКП, Янев — секретарем Пловдивского окружного комитета БКП и т.п.

При рассмотрении конкретных назначений бросается в глаза «непотопляемость» многих функционеров. Это свидетельствует о том, что номенклатурный принцип подбора и расстановки кадров уже действовал в полную силу. Более того, практика перебрасывания кадров на «узкие» участки не сочеталась с их реальной подготовкой, опытом работы в определенной отрасли. Так, в августе

1952 г. старый коммунист К.Луканов, возглавлявший с января 1950 г. Госплан, получил пост заместителя председателя Совета министров по вопросам культуры. Снятый с довольно жесткими формулировками с поста руководителя Госплана Е.Матеев тут же возглавил выделенное из Госплана Главное управление статистики (позднее реорганизовано в Центральное статистическое управление при Совете министров). Однако существенного улучшения работы Госплана это не дало. После октябрьского пленума ЦК БКП 1952 г. советские наблюдатели констатировали, что Госплан и ЦСУ оставались «узким местом» в госаппарате, фактически тормозя дальнейшее развитие страны. До мая 1953 г., говорилось в информационной справке МИД СССР, ЦСУ не могло дать правильной оценки выполнения первого пятилетнего плана в 4 года (1949—1952 гг.), а Госплан трижды (!) представлял правительству недостаточно обоснованный пятилетний план на 1953—1957 гг. Выход из столь затруднительного положения был найден в привлечении к этой работе советских специалистов — советников Буторкина и Величко⁶⁷.

В целом за 1949—1953 гг. число членов кабинета министров возросло с 24 до 32 человек.

Аналогичные процессы развивались и в Румынии, где, правда, значительно раньше, весной 1949 г., партийное руководство пришло к выводу о необходимости реорганизации правительства. В беседах посла СССР в Бухаресте С.И.Кавтарадзе с Г.Дежем и А.Паукер 19—20 апреля румынские планы на этот счет были доведены до советской стороны. «Партийное руководство (Секретариат партии без Л.Рэдэчану, бывшего социал-демократа), — говорил Г.Деж, — решило положить конец тому ненормальному положению, которое создалось в Совете министров и которое выражается в том, что Совет министров вместо активного руководящего органа государства превратился в какую-то вывеску, прикрывающую пустое место». Секретариат партии первоначально наметил следующий план: создать президиум Совета министров из шести членов — председателя и пяти вице-председателей. Персонально: П.Гроза (председатель), Г.Георгиу-Деж (первый вице-председатель), А.Паукер, В.Лука, Т.Джорджеску и И.Кишиневский. За каждым вице-председателем закреплялись определенные министерства и ведомства. Г.Дежу было поручено курировать министерства промышленности, коммуникаций, обороны, а также комиссию по электрификации. Под контролем А.Паукер оказались министерства иностранных дел, земледелия (кроме того, по партийной линии она отвечала за колхозное строительство), лесного хозяйства, внешней торговли, кооперации. В ведении В.Луки были министерства финансов, нефти и шахт, культур и национальностей, а также Государственная плановая комиссия и комиссия по стандартизации. Т.Джорджеску курировал министерства внутренних дел, юстиции, общественных работ, т.е. строительства, внутренней торговли, пищевой промышленности. И, наконец, И.Кишиневский

отвечал за работу министерств просвещения, искусства и информации, деятельность Академии наук и за развитие спорта в стране.

После вторичного рассмотрения данного вопроса на Секретариате ЦК первоначальный план был несколько скорректирован: было решено ограничиться тремя вице-председателями, назначив на эти посты А.Паукер, Г.Дежа и В.Луку. При этом Паукер и Лука сохранили за собой руководимые ими министерства — иностранных дел и финансов. Что касается Джорджеску и Кишиневского, то закрепленные за ними министерства остались под их контролем, но в состав президиума правительства они не вошли⁶⁸.

Советский посол не остался пассивным слушателем. Отвечая на просьбу Г.Дежа «высказать свое мнение», Кавтарадзе в целом поддержал намеченный план. Вместе с тем он предложил внести в него некоторые изменения: «Ввиду того, что индустриальная промышленность (так в тексте. — *Авт.*) занимает более половины государственного плана и, кроме того, план электрификации тоже занимает в нем значительное место, то было бы правильнее, если бы Георгиу-Деж оставил за собой Госплан (председателем которого он в настоящее время и является), а из своей группы передал бы министерство коммуникаций министру внутренних дел Т.Джорджеску, поскольку железные дороги, мосты, тоннели, склады, транспортные средства и т.д. требуют строжайшей охраны. Из группы же Т.Джорджеску можно передать В.Луке министерство строительства, т.к. В.Лука возглавляет советско-румынскую комиссию по экономическому сотрудничеству и уже создано советско-румынское общество по строительству ("Совромстрой"), которое по румынской линии будет находиться в ведении В.Луки». Кавтарадзе также посоветовал назначить М.Константинеску (министр нефти и шахт) на пост руководителя Госплана, а председателем Контрольной комиссии сделать министра юстиции А.Буначиу. «На основании имеющихся у меня данных, — записал Кавтарадзе в своем дневнике, — я охарактеризовал названных лиц и заметил, что на их места легче подобрать людей. Деж признал обоих наиболее подходящими для занятия указанных постов»⁶⁹.

После проведенной с учетом советов Кавтарадзе реорганизации Г.Деж в беседе с советским послом 20 июня 1951 г. высоко оценил положение дел в аппарате Совета министров, подчеркнув, что он налажен теперь «по советскому типу» и что «работа идет несравненно лучше»⁷⁰.

Советская сторона, однако, и в тот момент, и позднее не разделяла чрезмерного оптимизма румынского руководителя. В справке «К положению в Румынии», датированной 4 июля 1953 г. и предназначенной для высшего советского руководства, авторы ее А.И.Лаврентьев и Ю.В.Андропов, в частности, констатировали: в работе государственных органов много бюрократизма, преобладают методы администрирования; центральный аппарат громоздкий (более 40 министерств и ведомств), в руководстве партийных и государственных органов — одни и те же люди, среди руководящих работников процветает семейственность⁷¹.

Рассмотрение имеющихся в нашем распоряжении документов о ходе реорганизации правительств в регионе выявляют одну отчетливую закономерность: изменения обсуждались и заранее обговаривались в руководстве компартии. Делалось это фактически за спиной парламента. И именно на этом этапе, как правило, шли активные консультации с советской стороной. «Своевременное информирование» ЦК ВКП(б) о предстоящей реорганизации и персональных перемещениях во властных структурах рассматривалось в руководстве компартий как обязательное и непеременимое условие. Подтверждения тому многочисленны и разнообразны. В августе 1952 г., например, с веденя советской стороны готовились и осуществлялись перестановки в кабинете министров Венгрии. Временный поверенный в делах СССР в Венгрии В.Азовцев сообщал министру иностранных дел А.Я.Вышинскому 5 августа 1952 г., что вопрос о реорганизации правительства предрешен. «После соответствующей подготовительной работы, — писал Азовцев, — основные заместители премьер-министра будут назначены в ноябре м[еся]це сего года, а остальные будут назначены позже в зависимости от того, как венгры смогут разрешить кадровые и организационные вопросы. В число подлежащих избранию в ноябре м[еся]це заместителями премьер-министра они намерены включить членов Политбюро:

1. Гере Эрне, государственный министр, председатель Совета народного хозяйства.
2. Хази Арпад, министр внутренних дел.
3. Жофинец Михай, министр среднего машиностроения.
4. Надь Имре, министр заготовок.
5. Киш Карой, министр иностранных дел»⁷².

Информацию о будущих перестановках в правительстве Азовцев, несомненно, получил от «верхов» венгерского руководства. Не исключено, что она исходила непосредственно от М.Ракоши, который, по словам Азовцева, сам «предлагал своевременно информировать ЦК ВКП(б)»⁷³.

К реализации намеченного венгры, действительно, приступили в ноябре 1952 г. Новыми членами кабинета были назначены И.Дьере (МВД), Э.Мольнар (МИД), Д.Дечи (юстиция), Й.Тиса (министерство заготовок). Заместителями премьер-министра стали Гере, Хази, Киш, Надь и — здесь было единственное отступление от первоначального плана — И.Хидаш вместо Жофинца.

Для нас важно констатировать, что советская сторона имела возможность постоянно «быть в курсе» происходивших кадровых перестановок в высших эшелонах власти и нередко активно выражала свое отношение к той или иной кандидатуре. В целом национальные коммунисты охотно шли на контакты с советскими представителями, стремясь согласовывать заранее свою линию действия, конкретные кандидатуры и пр. По всей вероятности, они считали, что это избавит их от ошибок и просчетов в будущем, а в случае неудачи выведет из-под огня советской критики.

Отдельные документы, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что и в Москве считали обязательной практику предварительного согласования важнейших кадровых перестановок и тщательно учитывали все отклонения от нее. Так, в подготовленной послом СССР в Праге М.А.Силиным на имя В.М.Молотова записке о К.Готвальде (27 октября 1949 г.) отмечалось: «Несмотря на то, что тов. Готвальду было своевременно подсказано запросить мнение Москвы о назначении его, Готвальда, президентом, он лично этого не сделал». Силин был склонен трактовать этот факт, наряду с некоторыми другими, как подчеркивание Готвальдом «своей самостоятельности и независимости», но все же констатировал: «В поведении Клемента Готвальда в отношении к Советскому Союзу предосудительного ничего нет. Можно прямо сказать, что он предан Советскому Союзу, товарищу Сталину и Вам, Вячеслав Михайлович»⁷⁴. Примечателен сам подход Силина: увязка практики информирования советской стороны по тем или иным вопросам с выводом о «личной преданности» функционера руководству СССР. Однако в таком подходе нет ничего необычного, поскольку номенклатурный принцип формирования властных структур предполагает и учет личных отношений на иерархической властной «вертикали».

Рекомендации советской стороны всегда носили конкретный характер, что подтверждает вывод о хорошей информированности Москвы по кадровым вопросам. Так, «своевременная информация» польского министра обороны К.К.Рокоссовского советнику посольства СССР Д.И.Заикину 20 октября 1953 г. о том, что ему, Рокоссовскому, как «человеку Москвы» создают трудности в работе, что в политуправлении Войска Польского кадры укомплектованы по национальному признаку (преобладали евреи) и семейному принципу, а в высшем руководстве Б.Берут находится под влиянием Бермана, Минца и Замбровского⁷⁵, привела к конкретным рекомендациям советской стороны полякам. 28 декабря 1953 г. в беседе Хрущева, Маленкова, Молотова и Булганина с Берутом в Москве было высказано следующее пожелание: Бермана перевести на работу в Совет министров, «сохранив его в Политбюро», а Минца «сохранить» в Политбюро и Совете министров, но освободить от руководства Госпланом. Прозвучала также рекомендация «серьезно заняться выдвижением руководящих кадров из числа выросших и преданных партии товарищей польской национальности», «привлечь Рокоссовского к более активной работе в Политбюро и ввести его в новый состав Политбюро»⁷⁶. Рекомендации советской стороны были приняты, хотя отношения Рокоссовского с некоторыми членами польского руководства, в том числе с Б.Берутом, характеризовались серьезными взаимными претензиями⁷⁷.

Национальный состав руководства, как показывают документы, привлекал пристальное внимание Москвы и раньше. Еще в 1950 г., например, из Будапешта поступила информация о том, что «на руководящих постах в ЦК [венгерской ком]партии и государ-

ственном аппарате много евреев». По всей вероятности, это обстоятельство вызывало беспокойство в советском руководстве, что объяснялось новой волной антисемитских настроений в высших эшелонах власти в СССР⁷⁸.

В Албании, по оценке национальных коммунистов, июль 1950 г. явился определенным рубежом в процессе укрепления властных структур. Было создано бюро Совета министров. До этого момента, говорил Э.Ходжа на заседании Политбюро ЦК АПТ 30 января 1951 г., «мы не придавали большого значения вопросу об укреплении государственного аппарата власти, и поэтому у нас было очень много недостатков». Создание в рамках кабинета новой узкой структуры привело, по оценке Ходжи, к улучшению работы правительства. Ходжа высоко отозвался о работе некоторых членов кабинета: «Мехмет Шеху... имеет систему в своей работе, планирует свою работу, определяет задачи, контролирует свою работу и помогает другим. Спиро Пану (один из заместителей председателя Совета министров) оперативен в работе, он хорошо контролирует выполнение решений и постановлений. Хюсни Капо также делает прогресс, но он должен очень много читать и учиться. Это все должны делать, но особенно Хюсни Капо и Бедри Спахию». Низкий образовательный уровень, по мнению Ходжи, становился серьезной помехой в работе правительства, затрудняя контроль за подведомственными органами и учреждениями. Продолжая свою мысль о Хюсни Капо и Бедри Спахию, Ходжа морализаторствовал перед членами Политбюро: «Смешно сказать, но ведь фактом является то, что без страха они не могут пойти на заседание Научно-исследовательского института! А разве может страшиться чего-либо коммунист, если он вооружен самой передовой наукой — марксизмом-ленинизмом?»⁷⁹

Однако «самая передовая наука» мало чем могла помочь при рассмотрении наиболее важных вопросов на заседаниях правительства. Прежде всего, когда речь шла об экономике и культуре. Как видно из документов, эффективность таких обсуждений была в целом чрезвычайно низкой. Весьма показательна с этой точки зрения информация члена Политбюро М.Шеху, переданная второму секретарю миссии СССР в Албании М.Глазкову весной 1950 г., об обсуждении в Политбюро наметок 5-летнего плана, готовившегося албанской стороной для СЭВ. В дневнике Глазкова информация Шеху передана так: «Спиро Колека (председатель Государственной плановой комиссии. — *Авт.*) умудрился прислать членам Политбюро огромную стопу бумаги с цифрами, "миллион цифр, — говорит Мехмет, — а к чему они совершенно непонятно". Придя на Политбюро, я первый заявил о невозможности использования представленного Спиро Колека материала. Я прямо сказал, что в представленном талмуде ничего не понял и поэтому считаю невозможным обсуждать такой важный вопрос с закрытыми глазами. Когда я заметил, — говорит М.Шеху, — что, может быть, я — такой оболтус и ничего не понимаю и, может быть, другие члены Политбюро что-либо понимают, раздались возгласы, что ...никто

ничего не понял в этих материалах... Политбюро предложило Спиро Колека переделать этот материал с таким расчетом, чтобы в нем можно было разобраться. Видя это, Спиро Колека стал возражать, что он ничего не сможет больше сделать с этим материалом. Тогда мы предложили ему обратиться к советскому советнику при плановой комиссии т. Уткину и сказать ему, советнику, что у нас представляют из себя члены Политбюро и как им трудно разобраться в таком вопросе... Спиро Колека... не остановился перед заявлением о том, что этот материал он составил вместе с Уткиным, и Уткин его одобрил. Нам пришлось уговаривать Спиро, чтобы он еще раз объяснил тов. Уткину, что уровень наших членов политбюро не таков, чтобы понимать голые цифры, и попросить его составить этот материал не так, как его могут понимать в Москве, а так, чтобы он был понятен и нам»⁸⁰.

Недовольство деятельностью С.Колеки, видимо, выражал не один М.Шеху. Во всяком случае, на заседании Политбюро ЦК АПТ 30 января 1951 г. Э.Ходже пришлось взять Колеку под защиту. «В аппарате ЦК имеется много недостатков, — говорил Ходжа. — Когда мы обсуждали на Политбюро хозяйственные планы, мы вели себя так, как иностранцы, мы не понимали, что к чему в этих планах, этого нам партия не простит. Мы должны были стараться разобраться в этих планах, а не успокаиваться тем, что у нас низкий уровень общего развития. После этого становится непонятным, как мы можем требовать от рядового коммуниста-крестьянина, почти совсем неграмотного, чтобы он освоил, например, специальность бухгалтера, а сами не стараемся как следует изучить обсуждаемый на Политбюро вопрос. Ведь не секрет, что все экономические вопросы мы возложили на одного Спиро Колека. Но не надо забывать, что Спиро Колека также имеет свои недостатки, что одному ему трудно справиться со всеми хозяйственными проблемами»⁸¹.

По всем странам региона документы выявляют весьма важное обстоятельство: повсюду проблемой № 1 становилась на рубеже 40—50-х годов квалификация управленцев. Слабость управленческого аппарата рано выявила расчеты местного руководства на советскую помощь, причем, самого разнообразного характера — кредиты, оборудование, техническая и иная документация, советники, специалисты и пр. Постоянный характер приобрели консультации с советскими специалистами при подготовке долгосрочных хозяйственных планов, проведении важных реформ и пр. Подчас соответствующие запросы облекались в наивную форму. Так, прибывшие весной 1948 г. работники болгарского Госплана во время встречи с руководителем Госплана СССР Н.Вознесенским сформулировали свое пожелание «получить... совет, в течение скольких лет мы могли бы выполнить задание партии и товарища Димитрова, чтобы... переустроить нашу страну в индустриально-земледельческую, когда у нас теперь продукция промышленности приблизительно составляет 30%, а продукция земледелия — 70%». По всей вероятности, болгары были удовлетворены полученными консуль-

тациями. «...Мы уверенно приступаем к разработке пятилетнего плана развития нашей страны», — заявил член делегации П.Шабанский сотруднику посольства СССР в Софии Ф.Коновалову, вернувшись из Москвы⁸².

Однако советская помощь, как быстро выяснилось, способствовала формированию у национальной элиты вполне определенных настроений. Посол в Софии М.Ф.Бодров сообщал в письме В.М.Молотову 28 сентября 1948 г.: «В беседах с нашими людьми они (болгарские руководители. — *Авт.*) откровенно заявляют, что без помощи Советского Союза им не справиться с задачами, которые они хотят поставить в пятилетнем плане, и дают понять нашим работникам, что в этом случае моральная ответственность будет лежать на Советском Союзе. Одним словом, у наших друзей в этом отношении чувствуется "иждивенческое настроение"»⁸³.

Отмеченная выше реорганизация правительств в странах региона наблюдалась в Югославии значительно раньше. Это было связано с тем, что властная монополия коммунистов утвердилась здесь уже на выходе страны из войны, и КПЮ рано получила возможность действовать, не оглядываясь на союзников и партнеров по Народному фронту. Ориентиром для югославских коммунистов был СССР, советский опыт. В июле 1947 г. Э.Кардель сообщил послу А.И.Лаврентьеву о готовившихся изменениях в Совете министров. Эти изменения должны были проходить как по линии создания новых министерств (в том числе и путем дробления старых), так и по линии новых персональных назначений. Так, министерство рудной промышленности предполагалось разделить на два новых — министерство по топливу и министерство металлургической промышленности. На пост министра по топливу планировали назначить старого коммуниста Б.Андреева, а главе Высшего экономического совета Б.Кидричу предстояло одновременно обеспечить руководство и металлургической промышленностью. Созданное министерство электрификации предполагали доверить министру внешней торговли Петровичу. Пикантность ситуации заключалась в том, что подобная назначенческая «эквилибристика», по сути дела, означала наказание Петровича, не обеспечившего «нужного разворота внешней торговли»: за 1-ое полугодие 1947 г. план был выполнен только на 40%. Предстояло сменить и Срзентича — помощника министра внешней торговли и оздоровить таким образом ситуацию в министерстве. На должность министра внешней торговли претендовал председатель Контрольной комиссии Сербии М.Попович. Югославское руководство имело претензии и к руководителю министерства иностранных дел С.Симичу. «Симич не обеспечивает необходимого руководства, — подчеркнул Кардель. — Он честный дипломат, но нужного государственного руководящего опыта не имеет. Подходящим кандидатом на этот пост явился бы Бакарнич, нынешний премьер-министр Хорватии, но его здоровье затрудняет провести такое назначение. Других подготовленных кандидатов пока нет». Лаврентьев не согласился с

критической оценкой Симича, заметив, что последний «работает много и добросовестно»⁸⁴.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы свидетельствуют, что к сентябрю 1947 г. намечавшаяся реорганизация была частью проведена. Все важнейшие посты в правительстве принадлежали коммунистам. Генеральный секретарь ЦК КПЮ Й. Броз Тито возглавил правительство и министерство национальной обороны. Второй секретарь ЦК Э.Кардель был первым заместителем премьер-министра и возглавил контрольный совет. Министерством внутренних дел руководил оргсекретарь ЦК КПЮ А.Ранкович. Кандидат в члены ЦК Б.Кидрич возглавлял Высший экономический совет и министерство промышленности. За членом ЦК С.Жуйовичем было закреплено министерство финансов и пр. Первыми заместителями министров-некоммунистов были члены КПЮ, которые несли полную ответственность перед ЦК за деятельность «своего» министерства.

Во всех республиках Югославской федерации правительства возглавляли первые секретари ЦК компартий. Исключением стала лишь Босния и Герцеговина, где не было ЦК. Коммунистам принадлежали руководящие посты в областных, районных и сельских органах власти и комитетах Народного фронта. Учитывая, что все общественные организации руководились коммунистами, можно констатировать, что КПЮ осуществляла полное руководство жизнью страны. Как подчеркивалось в упомянутой выше справке «О современном экономическом и политическом положении Югославии», «политика югославского правительства является политикой югославской компартии»⁸⁵.

После 1948 г. отлученные резолюциями Коминформа от движения югославское руководство, оказавшись в положении изгоя, подвергавшегося постоянным нападкам со стороны вчерашних союзников, попыталось нащупать собственный вариант дальнейшего развития государства и общества и обосновать его теоретически. Лейтмотивом таких попыток являлась острая критика советской действительности и советского опыта государственного и политического развития. Агентство «Юнайтед пресс» подчеркивало в июне 1950 г., что «отказ от слепого подчинения Кремлю заставил титовскую Югославию искать новые формулы, которые оживили бы марксистскую доктрину и извлекли бы ее из-под спуда, под которым ее держит советская догма, которую руководители Москвы считают непогрешимой»⁸⁶.

Советские дипломаты, работавшие в стране, внимательно следили за выступлениями югославских руководителей, тщательным образом информируя Москву. Своеобразной и важной вехой для них явилось выступление Й. Броз Тито 26 июня 1950 г. в Скупшине. Оно получило резко негативную оценку сотрудников посольства, отметивших в одном из сообщений, что югославский лидер «впервые попытался прибегнуть к теоретизированию как средству для прикрытия предательства». Советская сторона не могла не испытывать раздражения от резких характеристик состояния госу-

дарственного аппарата в СССР, советских трактовок переходного периода, данных в выступлении Тито. Роль партии в трудах Сталина, заявил Тито, сведена к управлению государственным аппаратом. Не удивительно посему, что в СССР «партия приобретает все более империалистический характер и становится составной частью бюрократического аппарата, то есть отождествляется с ним и, таким образом, теряет всякую связь с народом и со всеми теми вопросами, которые должны ее интересовать»⁸⁷.

Объектом пристального внимания югославской стороны явился прежде всего вопрос о государстве. Москва считала, что трактовался он «в троцкистском духе»⁸⁸. Дальше всех, по мнению советских наблюдателей, пошел Б.Зихерл, объявивший образцом «правильного» строительства социализма Югославию, а не СССР. В статье «О некоторых проблемах государства переходного периода», помещенной в газете «Напред» 11 августа 1950 г., Зихерл обвинил Сталина в отказе от тезиса об отмирании государства*, приведшем к бюрократизации госаппарата в СССР. Он поднял вопрос об «особом слое людей, которые управляют государством и которые живут за счет излишков труда непосредственных производителей». «Люди эти, — писал Зихерл, — в большинстве случаев происходят из рабочего класса. Но это нисколько не меняет того факта, что этот государственный аппарат существует за счет излишков труда непосредственных производителей». Заостряя внимание на проблеме бюрократизации госаппарата, Зихерл подчеркнул ее большую опасность в отсталых странах, где «сильнее проявляется и развивается бюрократическая тенденция отстранения непосредственного производителя от участия в управлении народным хозяйством»⁹².

* Зихерл имел в виду сформулированный Сталиным тезис о длительном сохранении диктатуры пролетариата вплоть до построения коммунизма. Этот тезис вызрел не сразу. До конца 20-х годов Сталин придерживался марксистской позиции, согласно которой «осуществленный социализм означает отмирание государства»⁸⁹. Но уже на XVI съезде ВКП(б) в июне 1930 г., раскрывая в общих чертах, как будет проходить этот процесс, Сталин отмечал: «Мы за отмирание государства. И мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей самую мощную и самую могучую власть из всех существовавших до сих пор государственных властей. Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти — вот марксистская формула. Это "противоречиво"? Да, "противоречиво". Но противоречие это жизненное, и оно целиком отражает марксову диалектику»⁹⁰. Тезис о преодолении системы через ее «высшее развитие» был заимствован Сталиным у Троцкого, который еще в 1920 г. в брошюре «Терроризм и коммунизм» писал: «Как лампа, прежде чем потухнуть, вспыхивает ярким пламенем, так и государство, прежде чем исчезнуть, принимает форму диктатуры пролетариата, т.е. самого беспощадного государства, которое повелительно охватывает жизнь граждан со всех сторон». Не случайно, в литературе не раз указывалось, что утвердившаяся в СССР в 30-е годы концепция социалистического государства была, по существу, троцкистско-сталинской»⁹¹.

Зихерлу вторил Д.Благоевич, констатировав на страницах «Борбы» 13 августа 1950 г., что «усиление государства в условиях советской действительности означает усиление властвующего бюрократического аппарата по линии все большего лишения прав трудящихся масс»⁹³.

Окончательный приговор был произнесен со страниц «Борбы» в сентябре 1950 г.: в СССР — первой стране социализма выросла «бюрократическая каста», которая превратила весь государственный аппарат в высшую власть над народом⁹⁴.

Пытаясь дистанцироваться от подобных явлений, югославские руководители всячески стремились показать, что готовы в сфере внутренней и внешней политики занять самостоятельные позиции и обосновать их, отказавшись от прежнего «некритического насаждения» в Югославии всего, что делалось в СССР. Большие надежды они связывали с переходом в 1950 г. к децентрализации управления в политической, экономической, культурной и прочих областях. В ней им виделось начало уничтожения государства как орудия угнетения. В экономической сфере закон о передаче управления государственными предприятиями и высшими хозяйственными органами трудовым коллективам (июнь 1950 г.) был призван реализовать старый большевистский лозунг «Фабрики рабочим!», отвечавший, в действительности, социалистическим принципам, но так и не воплощенный в жизнь в СССР. Югославские руководители считали, что у КПЮ существуют прекрасные потенциальные возможности добиться значительного эффекта в борьбе против бюрократизма, который успел пустить корни в стране. «...Наша партия, — подчеркивал Зихерл, — заблаговременно обратила внимание на истинные корни опасности [бюрократизации] и продемонстрировала полную готовность и способность вести усиленную борьбу с этой опасностью. Результат проведения на практике этих мер будет иметь колоссальное значение не только для построения социализма в нашей стране, но и для всего международного революционного рабочего класса»⁹⁵. Руководство страны считало, что такая линия действия постепенно приведет к исчезновению партии. Об этом говорил Тито в интервью редактору индийской социалистической газеты П.Падье, переданном ТАНИЮГ 14 февраля 1952 г. Тито заметил также, что «в Югославии государство начало постепенно отмирать, так как мы передаем административную власть низшим органам и народу»⁹⁶.

Следует отметить, что и намерения, и конкретные действия югославского руководства внимательно анализировались и на Западе. Однако оценки происходившего в Югославии не были столь однозначно позитивными, нежели у югославской стороны. В качестве иллюстрации приведем заключение видного английского лейбориста М.Филлипса, который в составе делегации ЛПВ посетил в сентябре 1949 г. Югославию. На страницах информационного бюллетеня КОМИСКО Филлипс, подробно проанализировав ситуацию в стране, констатировал, что Югославия оставалась, несомненно, «коммунистическим государством». Принципиально

важно, что в качестве синонима термина «коммунистическое» Филлипс в статье использовал и определение «полицейское». Именно так он характеризовал режим в стране. Лидеров Югославии Филлипс считал «100%-ными коммунистами, посвятившими служению партии всю жизнь». Вместе с тем Филлипс подчеркнул, что югославы испытывали глубокое отвращение к «бюрократии советского образца», которое заставило их предпринимать попытки заинтересовать широкие массы участием в управлении страной, стремиться к максимальной передаче власти и ответственности местным организациям. В силу этого, считал Филлипс, «привилегированный класс» в Югославии «менее многочислен», чем в России. Характеризуя состояние кадровой проблемы, Филлипс отметил сильную нехватку квалифицированных технических кадров. «Некоторые директора фабрик и шахт, которых мы посетили, писал он, могли бы фактически [так] охарактеризовать свою квалификацию: первое — партизан; второе — член компартии и третье — бывший работник промышленности»⁹⁷. Таким образом, не осталась незамеченной доминанция таких политических критериев, как участие в народно-освободительной борьбе и членство в компартии.

О том, как формировался управленческий корпус, сообщила австрийская «Нойе Винер Тагесцайтунг» 1 июля 1951 г. Ссылаясь на некоего чиновника информационной службы Югославии, газета писала: «В 1945 г. каждый партизан имел право выбрать себе профессию... Многие тогда решили стать чиновниками, несмотря на то, что до войны занимались сельским хозяйством. Ныне этого уже нельзя сделать, эти люди возвращены на работу в сельское хозяйство. Там, где имеется возможность, мы назначаем опытных специалистов»⁹⁸. Напомним, что бурный рост чиновничества отмечал еще лидер крестьянской партии Д.Йованович, выступая в Конституционном комитете 11 декабря 1945 г. «Чересчур много служащих, чиновников, — говорил он. — В срезе* ранее было 6 чиновников, а теперь в каждом — более 20. Точно так же и в общинах. В каждом селе — 1—2 платных служащих. Крестьяне говорят, что в Югославии сейчас чиновничье государство. Служащие — выходцы из крестьян, рабочих, ремесленников. Это — целый мир, который отходит от физического труда, ...изнеживается, получает зарплату и перестает работать физически, который отходит от ремесла, отчуждается от деревни, от народа»⁹⁹.

После разрыва со странами советского блока назначение на хорошие должности в качестве награды отличившимся в борьбе с «информбюровцами» получило широкое распространение и привело к резкому росту госаппарата. Последний, как сообщали, например, из Черногории, стал «пухнуть в своих верхах». Так, в частности, вместо одного заместителя председателя республиканской плановой комиссии появилось 4 новых, и у каждого — новые началь-

* Срез — административная единица; уезд, район.

ники отделов. В министерстве строительства штатная единица заместителя министра в старом штатном расписании предполагала наличие одного управленца, а в новых условиях — уже трех. Появилась также масса новых учреждений с самостоятельными функциями, в которых зачастую кадров еще не было, а руководство уже имелось¹⁰⁰.

Понимая ненормальность создавшегося положения, руководство страны в начале 50-х годов в ходе реорганизации системы управления и объявленной борьбы с бюрократизмом сократило численность государственного, административного и партийного аппарата на 100 тыс. человек¹⁰¹. Однако кардинально ситуацию это не изменило.

«Новая ориентация» в управлении страной, тесно связанная с идеологической борьбой против СССР, была отмечена западными наблюдателями. О «честном желании» югославской стороны ограничить бюрократический аппарат и дать больше свободы действий низшим органам, например, руководству предприятий, писала в июне 1950 г. швейцарская газета «Нойе Цюрихер Цайтунг»: «Сначала, когда югославские коммунисты любили СССР, они с отвратительной точностью копировали все государственные и экономические формы советской системы, подчас в преувеличенном виде. Югославский пятилетний план был, например, более честолюбивым, чем пятилетка русских... Пропаганду Советского Союза они считали действительностью и верили, что только нужно применить те же рецепты, чтобы добиться равных результатов. Заблуждение, от которого, впрочем, русские тщетно предостерегали своих югославских товарищей по партии, было в некоторой степени прощательным, т.к. во всей правоверной сталинской литературе, из которой югославские коммунисты извлекали свое мировоззрение, нет ни одного честного объяснения проблем и опыта тотального планового хозяйства. Вместо ожидаемого рая в результате применения русских рецептов выявляются все большие трудности. ...Сознание, что нет возможности идти прежним путем, вынудило югославское руководство изменить ориентацию их образа мышления»¹⁰².

Оценки Запада относительно ситуации в Югославии в целом носили осторожно-оптимистический характер, но диапазон их был достаточно широк. Констатация нежелательности преждевременного завершения «югославского эксперимента» соседствовала с выводом о решительной эволюции Югославии «в сторону свободы» и отдаления от «тоталитаризма», а признанию отказа от «русского шаблона» сопутствовало опасение: сможет ли югославское руководство и дальше идти по этому пути¹⁰³?

В 1951 г. Белград пришел к выводу о том, что прежние оптимистические оценки собственной реальности были завышенными и что «антимарксистские методы», применяемые в СССР, имеют место и у них. Прежде всего речь шла об экономике, где строгие методы экономического контроля со стороны разросшейся бюрократии не просто мешали работать, но оказывали, по оценке юго-

славского руководства, парализующее воздействие. Ослабление бюрократического контроля при сохранении реальной власти в руках компартии рассматривалось как первостепенная задача. Как отмечал журнал «Нью-Йорк Таймс мэгэзин» в июле 1952 г., югославы пришли к «соломонову решению» создать на предприятиях рабочие советы с правами контроля и управления. При этом в Белграде посчитали, что они используют опыт Парижской коммуны, которая в свое время «предоставила народу наиболее благоприятные условия социалистической демократии»¹⁰⁴. Новая форма участия рабочих в управлении промышленностью (производственные советы) определилась в конце 1951 г. Одновременно экономический контроль в управлении был децентрализован, передан в руки местных властей. Функции планирования, однако, остались за Белградом. Рабочие советы подверглись жесткой критике сотрудников советского посольства как одно из звеньев в цепи мероприятий, якобы направленных на полную реставрацию капиталистических отношений в стране, как организации, не имеющие ничего общего с интересами трудящихся и разлагающие действующие на рабочих. Из МИД СССР в ноябре 1953 г. было передано указание послу В.А.Валькову продолжать отслеживать деятельность рабочих советов, обращая особое внимание на трудности, с которыми сталкиваются «титовцы» в их работе¹⁰⁵.

По времени изменения в экономической сфере совпали с улучшением отношений Югославии с Западом, в частности, с США. Это породило в обществе разного рода слухи о том, что «идеи Запада вернулись в страну», что идет процесс демократизации режима по западным, а не по социалистическим образцам и пр. Морально-психологическая обстановка в стране, и так не отличавшаяся устойчивостью, усложнилась до такой степени, что лидеры поняли: «пришло время натянуть поводья», напомнить, что Югославия — страна, строящая социализм, в которой «к прошлому не может быть возврата».

Объяснение наметившейся трансформации М.Джилас позднее дал следующим образом. Одержав победу над Сталиным, Тито чувствовал себя триумфатором, но постепенно к нему возвращался трезвый взгляд на вещи: он опасался, что, «ослабив узду», не сможет удержать жизнь в намеченном русле. Попав в тиски между двумя враждовавшими блоками, Тито оказался на перепутье. «Это была своего рода остановка в тоннеле», — считал Джилас, но этот тоннель был пробит уже «в толще сталинизма»¹⁰⁶.

Вождь на вершине «пирамиды власти»

Й. Броз Тито был первым руководителем ЦК компартии, возглавившим правительство. За ним последовали Э.Ходжа в Албании, Г.Димитров в Болгарии, М.Ракоши в Венгрии. Впоследствии этот список расширился, обозначив не только существенную тенденцию складывания механизма государственной власти, но и

важную веху в процессе сращивания партийного и государственного аппарата: оформление вождистского принципа осуществления власти. О том, что на самом высоком уровне это сращивание происходило под контролем и при активной роли Москвы, свидетельствуют многочисленные документы. Они доказывают, что фигура вождя не является простым продуктом некоей благоприятной политической среды. Ее возвращают и заботливо пестуют, широко используя в этих целях все средства пропаганды.

Когда 2 июня 1952 г. румынский парламент принял решение избрать на пост председателя Совета министров лидера партии Г.Георгиу-Дежа, центральный орган ЦК РРП «Скынтейя» в статье «За дальнейшее укрепление партии»^{*} подчеркивала: «Избрание генерального секретаря ЦК РРП на эту высокоответственную государственную должность означает укрепление народно-демократического строя и обеспечивает еще более твердое проведение линии партии в работе нашего государства». При этом находившийся ранее на посту главы кабинета П.Гроза был отодвинут на «декоративный» пост председателя президиума ВНС. Но еще задолго до назначения Дежа с его именем начали настойчиво связывать все реальные и мнимые успехи страны, в его адрес шли письма и обращения с мест, значительная часть которых публиковалась в печати и была призвана убедить читателя в мудрости руководителя, его прозорливости и личной причастности к устранению всех препятствий на пути к социализму. Особо мощные «валы» подобного славословия накатывали на румынское общество в связи с конкретными событиями — осенью 1951 г. в канун 50-летия Дежа или весной — летом 1952 г. в связи с «оппортунистическими проявлениями» тогдашнего министра финансов В.Луки¹⁰⁷.

В октябре 1951 г. в ЦК ВКП(б) поступила информация о предстоящих в Румынии празднествах, посвященных 50-летию юбилею румынского лидера. В Москве узнали, что предстояло введение звания Героя Социалистического Труда, первым носителем которого должен был стать Деж. «Готовится письмо на его имя, которое подпишут миллион молодых людей РНР, большим тиражом будут изданы труды Георгиу-Деж[а] и проведены 10-дневные курсы секретарей по проработке трудов Георгиу-Деж[а] в низовых организациях», — говорилось в сообщении¹⁰⁸.

По аналогичной схеме происходило насаждение культа личности В.Червенкова в Болгарии. Для демонстрации своей компетентности Червенков начал постоянно выступать с докладами, статьями и, по примеру И.Сталина, разъяснениями в виде ответов на «письма трудящихся» по самому широкому кругу вопросов общественной жизни и социалистического строительства. На страницах теоретического органа БКП журнала «Ново време», начиная с 1952 г., были опубликованы «Ответ тов. Странскому», «Ответ

^{*} Статья была также издана в Издательстве РРП в Бухаресте отдельной брошюрой на русском языке.

тов. Т.Павлову», «Открытое письмо тов. Пиронкову», «[Ответ] товарищу Дели Йордановой» и др. Естественно, тут же нашлись и «толкователи» подобной «переписки»: в № 11 журнала за 1951 г., например, была помещена статья К.Добрева «Значение писем товарища В.Червенкова тов. Павлову и Странкову для развития нашей науки». Быстро распространилась практика, когда «учителю и другу болгарского народа» рапортовали труженики, отчитываясь о своих достижениях. В сентябре 1950 г. торжественно было отмечено 50-летие Червенкова. По решению Политбюро ЦК БКП имя болгарского лидера получили V район Софии, авторемонтный завод и столичная медицинская академия.

16 ноября 1950 г. постановлением Политбюро ЦК БКП № 413 процесс присвоения имен вождей городам, селам, предприятиям и пр. был упорядочен. Применительно к объектам национального значения соответствующие решения принимались исключительно Политбюро. В местном масштабе это была прерогатива околийских комитетов партии и народных советов, но решения утверждались председателем президиума Народного собрания (такая практика действовала с мая 1949 г.). Носить имя В.Червенкова могли лишь «хорошо изученные и подходящие объекты», являвшиеся примером для остальных¹⁰⁹. Интересно, что сам Червенков именно 1949 г. датировал возникновение в стране собственного культа личности, хотя официальной точкой отсчета в литературе является все-таки его 50-летний юбилей.

Советская сторона фиксировала «культовые» проявления в Болгарии, однако специально вопрос о них ставился в партийных документах, предназначенных сугубо «для внутреннего пользования» и, по нашим данным, произошло это лишь в декабре 1953 г., уже после смерти Сталина. В связи с предстоящим визитом Червенкова в Москву в Отделе ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями была подготовлена подробная записка о положении в Болгарии. Немало места в ней отводилось оценкам ситуации в руководстве БКП. В записке, в частности, подчеркивалось: «В руководстве компартии Болгарии неблагоприятно обстоит дело с коллективностью руководства, слабо развита критика и самокритика, что находится в прямой связи с продолжающейся в Болгарии пропагандой культа личности т. Червенкова. В течение длительного времени в болгарской печати выступления т. Червенкова немедленно объявлялись "историческими", "вдохновенными", "проливающими яркий свет", "исключительным событием" и т.д. Руководящие работники Болгарии в своих выступлениях без конца цитировали высказывания т. Червенкова. Его выступления цитировались не только в речах и газетных статьях, но и в официальных документах партийных и профсоюзных органов. В статьях, приветствиях, письмах в отношении т. Червенкова применялись такие выражения, как "мудрый", "любимый", "родной", "верный продолжатель дела Димитрова" и другие неумеренные эпитеты. За последнее время это славословие по адресу т. Червенкова несколько сократилось, однако и в настоящее время появление т. Червенкова и его

выступления сопровождаются бесконечным скандированием. Даже на пленуме ЦК болгарской компартии, состоявшемся 25—27 сентября с.г., появление в зале т. Червенкова было встречено скандированием: "Червенков", "Червенков". Каждый год т. Червенков все лето проживает в бывшем царском дворце в окрестностях г. Сталин* (более 10 часов езды от Софии) и оттуда руководит партий и страной»¹¹⁰.

30 января 1950 г., через неделю после смерти В.Коларова, пленум ЦК БКП принял решение предложить на утверждение парламенту кандидатуру Червенкова на пост председателя Совета министров. Учитывая важность вопроса, у отсутствовавших на пленуме членов и кандидатов в члены ЦК было запрошено их мнение в письменном виде. Полученные ответы продемонстрировали полное единодушие: решение Политбюро провозглашалось «единственно правильным»¹¹¹. Но мало кто знал, что пленуму предшествовал обмен шифртелеграммами между Софией и Москвой. 29 января 1950 г. Червенков сообщил Сталину о выдвижении своей кандидатуры на пост главы кабинета и запросил мнение советского руководителя на этот счет. На следующий день, 30 января, «Филиппов» (Сталин) ответной шифртелеграммой дал свое согласие.

Возглавив правительство, Червенков вскоре сосредоточил в своих руках руководство Отечественным фронтом. И, наконец, в ноябре 1950 г. после официального восстановления в партии поста генерального секретаря** Червенков занял и эту должность. По этому поводу София также предварительно захотела узнать мнение Москвы. 5 ноября 1950 г. председатель Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В.Григорьян сообщил об этом Сталину. Одновременно болгарская сторона запросила согласие советского руководства по кандидатуре члена ЦК Г.Чанкова на пост заместителя председателя Совета министров¹¹². «Добро» из Москвы было получено.

Впоследствии обращения к Сталину как к высшей инстанции по всем основным вопросам, включая кадровые, стали важнейшим элементом в методах управления Червенкова¹¹³. Одновременно практиковалось привлечение советских представителей в Софии в качестве советников или, по меньшей мере, свидетелей происходивших перемещений. Так, посол Бодров был приглашен на закрытое заседание ЦК БКП в мае 1950 г., где рассматривался вопрос о перестановках в Совете министров¹¹⁴.

* Г. Сталин — прежнее название г. Варны.

** После смерти Г.Димитрова (2 июля 1949 г.) Политбюро ЦК БКП приняло решение ликвидировать пост генсека в партии. В исторической литературе это решение нередко связывают с намерением Червенкова не допустить на партийный Олимп В.Коларова. Восстановление же поста генсека было проведено явно «под Червенкова».

Данные факты отнюдь не следует представлять себе как болгарскую специфику. Стремление заручиться мнением, согласием, поддержкой советской стороны и, по возможности, лично Сталина демонстрировали практически все без исключения коммунистические лидеры стран восточного блока. Как показывают документы о встречах и беседах советских руководителей и прежде всего Сталина с национальными коммунистами, последние нередко испытывали сильнейшее эмоциональное потрясение от посещения Москвы. В феврале 1947 г. Г.Георгиу-Деж, например, признавался переводчику майору Шкоде, что «всегда, когда он находится перед Сталиным, [он] чувствует себя растерянным, теряет голову»¹¹⁵. А в августе 1953 г., вернувшись в Бухарест, Деж заявил советскому послу Л.Г.Мельникову, что после визита в Москву он «вырос на целую голову». Характерно, что, по-видимому, ощущение подчиненности «младшего» «старшему» сохранялось и после смерти Сталина. Не случайно Деж констатировал: «Мы несколько неудобно себя чувствовали, когда руководители партии и правительства Советского Союза разговаривали с нами, как равные с равными»¹¹⁶.

Любое проявление недостаточного внимания Москвы к собственной персоне весьма болезненно воспринималось национальными лидерами как важный сигнал, возможно, чреватый серьезными последствиями. В подтверждение приведем такой факт. В середине января 1950 г. «в заметно плохом настроении» вернулся из Москвы в Будапешт М.Ракоши. Об этом сообщил советник МГБ СССР в министерстве государственной безопасности Венгрии С.Н.Карташов в докладной записке министру В.С.Абакумову. Абакумов, в свою очередь, переслал этот документ В.М.Молотову. В записке приводились слова члена Политбюро Й.Реваи из беседы с начальником национальной службы безопасности Г.Петером: «...Судя по фотографиям в "Правде", где был заснят президиум торжественного собрания в Москве в честь 70-летия товарища Сталина, Ракоши находился на самом краю стола, чем... "обидели нашего дорогого товарища Ракоши"». Карташов отразил в записке мнение Петера: «...не исключено, что в целях подогреть настроение товарища Ракоши, Реваи, возможно, говорил ему об этом»¹¹⁷.

Добавим, что формирование культа личности Ракоши вызывало критические замечания со стороны секретариата Коминформа, а в Москве обратили на себя внимание запущенные в венгерскую партийную пропаганду формулировки об «учении тов. Ракоши» и «партии Матиаса Ракоши»¹¹⁸.

В целом сформированный и внедренный в политическую практику стран региона принцип вождизма как основополагающий, определил законченность в процессе построения иерархической «пирамиды» власти. «Вождь» олицетворял собой вершину партийно-государственной «вертикали», сосредоточив в своих руках поистине необъятную власть над обществом и страной. Достигалось это тем, что, если исполнительная власть (госаппарат, советы или

комитеты трудящихся на местах) действовали в отраслевом или территориальном масштабе, то всеобъемлющая и универсальная власть партии подчиняла себе все сферы общества. А олицетворялась данная система власти в единственной фигуре лидера правящей партии, ее «вождя».

Функционирование органов власти на местах

Стержнем всей политической структуры общества в Восточной Европе являлись народные (национальные) советы (комитеты). Официально объявленные основой новых режимов, они были призваны воплощать в себе «народный» характер власти. Конкретно-исторические условия их возникновения были различными. В Польше, например, как указывалось в одном из донесений политуправления 1-го Украинского фронта, новые административные органы власти — воеводские, волостные, городские и сельские народные советы (рады народов), возникшие частично еще в период оккупации, были к весне 1945 г. сформированы повсеместно и приступили к работе. На руководящих постах в них были представлены почти все партии демократического блока, но превалировали члены ППР. Советские наблюдатели особо подчеркивали, что прерогативой коммунистов являлись контрольные функции¹¹⁹. Сосредоточение же всей полноты власти в руках рад народных произошло значительно позднее — весной 1950 г. Законом от 20 марта о местных органах единой государственной власти было отменено традиционное для Польши деление местной власти на местное самоуправление и государственную администрацию и введена, по образу и подобию советской, как единственная, система народных советов. На долгие годы исчезли старые польские институты воевод, президентов городов, старост, солтысов и войтов¹²⁰. Закон предполагал проведение выборов в местные органы власти. Однако к его реализации приступили с заметным отставанием. Срок выборов несколько раз переносился. В это время советы действовали не как выборные органы, а как назначенное представительство от различных партий и организаций. Польское руководство считало это обстоятельство главной причиной слабой связи советов с народными массами, но до 1954 г. положение оставалось неизменным. 21 июля 1953 г. посол СССР в Варшаве Г.М.Попов сообщил в Москву о том, что в польском руководстве планировалось провести первые выборы в рады народов весной 1954 г. Советская сторона приняла решение «рекомендовать польским товарищам» выдержать этот срок¹²¹.

В отличие от Польши в Болгарии комитеты Отечественного фронта официально не являлись органами власти, хотя поначалу болгарские коммунисты предполагали такой вариант развития и даже закрепили его как необходимый в директиве ЦК БРП(к) от 26 августа 1944 г. В Болгарии имело место значительное разнообразие отношений между местными комитетами ОФ и государст-

венными органами власти (там, естественно, где они сохранились). В ряде округов вся власть в общинах сосредоточивалась в руках комитета ОФ, в других местах председатель комитета исполнял функции кмета (старосты) общины, околийского управляющего и пр. Но несмотря на это разнообразие, повсюду в стране существовала практика назначения на руководящие должности в административный аппарат лиц по рекомендации комитетов ОФ или избрания их на общих собраниях жителей по рекомендации комитетов¹²².

Социальный и политический состав государственных, административных и хозяйственных учреждений регулировался с помощью так называемых справок ОФ — нового вида документов, являвшегося подтверждением политической благонадежности и лояльности того или иного лица. В первые месяцы новой власти эти справки имели обязательный статус, но постепенно стали приобретать характер общественной рекомендации. В конце 1946 г. X пленум ЦК БРП(к) рекомендовал Национальному комитету ОФ приостановить их выдачу, но в политической практике справки имели сравнительно широкое хождение еще и год спустя, т.е. в конце 1947 г.

Как «опора новой власти на местах» комитеты ОФ получили функции контроля и содействия работе государственных и общественных органов. Это означало, в частности, что комитеты занимались подбором кадров и контролировали их деятельность, но вопросы назначения и увольнения государственных и других служащих были прерогативой соответствующих министерств. Заметим, что грань здесь была достаточно зыбкой, и это во многом объясняет требования партнеров компартии по ОФ покончить с «двоевластием», пресечь «управленческие» замашки комитетов. Острота вопроса об административных чистках и выдвижении новых кадров была усугублена временной отменой в начале 1944 г. служебного ценза, что фактически широко открыло дверь трудящимся в госаппарат. С юридической точки зрения появление соответствующего декрета-закона давало возможность под антифашистскими лозунгами немедленно приступить к радикальной чистке всего государственного аппарата¹²³.

Отмеченные отличия в практике функционирования советов (комитетов) не повлияли на основные тенденции их дальнейшего развития. Старая практика делегирования депутатов на основе приглашения в рамках народных, национальных и отечественных фронтов уступила место новой — организации выборов в народные советы. Этот процесс шел разновременно в различных странах региона, охватив 1949—1954 гг.

В Болгарии первые выборы были назначены на 15 мая 1949 г. Руководство страны придавало выборам большое значение в процессе формирования всеобъемлющей системы власти, отражавшей, как подчеркивалось, чаяния и интересы народа. Предвыборная кампания официально началась во второй половине апреля. Выдвижение кандидатов осуществлялось по указаниям ЦК БКП,

согласно которым устанавливалось соотношение кандидатов для членов партий ОФ и беспартийных. Так, например, в Варненском округе это соотношение было следующим: БКП — 60%, БЗНС и беспартийные — 40%. В некоторых местных организациях БЗНС, например в Шумене и Балчике, проявились настроения в пользу паритета, но провести этот принцип в жизнь не удалось. Показательно «объяснение» этого факта, данное в информационном письме консульства СССР в Варне в Москву в мае 1949 г. по итогам выборов: указывалось на нехватку «авторитетных и подходящих кадров» в БЗНС. Данная констатация по многим причинам вызывает сомнения. В частности, хотя бы вследствие того, что крестьянская партия Болгарии, имевшая долгую историю, славные традиции общинной, кооперативной, просветительской деятельности, вряд ли страдала из-за отсутствия достойных членов. Косвенно подтверждают это и содержащиеся в данном письме сведения о том, что в Варне и других местах дважды пересматривались списки кандидатов, якобы по причине нарушения указания ЦК БКП о пропорциональном представительстве (логично предположить, что пропорции нарушались в пользу БЗНС). Кроме того, имевшиеся отводы, как правило, касались кандидатов от БЗНС. Под предлогом отсутствия подходящих кандидатов-«земледельцев» местные организации БКП часто выдвигали своих членов от общественных организаций (женского союза, союза народной молодежи и пр.), не указывая партийности.

В процессе голосования обнаружилось много неточностей в избирательных списках. В самой Варне в день выборов было выявлено 1500 избирателей, не включенных по разным причинам в списки. Допускалось, например, нарушение и такого рода: чтобы повысить процент участвовавших в выборах, лиц, выбывших из города или заболевших, просто вычеркивали из списков. Достаточно активно некоторые члены избиркомов осуществляли подмену бюллетеней, чтобы обеспечить «победу» кандидатов ОФ. В селе Бяло, как стало известно в советском консульстве, было подменено 300 бюллетеней, в селе Новоградец — более 100. Советские дипломаты получили информацию и о том, что на бюллетенях и конвертах делались специальные пометы с целью определить, кто из «ненадежных лиц» как проголосует. Имелись случаи двойного голосования некоторых специально подготовленных избирателей в ряде сел на разных избирательных участках. Достаточно оперативно в Варненском округе перешли к нажиму на голосовавших против ОФ. Как правило, по отношению к ним применяли «замаскированную репрессию» — повышенный налог¹²⁴.

Характерно, что советская сторона подобные нарушения объясняла «пережитками старых буржуазных выборов, когда в погоне за большим количеством избирателей... прибегали к такой махинации...» Советские дипломаты констатировали, что «в настоящее время эти проделки (!), несомненно, наносят большой вред авторитету ОФ»¹²⁵.

Информационные материалы советских консульств частично освещали «ошибки», имевшие место при подсчете голосов. «Вольно или невольно», как говорилось в одном из донесений в Москву, кое-где городские избиратели были включены и в число голоовавших в районах. Такое дублирование позволило, например, причислить к голосам, поданным за союз ремесленников в Варне, свыше 60 тыс. человек. Однако, справедливости ради заметим, что не всегда в таких случаях проявлялся умысел. В некоторых селах членами и даже секретарями избирательных комиссий были почти неграмотные люди, которые не могли проследить за правильностью заполнения списков¹²⁶.

Выборы в народные советы по официальной статистике дали 92% голосов за кандидатов ОФ. По словам заведующего агитпроп-отделом ЦК БКП М.Николова, этот результат превзошел все ожидания партийного руководства. В беседе с сотрудником посольства СССР Г.Купкой 17 мая 1949 г. Николов подчеркнул, что 80% населения отдали голоса за ОФ «по убеждению», а 10—15% голосов пришлось на долю «буржуазных элементов», которые попытались таким образом «втереться в доверие наших властей, усыпить их бдительность и творить свое вражеское дело»¹²⁷. Неясно, что служило основой для такого «распределения» Николовым процентов голосов. Во всяком случае, напрашивается вывод о произвольном подходе, а не серьезном, глубоком анализе итогов выборов. Что касается голосов, поданных против ОФ, то их наличие Николов связал с недовольством населения местным руководством и системой распределения промышленных товаров, но более детального анализа не сделал.

А между тем документы фиксируют обращение части избирателей к лозунгам оппозиционного БЗНС, разгромленного осенью 1947 г., а также к авторитету Т.Костова. Его имя упоминалось в сотнях антиправительственных лозунгов, написанных на избирательных бюллетенях, причем о Костове говорилось в том числе и как о борце за установление в Болгарии власти, «типа существующей в Югославии». Из документов видно, что на итоги выборов, несомненно, повлияла самоуспокоенность властей в городах и околиях: переоценив силы ОФ, они сочли, что отсутствие официальной оппозиции автоматически обеспечит ОФ победу¹²⁸. Почти все околии запоздали с началом предвыборной агитации, вели ее фактически лишь последнюю неделю — с 7 по 15 мая.

Тем неожиданнее оказались подлинные цифры. Мы не располагаем, к сожалению, материалами для масштабного обобщения, но те, что оказались доступными, свидетельствуют о значительном разрыве между официальной статистикой и реальностью. Так, по информации руководителя госбезопасности Средецкой околии П.Стоянова, представленной им в советское консульство в Бургасе, за ОФ было подано не 79% голосов, как сообщалось, а лишь 55%. В ряде мест результат был для ОФ удручающим. В селе Господарево за ОФ из 830 избирателей было подано 35% голосов, в районном центре Средец — 60% и пр. В селе Чемерин Бургасской

околии из 517 избирателей только 75 проголосовали за ОФ, в селе Скеф из 266 избирателей — 126¹²⁹.

В направленной в Москву справке консульства по итогам выборов в Бургасском консульском округе от 8 июня 1949 г. подчеркивалось, что местное руководство стремилось «выправить опасное положение на своем избирательном участке» путем применения специальных мер: при подсчете голосов широко практиковалась подмена бюллетеней. Эту информацию советские дипломаты получили непосредственно от секретарей околийских комитетов БКП и председателей народных советов. Последние подтвердили несоответствие официальных и реальных итогов выборов настроениям населения: процент голосов, по их мнению, не должен был превысить 80—85, в то время как, по официальным данным, за ОФ в городах и околиях округа голосовали 89,46%, а отдельно в городах процент был еще выше — 95,66%¹³⁰.

Есть основания считать, что «техника» помогла «выправить положение» и в других районах страны. Например, в Русенском округе официальным 90% голосов противостояли конфиденциальные данные руководства БКП о 67—75% избирателей, отдавших свои голоса за ОФ¹³¹.

Помимо пресловутой «техники», влияние оказали и репрессивные акции властей. В Бургасском округе накануне выборов «за вражескую агитацию и провокации» народная милиция арестовала 75 человек¹³². Превентивные аресты явились важным средством давления на электорат.

5 июня 1949 г. прошли выборы в сельские народные советы в Албании. Списки кандидатов также были подготовлены местными партийными и государственными органами, но мнение населения при этом практически не учитывалось. Это, как отметил Э.Ходжа в беседе с Д.С.Чувахиным 8 июня 1949 г., привело к «прорывам» в некоторых избирательных округах. Тем не менее в целом за кандидатов Демократического фронта по официальным данным отдали голоса до 90—95% избирателей. Но, как и в Болгарии, в отдельных районах итоги были далеко не столь оптимистичными. Так, на севере страны в ряде мест до 20—25% избирателей вообще не явились голосовать, в некоторых районах 10—12% избирателей проголосовали против кандидатов фронта¹³³.

В Румынии в 1949 г. на смену традиционным местным представительствам власти — префектурам и примариям пришли назначенные сверху новые органы власти — временные комитеты. Специально созданная государственная комиссия приступила к разработке закона о народных советах. При этом в основу работы был положен советский опыт, причем в самом конкретном его варианте: заместитель председателя правительства Т.Джорджеску сообщил советнику посольства СССР С.С.Спандарьяну 14 мая 1951 г., что румынской стороной были «широко использованы переводные советские материалы»¹³⁴. На основе подготовленного положения о выборах в декабре 1950 г. прошли выборы в сельские, городские, районные и областные народные советы.

Практика выявила массу трудностей в работе советов. Определяя их причины, Джорджеску в первую очередь указал на отсутствие опыта, неорганизованность, канцелярщину, обилие циркуляров и директив из центра, «отнимающих [у депутатов] массу времени, но не дающих правильного направления в работе». Наблюдалась подмена административной власти со стороны секретарей райкомов РРП, хотя установки вышестоящих партийных органов на этот счет носили запретительный характер.

Примечательно, что румынское руководство видело для себя выход из трудного положения в приглашении советских специалистов. Советская сторона пошла навстречу просьбам румын: в мае 1951 г. в Бухарест прибыли советник по вопросам народных советов П.А.Архипов и советник по вопросам районирования П.А.Туманов¹³⁵.

В Венгрии первые выборы в местные советы прошли 22 октября 1950 г. Членами и кандидатами в члены советов были избраны более 220 тыс. человек. Преобладающие позиции в советах занимало трудовое крестьянство — 67% депутатов. Затем шли рабочие — 15%, представители интеллигенции — 7%. Остальные мандаты достались служащим, мелким промышленникам и торговцам. При этом треть избранных были коммунистами¹³⁶. Документы показывают, что советская сторона внимательно наблюдала за функционированием системы власти в стране. В частности, большой интерес сотрудников посольства СССР в Будапеште Н.Н.Сикачева и Ю.Н.Чернякова к «вопросам советского строительства в Венгрии» стал главным поводом для встречи дипломатов с заместителем министра внутренних дел Т.Пеце 22 октября 1951 г. Пеце констатировал, что и год спустя после выборов аппарат советов еще сильно засорен бывшими хортистскими чиновниками и другими кадрами, не заслуживающими доверия. Решения майского пленума ЦК ВПТ 1951 г., на основе которых была проведена чистка в низовых парторганизациях, повлекли за собой усиление внимания и к штатам народных советов. С мая по октябрь 1951 г. из состава советов было удалено более 600 сотрудников, а всего было намечено «вычистить» 1 888 человек. Чистка коснулась и рядовых сотрудников, и руководителей. Ко времени беседы вакантными оставались посты председателей исполкомов советов в четырех комитетах (прежние руководители «сняты по непригодности»). Кроме того, было намечено сменить председателей еще в двух комитетах. По словам Пеце, большую трудность представлял подбор секретарей сельских советов. Большинство действующих секретарей в прошлом являлись сельскими нотариусами, были людьми «грамотными и хитрыми», что давало им возможность фактически заправлять всеми делами советов за спиной неопытных и, как правило, малограмотных председателей.

Помимо чисток венгерское руководство считало необходимым организовать отзыв не справлявшихся со своими обязанностями депутатов. Пополнение советов предстояло осуществлять, согласно указу Президиума Республики, путем кооптации новых членов.

Масштабы ее были значительными: до 20% первоначального состава. Кандидаты выдвигались органами Народного фронта¹³⁷.

Определенные итоги намеченных мероприятий по укреплению советов подвел в беседе с Н.Н.Сикачевым 14 октября 1952 г. заместитель министра внутренних дел А.Варга. Он отметил положительные изменения социального состава сотрудников аппарата советов: 67% являлись «выдвиженцами из среды рабочих и крестьян». За один лишь 1952 г. состав советов удалось обновить на 40%, в том числе сменить 1 500 секретарей советов, которых Варга охарактеризовал как «опору кулачества в государственной администрации». Изменения коснулись и структуры советов: в областных исполкомах были организованы отделы кадров, а в районных исполкомах созданы специальные занимавшиеся вопросами кадров группы. Они несли ответственность не только за подбор сотрудников, но и за повышение квалификации и профессиональных навыков последних. Кроме того, был увеличен штат советов за счет организации отделов заготовок в райсоветах и введения должности инструкторов по заготовкам в местных советах. В областных исполкомах введены должности трех заместителей председателя. Все новые кадры должны были пройти специальную подготовку на трехмесячных курсах для секретарей советов и на пятимесячных — для председателей. С 1 января 1953 г. планировалось открыть специальную академию для подготовки работников советов и пр. В целом, по оценке Варги, удалось существенно улучшить работу советов, хотя сохранились еще и серьезные недостатки. К числу таковых Варга отнес отсутствие должной заботы о нуждах населения и бюрократизм. Причем, если первый недостаток демонстрировали «свои» кадры на местах, то второй исходил в большей мере от вышестоящих органов. Настоящим бедствием стали постоянные наезды в местные исполкомы «инструкторов» из центра, которые с целью контроля за работой советов «собирали сведения» и, как подчеркнул Варга, только мешали работать¹³⁸.

Следует отметить, что постоянное внимание, демонстрировавшееся советскими наблюдателями к работе советов в Венгрии, имело особую причину. В Венгрии сложилась весьма своеобразная практика, когда местные органы власти административно подчинялись министерству внутренних дел. Поэтому и информацию о работе советов советская сторона могла почерпнуть прежде всего от руководства МВД. Это положение вызывало несогласие и критические оценки работников посольства, сообщавших в Москву, что такое подчинение «в серьезной степени нарушает принцип демократии», и что местные советы, «по существу, являются до сих пор особыми ячейками министерства внутренних дел»¹³⁹.

В странах региона довольно рано выявилось и начало углубляться противоречие между программной задачей местных органов власти и их фактической ролью. Прокламируемый демократизм советов, не развившись, постепенно был сведен к формальным процедурам, а исполнительный аппарат начал возвышаться над советами. Это определило четкую перспективу превращения советов

из власти трудящихся во власть для трудящихся через партийно-государственных функционеров, в один из «приводных ремней». Над обществом вставала партия, а ее руководство, оказавшееся бесконтрольным, — над партией. На местах партийные руководители приобрели власть, фактически неподконтрольную. Это положение в руководствах компартий определялось чаще со знаком плюс как реализация руководящей роли коммунистов в обществе. В одной из справок ЦК ВПТ, в частности, «очень серьезным достижением» было названо такое положение, когда «секретари партийных организаций, уездные, областные, городские и районные комитеты партии охватывают своими действиями все большую и большую территорию и становятся хозяевами (подчеркнуто в документе. — Авт.) этих территорий»¹⁴⁰. Это положение укрепилось после процесса над Райком и его сторонниками. Местные партийные организации зачастую не считали нужным даже ставить в известность народные советы о проведении тех или иных важных мероприятий. Подобное явление перешагнуло венгерские границы, обозначив один из имманентных признаков «партийного государства». Так, например, возникла конфликтная ситуация в столице Албании — Тиране, во время выселения «реакционных семей». Действуя в тесном контакте с городским комитетом АПТ, органы МВД подготовили списки на выселение, в которых допустили много ошибок. Когда городской совет начал получать жалобы, то выяснилось что он даже не был проинформирован об акции выселения. Органы МВД были вынуждены приостановить свою деятельность и привлечь к проведению в жизнь этой «нужной меры» работников горсовета¹⁴¹.

Вместе с тем имелись примеры и обратного порядка, причем характерно, что они отразили инициативу «снизу». В румынской деревне, в частности в 1952 г., наблюдалось некоторое ослабление влияния секретарей парторганизаций. Предпочтение местное население отдавало председателям сельских советов, являвшимся освобожденными работниками. Не всегда эти посты занимали коммунисты. Поэтому понятно, почему в материалах, поступивших из ЦК РРП в Москву, явно просматривалась озабоченность создавшимся положением, когда «фактически руководителем села» становился глава совета, подчас оттесняя на второй план партсекретаря¹⁴².

Особо следует отметить и методы сращивания партийного и административно-хозяйственного и ведомственного аппарата на местах. Как и «наверху», сравнительно широко применялась кооптация руководителей учреждений в партийные органы. В Венгрии, в частности, сплошь и рядом руководители МТС, полиции, армии, транспорта и пр. с легкостью кооптировались в состав уездных бюро или уездных комитетов ВПТ. Партийное руководство массовыми организациями осуществлялось путем их механического прикрепления к конкретным отделам уездного бюро партии. Например, профсоюзы в промышленных уездах прикреплялись к промышленному отделу, в иных уездах — к орготделу. Организа-

ции Демократического фронта освобождения были закреплены за сельскохозяйственным или кооперативным отделами. Принцип «двойного подчинения», хорошо известный правоведам, переживал на практике определенную трансформацию: идея сочетания «горизонтальной» и «вертикальной» связи местных органов государственного управления с советами, с одной стороны, и вышестоящими ведомствами и учреждениями, с другой, качественно видоизменилась в силу того, что советы уже оказались в подчинении у партийных органов. Поэтому широкое распространение получила практика, когда, как, например, в Венгрии, культурно-просветительные учреждения на местах напрямую контролировались и руководились агитационно-пропагандистским отделом уездного комитета партии, а заведующие отделами кадров различных уездных органов «выходили» непосредственно на отдел кадров уездного партийного комитета.

Понятно, что такая практика вела к прямому отождествлению уездных партийных органов с местной администрацией, причем не только в глазах населения: «...Имеются многочисленные случаи, когда [сами] хозяйственные и массовые организации обращались за указаниями к партийным организациям даже по вопросам второстепенного значения», — говорилось в упомянутой выше справке ЦК ВПТ¹⁴³.

Отдельные государственные структуры, в частности, министерства, стремились, как показывают документы, сохранить чистоту «вертикальной» связи и, курируя местные государственные, хозяйственные и культурные органы, не стремились обсуждать с местными партийными органами возникавшие вопросы. Характерно, что подобные действия в высших эшелонах ВПТ были отнесены к разряду «крупнейших недостатков»¹⁴⁴.

Примечательно, что в «верхах» ВПТ порой высказывались весьма неожиданные в условиях «партийного государства» оценки сращивания партийного и административно-хозяйственного аппарата. 10 февраля 1950 г. на заседании в центральном руководстве ВПТ М.Ракоши подчеркнул негативные последствия этого явления, не дававшие возможности в достаточной степени реализовать руководящую роль партии. В этом венгерский лидер усматривал исходную причину многих других недостатков¹⁴⁵.

Функционирование судебных органов

Важное место в политической системе стран Восточной Европы занимали органы правосудия. Конституции закрепили по советскому примеру принцип единства законодательной, исполнительной и судебной власти. Понимание национальным руководством важности значения этого звена с точки зрения сохранения и стабильности режима определили постоянное внимание к деятельности органов юстиции. Залогом их нормального и правильного функционирования считалось точное следование опыту судебных

органов СССР. В связи с этим национальные лидеры нацеливали юристов на его внимательное изучение. По советскому образцу и подобию организовывались народные суды в Румынии (в октябре 1951 г. румыны запросили типовые штатные расписания народных судов¹⁴⁶); тщательно изучали материалы о советском судоустроительстве и, в частности, о деятельности Генпрокуратуры чехословацкие юристы¹⁴⁷; конкретную помощь в организации Генпрокуратуры запросили венгры (2 июня 1952 г. Совет министров СССР принял постановление о командировании в Будапешт двух юристов с этой целью)¹⁴⁸.

Неоднократно, начиная с 1949 г., о крайней необходимости воспользоваться конкретной помощью советских инструкторов заявляли албанские руководители. В запросы управления безопасности Албании включались просьбы МВД. Так, в апреле 1949 г. албанцы запросили двух советских инструкторов — по организации работы милиции и по уголовным делам. Согласие министра внутренних дел СССР С.Н.Круглова было получено, а затем Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление¹⁴⁹. 7 сентября 1951 г. Э.Ходжа обратился с письмом в ЦК ВКП(б) специально по вопросу об оказании помощи албанским органам юстиции. Албанский руководитель просил направить в страну советника-юриста сроком на 2 года, а также принимать «время от времени» албанских работников юстиции на двухгодичные курсы в Москве. «В наших органах юстиции, — писал Ходжа, — имеется много новых работников, никогда не работавших в этой области, и в большинстве случаев со средним и неполным средним образованием». «Усвоение славного опыта советской юстиции» албанское руководство, как указывалось в письме, считало важнейшим звеном «в деле повышения качества работы государственных судов и прокуратур»¹⁵⁰.

Вместе с тем, как видно из документов, советская сторона подчас корректировала запросы и обращения национального руководства. Так, в марте 1952 г. министерство юстиции СССР сочло нецелесообразным поездку в Чехословакию двух ответственных работников — юристов. По плану чехословацкой стороны, их силами в течение одного месяца (!) предполагалось осуществить полную «перестройку чехословацкого судопроизводства». Считая этот план невыполнимым, руководство Минюста сформулировало встречное предложение — рекомендовать чехословацкому правительству «направить в СССР небольшую группу работников юстиции и прокуратуры Чехословакии для ознакомления с организацией и деятельностью советских судов и прокуратуры». Эту позицию поддержал и МИД СССР¹⁵¹.

Судя по материалам, вопрос о перестройке чехословацкой юридической науки стал предметом острых споров в руководстве, конкретно в юридическом совете ЦК КПЧ. Здесь еще осенью 1949 г. столкнулись позиции заместителя председателя Национального совета В.Прохазки и министра юстиции А.Чепички. В беседе 5 ноября 1949 г. с послом М.А.Силиным Прохазка заявил,

что расхождения с Чепичкой у него имеются «почти по всем вопросам юридических наук». Однако главные споры вызывали темпы перестройки судопроизводства и усвоение советского опыта. Чепичка, по словам Прохазки, выступал протагонистом ударной перестройки и «механического перенесения готовых рецептов советского права на чехословацкую почву». Позиция Прохазки — умеренные темпы, в том числе и при разработке различных кодексов, и, главное, отказ от слепого копирования советского юридического опыта. «Изучая достижения и опыт советского права, чехам нельзя механически переносить положения советского права на чехословацкую почву, не учитывая, что Чехословакия находится на той ступени общественного развития, на которой Советский Союз находился в первые годы своего существования»¹⁵².

Документы свидетельствуют, что партийные руководители в странах региона во главу угла деятельности судебных органов ставили прежде всего их репрессивно-наказательную функцию, подчеркивали, как, например, албанские лидеры, их «высокую миссию как сильных средств диктатуры нашей народной демократии»¹⁵³. Такой подход логично вписывался в господствовавшую концепцию усиления классовой борьбы по мере перехода к социализму. В этих условиях от суда требовались жесткость, четкое понимание «классовой линии» и «революционной целесообразности» и готовность подчинить им закон, равно как и принять указания партийного руководства. Иная линия поведения и внешне ее проявления не принимались, становясь объектом критики. Так 7 августа 1951 г. в беседе с послом СССР в Варшаве А.А.Соболевым Б.Берут привел пример «слабости состава суда» в процессе над «военными заговорщиками и шпионами», усмотрев эти слабости в «излишнем либерализме [прокурора и председателя суда] в отношении обвиняемых», разрешении последним «говорить слишком много», а также боязни «ставить обвиняемым нужные по ходу следствия вопросы». Однако перечисленные «слабости» не помешали тому, чтобы судебный процесс, по оценке Берута, развивался нормально, «в соответствии с намеченным планом»¹⁵⁴.

Несомненно, слабостью судопроизводства считались и такие явления, о которых 25 сентября 1951 г. сообщил сотруднику советского посольства в Праге Д.К.Звонкову министр юстиции Чехословакии Ш.Райс: «...Совсем недавно в Чехословакии трудно было найти судью или обвинителя, который мог бы спокойно, как это требует закон, вынести суровый приговор. Было много случаев, когда судья, вынеся приговор, сам падал в обморок»¹⁵⁵.

Объективным показателем атмосферы, возникшей в обществе под влиянием установок об обострении классовой борьбы, явился рост заводимых судебными органами дел в Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии и других странах. В 1951 г. в Венгрии были заведены дела в отношении 362 тыс. человек, но, кроме того, в административном порядке (полицейскими органами) были рассмотрены дела в отношении более 500 тыс. человек. В аналитичес-

ких материалах, подготовленных сотрудниками советского посольства в Будапеште в декабре 1952 г., подчеркивалось отсутствие серьезных оснований для такой активности. «Такое массовое привлечение к судебной и административной ответственности жителей не может не сказаться отрицательно на настроении населения», — указывалось в справке¹⁵⁶.

Размах наказательной деятельности и серьезные перегибы в румынской юридической практике обусловили подготовку весной 1953 г. закона об амнистии. В беседе 14 марта с послом А.И.Лаврентьевым И.Кишиневский сообщил о переполненных тюрьмах, где содержались, в частности, несколько десятков тысяч арестованных крестьян. «Крестьяне осуждались за различные незначительные нарушения в вопросах заготовок, выполнения сельхозналога, основываясь на постановлении правительства 1949 г. и пользуясь при этом старым королевским уголовным кодексом. До сих пор точного учета арестованных и осужденных не имеется. Вопрос о подготовке закона об амнистии возник в связи с тем, что министр юстиции внес предложение о постройке дополнительно двух тюрем, хотя в королевской Румынии тюрем было достаточно», — информировал Кишиневский. Рост нарушений закона в судебной практике, по словам Кишиневского, стимулировал румынское министерство юстиции и прокуратуру также и к разработке нового уголовного кодекса¹⁵⁷.

В Болгарии ужесточение санкций в новых юридических нормах 1949 г. (пожизненное заключение за большинство должностных преступлений, смертный приговор за политические преступления) не сняло, как оказалось, с повестки дня проблему роста в стране преступности. Советские наблюдатели напрямую связывали это обстоятельство с обострением классовой борьбы¹⁵⁸. В основу уголовного законодательства Болгарии в первой половине 50-х годов было целиком положено советское уголовное право. 2 февраля 1951 г. был принят новый Уголовный кодекс, но, как вскоре оказалось, судебная практика выявила его недостаточную «суровость». В конце 1952 г. министр внутренних дел Г.Цанков внес в Политбюро ЦК БКП предложение об «усилении воздействия на изменников родины и членов их семей»¹⁵⁹. 10 февраля 1953 г. в закон были внесены соответствующие изменения. Предусмотренное ужесточение наказания создало значительные затруднения Болгарии в международном плане, поскольку болгарский кодекс оказался уникальным: столь суровые статьи не имелись ни в одном другом законодательстве, включая и советское. В силу этого 10 ноября 1953 г. они были отменены.

В рассматриваемое время в стране, по данным органов юстиции, наблюдался рост политических преступлений (измена, предательство, шпионаж, вредительство), причем рост этот был постоянным: в 1948 г. — 134 приговора, в 1949 г. — 878, в 1950 г. — 1 328, в 1951 г. — 1 548. В начале 50-х годов утвердилось мнение, что при рассмотрении политических дел доказательства приобре-

тают второстепенный характер, достаточно признания обвиняемого. Как не вспомнить известное утверждение Вышинского о признании — «царице доказательств»? Суд выносил по политическим делам 250—280 смертных приговоров в год. Не случайно в Народном собрании даже прозвучал вопрос «У нас что в стране гражданская война?»¹⁶⁰

Рост числа дел, рассматривавшихся судебными органами, был характерен и для Югославии. В 1950 г. было рассмотрено 29 812 уголовных дел, в 1951 г. — 43 309; та же динамика отмечалась и по гражданским делам: 45 741 дело — в 1950 г., 76 274 — в 1951 г.

В ходе советско-югославского конфликта советские наблюдатели активно отслеживали положение в органах юстиции Югославии. Их донесения из Белграда отражали острокритический подход. В частности, Москва получала информацию «о дальнейшем переорождении кадров судебных органов». «Доказывалось» это сведениями о сокращении числа заседателей из рабочих и возрастом прослойки «профессионало-юристов»¹⁶¹.

Тем самым знания и профессиональная подготовка объявлялись менее значимым фактором, нежели социальное происхождение, партийная принадлежность и прочие «политические» соображения.

Вопрос о юридических кадрах не терял своей остроты и актуальности и длительное время оставался «ахиллесовой пятой» судопроизводства в странах региона.

Информируя советских представителей, национальные руководители, как правило, особо подчеркивали итог чисток в органах юстиции и их обновления. В упомянутой выше беседе министра Ш.Райса с Д.К.Звонковым 25 сентября 1951 г. прозвучал оптимистичный вывод об «очищении» министерства юстиции Чехословакии от всех реакционных элементов: 900 старых чиновников, проявлявших какую-либо враждебность к режиму, были отправлены на производство. Все руководящие должности в министерстве заняты выходцами из рабочего класса. Их теоретический «багаж» — двухгодичная юридическая школа — считался вполне достаточным. То же проделано было и на периферии, где в руководство судами и органами прокуратуры пришли, по словам Райса, «вновь подготовленные, преданные режиму народной демократии люди»¹⁶².

Однако в июле 1952 г. в Москве была получена информация, несколько подправлявшая имевшиеся сведения о положении в чехословацких органах юстиции. Беседуя с советником посольства П.Г.Крекотенем, уполномоченный юстиции в Словацком правительстве Р.Стрехай подчеркнул, что «пристального внимания» требует ситуация в Верховном суде Чехословакии, где преобладали работники старого «домюхенского» суда. Стрехая беспокоили их социальный статус (преобладали выходцы из семей служащих — 23 чел., торговцев — 14 чел., и лишь 4 чел. имели рабочее происхождение), а также политическая ориентация членов суда в про-

шлом: до 1938 г. большинство судей принадлежали к социал-демократической (12 чел.) и национально-социалистической (5) партиям. Имелись сторонники и «буржуазных» партий — народной и др.

Что касается министерства юстиции, то, по сведениям Р.Стрехая, 39 его сотрудников работали в министерстве еще в период 1-ой Республики, 2 — при Австро-Венгерской монархии, а 3 — в период оккупации Чехословакии¹⁶³.

Таким образом, сообщение Стрехая несколько отличалось от информации Райса. Но и Стрехай, и Райс сходились в оценке неблагоприятного положения в деле подготовки молодых кадров юристов. Райс открыто обвинил секретаря ЦК КПЧ Г.Бареша в создании всяческих помех вместо ожидаемой от него помощи. В 1951 г. в юридических институтах страны обучались всего 223 человека, причем среди выпускников средних школ распространение получила «вредная теория о ненужности при социализме юридических работников». Для того, чтобы заинтересовать школьников юриспруденцией, профессора-юристы начали проводить беседы о профессии в школах. Как сообщил Райс Звонкову, по указанию Бареша, эти беседы были запрещены. Бареш так пояснил свою позицию: «В Чехословакии не хватает специалистов для промышленных вузов, а юридические институты могут подождать»¹⁶⁴.

Такой подход симптоматичен: по большому счету, закон отодвигался таким образом на второй план, он «мог подождать», уступая другим, считавшимся более важными сферам и направлениям деятельности.

Стрехай, проанализировав ситуацию на юридическом факультете Братиславского университета, который в 1952 г. должны были окончить 110 студентов, пришел к неутешительному выводу: лишь 14 человек были, по его мнению, пригодны для работы в органах юстиции или госаппарате¹⁶⁵. Остальные, будучи «детьми капиталистов и помещиков», не отвечали критерию «чистоты» классового происхождения.

Подобное заключение имело далеко идущие последствия. Прорисовывалась перспектива регулирования потока абитуриентов в пользу выходцев из социальных «низов», которым следовало предоставлять преимущество перед «лучше обеспеченными», а следовательно, и имевшими лучшую успеваемость и подготовку.

Советская сторона не просто собирала и оценивала информацию, но подчас инициировала процессы, развертывавшиеся в сфере юриспруденции. Обратимся к фактам.

Советник МГБ СССР при Управлении госбезопасности Венгрии Карташов в донесении министру госбезопасности СССР В.С.Абакумову от 10 февраля 1950 г. о результатах «ознакомления с постановкой следственного и тюремного дела в стране» отметил, что выводы были доложены т. Ракоши. Среди выводов фигурировали «отсутствие революционного законодательства, которое отвечало бы интересам рабочего класса», действие старого буржуазного законодательства, слабость следственной работы, сильная засорен-

ность полиции, существование т.н. полицейских судов, «где венгерских граждан судят за мелкие нарушения законов по материалам, оформленным самой полицией», отсутствие контроля за судьями и пр. «Информируя тов. Ракоши по его просьбе о положении в полиции, — писал Карташов, — мы обратили внимание на то, что наличие полицейских судов противоречит новой конституции Венгрии. Тов. Ракоши согласился с этим и намерен вместо полицейских судов создать участковые народные суды с участием народных заседателей»¹⁶⁶.

Развернувшаяся в Венгрии в 1951—1952 гг. реорганизация судебного дела явилась прямым результатом рекомендаций советского советника. С реорганизацией судопроизводства было связано обращение главы правительства И.Доби в Совет министров СССР 1 марта 1951 г. с просьбой принять среди прочих и делегацию министерства юстиции для изучения советской системы судопроизводства, порядка назначения и отзыва судей и др.¹⁶⁷

Повсеместным явлением в странах региона явилось, помимо сильного и определяющего влияния советской правовой системы, полное подчинение судебных органов не только законодательной и исполнительной властям, но и более всего — правящей партии, под всеохватным контролем которой они находились. Введение института «народных судей» свидетельствовало о том, что при проведении судебных процессов торжествовать будет «политическая линия», а не линия законности. Органы юстиции оформились в послушный государственный институт осуществления репрессивных функций. Особенно ярко это проявилось в ходе крупных судебных процессов начала 50-х годов.

* * *

Итак, к началу 50-х годов в странах Восточной Европы сложился и действовал новый государственный механизм, в основу организационной структуры и функционирования которого был положен советский прообраз. В процессе формирования этого механизма испытанными ранее в Советской России и СССР методами была создана централизованная, управляемая и контролируемая модель. По примеру Советской России, где в свое время осуществлялось дробление наркоматов, в странах Восточной Европы имело место разукрупнение министерств. Превращение их из масштабных отраслевых центров, своего рода штабов отраслей, в узкоспециализированные ведомства преследовало вполне конкретную цель — с учетом нехватки квалифицированных кадров максимально облегчить контроль и директивное управление министерствами, подменяемое, как правило, командованием. Попутный резкий рост числа учреждений и, естественно, чиновников-управленцев создавал другие проблемы. Профессиональная слабость и низкая компетентность чиновников привели к необходимости перманентного «перетряхивания» аппарата министерств. Поиски причин

слабой эффективности работы последних стимулировали проверки и чистки. Однако помимо указанной причины, это объяснялось еще и репрессивной политикой государства, затрагивавшей как старых «спецов», так и новые кадры. В целом аппарат управления постоянно испытывал на себе сильное давление, рождавшее чувство неуверенности в завтрашнем дне и стремление любыми способами обезопасить себя. Чрезвычайно низкий уровень квалификации большей части управленцев диктовал единственно надежную в этих условиях линию поведения — максимальное послушание, исполнительность, безоговорочное подчинение вышестоящему начальству. При этом оказывались не востребованными инициативность, смелость, самостоятельность.

Наблюдавшееся в странах региона сращивание партийного и государственного аппарата привело к бюрократической централизации управления при фактическом господстве партийного единоначалия. Для трудящихся это означало установление особого типа отношений с государством, которые могут быть названы патерналистскими. Отсюда устойчивое клише о «заботе партии и государства» (в СССР и «лично товарища Сталина»), многократно по разным поводам и без таковых повторявшееся в партийных документах, в газетах, по радио и пр.

Одновременно углублявшееся противоречие между программными задачами народных советов и их фактической ролью определило параметры системы «фасадной» демократии, сложившейся, как и в СССР, в странах Восточной Европы. Прорекларированный в конституциях демократизм советов, которые стали рассматриваться как «приводные ремни» от партии к массам, был сведен к формальным процедурам. Периодически проводившиеся выборы в народные советы ошеломляли как невиданной активностью избирателей, так и единодушием, с которым они отдавали голоса за «народных кандидатов». Но на деле официальные итоги выборов, кстати, как мы видели, нередко фальсифицировавшиеся, означали вовсе не свободу волеизъявления и активность электората, а, напротив, фактически указывали на отсутствие у населения реального права выбора. Не случайно американский политолог У.Лакер остроумно заметил, что «любой режим, получивший на выборах 99% голосов избирателей, является тоталитарным по определению»¹⁶⁸.

Сращивание партийного и государственного аппарата во многом стимулировалось нехваткой кадров и слабостью имевшихся. Отсюда и наблюдавшийся в странах региона перелив кадров с партийной работы на государственную или уход в общественные организации и наоборот. Картина во многом напоминала пресловутый «тришкин кафтан»: залатать все дыры не представлялось возможным. В свое время в Советской России не только на национальных окраинах, но и в центре, в наркоматах звучал, по словам А.М.Некрича, «вопл от отсутствия кадров»¹⁶⁹. Эта же проблема создавала огромные трудности при решении задач управления в Восточной Европе. По нашему убеждению, низкая квалификация

управленцев проявлялась на всех уровнях властной "пирамиды", что было напрямую связано с «качеством» партийной массы, являвшейся основным источником, поставлявшим кадры в аппарат управления.

Существующая кадровая ситуация во многом обусловила возникновение системы «подбора» и «учета» кандидатур чиновников, приобретшей со временем нормативное оформление в виде номенклатуры должностей, находившихся в ведении тех или иных высших органов. Номенклатурный принцип узаконил «назначенство» как метод управления. Списки номенклатурных должностей всегда были строго засекречены. Эта практика имела место у нас в стране. Свято соблюдались тайны номенклатуры и в странах региона, что отразилось, кстати, на состоянии источниковой базы, а именно на недоступности основных номенклатурных документов.

Принципы кадровой политики режима, распределения функций по назначению тех или иных руководителей в компартии и полномочий между ними начали оформляться на этапе народной демократии, однако процесс этот занял не один год, охватив и исследуемый период — 1949—1953 гг. Сравнительно быстро пришло понимание, что значение «правильной» кадровой политики выходило за рамки простого распределения функций и постов между преданными и дисциплинированными членами компартии. Кадровая политика была призвана обеспечить стабильность ситуации, действенность власти и, в конечном счете, существование самого режима.

Новый кадровый порядок постепенно охватил столь широкий круг функций и полномочий, что привел в конце концов к созданию многочисленного слоя функционеров, социально и материально зависимых от режима и его существующей формы. Критерий избрания функционеров и, главное, объем правомочий партийных органов при распределении функций претерпевали изменения, определились не сразу. Однако такие «показатели», как политическая верность, послушание, лояльное отношение к режиму, социальное происхождение и принадлежность к определенному классу, сформулированные на начальной стадии складывания государственного механизма, приобрели имманентный характер. Показательны черты собирательного и вместе с тем идеального образца номенклатурного работника, которые определил Сталин еще на XII съезде партии в апреле 1923 г.: это «люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь»¹⁷⁰. Подготовка и «подбор» таких кадров предполагали знание их прошлого, окружения, интересов и пр. Именно это имел в виду Сталин, подчеркивая, что «необходимо каждого работника изучать по косточкам»¹⁷¹. Такой подход к кадрам отражал дихотомическое видение мира в целом, его деление на «своих» и «чужих».

В целом сформированный по советскому примеру новый государственный механизм, находившийся в руках централизованно организованной и подчиненной своей правящей верхушке компартии, на первый взгляд, действовал достаточно эффективно в условиях «чрезвычайщины». Но так же, как и его «прообраз», он очень скоро стал обнаруживать свои негативные стороны. Причем поначалу они казались преодолимыми, и именно таким был и подход к ним, то есть как к явлениям временным.

Наиболее существенным таким негативом был бюрократизм, ставший характерной чертой функционирования всех ведомств, как центральных, так и местных.

В свое время российские большевики, игнорируя тот факт, что бюрократия — есть атрибут любой организованной системы управления, намеревались «одним ударом» покончить с этим злом. В.И. Ленин писал: завоевав политическую власть, рабочие разобьют старый бюрократический аппарат, заменят его новым, состоящим из рабочих и служащих; в новых условиях функции контроля и надзора предстояло исполнять «всем», то есть становиться «бюрократами» предстояло «всем», «чтобы поэтому никто не мог стать бюрократом»¹⁷². Иными словами, предстояло создать новую бюрократию — группу, осуществлявшую сугубо исполнительную, управленческую функцию государства, то есть рациональную бюрократию, и эта задача сама по себе была обозначена абсолютно верно.

Столкнувшись в реальной жизни уже весной 1918 г. с крупными недостатками работы государственного аппарата, уже насыщенного представителями трудящихся, большевики оказались перед необходимостью объяснить этот факт. Так родился соблазн назвать виновника. Им были объявлены бывшие чиновники, якобы внесшие в советский аппарат бюрократические методы работы, дух косности, канцелярской волокиты, бесхозяйственности и распушенности. Расчет на то, что демократический централизм будет сдерживать рост бюрократизма, не оправдался. Провозглашенный основным принципом организации и функционирования государственного механизма демократический централизм стал осуществляться в форме бюрократического централизма. Теоретически в «обуздании» бюрократизма большая роль отводилась партаппарату. Однако в условиях формировавшегося «партийного государства» и партаппарат, являясь фактически аппаратом государственным, быстро обюрокрачивался, точно так же как обюрокрачивалась и система государственного контроля, призванная бороться со всяческими злоупотреблениями, в том числе и бюрократизмом. Под влиянием практики происходит неоправданное сужение проблемы бюрократии до уровня бюрократизма, и эти понятия становятся синонимами в дальнейшей политической жизни.

Бюрократизм был одной из характерных черт функционирования всего механизма советского типа управления. «Пережиток прошлого» приобрел, по существу, системообразующий характер. Создавшееся положение не спасла практика «привлечения к делу

государственного контроля широких рабоче-крестьянских масс». Не случайно в марте 1923 г. Ленин был вынужден признать: «Наш госаппарат... в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого... Он только слегка подкрашен сверху, а в остальных отношениях является самым типичным старым из нашего старого госаппарата»¹⁷³.

Бюрократии в СССР удалось постепенно сосредоточить в своих руках государственную власть, поднявшись с управленческого уровня до уровня принятия политических решений и превратившись при сталинизме в категорию тоталитарного характера. Лозунг борьбы с бюрократизмом и бюрократами можно считать постоянным атрибутом советской действительности. Об этой борьбе регулярно говорилось на всех партийных съездах. Многократные резкие постановки этого вопроса содержались и в работах Сталина с той оговоркой, что ликвидация бюрократизма рассматривалась в них изолированно от вопросов материального порядка. Как следствие такого подхода, возникло чрезмерно оптимистическое мнение, что «в механизме социалистического государства нет места бюрократизму, который является характерным для буржуазного государства»¹⁷⁴. Отсюда и набор причин, по которым бюрократия якобы теряла основы для своего существования, сводился к надстроечному уровню: широкое развитие социалистической демократии, вовлечение масс в русло советского управления как субъектов последнего, широкий контроль масс и развертывание самокритики, воспитание в людях ответственности за вверенное им дело и, наконец, руководящая роль партии, поднимающей массы на борьбу с бюрократическими проявлениями¹⁷⁵.

Вместе с тем исторический опыт советского государства показывает, что руководство страны и лично Сталин на самом деле не рассчитывали на мирный уход бюрократии с политической сцены. Жесткая целенаправленная репрессивная политика по отношению к бюрократии (И. Дойчер для характеристики этой политики использует термин «бесчинства») отразилась в чистках, в ходе которых массово уничтожались и чиновничество. Эта политика преследовала ясную цель: предотвратить консолидацию групп «менеджеров» в прочный социальный слой, не допустить, чтобы «из стадии протоплазмы или амебы выросло компактное и жизнеспособное тело, имеющее собственное социально-политическое лицо»¹⁷⁶. Именно перспектива превращения бюрократии в имущий класс с потенциальной эволюцией его в новую буржуазию, перспектива, по мнению Троцкого, пугавшая Сталина, и диктовала советскому лидеру жесткость проводимого им курса.

С течением времени, однако, стало ясно, что опсения превращения бюрократии в новый имущий класс были сильно преувеличены. Процесс пошел в другом направлении: формируя «свои» кадры управленцев по номенклатурному принципу, Сталин добился того, что они не только не посягали на средства производства, но оставались ревностными защитниками и хранителями общест-

венной собственности. Как писал в свое время М.С.Восленский, наиболее существенная функция номенклатуры — политическое управление¹⁷⁷.

В странах региона, как и в СССР, бюрократический централизм обозначился как устойчивая, существенная характеристика складывавшегося политического режима. Повсюду рост бюрократии со всеми ее недостатками напрямую увязывался с пережитками прошлого, стремлением «буржуазных элементов» проникнуть в госаппарат и ослабить его изнутри. Заявления такого рода делали руководители компартий во всех странах.

Лидер венгерских профсоюзов А.Апро в октябре 1948 г. определил бюрократизм как болезнь, от которой оказались незастрахованными и пришедшие в госаппарат члены компартии. «Болезнь эта заключается в том, — подчеркнул Апро, — что бюрократы думают — народ для них, а не они для народа». Рассуждая так, бюрократы «препятствуют тому, чтобы государство стало, действительно, государством трудового народа»¹⁷⁸. О неожиданном для руководства размахе бюрократизации и ее темпах говорил и Г.Димитров, фактически констатируя провал расчетов БКП на формирование новых, свободных от пережитков прошлого кадров управленцев из числа партийцев. А ведь в конце 1948 г. на новые должности в Болгарии пришли 12 тыс. коммунистов. «Можно было ожидать, — подчеркивал Димитров на V съезде партии в декабре 1948 г., — что приход такого значительного числа коммунистов в государственный и хозяйственный аппарат немало даст для преодоления бюрократизма. К сожалению, в ряде случаев получилось как раз обратное. Интересно отметить, с какой легкостью некоторые наши товарищи, вместо того чтобы искоренять бюрократизм, сами превращаются в бюрократов»¹⁷⁹.

Иными словами, как в свое время в Советской России, надежды коммунистического руководства стран Восточной Европы на решение проблемы бюрократизма путем реализации классово-партийного принципа формирования государственного аппарата оказались иллюзорными.

Всевластная бюрократия пронизала не только административный и хозяйственный организм, но и партийный. Это понятно в условиях «партийного государства». Если следовать схеме Д.Оруэлла, на рубеже 40—50-х годов в регионе уже произошло четкое деление компартий на две партии — «внутреннюю» и «внешнюю»¹⁸⁰. Первая — это ее функционеры, руководство, которое лишь кажется единым, а вторая — это партийная масса. У нее есть много поводов для недовольства: и большой разрыв, который существует между ней и руководством, и семейственность в рядах «верхушки», и жажим критики, если таковая вообще звучала. «Масса не смеет говорить, потому что того, кто посмел, убивают», — говорилось в поступившем в секретариат Коминформа осенью 1948 г. анонимном письме из Болгарии¹⁸¹. Уже на этом этапе рядовые партийцы, как сообщалось по дипломатическим каналам из Софии в Москву, задавались вопросами:

- Чувствуют ли рабочие, что им принадлежит власть?
- Чувствуется ли в стране народовластие?
- Создан ли крепкий союз трудящихся города и деревни?
- Что сделано для улучшения быта трудящихся? Обеспечены ли они пайками?

Созданный в октябре 1948 г. в Русе нелегальный Временный комитет БРП(к) так ответил на поставленные вопросы: «...Теперь рабочие не только не властвующие, но снова закабалены непосильным трудом... При этом положении мы не можем сказать, что власть наша»¹⁸². Иными словами, государство, превращаясь в инструмент удовлетворения интересов бюрократии, не стало, как ожидалось, источником справедливости.

Что касается руководящей элиты, то, судя по документам, осознание своего особого положения, особого предназначения рождало у нее непомерные амбиции, стремление иметь еще больше того, что уже имелось, упрочить свое положение любыми способами. Внешне иногда дело доходило до курьезов. В беседе 12 января 1954 г. с послом Е.Д.Киселевым член Политбюро ЦК ВПТ, глава кабинета министров Венгрии И.Надь сообщил о предложении М.Ракоши по-новому разместить в парламенте членов Политбюро и министров. По замыслу Ракоши, депутаты должны были сидеть «вперемешку». Подоплека данного предложения заключалась, по словам Надя, в одном: «как бы не допустить, чтобы он, Ракоши, сидел позади членов правительства. ...Создается впечатление, что этот вопрос не дает ему спать», — заключил Надя¹⁸³. Вообще борьба за «место под солнцем» в руководящих сферах развертывалась нешуточная, и принимала она подчас почти анекдотическую, на первый взгляд, форму. Так на протяжении апреля—августа 1949 г. министерство иностранных дел Болгарии тщательно занималось вопросом определения старшинства должностей в государственном и партийном аппарате, армии, общественных, научных, религиозных и прочих организациях. Руководитель протокольной службы МИД СССР Ф.Ф.Молочков записал 18 августа 1949 г. в своем дневнике: «Царвуланов (советник посольства Болгарии в Москве. — *Авт.*) принес список старшинства должностей... Все должности учтены в этом общем списке и размещены по номерам с 1 по 49-й. В конце списка имеется указание, что он является для всех обязательным, в том числе для печати, радио и т.д. Царвуланов попросил меня посмотреть список и сказать, правильно ли он составлен. При этом пояснил, что составление списка было предпринято с целью устранения обид, вызываемых неправильной рассадкой на приемах, местом на парадах, в сообщениях печати и т.д. Эти протокольные ошибки в Болгарии воспринимаются весьма болезненно»¹⁸⁴.

4 сентября 1951 г. К.Готвальд получил от сотрудников аппарата ЦК следующую схему размещения членов ЦК КПЧ в президиуме¹⁸⁵, чему, по всей вероятности, придавалось немалое значение:

т. Янковцева	т. Баштеванский
т. Носек	т. Бареш
т. Йон	т. Копржива
т. Климент	т. Фирлингер
	т. Сланский
	т. Готвальд
	т. Запогоцкий
	т. Широкий
т. Доланский	т. Свобода
т. Дюриш	т. Давид
т. Кроснарж	т. Копецкий
т. Эрбан	т. Франк
	т. Келлер
	т. Хейзлар
	т. Райс
	т. Грегор
	т. Чепичка
	т. Кабеш
	т. Крайчирж
	т. Йонаш

Не стоит воспринимать подобную информацию как второстепенную. Фактически речь шла о конкретном проявлении установленного строгого иерархического порядка в руководстве партией и страной. Каждый должен был в прямом смысле слова знать свое место, свой номер, объем положенных привилегий. Здесь мы имеем дело с одной из существенных характеристик режима, на которые не влияют различия в национальных традициях, менталитете, общем образовательном и культурном уровнях, сколь бы велики они ни были.

Изучение проблемы власти в социалистическом государстве весьма осложнено скудостью эмпирического материала. Отсюда и эскизность показа ряда вопросов, характерная для данной работы. А между тем обращение к истории возникновения и функционирования всеохватывающей, жесткой, закрытой системы управления, именуемой номенклатурой, крайне необходимо. Оно дает возможность уяснить характер властно-собственнических отношений в Восточной Европе, закономерность появления, условия существования и особенности функционирования личных режимов в странах региона, выявить причины их краха в конце 80-х годов.

¹ Редлих Р. Советское общество (Очерки большевизмоведения). Кн. 2. Франкфурт-на-Майне, 1972. С. 24—28.

² История венгерского революционного рабочего движения. М., 1974. Т. 3. С. 192; V конгрес Комунистичке партије Југославије, 21—28 јула 1948: Стенографске белешке. Београд, 1949. С. 880; Syzdek В. Lata decydujących przemian. Warszawa, 1980. S. 79 и др.

³ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953. Т. 1. 1944—1948. М.; Новосибирск, 1997. С. 328.

- 4 См., например: Politika KSČ. Socialistický politický system. Bratislava 1978. S. 52.
- 5 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 267. Л. 5.
- 6 Там же. Л. 6.
- 7 Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 141. Л. 89.
- 8 Новый класс // Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 250
- 9 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 32. П. 158. Д. 60. Л. 113.
- 10 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 261. Л. 49.
- 11 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 769—771.
- 12 Там же. С. 795.
- 13 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 858. Л. 238—242.
- 14 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 796.
- 15 Там же. Т. 1. 1944—1948. С. 705.
- 16 Там же. С. 669.
- 17 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 259. Л. 53—55.
- 18 Там же. Д. 595. Л. 45.
- 19 Там же. Л. 48—49.
- 20 Там же. Л. 46.
- 21 Рене Д. Основные правовые системы современности. Сравнительное право. М., 1967. С. 196.
- 22 Kędzia Z. Parlament socjalistyczny. Ustrój wewnętrzny. Warszawa, 1975. S. 127.
- 23 Kucinski J. Sejm w poglądach i praktyce politycznej PZPR (1948—1970) // Z pola walki. 1978. № 1. S. 73.
- 24 Tomaszewski J. Rozwój Bułgarii w latach 1944—1956. Warszawa, 1980. S. 106.
- 25 Махненко А.Х. Верховные органы народного представительства социалистических стран. М., 1972. С. 139.
- 26 Фарберов Н.П. Государственное право стран народной демократии. М., 1949. С. 191.
- 27 Kędzia Z. Op. cit. S. 137.
- 28 Gwizdź A. Kilka uwag na marginesie dwudziestolecia rozwoju parlamentarizmu ludowego w Polsce // Państwo i prawo. 1967. № 7. S. 45.
- 29 Спасов В. Развитие и усъвършенствуване на представителните органи в НР България. София, 1962. С. 53; Burda A. Niektóre zagadnienia regulaminu Sejmowego w Polsce // Państwo i prawo. 1957. № 6. S. 1043.
- 30 Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 44; Службени лист СФРЈ. 1969. Бр. 3; Magyar Közlöny. 1966. 71 szam.; Burda A. Konstytucja PRL na tle tendencji rozwojowych konstytucjonalizmu socjalistycznego // Państwo i prawo. 1967. № 6. S. 856.
- 31 Belda I. Mocensko-politycke zmeny v ČSR po únoru 1948 // Revue dějin socializmu. Praha, 1969. № 2. S. 242.
- 32 Korbel P. The Czechoslovak National Assembly. N.-Y., 1952. P. 8—9.

- 33 Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Парламентская деятельность и политическая культура // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1. С. 69.
- 34 *Восточная Европа в документах...* Т. 1. 1944—1948. С. 327—328.
- 35 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 595. Л. 47.
- 36 Лазарев Б. «Разделение властей» и опыт Советского государства // *Коммунист*. 1988. № 16. С. 47.
- 37 Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 1917—1920 гг. М., 1998. С. 14.
- 38 Сталин И.В. Сочинения. Т. 7. С. 162.
- 39 Бутенко А.П. Исторические корни и социально-политические основы механизма торможения // *Механизм торможения: Истоки, действие, пути преодоления*. М., 1988. С. 44.
- 40 *Новый класс...* С. 196.
- 41 Lange O. *Pisma economiczne i spoleczne*. 1930—1980. Warszawa, 1981. S. 139, 140.
- 42 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 262. Л. 112—114.
- 43 Там же. Л. 113.
- 44 Там же. Оп. 3. Д. 2221. Л. 3, 102.
- 45 ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 59. Д. 606. Л. 6, 12.
- 46 Гимпельсон Е.Г. Указ. соч. С. 15.
- 47 Фарберов Н.П. Общественное и государственное устройство стран народной демократии // *Большевик*. 1948. № 2. С. 42.
- 48 Палига Е., Зелински Е. Политическата система на Народна Полша // *Годишник на катедрите по марксизъм-ленинизм при висшите учебни заведения*. Научен комунизъм. София, 1986. Год. 20. Кн. 2. С. 145, 143.
- 49 Централен държавен архив (София). Ф. 1. Оп. 5. А.е. 237. Л. 1.
- 50 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 258. Л. 193.
- 51 Там же. Д. 595. Л. 14.
- 52 Korbel P. *The Czechoslovak cabinet as an indicator of political developments*. N.-Y., 1952. P. 7.
- 53 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 609. Л. 86.
- 54 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 32. П. 178. Д. 10. Л. 94.
- 55 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 804. Л. 144.
- 56 Там же. Л. 81—82.
- 57 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 32. П. 178. Д. 10. Л. 231—235.
- 58 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 804. Л. 55.
- 59 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 32. П. 178. Д. 10. Л. 169—170.
- 60 Korbel P. *The Czechoslovak cabinet...* P. 9—10.
- 61 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 35. П. 226. Д. 4. Л. 5.
- 62 Там же. Д. 14. Л. 69—70;
- 63 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 807. Л. 131.
- 64 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 38. П. 156. Д. 50. Л. 131.
- 65 Там же. Оп. 43. П. 190. Д. 45. Л. 110—112.

- 66 Мигев В. Утвърждаване и разгръщане на сталинския модел на социализма в България (1948—1953) // Страници от българската история. Събития, размисли, личности. Т. 2. София, 1993. С. 67 и др.; Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 588, 590—591.
- 67 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 42. П. 190. Д. 45. Л. 122—123.
- 68 Там же. Ф. 0125. Оп. 37. П. 154. Д. 8. Л. 3—5.
- 69 Там же. Л. 6.
- 70 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 209. Л. 77.
- 71 Там же. Д. 178. Л. 172.
- 72 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 32. П. 158. Д. 60. Л. 113.
- 73 Там же. Л. 114.
- 74 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1362. Л. 44—45.
- 75 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 139. Л. 2—3.
- 76 Там же. Л. 169, 174.
- 77 Там же.
- 78 Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. Документальное исследование. М., 1994.
- 79 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 26. П. 44. Д. 58. Л. 26.
- 80 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 258. Л. 65—66.
- 81 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 26. П. 44. Д. 58. Л. 25—26.
- 82 Там же. Ф. 06. Оп. 10. П. 33. Д. 439. Л. 16; Ф. 074. Оп. 37. П. 142. Д. 13. Л. 128.
- 83 Там же. Ф. 074. Оп. 37. П. 147. Д. 46. Л. 125.
- 84 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 670—671.
- 85 Там же. С. 706.
- 86 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 292. Л. 53.
- 87 Там же. Л. 170—171.
- 88 Там же. Д. 289. Л. 226.
- 89 Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. С. 311—312.
- 90 Там же. Т. 12. С. 369—370.
- 91 О новом теоретическом видении социализма. М., 1987. С. 177 (выступление Ю.С.Новопашина).
- 92 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 289. Л. 227.
- 93 Там же. Л. 233.
- 94 Там же. Д. 293. Л. 8.
- 95 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 289. Л. 231.
- 96 Там же. Д. 884. Л. 117.
- 97 COMISKO information service. International socialist conference. № 1. 6.I.1951. P. 26—28; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 574. Л. 3, 5, 6.
- 98 Там же. Д. 632. Л. 92.
- 99 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 30. П. 118. Д. 9. Л. 23—24.
- 00 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 290. Л. 25.

- 101 Пимоненко И.С. Роль партии в условиях рабочего (общественного) самоуправления. Опыт Югославии: 1948 г. — начало 1970-х годов // Политические системы СССР и стран Восточной Европы. 20—60-е годы. М., 1991. С. 125.
- 102 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 289. Л. 170—171.
- 103 Там же. Л. 171; Д. 293. Л. 34; Д. 467. Л. 24; Д. 574. Л. 121.
- 104 Там же. Д. 881. Л. 248—249.
- 105 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 37. П. 153. Д. 40. Л. 72, 79, 82, 125.
- 106 Несовершенное общество // Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 380.
- 107 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 857. Л. 139—140.
- 108 Там же. Д. 599. Л. 143.
- 109 Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 134. Л. 43.
- 110 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 279. Л. 182—183.
- 111 Богданова Р. Българският вариант на десталинизацията. 1953—1956 // Исторически преглед. 1997. Кн. 4. С. 33.
- 112 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 439—440.
- 113 Богданова Р. Указ. соч. С. 35.
- 114 Там же.
- 115 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 569.
- 116 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 209. Л. 89.
- 117 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1154. Л. 13.
- 118 Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 95. Л. 226; Ф. 17. Оп. 137. Д. 266. Л. 15, 22.
- 119 СССР — Польша. Механизмы подчинения. 1944—1949 гг. Сборник документов. М., 1995. С. 94—96.
- 120 Werblan A. Stalinizm w Polsce. Warszawa, 1991. S. 11.
- 121 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 139. Л. 80—82.
- 122 Доков Д. Народнодемократичната революция в България и местните органи на държавната власт // Роля на социалистическото право през двадесет и петте години социалистическото строителство в НР България. София, 1969. С. 323—324.
- 123 Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. М., 1985. С. 361.
- 124 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 38. П. 156. Д. 51. Л. 79—80.
- 125 Там же. Л. 80—81.
- 126 Там же.
- 127 Там же. П. 151. Д. 11. Л. 52.
- 128 Там же. П. 156. Д. 51. Л. 83, 111—112.
- 129 Там же. Л. 112.
- 130 Там же. Л. 114, 113, 117, 111.
- 131 Там же. Л. 145.
- 132 Там же. Л. 116.
- 133 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 143—144.
- 134 Там же. С. 531.
- 135 Там же. С. 530.

- 136 Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. М., 1991. С. 455.
- 137 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 640—641.
- 138 Там же. С. 821—823.
- 139 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 32. П. 158. Д. 60. Л. 211—212.
- 140 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 265. Л. 3.
- 141 Там же. Д. 595. Л. 47.
- 142 Там же. Д. 855. Л. 524.
- 143 Там же. Д. 265. Л. 37.
- 144 Там же. Л. 39.
- 145 Там же. Л. 81.
- 146 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 642.
- 147 Там же. С. 688.
- 148 Там же. С. 749.
- 149 АВП РФ. Ф. 021. Оп. 36. П. 22. Д. 21. Л. 92; Д. 22. Л. 7; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 40. Л. 146.
- 150 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1123. Л. 148.
- 151 ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 60. Д. 714. Л. 26—27.
- 152 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 22. П. 41. Д. 350. Л. 46—47.
- 153 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 854.
- 154 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 34. П. 263. Д. 12. Л. 67.
- 155 Там же. Ф. 0138. Оп. 33. П. 191. Д. 16. Л. 112.
- 156 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1123. Л. 148.
- 157 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 41. П. 21. Д. 10. Л. 35.
- 158 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 136—140.
- 159 Огнянов Л. Съветското влияние върху организацията и дейността на органите на съдебната власт в България (1949—1956 г.) // България в сферата на съветските интереси. (Българо-руски научни дискусии). София, 1998. С. 75.
- 160 Там же. С. 79.
- 161 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 881. Л. 101—102.
- 162 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 33. П. 191. Д. 16. Л. 112.
- 163 Там же. Оп. 34. П. 207. Д. 19. Л. 25—27.
- 164 Там же. Оп. 33. П. 191. Д. 16. Л. 113.
- 165 Там же. Оп. 34. П. 207. Д. 19. Л. 25.
- 166 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1154. Л. 27, 30.
- 167 Там же. Д. 1153. Л. 134, 37.
- 168 Цит. по: Игрицкий Ю.И. Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе // История СССР. 1990. № 6. С. 183—184.
- 169 Некрич А.М. Золотой век номенклатуры // Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. Алогей и крах сталинизма. М., 1997. С. 413.
- 170 Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. С. 210.
- 171 Там же. С. 211.

- 172 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 109.
- 173 Там же. Т. 45. С. 383.
- 174 Трайнин И. Государство и коммунизм. М., 1940. С. 31.
- 175 Там же.
- 176 Дойчер Й. Троцкий в изгнании. М., 1991. С. 353.
- 177 Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 112.
- 178 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 94. Л. 56.
- 179 Там же. Д. 58. Л. 89.
- 180 Джордж Оруэлл. «1984» и эссе разных лет. М., 1989. С. 144.
- 181 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 37. П. 147. Д. 47. Л. 129.
- 182 Там же. П. 148. Д. 48. Л. 194.
- 183 Там же. Ф. 077. Оп. 34. П. 175. Д. 9. Л. 15.
- 184 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 202.
- 185 Státní ústřední archiv. F. 100/24. Sv. 33. A. j. 788. L. 76—77.

Раздел II

МЕХАНИЗМЫ УТВЕРЖДЕНИЯ РЕЖИМОВ СОВЕТСКОГО ТИПА

Глава IV

МОСКВА И УСТАНОВЛЕНИЕ МОНОПОЛИИ КОМПАРТИЙ НА ИНФОРМАЦИЮ НА РУБЕЖЕ 40—50-х годов

1. ЛИКВИДАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПЛЮРАЛИЗМА И БЛОКИРОВАНИЕ КАНАЛОВ ЗАПАДНОЙ ИНФОРМАЦИИ

На завершающем этапе Второй мировой войны и в первые послевоенные годы на арене общественной жизни стран региона действовали разнородные общественные силы, представленные рядом политических партий: буржуазно-консервативных, либерально-демократических, крестьянских, социал-демократических, сформировавшихся еще в условиях буржуазного строя. Они отражали многоликие идейные и мировоззренческие ориентации и различные, порой полярные, экономические интересы почти всех классов и групп общества. Впервые в истории центральное место в политической мозаике этих стран заняли (при содействии Красной Армии и советского руководства) коммунистические партии. Поддерживаемые вначале лишь леворадикальной частью населения, они выражали настроения в первую очередь социально обездоленных слоев общества, выступавших за быстрые и радикальные перемены.

1944—1947 гг. характеризовались острой политической борьбой партий и движений за направление и перспективы социально-экономического и политического развития и определение внешнеполитической ориентации: на Советский Союз или на западные державы. Особую роль в этой борьбе играли средства массовой информации (СМИ), как один из рычагов воздействия на общественное сознание и формирования позиций различных слоев населения. В те годы главным каналом влияния на общество была печать (газеты, журналы, листовки, плакаты и т.д.).

Присутствие Красной Армии на территории большинства восточно-европейских стран (кроме Албании, Югославии, а с конца 1945 г. и Чехословакии), международные договоренности между великими державами, а также заключение в 1945—1948 гг. двусторонних договоров между СССР и странами региона позволяли советскому руководству контролировать важнейшие сферы общественной жизни и оказывать влияние на характер информации.

В странах — бывших союзниках гитлеровской Германии (Румынии, Венгрии, Болгарии), контрольные функции в соответствии с компетенцией, в том числе и в информационной среде, выполняли Союзные контрольные комиссии (СКК), созданные по условиям Соглашений о перемирии с учетом раздела сфер влияния союзников. В других же странах региона, оккупированных в годы войны войсками третьего рейха и освобожденных Красной Армией (Польше и Чехословакии), контроль за ситуацией первоначально осуществляло Главное политическое управление Красной Армии, а также советские комендатуры (в Польше), которые взаимодействовали с администрацией и органами местной национальной власти. Основным инструментом контроля советской стороны за средствами массовой информации была цензура.

В соответствии с законами войны и нормами послевоенного времени советское командование временно ввело на освобожденных Красной Армией территориях военно-политическую цензуру. Применительно к странам — сателлитам гитлеровской Германии это было предусмотрено соглашением о перемирии.

В этих документах имелась статья, одинаково сформулированная для всех стран-сателлитов, согласно которой «издание, ввоз и распространение в Румынии периодической и непериодической литературы, постановка театральных зрелищ и кинофильмов, работа радиостанций, почты, телеграфа и телефона происходят по соглашению с Союзным (Советским) Главнокомандованием»¹.

Советская военно-политическая цензура была направлена прежде всего на подавление публикаций фашистского и профашистского, а также антисоветского характера. Газеты и журналы, содержавшие подобные материалы, повсеместно закрывались.

В Венгрии, пока шла война, СКК, главенствующую роль в которой играли советские представители, а англичане и американцы могли участвовать в ее работе только в качестве наблюдателей, по сути контролировала всю политическую жизнь в стране. Советские представители с контрольными полномочиями были назначены в государственные учреждения, банки, на радио, в телеграфное агентство и т.д. Только с разрешения СКК могли создаваться партии, издаваться газеты, проводиться собрания. СКК осуществляла цензуру печати и радиопередач. С ее санкции изымалась и уничтожалась фашистская и антисоветская литература, налагался запрет на пользование подобными изданиями в библиотеках. На протяжении 1945—1946 гг. в Венгрии отсутствовал закон о печати, а деятельность СМИ регулировалась указами и постановлениями правительства. Цензура находилась в ведении его главы. В 1945 г. в аппарате правительства был создан отдел печати, который затем преобразован в министерство информации. Но эти структуры выполняли лишь посреднические функции между СКК и национальными средствами информации, подавая, например, заявки на издание той или иной печатной продукции².

После завершения войны функции СКК в Венгрии изменились, а ее роль уменьшилась. Установление в сентябре 1945 г. дип-

ломатических отношений между СССР и Венгрией привело к тому, что политический контроль за общественной жизнью Венгрии перешел к советскому посольству в Будапеште.

Функции контроля за внутривнутриполитическим положением выполняла в Болгарии также СКК. В Соглашении о перемирии с Болгарией, заключенном 28 октября 1944 г. между правительством Советского Союза, Соединенного Королевства Великобритании и Соединенными Штатами, с одной стороны, и правительством Болгарии, с другой, СКК была наделена правом осуществлять контрольные и цензорские функции в отношении печатной и кинопродукции, средств связи, радиопередач и т.д.³ Однако в отношении Болгарии можно говорить о более мягком варианте контроля СКК, что было связано с достаточно широким распространением в болгарском обществе русофильских и просоветских настроений, более сильных позиций компартии Болгарии и ее влияния в обществе.

В странах Восточной Европы, находившихся в годы Второй мировой войны под оккупацией гитлеровской Германии и являвшихся союзниками по антигитлеровской коалиции, ситуация на период выхода из войны складывалась по-другому.

В Польше средства массовой информации по мере освобождения страны контролировались военно-политическими органами Красной Армии, а с осени 1944 г. на освобожденных территориях польскими властями была введена цензура. В то же время здесь массовым тиражом начали издаваться как коммунистические, так и оппозиционные коммунистам газеты⁴.

В соответствии с договоренностями между СССР и его союзниками по антигитлеровской коалиции (США и Англией) советское руководство проводило в освобожденных странах Восточной Европы линию на допуск к общественной жизни всех нефашистских и антифашистских политических сил за исключением крайне правых, признанных или действительно реакционных партий и организаций. Необходимо отметить, что в то время, как западные державы поддерживали либерально-демократические и традиционные аграристские партии, Советский Союз видел своего «классового союзника» в первую очередь в коммунистических и поддерживавших их партиях и группировках левого толка, ориентированных на Москву.

Польша и Венгрия выделялись среди других стран региона еще и большим влиянием католической церкви. Будучи традиционным существенным элементом политической системы, она обладала весьма широкими возможностями для воздействия на население, в том числе и информационно-пропагандистскими. Этот факт не могла не учитывать новая власть.

Объективные условия восточно-европейских стран давали возможность сосуществования средств массовой информации различной политической ориентации: СМИ коммунистических партий и их союзников, СМИ оппозиционных партий. В некоторых странах распространялась и подпольная антиправительственная печать.

Так, в Румынии после выхода из подполья румынские коммунисты стали издавать две центральные газеты — «Скынтейю», являвшуюся с довоенного времени основной газетой партии, и «Румынию либерэ», которая с января 1943 г. по 23 августа 1944 г. выходила в подполье, а затем легально. Впоследствии появились областные и районные издания КПР. Хотя центральные газеты компартии выходили большим тиражом, по наблюдениям современного румынского исследователя В.Фрунзе, особой популярностью в массах в этот период они не пользовались и очень часто скапливались в большом количестве на складах. Поэтому для популяризации этих изданий в них, кроме информационно-агитационных материалов, печатались разного рода сенсационные новости, стихи и другие материалы, которые не имели политического характера, но могли быть интересны широкому кругу читателей⁵.

Одновременно компартия поддерживала издания своих союзников по Национально-демократическому фронту (НДФ): газету «Фронт плугарилор» — орган «Союза земледельцев», «Дрептата ноуэ» — орган национал-царанистской группировки, руководимой А.Александреску, отколовшейся от Национально-царанистской партии (НЦП — Ю.Маниу) и газету «Либертата ноуэ» — орган Национально-либеральной партии (НЛП — Г.Татареску), разорвавшей с К.И.К. (Дину) Братиану. Своим печатным органом располагала социал-демократическая партия (газета «Либертата»).

Оппозиционные партии сохранили свои газеты — «Дрептата» — орган НЦП и «Вийторул» и «Либералул» — издания НЛП. Последние решением СКК, принятым по инициативе коммунистов, периодически закрывались или прерывали свою деятельность. Тем не менее они просуществовали вплоть до середины 1947 г.

Существенную роль в формировании общественного мнения Румынии играла «независимая» пресса, не связанная напрямую с какими-либо партиями и группировками. Она была представлена такими изданиями, как еженедельник «Универсул», основанный еще в XIX в. и имевший самый большой в Румынии тираж, газета «Тимпул» и «Нацьюня» и др., а также целым рядом специальных изданий по разным отраслям культуры, науки и техники.

Жесткая борьба между компартией и оппозицией развернулась в Румынии за контроль над национальным радиовещанием. Хотя оснащение населения радиоприемниками в Румынии было чрезвычайно низким (около 5% населения), влияние радиовещания на формирование позиций общественно активной его части нельзя недооценивать.

Поначалу румынское радиовещание находилось в руках либерально-демократической оппозиции. Компартия при поддержке СКК развернула кампанию по дискредитации и смещению его руководства. В этой кампании активно использовались обвинения в профашистской пропаганде и антисоветизме, хотя фашистские и профашистские СМИ в Румынии, как и в других странах Восточной Европы, были ликвидированы с приходом Красной Армии. Например, директор радиокомитета В.Ионеску был обвинен в

проведении реакционной политики, в отказе предоставлять эфир представителям КПР и профсоюзов. Газета «Скынтейя» заявила, что национальное радиовещание «возглавляют военные преступники». Истинный смысл подобной позиции заключался в желании коммунистов монополизировать это, по их словам, «гигантское средство пропаганды и просвещения», которое, как они считали, должно было находиться в руках тех, кто получил доверие народа (т.е. компартии). При поддержке советской военной администрации руководству компартии уже летом 1945 г. удалось добиться смещения В.Ионеску и замены его сначала своим сторонником композитором М.Сокором, а затем через несколько лет коммунистом М.Рошиану⁶.

Но, как уже отмечалось, в странах региона имело место расширительное толкование советским руководством и вслед за ним восточно-европейскими компартиями понятия «фашизм» и производных от него. Это приводило к тому, что нередко обвинения в фашистской пропаганде применялись в отношении оппозиционных изданий с политическими целями. Имело место стремление советских органов установить контроль за содержанием публикаций не фашистской, а либерально-демократической, но оппозиционной новой власти, печати, что в условиях реального политического плюрализма было прямым нарушением демократических принципов организации общества, о чем подробнее будет говориться ниже. Особенно отчетливо подобная линия стала проявляться в критические периоды политического развития стран региона. В октябре—ноябре 1944 г. такая критическая ситуация сложилась в Румынии. Активизация правых сил в стране, в которой Москва усмотрела опасность дестабилизации в тылу действующей Красной Армии, обусловила необходимость реорганизации правительства К.Санатеску. С этой целью 8 ноября 1944 г. в Бухарест прибыл А.Я.Вышинский. Воспользовавшись приездом заместителя наркома иностранных дел СССР, лидер крупнейшей буржуазно-демократической Национал-царанистской партии Ю.Маниу 15 ноября 1944 г. обратился к А.Я.Вышинскому с письмом. Маниу сообщал, что 13 ноября коммунистами было запрещено созванное партией собрание, поскольку на предыдущих собраниях «якобы имели место враждебные союзникам выкрики». Подобное утверждение, выдвинутое газетами «крайне левых», писал Маниу, «было ничем не обосновано». Далее Маниу отмечал, что «цензура телеграмм иностранных корреспондентов в Румынии проводится пристрастно: она пропускает все, что благоприятно для некоторых партий (имелись в виду коммунисты. — *Авт.*), и запрещает оценки, благоприятные для других партий (т.е. оппозиционных. — *Авт.*). Таким образом, в иностранной прессе создается представление, не соответствующее действительному политическому положению в Румынии». В результате подобных действий, писал Маниу, общественное мнение «делает заключение, что некоторые партии пользуются поддержкой советских властей», а это наводит на мысль, что «происходит некоторое давление на политические чувства

страны»⁷. Вряд ли Вышинский мог противопоставить такому выводу какие-либо убедительные аргументы.

В соответствии с условиями Соглашения о перемирии в Румынии была установлена и сохранялась в течение длительного периода цензура Политотдела СКК, переданная в марте 1945 г. в компетенцию органов государственной власти страны.

Приход к власти 6 марта 1945 г. правительства Петру Грозы, ключевые политические посты в котором занимали представители левых сил, а силовые министерства перешли в руки коммунистов, позволял компартии держать под контролем основные сферы общественной жизни. В ходе проведения акции по очищению общества от «реакционных элементов» стали проявляться откровенные стремления коммунистов к овладению аппаратом принуждения и средствами массовой информации с целью использования государственных структур в интересах только одной партии⁸. Пытаясь ограничить влияние оппозиции, правительство П.Грозы закрыло газеты основных оппозиционных национал-царанистской (Ю.Маниу) и национал-либеральной (Д.Братиану) партий, которые были восстановлены только после компромиссных решений Московского совещания Совета министров иностранных дел (СМИД) СССР, США и Англии (декабрь 1945 г.).

Однако в целом решение этого совещания о свободе печати выполнялось весьма слабо и с большими колебаниями. Острая борьба за прессу разгорелась накануне выборов в парламент, которые состоялись в ноябре 1946 г. Как явствует из документов АВП РФ, не только СКК, но и советское посольство в Бухаресте активно вмешивались в работу средств массовой информации некоммунистической и независимой ориентации. Из политотчета посольства за 1946 г. видны основные направления деятельности действовавшего в нем отдела печати: оказание посильной помощи румынским демократам (т.е. коммунистам) на парламентских выборах; развитие советской пропаганды в Румынии; информирование Москвы о ситуации в Румынии.

В области информации отдел печати посольства предпринимал меры по изоляции оппозиционных газет «Дрептатя» и «Либертатя» и отрыва от них ряда газет, которые, считая себя «независимыми», часто выступали в поддержку оппозиционных партий («Журнал де диминяца», «Адэвэрул», «Тимпул», «Семналул» и др.). Работа сотрудников отдела в этом направлении проводилась в тесном контакте с румынскими коммунистами. Последним удалось «заслать своих людей» в редакции газет «Тимпул» и «Универсул», а со временем ввести коммунистов также и в редакции газет «Адэвэрул», «Семналул» и «Журнал де диминяца». Отметим, что позиции коммунистов в этих изданиях оказались все же весьма слабыми. Другие же «независимые» газеты, такие как «Фанта» и «Эра ноуа», были полностью подчинены компартии. Посольству удалось установить неофициальные контакты и связи с руководством указанных выше газет. Для редакционных коллегий «Тимпул», «Адэвэрул» и «Семналул» в советском посольстве устраивались закрытые

приемы, журналистам вручались подарки в виде новейших журналов и книг, а главные редакторы даже получили приглашение посетить Москву. Итоги этой работы, как считали в советском посольстве, были положительными: ни одна из вышеназванных газет на выборах не поддержала оппозицию⁹.

Закрывание газет, конфискация отдельных номеров, изъятие некоторых материалов из разрешенных к выпуску конкретных номеров оппозиционной прессы имели место и в Польше. Здесь «Газета Людова» — печатный орган сильной оппозиционной партии Польское Стронництво Людове (ПСЛ), руководимой Ст.Миколайчиком, систематически подвергалась цензурным санкциям. Причем такое давление на печать ПСЛ поддерживалось и польскими социалистами. Так, ссылаясь на одну из резко критических статей Ст.Миколайчика в «Газете Людовой», один из лидеров ППС Ю.Циранкевич в беседе с советником посольства СССР в Варшаве В.Г.Яковлевым 24 ноября 1945 г. заявил, что ПСЛ «все ярче и ярче показывает свой характер оппозиционной партии» и что «на каждое антиправительственное и антидемократическое выступление сторонников Миколайчика в печати или на собраниях надо немедленно реагировать и давать отпор». Циранкевич также заявил, что из двух вариантов политики по отношению к партии Миколайчика: борьба с ней, или компромиссное соглашение на базе выборного блока — сам он «является сторонником политики наступления»¹⁰.

Таким образом, уже в 1945 г. стало ясно, что в странах Восточной Европы главные политические противники — коалиционная власть во главе с коммунистами и оппозиция внутри или вне демократических фронтов использовали средства массовой информации как важнейшее орудие борьбы за власть, за массы и за их поддержку. Именно поэтому особенно резкое столкновение этих сил на информационном поле приходилось на время кризисных ситуаций или принципиально важных политических событий, например, в ходе выборов, когда разгоралась острая борьба за голоса избирателей.

Так, начальник 7-го отдела политуправления Южной группы советских войск в Болгарии сообщал в октябре 1945 г. в вышестоящие инстанции: «Страницы оппозиционных газет стали заполняться злостной клеветой против правительства О[течественного] ф[ронта], компартии, милиции и всех административных учреждений, стоящих на платформе Отечественного Фронта». Далее в сообщении подчеркивалось, что поскольку «попытки пролезть в правительство, а также изменить по-своему избирательный закон, потерпели провал, оппозиция опубликовала в газетах "Свободен народ" и "Народно земеделско знаме" обращение к избирателям, в котором от имени "Зеленого БЗНС" Н.Петкова, "Объединенной БРСДП" Лулчева и "независимых" Петко Стоянова заявила о бойкоте выборов». В этих же газетах, как отмечалось в донесении, «напечатана декларация "демократов" Николы Мушанова и "радикалов" М.Стоенчева и Д.Таркаланова об отказе участвовать в выборах»¹¹.

В борьбе против оппозиции довольно широко использовалась дезинформация. 24 декабря 1946 г., в 22 часа, московское радио передало сообщение, в котором говорилось, что «во время гитлеровского господства в Болгарии, когда все прогрессивные силы болгарского народа вступили в борьбу против иностранного завоевателя, оппозиционеры, называющие себя теперь истинными демократами, служили немецким агентам — кобургам (Кобурги — царская династия в Болгарии. — *Авт.*) — и помогали превратить Болгарию в немецкую колонию». На следующий же день, 25 декабря, газеты «Работническо дело» и «Отечествен фронт» опубликовали сообщение московского радио. Лидер «лояльной оппозиции» Н.Петков 27 декабря выступил с опровержением, где заявил, что уже в 1942 г. он и его сторонники вошли в Отечественный фронт, напомнил, что еще ранее, в 1938 г., за свою оппозиционную деятельность был лишен вместе со своими сторонниками депутатских полномочий... Грубые методы борьбы против Н.Петкова и сомнительное содержание обвинений, выдвинутых в передаче московского радио, были настолько очевидны, что даже представитель СССР в Болгарии С.П.Кирсанов вынужден был констатировать, что «вышеприведенное утверждение нашего радио сформулировано слишком прямолинейно и малоубедительно для болгар»¹².

Оправдательная тактика, к которой власть подталкивала оппозицию, давала весьма скромные результаты в информационной войне. В Румынии, например, печать оппозиции проиграла «битву» за избирателя именно из-за неверно взятого тона публикаций. Высокий уровень влияния оппозиционных партий и их печати в Румынии был чрезвычайно опасен для коммунистической партии. Поэтому министерство внутренних дел, контролируемое коммунистами, в канун выборов обвинило руководство НЦП и НЛП в антигосударственной деятельности и помощи «подпольным организациям, имеющим целью развязать подлинную гражданскую войну». Убедить население в этом должна была проправительственная печать, начавшая кампанию, направленную против этих партий. Газеты оппозиции, по сообщениям советского посольства, «имели несомненно большой успех не только у обывателей, но и у известной части интеллигенции и даже рабочих». Номера газет «Дрептатя» и «Либералул» в начале избирательной кампании в феврале, марте и даже апреле 1946 г. буквально расхватывались на улицах. Однако, «грубый и вульгарный тон» (по определению посольства) этих газет, что без сомнения было реакцией на наступление коммунистической печати, «оттолкнул от них часть читателей». В советском посольстве констатировали: «Тираж оппозиционных газет в мае, июне и июле резко сократился...»¹³

Одним из средств борьбы за читателя было инициирование отказа типографских рабочих печатать оппозиционные газеты. В Румынии рабочие при подстрекательстве коммунистов неоднократно отказывались печатать газету «Дрептатя». В Болгарии весной 1947 г. после принятия политбюро ЦК БРП(к) решения о начале политического наступления на оппозицию был приостановлен вы-

пуск «Народно земеделско знаме» и других оппозиционных газет. При этом было объявлено, что рабочие «Объединенной типографии» отказались набирать статьи с критикой правительства и политики ОФ. Попытки Н.Петкова набрать новый штат печатников оказались безуспешными¹⁴.

Следует также отметить, что средствами массовой информации левого толка зачастую руководили люди, не имевшие, за исключением Чехословакии, опыта и традиций работы в легальных условиях. Они были вынуждены просить помощи у советских специалистов.

В начале 1945 г. руководитель болгарского радиовещания, писатель-коммунист О.Василев в письме в Москву Г.Димитрову обратил внимание последнего на необходимость принятия мер по радиофикации Болгарии и привлечения к этому делу советских специалистов. О.Василев полагал, что можно было бы использовать болгарское радио для перестройки всей болгарской учебной системы, считая, что «от ее переустройства зависит в большой степени завоевание народа и молодежи». Он предлагал использовать возможности радио в организации курсов для учителей, поднять вопрос об учебниках, о новых методах преподавания, об изучении русского языка, об организации самодеятельности учащихся, о взаимоотношениях между родителями и учителями, между учениками и т.д. О.Василев ставил вопрос шире: «Имея в виду всегда особую международную обстановку и невозможность для СССР вмешиваться открыто в наши внутренние дела, я все же считаю, — продолжал О.Василев, — что во многих и многих отношениях, многими и многими путями нам могла бы быть и должна быть оказана помощь, потому что без этой помощи мы потеряем позиции, которые позже трудно будет завоевать, особенно если пропустить начальный период, когда советские войска еще находятся в Болгарии»¹⁵. Инициатива О.Василева была поддержана Г.Димитровым и в ЦК ВКП(б). Особое внимание было обращено на развитие всесторонних советско-болгарских контактов в деле воздействия на общественные настроения. Заведующий Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Александров в беседе с Г.М.Димитровым и Г.М.Маленковым, в частности, подчеркнул, что «...работники искусства посетили и будут, видимо, впредь посещать Болгарию... В свою очередь приезжали и приезжают из Болгарии товарищи для ознакомления с различными областями культуры и народного хозяйства СССР. Вопросы об их приезде, а равно и о поездке делегаций из СССР в Болгарию в каждом отдельном случае решаются в ЦК по нашему представлению»¹⁶.

В отличие от процессов, развивавшихся в информационной сфере рассмотренных выше стран, ситуация в Чехословакии имела свои отличия.

После ее освобождения Красной Армией здесь возобновили свое издание такие газеты, как «Руде право» (орган КПЧ), «Правда», газета словацких коммунистов, «Свободно слово», орган чешской национально-социалистической партии, к которой тяготел президент Республики Э.Бенеш, «Лидове Демокрацие» — орган

чешской народной (католической) партии. Демократическая партия Словакии стала издавать свою газету «Час». Все основные партии Чехословакии входили в Национальный фронт чехов и словаков (НФ) и выполняли Кошицкую программу. Особенности расстановки политических сил в стране привели к тому, что с мая 1945 г. здесь, как считает чешский историк К.Каплан, фактически не было политической цензуры. Прежняя практика превентивной цензуры, существовавшая до 1939 г., была отвергнута всеми политическими партиями, входившими в НФ¹⁷.

Но это отнюдь не означало, что в информационной сфере отсутствовала борьба за контроль над средствами массовой информации. Министерство информации, находившееся в руках коммунистов, пыталось поставить под свой контроль печать конкурирующих партий. Так, в конце 1945 г. министр информации, коммунист В.Копецкий, обвинив печать народной (католической) партии Я.Шрамека, особенно журнал партии «Обзоры», в «фашистском и реакционном духе», закрыл это издание. В свою очередь, руководства политических партий, входивших в НФ, в частности Я.Шрамак, пытаясь преградить дорогу произволу коммунистов в области СМИ, выступили с предложением об организации и установлении цензуры, но с четко обозначенными правилами, регулируемые законодательством¹⁸. В то время предложение об установлении в Чехословакии цензуры не нашло практического осуществления.

Таким образом, несмотря на то, что в большинстве стран региона коммунисты и их союзники по коалиции располагали более широкими возможностями информационно-агитационного воздействия, в Чехословакии, Польше, Болгарии, Румынии активно проявили себя оппозиционные компартии СМИ. Газеты оппозиции: «Газета Людова» в Польше, «Людове новине», «Свободно слово» и «Час» в Чехословакии, «Народно земеделско знаме», орган БЗНС (Н.Петкова), в Болгарии, газета НЦП «Дрепатя» в Румынии и т.д. выходили достаточно большими тиражами, имели собственную политическую активную читательскую аудиторию. Довольно длительное время, вплоть до 1947—1948 гг., в ряде стран (Чехословакии, Болгарии, на определенных этапах в Румынии), оппозиционная печать не подвергалась жесткому и систематическому цензурированию. Число нелегальных газет и иных изданий в большинстве стран (кроме Польши) было незначительным и не оказывало существенного влияния на общественные настроения.

Как и в Румынии, радиовещание в большинстве стран региона контролировалось коммунистами.

Что касается Югославии и Албании, то здесь ситуация в СМИ характеризовалась их большей однородностью, что объяснялось фактической монополий компартий в обществе, установленной в этих странах в ходе освободительной борьбы. Естественно, это нашло прямое отражение в средствах массовой информации.

Центральным органом печати коммунистов являлась газета «Борба», издававшаяся в Белграде, а во всех республиканских

центрах издавались газеты Национально-освободительного фронта (НОФ), по сути и характеру являвшиеся коммунистическими. В Албании в 1945 г. вместо печатного органа КПА «Зери и популыт» начала выходить газета «Башкими» — орган НДФ, доминирующую роль в котором играла компартия¹⁹.

Итак, вплоть до установления в регионе на рубеже 1947—1948 гг. монопольной власти компартий, в большинстве из стран сохранялось многообразие средств массовой информации, имела место полиинформационная среда с двумя достаточно выраженными полюсами. На одном из них господствовали компартии, являвшиеся ядром коалиционной власти, на другом, представленном оппозицией, сохранялся некий «осколок» довоенного информационного поля. Число нелегальных газет и иных изданий было незначительным и не оказывало на общество заметного влияния в абсолютном большинстве стран, исключая Польшу.

Как следует из документов российских архивов, советское руководство придавало большое значение влиянию средств массовой информации на общество стран региона и развитию взаимодействия между СССР и Восточной Европой с целью переориентации общественных симпатий на Советский Союз и поддерживало инициативы, шедшие из восточно-европейских стран. При этом учитывались, оказавшиеся временными, благоприятные условия, сложившиеся сразу после окончания войны, когда рост престижа и авторитета Советского Союза, повышение общего интереса к информации о различных областях его внутривосточной жизни стали объективной реальностью.

Используя данную ситуацию, советское руководство, заинтересованное в превращении СССР в главный, а в перспективе и единственный источник информации для стран региона, привело в движение весь механизм своей агитационно-пропагандистской машины. Одним из каналов поступления информации из СССР стали возникавшие в первые послевоенные годы общества дружбы (или друзей) с СССР. Они заняли важное место в структуре связей СССР со странами Восточной Европы²⁰. Кроме того, началась работа в этом регионе представительств Совинформбюро, Совэкспортфильма, «Международной книги» и т.д.

Учитывая идеолого-политические задачи восточно-европейских компартий, ЦК ВКП(б) 29 сентября 1945 г. принял решение «Об улучшении советской пропаганды за рубежом», в котором обязал советские организации, занимавшиеся внешнеполитической пропагандой (Совинформбюро, ВОКС, Иноиздат, «Международная книга», Совэкспортфильм и т.д.), повысить «наступательность и боевитость» советской внешнеполитической пропаганды. Анализ этого постановления, предпринятый российским исследователем В.О.Печатновым, показывает, что в этот период во внешнеполитической сфере сохранялись еще резервы для взаимодействия и сотрудничества с западными державами, а это непосредственным образом отражалось на содержании и характере внешнеполитической информации и пропаганды²¹. Но зарождавшаяся в 1945—1946 гг.

«холодная война» и нарастание противоречий между великими державами не способствовали превращению этих резервов в реальность. Разворачивалась борьба на всех «фронтах», в том числе и на информационном.

С конца 1945 г. США начали формировать новый пропагандистский облик внешнего врага. Вместо фашистской Германии в сознание американцев и населения западных стран активно внедрялся негативный образ Советского Союза с его коммунистической идеологией, тоталитарным устройством и стремлением к большевистской экспансии. В свою очередь, с весны 1946 г. в СССР также стали создавать идеологические предпосылки для определения нового врага в виде англо-американского империализма и его агентов²². Этот образ начал интенсивно формироваться также и среди населения восточно-европейских стран, особенно после сошествия Коминформбюро в сентябре 1947 г. В то же время в большинстве стран региона, прежде всего славянских, все еще сохранялось в общественном сознании представление о германском милитаризме как главной враждебной силе*.

В связи с нарастанием международной конфронтации в СССР началась перестройка всей пропагандистской системы и реорганизации учреждений, занимавшихся внешнеполитическим направлением (Совинформбюро, «Международная книга», ВОКС и др.)²³. Одновременно разворачивались идеологические кампании по разоблачению космополитизма, по борьбе с «низкопоклонством» перед Западом и воспитанию советского патриотизма, которые превратились советским руководством в средство идеологического контроля за творческой интеллигенцией в СССР с целью перекрыть возможности влияния Запада²⁴.

Советский Союз систематически наращивал свои пропагандистские усилия и способы воздействия на население восточно-европейских стран. Об этом свидетельствуют материалы, подготовленные в аппарате ЦК ВКП(б). В октябре 1947 г. была подготовлена совместная докладная записка сотрудников Отдела внешней политики Л.С.Баранова и Д.Т.Шепилова, направленная секретарю ЦК ВКП(б) М.А.Суслову, курировавшему этот отдел. В ней, в частности, сообщалось, что руководство «Международной книги» приняло меры для ускоренной доставки в Чехословакию советских газет и журналов. В сентябре—октябре 1947 г. газеты уже отправлялись рейсовым самолетом, как правило, в день выхода из печати. Руководство объединения считало необходимым установить ежедневные рейсы самолетов по линии Москва—Прага. Через Торгпредство СССР в Чехословакии было организовано получение газет адресатами в день их прибытия, непосредственно на аэродроме в Праге²⁵. Что касается поставок советских фильмов в Чехословакию, то, как сообщалось в справке, за девять месяцев 1947 г. было направлено 33 художественных и 3 документальных фильма.

* См. вводную главу.

До конца 1947 г. предполагалось отправить в Чехословакию еще 7 новых и 5 старых художественных фильмов, 8 документальных и 17 мультипликационных.

Кроме того, ВОКС организовал для Чехословакии 2 экземпляра фотовыставки «30 лет Советов», и подготовил фотоматериалы об СССР. Намечалось также комплектование советскими книгами библиотеки Общества культурной и экономической связи с СССР и Союзов друзей СССР. До конца 1947 г. ВОКС намечал принять объединенную делегацию Общества культурной и экономической связи с СССР, Союза друзей СССР в Чехии и Моравии и Союза друзей СССР в Словакии. Предполагалась также поездка лекторов по вопросам философии, истории и литературы. Кроме того в Чехословакию намечалась поездка футбольной команды ЦДКА и ответный визит чехословацких спортсменов в СССР²⁶.

Активно участвовали в пропаганде советской культуры в странах Восточной Европы также советские дипломатические представительства. Советское консульство в Гданьске, отмечая недовольство части населения пребыванием Красной Армии на польской территории и антисоветскую деятельность «реакционных элементов», 15 декабря 1945 г. обратилось к руководству МИД СССР с предложением усилить работу советских представительств в Польше с целью показать жителям Гданьска «наши хорошие стороны». Консульство считало целесообразным прислать по линии ВОКС литературу на польском языке, организовать выставку о Советском Союзе, а также приезд артистов советских театров на Побережье, оказать материальную помощь гданьскому филиалу Общества польско-советской дружбы, обеспечить консульство киноаппаратом для демонстрации советских картин по линии этого общества²⁷.

Как отмечалось в работах отечественных историков, инициативы по созданию и активизации деятельности обществ дружбы исходили не только от советских представителей. Коммунисты стран региона и интеллектуалы, как принявшие новую власть, так и далекие от коммунизма, проявляли в этом деле встречный интерес. Конечно, решающее слово в деле переориентации на Восток оставалось за руководством компартий и советскими представительствами в странах. Они персонально участвовали в налаживании работы обществ дружбы, выдвигали своих доверенных лиц на руководящие должности и добивались удаления из правлений с их точки зрения «неблагонадежных людей»²⁸.

В апреле 1947 г. комиссия ОВП ЦК ВКП(б) во главе с М.А.Сусловым и его заместителем А.С.Панюшкиным провела проверку работы ВОКСа. «Главным пороком и позорным явлением в работе аппарата ВОКС, — говорилось в итоговой записке, направленной Сусловым Жданову в мае 1947 г., — является укоренившееся низкопоклонство и угодничество перед границей и иностранцами, потеря бдительности и чувства советского патриотизма, выражающаяся в посылке за границу материалов, бюллетеней, раскрывающих систему научно-исследовательской работы в СССР,

в передаче не подлежащих разглашению сведений об открытиях советских ученых»²⁹. Содержание и направленность критики ВОКС дает основание утверждать, что его деятельность постепенно переориентировалась на антизападную пропаганду. Не случайно на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) под председательством А.А.Жданова критика ВОКС была сосредоточена на «потере бдительности». Вместе с тем перед работниками ВОКС была поставлена задача не только противодействовать вражеской разведке, но и самим активно заниматься сбором разведывательной информации»³⁰.

Подобные решения советского руководства, несомненно, учитывали тот факт, что в 1944—1948 гг. общество стран Восточной Европы оставалось поливариантным и было открытым влиянию как Запада, так и Востока. Советский пропагандистский «поток» все еще сосуществовал с западным «потоком» информации.

Запад пытался сохранить свое воздействие на население стран Восточной Европы, опасаясь дальнейшего распространения «коммунистической экспансии», роста международного престижа и влияния Советского Союза. Противостояние Восток—Запад в борьбе за умы и настроения людей, в том числе и в восточно-европейских странах, вылилось в настоящую информационную войну, с привлечением всех доступных средств массовой информации и использованием других пропагандистских каналов. Прежде всего продолжали сохраняться традиционные каналы западного влияния: различного рода издания западных бюллетеней, общества и институты сотрудничества со странами Восточной Европы, присутствие иностранных журналистов, связи политической элиты с миссиями США и Англии и т.д.

По сообщениям секретаря советского посольства в Варшаве В.Пеутина, англичане и американцы, легально появившиеся в Польше вместе с посольствами США и Англии летом 1945 г., нашли там благоприятную почву для проведения пропагандистской работы. Их поддерживала значительная часть польской интеллигенции: профессора вузов и студенты, учителя, работники сферы искусства. Британский совет, имевший традиционно свои представительства в Польше до войны, а во время войны — связи с армией генерала В.Андерса, создал новые отделения. В Совете работал 21 сотрудник, из которых 11 человек были английскими подданными³¹.

В Софии при посольствах США, Великобритании и Франции имелись библиотеки-читальни, работали также итальянский книжный магазин, магазин австрийской научной книги. Болгарской дирекцией печати были официально допущены к продаже английские, американские и французские газеты и журналы³².

Из советского посольства в Румынии в 1947 г. регулярно поступали донесения об усилении деятельности англичан и американцев среди различных слоев населения. В одном из них говорилось: «Сам аппарат американской миссии поддерживает связи исключительно с верхушкой буржуазии и наиболее видными пред-

ставителями интеллигенции. Организация "Друзья США" имеет влияние среди средней буржуазии. Общество "Молодые друзья США" ("ИМКА") уделяет внимание учащейся и ремесленной молодежи... Трудящаяся часть населения охватывается организацией социального обеспечения: "Красный Крест", "Институт сестер милосердия", "Академия социального обеспечения". Среди нуждающейся части населения распространяются продовольственные подарки. В Бухаресте и в других крупных городах Румынии имеется две американские библиотеки... Американская контора по прокату кинофильмов подчинила своему влиянию около 140—160 кинотеатров столицы и провинции. В течение шести месяцев конторой получено 100 новых фильмов. За исключением кино и отчасти прессы остальные пропагандистские мероприятия охватывают сравнительно узкие круги населения и по своей деятельности не могут сравниться с такой организацией, как АРЛЮС»³³.

При этом, как считает В.О.Печатнов, «в целом по своему размаху, профессионализму и финансированию пропагандистские усилия Запада по окончании войны действительно превосходили советские. Не было сомнений и в их явной переориентации на критически-враждебную тональность в отношении СССР»³⁴. Так, например, в Чехословакии в 1948 г. из 718 переводов книг — 209 были переводами английских авторов, 111 — американских и 135 советских. Удельный вес советских фильмов в чехословацком кинопрокате составлял 23% от американских³⁵.

Руководство чехословацкой информационной службы 25 декабря 1948 г. сообщало в МИД СССР, что оно активно противодействует распространению западных публикаций в чехословацкой прессе и способствует публикации статей, подготовленных в Совинформбюро (СИБ). Так, если в октябре 1947 г. последних было опубликовано 385, то через год, в октябре 1948 г. — уже 616³⁶.

По мнению представителя СИБ в Венгрии Ф.Потемкина, эта организация сыграла важную роль в публикации материалов о жизни СССР в период, когда основная масса газет и журналов находилась в руках венгерских буржуазных и мелкобуржуазных партий.

Однако нередко статьи, направляемые СИБ в страны Восточной Европы, были профессионально настолько низкого качества, что встречали противодействие сотрудников национальных печатных органов. Критикуя работу Совинформбюро, Политбюро ЦК ВКП(б) отмечало низкое качество материалов, слабое знание стран, куда идет информация, низкую квалификацию и непрофессиональность кадров СИБ³⁷.

Как показывают архивные документы, 1944—1948 гг., несмотря на укрепление позиций коммунистических партий, довольно жесткие рамки военно-политической цензуры в ряде стран Восточной Европы и переход в руки коммунистов силовых министерств,

* АРЛЮС — Общество культурных связей с СССР.

были все же временем отсутствия монополии на информацию какой-либо одной политической силы или партии. Например, до февраля 1948 г. в Чехословакии в руках некоммунистических партий находилось 52% тиражей ежедневной прессы; помимо государственных, действовало около 300 частных издательств³⁸. Не было в этой стране и цензурных ограничений печати, радио и других средств информации³⁹.

В Румынии вплоть до середины 1947 г. выходили частные газеты, пресса оппозиционных партий и организаций, социал-демократические издания, хотя доминирующее положение все больше занимала печать коммунистической партии. В 1946 г., по настоянию Великобритании и США, было разрешено издание 15 оппозиционных центральных газет и журналов и трех провинциальных газет в уездах Клуж, Сибиу и Яссы. Тем не менее давление на оппозиционную печать продолжалось. По сообщению советских представителей, поступившему из Бухареста в Москву, за период с декабря 1945 г. по апрель 1946 г. были закрыты на 2 месяца провинциальные газеты — «Бразда» «за провокационный выпад против т. Сталина», и «Курьерул» за то, что поместила «провокационную статью» о выступлении китайцев против советских войск в Маньчжурии. Издание газеты «Ардялул», запрещенной еще 19 января 1946 г., не было возобновлено «за антисоветское выступление и оскорбление короля»⁴⁰. В 1946 г. начала выпускать свои газеты румынская эмиграция. В Швейцарии, например, выходила «Независимая Румыния», выступавшая с критикой политики правительства Петру Грозы и Советского Союза. Эта газета распространялась как среди румынских эмигрантов, живущих в Швейцарии и во Франции, так и нелегально в самой Румынии⁴¹.

В Польше в 1947 г. издавалось 735 газет, журналов и бюллетеней различной политической ориентации, в том числе и оппозиционные. Кроме того, публиковалось 36 ежедневных газет, причем 12 из них в Варшаве, а также 134 еженедельных журнала.

По наблюдениям советского посольства в этой стране, технические и научные журналы предпочитали публиковать материалы, поступающие с Запада, в то время как информация, поставлявшаяся через Совинформбюро, в эти журналы не попадала, что дало повод советским представителям сделать вывод «о низкопоклонстве» поляков перед Западом. В целом, по мнению сотрудников посольства, польская печать была засорена враждебными антисоветскими элементами, «не особенно боящимися вылезать на страницах печати с сомнительными материалами». Героем дня в прессе, по мнению посольства, становился тот, кто поставлял «сенсацию», а «сенсацией», — как отмечалось в его отчете, — может стать лишь материал, как-либо компрометирующий польское правительство или СССР»⁴².

Вполне естественно, что в противовес этому усилиями польского правительства увеличивалось число публикаций о Советском Союзе, полученных через представительства Совинформбюро. Так, если в 1946 г. польская печать помещала в среднем в месяц около

40 статей, представленных Совинформбюро, то в 1947 г. — 130. За 1947 г. представительство Совинформбюро в Польше передало польской стороне 1837 статей, 84% из них были напечатаны на страницах изданий, а также были помещены 3460 фотоснимков о жизни в СССР⁴³.

В 1947—1948 гг. политическая ситуация в странах Восточной Европы начала быстро меняться. Парламентские выборы в большинстве восточно-европейских стран принесли победу коммунистам и их союзникам по антифашистскому блоку. На исход выборов влияла не только радикализация общества, но и возможность власти применить «технические средства» для корректировки итогов голосования (по крайней мере в трех странах — Венгрии, Польше и Румынии имела место фальсификация выборов), активно использовать в агитационно-пропагандистских целях средства массовой информации. Победа на выборах создала условия для перехода коммунистов к подавлению оппозиции и обслуживавших ее средств массовой информации.

В Румынии с лета 1947 г., после ликвидации оппозиционной национал-царанистской партии и «самороспуска» национал-либеральной партии и других партий и организаций некоммунистической ориентации, началось массовое закрытие и ликвидация оппозиционной и не подконтрольной компартии и правительству Петру Грозы печати.

В Болгарии, как уже отмечалось выше, оппозиционные газеты были закрыты в конце апреля — начале мая 1947 г. в ходе политического наступления на оппозицию.

Процессы подчинения оппозиционной прессы набирали силу и в других странах региона. В Чехословакии и Польше они интенсивно развивались на рубеже 1948—1949 гг., хотя некоммунистическая, но уже контролируемая теперь властью печать здесь сохранилась.

В Чехословакии в начале декабря 1947 г. на совместном секретном совещании МВД и министерства информации, находившихся в руках коммунистов, было принято решение о проведении ряда мероприятий по усилению контроля над СМИ. В соответствии с этим решением в министерстве информации под личным контролем министра коммуниста В.Копецкого создавалось контрольное управление, которое должно было изучать всю печать с точки зрения «преступлений против закона»; органам госбезопасности рекомендовалось усилить внимание к содержанию печати и при необходимости применять судебные санкции против редакторов изданий, нарушавших закон. В отдельных случаях, при глубоких нарушениях, газеты и журналы могли быть закрыты. В поле зрения контрольного управления, где работали только коммунисты, попадали такие вопросы, как освещение двухлетнего экономического плана, выпады против славянских народов (имелся в виду прежде всего Советский Союз), вопросы снабжения населения продуктами питания, внутренняя и внешняя политика Чехословакии, вопросы обороны страны и т.д. Глава правительства Чехосло-

вакии К.Готвальд предложил, чтобы судебным санкциям подвергался каждый, кто выступит против двусторонних договоров между СССР и странами Восточной Европы⁴⁴.

Закрытие или слияние газет и журналов, смена редакционных коллективов — все это были прямые свидетельства фактического уничтожения в 1947—1948 г. полиинформационного «поля» в странах региона, что в свою очередь являлось следствием кардинальной смены всей концепции будущего внутривосточного развития региона. В такой ситуации должно было принципиально измениться положение дел в информационной сфере, которая отныне была призвана обслуживать не запросы на информацию социально и политически многоликого общества, а интересы правящей партии, ее идеологический «заказ». Более того, суть этого «заказа» стали определять сторонники прямого копирования советских образцов организации общества, коммунисты — левые радикалы и ортодоксы. Активное возрождение идеологических догматов Коминтерна отражали не только решения совещания в Шклярской Порембе в сентябре 1947 г., но и многочисленные документы, разработанные весной 1948 г. в аппарате ЦК ВКП(б)⁴⁵. Этот, особого свойства, справочно-оценочный материал о положении в компартиях Югославии, Польши, Чехословакии и Венгрии демонстрировал смену курса в коммунистическом движении и разрыв с ориентацией в теории и практике на особый мирный путь к социализму⁴⁶. Конфликт с Югославией, представляется, ускориł этот разрыв.

Понятно, что такая идеологическая переориентация в коммунистическом движении требовала резкого усиления контроля за информацией, исходившей или поступающей в страны региона. Особую актуальность приобретал контроль за теми средствами массовой информации, которые сообщали сведения об СССР и советской модели социалистического строительства. Как показывают документы российских архивов, советское руководство считало, что положение коммунистической печати стран региона также нуждалось в определенной корректировке. В вышеупомянутой справке по Венгрии отмечалось, что руководство компартии этой страны «не только не занимается и не интересуется вопросами пропаганды Советского Союза и советской культуры в Венгрии, но терпимо относится к многочисленным фактам выхода книг и публикации материалов, грубо искажающих советскую действительность и прямо антисоветского содержания». Авторы справки в качестве примеров приводили роман Тибора Дери «Игры подземного мира», вышедший в 1946 г. в издательстве компартии «Сикра», где описывался приход в Венгрию Красной Армии, и красноармейцы изображались дикарями и насильниками, объемистую «Энциклопедию СССР» под редакцией профессора Болгара, написанную на основе немецких источников XIX в. и имевшую, с точки зрения Москвы, многочисленные искажения истории СССР, и «Библиографию русской литературы», содержащую произведения «опальных» Б.Пильняка, М.Зощенко, А.Ахматовой и др.

Особенно острой критике подвергся литературный журнал «Форум», членом редколлегии которого являлся коммунист Д.Лукач, за публикацию обширных материалов о западной литературе и философии и за отсутствие в журнале статей о советской литературе и культуре. Коммунистические издания были обвинены также в игнорировании методов большевистской печати, использовании методов «бульварной, буржуазной прессы» и в «буржуазной безыдейности». Руководство венгерской компартии, в ведении которой в 1948 г. находилось уже большинство столичных кинотеатров, критиковалось также за отсутствие в прокате советских фильмов и увлечение показом многочисленных американских и английских фильмов, в том числе о последней войне⁴⁷.

Издания ППР критиковались Москвой прежде всего за «пропаганду польского марксизма», за «национальные корни» развития марксистской теории в Польше и «сознательное замалчивание ленинско-сталинского этапа в развитии марксизма», «богатейшего опыта и вклада партии большевиков в международное рабочее движение», в «развитие современной Польши», а также обвинялись «в приспособлении теории Польской рабочей партии к польскому национализму и в националистической практике». В справке ОВП ЦК ВКП(б) по Польше отмечалось, что «националистические устремления» в практической деятельности ППР сопутствовали слабой пропаганде в подконтрольных польским коммунистам газетах и теоретических журналах ППР успехов СССР, умалению роли Советского Союза в освобождении Польши от фашизма, пропаганде «польского марксизма» как особого национального пути перехода к социализму⁴⁸.

Итак, период 1947—1948 гг. характеризовался ужесточением контроля со стороны Москвы за содержанием публикаций в коммунистических средствах массовой информации. Контроль за средствами массовой информации должен был, как показывают принятые в этот период в ЦК ВКП(б) документы, обеспечить: а) блокирование пропаганды и информации с Запада; б) ужесточение политики в отношении СМИ в странах региона; в) усиление пропаганды опыта и достижений Советского Союза.

С конца 40-х годов начал набирать темпы процесс исключения из общественной жизни некоммунистических средств массовой информации. 20 февраля 1948 г. член Политбюро ЦК ПОРП Я.Берман сообщил советнику посольства в Варшаве В.Г.Яковлеву, что руководство партии намерено создать специальную комиссию для пересмотра всех периодических изданий «с целью закрыть легальные каналы информации враждебных разведок»⁴⁹.

В Чехословакии в конце 1948 г. при министерстве информации был создан издательский совет, который инициировал подобный процесс. В 1949 г. были закрыты все частные издательские фирмы. Вместо 350 издательств осталось немногим более 30. Был закрыт, например, научный журнал «Социологицке ревю», запрещена свободная продажа западных изданий⁵⁰.

30 мая 1949 г. сотрудник аппарата ОВП ЦК ВКП(б) сообщал из Венгрии, что ЦК ВПТ и венгерское правительство предусматривают закрытие некоторых буржуазных газет, создание специального комитета для контроля за изданием книг, национализации всех театров и идеологическое «улучшение» их репертуара⁵¹.

В Румынии к 1950 г. были закрыты не только все газеты политических партий, кроме коммунистической, но и независимые и частные газеты и издания. Исключение составляла пока только одна частная газета — «Адэвэрул». Ее владелец Х.Соряну 17 января 1950 г. обратился к советнику посольства СССР С.С.Спандаряну (являвшемуся одновременно и представителем в Румынии советских органов разведки), в надежде получить поддержку советского посольства и сохранить свою газету⁵².

Судьба «Адэвэрул» показывает, что в некоторых случаях высшее политическое руководство Румынии стремилось к маскировке своей жесткой, идеологически заданной линии, создавая видимость существования в стране демократических свобод. В дальнейшем газета «Адэвэрул» перешла под полный контроль компартии. Основным источником информации по мере вытеснения некоммунистических СМИ становилась центральная и местная печать компартий: «Зери и популит» — центральный печатный орган коммунистов в Албании, «Работническо дело» — в Болгарии, «Сабад неп» — в Венгрии, «Трибуна Люду» — в Польше, «Скынтейя» — в Румынии, «Руде право» — в Чехословакии.

В условиях, когда основные оппозиционные и независимые СМИ были ликвидированы, или, изменив идейный облик и содержание, сошли на нет, главной заботой Кремля и восточно-европейских компартий, стало пресечение пропаганды, шедшей с Запада.

В конце 40 — начале 50-х годов антизападная пропаганда приобрела в СССР массированный характер. В марте 1949 г. в агитпропе ЦК ВКП(б) был составлен развернутый «План мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время», предусматривавший подготовку в срочном порядке разнообразной литературы антиамериканского содержания и ее публикацию в различных издательствах: Госполитиздате, Гослитиздате, Издательстве «Искусство», Иноиздате. Задания по подготовке научных работ антиамериканского содержания, ориентированных на разоблачение враждебной буржуазной идеологии, получили научно-исследовательские институты Академии наук СССР⁵³. Планировалось также усиление антиамериканской пропаганды в печати, по радио, в лекциях и т.д.

Документы российских архивов показывают, что именно после принятия этого плана начался определенный поворот и в раскрутке антизападной пропаганды в странах Восточной Европы.

В мае 1949 г. ряд сотрудников ОВП ЦК ВКП(б) посетили страны региона с целью сбора данных о деятельности руководства компартий в борьбе против «происков англо-американских империалистов». Одной из главных задач подобных инспекций являлась активизация деятельности руководства компартий по усиле-

нию антизападной пропаганды, разоблачению «англо-американского империализма», поскольку в Москве считали, что в ряде случаев руководство дружественных стран «сквозь пальцы» смотрело на деятельность западных эмиссаров в своих странах и на развитие связей и контактов населения с Западной Европой.

Действительно, результаты этих поездок были для советского руководства неутешительными. Сотрудники аппарата ЦК ВКП(б) сообщали в своих отчетах, что коммунистические партии Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии и Чехословакии недостаточно активно препятствуют распространению влияния Запада и не контролируют ситуацию в этом направлении. Они отмечали, что «в отделах пропаганды и международных отделах коммунистических партий этих стран специальной работы по сбору информации о происках англо-американских империалистов и выработке мер против них не ведется». Например, в ЦК БКП А.А.Стручков «мог получить только маленькую справку о некоторых фактах деятельности англо-американцев в Болгарии». В ЦК ВПТ С.Г.Заволжскому «не смогли сообщить никаких данных о деятельности англо-американцев в Венгрии. Факты, приводимые в прилагаемой записке о происках англо-американских империалистов в Венгрии (были) получены помимо ЦК ВПТ». В ЦК КПЧ т. А.И.Антипову заявили, что обработанных материалов по этому вопросу нет. Сбором материалов на эту тему в Праге занимались лишь сотрудники советского посольства и корреспонденты ТАСС и Совинформбюро. Посол СССР в Чехословакии М.А.Силин уже после отъезда Антипова 7 июля 1949 г. обратился к генеральному секретарю ЦК КПЧ Р.Сланскому с просьбой помочь 3-му секретарю посольства СССР в Чехословакии Семенову собрать материал об англо-американской пропаганде в Чехословакии. В ответ на просьбу советского посла Р.Сланский дал распоряжение соответствующим организациям «о подборе материалов и их передаче в советское посольство».

В ЦК ПОРП В.И.Овчарову также сказали, что готовых материалов нет, но обещали подготовить и прислать «в ближайшее время»⁵⁴. Секретарь ЦК компартии Румынии И.Кишиневский обещал подготовить дополнительный материал, поскольку еще в марте 1949 г. по собственной инициативе передал в ЦК ВКП(б) справку «О некоторых видах деятельности американских и английских специалистов в Румынии»⁵⁵.

Между тем, как отмечалось в отчетах вышеназванных сотрудников ОВП ЦК ВКП(б), Запад продолжал оказывать влияние на население этих стран и использовать для своей пропаганды разные каналы, включая и средства массовой информации. Сотрудник ОВП С.Г.Заволжский, инспектировавший Венгрию, в частности, писал: «Организацией библиотек, выставок, подарков интеллигенции (преимущественно в форме книг по специальным вопросам), демонстрацией кинокартин, чтением лекций, распространением иллюстрированных журналов, а также распечаток издававшегося дипломатической миссией США в Будапеште "Американского ра-

диобюллетеня" американцы и англичане стремятся увеличить свое влияние среди различных слоев населения»⁵⁶.

Справки по Венгрии и Болгарии также изобиловали фактами «происков англо-американских империалистов» в сфере народного хозяйства этих стран и связей «реакционных групп» с англо-американскими кругами, примерами деятельности «империалистической агентуры» на идеологическом фронте, направленной на то, чтобы «максимально затруднить демократическое воспитание масс» этих стран⁵⁷. Из Румынии сообщали, что там традиционно было и остается значительным влияние французской культуры, что особой популярностью пользовался культурный центр при посольстве Франции, что при посольствах США и Великобритании также действовали подобные центры.

В уже упоминавшейся выше информации Заволжского особое внимание уделялось «разоблачению западных средств массовой информации, организующих пропагандистскую кампанию против коммунистического режима в Венгрии» и оказывающих влияние на настроения венгерского населения. Речь шла прежде всего о радиостанции «Голос Америки» и ее передачах на венгерском языке, которые транслировались из Нью-Йорка через Лондон и станцию «Рот Вейс Рот» из Зальцбурга (Австрия). В справке подчеркивалось, что американские радиопередачи «оказывают определенное влияние на население», а «дезинформация амеиканского радиовещания сбивает с толку многих политически малограмотных и не сведущих в политике людей». Заволжский отмечал, что агитация против СССР и стран народной демократии велась в двух основных направлениях: восхваления западного образа жизни, например: «Счастливая и радостная жизнь США (особенно фермеров)»; или «только в США — истинный демократизм и равенство», «США и западные страны, находящиеся в дружбе с Америкой, в предстоящей войне никто не сможет победить», — и резких выпадов против СССР и коммунистических режимов в странах советского блока, в том числе и против Венгрии, а именно: а) советское крестьянство при колхозном строе и рабочий класс живут впроголодь; б) в Венгрии, как и в других странах народной демократии, сейчас идет борьба против кулаков, затем начнется борьба против середняков, потом разоренных крестьян насильственно загонят в колхозы; в) новые выборы в Венгрии — это новые ограничения свободы в Венгрии, усиление господства коммунистов, превращение Венгрии в одну из республик СССР; г) дело Миндсенти — наглядный показатель гонения на католическую церковь и католиков. В связи с этим Заволжский подчеркнул, что из-за отсутствия контрпропаганды американская информация беспрепятственно проникает в венгерские газеты «Мадьяр немзет», «Вилаг», «Ешти Со» и др., которые «помещают статьи о якобы "цветущем" экономическом положении западных стран, восхваляют западную культуру, пишут о легкой возможности сделать себе карьеру, популяризируют высокий уровень западной техники».

Судя по документам, советская сторона располагала информацией о следующих основных каналах проникновения американской пропаганды в венгерское общество: 1) радиостанции «Голос Америки», Би-Би-Си, а также вешавшие на венгерском языке другие радиостанции Западной Европы и Югославии; 2) аппарат английской и американской миссий в Будапеште; 3) рассылка по почте различной антисоветской и антикоммунистической литературы, газет, листовок и т.д.; 4) использование в пропагандистских целях влияния Ватикана на венгерскую католическую церковь.

Кроме того, был обозначен еще один чрезвычайно важный канал: различные организации венгерской эмиграции, которые засылали в Венгрию из Австрии, Швейцарии, Франции в адрес различных учреждений и частных лиц антикоммунистическую и антисоветскую литературу, газеты, листовки в виде посылок, бандеролей и т.д.⁵⁸

В справке, подготовленной сотрудником аппарата ЦК ВКП(б) В.И.Овчаровым в феврале 1950 г., отмечалось, что особое место в прозападной пропагандистской деятельности в Польше занимал информационный центр при посольстве США в Варшаве, сфера деятельности которого являлась весьма обширной и включала издание и распространение информационных бюллетеней, газет и журналов на английском и польском языках, организацию библиотек, читальных залов, распространение книг; демонстрацию американских кинофильмов; организацию концертов, выставок и фотовитрин; установление связей с различными религиозными конфессиями и духовенством⁵⁹.

Аналогичным центром английской пропаганды в Польше являлся британский информационный центр (Британский Совет) при посольстве Великобритании, который вплоть до 1949 г. оказывал довольно сильное влияние на культурную и научную жизнь Польши.

Британское посольство в Варшаве в послевоенный период имело в своем распоряжении библиотеку и читальный зал. Этой библиотекой пользовались (по данным на середину 1949 г.) 1 450 чел. Из 7 803 томов, имевшихся в библиотеке, в течение I квартала 1949 г. было выдано 3 150 книг. Только в первом квартале 1949 г. Британский Совет выдал для демонстрации различным организациям и лицам 210 фильмов, а также 158 фотографий, 110 патефонных пластинок, отдал на перевод 180 книг⁶⁰. В 1949 г. благодаря противодействию ПОРП эта деятельность стала резко ограничиваться.

Особую роль в пропагандистском воздействии на население стран советского блока, без сомнения, играли эмигрантские круги в Западной Европе, Америке и Канаде, пытавшиеся наладить прочные связи со своими странами, прежде всего через личные контакты и создание различных по форме организаций и обществ, ориентированных на работу в восточном направлении.

В сентябре 1948 г. чехословацкая политическая эмиграция учредила в Лондоне «Совет свободной Чехословакии», а в США —

«Совет борьбы за свободную Чехословакию». Чешские писатели, эмигрировавшие на запад, объединились в «Союз чешских писателей». Руководители чехословацкой эмиграции заявили, что непосредственной целью этой организации является усиление оппозиции коммунистам внутри страны и поддержка новых политических беженцев⁶¹. В 1947—1950 гг. в Швейцарии, Франции, Испании и США были сформированы центры румынской эмиграции⁶². В Лондоне, Париже и столицах других западных стран существовали польские эмигрантские организации, которые продолжали оказывать влияние на творческую интеллигенцию Польши⁶³. Имели свои организации в странах Западной Европы также болгарские и венгерские эмигранты. Бывшие руководители крестьянских партий, оказывавшие сильное влияние на общественную жизнь стран региона в 20—40-е годы (С.Миколайчик, Г.М.Дмитров (Гемето), К.Никулеску-Бузешть и др.), возродили в США деятельность Международного аграрного комитета (так называемого «Зеленого Интернационала»), возникшего еще в межвоенный период.

Географическая близость стран Восточной Европы к внешним рубежам формирующегося социалистического лагеря открывала эмигрантам возможность для сохранения старых и налаживания новых контактов. Как свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении российские документы, эмиграции удавалось достаточно активно снабжать регион своими печатными изданиями, прежде всего газетами и журналами.

Хотя в эмигрантских кругах существовал довольно широкий спектр общественных настроений и политических позиций — от правых, националистических до левых, социалистических, их отношение к новому режиму в странах региона было единым и за малым исключением однозначно негативным.

Вместе с тем наблюдались весьма интересные различия во взглядах деятелей, находившихся в эмиграции, на методы воздействия на внутривнутриполитическую жизнь. Например, как подчеркивает в своей книге «Польские интеллектуалы. Взгляд изнутри» польский исследователь Г.Слабек, со ссылкой на работу одного из создателей парижского эмигрантского общественно-политического журнала «Культура» Е.Гомбровича, «в то время, как польская эмиграция в Великобритании считала естественным разрыв культурных связей со страной и хотела воздействовать на страну исключительно в диверсионно-агентурном плане (подобную позицию занимали также и "Радио свободной Европы", "Комитет свободной Европы" и, отчасти, "Конгресс свободной Европы"), в рамках парижской "Культуры" наметилась совершенно иная политика: воздействовать на развитие событий внутри страны таким образом, чтобы это было в высшей степени полезным для общества и прежде всего в области развития культурных связей». Как считает Г.Слабек, в годы холодной войны представители «Культуры» не одобряли деятельность тех центров польской эмиграции, которые финансировались и направлялись не польскими, а международными центрами. Ими отрицалась возможность любого соучастия в акциях в пользу

западных разведок. По мнению Г.Слабека, парижская «Культура» не занимала, в отличие от «Лондона», агрессивной позиции. Она ориентировалась на эволюционный путь перемен в польском обществе, не поддерживала методы «бойкота страны». Не случайно позже, в период начала «оттепели» 1956 г., деятели «Культуры» поддерживали В.Гомулку⁶⁴.

И, наконец, существовал еще один важный канал, формировавший в тот период оппозиционные к власти настроения. Это — церковь, особенно католическая, имевшая прочные связи с Ватиканом. Поэтому в Польше, Венгрии, Чехословакии власти приняли ряд мер, с целью поставить церковь под свой контроль. Так, 5 августа 1949 г. в Польше был принят закон «об охране свободы совести и вероисповеданий», а 6 августа издано распоряжение министра общественной безопасности об исполнении этого закона⁶⁵. Этот закон, а также принятый в тот же период закон об общественных организациях, давал государству, по словам члена Политбюро ЦК ПОРП, секретаря ЦК по вопросам идеологии Я.Бермана «полный контроль над всякими католическими обществами, организациями и братствами, что уже сейчас привело к самороспуску большинства этих организаций и к значительному ограничению деятельности оставшихся. Закон о собраниях ограничивает возможность уличных шествий. У католических организаций отобраны все крупные типографии. Значительно ограничен тираж католической печати» и т.д.⁶⁶

Информация, поступающая с Запада, в том числе и эмигрантская, оказывалась востребованной определенной частью населения в странах региона. Испытывая недостаток в сведениях о событиях в мире, а часто и у себя дома, граждане восточно-европейских стран обращались к сообщениям, поступающим с Запада.

Прозападная ориентация определенной части населения большинства рассматриваемых стран сохранялась.

Наличие в странах Восточной Европы прозападных настроений было предметом особого внимания советских внешне-политических служб. Сообщения на данную тему поступали в Москву по линии МИДа, ВОКСа, ТАСС и других представительств за рубежом.

В справке, подготовленной заведующим IV европейским отделом МИД СССР С.П.Кирсановым 21 марта 1949 г., об усилении советского влияния на культурную жизнь Польши, Чехословакии и других стран Восточной Европы отмечалось, что «как в Чехословакии, так и в Польше сохранилось еще в большой степени влияние так называемой "западной культуры" в различных областях науки, культуры и искусства и влияние католической церкви». С.П.Кирсанов признавал, что «значительные слои польской и чехословацкой интеллигенции, воспитанные в духе преклонения перед Западом и в духе вражды к советской культуре, еще не перестроились в соответствии с теми социально-экономическими преобразованиями, которые произошли в этих странах, и не встали на путь прямой поддержки нового народно-демократического строя».

Он подчеркивал сильное влияние «реакционной интеллигенции» в высших и средних учебных заведениях Польши и Чехословакии⁶⁷. Таким образом, даже допуская чрезмерную бдительность советского дипломата, все же правильным будет признать, что в ряде стран региона западная пропаганда попадала на благоприятную почву. Наличие прозападных традиций, ностальгия по обретенной Польшей и Чехословакией в 1918 г. независимости и во многом идеализация межвоенного прошлого, осознание зависимости от СССР и весьма сдержанное в лучшем случае и негативное — в худшем отношении к советской стране части населения, трудности материальной жизни, восприятие, в особенности интеллектуальными кругами, нового режима как чужеродного и диктаторского — все это создавало условия для результативной работы западных пропагандистов в деле «раскачивания» авторитета новой власти и доверия к СССР. Информация на этот счет, поступавшая по различным каналам, не могла не вызвать беспокойства в Москве. «За последнее время, — читаем в донесении, поступившем 17 мая 1949 г. в Москву от корреспондента ТАСС в Чехословакии В.С.Медова, — заметно охладели отношения общей массы чехов к Советскому Союзу. Это охлаждение наблюдается не только со стороны мелкобуржуазных элементов, обывателей, но и со стороны определенной передовой части населения. В повседневном общении с чехами советский человек чувствует усиление холодного и даже недоброжелательного отношения в государственных и общественных организациях. Больше стало неискренности по отношению к СССР. Становится заметнее, когда отдельные работники или организации, предпринимая что-либо в интересах укрепления связей между Советским Союзом и Чехословакией, делают это без прежнего воодушевления». По информации корреспондента ТАСС, недовольство охватило довольно широкие слои трудящихся. Растет число рабочих и даже членов партии, которые крайне нейтрально и холодно относятся к существующему режиму в связи со все возрастающими экономическими проблемами в стране: ухудшением снабжения населения продуктами питания и промышленными товарами, а «за все трудности и недостатки чехи сваливают вину на СССР». Нарастанию напряженности в стране, как отмечал корреспондент ТАСС, способствовала также и западная пропаганда, которая велась, главным образом, через западное радиовещание. «Вражеская пропаганда на Чехословакию, — как отмечал В.С.Медов, — строится со знанием и учетом психологии чехов и словаков. Она старается использовать конкретные факты, события и т.д.» Радиопередачи с Запада находили благоприятную почву в чешском обществе, так как, по наблюдениям советского корреспондента, «чехи — старые любители лондонского радио, а теперь (после февральских событий 1948 г. — *Авт.*) они прислушиваются также и к "Голосу Америки"». В целом же, делал вывод советский журналист, речь шла о подстрекательстве реакционной части населения «к более активному сопротивлению существующему строю»⁶⁸.

Особенно опасным представлялось советскому руководству наличие исторически сложившихся связей (экономических, политических, религиозных, личностных и т.д.) значительной части населения стран Восточной Европы с Западом.

Но если экономические и политические связи могли быть разрушены волевым решением власти, то контакты в области культуры, образования, личностные взаимоотношения разорвать было делом куда более сложным. К тому же в ряде стран региона, прежде всего в Польше, в силу исторических, отягощенных негативом российско-польских отношений в прошлом причин, были сильны антисоветские настроения. Такие настроения в той или иной степени и по разным причинам были характерны также для Венгрии, Румынии и Чехословакии. И это было хорошо известно в Москве.

Справки и донесения, поступавшие в ЦК ВКП(б) от советских представителей в странах Восточной Европы весной 1949 г., объединяла общая идея: идет «наступление англо-американской пропаганды». Ответная реакция в странах региона не заставила себя ждать.

30 июля 1949 г. посол СССР в Чехословакии М.А.Силин заявил в беседе с председателем Национального собрания Чехословакии О.Йоном о нецелесообразности дальнейшего существования на территории ЧСР таких органов «подрывной пропаганды», как американские и английские советы и бюро информационных служб. Позиция Силина отразила единую установку советского руководства: во всех странах региона начали закрываться культурные и информационные центры, общества культурных связей и другие западные институты.

Стратегическая линия была направлена на усиление классового, идеологической борьбы, бдительности, наступательности и «боевистости пропаганды против капиталистической системы», ужесточение контроля за всеми видами информации.

Вопрос об идеологическом наступлении и усилении бдительности в контексте борьбы с внутренним (И.Тито, Тр.Костов, Л.Райк, В.Гомулка) и внешним (агенты англо-американского империализма) врагом был предметом особого обсуждения и решений пленумов ЦК восточно-европейских компартий, прошедших в основном в 1949—1950 гг., где, наряду с другими, были определены задачи усиления бдительности и разработаны комплексы запретительных мер с целью ограничения или блокирования потока информации с Запада.

Еще раньше, во второй половине 1948 г., болгарскими коммунистами была разработана инструкция о повышении бдительности в партии. В Москву она поступила из аппарата Коминформа. Предназначенная для служебного пользования, она была разослана околийским городским и районным комитетам БРП(к). Опираясь на тезис о неизбежном обострении классового борьбы в переходный период от капитализма к социализму, партия призывала своих членов к «непримиримости и самой зоркой бдительности по отношению к классовым врагам». При этом понятие «классовый

враг» интерпретировалось весьма расплывчато и неопределенно. По терминологии коммунистов это были бывшие эксплуататорские элементы, саботажники, вредители, шпионы, предатели, иностранные агенты, спекулянты и дезорганизаторы народного хозяйства, а также и все враждебные элементы, пробравшиеся в ряды партии, затаившиеся в государственном и хозяйственном аппарате, в массовых и общественных организациях и т.д.

Помимо усиления работы органов государственной безопасности и обеспечения строгой секретности, руководство компартии ставило перед своими низовыми организациями задачу «разработать подробный и конкретный план постоянного соблюдения высокой революционной бдительности в рядах партии по отношению к классовым врагам». Каждому члену партии, как подчеркивалось в инструкции, вменялось в обязанность «хорошо знать среду, в которой он живет и работает. Все окружающие его враждебные элементы должны быть поставлены под специальное наблюдение, и о каждом их антинародном выступлении необходимо сообщать партийному руководству и ближайшим органам государственной безопасности и народной милиции. ...Члены партии, получившие какие-либо сведения или узнавшие о том, что враждебные элементы подготавливают или собираются осуществить какое-либо антинародное дело, должны немедленно сообщить об этом в ближайшие органы государственной безопасности или народной милиции и уведомить партийное руководство»⁶⁹.

Таким образом, организации коммунистической партии и ее члены должны были выполнять полицейские функции, брать на себя обязанности тотальной слежки за гражданами и предоставления на них информации в вышестоящие партийные инстанции и прежде всего в правоохранительные органы. «Не оставлять неразоблаченным ни одного врага, который клеветает в присутствии члена партии в очередях, на улице, в учреждении — повсюду», — указывалось далее в инструкции. Кроме того, «коммунисты не должны заступаться за враждебных элементов, когда против них применяют законные административные и другие меры», т.е. обязанностью коммуниста провозглашалось участие в сомнительных, с точки зрения законности, действиях власти.

В политических документах компартий в это время активно использовались термины «враг народа», «враг социализма». Они являлись синонимами и к ним причислялись все инакомыслящие или просто недовольные режимом лица. В упомянутой выше инструкции ЦК БКП подчеркивалась необходимость воспитания у населения чувства ненависти к таким гражданам.

В феврале 1949 г. Секретариатом ЦК ПОРП была принята резолюция по вопросам бдительности. В ней шла речь о перестройке и активизации работы органов госбезопасности в условиях «обострения классовой борьбы и смены методов, применяемых врагом». Под врагом понимались прежде всего англо-американские разведки и их пособники в Польше, а также отстатки оппозиции

и «классовый враг» в городе и деревне, препятствующий реализации планов социалистического строительства⁷⁰.

Вопросы повышения бдительности были вынесены в ноябре 1949 г. на специальный пленум ЦК ПОРП. В докладе лидера ПОРП Б.Берута особое внимание было уделено диверсиям империализма с помощью «титовской агентуры», которая якобы глубоко проникла в страну и партию⁷¹.

В информационном письме посла СССР в Польше В.З.Лебедева на имя И.В.Сталина от 26 февраля 1950 г. указывалось, что решения ноябрьского 1949 г. пленума имеют большое значение для воспитания партии. Но в то же время, как отмечал посол, в ПОРП «все осталось по-прежнему». «Ограничились горячими речами о бдительности и повыгоняли кое-кого из мелочи...»⁷²

Как показывает анализ решений февральско-мартовского и сентябрьского пленумов Албанской компартии, июльского пленума ЦК БКП, пленумов 1949—1950 гг. других компартий, прежде всего февральского 1950 г. пленума ЦК КПЧ и апрельского 1950 г. пленума ЦК Компартии Словакии вопросы повышения бдительности увязывались прежде всего с внутривнутрипартийной борьбой правящих элит.

Практика советского руководства, апробированная в «борьбе за повышение бдительности» в СССР, стала распространяться и на страны советского блока. Основной массе решений и постановлений партийных и государственных органов этих стран присваивались грифы «для служебного пользования», «секретно» или «совершенно секретно». В учреждениях и организациях разных уровней были созданы особые отделы для хранения секретных документов и решений и определен узкий круг лиц, имевших доступ к пользованию этими материалами. Применительно к информационной сфере требования «повышения бдительности» имели принципиальное значение. Средства массовой информации, контролируемые компартиями, служили главным инструментом «повышения бдительности» масс, психологического давления на все слои населения, «закручивания гаек» и проведения политики изоляции региона от Запада. Особая роль в этом отношении отводилась руководствами компартий газете «За прочный мир, за народную демократию!», широко распространявшейся в странах региона. Материалы газеты регулярно перепечатывались национальной прессой. В свою очередь в газетах, подконтрольных коммунистам, систематически публиковались статьи о разоблачении «англо-американских империалистов» и их «внутренних агентов».

Как отмечал в своем выступлении на третьем совещании Коминформа член Политбюро ЦК ПОРП, секретарь ЦК по идеологии Я.Берман, польская газета «Громада», предназначенная для деревни и достигавшая тиража в 2,5 млн экз., «с успехом рассеивает враждебную военную пропаганду». «ПОРП, — по словам Бермана, — добилась значительных успехов во всех видах массово-политической работы, направленной на разоблачение пропаганды поджигателей войны и их антипольской деятельности»⁷³.

Поиск и нахождение «врагов народа» были призваны в первую очередь парализовать любые попытки сопротивления, стать превентивной мерой к их недопущению. В сочетании с развернувшимся политическим террором и мощной пропагандистской обработкой общественного мнения информационное воздействие являлось важнейшим условием обеспечения политической и идеологической монополии власти правящих коммунистических партий, контроля над обществом Восточной Европы и блокирования сил, которые были в прошлом или могли стать в будущем носителями инакомыслия и оппозиционных режиму настроений.

Итак, на рубеже 40—50-х годов определились основные направления, по которым предполагалось вести информационную обработку общества. Прежде всего предстояло перекрыть все возможные каналы связей и влияния западного мира на страны советского блока, активизировать пропаганду борьбы компартий с «мировым империализмом», усилить настроения бдительности и тревоги и одновременно в качестве противовеса расширить пропаганду достижений Советского Союза в строительстве социалистического общества с тем, чтобы убедить основные слои населения в необходимости осуществления структурных преобразований, аналогичных тем, которые были проведены в СССР.

Опираясь на получаемую из стран Восточной Европы информацию о положении дел в регионе, Москва развернула мощную пропагандистскую кампанию, которая стала одним из крупных идеологических мероприятий по переориентации населения восточно-европейских стран на СССР и «социалистические ценности». Цель: создать образ нового главного «внешнего врага» — западных государств, раздуть шпиономанию, обрубить связи и контакты с общественностью и населением западных стран, полностью перекрыть влияние западных средств массовой информации на формирование общественного мнения в регионе, добиться поворота в общественных настроениях в пользу Москвы.

В антизападной пропаганде разоблачались «пороки империалистической системы», «западный образ жизни», представлялось тяжелое положение трудящихся, их безудержная эксплуатация. Весь этот набор обвинений, взятый на вооружение еще Коминтерном и теперь подхваченный Коминформом, мог «сработать» в регионе. Значительной части населения стран региона «реальные пороки капиталистической системы» (экономические кризисы, безработица межвоенного времени) были известны не понаслышке. Утрата же национальной независимости — в одних случаях, и низведение прежними правительствами своих стран до уровня германских сателлитов, завершившееся поражением в войне — в других — все еще определяли негативное отношение к недавнему прошлому и коммунистическая антизападная пропаганда в определенной мере достигала своей цели. Большое психологическое воздействие на население оказывали меры по разоблачению США и их союзников как «поджигателей третьей мировой войны», с одной стороны, и призывы к сплочению всех прогрессивных сил в

борьбе за мир, против развязывания новой войны — с другой. Напомним, что 17 марта 1948 г. в Брюсселе был оформлен Западный союз и 4 апреля 1949 г. создан военно-политический блок НАТО. Тогда же Совет национальной безопасности США принял меморандум о разгроме сил мирового коммунизма. Все это вызывало ответные действия советского руководства, которые находили понимание как среди народов СССР, так и значительной части населения стран Восточной Европы и в какой-то степени у общественности западных стран. Пережив тяготы войны, население стран советского блока боялось их повторения. В советском обществе стал господствовать рефрен: «Только бы не было войны». Антивоенная пропаганда, развернутая руководством восточно-европейских стран, также находила отклик у населения. Подобные настроения в обществе использовались советским руководством и партийно-государственной элитой стран региона для определения своей политики, объяснения экономических трудностей и причин падения жизненного уровня населения.

Тем не менее перед угрозой новой войны менталитет советских людей отличался от восприятия и оценок международной ситуации в Восточной Европе. Как справедливо пишет российский историк Е.Ю.Зубкова, «психология враждебного окружения была частью советской ментальности, характерной чертой мышления не только народа, но и вождей»⁷⁴. В этих условиях «закручивание гаек» и «поиск врагов» часто воспринимались как естественное следствие обострения политической ситуации в мире. В странах региона среди широких слоев тоже были распространены антивоенные настроения. Но среди части населения (представители свергнутых классов, бывшей политической и интеллектуальной элиты, чиновники, недавние мелкие предприниматели и др.), не поддававшейся идеолого-пропагандистской обработке, сохранились антисоветские и антикоммунистические убеждения. Например, из генконсульства СССР в г. Констанце (Румыния) сообщали, что «среди элементов, проводящих работу против существующего в Румынии политического режима, в нашем консульском округе в настоящее время имеются следующие: бывшие помещики, кулаки, военнослужащие, уволенные из армии за их антидемократизм, бывшие руководители "исторических" партий и легионеры. Они стараются посеять среди населения панику, заявляя, что война неизбежна и что американцы скоро сбросят в Румынию парашютистов, что после прихода сюда американцев сразу же изменятся все порядки и т.д.» В этих условиях слухи, циркулировавшие в каждой из стран, представляли из себя одну из форм неофициальной информации и вызывали особую озабоченность национального партийно-государственного руководства и, соответственно, Москвы. «Одним из методов работы реакционных элементов, — сообщалось в вышеупоминавшейся информации из советского консульства в Констанце, — является распространение всякого рода лживых слухов, вплоть до самых абсурдных, причем часто ссылаются на то, что ту или иную новость передавало радио

Анкары, Лондона или Голос Америки...»⁷⁵ Естественной реакцией советского руководства на подобные сообщения из Восточной Европы являлись рекомендации политическому руководству в странах региона предпринять меры по ликвидации источников подобной информации, усилить борьбу против «поджигателей войны» и развернуть пропаганду миролюбивой политики СССР и его союзников⁷⁶.

Обсуждение проблемы борьбы за мир на третьем совещании Коминформбюро осенью 1949 г. показало, что эти призывы имели не только политический характер, но и пропагандистское предназначение. Они должны были ужесточать образ нового главного врага и не только усиливать, но и делать постоянным ощущение опасности новой войны у граждан любой страны. Кроме того, эта кампания должна была содействовать идеологической обработке населения восточно-европейских стран⁷⁷.

Конфликт с Югославией дал возможность Москве пропагандистскими приемами сформировать образ еще одного «врага» в лице югославского руководства, лично Й.Тито и его сторонников как «агентуры англо-американского империализма» и развернуть мощную пропагандистскую кампанию по созданию атмосферы ожесточенной борьбы и всеобщего страха уже не только в обществе, но и внутри коммунистического движения.

Какие же меры предлагались Москвой по части усиления советского влияния в Восточной Европе, меры, направленные на перелом в настроениях населения, на идеологическое обеспечение стабильности новых режимов и их поддержки основной массой населения. Документы свидетельствуют, что они были намечены советским руководством уже к весне 1949 г. В общем и целом речь шла о внедрении советской культуры, науки, искусства и др. в регионе, причем в масштабах, позволявших придать этой работе государственное значение и размах. Фактически определялись параметры мощного идеологического наступления, в котором предстояло задействовать весь идейно-пропагандистский аппарат.

Важное место в идеологическом наступлении отводилось также развертыванию в странах Восточной Европы кампаний по «разоблачению реакционных теорий», «лженаучных подходов», «идеологических отклонений» наподобие тех, которые полным ходом шли в СССР: развенчание «формализма в искусстве», «борьба с вейсманнизмом-морганизмом» в защиту мичуринского учения, «с безродным космополитизмом» в философии, литературе, истории и искусстве, вылившиеся в прямые гонения на творческую интеллигенцию и кадровые чистки. Это было еще одно, новое направление в информационном потоке, шедшем в страны региона из СССР⁷⁸.

Коммунистические лидеры Восточной Европы однозначно поддерживали линию советского руководства, так как они нашли в ней для себя уже готовые «опорные пункты» и дополнительные аргументы для атак на инакомыслящих, и политических оппонентов для подготовки поворота к сталинской модели социализма. Отличительной чертой нового информационного натиска был «ин-

тенсивный выброс антисемитизма»⁷⁹, который был характерен в конце 40 — начале 50-х годов как для СССР, так и для ряда стран Восточной Европы. Параллельно с антисемитизмом руководство компартий региона продолжало выдвигать обвинения в буржуазном национализме, антисоветизме и низкопоклонстве перед Западом. В результате подобных кампаний расчищалось «поле» для распространения советского влияния.

С конца 40-х и особенно в начале 50-х годов в страны Восточной Европы усилилось поступление из СССР в большом количестве книг, журналов, газет и других видов печатной продукции, которые на месте переводились на национальные языки и публиковались большими тиражами. Резко возросли переводы произведений классиков марксизма-ленинизма, разворачивалась наглядная агитация преимуществ социалистического строя.

В Венгрии, например, стране с 10 млн населения, к 1 июня 1952 г. было издано на венгерском языке 1 239 980 экз. произведений К.Маркса и Ф.Энгельса, 1 608 800 экз. произведений В.И.Ленина, 3 980 500 экз. произведений И.В.Сталина, в том числе «Вопросы ленинизма» тиражом 285 000 экз. Кроме того, было издано 405 000 экз. различных тематических сборников произведений Ленина и Сталина и шесть изданий Краткого курса истории ВКП(б) общим тиражом 660 000 экз.⁸⁰ В Чехословакии «Краткий курс» в 1945—1949 гг. выдержал девять изданий на чешском и три на словацком языках, а общий тираж составил 425 000 экз. В Польше в 1944—1949 гг. его тираж достиг более 1 млн экз., в Болгарии только в 1946—1948 гг. работа выдержала четыре издания общим тиражом 100 000 экз. И в то же время освоить такой наплыв партийной коммунистической литературы для рядовых коммунистов являлось зачастую непосильной задачей⁸¹. Сказывалась также топорность, негибкость, заформализованность во всей пропагандистской работе, в том числе и в сети партийного просвещения.

Опираясь на опыт работы советского пропагандистского аппарата, власть в странах региона делала все, чтобы внедрить в массовое сознание «светлый образ социализма», укрепить в обществе веру в дело социализма, всееля при этом надежды на близкое светлое будущее и социальный оптимизм.

Разворачивалась наглядная агитация, по любому поводу подчеркивались преимущества социалистического строя, возводились монументы в первую очередь Сталина, шло переименование городов, улиц и площадей, которым присваивались имена руководителей советского государства. Например, из относительно небольшого венгерского города Дьер в Москву поступило сообщение от советского консула о намерении местных властей переименовать примерно 100 улиц и площадей, которые будут называться именами Ленина, Сталина, Молотова, маршала Малиновского, Красной Армии, именами русских писателей и др. Именем М.Горького в одном только Будапеште было названо более 10 объектов — улица, аллея, кинотеатр, библиотека, два дома культуры, несколько

школ⁸². В практику обучения в школах стран региона внедрялся русский язык, проводились массовые мероприятия в связи с революционными датами и праздниками в СССР. Огромный размах получила пропагандистская работа в связи с 70-летием И.В.Сталина⁸³.

Таким образом, анализ российских документов показывает, что с конца 40-х годов новым моментом в деятельности советского руководства в странах Восточной Европы стала их ориентация на идеолого-информационное обеспечение внедрения советской модели в политическую, экономическую, идеологическую и культурную сферы жизни стран региона.

Информация с Востока заполняла информационное пространство стран Восточной Европы, вытесняя информацию с Запада, нередко фальсифицируя текущие события в нужном коммунистам направлении. И до поры до времени эта пропаганда достигала своей цели, особенно среди трудящихся слоев. О том, что подобная работа имела кратковременный успех, свидетельствовала имевшая место распространявшаяся идеализация советской системы. Это подтверждалось, в частности, впечатлениями членов делегаций, побывавших в СССР⁸⁴. Увиденное ими в Советском Союзе (а показывали, понятно, лучшее и, увы, отнюдь не носившее массового характера) рождало уверенность в том, что подобное будет достигнуто и в их собственных странах. Нужно лишь время, труд и терпение, позволяющие пережить все трудности и лишения. Чтобы не допустить нежелательной «переоценки ценностей», советское руководство тщательно следило за развитием контактов различных групп населения, трудовых коллективов, определяя целесообразность установления переписки и иного рода связей советских людей и «заграницы»⁸⁵.

Основным итогом разносторонних агитационно-пропагандистских связей являлось подавление через идеолого-пропагандистский аппарат всех информационных потоков, которые не контролировались Москвой.

Для решения главной задачи — идеологического контроля за информацией и пропагандой по инициативе ЦК ВКП(б) в ЦК компартий Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии были созданы отделы пропаганды и агитации, которые имели тесные связи с ЦК ВКП(б). Сюда по различным каналам — дипломатическим, партийным, разведки, печати стекалась информация о политическом положении в странах и настроениях в обществе.

Как видно из документов российских архивов, важным национальным источником информации о положении дел в регионе для Кремля являлось руководство компартий восточно-европейских стран. На основе сведений, поступающих от первых лиц государства, Москва формировала свое отношение к ним. По степени достоверности таких сведений оценивались советским руководством преданность правящей верхушки компартий восточно-европейского региона и в первую очередь их лидеров Москве. Напротив,

любые случаи сокрытия от Москвы какой-либо информации, проявление самостоятельности рассматривались как действия, враждебные по отношению к советскому руководству⁸⁶. Поэтому информированность Москвы со стороны коммунистических партий была предметом особой заботы Кремля.

И.В.Сталин, боявшийся ослабления своего контроля за действиями руководства компартий, придавал серьезное значение информации, получаемой от первых лиц компартий. Он не прощал шагов, расценивавшихся им как сокрытие национальными коммунистами информации от советской стороны. Существенную роль такой подход сыграл, как известно, в судьбе Й.Тито⁸⁷. Ситуация во многом повторилась в конце 1948 г. в случае со вторым лицом в БКП Т.Костовым, который попытался было упорядочить доступ советских специалистов ко всей экономической информации Болгарии⁸⁸.

Информация, поступающая в Москву от руководства компартий, касалась как общих вопросов положения в стране, государственного и партийного аппарата и партии в целом, так и ситуации в руководящей верхушке той или иной компартии. Обычным явлением была поставка в Москву компромата, включая и вмешательство в частную жизнь⁸⁹. Информация о всякого рода негативных фактах в деятельности и личной жизни представителей политической элиты тщательно отслеживалась советской стороной.

Компромат на лиц из высших партийных и государственных структур использовался как в Москве, так и в странах региона в межпартийной борьбе за лидерство в партиях. Информация о компрометирующих фактах доводилась до кремлевского руководства, которое местные лидеры пытались использовать в качестве высшего арбитра⁹⁰. Внутри же партий в этих случаях разворачивался «поиск врагов и чуждых элементов», якобы обеспечивающих утечку «важной информации». Так, Г.Георгиу-Деж в беседе с советником советского посольства в Бухаресте С.С.Спандарьяном 25 апреля 1951 г. выразил крайнюю озабоченность тем, что некоторые подробности проходившего 20 апреля 1951 г. заседания ЦК РРП стали известны посторонним. На основе малозначительных фактов он делал далеко идущие выводы: «Либо враги имеют свою агентуру в аппарате ЦК, либо злейший враг проник в их среду непосредственно»⁹¹. Г.Георгиу-Деж, поставляя советским представителям компромат на своего политического соперника в борьбе за лидерство в партии В.Луку, обвинял его в потере «бдительности» и связи с сионистами, а затем и в правооппортунистическом уклоне и т.д. В связи с этим Г.Георгиу-Деж заявил, что «нужно повышать бдительность» и «выразил сожаление, что у некоторых руководителей партии отмечаются грехи, свидетельствующие о недостаточной бдительности»⁹². Кроме того, Г.Георгиу-Деж в беседе с советским послом С.Кавтарадзе 13 августа 1951 г. заявил, что «у них (в партии. — *Авт.*) с секретностью вообще дело обстоит не совсем благополучно, несмотря на то, что он всегда обращает на это внимание товарищей, предупреждает их об опасных последствиях и тре-

бует строжайшего хранения государственной тайны». Позиция Г.Георгиу-Дежа нашла поддержку советского посла, который, имея в виду министра финансов В.Луку, рекомендовал «принимать самые строгие меры и не считаться с личными обидами даже самых ответственных товарищей, которые обнаруживают такое возмутительное отношение к правилам секретности хранения государственной тайны». Во то же время Г.Георгиу-Деж подчеркнул свое личное участие в «усилении бдительности». Он обратил внимание советского посла на меры по установлению секретности, предпринимаемые румынским руководством в связи с прибытием в Бухарест 15 августа 1951 г. группы советских специалистов-финансистов во главе с И.Д.Злобиным для оказания помощи румынскому руководству в подготовке и проведении в Румынии денежной реформы. Эти меры касались как конкретных вопросов их пребывания (помещения, аппарата, обслуживающего персонала, организации необходимого материала, условий работы), так и обеспечения особой секретности в их работе, сведений о круге осведомленных лиц, секретности в контактах группы с румынским руководством. Г.Георгиу-Деж заверил посла, что он непосредственно будет связан с руководством советской группы и все необходимые для работы материалы она будет получать через него, так как только такой способ обеспечит в большей степени секретность дела⁹³.

Документы российских архивов, в частности МИД РФ, показывают, что первые лица в компартиях стран региона пытались обеспечить себе приоритет в информировании советского руководства и советских представителей, монополию в контактах с Москвой, оттесняя при этом своих товарищей по партии. Это позволяло им добиваться расположения к себе Кремля и устранения от власти своих соперников, а также брать на себя инициативы чисток руководства в других партиях.

Из документов следует, что руководство партий было заинтересовано в дозировании информации, направляемой в ЦК ВКП(б). Есть документальные подтверждения того, что подчас происходила то скрытая, то вырывавшаяся наружу борьба между Москвой и лидерами компартий за полный контроль над органами государственной безопасности, а также стремление руководства компартий полностью подчинить себе органы госбезопасности, которые, со своей стороны, стремились сохранить определенную независимость, а иногда и встать во главе властной пирамиды. Ход борьбы за контроль в партии и обществе и за то, кто будет поставлять информацию в Москву, можно проиллюстрировать на осложнившихся в 1949 г. отношениях лидера ВПТ М.Ракоши с подконтрольной Москве политической полицией Венгрии. Причиной конфликта стал якобы сепаратизм венгерской политической полиции, ее связи по своим каналам с Москвой и информация, поступавшая туда без ведома и согласования с ЦК ВПТ и лично М.Ракоши. 16 мая 1949 г. сотрудник аппарата канцелярии Информбюро С.Г.Заволжский сообщил вышестоящему начальству (П.Ф.Юдину и Л.С.Баранову) о своей беседе с послом в Венгрии Г.М.Пушки-

ным и о наметившемся конфликте между М.Ракоши и политической полицией, руководство которой в обход Ракоши сообщало в Москву, что ВПТ «не обращает должного внимания на борьбу с троцкистами». Со слов Г.М.Пушкина, М.Ракоши после приезда из Москвы потребовал установить, «кто передал русским материалы и как передали?» Когда М.Ракоши ознакомился с переданным политической полицией в Москву материалом, то заявил, что «его хотя бы скомпрометировать и поссорить с ВКП(б)». Сам же М.Ракоши, как показывают документы российских архивов, являлся активным информатором, поставлявшим в Москву компрометирующие материалы на лидеров и актив компартий других стран Восточной Европы⁹⁴. Информация такого рода направлялась лично Сталину⁹⁵.

Кремль имел и собственные каналы информации. В их числе: советские посольства и их аппарат, имевшие прочные деловые связи как с руководством соответствующих стран, так и с достаточно широким кругом политических, общественных деятелей и представителей культурных, научных и прочих организаций. Важная информация в Москву поступала из других ведомств: от находившихся в странах региона сотрудников МВД—МГБ СССР, канцелярии секретариата Коминформа, работников советских представительств в этих странах и от руководителей делегаций, посетивших их⁹⁶.

Как уже отмечалось выше, важнейшей задачей создания Коминформбюро являлись именно обмен информацией и координация деятельности коммунистических партий — членов этой организации по важнейшим вопросам внутриполитической и международной жизни. О том, какое значение придавалось поступлению информации в ЦК ВКП(б) по каналам Коминформбюро, свидетельствовал особый пункт в уставе Коминформа, представленном на заседании его секретариата, состоявшемся 14—17 июня 1949 г., в котором было записано, что партии, входящие в Информбюро, обязаны «систематически информировать секретариат Информбюро о текущей деятельности партий»⁹⁷. Понятно, что информирование секретариата Коминформа означало прямое информирование ЦК ВКП(б).

Кроме того, в функции сотрудников секретариата Информбюро входили инспекционные поездки по странам, беседы с руководством компартий восточно-европейских стран, партийными и государственными деятелями. На основе собранных материалов готовились справки по соответствующим компартиям, составлялись, регулярно дополнялись и направлялись в Москву, где велись специальные досье, характеристики на их лидеров. Ряд информационных материалов, подготовленных в Коминформбюро, по согласованию с ОВП, затем ВПК, рассылался компартиям для использования их во внутриполитической и пропагандистской работе.

Наиболее значимая для Кремля информация, получаемая Москвой по различным каналам о положении в странах Восточной Европы, концентрировалась в ОВП ЦК ВКП(б). Сотрудники этого отдела систематизировали и обрабатывали эту информацию и по-

ставляли ее высшему советскому руководству. Информация в Кремль поступала также и из других ведомств. Лично для И.В.Сталина, а также для отдельных руководителей высшего звена партийно-государственной власти СССР формировались так называемые «особые папки», т.е. коллекции документов, имевших особый, высший гриф секретности.

Созданный по инициативе И.В.Сталина еще в 1947 г. при Совете министров СССР Комитет информации, объединявший военную и политическую разведку, был важным аналитическим звеном в системе информации советского руководства. Он просуществовал вплоть до ноября 1951 г., когда была проведена децентрализация органов внешней разведки⁹⁸.

Обратная же связь ЦК ВКП(б) с руководством компартий чаще всего осуществлялась в виде директив, указаний, рекомендаций, запросов, передаваемых либо через советские посольства и представителей советских организаций, находившихся в странах, либо направляемых шифром через послов или непосредственно лидерам компартий. Особую роль играли также встречи и беседы в Кремле на высшем уровне с руководством компартий, в том числе и личные встречи с И.В.Сталиным. Прямые контакты высшего советского руководства с лидерами восточно-европейских стран заняли в рассматриваемый период важное место в определении политической линии компартий региона, получении Кремлем информации из первых рук, проведении консультаций по важнейшим вопросам внутри- и внешнеполитического развития Восточной Европы, рождали у лидеров стран региона ощущение коллегиальности принятия решений.

Для обмена информацией между компартиями действовали специальные каналы, такие как шифрограммы, передаваемые по ВЧ, диппочта. Свои поездки между странами осуществляли спецкурьеры, институт которых был введен еще во время Коминтерна. ЦК ВКП(б) и ЦК компартий стран Восточной Европы следили зорко за тем, чтобы не было утечки секретной информации как внутри страны, так и особенно за границу. В качестве примера «проявления бдительности» может быть приведен случай с группой офицеров болгарской армии, обучавшихся в Военной академии им. К.Ворошилова, которые в ноябре 1949 г. были обвинены в грубом нарушении правил пользования секретными материалами. Суть инцидента заключалась в том, что болгарские офицеры — слушатели Академии, помимо секретных тетрадей, имели еще и личные блокноты, в которые делали записи секретного содержания. Хотя речь шла об учебных материалах, касавшихся разработки военных операций периода Второй мировой войны, дело приобрело скандальный оборот. Более того, все эти записи болгарские офицеры передавали советнику посольства НРБ в Москве Царвуланову, который, в свою очередь, как выяснилось, часть записей переслал через военного атташе Болгарии в СССР в Генштаб болгарской армии. В известность был поставлен лично Сталин, который дал указание руководству БКП В.Коларову и В.Червенкову провести расследование этого инцидента и выявить «ис-

тинные намерения» незаконных действий болгарских офицеров, а также «возможные преступные связи тех или других из этих лиц с арестованными болгарскими властями Костовым и Павловым и с кликой Тито, которой, возможно, пересылались указанные секретные материалы»⁹⁹.

Особое внимание уделялось в Москве информации, полученной от офицеров МГБ СССР, работавших в странах Восточной Европы в качестве советников при национальных органах безопасности или под прикрытием дипломатических служб. Подобная информация играла первостепенную роль при принятии конкретных решений советским руководством.

Итак, вышеизложенный материал позволяет сделать следующие выводы. В условиях перехода от социально многополярного, политически многоликого, многопартийного общества к модели советского типа произошли принципиальные изменения в информационной сфере.

Многообразные по политической ориентации и социальной адресности в первые послевоенные годы средства массовой информации, игравшие важную роль в формировании общественного сознания, в борьбе различных партий и политических групп за направление дальнейшего социально-экономического развития общества восточно-европейских стран и его внешнеполитическую ориентацию, стали иными, контролировались одной политической силой — коммунистами и обслуживали их интересы, а не интересы общества в целом. Информационный плюрализм был ликвидирован. Допущенные к существованию средства массовой информации во многом утратили свое информационное предназначение и стали одним из главных инструментов пропагандистского воздействия на общество для сохранения коммунистических режимов и обеспечения власти правивших группировок. Став таким образом средством манипулирования обществом, информация в свою очередь одновременно становилась объектом манипуляции: она дозировалась, подправлялась, замалчивалась или, напротив, чрезмерно раздувалась в соответствии с установками власти. Различными, в том числе и силовыми методами было проведено вытеснение с информационного «поля» западных средств массовой информации, обществ и организаций как идеолого-политического, так и культурно-просветительского направления. В процессе ускоренного создания политически и идеологически монолитного информационного пространства важнейшую роль сыграли Москва, ставшая руководящим центром политики установления информационной блокады региона, а также шедшие в ее форватере правившие группировки восточно-европейских компартий.

Налицо было замещение всех образовавшихся после вытеснения западных источников информации «пустот» на информационном «поле» советскими средствами массовой информации, имевшими в первую очередь пропагандистское предназначение. Политика информационной блокады стран советского блока на долгие годы определила их развитие.

- 1 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 33. П. 127. Д. 7. Л. 101. См также: Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. Т. 2. Сентябрь 1944 — декабрь 1958. М., 1981. С. 38.
- 2 Чех Г., Лазар Д., Сюч Л., Вида И. Образование и деятельность Союзной контрольной комиссии по Венгрии (1945—1947) // Центральная Европа в новое и новейшее время (Сборник к 70-летию Т.М.Исламова). М., 1998. С. 196—197; Vass H. Zalai K.L. A tájékoztatás intézményrendszere és munkásmozgalmi elitje. 1944—1948. Bud., 1991, 9—12, 24. old.; Стыкалин А.С. Русская культура в Венгрии во второй половине 1940 — первой половине 1950-х годов. Новый этап в диалоге двух культур // Власть и интеллигенция. Вып. 3. Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы. 1920—1950-е годы. М., 1999. С. 136—137.
- 3 Советско-болгарские отношения и связи... Т. 2. С. 38.
- 4 Kochański A. Polska. 1944—1991. Informator historyczny. Т. 1. W., 1996. S. 31.
- 5 Frunze V. Istoria comunismului în România. Buc., 1999. P. 213—219.
- 6 Ibid. P. 220.
- 7 Три визита А.Я.Вышинского в Бухарест. Из истории советско-румынских отношений. 1944—1946. Документы российских архивов. М., 1998. С. 55.
- 8 Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: Миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе в 1944—1948 гг. М., 1993. С. 171.
- 9 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 35. П. 137. Д. 18. Л. 27, 120—122; Оп. 34. П. 130. Д. 11. Л. 19.
- 10 Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953. Т. 1. 1944—1948. М.; Новосибирск. 1997. С. 309.
- 11 Там же. С. 288.
- 12 Там же. С. 548—549.
- 13 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 35. П. 137. Д. 18. Л. 120—121.
- 14 Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. Документы. Т. 1. 1944—1948. М., 1999. С. 450.
- 15 Там же. С. 140—141.
- 16 Там же. С. 143.
- 17 Kaplan K. Cenzura 1945—1953 // O cenzuře v Československu v letech 1945—1956. Sešty. ÚSD. AC ČR. Sv. 22. Praha. 1994. S. 8.
- 18 Ibid. S. 9.
- 19 Краткая история Албании. С древнейших времен до наших дней. М., 1992. С. 380.
- 20 См.: Стыкалин А.С. Политика СССР по формированию общественного мнения в странах Центральной Европы и настроения интеллигенции // Славяноведение. 1997. № 3. С. 51.
- 21 Печатнов В.О. «Стрельба холостыми»: Советская пропаганда на Запад в начале холодной войны (1945—1947) // Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. М., 1999. С. 113.
- 22 См. подробнее: Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945—1954. М., 1999. С. 39—44.

- 23 См.: Печатнов В.О. Указ. соч. С. 114.
- 24 Бабиченко Д.Л. Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М., 1994.
- 25 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1083. Л. 343.
- 26 Там же.
- 27 Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. 1944—1948. С. 258.
- 28 Стыкалин А.С. Указ. соч. С. 51.
- 29 Печатнов О.В. Указ. соч. С. 126, 127.
- 30 Там же.
- 31 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 284. Л. 34—35.
- 32 Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 93. Л. 139—140.
- 33 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 35. Д. 9. П. 136. Л. 12.
- 34 Печатнов В.О. «Стрельба холостыми»: советская пропаганда на Запад в начале холодной войны (1945—1947) // Сталин и холодная война. М., 1998. С. 174.
- 35 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 276. Л. 4.
- 36 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 148. Д. 19. Л. 56.
- 37 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 481. Л. 146.
- 38 Там же. Д. 276. Л. 8.
- 39 Tomášek D. Hlavní správa tiskového dohledu // O cenzuře v Československu v letech 1945—1956... S. 18.
- 40 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 34. П. 130. Д. 11. Л. 120—121.
- 41 Там же. Л. 65, 70.
- 42 Там же. Ф. 0122. Оп. 30а. П. 247. Д. 3. Л. 61—62, 73—74.
- 43 Там же. Л. 60—61.
- 44 Kaplan K. Cenzura. 1945—1953 S. 10—11.
- 45 См.: Волокитина Т.В. «Холодная война» и социал-демократия Восточной Европы. 1944—1948. Очерки истории. М., 1998. С. 38—81.
- 46 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 787—800, 802—806, 814—829, 831—858.
- 47 Там же. С. 803—806.
- 48 Там же. С. 815—820.
- 49 Там же. С. 769.
- 50 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 276. Л. 8.
- 51 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 82. Л. 117, 124.
- 52 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 38. П. 177. Д. 14. Л. 61—62; АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 197. Л. 50.
- 53 См.: Наджафов Д.Г. Антиамериканские пропагандистские пристрастия сталинского руководства // Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. С. 134—136, 147.
- 54 См.: РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 82. Л. 116. Справки Антипова А. от 26 февраля 1949 г. «О происках англо-американского империализма в Венгрии и Болгарии» (РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 94. Л. 17—25); от 6 июня 1949 г. «О происках англо-американского империализма в Чехословакии» (РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 112. Л. 102—112) и Овчарова В.И. от 16 февраля 1950 г. «Об англо-американском империализме» (РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 112. Л. 102—112).

- риканской пропаганде в Польше»; (РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 154. Л. 51—53) и др.
- 55 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 103. Л. 76—89.
- 56 Там же. Д. 82. Л. 121—122.
- 57 Там же. Л. 117—124, 127—128.
- 58 Там же. Л. 122.
- 59 Там же. Ф. 17. Оп. 137. Д. 269. Л. 95, 98.
- 60 Там же. Оп. 128. Д. 284. Л. 43—44.
- 61 Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 112. Л. 102—103.
- 62 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 34. П. 130. Д. 11. Л. 65, 70.
- 63 Słabek H. Intelktualistów obraz własny w świetle dokumentów autobiograficznych, 1944—1989. W-wa, 1997. S. 11—12.
- 64 Ibid.
- 65 Kochański A. Op. cit. S. 287, 289.
- 66 Протокол Третьего совещания Коминформа // Совещания Коминформа 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 583.
- 67 Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. Т. II. 1949—1953. М.; Новосибирск, 1998. С. 38.
- 68 Там же. С. 109—113.
- 69 Там же. С. 11—14.
- 70 Там же. С. 25—28.
- 71 Краткая история Польши с древнейших времен до наших дней. М., 1993. С. 393; Dokumenty do dziejów PRL. Centrum władzy. Protokoły posiedzeń Kierownictwa PZPR. Wybór z lat 1949—1970. W-wa, 2000. S. 32.
- 72 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 313.
- 73 Протоколы Третьего совещания Коминформа... С. 583.
- 74 Зубкова Е.Ю. Сталин и общественное мнение в СССР. 1945—1953 гг. // Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. С. 164.
- 75 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 36. П. 149. Д. 42. Л. 51—52.
- 76 См.: Фатеев А.В. Указ. соч. С. 125—127.
- 77 См.: Адибеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. 1947—1956 гг. М., 1994. С. 140—149; Гибианский Л.Я. Коминформ в зените активности: Создание организационной структуры и третье совещание // Совещания Коминформа... С. 519.
- 78 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 38—41.
- 79 См.: Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. Документальное исследование. М., 1999. С. 178; Он же. Идеологические чистки второй половины 40-х годов: Псевдопатриоты против псевдокосмополитов // Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. Апогей и крах сталинизма. М., 1997. С. 90—147; Громов Е.С. Сталин. Власть и искусство. М., 1998. С. 369—454; Пыжиков А.В. Конфигурация и функционирование власти в СССР (1945—1953 гг.). М., 1999. С. 18—19.
- 80 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 28. П. 125. Д. 8. Л. 34.

- 81 См.: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: Миф или реальность?.. С. 229.
- 82 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 32. П. 158. Д. 60. Л. 10; Стыкалин А.С. Русская культура в Венгрии во второй половине 1940 — первой половине 1950-х годов (Новый этап в диалоге двух культур) // Власть и интеллигенция. Вып. 3. Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы. 1920—1950-е годы. М., 1999. С. 147.
- 83 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 104. Л. 209—213.
- 84 ГАРФ. Ф. 5284. Оп. 22. Д. 182. Л. 72; Советско-болгарские отношения и связи... Т. II. С. 476—477; Покивайлова Т.А. Социалистическое преобразование сельского хозяйства в Румынии. 1949—1962. М., 1974. С. 73.
- 85 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 607. Л. 4.
- 86 См.: Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 936—937.
- 87 См.: Гиренко Ю.С. Сталин — Тито. М., 1991. С. 332—340.
- 88 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 936—937.
- 89 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 41. П. 215. Л. 172—173.
- 90 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1306. Л. 45; АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30. П. 214. Д. 5. Л. 68; Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Советское руководство и политические процессы Т.Костова и Л.Райка (по материалам российских архивов) // Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы... С. 25—26; Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 74—75.
- 91 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 522.
- 92 Там же.
- 93 Там же. С. 585:588.
- 94 Там же. С. 95—98.
- 95 Там же. С. 24.
- 96 Там же. С. 266—270.
- 97 Там же. С. 135.
- 98 Позняков В.В. Тайная война Иосифа Сталина: советские разведывательные службы в США накануне и в начале холодной войны. 1943—1953 // Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы... С. 197; Zubok V.M. Soviet intelligence and the Cold War: The «Small» Committee of information (1952—1953) // Cold War International History Project Working paper: Wash., 1999. № 4. P. 6.
- 99 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 254, 264.

2. НА ЮГОСЛАВСКОМ «ФРОНТЕ» ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

В 1947—1948 гг. между высшим политическим руководством ВКП(б) и КПЮ возникли серьезные разногласия, переросшие летом 1948 г. в открытый конфликт. Поскольку генезис и развитие советско-югославского конфликта получили подробное освещение в отечественной и зарубежной историографии, автор считает возможным лишь коротко остановиться на этих сюжетах¹.

Первоначально Кремль выступил с претензиями к Й.Тито и его ближайшему окружению, обвинив их в сокрытии информации, прежде всего в сфере экономического развития, а также в нарушении договоренностей о взаимных консультациях по ряду вопросов внешней политики и взаимоотношений с другими странами Восточной Европы, в предвзятом отношении к советским советникам и специалистам и т.д. Кроме того, советское руководство не могла не беспокоить «строптивость» и «непослушание» югославского лидера, его стремление дистанцироваться от Москвы и принимать самостоятельные решения, не согласованные с Кремлем, например, о введении югославских войск в Албанию (январь 1948 г.), переговоры Г.Димитрова и Й.Тито о болгаро-югославском договоре (август 1947 г.), обсуждение между ними вопроса о создании балканской федерации (Болгария, Югославия и Албания — январь 1948 г.), постановка перед западными державами вопроса о территориальной принадлежности Свободной территории Триест (СТТ)². Но это была только внешняя сторона зарождавшегося напряжения в советско-югославских отношениях. Причины советско-югославского конфликта лежали глубже. Их, как показано российскими исследователями, следует видеть в первую очередь в происшедшей на рубеже 1947—1948 гг. смене стратегического курса Москвы в международном коммунистическом движении, смене, которая была вызвана обострением международной напряженности в связи с формированием двухполюсной системы отношений в мире. Именно в это время произошел отказ советского политического руководства от идеи национальных путей к социализму и возвращение к прежним коминтерновским оценкам советской модели построения социализма как универсального и единственно приемлемого образца для практики коммунистов. Теперь Москва среди лидеров компартий региона все отчетливее стала ориентироваться на сторонников ортодоксального социализма, готовых беспрекословно переносить советский опыт в свои страны³. Нельзя не заметить, что Югославия и ее лидер в 1945—1947 гг. являлись самыми последовательными приверженцами советской модели социализма. Белград по сути дела копировал эту модель в своей внутренней политике. Вместе с тем в Москве была известна еще со времен войны способность Тито проявлять самостоятельность, что не могло не раздражать Сталина. В начале 1948 г. Москва увидела в постановке вопроса о федерации балкан-

ских государств еще и угрозу международных осложнений на юго-востоке континента.

В январе 1948 г. в советской печати впервые прозвучала косвенная критика в адрес югославского руководства, но вплоть до марта—мая этого года конфликт развивался в рамках двусторонних межпартийных и межгосударственных отношений и был известен только узкому кругу лиц из высшего руководства СССР и Югославии. В течение всего этого периода обвинения в адрес югославского руководства со стороны Москвы все нарастали, а югославская сторона эти обвинения опровергала, считая, «несправедливыми и оскорбительными для СКЮ» и основанными на «недостоверной и ложной информации», поставлявшейся в Москву из Белграда. ЦК КПЮ обвинял в этом двух членов высшего югославского руководства — С.Жуйовича и А.Хебранга. Провокативную роль сыграла информация, полученная от этих лиц Москвой о пленуме ЦК КПЮ, состоявшемся 1 марта 1948 г., где обсуждались отношения между руководством КПЮ и ЦК ВКП(б) и речь шла о вмешательстве советской стороны во внутренние дела Югославии. Добавим, что свою негативную лепту в разжигание советско-югославского конфликта внес и посол СССР в Белграде А.И.Лаврентьев. Из советского посольства в Югославии регулярно поступали сообщения «об умалении югославским руководством роли Красной Армии в освобождении Югославии от фашизма», «игнорировании опыта Советского Союза в деле социалистического строительства», об ориентации югославского руководства на собственные силы и на переход к построению социалистического общества «новым путем». Передавалось также содержание кулуарных разговоров и факты, якобы свидетельствовавшие о недовольстве верхушки ЦК КПЮ позицией Кремля, и предвзятом к ним отношении со стороны И.В.Сталина⁴. Эти донесения из Белграда затем использовались в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б) при подготовке справок для высшего политического руководства Советского Союза. Документ от 18 марта 1948 г. был озаглавлен «Об анти-марксистских установках руководителей компартии Югославии в вопросах внешней и внутренней политики» и содержал обвинения руководителей Югославии в том, что они допускают крупные политические ошибки, которые «по своему содержанию носят анти-марксистский характер»⁵. Руководителям югославской компартии инкриминировались игнорирование марксистско-ленинской теории, неправильное и недоброжелательное отношение к Советскому Союзу и ВКП(б), переоценка своих достижений и претензии на руководящую роль на Балканах и в придунайских странах, анти-марксистское отношение к некоторым коммунистическим партиям. Во внутренней политике руководству КПЮ вменялись в вину недооценка роста в Югославии кулачества как класса, нарушение основных марксистских принципов в определении роли и места коммунистической партии в деле социалистического строительства. Авторы справки особо подчеркивали, что «во всех выступлениях Тито нет ни слова о товарище Сталине» и что Й.Тито, по их

мнению, оставался приверженцем концепции «национального пути к социализму»⁶.

Окончательный вывод авторов справки звучал приговором югославскому руководству: «Лидеры югославской компартии не являются марксистами» и вышеперечисленные «ошибки превращают их в подголосков буржуазии в проведении внутренней и внешней политики страны, что таит в себе большую опасность для дальнейшего развития и построения социализма в Югославии»⁷. Следовательно, руководству КПЮ приписывались обвинения в антисоветской политике и ревизии марксизма-ленинизма, в сползании к национализму.

Выдвинутые в справке обвинения в адрес югославского руководства дают основание говорить о том, что в Москве была начата работа по смещению руководства КПЮ и его замене более приемлемыми для Кремля людьми.

Справка ОВП ЦК ВКП(б) от 18 марта 1948 г. была положена в основу письма, направленного от имени Сталина и Молотова 27 марта югославскому руководству. Копия письма была разослана также всем руководителям коммунистических партий, входивших в Коминформ⁸.

Опасаясь потерять контроль за деятельностью одной из крупнейших компартий Восточной Европы, а по ее примеру и за другими компартиями, Москва начала раскручивать атаку против Й.Тито и его ближайшего окружения, используя при этом в качестве основного инструмента Коминформ. Не встретив немедленной и необходимой ей реакции лидеров всех названных партий, Москва в начале мая 1948 г. усилила давление и пошла на эскалацию и интернационализацию советско-югославского конфликта, предложив 4 мая 1948 г. во втором письме Молотова—Сталина в ЦК КПЮ обсудить «принципиальные разногласия» с югославами на ближайшем заседании Информбюро⁹. Вслед за письмом от 27 марта и 4 мая 1948 г. в печатном органе Коминформа «За прочный мир, за народную демократию!» стали появляться статьи, в которых пока еще в завуалированной форме, без указания конкретной партии, развивались обвинения, предъявленные Тито и его окружению. В связи с этим представитель ЦК КПЮ в коминформовском органе Б.Зихерл пытался сдержать начинавшуюся пропагандистскую кампанию. 7 июня 1948 г. он направил главному редактору газеты П.Ф.Юдину письмо, в котором опровергал обвинения в адрес КПЮ. ЦК КПЮ, подчеркивал Б.Зихерл, считает неправильным использование резолюции Информационного Совещания некоторых компартий в Польше (сентябрь 1947 г.) «для косвенных или прямых нападков на Компартию Югославии в органе Информбюро». Более того, Зихерл упрекал газету в том, что в ней «за последнее время проводится систематически линия полного игнорирования политического и хозяйственного строительства новой Югославии...». Представитель КПЮ в редколлегии печатного органа Коминформа просил Юдина ознакомить с содержанием своего письма редакторов от остальных партий, «ко-

торые знакомы с положением, созданным в связи с письмами тт. Сталина и Молотова»¹⁰. В связи с письмом Зихерла Юдин обратился за консультацией в Москву. Как считают некоторые российские исследователи, существуют достаточные основания говорить о том, что ответ Зихерлу был согласован лично со Сталиным. 12 июня 1948 г., когда Зихерл в очередной раз на редколлегии поставил вопрос о позиции газеты в отношении руководства КПЮ, члены редколлегии от 8 компартий, входивших в Информбюро, единогласно поддержали позицию ЦК ВКП(б)¹¹. В принятом решении отмечалось, что «коллектив редакторов не видит необходимости менять линию газеты в духе антимарксистских требований ЦК КПЮ» и «считает необходимым довести до сведения центральных комитетов партий, входящих в Информбюро, и письмо ЦК КПЮ и настоящее решение редакции»¹².

Таким образом, уже в июне 1948 г. на важнейшем участке пропагандистского «поля» коммунистов, — а именно в печатном органе Коминформа начал складываться антиюгославский «фронт». Имея в виду и дальнейшую антиюгославскую направленность газеты, можно утверждать, что для Коминформа и стоявшего за его спиной Кремля, она стала важным инструментом не только борьбы против КПЮ, но и дальнейшего «привязывания» руководства компартий других стран региона к Москве в ходе и посредством этой пропагандистской кампании. В Отделе внешней политики ЦК ВКП(б) был подготовлен ряд однотипных справок об «уроках», которые должны были извлечь из «ошибок» КПЮ лидеры ППР, КПЧ, ВПТ, РРП, компартий Болгарии и Албании. Ситуация в партиях анализировалась по определенной схеме. Также как и КПЮ, компартии региона обвинялись в «недооценке марксистско-ленинской теории», в замалчивании «богатейшего опыта ВКП(б) в строительстве социализма в СССР» и «переоценке собственных успехов», в «недооценке критики и самокритики в идеологическом и организационном укреплении партии», «недооценке классовой борьбы в деревне и опасности кулачества», наличии в ряде партий тенденций буржуазного национализма (ППР, КПЧ) и приверженности концепции «национальных путей к социализму» (ППР, КПЧ, БРП(к))¹³. По сути дела, это было предупреждение в адрес «братских» партий. Не исключено, что советская сторона хотела иметь в своих руках дополнительный инструмент «нажима» на зарубежные компартии в виде перечня их «ошибок» на случай их несогласия с готовившимися санкциями против югославов¹⁴.

Новый импульс в развитии конфликта дало второе совещание Коминформа, состоявшееся 19—23 июня 1948 г. в Бухаресте. Еще накануне совещания А.А.Жданов, представлявший ВКП(б), информировал И.В.Сталина о своих беседах с руководителями компартий, прибывших в Бухарест, в которых они предлагали озвучить конфликт в средствах массовой информации. «Все без исключения, — сообщал Жданов, — занимают активную непримиримую позицию к югославскому руководству». Все едины в том, — подчеркивал Жданов, — что закрытая критика нужных результатов

не даст. Без открытого публичного разоблачения югославского руководства, поставившего КПЮ вне Информбюро, ситуацию в Югославии не исправить. Надо «скорее наводить порядок»¹⁵. Этим заявлением А.А.Жданова и набором идеолого-политических обвинений, прозвучавших в выступлениях представителей всех без исключения компартий и в резолюции второго совещания Коминформа, было положено начало открытой, беспрецедентной по масштабам, грубой и оскорбительной по форме антиюгославской кампании в печати Информбюро и компартий прежде всего стран Восточной Европы.

Таким образом, подготовка второго совещания Коминформа и сами заседания показали, что Москве удалось организовать «интернациональное» давление не только на лидеров КПЮ, но и на руководство компартий других стран Восточной Европы. Коминформ проявил себя как инструмент пропагандистско-информационного воздействия и контроля внутри коммунистического движения.

На совещании была определена также тактика борьбы с югославским руководством: ставка делалась на «здоровые силы» внутри КПЮ, которые должны были «заставить своих нынешних руководителей открыто и честно признать свои ошибки и исправить их», а в противном случае «сменить их и выдвинуть новое интернационалистическое руководство КПЮ»¹⁶.

Как писал впоследствии в своих воспоминаниях один из близких к Й.Тито членов Политбюро ЦК КПЮ М.Джилас, «за рубежом мало кто верил, что после такого ультиматума Й.Тито сможет удержаться. Считалось, что дни его сочтены, и некоторые иностранные журналисты называли дату свержения Й.Тито, а именно 21 июля — начало работы V съезда КПЮ». Такого же мнения придерживались и некоторые руководители восточно-европейских компартий¹⁷.

Первоначально Москва надеялась расколоть югославское руководство изнутри и удалить Тито и его сторонников из высших руководящих органов Югославии, заменив их сторонниками Москвы. Однако вскоре после окончания работы второго совещания Коминформа И.В.Сталин, который имел достаточно полную информацию о методах жесткого отбора делегатов из сторонников Тито на V съезд КПЮ, писал 14 июля 1948 г. К.Готвальду: «Должен Вам сказать, что мы, москвичи, не рассчитывали и не рассчитываем на такое скорое поражение группы Тито. Мы знаем достоверно, что съезд КПЮ подобран тщательно, все инакомыслящие лишаются должностей или арестовываются, на съезд пропускаются только давшие подписку голосовать против Коминформбюро... Наша цель была на первом этапе изолировать югославских руководителей в глазах других компартий и разоблачить их жульнические махинации (подчеркнуто нами. — Авт.). Этой цели мы добились с успехом. В дальнейшем пойдет отпадение партийно-марксистских групп от Тито и его группы»¹⁸. Однако такие расчеты Сталина не оправдались, хотя после V съезда КПЮ оппозиция была весьма

заметной: более 55 тыс. членов КПЮ (около 12%) и 52 тыс. кандидатов встали на сторону Информбюро, более 5 тыс. человек стали политическими эмигрантами¹⁹. Существенная роль в поддержке этих «здоровых сил» в КПЮ и в кампании против Тито и его сторонников ЦК ВКП(б) отводил пропаганде, информационному воздействию на партийные массы в странах региона. 29 июня 1948 г. в газете «Правда» была опубликована резолюция второго совещания Коминформа. Руководящие органы компартий Восточной Европы приняли и сделали достоянием гласности соответствующие документы в поддержку резолюции Информбюро²⁰. В номере от 1 июля 1948 г. газета «За прочный мир, за народную демократию» поместила редакционную статью «Руководство компартии Югославии ревизирует марксистско-ленинское учение о партии». 15 июля в этой же газете появилась еще одна «знаковая» статья — «Отход от марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы»²¹. Эти «сигналы» были подхвачены средствами массовой информации стран — членов Коминформа, в которых повторялись обвинения в адрес КПЮ, содержащиеся в выступлениях и итоговых документах второго совещания Коминформа. Особый нажим делался на такие обвинения, как «троцкизм», «перерождение», «буржуазный национализм» и т.д.

Символическими событиями в развертывании антиюгославской кампании стали срочный переезд после второго совещания редакции газеты «За прочный мир, за народную демократию» из Белграда в Бухарест и удаление представителей КПЮ из состава редколлегии.

Югославская сторона пыталась снизить накал конфронтации и давления на свою партию. 29 июня, т.е. в тот же день, когда в газете «Правда» была опубликована резолюция Коминформа, в Белграде состоялся пленум ЦК КПЮ, где было принято заявление о том, что «критика в резолюции основана на неточных и необоснованных утверждениях и представляет попытку подорвать авторитет КПЮ за рубежом и в стране». Это заявление руководящего органа партии транслировалось всеми радиостанциями Югославии.

В сложившейся обстановке югославское руководство пыталось противостоять диктату Коминформа и дирижировавшего его действиями Кремля, что вовсе не сопровождалось отказом лидеров КПЮ от ориентации в теории и практике на советскую модель социализма. И после разрыва с Москвой Тито продолжал заявлять о приверженности КПЮ принципам марксизма-ленинизма и построения социализма в Югославии, тем самым подчеркивая необоснованность и несправедливость обвинений Москвы. Некоторое время в югославской печати даже продолжала выдерживаться пропагандистская линия как бы на отделение фигуры Сталина от советско-югославского конфликта²². Тем не менее Сталин, несмотря на всю остроту конфликта (об этом свидетельствует его письмо к К.Готвальду), все еще не считал целесообразным в данный момент как публикацию материалов второго совещания Ко-

минформа, так и проведение каких-либо дискуссий с югославскими «политическими акробатами»²³.

Какова же была реакция общественности и прежде всего рядовых членов и партийных организаций КПЮ на резолюцию второго совещания Коминформа и советско-югославский конфликт? Какова была та почва, на которую легла впоследствии коминформовская антиюгославская пропаганда, по сути своей сфальсифицированная и сфабрикованная?

По информации, поступавшей в Москву из советских представительств в Югославии, прежде всего из посольства СССР в Белграде и советских консульств, расположенных в крупных республиканских центрах Югославии, для большинства граждан Югославии, рядовых членов партии и руководителей среднего звена КПЮ и первичных партийных организаций конфликт между КПЮ и ЦК ВКП(б), между Й.Тито и И.В.Сталиным был совершенно неожиданным и непонятным. После опубликования в югославской печати и трансляции по радио резолюции Коминформа «О положении в Югославии», а также негативной ответной реакции на нее югославского руководства, многие члены партии попросту растерялись. Сражаясь в годы Второй мировой войны вместе с советским народом против общего врага — фашизма, они «верили в ЦК КПЮ и ЦК ВКП(б), а поэтому полагали, что произошло какое-то недоразумение, которое вскоре будет ликвидировано»²⁴. Например, согласно информации, поступившей из советского консульства в Загребе, основная масса членов компартии Хорватии в дискуссиях на партийных собраниях, проведенных в связи с резолюцией Коминформа по Югославии, участия вообще не принимала. По сообщениям из иных советских дипломатических источников, в некоторых районах Югославии на сторону Информбюро встали не только отдельные члены партии, но и целые организации²⁵. Произошел раскол и внутри руководящих органов КПЮ, особенно в республиках и на местах. Конечно, можно предположить, учитывая информационные технологии того времени, которыми пользовались нередко советские представители за рубежом, что направлявшиеся в Москву отчеты и статистические данные страдали известным преувеличением в отношении негативной реакции югославских коммунистов на позицию собственного руководства. И все же вполне вероятно, что на начальном этапе после известий об острой критике Тито и его сторонников со стороны Коминформа, среди основной массы членов КПЮ продолжала действовать сила идейно-политической инерции и быстрой переориентации произойти не могло. Тем более, что вся предшествовавшая деятельность руководства КПЮ была направлена на укрепление дружественных отношений с Советским Союзом, а личный авторитет Сталина был в Югославии очень высок.

Но как подчеркнул в одном из своих позднейших выступлений М.Джилас, «авторитет СССР в Югославии создан нами и, следовательно, от нас и зависит, как его разрушить»²⁶. В создавшихся условиях югославское руководство, безусловно, имевшее достаточно

высокий авторитет в партии и стране, не надеясь быстро разрешить противоречия внутри партии методами убеждения и идейно-организационными средствами, пошло по линии силового подавления сторонников Коминформа. Оно выступало одновременно не только за пресечение каких бы то ни было публичных выступлений информбюровцев, но и за недопущение любой критики в свой адрес, пытаясь таким образом ликвидировать инакомыслие в партии, которое могли бы использовать Коминформ и ЦК ВКП(б) для смены руководства КПЮ «внутренними силами югославских коммунистов».

По информации различных источников, руководство КПЮ с использованием аппарата министерства внутренних дел и госбезопасности перешло к репрессивным мерам, арестам сторонников Информбюро, составлению органами госбезопасности списков людей, недовольных режимом, притеснениям русскоязычного населения Югославии, постоянно проживавшего здесь еще со времен гражданской войны в России и принявшего после Второй мировой войны советское гражданство по договоренности между Белградом и Москвой.

Одновременно осуществлялась массовая идеолого-политическая обработка как членов КПЮ, так и простых граждан. Проводились митинги и собрания в поддержку позиции КПЮ. Широкое распространение получило индивидуальное одобрение в письменном виде резолюций и документов ЦК КПЮ²⁷. В отделы кадров учреждений и организаций были направлены сотрудники МВД, осуществлявшие контроль за работой и поведением сотрудников. Был расширен осведомительный аппарат, поощрялись доносы и создавались специальные картотеки на лиц, подозреваемых в «нелояльности» к руководству КПЮ²⁸. Начались увольнения с работы и лишения жилья сторонников Коминформа и даже колеблющихся²⁹. Таким образом, югославское руководство с помощью аналогичных советским методов преследования своих противников и ликвидации какой-либо оппозиции или просто людей, недовольных режимом и нелояльных к власти, проводило разнообразные меры для создания в югославском обществе своего рода невосприимчивости к антиюгославской пропаганде Москвы и Коминформа.

Учитывая реальное положение дел в Югославии, посол СССР в Белграде А.И.Лаврентьев констатировал в отчете за 1948 г.: «...В силу террора в Югославии, там невозможна какая бы то ни было легальная работа против клики Тито». Он сообщал об отсутствии серьезного организующего и руководящего оппозицией центра и делал вывод: «При существующем разброде и кустарничестве ничем не связанных между собой нелегальных организаций, насыщенных провокаторами Ранковича, нельзя рассчитывать только на внутренние силы для изменения политического положения в стране»³⁰.

Но отдел балканских стран МИД СССР в своих замечаниях по отчету советского посольства счел необходимым ответить, что он

«не считает внутренний фактор второстепенным». «Внешний фактор, — указывали руководители аппарата МИД, — может оказаться при известных условиях одним из серьезных факторов, но не основным»³¹.

Допустимо предположить, что под «внешним фактором» МИД СССР имел в виду широкое пропагандистское воздействие извне и проведение согласованной антиюгославской кампании и антиюгославской политики стран советского блока.

Сигналом к дальнейшей эскалации конфликта послужила опубликованная 8 сентября 1948 г. в газете «Правда» статья «Куда ведет национализм группы Тито в Югославии». Статья за подписью «ЦЕКА» отличалась грубым и безапелляционным тоном. В статье утверждалось, что «фракция Тито», имея якобы меньшинство в КПЮ, «находится в состоянии войны со своей партией, перешла на путь пособничества империализму и вырождается в клику политических убийц». «Группа Тито, — говорилось в статье, — в эти дни встала в один общий лагерь с империалистами, обливая грязью компартии народно-демократических стран и СССР на радость империалистам»³².

Обострение советско-югославских отношений и усиление антиюгославской пропаганды в средствах массовой информации СССР и восточно-европейских стран осенью 1948 г. было, вероятно, связано с тем, что советскому руководству стало ясно, что лидеры Югославии сохранили контроль над партией и страной и, ужесточив политику во внутренней жизни страны, не собирались сдавать свои позиции. Студенты, прибывшие в октябре 1948 г. из Югославии на учебу в вузы Польши, говорили о «политике террора, угнетения, ликвидации различных форм демократии», жестко проводимой верхушкой КПЮ³³.

Югославское руководство, приняв вызов Москвы, теперь категорически опровергало все обвинения в свой адрес, резко выступало против антиюгославских публикаций в печати СССР, Коминформа и стран советского блока.

Антиюгославские публикации в советской печати не остались без ответа. В газете «Борба», центральном органе КПЮ, 2, 3, 4 октября 1948 г. была напечатана статья М.Джиласа «О неправдоподобных и несправедливых обвинениях против нашей партии и страны», где впервые прозвучала, хотя и приглушенная, критика в адрес И.В.Сталина. В ноябре 1948 г., выступая в Скупщине, Й.Тито говорил «об империалистической политике СССР в отношении малых народов, направленной на их экономическое и политическое закабаление»³⁴. Тема «неравноправных отношений между СССР и народами других социалистических стран» стала основной в выступлениях югославских лидеров и средств массовой информации в этот период. В стране нарастали репрессии против сторонников СССР, получивших название коминформовцев. Как явствовало из сообщения советского посольства в Белграде, в декабре 1948 г. член ЦК Компартии Хорватии М.Белинич заявил: «Мы объявили коминформовцам борьбу вплоть до уничтожения».

В свою очередь райком КПЮ 1-го района г. Загреба выступил с призывом к членам партии: «Будьте бдительны к фашистам и коминформовцам», обвиняя последних в том, что они стали «пятой колонной» Информбюро и Кремля³⁵.

По сообщениям из посольства СССР в Белграде, населению страны официально было «не рекомендовано слушать московское радио, дело доходило до репрессий за подобные нарушения. В провинции практиковалось прекращение подачи электроэнергии во время советских радиопередач». Один югославский офицер в беседе с сотрудником советского посольства в Белграде заявил: «Мы слушаем Москву только в подполье, как во время войны». Редакция бюллетеней (Югославское агентство печати) получила специальную инструкцию, запрещающую помещать в бюллетень, предназначенный для открытой печати, более 5 информационных материалов об СССР. Начали резко сокращаться культурные и научные связи между СССР и Югославией. В декабре 1948 г. ЦК КПЮ запретил правлению общества «Югославия—СССР» организовывать коллективные посещения Дома советской культуры в Белграде. В Белградском университете читались курсы по английской, немецкой и итальянской литературе, но уже не было курса по советской литературе³⁶.

Из посольства СССР в Белграде также сообщалось, что в Югославии начались изъятия из учебного процесса советских учебников, из библиотек, читален и издательств — советской литературы, что в печати почти отсутствуют материалы об СССР. В 1949 г. по сравнению с 1948 г. резко сократились заказы на советскую литературу (по разным дисциплинам с 25 до 2% от прежнего объема) по линии «Международной книги». Почти полностью была ликвидирована достаточно широкая сеть популярных ранее курсов по изучению русского языка, которые были организованы по линии общества культурных связей Югославии—СССР. Со сцен югославских театров исчезли пьесы советских авторов, заметно уменьшился прокат советских кинофильмов и т.д. Все это давало основание советскому послу в отчете посольства за 1948 г., составленном в начале 1949 г., говорить о том, что, как считал посол, с весны 1948 г. планомерно и последовательно начала проводиться работа по искоренению у населения дружественных чувств к СССР и созданию в стране антисоветской атмосферы. Представляется, что Лаврентьев искусственно обозначил более раннюю дату, чтобы усилить дискредитацию югославского руководства.

В то же время советское посольство в Белграде сообщало в Москву, что нелегальные подпольные группы начали вести устную индивидуальную пропаганду в пользу СССР и Коминформа. Они распространяли газету «За прочный мир, за народную демократию!», а также перепечатки статей из советской прессы о положении в Югославии. Кроме того, как следовало из того же источника информации, в стране стали появляться антититовские листовки³⁷. Заметим, что их распространение преувеличенно расценивалось в

советском посольстве как массовое проявление оппозиционных настроений в стране.

Антиюгославская пропаганда советским руководством велась в тесном взаимодействии с югославскими эмигрантами — сторонниками решений Коминформа в отношении КПЮ. Москва поддерживала организационно и политически «опекала» эту эмиграцию. В свою очередь эмигранты-коминформовцы «подпитывали» Москву информационными материалами, тональность которых соответствовала курсу ЦК ВКП(б) в отношении Югославии. Как следует из архивных документов МИД РФ, их информация нередко существенно расходилась с действительным положением дел в Югославии. Прежде всего это относилось к оценке югославскими эмигрантами реальных масштабов оппозиции Й.Тито и возможностей сторонников Информбюро, а также действительного положения дел в КПЮ и стране в целом. Например, югославские эмигранты настаивали на утверждении, что большинство в КПЮ составляют сторонники Информбюро.

Тем не менее Москва, вне сомнения, делала политическую ставку на югославскую эмиграцию, как солидную антититовскую силу. Югославская эмиграция, рассредоточенная по всем странам советского блока, использовалась Москвой прежде всего для ведения пропагандистской и подрывной деятельности против руководства КПЮ. Она формировалась в основном из бывших работников дипломатических и других югославских представительств в этих странах, слушателей военных учебных заведений, студентов вузов и югославских специалистов, отказавшихся вернуться из СССР и других стран блока на родину после разрыва между советским и югославским руководством. Ее ряды пополнялись и югославскими коммунистами, сторонниками Коминформа, которым удалось нелегально покинуть Югославию.

В конце сентября 1948 г. югославский эмигрант, бывший посол Югославии в Болгарии, Р.Голубович обратился с письмом в ОВП ЦК ВКП(б), где высказывал свои соображения по организации антититовской работы в Югославии и усилению пропаганды. Он считал возможным использовать планы ЦК КПЮ по созданию в каждой республике Югославии своей, республиканской компартии и их руководящих органов. Голубович предлагал путь избрания в ЦК компартий республик «сторонников большинства в КПЮ», которое по его мнению, составляли «противники фракции и клики Тито». Автор письма настаивал, что есть «возможность добиться хороших результатов в Черногории, в Македонии, может быть, в Боснии и Герцеговине и в Сербии». На базе этого, как полагал Голубович, можно было бы создать в рамках всей страны «временные и специальные руководства (управления) для каждой республики». Судя по письму, Голубович прямо увязывал успех своего плана создания центрального нелегального руководства «большинством» КПЮ с увеличением пропагандистских материалов, переправляемых из Болгарии в Македонию, из Албании в Черногорию, из Румынии в Воеводину и Сербию, из Венгрии в

Хорватию, из Триеста в Словению. В Боснию можно было бы их посылать через Черногорию или Белград.

Подобные утопические документы подпитывали решимость ЦК ВКП(б) и руководства Коминформа к активизации пропагандистских и иных действий против Й.Тито и не мнимого, как полагали югославские эмигранты, а действительного большинства КПЮ. Предложения Р.Голубовича нашли поддержку в ОВП ЦК ВКП(б) и аппарате Коминформа. В письме Л.Баранова к М.Суслову от 28 сентября 1948 г. говорилось: «Представляю Вам соображения т. Голубовича по вопросу организации работы в Югославии и на Югославию. При этом сообщая, что мы вместе с тт. Кишиневским и Юдиным разрабатываем конкретные мероприятия, в которых будут также учтены соображения т. Голубовича...»³⁸ Правоммерно сделать вывод, что уже осенью 1948 г. в ЦК ВКП(б) и в аппарате Коминформа приступили к разработке планов подрывной деятельности против Югославии и ставка во многом была сделана на югославских «революционных эмигрантов». По данным, приведенным в докладной записке заместителя заведующего Отдела внешних сношений (так стал называться ОВП ЦК ВКП(б)) Б.Н.Пономарева на имя Г.М.Маленкова от 8 декабря 1948 г., в СССР находилось более 500 югославских эмигрантов, отказавшихся вернуться на родину. В своих обращениях в ЦК ВКП(б), как отмечалось в записке, югославские политэмигранты предлагали образовать единое руководство югославской политэмиграции, создать центр югославских эмигрантов в Чехословакии и группы в Румынии и Болгарии, Венгрии, Албании и др. странах Восточной Европы, организовать оперативные отряды для переброски пропагандистских материалов и засылки людей в страну, принять югославских политэмигрантов в члены ВКП(б) и предоставить им советское гражданство. Со своей стороны Б.Н.Пономарев считал необходимым оказать содействие повседневной пропагандистской работе югославских эмигрантов, ускорить создание радиовещательного центра в Румынии и привлечь югославских политэмигрантов к подготовке радиопередач и вещанию на Югославию. Кроме того, Пономарев полагал целесообразным наладить поступление систематической информации в ЦК ВКП(б) о деятельности центра и групп политэмигрантов, находившихся в СССР, и тем самым обеспечить контроль за деятельностью эмигрантов. Особое внимание предполагалось уделить координации действий и персональному руководству группами политэмигрантов со стороны Коминформа и его постоянно действующих структур, прежде всего, секретариата и редакции газеты «За прочный мир, за народную демократию»³⁹.

С сентября 1948 г. в Праге начала издаваться первая газета югославской эмиграции «Нова борба». По имеющимся в нашем распоряжении данным, ее первый номер был переправлен в Югославию. Об этом свидетельствует хранящееся в фондах РГАСПИ письмо одного из ее читателей в Югославии, полученное редакцией газеты вскоре после ее выхода. В целях конспирации письмо

не было подписано, но по содержанию письма видно, что членам редколлегии газеты был известен ее подлинный адресат. Тогда же в Праге началось серийное издание брошюр и материалов библиотеки «Под знаменем интернационализма». 5 октября 1948 г. главный редактор газеты «Нова Борба» С.Иванович направил 50 экз. первого номера газеты, а также 30 экз. брошюр антититовского содержания и 100 экз. опубликованных комментариев к V съезду КПЮ в адрес отдела пропаганды и агитации Румынской рабочей партии с просьбой оказать помощь в распространении публикаций «среди заинтересованных людей в тех районах, где живут югославы»⁴⁰. Имелось в виду сербское население Румынии.

Антиюгославская кампания сопровождалась ужесточением контроля Кремля и Коминформа за деятельностью компартий Восточной Европы в отношении Югославии. 16 октября 1948 г. руководство Коминформа и редакция газеты «За прочный мир, за народную демократию» созвали совещание представителей коммунистических партий — членов Коминформа для обсуждения вопроса о выполнении компартиями решений совещания Информбюро по югославскому вопросу. Представителям компартий было предложено подготовить информационные справки о мероприятиях, направленных на активизацию антититовской деятельности. Такого рода контроль побуждал руководителей партий, входивших в Коминформ, к активной реализации установок, заданных на совещании 1948 г.⁴¹

Итак, отношения между компартиями, входившими в Коминформ, и югославским руководством развивались по линии все возрастающей конфронтации. Однако советское правительство все же не могло не учитывать некоторые сдерживающие факторы. Югославия как сопредельное с Грецией государство оказывала помощь греческим коммунистам, развернувшим в стране вооруженную борьбу за власть. Кроме того, Москва опасалась подтолкнуть Белград на Запад, расширив тем самым присутствие англо-американцев на Балканах. Со своей стороны администрация США стремилась, используя советско-югославский конфликт, к окончательному отчуждению югославского режима от СССР. Информация о планах подобного рода поступала в Москву из секретных источников.

В свою очередь, в 1948 г. Югославия занимала позицию обороняющейся стороны и постоянно подчеркивала свою приверженность «делу социализма». Это проявлялось также в близости позиций Югославии и СССР по международным вопросам. Белград не готов был еще идти на прямое сближение с США и западными державами, хотя признаки расширения его контактов с Западом были налицо и вызвали резко негативную реакцию в Москве. Югославская печать избегала также прямых обвинений и критики в адрес И.В.Сталина, что можно толковать как наличие все еще подспудно тлевших в Белграде надежд на улучшение советско-югославских отношений.

Подтверждением этого служила и относившаяся к началу 1949 г. попытка югославской стороны прозондировать возможность достойного выхода из конфликта, используя с этой целью свои контакты с английскими коммунистами. В марте—апреле 1949 г., будучи в Лондоне, заместитель министра иностранных дел Югославии А.Бемлер на приеме в югославском посольстве обратился к руководителю Лондонского совета профсоюзов коммунисту Джекобсу с просьбой сыграть посредническую роль. Находясь в не совсем трезвом состоянии, Бемлер признался Джекобсу, что югославы «наделали массу глупостей» и желают выйти из крайне тяжелого для себя положения так, чтобы «сохранить свое лицо». Джекобс обещал посоветоваться с лидером компартии Великобритании КПВ Г.Поллитом. Видимо, Москва по другим своим каналам узнала об этом разговоре. В мае 1949 г. в Праге во время работы IX съезда КПЧ руководитель советской делегации Г.М.Маленков пытался выяснить у Г.Поллита, действительно ли подобная беседа имела место. Последний пояснил, что Джекобс совсем недавно информировал его о разговоре с Бемлером, поэтому соответствующее сообщение не было своевременно передано в Москву. Этот факт, о котором исследователям стало известно из записной книжки Г.М.Маленкова⁴², весьма показателен, хотя рождает много вопросов. Главный из них — отражала ли откровенность Бемлера настроения югославского руководства или это была его личная позиция? Но независимо от ответа на этот вопрос важно отметить, что Москва проигнорировала возможность использовать подобные настроения для сглаживания конфликта. Более того, с начала 1949 г. на фоне обострения международной обстановки и роста противостояния Восток—Запад, создания Северо-атлантического блока заметно интенсифицировалась антиюгославская деятельность Москвы.

Не последнюю роль в этом сыграли все расширявшиеся связи, прежде всего по экономическим вопросам, между Белградом и Западом и изменение позиции югославского руководства в греческом вопросе. В июле 1949 г. Югославия закрыла границу с Грецией, осложнив положение греческих коммунистов — участников гражданской войны в стране. В январе 1949 г. был создан Совет экономической взаимопомощи — экономическая составляющая советского военно-политического блока. Югославия не была допущена в СЭВ, который по линии экономических связей стал координировать антиюгославскую деятельность стран Восточной Европы.

В блоке обвинений, звучавших в адрес югославского руководства в начале 1949 г., соединялись обвинения в антисоветизме с обвинениями «в переходе на сторону англо-американских империалистов», «в подрывной деятельности югославских троцкистов и их прихвостней внутри коммунистических партий» восточно-европейских стран, а затем и «в прямом шпионаже в пользу империалистических держав». Такое расширение пропагандистских обвинительных аргументов в отношении КПЮ, от идейного отступничества к предательству, как показало развитие ситуации внутри со-

ветского блока, служило не только усилению пропагандистского давления на югославское руководство, но и было использовано в иных политических целях. Уже весной—летом 1949 г. по подсказке из Москвы обвинения в связях с Тито и в принадлежности к англо-американским агентам стали главными обвинительными аргументами на судебных политических процессах и арестах в странах Восточной Европы. На процессе «по делу Райка» Й.Тито и другие руководители КПЮ были объявлены «агентами разведки империалистических государств».

Наиболее типичным из обвинений в адрес югославского руководства было заявление на этом процессе венгерского лидера М.Ракоши: «Руководящий слой клики Тито почти без исключения состоит из полицейских, шпионов и провокаторов, которые, примерно так, как у нас Райк, уже перед мировой войной в какой-то форме находились на службе у противника. Американские империалисты рассчитывали на то, — подчеркивал М.Ракоши, — что с помощью Югославии они сумеют оторвать от блока Советского Союза все страны народной демократии не только балканские, но и Чехословакию и Польшу, и привлечь их под свое влияние»⁴³. Как показывают конкретно-исторические материалы, именно антититоизм, дополненный обвинениями в связях с деятельностью западных спецслужб, в 1949—1950 гг. стал идеолого-политическим обрамлением репрессивной политики в восточно-европейском регионе, в особенности внутри компартий и их руководства.

Советские представители в руководящих структурах Коминформа тщательно отслеживали позицию и активизировали выступления лидеров компартий рассматриваемых стран против югославского руководства. Особенно пристальное внимание уделялось позиции лидеров КПЧ, поскольку, как казалось Москве, они скрыто противились нажиму Кремля и пытались сохранить некоторые контакты с югославской стороной, прежде всего в области экономических отношений. Исходя из этого, усилия советского руководства были направлены на то, чтобы заставить руководителей Чехословакии следовать общим курсом в антиюгославской пропаганде. В подтверждение этого можно привести слова руководителя секретариата Информбюро Л.С.Баранова, который в беседе с К.Готвальдом 19 апреля 1949 г. высказался за то, чтобы «в печати и по радио усилить разоблачение "клики Тито", перешедшей в лагерь империализма и ныне открыто выступающей с грязной клеветой против СССР и стран народной демократии». «Я, — сообщил Баранов в Москву, — передал пожелание редакции газеты "За прочный мир, за народную демократию" о том, чтобы со статьями против представителей клики Тито выступали не только рядовые авторы, но и руководящие деятели партии, как в свое время они выступали после резолюции Информбюро. На это Готвальд ничего не ответил, но, как мне стало известно позднее от Сланского, редакция газеты "Руде право" получила указание от ЦК КПЧ уси-

лить на страницах этой газеты разоблачение предательской политики югославских троцкистов»⁴⁴.

Весной 1949 г. произошла заметная активизация пропагандистской деятельности югославских эмигрантов, находившихся в СССР и других восточно-европейских странах. 3 апреля 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление, а 1 мая 1949 г. «Правда» сообщила о выходе в свет газеты «За социалистическую Югославию». Эта газета стала органом учрежденного в СССР «Союза югославских патриотов за освобождение Югославии от фашистского ига клики Тито—Ранковича и империалистического рабства».

Прямое участие Москвы в организации пропагандистской работы югославской эмиграции вызывало естественный протест Белграда. Констатируя агрессивность в политике Кремля в отношении Югославии, заместитель министра иностранных дел Югославии А.Беблер заявил 23 мая 1949 г. поверенному в делах СССР в Белграде Г.Шнюкову, что «советское правительство ведет неправильную национальную политику, не считается с интересами малых стран, строящих социализм, и считает, что раз он силен, то другие страны ничего не значат...» «Мы выбрали наше правительство, нам оно нравится, а почему же радио Москвы позволяет себе выступления против нашего правительства, передает содержание газеты изменников "За социалистическую Югославию..." Ваше правительство считается только со своими интересами, не думает об интересах стран социализма, оно не позволяет им вести собственную политику, диктует им свою волю», — заявил А.Беблер⁴⁵.

Отвергая диктат Москвы и Коминформа, югославское руководство перешло в 1949 г. к политико-идеологическому наступлению. Оно стало открыто обвинять Советский Союз и ВКП(б) в перерождении, в превращении социализма в СССР в государственно-капиталистическую систему, а ЦК ВКП(б) в великодержавной, гегемонистской внешней политике, в агрессивном давлении на Югославию. Противостояние Кремля и югославского руководства в этот период достигло своего пика, превращаясь в информационную и психологическую войну с целью обеспечения влияния как на население Югославии, так и на граждан восточно-европейских стран.

Ведущую роль в развертывании антиюгославской пропаганды продолжал играть Коминформ и его газета «За прочный мир, за народную демократию». Так, в повестку дня заседания исполнительного органа Коминформа—секретариата, состоявшегося 14—15 июня 1949 г. в Бухаресте, был внесен отдельным пунктом вопрос о мерах руководства компартий — членов Коминформа по активизации борьбы против «клики» Тито. В первый же день заседания секретариата Коминформа, 14 июня, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о созыве третьего совещания Коминформа, одним из пунктов работы которого должен был стать

именно вопрос о «мерах компартий по борьбе против клики Тито»⁴⁶.

Во исполнение этого решения 19 июля 1949 г. на совещании у Л. Баранова в помещении Коминформа в Бухаресте с целью усиления пропагандистской работы обсуждались меры по организации в Румынии специального радиовещательного центра на Югославию. На совещании присутствовали, кроме Л. Баранова, И. Кишиневский, П. Юдин, Н. Пухлов и др. Было решено начать радиовещание с 25 июля. Позывными стала первая строфа из «Интернационала», а лозунгом, под которым велись радиопередачи: «Вперед, под знаменем интернационализма, за социалистическую Югославию!» Для организации работы радиовещания из Москвы был запрошен один инженер, а от ЦК РПП три радиотехника. Как показывают документы российских архивов, в аппарате Коминформа систематически готовились радиопередачи, которые транслировались на Югославию в основном от имени югославской эмиграции. Коминформ, таким образом, в рассматриваемый период стал главным рычагом идеолого-пропагандистского давления на Югославию. Через его структуры и газету «За прочный мир, за народную демократию» Москва организовывала, координировала и контролировала выступления против югославского руководства.

Летом—осенью 1949 г. активизировало свои трансляции на Югославию болгарское радио. Редакцией радиовещания на несколько недель вперед составлялись программы радиопередач по 6—8 темам антититовского содержания для ежедневной трансляции⁴⁷. В октябре 1949 г. начало вещание на сербском языке польское радио. Польское радио транслировало две ежедневные радиопередачи по 15 мин. на коротких волнах и одну на средних. Наряду с польскими журналистами в передачах на Югославию участвовали в качестве переводчиков и дикторов югославские политэмигранты. Тематика радиопередач формировалась на основе материалов и статей, опубликованных в газете «За прочный мир, за народную демократию», а также в газетах югославских политэмигрантов, издаваемых в СССР и восточно-европейских странах. Частично передачи готовились на основе материалов и сведений, полученных по разным каналам из самой Югославии. Содержание радиопередач польского радио было типичным для антиюгославской пропаганды того периода и соответствовало материалам, публикуемым в «Правде» и коммунистической печати восточно-европейских стран. Повторялись штампы из документов Коминформа. Югославское руководство обвинялось в «установлении гестаповского режима», в «связях титовской банды с англо-американским империализмом». Особый интерес представляет тот факт, что в передачах из Польши освещалась борьба с правым и националистическим уклоном в ПОРП, а также процессы над руководящими деятелями компартий Болгарии и Венгрии — Тр. Костовым и Л. Райком — «агентами Тито и англо-американских империалистов»⁴⁸.

5 августа 1949 г. в связи с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 июня 1949 г. о созыве третьего совещания Коминформа, в недрах его аппарата за подписями Л.Баранова и П.Юдина была подготовлена справка «О борьбе коммунистических и рабочих партий против клики Тито—Ранковича», ставшая проектом основного доклада для будущего совещания компартии — членов Информбюро⁴⁹. В качестве основного критерия лояльности к Советскому Союзу и ВКП(б) провозглашалась «готовность компартий безоговорочно, без колебаний, без условий защищать СССР». Таким образом, любые колебания в руководстве компартий региона и несогласованность действий с ЦК ВКП(б) рассматривались как политическое преступление, отход от общей линии социалистического строительства, скатывание во враждебный лагерь «во главе с англо-американскими империалистами».

Именно в этом русле и строилась система обвинений против югославского руководства. Югославскому руководству приписывалось превращение в одно из звеньев общего фронта «борьбы во главе с англо-американскими империалистами против СССР». Утверждалось, что «печать югославских руководителей, в первую очередь "Борба", ведя бешеную клеветническую кампанию против СССР и стран народной демократии, ни разу не выступила с разоблачением правящих кругов США и Англии, ни слова не проронила против Северо-атлантического пакта»⁵⁰.

В цепи грубых по форме и фальсифицированных и надуманных по содержанию обвинений в адрес Й.Тито и его окружения, которыми изобиловала вышеуказанная справка, главное место продолжали занимать обвинения в том, что политика югославского руководства сомкнулась с агрессивным курсом англо-американских империалистов в целях проведения «подрывной работы внутри социалистического лагеря, расшатывания его единства» и борьбы против его центрального звена — Советского Союза⁵¹.

Фигурировавшие в справке ярлыки, оскорбления, брань повторились затем и в докладах, представленных на третьем совещании Коминформа, состоявшемся с 16 по 19 ноября 1949 г. в замке под Будапештом. Название основного доклада Г.Георгиу-Дежа по югославскому вопросу носило сугубо пропагандистский характер: «Югославская компартия во власти убийц и шпионов», так же как и его генеральный тезис: югославское руководство установило в стране диктатуру фашистского типа. Если на втором совещании Коминформа (июнь 1948 г.) руководству компартий Югославии инкриминировалась прежде всего «измена коммунистическому движению», «троцкистское перерождение», «буржуазный национализм», то на третьем совещании на передний план были выдвинуты уже растиражированные в пропаганде обвинения в том, что Тито и его окружение являются «агентами империалистических разведок, завербованными ранее и замаскированными, пока их не разоблачили»⁵². Новым моментом было и то, что в докладе Г.Георгиу-Дежа ставилось в качестве практической задачи создание в Югославии новой, подпольной компартии, которая была бы «ре-

волюционной и интернационалистской», способной на «решительную борьбу» за освобождение «от ига узурпаторов». Этой новой компартии была обещана со стороны Коминформа и партий, входящих в него, действенная помощь в создании «мощного революционного подпольного движения». Основные положения докладов руководящих деятелей компартий — членов Информбюро шли в том же русле и были включены в резолюцию совещания.

Ноябрьское совещание Коминформа стало своеобразным рубежом в отношениях стран советского блока и Югославии. На нем борьба против правительства Тито была объявлена одной из важнейших задач коммунистических партий и всех прогрессивных сил⁵³. Эскалация конфликта вошла в новую фазу. Возможностей примирения враждующих сторон больше уже не оставалось.

В апреле 1950 г. секретариат Информбюро рассмотрел вопрос о выполнении резолюции третьего совещания Коминформа. Этот факт свидетельствовал, что Москва и Коминформ не планировали «убавить обороты» в антиюгославской кампании. Как следует из сообщения председателя Внешне-политической комиссии (ВПК) при ЦК ВКП(б) В.Г. Григорьяна, участвовавшего в заседании секретариата, основными направлениями в антититовских мероприятиях ЦК ВКП(б) считал «усиление пропаганды в печати и по радио на Югославию, повышение качества этой пропаганды, повседневную помощь югославским революционным эмигрантам в СССР и их печатному органу "За социалистическую Югославию"»⁵⁴.

На заседании секретариата Коминформа было также решено провести в Бухаресте в июне—июле 1950 г. при содействии аппарата секретариата очередное совещание представителей всех газет югославской эмиграции. Такое совещание состоялось вблизи Бухареста 27—28 июля этого года. Нужно отметить, что подобные совещания представителей югославской эмиграции и газет, выпускаемых ею, собирались периодически. Деятельность эмигрантских газет и радиостанций систематически контролировалась и направлялась Внешнеполитической комиссией ЦК ВКП(б) и секретариатом Коминформа. Основополагающие документы для них также готовились в ВПК ЦК ВКП(б). Принципиально важно подчеркнуть, что решения, принятые на последнем совещании Коминформа, были переведены в практическую плоскость. Внешнеполитической комиссией ЦК ВКП(б) перед югославской эмиграцией еще в июне 1950 г. был поставлен вопрос об организации и кадровом составе бюро связи при газете «За социалистическую Югославию» с тем, чтобы в дальнейшем на его базе создать «бюро узкого центра югославских коммунистов» для координации работы югославских коммунистов как в эмиграции, так и в самой стране. В связи с этим Григорьян направил письмо И.В. Сталину с просьбой поддержать это предложение⁵⁵.

В дальнейшем на совещании югославской политической эмиграции 17—20 января 1952 г. речь пошла уже о создании новой «подлинно коммунистической партии Югославии, верной марксизму-ленинизму и принципам пролетарского интернационализма,

которая должна стать ядром единого фронта патриотов Югославии, противостоящего "фашистской клике Тито—Ранковича". Координационному центру югославских эмигрантов было поручено, «руководствуясь советами братских партий (имелось в виду обсуждение вопроса о новой коммунистической партии Югославии на третьем совещании Коминформа в ноябре 1949 г. — *Авт.*), предпринять практические шаги для рассмотрения вопросов, связанных с идеологической и организационной подготовкой новой партии». В связи с этим перед координационным центром в качестве одной из основных была выдвинута задача по «развертыванию широкой печатной и устной пропаганды о необходимости победоносной борьбы против фашистского режима клики Тито—Ранковича»⁵⁶.

О масштабах действий пропагандистской машины, запущенной против Югославии, можно судить по данным, приведенным в информационной справке В.Г.Григорьяна «Об организации нелегального распространения на территории Югославии изданий югославских политэмигрантов», направленной 22 августа 1951 г. В.М.Молотову. К этому времени, как отмечалось в справке, югославские эмигранты, проживавшие в СССР и восточно-европейских странах издавали 6 газет, предназначенных для нелегального распространения в Югославии, в том числе: одну еженедельную газету «За социалистическую Югославию» (Москва), 3 газеты — «Нова Борба» (Прага), «Под знаменем интернационализма» (Румыния), «Вперед» (Болгария), выходившие раз в десять дней, две газеты — «За народную победу» (Венгрия) и «За свободу» (Албания), выходившие раз в две недели. Эти газеты выпускались на языках народов Югославии (сербско-хорватском, македонском и словенском) общим тиражом 30—35 тыс. экз. Месячный тираж всех газет составлял примерно 115—120 тыс. экз. Для удобства пользования в нелегальных условиях и переправки газет в Югославию 80 тыс. экз. печаталась малым форматом. Кроме того, при содействии аппарата Информбюро в Бухаресте ежемесячно издавалось 10—15 тыс. экз. брошюр и 20—25 тыс. экз. листовок малого формата. Брошюры и листовки содержали в основном материалы по югославской тематике, опубликованные в газетах «За прочный мир, за народную демократию», «За социалистическую Югославию» и т.д.

В целом тиражи печатной продукции, предназначенной для нелегального распространения в Югославии (газеты, брошюры, листовки), составляли ежемесячно около 150—160 тыс. экз.⁵⁷

Основная база для сосредоточения всей антититовской литературы и ее последующей переправки в Албанию, Болгарию, Венгрию, Австрию была создана в Бухаресте при международном отделе ЦК Румынской рабочей партии. Сюда поступали газеты из СССР, Чехословакии и других стран.

Распространение антититовской литературы на территории Югославии осуществлялось из пограничных с нею стран — Алба-

нии, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также частично через Триест и Австрию.

Через территорию Албании проводилась заброска газеты «За свободу», издававшейся югославскими политэмигрантами в этой стране, а также газет «За социалистическую Югославию», «Под знаменем интернационализма», брошюр и листовок, направлявшихся из Румынии на пароходе в адрес ЦК Албанской партии труда. Через территорию Болгарии осуществлялась доставка газеты «Вперед», которая печаталась югославской политэмиграцией на сербско-хорватском и македонском языках, а также газет «За социалистическую Югославию», «Под знаменем интернационализма», брошюр и листовок, пересылавшихся из Румынии в адрес ЦК Болгарской компартии. Через территорию Венгрии была организована переправка газеты «За народную победу», издававшейся югославскими политэмигрантами в этой стране на словенском языке, а также газет «За социалистическую Югославию», «Под знаменем интернационализма», «Нова борба», брошюр и листовок, пересылавшихся из Румынии и Чехословакии в адрес ЦК Венгерской партии трудящихся. Через территорию Румынии осуществлялась заброска газет «За социалистическую Югославию» и «Под знаменем интернационализма», а также брошюр и листовок. Через каналы компартии Свободной Территории Триест происходило распространение небольшого количества газет «За социалистическую Югославию», «Нова борба» и «За народную победу», поступавших в Триест непосредственно из Праги и Будапешта. По каналам компартии Австрии направлялось небольшое количество газет «За социалистическую Югославию» и «Под знаменем интернационализма», брошюр и листовок, пересылаемых из Румынии (через Будапешт) в адрес ЦК Компартии Австрии⁵⁸.

Делом заброски литературы и ее последующим распространением занимались специальные службы, находившиеся в подчинении компартий этих стран. В.Г. Григорьян отмечал, что «распространение материалов югославских революционных эмигрантов на территории Югославии вследствие сложных условий и репрессивных мер органов титовской охраны осуществляется с большими затруднениями». В силу этих причин в ряде промежуточных пунктов (в Румынии, Албании, Болгарии, Венгрии, Австрии) нередко скапливалось значительное количество антититовской литературы⁵⁹. Сложностями в распространении пропагандистских антититовских материалов можно объяснить и тот факт, что некоторые компартии восточно-европейских стран (Венгрии, Албании, Австрии) нередко обращались в Коминформ и в ЦК ВКП(б) с просьбой уменьшить разнарядки по количеству газет, пересылаемых им с основной базы в Румынии⁶⁰. По данным, приведенным в справке Григорьяна за первую половину 1951 г., из изданных 800—900 тыс. экз. вследствие серьезных трудностей и препятствий, удалось забросить по основным каналам около 380 тыс. экз. газет, брошюр и листовок, т.е. менее половины всего количества напечатанных материалов⁶¹.

В связи с этим возникала необходимость организации дополнительных каналов распространения пропагандистской литературы, на что ЦК ВКП(б) обратил внимание и предложил Коминформу более активно использовать каналы компартий Италии и Австрии в работе на Хорватию, Словению и Далмацию. Это объяснялось тем, что во внутренние районы Югославии пропагандистские материалы проникали с еще большими трудностями.

О том, как была организована переброска печатных материалов в Югославию, можно судить по информации, поступившей во Внешне-политическую комиссию ЦК ВКП(б) из ЦК БКП в декабре 1949 г. В документе сообщалось, что для проведения мероприятий по распространению печати югославских политэмигрантов были использованы прежде всего болгарские органы государственной безопасности. Первоначально ими использовались в основном так называемые «двоевластники» — лица, имевшие собственность как на территории Болгарии, так и Югославии, и постоянно курсировавшие через болгаро-югославскую границу. Понятно, что многие из них, как потом выяснилось, оказывались случайными людьми, были отобраны без тщательной проверки, что приводило к провалам и арестам на территории Югославии. Позднее органы госбезопасности стали выделять своих сотрудников в качестве руководителей групп и сопровождающих их оперативных работников. Кроме того, к работе были привлечены некоторые резиденты и агенты госбезопасности из приграничных районов. В общей сложности, на конец 1949 г. их было 44 чел.⁶² Вербовались для этого и информаторы, часть из которых оказалась двойными агентами, служившими одновременно и в болгарской, и югославской разведках. В результате доносов в этот период в ряде мест югославскими властями были проведены аресты сторонников Коминформа.

В справке ЦК БКП были подробно описаны формы и способы переброски и распространения материалов. Переброска проводилась дважды в месяц и осуществлялась по всему периметру границы путем нелегального ее перехода курьерами и доставки материалов в засекреченные места. Часто материалы перевозились спрятанными в багаже или сене на крестьянских телегах. Они передавались близким и проверенным людям лично в руки, а часть пряталась в определенных тайниках, а затем попадала сторонникам Информбюро для дальнейшего распространения. Часть печатных материалов распространялась прямо на дорогах, часть, как правило, небольшая, заранее запаковывалась в конверты и, адресованная известным людям, опускалась в почтовые ящики или в почтовые вагоны уже на югославской территории. Большая часть материалов распространялась в приграничных и близких к границе селах, но были случаи, когда материалы попадали в ближайшие города и даже на шахты, находившиеся недалеко от границы, например, шахты «Вучи дол», «Бор» и др.

В целом же до декабря 1949 г. из Болгарии материалы на югославскую территорию перебрасывались 12 раз, в том числе газета

«За социалистическую Югославию» (с 1 по 6 номер включительно) — 16 тыс. экз.; газета «Напред» (с 1 по 6 номер включительно) — 18 650 экз.; газета «Нова борба» (13 номеров) — 500 экз.; газета «Под знаменем интернационализма» — 2 600 экз. Кроме того, было распространено 129 900 экз. брошюр и карикатур. Нужно отметить, что карикатурам на деятелей КПЮ придавалось особое значение как средству наглядной агитации. В среднем за одну перевозку доставлялось около 10 тыс. экз. газет и брошюр⁶³.

На рубеже 40—50-х годов в Болгарии в рамках национальных спецслужб были проведены операции по подрывной деятельности против Югославии. Операции получили кодовое название «Звезда» и «Стрела». При этом в отличие от «Звезды», занимавшейся только заброской и распространением литературы, операция «Стрела» включала в себя более широкий диапазон действий: установление связей со сторонниками Коминформа и сбором информации⁶⁴. Данные в целом об этих операциях отсутствуют. Известно лишь, что за период с 20 июня по 20 октября 1953 г. по линии «Звезды» была проведена 21 заброска 52 югославских эмигрантов через 13 пунктов на болгаро-югославской границе. Ими было распространено 62 300 экз. газет и 29 050 экз. прочих материалов (листовок, брошюр, карикатур)⁶⁵. Расчеты показывают, что всего было распространено 91 300 экз. печатной продукции. Однако основное количество литературы было заброшено в радиусе 5—10 км от границы и лишь небольшая часть — на расстоянии 15—20 км. В трех случаях группы были обнаружены и обстреляны югославскими пограничниками. В одной из перестрелок один человек был легко ранен.

При проведении операции «Стрела» одна из групп была обнаружена югославами. Завязалась перестрелка, в ходе которой были ранены два полицейских. На следующий день был убит один югославский политэмигрант, а другой вернулся в Болгарию. Между тем, как отмечалось в отчете, подписанном начальником болгарской службы по проведению оперативных мероприятий П.Докузовым, при заброске групп югославских эмигрантов организаторы мероприятий столкнулись с определенными трудностями, возникавшими как внутри самих групп, так и в условиях их работы. Это было связано, прежде всего, с усложнившейся для такого рода деятельности обстановкой в самой Югославии, где режим И.Тито укреплялся и ужесточал внутреннюю политику, а также увеличением почти втрое количества югославских пограничников. Имело место и отсутствие должной «выдержки и чувства ответственности» у самих участников операций, которые «при первых же встречающихся трудностях впадают в панику и возвращаются обратно»⁶⁶.

Наиболее мощным аппаратом по распространению антититовской литературы располагала РРП. Из Румынии антититовская литература перебрасывалась в Югославию по каналам Румынской рабочей партии и, отчасти, через местное сербское население в пограничных с Югославией районах. Выступая на заседании сек-

ретариата Коминформа в апреле 1950 г., Г.Георгиу-Деж объявил о принимаемых мерах по обеспечению организационно-политической и агитационно-пропагандистской безопасности румынской границы: ЦК РРП укрепил кадровый состав местных парторганизаций благонадежными людьми, усилил партийную пропаганду и агитацию среди сербского и хорватского населения пограничных районов Румынии с целью превращения его в «активную боевую силу», направленную против «фашистской банды» Тито, создал в системе книгоиздательства специальный отдел по подготовке антититовской литературы на сербском языке, в том числе документов Коминформа, предпринял меры на румыно-югославской границе по обеспечению государственного суверенитета и безопасности Румынии, предотвратив ряд попыток забросить «титовских агентов» на румынскую территорию⁶⁷. ЦК румынской партии в июле 1951 г. обсудил вопрос о мерах по улучшению распространения антититовской литературы в Югославии. Секретариат ЦК РРП принял специальное решение об организации постоянных и устойчивых каналов связи для распространения газет, брошюр и листовок внутри Югославии. Для руководства всей подрывной деятельностью против Югославии была создана группа работников во главе с В.Мурешану, кандидатура которого была утверждена ЦК партии. Работу группы курировал один из секретарей ЦК РРП⁶⁸.

Значительное место среди мер антиюгославской направленности занимала радиопропаганда, которая, помимо СССР, велась с территории ряда восточно-европейских стран — Польши, Чехословакии, Венгрии, Болгарии. Как уже отмечалось выше, в Румынии был создан специальный центр для организации радиовещания на Югославию. 31 мая 1950 г. заместитель министра иностранных дел Румынии Г.Преотяса сообщил в Москву, что радиокomitee при Совете министров дал свое принципиальное согласие также и на проведение ретрансляций советских передач на Югославию через брашовскую средневолновую радиостанцию. Как подчеркнул Г.Преотяса, «радиокomitee РНР в интересах дела готов предоставить для ретрансляции советских передач любое время суток и производить ее с такой румынской станции, которая будет наиболее эффективной в передаче на Югославию». Он также проинформировал советское правительство о том, что председатель румынского радиокomitee М.Сокор высказал пожелание, чтобы в целях уточнения всех вопросов, связанных с ретрансляцией, выделить дополнительную группу специалистов⁶⁹.

После третьего совещания Коминформа антиюгославская пропаганда через эфир систематически нарастала и приняла массивный характер. По данным, представленным югославскими журналистами, еженедельная общая продолжительность антиюгославских передач из Москвы и столиц восточно-европейских стран на сербо-хорватском и других языках народов Югославии равнялась в 1948 г. 37 часам 35 минутам. В следующем году она возросла до 74 часов и 15 минут, а в 1950 г. — до 144 часов и 35 минут. Толь-

ко советские радиостанции передавали в 1950 г. на 17 часов 55 минут больше антиюгославского материала, чем все коминформовские радиостанции вместе взятые в 1948 г.

За это же время увеличилось также количество волн, направленных на Югославию, вводились в строй новые радиостанции вблизи югославской границы, например, в Тимишоаре. Было усовершенствовано оборудование московской радиостанции, вещавшей на Югославию. Она стала транслировать 12 передач на языках народов Югославии в общей сложности по 6 часов ежедневно⁷⁰.

Передачи пражской радиостанции наращивали продолжительность своей работы. В 1948 г. она длилась 5 часов 15 минут в неделю, в 1949 г. — 14 часов, а в 1950 г. — 33 часа 15 минут. В 1951 г. пражское радио ежедневно транслировало 8 антиюгославских передач на языках народов Югославии, которые работали на Югославию в общей сложности 35 часов в неделю.

Варшавская радиостанция в 1951 г. транслировала еженедельно на Югославию 6 передач, которые в общей сложности продолжались три часа. Будапештское радио готовило шесть передач, которые продолжались 2 часа 15 минут. Бухарестское радио — также шесть передач, продолжавшихся два с половиной часа. К этому нужно добавить и 5 передач софийского радио на языках народов Югославии, которые продолжались 2 часа 15 минут и передачи тиранского радио продолжительностью около получаса.

Кроме того, в Москве была организована радиостанция югославских политэмигрантов, которая ежедневно транслировала 6 передач общей продолжительностью 2 часа. В целом антиюгославские передачи составляли 23 часа 30 минут в сутки. В любое время дня, а особенно вечером, — писал центральный орган КПЮ газета "Борба" 30 сентября 1951 г., — достаточно повернуть стрелку на шкале радиоприемника, и она всегда попадет на какую-нибудь станцию коминформовских стран, которая передает сообщения на нашем (т.е. сербско-хорватском. — *Авт.*) языке»⁷¹. Призывы к восстанию, агрессивность и угрозы в адрес Югославии и его руководства югославская печать расценивала как нарушение основных принципов ООН, как «агрессию через эфир с территории СССР и его сателлитов (имелась в виду работа радиостанций Москвы, Праги, Варшавы, Будапешта, Бухареста, Софии, Тираны. — *Авт.*)»⁷².

Целью этих передач была дезинформация югославского общества, антититовская пропаганда и воздействие на настроения населения в нужном для Коминформа направлении. Для лучшего усвоения слушателями многие коминформовские передачи транслировались по несколько раз в день. Всего с 1 ноября 1950 г. до 1 июля 1951 г., т.е. в течение 242 дней, радиостанции коминформовских стран передали 4153 антиюгославских сообщения. Общая длительность этих передач составила за этот период 2586 часов⁷³.

Помимо радиопередач на языках народов Югославии, были подключены к системе вещания на эту страну и московские радиостанции, работавшие на иностранных языках (английском,

французском, немецком, испанском), вешавшие на страны Западной Европы. Кроме советского радицентра, в этом направлении работали радиостанции Восточного Берлина, радиостанция «Свободная Греция» и т.д. Всего же действовало около 10 таких радиостанций, которые среди прочего пропагандистского материала, адресованного западно-европейским слушателям, передавали сообщения и комментарии антиюгославского характера. Но, как отмечал корреспондент белградской газеты «Борба», хотя радиопередачи на Западную Европу носили более мягкий характер, чем на внутриюгославское потребление, и в них отсутствовала «вульгарная клевета и угрозы», которыми было наполнено радиовещание на Югославию, тем не менее дезинформация, ложное изображение действительности присутствовали в максимальной мере и в этих передачах⁷⁴.

Таким образом, с конца 1949 г. и в связи со стремлением Кремля создать в Югославии подпольные центры сторонников Информбюро, а в перспективе — новую антититовскую коммунистическую партию, была резко активизирована деятельность средств массовой информации стран советского блока, а также и югославской эмиграции. Заметно возросло распространение нелегальными путями антититовской литературы на территории Югославии, усилилась антиюгославская пропаганда через радиоэфир.

Закономерен вопрос, какова была степень воздействия на население этой разнообразной по форме антититовской пропаганды извне? Влияла ли она на общественные настроения в Югославии?

Ответить на эти вопросы достаточно сложно из-за отсутствия необходимых конкретно-исторических материалов, не говоря уже о социологических обследованиях, которые в социалистических странах в те годы не проводились. Данные же спецслужб остаются до сих пор недоступными для ученых. Тем не менее, опираясь на документы российских архивов, можно сделать некоторые выводы. Прежде всего, антититовская пропаганда имела своих заинтересованных потребителей в Югославии. В архивных материалах Коминформа зафиксирован ряд фактов «обратной связи» этой структуры со своими сторонниками в Югославии. «Пробейте канал, — обращался один из читателей газеты югославской эмиграции "Нова Борба", выходявшей в Праге с сентября 1948 г., — по которому регулярно высылайте эту газету. Здесь такие вещи размножаются и распространяются»⁷⁵.

И все же можно предположить, что общая эффективность антититовской пропаганды была весьма ограниченной. В упомянутой выше справке ЦК БКП в Москву от 29 декабря 1949 г. отмечалось, что «переброшенные на югославскую территорию пропагандистские материалы распространяются на небольшую глубину, поэтому они не играют должной роли по разоблачению политики титовской клики»⁷⁶.

В информации, направленной 28 января 1950 г. международным отделом ЦК ПОРП В.Г.Григорьяну, отмечалось, что редакция

польского радиовещания на Югославию, начавшая вести свои передачи на сербско-хорватском языке с октября 1949 г., «письма от радиослушателей не получала». Тем не менее в редакции считали, что «на основе нашей информации имеются некоторые доказательства, что наши радиопередачи слушают в Югославии. Однако мы не в состоянии на сегодняшний день определить их действительность»⁷⁷. Об отсутствии необходимой информации из Югославии, по которой можно было бы судить о размахе борьбы внутри страны против режима Тито и ее эффективности, писал также в своей записке В.М.Молотову заведующий IV европейским отделом МИД СССР М.В.Зимянин 27 мая 1953 г.⁷⁸

Более определенно высказывала свое мнение на этот счет член Политбюро ЦК РРП Анна Паукер. По словам английской депутата, лейбориста Зиллиакуса, со ссылкой на беседу с ней Ч.Пика — посла Великобритании в Югославии, Анна Паукер якобы сказала, что «Сталин никогда не допустил бы, чтобы разногласия с Югославией были опубликованы, если бы предполагал, с какими трудностями он столкнется, т.е. до какой степени югославский народ встанет на сторону Тито...»⁷⁹ Конечно, можно усомниться в достоверности передачи Зиллиакусом разговора Анны Паукер с английским послом, но утверждения Паукер о «степени сплоченности» югославского народа вокруг своего вождя во многом соответствовали действительности. Совершенно очевидно, что ни социальной основы, ни политических причин для свержения режима Тито внутри страны не было. В конечном итоге ожидания Москвы не сбылись. Как писал позднее (в 1954 г.) лидер болгарских коммунистов В.Червенков, «хотя Югославия и оказалась в тяжелом экономическом положении, но надежды на то, что КПЮ заставит своих руководителей признать и исправить допущенные ошибки и выдвинет новых руководителей, не оправдались»⁸⁰.

Как уже отмечалось, высшее политическое руководство Советского Союза, разворачивая антититовскую кампанию, преследовало и более широкие цели: устранить проявления любой самостоятельности и колебаний среди руководства компартий восточно-европейских стран, унифицировать процессы социалистического строительства, создать монолитный блок социалистических государств, спаянных жесткой дисциплиной. Кроме того, антититовская пропаганда, адресованная народам Югославии, должна была обеспечить идеологическое давление на граждан СССР и восточно-европейских стран.

По всей видимости, понимание неэффективности антититовской пропагандистской кампании привело советское руководство к тому, чтобы задействовать другие каналы давления на Югославию. В частности, был ужесточен пограничный режим со стороны соседних стран — Венгрии, Болгарии, Румынии, Албании. Возросло число провокаций и обострились, вплоть до вооруженных столкновений, отношения в пограничных районах. Среди пограничников и мирного населения случались жертвы с обеих сторон. Это дало повод, например Ракоши, просить Москву прислать в

Венгрию дополнительно еще одну дивизию якобы для отпора возможной агрессии со стороны Югославии⁸¹. Югославия в свою очередь обвиняла страны советского блока в постоянных угрозах масштабными маневрами на границах Югославии, росте пограничных инцидентов, создании разведывательной сети, непрекращающейся психологической войне и неутихавшей пропаганде⁸². Некоторые российские исследователи высказывают версию о возможно готовившемся вторжении Советского Союза в Югославию с участием пограничных с ней государств⁸³. Однако имеющиеся в настоящее время в распоряжении исследователей документы из российских архивов не могут подтвердить эту версию. Как пишет российский историк А.С.Аникеев, «существовали ли в действительности подобные планы, может быть, станет известно с открытием российских архивов, содержащих материалы по этим проблемам. Не исключено, что Сталин хотел убрать "клику Тито" руками его соседей, но также, возможно, военные демонстрации на границах Югославии должны были стимулировать "здоровые силы" (по терминологии резолюций Информбюро) внутри страны на антититовской переворот, либо на националистические, сепаратистские выступления в республиках»⁸⁴.

Заметные коррективы в ожесточенную антититовскую и антиюгославскую пропаганду внесла смерть Сталина. Хотя весной 1953 г. в отношении этой страны сохранялась враждебная тональность публикуемых материалов и в целом повторялись формулировки, сложившиеся в предшествующий период в рамках Коминформа и ЦК ВКП(б), в секретных документах МИД СССР появились новые нюансы. Подтверждением этого может служить уже упомянутая выше записка М.В.Зимянина от 27 мая 1953 г., направленная В.М.Молотову. В ней автор весьма осторожно писал о возможной перспективе «некоторой нормализации отношений между странами народной демократии и Югославией»⁸⁵. Как показывают документы архивов, признаком зарождающейся новой линии в отношении Югославии стало снижение накала антиюгославской пропаганды. 18 мая 1953 г. сотрудник центрального аппарата МИД СССР В.И.Кирсанов сообщил главному редактору газеты «За прочный мир, за народную демократию!» М.Б.Митину о фактах свертывания антиюгославской пропаганды в Румынии⁸⁶.

Документы свидетельствуют, что постепенно и в других странах Восточной Европы стали проявляться тенденции к ослаблению давления на Югославию и к изменению межгосударственных отношений с этой страной. Например, на заседании политбюро ЦК БКП 13 августа 1953 г. в повестку дня по инициативе лидера партии В.Червенкова был включен вопрос об установлении дипломатических связей с Югославией, принятые решения в печати «поддерживать умеренный тон в отношении Югославии, не отказываясь от прежних принципиальных отношений»⁸⁷. Это были пока еще слабые, но весьма показательные сигналы к изменению ситуации. Однако на этом этапе отношения СССР и стран совет-

ского блока с Югославией строились как с капиталистической страной. Показательным являлся, например, тот факт, что режим поведения югославских дипломатов в восточно-европейских странах, в частности, в Болгарии, приравнялся к нормам, установленным для дипломатов капиталистических стран⁸⁸. Процесс нормализации отношений затянулся на несколько лет, но пропагандистское давление на эту страну явно шло на убыль.

Таким образом, антиюгославская, а точнее, антититовская пропаганда являлась одной из важнейших составляющих внешнеполитического курса Москвы на протяжении 1948—1953 гг. Главными задачами в агитационно-пропагандистской кампании были дискредитация югославского руководства, усиление антититовских настроений внутри страны и на международной арене с целью смещения лидера КПЮ. Однако огромные усилия организационного и материального порядка, направленные на расширение антиюгославской пропаганды через средства массовой информации, на создание каналов заброски литературы на территорию Югославии и использование с этой целью югославской политической эмиграции, тем не менее, не принесли главного результата — свергнуть руководство КПЮ не удалось.

Как показывают документы, первоначально державшийся в тайне от общественного мнения советско-югославский конфликт, после второго совещания Коминформа (июнь 1948 г.) вырвался наружу, а после третьего совещания Коминформа (ноябрь 1949 г.) вылился в настоящую информационную войну против Югославии. Развернув пропагандистскую борьбу с «титоизмом», в Москве преследовали и более широкие цели — окончательно ликвидировать реформаторские тенденции в коммунистическом движении стран региона, установить абсолютный контроль за руководителями компартий Восточной Европы, унифицировать пути строительства социализма на основе советской модели, ускорить процесс создания военно-политического блока на Востоке континента.

Антиюгославская кампания имела также четкую внутривнутриполитическую заданность — создать в общественном мнении каждой из стран образ «внутреннего и внешнего врага», столь необходимый для обоснования массовых репрессий и судебных процессов.

Для руководства компартий, где преобладающими стали позиции ортодоксов, антиюгославская кампания позволила ужесточить контроль за содержанием средств массовой информации и превратить их в послушный политический инструмент.

Что касается последствий этой кампании для руководства КПЮ и подавляющей части югославского общества, то ее эффект был прямо противоположен тому, что задумывали в Москве: влияние Тито, как руководителя партии и государства возросло, а атмосфера «осажденной крепости» позволила ему использовать против сторонников Коминформа (или признававшихся таковыми) весь нарабатанный в СССР арсенал репрессивно-административных мер.

- ¹ См. подр.: Адибеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994; Аникеев А.С. Противостояние СССР—США в Юго-Восточной Европе и советско-югославский конфликт 1948 г. // Советская внешняя политика в годы холодной войны (1945—1985). Новое прочтение. М., 1995; Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик?.. Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000; Волокитина Т.В. «Холодная война» и социал-демократия в Восточной Европе. 1944—1948. М., 1998; Гибианский Л.Я. Как возник Коминформ. По новым архивным материалам // Новая и новейшая история. 1993. № 4; Он же. Коминформ в действии. 1947—1948 гг. По архивным документам // Новая и новейшая история. 1996. № 1—2; Гиренко Ю.С. Сталин—Тито. М., 1991; Сопещения Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998; Volokitina T. Povodom 50 godišnjice početka sovjetsko-jugoslavenskog konflikta 1948. godine // 1948. Jugoslavija i Kominform. Pedeset godina kasnije. Beograd, 1998; Дедијер В. Јосип Броз Тито: Прилози за биографију. Београд, 1953; Kardelj E. Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije 1944—1957. Sećanja. Ljubljana-Beograd. 1980; Ulam A. Titoism and Cominform. Cambridge. (Mass.). 1952.
- ² Гиренко Ю.С. Сталин—Тито. С. 332—340; Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик?.. С. 220—222, 225—228.
- ³ См. подробнее: Волокитина Т.В. Сталин и смена стратегического курса Кремля в конце 40-х годов: От компромиссов к конфронтации // Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. М., 1999. С. 10—22; Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Создание концлагеря // Советское общество, возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997. С. 7—50; Muraschko G., Noskowa A., Wolokitina T. Das ZK der WKP(b) und das Ende der Konzeption der nationalen Wege zum Sozialismus // Jahrbuch für historische Kuminismusforschung. 1994.
- ⁴ Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 351—372; Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик?.. С. 236—237.
- ⁵ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. Т. 1. 1944—1948. М.; Новосибирск. 1997. С. 787.
- ⁶ Там же. С. 788, 790.
- ⁷ Там же. С. 799—800.
- ⁸ Гибианский Л.Я. От первого ко второму совещанию Коминформа // Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. С. 365.
- ⁹ Там же. С. 369—370.
- ¹⁰ Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 898—899.
- ¹¹ Гибианский Л.Я. От первого ко второму совещанию Коминформа. С. 373.
- ¹² Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 899.
- ¹³ См.: Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 891—897; Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. Документы. Т. 1. 1944—1948. М., 1999. С. 589—618.
- ¹⁴ Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 897.

- 15 См.: Волокитина Т.В. «Холодная война» и социал-демократия в Восточной Европе... С. 74.
- 16 См.: Протокол второго совещания Коминформа // Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. С. 407—447, 460—461.
- 17 Цит. по: Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 389.
- 18 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 360. Л. 14—15.
- 19 Волокитина Т.В. «Холодная война» и социал-демократия в Восточной Европе... С. 78; Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 391.
- 20 Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 387—388.
- 21 Адиебеков Г.М. Указ. соч. С. 88.
- 22 Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 387, 292—293.
- 23 Понс С. Сумерки Коминформа // Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. С. 398.
- 24 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 33. П. 135. Д. 16. Л. 84—85.
- 25 Там же.
- 26 Там же. Д. 15. П. 134. Л. 14.
- 27 Там же.
- 28 Там же. Л. 78, 82.
- 29 Там же. П. 135. Д. 16. Л. 90.
- 30 Там же. П. 134. Д. 15. Л. 91.
- 31 Там же. Л. 243—244.
- 32 Правда. 8 сентября 1948 г.
- 33 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 62. Л. 131—132.
- 34 Там же. Д. 76. Л. 150.
- 35 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 33. П. 134. Д. 15. Л. 94, 95; Оп. 32г. Д. 8. П. 155. Л. 94.
- 36 Там же. Л. 15, 84, 199—200.
- 37 Там же. Л. 14, 80.
- 38 Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. 1944—1948. С. 623—624.
- 39 См. подробнее: Адиебеков Г.М. Указ. соч. С. 150—151.
- 40 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 69. Л. 116, 141—142, 207.
- 41 Там же. Д. 56. Л. 76—83.
- 42 Volokitina T. Povodom 50-godišnjice početka sovjetsko-jugoslovenskog konflikta. 1948... S. 174.
- 43 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 68. Л. 72.
- 44 Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. Т. II. 1948—1953. М.; Новосибирск. 1998. С. 90—91.
- 45 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 125—126.
- 46 Адиебеков Г.М. Указ. соч. С. 139.
- 47 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 117. Л. 89—90.
- 48 Там же. Д. 154. Л. 22.
- 49 Там же. Д. 76. Л. 146.
- 50 Там же. Л. 149.

- 51 Там же.
- 52 Протокол третьего совещания Коминформа // Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. С. 629—642, 631.
- 53 См.: Гибианский Л.Я. Коминформ в зените активности // Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. С. 535, 701—704.
- 54 Адибеков Г.М. Указ. соч. С. 152; Восточная Европа в документах... Т. II. 1948—1953. С. 395.
- 55 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 44—46.
- 56 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 734—736.
- 57 Там же. С. 591.
- 58 Там же. С. 592—595.
- 59 Там же. С. 594.
- 60 Там же.
- 61 Там же. С. 593—594.
- 62 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 117. Л. 322. 324.
- 63 Там же. Л. 322—323.
- 64 Там же. Д. 287. Л. 108—111.
- 65 Там же. Л. 112.
- 66 Там же. Л. 111.
- 67 Адибеков Г.М. Указ. соч. С. 152—153.
- 68 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 594.
- 69 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 22. Д. 413. Л. 51.
- 70 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 213. Л. 161.
- 71 Там же. Л. 162—163.
- 72 Там же. Л. 161.
- 73 Там же. Л. 164.
- 74 Там же.
- 75 Там же. Д. 69. Л. 207.
- 76 Там же. Д. 117. Л. 32.
- 77 Там же. Д. 154. Л. 24.
- 78 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 909.
- 79 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 394. Л. 1.
- 80 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 288. Л. 208.
- 81 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 293. Л. 75.
- 82 См.: Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 398.
- 83 Аникеев А.С. Противостояние СССР—США в Юго-Восточной Европе и советско-югославский конфликт 1948 года. С. 141—142.
- 84 Там же. С. 142.
- 85 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 913.
- 86 Там же. С. 902—903.
- 87 Там же. С. 903.
- 88 Там же.

3. ИНФОРМАЦИОННАЯ БЛОКАДА РЕГИОНА: МЕХАНИЗМЫ ДЕЙСТВИЯ

Документы российских архивов показывают, что в рассматриваемый период были сформированы и приведены в действие разнообразные механизмы обеспечения информационной блокады. К ним следует отнести, в первую очередь, такие как цензура, глушение радиопередач, ограничение и затем пресечение контактов и связей как личных, так и производственных с гражданами и представительствами прежде всего западных стран, запрещение въезда и свободного передвижения иностранцев по территории, максимально жесткое ограничение возможностей их общения с гражданами стран региона, закрытие границ и т.п. В этой широкой системе запретительных мер первостепенное значение отводилось политической цензуре, как одному из важнейших инструментов идеологического контроля, борьбы с инакомыслием и средству формирования общественного мнения в нужном для компартий и партийно-государственного аппарата идейно-политическом направлении. Следует подчеркнуть, и это было показано выше, что процесс возникновения института цензуры, как одного из важнейших и результативных инструментов воздействия и контроля за общественным сознанием и настроениями в странах Восточной Европы пришелся еще на этап борьбы коммунистических партий за монополию власти. Он осуществлялся с использованием опыта деятельности советского Главлита (Главного управления по делам литературы и издательств), созданного еще в 1922 г., который был безоговорочно воспринят органами цензуры, а цели и задачи цензурной политики РКП—ВКП(б) полностью воспроизведены компартиями восточно-европейских стран. Определяя роль цензуры, советский Главлит в одной из своих первых инструкций дал весьма исчерпывающую характеристику ее сути и целевых установок для цензурных органов: «Цензура является для нас орудием противодействия растлевающему влиянию буржуазной идеологии»¹.

Становление института цензуры в странах Восточной Европы происходило в условиях постепенно нарастающей конфронтации СССР с Западом и ужесточения цензурного режима в СССР. В особенности это касалось контроля за выходом советской информации из СССР, предназначенной для заграницы, и информации, передаваемой иностранными корреспондентами как из СССР, так и из стран советского блока на Запад.

Сразу после окончания войны, в обстановке сформированной совместной победой СССР и западных держав, Советское правительство осенью 1945 г. отменило цензуру на материалы иностранных корреспондентов, аккредитованных в Москве, которые до этого в обязательном порядке цензурировались. Это привело не только к расширению объема поступающей на Запад информации об СССР, но и появлению в западной печати негативных публикаций о внутренней ситуации в стране и «закулисных интригах» в высших эшелонах советского руководства. Вскоре по личной иници-

циативе Сталина цензура на иностранную корреспонденцию была вновь возобновлена².

В Отделе пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) был образован сектор внешнеполитической пропаганды, а с 1946 г. внешнеполитическая пропаганда на зарубежные страны стала одной из центральных задач и отдела внешней политики ЦК ВКП(б)³.

Кроме того, решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 февраля 1946 г. непосредственный контроль за информацией, направляемой иностранными корреспондентами из СССР, был возложен на Главного уполномоченного Совнаркома по охране военных и государственных тайн в печати. Эта структура, созданная еще в 1933 г. и находившаяся первоначально в ведении отдела печати Наркоминдела СССР, в 1946 г. была переименована в «Управление Совета министров по охране военных и государственных тайн в печати» и работала в тесном контакте с органами госбезопасности. Причем, если Главлит занимался обеспечением цензуры в открытой печати, то для охраны секретной информации (а масштабы этой информации могли расширяться до невероятных размеров) и создавалась структура Главного уполномоченного Совета министров по охране военных и государственных тайн. Как правило, руководство Главлитом и управлением Главного уполномоченного по охране военных и государственных тайн в печати сосредотачивалось в одних руках, что подчеркивало неразрывную связь и тонкую грань между контролем за открытой и закрытой информацией. До февраля 1946 г. эту должность занимал Н.Г.Садчиков, а с 25 февраля 1946 г. К.К.Омельченко. К постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) «О цензорном контроле над информацией, направляемой из СССР иностранными корреспондентами», прилагалась подробная инструкция, в которой определялись задачи и функции Главного уполномоченного по охране военных и государственных тайн. В ней говорилось:

«1. Все телеграммы и радиотелефонограммы, передаваемые из СССР за границу иностранными корреспондентами, подлежат цензорному контролю Уполномоченного Совнаркома СССР по охране военных и государственных тайн в печати.

2. Цензорный контроль над информацией иностранных корреспондентов осуществляется Уполномоченным СНК СССР по охране военных и государственных тайн в печати, его заместителем по вопросам контроля над информацией для заграницы и создаваемым для этой цели отделом цензорного контроля над информацией иностранных корреспондентов»⁴. Кроме того, Уполномоченный по охране военных и государственных тайн в печати должен был обеспечить строгий контроль над всей информацией, предназначенной для заграницы. В первую очередь это касалось информации, шедшей на западные страны, но в значительной степени касалось и информации, передаваемой вообще за пределы страны.

Запрещалась передача «материалов, в которых разглашались военные, экономические и другие тайны СССР, сообщений ино-

странных корреспондентов, содержащих выпады против СССР и измышления в отношении его государственных деятелей; информации, дающей извращенное освещение советской политики и жизни Советского Союза, и всех других материалов, которые могли бы нанести ущерб государственным интересам СССР». В задачи Главного уполномоченного по охране военных и государственных тайн входило также изъятие уже опубликованных книг, статей, брошюр, которые по идеологическим и конъюнктурным политическим моментам считались в тот период вредными или враждебными. В разряд такой печатной продукции попадали не только работы репрессированных политических и общественных деятелей, но и значительное количество произведений литературы и искусства⁵.

В октябре 1948 г. Совет министров СССР принял «Положение о порядке осуществления контроля над вывозом за границу и ввозом в СССР произведений печати, изопродукции и предметов искусства», введившее строгий контроль и цензурирование всей печатной продукции, направляемой за границу или ввозимой оттуда. В организации, ведавшие обменом книг, прессы и произведений искусств с заграницей, поступали указания из ЦК ВКП(б) о необходимости систематического контроля за подобного рода обменом. Как отмечает российский исследователь А.С.Стыкалин, «контроль Главлита был всеобъемлющим. Через него проходили не только книги, периодические издания, но и кинофильмы, материалы фотовыставок, почтовые марки, музыкальные партитуры, репродукции картин, эскизы театральных костюмов, архитектурные проекты и т.д.»⁶

В аппарате Главного уполномоченного постоянно составлялись и обновлялись списки запрещенных книг, которые изымались из общественного пользования, прежде всего из библиотек. Часть из этих книг направлялась в закрытые отделы специального хранения и становилась недоступной для основной массы читателей, часть уничтожалась.

Установление в конце 40-х годов монополии власти коммунистических партий в странах региона ускорило процесс ужесточения цензуры, потребовало перестройки и расширения ее организационных структур и их форм деятельности, ориентированных на выполнение целевых идеологических установок компартий. Как считает, например, чешский историк К.Каплан «цензура в Чехословакии, осуществляемая Главным управлением контроля за печатью, была одним из инструментов реализации идеологической монополии компартии. Она была необходимым условием функционирования коммунистического режима и обеспечения его стабильности»⁷.

Цензурные ведомства, аналогичные действовавшему в Советском Союзе Управлению главного уполномоченного Совета министров СССР, к концу 40 — началу 50-х годов были организованы почти во всех странах Восточной Европы.

Анализ документов российских архивов показывает, что оформление в 1948—1949 г. агитационно-пропагандистских структур компартий региона, основной целью которых было идеологическое воздействие на массы и проведенная реорганизация цензурных учреждений, действовавших на предыдущих этапах послевоенного развития восточно-европейских стран, шли в рамках единого процесса.

В декабре 1948 г. во главе отдела ЦК ПОРП, занимавшегося вопросами пропаганды, был поставлен один из членов узкого партийного руководства Я.Берман — ортодоксальный идеолог партии. Одновременно Главное управление контроля за прессой, публикациями и представлениями при правительстве Польши стал возглавлять коммунист с довоенным стажем А.Бида, в подчинении которого находились воеводские цензурные управления.

1949 г. прошел в Польше, как и в других странах Восточной Европы, под знаком резкого ужесточения политического режима, идеологическим обоснованием чего служил тезис обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Одним из проявлений этого ужесточения стало усиление цензуры.

На общепольском совещании воеводских структур Главного управления контроля за прессой, состоявшемся 11 декабря 1949 г., А.Бида, определяя задачи, стоявшие перед местными цензурными управлениями, заявил: «...Наши управления являются инструментом, контрольным органом над печатным и устным словом в стране, где идет и будет идти острая классовая борьба с реакцией, с агентами союзной с ней международной реакции, с их идеологическим наследием, с космополитизмом, идеализацией Запада и так называемой западной культурой, наукой и искусством, цивилизацией и демократией, с различными видами идеологических диверсий, организованных перед нашими глазами, в наших типографиях, на нашей бумаге поддавшимися этой реакции, проданной американскому империализму ватиканской иерархией в Польше». Осудив подведомственные структуры «за невиданный либерализм, терпимость в отношении допущенных ошибок», обвинив их «в отрыве деятельности цензорских работников от идеологии, в слабом руководстве коллектива со стороны партийных ячеек», руководитель Главного управления контроля за прессой пригрозил своим подчиненным (в его подчинении тогда работало 287 сотрудников) радикальной чисткой своего ведомства, избавлением от людей, «не связанных с нашим политическим лагерем».

Результаты не замедлили проявиться: в I-м квартале 1950 г. столичный отдел по контролю за печатью усомнился в целесообразности публикации 650 изданий, причем 20% из них были полностью конфискованы. В последующих кварталах этого года количество таковых возрастало: во II-м квартале их насчитывалось 750, в октябре — уже 800, а в декабре — 1000, причем 20—25% из общего числа изъятых изданий было конфисковано⁸. Главное управление по контролю за прессой в повседневной своей работе руководствовалось инструкциями, которые вырабатывались совместно

с партийными инстанциями. При этом цензура, констатируют польские исследователи, стояла не только на защите интересов государства, но и власти ПОРП⁹, что является одним из знаковых признаков тоталитаризма.

После подавление либерально-демократической оппозиции в стране и поглощения социалистического движения компартией главным и сильным противником ПОРП на идеологическом «поле» в борьбе за общественное сознание, за насаждение коммунистического мировоззрения как моноидеологии осталась церковь, прежде всего римско-католическая. Имея многовековые традиции и почти абсолютное господство среди польского населения страны, она была, безусловно, господствовавшей конфессией. В первые послевоенные годы новая власть, где лидировали коммунисты, и высшие католические иерархи внешне занимали позиции осторожного и выжидательного нейтралитета при остром неприятии друг друга как факторов общественной жизни. В 1949 г. ситуация изменилась. Произошло резкое обострение отношений ПОРП и католического епископата. Партийное руководство сделало попытку парализовать или по меньшей мере ограничить влияние католицизма. С этой целью были в полной мере задействованы возможности цензуры. В августе 1949 г. партийно-государственное руководство приняло решение по блокированию сведений о проклятии папы Пия XII, наложенном на коммунистов*.

А.Бида в связи с этим дал распоряжение органам цензуры требовать соответствующего политике партии освещения в печати причин и целей политики польского епископата, раскрывать его зависимость от Ватикана, антигосударственную суть политики последнего. По поручению А.Биды в типографии были направлены специальные контролеры, которые должны были выявлять работы, не соответствующие этим установкам, и накладывать на их публикацию запрет.

Тем не менее результаты проверки цензорами работы редакций газет, журналов и книжной продукции, по мнению руководства польского Управления по контролю за печатью, были признаны неудовлетворительными. «Наш цензорный актив, — отмечал А.Бида, — работает в отрыве от партии, от идеологии... от местных партийных организаций, деятельность которых отодвинута на второй план». Он снова настаивал на проведении политической чистки в цензорных учреждениях. Подобного рода действия руководства польского управления по печати приводили к ужесточению цензуры, расширению тиражей политически конъюнктурных работ и резкому сужению возможностей для независимых публикаций. Пик этой политики пришелся на 1951—1953 гг., когда в связи с ускорением темпов индустриализации в стране проявились серьез-

* Имеется в виду специальный декрет Ватикана от 1 июля 1949 г., содержащий угрозу отлучения от церкви всех, кто сознательно и добровольно поддерживал коммунистов.

ные экономические трудности: плохое снабжение населения продовольствием, рост цен на продукты питания, очереди в магазинах, карточки и т.д. Именно в эти годы партийная пресса активно подключилась к пропаганде политики компартии: поиск внутреннего и внешнего врага, с одной стороны, и выдача авансов на будущее — с другой, во имя убеждения основной массы населения, в том, что они «строят новый мир» и их ждет «светлое завтра». Как пишут польские исследователи «бедность, тяготы повседневной жизни должны были быть прикрыты верой в светлое будущее»¹⁰.

Нарастание цензурного пресса имело место и в Болгарии, где еще в 1948 г. была введена государственная монополия на книгоиздание и кинематографию. С 1 января 1948 г. начал действовать Комитет по науке, искусству и культуре (КНИК), который возглавил член Политбюро ЦК БКП В.Червенков. 25 марта 1948 г. был принят закон о монополии болгарского государства, а по сути БКП, на радиовещание и кинематографию, а 24 сентября — закон о сохранении государственной тайны¹¹. В 1948 г. в Болгарии действовали 3 центра партийно-государственного контроля, которые наблюдали за творчеством деятелей литературы, культуры и искусства и давали свои оценки их произведениям: агитпром ЦК БКП, КНИК и цензорный отдел МВД. Кроме того, функции цензуры выполняло Управление по делам печати МИД Болгарии.

Таким образом, к 1949 г. в этой стране сложился ряд ведомств во главе с ЦК БКП, осуществлявших цензурные функции. По существу, к этому времени в Болгарии была создана система партийно-государственного контроля в области культуры и издательского дела с целью подчинения интеллектуальной жизни творческих союзов и организаций партийно-государственному руководству, усиления их зависимости от партийной бюрократии. Этот процесс, по мнению болгарской исследовательницы В.Чичовской, развивался в двух основных направлениях: 1. Через проверки, в том числе и анкетные, как прошлых, так и нынешних действий и политической благонадежности членов творческих союзов. 2. Через усиление их материальной зависимости от государства, поскольку от решения, например, КНИК зависело то, какие произведения литературы и искусства могут быть изданы, в каких издательствах и каковы будут суммы причитающихся гонораров. И самое главное, уже в 1948 г. начались репрессивные меры против некоторых творческих деятелей. Прошел, например, первый судебный процесс над деятелями культуры и журналистами, группировавшимися вокруг газеты социал-демократической партии «Свободен народ», однако не за нарушение закона о печати, а за нарушение закона «О защите народной власти», т.е. по обвинению в антигосударственной подрывной деятельности. На этом основании было проведено судебное разбирательство и против самой БРСДП(о), завершившееся ликвидацией этой партии.

Таким образом, уже к концу 40-х годов в Болгарии имело место грубое нарушение прав человека, свободы слова и творческих союзов интеллигенции. По мнению болгарских исследовате-

лей, «материальная зависимость писателей и деятелей культуры от новой власти более даже, чем запреты, способствовала ликвидации творческой свободы». «В Болгарии ушли безвозвратно в прошлое творческие союзы и общества, которые объединяли интеллигенцию по профессиональному пристрастию, а не политическим признакам»¹². Это утверждение болгарской исследовательницы В.Чичовской может быть поддержано с полным основанием.

В 1949 г., после процесса над одним из лидеров компартии Болгарии Тр.Костовым, создание единой системы цензуры стало набирать ускорение. Прежде всего это было связано с расширением масштабов секретности применительно к информации, распространявшейся в стране. В этом болгарская партия была заинтересована. Она во многом по своей инициативе стремилась скопировать советский опыт организации цензуры. Современные болгарские исследователи признают, что болгарские коммунисты «отличались особым усердием и инициативностью по внедрению советских образцов цензуры»¹³.

Созданная на предыдущем этапе дирекция печати, цензурящая публикации, по заявлению ее руководителя В.Топенчарова, также не являлась самостоятельной организацией, а подчинялась министерству иностранных дел и ее министру, члену Политбюро ЦК БКП В.Коларову. Как видно из беседы В.Топенчарова с советским атташе в Болгарии Б.А.Дубенским, состоявшейся 17 февраля 1949 г., цензурная политика в Болгарии базировалась строго на директивах партийно-государственного аппарата. Допускалась лишь публикация материалов конъюнктурного, политически ангажированного характера¹⁴. Руководство цензурной политикой было сконцентрировано в отделе пропаганды и агитации ЦК БКП, откуда исходили указания и инструкции органам цензуры.

По заданию вышестоящих партийных и государственных органов в болгарской печати неоднократно организовывались политически целенаправленные кампании. Так, в феврале—марте 1949 г. ведущие болгарские газеты по приказу дирекции печати МИД НРБ не только опубликовали компрометирующие материалы по «делу» о 15 евангелических священниках, членах верховного совета объединенных евангелических церквей в Болгарии, но и повели идеологическую подготовку будущего судебного процесса. Священников обвинили в антигосударственной деятельности и затем осудили на длительные сроки тюремного заключения¹⁵. Кроме того, в начале 1949 г. с целью воздействия на западное общественное мнение известным болгарским журналистом Андрейчевым была подготовлена на эту тему и переведена на английский язык брошюра, распространявшаяся среди иностранных представителей в Болгарии.

Показательно, что авторы статей, содержавших явно фальсифицированные материалы, часто печатались под псевдонимами, иногда даже чужими. Так, журналист Андрейчев опубликовал свои статьи под псевдонимом «Наблюдатель», которым ранее подписывал свои материалы, печатавшийся в центральном органе БКП

В.Топенчаров. Сам В.Топенчаров, который был этим недоволен, не смог объяснить, почему его коллега использовал его псевдоним. Случайность или подлог¹⁶?

Как подчеркивают болгарские исследователи, в частности, В.Чичовска, основными задачами цензуры в Болгарии являлись: ликвидация политического и идейного плюрализма, закрытие оппозиционных или просто самостоятельных газет, обеспечение изоляции Болгарии от западных стран и жесткая ориентация общественного мнения только на СССР и страны восточного блока, с целью поставить под контроль компартии всю общественную жизнь¹⁷.

В конце 40-х годов в Болгарии по решению правительственных органов стали закрываться и подвергаться гонениям не только газеты оппозиции или бывших некоммунистических союзников компартии по Отечественному фронту, как, например, газета «Изгрев», принадлежавшая партии «Звено», но и издания, являвшиеся чисто информационными, как, например, «Новини». В упоминавшейся беседе с советским атташе в Болгарии Б.А.Дубенским В.Топенчаров со ссылкой на редактора газеты «Новини» Т.Стоянова высказался за ликвидацию этой газеты¹⁸.

В отношении же редакции газеты «Изгрев» и ее редактора Г.Кулишева была развернута агрессивная кампания по их дискредитации. Следует отметить, что к этой кампании подключились представители советского дипломатического корпуса. Б.А.Дубенский в своей информации в середине мая 1949 г. в Москву (необходимо отметить, что вся информация советского дипломата была составлена на основе материалов, предоставленных ему руководителем дирекции печати при МИД Болгарии) изображал редакцию газеты «Изгрев» как «гнездо правых звенарей», а Г.Кулишева как «одного из руководителей оппозиционных режимов сил». Он обвинял Г.Кулишева в том, что последний делает «все возможное, чтобы ограничить число советских материалов, публикуемых в газете», стремится «не помещать резких статей против англо-американцев, против Атлантического пакта».

По информации Б.А.Дубенского Г.Кулишев 27 апреля 1949 г. в присутствии всего персонала редакции дал указание не злоупотреблять «нападками» на Запад. Советский дипломат обвинил Г.Кулишева фактически в политической неблагонадежности.

Газета «Изгрев» под руководством Г.Кулишева, по словам Дубенского, «проводит тиражную политику» с тем, чтобы «удовлетворить вкусы обывателя». Подводя итоги, атташе сделал далеко идущие выводы: «Звенари продолжают сопротивление мероприятиям Отечественного фронта во всех отраслях политической, общественной и культурной жизни Болгарии». И немалая роль в этом, как настаивал советский дипломат, принадлежала газете «Изгрев» и ее директору Г.Кулишеву. «Следует иметь в виду, — утверждал Б.А.Дубенский, — что "Изгрев" — одна из самых распространенных газет, и она может сыграть подлую роль, если в ее руководстве останется Кулишев и его сторонники»¹⁹.

Можно предположить, что такого рода сообщения в Москву отражали намерения болгарского руководства. Судьба газеты «Изгрев» и Г.Кулишева была тем самым предрешена. Газета была закрыта, ее редактор лишен возможности печататься и влиять на общественное мнение в Болгарии.

Таким образом, следует констатировать, что инициативы, исходившие от руководящих работников Болгарии, активно поддерживались Москвой, ибо они находились в русле идеолого-политических позиций советского руководства относительно настоящего и будущего некоммунистической печати.

В середине октября 1952 г. Политбюро ЦК БКП была сформирована комиссия по подготовке центрального органа контроля за печатью наподобие советского Главлита.

Вопрос о создании болгарского Главлита после обсуждения на политбюро ЦК БКП был вынесен на заседание Совета министров НРБ, который 20 декабря 1952 г. принял положительное решение. Во главе болгарского Главлита была поставлена Е.Гаврилова, работавшая с 1944 г. в аппарате Отдела пропаганды и агитации ЦК БКП, а с 1948 г. являвшаяся главным секретарем КНИК и пользовавшаяся особым доверием В.Червенкова.

В организации структуры нового органа приняли самое активное участие советские эксперты и советники. Новое учреждение начало работать под непосредственным наблюдением заместителя начальника Главлита СССР В.В.Катышева, который с этой целью специально прибыл в Болгарию, и с его именем нынешние болгарские исследователи связывают введение здесь сталинской модели организации цензуры. При содействии В.В.Катышева была разработана структура болгарского Главлита и определены основные направления его деятельности.

Организация состояла из отделов, выполнявших следующие функции: 1) контроль за центральными софийскими газетами, радиопередачами и фотоинформациями; 2) контроль за выпуском книг, журналов и организацией выставок; 3) контроль за деятельностью библиотек, музеев и т.д.; 4) контроль за работой местных органов печати и т.д., определение их штатов, оплаты сотрудников и выплаты гонораров за публикации книг, статей и т.д.; 5) контроль за ввозом в страну и вывозом из нее печатной продукции, за книгообменом таких крупных учреждений, как Болгарская академия наук или Софийская государственная библиотека²⁰.

В становлении болгарского Главлита болгарские исследователи, в частности В.Чичовска, выделяют два этапа. Первоначально под контроль политредакторов были поставлены центральные ежедневные издания, радиопередачи, вся продукция издательства «Народное просвещение» и три редакции Болгарского телеграфного агентства, работавшие с информацией, идущей за границу и получающие информацию из-за рубежа, а также деятельность Пресс-фото и Прессбюро.

Затем был установлен контроль над такими еженедельными изданиями как «Литературная газета» и «Шершень». Постепенно

цензурой были охвачены все периодические печатные органы и издательства страны. Кроме того, цензура была распространена и на выпуск религиозной литературы.

Перед болгарским Главлитом были поставлены конкретные идеолого-политические задачи. Прежде всего цензура должна была быть направлена на утверждение марксизма-ленинизма во всех сферах национальной жизни, на борьбу с отступлениями от этих принципов и со всякого рода инакомыслием. Речь шла о недопущении всевозможных проявлений «буржуазной идеологии», национализма, шовинизма, космополитизма, расизма, троцкизма, титоизма, «трайчокостовщины» и т.д.

Второй блок задач определялся требованием воспрепятствовать разглашению государственных тайн в прессе и других видах публикаций и информации (радио, издательские публикации, особенно учебники и учебные программы, фотоматериалы, картография и т.д.). В этой связи были разработаны специальные списки, определявшие тематику и сведения, представлявшие, с точки зрения власти, государственную тайну. Причем они касались не только Болгарии, но и других стран советского блока.

Принципы определения материалов, составлявших государственную тайну, а зачастую и сам перечень засекреченных тем и данных, были напрямую заимствованы из опыта СССР. Критерии секретности советского Главлита были непреложным законом как для болгарской цензуры, так и других стран региона. Находившийся в Болгарии Катышев поучал болгарских коллег: «Цензоры не ошибутся, если приостановят какой-либо материал. А разглашение государственной тайны — это тяжкое преступление»²¹. Как правило, такие установки советской стороны вели к введению массы нелепых запретов профессионально слабых болгарских цензоров. Отметим, что засекречивание материалов играло исключительно на руку болгарскому политическому руководству, так как позволяло скрывать как от населения, так и от советского руководства негативные явления в политической и экономической сферах общественной жизни.

Секретными были объявлены не только материалы следствий и политических судебных процессов, данные о деятельности репрессивных органов, местонахождении и числе тюрем и лагерей, трудовых колоний, количестве заключенных и их положении. Строго запрещалось разглашение информации о возможных причинах катастроф и природных катаклизмов, о наличии полезных ископаемых и их залежей, не говоря уже о данных, касающихся вооружений и всей военной сферы, основных статистических показателях развития народного хозяйства, работе высших эшелонов власти и их решениях. Наиболее тщательно засекречивались все материалы о деятельности органов госбезопасности и МВД и т.д.

Как считают болгарские исследователи, каталогизирование, в том числе и вышеперечисленных запретов, секретность как элемент всей системы информации «гарантировали правящей элите определенное спокойствие в обществе, базирующееся на беспра-

вии основной массы граждан и создающее возможность для развертывания репрессий»²².

Как известно, непреложным принципом цензуры в обществе советского типа и одним из важнейших инструментов информационной политики, в частности болгарского руководства, являлась персональная, вплоть до уголовной, ответственность за публикуемые материалы. Поэтому на практике к каждой публикации был фактически прикреплен персональный цензор. Проверка публикуемого материала отмечалась специальной печатью и личным номером цензора. Только после многократных проверок на рукописи появлялась надпись «подписано к печати», при выходе книги из типографии цензор ставил штамп — «допущено к распространению». Если шла речь о передачах по радио, то печать ставилась на окончательном тексте передачи, а материалы, подготовленные для трансляции на границу на иностранных языках, контролировались службами МИД и МВД. Таким образом, создавалась строго централизованная система идеолого-политической цензуры, которая являлась важнейшим элементом насаждения советской модели общественного развития Болгарии.

Одновременно с принятием решения о создании Главлита в декабре 1952 г. была сформирована первая группа политредакторов или цензоров. Все их кандидатуры перед назначением рассматривались на секретариате ЦК БКП и одобрялись лично генеральным секретарем В.Червенковым. При этом, как отмечает В.Чичовска, «доверие партии сочеталось с высокими зарплатами для работников полит[ической] цензуры»²³. Следует подчеркнуть, что при выдвижении на должность политредактора в Болгарии, как и в других странах региона, учитывался не уровень образования и профессиональная компетентность, а прежде всего политические качества, партийный подход, преданность компартии и ее руководителям и т.д. Неудивительно что, как указывалось в одной из справок, подготовленных болгарским Главлитом и посвященных анализу положения с кадрами политредакторов, в качестве недостатков в этой сфере отмечалось отсутствие общей культуры, высшего образования и даже весьма низкая марксистско-ленинская подготовка сотрудников, хотя многие политредакторы приходили на работу в главлит из соответствующих министерств и центральных газет, в том числе «Работническо дело», и из аппарата ЦК БКП. Все это создавало определенную морально-психологическую атмосферу в работе политредакторов, усиливало их полную подчиненность вышестоящему руководству, формировало желание не принимать самостоятельных решений, действовать только в духе инструкций и указаний сверху, установленных схем и догм, постоянно бояться наказаний или потери работы.

В Болгарии, руководство которой вплоть до деталей копировало советский опыт, в больших масштабах проводилось изъятие «вредных», по определению цензора, книг из общественного пользования. В библиотеках создавались фонды специального хранения, доступ к которым имел лишь строго ограниченный круг лиц.

В 1953—1954 гг. в Болгарии была проведена специальная акция по проверке библиотек с целью выявления книг, которые должны быть убраны с библиотечных полок или вообще уничтожены. С этой целью Главлит направил в библиотеки постоянных цензоров, которые и должны были произвести проверку и выборку «вредных» книг.

В этот же период в соответствии с решениями политического руководства Болгарии практически был совершенно прекращен обмен книгами с западными странами, а поступающая из-за рубежа литература подвергалась тщательной цензурной проверке. Цензоры задерживали поступление не только художественной, но и почти всей, включая техническую, литературы, рекламных проспектов, каталогов фирм и т.д. Были закрыты все каналы поступления в страну новой технической информации. Литература, адресованная частным лицам, конфисковывалась и направлялась в МВД или в органы госбезопасности²⁴.

Цензура, являясь одним из инструментов политики установления информационной блокады и средством организации закрытого общества, обеспечивала создание политического режима советского типа не только в Болгарии.

В Чехословакии ситуация в области СМИ вплоть до 1948 г. существенно отличалась от других стран. Чехословакия была единственной страной среди стран восточного блока, где до весны 1948 г., когда была принята новая конституция, было запрещено введение цензуры. Однако партийные органы уже в конце 40-х годов взяли на себя функции цензурирования не только партийной, но и государственной печати. Как уже отмечалось выше, этот процесс усилился накануне и особенно после февральских событий 1948 г. в Чехословакии, когда компартия сконцентрировала в своих руках всю полноту политической власти.

Состоявшийся 24 февраля 1948 г. пленум ЦК КПЧ поручил министру информации коммунисту В.Копецкому и его ведомству предпринять меры по ограничению распространения «реакционной заграничной печати», запрету свободной продажи западных изданий, ликвидации типографий западных центров, находившихся в Чехословакии. В январе 1949 г. в Чехословакии вышел закон, согласно которому частные лица лишались подписки на западную прессу²⁵.

Вопросы управления и контроля за информацией в это время были сосредоточены в отделе печати и лекторском отделе ЦК КПЧ, а в краевом масштабе — в отделах областных комитетов партии. В связи с этим в марте 1948 г. генеральный секретарь ЦК КПЧ Р.Сланский подчеркнул, что главной задачей отдела печати ЦК КПЧ является «формулирование политических директив для печати, руководство деятельностью не только партийной (коммунистической) печати, но и непартийной», т.е. все еще сохранявшейся печати некоммунистических партий и организаций.

В сентябре 1948 г. руководство КПЧ создало совет по культуре, которому было вменено в обязанность обсуждать все вопросы

идеологии, культуры, школьного дела, печати, кинематографии, радио и принимать по этим вопросам принципиальные решения, т.е. компартия сосредоточила в своих руках всю культурную политику в стране. Вскоре после февральских событий 1948 г. начался процесс закрытия некоммунистических изданий, в том числе и католических журналов. Этому способствовала проведенная в 1948 г. перерегистрация газет и журналов. Число еженедельных газет сократилось (в основном за счет закрытия некоммунистических изданий) с 37 газет в 1947 г. до 11 — в 1953 г.²⁶ Как правило, в отличие от публикуемых законов и постановлений по другим вопросам, атака против некоммунистических СМИ шла на основе секретных постановлений министерства информации, политику которого определял ЦК КПЧ.

В январе 1950 г. заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК КПЧ Й.Гендрих в беседе с первым секретарем посольства СССР в Чехословакии П.Г.Крекотенем сообщил, что для улучшения работы печати намечается ряд мероприятий. Речь шла об обновлении издательских кадров, повышении квалификации и идейно-воспитательной работы среди журналистов, открытии полугодового семинара для журналистов при Высшей школе политических наук, а также организации постоянных курсов при редакции газеты «Руде право».

Но главными здесь являлись меры по введению цензуры в стране. 2 января 1950 г. президиум ЦК КПЧ принял решение об учреждении специального государственного ведомства, занимающегося вопросами цензуры. По словам Гендриха, «до сих пор в Чехословакии практически не было никакого органа, который бы контролировал работу печати, радио, издательств. Вследствие этого в печать часто попадали сведения, которые не следовало бы публиковать». Поэтому, как считал Гендрих, необходимо ввести цензуру, которая «будет организована по образцу советского Главлита при Совете Министров и будет подчиняться председателю Совета Министров».

К этому времени, по информации В.Копецкого, коммунисты уже взяли под контроль типографии, распределение бумаг и загрузку издательств, т.е. всю информационную сеть страны. К январю 1950 г., как сообщал ответственный работник ЦК КПЧ П.Рейман, руководящий аппарат издательств был заменен, хотя и не без борьбы, проверенными людьми. «Когда мы направляем новых работников — членов партии в издательство, то бывают случаи, когда издательства под всякими предлогами пытаются не допустить этих новых работников к работе. В таких случаях мы предпринимаем контрмеры, — заявил Рейман, — не даем разрешение на издание книг этих издательств, мотивируя такое мероприятие тем, что имеющийся в наличии аппарат не может обеспечить даже издание литературы, выдержанной в политическом отношении». Поэтому предполагалось, по словам Гендриха, довести аппарат издательств до 400 человек. Однако, как заявил Гендрих, цензура будет вводиться постепенно. «Сначала только над цент-

ральной печатью, радио и наиболее крупными издательствами. Затем постепенно деятельность цензуры распространится на области и районы»²⁷.

При встрече ряда руководящих деятелей КПЧ — секретаря ЦК КПЧ Г.Бареша, заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК КПЧ Й.Гендриха, заведующего Отделом внешней политики ЦК КПЧ Б.Геминдера — с первым секретарем посольства СССР П.Крекотенем 30 марта 1950 г. советское посольство было информировано, что «Отделом агитаций и пропаганды ЦК КПЧ намечается целый ряд мероприятий в идеологической области, рассчитанных на укрепление печати, издательств, кино, высшей школы. Так, например, предлагается в газетах организовать редакционные коллегии, а в ряде газет укрепить руководство».

В беседе с П.Крекотенем Г.Бареш сообщил, что «отделом цензуры ЦК из продажи изъята книга Э.Бенеша «Огненные слова», в которой, по словам Г.Бареша, якобы «в завуалированной форме делаются враждебные выпады против Советской Армии». По мнению Бареша, «случай с книгой Бенеша, типичного представителя старой чешской интеллигенции, весьма показателен» и характерен для большинства старой интеллигенции, которая «относится к новому режиму враждебно, с недоверием, в расчете на то, что этот режим изменится»²⁸.

В 1951 г. все функции по политическому контролю за публикацией книг и другой печатной продукции взяли на себя издательский отдел ЦК КПЧ и отдел школ, науки и искусства, организованный в ЦК КПЧ. Кроме того, для укрепления партийного руководства в области театра и кинематографии был создан художественный совет во главе с Й.Гендрихом.

Партийные инстанции решали все вопросы, связанные с организацией или закрытием любого журнала, газеты, их содержанием и тиражом, а также с расстановкой кадров, назначали главных редакторов и определяли круг их ответственности за политическое содержание публикаций. В ноябре 1950 г. руководство ЦК КПЧ ввело в издательствах должности контрольных редакторов, а с начала 1951 г. — редакторов-цензоров. При ЦК КПЧ был создан редакторский совет, который давал заключения в связи с публикацией работ и «добро» на выход в свет, проверял планы издания, вычеркивал книги «неблагонадежных» авторов.

Представители соответствующих отделов ЦК КПЧ принимали участие в обсуждении и определении списков запрещенной литературы, которая должна была быть изъята из библиотек. Первый список подобных книг был подготовлен еще в 1948 г., но особенно активно изъятие книг происходило в 1952—1953 гг. В список № 1 были включены «троцкистские» и «антисоветские» книги, а в список № 2 — книги правых социал-демократов, легионеров, а также работы политиков либерально-демократического направления — в первую очередь, Я.Масарика и Э.Бенеша. Часть книг уничтожалась. По данным, приведенным чешским историком К.Капланом, в эти годы было уничтожено 27 млн книг²⁹.

В 1952 г. чехословацкое руководство обратилось к советской стороне с просьбой помочь созданию цензурного учреждения, подобного советскому Главлиту. 10 января 1953 г. советник посольства П.Г.Крекотень сообщил А.Новотному о возможности приезда советского специалиста для проведения консультаций по созданию чехословацкого Главлита³⁰. Побывавший в Праге с этой целью в марте 1953 г. заместитель начальника Главлита СССР И.Исаченко докладывал: «...Чехословацкие товарищи рассказали, что в республике цензорный контроль над печатной продукцией и радиотрансляцией не осуществляется и такого органа, который занимался бы этим, нет»³¹. При советской помощи ситуация была исправлена, и 22 апреля 1953 г. решением правительства Чехословакии при Совете министров было создано по типу советского Главлита Главное управление государственного контроля за печатью. В функции этого управления входил надзор за центральной периодической печатью, краевыми газетами, кинохроникой, чехословацким радиовещанием и телевидением. Персонал управления быстро разрастался: на 1 июля 1953 г. в нем работал 141 человек³². Однако решение правительства о создании Главного управления государственного контроля за печатью не было опубликовано и оставалось сугубо секретным. Следовательно, и деятельность управления по государственному контролю за печатью являлась секретной. В 1954 г. управление перешло в ведение МВД Чехословакии. Оно работало в тесном контакте также и с чехословацкими органами госбезопасности³².

Однако и после возникновения государственной структуры, ведавшей цензурой в Чехословакии, главная роль в этом вопросе принадлежала ЦК КПЧ. И в дальнейшем ЦК КПЧ осуществлял идейно-политическое руководство всеми средствами массовой информации.

Таким образом, в Чехословакии в начале 50-х годов была создана система государственно-политического цензурного контроля за печатной продукцией, под который подпадали во избежание случаев разглашения широко понимавшейся государственной тайны все публикации, а также все издания, которые могли противоречить или противоречили «линии партии».

Заметный поворот в информационной политике в Венгрии произошел на рубеже 1947—1948 гг. Тогда был создан единый государственный орган управления кинематографией, телеграфным агенством и радиовещанием. Большинство типографий и издательств было поставлено под контроль коммунистов и их союзников — социал-демократов. Ключевые должности в них заняли представители ВКП и СДПВ. Следует отметить, что в этот период руководство СДПВ, оглядываясь на коммунистов, усилило цензуру над своими партийными изданиями. В подтверждение этого можно привести письмо, поступившее осенью 1947 г. руководству партии от секретариата молодежной организации социал-демократов. В нем содержалась просьба не вмешиваться в работу молодежного печатного органа — газеты «Фиатолог» и жалоба на то, что

«член ЦК Ю.Пал не только осуществляет цензуру, но зачастую вымарывает целые страницы. Он хочет решать сам, о чем следует писать. Юстус (Ю.Пал. — *Авт.*) осуществляет не только идеологический контроль, который ему доверила партия, но и вмешивается в политическое руководство печатью»³³.

После объединения рабочих партий летом 1948 г. и их печатных органов коммунисты сосредоточили контроль за информацией в своих руках. В 1948 г. фактически закончилась борьба за власть в органах печати, произошли кардинальные изменения не только в содержании публикуемых материалов. Дискуссии, столь характерные для предшествующего периода, совершенно исчезли со страниц печатных органов и изданий. Как и в других странах региона, началось изъятие из производства и оборота материалов «немарксистского» содержания, ужесточение цензорского контроля за изданной и намечавшейся к изданию печатной продукцией.

Фактическими руководителями информационной политики в Румынии с конца 1947 г. являлись Отдел печати и комиссия по информации при ЦК компартии Румынии. До 1949 г. на местах действовали в качестве цензоров инспекторы министерства искусства и информации, созданного еще в 1945 г., которые осуществляли контроль за местной печатью.

1949 г. стал переломным в информационной политике РРП, ужесточавшей идеолого-политическое давление на общество. В мае 1949 г. президиум Великого национального собрания (ВНС) утвердил решение Совета министров Румынии о создании Главного управления по делам печати и типографий (ГУ ПТ) при Совете министров с широким объемом полномочий по контролю за печатью.

Главное управление осуществляло контроль над всей информацией, исходившей из министерств, государственных учреждений и, в значительной степени, от военных ведомств. Контролируемые публикации и материалы разделялись на 3 группы: секретные, для служебного и для открытого пользования.

В специальном декрете ВНС, опубликованном в мае 1949 г., говорилось, что ГУ ПТ: а) редактирует официальные бюллетени Румынской Народной Республики; б) контролирует выпуск всей печатной продукции: газет, журналов, программ, афиш и т.д.; в) осуществляет контроль над распространением и хранением печатной продукции, импортом и экспортом газет, книг и предметов искусства; г) регламентирует условия работы книжных магазинов (в том числе антикварных и букинистических); д) проверяет фонды библиотек и книгохранилищ на предмет изъятия «вредной» литературы; е) подвергает цензуре все передачи, транслирующиеся по радио и т.д.

Кроме того, ГУ ПТ осуществляло контроль за публикацией в газетах сообщений Совета министров и координировало работу всех информационных служб департаментов и общественных организаций. 22 июня 1949 г. Совет министров Румынии принял постановление о цензуре. В нем говорилось, что вся печатная про-

дукция страны должна проходить предварительную цензуру и получать разрешение на публикацию. Лица, нарушавшие легальные условия издания и распространения печатной продукции, должны были привлекаться к уголовным наказаниям.

Постановление правительства страны регулировало обязанности цензора по сбору информации о всех тех иностранных типографиях, откуда по импорту поступала печатная продукция, а также контроль за книжными магазинами и библиотеками, куда поступали книги из-за рубежа. В частности, речь шла и о книжном магазине румынской Академии наук, «Центре распространения литературы на венгерском языке» и др. На местах под контроль ставились в соответствии с этим постановлением все каналы распространения печатной продукции, в том числе публичные библиотеки, университетские и школьные библиотеки, вплоть до библиотек сельских клубов и домов культуры, а также издания брошюр, альманахов, календарей и т.д. За всей ввозимой в страну и вывозимой за рубеж печатной продукцией, а также предметами искусства (картины, гравюры, рукописи книг и т.д.) также устанавливался жесточайший контроль³⁴.

Особое внимание цензоры обязаны были уделять контролю за содержанием публикуемых и уже опубликованных работ с точки зрения их идейно-политической направленности.

На рубеже 40—50-х годов, кроме центральных газет, полностью находившихся под контролем компартии, на местах выпускались 21 ежедневная газета, 13 газет, выходивших два раза в неделю, 27 еженедельников, 13 заводских газет, 6 религиозных изданий — всего 97 газет и периодических изданий. Кроме того, публиковались 28 информационных бюллетеней местных органов власти — народных советов. Тираж этих изданий составлял 750 000 экз. и все они теперь должны были подвергаться цензуре. Заметим, что кадры цензоров и работников печати, подбиравшиеся исключительно по идейно-политическим соображениям, были, особенно на местах, весьма слабыми в профессиональном отношении, и зачастую публикуемые материалы пестрели многочисленными орфографическими ошибками, нередко изменявшими первоначальный смысл статей и материалов, а иногда приводившими и к политическим искажениям. Некоторые современные румынские исследователи пытаются выдать эти ошибки редакторов и цензоров за целенаправленное «сопротивление» работников печати коммунистическому режиму, что, на наш взгляд, не соответствует действительности, ибо назначения на работу в издательства проходили под строжайшим политическим контролем и утверждались партийными органами³⁵.

В 1949—1950 гг. произошло резкое увеличение кадрового состава центральных печатных органов в Румынии людьми, политически преданными режиму. В это время на работу были привлечены 1411 человек, в том числе в газету «Адэврүл» — 527 чел., «Универсул» — 35 чел., «Ромыния либэрэ» — 121 чел., «Вьяца Синдикалэ» — 97 чел., «Фронт земледельцев» — 91 чел., «Вьяца

Капиталей» — 65 чел., «Скынтейя Тинеретулуй» — 59 чел., «Спортул популар» — 40 чел., «Гласул Арматей» — 39 чел. и т.д.³⁶

Как подчеркивалось в вышеуказанном постановлении, цензоры не должны были допускать, чтобы в прессе или других публикациях «появлялись сведения, информация или изображения, носящие тенденциозный характер и направленные против существующего режима, против партии, правительства или органов государственной власти, а также публикации против Советского Союза, советского руководства и стран народной демократии». Цензоры должны были действовать так, чтобы в печати не было статей и материалов, которые, по их мнению, могли привести к ослаблению союза рабочего класса и крестьянства, разжиганию национальной розни и т.д. Усилиями цензоров в печати и других публикациях не должны были присутствовать материалы, которые знакомили бы общественность с деятельностью в стране или за рубежом представителей политических сил, выступавших против марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, отрицающих классовую борьбу. Распространение подобной литературы, как указывалось в постановлении, могло бы негативно повлиять на общественность, спровоцировать выступления недовольных и способствовать распространению враждебных слухов.

Цензорам предписывалось запрещать публикацию статей и литературы, которые популяризировали бы «поставленные на службу империализму» научные достижения и художественные произведения западных авторов. Цензоры обязаны были принимать меры, чтобы в средства массовой информации не просачивались материалы из западной прессы, радиопередач или других информационных источников.

Некоторые материалы могли публиковаться только особым способом — в закрытой печати. К секретной информации, как отмечалось в постановлении, были отнесены сведения вплоть до информации о эпидемиях, социальных и политических инцидентах, крупных катастрофах, в том числе и природных катаклизмах, несчастных случаях на железных дорогах, уголовных преступлениях, жертвах и т.д.³⁷

В 1952 г., после устранения с политической арены тех, в ком генеральный секретарь румынской компартии Г.Георгиу-Деж видел своих соперников — А.Паукер, В.Луки и Т.Джорджеску, и перехода в его руки всей полноты власти в стране произошло заметное ужесточение контроля за прессой.

2 июля 1952 г. в ЦК РРП было проведено специальное совещание с редакторами центральной и местной печати, на котором руководством РРП были даны инструкции и определены основные задачи и направления работы в этой области. Вновь был поставлен вопрос об усилении контроля за публикациями с тем, чтобы в газеты и журналы «не проникала непроконтролированная или недостаточно проконтролированная информация и давалась неправильная ее интерпретация». Речь шла и о «разоблачении (в печати. — *Авт.*) деятельности группы А.Паукер, В.Луки и Т.Джорджес-

ку», которые якобы являлись «носителями правого оппортунизма в партии», а также о борьбе с «остатками социал-демократизма в партии» и «буржуазного наследия»³⁸.

Г.Георгиу-Деж заявил в связи с этим, что «необходимо усиление бдительности и воспитание трудящихся в духе непримиримой борьбы с антисоциалистическими проявлениями в общественной жизни страны». «Пресса, — по словам генерального секретаря Румынской компартии, — должна находиться на переднем фланге этой борьбы. Наша пресса, как центральная, так и местная, — подчеркивал лидер румынских коммунистов, — должна отражать замечательные успехи строительства социализма, мобилизовывать наш народ, рабочий класс на выполнение задач, выдвинутых партией и правительством как в борьбе за мир и против поджигателей войны, так и в решении идеологических проблем, в повышении уровня политического сознания членов нашего общества». В связи с этим, требовал Г.Георгиу-Деж, необходимо поднять уровень прессы в соответствии с теми задачами, которые выдвинуты партией и правительством. Необходимо улучшать содержание и форму статей, публикуемых в газетах, которая была бы доступна и привлекательна для читателя. Г.Георгиу-Деж указал на низкий профессиональный уровень работников редакций: «Журналистам нужно документировать свои статьи, — заявил Г.Георгиу-Деж, — а не говорить вообще, приводя цитаты из классиков, но не раскрывая существо проблемы». Журналисты, по его словам, «должны основательно изучать тему, прежде чем писать о ней». Но главное, на чем настаивал руководитель румынских коммунистов, это то, что «информация, поступающая в прессу, должна быть сотни раз проконтролирована»³⁹.

Анализ данного выступления Г.Георгиу-Дежа показывает желание высшего партийно-государственного руководства Румынии превратить прессу в послушное орудие, эффективный инструмент пропаганды внутри- и внешнеполитической линии румынского руководства с целью «воспитания трудящихся в духе идей партии», обеспечения со стороны населения поддержки режима, подавления инакомыслия.

На совещании проявился еще один феномен тоталитарного общества. Речь идет о вождизме, ориентации средств массовой информации на спешное и усиленное создание культа личности Г.Георгиу-Дежа. Уже ранее имевшее место восхваление «вождя», приняло в Румынии в начале 50-х годов такие масштабы, а подчас и такие примитивные и вульгарные формы, что это не могло остаться незамеченным даже самим Г.Георгиу-Дежем. Его коробили не содержание, суть явления, а лишь форма, в какой преподносилось народу восхваление лидера партии. В качестве примера Георгиу-Деж привел одну из газетных публикаций, где говорилось о его встрече с шахтерами: «Тов. Г.Георгиу-Деж снова говорил с шахтерами. Стахановцы и передовики со слезами радости на глазах говорили о Г.Георгиу-Деже как любимом руководителе румынского народа. Они поднимали бокалы за его здоровье как за лю-

бимого сына и родного отца». Бросая упрек журналистам, Георгиу-Деж сказал, что «в такой форме писать недопустимо. При чем здесь стакан с вином? За границей могут подумать, что мне преподносят вино и я большой любитель выпить». Вероятно, опасаясь, что слухи о его восхвалении дойдут до Москвы и будут там неправильно поняты, Георгиу-Деж, как бы нейтрализуя этот «пассаж», заявил: «...У нас только один родной отец — это товарищ Сталин»⁴⁰. По мнению Дежа, подобные, выходящие за всякие нормы приличия заметки, журналистские эссе могли принести больше вреда, чем пользы. Исходя из этого, Георгиу-Деж потребовал поставить под контроль «все, что пишется о партии и ее генеральном секретаре»⁴¹.

Однако многие из выступавших после него членов политбюро, восхваляя Дежа, настойчиво доказывали необходимость «писать в газетах о генеральном секретаре и его особой роли в партии и обществе» и пытались направить прессу именно в эту сторону. Например, секретарь ЦК И.Кишиневский заявил следующее: «Не говорить о генеральном секретаре — это все равно, что в живописи запретить писать пейзажи»⁴².

Главными итогами работы совещания должно было стать усиление партийного влияния на прессу. С этой целью было принято решение о проведении в ЦК РРП ежемесячных заседаний с ответственными редакторами основных печатных органов, где предписывалось осуществлять анализ их деятельности. Впоследствии, обращая внимание советского руководства на имевшее место улучшение работы с прессой, заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК Румынской рабочей партии Л.Рэуту в беседе с первым секретарем посольства СССР в Румынии А.А.Голиченковым, состоявшейся 23 декабря 1952 г., отметил, что в результате перестройки печати редакции журналов и газет укреплены новыми, лучшими кадрами: «Некоторые областные газеты улучшили работу, но мы еще не закончили перестройку и не спешим делать это, преследуя цель перестроить работу печати по существу, чтобы улучшить качество и остроту партийной печати». Особо подчеркивалась необходимость наступательной борьбы на страницах печати «с буржуазными теориями», «рецидивами космополитизма» в среде ученых, «как это делается сейчас в СССР». Как считали в Отделе пропаганды и агитации, одной из форм такой работы являлось именно ограничение доступа к «враждебной» литературе⁴³.

Создание в Румынии Главного управления по делам печати и типографии, в обязанности которого входила, среди прочего, тщательная политически ориентированная проверка фондов библиотек, привело к массовому изъятию и запрещению значительного количества книг, изданных до 1948 г. Только одна из инструкций, составленная в этом управлении, содержавшая перечень запрещенных книг, насчитывала более 2 тыс. названий.

Наряду с книгами и другой печатной продукцией, авторами которых являлись фашистские лидеры или лица, связанные с фашистским режимом и участвовавшие в антисоветской войне, в

список вошли работы деятелей политических партий либерально-демократического направления, а также лиц, по разным причинам выехавших в эмиграцию, и даже классиков румынской литературы, науки и культуры. В их числе были произведения крупных историков Н.Йорги, В.Пырвана, философа Т.Майореску, экономиста В.Маджару и др. Были подвергнуты цензуре и частично изъяты книги писателей Д.Кантемира, М.Когэлничану, М.Эминеску, В.Александрю, Л.Ребряну, Г.Кошбука и т.д.⁴⁴ Периодически списки запрещенных книг обновлялись и расширялись.

Следует указать, что деятельность органов цензуры не ограничивалась только печатной продукцией. Цензурированию подвергалась также личная переписка граждан, особенно с зарубежными странами. В данном случае контроль осуществляли органы МВД и госбезопасности.

Министерства внутренних дел и государственной безопасности широко использовали цензуру как инструмент контроля за прохождением частной корреспонденции граждан. В отношении частной корреспонденции в партийных органах Румынии на вооружение был взят лозунг: «Каждое непроверенное письмо является подарком для врага». Для каждого цензора была введена ежемесячная норма. Она составляла, например, в Румынии 1 200 писем. В подозрительных случаях письма изымались вовсе и уничтожались, а их адресаты брались на политический контроль. После проверки письма аккуратно запечатывались и отправлялись по адресу только, если не содержали информацию, которую цензор считал нежелательной, в противном же случае — отправлялись «в разработку». Поскольку цензоры не располагали четкими и ясными инструкциями в отношении того, какие письма должны изыматься, то сами зачастую определяли, какая корреспонденция должна была быть изъята, а какая доставлена адресату. Как правило, кроме писем, содержащих компрометирующие власть сведения или высказывания, изымались также письма с фотографиями лиц, выехавших за границу, или их снимков на фоне, например, собственного дома или дорогих машин. Как считали цензоры, такие изображения пропагандировали «буржуазный образ жизни», что противоречило «социалистическим нормам жизни» и «социалистической морали»⁴⁵.

Существовал еще один канал получения информации и контроля за ней, а также слежки за гражданами стран Восточной Европы. Прослушивание телефонных разговоров, запись бесед граждан в гостиницах и ресторанах и даже на рабочем месте. Монтирование микрофонов в стены частных и служебных помещений стало обычной практикой действий служб безопасности.

Контроль за частной корреспонденцией и личными контактами был постоянным во всех странах региона. В столице Чехословакии, например, все письма и телеграммы из-за рубежа доставлялись в почтовое отделение Прага-120, где проходили жесткую цензуру. Ежедневно здесь обрабатывалось до 40 тыс. писем, отправляемых за рубеж. Часть из них после соответствующей цензуры изы-

малась, другая же часть отправлялась адресатам. В 1953 г. в почтовых отделениях Чехословакии работало около 190 цензоров, осуществлявших контроль за частной перепиской. Около 15 телефонных отделений отслеживали содержание телеграмм и разговоров⁴⁶.

Таким образом, политическая цензура в странах Восточной Европы, которой была охвачена не только печатная продукция всех видов и радио, но и частное общение — письма, телефонные, телеграфные переговоры, давала возможность правящим компартиям в значительной мере держать общество под контролем. Плотное блокирование межгосударственных границ, особенно по линии, разделявшей Восток и Запад, также достаточно надежно перекрывало канал поступления «вредной», с точки зрения коммунистической власти, печатной продукции в страны региона.

Значительно сложнее обстояло дело с блокированием западно-го радиовещания на Восточную Европу. Географическое «соприкосновение» региона непосредственно с капиталистической частью Европы создавало условия для эффективной работы западных «голосов», тем более, что интерес к информации с Запада в странах социализма был весьма высок.

«Слушание» западных радиостанций населением Восточной Европы во многом восполняло недостаток информации о событиях в стране и за рубежом, получаемой из официальных источников, обнажало ее недостоверность. Постепенно формировалось в обществе понимание того, что страны восточно-европейского региона стали изолированной от мировых процессов провинцией, что в свою очередь порождало нарастание интереса к жизни на Западе. Граждане стран Восточной Европы все чаще и чаще обращались к передачам западных радиостанций, воспринимая их как источник правды о своей жизни. Факты прослушивания «вражеских голосов» систематически фиксировались органами госбезопасности и партийно-государственными структурами, обеспечивавшими цензуру, а нередко сообщались платными или добровольными информаторами, сеть которых в странах Восточной Европы в начале 50-х годов стремительно росла.

Сведения об этих «негативных явлениях» в обществе восточно-европейских стран доходили до Москвы. По сообщению сотрудника центрального аппарата МИД СССР В.И. Кирсанова из Румынии от 4 мая 1953 г., на строительстве теплоэлектроцентрали, находившейся в 30 км от г. Тыргу-Жиу (венгерская автономная область), даже «среди агитаторов оказались такие, которые слушают "Голос Америки" и распространяют враждебные слухи»⁴⁷. В Польше, как следовало из отчета советского посольства в Варшаве, датированного августом 1953 г., якобы из-за недостаточной ориентации низовых организаций ПОРП в вопросах международной политики, слабой работы партийных органов и прессы, члены ПОРП не в состоянии бороться с враждебной пропагандой, распространяемой реакционными элементами внутри страны и буржуазными радиостанциями⁴⁸.

Географическое соприкосновение восточно-европейских стран советского блока с западно-европейскими государствами позволяло западной пропаганде результативно использовать все доступные тогда технические средства для информационного воздействия на «мир социализма». В этом регионе, в отличие от СССР, «глушение голосов» не давало искомым результатов.

Резко обострившаяся международно-политическая ситуация в мире в начале 50-х годов сопровождалась расширением старых и возникновением на Западе новых структур вещания на Восточную Европу.

В 1951 г. начала свое вещание на страны Восточной Европы радиостанция «Свободная Европа», которая финансировалась конгрессом США, и продолжали трансляции «Голос Америки» и «Би-Би-Си», которые, стремясь обеспечить свое влияние, поставляли обширную информацию об СССР и странах восточного блока, создавая «благоприятную среду (с точки зрения коммунистического руководства. — *Авт.*) вражеской идеологии»⁴⁹. Нужно отметить, что в Восточной Европе наличие радиопринимающих средств было у населения весьма значительным. В 1949 г., например, в Польше было не менее 600 тыс., а в Чехословакии около 2 млн индивидуальных приемников, что делало радиовещание наиболее удобным и эффективным средством пропагандистской деятельности западных стран⁵⁰. Так, осенью 1951 г. первый секретарь воеводского комитета ПОРП Е.Прима сообщил советскому консулу в Щецине И.С.Борисову, что «в селах распространены приемники, а где нет, то кулаки организуют коллективные слушания, а затем устную передачу прослушанного»⁵¹.

В Чехословакии, по сообщению корреспондента ТАСС В.С.Медова, направленному в Москву в мае 1949 г., «англо-американская пропаганда через "Би-Би-Си" и "Голос Америки" внушала чехам мысль, что недалек тот час, когда в Чехословакии будет восстановлена демократия Масарика и Бенеша»⁵². С 1951 г. свои передачи на Чехословакию начала вести радиостанция «Свободная Европа».

Западная радиопропаганда, как следует из документов российских архивов, доставляла большое беспокойство партийному руководству. Как видно из имеющихся в нашем распоряжении документов, не только интеллектуальные слои общества стран региона, но и обычные рядовые граждане, в том числе молодежь и крестьяне, являлись постоянными слушателями западных радиопередач. Были случаи, когда сами чиновники и даже партийный актив становились потребителями передач западных радиостанций, таких как «Голос Америки» или «Би-Би-Си».

Со своей стороны, Москва, как и высшее партийно-государственное руководство стран Восточной Европы, предпринимала меры для отражения западной пропаганды и развернула собственную контрпропаганду. По существу, еще с 1947 г. начиналась информационная война между Востоком и Западом. Однако можно признать, что СССР в виду более слабой технической оснащен-

ности, заформализованности и низкого качества радиопередач проигрывал западным державам в области радиопропаганды на Восточную Европу. Поэтому передачи, транслируемые из Москвы, были гораздо менее доступны в регионе, чем западные. В связи с этим на передний план в политике СССР стало выдвигаться техническое подавление вышеназванных западных станций, радиоглушение. Глушению радиопередач или, как его называли коммунистические функционеры «радиозащите», «радиообороне» уделялось самое пристальное внимание. По некоторым данным, в начале 50-х годов в СССР существовало более тысячи подобных специальных радиостанций⁵³.

Вопросы организации спецвещания и глушения западных радиопередач решались совместными усилиями Кремля и руководства компартий стран восточного блока. При этом СССР брал фактически на себя техническое обеспечение поставленных задач. Главным образом советским оборудованием оснащались радиовещательные станции и система «глушения голосов» в регионе. Высшее партийно-государственное руководство стран Восточной Европы неоднократно обращалось в Москву с просьбами помочь в организации радиовещания и радиоглушения трансляций из западных стран, переоборудовать старые и создать новые передающие станции.

Еще в первые послевоенные годы СССР принял участие в налаживании радиовещательной сети в освобожденных от фашизма и гитлеровской оккупации странах Восточной Европы. Так, в 1945 г., сразу после образования Временного правительства Венгрии, М.Ракоши обратился в ОМИ ЦК ВКП(б) к Г.М.Димитрову с просьбой установить две радиостанции для внутреннего вещания на освобожденной территории Венгрии⁵⁴. С такими же просьбами в Москву обратились болгарское и румынское правительства. 1 июля 1947 г. лидер болгарских коммунистов Димитров, который в конце 1945 г. возвратился в Болгарию из Москвы, направил письмо в ЦК ВКП(б), в котором просил советское руководство оказать помощь Болгарии в создании технической базы радиовещания. Димитров просил изготовить и смонтировать коротковолновый радиопередатчик средней мощности, а в перспективе соорудить также средневолновый передатчик мощностью в 120—150 кВт. Как он писал, имевшаяся в Болгарии радиовещательная база не обеспечивала ни внутренние, ни внешние потребности страны. В ответ на просьбу Димитрова высшее советское руководство в целях улучшения как радиовещания в самой Болгарии, так и взаимодействия и взаимосвязи советского и болгарского представителей радиовещания обязало министерство связи СССР смонтировать в Болгарии коротковолновый передатчик, реконструировать существующую средневолновую радиостанцию и составить план средневолнового передатчика мощностью 120—150 кВт. В связи с этим срочно командировать в Болгарию группу советских специалистов для оказания на месте конкретной помощи⁵⁵.

Сотрудничество СССР и стран Восточной Европы в деле радиовещания и радиоглушения резко активизировалось в 1948 г. В ответ на просьбу румынского правительства Совет министров СССР в своем постановлении от 20 октября обязал МО СССР до 25 октября 1948 г. предоставить один вещательный передатчик мощностью 25 кВт министерству внешней торговли СССР, а министерству внешней торговли в свою очередь спроектировать и смонтировать радиостанцию в Бухаресте до 15 января 1949 г., командировав с этой целью советских специалистов в Румынию. 16 июля 1949 г. было принято еще одно постановление Совета министров СССР о дополнительном оборудовании и снабжении техническими материалами радиостанции специального назначения в Румынии, которая была взята «на плановое снабжение» министерством связи СССР⁵⁶.

Начиная с 1949 г., МВД Румынии регулярно сообщало в Москву о результатах радиоглушения, а в 1953 г. румынская сторона предложила передавать информацию, касающуюся этого вопроса, через румынское министерство связи, которое и проводило всю работу по радиоглушению⁵⁷.

В 1950 г. к СССР за помощью в организации защиты от западной пропаганды обратилось также и правительство Венгрии.

Руководства СССР и стран советского блока, с целью изоляции общественности своих стран от нежелательной для коммунистических режимов информации и разрушения создаваемых пропагандистскими службами мифов «о преимуществах социализма», стремились ко все большему ужесточению режима радиоглушения. Определенный интерес представляет в этом смысле пассаж из беседы, состоявшейся 2 апреля 1952 г. между секретарем ЦК КПС А.Новотным и советником посольства СССР в Чехословакии П.Г.Крекотенем, в которой Новотный обратил внимание на то, что «западное радио еще оказывает сильное влияние на чехословацкое население». Более того, «работники таких станций, как "Свободная Европа" и "Голос Америки", — подтвердил Новотный, — располагают часто достоверной информацией о тех событиях в Чехословакии, о которых они оповещают чехословацкое население». Так, например, «некоторое время тому назад, — отмечал он, — на Политсекретариате обсуждался вопрос об Остравском каменноугольном бассейне и о дальнейшем развитии Остравы. Через несколько дней западное радио уведомило чехословацкое население о сути вопроса и сообщило примерно те же факты, которые обсуждались на Политсекретариате ЦК КПЧ». Остановившись на возможных источниках утечки информации, Новотный предположил, что «вероятно, сведения о положении в Остраве попали за границу из Остравы, поскольку вопрос этот готовился для политсекретариата в Остраве». Следовательно, как считал Новотный, «такие сведения могли быть переданы за границу кем-либо из инженерно-технических работников, работающих в Остраве»⁵⁸. Можно сделать вывод, что не столько пропагандистские лозунги западных средств массовой информации, сколько достоверные

данные и сообщения были опасны для правящей верхушки стран социалистического блока.

Реагируя на информацию А.Новотного, П.Г.Крекотень отметил, что поскольку в последнее время «передающие средства СССР и стран народной демократии, участвующих во взаимной защите от вражеских радиопередач на территории стран народной демократии, своевременно не корректируются, то качество защиты ухудшилось». Крекотень поставил перед Новотным вопрос о целесообразности иметь советского представителя службы радиозащиты в Чехословакии для координации совместной работы по глушению радиопередач. Новотный принял это предложение. При этом он согласился, что было бы желательным иметь в Чехословакии советского специалиста службы радиозащиты, так как «вопрос глушения враждебных радиопередач для чехов является весьма актуальным».

Ознакомившись с сообщением из Праги, министр иностранных дел СССР А.Я.Вышинский поручил сотрудникам центрального аппарата МИД Б.Ф.Подцеробу и А.Н.Красильникову подготовить ему информацию о принимаемых мерах по исправлению ситуации с радиоглушением в Чехословакии⁵⁹.

Особое беспокойство доставляли и советскому, и польскому руководству передачи западных радиопрограмм на Польшу. По данным, которыми располагала Москва, общее количество передач на Польшу достигало 30 сеансов в сутки. Соединенные Штаты («Голос Америки») обеспечивали 13 сеансов в сутки, как из Америки, так и через станции Западной Германии, Лондона и Танжера. Количество одновременно действующих волн составляло в различные сеансы от 3 до 11. Передачи на Польшу велись также из Лондона («Би-Би-Си»), Рима, Ватикана, Белграда, Парижа, Мадрида, Анкары. Кроме того, радиостанция «Свободная Европа» вещала три раза в день на одной—двух волнах⁶⁰. Столь мощная пропаганда с Запада представляла серьезную потенциальную угрозу для коммунистического режима в Польше.

16 июля 1951 г. лидер ПОРП Б.Берут одобрил проект письма И.В.Сталину по поводу организации глушения западных радиопередач. Причем он взял на себя инициативу действовать от имени всех стран региона. В письме отмечалось, что «в связи с непрерывно проводимой и все усиливающейся вражеской радиопропагандой на языках стран народной демократии появилась настоятельная необходимость принятия решительных мер для борьбы с этой пропагандой. Предварительные шаги, предпринятые нами в вопросе глушения, показали чрезвычайные трудности решения вопроса в виду отсутствия необходимого опыта. В связи с этим просим Вашего содействия в предоставлении соответствующей консультативной помощи»⁶¹.

15 сентября 1951 г. начальник Главного управления радиосвязи СССР А.И.Жаров после возвращения из командировки в Польшу направил докладную записку министру связи СССР Н.Д.Псурцеву о вещании «Голоса Америки», «Свободной Европы» и других ра-

диостанций на Польшу и необходимости создания системы радиозащиты территории Польши и других стран Восточной Европы. Как отмечалось в записке, во время командировки в Польшу группа советских специалистов в составе трех человек (Жарова, Савкова, Павловича) посетила радиостанции городов Варшавы, Щецина, Гданьска, Гдыни, Кракова, Катовиц и Радомы, побывала также на заводах Варшавы, производивших радиоприемную и передающую аппаратуру. Одновременно для советских специалистов были организованы специальные прослушивания эфира и измерения силы приема станций, ведших «враждебную» антипольскую пропаганду. Результаты инспекции, проведенной советскими специалистами, были весьма неутешительными. «Антипольские передачи, — как сообщалось министру связи СССР, — слышны по всей территории Польши почти на всех частотах. Никакой защиты от антипольских передач с территории Польши не организовано». И далее: «Содержание передач, особенно проводимых радиостанциями "Голос Америки", "Свободная Европа" и Мадрида, носят исключительно враждебный характер и направлены против существующего строя Польской Республики».

В докладной записке также констатировалось, что организованные с территории Советского Союза радиопомехи антипольскому вещанию, осуществлявшемуся «Голосом Америки», неэффективны, так как действуют только на небольшом числе частот. Советские специалисты, учитывая наличие у граждан Польши большого количества приемников, рассредоточенных по всей стране (не только в крупных городах, но и сельской местности), что позволяло повсеместно слушать западные передачи, считали необходимым организовать защиту от антипольского вещания на всей территории Польши. Кроме того, советские специалисты полагают, что «небольшая протяженность территории Польской Республики (примерно 600 км по направлению Восток—Запад и столько же по направлению Север—Юг), исключала возможность защиты всей территории от антипольского вещания на коротких волнах своими средствами».

Одновременно советские специалисты подчеркивали трудности в создании коротковолновой радиозащиты территории Польши и требуемые большие материальные затраты на ее организацию. Они предлагали создать систему защиты на средних волнах, что, по мнению советской комиссии, могло быть осуществлено с территории самой Польши. Был сделан вывод о том, что наиболее технически целесообразным и экономически выгодным стало бы совместное использование технических средств Польши и СССР для взаимной радиозащиты от западного вещания. Эффективное решение проблемы защиты от радиопропаганды, шедшей из западных стран, как считали в Москве, состояло бы в вовлечении в нее других стран народной демократии, как располагавших техническими средствами для этого (Чехословакия), так и нуждавшихся во внешней защите от вражеского вещания (Венгрия, Румыния, Бол-

гария)⁶². Иными словами, речь шла о создании региональной, включая СССР, системы радиоблокады Запада.

24 сентября 1951 г. Псурцев представил заместителю председателя Совета министров СССР В.М.Молотову проекты постановлений Совета министров СССР, касавшиеся планов организации к октябрю 1951 г. радиозащиты соответствующими техническими средствами территории Польши. Кроме того, в двухмесячный срок предлагалось подготовить планы совместной радиозащиты территории СССР, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Болгарии. Одновременно шли переговоры о развитии международного сотрудничества по созданию системы радиоглушения в рамках советского блока и прежде всего создания единой системы, включавшей СССР, Польшу, Венгрию и Чехословакию. Для обсуждения планов организации широкой системы радиозащиты стран советского блока предполагалось созвать в декабре 1951 г. в Москве специальное совещание представителей СССР и вышеназванных стран.

24 октября 1951 г. Совет министров СССР принял постановление «О создании помех на территории Польши антипольской пропаганде по радио». Постановлением предусматривалось:

«1. Обязать Министерство связи (г. Псурцев) обеспечить с 1 декабря 1951 г. техническими средствами СССР создание помех на территории Польши антипольской пропаганде по радио на коротких волнах и оказать помощь Польскому правительству в организации защиты от враждебной пропаганды по радио на средних волнах техническими средствами Польши».

Для обеспечения этого задания министерству связи СССР разрешалось использовать до 12 коротковолновых вещательных передатчиков, находящихся на радиостанциях Советского Союза.

Кроме того, было принято решение в 5-дневный срок командировать в Польшу начальника Главного управления радиосвязи А.И.Жарова и старшего инженера министерства связи П.К.Сергеева с группой опытных специалистов (4—5 человек) на 3 месяца для оказания помощи в организации службы защиты и передачи опыта Министерства связи в этой области. В Постановлении указывалось на необходимость использования технических средств Советского Союза, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Болгарии⁶³.

Основным центром радиоглушения западных передатчиков, ведавших на страны восточного блока, наряду с СССР была Чехословакия. Но даже такой высокий уровень технического развития, каким располагала Чехословакия по сравнению с другими странами региона, был явно недостаточным. Аппараты глушения подавляли вещание на длинных и средних волнах, но не достигали коротковолновых трансляций. Во второй половине 1951 г., в связи с началом вещания радио «Свободная Европа» на Чехословакию, потребовалась перестройка всей системы радиоглушения. Следует отметить, что теперь радиоглушение было признано элементом системы обороны страны и передано в ведение военного министерства Чехословакии.

До конца 1951 г. радиоглушение в этой стране подавляло работу западных станций на средних волнах. Для глушения передач на длинных волнах был построен специальный радиопередатчик в г. Топольне, который своей мощностью перекрывал всю чехословацкую территорию.

К этому времени в Чехословакии вслед за СССР были созданы радиоустановки, которые глушили западные передачи на коротких волнах, вещавшие на Польшу и Венгрию. Советские специалисты в начале 50-х годов разработали планы развития сети глушения и с этой целью в Чехословакии были созданы 8 центров для управления и контроля за радиопередачами. Кроме того, в Москве учитывали центральное географическое положение Чехословакии в Европе. Поэтому именно в Чехословакии было запланировано создать координационный центр, который бы осуществлял постоянный контроль за передачами и радиоглушением западных радиостанций на всех волнах пояса. В этой же стране предполагалось создать также штаб радиообороны, который бы подчинялся чехословацкому министерству госбезопасности. Каждый из 8 радиочентров, строительство которых предполагалось закончить в 1953 г., имел бы 2 коротковолновых и 2 средневолновых передатчика. Впоследствии в Москве было решено число радиочентров в Чехословакии увеличить до 9⁶⁴.

Таким образом, Чехословакия становилась форпостом глушения западного радиовещания на страны советского блока.

В 1951 г. заметно активизировалось взаимное сотрудничество стран региона в деле глушения. Так, в первой половине 1951 г. руководитель венгерского радиокомитета Й.Сирмай по поручению М.Ракоши начал переговоры с чехословацким руководством о совместном глушении передач радиостанций «Свободная Европа» и «Голос Америки» на венгерском языке. 31 октября 1951 г. политсекретариат ЦК КПЧ одобрил сотрудничество с Венгрией в этом вопросе, а также принял решение обсудить и согласовать чехословацко-венгерское взаимодействие по этой проблеме с Москвой. Развитие подобного сотрудничества происходило и между другими восточно-европейскими странами.

С 1952 г. руководство Чехословакии усилило внимание к международному сотрудничеству в области создания системы и координации действий между восточно-европейскими странами по радиоглушению западных радиостанций. В 1952 г. были заключены соответствующие соглашения с Венгрией и Польшей и начаты переговоры о заключении подобных договоров с Румынией и Болгарией, на которые также работали станции радиоглушения с территории Чехословакии. В январе 1952 г. с помощью советских экспертов при чехословацком радиокомитете было создано специальное отделение, которое занималось глушением заграничных радиопередач. В марте этого же года органы госбезопасности Чехословакии взяли на себя контроль и управление «обороной» против трансляций с Запада. В 1952 г. в Чехословакии продолжалось строительство объекта радиообороны под кодовым названием

«-405», в котором принимали участие советские специалисты. Чехословацкое правительство выделило на создание этой системы радиообороны и выполнение проекта «-405» 350 млн крон, что в три с лишним раза перекрывало предыдущие расходы на строительство станций радиоглушения, составлявшие 100 млн крон. Создание подобной системы становилось делом все более дорогостоящим⁶⁵.

Однако, несмотря на все технические и финансовые усилия чехословацкого правительства, существовавшая к этому времени система радиоглушения была все же малоэффективной. Так, возглавлявший в тот период чехословацкое радио К. Штагл, информировал высшее партийно-государственное руководство, что в 1952 г. глушились лишь 16% всех коротковолновых приемников. В то же время от 40 до 60% приемников могли свободно принимать радиопередачи с Запада. В сентябре 1952 г. чехословацкое руководство признало отставание от плана в создании радиозащиты «-405». В связи с этим в 1953 г. были предприняты дополнительные меры по ускорению строительства системы. Тем не менее, несмотря на огромные организационные усилия и вложенные материальные средства, эффективной системы радиоглушения так и не удалось создать. По данным, приведенным чешским исследователем К. Капланом, только в 1959 г. проект «-405» был выполнен⁶⁶.

Таким образом, в конце 40 — начале 50-х годов радиопередачи из западных стран, обращенные к гражданам восточно-европейского региона, являлись одним из важнейших каналов информационного воздействия. Через этот канал население стран восточного блока получало, как правило, достоверные сведения, которые ему не предоставляли отечественные средства массовой информации по идейно-политическим соображениям. Вместе с тем необходимо отметить, что поставлявшийся с Запада информационный материал интерпретировался зачастую тенденциозно и подавался в агрессивной форме. Западные страны в борьбе за общественное мнение, создание и укрепление негативного отношения населения к коммунистическому режиму наращивали свои усилия и использовали весь возможный арсенал средств массовой информации.

В 1951—1953 гг. из ФРГ в Чехословакию систематически запускались воздушные шары, с помощью которых разбрасывались антиправительственные листовки и агитационные материалы. В 1951 г. было распространено 348 тыс. листовок антикоммунистического и антисоветского содержания. В 1953 г. было разбросано 161 тыс. листовок в ГДР, из которых 45 тыс. листовок имели антисоветскую направленность⁶⁷.

Осознавая недостаточную эффективность собственной контрпропаганды и мер подавления радиопрограмм, партийно-государственное руководство стран восточного блока в начале 50-х годов расширяло запретительные меры и ограничения, направленные фактически на создание информационной блокады каждой из стран и региона в целом. Еще с конца 40-х годов были усилены ограничения на контакты граждан, проживавших в странах восточ-

ного блока с зарубежными странами. Все отъезжавшие за границу по служебным делам проходили строгую проверку, а частные контакты и частные выезды за границу даже к родственникам по существу были сведены на нет. Резко ограничили контакты между гражданами восточно-европейских стран и иностранцами, находившимися по долгу службы или с частными визитами в странах советского блока. Это относилось прежде всего к встречам с дипломатами западных стран, посещениям иностранных посольств, библиотек, клубов, контактам с журналистами, работниками разного рода торговых организаций, фирм и т.д. Все контакты местного населения с иностранцами строго контролировались и отслеживались органами госбезопасности. Для дипломатических работников иностранных государств, за исключением СССР, вводились все новые ограничения в их передвижении по территории восточно-европейских государств и контактах с местным населением.

Так, например, в апреле 1949 г. министерство иностранных дел Румынии фактически запретило иностранным дипломатам свободное передвижение по территории Румынии. Сотрудники дипломатического корпуса практически были лишены возможности выезжать за пределы г. Бухареста и тех дачных мест, которые предоставлялись румынскими властями для отдыха иностранным дипломатам и их семьям. Реагируя на это решение, Британская миссия в Бухаресте направила в МИД Румынии ноту с просьбой объяснить причины ограничений и правила передвижения иностранных дипломатов по территории Румынии⁶⁸.

Документы российских архивов показывают, что все разрабатываемые в странах советского блока мероприятия по ограничению перемещения западных дипломатов и приравненных к ним работников югославских посольств согласовывались с Москвой и соотносились с положениями, действовавшими на территории СССР. Как следует из беседы статс-секретаря МИД Венгрии А.Береи с советским послом в этой стране Е.Д.Киселевым, руководитель венгерских коммунистов М.Ракоши информировал советского посла, а следовательно, советское руководство, о принятии ряда мер, направленных на ограничение в передвижении дипломатических представителей по территории Венгрии. Береи ознакомил советского посла с проектом решения МИД Венгрии по этому вопросу. Согласно этому проекту, венгерское правительство ограничивало все передвижения иностранных дипломатов окрестностями Будапешта в радиусе 30 км, где также были определены закрытые зоны, недоступные для иностранцев. Все остальные города и населенные пункты Венгрии могли посещаться иностранными дипломатами лишь после особого разрешения, полученного от МИД Венгрии. Венгерское правительство сделало исключение только для пользования дорогой Будапешт—Вена, поскольку она была главной трассой для поездок большинства западных дипломатов в Австрию, а также к «местам отдыха и развлечений» в районе озера Балатон. Советский посол в этой связи был заверен, что там нет никаких военных объектов⁶⁹.

Кроме того, ограничивались контакты граждан с представителями западных культурных учреждений и посещения посольств. На встрече с советским послом представитель МИД Венгрии просил сообщить в Москву и узнать реакцию советского правительства на решение венгерского руководства о запрещении публикации в Будапеште английского и американского бюллетеней, издаваемых соответствующими миссиями. Причиной закрытия этих бюллетеней, по заявлению венгерской стороны, являлась якобы необъективная информация, которая публиковалась в этих бюллетенях и распространялась среди граждан Венгрии чаще всего нелегальным путем, без ведома венгерских властей. Венгерское правительство было намерено закрыть также и библиотеку, действовавшую при американской миссии.

Естественно, что за контингентом читателей, посещавших библиотеку, была установлена слежка со стороны венгерских органов безопасности. По их наблюдениям, кроме работников американского посольства, библиотеку посещали венгры, которые, по сообщениям спецслужб, вербовались служащими американской миссии «для шпионской деятельности против Венгерской Народной Республики»⁷⁰.

Аналогичные меры, запрещавшие свободное передвижение дипломатических работников иностранных посольств и ограничивавшие контакты рядовых граждан и государственных служащих с иностранцами, были задействованы и в других странах восточного блока. Так, в 1951 г. чехословацкое руководство запретило работникам госучреждений страны посещать иностранные посольства. 9 апреля 1951 г. в беседе с советским послом М.А.Силиным В.Широкий отметил, что проведенная проверка установила, что только за один день 1951 г. американское посольство посетило 38 человек, среди которых «были даже начальники экспортных и импортных управлений министерства внешней торговли»⁷¹.

С целью ограничить посещения иностранных посольств и миссий капиталистических стран МИД ЧСР по поручению правительства подготовил в апреле 1951 г. постановление, запрещавшее государственным учреждениям «иметь непосредственные сношения с иностранными посольствами и миссиями и принимать в своих учреждениях иностранцев». Право сноситься с указанными иностранными учреждениями предоставлялось только МИД ЧСР, министерству внешней торговли и генеральному штабу чехословацкой армии. Вся переписка государственных учреждений, как указывалось в этом постановлении, должна была производиться исключительно через МИД ЧСР. Одновременно всем членам правительства и руководителям государственных учреждений было разослано дополнительное конфиденциальное письмо за подписью В.Широкого, в котором указывалось, что это запрещение не распространялось на отношения с советскими учреждениями в ЧСР⁷².

Следует отметить, что советско-югославский конфликт и решения Коминформа по Югославии повлекли за собой «подключение» лидерами СССР и стран Восточной Европы Югославии к за-

падному миру, что оборачивалось разрывом контактов как на официальном уровне, так и с рядовыми гражданами Югославии. При формальном сохранении дипломатических отношений с этой страной, советским представителям, работавшим в странах советского блока, запрещалось поддерживать официальные или неофициальные контакты с югославскими посольствами. По словам посла СССР в Румынии С.И.Кавтарадзе «мы их даже не приглашаем на наши праздники,.. мы их просто игнорируем»⁷³. Более того, в отношении дипломатических представителей Югославии предпринимались гораздо более жесткие ограничения для деятельности и передвижения по территории стран их пребывания, чем даже для дипломатов капиталистических государств. Инициатором таких мер являлось советское руководство. Примеру Советского Союза следовали все подконтрольные ему страны. Югославское правительство платило своим прежним «друзьям и братьям» той же монетой, ограничивая деятельность посольств СССР и стран советского блока на своей территории.

Так, с 1 декабря 1951 г. югославское правительство ввело ограничения на передвижения по стране сотрудников советского посольства. При этом, в специальной ноте (от 1 декабря) указывалось:

«а) Персоналу советского посольства запрещается выезжать в Боснию, Герцеговину, Македонию, Черногорию, в автономные области Воеводину, Косово и Метохию, а также в районы бывшей Мариборской области и в пограничный пояс шириной 30 км.

б) Разрешается без предварительного уведомления югославских органов передвигаться лишь в радиусе 30 км от г. Белграда, за исключением Мелезника, Остружницы, всего бассейна Раковицы, района аэродрома в Земуне и всей левой стороны в Земуне от автострады "Братство—единство" Белград—Загреб, каковые являются запретными.

в) Разрешаются поездки в Тржич, Тополу и Обреновац (по главным магистралям) при условии предварительного оповещения МИД Югославии о каждой поездке»⁷⁴.

В ноте также говорилось, что эти ограничения вводились югославским правительством в порядке «ответной меры». Югославское руководство делало ссылку на то, что к сотрудникам посольства Югославии в СССР применялись дискриминационные меры при передвижении последних по территории СССР.

По сообщению из Белграда поверенного в делах СССР в Югославии Г.П.Шнюкова, ограничения были введены югославской стороной также и для персонала посольств и миссий стран Восточной Европы. Более того, вводимые югославским правительством ограничения в передвижении дипломатов по югославской территории не затрагивали сотрудников представительств капиталистических стран. Придавая сообщению из Белграда особое значение и рассматривая сведения, изложенные в нем, как содержавшие грубую дискриминацию в отношении Советского Союза, заместитель министра иностранных дел А.А.Громыко направил специаль-

ную докладную записку лично И.В.Сталину. В ответ советское правительство приняло решение заявить через Г.П.Шнюкова свой протест по поводу подобного решения югославского руководства и дало распоряжение сотрудникам советского посольства «игнорировать эту меру югославов»⁷⁵.

Таким образом, в конце 40 — начале 50-х годов был фактически «перекрыт» канал поступления информации, который создавался общением граждан стран региона с иностранцами. Резко были ограничены также возможности распространения какой-либо информации посольствами западных государств и Югославии.

Начиная с 1948—1949 гг., партийно-государственные руководители восточно-европейских стран совместно с органами МВД и госбезопасности СССР предприняли ряд мер, направленных на ужесточение пограничного контроля и закрытие границ. Цель была очевидна — пресечь контакты граждан своих стран с западными и южными соседями, поставить заслон их выезду за границу и ослабить «капиталистическое влияние» на население своих стран.

Однако технически перекрыть полностью перемещения отдельных категорий населения или отдельных лиц было делом весьма сложным. Кроме легальных, хотя и ограниченных, возможностей выезда за рубеж существовали способы нелегального бегства из страны. Попытки «бегства» из стран Восточной Европы, нелегальный переход границ, хотя и не приняты в рассматриваемый период массового характера, но тем не менее имели место и более того — со временем нарастали. Следует отметить, что уже в первые годы после окончания войны была во многом ликвидирована «прозрачность» границ стран Восточной Европы, находившихся в советской сфере влияния. Поначалу границы большинства стран контролировались советскими погранвойсками. Постепенно в странах Восточной Европы при участии СССР были созданы национальные пограничные службы, которые обеспечивали охрану и безопасность границ, а также устанавливали жесткий режим пересечения границ. Тем не менее и в этот период, и позднее часть высшей довоенной и послевоенной экономической и политической элиты, в том числе и представители интеллигенции, смогла, главным образом, нелегально или при попустительстве власти, покинуть свои страны, не принимая власть коммунистических партий и установленных ими политических режимов. Выезду этих лиц в западные страны часто помогали английские и американские дипломатические службы. Из Румынии на английских и американских самолетах в 1945—1946 гг. вылетели два премьер-министра первых правительств, образованных после выхода Румынии, недавнего союзника гитлеровской Германии, из войны, К.Санатеску, Н.Радеску, министр правительства К.Вишоюну и др. В 1947 г. из Польши при содействии западных дипломатов выехали лидер антикоммунистической оппозиции Ст.Миколайчик и ряд близких ему лиц. Достаточно массовой была легальная эмиграция из Чехословакии, особенно после февраля 1948 г. И в этом смысле Чехословакия была исключением среди стран региона.

На рубеже 40—50-х годов легальный выезд за границу частных лиц был в государствах Восточной Европы практически прекращен полностью, в том числе путем ужесточения пограничного режима и процедуры пересечения государственной границы, хотя несколько не уменьшилось число граждан, желавших выехать на Запад или покинуть свои страны. Например, по информации, поступившей 31 августа 1950 г. в Москву от представителя совинформбюро в Румынии А.К.Борзенко, из 132 тыс. евреев, проживавших в Бухаресте, 120 тыс. подали заявления на выезд с целью навсегда покинуть Румынию⁷⁶. Нужно заметить, что в этот период некоторой части еврейского населения, хотя и с большими трудностями и препятствиями, удалось получить разрешение на выезд. Но большинство еврейского населения, не говоря уж о лицах других национальностей, такой возможности не получили.

В Чехословакии, по данным чехословацкого министерства национальной обороны, общее количество бежавших или пытавшихся бежать за границу составило на январь 1951 г. 12 100 человек. Из 12 100 человек 6 726 бежало за границу, 4 672 было задержано при попытке к бегству, 510 человек задержано при возвращении в Чехословакию, 110 человек попросили у властей разрешения вернуться на родину⁷⁷. Факты бегства польских граждан, а также заброски американцами диверсантов, отмечала и польская сторона⁷⁸.

Вполне естественно, что прежде всего коммунистические власти укрепляли западные границы восточно-европейских стран. По информации министра внутренних дел Чехословакии В.Носека от 31 марта 1950 г. правительство страны было «намерено провести целый ряд мероприятий по укреплению государственных границ и служб госбезопасности». По данным на это время, на западные границы вступили 4000 солдат и офицеров для несения пограничной службы. Через шесть месяцев правительство решило направить на эти границы еще 4000 чел. В пограничные отряды, подчеркнул Носек, отбирались лучшие солдаты и офицеры, в основном из рабочих и крестьян. На протяжении всей границы создавалась «мертвая зона». В каждого, появившегося в этой зоне, кроме дороги на КП (командный пункт), было приказано стрелять⁷⁹.

Укреплялись также и южные границы стран советского блока. Второй секретарь советского посольства СССР в Софии Г.М.Базанов сообщал в июне 1949 г. в Москву, что болгарское руководство также обеспокоено ситуацией, сложившейся на границе Болгарии с другими странами. Он отмечал, что в последнее время переход из Болгарии через югославскую границу «принимает почти эпидемический характер». В качестве причин бегства он называл самые различные поводы: ущемленное личное самолюбие, ореол Тито как «национального героя» и т.д. «В Югославию, — как писал Г.М.Базанов, — бегут не только лица из пограничных населенных пунктов, но и из внутренних районов страны»⁸⁰. Некоторые граждане Болгарии пытались переходить болгаро-греческую и болгаро-турецкую границы. Но после конфликта с Югославией особенно привлекательной для «разного рода неблагонадежных элементов»

стала именно югославская граница. За первый квартал 1949 г. болгарской прокуратурой было заведено 65 дел о попытках перехода границы. За апрель—май этого года в прокуратуру поступило 40 таких дел⁸¹. В мае 1949 г. прокурор софийской области сообщал: «Бегство через югославскую границу становится массовым явлением». Как отмечал прокурор, это главным образом «бывшие легионеры, исключенные из университета студенты, уголовные преступники и другие».

По данным Базанова, среди пойманных при переходе через болгаро-югославскую границу большинство составляет молодежь 18—20 лет. Многие из бежавших по социальному положению принадлежали к рабочему классу, а по политическому — некоторые даже к коммунистической партии или Союзу народной молодежи. Часть из них была намерена использовать Югославию как коридор для перемещения в западные страны, часть хотела остаться в Югославии⁸².

Такая ситуация на границе вызывала со стороны руководства Болгарии ужесточение пограничного режима и закрытие границ как с Югославией, так с другими странами. В 1950 г. была закрыта и болгаро-турецкая граница.

С 1 мая 1949 г. правительством Албании была закрыта албаногреческая граница и прекращена отправка через албанскую границу всякой помощи греческим левым, что было еще одним свидетельством прекращения поддержки советским руководством гражданской войны в Греции, и конкретно греческих коммунистов. Одновременно албанское руководство приняло меры к укреплению собственной границы с Югославией⁸³.

Следует обратить внимание, что эти действия албанское правительство предпринимало по прямому указанию из Москвы. Так, 25 апреля 1949 г. посланник СССР в Албании Д.С. Чувахин в беседе с председателем Совета министров Албании и главой компартии Э.Ходжей сказал ему, что «в Москве считают желательным, чтобы албанское правительство закрыло границу с Грецией и приняло необходимые меры по укреплению своих границ с Югославией». Ходжа поддержал указание советского посла, заявив, что он «полностью согласен с мнением Москвы». При этом он подчеркнул, что «Центральным Комитетом партии будут приняты срочные меры по укреплению албано-югославской границы и особенно наиболее слабых участков границы». Этот вопрос в тот же день был вынесен на заседание политбюро ЦК партии, на котором было принято решение направить в наиболее слабые пограничные районы дополнительные войсковые части⁸⁴.

Одним из методов пресечения контактов граждан стран региона с Западом, а также с Югославией были превентивного и наказательного свойства высылки из приграничных районов. Одновременно, по мнению лидеров компартий, достигалась внутренняя стабильность и безопасность пограничья. Этот метод, безусловно, был заимствован из арсенала советской власти, а также из опыта переселений народов в годы войны и в послевоенной Европе по

решению глав антигитлеровской коалиции. В конце 40 — начале 50-х годов он оказался востребованным и активно использовался руководством ряда стран Восточной Европы. Причем в новых условиях выселением населения преследовалась цель не только очистить приграничье от представителей нации, господствовавшей в соседней стране, но и, исходя из классового и национального принципов, изменить социальный и национальный облик приграничных территорий в пользу представителей титульной нации. В странах региона (Румынии, Венгрии, Чехословакии, Болгарии) в приграничных районах, в том числе с Югославией, были искусственно нарушены, причем с обеих сторон, традиционно сложившийся этнический состав, контакты между жителями приграничных районов. Постарались родственные связи, смешанные браки. Тысячи людей были сорваны с мест, где веками жили их предшественники. В Болгарии особая острота была придана «турецкому вопросу». В 1949 г. началось выселение турок из пограничных с Турцией территорий Болгарии. Причем есть сведения, что инициатором этого выселения являлся лично И.В.Сталин. Именно он на встрече с болгарской правительственной делегацией, происходившей в Москве в июле 1949 г., жестко настаивал на выселении из Болгарии в Турцию болгарских турок, подозревая их в шпионаже. Даже сомнения болгарской делегации, высказанные В.Червенковым и А.Юговым, в нецелесообразности подобных действий (турецкое население являлось главным производителем важнейшей сельскохозяйственной культуры — табака) не оказали влияние на Сталина⁸⁵. 18 августа этого года ЦК БКП принял решение, в котором говорилось, что туркам, желающим покинуть Болгарию, будет предоставлена такая возможность. Правительство разрешило всем желающим болгарским туркам выезжать в Турцию. Указывалось, что в случае, если до конца года они не покинут Болгарию, то их будут насильственно переселять с юга в северные районы страны⁸⁶.

Процесс переселения турецкого населения из Болгарии в Турцию растянулся на многие годы и прекратился лишь в 1952 г., когда турецкое правительство закрыло свою границу с Болгарией. Из 500 тыс. человек турецкой национальности, проживавших в Болгарии, выехало около 250 тыс., т.е. 50%. Поскольку по конвенции от 18 сентября 1925 г., заключенной между Турцией и Болгарией, обе страны обязались не препятствовать такому переселению, то болгарская сторона обвинила турецкое правительство в нежелании принимать к себе болгарских турок. По словам посла Болгарии в СССР С.Благовой, оно «всячески саботирует это мероприятие»⁸⁷.

Турецкое же правительство, со своей стороны, обвинило болгарское правительство в нарушении прав человека и нежелании соответствующим образом решать вопросы, связанные с переселением болгарских турок. Турцию поддержали западные средства массовой информации и югославская пресса. Проблема выселения турок из Болгарии приобрела международное, негативное для Болгарии, звучание. В связи с этим С.Благов в беседе с заместителем

лем министра иностранных дел СССР А.И.Лаврентьевым, состоявшейся в Москве 22 октября 1950 г., высказала предположение, что вопрос может быть вынесен на сессию Генеральной Ассамблеи ООН с обвинением болгарского правительства в нарушении прав человека в Болгарии. С.Благоева изложила Лаврентьеву поручение МИД Болгарии посоветоваться с советским руководством по вопросу организации пресс-конференции в Москве перед журналистами СССР и стран народной демократии с разоблачением антиболгарской пропаганды турецкой реакции и просьбой организовать в советской печати ряд статей по этому вопросу. Просьба болгарской стороны была поддержана Лаврентьевым. Он обещал Благоевой оказать в связи с этим помощь болгарскому МИДу⁸⁸.

В 1950—1951 г. румынские власти пошли на еще более радикальное решение проблемы пограничья. Речь шла о зачистке пограничной с Югославией румынской территории и переселении румынских граждан сербской и других национальностей, проживавших вблизи югославской границы, в глубь Румынии. Советско-югославский конфликт и фактический разрыв СССР и стран Восточной Европы с Й.Тито подтолкнули румынское правительство к решению создать по всей границе с Югославией «полосу отчуждения» или своего рода санитарный кордон шириной 10—15 км. Г.Георгиу-Деж, объясняя позднее в беседе с советским послом в Румынии Л.Г.Мельниковым, состоявшейся 25 августа 1953 г., необходимость такой меры, указал на наличие вдоль границы с Югославией «враждебных элементов» и лиц, сочувственно относящихся к «титовскому режиму». Под «враждебными элементами» подразумевались не только не составлявшие здесь большинства сербы и немцы, традиционно проживавшие в пограничных с Югославией районах, но и все прочие жители приграничья, в том числе и румыны⁸⁹.

По данным, приведенным в докладной записке первого секретаря посольства СССР в Румынии А.Голиченкова, направленной им в июне 1951 г. в Москву, к этому времени с румыно-югославской границы были переселены 10 501 семья, или — 33 657 «враждебных элементов», в том числе:

«бессарабцы, бежавшие из Молдавской ССР	2 687 семей	7 777 чел.
македонцы	705	3042
бывшие руководители немецких отрядов СС	73	198
"титовские элементы"	253	833
контрабандисты	205	519
содействующие бандитам	100	274
родственники бежавших	83	298
кулаки, владельцы кабаков	4712	16433
торговцы, связанные с границей	11	30
бывшие помещики и капиталисты	48	124
бывшие военнослужащие и чиновники	31	77 чел.» ⁹⁰

Анализ этих статистических данных позволяет говорить о том, что организаторы переселения руководствовались далеко не только и не столько «национальными» аргументами. Речь шла в первую очередь о классовом подходе к определению лиц, подлежащих выселению. Этот наш тезис подтверждается данными о национальном составе выселенных к середине 1951 г.

Национальный состав переселенных был следующим:

«румыны	3 069 семей	1 0514 чел.
македонцы	696	3 007
бессарабцы	2 369	6 728
немцы	2 529	7 995
сербы	805	3 005
венгры	152	409
турки	10	30
болгары	2	4
чехи	11	38
евреи	1	2
итальянцы	4	10» ⁹¹

По данным, приведенным А.Паукер в беседе с послом СССР 11 июля 1951 г., на это время из общего числа сербов и хорватов — около 3 000 человек — переселению подверглось 2 000 человек⁹². А.Паукер, чтобы отвести обвинения в национальном характере акции, думается, сознательно занизила количество выселенных сербов и хорватов.

По социальному составу большинство переселенцев были крестьянами (8 367 семей), из которых 70% являлись, по тогдашней терминологии, кулаками, 628 семей — представителями рабочих, 536 семей — служащих и интеллигенции и только 63 семьи — бывшими помещиками, капиталистами и крупными торговцами⁹³. Хотя эти данные несколько расходятся с информацией Голиченкова, они отражают политический замысел выселений.

Переселенцы направлялись в основной своей массе в области Галац и Яломица, где требовались рабочие руки в связи с индустриализацией, а также в засушливые степи Барагана. Незначительной части из них была предоставлена возможность выбора места в других, но специально отведенных для этой цели районах.

Переселенцам разрешалось забрать с собой мебель, домашние вещи, продукты, а также пару быков или лошадей с повозкой, овец, свиней, птицу и т.п., всего — в пределах одного вагона. Остальные вещи могли быть проданы специально созданной для этой цели комиссией.

В пути следования было организовано санитарное обслуживание. По прибытии на место переселенцы размещались во временные жилища, дети до одного года с матерями направлялись в госхозы, беременные женщины — в больницы.

На новых местах на каждую семью выделялось 2,5 га приусадебной земли, строительный материал для постройки жилища и т.д. Таковы официальные данные, переданные румынскими властями советскому представителю⁹⁴.

В действительности же все было далеко не так идиллически, как об этом сообщалось в Москву, и вылилось в настоящую трагедию для тысяч переселенцев. Как отмечал Г.Георгиу-Деж, румынское руководство, считая, что эти люди «не заслуживают политического доверия», решило не наделять их землей в таких размерах, которые были установлены во время земельной реформы для румынских крестьян (т.е. 5 га), а дать им только небольшой участок земли, на котором они могут построить себе жилье. Многие из переселенцев перестали заниматься сельским хозяйством и были вынуждены перейти на работу в промышленность, другие остались проживать на тех участках, которые им были выделены. «Ясное дело, — признавал Деж, — что среди этого населения такие меры вызвали большое недовольство»⁹⁵. И хотя по официальной румынской информации «все прошло спокойно», чиновники не могли скрыть того факта, что «имели место единичные случаи побегов и даже с применением оружия».

Пытаясь успокоить общественное мнение и сдержать складывавшееся в стране негативное отношение к переселению жителей пограничных районов, румынские власти убеждали население, что «факт переселения был использован отдельными реакционными элементами в РНР для распространения панических слухов». Оправдывая свою политику, румынское руководство внушало заведомую ложь о том, что «в заграничной прессе и радио не было никаких откликов, за исключением югославского радио»⁹⁶.

28 июня 1951 г. югославское правительство направило в МИД Румынии ноту протеста, в которой говорилось, что румынские власти уже три года систематически оказывают давление на национальные меньшинства и на югославских граждан в Румынии. В ноте приводились факты злоупотреблений со стороны властей, в частности, указывалось на участие в «операции» по переселению солдат румынской армии и на насильственные действия с их стороны по отношению к мирному населению. Тем не менее, министр иностранных дел Румынии А.Паукер при встрече с послом СССР в Бухаресте С.И.Кавтарадзе 11 июля 1951 г., пытаясь опровергнуть факты, приведенные в ноте югославского МИДа, заявила, что «нота югославского правительства по поводу переселения представляет собой чистую ложь и клевету, и ни один пункт ее не соответствует действительности» и поэтому «эта нота останется без ответа...»⁹⁷ Судя по содержанию разговора, А.Паукер была понята советским послом.

Как показывают документы, информация, которую поставляло руководство стран восточного блока собственному населению, а также направляло в Москву, нередко подавалась в выгодном для лидеров каждой из стран свете. Например, в связи с хорошим урожаем 1951 г. на имя генерального секретаря РПП из некоторых

сербских сел стали поступать (заказные со стороны партийных органов) «верноподданические телеграммы» представителей сербского населения Румынии. Но в ЦК РРП поступала корреспонденция и иного характера. Сербское население, напуганное масштабами переселения и его последствиями, нередко сопровождавшегося насилием, лишением имущества и средств к существованию, обращалось в высшие партийные и государственные инстанции Румынии, доказывая властям свою гражданскую лояльность. И те и другие материалы были использованы румынским партийным руководством для доказательства правильности, целесообразности и гуманности своих действий. Так, в уже упоминавшейся выше беседе с советским послом 11 июля 1951 г. А. Паукер рассказывала ему о мероприятиях правительства, направленных на улучшение условий жизни переселенцев, открытии школ, детских садов, избитален и т.д. и о решении партийного руководства командировать высшие партийные чины для обследования жизни переселенцев.

В то же время А. Паукер особо подчеркнула, что «среди оставшихся на месте, должно быть, немало скрытых врагов, но их по степени выявления будут изымать и переселять»⁹⁸.

Советское руководство, постоянно на словах подчеркивая необходимость развития дружественных связей и контактов между государственными, общественными организациями, а также населением восточно-европейских стран и СССР, практически во многом проводило политику ограничения и дозирования этих контактов через жесткий политический контроль за информацией, исходившей прежде всего из Советского Союза. Казалось бы, парадоксальная ситуация, но она подтверждается фактическими материалами.

Заметим, что под влиянием развернутой партийными органами в странах советского блока пропаганды о достижениях Советского Союза, о преимуществах советского строя, подтвержденного победой в войне с Германией и экономической помощью странам региона в первые послевоенные годы, у простых граждан Восточной Европы и даже граждан западных стран возрастал интерес к жизни советских людей, доверие к успешной работе промышленных предприятий и даже колхозов, уважение к литературе, искусству, культуре и т.д. Об этом свидетельствовало большое число писем, поступающих в советские общественные и другие организации из стран региона. Только из Польши в 1950 г. было направлено через общество польско-советской дружбы 6955 писем. Например, в январе 1951 г. в антифашистский комитет советской молодежи поступило 1378 писем, в том числе из Австралии — 1, Англии — 3, Франции — 4, Чехословакии — 241. Следует обратить внимание, что ответов на эти письма, как правило, не следовало. В 1950 г. в соответствии с указанием ЦК ВКП(б) антифашистский комитет советской молодежи запретил переписку между советской и зарубежной молодежью. На письма, поступающие в антифашистский комитет от молодежных организаций региона, не давалось ответа. Комитетом организовывались ответы только в том случае, если со-

держание писем представляло политический интерес, причем всегда под контролем секретариата ЦК ВЛКСМ. Поэтому, как указывалось в письме секретаря ЦК ВЛКСМ Н.А.Михайлова в ЦК ВКП(б), за 2 месяца 1950—1951 гг. антифашистский комитет направил за рубеж всего 10 коллективных писем советской молодежи и разослал в различные комсомольские и советские организации для ответов 27 писем⁹⁹.

Заметим, что вся информация (обращения, письма и др.), исходившая из СССР, и личные контакты советских граждан находились под строгим контролем партийных организаций и правоохранительных органов. С февраля 1947 г. в СССР были запрещены браки между гражданами СССР и иностранцами, в том числе и из стран советского блока. Изоляция от западного мира, с одной стороны, и апологетика успехов Советского Союза, с другой, нужны были кремлевскому руководству, чтобы скрыть неудачи Советского Союза, прежде всего в экономической сфере. Призывая к активной пропаганде успехов Советского Союза и «образа жизни советских людей», в Кремле в то же время опасались правдивой информации о реальном положении советских промышленных и особенно сельскохозяйственных предприятий, прежде всего колхозов, которые в послевоенный период находились в полном упадке. Именно поэтому сведения о положении дел в СССР и странах советского блока зачастую искажались, нередко просто фальсифицировались. Информация подавалась весьма дозированно и находилась под строгим контролем представителей высших эшелонов власти. Советское руководство внимательно следило за тем, чтобы во внешний мир не поступала информация, на основе которой мог быть подвергнут сомнению престиж Советского Союза. Приведем весьма показательный в этом отношении пример: в 1950 г. члены одного единого сельскохозяйственного кооператива из округа Врабле (Чехословакия) в связи с 33-ей годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции написали письмо советским крестьянам из колхоза «Сигнал революции» Ворошиловского района Саратовской области с просьбой «сообщить им о жизни и делах колхоза». Советские колхозники подготовили ответ. Но письмо не дошло до чехословацких крестьян. Оно было направлено в ЦК ВКП(б). Вопрос об этом обычном письме рядовых людей решался на столь высоком партийном уровне. Объясняя причины нежелательности переписки между советскими и чехословацкими крестьянами, председатель Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В.Г.Григорьян в докладной записке, направленной 25 января 1951 г. секретарю ЦК ВКП(б) М.А.Суслову, отметил, что он считает нецелесообразным переписку крестьян из советского колхоза «Сигнал революции» с членами единого сельскохозяйственного кооператива округа Врабле, поскольку урожай зерновых в советском колхозе были «значительно ниже показателей урожайности в ряде чехословацких сельскохозяйственных кооперативов». Суслов согласился с этим, и письмо было задержано. Секретарю Саратовского обкома ВКП(б) А.Ключникову за под-

письму заместителя председателя Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) А.А.Смирнова был отправлен ответ с указанием на нецелесообразность переписки членов колхоза «Сигнал революции» с крестьянами из Чехословакии¹⁰⁰. И таких примеров было немало. Советская пропаганда и пропаганда компартий стран советского блока делали все, чтобы создать «светлый образ» социализма, укрепить веру общества «в победу дела социализма», но скрывали реальное положение вещей, которое могло породить сомнения у граждан зарубежных стран¹⁰¹.

Таким образом, на основе вышеизложенного материала можно констатировать, что в начале 50-х годов компартии стран Восточной Европы, взяв курс на установление жесткого политического контроля за информацией, создали соответствующие структуры и учреждения, призванные обеспечить монопольный контроль за этой сферой общественной жизни. В рассматриваемый период сложился достаточно широкий механизм информационного блокирования региона: цензура, глушение радиопередач, контроль за личной перепиской, ограничение контактов и связей, как личных, так и производственных с гражданами и представительствами западных стран в регионе, запрещение свободного передвижения иностранцев по территории стран пребывания, закрытие границ и т.д. В этой системе запретительных мер на передний план была выдвинута именно цензура. Хотя в конце 40 — начале 50-х годов в странах Восточной Европы были приняты законы о печати, правовое «поле», определяющее деятельность СМИ отсутствовало. Работа СМИ регулировалась в основном партийными решениями, постановлениями и указаниями, исходившими от высших партийно-государственных органов. Нажим и давление на СМИ стали повседневной практикой.

Введение цензуры в странах Восточной Европы явилось одним из важнейших инструментов обеспечения партийно-государственного руководства информацией. Компартии монополизировали право на формирование общественного мнения.

Но использование различных механизмов, позволивших установить информационную блокаду СССР, в рассматриваемых странах в полной мере не «срабатывало». Хотя под воздействием этих механизмов разрушалась традиционная ориентация населения большинства стран региона на Запад и пресекались его контакты с капиталистическим миром, тем не менее компартиям не удалось полностью «закрыть» регион, обеспечить его информационную блокаду.

Реальные результаты всех проведенных мероприятий, как и в случае с антиюгославской пропагандой, не были адекватны предпринимавшимся усилиям. Их успех был частным и временным. Это обуславливалось рядом причин и прежде всего географическим положением региона, ментальностью населения большинства стран, продолжавшего считать себя составной частью той Европы, от которой его отделяли, а также технологическим прогрессом в средствах коммуникаций, что снижало эффективность заслона на

пути информационного потока, шедшего с Запада. Попытки установить информационную блокаду, наряду с мощной идеологической пропагандой и политическим террором, лишь исторически короткий период частично приносили свои плоды, выступая одним из компонентов процесса становления в странах Восточной Европы режимов советского типа.

- ¹ См.: История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С. 7—8; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 82. Л. 124.
- ² Пыжиков А.В. Конфигурация и функционирование власти в СССР (1945—1953 гг.). М., 1999. С. 5.
- ³ Адибеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994. С. 15—18.
- ⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1056. Л. 25.
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: Стыкалин А.С. Пропаганда СССР на зарубежную аудиторию и общественное мнение стран Запада в первые послевоенные годы (по документам российских архивов) // Вестник московского университета. Сер. 10. Журналистика. 1997. № 2. С. 39—40.
- ⁷ Kaplan K. Informační monopol režimu // O cenzuře v Československu v letech 1945—1946. Sešty. ÚSD AV ČR. Sv. 22. Praha. 1994. S. 50—51.
- ⁸ Dokumenty do dziejów PRL. Główny Urząd Kontroli Prasy. 1945—1949. S. 6, 10, 15, 18, 25, 83.
- ⁹ Ibid. S. 25.
- ¹⁰ Ibid. S. 18, 65—69, 85—86.
- ¹¹ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 38. П. 152. Д. 14. Л. 6—7.
- ¹² Чичовска В. Главлит (1952—1956). Изграждане на една цензурна система в България // Исторически преглед. 1991. № 10. С. 43. 46.
- ¹³ Там же. С. 39.
- ¹⁴ См.: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. Т. II. 1949—1953. М.; Новосибирск. 1998. С. 21.
- ¹⁵ Там же. С. 22.
- ¹⁶ Там же. С. 21.
- ¹⁷ Чичовска В. Главлит... С. 44, 54, 56—58.
- ¹⁸ Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 21.
- ¹⁹ Там же. С. 105—106.
- ²⁰ Чичовска В. Главлит... С. 49—53.
- ²¹ Там же. С. 49, 55.
- ²² Там же. С. 53.
- ²³ Там же. С. 48—50.
- ²⁴ Там же. С. 40, 60.
- ²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 73. Л. 276.
- ²⁶ Tomášek D. Hlavní správa tiskového dohledu // O cenzuře... S. 18; Kaplan K. Cenzura. 1945—1953 // O cenzuře... S. 12—13.
- ²⁷ Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 283—284.

- 28 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 32. П. 179. Д. 13. Л. 11—12.
- 29 Kaplan K. Cenzura. 1945—1953 // O cenzure... S. 15.
- 30 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 861.
- 31 Там же. С. 284.
- 32 Tomášek D. Hlavní správa tiskového dohledu // O cenzure... S. 19; Kaplan K. Cenzura. 1945—1953 // O cenzure... S. 16.
- 33 Vass H., Zálai K.L. A tájékoztatás intézményrendszere és munkás-mozgalmi elitje. 1944—1948. Bud., 1991. 43. old.
- 34 Ficeac V. Cenzura comunistă și formarea «omului nou». Buc., 1999. P. 34—44.
- 35 Ibid. P. 53.
- 36 Ibid. P. 57.
- 37 Ibid. P. 44, 48—49.
- 38 Arhivul Statului Național. Fond CC al PMR. Cancelaria. Dos. 58/1952. P. 3—4.
- 39 Ibid. P. 2—4.
- 40 Ibid.
- 41 Ibid. P. 11.
- 42 Ibid. P. 18.
- 43 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 850, 852.
- 44 См.: Buzatu G., Scurtu I. Istoria Românilor în Secolul XX. Buc., 1999. P. 558.
- 45 Magazin istoric. Buc., 1998. № 12. P. 32.
- 46 Kaplan K. Informační monopol režimu // O cenzure... S. 53.
- 47 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 272. Л. 148.
- 48 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 945.
- 49 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 34. П. 207. Д. 18. Л. 16.
- 50 Стыкалин А.С. Политика сталинского режима по формированию общественного мнения за рубежом (Вторая половина 1940-х годов) // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе. М., 1999. С. 110.
- 51 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 643.
- 52 Там же. С. 110.
- 53 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 213. Л. 165.
- 54 Там же. Ф. 17. Оп. 128. Д. 782. Л. 126—134.
- 55 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 227. Л. 52.
- 56 Там же. Ф. 3. Оп. 66. Д. 192. Л. 3.
- 57 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 41. П. 215. Д. 12. Л. 172—173.
- 58 Там же. Ф. 0138. Оп. 34. П. 207. Д. 18. Л. 16.
- 59 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 731—732, 734.
- 60 Там же. С. 616.
- 61 Archiwum Akt Nowych. Zespół KC PZPR. Sygn. 237/v-308. S. 23—24.
- 62 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 616—620.
- 63 Там же. С. 642—643.

- 64 Kaplan K. Informačni monopol... S. 54—55.
- 65 Ibid. S. 55—56.
- 66 Ibid. S. 57.
- 67 Ibid. S. 58—59.
- 68 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 37. П. 157. Д. 8. Л. 15—17.
- 69 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 441—442.
- 70 Там же. С. 442.
- 71 Там же. С. 525.
- 72 Там же. С. 523.
- 73 Там же. С. 513.
- 74 Там же. С. 669.
- 75 Там же. С. 670.
- 76 Там же. С. 407.
- 77 Там же. С. 463—464.
- 78 Там же. С. 25, 905.
- 79 АВП РФ. Ф. 1038. Оп. 32. П. 179. Д. 13. Л. 8.
- 80 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 138—139.
- 81 Там же. С. 139; АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 245. Л. 16.
- 82 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 139.
- 83 Там же. С. 83—84.
- 84 Там же. С. 84—85.
- 85 Там же. С. 197—198.
- 86 Там же. С. 201—202.
- 87 Там же. С. 430.
- 88 Там же. С. 430—431.
- 89 Там же. С. 952.
- 90 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 39. П. 198. Д. 76. Л. 234.
- 91 Там же.
- 92 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 565.
- 93 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 39. П. 198. Д. 76. Л. 234.
- 94 Там же. Л. 235.
- 95 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 952.
- 96 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 39. П. 198. Д. 76. Л. 235.
- 97 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 565.
- 98 Там же. С. 565—566.
- 99 Там же. С. 483—484.
- 100 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 607. Л. 4.
- 101 См.: ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 22. Д. 182. Л. 69—72; Д. 373. Л. 160—164
«Frontul Plugarilor». 20.VII.1949.

Глава V

РЕПРЕССИИ — ИНСТРУМЕНТ ПОДАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ

1. УСТРАНЕНИЕ РЕАЛЬНЫХ И МНИМЫХ СТОРОННИКОВ БУРЖУАЗНЫХ ПОРЯДКОВ

1948 г. завершил в регионе процесс установления монополии компартий на власть. Другие альтернативы общественного развития, имевшие место и своих конкретных политических носителей в 1944—1947 гг. (как традиционные — либерально-демократическая, аграристская, социал-демократическая, так и различные социалистические, переходные модели, проявившиеся в конце Второй мировой войны в общественной мысли — «демократический гуманный социализм», «национальный путь к социализму» и т.п.), были блокированы. Все более становилось очевидным, что здесь будет осуществляться вариант ускоренного «строительства социализма» по советскому образцу. При этом объективной реальностью было явное несоответствие характера новой власти, представленной одной политической силой, и все еще переходным состоянием общества: в нем сохранялся относительно широкий спектр идеолого-политических структур, в 1944—1947 гг. функционировавших в условиях ограниченного варианта парламентской демократии в большинстве стран региона. В этом несоответствии заключалась угроза внутренней прочности новой власти, что в полной мере осознавалось как советским руководством, так и лидерами компартий стран Восточной Европы. В новых условиях рубежа 40—50-х годов, с переходом коммунистов к «построению основ социализма», в политике компартий на первое место все отчетливее стали выдвигаться «интернациональные» интересы интенсивно формировавшегося советского блока и его центральной фигуры — СССР. Понятно, что такой поворот не принимался социальными слоями, составлявшими электорат и массовую базу прежних партий—союзниц коммунистов по демократическому блоку, нередко расценивался ими как отказ компартий от защиты национальных интересов. В некоторых странах, прежде всего в Польше и Венгрии, бывшие члены буржуазных и мелкобуржуазных партий, оставаясь на антисоветских позициях, связывали «восстановление национальной независимости» с разрывом союза с СССР.

Выход из сложившейся ситуации лидеры компартий видели в том, чтобы прервать традиции множественности политических ориентаций, обеспечивавших самовыражение политически актив-

ной части общества и укоренившихся в общественном сознании еще в межвоенное время, когда в странах региона с разной интенсивностью шел процесс формирования основ гражданского общества. Речь шла и об уничтожении традиций внешнеполитической ориентации на Запад, на принципы прежде всего американской демократии, популярность которой заметно возросла на заключительном этапе войны и сохранялась особенно в первые послевоенные годы. Представлялось необходимым также устранить или нейтрализовать влияние церкви — идеолого-мировоззренческого антипода коммунистов, пронизывавшего все слои общества сверху донизу и потому в высшей степени опасного для власти сугубо атеистического руководства компартий, поставившего одной из своих целей замену конфессионального многообразия в вероисповедании населения стран Восточной Европы (православие, католицизм, униатство, протестантизм, мусульманство) единой для всех и единственной новой религией — коммунизмом.

Важнейшей и особой задачей коммунистических группировок, находившихся на властном олимпе, было пресечение инакомыслия внутри коммунистического движения в каждой из стран региона. Вышеназванными задачами во многом и определялись главные направления внутренней политики власти в странах Восточной Европы. В соответствии с коммунистической доктриной и советской практикой их решение могло быть обеспечено посредством директивных мер и преимущественно силового давления.

Итогом конкретных действий по выполнению названных задач должен был стать всеобъемлющий контроль над обществом со стороны коммунистической элиты, опиравшейся на массовые партии. Теперь речь шла о превращении общества, идейно-многоликого, с остаточными элементами былого политического плюрализма в идейно-политический монолит — характерный и обязательный признак тоталитарного режима как правого, так и левого толка. Советская практика достижения такой «монолитности» или, иными словами, — гражданского согласия свидетельствовала о том, что механизм его обеспечения весьма сложен. Обязательными составляющими элементами этого механизма были система социальных привилегий на основе классового принципа, быстрое формирование новой элиты из ранее социально слабых слоев, ее размещение как во властных структурах, так и в общественных организациях, культуре, науке и т.д. Значительную роль в процессе создания гражданского согласия в обществе играли и такие факторы, как усиление социальной мобильности населения в результате ускоренной модернизации и расширения возможностей для реализации бывшими социальными «низами» полученного общественного аванса и др. Важной составляющей механизма согласия была деятельность силовых ведомств и, в частности, политические репрессии в обществе.

Создание в начале 50-х годов на западных и юго-западных рубежах СССР обществ, социально-политически однотипных советскому, соответствовало геополитическим интересам Москвы. В этом заключалась одна из главных причин активного участия со-

ветского руководства в массовых политических репрессиях в регионе, переросших к 1951—1952 гг. в политический террор. Международный фактор — ужесточение противостояния великих держав и СССР, а также возрождение интенсивно развивавшейся Западной Германии, вошедшей в западный блок — сыграл при этом, несомненно, роль катализатора. В этом же направлении действовала и внутренняя неустойчивая ситуация в самих странах Восточной Европы.

Главнейшая из причин этой неустойчивости была, без сомнения, экономическая. Придя к власти под лозунгами немедленного и радикального улучшения экономического положения широких социальных слоев, серьезно обнищавших за время войны, коммунисты на рубеже 40—50-х годов столкнулись с невозможностью их реального осуществления (в том числе в силу объективного положения дел) и с публично проявляемым недовольством населения, что выражалось в первую очередь в форме экономических забастовок. Кроме того, замышлявшиеся и проводимые в начале 50-х годов структурные социально-экономические преобразования (коллективизация сельского хозяйства, индустриализация, за которой скрывалась форс-мажорная модернизация промышленной сферы на советский лад — т.е. силовыми методами, наконец, милитаризация экономики), немедленно оборачивались противоречивыми результатами. С одной стороны, широкие массы социально слабых слоев (рабочие, пришедшие в город крестьяне, мелкие служащие и т.п.) делали несомненную и долгосрочную общественную карьеру, переходя в иные, более значимые социальные группы и повышая свой общественный статус (например, из рабочих в офицеры, в службу безопасности, милицию, в мастера, директора заводов, управляющие, в партийно-государственную номенклатуру; из крестьян — в армию, милицию, аппарат местного самоуправления, в рабочие, учащиеся, студенчество и т.д.). Именно эти группы новых выдвиженцев объективно и составляли социальную и политическую опору режимов.

С другой стороны — выданный им властью общественный аванс не подкреплялся обещанным доступом к материальным ценностям. Напротив, росли цены, снижалась реальная зарплата, оскудевал и до этого далеко не богатый потребительский рынок, вводилась карточная система. Создавались предпосылки для роста недовольства всех групп населения экономической ситуацией в целом. Так, в аналитической записке корреспондента ТАСС В.С.Медова о ситуации в Чехословакии в середине 1949 г. сообщалось: «Враждебное и недоброжелательное отношение к народно-демократическому правительству со стороны довольно широких слоев трудящихся не ослабевает, а скорее всего усиливается. Растет число рабочих и даже членов партии, которые крайне «нейтрально» и холодно относятся к существующему режиму. За последний год резко упало общее политическое настроение широких масс. Недовольство существующим положением имеет широкое распространение. Главная причина охлаждения к народно-демо-

кратическому строю и роста неудовлетворенности заключается в плохом снабжении населения продовольствием и промышленными товарами»¹. Описанная ситуация была типична и для других стран. Например, осенью 1951 г. по экономическим мотивам прошли забастовки в крупнейших промышленных центрах Польши — Варшаве, Лодзи, Жирардове². Именно в начале 50-х годов происходило зарождение будущего недовольства своим положением и в нижних слоях партийно-государственного аппарата, служебное положение которых уже не коррелировалось с возможностями доступа к материальным ценностям³.

Недовольство сложившимися порядками вплоть до острой враждебности к власти сохранялось среди отторгнутых от нее социальных и политических сил, а также тех, кто ранее обслуживал «старую» власть на всех уровнях. Особо следует отметить отрицательное отношение к коммунистическому режиму значительной части интеллигенции, в первую очередь творческих и гуманитарных профессий, студенчества. Как пример, приведем сообщение временного поверенного в делах СССР в Венгрии С.Т.Кузьмина от 1 июня 1951 г. о ситуации в будапештском университете. Здесь, по сведениям, полученным Кузьминым от некоторых профессоров университета, «в последнее время враждебные элементы, притаившиеся в университете, перешли в наступление. Они действуют исподтишка, скрывая себя, маскируя свои действия... Враждебные элементы совершили преступление в стенах философского факультета. Они сбросили с пьедестала и разбили монумент великого вождя народов И.В.Сталина... мешают работе кафедры. В аудитории, где ведутся занятия по основам марксизма-ленинизма, то внезапно гаснет свет, то теряются ключи, то переворачиваются скамьи... В аудиториях и на стенах коридоров появляются враждебные венгерской демократии надписи...»⁴.

Что касается настроений технической интеллигенции, то в экономически отсталых и слабо развитых странах региона эта часть интеллигенции, как правило, поддерживала планы режима по индустриализации, исходя прежде всего из своих профессиональных возможностей прямого участия в этом процессе. В данном случае исключением составляла, пожалуй, промышленно развитая Чехословакия. Это в 1950 г. констатировали советские дипломаты, работавшие в Праге. По информации, которую они получали от руководства КПЧ, чехословацкая техническая интеллигенция «занимает в настоящее время отрицательную позицию в отношении народно-демократического режима Чехословакии... из-за враждебного отношения технической интеллигенции все изобретения и рационализаторские предложения, внедряемые в производство, немедленно становятся достоянием американцев. По сведениям обкома КПЧ крупнейшего промышленного центра страны — г. Остравы, здесь "около 80% технической интеллигенции враждебно относится к новому режиму"»⁵.

На рубеже 40—50-х годов в аналитических документах, направлявшихся в МИД советскими дипломатами, работавшими в Поль-

ше, систематически констатировалось возрастание недовольства крестьянских масс. Оно нарастало по мере перехода к экономическому подавлению зажиточного крестьянства, к политике принудительной коллективизации и фактической ликвидации частной собственности на землю. В ответ на сопротивление крестьян вступлению в кооперативы партаппарат развернул репрессии «против саботажников». По сообщению консульства СССР в г. Щецине, 1-ый секретарь воеводского комитета ПОРП Е.Прима «свою работу начинает измерять количеством арестованных и посаженных... на 24.X.1951 г. за саботаж посажено (в воеводстве. — *Авт.*) 250 человек». Как показывают документы российских архивов, дело доходило со стороны власти «до открытого грабежа и насилия»⁶.

Приведенный выше материал свидетельствует, что в странах Восточной Европы на рубеже 40—50-х годов накапливалась отчасти еще скрытая «критическая масса» недовольства, недоверия и враждебности к новой власти. В начале 50-х годов эта «критическая масса» стала все отчетливей «выходить из тени».

Такая ситуация не могла не породить в коммунистической элите опасений, что свергнутые политические силы, сохраняя общественное влияние и «оседлав» недовольство различных слоев, обретут возможность стать реальной оппозицией, а при поддержке извне превратятся и в реальную угрозу ее власти. Столь негативная для власти перспектива ускорила обращение правящей верхушки стран региона к такому испытанному большевиками «классическому» методу ликвидации проявлений инакомыслия и недовольства, как сочетание пропагандистских акций и политического террора. Для объяснения причин экономических трудностей было использовано привычное пропагандистское оружие — тезис о «классовом враге», который, используя заговоры, подкуп, шпионаж, диверсии и саботаж, повсеместно продолжает сопротивляться. Для преодоления этого сопротивления, в соответствии с политической логикой коммунистов, менталитетом радикалов и требовалось проведение широких репрессивных акций.

Особая роль в осуществлении этой политики отводилась, как и в СССР, репрессивному аппарату, уже на предыдущем этапе взятому компартиями под свой контроль и во многом подготовленному к выполнению поставленных задач.

На рубеже 1948—1949 годов во всех странах региона наблюдалось интенсивное расширение численности сотрудников госбезопасности — стержневой структуры власти компартий и основного инструмента в деле проведения репрессий по партийно-классовому принципу. Но «пик» этого роста пришелся на начало 50-х годов. Так, в 1947—1948 гг. аппарат министерства общественной безопасности Польши насчитывал 21,5 тыс. чел., в 1949 г. — 26 тыс. чел., в 1953 г. — достиг апогея — 33 тыс. чел. В Чехословакии перед февралем 1948 г. в органах безопасности числилось около 3 тыс. чел. В течение 1948 г. в эти структуры было принято 10 200 новых сотрудников рабоче-крестьянского происхождения, что принципиально изменило их профессиональный состав. В

Венгрии в 1949 г. численность органов безопасности достигла 10—12 тыс. чел. на 9,2 млн всего населения страны. Что касается Румынии, то здесь реорганизация и расширение силовых ведомств, прежде всего МВД, начались по сути сразу после прихода к власти правительства П.Грозы в марте 1945 г. Новый министр внутренних дел — коммунист Т.Джорджеску, поставив задачу создать мощный полицейский аппарат, очищенный от сторонников прежнего режима, уже к лету 1946 г. увеличил кадровый корпус МВД с 6 300 до 8 500 чел. Если учесть, что именно в это время была проведена жесткая чистка подчиненного Джорджеску ведомства, в ходе которой более 3 000 служащих было переведено в резерв или отправлено в отставку, то станет совершенно очевидно, что МВД Румынии в течение одного года почти на 2/3 обновило свой состав, пополнившись выходцами из рабоче-крестьянской среды и представителями национальных меньшинств довоенной Румынии*. 30 августа 1948 г. была создана, как самостоятельное ведомство — генеральная дирекция народной безопасности, во главе которой был поставлен коммунист генерал-лейтенант Г.Пантелие**. Офицерский корпус этой силовой структуры в 1948 г., включая вспомогательные службы, насчитывал 3 970 офицеров, работавших в 10 национальных округах и 13 региональных управлениях⁷.

Деятельность этого репрессивного аппарата повсеместно опиралась на широкую сеть информаторов и агентов во всех ячейках общественной жизни. В 1949 г. госбезопасность Польши имела своих агентов в руководстве не только легальных партий некоммунистического спектра (в крестьянских СЛ и ПСЛ соответственно 22 и 20 человек, в Демократической партии — 13), но и в среде руководящего актива бывшей ППС (56 человек), а также в подпольной антиправительственной организации «Вольность и независимость» (ВиИ) (85 человек), которая в 50-е годы контролировалась службой безопасности. Агенты этого ведомства были внедрены в структуры католической церкви практически всех воеводств страны⁸.

Руководители госбезопасности Чехословакии считали именно агентуру «наилучшей формой работы» своего ведомства⁹.

Через сеть агентов и информаторов служба безопасности стран региона вела наблюдение не только за прямыми противниками режима, но и анализировала состояние и динамику общественных настроений в целом. Об этом свидетельствуют следующие статис-

* Английский специалист по истории Румынии Д.Делетант считает, что значительная часть этих представителей нетитульной нации (особенно евреи, молдоване, украинцы, проживавшие в межвоенное время в Бессарабии, участвовавшие в коммунистическом движении и оставшиеся после войны в Румынии в качестве ее граждан) являлись агентами советской разведки, внедренными в румынские силовые структуры (См.: Deletant D. Romania under communist rule. Bucurest. 1998. P. 61, 89, 90).

** Пантелие Г., он же Пантелеймон Бондаренко, натурализовавшийся в Румынии украинец из Бессарабии.

тические данные: в Венгрии к 1953 г. в оперативной разработке находилось от 1 240 тыс. до 1 500 тыс. человек, в министерстве общественной безопасности Польши в 1954 г. «на карточке» числилось около 10 млн человек из неполных 27 млн человек всего населения страны¹⁰. Это свидетельствовало о том, что высшее руководство компартий Восточной Европы в своей политике «овладения» обществом делало особую ставку на непрерывное развертывание агентурно-информационной сети органов безопасности для разработки «в профилактических целях» широких кругов населения. Авторы не располагают статистическими данными, отражающими динамику численности агентурной сети во всех странах региона. Но имеющиеся в нашем распоряжении конкретные польские материалы отражают эту тенденцию как общую для региона.

Так, уже в начале 1949 г. руководство ПОРП поставило перед органами безопасности, в качестве одной из главных задач именно создание широкой агентурной сети. В решении секретариата ЦК ПОРП прямо указывалось на необходимость «добиться перелома в работе... в области вербовки высокоценной агентуры в наиболее важных жизненных центрах врага. Дополнением к этой агентурной сети должна быть широкоразветвленная информационная сеть»¹¹. Принятое решение неукоснительно выполнялось. Если в 1948 г. агентурная сеть в Польше насчитывала 5 тыс. агентов и 48 тыс. информаторов, то в первой половине 50-х годов она удвоилась и достигла 110—130 тыс. человек, по 6 тыс. агентов и информаторов на каждое воеводство. Причем, если учесть, что агентурная сеть, куда вербовались и на добровольных и на принудительных началах, находилась в непрерывном «движении», то, как считают польские ученые, в 1944—1956 гг. в ее составе побывали около 1 млн человек¹², при населении страны, не превышавшем в 1956 г. 28 млн человек. Таким образом, «плотность» этой сети была весьма значительной, что позволяло службе безопасности проникать во все общественные слои и структуры — с одной стороны. С другой — власть получала, хоть и специфическую, но социально-разнообразную и в этот период еще достаточно надежную платформу в обществе.

Судя по исследованиям современных словацких историков, в начале 50-х годов несколько по-иному выглядела ситуация в Чехословакии: ко времени самых жестоких репрессий в стране органы госбезопасности «подошли с относительно небольшим числом агентов, которых насчитывалось максимум несколько сот человек». Резкий рост агентурной сети в этой стране пришелся на вторую половину 50-х годов, тем не менее, по данным министра госбезопасности А.Прхала, с июня 1950 г. до января 1952 г. число платных агентов возросло с 207 до 578 человек, т.е. почти в 3 раза. Более того, перед силами безопасности ставилась задача иметь «своих людей» в местных органах власти, которые должны информировать в первую очередь о том, как «отдельные функционеры проводят классовую политику»¹³.

Советская сторона рассматривала агентурную работу службы безопасности стран региона как важнейший инструмент слежения

за политической ситуацией в каждой из них. Через систему советников МГБ СССР она контролировала указанное направление в работе и самих национальных органов безопасности, давая конкретные наставления и делая оценки на этот счет. Так, в феврале 1950 г. советскими советниками была дана негативная оценка работы управления госбезопасности (УГБ) МВД Венгрии в деле развертывания агентурно-информационной сети. «Агентурная работа в органах безопасности организована плохо, ...агентурная сеть малочисленна, она недостаточно очищается от предателей и двурушников, которые нередко водят за нос работников органов госбезопасности.

В результате УГБ не обеспечивает руководство партии политически острой и своевременной информацией. Одновременно такое положение с агентурой при наличии запущенного учета вражеских элементов делает руководителей УГБ слепыми. Они могут проглядеть подготовку серьезных выступлений врага»¹⁴.

Таким образом, интенсивно создававшаяся в странах Восточной Европы новая агентурная сеть становилась неотъемлемой частью структур безопасности и опорой коммунистических режимов. В обществе складывался новый (прежде всего по социальному происхождению) многослойный специфический силовой клан, предназначенный для защиты власти правивших группировок и сам олицетворявший эту власть перед населением.

Особенность ситуации в регионе состояла в том, что национальные органы безопасности находились под двойным контролем. С одной стороны, начиная с 1949 г., непрерывно нарастала их подчиненность узкому партийному руководству каждой страны, лично лидеру партии и прямое участие этого руководства в работе органов, что находило свое выражение в создании при ЦК компартий специальных комиссий, комитетов, бюро по общественной безопасности, в состав которых входили 5—6 человек высокопоставленных чинов во главе с первым лицом в партийной и государственной иерархии¹⁵. Постепенно этому партийному институту все более подчинялась оперативная деятельность госбезопасности и решение кадровых вопросов этого ведомства. Пытаясь оправдать развернувшиеся в 50-е годы репрессии внутри КПЧ, бывший министр обороны Чехословакии и тогда «второе лицо» в партии А.Чепичка утверждал позднее, в беседах с чешским историком К.Капланом, что «госбезопасность вышла из-под контроля партии и конституционных органов»¹⁶. Однако, сегодня это утверждение выглядит неубедительным. Именно политические органы, прежде всего политбюро ЦК компартий, давали теперь прямой «заказ на работу», инициировали политические (внутри- и внепартийные) репрессии, вырабатывали концепции, определяли жертвы и меру наказания. Как утверждал один из высших офицеров польской безопасности Ю.Свято, бежавший в конце 1953 г. на Запад, «аппарат безопасности должен был регулярно отчитываться перед ЦК (ПОРП. — *Авт.*) и получать уже точные инструкции и поручения, которые обязан был выполнять»¹⁷.

Подчиненность органов госбезопасности непосредственно партийным лидерам подтверждается и донесениями советников МГБ СССР из Венгрии. Так, 27 июня 1950 г. глава этого ведомства В.С.Абакумов направил В.М.Молотову информацию, полученную от советника МГБ Г.С.Евдокименко. В ней Евдокименко сообщал, что «товарищи Ракоши и Фаркаш постоянно требуют... в максимально сжатые сроки получить хорошие показания (от арестованных. — *Авт.*), и если эти требования почему-либо вовремя не выполняются, то руководство УГБ обвиняется в плохой работе. Часто отдельные показания... рождаются не в УГБ, а поступают в заранее подготовленных формулировках от товарищей Ракоши и Фаркаш с требованием получить такие показания от арестованных»¹⁸.

С другой стороны, документы российских архивов показывают, что советское политическое руководство в начале 50-х годов интенсивно создавало механизм контроля и управления деятельностью национальных органов безопасности, организовав в этой сфере замкнутую систему советских советников, а также взяв на себя подготовку в СССР национальных офицерских кадров госбезопасности. В материалах российских архивов (фонды И.В.Сталина и В.М.Молотова, ЦК ВКП(б), международного коммунистического движения) содержатся многочисленные решения политбюро ЦК ВКП(б) о приеме на учебу в СССР десятков и сотен офицеров МВД—МГБ из Албании, Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии и переписка по этим вопросам¹⁹.

Через партийные каналы Москва проводила свои конкретные рекомендации по организации и функционированию органов безопасности, применительно к каждой из стран региона. Так, вопросы реорганизации болгарского МВД, создания отдельного ведомства госбезопасности и планы болгарского руководства на этот счет были предметом обсуждения в ходе беседы И.В.Сталина с болгарской партийно-правительственной делегацией во главе с В.Червенковым 29 июля 1949 г.²⁰ По рекомендациям из Москвы в 1949—1950 гг. в Болгарии была проведена акция, направленная на расширение компетенций органов госбезопасности на армию путем передачи армейских особых отделов — военной контрразведки в структуры госбезопасности. В этой связи Сталин 23 октября 1949 г. писал В.Коларову и В.Червенкову: «...Мы считаем нужным дать вам совет о необходимости передать особый отдел и его органы в Министерство внутренних дел, изъяв их из Министерства обороны. Органы особого отдела должны обеспечивать чекистскую работу в войсках и не могут успешно работать в отрыве от органов МВД. В Советском Союзе особые отделы подчинены МГБ, а не Министерству вооруженных сил. Наш опыт подтверждает правильность такой организации особых отделов»²¹.

По-видимому, аналогичные рекомендации поступали из Москвы и в другие страны. Об этом свидетельствует записка С.М.Штеменко и М.В.Захарова от 2 февраля 1950 г. о состоявшемся 9 января 1950 г. заседании секретариата ЦК Румынской рабочей партии, где был заслушан доклад министра обороны Э.Бод-

нараша о состоянии армии. Москва была проинформирована о том, что секретариат ЦК РРП принял решение передать органы армейской контрразведки из ведения министерства обороны в МВД и до 15 февраля пересмотреть кадры этой службы, изъять «неблагонадежных» и установить тесный контакт с политорганами²².

В данном случае исключение составляла Польша, где армейская контрразведка (Главное управление информации — ГУИ), начиная с 1944 г., сохранялась в структурах Войска Польского и подчинялась министру национальной обороны, с ноября 1949 г. маршалу Советского Союза К.К.Рокоссовскому. Тем не менее, документы российских архивов показывают, что вопрос о переподчинении армейской контрразведки министерству общественной безопасности вставал и в Польше. Симптоматично, что причина его постановки Рокоссовским в начале 1953 г. на заседании политбюро ЦК ПОРП, судя по письму маршала Н.А.Булганину 22 января 1954 г., состояла в фактическом выходе армейской контрразведки из-под контроля министра. Начальник военной контрразведки Войска Польского полковник МГБ СССР Д.П.Вознесенский, писал маршал, «перестал... советоваться и докладывать по важнейшим вопросам», а «выходил» прямо на политбюро ЦК ПОРП²³. Во многом внешне личный конфликт Рокоссовского и Вознесенского закончился тогда сохранением статус-кво, но в 1955 г. ГУИ было все-таки изъято из армии и передано в структуры безопасности, которые с 1945 г. работали под руководством советских советников и командный состав которых был сформирован, как и военная контрразведка, из советских (или бывших советских) офицеров²⁴.

В 1949—1950 гг. заметно повысился «ранг» и политический вес службы безопасности в тех странах (Венгрия, Чехословакия), где до этого госбезопасность являлась одним из подразделений МВД. Было проведено выделение этой структуры в самостоятельное министерство. Причем такая реорганизация проводилась, как следует из документов российских архивов, в расчете на прямую помощь советской стороны. Так, в докладной записке советника МГБ СССР в Венгрии С.Н.Карташова В.С.Абакумову от 10 февраля 1950 г. сообщалось о просьбе М.Ракоши оказать содействие в необходимом изменении структуры венгерских органов безопасности: «Наши советы тов. Ракоши были одобрены и учтены при реорганизации этих органов, которая сейчас заканчивается»²⁵. В июле 1950 г. К.Готвальд в беседе с советниками МГБ СССР М.Т.Лихачевым и Н.И.Макаровым также просил последних помочь министру госбезопасности Л.Копрживе «разработать структуру министерства и его органов на местах, а также уделить внимание вопросу усиления агентурно-оперативной работы и организации охраны государственной границы»²⁶.

Необходимостью тесного сотрудничества национальных служб госбезопасности с советской стороной не только не вызвала сомнений в руководящих кругах стран региона, но и породила с их стороны «далеко идущие» предложения по «углублению» сотрудничества. В начале 1949 г. болгарский министр внутренних дел

А.Югов и его заместитель по управлению госбезопасности Р.Христов зондировали почву в Москве на предмет возможности «отправить в СССР наиболее крупных политических преступников из числа болгар, находящихся в трудовых лагерях». Просьба аргументировалась тем, что в Болгарии организовать полную изоляцию этих лиц от населения трудно, а «общение с населением (родственниками и др.) оказывает отрицательное влияние на внутривнутриполитическое состояние страны»²⁷.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что на рубеже 40—50-х годов советское политическое руководство располагало многообразными возможностями воздействия и всеобъемлющего контроля за деятельностью главного механизма репрессий — органов безопасности стран Восточной Европы, которые в этот период резко увеличили свой политический вес и функции в политической системе.

Определив в 1948—1949 гг. курс на «ускоренное строительство социализма», все лидеры компартий Восточной Европы приняли как руководство к действию сталинский тезис об обострении классовой борьбы в обществе по мере продвижения к социализму. Классовый подход стал определяющим во всех направлениях их внутренней политики. О том, как, применительно к конкретному обществу каждой из стран региона, понимался этот принцип, свидетельствуют документы. Так, со слов М.Ракоши советниками МГБ СССР в начале 1950 г. следующим образом были охарактеризованы «силы реакции в Венгрии», проводившие, по его мнению, подрывную работу против народной демократии:

«Основными силами реакции в Венгрии являются:

- свыше 1.500 банкиров, крупных помещиков и капиталистов;
- около 20 тысяч уволенных из армии по политическим мотивам кадровых офицеров и унтер-офицеров бывшей армии ХОРТИ;
- более 17 тысяч бывших чиновников государственного аппарата и карательных органов режима ХОРТИ;
- значительное количество бывших членов фашистских партий и организаций;
- не менее 30 тысяч правых социал-демократов, исключенных из партии;

Реакционные элементы из числа членов партий, входящих в правительственную коалицию (независимая партия мелких сельских хозяев и национальная крестьянская партия), отражающие интересы кулачества, причем в стране насчитывается свыше 80 тысяч кулацких хозяйств.

Почти нетронутой осталась католическая церковь (подчеркнуто в док. — *Авт.*), охватывающая своим влиянием подавляющее большинство населения и пользующаяся большим авторитетом в кругах верующих...

Кроме того, в Венгрии находятся различные иностранные промышленные предприятия, торговые фирмы и представительства, преимущественно с англо-американским капиталом; в стране про-

живает также 18 тысяч подданных капиталистических государств. Это обстоятельство создает благоприятные условия империалистическим разведкам активно проводить шпионскую работу против Венгрии и СССР.

Вражеские силы внутри страны связаны с венгерскими эмигрантскими центрами и формированиями на Западе, главным образом в Австрии, и активно используются английской и американской разведками для подрывной деятельности в Венгрии»²⁸.

Во многом аналогичный перечень «враждебных сил» содержался во внутренних инструкциях 1949 г. министерства общественной безопасности Польши. К «врагам народа» и «реакции» еще в 1947 г. В.Гомулка причислял примерно 20% населения, т.е. около 5 млн чел. К ним относились участники подполья, дворянство и бывшие капиталисты, служащие довоенного аппарата власти, довоенное офицерство и особенно кадры Армии Крайовой, члены довоенных политических партий и организаций, духовенство, богатое крестьянство и каждый, кто не поддерживал режим. В 1949 г. этот список был расширен: в разряд «неблагонадежных» зачислялись также репатрианты и лица, поддерживавшие контакт с заграницей²⁹. В некоторых странах в разряд «классово неблагонадежных» включались лица нетитульной нации, проживавшие, как правило, в приграничных районах. К таковым в Чехословакии были отнесены венгры, в Румынии — венгры и особенно сербы.

Фактические данные, приводимые в национальных историографиях³⁰, и документы российских архивов показывают, сколь значительная часть населения стран Восточной Европы на рубеже 40—50-х годов оказалась не только объектом контроля со стороны госбезопасности, но и различных по форме репрессивных акций. Юридической основой для развертывания массовых репрессий служили декреты и законы о защите государства (республики) и «демократического строя», принятые в 1944 и 1946 гг. в Польше, в 1945 г. в Болгарии, в 1946 г. в Венгрии. Ориентированные тогда на подавление прежде всего фашизма и коллаборационизма (Болгария, Венгрия), а также сил, оказывавших политическое и вооруженное сопротивление установлению монопольной власти компартии (Польша), в новых условиях эти законы были превращены в инструменты побуждения к принудительному признанию новой власти, т.е. достижению своего рода гражданского согласия³¹.

Чрезвычайный характер этих законов в новых условиях подтверждался и развивался принятием в 1948 г. в Болгарии, Венгрии и Чехословакии, а также в апреле и августе 1949 г. в Польше соответствующих законов, предусматривавших за антигосударственную деятельность различные формы наказания — от трудовых лагерей до смертной казни³².

Наиболее массовой формой репрессий в обществе были «чистки» по политическим мотивам. Они охватывали, как показано во II и III-ей главах, не только политические партии, включая коммунистические, но и госаппарат, общественные, кооперативные, культурные и даже спортивные организации. Применялись также

самые разнообразные формы ограничения по политическим мотивам гражданских прав и свобод, такие, как лишение работы в органах власти, понижение в должности, запрещение продвижения по службе, запреты на профессию, классовый принцип при приеме детей и молодежи на учебу и т.п.

Другим направлением репрессий в отношении «классово-чуждых элементов» были прошедшие почти во всех странах выселения из крупных городов лиц, своим прошлым общественным положением связанных с довоенными режимами. Эта форма репрессий также отнюдь не была оригинальным «изобретением» правивших в странах Восточной Европы коммунистических группировок. Такая мера наказания за классовое происхождение, как известно, широко использовалась в годы развертывания массового террора в Советском Союзе.

Весной 1951 г. ЦК ВПТ было принято решение о выселении из Будапешта 5,5 тыс. семей аристократов, бывших генералов, офицеров и чиновников режима Хорти, бывших хозяев заводов и крупных землевладельцев. Но основную часть выселенных составили «неблагонадежные рядовые чиновники, служащие и прежде всего интеллигенция». 10 июля 1951 г. советское посольство направило в Москву отчет об этой акции, где констатировало негативную реакцию Запада: «Выселение из Будапешта... представлялось западной реакционной печатью как «мера по ликвидации наиболее культурных слоев венгерского общества», направленная одновременно на «получение бесплатной рабочей силы для венгерской промышленности ("принудительный труд")». С 21 мая по 17 июля 1951 г. из Будапешта было выселено 5 182 семьи общей численностью 12 704 человека. Всего из Будапешта и других крупных городов тогда было выселено 17 тыс. «нежелательных элементов», а также еще несколько тысяч человек из пограничных с Австрией и Югославией районов³³. Как правило, выселенные трудоспособные люди направлялись на физические работы.

Подобные «мероприятия» в течение 1949—1951 гг. проводились и в других странах. Так, из Бухареста в конце 40-х годов «за паразитический образ жизни» было выселено 20 тыс. чел.³⁴ Еще осенью 1948 г. в руководстве КПЧ обсуждался и был принят «Проект по очищению городов от реакции». Через год вернулись к его реализации, намереваясь выселить не менее 100 тыс. «бывших» и «политически неблагонадежных» лиц. В Праге акция началась 3 октября 1949 г. Как сообщал в Москву советский дипломат П.Г.Крекотень 29 октября 1949 г., он получил информацию от заместителя главного редактора газеты «Руде право» о том, что на днях закончилась операция «по очистке Праги от нетрудовых элементов, титовцев, спекулянтов и др.» Среди арестованных были 190 бывших коммунистов. Всего было арестовано несколько тысяч человек. Все они переселялись в специально организованные трудовые лагеря³⁵. Но на этом в Чехословакии дело не закончилось.

В марте 1952 г. в руководстве КПЧ родилась еще одна идея поэтапного выселения «враждебных элементов» из Праги, Брно,

Братиславы и др. городов с целью освобождения квартир для новых партийных и государственных функционеров и, в частности, для офицеров армии, госбезопасности, милиции. Были составлены списки выселяемых — к июлю 1953 г. на 2 200 чел. Акция в Братиславе была закончена в сентябре 1953 г. Ее итогом стало удаление из города 678 семей³⁶. 2 июля 1952 г. политсекретариат КПЧ принял решение «о выселении из Праги 200 семейств буржуазии». Причем, как информировал А.Новотный П.Г.Крекотеня, «высылка из Праги этих 200 семейств — только начало большой кампании по очищению Праги от враждебных элементов. Эти люди будут посланы в деревни, где они будут жить под присмотром и работать в госимениях и мелких предприятиях». В рамках этой акции из Братиславы до конца 1952 г. была выселена 351 семья³⁷. Выселяли «неблагонадежных» и из Брно.

В польском руководстве также разрабатывали планы выселения «чуждых элементов» из Кракова и Катовиц³⁸.

Достаточно крупным по численности было выселение по мотивам национальной и классовой «неблагонадежности», проведенное в июне 1951 г. румынскими властями по плану, разработанному госбезопасностью. Формальной причиной этого выселения из приграничных с Югославией районов Баната послужил продолжавшийся партийно-государственный конфликт с Югославией. Основным «объектом» выселения были названы проживавшие в приграничье сербы, составлявшие крайне незначительную долю населения страны. Однако большинство среди выселенных составляли не сербы (около 3 тыс.), а румыны (10,5 тыс.) и этнические немцы (около 8 тыс.). Это позволяет предположить, что и в данном случае действовал классовый «принцип поиска скрытых врагов», которых, по заявлению А.Паукер, «по степени их выявления будут изымать и переселять»³⁹. В ходе «акции» в Банате было выселено 40 тыс. чел. По данным румынских исследователей, в 1951—1953 гг. из приграничных с Югославией территорий подверглось выселению около 54 тыс. чел.⁴⁰ По «национальным мотивам» осенью 1949 г. была задумана и начата акция выселения из Южной Словакии 600 венгерских семей. Среди намеченных к перемещению в Чехию половину составляли зажиточные крестьяне — кулаки, остальные — интеллигенция, торговцы, кустари и лишь 5% — рабочие. Цель выселения состояла в освобождении земли и жилья для словаков, репатрируемых из Венгрии. Лишь заключение чехословацко-венгерского соглашения о прекращении обмена населением послужило причиной остановки депортации венгров в конце октября 1949 г. Тех же, кто уже «был в вагонах» (26 семей), так и не вернули назад, «чтобы поддержать авторитет государственных органов»⁴¹.

Тем не менее от идеи «классово-этнической чистки» в Южной Словакии не отказались. Об этом открыто сказал заместитель премьер-министра Словакии В.Широкий первому секретарю посольства СССР Н.Г.Новикову в беседе 30 октября 1949 г.

На рубеже 40—50-х годов в странах региона получила распространение и такая форма репрессий, как направление в лагеря принудительного труда на основе решений судебных и внесудебных (партийных и административных) органов. Как правило, им предшествовало принятие соответствующих законов о трудовой повинности населения. Типичный пример того, как это происходило, содержит информация генконсула СССР в румынском городе Клуже от 8 октября 1952 г., поступившая в МИД СССР и конкретно министру иностранных дел А.Я.Вышинскому. В ней со слов начальника управления госбезопасности области Клуж полковника М.Неделку сообщалось: «В конце августа с.г. на основании закона о трудовой повинности в г. Клуж было арестовано около 700 человек из числа лиц, которые в течение 6 месяцев нигде не работали.

По этому закону арестованные отправляются в рабочие батальоны принудительного труда, где они работают в обычном порядке, получая соответствующую зарплату за свой труд.

За отказ от работы или побег из батальона виновные переводятся в батальоны с воензированной охраной, а при повторном побеге или отказе от работы предаются суду и осуждаются на сроки от 5 до 10 лет тюремного заключения.

Имеется указание центра об аресте еще 600 человек из числа бывших руководящих деятелей исторических и других буржуазных партий, входивших ранее в состав буржуазно-помещичьих правительств Румынии, а также бывших помещиков, промышленников, агентов сигуранцы и кулаков, замешанных в антигосударственной и враждебной деятельности против режима народной демократии»⁴².

Основными мотивами направления в лагерь были также нелояльность в отношении режима, любое проявление сопротивления властям, слушание «чужих голосов», чтение запрещенной литературы, невыполнение сельскохозяйственных поставок и многое другое.

Как правило, исходя из советского опыта, трудовые лагеря создавались при крупных «стройках социализма» (например, строительстве канала Дунай—Черное море в Румынии), шахтах (в Силезии), урановых рудниках (в Чехословакии). Согласно югославскому агентству ТАНЮГ, на февраль 1952 г. в Албании было более 10 таких лагерей. По другим различным источникам в этой стране насчитывалось 19 лагерей и тюрем. В Болгарии в 1944—1953 гг. через 19 лагерей* прошло 12 тыс. заключенных. В Венгрии, по данным советских дипломатических служб, в 1950 г. в концлагеря было заключено 30 тыс. чел., многие из которых находились там без суда и следствия; на июль 1953 г. в концлагерях

* Эту цифру называл в своем докладе В.Червенков (см.: Червенков В. Десятая годовщина на Деветосептемврийското въоръжено народно въстание. София, 1953. С. 47.).

страны насчитывалось интернированных и заключенных в трудовые лагеря органами госбезопасности 5 005 человек и полицией — 255 человека. В Чехословакии в 1950 г. в 28 лагерях содержалось 5 890 человек*. В Польше в 1950 г. насчитывалось 30 трудовых лагерей, в 1954 г. уже 39. Через них, начиная с 1945 г. прошло около 200 тыс. человек. Правда, 40% всех заключенных этих лагерей составляли не политические, а уголовные элементы. В Румынии в начале 50-х годов на принудительные работы было направлено 22 077 человек, наказанию пребыванием в трудовых лагерях подверглось около 80 тыс. человек⁴³, из которых половина работала на строительстве канала Дунай—Черное море. По данным ЦК РРП, переданным советскому послу в Бухаресте А.И.Лаврентьеву 6 августа 1952 г., более четверти работ на строительстве канала производилось политическими и уголовными заключенными. Последние привлекались к работе на основании контракта, заключенного управлением канала с министерством внутренних дел и генеральным управлением тюрем, и содержались в трудовых отрядах на всем протяжении канала. Согласно материалам этой справки, численность заключенных трудовых отрядов колебалась от нескольких тысяч человек (например, трудовая колония № 2 Поарта-Алба) до 200—250 человек (например, каменоломня «Зэвоюл» или рабочий пункт «Левый берег», колония № 1 Мидия)⁴⁴.

Таким образом, конкретные материалы позволяют сделать вывод, что в странах Восточной Европы, как и в СССР, в ходе «строительства социализма» широко эксплуатировался бесплатный принудительный труд людей, административными или судебными решениями властей заключенных в лагерь по политическим или якобы политическим мотивам. Налицо был один из типичных признаков тоталитарной организации общества.

Анализируя ситуацию в регионе на рубеже 1948—1949 гг. с точки зрения реальности и масштабов политического сопротивления населения новому режиму (включая и подполье) как объективной предпосылки массовых репрессий, можно констатировать, что к этому времени действительной внутренней угрозы власти компартий практически не существовало. Общество ни в одной из стран региона уже не подавало серьезных сигналов к активному сопротивлению сформировавшимся режимам.

Например, в 1948 г. в Болгарии, по сведениям, имевшимся в МИД СССР, доля дел по политическим преступлениям составляла 1% из всех тогда поступивших в суды. Советские дипломаты расценивали эти преступления как малосерьезные, «детские попытки конспиративной деятельности». Есть сведения об отдельных «очагах» сопротивления, распространения антиправительственных лис-

* В 1952 г. в Чехословакии началась постепенная ликвидация лагерей и к концу года эта система официально перестала существовать (См. подробнее: Pešek J. Op. cit. S. 166—169).

товок и т.п. в Румынии, Албании, Венгрии⁴⁵, не внушавших серьезного опасения властям.

С этой точки зрения более сложная ситуация сохранялась в Польше, где на предыдущем этапе шла ожесточенная политическая борьба за власть с элементами гражданской войны, когда временами часть территории страны контролировалась антикоммунистическим военно-политическим подпольем. К концу 40-х годов ситуация и в этой стране существенно изменилась. Было покончено с легальной организованной политической оппозицией. Уже не существовали и главные организационные структуры военно-политического подполья*. Как считают современные польские исследователи, до 1950 г. в обществе нарастала поддержка власти и, несмотря на террор, значительная его часть ассоциировала свою жизнь с новой действительностью⁴⁶.

Тем не менее продолжали сохраняться и возникали вновь мелкие подпольные антиправительственные организации и вооруженные отряды, которые временами активизировали свою деятельность. Существование этих остатков антиправительственного подполья активно использовалось властью как аргумент в пользу тезиса «об обострении классовой борьбы» и развертывания массовых репрессий. Это можно подтвердить тем, что отдельные организации были на контроле госбезопасности.

В Румынии, Венгрии, Болгарии, а также в Словакии главные политические противники коммунистов были устранены из политической жизни еще в 1947 г. и весьма специфическим способом: через серию разоблачений «антигосударственных заговоров», разоблачений, организованных, как свидетельствуют документы, при участии советской стороны («заговор» Б.Ковача в Венгрии, март 1947 г.; «заговор» Ю.Маниу в Румынии, лето 1947 г.; «заговор» словацких демократов, осень 1947 г.; «заговор» Н.Петкова в Болгарии, лето 1947 г.**) и судебными процессами, имевшими сугубо политическую направленность⁴⁷.

* Это было достигнуто массовыми арестами 1944—1948 гг. и двукратными амнистиями политических заключенных в 1945 и 1947 гг. В первые месяцы 1948 г. за участие в подпольных организациях и связь с ними было арестовано 11 тыс. чел. Польские исследователи считают, что в 1944—1948 гг. по политическим мотивам было арестовано 115 тыс. чел., в 1946—1949 гг. военными судами было осуждено 42,5 тыс. чел. за преступления против государства. В 1947—1948 гг. прошел ряд судебных процессов над руководителями и деятелями наиболее враждебных власти нелегальных (военно-политических) организаций — Народных сил збройных, Стронництво народове, «Свобода и независимость», ППС—ВРН, завершившихся вынесением суровых приговоров, в том числе и смертными казнями.

** Материалы российских архивов свидетельствуют, что судьба Петкова решалась Г.Димитровым в тесном контакте с И.В.Сталиным, приговор суда к смертной казни был согласован с Москвой и одобрен Сталиным (Советский фактор в Восточной Европе. Т. I. 1944—1948. М., 1999. С. 491—492).

Несколько по-иному сложилась судьба лидера крупнейшей политической партии Венгрии — ПМСХ и президента этой страны З.Тильди. В августе 1948 г. он был отправлен в отставку и заключен под домашний арест (до 1956 г.). Но и здесь не обошлось без «заговора». Как сообщал 11 июня 1949 г. советник посольства в Венгрии А.Н.Тишков на совещании в отделе балканских стран МИД СССР, существовал некий план вывоза Тильди за границу. План предстояло осуществить зятю Тильди В.Черноки, который как «настоящий американский шпион», от имени американской разведки должен был уговорить Тильди не подавать в отставку. Последний, как сообщил Черноки после ареста, американцам «нужен был за границей живой, с полномочиями президента Венгерской Республики»⁴⁸. Эти события и стали поводом к насильственной отставке Тильди.

Что касается Чехословакии, то здесь вытеснение с политической арены все еще реальных конкурентов КПЧ на власть проходило по-иному: летом—осенью 1948 г. было позволено выехать в эмиграцию ведущим деятелям национально-социалистической, народной (лидовой) партий, словацким демократам и правым социал-демократам. Этот метод удаления противников коммунистов был использован ранее и в других странах (Ф.Надь в Венгрии, Ст.Миколайчик в Польше, П.Попзлатев в Болгарии, король Михай, К.Кишоюну, К.Санатеску в Румынии*), но только в Чехословакии такая эмиграция приобрела достаточно широкий масштаб. К августу 1948 г. выехало 8 тыс. политиков разной ориентации и ранга⁴⁹. Такой курс руководства КПЧ был немедленно подвергнут критике советскими дипслужбами в Праге. В специальной справке, направленной в МИД СССР в сентябре 1948 г., давалась резко негативная оценка «либерально-пацифистского» отношения «компартии Чехословакии к активным деятелям и лидерам буржуазных партий». Ее руководство, по мнению советских дипломатов, сознательно не дало санкций на арест верхушки некоммунистических политиков, «не видя ничего опасного в их бегстве», не провело крупных политических процессов, которые «способствовали бы их разоблачению как врагов народно-демократического строя»⁵⁰.

В национальных историографиях в последние годы появляются сведения о якобы имевшем место в начале 50-х годов массовом активном «сопротивлении режиму», о наличии в странах многочисленных подпольных организаций и даже «партизанских отря-

* «Отправка» короля в эмиграцию, состоявшаяся в канун нового, 1948 г., была предметом беседы И.В.Сталина с правительственной делегацией Румынии в феврале 1948 г. в Москве, когда Сталин прокомментировал рассказ П.Грозы об этом событии следующими словами: «...У румын очень оригинальный король. Дай бог всякому такого короля!.. Это (отъезд короля. — *Авт.*) неплохо было сделано... взял ли король с собой орден (Победы. — *Авт.*) ...молодому королю нужно оставить гражданство, он будет вести себя лучше...» (АП РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 362. Л. 4—10).

дов». Появление этого тезиса продиктовано новой политической конъюнктурой, требующей создания в массовом общественном сознании образа страны, непрерывно борющейся против коммунистического режима, и в целом народа, никогда не принимавшего идеологии и власти коммунистов. Налицо стремление вычеркнуть из национальной истории, ставшее политически «неудобным» прошлое. Между тем, документы российских архивов свидетельствуют, что массового и систематического сопротивления в эти годы не было даже в Польше, что все еще сохранявшаяся на рубеже 40—50-х годов неорганизованная оппозиция и разрозненное остаточное подполье (например, в Румынии и Польше⁵¹) становились все более призрачными и не представляли сколь-нибудь серьезной политической угрозы для власти, хотя отдельные выступления против представителей режима, действительно, имели место и в начале 50-х годов. Например, зимой 1950 г. советник МГБ СССР в Венгрии Карташов сообщал в Москву о том, что в декабре 1949 г. было зафиксировано 23 вооруженных нападения на местных партийных и общественных активистов; свыше 50 диверсий на транспорте, преимущественно на коммуникациях, связывающих Советский Союз с Австрией, а также 15 случаев обстрела поездов. В промышленности за 1949 г. совершено несколько сот диверсий, актов саботажа и вредительства. Эти сведения Карташов приводил в подтверждение своего далеко идущего и политически конъюнктурного вывода, что «силы реакции, направляемые американцами и англичанами, в последнее время все более решительно выступают против нового строя, рассчитывая на поддержку извне»⁵². Имело место и периодическое оживление в Польше. Как отмечалось в политико-экономическом обзоре за I квартал 1952 г., направленном из Варшавы в Москву советским посольством, начиная со второй половины 1951 г. произошла заметная активизация деятельности «десятков различных подпольных организаций». Число «бандитских нападений» увеличилось с 26—30 за декаду в июле 1951 г. до 44 за декаду в I-ом квартале 1952 г.⁵³

Национальные структуры госбезопасности отдавали себе ясный отчет о немногочисленности, организационной слабости и безнадежности такого сопротивления. Так, осенью 1949 г. министр внутренних дел Словакии Д.Окали в беседе с советским генеральным консулом, назвав ряд мелких антиправительственных подпольных организаций, делал вывод, что они «не были многочисленными и какой-либо серьезной угрозы для народно-демократического режима в Чехословакии не представляли». Вместе с тем, отдавая дань конъюнктуре, он подчеркивал, что наличие таких организаций «подтверждает положение марксизма-ленинизма об обострении классовой борьбы в переходный период от капитализма к социализму»⁵⁴.

Документы свидетельствуют, что для власти компартий, утвердившейся в странах региона, не только не было опасным существование «очагов сопротивления», но госбезопасность была в них заинтересована и даже «поддерживала» и контролировала их деятельность, вводя туда своих людей. Известен факт, что польская

служба безопасности в начале 50-х годов контролировала одну из самых законспирированных военно-политических организаций польского подполья — ВиН и внедряла своих людей в ее командование⁵⁵. Наличие такого сопротивления давало возможность службам госбезопасности обосновывать необходимость проведения массовых репрессий.

Аналогичная с этой точки ситуация имела место и в Чехословакии, где, по словам представителей министерства внутренних дел Ш.Плачека и В.Мюллера, уже к концу 1948 г. госбезопасность контролировала 65%, так называемых групп сопротивления, держала под своим контролем практически все пограничные переходы и организовывала провокации с целью выявления «очагов» сопротивления⁵⁶.

Сталинский тезис «об обострении классовых борьбы» оказывался востребованным и по иным причинам. Он позволял формирующемуся новому социальному слою — партийно-государственной номенклатуре утвердиться в системе управления путем «выдавливания» своих конкурентов — «старых» управленцев. Последние имели более высокую профессиональную подготовку и образование и составляли (в лице госслужащих, чиновников, офицеров, учителей, профессуры и т.д.) массовый электорат бывших партий-союзниц или конкурентов, оттесненных от власти. Кроме того, указанные слои рассматривались и правящей коммунистической номенклатурой, и советским политическим руководством как незаблокированный канал западного влияния в регионе, как брешь в опускавшемся на регион «железном занавесе»⁵⁷. Следуя политической логике коммунистов, они должны были стать объектом политических репрессий. Не допустить «проигрыша» профессионального соревнования со «старыми» специалистами новая номенклатура могла только силовым путем, и репрессии должны были обеспечить победу в этом «соревновании».

Документы российских архивов подтверждают крайне настроенное, вплоть до враждебного, отношение новой номенклатуры (особенно среднего и низшего звена) к старым специалистам. Так, заместитель министра земледелия Болгарии, кандидат в члены Политбюро БКП Т.Черноколев на V съезде партии публично заявил, что «со старыми специалистами следует считаться только до тех пор, пока не будут подготовлены молодые кадры и что после этого все старые специалисты будут выброшены за борт». Комментируя это заявление президент Болгарской академии наук Т.Павлов в беседе с сотрудником советского посольства 9 февраля 1949 г. отметил: «Это заявление Черноколева произвело гнетущее впечатление на большую часть видных ученых Болгарии и внесло в их среду переполох». Сам Павлов, стремясь сгладить возможный негативный резонанс от заявления Черноколева, счел нужным отметить, что немедленно отстраняться будут только те старые специалисты, «которые будут препятствовать нашему развитию... но те, кто пойдет в ногу с нами, будут поощряться... Так было в Советском Союзе, так будет и у нас»⁵⁸.

Советские дипломатические службы отмечали недоверие к старым специалистам и в других странах — Чехословакии, Румынии, Венгрии. В частности, о таких настроениях советскому послу в Румынии С.И.Кавтарадзе сообщил член Политбюро ЦК РРП И.Кишиневский в мае 1951 г.: «...Верно, что значительная часть этой (научно-технической. — *Авт.*) интеллигенции, а может быть, и большая..., настроена против существующего режима, но, несомненно, немалая ее часть сохранила качество честных специалистов и работает добросовестно и с оглядкой»⁵⁹. По этому же поводу советский посол в Венгрии Е.Д.Киселев 5 сентября 1951 г. с большой тревогой писал в Москву: «...Многие венгерские партийные работники третируют старых инженеров, огульно считая их потенциальными врагами Венгерской Народной Республики. В связи с этим нами высказано мнение, что такое отношение к старой интеллигенции может оттолкнуть значительную часть инженерно-технических работников, желающих честно служить народно-демократической Венгрии». На это замечание советского посла министр иностранных дел К.Киш реагировал следующим образом: «Такое отношение к старым инженерам вызвано тем, что большинство их участвовало в фашистских организациях при режиме Хорти и во время оккупации Венгрии гитлеровской Германией». Он признал, что «многие ответственные работники ВПТ занимают неправильную позицию в этом вопросе»⁶⁰.

Из вышеизложенного становятся понятными те направления в работе органов госбезопасности, которые были определены правящей верхушкой: против «старых» специалистов, функционеров и членов распущенных или трансформированных политических партий, против участников послевоенного военно-политического подполья (Польша); против лиц, связанных с эмиграцией; против довоенного офицерства и чиновничества. Что касается социал-демократических (социалистических) партий, то часть их — левое крыло, разное по удельному весу, влилось в компартии в процессе так называемого объединения рабочего движения. Правые и центристские группировки остались политически неорганизованными и рассматривались руководством компартий и Москвой как потенциальный резерв «реакции». Часть политических партий (СЛ и ПСЛ в Польше, БЗНС в Болгарии, ПМСХ в Венгрии, национальные социалисты, народная партия и некоторые другие в Чехословакии) была трансформирована и выполняла в новой политсистеме роль декорации. Партии, представлявшие интересы крупных промышленников и землевладельцев, были ликвидированы. Следует особо подчеркнуть, что сохранявшиеся, во многом парализованные и полностью подчиненные коммунистам, эти партии тем не менее привлекали пристальное внимание Москвы, а информация о ситуации в них регулярно направлялась высшему советскому руководству. Например, в мае 1949 г. в Москву поступили сведения из Болгарии об активизации членов недавно распущенной партии «Звено»: «...Бывшие звенари не порвали связей между собой. Они по-прежнему собираются группами, обмениваются

мнениями по международным и внутренним вопросам, надеются, что партия еще будет играть роль в политической жизни страны., бывшие лидеры "Звена" Стайнов, Чокалов, Кулишев группируют вокруг себя реакционные элементы, восстанавливают связи с провинцией, призывают к объединению на случай изменения политической обстановки... Звенари продолжают поддерживать связи с оппозиционными земледельцами., с запасными генералами и офицерами. Серьезный интерес представляет группа высших офицеров из бывшего военного союза, участников государственных переворотов, ныне членов болгарской коммунистической партии: Тодор Тошев, Владимир Стойчев, Бояджиев, Крум Лекарский, Христо Стайков, Генчев, Трендафилов. В прошлом все эти генералы были сторонниками Дамяна Велчева, т.е. близки "Звену"⁶¹. Среди мотивировок репрессий на первое место выдвигались обвинения в шпионаже в пользу западных держав, в планах свержения существующего строя, в буржуазном национализме, в диверсиях и саботаже.

Как показывают фактические материалы, в 1949—1953 гг. репрессии по политическим мотивам в регионе приняли массовый характер и развивались по восходящей линии. Например, по данным чешского исследователя К.Каплана, число осужденных по политическим мотивам в Чехословакии составляло в 1949 г. 1 643 чел., а в 1950 — 15 766. По секретным материалам чехословацкой национальной безопасности на 1 января 1951 г. число лиц, арестованных этими органами и находящихся в заключении составляло 895 чел. В 1949 г. суды вынесли 57 смертных приговоров и 117 чел. были приговорены к пожизненному заключению⁶². По данным УГБ Венгрии с 1950 г. по I-й квартал 1953 г. судебные органы вели «дела» 650 тыс. чел., из которых 387 тыс. чел. было осуждено. Пик карательной политики в этой стране пришелся на 1952 г. Общее количество обвинительных судебных приговоров достигло 134 471, при этом к тюремному заключению было приговорено 74 257 чел. Летом 1953 г. в венгерских тюрьмах содержалось 7 093 политических и 24 498 уголовных заключенных⁶³.

Что касается Польши, то в 1949—1953 гг., по сравнению с предыдущим периодом, размах репрессий заметно снизился. Так, в 1944—1948 гг. за участие в нелегальных организациях и в террористических акциях, за нелегальное владение оружием было арестовано 75 тыс. чел., в 1949—1955 гг. — 30 тыс.⁶⁴ Но репрессии оставались массовыми. По данным польского историка А.Пачковского, численность политических заключенных на 1 января 1948 г. составляла 26,4 тыс. чел., через год — 32,2 тыс., а в середине 1950 г. — 35,2 тыс. чел. В 1952 г. за политические преступления и за преступления в годы оккупации в тюрьмах содержалось 49 449 чел., что составляло значительно более половины всех заключенных в стране (71 051 чел.)⁶⁵.

В Румынии «волны» арестов деятелей и членов крупнейших буржуазно-демократических партий — национал-царанистской и национал-либеральной — прошли весной 1947 г. и весной 1948 г. Среди арестованных в 1947 г. были, например, секретарь НЦП

И.Худице, известные деятели этой партии А.Леукуция и К.Копосу. Если раньше аресты «за контрреволюционную деятельность» были довольно немногочисленны (в 1944 г. — 53, 1945 — 315, 1946 — 489 чел.⁶⁶), то теперь счет шел уже на тысячи. Кроме массовых арестов (15 тыс. чел.) бывших членов организации фашистского толка «Железная гвардия»⁶⁷, весной 1948 г. репрессиям подверглись 2 тысячи национал-царанистов. Аресты распространились и на функционеров НЛП (например, деятель этой партии Г.Фатино, министр финансов в правительстве П.Грозы М.Ромничану). В 1949 г. был арестован бывший министр по вопросам национальных меньшинств С.Драгомир. В этот период и в дальнейшем основной формой изоляции в Румынии были заключение в трудовой лагерь на несколько лет и домашний арест. Так, с начала 1949 г. под домашним арестом находилось 60 тыс. чел.⁶⁸ При упоминавшемся уже строительстве канала Дунай—Черное море было организовано 8 трудовых лагерей. Печально знаменитой стала колония Мунка.

Новая «волна» арестов прокатилась в Румынии весной—летом 1950 г. Тогда были арестованы лидеры и деятели НЦП и НЛП К.Братиану (Бебе), И.К.И.Братиану (Дину), К.Ангелеску, И.Нистор, К.Джуреску; бывшие министры — И.Христу, Д.Каракоста и др. Причем сроки (24 месяца) их пребывания, главным образом в колонии Мунка и тюрьме в г. Сигете, неоднократно продлевались.

С каждым годом в Румынии возрастало число арестованных за деятельность, направленную «против существующего строя». Так, если в 1950 г. по политическим мотивам было арестовано 6 635 человек, то в 1951 г. — 19 236, в 1952 — 24 826 человек. Всего за 1950—1953 гг. арестам подверглись 55 527 человек. За это же время было интернировано и взято под домашний арест без судебных решений — 22 008 человек. Характерно, что и в данном случае резкий рост лишенных свободы людей также пришелся на 1952 г. — 11 913 человек⁶⁹.

Следует непременно подчеркнуть, что по политическим мотивам репрессировались в эти годы далеко не только представители бывших правивших классов и обслуживавшие их власть чиновники, служащие, интеллигенция, но и сопротивлявшиеся коллективизации крестьяне⁷⁰, а также участвовавшие в забастовках и иных формах протеста рабочие*. Например, в той же Румынии в 1949—1951 гг. было арестовано от 80 до 100 тыс. крестьян⁷¹. Среди амнистированных в апреле 1953 г. 525 тыс. человек (из них 15 тыс. освобождено из мест заключения) около 60% освобожденных составляли рабочие, крестьянская беднота и середняки⁷². В этом отношении показательны также и материалы, поступившие в январе 1951 г. министру иностранных дел СССР А.Я.Вышинскому из Чехословакии. Со

* В данном разделе авторы вынуждены ограничиться отдельными примерами, ибо состояние документальной базы не позволяет раскрыть этот, относительно самостоятельный вопрос, касающийся волнений в тех слоях, которые рассматривались властью как основная социальная база режима.

ссылкой на данные, которые были получены советским посольством от чехословацкой госбезопасности, из общего числа 895 человек, арестованных за «антигосударственную деятельность и находившихся в заключении» на 1 января 1951 г. — 203 были рабочими, 64 — крестьянами и 333 — представителями интеллигенции. Среди 12 тыс. нелегально ушедших или пытавшихся уйти за границу 4 726 человек были рабочими, 499 — крестьянами, 453 — служащими государственных учреждений и общественных организаций⁷³.

Важнейшим элементом общественной жизни, определявшим климат в каждой из стран Восточной Европы в 1949—1953 гг., становились политические судебные процессы. Но если в предшествующий период — 1944—1948 гг. процессы над противниками и оппонентами политики компартий (даже «организованные» коммунистами) отражали реальную борьбу за власть, то теперь ситуация была иной. Мишенью становились остатки распущенных политических партий. Чешский исследователь К.Каплан, анализируя ситуацию в Чехословакии, писал: «Некоммунистические партии в чешских землях после февральского государственного переворота находились в таком состоянии, что не могли стать платформой или инициаторами оппозиционной активности в отношении коммунистической партии и ее режима. Сильным политическим нажимом и административно-властными действиями новой власти партии были ослаблены, их организации — разбиты. Политические чистки привели к смене руководящих кадров, к отливу членов, и прежде массовые партии стали теперь беспомощными остовами. Главное, однако, заключалось в том, что они находились под контролем КПЧ, Национального фронта и органов государственной безопасности и были наполнены информаторами и тайными членами КПЧ»⁷⁴. С помощью судебных процессов над «остатками» политических сил, противостоявших ранее коммунистам и теперь не представлявших сколь-нибудь реальной угрозы власти, правящая коммунистическая верхушка имитировала продолжающуюся борьбу за власть, против утвердившегося режима, которая якобы возрождалась за рамками складывавшейся политсистемы. Так, в 1949 г. госбезопасность Польши продолжала расследовать «дела Центрального Исполкома ППС», по которым «за деятельность в годы оккупации» еще осенью 1948 г. был арестован ряд видных деятелей этой партии. В 1951 г. состоялся судебный процесс по «делу» Ю.Квасиборского и других руководителей распущенного в 1950 г. Стронництва працы (СП). Обвиняемым вменялись в вину намерения «силой изменить демократический строй польского государства»⁷⁵.

В качестве аргументов использовались факты, взятые из времени гитлеровской оккупации, когда СП составляло элемент «подпольного государства», контролировавшегося польским правительством в Лондоне. Теперь деятельность Квасиборского и др. в иной исторической эпохе использовалась для обслуживания политических задач ПОРП на новом этапе. В 1951 г. состоялся суд над М.Гулевич, В.Брыей, П.Сюдаком — деятелями бывшей партии Ст.Миколайчика, входившими ранее в ее руководящие структуры⁷⁶.

На фоне раскручивавшихся в коммунистическом движении внутрипартийных политических «дел» (Т.Костов в Болгарии, В.Гомулка в Польше, Л.Райк в Венгрии, К.Дзодзе в Албании, Л.Патрашкану в Румынии, Р.Сланский в Чехословакии) процессы над представителями «старой» политической и экономической элиты целенаправленно использовались правящими кругами для канализации нарастающего общественного напряжения в нужное русло. Одновременно в обществе создавалась атмосфера страха, недоверия и доноительства, ситуация общественной напряженности, постоянной мобилизации, политически привычная и удобная коммунистам.

Наиболее показательным в этом отношении был судебный процесс в Чехословакии над руководителями так называемого «вредительского заговора против республики». Как и в других странах региона, в ЧСР действительно существовали мелкие разрозненные группы бывших функционеров из рядов социал-демократии, национальных социалистов, католиков (народная партия) и словацких демократов. Их практическая деятельность выражалась в разработке программных документов, издании листовок мелкими тиражами и в поиске контактов с эмигрировавшими лидерами. Такого рода деятельность могла быть без труда прекращена органами госбезопасности, ибо, как признавал один из руководителей политической контрразведки Чехословакии Ш.Плачек, большинство таких мелких групп находилось под прямым контролем этих органов⁷⁷. Но «тихий» и «спокойный» путь ликвидации не отвечал интересам правящей группировки, особенно если принять во внимание то обстоятельство, что в Венгрии и Болгарии только что весьма «эффектно» были проведены политические процессы над Т.Костовым и Л.Райком. Чтобы «достойно» выглядеть в глазах Москвы, руководству КПЧ нужен был публичный процесс с разоблачением по меньшей мере антигосударственного заговора противников нового строя. Именно такой процесс и был сконструирован органами чехословацкой госбезопасности на основе проведенных с осени 1948 г. по осень 1949 г. арестов нескольких подпольных групп бывших функционеров из рядов правого крыла социал-демократической партии, национальных социалистов и народной партии. Причем главный удар наносился по национальным социалистам, представлявшим еще недавно стержневую политическую организацию страны.

Уже в декабре 1949 г. министр юстиции А.Чепичка информировал советского посла М.А.Силина о том, что в Чехословакии «на днях ликвидирована подпольная группировка «Директория чехословацкого сопротивления». Эта группировка была организована П.Зенклом перед его бегством за границу. В основном эта организация состояла из бывших членов национально-социалистической партии, проводила террористические акты и занималась шпионажем. Установлено, что эта организация связана с работниками американского посольства»⁷⁸.

На роль главной жертвы органы безопасности определили видную деятельницу национально-социалистической партии, участни-

цу антифашистского движения сопротивления М.Горакову, депутата парламента, сложившую свой мандат после февраля 1948 г.

Весной 1950 г. в госбезопасности при участии советников МГБ СССР М.Т.Лихачева и Н.И.Макарова был разработан план судебного процесса. В связи с этим «делом» аресту подверглось 630 чел.⁷⁹

По замыслу организаторов, процесс призван был доказать обществу, что «политические представители реакции» не отказались еще от попыток возврата к власти и ведут борьбу против народно-демократического режима, объединив коалиционной программой национальных социалистов, социал-демократов и католиков. Основная цель процесса состояла в том, чтобы убедить общество в существовании реальной угрозы контрреволюционного переворота⁸⁰.

В обвинительном заключении говорилось: «...Группа обвиняемых, согласно инструкциям англо-американских империалистов, Зенкла, Рипки и др. должна была организовать реакционное подполье в Чехословакии путем шпионажа, саботажа и террора и подготавливаемого вооруженного нападения англо-американских империалистов на Чехословакию»⁸¹.

Согласно приговору судебного заседания, состоявшегося в июне 1950 г., из 12 обвиняемых 4 (в том числе и М.Горакова) были приговорены к смертной казни, 4 человека к пожизненному заключению. Сам судебный процесс, жестокость вынесенного приговора (несмотря на многочисленные обращения к президенту К.Готвальду известных западных интеллектуалов 40-х годов с просьбой о помиловании М.Гораковой) позволили правящей коммунистической верхушке развернуть в стране пропагандистскую кампанию. По стране прокатилась организованная сверху волна резолюций с мест в поддержку приговора и с требованием немедленного приведения его в исполнение⁸². Кампания дала свои результаты. Как сообщал в середине июля 1950 г. в советское посольство Л.Копржива «...в настоящее время в республике... не наблюдается случаев резких антигосударственных выступлений. Приговор по делу Гораковой был принят населением спокойно, как должное»⁸³. В это же время Э.Шлехта — председатель чешской социалистической партии в ходе визита в советское посольство, говоря о завершении процесса над Гораковой, подчеркивал, что среди членов социалистической партии «будет проведена большая воспитательная работа» по разоблачению ее бывших лидеров⁸⁴.

Пожалуй, еще более «эффективным» по политическим последствиям оказалось воздействие процесса над «руководителями вредительского заговора против республики» на лидеров народной (католической) партии. Один из них, Д.Поланский, 12 июля 1950 г. выступил в парламенте с заявлением о том, что его партия также является социалистической. Как сообщало советское посольство в Москву, свое заявление Поланский аргументировал тем, что поскольку партия входит в состав возрожденного Национального фронта, ведущего страну к построению социалистического общества, то «не может не быть социалистической партией»⁸⁵.

Аресты аналогичной политической направленности проводились и в Румынии. Так, весной 1950 г. в Румынии только за одну ночь с 5 на 6 мая было произведено — согласно донесению советника МГБ СССР А.М.Сахаровского В.С.Абакумову — «изъятие 66 человек бывших министров и крупных государственных чиновников буржуазных правительств Румынии, а также видных деятелей румынских реакционных партий». 13 мая 1950 г. документ Сахаровского был направлен И.В.Сталину, В.М.Молотову, Л.П.Берии и Г.М.Маленкову. Среди арестованных были лидер крупнейшей партии страны — национал-либеральной — Г.Братиану, недавний союзник коммунистов и лидер левой группировки национал-либералов — Г.Татареску, его сторонники П.Бежану и Рашкулец и ряд министров 1937—1944 гг. Двое из арестованных — Бежану и Рашкулец — были действующими депутатами румынского парламента, но только после их ареста Г.Деж «посетил П.Грозу с тем, чтобы подписать решение об арестах» этих лиц.

Как сообщал генерал Сахаровский в Москву, при подготовке мероприятия «вначале имелось в виду изъятых лиц изолировать в административном порядке, поместив их в один из провинциальных монастырей под соответствующую охрану. Однако, в связи с тем, что многие из них являются военными преступниками, при правительстве Антонеску руководили военной промышленностью или занимали командные должности в армии, а некоторые поддерживали связь с английской и американской разведками, было принято решение заключить их в тюрьму и вести следствие»⁸⁶. Арестованные были помещены в тюрьму для политических заключенных в г. Сигете. Здесь в 1950 г. содержалось более 200 чел., из которых к 1953 г. умерло 52 человека, в том числе и Г.Братиану, скончавшийся весной 1953 г.⁸⁷

Рискнем предположить, что аресты представителей высшей политической элиты довоенной Румынии неслучайно совпали хронологически с «делом» М.Гораковой в Чехословакии. Тем не менее, судебного разбирательства и приговора в отношении Г.Братиану и других так и не состоялось.

Что касается позиции советской стороны, то, как можно проследить по материалам российских архивов, ее «присутствие» в репрессивных акциях имело место (национальная высшая номенклатура предоставляла Москве исчерпывающую информацию), но выражалось применительно к конкретным «делам» по-разному. Например, в случае ареста Г.Татареску, политика, хорошо известного высшему советскому руководству, можно предположить, что Г.Деж получил определенную «свободу рук». Иначе вряд ли бы он решился ответить на предложение П.Грозы согласовать с Москвой возможность ареста Татареску следующим образом: «Это наше дело, и если спросят нас, почему мы так сделали, мы объясним, что эти лица, находясь на свободе, вдохновляли реакцию»⁸⁸.

В других случаях из Москвы следовали прямые указания. В этом отношении весьма показателен документ, направленный 18 декабря 1951 г. А.А.Громыко Г.Дежу в связи с процессом «над

группой шпионов». В нем поручалось советскому послу посетить Г.Дежа и передать ему следующее: «...По мнению советского правительства, в ближайшие дни следует провести суд над шпионами, диверсантами и террористами — Шпиндером, Саплаканом, Бон и Стецанеску, приговорить их к расстрелу и приговор привести в исполнение. О суде над этими шпионами, диверсантами и террористами, о приговоре и приведении в исполнение приговора суда следует опубликовать спецсообщение в румынской печати...» Этот документ заканчивался жесткой формулировкой: «Исполнение телеграфьте. А.Громыко»⁸⁹.

В Болгарии политические репрессии охватили «старую» экономическую элиту, пошедшую на сотрудничество с новой властью. Начиная с 1950 г. прошли аресты 14 высококвалифицированных специалистов, в свое время получивших образование в Германии и Австрии и работавших в горно-добывающей промышленности. Они обвинялись в организации в 1949 г. шпионской группы, созданной двумя представителями известных промышленных и банковских семейств. По приговору суда, состоявшегося осенью 1953 г., был вынесен 1 смертный приговор (Д.Бурову) и остальные 13 человек получили различные сроки тюремного наказания — от 5 до 29 лет⁹⁰.

Стремление Москвы контролировать ход и направления репрессивных акций особенно отчетливо прослеживается в российских документах, касающихся истории Венгрии и отражающих окончательную, с точки зрения коммунистической части руководства ВПТ, расправу с недавними союзниками — социал-демократами, которые и в Москве и в Будапеште рассматривались как рудимент «старой» эпохи, враждебный новому строю.

Социал-демократическая партия Венгрии имела глубокие корни в рабочем движении и еще недавно превосходила коммунистов и по численности, и по степени влияния в обществе. Недовольство населения экономическим положением в стране и начавшимся снижением жизненного уровня советские дипломатические службы привычно связывали здесь с деятельностью «враждебных» элементов «из числа бывших социал-демократов», которые-де создавали внутри рабочего класса настроения колебания, неуверенности и недовольства политикой ВПТ⁹¹. Особое беспокойство коммунистов вызвало положение в профсоюзах Венгрии, которые, отражая настроения рабочего класса, нередко выступали инициаторами рабочих забастовок. В июле 1950 г. Политбюро ЦК ВПТ приняло специальное решение о негативной роли социал-демократов в профсоюзах. Коммунистическая верхушка ВПТ связывала забастовки именно с сохранением социал-демократического влияния в массовых организациях и ориентировала партию на уничтожение этого влияния.

В информациях советскому руководству посольство СССР также настойчиво проводило мысль о необходимости укрепления Венгерской партии трудящихся. Основная причина ее слабости объяснялась тем, «что при слиянии были отброшены не все правые элементы (социал-демократии. — *Авт.*), а только наиболее активные их предста-

вители. Значительная часть с.д. партии, не разделяющая взгляды марксизма-ленинизма, влилась в объединенную партию... очищение партии от идеологически чуждых элементов еще стоит на очереди»⁹². Уже в начале февраля 1950 г. М.Ракоши в беседе с советником МГБ СССР Карташовым, характеризую ситуацию в руководстве ВПТ, обратил особое внимание на тех деятелей, которые пришли в партию из социал-демократии. Конкретно он назвал имена члена Политбюро ЦК ВПТ И.Кошша, члена ЦК ВПТ И.Риса, министра иностранных дел Д.Каллаи. При этом Ракоши не преминул отметить их якобы враждебное отношение к СССР. Это была политически целенаправленная информация, рассчитанная на соответствующую реакцию советской стороны⁹³.

Еще раньше, в июле 1949 г., М.Ракоши зондировал почву в Москве на предмет ареста А.Сакашича, бывшего лидера социал-демократов, а ныне президента страны и председателя ВПТ, судебного привлечения его как фигуранта по «делу» Л.Райка. Но тогда Ракоши не получил одобрения Москвы и дело затянулось до весны 1950 г. Однако 11 апреля 1950 г. Карташов получил от начальника управления госбезопасности (УГБ) Венгрии Г.Петера информацию о предстоящем аресте Сакашича и о том, что Ракоши не хотел об этом предварительно информировать Москву. Арест состоялся 24 апреля после встречи Сакашича с Ракоши на квартире последнего, где Сакашичу было предъявлено обвинение в сотрудничестве с полицией в довоенный период*. Ракоши, предложив Сакашичу выбор: домашний арест и судьба З.Тильди (о чем речь шла выше), или судьба Л.Райка, осужденного и казненного в 1949 г. Он продиктовал тексты двух документов — заявление об отставке с поста председателя Президиума ВНР и о признании сотрудничества с довоенной полицией, которые были подписаны Сакашичем⁹⁴. Вскоре в июне—июле 1950 г. была проведена серия массовых арестов среди социал-демократов как правых, в свое время недопущенных в ВПТ, так и тех, кто вошел в состав объединенной рабочей партии и находился в это время на руководящих постах в партии (например, Д.Марошан, И.Рис и др.). К середине июля 1950 г. подверглись аресту более 320 чел. и в ближайшее время намечался арест еще более 100 чел. Всего было арестовано без предъявления обвинения 500 социал-демократических функционеров⁹⁵. В ходе возбужденных против социал-демократов «дел» под судом побывал 421 человек. Министр юстиции И.Рис до суда не дождался, так как был насмерть забит на следствии⁹⁶.

Как свидетельствуют документы, эта антисоциал-демократическая акция проводилась с ведома и одобрения Москвы. 20 июня 1950 г. М.Ракоши через приехавшего в Москву министра обороны Венгрии М.Фаркаша сообщил И.В.Сталину о намерениях арестовать Д.Марошана и И.Риса. 23 июня Сталин дал ответ: «Ваше

* В 1956 г. А.Сакашич был реабилитирован, а обвинение в сотрудничестве с полицией признано фальшивкой.

письмо получили. Согласны с тем, что от Риса и Марошана надо избавиться. Открытый процесс нецелесообразен. Лучше провести закрытый процесс»⁹⁷. Об аресте Д.Марошана и И.Риса М.Ракоши специально уведомил И.В.Сталина 8 июля 1950 г. Примечательно, что об отставке их с занимаемых постов было объявлено лишь 14 июля⁹⁸. Еще 27 июня В.С.Абакумов направил утку советскому руководству — И.В.Сталину, В.М.Молотову, Л.П.Берия, Г.М.Маленкову, Н.А.Булганину — подробную информацию об этой акции. В ней, в частности, сообщалось также и об аресте группы бывших правых деятелей социал-демократической партии — А.Кетли, Ф.Седера и др.⁹⁹

М.Фаркаш 18 июля 1950 г. рассказывал советскому послу Е.Д.Киселеву, что вначале не предполагалась организация открытого процесса над правыми социал-демократами. «Анне Кетли, — говорил Фаркаш, — будет предложено написать книгу или брошюру о провокаторской работе лидеров бывшей с.д.партии (правых и левых) и о их связях с английской и американской разведками, которая будет разоблачающим материалом и, будучи опубликованной, заменит судебный процесс... взамен они предоставят А.Кетли возможность жить в условиях Тильди Золтана...»¹⁰⁰

Однако эти расчеты венгерского руководства не оправдались. А.Кетли от данного предложения, очевидно, отказалась и на закрытом судебном заседании была приговорена к 15 годам каторжных работ.

В то же время в Венгрии были проведены аресты среди бывших деятелей Партии венгерской свободы, Демократической народной партии, а также правого крыла Партии мелких сельских хозяев, еще недавно оспаривавшей у коммунистов право на власть в государстве. Аресты прошли и среди генералитета.

Как сообщали в Москву советники МГБ СССР, венгерское руководство задумало «объединить дела по четырем группам арестованных в одно дело антиправительственного заговора во главе с социал-демократами с тем, чтобы впоследствии провести судебный процесс». Именно Ракоши, как свидетельствуют документы российских архивов, предложил вести следствие в направлении вскрытия связей арестованных военных с бывшими лидерами социал-демократов, представителями католической церкви и кликой Тито¹⁰¹.

По-видимому, эта концепция процесса не вызвала доверия в Москве, тем более, что по линии МГБ СССР шла информация о том, что «показания о связи военных с лидерами социал-демократов получены искусственным путем»¹⁰². Группе социал-демократов во главе с А.Кетли инкриминировались планы свержения «с помощью англичан и американцев народно-демократического строя в Венгрии и включения Венгрии в блок империалистических государств». Группе А.Сакашича ставились в вину связь с английской разведкой и проведение подрывной работы внутри ВПТ через насаждение «своих людей на важные посты в государственном аппарате»¹⁰³.

По «делу» социал-демократов в закрытых заседаниях были осуждены 151 чел. и 276 чел. интернированы¹⁰⁴. Аресты и приго-

вор суда, в первую очередь в отношении А.Кетли, вызвали широкую кампанию протеста в социалистическом движении на Западе. Что касается внутривенгерского «резонанса» на «заговор» социал-демократов, то в Москву поступала информация о том, что руководство ВПТ получало в этом вопросе поддержку партийных низов. Так, в вышеупомянутом сообщении Е.Д.Киселева о беседе с М.Фаркашем говорилось: «...Партийные организации... сумели организовать свою массовую работу так, что рабочие активно помогают разоблачению деятельности этой вражеской агентуры. Разоблачение правых и их устранение с наиболее ответственных участков промышленности плюс намеченные партией мероприятия по пересмотру норм и упорядочению заработной платы создают условия для нового подъема промышленности»¹⁰⁵.

Арестами и судебными процессами по «делам» бывших социал-демократов М.Ракоши мотивировал консервацию состава центрального звена партии. Так, 3 января 1951 г. он писал И.В.Сталину: «...Несмотря на все наши усилия, мы не нашли такого бывшего социал-демократа, который мог бы быть надежным членом нового Политбюро. Однако такое политбюро, в состав которого не входит бывший социал-демократ, может создать неблагоприятное впечатление у простых членов партии — бывших социал-демократов... в связи с разоблачением социал-демократов. В отношении 8—10 выросших здесь руководящих коммунистов, часть которых мы хотели выдвинуть, возникли такие серьезные обвинения и причины для подозрений, которые фактически исключают возможность участия их в руководстве после съезда»¹⁰⁶. В данном случае Ракоши имел в виду коммунистов из своего ближайшего окружения. Речь шла о Я.Кадаре, которого он характеризовал советскому советнику, как «вялого и нерешительного человека», не вызывающего доверия и недоброжелательно относящегося к СССР; Й.Реваи («большой националист... группирует вокруг себя людей, настроенных против СССР»); А.Апро («близок к Реваи»); Ш.Шебеше («троцкист, американский и югославский агент»)¹⁰⁷. Без сомнения, Ракоши готовился к новому туру внутрипартийных репрессий.

В отличие от венгерских социал-демократов, социал-демократическая партия Румынии ни в межвоенное время, ни в первые послевоенные годы в условиях существования сильных «исторических партий» — НЦП и НЛП, а также Фронта земледельцев не имела сколь-нибудь широкого влияния и прочных традиций в обществе. Уже на выборах в Великое национальное собрание в 1946 г. партия, за исключением группировки правых во главе с К.Титель-Петреску, блокировалась с коммунистами и в начале 1948 г. влилась в РРП, где социал-демократы не занимали серьезных позиций. Поведение их лидеров, вступивших в РРП, откровенно охарактеризовала А.Паукер в беседе с советским послом А.И.Лаврентьевым в середине 1950 г. Она сообщила послу: «...Социал-демократы, вступившие в рабочую партию, в отличие от прошлого времени отмалчиваются. Если социал-демократы раньше выражали в той или иной форме по тем или иным вопросам свое

недовольство, то теперь внешне никак не реагируют ни на какие события... Даже на официальных заседаниях Политбюро Рабочей партии социал-демократы лишь только покуривают, едят фрукты и дают невразумительные ответы, когда спрашивают их мнение». И далее А.Паукер делала вывод: «Очевидно, социал-демократы что-то вынашивают»¹⁰⁸. Такая подозрительность, свойственная коммунистическим лидерам не только этой страны, и особенно прибывшим из Москвы после войны, привела к тому, что весной 1953 г. секретарь ЦК РРП А.Могорош в беседе с советником посольства СССР Н.П.Сулицким с удовлетворением констатировал: «В настоящее время в райкомах и обкомах партии уже не имеется ни одного социал-демократа. Что касается ЦК РРП, то, видимо, после съезда РРП (съезд состоялся только в 1955 г. — *Аем.*) социал-демократы вряд ли будут избраны в состав ЦК»¹⁰⁹. Кроме того, следует отметить, что обычной, по-видимому, была практика руководства РРП проводить т.н. узкие заседания политбюро (без приглашения социал-демократов) и принимать на них принципиальные решения. (Например, об арестах руководителей сионистских организаций в 1952 г.¹¹⁰) Это позволяло устранять бывших социал-демократов от участия в принятии решений на самом «верху» партии.

Можно предположить, что именно политической инертностью, подавленностью, которые были результатом непрерывного давления со стороны коммунистов, объясняется отсутствие в Румынии сколь-нибудь громких политических процессов по «делам» социал-демократов. Исключение составлял арестованный лидер правого, отколовшегося от партии в 1947 г., крыла социал-демократического движения К.Титель-Петреску. Но следствие по его «делу» шло вяло и не получило широкого резонанса в стране.

Что касается Польши, то основной формой вытеснения из ПОРП бывших членов ППС были «чистки» — исключения, вычеркивания из рядов партии по различным, в том числе и политическим, мотивам¹¹¹. В беседе с советским послом А.А.Соболевым 2 июня 1951 г. Б.Берут следующим образом охарактеризовал положение дел в партии: «...В настоящее время пепезовцы не представляют больших хлопот. В течение последних лет идет постепенное очищение рядов партии от бывших пепезовцев, и теперь их осталось уже не так много, во всяком случае они не причиняют таких хлопот, какие причиняли раньше. Так, на последних воеводских съездах совершенно не было выступлений, отдававших социал-демократическим душком, в то время как раньше такие выступления имели место сплошь и рядом»¹¹².

По мнению же нового советского посла в Варшаве В.И.Попова, и к концу 1953 г. часть из состоявших в ПОРП 200 тысяч бывших социалистов «осталась на реакционных позициях и проводит антиправительственную деятельность»¹¹³. Документы российских архивов свидетельствуют, что из разных кругов партактива ПОРП в Москву продолжала идти негативная информация о членах руководства ПОРП — бывших социалистах и прежде всего о Ю.Циранкевиче и А.Рапацком. Они обвинялись в том, что «не порвали

связей с бывшей ППС» и группируют вокруг себя «наиболее сомнительных членов ППС»¹¹⁴.

Можно предположить, что в верхушке ПОРП вынашивались планы исключения из партии руководящей группы бывших социалистов и в первую очередь Ю.Циранкевича. Как свидетельствуют документы, Москве эти планы были известны. Однако реакция последней оставалась весьма сдержанной даже в конце 1953 г. Так, в беседе Н.С.Хрущева, Г.М.Маленкова, В.М.Молотова, Н.А.Булганина с Б.Берутом 28 декабря 1953 г. советской стороной было высказано соображение, «чтобы осторожно подошли к решению вопроса об исключении из руководящей группы бывших ППС-цев и, в частности, Циранкевича»¹¹⁵.

Ю.Циранкевич, а также другие видные деятели ППС, состоявшие в политической элите ПОРП — А.Рапацкий, Г.Яблоньский, О.Ланге и другие, избежали репрессий, что объяснялось, вероятно, рядом обстоятельств. Скорее всего, в Москве и Варшаве опасались острого конфликта в узком руководстве ПОРП, сформировавшемся после отстранения В.Гомулки и в ходе объединения ППР и ППС в 1948 г. Следует иметь в виду и политическую линию самого члена Политбюро ЦК ПОРП и премьера Ю.Циранкевича, который находился в тесных и дружеских отношениях с идеологом партии Я.Берманом, курировавшем в Политбюро ЦК ПОРП вопросы госбезопасности. По мнению польских историков Э. и Б.Сыздек, Ю.Циранкевич «в 1949 г. перешел на сталинский путь, ни в малейшей степени не дистанцируясь, не сохраняя даже намеков на преданность социал-демократическим ценностям и идеалам»¹¹⁶. Эта характеристика с полным основанием может быть распространена и на других членов ЦК ПОРП — выходцев из ППС, которые резко отмежевались от своего социал-демократического прошлого на пленуме ЦК ПОРП в ноябре 1949 г.

Таким образом, прошедшие в начале 50-х годов репрессии над «идеологическими носителями» некоммунистических альтернатив общественного развития и сторонниками прошлого позволили правящим коммунистическим кругам парализовать эти силы. Развернувшиеся репрессии блокировали возможные очаги инакомыслия. Было завершено уничтожение остатков зарождавшегося в межвоенный период гражданского общества в большинстве стран региона. Как и в СССР, хотя в иных масштабах, здесь был активно использован силовой метод в качестве одного из инструментов приведения общества к единому идеолого-политическому знаменателю. Но это была во многом лишь внешне благоприятная для власти картина: общество теперь делилось по иным критериям. Те социальные группы (и на этом этапе весьма многочисленные), которые выиграли от проведения коммунистами классового принципа во внутренней политике, получив социальные привилегии и социальную защищенность, стремясь к быстрой реализации открывшихся общественных перспектив, принимали власть партийно-государственной номенклатуры и поддерживали репрессивные акции. Представители «старой» политической и экономической элиты, а также преж-

де общественно активные социальные группы, рассматривавшиеся новой властью как адепты буржуазных порядков, были превращены в объект репрессий и политического террора и тем самым переставали быть субъектами общества. Наконец, существовала во всех странах и социальная разнородная третья, конформистская часть общества, которая вне зависимости от своего подлинного отношения к происходившему пассивно и молчаливо наблюдала за нараставшим политическим террором.

- 1 Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. Т. II. 1949—1953. М.; Новосибирск, 1998. С. 109.
- 2 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 35. П. 284. Д. 22. Л. 71.
- 3 См. гл. II.
- 4 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 603. Л. 53, 55.
- 5 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 32. П. 179. Д. 12. Л. 22—23.
- 6 Там же. Ф. 0122. Оп. 31. П. 233. Д. 12. Л. 18; Оп. 34. П. 263. Д. 12. Л. 106; П. 275. Д. 90. Л. 18—19.
- 7 Dokumenty do dziejów PRL. Aparat bezpieczeństwa w l. 1944—1956. Cz. II. 1948/1949. W-wa. 1996. S. 11—12; Deletant D. Romania under communist rule. Buc. 1998. P. 60, 61, 92; Kaplan K. Největší politický proces. M. Horaková a spol, 1995. S. 57.
- 8 Kozłowski Cz. Namiestnik Stalina. W-wa, 1993. S. 64.
- 9 Kaplan K. Největší politický proces... S. 71.
- 10 Tör vénytelen szocializmus. A tényfeltávo bizottság jelentese. Budapest. 1991. 187—190 o; Dominiczak H. Organy bezpieczeństwa PRL. 1944—1990. W-wa, 1997. S. 49.
- 11 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 26.
- 12 Dominiczak H. Organy bezpieczeństwa... S. 41, 45.
- 13 Pešek J. Odvratená tvár totality. Politické perzekúcie na Slovensku v rokoch 1948—1953. Br., 1999. S. 27.
- 14 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1154. С. 26.
- 15 См. например: Dominiczak H. Organy bezpieczeństwa... S. 25; K politickým procesům v Československu 1948—1954. Dokumentáce komise ÚV KSČ pro rehabilitace 1968 // Sešity ústavu pro soudobé dějiny AV ČR SV. 15. S. 16, 18, 22.
- 16 Каплан К. Возвышение и падение Алексея Чепички // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 85. 87.
- 17 Błażyński Z. Mówi Józef Światło. Za kulisami bezpieki i partii. 1940—1955. W-wa. 1990. S. 20.
- 18 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1154. Л. 49—50.
- 19 См. например: АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 496. Л. 36; Д. 274. Л. 23; Ф. 45. Оп. 1. Д. 249. Л. 19; Д. 362. Л. 117; РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 74. Д. 45. Л. 114 и др.
- 20 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 193.
- 21 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 254. Л. 47—48.
- 22 Там же. Д. 362. Л. 117.

- 23 Там же. Ф. 3. Оп. 66. Д. 140. Л. 21.
- 24 Dominiczak H. Указ. соч. С. 32.
- 25 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1154. Л. 32.
- 26 Там же. Д. 1361. Л. 97.
- 27 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 18.
- 28 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1154. Л. 21—22.
- 29 Dominiczak H. Указ. соч. С. 48—49.
- 30 См. например: Dominiczak H. Указ. соч.; Kaplan K. Největší politický proces.; Ero же. Československo v letech 1948—1953. Pr. 1991; Nekrvavé revoluce. Pr. 1993. d. II Procesy; Břachová V. Destrukce důstojnického sboru čs. armady po únoru 1948 r. // Historie a vojenství č. 3. 1992; Boldur — Lătescu Gh. Genocidul comunist în România Buc. 1992. V. 1.
- 31 Kochański A. Polska 1944—1991. Informator historyczny. T. 1. W-wa, 1996. S. 41.
- 32 K politickým procesům v Československu. 1948—1954. Pr. 1994. S. 21; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1197. Л. 43; Kochański A. Указ. соч. С. 41, 151.
- 33 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 564; АВП РФ. Ф. 077. Оп. 31. П. 149. Д. 61. Л. 95; Torvénytelen szocializmus... 100. old.
- 34 Расапа J.M. Moștenirea Kremlinului. Buc., 1993. P. 65.
- 35 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 30. П. 160. Д. 8. Л. 92; Dokumenty o persekucí a odporu. Sv. 2. ÚSD. 1992. S. 6.
- 36 Dokumenty o persekucí... S. 5; Pešek J. Odvrátena tvar totality. Br., 1999. S. 119.
- 37 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 34. П. 207. Д. 19. Л. 31; Dokumenty o persekucí... S. 6.
- 38 Syzdek E., Syzdek B. Józef Cyrankiewicz: Zanim zostanie zapomniany. W-wa, 1996. S. 162.
- 39 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 491, 565.
- 40 Tănase S. Elite și societate. Guvernarea Gheorghiu-Dej. 1948—1965. Buc. 1999. P. 58.
- 41 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 30. П. 160. Д. 8. Л. 52—53, 88—89.
- 42 Там же. Ф. 0125. Оп. 40. П. 202. Д. 14. Л. 127.
- 43 Törvénytelen szocializmus... 134 o.; Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K., Papacostea Ș., Teodor P. Istoria României. Buc., 1998. P. 503; Wyrwich M. Obozy w PRL // Biulutyń polityczny. 1994. S. 49—51; Dominiczak H. Указ. соч. S. 71; Tábory nucené práce a další projevy perzekuce 1948—1954. Opava, 1991. S. 11; Tănase S. Указ. соч. P. 58; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 884. Л. 110; АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 187. Д. 6. Л. 78.
- 44 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 855. Л. 119—123.
- 45 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 138; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 64. Л. 34—35; Tănase S. Указ. соч. P. 58.
- 46 Kuroń J., Żakowski J. PRL dla początkujących. Wrocław, 1995. S. 62.

- 47 Подробнее см.: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: Миф или реальность? М., 1993.
- 48 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 29. П. 137. Д. 56. Л. 25.
- 49 Kaplan K. Něktrvé revoluce. Pr., 1993. S. 189—190.
- 50 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 146. Д. 5. Л. 95—98.
- 51 Boldur-Lătescu G. Genocidul comunist în România. Buc., 1992. S. 27; Jonişoiu C. Rezistenţa armată anticomunista din munţii Românei 1946—1958 Buc. 1993; см. также: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 486. Л. 55—57.
- 52 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1154. Л. 23.
- 53 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 35. П. 284. Д. 22. Л. 68, 70.
- 54 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 30. П. 160. Д. 8. Л. 57.
- 55 Słownik historii Polski. W-wa, 1991. S. 211.
- 56 Kaplan K. Největší politický proces... S. 71—72.
- 57 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 27.
- 58 Там же. С. 19—20.
- 59 Там же. С. 537.
- 60 Там же. С. 604.
- 61 Там же. С. 104—105.
- 62 Kaplan K. Největší politický proces... S. 103; Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 465.
- 63 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 496. Л. 42; Törvenytelen szocialismus... S. 158, 122, 312—313.
- 64 Werblan A. Stalinizm w Polsce. W-wa, 1991. S. 16.
- 65 Paczkowski A. Pół wieku dziejów Polski 1939—1989. W-wa, 1995. S. 259; Dominiczak H. Указ. соч. С. 70.
- 66 Tănase S. Elite şi societate Guvernarea Gheorghiu-Dej. 1948—1965. Buc., 1998. P. 58.
- 67 Расапа I.M. Mostenerea Kremlinului. 1993. P. 64—65.
- 68 Tănase S. Указ. соч. С. 58, 91.
- 69 Tănase S. Указ. соч. С. 58.
- 70 См. подробнее: Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 422.
- 71 Tănase S. Указ. соч. С. 91.
- 72 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 178. Л. 172.
- 73 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 464—465.
- 74 Kaplan K. Největší politický proces... S. 46.
- 75 См. подробнее: Sojuszniacy gestapo. Proces Kwasiborskiego i innych. W-wa. 1951. S. 71, 279—281; Kozłowski Cz. Namiestnik Stalina... S. 67.
- 76 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 35. П. 283. Д. 20. Л. 60.
- 77 Kaplan K. Největší politický proces... S. 268.
- 78 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 275.
- 79 Kaplan K. Největší politický proces... S. 269.

- 80 Процесс руководителей вредительского заговора против республики. Praha, 1950. С. 8.
- 81 Там же.
- 82 Kaplan K. Největší politický proces... S. 315—324.
- 83 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 381.
- 84 Там же. С. 353.
- 85 Там же. С. 390—391.
- 86 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1304. Л. 21—23.
- 87 1898—1998. Cheorghe I. Brătianu. Buc., 1998. P. 10.
- 88 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1304. Л. 23.
- 89 РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 74. Д. 48. Л. 37.
- 90 Никова Г. Политически процеси в България. 1949—1953 // България в сферата на съветските интереси. София, 1998. С. 70.
- 91 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 757.
- 92 Там же. С. 147, 148.
- 93 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1154. Л. 16, 17.
- 94 Людям свойственно ошибаться. Из воспоминаний М.Ракоши // Исторический архив. 1997. № 4. С. 58—59.
- 95 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 386; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 575. Л. 105—106.
- 96 Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе. М., 1999. С. 133.
- 97 Людям свойственно ошибаться... С. 60.
- 98 Rainer M. Janos. Tavorat «Filippov» elvtarsnak. Rakosi Matyas Sztalin titkarsaganak 1949—1952 // 1956 Evkonyv. 1998. Bud., 1998. 115. Old.
- 99 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1154. Л. 47.
- 100 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 386—387.
- 101 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1154. Л. 48.
- 102 Там же. С. 49.
- 103 Там же. С. 51.
- 104 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 496. Л. 37.
- 105 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 386.
- 106 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 293. Л. 87—88.
- 107 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1154. Л. 14—15.
- 108 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 402.
- 109 Там же. С. 879.
- 110 Там же. С. 792.
- 111 Волокитина Т.В. Холодная война и социал-демократия в Восточной Европе. М., 1998. С. 114—115.
- 112 Восточная Европа в документах... Т. 2. 1949—1953. С. 917.
- 113 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 139. Л. 76.
- 114 Там же. Л. 80; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1301. Л. 189—190.
- 115 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 139. Л. 174.
- 116 Syzdek E., Syzdek B. Józef Cyrankiewicz... S. 164.

2. РЕПРЕССИИ В АРМИИ: СУДЬБА ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ

В общей концепции формирования советского военно-политического блока в 1949—1953 гг. особое место отводилось силовым структурам и прежде всего армии. Создание НАТО — с одной стороны, советские взрывы атомной бомбы — с другой, ускорили нарастание противостояния двух формировавшихся военных блоков. В 1950 г. оно вылилось в вооруженный конфликт в Корею с участием СССР и США.

На таком фоне неизбежно резко повышалось внимание Москвы и правивших в Восточной Европе компартий к армии как одной из ключевых силовых ветвей власти, которая была призвана охранять новый государственный строй от внешней угрозы. Суть отношений определялась установкой: «Надо сохранить руководство армией за партией и ее ЦК и усилить это руководство и контроль по всем линиям»¹. Такая установка, сформулированная А.А.Ждановым еще в 1947 г., отражала тесное переплетение интересов советского руководства и политических элит стран региона. Скорректировав в начале 50-х годов внутреннюю экономическую политику в сторону ускоренной индустриализации экстенсивным методом, они включились в милитаризацию экономики и гонку вооружения. Это подтвердило состоявшееся в Москве 9—12 января 1951 г. совещание высшего руководства СССР и первых лиц из стран Восточной Европы. Документы этого совещания пока недоступны исследователям. Однако к настоящему времени опубликован ряд материалов, касающихся его работы. Речь идет о мемуарах М.Ракоши — одного из генеральных секретарей, участвовавших в совещании, а также о записях, сделанных в ходе совещания министром обороны Румынии Э.Боднарашем. Кроме того, чешским историком К.Капланом (в 1968 г. членом комиссии по пересмотру политических судебных процессов в Чехословакии) опубликовано изложение его беседы с бывшим министром обороны ЧСР А.Чепичкой, который также присутствовал на совещании².

Из этих материалов известно, что на совещание были приглашены все генеральные секретари компартий (за исключением Б.Берута, вместо которого присутствовал член Политбюро ЦК ПОРП Э.Охаб) и министры обороны стран Восточной Европы. С советской стороны участвовали И.В.Сталин, В.М.Молотов, Г.М.Маленков, Л.П.Берия, А.В.Василевский, С.М.Штеменко.

Анализ данных, содержащихся в вышеназванных материалах, позволяет установить, что председательствовал на заседании Молотов, но главной фигурой был, несомненно, Сталин.

Открыв заседание установочной речью, где анализировался опыт шедшей войны в Корею и формулировались задачи модернизации и увеличения численности армий стран региона, Сталин неоднократно брал слово и по ходу совещания. Если иметь в виду, что оно было создано в момент наибольшего успеха северокорейской армии, поддержанной китайскими «добровольцами» и совет-

ской авиацией, становится понятной логика рассуждений советского лидера: США представляют собой серьезную силу и готовятся начать Третью мировую войну, но они, по мнению Сталина, не настолько сильны, ибо не в состоянии справиться с «такой малой войной, как в Корее»; как он полагал, США «увязнут» в Азии на 2—3 года, и это создает чрезвычайно благоприятные обстоятельства для мирового революционного движения, которые необходимо использовать в полной мере и создать современные и мощные вооруженные силы*. Китай, по словам Сталина, имеет армию лучше, чем «армии народной демократии», что он расценил как «ненормальное состояние». Исходя из этого, Сталиным была поставлена задача в течение последующих 2—3 лет создать в регионе мощные современные армии путем общей мобилизации всех ресурсов экономических и людских, включая ускоренное оказание советской военной помощи. На совещании обсуждался и ряд практических вопросов: о перевооружении армий и развертывании военного производства в странах региона, а также об увеличении численности этих армий в 2—3 раза в мирное и военное время. Советская сторона настояла на принятии этого плана всеми участниками совещания и на координации развития военного производства в странах Восточной Европы и в СССР³.

Как уже указывалось выше, осуществлявшийся компартиями с 1949 г. поворот в экономической политике сопровождался снижением жизненного уровня населения и неизбежно влек за собой нарастание недовольства, в том числе и различных слоев рабочего класса. Предполагавшаяся милитаризация экономики и перераспределение бюджетных средств в пользу военного производства за счет социальной сферы могли лишь усугубить эти тенденции. В таких условиях должна была возрастать роль армии и как внутреннего фактора, обеспечивающего политическую стабильность власти и придающего уверенность ее носителям. Безусловно, это обстоятельство не могло не учитываться руководством компартий стран Восточной Европы.

В такой, все более осложнявшейся внутренней социально-экономической ситуации армия, с ее во многом унаследованным от прошлого офицерским корпусом, весьма неоднородным по своим политическим ориентациям, вряд ли могла выполнять функции стабилизатора, столь необходимого новой правящей элите. По-ви-

* Не располагая прямыми документальными материалами этого совещания и текстом выступления Сталина, мы не можем сказать однозначно, что же стояло за таким тезисом: были ли это стратегические планы продвижения социализма на Запад или — тактический ход, с целью воздействовать на лидеров Восточной Европы и получить их согласие на ускоренную индустриализацию и милитаризацию экономики в рамках укрепления восточного блока. Исходя из того, что в странах региона в 1951—1952 гг. последовал пересмотр экономических планов, мы склоняемся ко второй версии.

димому, именно здесь и следует искать причины, определившие главные направления в ее репрессивной политике в армии.

Имеющиеся на сегодняшний день в распоряжении исследователей документы (прежде всего из российских архивов) позволяют говорить о двух основных направлениях репрессивных акций, развернувшихся с 1948 г. во всех армиях стран региона.

Одно из них, рассматривавшееся лидерами компартий как первоочередное, определялось в соответствии с доктринальными установками коммунистов на изменение классового состава офицерского корпуса и высшего армейского командования.

Второе — было производным от происходившей в этот период острой борьбы различных группировок внутри коммунистической элиты, каждая из которых стремилась установить свой контроль над армией. И здесь жертвами репрессий становились сторонники тех группировок, которые терпели поражение в этой борьбе.

Уже в первые послевоенные годы армии стран региона были объектом ожесточенной схватки за влияние всех политических сил, деливших тогда власть в странах. Исключение составляли Албания и Югославия, где коммунисты имели монополию на политическую власть. В этих странах армии, сложившиеся в условиях широкой партизанской борьбы против оккупантов, по своему социальному составу были крестьянскими и лишь отчасти рабочими. Высшее офицерство складывалось из примкнувших к национально-освободительной борьбе левоориентированной интеллигенции, а также в значительной мере уже из представителей трудящихся. Например, в Албании из 68 высших офицеров-коммунистов 29 происходило из среды крестьян, рабочих и ремесленников и 39 из интеллигенции⁴.

Войско Польское, зародившееся на территории СССР, также с самого начала находилось под контролем советской стороны и польских коммунистов. В остальных же странах возможность компартий оказывать влияние на политические ориентации военнослужащих (и прежде всего офицерского корпуса) во многом определялась их удельным весом в коалиционной власти и мерой реального контроля над армией. Например, в первой половине 1945 г. М.Ракоши в письме в ЦК ВКП(б) следующим образом характеризовал ситуацию в венгерской армии: «В организации армии также достигнуты некоторые успехи. Первая дивизия сформирована. На важнейших постах находятся наши люди. Однако нам не удалось еще до сих пор прочно утвердиться в генеральном штабе... Многие признаки свидетельствуют о том, что реакция намечает в далекой перспективе вооруженную борьбу. Мы имеем сведения о том, что в армию набираются в первую очередь фашистские унтер-офицеры по секретным указаниям. Мы, конечно, принимаем свои меры»⁵. Несколько позднее, в беседе с Г.М.Димитровым, Ракоши вновь обратился к армейской теме: «Теперь начинается борьба за новую армию, — говорил он в июне 1945 г., — министр — старый генерал (министром был бывший начальник генштаба генерал-полковник Я.Вереш, который в 1944 г. подписал Соглашение о

перемирии между Венгрией и СССР. — *Авт.*), конечно, предпочитает старых офицеров, а мы требуем демократических элементов. Так что мы не забыли об армии, тем более, что мы знаем, что имеются тенденции, чтобы использовать армию против полиции»⁶. Последние слова Ракоши заслуживают особого внимания, ибо, как известно, венгерская полиция находилась уже под контролем ВКП.

Даже в Чехословакии, где позиции коммунистов в системе власти были весьма значительны (с лета 1946 г. правительство возглавлял лидер КПЧ К.Готвальд), им не удавалось вплоть до весны 1948 г. взять армию под свой полный контроль. Хотя ядро чехословацкой армии, несомненно, составлял корпус, сформированный во время войны в СССР (к концу войны он насчитывал 47 тыс. солдат и офицеров), в нее влились офицеры и генералы, возвратившиеся из эмиграции в 1945—1947 гг. и воевавшие на Западе. Речь шла прежде всего о 1-й танковой бригаде, входившей в британскую армию, и о летчиках, воевавших на западном фронте. Пополнялась она и участниками движения Сопротивления (бывшие партизаны, так называемая «революционная гвардия» насчитывала к концу войны 50 тыс. человек⁷), а также военнослужащими словацкой армии, перешедшей в 1944 г. на сторону повстанцев в ходе словацкого восстания. В состав новой армии вошли и чешские армейские подразделения, созданные гитлеровцами в протекторате. Главнокомандующим армией Чехословакии в соответствии с конституцией являлся президент Э.Бенеш на которого ориентировалась подавляющая часть генералитета; военный министр Л.Свобода был беспартийным, а начальник Главного штаба Б.Бочек и его заместитель Г.Пика политически ориентировались на Бенеша. Таким образом, политические настроения военнослужащих не могли не быть достаточно пестрыми, если не полярными, что продемонстрировали выборы 1946 г. в парламент.

В такой ситуации неизбежной становилась борьба различных политических сил, и прежде всего коммунистов, за усиление своего влияния в армии. В августе 1947 г. в ЦК ВКП(б) из Политуправления Центральной группы советских войск поступил документ, свидетельствовавший о возрастании влияния некоммунистических партий в чехословацкой армии. В нем, в частности, сообщалось: «...Правые партии Чехословакии — национальные социалисты, словацкие демократы и другие реакционные элементы развернули активную деятельность, направленную на вытеснение влияния коммунистов в чехословацкой армии». Министр национальной обороны генерал Л.Свобода, «внешне продолжающий сотрудничество с коммунистами и поддерживающий нередко их предложения на заседаниях правительства, находится под сильным влиянием правых элементов и проводит их политику в армии». В качестве доказательства в документе приводились факты увольнения из армии с согласия Свободы офицеров по воспитательной работе, как правило, являвшихся коммунистами, а также ряда офицеров-коммунистов из разведки и контрразведки, которые за-

менялись представителями других партий. Из всего вышеизложенного делался вывод, что генерал Л.Свобода, как министр обороны «стремится к тесному сотрудничеству с военной канцелярией Президента республики», которая «фактически руководит армией и проводит линию национальных социалистов и усиленно завоевывает своими людьми командные посты армии»⁸.

Несомненно, в расчетах советского руководства чехословацкой армии отводилась существенная роль. Поэтому не удивительно, что вышеприведенный документ привлек внимание первых лиц в Москве. В.М.Молотов, ознакомившись с ним, оставил свою резолюцию: «Тт. Жданову, Маленкову. Об этом вопросе следовало бы поговорить на совещании в П[ольше]». Имелось в виду совещание Информбюро в сентябре 1947 г. Такая резолюция свидетельствовала о явной озабоченности Москвы ситуацией в чехословацкой армии⁹.

Существенно иным было положение дел в польской армии, офицерский корпус которой в годы войны был в подавляющей части советским. В соответствии с постановлением Государственного комитета обороны (ГКО) от 30 декабря 1944 г. советские генералы и офицеры считались временно откомандированными в польскую армию и подчинялись командованию этой армии. Нарушение ими воинского долга во время службы в Войске Польском рассматривалось как нарушение присяги, принятой в Красной Армии¹⁰. Особенно значительным присутствии советских офицеров было в командном составе армии (в 1945 г. из 65 генералов Войска Польского 54 были из рядов Красной Армии), в разведке, контрразведке и военной юстиции¹¹.

После окончания войны, в 1945—1948 гг. весьма значительная часть советских офицеров была откомандирована в СССР. За эти годы в СССР возвратилось 17 тыс. офицеров. В середине 1948 г. в офицерском корпусе польской армии (19 тыс. чел.) служили 1 652 советских офицера, в том числе 21 генерал. Тем не менее к середине 1949 г. из 192 командных должностей 84 высшие должности занимали советские офицеры¹². Отзыв советских офицеров сопровождался зачислением в армию четырех с лишним тысяч офицеров, прибывших из польских вооруженных сил на Западе, бывших участников подпольных организаций — Армии Людовой (АЛ), Армии Крайовой (АК), Батальонов Хлопских (БХ) и др. Зачислялись в кадры и офицеры, находившиеся с 1939 г. в немецких концлагерях. В 1948—1949 гг. в штате Войска Польского числилось 4 391 чел. или почти 30% довоенного офицерства. Среди них были генералы и офицеры Б.Кетлинг, Г.Пашкевич, С.Моссор, М.Утник, С.Татар, И.Модельский, Е.Кирхмайер и др.¹³ Бывшие офицеры и солдаты АК служили тогда не только в армии, но и во внутренних войсках. Так, по сведениям командующего корпусом внутренней безопасности генерала К.Светлика на руководящих постах в этом ведомстве (от управления в повете и выше) было от 150 до 200 бывших аковцев. Несколько тысяч выходцев из АК несли рядовую службу в госбезопасности, милиции, пограничных

войсках, составляли агентурные кадры этих государственных структур¹⁴. Все это существенно изменяло политический климат в армии и выдвигало для польских коммунистов, как и для КПЧ, проблему «овладения» новым офицерским корпусом на первый план.

Что касается ситуации в армиях стран — бывших сателлитов фашистской Германии, то по условиям перемирия, а затем подписанных в 1947 г. мирных договоров контингент армии был ограничен до 50—70 тыс. человек. Поэтому освобождавшиеся из советского плена в течение 1945—1948 гг. кадровые румынские и венгерские офицеры в полной мере не могли быть возвращены в строй. По данным МВД СССР, в 1945 г. в советских лагерях находилось более 400 тыс. венгерских и более 110 тыс. румынских военнопленных. Из них офицеров — соответственно около 14 тыс. и 3,5 тыс. человек¹⁵. Тем самым объективно облегчалось решение поставленной союзниками перед коалиционными правительствами Венгрии, Румынии, а также Болгарии задачи проведения антифашистских чисток среди офицерства.

К 1948 г. офицерский корпус армий этих стран был сокращен путем выведения в «неиспользуемый резерв», как и для КПЧ значительной части офицерства, в первую очередь, адептов прежнего режима. Функции армии были ограничены. Об этом говорил, например, М.Ракоши, характеризуя положение в венгерской армии на рубеже 1948—1949 гг.: «...Мы до конца 1948 г. имели, по сути дела, лишь воинские части, выполняющие пограничную службу, и развивать их мы начали лишь с осени 1948 г., когда министром обороны стал коммунист. Произошло это не в силу пренебрежения или недооценки значения армии, а из-за политических соображений... Пока не был решен исход политической борьбы, у нас не было гарантий, что развивающаяся армия, и особенно ее офицерский корпус, будет поддерживать народную демократию...»¹⁶

Хотя условия мирных договоров были одинаковы для всех трех стран, ситуация в армиях Румынии и Болгарии существенно отличалась от венгерской. Поскольку на завершающем этапе войны Румыния перешла на сторону антигитлеровской коалиции и приняла активное участие в боях против вермахта, в армии этой страны отчасти сохранился старый офицерский костяк, избежавший советского плена. Это в значительной мере определяло уровень недоверия компартии к офицерству и в особенности к генералитету. Развернувшаяся в 1945—1946 гг. «чистка» армейских рядов лишь усилила разрыв высшего офицерского состава с новой властью. Подтверждением этому служат данные о существовании в 1947 г. подпольных антиправительственных организаций среди офицеров, уволенных в «неиспользуемые кадры»¹⁷. Для коммунистов опорой в армии могла быть лишь дивизия им. Т.Владимиреску, сформированная из румынских военнопленных солдат и офицеров, прошедших идеологическую обработку в антифашистских школах в СССР. Документы российских архивов свидетельствуют, что часть румынских военнопленных, еще будучи в плену, выражала поддержку тем переменам, которые происходили в стране. Доказа-

тельством этому служит обращение к И.В.Сталину группы румынских генералов, которые в феврале 1945 г. заявили о своем согласии с программой национально-демократического фронта «для спасения отечества и укрепления связей с СССР»¹⁸.

Такая в целом неустойчивая для румынских коммунистов ситуация в офицерской среде и вокруг нее не соответствовала установленной к 1948 г. политической монополии компартии в системе власти. Судя по документам российских архивов, лидеры компартий, исходя из советского опыта, видели разрешение этого противоречия в изменении классового состава офицерского корпуса.

Что касается Болгарии, то ситуация в армии этой страны в первые послевоенные годы была достаточно сложной. Болгарская армия с 17 сентября 1944 г. перешла на сторону союзников и, находясь в оперативном подчинении командованию 3-го Украинского фронта, приняла участие в разгроме гитлеровского вермахта. Вплоть до выборов в Великое народное собрание в октябре 1946 г. существенных изменений в кадровом составе армии не произошло, хотя и были «вычищены» из ее рядов откровенно фашистские элементы. Болгарская армия находилась под контролем довоенного генерала, министра Д.Велчева. Он был далек от симпатий к компартии, ориентировался на «Звено», в социальной базе которого свою «нишу» имело офицерство. Именно эта партия и ее лидер К.Георгиев выступали в качестве выразителя интересов либеральных кругов Болгарии, противостоявших коммунистам. Наступление БРП(к) на позиции «звенарей» в этой силовой структуре началось летом 1946 г. и развивалось под флагом борьбы с якобы широким офицерским подпольем. Оно усилилось после назначения, по итогам состоявшихся парламентских выборов, военным министром коммуниста П.Дамянова. Можно предположить, что именно в этот период (конец 1946—1947 гг.) чистки в болгарской армии приобрели уже классовый характер. В пользу такой версии говорит и то, что именно тогда происходило наполнение низшего и среднего звена офицерского корпуса болгарской армии офицерами югославской народной армии, политическая благонадежность которых в те годы не вызывала сомнений ни в Софии, ни в Москве. В результате этих акций из армии было уволено 23% офицерского корпуса.

Таким образом, в конце 40-х годов, несмотря на специфику ситуации, в каждой из армий большинства стран региона четко проявилось общее, с точки зрения власти, опасное, «качество» армейских кадров — социально-политическая пестрота, прежде всего офицерского и высшего командного состава. Ликвидировать эту «опасность» можно было, лишь экстренно реформируя офицерский корпус на классовой основе. Актуальность этой задачи резко повышалась тем, что шел процесс складывания военно-политического блока во главе с СССР и предстояла реорганизация армий стран Восточной Европы по советским стандартам. При

этом имелись в виду не только единая военная доктрина, но и построение армий, их вооруженность, уровень боеспособности и т.д.*

Для изменения социального облика действующего офицерства, который напрямую связывался коммунистами с политическими настроениями в армии, предпринимались различные меры: назначение партийных работников на командные должности; направление рабоче-крестьянской молодежи для обучения в национальные и советские военные учебные заведения; развитие политических институтов в армии и др.

Характерной чертой этого процесса после 1948 г. стало массовое использование репрессивных акций против «инакомысливших». Как подсказывал опыт первых послевоенных лет, чистка армейского состава, но уже под лозунгами не антифашизма, а благонадежности по отношению к власти коммунистов, могла принести искомые результаты.

Февральские события 1948 г. в Чехословакии открыли для коммунистов реальные возможности монополизации политического влияния в армии. С лета 1948 г. главнокомандующим, согласно конституции, стал президент К.Готвальд. Ранее беспартийный генерал Л.Свобода вступил в КПЧ, а его заместителями были назначены коммунисты Б.Райцин и Я.Прохазка, прибывшие из СССР в составе Чехословацкого корпуса. Тогда же началось создание в армии партийных организаций КПЧ²¹. Через «комитеты действия»** весной 1948 г. под контролем V отделения генштаба (контрразведка), которое возглавлял коммунист, началась кампания по чистке армейских рядов. Только за март—апрель 1948 г. было уволено, а в последующем лишено званий 27 генералов и 813 офицеров. К февралю 1949 г. число уволенных офицеров и генералов достигло 2 900 чел., а к концу 1949 г. — 4 600 чел.²²

Чистки носили прежде всего политический характер. Увольнению подлежали офицеры, сражавшиеся на западном фронте Второй мировой войны, а также участники некоммунистического движения Сопротивления внутри страны. Так, например, в 1952 г. из 1 860 офицеров, ранее служивших в воинских соединениях западных держав, в армии Чехословакии осталось лишь 15 человек²³. Чисткам были подвергнуты все центральные управления министерства обороны, генштаба, высших учебных военных заведений, военный атташат. В результате, в середине 1951 г. в армии осталось только 25% тех, кто служил в ней в 1945 г. В 1952 г. 66,5%

* Рассмотрение этого круга проблем не является нашей задачей и в работе затрагивается лишь попутно.

** «Комитеты действия» — создавались в феврале 1948 г. на заводах, в учреждениях, партийных организациях как органы обновленного Национального фронта. В их задачу входило проведение политических чисток и роспуск местных организаций тех политических партий, которые противостояли КПЧ в дни кризиса.

офицерского корпуса составляли люди, пришедшие в армию после 1948 г.²⁴

Что касается Польши, то в итоге активно осуществлявшейся после войны замены советских офицеров довоенными польскими офицерами, возвращавшимися из эмиграции на Западе и из гитлеровских концлагерей, а также кадрами Армии Крайовой, о чем речь шла выше, произошло изменение кадрового баланса, а значит, умонастроений и политических симпатий, в пользу офицеров довоенной польской армии. В феврале 1949 г. более 3,5 тыс. (или 25%) офицеров послевоенного Войска Польского имели «интеллигентское происхождение». Доля «классово и политически чуждых элементов» в начале 1949 г. составляла 18% всего офицерского корпуса и около 51% штабных офицеров. Тогда же доля «политически неблагонадежных» офицеров в генштабе Войска Польского достигла 50%, в командовании военно-воздушными силами 44%, в главной инспекции артиллерии — 58%²⁵. В такой ситуации чистки кадров по политическим мотивам стали одним из главных рычагов в изменении кадрового состава Войска Польского. Только за январь—ноябрь 1949 г. из армии было уволено около 780 офицеров. Массовый характер увольнения приняли с осени 1949 г. Основанием для их проведения являлись решения III пленума ЦК ПОРП, состоявшегося в ноябре 1949 г. и известного как пленум «о бдительности», а также приказ департамента кадров министерства национальной обороны об оценке кадров по классовому принципу и по трем категориям: «хорошие», «чуждые» и «враждебные». 1 января 1950 г. новый министр национальной обороны Польши К.К.Рокоссовский издал приказ о чистке армейского состава. IV пленум ЦК ПОРП, состоявшийся в мае 1950 г., специально рассматривал проблему кадров, в том числе и в армии. Во исполнение всех этих решений в 1949—1954 гг. из армии было уволено свыше 9 тыс. офицеров, в основном из кадров довоенной Польши²⁶. Как сообщал польский посол в Москве М.Нашковский заместителю министра иностранных дел СССР А.Е.Богомолу во время беседы 31 мая 1950 г. в связи с его возвращением в Польшу на должность заместителя министра национальной обороны по политической части: «...Проблема офицерских кадров польской армии в основном решена для среднего и младшего состава, но... еще много работы предстоит впереди по подбору и воспитанию офицерства, связанного с рабочим классом и вышедшего из его среды»²⁷. В рамках решения этой задачи, по-видимому, и были уволены кадровые генералы С.Моссор, Ю.Куропеска, Ф.Герман, Е.Кирхмайер, К.Флорианович и др.

В итоге этих чисток доля довоенных кадровых офицеров в Войске Польском уменьшилась в 10 раз и составляла в 1956 г. 2,9% офицерского корпуса²⁸. Это сопровождалось активным насыщением армии новым офицерством рабоче-крестьянского происхождения, в том числе и обучавшимся в СССР.

Аналогичные процессы устранения из армии кадровых офицеров и замены их «новыми офицерами, вышедшими из народа»

имели место в армиях Венгрии, Румынии и Болгарии. Этот процесс рассматривался лидерами всех стран Восточной Европы как решающее условие перестройки армии по советским образцам. В Венгрии он достиг своего апогея в 1949—1950 гг. Осенью 1949 г. М.Ракоши в беседе с временным поверенным в делах СССР в Венгрии М.В.Смирновым утверждал, что «венгерская армия имеет серьезные недостатки. Несмотря на то, что армия уже более двух лет находится в руках коммунистов, в ней имеются элементы саботажа со стороны бывших хортистских генералов и офицеров. Значительная часть этих генералов и офицеров стремится сделать все, чтобы затруднить повышение квалификации и командный рост офицеров, вышедших из рабочей и крестьянской среды...»²⁹ Документы российских архивов подтверждают, что курс на «классовое обновление» офицерского корпуса дал к 1951 г. свои результаты. Если в начале 1949 г. в офицерском составе венгерской армии число офицеров рабоче-крестьянского происхождения составляло 5,5%, то в январе 1951 г. — 80,7%³⁰. Причем, как показывает статистика, наиболее быстрыми темпами изменялся социальный облик младшего офицерства. Уже к началу 1950 г. в этой группе 64% составляли новые кадры, а 21,5% — старые кадры, 14,5% приходилось на бывших унтер-офицеров и офицеров запаса. К январю 1951 г. процесс замены офицеров здесь по сути дела завершился — 85% составляли новые офицеры, 5% — старые кадры и 10% — бывшие унтер-офицеры и офицеры запаса³¹.

Значительно сложнее шел процесс замены новыми кадрами в группе старших офицеров (от майора до полковника). Здесь к началу 1950 г. основной костяк (74%) составляли старые кадры и лишь 22% приходилось на долю нового офицерства. В течение 1950 г. в этой группе перелома достигнуть не удалось: 50,5% оставались «старыми» офицерами и 32% были новыми кадрами. Тем не менее, в целом на январь 1951 г. по офицерскому корпусу ситуация выглядела уже по-иному: 81% офицеров были «новыми»³². Принципиально изменился и высший командный состав венгерской армии. В беседе с советником советского посольства С.Т.Кузьминым в Будапеште 4 января 1951 г. министр обороны Венгрии М.Фаркаш следующим образом охарактеризовал положение дел в армейских руководящих структурах: «В настоящее время начальники главных управлений, кроме одного, все новые кадры. Начальник генштаба Бата — старый член партии, рабочий, 2-ой год в армии. Начальник бронетанковых войск Варади, рабочий-металлист. Начальник артиллерии Бокшай, полковник, бывший металлост. Начальник тыла Янза, генерал-майор, бывший металлост. Итак, всюду мы выдвигаем новых людей и создаем у них обстановку уверенности»³³. К концу 1950 г., как информировал М.Ракоши советского посла Е.Д.Киселева, «ЦК утвердил назначение 12 молодых генералов из числа проверенных членов ВПТ»³⁴.

Результатом такой смены кадров по партийному принципу стало снижение профессионализма высшего командного состава венгерской армии. По-видимому, именно этим и объяснялось не-

удовлетворение советских военных советников профессионализмом нового венгерского генералитета. Свидетельством тому и являлась жалоба М.Ракоши в Москву осенью 1949 г. на главного военного советника генерал-майора Ю.М.Прокофьева, который, по словам Ракоши, «окружил себя подхалимами, бывшими хортистскими генералами и офицерами» и «не видит серьезных недостатков в венгерской армии и не сигнализирует о них руководству партии»³⁵.

Судя по документам российских архивов, в румынской армии аналогичные процессы по замене офицерских кадров развивались с некоторым отставанием по сравнению с другими странами региона, что вызывало совершенно очевидное беспокойство советской стороны. Об этом свидетельствует выписка из доклада главного военного советника при министерстве национальной обороны Румынии генерал-лейтенанта К.С.Колганова от 22 декабря 1949 г. Советник высказал прямой упрек руководству РПП, которое «как и раньше, не занимается планоно и конкретно армией. Дело чаще всего ограничивается эпизодическими решениями по неотложным нуждам армии». Характеризуя положение дел в румынской армии, Колганов поставил в качестве первоочередных задач повышение «политической бдительности» в войсках и проблему «освежения старых кадров»³⁶. Как следует из материалов состоявшегося 9 января 1950 г. заседания секретариата ЦК РПП, руководство партии нашло выход в том, чтобы просить советское правительство принять на учебу в СССР в 1950 г. 320 румынских военнослужащих, из них 300 — армейских и 20 по линии МВД. Кроме того, решением секретариата организационному отделу ЦК РПП поручалось до 25 января 1950 г. «выделить в распоряжение министерства национальной обороны из состава укомов и уездных партийных активов 65 человек, которые, начиная с 1 февраля 1950 г., должны пройти курс специальной подготовки с расчетом, чтобы к 15 апреля 1950 г. назначить их на должность военных комиссаров». Специальным пунктом в решении секретариата предусматривалась замена «старых» армейских кадров «новыми», поскольку «до сих пор еще на ответственных должностях в армии находятся неблагонадежные люди»³⁷.

Не располагая конкретным статистическим материалом о чистках в румынском офицерском корпусе, можно лишь констатировать, что положение дел в румынской армии расценивалось советскими дипломатами весьма критически. В частности, еще в 1953 г. они продолжали отмечать: «...Румынская армия может выполнять задачи в обороне на пассивном участке, но не на главном направлении...»³⁸

Возможно отвечая на упреки советской стороны, Г.Деж в письме И.В.Сталину 24 марта 1950 г. привел данные об удалении «старых» кадров из военно-воздушных сил Румынии: «В авиации румынской армии проведена чистка летного состава. Отстранено от полетов, как не внушающих политического доверия 159 человек, что составляет 37% летного состава»³⁹.

В болгарской армии, где, как указывалось выше, чистки по классовому принципу имели место уже в 1946—1947 гг., в 1948—1949 гг. проявились принципиально новые тенденции в направленности репрессивных акций. Отчетливо выступило стремление увязать их с ситуацией в коммунистическом движении после советско-югославского конфликта 1948 г. и приданием советским руководством кампании против Тито международного характера.

На основе документов российских архивов, и прежде всего Архива Президента РФ, можно утверждать, что высшее советское руководство через систему военных советников имело исчерпывающую информацию о настроениях и положении дел в армиях стран — союзниц по военно-политическому блоку. Это открывало возможность влиять на политику национальной коммунистической элиты в отношении армии и определять направление политических репрессий. Материалы, касающиеся болгарской армии, полностью подтверждают этот тезис.

Уже с начала 1949 г. в информации советских советников как по линии МГБ СССР, так и военного ведомства, достаточно отчетливо обозначилась тенденция увязать незаконченные в армии чистки с политическим процессом Т.Костова и антититовской кампанией⁴⁰. Осенью 1949 г. эта тенденция стала преобладающей. В начале октября в Москву из Софии пришла информация из ЦК БКП о показаниях некоторых лиц, арестованных по делу Т.Костова, о том, что «к заговорческой деятельности причастны Кинов (в это время генерал И.Кинов был начальником генштаба болгарской армии. — *Авт.*) и некоторые другие военные». 12 октября 1949 г. последовало однозначное жесткое указание Сталина: «В отношении лиц, избличенных в заговорческой (так в тексте. — *Авт.*) деятельности, как гражданских, так и особенно военных, советуем действовать быстро и решительно, не ограничиваться снятием их с постов, а арестовывать их. Филиппов»⁴¹. 19 октября 1949 г. в Москву поступил ответ В.Коларова и В.Червенкова: «Полностью согласны с Вашим указанием от 12 октября 1949 г. Сейчас следствие усиленно выясняет связи заговорщиков в армии и причастность к ним Кинова»⁴².

Возникает вопрос, что же в действительности стояло за привязкой генералитета к «делу» Костова?

Опираясь на документы российских архивов, которыми располагают авторы, можно утверждать, что в связи с устранением Костова из высшего руководящего состава партии развернулось перераспределение властных полномочий в правящей партийно-государственной верхушке Болгарии. Одним из проявлений этого была борьба за переподчинение министерству обороны погранвойск (11 тыс. человек) и внутренних войск (4 тыс. человек), находившихся в ведении МВД Болгарии. Сторонниками такого переподчинения были министр обороны П.Дамянов и генерал Кинов. По сведениям, поступившим в Москву от Червенкова 19 октября 1949 г., генералы были поддержаны членом Политбюро ЦК БКП В.Коларовым.

Такая информация не могла не насторожить советское руководство. Можно предположить, что именно она стала причиной поездки в Софию заместителя министра госбезопасности СССР С.И.Огольцова со специальным заданием. 21 октября Огольцов информировал Абакумова, что намерения переподчинить погранвойска и внутренние войска натолкнулись на резкие возражения В.Червенкова и министра внутренних дел Р.Христовова. Возражения мотивировались тем, что эти войска, по мнению Червенкова, были «опорой ЦК и правительства в деле обеспечения государственной безопасности»⁴³. Совершенно очевидно, речь шла о пресечении попыток военных резко усилить свой контроль над «людьми с ружьем». Огольцов, сообщая о разногласиях в руководстве БКП, делал вывод: «Политбюро ЦК (БКП. — *Авт.*) не знает о положении в армии и политических настроениях ее командного состава, что признал в разговоре тов. Червенков... Между тем изучение положения в армии представляет особое значение в свете дела арестованного Костова и его сообщников, имевших вражеские связи среди военных»⁴⁴. В тот же день телеграмма Огольцова была переправлена Сталину, который поддержал позицию Червенкова и 23 октября рекомендовал руководству БКП — «пограничные и внутренние войска, безусловно, целесообразно оставить в МВД». Тем самым, судьба Кинова и некоторых других генералов была предрешена. 28 октября 1949 г. Сталин довел до сведения Червенкова и Коларова мнение Огольцова на этот счет: «1. Теперь же отстранить Кинова и Болгаранова* от занимаемых ими постов, как скомпрометированных следствием (по делу Костова. — *Авт.*), а Политбюро ЦК болгарской компартии назначить комиссию для тщательной проверки их работы в армии с тем, чтобы в зависимости от результатов этой проверки и дальнейшего хода следствия решить вопрос о судьбе Кинова и Болгаранова.

2. В связи с тем, что в болгарской армии на низших и средних командных должностях находятся до 100 югославских офицеров и так как не исключено, что среди них имеются разведчики, специально заброшенные в Болгарию аппаратом Ранковича под видом политэмигрантов — теперь же отчислить из болгарской армии всех югославских офицеров, с предоставлением им работы в гражданских учреждениях»⁴⁵. Изложив по сути дела вышеупомянутые предложения Огольцова, Сталин сформулировал свою позицию: «Мы считаем, что т. Огольцов прав и хотели бы знать, как Вы думаете по этим вопросам. Филлипов»⁴⁶.

На следующий день советский посол в Софии М.Ф.Бодров сообщил в Москву: «...После ознакомления с телеграммой т. Филиппова, Коларов (подчеркнуто в документе. — *Авт.*) заявил, что необходимо немедленно выполнить все это и в дальнейшем органи-

* Так в тексте. Правильно: Былгаранов — начальник политуправления болгарской армии.

зывать дело так, чтобы все советы из Москвы исполнялись немедленно»⁴⁷.

Уже 30 октября 1949 г. Сталин получил информацию о заседании Политбюро ЦК БКП и принятых решениях: освободить Кинова и Былгаранова от занимаемых должностей; назначить комиссии для расследования их деятельности; уволить из армии всех югославских офицеров⁴⁸.

Обозначившаяся в Болгарии во второй половине 1949 г. тенденция жесткой «увязки» процесса изменения социального облика офицерского корпуса на классовой основе с внутривластными политическими репрессиями получила развитие в других странах. Наиболее открыто «классовые мотивы» чисток в армии проявились в Чехословакии, где сразу после февральского переворота 1948 г. прошла серия арестов и осуждений ряда генералов, выходцев из старой армии, участников некоммунистического Сопротивления в годы войны или воевавших на Западе. Под следствием оказались заместитель начальника генштаба Г.Пика, командир 3-ей летной дивизии К.Мразек, воевавший в годы войны во Франции и Англии, генерал, один из руководителей восстания в Праге в мае 1945 г., К.Кутлвашр, генерал авиации, заместитель начальника генштаба К.Яноушек и др.⁴⁹ Среди арестованных был и командир танковой бригады в г. Остраве Й.Буршик, участник битвы при Соколово (1943 г.), получивший тогда звание Героя Советского Союза. Как правило, военная контрразведка им инкриминировала шпионаж в пользу западных держав, попытки нелегальной эмиграции и подготовку государственного переворота. Всего за вторую половину 1948 г. — начало 1949 г. было проведено 32 судебных процесса и осуждено 112 человек из числа высших чехословацких офицеров⁵⁰. Осужден был и Й.Буршик, приговоренный к 14 годам заключения*. Ряд офицеров был приговорен к пожизненному заключению и смертной казни. Среди казненных был и генерал Пика.

Репрессии против офицеров и генералов резко усилились весной 1949 г. Так, в марте 1949 г. по сфабрикованному органами госбезопасности делу было арестовано 150 офицеров по стандартным для того времени обвинениям — создание подпольных организаций, подготовка свержения строя. Среди 15 осужденных пятерым был вынесен смертный приговор, 8 человек приговорены к пожизненному заключению и двое — к 25 годам⁵¹. Министр юстиции А.Чепичка сообщал в советское посольство в апреле 1949 г.: «...Почти все процессы были проведены слишком поспешно, не выяснив, по существу все обстоятельства дела». В качестве примера А.Чепичка привел готовившийся процесс над генералом Кутлвашром, который должен был состояться в марте 1949 г., но был отложен, поскольку, по словам Чепички, следствие пришло к выводу, что Кутлвашр связан с рядом «нелегальных антигосударст-

* В 1990 г. реабилитирован.

венных групп»⁵². Состоявшийся во второй половине 1949 г. суд приговорил генерала Кутлвашра к пожизненному заключению. Осенью 1949 г. была подведена «юридическая база» под эти аресты и осуждения.

Чтобы обеспечить «в переходный период поворот к социалистическому строительству в Чехословацкой Республике», в судебную практику вводился принцип «презумпции виновности» для тех, кто командовал чехословацкими частями на Западе, служил до войны и в ходе ее в военной разведке, состоял в штате военного атташата. Лица из названных категорий, если они до 10 октября 1949 г. еще не были арестованы, подлежали аресту в течение месяца и направлялись в специальный лагерь на принудительные работы. Созданный в апреле 1949 г. лагерь Миров поглотил к концу этого года 277 высших офицеров чехословацкой армии⁵³.

Во многом схожие явления имели место в конце 40 — начале 50-х годов и в Войске Польском. Для вытеснения «старого» высшего офицества и генералитета использовался тот же принцип «презумпции виновности», что и в Чехословакии. Хотя в Польше он не был оформлен вербально, но в полном соответствии с ним в 1948—1952 гг. были определены категории офицеров, подлежащих репрессированию. К ним относились те, кто служил в польской армии до 1939 г., состоял в рядах польских вооруженных сил на Западе, служил в АК, работал в военной контрразведке до войны и в годы войны, а также находился в немецких концлагерях. Как правило, им инкриминировались создание нелегальных антиправительственных организаций в армии, шпионаж в пользу западных держав, связь с эмигрантскими кругами, подготовка государственного переворота и т.п. В 1949—1953 гг. по этим причинам было арестовано 373 офицера, из них осуждено 308 чел.⁵⁴ Репрессированы были офицеры генерального штаба Войска Польского, академии генштаба, военных округов. К этому времени относятся аресты среди командования военно-воздушных сил (17 высших офицеров были осуждены в марте 1949 г. по т.н. «Быдгощскому делу»); Люблинского военного округа (из 65 арестованных 43 офицера были приговорены в 1949—1951 гг. к высоким срокам — 5—15 годам — наказания); в феврале 1950 г. начались процессы против офицеров Военно-морского флота*⁵⁵. В 1950 г. органами польской госбезопасности была вскрыта «шпионско-вредительская организация «Закон польский», в которую якобы входили и известные генералы «старой» польской армии, служившие в Войске Польском. Речь шла о генералах Кетлинге, Руммеле, Литвиновиче, Бортновском, Цепе и ряде других высших офицеров. По сообщению советника МГБ СССР М.С.Безбородова, им инкриминировалось проведение мероприятий «по ограничению влияния советских специалистов и подготовка своих кадров в Войске Польском»⁵⁶.

* Все реабилитированы в 1957 г.

Наиболее крупным процессом этого времени считается «процесс генералов» — С.Татара, Ф.Германа, М.Утника, С.Новицкого, М.Юрецкого и других бывших офицеров генерального штаба Польских вооруженных сил на Западе и Армии Крайовой, часть которых в конце 40-х годов занимала ответственные посты в Войске Польском. Например, Ф.Герман являлся начальником штаба сухопутных сил Войска Польского, М.Юрецкий занимал должность начальника отдела 2-го управления генштаба Войска Польского. Еще в июле 1949 г. Главное управление информации (военная контрразведка) Войска Польского направило руководству ПОРП документ «Очерк перспектив военного заговора», в котором среди «заговорщиков» были названы имена Татара, Германа, Моссора, Пашкевича и др.⁵⁷ В октябре 1949 г. советский посол В.З.Лебедев информировал И.В.Сталина о том, что намечается процесс по делу Утника, Татара, Новицкого, которые, по мнению руководства ПОРП, «проводят большую диверсию, пытаются усыпить бдительность, втереться в доверие, а затем нанести удар...»⁵⁸ По-видимому, из Москвы было получено «добро» по этому «делу», и в ноябре 1949 г. начались аресты среди генералитета и высшего офицерства польской армии. Всего в связи с этим было арестовано около 100 офицеров. Им вменялась в вину организация в Войске Польском широкого заговора против существующего строя. Как показывают документы Архива Президента России, Москва не только располагала информацией о ходе допросов, но еще 20 июля 1951 г., т.е. до начала судебного процесса, получила заранее подготовленный текст обвинительного заключения⁵⁹. По «делу генералов» не было вынесено смертных приговоров. Согласно воспоминаниям Я.Бермана, члена Политбюро ЦК ПОРП, курировавшего госбезопасность, опубликованным в 1989 г. в Польше, советские советники якобы настаивали на 4—5 смертных приговорах в «деле» Татара и др., но, как утверждал Берман, ему удалось убедить Б.Берута не выносить смертных приговоров, чтобы «не сжигать мосты» в отношении аковцев⁶⁰. Главные обвиняемые — С.Татар, Ф.Герман, Е.Кирхмайер и С.Моссор были приговорены к пожизненному заключению, остальные — к высоким срокам изоляции⁶¹. Однако по многим другим «делам», «привязанным» к этому процессу, были вынесены 37 смертных приговоров, из которых приведено в исполнение 20⁶².

«Интерес» польской госбезопасности к офицерству довоенной Польши на этом не иссяк. В 1952 г. возник замысел организовать открытый судебный процесс над работниками довоенного генерального штаба*. Но эта афера закончилась безрезультатно после вмешательства советской стороны. 15 мая 1953 г. Совет министров направил советскому послу указание: «Посетите Бермана... заявите следующее: ...Вам поручено сообщить, что в Москве ознакомились

* См. подробнее: Восточная Европа в документах российских архивов... Т. II. С. 750—751, 800—803.

с материалами следствия, полученными через представителя Прокуратуры СССР тов. Кульчицкого, и считают целесообразным воздержаться от проведения в настоящее время указанного открытого судебного процесса... Попросите Бермана информировать о вышеизложенном Берута. Об исполнении доложите»⁶³.

Политическая линия на вытеснение и репрессирование той части довоенной офицерской элиты, которая пошла на сотрудничество с новой властью, была характерна и для других государств. Так, типичным примером явилась судьба начальника генштаба венгерской армии при Хорти генерал-полковника Я.Вереша. Как уже указывалось выше, в 1944—1945 гг. Вереш входил в узкий круг лиц, участвовавших со стороны Венгрии в переговорах о перемирии с СССР. Он принимал также участие в создании в конце 1944 г. Комитета национального освобождения в г. Дебрецене, выполнявшего функции правительства⁶⁴. Руководство венгерской компартии считало, что в 1948—1949 гг. венгерская армия «находилась в руках врагов народа». К последним был отнесен и генерал Я.Вереш, который в 1949 г. был обвинен в шпионаже «в пользу империалистических держав». Накануне суда советский посол Г.М.Пушкин проинформировал Москву о ходе его подготовки и сообщил, что «без нашего совета венгерские друзья судить его не начнут и ожидают нашего совета»⁶⁵. Не располагая ответом Москвы, можно, однако, предположить, что он был положительным. Процесс состоялся в том же 1949 г. Вереш был приговорен к тюремному заключению, где находился до 1957 г.

Суд над Верешем стал своеобразным прологом к устранению из армии кадровых генералов, среди которых не было ни одного выходца из рабочих и крестьян⁶⁶, и массовой замене довоенного офицерства новыми кадрами.

В первой половине 1950 г. заместитель главного советника МГБ СССР в Венгрии полковник Г.С.Евдокименко сообщил В.С.Абакумову о том, что венгерским УГБ арестован ряд руководящих работников венгерского генштаба и военного министерства. Были названы начальник генштаба — генерал Л.Шойом, начальник тыла — Белезнаи, начальник бронетанковых войск К.Реваи, начальник артиллерии — генерал Порфи и др. Всего 18 человек. Им инкриминировали враждебность к народной демократии, активную подрывную работу в венгерской армии, принадлежность к агентуре хортистских карательных органов и шпионаж в пользу разведок капиталистических стран. В июле 1950 г. были казнены по приговору суда 7 генералов венгерской армии⁶⁷. Всего по «делу» генералов было осуждено 44 человека и интернировано — 4. Позднее, в феврале 1954 г., в беседе с послом Е.Д.Киселевым, член Политбюро ЦК ВПТ Э.Герге вынужден был признать, что суд над генералом был организован «по ложному показанию одного арестованного полковника, которому было сказано, что показания, несмотря на их ложность, нужны "для интересов партии"». Как позднее, весной 1956 г., признавал секретарь будапештского горкома И.Ковач, по приказам М.Фаркаша (военного

министра) было отдано под суд и казнено 140 военнослужащих⁶⁸. «Карьерное поле» для новых выдвиженцев из рабоче-крестьянской среды было тем самым расчищено.

Ставшие в последнее время доступными документы российских архивов позволяют говорить о том, что имела место попытка М.Ракоши на этапе следствия объединить «дело» генералов генштаба с политическим процессом против социал-демократов во главе с А.Сакашичем. Ракоши преследовал цель создать версию якобы существования широкого общегосударственного заговора. Идея общегосударственного «заговора» отнюдь не была изобретением региональной коммунистической элиты. Она была заимствована из сталинского «арсенала» борьбы за личную власть в 30-е годы.

Как сообщал 27 июня 1950 г. советник Г.С.Евдокименко В.С.Абакумову, Ракоши «предложил вести следствие в направлении вскрытия связи арестованных военных с бывшими лидерами социал-демократов, представителями католической церкви и кликой Тито, а по линии дальнейшего вскрытия подрывной деятельности арестованных в армии следствие пока не развивать... По словам следователей, допрашивающих арестованных, показания о связи военных с лидерами социал-демократов были получены искусственным путем»⁶⁹. Евдокименко в своем сообщении специально привел слова венгерского следователя: «Шойом на допросах сам ничего не говорит, признает только то, что мы ему выкладываем». Далее советский советник писал о том, что арестованный генерал Илли «никаких показаний о руководящей роли социал-демократов фактически не дал». Это вынудило следователя написать самому протокол «от начала до конца». В результате «длительных убеждений» Илли «подписал написанные следователем показания»⁷⁰.

Советник МГБ СССР отметил не только то, что «показания всех арестованных по указанным выше делам требуют проверки и уточнения», но и распределил «дела» по четырем направлениям, выделив, как отдельное, «дело» генералов. Можно предположить, что донесение Евдокименко из Будапешта вызвало позитивную реакцию советского руководства, и замысел Ракоши о широком общегосударственном заговоре не получил развития.

На сегодняшний день мы не располагаем необходимым корпусом российских документов для полной характеристики масштабов репрессий среди высшего командования румынской армии. Однако имеющаяся в нашем распоряжении выписка из доклада главного военного советника при министерстве национальной обороны РНР генерал-лейтенанта Колганова, подготовленная начальником генштаба Советской Армии С.М.Штеменко и его заместителем М.В.Захаровым специально для И.В.Сталина, позволяет выявить те аспекты в политике румынского руководства в армии, которые представляли интерес для Москвы. Документ был подготовлен Колгановым 22 декабря 1949 г., а 17 января 1950 г. он был уже у Сталина, которому и принадлежат пометы, имеющиеся на тексте. Судя по этим пометам, Сталин выделил две тенденции,

обозначившиеся в кадровой политике румынского руководства в армии. Одна из них — поиски сторонников Й.Тито, Т.Костова и Л.Райка среди немногочисленного коммунистического генералитета и высшего командного состава. Сталин отчеркнул ту часть текста, где Колганов констатирует: «Сейчас в армии более остро, чем прежде, поставлен вопрос о повышении политической бдительности, причем Министр (Э.Боднараш. — *Авт.*) высказался, что не может быть, чтобы в Румынии империалисты не имели своей агентуры вроде предателей Райка и Трайчо Костова». В связи с этим Сталину сообщалось, что ЦК РРП дал указание «взять под особое наблюдение Начальника Управления Кадров генерала Холбан... Такие же меры проводятся и в отношении лиц, служивших в интернациональной бригаде и вернувшихся в 1944—1949 гг. из Франции (здесь речь идет, в частности, о Начальнике Главного Политического Управления генерале Флореску)»⁷¹.

Для командующего ПВО Румынии генерала Донча «наблюдение» закончилось весной 1952 г., как отмечалось в донесении советника Н.И.Ряпосова, снятием с должности «за антисоветское, националистическое, протитовское поведение»⁷². Такое направление в армейской кадровой политике было отнюдь не только румынским явлением. Поиски «врагов», как было показано выше, в 1949 г. отчетливо обозначилось уже в Болгарии, а также в Польше, о чем речь пойдет ниже.

Однако, как показывает знакомство с текстом документа Колганова, не эта тенденция оказалась в центре внимания советского лидера. Сталин выделил особыми пометами те части документа, где Колганов приводил негативные характеристики начальнику генштаба генералу Попеску и его заместителю генералу Теклу, которые были даны министром Э.Боднарашем и его заместителем по политчасти генералом Романом. Фрагмент текста, где ставилась под сомнение честность генерала Попеску и он расценивался как тормоз в развитии армии, Сталин отметил подчеркиванием. Отмечено было и то, что Попеску — «рьяный антисемит», что он «с большим трудом воспринимает все советское». Привлекли внимание Сталина негативные характеристики и других представителей прежней румынской военной элиты — генералов Теклу, Ласкара и Камбри*. В отношении последнего, как сообщал Колганов, началось следствие, планировалось его арестовать и отдать под суд. Отметим, что генерал Камбрия командовал дивизией им. Т.Владимиреску, созданной во время войны в СССР из военнопленных румын, был награжден советским орденом Красного Знамени.

Рассмотренный документ со всей очевидностью свидетельствует, что советская сторона, в данном случае, выполняла прежде всего оценочные, рекомендательные и контролирующие армейскую кадровую политику функции. Определение конкретных кан-

* Авторы не располагают документами, отражающими дальнейшую судьбу этих генералов.

дидатур на увольнение и репрессирование было прерогативой румынского руководства.

Из анализа документа следует и еще один принципиально важный момент. Речь идет об оценке Сталиным следующего предложения министра Боднараша: «...Было бы хорошо, если бы в Советском Союзе подобрать человек 15 офицеров из молдаван, знающих румынский язык, и прислать их в Румынию для использования хотя бы в качестве Начальников Штабов соединений»⁷³. Отчеркнув этот абзац двумя чертами, Сталин написал: «Ошибочно». И эта оценка была вовсе не случайной.

Аргументацию такой своей позиции Сталин изложил 2 ноября 1949 г. в телеграмме болгарским лидерам в ответ на подобную просьбу в связи с отстранением И.Кинова от должности начальника генштаба болгарской армии, о чем уже говорилось выше: «В связи с Вашей просьбой о назначении советского генерала на должность начальника Генерального штаба Болгарской армии, считаем необходимым высказать наше мнение о нецелесообразности этого мероприятия, так как начальник Генерального штаба должен хорошо знать болгарские условия, быть связанным с болгарской армией и знать болгарский язык. Военного работника, отвечающего таким условиям, подобрать можно только в Болгарии. Поэтому мы считаем, что для дела полезнее будет Начальником Генерального штаба назначить болгарского товарища и дать ему в помощь опытного советского советника, которого в ближайшее время мы могли бы направить в Болгарию»⁷⁴. Без сомнения, основная мысль Сталина заключена в последней фразе, где речь идет о направлении советского советника.

Эту главную линию в советской кадровой политике в регионе, начиная с 1949 г., наглядно подтверждают материалы по чехословацкой армии, где весной 1950 г. вопрос о недоверии советской стороны министру обороны Л.Свободе, а по сути дела, об устранении его, был напрямую завязан на проблему советников. Сталин 8 апреля 1950 г. в письме К.Готвальду по существу продиктовал требование сменить министра обороны: «Наши военные специалисты считают генерала Свободу незаслуживающим доверия и не будут с ним откровенно делить военные секреты СССР»⁷⁵.

Что стояло за столь резкой постановкой вопроса? Выше уже говорилось о том, что советская сторона в 1947 г. уже не доверяла Свободе и рассматривала его, как политика, ориентированного на Э.Бенеша и ведущего двойную игру в разворачивавшейся борьбе за власть в стране. В 1948—1949 гг. недоверие Сталина к Свободе еще более стало возрастать, особенно после неоднократных упоминаний его имени в доносах М.Ракоши. 17 января 1950 г. из ЦК ВКП(б) Сталин получил информацию от Ракоши о том, что силовые министры Чехословакии Свобода (министр обороны) и В.Носек (министр внутренних дел) имеют прямые контакты с английской разведкой⁷⁶. Свой вклад в компрометацию неугодного Москве министра обороны внесли и подчиненные ему генералы-коммунисты Б.Райцин и Я.Прохазка. Именно они характеризова-

ли Свободу как представителя явной реакции в армии. Ответ Праги на требование И.В.Сталина был весьма оперативным. 25 апреля 1950 г. Свобода был освобожден от своих обязанностей и пост министра обороны был передан надежному (с точки зрения Готвальда) человеку — его зятю и еще недавно министру юстиции А.Чепичке. С этого времени Чепичка стал вторым лицом в государстве и завоевал хорошую репутацию в генштабе Советской Армии.

6 мая 1950 г. Готвальд и Чепичка обратились к возглавлявшему вооруженные силы СССР Н.А.Булганину с докладной запиской о реорганизации чехословацкой армии и повторили просьбу о направлении советских военных советников в страну⁷⁷. Эта просьба была теперь удовлетворена.

Снятие Л.Свободы завершило своеобразный «переходный» этап в развитии чехословацкой армии. За ним последовало время перестройки национальной армии по советским образцам и под советским контролем. В январе 1951 г. на совещании в Москве лидеры компартий стран Восточной Европы, посвященном сугубо военным вопросам, о чем речь шла выше, Р.Сланский, объясняя причины отставки Свободы, охарактеризовал его как человека, «который вступил в партию, но остался для нее чужим. Он опирался на офицеров..., которые являлись старыми легионерами и сторонниками западных доктрин... Наша ошибка заключалась в том, что мы долго держали Свободу и его сторонников на ключевых постах в армии, и только по настойчивому совету т. Сталина, мы его отстранили»⁷⁸.

На это заявление Сланского следует обратить особое внимание, ибо для рассматриваемой темы оно имеет принципиально важное значение. На первый взгляд, оно, казалось бы, свидетельствует прежде всего о прямом участии и иницирующей роли Сталина в организации смены высшего командного состава (министров обороны, их заместителей, начальников генштабов, командующих военными округами и родов войск) из рядов кадрового военного и довоенного офицерства. Если же иметь в виду, что еще с 1947 г. в Москву из ЦК КПЧ, а Сланский был его генеральным секретарем, поступала информация, негативная для генерала («генерал Свобода играет роль "сидящего на двух стульях": в правительстве поддерживает мнение и предложения коммунистов, а в министерстве и армии является послушным исполнителем требований национальных социалистов и особенно военной канцелярии президента Бенеша»)⁷⁹, то инициатива Праги выступает весьма отчетливо. Но если в 1947 г. Сталин фактически проигнорировал такую информацию, то в 1950 г. она была востребована. В заявлении же Сланского на совещании в Москве в январе 1951 г. раскрыта главная, побуждавшая Сталина причина этой смены — стремление исключить какое-либо профессиональное противодействие внедрению советской военной доктрины.

Снятие Свободы стало прологом новой волны репрессий в верхних эшелонах чехословацкой армии. Обосновывая эти репрес-

сии, Готвальд в беседе с советским послом М.А.Силиным говорил, что бывшие руководители генштаба «не без злого умысла развалили армию... засоренность офицерства чудовищна»⁸⁰. Началась кампания отставок ряда генералов, работавших с Л.Свободой. В отставке оказались бывший начальник генштаба Б.Бочек, командующий 1-м военным округом генерал К.Клапалек и др. К концу 1950 г. было уволено 2 тыс. из 19 200 офицеров или 10,4% всего офицерского корпуса⁸¹.

Весной 1951 г. министр обороны А.Чепичка выступил с рядом новых «инициатив». 9 марта 1951 г. на общегосударственном активе коммунистов и политработников армии он поставил вопрос о необходимости разоблачения шпионской сети в армии. В связи с этим им было выдвинуто обвинение в шпионаже против главы 5 отдела контрразведки генштаба Б.Райцина и сотрудника этого отдела подполковника Копольда — зятя секретаря ЦК КПЧ М.Швермовой, которая в это время уже была арестована и находилась под следствием⁸². Эта «инициатива» Чепички свидетельствовала, что теперь репрессии в армии пойдут в тесной «связке» с репрессиями внутри новой политической элиты.

Второй «инициативой» Чепички весной 1951 г. была разработка проекта перестановок внутри генералитета. Предполагалось снять с должностей 17 генералов, многие из которых затем были арестованы и осуждены на различные сроки заключения. С именем Чепички связано и создание военных трудовых отрядов как формы изоляции политически неблагонадежных солдат и офицеров. К октябрю 1953 г. в этих отрядах насчитывалось 32,5 тыс. чел.⁸³

Таким образом, снятие генерала Свободы и происшедшая в 1951—1952 гг. замена высшего состава чехословацкой армии означали установление контроля над этой важнейшей силовой структурой той партийной группировки, которая победила в межклановой борьбе за власть внутри партии и поддерживалась в этой борьбе Москвой. Тем не менее, ситуация в армии Чехословакии продолжала привлекать пристальное внимание Москвы и вызывала ее явное беспокойство. Летом 1953 г. по поручению ЦК КПСС Прагу посетила группа советских генералов во главе с первым заместителем начальника генштаба М.С.Малининым. В докладной записке советскому министру обороны Н.А.Булганину они констатировали: «...В армии имеются серьезные отрицательные политические явления: открытые антиправительственные высказывания со стороны отдельных лиц, распространение местных листовок с призывами к восстанию, вражеская агитация и измена родине». При этом авторы записки отмечали, что более 82% офицерского корпуса — это люди, пришедшие в армию после февраля 1948 г., и часть из них обучалась в СССР, что многие «старые» офицеры тем не менее занимают высокие командные должности. Для доказательства этого тезиса приводились примеры: всеми пятью корпусами командуют «старые» генералы; из 27 комдивов 23 из «старой» армии. Далее сообщалось, что в ближайшее время будет проведена

замена «по деловым и политическим качествам» одного командующего округом и двух командиров пехотных дивизий⁸⁴.

Так же, как и в Чехословакии, в Польше репрессии против высшего командного состава Войска Польского развивались как элемент внутрипартийной борьбы, в центре которой оставался В.Гомулка даже после его отстранения с поста генерального секретаря ЦК ППР. При этом следует подчеркнуть польскую «специфику»: удар наносился по крайне немногочисленному польскому по национальности и гражданству генералитету Войска Польского. После прихода на пост министра обороны К.К.Рокоссовского в ноябре 1949 г. преобладающую часть командного состава Войска Польского снова составили советские офицеры. Если на 15 марта 1950 г. из 45 действующих генералов 27 были советскими, то в декабре 1950 г. это соотношение существенно изменилось: из 52 — 40 были генералами Советской Армии⁸⁵. Под пристальным вниманием госбезопасности и советских советников уже с 1949 г. находились министр обороны маршал М.Роля-Жимерский и его первый заместитель генерал М.Спыхальский — люди близкие к В.Гомулке со времени антигитлеровского подполья и первых послевоенных лет. Компрометацией этих лиц промосковская группировка в руководстве ПОРП во главе с Берутом рассчитывала «выйти» на Гомулку с целью организации процесса над ним. Это подтверждается, в частности, письмом посла В.З.Лебедева А.Я.Вышинскому от 10 июля 1949 г., с которым ознакомился И.В.Сталин⁸⁶. Судя по пометам Сталина, отправной точкой его размышлений над информацией В.З.Лебедева стала констатация посла, что агенты двойки* расставлены в теперешней Польше на «виднейших постах»⁸⁷. Лебедев сообщал о принадлежности к «двойке» целого ряда высших офицеров, входивших в состав руководства польской партии. Этот «пассаж» Лебедева был отнюдь не случаен. Он, по сути дела, обвинял в принадлежности к «двойке» одного из ближайших соратников Гомулки генерала Спыхальского, а также маршала Роля-Жимерского, генерала Я.Зажицкого. Спыхальскому инкриминировалось, что будучи первым заместителем министра обороны, он «удалил из польской армии огромное большинство советских людей, которые в ней служили со времен войны. Он принимал на службу польских офицеров, возвращавшихся из эмиграции из Лондона». При этом делалось предположение, что Гомулка «является лицом, каким-то образом подчиненным Спыхальскому». И эту информацию Сталин специально отметил. В ноябре 1949 г. Спыхальский, лишенный поста вице-министра еще в марте 1949 г., был выведен из состава Политбюро и ЦК ПОРП, а в мае 1950 г. арестован.

Обвинение в связях с Западом было в вышеназванном документе предъявлено и М.Роля-Жимерскому, кадровому военному,

* «Двойка» — второй отдел генштаба довоенной Польши (разведка и контрразведка).

со времен Первой мировой войны связанному с коммунистическим движением. В.З.Лебедев охарактеризовал Роля-Жимерского как паркетного генерала, не имеющего ни достаточной подготовки, ни опыта войны. Можно предположить, что эта и подобная ей информация, поступающая из Варшавы по дипломатическим каналам, побудила советское руководство предложить контрразведке Войска Польского установить негласное наблюдение за Роля-Жимерским и его семьей⁸⁸.

В условиях, когда во всех странах региона осуществлялся перевод национальных армий на советскую военную доктрину, целесообразность сохранения довоенного кадрового офицера на посту министра обороны не могла в Москве не вызвать сомнений. К этому времени — лето 1949 г., — видимо, относится появление замысла о замене М.Роля-Жимерского другой кандидатурой.

Авторы не располагают документами, прямо отвечающими на вопрос, кто, Москва или Варшава, был инициатором идеи назначения на пост министра обороны Польши маршала К.К.Рокоссовского, поляка по национальности, главнокомандующего Северной группой советских войск, дислоцировавшейся в Польше. По официальной версии, с такой просьбой в Москву обратилась польская сторона. 27 октября 1949 г. советское правительство дало согласие на назначение Рокоссовского. В тот же день советский посол в Варшаве получил указание уведомить об этом Б.Берута⁸⁹. 2 ноября 1949 г. Берут имел беседу с Роля-Жимерским о предстоящей замене его маршалом Рокоссовским. Советник МГБ СССР Давыдов сообщил в Москву о реакции Жимерского на это решение: «...Моего ухода требует международная обстановка»⁹⁰. Однако, ряд российских документов дает косвенные свидетельства о том, что инициатива в этом назначении принадлежала все-таки Москве. В подтверждение можно привести письмо В.З.Лебедева И.В.Сталину от 26 февраля 1950 г. Советский посол анализировал в нем ситуацию в руководстве ПОРП и отмечал, что вокруг Берута сложилась прочная руководящая тройка в составе Минца, Бермана и Замбровского, которую посол охарактеризовал как «котел». Лебедев, считая одним из главных вопросов об освобождении Берута из этого «котла», писал: «Беруту нужно... приблизить к себе 2—3 товарищей из числа поляков и смелее опираться на них, постепенно лишая ореола "незаменимости" членов сложившейся вокруг него тройки; нужно, чтобы он понял, что опасаться Рокоссовского ему, Беруту, так же, как и польскому рабочему классу, нечего»⁹¹. Последнее замечание было вовсе не случайным. В этом же письме посол изложил информацию о заседании Политбюро ЦК ПОРП, полученную от К.К.Рокоссовского. Маршал рассказывал, как при обсуждении поставленного по его инициативе вопроса о повышении окладов офицерскому корпусу Войска Польского члены высшего политического руководства страны устроили ему «баню», продемонстрировав его изоляцию в этом органе партии⁹². Более того, в беседе Рокоссовского с Берутом сразу после заседания Берут откровенно объяснил министру: фронт вызван опасениями, что маршал поку-

шается на их власть. Сюжет с «баней» и ее причинами, на наш взгляд, может рассматриваться как косвенное подтверждение нашего предположения о том, что инициатором назначения Рокоссовского министром национальной обороны Польши выступила Москва.

По-видимому, Сталин был обеспокоен ситуацией в узком руководстве ПОРП, и назначение Рокоссовского, с точки зрения Москвы, могло не только резко усилить советский контроль в Войске Польском, но и внедрить «своего человека» в высший эшелон ПОРП, тем самым ослабить влияние вышеназванной тройки на Берута. Однако достигнуть поставленной цели в полной мере не удалось. Осенью 1953 г. Рокоссовский в беседе с советником посольства СССР в Варшаве Д.И.Заикиным признавался, что тяготится своим пребыванием в Польше, где он считается «человеком Москвы», и ему трудно работать. Он говорил о неправильном подборе кадров, когда в политуправлении Войска Польского кадры укомплектовываются по национальному и семейному (читай: еврейскому) принципу, что Берут находится под влиянием Бермана, Минца и Замбровского, которые относятся к нему, Рокоссовскому, недоброжелательно⁹³.

О крайней заинтересованности Сталина в укреплении позиций Рокоссовского свидетельствует и тот «нажим» советников МГБ СССР на польские спецслужбы с целью организации «разработки» М.Роля-Жимерского уже после освобождения его от должности министра обороны. Так, в частности, в марте 1950 г. заместитель советника МГБ СССР в Польше Климашев сообщал В.С.Абакумову, что «до сих пор не организована активная разработка Роля-Жимерского» и что он, Климашев, обратил «внимание министерства общественной безопасности Польши на необходимость установить тщательное агентурное наблюдение за Роля-Жимерским и его связями и принять меры, исключающие возможность его побега за границу»⁹⁴. «Разработка» Роля-Жимерского завершилась его арестом в марте 1953 г.

Все вышеизложенное убедительно свидетельствует, что импульс к назначению Рокоссовского в Польшу исходил все-таки из Москвы. Сопоставление развития событий по замене министров обороны в других странах региона позволяет утверждать, что такой «шаг» Сталина представлял исключение в общей линии Москвы. Это подтверждается вышеизложенным материалом об отказе Сталина повторить «польский вариант» в Болгарии и Румынии.

Особая политика СССР в отношении Польши определялась не только важнейшим геополитическим положением этой страны и ее местом в стратегических планах Москвы, но и неуверенностью советского руководства в стабильности власти ПОРП. Поэтому отнюдь не случайно К.К.Рокоссовский как министр обороны Польши фактически находился вне контроля со стороны польской власти. Как свидетельствовал бывший высокопоставленный офицер польской госбезопасности Ю.Святло, «в вопросах армии Рокоссовский... контактирует непосредственно с советским штабом.

Он просто посылает в штаб рапорты без оповещения и информирования Берута»⁹⁵. Отстранение от службы в армии М.Спыхальского и М.Роля-Жимерского и затем их аресты не развернулись в судебные процессы, что имело место в других странах. По-видимому, причина этого заключалась в том, что генералам отводилась подсобная роль фигурантов в задуманной Берутом, Берманом, Минцем и Замбровским акции против арестованного в августе 1951 г. В.Гомулки. Они должны были свидетельствовать о якобы имевшихся связях Гомулки с лондонским подпольем в годы войны⁹⁶.

Но такого процесса подготовить не удалось, хотя Б.Берут не оставлял замысла провести закрытый судебный процесс, главной фигурой которого должен был стать генерал Спыхальский, как организатор заговора в армии с целью свержения государственного строя.

Видимо, в связи с этим было выделено в отдельное судопроизводство «дело» генерала Ю.Куропески, офицера довоенной польской армии, бывшего начальника штаба Варшавского военного округа Войска Польского, арестованного вместе с группой генерала С.Татара и в 1952 г. приговоренного к смертной казни.

Это предположение подтверждается письмом министра госбезопасности СССР С.Игнатьева И.В.Сталину, где, в частности, говорилось: «...В ходе следствия и на суде Куропеска отрицал свое участие в подготовке военного заговора против правительства Польской Республики, однако после суда он признал свою причастность к заговору и дал показания на бывшего вице-министра Национальной обороны Польши Спыхальского как одного из руководителей этого заговора. В связи с тем, что польское правительство придает показаниям Куропеска большое значение, по указанию, товарища Берута исполнение приговора приостановлено и данные им показания проверяются органами безопасности Польши»⁹⁷.

Приложенный к этому письму текст прошения Куропески о помиловании свидетельствует, что по показаниям Куропески главным организатором «заговора в армии» выступал именно Спыхальский. Стойкая заинтересованность Берута в организации судебного процесса над Спыхальским подтверждается и тем фактом, что в марте 1956 г., за неделю до своей смерти, Берут в беседе с Я.Дзержинским, сотрудником аппарата ЦК ВКП(б), упорно настаивал на необходимости проведения закрытого процесса⁹⁸.

Тем не менее курс руководства ПОРП на организацию крупного процесса, который «обнаружил» бы связи военных «заговорщиков» с некоторыми бывшими высшими функционерами партии, не завершился крупномасштабной репрессивной акцией против офицеров-коммунистов. Дело ограничилось арестами. Среди арестованных был начальник II-го отдела (разведка) генштаба Войска Польского, генерал В.Комар, участник войны в Испании, коммунист с довоенным стажем. Весной 1951 г. Б.Берут обратился с письмом к М.А.Суслову с просьбой передать из архивов Коминтерна материал на Комара. Ответ Суслова, по сути дела, не содер-

жал компрометирующих данных⁹⁹. Тем не менее летом 1951 г. генерал был переведен на другую работу, а в ноябре 1952 г. арестован*.

Таким образом, весь вышеизложенный материал свидетельствует, что 1949—1953 гг. стали в Восточной Европе временем кардинальных перемен в армии — важнейшим компонентам государственно-политической системы и одним из охранительных инструментов режима. Эти перемены шли в русле укрепления власти новой партийно-государственной номенклатуры и становления самой этой номенклатуры как особого социального слоя. Применительно к армии речь шла о создании новой военной элиты, нового по социально-классовому происхождению офицерского корпуса. Одним из основных способов достижения этой цели стало вытеснение из армии довоенного кадрового офицерства и генералитета прежде всего репрессивными методами. С помощью репрессий (принудительная изоляция без судебных решений, выведение за штат, судебные политические процессы, приговоры, тюремные наказания и смертные казни) была уничтожена «старая» военная элита, которая правящей коммунистической верхушкой рассматривалась как реальная угроза ее власти. Отсюда проистекали обвинения генералитета и старшего офицерства в антигосударственных заговорах в армии, типичные для всех стран. Наблюдавшиеся практически повсеместно попытки «увязать» репрессии в армии с репрессиями в партийной верхушке отражали, кроме того, и клановую борьбу в процессе становления новой политической элиты в странах региона.

Правящая коммунистическая верхушка рассматривала репрессии в офицерском корпусе и среди генералитета как важнейший способ достижения унификации политических настроений в армейской среде и как средство против зарождения здесь любого инакомыслия. Итогом репрессивных акций в армии и массовой замены генералитета и офицерского корпуса стало превращение армий стран Восточной Европы во властный инструмент высшей партийной номенклатуры.

Советская сторона, как видно из всего вышеизложенного, участвуя в этих репрессиях, а порой и напрямую иницилируя их, преследовала свои стратегические интересы. Используя внутриклановую борьбу в партии и несовместимость «старой» и нарождающейся «новой» элиты в армии, Москва решала свои политические задачи более высокого уровня. Речь шла прежде всего о подготовке условий, необходимых для внедрения в национальные армии советской военной доктрины и обеспечения ее реализации соответствующими военными национальными кадрами при жесткой системе советского контроля через институт советников. С точки зрения внутренних процессов в странах Восточной Европы начало 50-х годов следует рассматривать как важный подготовительный

* Освобожден в 1954 г.

этап к созданию военно-политического союза СССР и стран Восточной Европы, к возникновению в 1955 г. Варшавского договора.

* * *

Таким образом, изложенный в главе фактический материал позволяет утверждать, что политические репрессии 1949—1953 гг. в обществе являлись, наряду с идеолого-пропагандистским воздействием и созданием разветвленной системы социальных привилегий, гарантий и предпочтений, которые должны были убеждать общественное мнение в исключительной справедливости этого строя, одним из главных инструментов формирования в странах Восточной Европы политических режимов советского типа. Нарастание «холодной войны» (внешний фактор) и все более отчетливо проявлявшийся разрыв между заявленными компартиями в процессе их прихода к власти общественными авансами — с одной стороны и реальными результатами внутренней, прежде всего экономической, политики (внутренний фактор) — с другой определили направления, темпы, масштабы и конкретные формы проводившихся политических репрессий. Свою роль в этом играл и субъективный фактор, а именно идейно-доктринальный принцип коммунистов — «кто не с нами, тот против нас». Иными словами, власть исходила из того, что у законопослушных граждан не может быть недовольства ею, а любое недовольство есть проявление враждебности. В таких условиях для правящих партий особую остроту приобрел сохранявшийся в обществе плюрализм идейно-политических ориентаций. Усиление социально-экономических трудностей объективно создавало почву для нарастания оппозиционных настроений. Объединенные общими интересами — удерживать власть и сцементировать советский блок — Москва и высшая политическая элита стран Восточной Европы рассматривали репрессии как объективную необходимость.

В рассматриваемые годы усилия правящей верхушки концентрировались на том, чтобы с помощью созданного при участии и контроле Москвы репрессивного аппарата исключить возможность общественного самовыражения тех социальных и политических групп, которые были массовыми адептами прежнего строя. Речь шла в первую очередь об изоляции от общества «старой», некоммунистической элиты вне зависимости от отношения ее конкретных представителей с новой властью. Репрессии против прежних хозяйственных кадров, представителей инженерно-технического корпуса, прошедших в свое время подготовку на Западе, расчищали «поле» для внедрения советских технологий и тем самым способствовали включению стран региона в экономические структуры формировавшегося восточного блока.

Репрессивные акции такого плана расчищали «почву» для внедрения и укрепления коммунистической элиты и насаждения партийно-государственной номенклатуры всех уровней — нового

слоя управленцев, становившихся главной социальной опорой формирующегося режима.

Как особое направление в репрессивной политике компартий, представляется необходимым выделить репрессии в армиях стран Восточной Европы, хотя, безусловно, они являлись производными от общеполитических и внутрипартийных репрессий, о которых речь пойдет в следующей главе. Путем спешного и массового удаления из армий кадрового офицерства и особенно высшего командного состава довоенного и военного времени, репрессирования и замены их выходцами из рабоче-крестьянской среды формирующаяся правящая элита пыталась обеспечить абсолютную политическую надежность этой стержневой силовой структуры. Перемены, достигавшиеся путем репрессирования кадрового офицерского корпуса, закладывали основы для превращения армий стран региона в национальный компонент нарождающегося советского военного блока. Документы показывают, что Москва напрямую увязывала свое участие в модернизации армий региона, их перевооружения, управления, а также принципов организации с массовыми кадровыми чистками офицерского корпуса и генералитета. Рабоче-крестьянский командный состав, созданный новым государством, становился важнейшим элементом политического режима и новой правящей элиты в регионе.

Таким образом, различные по своей социально-политической направленности репрессии 1949—1953 гг. в странах Восточной Европы были ориентированы на достижение главной цели — принудить общество принять соответствующие большевизму принципы его организации, исключив тем самым возможность проявления какого-либо инакомыслия. В результате репрессий, превращенных в государственную политику, в регионе была создана необходимая для реализации планов ускоренного «строительства социализма» привычная коммунистам атмосфера «отмобилизованности», постоянной готовности общества откликаться на все сигналы, идущие сверху, атмосфера страха, созвучная климату «холодной войны».

- ¹ Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953. Т. 1. 1944—1948. Документы. М., 1999. С. 476.
- ² Людям свойственно ошибаться. Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. 1997. № 5—6. С. 8—9; Каплан К. Возвышение и падение Алексея Чепички. Вопросы истории. № 10. 1999. С. 85—86; Kaplan K. Dans les Archives du comite central: Trante ans de secrets du bloc sovietique. Paris: Michel, 1978. P. 165—166; Cristescu C. Januarie 1951: Stalin decide inarmarea Românei. Magazin istoric 1995. № 10. P. 15—23.
- ³ Magazin istoric. 1995. № 10. P. 15—23.
- ⁴ Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. 1944—1948. С. 470.
- ⁵ Там же. С. 168.
- ⁶ Там же. С. 201.

- 7 Там же. С. 451, 452.
- 8 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1357. Л. 229.
- 9 Там же.
- 10 Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. 1944—1948. С. 123.
- 11 См.: Nalera E.J. Oficerowie Armii Radzieckiej w Wojsku Polskim. 1943—1968. W-wa, 1995. S. 17, 21.
- 12 Nalera E.J. Указ. соч. С. 41, 64; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1291. Л. 7.
- 13 Poksiński J. «TUN». Tatar—Utnik—Nowicki. W-wa, 1992. S. 257; Stabek H. Intelktualistów obraz własny. 1944—1989. W-wa, 1997. S. 57; Socha L. Te pokolenia żałobami czarne. Skazani na śmierć i ich sędziowie. 1944—1954. W-wa, 1986. S. 61.
- 14 Pięsuch H. Akcje specjalne: od Bieruta do Ochaba. W-wa, 1996. S. 53.
- 15 Подсчет произведен авторами на основе документов МВД СССР, опубликованных в сб.: Восточная Европа в документах российских архивов. Т. I. 1944—1948. С. 419—422.
- 16 Людям свойственно ошибаться. Из воспоминаний М.Ракоши. С. 8—9.
- 17 См. подробнее: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: Миф или реальность? М., 1993. С. 182.
- 18 Советский фактор в Восточной Европе... Т. I. 1944—1948. С. 151—152.
- 19 Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Указ. соч. С. 145.
- 20 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 35. П. 125. Д. 8. Л. 13.
- 21 Kaplan K. Procesy s československou generalitou // Historie a vojenství. 1990. Č. 3. S. 48.
- 22 Břachová V. Destrukce důstojnického sboru čs. armady po únoru 1948 // Historie a vojenství. 1992. Č. 3. S. 109—114.
- 23 Kaplan K. Op. cit. S. 52.
- 24 Břachová V. Op. cit. S. 114.
- 25 Nalera E.J. Op. cit. S. 63—64.
- 26 Poksiński J. Op. cit. S. 7.
- 27 АВП РФ. Ф. 1022. Оп. 33. П. 253. Д. 5. Л. 8.
- 28 Poksiński J. Op. cit. S. 257.
- 29 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 29. П. 132. Д. 8. Л. 60.
- 30 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 454.
- 31 Там же.
- 32 Там же.
- 33 Там же. С. 455.
- 34 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 23. П. 177. Д. 42. Л. 48.
- 35 Там же. Ф. 077. Оп. 29. П. 132. Д. 8. Л. 60.
- 36 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 288—289.
- 37 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 262. Л. 114—116; Ф. 3. Оп. 66. Д. 178. Л. 171.
- 38 Там же. Ф. 3. Оп. 66. Д. 192. Л. 35.

- 39 Там же. Ф. 3. Оп. 64. Д. 279. Л. 57—58.
- 40 Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 254. Л. 44.
- 41 Там же. Ф. 3. Оп. 64. Д. 279. Л. 82.
- 42 Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 254. Л. 46—47.
- 43 Там же.
- 44 Там же. Л. 47.
- 45 Там же. Л. 48.
- 46 Там же. Л. 53—54.
- 47 Там же. Л. 55.
- 48 Там же. С. 59.
- 49 Tomeš J. Slovník k politickým dějinám Československa 1918—1992. Pr., 1998. S. 82, 104, 126, 148.
- 50 Kaplan K. Op. cit. S. 46.
- 51 Břachová V. Op. cit. S. 117.
- 52 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 30. П. 160. Д. 7. Л. 59.
- 53 Břachová V. Op. cit. S. 121—123.
- 54 Poksiński J. Spisek w wojsku. Victus Honos. W-wa, 1994. S. 52, 57.
- 55 Marat S., Snopkiewicz J. Ludzkie bezpieki. Dokumentacja czasu bezprawia. W-wa, 1990. S. 190; Bombicki M.R. Zbrodnie prawa. Wyroki sądów wojskowych w 1. 1944—1954. T. I, II. Poznań, 1993.
- 56 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 130. Л. 49.
- 57 Poksiński J. TUN... S. 51.
- 58 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 360. Л. 42.
- 59 Там же. Ф. 3. Оп. 66. Д. 138. Л. 71—72.
- 60 Torańska T. Oni. W-wa, 1989. S. 151.
- 61 Bombicki M.R. Op. cit. T. 1. S. 33—40.
- 62 Poksiński J. Spisek w wojsku... S. 5; Он же. TUN... S. 149.
- 63 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 893—895.
- 64 Там же. Т. I. 1944—1948. С. 94, 98, 102.
- 65 Там же. Т. II. 1949—1953. С. 85.
- 66 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 138. Л. 169.
- 67 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 455, 664; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1154. Л. 47, 51.
- 68 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 496, Л. 37; АВП РФ. Ф. 077. Оп. 34. П. 175. Д. 9. Л. 47; Оп. 37. П. 187. Д. 6. Л. 105.
- 69 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1154. Л. 47—48.
- 70 Там же.
- 71 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 288—289.
- 72 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1306. Л. 60.
- 73 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 292, 293.
- 74 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 254. Л. 57.
- 75 Цит. по: Zpráva Pillerový komise. O politických procesech a rehabilitacích v Českoslovenku v letech 1949—1968. T. 1. S. 26.
- 76 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1154. Л. 9.

- 77 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 394. Л. 37—39.
- 78 Цит. по: Zpráva Piellerový komise... S. 26.
- 79 Советский фактор в Восточной Европе... Т. I. 1944—1948. С. 453.
- 80 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 394. Л. 14.
- 81 Břachová V. Op. cit. S. 110.
- 82 Korbel P., Vagasský V. Čistky v komunistické strane Československa. Červen, 1952. S. 13—14.
- 83 Žaček R. Pomocný technické prápory jako forma zneužití braného zákonu k organisování masových politických represí // Tábory nucené práce a další projevy perzekuce. 1948—1954. Opava 1991. S. 57.
- 84 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 807. Л. 73—76.
- 85 Nalera E.J. Op. cit. S. 263—264, 273—274.
- 86 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 172—178.
- 87 Там же. С. 174.
- 88 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1300. Л. 18.
- 89 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 360. Л. 49, 53.
- 90 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1361. Л. 21.
- 91 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 314.
- 92 Там же. С. 311—312.
- 93 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 139. Л. 2—3.
- 94 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1360. Л. 26.
- 95 Błażyński Z. Mówi Józef Światło. Za kulisami bezpieki i partii. 1949—1955. W-wa, 1990. S. 23.
- 96 Garlicki A. Z tajnych archiwów. W-wa, 1993. S. 142, 143 и др.
- 97 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 773.
- 98 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 140. Л. 111—115.
- 99 Poksiński J. TUN... S. 187.

Глава VI

РЕПРЕССИИ КАК ЭЛЕМЕНТ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ

1. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП «ВТОРОЙ БОЛЬШЕВИЗАЦИИ» КОМПАРТИЙ: ПОИСКИ «АГЕНТОВ ТИТО», «ТРОЦКИСТОВ» И «БУРЖУАЗНЫХ НАЦИОНАЛИСТОВ» (1948—1950 гг.)

Стержнем политических режимов советского типа являлась партия — идейно-политический монолит, управляемая из центра на основе принципа «демократического централизма». Компартии стран Восточной Европы образца 1948—1949 гг., ставшие к этому времени массовыми, не отвечали таким требованиям. Их массовость, как известно, была достигнута в результате поглощения левых элементов из других партий и общественных движений, а также доселе неконтролируемого приема в них всех желающих. Результатом стало многообразие позиций в рамках идей социализма как в центральных структурах, так и в партийной массе. Это находило свое отражение также и в распространении и поддержке членами партий концепции национальных путей к социализму.

В новых условиях, когда в качестве альтернативы этому предлагалась сталинская модель социализма, на первый план вновь выводились тезисы об обострении классового противостояния и универсальности советской модели политической организации общества. Опыт ВКП(б) провозглашался единственно верным ориентиром для политической практики всех компартий региона. Неизбежным следствием предлагаемого Москвой курса объективно могла стать утрата национальной перспективы в дальнейшем развитии каждой из стран Восточной Европы. Тем самым их государственный суверенитет должен был быть принесен на алтарь строительства «социализма по Сталину» и достижения стратегических целей Москвы.

Возникает вопрос, могли ли восточно-европейские компартии, как целое, добровольно и осознанно принять такую перспективу?

Доступные на сегодняшний день материалы российских архивов позволяют утверждать, что высшее советское руководство не имело иллюзий на этот счет. Оно располагало информацией об общественных настроениях в регионе, о наличии в руководстве компартий сторонников и противников столь необходимого Москве стремительного отказа от прежней концепции. Поэтому главными могли стать (и стали) силовые методы воздействия на ком-

партии и их руководство путем повторной «большевизации» для унификации и «идейного сплочения» партийных рядов. Репрессии, таким образом, как и ранее в СССР, должны были превратиться в один из основных инструментов становления партии-монолита, как стержневой структуры всей политической системы.

Понятно, что на центральное место (в соответствии с большевистским менталитетом) выдвигалась проблема достижения идеолого-политической монолитности руководства компартий на основе безоговорочного принятия им нового курса Москвы и полной идентификации национально-государственных интересов своих стран с интересами блока в целом.

Между тем некоторые внешнеполитические акции утвердившихся у власти коммунистических лидеров на протяжении 1947 — начала 1948 г. (различные позиции в отношении плана Маршалла; активный процесс становления двусторонних отношений в регионе; проекты создания балканской федерации, заключения Дунайской конвенции) расценивались в Москве как нарастание тенденций к самостоятельности и сужению возможностей советского контроля в регионе¹.

В качестве примера обостренной реакции советского руководства на попытки Й.Тито и Г.М.Димитрова не согласовывать свои некоторые внешнеполитические действия с Москвой можно привести беседу И.В.Сталина и ряда ведущих советских политиков с лидерами Югославии и Болгарии 10 февраля 1948 г.², когда в качестве «болевых точек» в отношениях СССР — с одной стороны, и Болгарии и Югославии — с другой, советской стороной были обозначены три проблемы: 1. Болгаро-югославский двусторонний договор. 2. Интервью Г.М.Димитрова по поводу балканской федерации и таможенной унии. 3. Намерение Югославии вести свою дивизию в Албанию без согласования с Москвой. В.М.Молотов, излагая советскую позицию, подчеркивал, «что советское правительство получило информацию о югославо-болгарском договоре из газет, что нельзя признать правильным». И главное — что этот договор «был подписан без консультации с советским правительством»³. Интервью Г.М.Димитрова «по поводу федерации и конфедерации, а также таможенной унии стран Восточной Европы» было расценено советской стороной как глубоко ошибочное и вредное действие. «В этом интервью, — утверждал Молотов, — Димитров говорил как бы от имени ряда восточно-европейских государств, в то время как его никто не уполномочивал на такое выступление»⁴. Еще более резкую реакцию советской стороны вызвало намерение Тито вести югославскую дивизию в Албанию: «Югославы нас не предупреждали и даже не информировали по факту о принятом ими решении... Мы считаем, что это свидетельствует о серьезных разногласиях, имеющихся между нами»⁵.

Весь ход беседы и данные в ней жесткие оценки действий болгарских и югославских политиков свидетельствовали о стремлении советской стороны твердо контролировать всю внешнеполитичес-

кую линию своих союзников, не допуская каких-либо проявлений самостоятельности.

Архивные материалы, часть которых уже опубликована⁶, свидетельствуют, что зимой—весной 1948 г. в аппарате ЦК ВКП(б) под руководством М.А.Суслова шла интенсивная подготовка секретных аналитических записок с развернутой критикой руководства четырех компартий — Югославии, Венгрии, Польши и Чехословакии, где обвинения в национализме и недооценке роли СССР занимали центральное место.

Руководство Югославии, например, обвинялось в недоброжелательном отношении к СССР и ВКП(б), переоценке собственных достижений, в претензиях на руководящую роль на Балканах, в оппортунизме по отношению к кулачеству. Руководству венгерской компартии, в частности М.Ракоши, М.Фаркашу, Й.Реваи указывалось, что они скатываются на националистические позиции. Генеральный секретарь ЦК ППР В.Гомулка критиковался за тезис о специфическом польском пути к социализму, который расценивался как проявление право-националистического уклона. На первое место в перечне ошибок руководства КПЧ выводилась ориентация на «особый, мирный путь к социализму», делался упрек в пренебрежении принципами большевизма в партийном строительстве. Отсутствие в этом блоке документов, характеризующих ситуацию в руководстве Болгарии и Румынии, было обусловлено различными причинами. Лидер болгарских коммунистов Г.М.Димитров был подвергнут резкой критике И.В.Сталиным и В.М.Молотовым на встрече 10 февраля 1948 г., о чем речь шла выше. Что касается оценки ситуации в румынской компартии, то разбор «дела» Л.Патрашкану, обвинявшегося еще в начале 1948 г. в том, что он «занимает антипартийную и антисоветскую позицию и имеет связь с заграничными реакционными кругами румынских эмигрантов», и выведение его из состава ЦК румынской компартии оценивались в Москве как состоявшееся «очищение» руководства партии от сторонников по сути дела «национального пути к социализму»⁷.

Появление острокритических документов в отношении ряда компартий отнюдь не было случайным. Они свидетельствовали, что Москва начала готовить «перетряску» правящей политической элиты, внутри которой шла непрерывная острая борьба за место во власти, о чем советское руководство было хорошо информировано, и что предполагало перестановку ключевых фигур. Вышеназванные документы, как показало дальнейшее развитие, имели сугубо практическое назначение. Об этом свидетельствовала резкая критика руководства КПЮ и Й.Тито, прозвучавшая в первом письме ЦК ВКП(б) от 27 марта 1948 г., по существу повторявшем обвинения, которые были изложены в секретной аналитической записке ведомства Суслова от 18 марта 1948 г. Спустя три месяца совещание Коминформа, состоявшееся в Бухаресте в июне 1948 г., приняло резолюцию «О положении в компартии Югославии», где говорилось: «Задача... здоровых сил КПЮ состоит в том, чтобы за-

ставить своих нынешних руководителей открыто и честно признать свои ошибки и исправить их, порвать с национализмом, вернуться к интернационализму и всемерно укреплять единый социалистический фронт против империализма, или, если нынешние руководители в КПЮ окажутся неспособными на это, — сменить их и выдвинуть новое интернационалистическое руководство КПЮ»⁸.

Выбор Югославии как первого «объекта» критики соответствовал политической логике Сталина и был отнюдь не случаен: Тито с его авторитетом среди коммунистических лидеров региона как политика, способного вести «свою игру», представлял для Кремля ту фигуру, на примере которой можно было дать показательный «урок» всем компартиям.

Однако руководство КПЮ отказалось явиться на заседание Коминформа в Бухаресте. Еще 22 мая 1948 г. Тито в беседе с представителем ЦК ВКП(б) мотивировал свой отказ рядом причин: «Мы считаем, что в ряде вопросов мы не только [не] хуже других, которые уже постарались раскритиковать нас, да и не только раскритиковать, но и прочитать нам лекции. Я имею в виду венгров, румынов и чехов...»⁹

Между тем реакция на советско-югославский конфликт лидеров восточно-европейских компартий и некоторых представителей социалистического движения на западе (например, одного из видных левых лейбористов К.Зиллиакуса), а также общественного мнения в регионе была весной — летом 1948 г. далеко не однозначной. Даже одобрение всеми компартиями Восточной Европы первого советского письма руководителям Югославии далось ЦК ВКП(б) не без нажима. Как следует из доступных на сегодняшний день документов, немедленное поддержание действий Москвы последовало только из Будапешта. 8 апреля в Москву поступило решение политбюро ЦК ВКП с резким осуждением югославской компартии.

Руководства РРП и КПЧ после ознакомления с текстом остро-критического письма ЦК ВКП(б) от 27 марта 1948 г. к руководству югославской партии не сочли необходимым ставить этот вопрос на заседании Политбюро и принимать соответствующие решения. Видимо, в этих партиях пока еще не были со всей серьезностью оценены масштаб и последствия назревавшего советско-югославского конфликта. К.Готвальд отреагировал «в нужном направлении» только 19 апреля 1948 г. после получения копии документа, принятого руководством венгерской партии, и соответствующего напоминания советской стороны. Политбюро ЦК РРП ответило 22 апреля 1948 г., хотя, судя по беседе Г.Дежа с югославским послом в Бухаресте 16 мая 1948 г., лидер румынской партии все еще не считал, что советские обвинения повлекут за собой серьезные последствия¹⁰.

Что касается позиции, занятой лидером польской партии В.Гомулкой, то она с самого начала была весьма критической. Гомулка, который получил копию советского письма к ЦК КПЮ 4 ап-

реля 1948 г., не спешил с «ответной реакцией». В беседе с советником посольства СССР в Варшаве В.Г.Яковлевым он высказал открытое сомнение в достоверности выдвигаемых советской стороной обвинений. «Гомулка, — показал на допросе 2.12.1950 г. М.Спыхальский, — не согласился с обвинениями Тито ни по существу, ни по форме. Он выразил недовольство формой письма, а также фактом, что его вручил не представитель партии, а посол СССР, который представляет государство... Действия ВКП(б) (по мнению В.Гомулки. — *Авт.*) могут вызвать отпадение Югославии от лагеря стран народной демократии, отсюда могут возникнуть большие трудности также и для нас... Гомулка оценил действия ВКП(б) как преждевременные»¹¹.

На позицию Гомулки подействовал окрик В.М.Молотова. 18 апреля Молотов дал указание послу в Варшаве В.З.Лебедеву специально посетить Гомулку «и спросить, не думают ли польские товарищи реагировать на письмо ЦК ВКП(б) югославам от 27 марта, как это сделала венгерская компартия». Гомулка, как доносил в Москву Лебедев, отреагировал на вопрос достаточно сдержанно, сказав, «чтобы подойти к вопросу не формально и вынести развернутое решение, польским товарищам надо было бы более подробно знать обстоятельства дела». Однако Гомулка обещал 19 апреля 1948 г. поставить этот вопрос на заседании Политбюро ЦК ППР, которое, по словам Гомулки, «вероятно, вынесет нужное решение»¹². Действительно, 19 апреля он направил в ЦК ВКП(б) соответствующее письмо, в котором тем не менее подчеркивалось негативное влияние конфликта на отношения между странами народной демократии и на международное коммунистическое движение¹³.

Весьма сдержанной была позиция лидера БРП(к) Г.М.Димитрова. Еще 6 апреля Политбюро этой партии приняло соответствующую резолюцию, но текст ее был направлен в Москву только 18 апреля 1948 г. По свидетельству М.Джиласа, 19 апреля 1948 г. Димитров в личной беседе выразил поддержку руководству югославской партии и намеревался через некоторое время встретиться с Й.Тито для обсуждения сложившегося положения дел¹⁴. Обозначившуюся ситуацию Г.Димитров и В.Коларов обсуждали с польским лидером во время своего пребывания в Варшаве с государственным визитом на рубеже мая—июня 1948 г. Один из участников бесед, член Политбюро ЦК ППР Я.Берман позднее свидетельствовал, что Димитров находился в затруднительном положении, так как все еще был на стороне югославов¹⁵. Таким образом, «дружная поддержка» действий Москвы в отношении руководства югославской партии и осуждение Тито не были немедленными и дали ЦК ВКП(б) не без труда. Более того, поступившие в Москву «нужные» решения вовсе не переломили существовавших проюгославских настроений в партиях и странах Восточной Европы.

В мае 1948 г. главный военный советник при болгарской армии генерал-лейтенант А.В.Петрушевский доложил министру обороны СССР Н.А.Булганину информацию о настроениях в высшем руко-

водстве БРП(к), полученную им от генерала И.Кинова. Бывший полковник советской армии, прослуживший в ней 20 лет, а теперь генерал болгарской армии, обсуждая начало советско-югославского конфликта, сообщал, что в руководстве БРП(к) существует группа лиц, недооценивающих роль СССР в деле освобождения Болгарии. При этом конкретно были названы секретарь ЦК БРП(к) Т.Костов, министр внутренних дел А.Югов и министр финансов И.Стефанов.

Докладывая об этом, Петрушевский изложил и свои личные наблюдения о ситуации в стране: «...Первого мая популяризация Тито проходила в довольно заметной форме... Бросалось в глаза большое количество портретов Тито, а одно учреждение несло портрет Тито впереди портрета товарища Сталина»¹⁶.

Столь же неоднозначной была реакция и на резолюцию Информбюро, принятую в июне 1948 г. Так, например, советские дипломатические службы сообщали из Польши: «Резолюция Информбюро компартий была большой неожиданностью не только для населения, но и для руководства воеводских партийных организаций». На активках рабочих партий на фоне выступлений в поддержку резолюции раздавались и критические голоса, когда выражались сомнения в достоверности этих обвинений. Более того, сообщалось: «Если на совместных собраниях ППР и ППС члены этих партий были единодушны, то это не значит, что они были согласны с этой резолюцией. Мы располагаем данными, что члены ППР и ППС в кругу близких товарищей высказывали одобрение проводимой политикой руководства югославской компартии». Солидарность с КПЮ демонстрировали, по сведениям Генерального консульства СССР в Гданьске, рабочие и служащие верфей: «Югославы поступили очень хорошо!», «Вы, — обращаясь к членам ППР, говорил один из служащих верфи Росак, — будете иметь то же, что и в Югославии. У нас будет то же самое»¹⁷.

Из Чехословакии поступали сведения, что «для чехословацкой молодежи и для широких масс населения Чехословакии резолюция Информбюро явилась неожиданностью... Тито создали большую популярность в Чехословакии... некоторая часть чехословацкой молодежи скептически относится к обвинениям, выдвинутым в резолюции Информбюро против руководства СКЮ». Далее, уже в 1949 г. из Праги последовала еще более тревожная информация о том, что «на Тито втайне многие смотрят как на героя, достойного подражания». Корреспондент ТАСС В.С.Медов при этом отмечал: «Мне кажется, что многие из руководящих лиц или близко к ним стоящих хотели бы чувствовать себя поменьше связанными с Москвой»¹⁸.

В Болгарии в мае 1949 г. в ходе подготовки выборов в местные органы власти «снизу» выдвигались требования установления строя по типу существующего в Югославии. Последнее напрямую связывалось с именем Т.Костова, пытавшегося в конце 1948 г. продемонстрировать элементы политической самостоятельности в отношениях с СССР.

Весьма сдержанная, порой негативная реакция некоторых лидеров компартий, а также общественного мнения в странах региона не могла не показать Москве, что тотальная чистка руководства компартий через структуры Коминформа, которому в планах Москвы отводилась роль коллективного судьи, может натолкнуться на сопротивление внутри партий и быть трудно реализуемой. Нужен был иной вариант действий для достижения все того же результата — прочной привязки к Москве руководителей компартий стран региона через жесткую, порой кровавую «перетряску» правящих группировок посредством использования имевших в них место противоречий и межклановой борьбы. Уже летом 1948 г. стало ясно, что именно этот вариант может дать необходимый Москве эффект. Первый сигнал прозвучал из Албании. Как известно, в руководстве КПА еще со времен войны наблюдалась острая групповая борьба, которой придавалось идеологическое обрамление. В феврале—марте 1946 г. одержала верх левая, экстремистски и проюгославски настроенная группа во главе с Э.Ходжей и К.Дзодзе. Был взят курс на социалистическое развитие страны на основе «самой жесточайшей борьбы против крупных торговцев в городе и кулаков-беев в деревне, против спекуляции и черной биржи»¹⁹.

Главной фигурой, на которую обрушилась внутривнутрипартийная критика, был избран член Политбюро ЦК КПА, один из образованных политиков Албании С.Малешова (М.Гурин), твердо выступавший за широкий демократический фронт в стране. Он был весной 1946 г. выведен из состава ЦК КПА, но оставался министром просвещения. Весной 1947 г. «дело» Малешовы было реанимировано: руководство КПА направило 10 мая 1947 г. в партийные организации специальное письмо об отстранении Малешовы и предполагаемом исключении его из партии²⁰.

Советско-югославский конфликт поставил руководителей Албании перед выбором: сохранить сложившийся в годы войны приоритет межпартийных и межгосударственных отношений с Югославией и постепенно продвигаться к объединению с югославской федерацией или, порвав с Югославией, стремительно переходить «под крыло» нового главного союзника — СССР. К лету 1948 г. выбор был сделан. Фоном для этого выбора стали обозначившиеся перемены и в отношениях Москвы к конкретным политическим лидерам Албании, олицетворявшим собой как преобладающие проюгославские или просоветские ориентации, и ситуация внутри Политбюро ЦК КПА.

С этой точки зрения наиболее ярким примером была политическая и личная судьба члена Политбюро ЦК КПА, председателя плановой комиссии и министра промышленности Албании Н.Спиру, который выступал за Албанию, развивающуюся «независимо и отдельно от экономики Югославии», за Албанию, способную «осуществлять свои экономические планы и без Югославии»²¹. Попытки Н.Спиру с таких позиций критиковать сугубо проюгославскую линию во внутренней и внешней политике албан-

ского руководства были еще во 2-ой половине 1947 г. жестко отторгнуты. Выступление Н.Спиру против интеграции экономических планов Албании и Югославии подвергалось критике и со стороны Тито²². Судя по документам российских архивов, Москва, располагая всеобъемлющей информацией о развитии «дела» Спиру, не заняла отчетливой позиции по этому «делу». Не случайно советский временный поверенный в делах в Тиране А.Н.Гагаринов в критический момент уклонился от встречи со Спиру, который по существу уже был «загнан в угол»²³. 20 ноября 1947 г. Спиру покончил с собой, на что Москва отреагировала далеко не сразу.

В это время в ЦК ВКП(б) считали более предпочтительными позиции другого члена Политбюро ЦК КПА К.Дзодзе, через которого осуществлялись неформальные контакты и консультации с советским руководством. Не вызвала пока беспокойства и открыто проюгославская ориентация Дзодзе. Более того, в ЦК ВКП(б) фактически признавали «патронат» Югославии над Албанией и считали возможным оказывать влияние на политику руководства КПА опосредованно, через «югославских товарищей».

В первой половине 1948 г. оценки Тираной политического «лица» Н.Спиру, данные в 1947 г., сохранялись. Состоявшийся в конце февраля — начале марта 1948 г. VIII пленум ЦК КПА специальной резолюцией обвинил Н.Спиру в буржуазных, шовинистических и антимарксистских взглядах. На этом пленуме была исключена из партии и освобождена от всех занимаемых постов жена Спиру — Л.Белишева, выведены из числа кандидатов в члены ЦК М.Шеху, а из Политбюро — Т.Якова и Б.Спахуи. Была подтверждена и линия партии на всемерное сближение с Югославией вплоть до создания единого «государства-конфедерации». 16 марта 1948 г. лидер партии Э.Ходжа в беседе с посланником СССР в Тиране Д.С.Чувахиным настаивал на правильности политики КПЮ и обоснованности обвинений в отношении Спиру, используя при этом особую чувствительность Москвы к любым критическим высказываниям в ее адрес, не говоря уже о подлинных или мнимых проявлениях антисоветизма. «Нако Спиру, — убеждал Ходжа советского дипломата, — всячески старался демонстрировать свою просоветскую позицию, хотя на самом деле он много говорил "нехороших вещей" по адресу Советского Союза в кругу своих близких друзей»²⁴.

Между тем, к весне 1948 г. сложилась новая политическая конъюнктура в «треугольнике» Москва—Белград—Тирана. В ЦК ВКП(б) в феврале—марте 1948 г. уже расценивали политику Югославии в Албании негативно. Так, в беседе с лидерами Болгарии и Югославии 10 февраля 1948 г. И.В.Сталин, касаясь ситуации в КПА, недвусмысленно намекал: «...Некоторые круги одному из албанцев дали кончить самоубийством, а Энвер Ходжа хотят вышибить... не надо сапогом влезать в Албанию...»² Не менее жестко была оценена политика Югославии в отношении Албании и в закрытом документе аппарата ЦК ВКП(б) от 18 марта 1948 г.: «Ру-

ководители югославской компартии очень ревниво относятся к тому, что Албания стремится иметь непосредственные связи с Советским Союзом. По их мнению, Албания должна иметь связь с Советским Союзом только через югославское правительство. Югославские представители хозяйничают в этой стране, как в своей колонии»²⁶

Принципиальные перемены в советских оценках югославской политики в Албании не могли не повлиять и на отношение Москвы к «делу Спиру». В политическом отчете за 1947 г., подготовленном весной 1948 г., советское посольство уже расценило расправу с Н.Спиру и последовавшие за ней массовые чистки в партии и госаппарате, проведенные Э.Ходжей и К.Дзодзе под нажимом КПЮ на рубеже 1947 и 1948 гг., как освобождение «от тех лиц, которые в своей деятельности ориентировались на Советский Союз, которые поддерживали самые дружественные отношения с советскими представителями в Албании». Полную ясность в позицию советской стороны по этому вопросу внес В.М.Молотов в беседе с Ходжей 25 июня 1948 г.: «У нас сложилось впечатление, что в лице Нако Спиру Албания потеряла хорошего работника и друга СССР». Албанский лидер полностью солидаризировался с Молотовым и дал новую трактовку «дела» Спиру: «...Нако Спиру, видимо, явился жертвой интриг югославов... Он, Ходжа, совершил в тот момент ошибку, поддавшись влиянию югославов. Он поверил критике югославов. Все обстоятельства, включая также позицию, занятую Кочи Дзодзе, имели результатом его, Ходжа, враждебное отношение к Спиру. Самоубийство Спиру как бы оправдывало это отношение»²⁷.

Фамилия Дзодзе в монологе Ходжи прозвучала вовсе не случайно. Член Политбюро и секретарь ЦК КПА по оргвопросам, министр внутренних дел и сторонник албано-югославского сближения вплоть до объединения двух стран, Дзодзе был одним из главных официальных критиков «антиюгославской и антипартийной» деятельности Спиру. Теперь он стал удобной мишенью для разоблачений» югославских «троцкистов» и их сторонников в КПА.

Обвинение в троцкизме было задействовано на рубеже 40—50-х годов практически во всех партиях региона, и Албания в данном случае не являлась каким-либо исключением. Скорее всего, эта «кампания» шла в русле той «второй волны» арестов бывших троцкистов, представителей довоенной правой оппозиции, меньшевиков, эсеров и др., которая развернулась в СССР после издания совместной директивы МГБ и Прокуратуры СССР от 26 октября 1948 г. о возобновлении арестов тех, кто уже отбыл наказания за политические преступления и был освобожден²⁸.

При этом следует иметь в виду, что заимствованные из практики внутрипартийной борьбы в ВКП(б) обвинения в троцкизме в странах региона не несли в себе того идейного содержания, которое они имели в СССР в 20—30-е годы. Как считают российские исследователи, в 20—30-е годы левая оппозиция в ВКП(б), наибо-

лее активной силой которой оставался Л.Д.Троцкий, «являлась единственным течением, противопоставившим сталинизму свою идейную программу по всем коренным вопросам мирового коммунистического движения и социалистического строительства в СССР»²⁹.

В новых исторических условиях, сложившихся в компартиях стран Восточной Европы к концу 40-х годов, понятие «троцкизм» и обвинения в «троцкизме» использовались как средство политической расправы над теми, кто (самое большее) решался на критику конкретной политики руководства, или как инструмент разрешения межгрупповых противоречий и борьбы за личную власть.

Развернутый разбор позиции К.Дзодзе состоялся на пленуме ЦК КПА в сентябре 1948 г. Его обвинили не только в том, что, будучи проводником югославского «влияния», К.Дзодзе вел дело к закабалению» Албании Югославией и отрыву от СССР, но и в том, что будучи, министром внутренних дел, «внедрял в сознание работников системы госбезопасности мысль о том, что они являются передовым отрядом партии, стоящим над партией, и потому они должны контролировать всю работу партии»³⁰. Именно деятельность органов безопасности, которыми руководил Дзодзе, стала основным предметом критики в партии. Как докладывал Д.С.Чувахин В.М.Молотову 17 октября 1948 г., «работа органов госбезопасности подверглась уничтожающей критике на всех без исключения партактивах» за установление политической цензуры партийной переписки, не исключая и переписки Э.Ходжи, за недостаточный контроль процесса приема в партию и партийных решений на всех уровнях, за внедрение системы доносов и массовой агентуры среди коммунистов, создание атмосферы страха и т.п. Особое недовольство актива КПА, как показала работа пленума, вызывала практика управления со стороны органов безопасности процессом передвижения внутри формировавшегося слоя партийно-государственной номенклатуры. На пленуме ЦК КПА работа органов безопасности характеризовалась как «произвол и насилие над населением и коммунистами». Ряд выступивших ораторов «говорили о зверских пытках и убийствах в тюрьмах, об избиении ни в чем неповинных людей». При этом важно отметить, что проводилась прямая параллель между деятельностью Дзодзе и «палача Ранковича»³¹.

Очевидному столкновению интересов двух группировок в борьбе за верховенство во власти преднамеренно придавалась форма борьбы за внешнеполитическую переориентацию Албании исключительно на СССР и за ограничение всевластия органов безопасности. В действительности же речь шла, как и в других странах, об ограничении самостоятельности госбезопасности, о подчинении этих органов партии в лице «человека» Э.Ходжи — М.Шеху³² и концентрации таким образом всей полноты власти в стране в руках Ходжи. Сентябрьский пленум ЦК КПА, когда были разгромлены «идейные» позиции Дзодзе и его сторонников и ликвидированы возможности их участия в политической жизни, ускорил

процесс становления всеобъемлющей личной власти Э.Ходжи. Он стал существенным рубежом в оформлении политического режима в Албании по советскому образцу. Политическая судьба К.Дзодзе по сути дела была решена. В ноябре 1948 г. на I съезде КПА Дзодзе был исключен из рядов партии. В июне 1949 г. состоялся первый в регионе судебный процесс над «врагами народа» в рядах компартии. Дзодзе был вынесен смертный приговор. Его сторонники П.Кристо, В.Калеци и др. были приговорены к длительным срокам тюремного заключения. С конкретным содержанием приговора Э.Ходжа заблаговременно ознакомил Д.С.Чувахина как главу советской дипломатической службы в Албании³³.

Судебный процесс носил исключительно политический характер, обвинениям была придана острая антиюгославская направленность. Неслучайно Э.Ходжа в беседе с Д.С.Чувахиным 20 мая 1949 г. (за несколько дней до начала суда) настойчиво подчеркивал, что этот процесс должен стать «серьезным обвинительным актом против националистической троцкистской клики Тито»³⁴. Осуждение Дзодзе стало также первым по времени политическим процессом, облаченным в антититовские «одежды». По сути дела в Албании речь шла о ликвидации полицентризма в системе власти путем ограничения политической роли органов госбезопасности и концентрации всех властных функций в руках узкого круга лиц в партийных верхах, сменивших ориентацию с Белграда на Москву и сохранивших тем самым доверие советского руководства. Процесс по «делу» Дзодзе и первый смертный приговор одному из коммунистических лидеров в силу определенной изолированности страны, длительное время существовавшей как бы за «спиной» Югославии, оказались на периферии политической жизни формирующегося советского блока. Однако именно он, как показывают факты, открыл в регионе серию внутрипартийных репрессивных акций, облеченных в форму борьбы с носителями титоизма и базировавшихся на межгрупповой борьбе внутри партий.

В этом плане наибольшую огласку и значимость приобрела острая борьба внутри ППР вокруг фигуры ее генерального секретаря В.Гомулки. Несомненно, позиция, занятая Гомулкой весной 1948 г. по югославскому вопросу, стала импульсом к репрессированию лидера польской партии по «новому» варианту и во многом определила действия Москвы.

Советская сторона располагала информацией о наличии двух сформировавшихся и борющихся между собой группировок в узком руководстве ППР. Советский посол В.З.Лебедев в марте 1948 г. сообщал В.М.Молотову: «В руководстве ППР сложились и действуют две борющиеся друг против друга группировки: одна — вокруг Гомулки, включающая в себя лиц, зараженных польским шовинизмом, и другая — вокруг Минца, включающая в себя работников партии, которые во время войны находились в СССР и которые характеризуются своей явно "промосковской ориентацией"»³⁵. При этом посол отмечал: «Борьба между двумя группи-

ровками является фактом, но она еще держится внутри ЦК и наружу еще не проникла»³⁶. Тогда же, в марте 1948 г., советник посольства СССР в Варшаве В.Г.Яковлев, излагая свою беседу с членом Политбюро ЦК ППР Я.Берманом сообщал: «Берман и его друзья боятся, что фактическое существование двух лагерей станет известно тов. Сталину и понизит их авторитет в его глазах»³⁷.

Принцип размежевания в руководстве ППР посол связывал с местопребыванием конкретных польских коммунистов во время войны: группа В.Гомулки (М.Спыхальский, З.Клишко и др.) находилась в стране и возглавляла коммунистическое антигитлеровское подполье; группа Г.Минца (Я.Берман, Р.Замбровский и др.) — прибыла в Польшу после освобождения из СССР и изъявляла готовность следовать курсом Москвы. Линия Гомулки, по определению Лебедева, «явно тревожна из-за своего шляхетского духа». Окружение Гомулки «не удерживается от антисоветских высказываний и выпадов» и считает себя не московскими «агентами», а «настоящими поляками». «Группа Г.Минца, — считал Лебедев, — как всякая подобная группа, идет по ошибочному пути: борясь против польского шовинизма в партии, сама складывается как еврейская группа».

Какой вывод делал посол из своего анализа? «Путь выхода, по моему, только один. Нужно окружить Гомулку коллективом свободных от национализма товарищей... Нужно создать обстановку, при которой этот молодой деятель воспитывался бы в здоровом духе, а не с язвой национализма». При этом позиция Б.Берута, президента страны и формально беспартийного, имевшего особо доверительные контакты с И.В.Сталиным, определялась Лебедевым как линия «разумного сдерживания от крайностей обеих группировок»³⁸. Можно утверждать, что сведения, поступившие в Москву в начале марта от советского посла, были для высшего руководства СССР чрезвычайно важны.

Существовавшая и пока скрываемая от Москвы борьба двух группировок в польской коммунистической элите создавала для Сталина возможность использовать эту борьбу для достижения своих целей — в случае необходимости провести замену лидера ППР, использовав столкновение группировок внутри ЦК ППР. В таком случае ЦК ВКП(б) мог выступать в роли влиятельного посредника, верховного арбитра и тем самым, оставаясь в тени для внешнего мира и рядовых членов ППР, контролировать и направлять эту борьбу в соответствии с собственными интересами.

На этом, новом этапе интерес Москвы состоял в сосредоточении всей власти в ППР и стране в руках промосковской группировки, ибо последняя была готова безоговорочно принять участие в устранении Гомулки, остававшегося сторонником «польского пути к социализму», и немедленно строить «социализм по Сталину». Свидетельством такой готовности являлась систематическая подача «антигомулковской» информации в ЦК ВКП(б), источником которой были сами представители руководства ППР. В качестве примера можно привести беседу одного из идеологов и пуб-

лицистов партии Е.Борейши (Гольдберга) с советником посольства В.Г.Яковлевым 30 марта 1948 г., содержание которой в тот же день стало известно В.М.Молотову. Е.Борейша, информируя советского дипломата о двух группировках в польском руководстве ППР, дал существенные характеристики их лидерам: «...Гомулка, как вы знаете, националист, как и многие поляки». Берман и Минц характеризовались как «более спокойные и рассудительные люди, чем Гомулка»³⁹.

Поступавшая из Варшавы информация о «зараженности» Гомулки и его окружения националистическими настроениями во многом обусловила персонифицированную направленность вышеупомянувшегося документа «Об антимарксистских идеологических установках руководства ППР» от 5 апреля 1948 г. В нем утверждалось: «Исходной точкой для руководства ППР в приспособлении идеологической линии партии к национализму являлась постановка вопроса о коренном отличии развития Польши от Советского Союза... В.Гомулка делает упор на то, что общественно-политические изменения в Польше "совершены мирным путем"»⁴⁰. Теперь сотрудники аппарата ЦК ВКП(б) под руководством М.А.Суслова развернули против Гомулки его же аргументы о «специфическом пути Польши к социализму», в основе которых лежали идеи и формулировки И.В.Сталина, высказанные последним, в частности, в беседе с польскими руководителями 24 мая 1946 г. Этот «прием» был тогда же использован и при подготовке аналитического документа «О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии»⁴¹.

Подготовленный в ЦК ВКП(б) документ от 5 апреля 1948 г., хотя и носил характер служебной записки с грифом секретно, тем не менее, как показывает дальнейшее развитие событий, стал своеобразным сигналом для промосковской группировки к открытому выступлению против Гомулки. Столкновение началось на пленуме ЦК ППР 3 июня 1948 г., где Гомулка сделал доклад о традициях польского рабочего движения⁴². Был выдвинут тезис о том, что будущая единая рабочая партия должна будет воспринять накопленные социалистами традиции борьбы за национальную независимость Польши и отказаться от сектантско-догматических ошибок КПП.

Такие идеологические установки Гомулки, прозвучавшие на фоне обострения конфликта ЦК ВКП(б) и ЦК КПЮ и подготовки заседания Коминформбюро по югославскому вопросу, состоявшегося в июне 1948 г., позволили промосковской группировке выступить согласованно против генерального секретаря. 11 из 18 выступавших на пленуме членов ЦК ППР полемизировали с Гомулкой, упрекая его в некритическом отношении к наследию ППС. Последняя же расценивалась ими как «националистическая агента» в польском рабочем движении. Пытались с оговорками поддержать Гомулку только три члена ЦК ППР (Л.Марек, М.Турлейская, О.Длуский). Четверо обошли этот «вопрос» и среди них был член Политбюро ЦК ППР — Р.Замбровский⁴³. Работа пленума по-

казала, что конфликт в узком руководстве ППР стал явным. Позднее, 20 июня 1948 г. на заседании Коминформбюро в Бухаресте Я.Берман определил ситуацию «как серьезную опасность право-оппортунистического, националистического характера»⁴⁴.

Документы Архива Президента РФ показывают, что и та и другая группировка в начавшейся открытой схватке за власть искали поддержки и совета у Сталина. 11 июня 1948 г. Гомулка направил Сталину письмо с информацией о событиях на пленуме. Он не скрывал, что на пленуме «в руководстве ППР вскрылись серьезные разногласия идеологического порядка». Далее Гомулка сообщал, что предпринимает меры к тому, чтобы разрешить эти разногласия своими силами: «Если нам это в течение ближайших дней не удастся, разрешите обратиться к Вам за советом, так как затяжка разногласий может иметь очень серьезные последствия»⁴⁵.

Почти одновременно В.М.Молотов получил информацию В.З.Лебедева о беседе с Б.Берутом, состоявшейся 14 июня 1948 г. Берут расценивал выступление Гомулки на пленуме и затем 8 июня 1948 г. на Политбюро как «защиту позиций ППС» и как нарушение монолитности партии: «...Гомулка выступил по существу с защитой позиций ППС и не хочет сходить с них» и хотя, как говорил Берут, «все члены политбюро не согласны с утверждениями Гомулки», он (Берут) считал, что «положение стало тревожным. Гомулка пользуется большим авторитетом, и это не может не отразиться на дальнейшем политическом развитии страны»⁴⁶.

Следует отметить, что Берут считал необходимым сообщить в Москву и другие свои наблюдения за идеологическими спорами. По словам Берута, Гомулка увидел желание, в частности Бермана, «сшибить его (Гомулку. — *Авт.*), чтобы самому занять его положение». В заключение беседы Берут, как сообщал посол, хотя и высказал намерение своими силами преодолеть «свалившуюся на них трудность, даже если она примет наиболее тяжелую форму»*, но поставил вопрос о целесообразности своей поездки в Москву и встречи со И.В.Сталиным. Более того, и Гомулке было предложено известить Сталина обо всем случившемся на заседании Политбюро, что он и сделал 12 июня 1948 г.⁴⁷

Таким образом, Берут отказался от внешне демонстрируемого нейтралитета президента страны и по сути дела возглавил антигомулковскую группировку в руководстве партии. С этого времени Гомулка фактически был отстранен от дел, функции лидера партии стал исполнять остающийся все еще формально беспартийным Берут.

15 августа 1948 г. Берут имел продолжительную беседу со Сталиным, в ходе которой сформулировал основные претензии к Гомулке: примиренчество в отношении КПЮ; фальшивое понима-

* Подразумевалось нежелание В.Гомулки признать свои идеологические «ошибки».

ние традиций рабочего движения по вопросу о национальной независимости; «серьезный правонационалистический уклон, который проявился еще весной 1944 г.». Б.Берут предложил и организационные выводы в отношении В.Гомулки. 21 августа 1948 г. Гомулка был уволен Берутом, что вопрос о его освобождении с поста генерального секретаря ЦК ППР согласован с И.В.Сталины. В этих «заготовках» обвинений против Гомулки для Москвы было чрезвычайно важным соединением идейных обоснований (правонационалистический уклон) с позицией Гомулки по югославскому вопросу.

25 августа 1948 г., за несколько дней до официальной смены руководителя партии Молотов направил советскому послу указания, уточняющие пожелания Москвы: «Передайте Беруту, что мы считаем резолюцию Политбюро ППР о Веславе правильной. Хорошо бы дополнительно сказать, что линия недоверия к СССР, проводимая тов. Веславом, наносит серьезный ущерб интересам Польши, ослабляя ее политические позиции»⁴⁸. Пожелание было учтено: тезис о недоверии Гомулки к СССР был увязан с его колебаниями по вопросу создания Коминформа в сентябре 1947 г. и с его «примиренчеством» в отношении КПЮ.

Отстранение В.Гомулки от власти состоялось на пленуме ЦК ППР, заседавшем 31 августа — 3 сентября 1948 г., в ходе которого Гомулка вновь пытался отстаивать свои позиции. Он недвусмысленно ссылался на недавнюю поддержку И.В.Сталиным разделившейся многими руководителями компартий региона концепции национальных путей к социализму и пытался отвести от себя обвинения в «правонационалистическом уклоне». В этой связи он говорил: «...Я не ставлю под сомнение правильность определения народной демократии как формы диктатуры пролетариата, но... не считаете ли вы, что целясь в этом вопросе в меня, попадаете также и в кого-то иного. Не думаете над тем, что в конечном счете этот вопрос был тогда вопросом не только Польши, а всех стран народной демократии... и другие руководители стран подобным образом, если не аналогично, ставят вопрос народной демократии»⁴⁹. Под «кем-то иным» понимался скорее всего Сталин.

Но «споры» вокруг той или иной сущности народной демократии лишь прикрывали главное — подавление любых, даже самых незначительных проявлений инакомыслия в партии. Именно это Москва и усматривала в позиции лидера польской партии. Без сомнения, в Москве учитывали и «качественное» состояние партийных рядов ППР, куда после войны влились массы, ориентированные не на интернациональные, а прежде всего национальные традиции и ценности. Обвинения Гомулки в симпатиях к якобы мятежной Югославии становились инструментом и смены лидера, и «воспитания» кадров.

Таким образом, на «польском направлении» Москва достигла желаемого результата — был смещен с поста и изолирован крупный деятель коммунистического движения. Конфликту в руководстве ППР был придан только внутренний характер, смена поль-

ского руководства «не подлила масла в огонь» конфликта между ЦК ВКП(б) и ЦК КПЮ, хотя в решениях августовского пленума, поразительно созвучных с вышеупомянутым документом от 5 апреля 1948 г., был активно использован и антиюгославский «акцент».

Давление руководства ППР на В.Гомулку, остававшегося формально членом Политбюро ЦК ППР, с целью добиться от него «разоружения перед партией» было продолжено. Судя по письму посла Лебедева Молотову от 26 октября 1948 г., «дело» продвигалось с трудом. Уговорить Гомулку «работать заодно с руководством партии» не удалось. Пытаясь заставить бывшего лидера ППР «одуматься», Берут, исчерпав, по-видимому, все аргументы, предложил ему «попросить приема у товарища Сталина». Тогда, в конце октября 1948 г., Гомулка ехать в Москву отказался, заявив: «Теперь я труп, с чем я поеду?» Через месяц ситуация изменилась. На заседании Секретариата ЦК ППР 20 ноября 1948 г., продолжавшегося 4 часа, Гомулка, хотя и не скрывал своего намерения «полностью устраниваться от активной политической жизни», тем не менее дал согласие принять участие в приближавшемся объединительном съезде ППР и ППС и «выступить с положительной оценкой работы партии»⁵⁰. 9 декабря он был принят Сталиным.

Советское руководство добивалось согласия Гомулки остаться не только членом ЦК, но и членом Политбюро объединенной рабочей партии с тем, чтобы не выпустить его из-под партийного «присмотра» и исключить нарушение монополитности партии, предотвратив возможность создания вокруг него группировки недовольных новым курсом. Это со всей очевидностью вытекает из письма И.В.Сталина и В.М.Молотова Б.Беруту от 16 декабря 1948 г. о результатах беседы с Гомулкой в Москве 9 декабря: «У нас создалось впечатление, что у тов. Гомулки остались разногласия с ЦК, но он прячет эти разногласия, прикрывая их словами об обидах, и что он в беседе с нами вел себя не вполне искренне..., он не вполне еще освободился от своих ошибок и именно поэтому отказывается войти в состав руководящего органа партии — Политбюро ЦК. Все это заставляет нас прийти к выводу, что отношение т. Гомулки к партии и его искренность требуют дальнейшей проверки»⁵⁰. Решением съезда В.Гомулка был избран только в состав ЦК ПОРП. Здесь напрямую был учтен совет Москвы от 19 декабря 1948 г.: «...т. Гомулку следовало бы отставить в ЦК, а в Политбюро не вводить. Партия от этого не проиграет, а наоборот, может выиграть»⁵¹.

Между тем столь «мягкий» для большевистской практики вариант наказания «идеологического отступника» был только внешним. Еще в июле 1948 г. руководство ППР дало санкцию на «разработку» ряда лиц, через которых был возможен «выход» на В.Гомулку и М.Спыхальского для организации политического судебного процесса⁵². Речь шла в первую очередь о министре снабжения В.Леховиче и бывшем вице-министре А.Ярошевиче, коммунистах, работавших после войны в Демократической партии. В годы окку-

пации они находились под началом М.Спыхальского в разведке Гвардии Людовой — вооруженной организации ППР. В 1952 г. на следствии В.Гомулка показывал, что Лехович еще в межвоенное время «будто бы работал в пользу СССР»⁵³. Именно «с согласия и по поручению советской разведки», как считают польские исследователи, Лехович и Ярошевич взаимодействовали в годы войны с разведкой Армии Крайовой, подчинявшейся лондонскому правительству⁵⁴. Располагая такой информацией, польская госбезопасность планировала организовать «дело» о враждебной агентуре в партии.

В фондах Архива Президента РФ имеются материалы, свидетельствующие о тесном взаимодействии польских и советских спецслужб в подготовке этой акции. 5 октября 1948 г. И.В.Сталин получил донесение заместителя министра госбезопасности СССР С.И.Огольцова: «Докладываю, что в связи со вскрытием правооппортунистического и националистического уклона в руководстве ППР решением Политбюро ЦК ППР создана специальная негласная партийная комиссия (во главе с Б.Берутом. — *Авт.*) с задачей разработки ряда руководящих работников, связанных с Гомулкой и Спыхальским по работе в подполье в годы немецкой оккупации. По разработке проходят до 40 человек.

Упомянутая комиссия, исходя из имеющихся в ее распоряжении материалов, подозревает разрабатываемых в том, что они внедрены в ряды ППР иностранными разведками. 29 сентября с.г. Политбюро ЦК ППР решило начать аресты с 6 октября с.г. указанных лиц». Назывались в докладной записке В.Лехович, А.Ярошевич и начальник штаба Вроцлавского военного округа генерал-лейтенант Малек. Далее Огольцов излагал просьбу Б.Берута передать польской стороне необходимых «свидетелей» — Б.Гринкевича* и В.Бышека, находившихся в заключении на территории СССР⁵⁵. Ответ советского руководства, видимо, был положительным, так как оба упоминавшихся лица — Гринкевич и его заместитель Бышек — допрашивались в Варшаве на предмет доказательства «враждебной деятельности» Гомулки и Спыхальского⁵⁶.

Таким образом, развитие событий в Польше летом—осенью 1948 г. показало, что фактически была начата реализация Кремлем иного, по сравнению с югославским, варианта смены руководства в компартии. «Акция» против Гомулки, осуществлявшаяся руками Берута, Бермана и других, свидетельствовала, что, выведя на первый план противостояние и борьбу различных группировок в ру-

* Б.Гринкевич — член КПП, по поручению советской разведки взаимодействовал с разведкой Гвардии Людовой, и в частности с М.Спыхальским. Согласно следственным материалам, хранившимся в сейфе Б.Берута, «по поручению советской разведки и тогдашнего руководства партии вошел в нелегальную организацию "Меч и плуг"... созданную и руководимую гестапо через своих агентов» (Socha L. Op. cit. S. 58). После войны был арестован в СССР по обвинению в сотрудничестве с гестапо.

ководящей партийной верхушке по идеологическим вопросам, включая «югославский вопрос», можно достичь цели и избежать столкновения между ЦК ВКП(б) и руководством других компартий.

Осенью же 1948 г. со стороны ЦК ВКП(б) была предпринята попытка прозондировать ситуацию в КПЧ и выявить возможность запустить «польский вариант» кадровых перестановок в ее руководстве. Документы, готовившиеся в первой половине 1948 г. в аппарате отдела внешней политики ЦК ВКП(б), показывают, что советская сторона была явно неудовлетворена «недостаточно классовой позицией» руководства КПЧ по отношению к политическим противникам из рядов национально-социалистической, народной и демократической партий; сохранением в политической практике «парламентских иллюзий» и установок «на мирный путь Чехословакии к социализму»; пренебрежением «принципами большевизма в построении КПЧ» и т.д.⁵⁷

Для проведения «зондажа» Москвой был использован профессор Карлова Университета А.Кольман, который к 1948 г. возглавлял как «марксист-философ» отдел пропаганды ЦК КПЧ. Более 30 лет он прожил в Советском Союзе и, будучи преподавателем сначала Коммунистической Академии, а затем Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), активно участвовал в утверждении «марксистской идеологии» в советской науке и подготовке партийных кадров⁵⁸. Направленный в 1945 г. на работу в Прагу, он поддерживал тесные связи с советским посольством, являясь по сути дела его штатным информатором. Именно ему, А.Кольману, принадлежит данная в посольстве СССР весной 1948 г. характеристика КПЧ, как партии «не марксистской, не ленинской и не большевистской». Этот шаг Кольмана, предпринятый им в момент обмена письмами между ЦК ВКП(б) и ЦК КПЮ, стал известен К.Готвальду и Р.Сланскому и оценен ими как крайне опасный⁵⁹.

В начале сентября 1948 г., буквально несколько дней спустя после завершения августовского пленума ЦК ППР, А.Кольман подготовил статью для теоретического журнала ЦК КПЧ «Творба» под названием «За большевистскую самокритику в нашей коммунистической партии Чехословакии» и выступил с заявлением на собрании парторганизации ЦК КПЧ о том, что в «практическом руководстве партии» налицо правооппортунистические ошибки, аналогичные польским⁶⁰.

Если сопоставить содержание статьи Кольмана для «Творбы» с документом «О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии», подготовленном весной 1948 г. в ОВП ЦК ВКП(б), то нельзя не заметить общности направления разрываемой критики. Речь шла прежде всего о неправильном понимании классовой сущности КПЧ, недооценке классовой борьбы, отстаивании специфического пути Чехословакии к социализму, недооценке опыта ВКП(б), непродуманной кадровой политике. Такое совпадение позволяет сделать предположение о том, что импульс для выступления Кольмана был получен из Москвы. При этом интересно

отметить, что «атака» А.Кольмана была приурочена к моменту, когда К.Готвальд находился в Крыму на отдыхе, где предполагалась его встреча со Сталиным и обсуждение проблем дальнейшего развития страны.

Для советского руководства было весьма важно определить «степень прочности» единства в руководстве КПЧ. Поэтому и в выступлении Кольмана и в его статье, по сравнению с советским документом, был изменен объект критики. Руководство КПЧ здесь оказалось разделенным: критика Кольмана адресовалась лишь так называемому «практическому руководству» — Р.Сланскому, М.Швермовой и Г.Барешу. Готвальд же как председатель партии объявлялся «верным учеником Сталина», идеологом «нашей партии», который «поведет нас к социалистической республике»⁶¹. Однако предпринятая Кольманом попытка обозначить наличие в КПЧ правооппортунистического уклона встретила единодушный отпор членов президиума ЦК. На специальном заседании, состоявшемся 16 сентября 1948 г., выступление Кольмана было расценено как «вредное и фракционное». Ему от имени президиума было не только запрещено публиковать подготовленную статью, но и где бы то ни было выступать с пропагандой своих взглядов, в ней обозначенных⁶². Готвальд, находившийся в СССР, был информирован о сложившейся ситуации уже 17 сентября и использовал полученную информацию в беседе со Сталиным 22 сентября⁶³. К этому времени Москва располагала материалом, поступившим по дипломатическим каналам: временный поверенный в делах СССР в Чехословакии М.Хазанов сообщал, что после «событий в Югославии и Польше... руководящие работники ЦК Компартии Чехословакии стали признавать, что в партии имеют место правооппортунистические теории о мирном развитии к социализму». Нельзя исключить, что такая информация была получена Хазановым через Кольмана, хотя для подтверждения ее Хазанов приводил выступление секретаря ЦК КПЧ В.Широкого, который якобы утверждал, что «у некоторых руководящих кадров появились иллюзии, что историческая февральская победа автоматически гарантирует спокойное, ничем не нарушаемое развитие к социализму»⁶⁴. Однако у авторов нет данных, что именно это сообщение было задействовано И.В.Сталиным в беседе. Более того, реакция верхушки КПЧ на действия Кольмана показала, что в этот период внутри правящей группировки в Чехословакии не наблюдалось острых противостояний, которые могла бы использовать советская сторона в своих интересах. В таких условиях фигура Кольмана оказывалась не нужной, особенно в Праге. Кольман был срочно отозван в Москву и арестован.

Арест Кольмана и его дальнейшая судьба подтверждают участие советской стороны в «проверочной акции» 1948 г. Кольман находился под арестом без суда около 3-х с половиной лет. Только в феврале 1952 г. советские спецслужбы вспомнили о нем. Глава МГБ СССР С.Д.Игнатьев информировал И.В.Сталина специальным письмом, что в МГБ содержится А.Кольман, которого по его

(Игнатьева) мнению следовало бы, как особо опасного преступника, осудить к ссылке в отдаленные районы СССР⁶⁵. Но последовало совсем иное решение. К апрелю 1952 г. Кольман был освобожден и обратился в ЦК ВКП(б) к Г.М.Маленкову с просьбой возвратить партийный билет члена ВКП(б), сданный в 1945 г. на хранение в ЦК ВКП(б) при выезде в Чехословакию, выдать советский паспорт, предоставить жилплощадь в Москве и оказать содействие в доставке библиотеки и личного имущества из Праги. Уже в апреле положительно были решены все вопросы, кроме возвращения партбилета. Последний вопрос был передан на рассмотрение Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б)⁶⁶.

Таким образом, во второй половине 1948 г. «вариант Гомулки» не мог быть применен в Чехословакии. Более того, итоги встречи К.Готвальда со Сталиным осенью 1948 г. в Крыму породили у чехословацкого руководства определенные надежды, что Готвальду удалось ценой корректировки некоторых направлений внутренней политики отстоять ориентацию «на специфический путь Чехословакии к социализму». Речь шла прежде всего о том, что руководство КПЧ, признав тезис об обострении классовой борьбы, будет проводить политику ограничения и вытеснения капиталистических элементов и обеспечит классовую чистку государственного и экономического аппарата путем замены «старого» «дофевральского» чиновничества новыми рабочими кадрами, в первую очередь коммунистами.

Однако историческая реальность конца 1948 — начала 1949 г. свидетельствовала об иллюзорности подобных надежд. К этому времени в политике советского руководства совершенно четко определился переход от ждановских политико-дискуссионных акций к жестким силовым методам обеспечения идеологического контроля над обществом и сохранения «идейной чистоты» партии на принципах большевизма. Теперь, как и в 30-е годы, в СССР неотъемлемую составную часть пропагандистской кампании аппарата ЦК ВКП(б) составляли сфабрикованные в органах госбезопасности политические «дела» и инсценированные на их основе судебные процессы⁶⁷.

Эти же силовые методы по мере обострения советско-югославского конфликта и его интернационализации стали переноситься в общественную жизнь стран Восточной Европы. Как показывают материалы российских архивов, из верхних эшелонов национальной политической элиты (через советские посольства, советников, сотрудников секретариата Информбюро и напрямую лично И.В.Сталину, Л.П.Берии, М.А.Сулову, Г.М.Маленкову и др.) непрерывным потоком шла секретная информация о ситуации в руководстве партий, о настроениях отдельных лидеров с обвинениями их в «национализме», в «недооценке роли СССР», в «связях с Тито», в «шпионаже в пользу Югославии» и т.д.

Именно с такого рода информации начинались в 1949 г. «дела» Т.Костова в Болгарии и Л.Райка в Венгрии.

Как уже выше отмечалось, еще в мае 1948 г. из Софии через советского военного советника генерал-лейтенанта Петрушевского была получена информация относительно позиций члена Политбюро, секретаря ЦК БРП(к) Т.Костова, члена Политбюро, министра внутренних дел А.Югова и члена ЦК и министра финансов И.Стефанова, которые, по словам болгарского генерала И.Кинова, недооценивали роль СССР в деле освобождения Болгарии. Это сообщение с вниманием было встречено в Москве. 6 и 7 декабря 1948 г. состоялись две встречи советских и болгарских руководителей (Г.М.Димитрова, Т.Костова и В.Червенкова) в Кремле. И.В.Сталин 6 декабря поставил вопрос о недоверии Т.Костова и А.Югову. Причины этого крылись в намерении Т.Костова, опираясь на принятый в 1948 г. закон о государственной тайне, ограничить доступ советских представителей к информации экономического характера и добиться того, чтобы такая информация направлялась в Москву только через него. Описывая встречу 6 декабря в своем дневнике, Г.М.Димитров отметил: «Много и остро Сталин критиковал Трайчо за отказ [предоставлять информацию] непосредственно советским экономическим советникам в Болгарии. Это по сути дела тождественно случаю с Тито». Передавая слова И.В.Сталина, он записал: «Именно с этого начался наш конфликт с Тито»⁶⁸.

9 декабря 1948 г. Политбюро ЦК болгарской компартии, заслушав сообщение Г.Димитрова о критике И.В.Сталиным Т.Костова, признало, что последний «допустил серьезную и грубую политическую ошибку». Было принято решение осудить практику Т.Костова и сведения советской стороне предоставлять незамедлительно. 27 декабря И.В.Сталин был специально уведомлен об этом решении⁶⁹.

В январе 1949 г. в Москву пришла очередная информация Петрушевского, которая сразу же была направлена Сталину. В поступившем из Софии документе еще раз подтверждалось сообщение Кинова о наличии в руководстве БКП и болгарской армии группы лиц, считавших, что Болгария самостоятельно своими силами добилась в сентябре 1944 г. освобождения и «своими силами может проводить строительство государства», что «она может идти по своему особому пути»⁷⁰. При этом со ссылкой на мнение генерала Кинова, постоянного собеседника Петрушевского, давалась политическая оценка этой группировке, включавшей как представителей Политбюро ЦК БКП и членов правительства (Т.Костов, А.Югов, Г.Чанков), так и представителей армии, — «дело идет к титовщине»⁷¹.

Советский советник в своей информации отчетливо обозначил наличие в политическом и армейском руководстве Болгарии двух противостоявших группировок. Отношение к СССР («Димитров со мной всегда советовался, а Костов не вызвал ни разу») было взято им за принцип определения группировок и их характеристик.

В действительности же размежевание в высшем правящем эшелоне Болгарии и образование группировок (как и в ряде других стран региона) шло не по реальному отношению к СССР (антисоветчиков в коммунистической элите не было), а по принципу: где был во время войны — в Москве (Г.Димитров, В.Коларов, В.Червенков, П.Дамянов, И.Кинов) или в стране в подполье (Т.Костов, А.Югов, Г.Чанков, Б.Былгаранов, Д.Джуров, С.Трынский).

Генерал Петрушевский не скрывал своего положительного отношения к «московской» группировке, определяя членов второй группировки как «националистов».

Весной 1949 г. в связи с резким ухудшением здоровья Г.Димитрова, пользовавшегося неоспоримым авторитетом в болгарской компартии, а затем отъездом его в Москву на лечение, борьба группировок за лидерство в стране обострилась. Неудивительно, что «дело Костова» стало набирать обороты. В.Коларов на заседании Политбюро ЦК БКП 7 марта 1949 г. предложил сделать «случай» с Костовым «достоянием всего ЦК и как можно скорее достоянием всей нашей партии». Эта инициатива была активно поддержана В.Червенковым, Т.Черноколевым, Д.Терпешевым, А.Юговым⁷². Решительно отмежевавшись от Т.Костова, на этом заседании А.Югов, как показали дальнейшие события, вывел себя из под удара.

Принимая решение об удалении Т.Костова из состава Политбюро, руководители БКП объяснили ему, что «этого хотят ответственные товарищи из ЦК ВКП(б)».

Видимо, это объяснение стало известно в Москве.

Такая «откровенность» не устраивала советское политическое руководство, не желавшее выставлять напоказ свое участие в создании «дела Костова». Поэтому реакция Москвы не заставила себя ждать.

25 марта 1949 г. посол СССР в Болгарии М.Ф.Бодров получил указание из Кремля: «...Передайте в ЦК Болгарской компартии следующее: до нас дошли слухи, что Костов снят с поста зампреьера и выведен из состава ПБ ЦК БКП будто бы согласно желанию ЦК ВКП(б). Считаем нужным заявить, что такие слухи совершенно не соответствуют действительности, так как никогда ЦК ВКП(б) такого пожелания не высказывал. Наоборот, после устных объяснений Т.Костова в ЦК ВКП(б) в присутствии т. Димитрова* ЦК ВКП(б) признал, что вопрос о поведении Костова в связи с запрещением им дачи хозяйственной информации нужно считать исчерпанным. Что касается каких-либо других мотивов, приведших к снятию Т.Костова с указанных постов, то ЦК ВКП(б) считает, что подобное решение является делом самого ЦК КП Болгарии. Просим познакомить с этим письмом Т.Костова. ЦК ВКП(б)»⁷³.

* Имеется в виду встреча от 7 декабря 1948 г.

Идею о том, что вопрос «о государственной тайне» исчерпан после того, как Т.Костов признал свою «ошибку», И.В.Сталин проводил и в беседе с В.Червенковым и А.Юговым 13 апреля 1949 г. в Москве, состоявшейся уже после пленума ЦК БКП, где В.Коларов 26 марта 1949 г. сделал доклад о политических и антипартийных ошибках Костова. Сталиным накануне беседы этот доклад был получен. Его содержание, без сомнения, раскрыло советскому лидеру потенциальную ситуацию в Политбюро ЦК БКП: возникновение в случае смерти Димитрова перспективы прихода к власти человека не из московской «команды». Из текста доклада Коларова со всей очевидностью также вытекало, что Костов верхушкой БКП уже «назначен» в качестве объекта преследования. В фигуре этого партийного деятеля, выдвигавшегося на лидирующие позиции в руководстве партии и отличавшегося высокой образованностью и интеллигентностью, Коларов и другие увидели своего главного конкурента на пост главы БКП. Охарактеризовав Костова как «опасного человека», Сталин дал понять собеседникам — Червенкову и Югову, что он сделал свой выбор⁷⁴. Это уже был своего рода сигнал болгарской стороне к действию. Таким образом, судьба Костова была отдана полностью в руки «московской» группировки во главе с Коларовым и Червенковым. Хотя «вопрос» о Костове уже рассматривался на пленуме ЦК БКП 26—27 марта 1949 г., ему вплоть до ареста Костова не был придан общепартийный и общегосударственный масштаб. 23 и 26 мая 1949 г. по советским дипломатическим и коминформовским каналам в Москву поступила информация о том, что «многие (болгарские. — Авт.) коммунисты в частных беседах высказывают недоумение по поводу того, что в печати не было приведено конкретных данных в отношении антисоветской деятельности Костова., что коммунисты не были убеждены в антисоветских и националистических действиях Костова», «что руководители БКП до сего времени не наметили определенного решения по делу Костова»⁷⁵. Состоявшийся 11—12 июня пленум ЦК БКП дал ответ на эти «упреки». Костов был обвинен в антисоветских настроениях, националистическом уклоне, антипартийной фракционности, недоверии к ЦК ВКП(б)⁷⁶. Вскоре, 20 июня 1949 г., за две недели до смерти Г.М.Димитрова, Костов был арестован болгарской службой безопасности. И в следственном процессе, и в разработке концепции «дела» Костова активнейшее участие приняли командированные в Софию сразу после ареста в качестве советников высшие офицеры МГБ СССР — генерал Л.Л.Шварцман (Чернов) и заместитель начальника следственной части по особо важным делам полковник М.Т.Лихачев⁷⁷.

По «делу» Костова были арестованы и проходили И.Стефанов, Н.Павлов, Н.Начев, И.Иврекков, И.Тужев, В.Ивановский, Б.Христов, бывший советник югославского посольства в Болгарии Б.Хаджи-Панзов и др. Протоколы их допросов так же, как и показания Т.Костова, поступали в оригинале и переводе в Москву, И.В.Сталину⁷⁸.

Следует отметить, что лица, проходившие по «делу» Костова, были видными деятелями народного хозяйства, в свое время получившими образование на Западе и занимавшими ключевые экономические посты еще до 9 сентября 1944 г.⁷⁹ На состоявшейся 29 июля 1949 г. беседе В.Червенкова, Г.Дамянова (министр оборонной Болгарии) и А.Югова с И.В.Сталиным «дело» Костова обсуждалось довольно подробно. Советский лидер расставил акценты в этом «деле». Он увязал его с необходимостью проведения чисток и удаления «старых специалистов, которые испорчены дурными навыками старого общества», и охарактеризовал Костова как иностранного агента, при этом указав на Югославию, «где сейчас много американских и английских агентов, от которых требуют сведений и службы... В этом нет ничего исключительного. В том, что делается в этом отношении в Болгарии, ничего нет удивительного... История с Костовым поможет очиститься от этих агентов и вообще от враждебных элементов»⁸⁰.

Как следует из докладной записки министра госбезопасности СССР В.С.Абакумова И.В.Сталину от 3 сентября 1949 г., советская сторона добивалась, чтобы в процессе следствия на первый план было выдвинуто в качестве стержневой идеи «дела» Костова «...вскрытие его преступных связей с группой Тито», а не «связи» Костова с болгарской полицией до войны, как считали «малоопытные», по мнению МГБ СССР, болгарские следователи. Абакумов просил Сталина передать в Болгарию В.Червенкову и министру внутренних дел Р.Христову, что именно выявление связей с Тито должно стать решающим направлением в следствии по делу Т.Костова⁸¹. По-видимому, в связи с выработкой обвинительного заключения в Софию в сентябре 1949 г. выезжал зам. министра госбезопасности СССР С.И.Огольцов⁸².

Указания Москвы нашли свое отношение в обвинительном заключении, составленном генералом Шварцманом на русском языке. Костову инкриминировалось проведение «преступной работы против СССР и болгарского народа», «подрывной работы против Г.М.Димитрова для того, чтобы стать во главе Болгарской компартии и правительства и осуществить отрыв Болгарии от Советского Союза». Констатировалось, что в результате деятельности Костова «националистическая опасность приняла широкие размеры и могла привести к проявлению титовщины в Болгарии»⁸³.

Москва взяла на себя «специальное обеспечение» судебного процесса. Во второй половине октября 1949 г. в Софию по просьбе правительства Болгарии было «направлено три полка внутренних войск, один из Москвы и по одному из Киева и Минска с целью оказания помощи в обеспечении государственной безопасности республики при проведении судебного процесса над Трайчо Костовым»⁸⁴. По свидетельству прямого участника этой операции А.Медведева, перед переодетыми в гражданское платье советскими военнослужащими были поставлены следующие задачи: «С наступлением темноты и до рассвета взять под охрану ЦК БКП, Народное собрание, радиоцентр, политическую тюрьму, Совет Ми-

нистров, бани, дачу В.Червенкова и другие объекты». До середины января 1950 г. по ночам* охрану всех важнейших государственных и партийных учреждений Болгарии несли советские военнослужащие.

14 декабря 1949 г. болгарский суд вынес приговор 11 обвиняемым по «делу» Костова. Костов был приговорен к смертной казни через повешение, трое обвиняемых — к пожизненному заключению, трое — к 20 годам тюремного заключения, двое — к 15 годам и один — к 8 годам заключения.

В.Червенков, устранивший тем самым своего главного конкурента в борьбе за верховную власть в стране, еще до суда — 12 декабря 1949 г., — направил Сталину информацию о предстоящем приговоре с весьма характерной припиской: «Если есть замечания, просьба нам сообщить об этом»⁸⁵. Москва замечаний не высказала, и приговор был приведен в исполнение⁸⁶.

«Дело» Т.Костова, в связи с которым находилось под следствием и было привлечено к суду более 1000 чел.⁸⁷, дало импульс к массовым чисткам партийно-государственного аппарата в Болгарии, но не оно стало «бикфордовым шнуром» к массовым репрессиям в других партиях под лозунгом поиска «врага с партийным билетом». Такую роль сыграл процесс Л.Райка в Венгрии, «дело» которого было «интернационализировано» и выведено за рамки страны усилиями венгерской и советской сторон. Поиски «партинеров» Л.Райка — «агента Тито» в руководствах восточно-европейских компартий давали ЦК ВКП(б) возможность уничтожить политически (а нередко и физически) тех лидеров, в преданности которых в Москве по разным причинам возникали сомнения. Такой путь был избран И.В.Сталиным для идейной унификации компартий региона и выполнения роли арбитра в борьбе группировок национальных элит. Венгерской же правящей элите, в первую очередь М.Ракоши, это позволяло, с одной стороны, освободиться от реального политического конкурента, а с другой — занять особое место при Сталине, став «первым лицом» среди лидеров восточно-европейских компартий.

Казалось бы, в Венгрии все развивалось по «варианту Т.Костова». В августе 1948 г. советский посол в Венгрии Г.М.Пушкин информировал Москву о том, что министр транспорта и связи

* По воспоминаниям А.Медведева, «вечером службу было нести трудно, так как на улицах был народ, а вот ночью, когда, кроме милиции, на улицах нет никого, сложнее — разговаривать нельзя, отвечать на вопросы нельзя. Люди (да еще по двое) в ночное время, естественно привлекали внимание милиции. Как быть? Выход нашли — каждой патрульной паре выдавали удостоверение на болгарскую фамилию, имя и отчество, удостоверение без фотографии, подписанное министром внутренних дел НРБ. В удостоверении было написано: "Разрешается беспрепятственный проход во все государственные учреждения. Категорически запрещается спрашивать другие документы, подтверждающие личность". Эти удостоверения выручали...» (Совершенно секретно. № 11. 1990. С. 21).

Э.Гере, в беседе с ним 2 августа, сообщил о перестановках в венгерском правительстве. Конкретно, речь шла об освобождении Л.Райка от обязанностей министра внутренних дел, которые он выполнял с марта 1946 г., и поручении ему возглавить МИД страны. Гере мотивировал отставку Райка «бонапартистскими тенденциями» в политической практике последнего, попытками ликвидировать партийную организацию в МВД Венгрии и «недружелюбным отношением к Советскому Союзу». По словам Гере, это последнее Райк отрицал⁸⁸.

Однако 16 августа М.Ракоши еще раз акцентировал внимание Г.М.Пушкина на недружелюбном отношении Л.Райка к СССР, как главной причине его перевода в МИД. Такая целенаправленная информация вызвала беспокойство советского посла: «...Я заметил Ракоши, — сообщил Пушкин в Москву, — что вряд ли он поступил правильно, сказав Райку, что это являлось основной причиной освобождения Райка с поста министра внутренних дел. У Райка, видимо, создалось впечатление, что его удалили... по нашему требованию, а это не так. Я сказал Ракоши, что это будет мешать нашей совместной работе с Райком, особенно учитывая то, что он является министром иностранных дел»⁸⁹.

Реакция Пушкина на сообщение М.Ракоши позволяет сделать предположение, что фигура Райка в качестве потенциальной жертвы оказалась несколько неожиданной для советской стороны. Здесь инициатива принадлежала именно Ракоши, и на это были свои причины. Известно, что еще в марте 1948 г. в аппарате ЦК ВКП(б) был подготовлен документ «О националистических ошибках руководства Венгерской коммунистической партии и о буржуазном влиянии в венгерской коммунистической печати», где М.Ракоши, М.Фаркаш (второе лицо в партии, министр обороны) и Й.Реваи (один из секретарей ЦК ВКП) обвинялись в том, что они «игнорируют Советский Союз», «стараются умолчать о нем», допускают «националистические ошибки»⁹⁰. Из текста со всей очевидностью вытекает, что центральным объектом критики ЦК ВКП(б) был избран сам Ракоши, так же, как в аналогичных записках по ситуации в польском и чехословацком руководствах — соответственно В.Гомулка и К.Готвальд⁹¹. Но в течение 3—4 месяцев Ракоши смог «перевести стрелку» на Райка.

Выбор Ракоши фигуры Райка был совсем неслучаен. Райк (сначала — секретарь парторганизации Будапешта, где сосредотачивались основные партийные кадры, затем — глава МВД) мог быть реальным конкурентом Ракоши на политическое лидерство в партии. Будучи министром внутренних дел Венгрии, он контролировал политическую ситуацию в стране и партии. У него был авторитет подпольщика-антифашиста и узника концлагерей. Более того, Райк имел самостоятельные контакты с Москвой по линии МВД⁹². Именно Райку принадлежала инициатива создания политической полиции весной 1947 г. для оказания компартии содействия в борьбе с политическими противниками. Как заявил тогда начальник полиции Г.Петер, в организации института политичес-

кого сыска «большую помощь оказал нам генерал Белкин»⁹³. Это свидетельствует о том, что венгерская политическая полиция была напрямую, минуя руководство ВКП, связана с советской военной контрразведкой, что не могло не вызывать раздражения Ракоши. 16 мая 1949 г. посол СССР в Будапеште Г.М.Пушкин информировал сотрудника аппарата Информбюро С.Г.Заволжского: «У т. Ракоши в последнее время наметился конфликт с политической полицией. Венгерская политическая полиция еще неопытна, молода, но главное — она предана Советскому Союзу.

Ракоши хотел бы иметь полицию, полностью преданную ему, вне связи с Советским Союзом, или в крайнем случае связь должна проходить только через него»⁹⁴. Между тем Л.Райк, даже оставив пост главы МВД, сохранил в политической полиции «своих людей», осуществлявших контакты с Москвой (полковник Сюч)⁹⁵.

Кроме того, Райк был заметной фигурой в международном коммунистическом движении, прошел школу политической эмиграции, участвовал в боях в Испании, после поражения испанских республиканцев находился в концлагерях во Франции и Германии.

Тем не менее Москва, в конечном счете, заняла сторону М.Ракоши. Скорее всего решающую роль в этом выборе сыграл тот факт, что Райк после войны не прибыл с «московским обозом» (как Ракоши), а возвратился в Венгрию в мае 1945 г. из концлагеря в Германии. По-видимому, фигура Райка как главного объекта возможного процесса заинтересовала Москву. В канцелярии Информбюро в апреле 1949 г. была подготовлена «Справка на члена Политбюро и Оргбюро ЦК ВПТ Л.Райка», содержащая компрометирующие его факты. Материалы Коминформа, хранящиеся в РГАСПИ, свидетельствуют, что подобные справки составлялись в аппарате Коминформа на всех ведущих деятелей комдвижения. Однако время составления справки на Райка (начало апреля 1949 г.) позволяет сделать предположение о причине появления данного документа. Поскольку в справке были приведены материалы, переключившиеся с той информацией, которую направлял в Москву Ракоши, есть все основания считать последнего «первоисточником» и этого документа⁹⁶.

Реакция Москвы на фактически предлагавшегося ей «главного фигуранта» будущего политического процесса в Венгрии оставалась для Ракоши неясной вплоть до конца мая 1949 г. Это подтверждается телеграммой Ракоши М.А.Суслову, отправленной 23 мая: «...Мы назначаем тов. Райка Ласло, члена нашего секретариата, участвовать в работе заседания Секретариата Информбюро...»⁹⁷ Объяснение этому, вероятно, следует искать в том, что в Москве в отношении самого Ракоши все еще не было принято окончательного решения. Это можно подтвердить негативными оценками действий Ракоши послом Пушкиным весной 1949 г. 16 мая посол, в частности, сообщал в Москву: «В конце прошлого года политическая полиция начала разрабатывать троцкистов — членов Венгерской партии трудящихся, в том числе и бывших членов компартии. Ракоши в этот период времени находился в отпус-

ке в Москве, где ему было сказано, что партия не обращает должного внимания на троцкистов. После приезда из Москвы Ракоши потребовал установить: "Кто передал русским материалы и как передали?" Когда политической полицией был передан ему материал, посланный в Москву, Ракоши заявил, что его хотя бы скомпрометировать и поссорить с ВКП(б). Здесь у Ракоши... не большевистская позиция по отношению к троцкистам... Ракоши запретил по существу политической полиции заниматься разработкой троцкистов (политическая полиция по заданию наших органов продолжает разработку)...»⁹⁸

Тем не менее 30 мая 1949 г. Л.Райк был арестован венгерской службой безопасности⁹⁹. Так что же произошло во второй половине мая 1949 г.?

11 мая 1949 г. в Праге органами госбезопасности Чехословакии был арестован американский гражданин, журналист Ноэль Фильд, симпатизировавший левым, но не являвшийся членом Компартии США. В 30-е годы Н.Фильд работал в Госдепартаменте США и был завербован советской разведкой, с которой взаимодействовал до 1937 г. Во время войны он находился в Швейцарии, где руководил религиозной благотворительной организацией, помогавшей эмигрантам-коммунистам и антифашистам. В 1943 г. советская разведка попыталась восстановить связь с Фильдом, но получила твердый отказ. После войны Фильд длительное время (по официальной версии) с благотворительными целями находился в Венгрии и Польше, где занимался сбором сведений об экономической и социальной ситуации в этих странах. Есть сведения, что такого рода информацию Фильд получал и из Чехословакии¹⁰⁰.

Осенью 1948 г. Фильд обратился в Прагу за разрешением въезда в Чехословакию. С этого времени органы госбезопасности ЧСР начали за ним наблюдение, которое усилилось зимой 1949 г. Сразу же после приезда в Прагу 11 мая 1949 г. Фильд и был арестован*. Формальным инициатором ареста выступил М.Ракоши, но то обстоятельство, что просьба Ракоши была поддержана начальником управления контрразведки МГБ СССР при Центральной группе советских войск, генерал-лейтенантом М.И.Белкиным, позволяет сделать вывод, что фигура Фильда была избрана по согласованию с Москвой, если не по ее указанию. Подтверждением этого является и согласие К.Готвальда на арест Фильда в Праге и передачу его венгерским органам безопасности¹⁰¹. Нельзя исключить, что в Москве припомнили Фильду его отказ (1943 г.) возобновить сотрудничество с советской разведкой.

Широкие международные контакты Фильда в коммунистической среде позволяли превратить его в необходимое связующее звено между «империалистами» и частью коммунистических функ-

* Н.Фильд находился в заключении в Венгрии до ноября 1954 г., затем был реабилитирован и проживал в Венгрии. Умер в 80-е годы (Błazyński Z. Mówi Józef Światło. Za kulisami bezpieki i partii. W-wa, 1990. S. 240).

ционеров ряда стран Восточной Европы, включая Югославию. Тем самым открывалась возможность замкнуть цепь и расширить репрессивные акции на целый ряд компартий под знаком борьбы с «англо-американскими шпионами» и «агентами Тито».

В Будапеште Н. Фильд дал показания о том, что в 1943 г. в Швейцарии им были завербованы некоторые венгерские коммунисты-эмигранты. Еще до ареста Фильда, в конце апреля 1949 г. в Будапеште был арестован член ЦК ВПТ, заведующий отделом кадров ЦК Т. Сеньи. На основании показаний Фильда 18 мая 1949 г. был арестован заместитель заведующего отделом кадров ЦК А. Салаи и ряд других членов партии. На допросе Сеньи признал факт вербовки Фильдом и сообщил о связи его с Л. Райком¹⁰².

Тогда же, в мае 1949 г., в Будапеште был арестован атташе югославского посольства Боаров. Боаров в свою очередь дал сведения о связи Л. Райка с югославским коммунистом Л. Бранковым. Бранков, в недавнем прошлом советник югославского посольства в Венгрии, в сентябре 1948 г. объявил о разрыве с КПЮ. Являясь агентом Комитета информации (объединенная военно-политическая советская внешняя разведка), Бранков выдал Москве более 40 югославских агентов в Венгрии. Ракоши же он назвал 2—3 имени, чем навлек «гнев» венгерского лидера. Ракоши поставил перед Москвой вопрос о необходимости ареста Бранкова венгерской службой безопасности. Москва, пытаясь не выпустить из своих рук «нужного» человека, «отозвала его в СССР»¹⁰³. Арестованный и допрошенный в Москве в июне 1949 г. Бранков «развил» компромат на Райка, признав, что якобы является связником между Райком и А. Ранковичем, возглавлявшем органы безопасности Югославии. Один из необходимых для М. Ракоши результатов тем самым был достигнут. Соответствовала, безусловно, интересам Ракоши и происшедшая в конце июня 1949 г. смена советского посла в Венгрии. Симптоматично, что в дипломатическом корпусе в Будапеште отзыв Г. М. Пушкина был воспринят как некое наказание за «отсутствие необходимой бдительности» относительно ситуации в Венгрии¹⁰⁴.

К середине июня 1949 г. следствие по «делу Райка», которое вели венгерские следователи, «было совершенно запутано». Как свидетельствовал в 1954 г. арестованный бывший начальник следственного отдела управления госбезопасности МВД Венгрии Д. Дечи, «уже никто не мог разобраться, где правда, где ложь». Следствие находилось в тупике. Такая ситуация, по словам Д. Дечи, была порождена применением жестоких пыток, под воздействием которых получались самые неправдоподобные показания. Как позднее, в феврале 1954 г., признавал Э. Гере, в венгерской госбезопасности «господствовала порочная система т.н. «концепционных протоколов», суть которых сводилась к выдуманной следствием подробной схеме событий и фактов, якобы имевших место, которые обвиняемый мог только подписать. Если это не делалось сразу, то дознания, допросы и меры физического воздействия продолжались до тех пор, пока обвиняемый не подписывал

весь этот нагроможденный и выдуманный вздор». Как утверждал Дечи, участвовавшие в допросах Г.Петер и М.Фаркаш давали указания «избивать Райка». Другой бывший венгерский следователь, М.Карои, в 1954 г. говорил: «Я еще не видел таких избиений в УГБ»¹⁰⁵. По свидетельству Д.Дечи, избиения прекратились после приезда советских советников*. В конце июня 1949 г. в Будапешт по просьбе венгерского руководства прибыли генерал М.И.Белкин и полковник МГБ СССР Н.И.Макаров¹⁰⁶. Белкин и Макаров по прибытии в Будапешт немедленно сообщили в МГБ СССР, что «показания по делу Райка требуют тщательной проверки, так как допросы велись неправильными методами, широко применялись физические меры воздействия и угрозы... Следствие по этому делу направлялось и руководилось непосредственно Ракоши». По информации Белкина венгерские следователи «совершенно сознательно при допросах применяли к арестованным крайние меры физического воздействия (без учета определенных границ и последствий)»¹⁰⁷.

Из приведенного фрагмента сообщения советников видно, что Белкина, как представителя МГБ СССР, беспокоили не столько факты применения пыток, сколько то, что их применение вело, по его словам, «к явно фантастическим показаниям» арестованных. Это мешало, по мнению Белкина, вести результативно следствие в нужном направлении. Советские советники изложили Москве свое понимание сложившейся в Будапеште ситуации. Они подчеркивали, что М.Ракоши принимает прямое участие в разработке «концепции» следствия, и считает, «что дело Райка не должно носить политического характера в смысле внутривенгерской политики. Для венгров надо, чтобы Райк и другие обвиняемые не выглядели как троцкисты, националисты, с этих позиций ведущие борьбу в партии, а чтобы они выглядели как обычные провокаторы и шпионы. М.Ракоши совершенно сознательно рассчитывает и хочет, чтобы венгерские органы безопасности в деле Райка и других арестованных позволили себе определенную натяжку». М.Ракоши — делали вывод советники — хочет получить от арестованных признания в том, что они готовили его убийство и являлись англо-американскими шпионами, связанными с Й.Тито, М.Джиласом и А.Ранковичем: «Райк должен показать, что Тито, Ранкович хотели сделать в Болгарии на базе личности Коста (речь идет о Т.Костове. — *Авт.*) то же, что сделали на базе личности Райка в Венгрии»¹⁰⁸.

* М.Ракоши в начале 60-х годов, находясь в г. Краснодаре, в беседах с членами венгерской комиссии по реабилитации жертв политических репрессий утверждал, что «руководство пытками осуществлялось по инициативе органов государственной безопасности Советского Союза». «Все-таки правильно делали, что людей пытали», — настаивал М.Ракоши через 10 лет после «дела Райка» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 496. Л. 56).

Эта информация советников подтверждается шифртелеграммами М.Ракоши в Москву в июле 1949 г. 4 июля он писал А.Я.Вышинскому: «Повторяю просьбу послать нам обратно Бранкова и его показания по венгерским делам. Райк признался в том, что Тито ему обещал вооруженную помощь и что Бранков вел переговоры. Дело тянется из-за отсутствия Бранкова»¹⁰⁹. 10 июля М.Ракоши направил телеграмму уже на имя И.В.Сталину: «Убедительно прошу Вас немедленно передать нам Бранкова, показание которого нам до зарезу нужен (так в тексте. — *Авт.*)»¹¹⁰. 20 июля 1949 г. Москва переправила Л.Бранкова в Будапешт*¹¹¹. Ракоши и его ближайшее окружение (М.Фаркаш, Г.Петер, Я.Кадар и др.) доносили в Москву свою интерпретацию хода следствия по «делу» Л.Райка не только напрямую советским лидерам, но и действовали через Секретариат Коминформа, что обеспечивало подачу информации на другие страны советского блока. Так, 11 июля 1949 г. М.Фаркаш, как один из организаторов «дела» Райка, сообщал: «...На днях Райк начал впервые давать отдельные показания. Стало ясно, что Райк стал шпионом Хорти с 1931 г.; работал после на немцев, а затем был агентом США. Большинство членов раскрытой шпионской группы были ранее завербовано в Испании, в лагерях Франции. Во время войны многие находились в Швейцарии. После Ялтинской конференции, когда стало ясно, что советские войска первыми войдут в Центральную и Юго-Восточную Европу, руководитель шпионского центра США в Швейцарии Даллес перебросил свою сеть в страны народной демократии. Венгерская шпионская группа во главе с Сеньи прибыла в Венгрию через Югославию.

План арестованной группы заключался в том, чтобы в удобный момент свергнуть руководство партии, созвать чрезвычайную партийную конференцию из своих сторонников и поставить во главе партии и правительства Райка.

Предполагаем, заявил т. Фаркаш, что Тито, Джилас и Ранкович — шпионы, завербованные в Испании и Франции, Райк имел с ними связь**.

Разоблачению Райка мы придаем большое значение, сказал т. Фаркаш. Видимо, имелся единый центр, и Райк был связан с ему подобными в Польше, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Италии, Франции.

После окончания следствия Райка будем судить и приговорим к повешению»¹¹².

* В сентябре 1949 г. Л.Бранков был осужден по «делу» Райка к пожизненному заключению. Реабилитирован в 1956 г.

** Э.Гере в беседе с послом Е.М.Киселевым 18 февраля 1954 г. назвал обвинения Райка в контактах с А.Ранковичем «фантастической выдумкой». Он также сказал послу, что «Ракоши стал маньяком, которому все люди казались шпионами и провокаторами» (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 34. П. 175. Д. 9. Л. 47).

Исследованные документы российских архивов позволяют сделать вывод, что летом 1949 г. в разгар подготовки «дела» Райка именно М.Ракоши стал «первоисточником» поступавшей в Москву по разным канала информации о существовании «в странах народной демократии единой сети шпионажа». Систематический обмен сведениями по «делу Райка» между Будапештом и Москвой действительно имел место в июле—сентябре 1949 г. Шло интенсивное согласование позиций по обвинительному заключению¹¹³. Так, в качестве примера можно привести две телеграммы Ракоши И.В.Сталину. 15 августа 1949 г. венгерский лидер сообщал шифром: «Проект обвинительного акта и письмо послал самолетом. Самолет — особая машина Информбюро — вылетел из Бухареста сегодня 10 часов утра мск (московское время. — *Авт.*)»¹¹⁴. 16 августа 1949 г. В.С.Абакумов направил Сталину докладную записку советников Белкина и Макарова с просьбой: «Прошу Вас, тов. Сталин, обратить внимание на изложенные в записке тт. Белкина и Макарова замечания по существу подготовленного обвинительного акта... Вместе с тем, прилагаю подробную справку по указанному делу..., которая, возможно, пригодится, если Вы сочтете необходимым поручить кому-либо переработать представленный Вам тов. Ракоши обвинительный акт...»¹¹⁵

В упоминаемом Абакумовым документе Белкина и Макарова речь шла о том, что Ракоши уже дважды забраковал обвинительный акт по «делу» Л.Райка «и в заключение сам его написал». Советники отрицательно отнеслись к предложению Ракоши сократить объем показаний на 50—60%, включить в протокол только особо важные обстоятельства, сократить югославские и англо-американские фамилии, «чтобы не перепутать противников и сторонников Тито»¹¹⁶.

По-видимому, направленный М.Ракоши проект обвинительного акта вызвал в Москве вопросы, и 20 августа 1949 г. Ракоши был принят в Кремле Сталиным. В беседе, продолжавшейся два часа 20 минут, приняли участие Н.А.Булганин, Г.М.Маленков. На пять минут были приглашены главы МГБ и МВД СССР В.С.Абакумов и С.Н.Круглов¹¹⁷. Содержание беседы авторам пока неизвестно, но, располагая текстом телеграммы Ракоши, направленной М.А.Суслову 9 сентября 1949 г.: «По делу Райка завтра, 10-го, публикуем обвинительный акт. Прошу сообщить об этом ТАСС, чтобы редакции могут подготовить (так в тексте. — *Авт.*) соответствующее место. Процесс начинается 16-го сентября. Приглашаем советских специальных корреспондентов»¹¹⁸, можно не сомневаться, что все вопросы по обвинительному заключению были урегулированы.

14 сентября 1949 г. Ракоши направил письмо Сталину, в котором излагал содержание судебного приговора. Он сообщал, что председатель суда считает необходимым вынести смертный приговор всем обвиняемым, за исключением одного человека. По мнению Ракоши, «7 смертных приговоров — много», достаточно приговорить к смерти только Л.Райка, Т.Сеньи и А.Салаи¹¹⁹.

22 сентября, за два дня до вынесения приговора, последовал ответ Сталина: «Т. Ракоши. Ваше письмо получил. Не возражаю против вашего предложения о характере судебного приговора в отношении обвиняемых. Я отказываюсь от своего мнения в отношении Райка, которое я высказал Вам во время беседы в Москве. Считаю, что Л.Райка надо казнить, так как любой другой приговор в отношении Райка не будет понят народом...» По «делу Райка» в Венгрии было осуждено и интернировано 136 чел.¹²⁰ Информация советников о ведущей роли и прямом участии Ракоши в формировании «дела» Райка была подтверждена в 1954 и 1956 гг. рядом венгерских политиков — Э.Гере, И.Надем, И.Ковачем, Ш.Ногради и Г.Петером. Особую значимость имеют свидетельства бывшего начальника управления госбезопасности Венгрии Г.Петера. В 1956 г. он, находясь в заключении, обратился со специальным письмом к И.Ковачу как секретарю будапештского горкома партии, в котором писал: «...Тов. Ракоши не только осуществлял непосредственное руководство следствием по делу Райка и других товарищей, но и давал указания избивать заключенных, лично придумывал различные "концепции" и требовал от работников Управления госбезопасности, чтобы они, используя незаконные методы нажима и принуждения, получали показания, подтверждающие эти, заранее подготовленные, "концепции"... советский советник Белкин неоднократно выступал против того, чтобы работники УГБ "раздували дело Райка", считая его надуманным. Однако это вызвало недовольство со стороны тов. Ракоши»¹²¹.

Развитие событий в Восточной Европе в 1949—1950 гг. показало, что «дело» Райка позволило советскому руководству, при самом активном участии М.Ракоши, «интернационализировать» внутрипартийные репрессии. Этому весьма способствовала крайне напряженная идейно-политическая атмосфера внутри коммунистического движения, сформировавшаяся в ходе подготовки заседания Коминформа в ноябре 1949 г. и принятия резолюции «Югославская компартия во власти шпионов и убийц». В ней открыто говорилось о том, что «борьба против клики Тито — наемных шпионов и убийц, является интернациональным долгом всех коммунистических и рабочих партий»¹²². По существу объявлялся курс на «охоту за ведьмами».

В этой атмосфере Ракоши, претендовавший на роль хранителя «чистоты рядов», используя «дело» Райка, передал лидерам компартий списки на 526 человек, якобы причастных к «делу» Райка. В списках значились 353 гражданина Чехословакии, 71 — Австрии, 40 немцев, 33 румына, а также советские, болгарские, польские, итальянские, английские, французские, швейцарские и даже австралийские коммунисты. На этих людей арестованными по «делу» Райка в ходе следствия под пытками были даны соответствующие показания¹²³.

Еще во время следствия по «делу» Райка М.Ракоши летом (вероятно в середине июля) 1949 г. направил письмо Б.Беруту с уведомлением, что на «процессе Райка» будут подняты «польские во-

просы». Речь шла о показаниях Бранкова о том, что «Ранкович и Ко» рассчитывали, что Гомулка сыграет роль Тито в Польше. Специальный посланец Ракоши передал в Варшаве польскому руководству перечень тех людей, которые в Польше якобы проводили и проводят шпионскую деятельность. Вряд ли можно рассматривать только как случайное хронологическое совпадение этой «акции» Ракоши и письма посла Лебедева в Варшаве Вышинскому от 10 июля 1949 г., где, кроме генералов Спыхальского и Роля-Жимерского, кандидатами на репрессирование были названы член ЦК, заведующий отделом пропаганды ЦК ПОРП Е.Альбрехт и генерал Я.Зажицкий — недавний руководитель общепольского союза молодежи. Посол полагал, что «по материалам соседей (т.е. госбезопасности. — *Авт.*) можно было бы значительно увеличить перечень видных и невидных польских деятелей являющихся агентами врага»¹²⁴.

В ответ на вышеупомянутое письмо Ракоши Берут направил в Будапешт в конце августа 1949 г. руководящих работников польской госбезопасности Р.Ромковского и Ю.Свято. Цель их поездки состояла в том, чтобы найти связи арестованных по «делу» Райка с В.Гомулкой. Однако, полковник Сюч, зная методы работы венгерской госбезопасности, порекомендовал Ю.Свято быть осторожным с материалами и показаниями венгерских обвиняемых¹²⁵. Приняв участие в допросах свидетелей по «делу» Райка и в частности Н.Фильда, они не нашли конкретных обвинительных материалов в отношении Гомулки и других лиц, названных М.Ракоши. Тем не менее на основе информации из Будапешта в Польше прошла волна арестов лиц, сотрудничавших в свое время с Н.Фильдом и его братом Германом Фильдом*, гражданином США, арестованным в Варшаве в середине августа 1949 г.¹²⁶ Но эта волна арестов польских «агентов иностранных разведок» и «троцкистов» не вылилась в «громкий» политический процесс и пока не затронула высокими партийных функционеров, хотя среди подозреваемых значились достаточно известные деятели рабочего движения Ю.Хохфельд, О.Длуский, А.Минц и др.¹²⁷ Вместе с тем документы показывают, что руководство ПОРП (Б.Берут, Г.Минц, Я.Берман, Р.Замбровский) продолжало предпринимать меры для организации ряда политических процессов. 25 октября 1949 г. И.В.Сталин получил информацию от посла В.З.Лебедева о том, что польская служба безопасности готовит 3 судебных политических процесса¹²⁸. Конечно, целью их был опять же «выход» на Гомулку и Спыхальского, о чем и свидетельствовало заявление Я.Бермана на заседании Коминформбюро в ноябре 1949 г., когда

* Г.Фильд также симпатизировал левым, не будучи сам коммунистом. В 1939 г., находясь в Кракове, руководил Комитетом помощи беженцам из Чехословакии. Во время войны работал в Обществе американско-российской дружбы. Освобожден из заключения в октябре 1954 г. Реабилитирован. Выехал в США.

он однозначно связал «показания» Бранкова «с деятельностью Гомулки и его группы» в Польше¹²⁹.

Особое внимание М.Ракоши привлекла ситуация в руководстве КПЧ, с которым у венгерского лидера в течение ряда лет существовали острые разногласия по территориальному вопросу.

3 сентября Ракоши направил письмо К.Готвальду, где писал: «...Тебе известны те имена, которые арестованные называли у нас в качестве шпионов западного империализма... Этот список показывает, что размеры заговора у вас в основном подобны нашим, с той разницей, что число и роль тех, кто после войны вернулся в Чехословакию из западной эмиграции, несравненно больше, чем у нас. Сознание того, что такие лица, которых можно серьезно подозревать в том, что они находятся на службе у американских империалистов, играют в Чехословакии ведущую роль — чрезвычайно мешает нам в работе...»¹³⁰ Ракоши имел в виду министра внутренних дел В.Носека, министра иностранных дел В.Клементиса, и двух видных экономистов Л.Фрейку и Й.Гольдмана, а также редактора газеты «Руде право» В.Нового.

Передававший Готвальду это письмо член Оргбюро ЦК ВПТ З.Биро сообщил М.Ракоши свои впечатления о реакции на него чехословацких лидеров: «Руководители КПЧ недооценивают международное значение "дела Райка" и считают, что руководство ВПТ хочет втянуть их в какое-то неприятное и подозрительное дело для того, чтобы облегчить свое собственное положение ...Они не особенно верят в то, как это уже один раз отметил тов. Готвальд, — что старые заслуженные члены партии могут стать шпионами»¹³¹.

Чешская сторона отреагировала на инициативу Ракоши двумя международными встречами руководства госбезопасности ЧСР: 7—8 сентября 1949 г. с М.Ракоши и генералом М.И.Белкиным в Будапеште и 12—13 сентября в Варшаве с президентом Польши Б.Берутом, министром внутренних дел С.Радкевичем, членами Политбюро ПОРП Р.Замбровским и Я.Берманом. Содержание бесед сводилось к тому, что чешской стороне было рекомендовано во имя общих интересов ускорить проведение арестов лиц, подозреваемых в шпионаже¹³². Доступные документы позволяют высказать предположение о том, что представители ПОРП стремились отвести от своей партии обвинения Ракоши и «перевести стрелку» на Прагу. Подобную позицию заняла и член Политбюро ЦК РРП А.Паукер, которая, обсуждая с советским дипломатом В.Зотовым итоги процесса над Л.Райком, «заявила, что ее особенно беспокоит в этом отношении Чехословакия». Свое беспокойство она объяснила тем, что «по инициативе отдельных чехословацких организаций поступают такие предложения, которые в свете материалов будапештского процесса невольно вызывают размышления о том, что кто-то в очень скрытой форме стремится сделать Прагу новым центром всей антидемократической деятельности в странах народной демократии»¹³³.

М.Ракоши, взяв на себя роль дирижера интернационализации «дела» Райка, для контактов с Москвой использовал аппарат Коминформа и формировавшуюся систему советников МГБ СССР в Венгрии. Именно через аппарат Коминформа Ракоши сообщал в ЦК ВКП(б), что другие партии «медленно или совсем не разоблачают провокаторов и шпионов, пробравшихся на руководящие посты в партии. Это особенно относится к Чехословакии»¹³⁴. «Идея» Ракоши о нерешительности руководства других компартий Восточной Европы в разоблачении сторонников Райка, англо-американских «шпионов» и «агентов Тито» красной нитью прошла в информации советника МГБ СССР полковника Карташова, направленной 10 февраля 1950 г. министру госбезопасности В.С.Абакумову. «Заслушав меня по вопросам работы (венгерских. — *Авт.*) органов госбезопасности, тов. Ракоши в беседах нередко отклонялся в сторону, говорил на темы, не связанные с внутренними делами Венгрии, в частности, высказывал заботу о делах компартий других стран. Так, тов. Ракоши говорил, что очень плохи дела у чехов, где в ЦК, по его словам, засели шпионы, такие, как Носек, Мошкович и др. Тт. Готвальд и Сланский нерешительны и проявляют либерализм по отношению к вражеским элементам в партии. Им стоило бы поучиться у венгров разгрому врага... Касаясь поляков, тов. Ракоши говорил, что там также много врагов, например, такие, как Финкельштейн*, министр общественной безопасности Радкевич** — слаб, как и руководители органов безопасности других стран народной демократии»¹³⁵.

Итак, запущенная М.Ракоши летом 1949 г. в межпартийную переписку «идея» поиска «шпионов Тито и англо-американского империализма» была, хотя и с разной степенью доверия, но воспринята в столицах стран региона. Поиски «сторонников» Л.Райка были развернуты среди крупных фигур в компартиях стран Восточной Европы. В сентябре 1949 г. Б.Берут, глава ПОРП, обратился к И.В.Сталину с просьбой принять его в Москве, чтобы обсудить вопрос о судьбе В.Гомулки и члена Политбюро ПОРП, вице-министра обороны Польши М.Спыхальского, «в связи с опытом будапештского процесса». Состоявшийся в ноябре 1949 г. III пленум ЦК ПОРП принял решение о выводе В.Гомулки, М.Спыхальского и З.Клишко из состава ЦК ПОРП по обвинению их в терпимости в отношении «вражеской агентуры» в рядах партии¹³⁶. Без сомнения, это был «резонанс» в Польше «дела» Л.Райка.

* Ю.Финкельштейн — представитель ПОРП в Коминформе, затем заведующий отделом пропаганды ЦК ПОРП.

** Следует заметить, что советский посол в Варшаве дал тогда же еще более жесткую характеристику Радкевичу в своем письме Вышинскому, назвав его человеком, лишенным твердой воли и административных данных, националистом, «по меньшей мере настороженно относящимся к СССР» (Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 176).

В сентябре того же 1949 г. Б.Фельтев, помощник секретаря ЦК Румынской рабочей партии И.Кишиневского, по поручению своего патрона передал советской стороне материал о том, что вокруг находившегося с лета 1948 г. под домашним арестом бывшего члена Политбюро РРП и министра юстиции Л.Патрашкану может сложиться центр недовольных политикой правящей группировки румынской партии. Члены Политбюро РРП А.Паукер и Т.Джорджеску в беседе с высокопоставленным работником секретариата Информбюро Л.С.Барановым сообщили, что они располагают фактами, подтверждающими наличие связей Л.Патрашкану с границей. Реакция Москвы была соответствующей: «Необходимо принять эффективные меры по изоляции Патрашкану и ускорению следствия по его делу». Вслед за этим Патрашкану был переведен в тюрьму¹³⁷.

Можно предположить, что в атмосфере ажиотажного поиска сторонников Л.Райка в других компартиях румынское руководство опасалось, что Москва может не удовлетвориться только фигурой Л.Патрашкану. Об этом, в частности, свидетельствует письмо Г.Дежа от 3 ноября 1949 г. на имя заместителя министра иностранных дел А.А.Громыко: «Изучив материалы в связи с процессом банды Райка, руководство нашей партии приняло решение перейти к рассмотрению положения некоторых членов партии с неясной, подозрительной деятельностью. Так как мы не обладаем достаточным опытом для успешного поведения подобного рода расследований, просим Вас направить нам одного или двух специалистов по этим вопросам для оказания помощи нашей партии в раскрытии и уничтожении агентов империалистических разведок.

По поручению секретариата ЦК Г.Георгиу-Деж»¹³⁸.

К началу работы совещания Коминформа 16 ноября 1949 г., где происходил своеобразный отчет руководителей компартий «по поиску сторонников Райка, агентов Тито и англо-американских шпионов», «статус» обвинений против Патрашкану был выведен на более «высокий уровень». Представитель РРП И.Кишиневский дал Патрашкану следующую характеристику: «Как известно, в июне 1948 г. пленум ЦК РРП охарактеризовал Патрашкану, как носителя идеологии и интересов буржуазии в рядах нашей партии. Теперь ясно, что г-н министр юстиции Патрашкану явился в особенности носителем интересов американских претендентов на мировое господство и работал на службе у американских империалистических кругов»¹³⁹.

В октябре 1949 г. один из руководителей Словакии К.Шмидке прямо заявил советскому консулу в Братиславе Н.Г.Новикову: «Среди словацких коммунистов должны быть люди, связанные с венгерскими предателями»¹⁴⁰. Был назван и ряд имен.

Тем не менее исследованные авторами документы российских архивов позволяют утверждать, что ситуация в руководстве КПЧ, несмотря на давление со стороны Будапешта и Варшавы, развивалась несколько по-иному. Прага отреагировала на встречи представителей госбезопасности Чехословакии с М.Ракоши, Б.Берутом,

Я.Берманом и др., о чем речь шла выше, просьбой к Москве 16 сентября 1949 г. направить в Прагу специалистов МГБ СССР в связи с тем, что, по утверждению К.Готвальда, в стране «были обнаружены некоторые связи ее («клики Райка». — *Авт.*) в Чехословакии»¹⁴¹. Москва ответила положительно, направив в Чехословакию уже работавших по «делам» Т.Костова и Л.Райка высших офицеров МГБ СССР М.Т.Лихачева и Н.И.Макарова.

К этому времени советское руководство располагало информацией о наличии в компартии Словакии националистической группировки. Еще в сентябре 1948 г. М.Ракоши направил письмо И.В.Сталину, где сообщал, что КПС разложилась на фракции: «Одну из фракций возглавляет Председатель Словацкого Совета Уполномоченных Г.Гусак. В эту фракцию входят Клементис, Новомеский и вообще словацкая интеллигенция и студенчество. Фракция имеет резко националистический, антисемитский, антивенгерский характер»¹⁴². Тогда же, в сентябре 1948 г., о «влиянии мелкобуржуазного национализма» в партии говорил на заседании ЦК КПС и В.Широкий, возглавлявший эту партию. Причем Широкий связал свои утверждения с 1-ой резолюцией Коминформа и критикой В.Гомулки на пленуме ЦК ППР на рубеже августа и сентября 1948 г.¹⁴³ Однако по свидетельствам российских архивных документов, К.Готвальд длительное время не допускал «раскручивания» этой темы. Попытки ряда высоких партийных функционеров — Ю.Дюриша, В.Копецкого и др. в 1949 г. поставить вопрос о «буржуазном национализме» и освобождении В.Клементиса и Г.Гусака от занимаемых ими постов натолкнулись на твердую позицию К.Готвальда. Как рассказывал позднее, весной 1951 г. в советском посольстве Дюриш, «присутствовавший на политбюро, Готвальд заявил, что вопрос о Клементисе и Гусаке обсуждается в последний раз и будет решен окончательно. Затем, обращаясь к Широкому, Готвальд спросил его, имеется ли буржуазный национализм в Словакии. Широкий ответил отрицательно. Готвальд еще раз повторил этот вопрос, и Широкий вторично ответил отрицательно.

После этого обсуждения Гусак и Клементис остались по-прежнему на своих местах»¹⁴⁴.

Из этого можно сделать вывод, что Готвальду, знавшему о существовании противоборствующих группировок в руководстве КПС, пока удавалось не допускать острого конфликта и победы той или иной из группировок. Тем самым объективно он снижал возможность использования ситуации в ЦК КПС для раскручивания внутрипартийных репрессий в КПЧ.

С такой же позицией Готвальда встретились и прибывшие в Прагу советники МГБ СССР, первая беседа которых состоялась 27 сентября 1949 г., когда лидер КПЧ твердо заявил, что он не думает, чтобы англо-американская шпионская сеть в Чехословакии разрослась до размеров вскрытого в Венгрии заговора, и что чехословацкие министры, по его мнению, не могут быть замешаны в шпионаже. Видимо, говоря о чехословацких министрах, Готвальд

имел в виду именно Г.Гусака и В.Клементиса. Выражая уверенность, что в правительстве «нет Райка», К.Готвальд был готов согласиться, что «в среднем звене государственного и партийного аппарата враги, конечно, могут быть»¹⁴⁵.

Однако, советник МГБ СССР М.Т.Лихачев, скорее всего располагая информацией о «словацком национализме» и противоречиях в ЦК КПС, выехал в октябре 1949 г. из Праги в Братиславу, где потребовал от руководителя госбезопасности Словакии Т.Балажа предоставить ему материалы по этому поводу. Исследователи не располагают данными о том, какие материалы были (и были ли?) предоставлены М.Т.Лихачеву в Братиславе.

Тем не менее в течение ноября 1949 г. в Чехословакии были произведены аресты ряда лиц, не связанных подозрением в «словацком национализме», но их имена фигурировали в списке 85 функционеров, переданном М.Ракоши в Прагу летом 1949 г. Среди них были: главный редактор «Руде право», В.Новый, заместитель министра внешней торговли Е.Лебл, директор объединения керамических заводов в Праге Яр.Копецкий и др.¹⁴⁶ Из материалов, которые 16 марта 1950 г. были направлены В.С.Абакумовым В.М.Молотову, известно, что эти арестованные дали «нужные» показания против В.Клементиса. Как сообщал Абакумов, речь шла «о наличии в Чехословакии буржуазно-националистической заговорщической группы, возглавляемой Владо Клементисом». Ее участники «как показывают арестованные, ведут вражескую работу против чехословацкой компартии и правительства, ставя при этом задачей вывести Чехословакию из-под влияния Советского Союза и включить ее в западный империалистический блок»¹⁴⁷.

Информация Абакумова, основанная на донесении советников МГБ СССР, показывает, что в начале 1950 г. изменились акценты в обвинениях Клементиса. Эта переакцентировка не была случайной. 17 января 1950 г. И.В.Сталин получил докладную записку из аппарата ЦК ВКП(б), где со ссылкой на беседы с Ракоши сообщалось о связи с английской разведкой не только Клементиса, но и «силовых» министров: внутренних дел — В.Носека и обороны — Л.Свободы¹⁴⁸. Донесения советских советников и конкретное развитие событий в Чехословакии в первой половине 1950 г., когда в стране достигла апогея атмосфера страха, подозрительности и поисков «своего Райка», шпионов империалистических разведок и «агентов Тито», показывают, что фигура Клементиса все более выдвигалась на передний план в качестве главного обвиняемого. 18 марта 1950 г. Клементис был снят с занимаемой должности по решению секретариата ЦК КПЧ. Через две недели генеральный секретарь ЦК КПЧ Р.Сланский информировал советского посла М.А.Силина о том, что на предстоящем пленуме ЦК КПС будет обсуждаться вопрос о националистических тенденциях в компартии Словакии. Кроме Клементиса, будут обсуждаться также позиции Гусака и Новомеского, «...о Шмидке пока разговора не будет в связи с тем, что он выходец из рабочих, его социальное прошлое не столь опасно, как у Клементиса, а кроме того, Шмидке при-

надлежит к другой группе, к группе, которая связана с югославами, и эта связь окончательно еще не выяснена. Расследование по группе Шмидке ведется»¹⁴⁹.

На дальнейшее развитие «дела Клементиса» оказали влияние поездка Р.Сланского в Москву, состоявшаяся в это время, и указания, которые были получены им от И.В.Сталина. По сути дела на встрече с М.А.Силиным 31 марта 1950 г. Р.Сланский отчитался о выполнении всех указаний И.В.Сталина, которые «вошли в доклад тов. Готвальда на февральском пленуме ЦК КПЧ». В этой же беседе Р.Сланский объяснил и причину обсуждения на пленуме позиций В.Клементиса, Г.Гусака и Л.Новомеского — «...чтобы поднять политическую активность компартии Словакии»¹⁵⁰. Иными словами, речь шла о создании форс-мажорной атмосферы в партии, необходимой в связи с переходом к форсированному «построению социализма» на фоне нарастающих экономических трудностей в стране и первых проявлений превращения «холодной войны» в «горячую» (Корея).

Постепенно набор обвинений в адрес «буржуазных националистов» (в первую очередь в адрес В.Клементиса) конкретизировался и расширился. Речь шла, как сообщал советник посольства П.Г.Крекотень, о его серьезных кадровых политических ошибках как главы МИДа, а именно о массовых невозвращениях в страну дипломатических сотрудников после февраля 1948 г., о наличии «шпионской группы» в аппарате МИД, поскольку Клементис не выполнил де во вверенном ему министерстве решение ЦК КПЧ о чистке госаппарата, принятое в ноябре 1948 г.¹⁵¹ Следует подчеркнуть, что советские советники разглядели за «набором» обвинений в адрес Клементиса борьбу двух группировок в руководстве КПЧ: «В компартии Чехословакии, — писали они в Москву, — Клементис принадлежал к политической группе Готвальда, и его отставка показывает, что группировка Готвальда теряет силу, а группа Сланского растет в весе»¹⁵².

5 июля 1950 г. М.Т.Лихачев и Н.И.Макаров сообщили Абакумову, что чехословацкие органы госбезопасности установили не только довоенную связь В.Клементиса с французской разведкой, но и тот факт, что в межвоенный период он являлся информатором Э.Бенеша в компартии. Но главный акцент советники сделали на сведениях, которые были получены от А.Гейдриха, бывшего сотрудника МИД Чехословакии через агентуру во французском посольстве в Праге. Речь шла о том, что «так же, как и Носек, Клементис был решительно против включения его страны в союз с СССР. Если бы у него (Клементиса. — Авт.) было большее число приверженцев, он мог бы сыграть такую же роль, как и Тито»¹⁵³.

Таким образом, к середине 1950 г. при взаимодействии чехословацких, венгерских и советских органов безопасности на В.Клементиса были подобраны обвинения, аналогичные использованным в процессах против Т.Костова и Л.Райка.

В это же время разворачивалась «акция» против секретаря Брненского краевого комитета КПЧ О.Шлинга, руководителя

одной из крупнейших организаций партии. Как следует из документов Комиссии КПЧ по реабилитации жертв политических репрессий, работавшей в 1968 г., причиной недовольства центральных властей КПЧ была также кадровая политика О.Шлинга в Брненском крае, который якобы назначал на руководящие посты своих сторонников из числа коммунистов с довоенным стажем, участников гражданской войны в Испании и находившихся в годы войны в эмиграции на Западе. Поначалу, казалось бы, достаточно безобидные претензии к служебной деятельности Шлинга¹⁵⁴, со временем стали перерастать в серьезные политические обвинения. С февраля 1950 г. в советское посольство начали поступать компрометирующие материалы на Шлинга: о недружелюбном отношении к СССР, диктаторских методах руководства парторганизацией, отсутствии авторитета среди коммунистов, «потому что годы войны провел в Англии ...с большой охотой поехал в Лондон», когда другие члены партии поехали в Москву¹⁵⁵.

Такие и подобные им материалы не могли не привлечь внимания МГБ СССР и оказались весьма кстати, поскольку готовилась к отправке на постоянную работу другая группа советников этого ведомства. Решение о направлении их в Чехословакию было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 14 июля 1950 г.¹⁵⁶ Первые члены этой группы прибыли в Прагу только в сентябре 1950 г. По-видимому, тогда и началась интенсивная «разработка» Шлинга по версии «шпионаж» совместными усилиями министра госбезопасности Л.Копрживы и советских офицеров МГБ во главе со старшим советником В.А.Боярским. 6 октября 1950 г. Шлинг был арестован¹⁵⁷. В.Копецкий в своих беседах с советскими дипломатами уже в декабре 1950 г. прямо называл Шлинга агентом иностранной разведки, которому «удалось на Моравии везде посадить свою агентуру на руководящих постах». При этом он весьма настойчиво подчеркивал, что Шлинг «очень ловко использовал Швермову (заместителя генерального секретаря ЦК КПЧ. — *Авт.*) для своих вражеских целей»¹⁵⁸, тем самым поднимая политическую значимость разоблачения Шлинга.

В партийном лексиконе КПЧ появился специальный термин «шлинговщина», а в партии с конца 1950 г. начались активные поиски сторонников Шлинга, быстро переросшие из «кадровых проверок» в волну арестов высоких партийных функционеров КПЧ и государственных служащих. Уже к началу 1951 г. в связи с «делом Шлинга» было арестовано 20 человек, а к середине февраля 1951 г. около 60 человек. Среди них были и так называемые словацкие буржуазные националисты — Г.Гусак, Л.Новомеский, Л.Голдош, В.Клементис, его заместители А.Лондон и Й.Гайду, а также ряд секретарей краевых комитетов КПЧ, которым инкриминировалась связь со Шлингом, ряд руководителей госбезопасности — М.Завадский, К.Черный и др.

О ситуации в высшем руководстве КПЧ накануне пленума глава советских советников В.А.Боярский сообщал В.С.Абакумову в Москву: «Клементис и Шлинг за последние дни дали представ-

ляющие интерес показания о проводившейся ими вражеской работе по заданию разведки капиталистических государств». Эти показания, как писал Боярский, были доложены К.Готвальду в присутствии Р.Сланского, В.Широкого и А.Чепички. Последний и предложил немедленно арестовать М.Швермову. Сланский поддержал это предложение, но Готвальд счел, что арест Швермовой лучше произвести после пленума ЦК. При этом он подчеркнул, что необходимо также арестовать брата Швермовой К.Шваба, являвшегося заместителем министра внутренних дел, а также заместителя заведующего отделом ЦК КПЧ — В.Прохазку. Аресты указанных лиц были произведены 16 и 17 февраля, М.Швермова была арестована 21 февраля 1951 г.¹⁵⁹

На открывшемся 21 февраля пленуме ЦК КПЧ К.Готвальд в своем докладе констатировал, что «речь шла о широком заговоре внутри партии с целью овладеть партией, изменить ее политику, овладеть руководством государства, изменить курс его политики и пойти вспять по пути капитализма, по пути объединения с лагерем империализма»¹⁶⁰.

Его призыв, что каждого предателя «настигает заслуженная кара. Чехословакия не будет второй Югославией» был встречен на пленуме бурными аплодисментами. В.Копецкий в это же время акцентировал внимание советского посла Силина на том, что «Чехословакия присоединилась к общему стану стран народной демократии и приобрела большое доверие в связи с разгромом банды Швермовой—Клементиса»¹⁶¹.

Возникает вопрос, почему Готвальд еще полгода назад, несмотря на оказывавшееся на него давление, не давал санкций на аресты среди высшего слоя правящей элиты? На этот счет есть свидетельства советников МГБ СССР. Излагая в начале июля 1950 г. содержание своих бесед с Готвальдом, они специально отмечали: «Тов. Готвальд коснулся дела Клементиса Владо и сказал, что на днях, ознакомившись еще раз с материалами следствия, изобличающими Клементиса во враждебной шпионской деятельности, вновь принял решение воздержаться от его ареста»¹⁶².

Думается, что материалы российских архивов дают основу для некоторых предположений. Так, поводом к изменению позиции Готвальда, «толчком» к аресту В.Клементиса и других могла послужить информация М.Ракоши, переданная К.Готвальду через Ю.Дюриша побывавшего в начале 1951 г. в Будапеште. Речь шла о том, что, по сведениям Ракоши, Клементис, Носек и Гусак готовятся «убрать» Готвальда¹⁶³.

Но главное, думается, было не в этом.

Зная правила контактов и принципы взаимоотношений лидеров компартий стран Восточной Европы с Москвой, располагая многочисленными примерами обращений «за советами» к И.В.Сталину, можно предположить, что позиция К.Готвальда и в частности по конкретному «делу» В.Клементиса и др. систематически согласовывалась с ЦК ВКП(б).

Об осведомленности и заинтересованности советской стороны в проведении большого политического процесса в Праге и разоблачении «шпионской деятельности» В.Клементиса и О.Шлинга, говорит тот факт, что получаемые при участии бригады советников во главе с В.А.Боярским материалы регулярно поступали в Москву. И.В.Сталин, безусловно, знакомился с ними. Более того, рассылка материалов следствия по «делам» В.Клементиса и О.Шлинга руководителям других компартий, в частности Б.Беруту, Г.Георгиу-Дежу, В.Червенкову и М.Ракоши осуществлялась по прямому указанию из Москвы. Каждому из адресатов направлялось письмо за подписью Сталина¹⁶⁴ и на него следовало давать ответ.

Руководство КПЧ и К.Готвальд, как ее председатель, оказывались (как и руководители других партий) под контролем не только Москвы, но и лидеров стран «соцлагеря». Кроме того, организованный Сталиным обмен материалами следствия неизбежно становился своего рода катализатором поиска «врагов» внутри каждой из партий. Польские исследователи, опираясь на фактические материалы, расценивают письмо Сталина Беруту от 16 марта 1951 г. с информацией о ходе следствия по делу Шлинга и Клементиса как некую директиву Беруту на усиление репрессий в стране¹⁶⁵. Об этом же свидетельствует и реакция Ракоши на это письмо. 27 марта 1951 г. он написал Сталину: «Что касается показаний Шлинга о том, что большие процессы в Венгрии и вообще в странах народной демократии далеко не ликвидировали сильные позиции врага, то это, безусловно, правильно для Венгрии... В последние месяцы мы замечаем, что вражеские силы, задачей которых до сих пор было только окапываться, теперь, несомненно, активизируются. Мы насторожились и, на основании имевшегося до сих пор опыта и полученного предупреждения, сделаем на своей территории все, чтобы раскрыть и уничтожить организации врагов»¹⁶⁶.

В этом же письме М.Ракоши развернул план дальнейших репрессий в партии. Он сообщал в Москву о предстоящих арестах находившихся в годы войны на территории Венгрии представителей высшей партийно-государственной номенклатуры: министра иностранных дел Д.Каллаи, министра внутренних дел Ш.Зельда, статс-секретаря министерства культуры Г.Лошонцы, сотрудника аппарата ЦК ВПТ Ф.Доната и одного из руководителей радиокомитета С.Уйхейи. Предполагался также и арест заместителя генерального секретаря ВПТ Я.Кадара¹⁶⁷. Всем им инкриминировалось: «...Служение одному хозяину — американскому империализму — непосредственно или через Тито»¹⁶⁸.

Следует отметить, что компрометирующие материалы на Я.Кадара М.Ракоши направлял в Москву еще в начале 1950 г. Тогда в МГБ СССР поступила вышеупомянутая записка советника МГБ Карташова, в которой сообщалось, что Ракоши характеризовал министра внутренних дел Кадара как «вялого, нерешительного человека», которому «после дела Райка он не вполне доверяет». Кадар был назван первым в списке лиц, «не внушающих полити-

ческого доверия, поскольку после ареста в 1934 г. «за предательское поведение на допросе был исключен из рядов (партийной. — *Авт.*) организации», что до 1939 г. «поддерживал контакт с троцкистами», что после ареста в 1944 г. «якобы бежал из-под стражи при этапировании в Германию, после чего опять связался с компартией.., предложил распустить венгерскую компартию и вместо нее создать так называемую партию мира», что в 1948 г. Кадар «неоднократно заявлял, что в Венгрии нет троцкистской опасности». Характеристика Кадара завершалась обвинениями, на которые в Москве, несомненно, должны были обратить особое внимание: «Недоброжелательно относится к Советскому Союзу», «являясь близким человеком Райка, болезненно переживал его разоблачение»¹⁶⁹.

В начале марта 1950 г. М.Ракоши по линии Информбюро дал информацию во внешнеполитическую комиссию ЦК ВКП(б), что он не доверяет члену Политбюро ЦК ВПТ Я.Кадару. Ракоши фактически повторил конкретные обвинения, изложенные им в беседах с советником МГБ СССР, но при этом он усилил акцент на отношениях Кадара с Л.Райком: «...Кадар был личным другом Райка и в подполье и после освобождения страны... во время следствия и судебного процесса над Райком и его сообщниками Кадар ушел в отпуск...»¹⁷⁰ В обстановке недавно завершившегося судебного процесса и казни Райка такая информация в Москву имела острую политическую направленность. Совершенно очевидно, что Ракоши начал готовить почву для расправы с Кадаром. Но, как показывают документы, в 1950 г. он считал более политически выигрышной идею нового общегосударственного заговора, о чем речь шла в главе V. И лишь через год, после получения письма И.В.Сталина с показаниями В.Клементиса и О.Шлинга Ракоши считал момент удобным для начала новой «волны» внутривластных репрессий.

21 апреля 1951 г. М.Ракоши уведомил И.В.Сталина, что на состоявшемся 19 апреля 1951 г. заседании Политбюро ЦК ВПТ был снят с должности Ш.Зельд, который на следующий день покончил с собой. «Опасаясь, — писал М.Ракоши, — что член политбюро Кадар и мининдел Каллаи... узнав о самоубийстве Зельда, могут бежать — мы обоих арестовали»¹⁷¹.

В мае 1951 г. Я.Кадар, Д.Каллаи и другие были осуждены на длительные сроки тюремного заключения*. Аресты в руководстве партии и страны, по более позднему свидетельству Ш.Ногради и И.Ковача, «напугали многих коммунистов и в первую очередь партийный актив», «до сих пор партия и даже руководящие органы не знают, за что были осуждены Сакашич, Марошан, Лошонцы и целый ряд других деятелей партии.., что произошло с Кадаром, за что он получил пожизненное заключение.., за что осужден Каллаи Дьюла»¹⁷².

* Я.Кадар, Д.Каллаи и другие были реабилитированы летом 1956 г.

Что касается ситуации в руководстве Албанской партии труда (АПТ), то в 1950—1951 г. она характеризовалась обострением борьбы группировок с совершенно очевидной, по сравнению с 1948—1949 г., сменой идейно-политических мотиваций этой борьбы. Если в 1948—1949 г., когда происходила переориентация страны с Югославии на СССР, центральным было обвинение в приверженности Й.Тито, на чем, как было показано выше, строились судебный процесс и смертный приговор К.Дзодзе, то теперь основу обвинений против ряда руководителей страны Э.Ходжа и его группировка переносили на якобы имевшие место отклонения от линии партии в экономической политике. И это было отнюдь не случайным.

В Албании — глубоко цивилизационно отсталой стране — со всей очевидностью в это время уже проявилась безрезультатность экономической политики правящей партии. Это неизбежно влекло за собой обострение противоречий во внутривнутрипартийном руководстве и поиски «виновных». Попытки ряда руководителей страны, и в частности министра общественных работ А.Шеху, министра связи Н.Ислями, председателя горсовета Тираны Ю.Кечи, заместителя министра внешней торговли В.Наганаили критиковать экономическую политику Политбюро ЦК АПТ, исходя из реального положения в хозяйстве страны, были расценены лидером партии Э.Ходжей как деятельность антипартийной троцкистской группы. На второй национальной конференции АПТ, 10—14 апреля 1950 г. «группа А.Шеху—Н.Ислями» уже обвинялась в организации заговора с целью свержения правительства Албании. Результатом критики стало самоубийство Ислями и привлечение других членов «группы» к политической и уголовной ответственности¹⁷³.

Ситуация в руководстве АПТ обострилась в начале 1951 г. Фоном для этого стало невыполнение хозяйственного плана 1950 г., якобы по необъективным причинам. В связи с этим активизировались поиски виновников случившегося. На заседании Политбюро ЦК АПТ 29—30 января 1951 г. такой виновный был найден. Им стал один из «старейших», еще с 1941 г., членов руководства партии Т.Якова, возглавлявший работу аппарата ЦК. Судя по состоявшимся 30 и 31 января 1951 г. беседам посланника Д.С.Чувахина с членом Политбюро ЦК АПТ Л.Белишовой, а также беседам с Э.Ходжей 1 и 2 февраля, критика деятельности Т.Яковы «носила принципиальный характер, была острой», «в основном все члены политбюро остались довольны результатами этих дискуссий»¹⁷⁴.

Политические ошибки Т.Яковы были определены как «мягкотелость», которая ведет к оппортунизму, как либерализм и тенденциозность, как желание «думать не так, как решила вся партия»¹⁷⁵ по вопросу о причинах самоубийства Н.Ислями. Критика Яковы на этом заседании Политбюро, в основе которой лежали скорей житейские, чем некие политические эпизоды, не вылилась в традиционное для компартий тех лет персональное суровое решение. Дело ограничилось признанием Яковой, «что нынешняя критика

его ошибок является гарантией того, что он не повторит аналогичных ошибок в будущем» и изъявлением готовности «выступить с дополнительной критикой своего поведения на очередном заседании Политбюро»¹⁷⁶.

Объясняя Д.С. Чувахину, почему Т.Якова остался на своем посту, Э.Ходжа назвал этот вопрос «весьма деликатным», поскольку Якова был «выходцем из рабочей среды и сам рабочий», а также являлся «единственным представителем католического севера в правительстве, имя которого до некоторой степени популярно среди албанских католиков»¹⁷⁷.

Следует обратить внимание, что Чувахин не только выслушивал информацию членов руководства АПТ, но и давал политическую оценку их действиям. «В интересах партии, — подводил он итог своей беседы с Ходжей 2 февраля 1951 г. — не замазывать ошибки отдельных товарищей, а вскрывать их, воспитывать на этих ошибках не только руководителей, допустивших такие ошибки, но и всю партию»¹⁷⁸.

Возможно, это «воодушевление» подтолкнуло к принятию на состоявшемся 19—23 февраля 1951 г. пленуме ЦК АПТ более «жесткого» решения в отношении Т.Яковы: он был освобожден от обязанностей секретаря ЦК, выведен из Политбюро ЦК АПТ и освобожден от руководства Обществом албано-советской дружбы, хотя и оставлен в должности заместителя председателя правительства Албании¹⁷⁹. «Дело» Яковы, который и в дальнейшем оставался на второстепенных государственных должностях, послужило импульсом к очередным кадровым чисткам в партии. Судя по советским дипломатическим документам, к середине 1951 г. в албанской партии «дело» Яковы постепенно было «спущено» в низовые партийные организации. Это произошло не без подачи и участия Чувахина. Так, 23 августа 1951 г. в беседе с министром внутренних дел М.Шеху посланник «обратил внимание... на то, что вопросам усиления революционной бдительности все еще не уделяют на местах должного внимания и что здесь сам ЦК партии в некоторой степени повинен в этом...» В свою очередь Шеху, согласившись с замечанием Чувахина, сказал, «что ЦК партии намерен предложить районным партийным организациям в Шкодре и Саранде вывести из состава бюро райкомов ряд членов бюро, которые скомпрометировали себя перед партийной массой и допустили притупление революционной бдительности»¹⁸⁰.

К весне 1952 г. из АПТ, численность которой достигала в 1951 г. 40 тыс. человек, было «вычищено» 28 тыс. членов партии¹⁸¹.

Итак, к середине 1951 г. в каждой из стран Восточной Европы все более отчетливо стали проявляться негативные тенденции в экономическом и социальном развитии, ответственность за которые в полной мере ложилась на правящие коммунистические партии. Налицо было отсутствие реальных позитивных изменений в повседневной жизни населения, которые декларировались в программных установках компартий и которых немедленно ожидало от социализма общество. Новая правящая элита должна была дать

объяснение очевидному отсутствию позитивов. Признать, что нараставшие трудности были порождены утопичностью самой концепции «ускоренного строительства социализма», неподготовленностью самой новой элиты к управлению обществом, для ее лидеров было невозможно. Необходимо было подавить любые критические голоса внутри партии, в первую очередь в ее верхушке, ликвидировать множественность мнений, и тем самым дисциплинировать партийные массы на единой идее, т.е. провести «повторную большевизацию» компартий региона.

В качестве идеологического обрамления, как показывает вышеизложенный материал, по инициативе советского политического руководства были взяты лозунги борьбы с титоизмом, как послевоенным вариантом троцкизма регионального масштаба. При этом Москвой активно использовались межклановые противоречия, имевшие место в правящих верхах восточно-европейских компартий, а выдвигаемые обвинения (в отличие от ситуации в ВКП(б)) в этот период уже не имели реальной троцкистской основы. Во многом поэтому к середине 1951 г. пропагандистское оформление репрессивных акций 1948—1950 гг., как борьбы с «троцкизмом», «титоизмом» и «буржуазным национализмом» утрачивало свою эффективность. Для продолжения репрессий был нужен новый образ «врага».

¹ См.: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. Т. I. 1944—1948. М.; Новосибирск, 1997. Док. № 223, 224, 226, 227.

² АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 253. Л. 14—23 (Югославскую и болгарскую записи этой беседы см.: Исторический архив. 1997. № 4. С. 92—123).

³ Там же. Л. 14.

⁴ Там же. Л. 15.

⁵ Там же. Л. 16.

⁶ Восточная Европа в документах... Т. I. 1944—1948. Док. № 267, 269, 272, 274.

⁷ Там же. С. 751; РЦХИНДИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1160. Л. 124—125.

⁸ Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 461.

⁹ Восточная Европа в документах... Т. I. 1944—1948. С. 877.

¹⁰ Совещания Коминформа... С. 369.

¹¹ Garlicki A. Z tajnych archiwów. W., 1993. S. 159.

¹² АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 142. Л. 18.

¹³ Gomułka. Działalność Władysława Gomułki. Fakty. Wspomnienia. Opinie. W., 1985. S. 487.

¹⁴ Совещание Коминформа... С. 368—369.

¹⁵ Яжборовская И. 1948 год. Москва—Варшава. Югославский кризис. М., 1998. С. 23.

- 16 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 279. Л. 50.
- 17 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30. П. 214. Д. 2. Л. 70—71.
- 18 Там же. Ф. 0138. Оп. 29. П. 147. Д. 11. Л. 2; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. Т. II. 1949—1953. М.; Новосибирск, 1998. С. 115.
- 19 Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: Миф или реальность? М., 1993. С. 113—114.
- 20 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 28. Д. 267. Л. 94—103.
- 21 См.: Восточная Европа в документах... Т. I. 1944—1948. С. 871.
- 22 Там же. С. 736, 737.
- 23 Там же. С. 737, 871, 872.
- 24 Там же. С. 786.
- 25 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 253. Л. 23.
- 26 Восточная Европа в документах... Т. I. 1944—1948. С. 794.
- 27 АВП РФ. Ф. 067. Оп. 166. П. 117а. Д. 1. Л. 133; Восточная Европа в документах... Т. I. 1944—1948. С. 905—906; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1124. Л. 8.
- 28 Зубкова Е. Послевоенное советское общество: Политика и повседневность. 1945—1953. М., 2000. С. 201.
- 29 Роговин В.З. Власть и оппозиции. М., 1993. С. 4.
- 30 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1124. Л. 8.
- 31 Там же. Л. 11.
- 32 Краткая история Албании. С древнейших времен до наших дней. М., 1992. С. 406.
- 33 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 122—123.
- 34 Там же. С. 122; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 68. Л. 57.
- 35 Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. Т. 1. 1944—1948. М., 1999. С. 561.
- 36 Там же.
- 37 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1301. Л. 14.
- 38 Советский фактор... С. 563.
- 39 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1301. Л. 13.
- 40 Восточная Европа в документах... Т. I. 1944—1948. С. 815.
- 41 Там же. С. 831—858.
- 42 См. подробнее: Волокитина Т.В. «Холодная война» и социал-демократия в Восточной Европе. 1944—1948 гг. М., 1998. С. 109—111.
- 43 Werblan A. Władysław Gomułka. Sekretarz generalny PPR. W., 1988. S. 547.
- 44 Совещания Коминформа... С. 420.
- 45 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 137. Л. 78.
- 46 Там же. Д. 136. Л. 20.
- 47 Там же.
- 48 Там же. Д. 142. Л. 21.

- 49 Archiwum Akt Nowych (AAN). Zespół PPR—PZPR. Sygn. 295/VII-248. 1.171.
- 50 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 142. Л. 45—46.
- 51 Советский фактор... С. 649—650; АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 360. Л. 19.
- 52 Poksiński J. «TUN». Tatar—Utnik—Nowicki. W., 1992. S. 96.
- 53 Garlicki A. Z tajnych archiwów... S. 171.
- 54 Garlicki A. B. Bierut. W., 1994. S. 67; Socha L. Te pokolenia załobami czarne... Skazani na śmierć i ich sędziowie 1944—1954. W., 1986. S. 53, 55.
- 55 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 142. Л. 45.
- 56 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 137. Л. 131; Socha L. Op. cit. S. 58—59; Garlicki A. Z tajnych archiwów. S. 143, 145—146, 149, 174—176, 178.
- 57 Восточная Европа в документах... Т. I. 1944—1948. С. 831—833; АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 57. П. 478. Д. 2. Л. 132.
- 58 См., например, работы: Кольман Э. Математические науки пролетарским кадрам. М.; Л., 1931; Он же. Теория борьбы и победы пролетариата. М., 1934. и др.
- 59 Kaplan K. Zpráva o zavraždění generalního tajemníka. Pr., 1996. S. 26.
- 60 Kaplan K. Op. cit. S. 27.
- 61 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 68. Л. 4, 7.
- 62 Kaplan K. Op. cit. S. 27.
- 63 Ibid. S. 28.
- 64 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 146. Д. 5. Л. 97.
- 65 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 812. Л. 2—3.
- 66 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 862. Л. 77.
- 67 См. подробнее: Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. М., 1994. С. 207—209; Он же. Тайная политика Сталина. М., 2001. С. 508. Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти 1945—1991. М., 1998. С. 53—96.
- 68 Димитров Георги. Дневник. 9 март 1933 — 6 февруари 1949 гг. София, 1997. С. 645.
- 69 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 284. Л. 2.
- 70 Там же. Д. 279. Л. 58.
- 71 Там же. Л. 63.
- 72 Там же. Д. 284. Л. 9.
- 73 Там же. Д. 279. Л. 62.
- 74 Исусов М. Последната година на Трайчо Костов. София, 1990. С. 72; АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 284. Л. 68—82.
- 75 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 128, 130.
- 76 Исусов М. Последната година... С. 75.
- 77 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 284. Л. 88.
- 78 Там же. Д. 286. Л. 1.
- 79 Никова Г. Политически процеси в България 1949—1953 гг. // България в сферата на съветските интереси. София, 1998. С. 67.
- 80 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 194.

- 81 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 284. Л. 89.
- 82 Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 254. Л. 46.
- 83 Там же. Ф. 3. Оп. 64. Д. 284. Л. 8; Исусов М. Последната година... С. 77.
- 84 Медведев А. Секретный десант // Совершенно секретно. № 11. 1990. С. 21.
- 85 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 254. Л. 68.
- 86 16 сентября 1956 г. президиум ЦК КПСС принял решение положительно отнестись к реабилитации Т.Костова (АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 288. Л. 100).
- 87 Исусов М. Историческите реалности в следвоенна България // Страници от българската история. Събития. Размисли. Личности. 2. София, 1993. С. 9.
- 88 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 28. П. 125. Д. 6. Л. 77.
- 89 Там же. Л. 83.
- 90 Восточная Европа в документах... Т. I. 1944—1948. С. 802—806.
- 91 Там же. С. 806—811, 814—829, 831—858.
- 92 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 315. Л. 16—23.
- 93 Восточная Европа в документах... Т. I. 1944—1948. С. 605.
- 94 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 94. Л. 89.
- 95 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 96, 97.
- 96 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 94. Л. 99—102.
- 97 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 496. Л. 42.
- 98 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 95—96.
- 99 О процессе по «делу» Л.Райка см.: Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Советское руководство и политические процессы Т.Костова и Л.Райка (по материалам российских архивов) // Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. М., 1999. С. 23—35; Желицки Б.И. Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия 1949 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 2, 3.
- 100 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 496. Л. 58; Zprava «Pillerový Komise» o politických procesech a rehabilitacích v Československu v letech 1949—1968. Č. 1. Pr., 1968. S. 47—48.
- 101 Zprava «Pillerový Komise»... S. 48.
- 102 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 496. Л. 61.
- 103 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 505. Л. 174—175.
- 104 Archiwum Akt Nowych. Zespół akt KC PZPR. Sygn. 237/V-149. S. 153.
- 105 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 34. П. 175. Д. 9. Л. 47; АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 496. Л. 56, 66.
- 106 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 496. Л. 65—66.
- 107 Там же. Л. 62, 69, 72.
- 108 Там же. Л. 60.
- 109 Документ, хранящийся в Государственном Архиве Венгрии (Ф. 276. Оп. 65. Бумаги М.Ракоши) любезно предоставлен авторам директором Института истории революции 1956 г. Я.Райнером.

- 110 Rainer M. János. Távirat «Filippov» elvtársnak. Rakosi Mátyás üzenetei Sztálin titrárságának. 1949—1952 // 1956 Évkönyv VI 1998. Bud., 1998. 108 old.
- 111 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 496. Л. 67.
- 112 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 94. Л. 149.
- 113 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 496. Л. 61—79; Д. 503. Л. 1—5; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 94. Л. 149.
- 114 Rainer M. János. Op. cit. 109. old.
- 115 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 503. Л. 1.
- 116 Там же. Л. 2—4.
- 117 Посетители кремлевского кабинета И.В.Сталина. 1947—1949 гг. // Исторический архив. № 5—6. 1996. С. 59.
- 118 Rainer M. János. Op. cit. 108. old.
- 119 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 505. Л. 140.
- 120 Там же. Л. 138; Д. 496. Л. 37.
- 121 Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998. С. 143.
- 122 См.: Совещания Коминформа... С. 704.
- 123 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 496. Л. 53—54; Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе. М., 1999. С. 133.
- 124 Marat St., Snopkiewicz J. Ludzie bezpieki. Dokumentacja czasu bezprawia. W., 1990. S. 164; Poksiński J. «TUN»... S. 97—98; Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 175.
- 125 Socha L. Te pokolenia żałobami czarne... S. 75.
- 126 Błazyński Z. Mówi Józef Światło. Za kulisami bezpieki i partii. W., 1990. S. 242—244.
- 127 Socha L. Op. cit. S. 76.
- 128 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 360. Л. 40—43.
- 129 Совещания Коминформа... С. 645; Garlicki A. Z tajnych archiwów... S. 115.
- 130 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 804. Л. 7.
- 131 Там же. Д. 804. Л. 12.
- 132 Zpráva Pillerový komise... S. 51; K politickým procesům v Československu 1948—1954. Pr., 1994. S. 41.
- 133 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 22. П. 39. Д. 228. Л. 5.
- 134 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 95. Л. 207.
- 135 Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1154. Л. 12.
- 136 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 138. Л. 43—44; Gomułka. Działalność Władysława Gomułki... S. 508—510. Dokumenty do dziejów PRL. Centrum władzy. Protokoły posiedzeń kierownictwa PZPR. Wybór z lat 1949—1970. W-wa, 2000. S. 32—33.
- 137 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 362. Л. 71.
- 138 Там же. Л. 2.
- 139 Совещания Коминформа... С. 733.
- 140 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 30. П. 160. Д. 8. Л. 63.
- 141 Дело Сланского // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 6.

- 142 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 803. Л. 156.
- 143 Zpráva Pillerový komise... S. 61.
- 144 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 33. П. 14. Д. 191. Л. 98.
- 145 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1361. Л. 55.
- 146 K politickým procesům... S. 47.
- 147 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1361. Л. 56.
- 148 Там же. Д. 1154. Л. 9.
- 149 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 32. П. 178. Д. 10. Л. 46—47.
- 150 Там же.
- 151 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 361. Л. 65.
- 152 Там же. Л. 69.
- 153 Там же. Д. 1361. Л. 91.
- 154 Zpráva Pillerový komise... S. 63—65.
- 155 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 32. П. 179. Д. 12. Л. 52—54; Д. 14. Л. 206.
- 156 РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 74. Д. 44. Л. 2.
- 157 Zpráva Pillerový komise... S. 65.
- 158 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 32. П. 179. Д. 14. Л. 194.
- 159 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 801. Л. 28, 33, 34.
- 160 Gottwald K. 1951—1953. Pr., 1953. S. 50.
- 161 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 609. Л. 21.
- 162 Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1361. Л. 95.
- 163 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 33. П. 14. Д. 191. Л. 99.
- 164 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 394. Л. 69.
- 165 Poksiński J. «TUN»... S. 95.
- 166 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 497—498.
- 167 Там же. С. 498.
- 168 Там же. С. 542.
- 169 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1154. Л. 14, 15.
- 170 Там же. Л. 34.
- 171 Rainer M. János. Op. cit. 116. old.
- 172 Краткая история Венгрии. М., 1991. С. 465; АВП РФ. Ф. 077. Оп. 33. П. 161. Д. 9. Л. 76, 78.
- 173 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 34—35.
- 174 Там же. С. 478—479.
- 175 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 26. П. 44. Д. 58. Л. 19, 43.
- 176 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 489, 506; АВП РФ. Ф. 07. Оп. 26. П. 44. Д. 58. Л. 41.
- 177 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 26. П. 44. Д. 58. Л. 40.
- 178 Там же.
- 179 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 551.
- 180 Там же. С. 598.
- 181 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 885. Л. 27.

2. «ВТОРАЯ ВОЛНА» ВНУТРИПАРТИЙНЫХ РЕПРЕССИЙ: БОРЬБА ПРОТИВ «АМЕРИКАНО-СИОНИСТСКОЙ АГЕНТУРЫ» (1951—1953 гг.)

К середине 1951 г. пропагандистское оформление репрессивных акций 1948—1950 гг. как борьбы с «титоизмом», «троцкизмом» и «буржуазным национализмом» во многом уже утратило свою эффективность. Для поддержания в обществе атмосферы разделения его на «своих» и «чужих», созданной в ходе первой «волны» репрессий, правящим группировкам был необходим новый образ главного врага.

Политическая практика советского руководства, развернувшего в послевоенные годы новые репрессивные акции в стране, давала возможность «выбрать» нужного врага. К этому времени в СССР набирала силу политическая кампания против советских евреев. В практической политике она выразилась в борьбе против «безродных космополитов», разворачивании антисемитской кампании и поисков «сионистского заговора», роспуске Еврейского антифашистского комитета, который стал рассматриваться как центр антисоветской пропаганды, регулярно поставлявшей «материалы» иностранной разведке, в убийстве его председателя С.М. Михозлса и аресте членов комитета, роспуске объединений еврейских писателей в Киеве, Минске и Москве, массовом репрессировании евреев в высших эшелонах власти — в министерствах, ведомствах, научных организациях, редакциях газет и журналов. Все это свидетельствовало, что скрытый и открытый, аппаратный и бытовой антисемизм в СССР стал постепенно вырастать до уровня официальной государственной политики¹. Тем самым представители правящей партийной элиты в странах Восточной Европы получали четкий ориентир для определения нового внутреннего «врага».

Однако численность еврейского населения в стране, степень проникновения его представителей в высший эшелон властных и партийных структур, подверженность массового сознания восприятию антисемитизма, т.е. объективные условия для использования этого «образа» были в странах региона далеко не одинаковыми.

Материалы российских архивов показывают, что первые сигналы о попытках «включения еврейской карты» в политическую «игру» вокруг национального состава руководства относятся к польской партии и датируются весной 1948 г. Выше уже рассматривалась информация советского посла в Польше В.М. Молотову о ситуации в руководстве ППР. К концу 1948 г. стало очевидным, что после снятия В. Гомулки в Политбюро ЦК ПОРП абсолютно лидирует группа политиков в лице Я. Бермана, Г. Минца и Р. Замбровского. Гомулка в декабре 1948 г., уже после освобождения с поста генерального секретаря партии в письме к И.В. Сталину признавал свою ответственность за «высокий процент евреев в руководящем государственном и партийном аппарате». Он рассматривал такую ситуацию как «преграду, затрудняющую расширение нашей базы, особенно среди интеллигенции, а также в деревне и,

в первую очередь, в рабочем классе»². В.З.Лебедев летом 1949 г. в письме Вышинскому характеризовал эту, лидирующую группу как «явно страдающую еврейским национализмом», патронирующую еврейские националистические организации и стремящуюся изолировать Б.Берута от «польских товарищей». В качестве доказательства он сообщал: «Несмотря на прямые советы из Москвы о необходимости ликвидации в Польше еврейской организации "Джойнт", обслуживающей американскую разведку, она до сих пор не ликвидирована, так как этому сопротивляется Якуб Берман»³.

Особенно неблагоприятной представлялась Лебедеву ситуация в польских органах безопасности: «Аппарат министерства госбезопасности, начиная с заместителей министра и включая всех начальников департаментов, не имеет ни одного поляка. Все — евреи. В департаменте разведки работают только евреи... Я обеспокоен тем, что следствие по делу вражеской агентуры в Польше* находится в ненадежных руках, а материалы его "корректируются" перед тем как попасть к Беруту. На мой взгляд, следовало бы министерство госбезопасности возглавить другим лицом (так в док. — *Авт.*) и оздоровить эту организацию, чтобы выявить вражескую сеть, концы которой уже вытянуты, и обезвредить ее... Надо, чтобы во главе этого органа встал поляк, который был бы правой рукой Берута и который очистил бы теперешний аппарат этого министерства»⁴.

В этой информации находили отражение настроения той части польской партийной элиты, которая чувствовала себя ущемленной положением деятелей второго и третьего плана, и рассчитывала продвинуться в системе власти, используя антисемитскую кампанию в СССР. Ее представителем, поддерживавшим активные контакты с советским посольством, выступал, избранный в 1948 г. членом ЦК ПОРП, министр общественной администрации В.Вольский**, из бесед с которым советские дипломаты и черпали свою информацию.

Начиная «атаку» против «еврейской группировки» в руководстве ПОРП, В.Вольский в беседе с 1-ым секретарем посольства Е.И.Длужинским 28 сентября 1949 г. неслучайно сосредоточил свою критику на фигуре Я.Бермана, который в Политбюро ЦК

* Имеется в виду начавшееся следствие по «делу» В.Леховича и А.Ярошевича, обвинявшихся в шпионаже.

** В.Вольский (А.Пивоварчик) (1901—1976) в межвоенное время находился в СССР, где был репрессирован; членом ВКП(б) не был; в 1944 г. советской стороной был направлен в Польшу. По-видимому, он был штатным информатором советского посольства (РЦХИДНИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1301. Л. 59; *Torańska T. Oni. W-wa, 1989. S. 82*). После исключения из партии В.Вольский не был репрессирован, жил в Кракове, работал директором Воеводской библиотеки (*Kisieliński S. Abecadło Kisiela. W-wa, 1990. S. 126*). В 1956—1957 не был реабилитирован, восстановлен в партии в 1960 г. (*Gomułka i inni. Dokumenty z archiwum KC. 1948—1982. Londyn, 1987. S. 57*).

ПОРП курировал работу органов безопасности. Говоря о недостатках, он определял их как «органы опасности» и объяснял сложившуюся ситуацию тем, что фактическое руководство министерством было сконцентрировано в руках «лиц еврейской национальности», которым полностью доверяет Я.Берман. А поэтому, считал В.Вольский, Москва не может получать объективную информацию⁵.

Однако эти «сигналы» летом—осенью 1949 г. не вызывали в Москве нужной Вольскому реакции. По-видимому, внимание И.В.Сталина и его ближайшего окружения было приковано внутри страны к «ленинградскому», «эстонскому» и «мингрельскому» «делам», а в Восточной Европе к завершавшимся процессам Л.Райка, Т.Костова и к подготовке разоблачения «словацких буржуазных националистов».

На таком фоне, в апреле 1950 г. Вольский предпринял еще одну попытку поднять перед советской стороной «еврейский вопрос» в ПОРП. Он вновь обратился к В.З.Лебедеву с просьбой «доложить в соответствующих инстанциях в Москве», чтобы ему разрешили приехать для доклада товарищу Сталину о положении в ПОРП⁶. Однако, просьба Вольского не получила позитивной реакции в Москве. Это было связано с тем, что советскому руководству через советника МГБ СССР в Польше стала известна подоплека действий Вольского по разыгрыванию в своих интересах антиеврейской «карты»: «В настоящее время я веду борьбу с руководством партии. Там есть такие люди, которые хотят меня отодвинуть на задний план, поэтому у меня с ними идет борьба за власть»⁷.

Материалы о существовании в руководстве ПОРП «еврейской группировки», которая «не только тормозит выдвижение поляков, но и травит выдающихся деятелей партии», поступали в Москву и через представительство ТАСС. В одном из спецдонесений ТАСС за I-ую половину 1950 г. сообщалось, что член ЦК ПОРП С.Матушевский, обсуждая решение Политбюро ЦК ПОРП, принятое в апреле 1950 г., об ограничении полномочий Я.Бермана и Р.Замбровского, дал следующую интерпретацию этого решения: «Многие работники ЦК — евреи — рассматривают это решение, как наступление против партийных работников-евреев, отстранение их от руководства партией... это решение будет горячо одобрено всей партией»⁸.

Тем не менее ни Москва, ни Б.Берут не поддержали замыслов организации «антиеврейской» акции в Польше. Глава государства и партии поляк Берут был заинтересован в таких ближайших соратниках, которые ни при каком развитии событий не могли стать его реальными конкурентами на высшую власть в стране, где еще недавно, в 1945 и 1946 гг., имели место еврейские погромы. Что же касается позиции Москвы, то следует иметь в виду то весьма существенное обстоятельство, что Сталин значительно больше доверял не коммунистам-полякам, выдвинувшимся на руководящие посты в условиях оккупации, а тем, кто на заключительном этапе войны вернулся в Польшу из Москвы. Их, в ряде случаев евреев по национальности, он знал лично или со слов представителей своего «ближнего круга». Попытка В.Вольского, который на

майском (1950 г.) пленуме ЦК ПОРП выступил, как сообщал Л.С.Баранов в Москву, с предметной критикой кадровой политики окружения Б.Берута и персонально Р.Замбровского, потерпела полную неудачу. Вольский был исключен из партии «за интриганство, двурушничество, за диверсионную деятельность против единства партии»⁹. Не последнюю роль в этом сыграли личные амбиции Вольского, попытки выдвинуться на первый план в руководстве партии, «отозвались» неподконтрольные руководству партии его связи с советским посольством. Известно, что Берут накануне пленума в беседе с Вольским назвал его связи с советскими людьми политической диверсией, а на пленуме эти связи были обращены против самого Вольского¹⁰.

15 мая 1950 г. Б.Берут в специальном письме И.В.Сталину дал оценку действий Вольского: «...Вольский делал попытки сколотить группу против руководства партии..., распространял версию, что между руководством партии и Москвой существует конфликт и что он якобы уполномочен создать условия для смены руководства. Он сам лично метил в вице-премьеры. При этом он представлял себя как близкого друга и доверенное лицо советского посла тов. Лебедева... На самом деле... он дезинформирует и обманывает не только польских, но и советских товарищей...»¹¹

Москва, скорее всего, была уже подготовлена к такому завершению карьеры «своего человека» в Варшаве. Нельзя исключить, что согласование позиции Берута и Сталина было достигнуто заблаговременно, в ходе беседы на одной из встреч 16—17 марта 1950 г. в Москве. Нельзя исключить и того, что выступление Вольского не было неожиданностью для Берута и его окружения и «дружная критика» была заранее подготовлена. На эту мысль наводит сообщение от 11 мая 1950 г. присутствовавшего на пленуме ЦК ПОРП Л.С.Баранова М.А.Суслову о состоявшейся дискуссии по кадровым и организационным вопросам: «После выступления Вольского прения сразу же приобрели иной характер... Слушая прения невольно создавалось впечатление, что произошло какое-то чрезвычайное происшествие, которое вдруг отвлекло все внимание пленума от основного вопроса. В ходе прений до выступления Вольского были затронуты другие факты, заслуживающие серьезного внимания, которые, однако, были обойдены»¹².

Вскоре решение пленума о Вольском было дополнено действиями Москвы*. 19 мая В.З.Лебедев получил указание А.Я.Вы-

* Можно предположить, что информация В.З.Лебедева И.В.Сталину от 18 мая 1950 г. о работе Б.Берута в 1941—1943 гг. в оккупированном Минске начальником отдела снабжения городской управы не «сработала». Направляя эту информацию в Москву, В.З.Лебедев сделал весьма важную приписку — «материалы посланы... в расчете, что они могут быть полезны нашим органам в изучении вопроса», но ставка Сталиным делалась именно на Берута (АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 138. Л. 51—57).

шинского прекратить связь с Вольским*. 22 мая Берут получил нужное ему письмо Сталина: «После нашей с Вами беседы в Москве о Вольском я поручил соответствующим органам проверить политическое лицо Вольского. Из проверки видно, что Вольский не заслуживает политического доверия»¹³.

Попытка В.Вольского, использовать подъем антисемитской кампании в СССР, подключив советскую сторону, изменить персональный состав высшего руководства ПОРП и выдвинуться на первые роли, рассматривалась и в Москве и в Варшаве как угроза стабильности политической ситуации в стране и «монолитности» партии, еще не завершившей до конца «разгром право-националистического уклона». Она не была на руку и лично Б.Беруту, ибо могла повлечь за собой подрыв доверия Москвы к его «команде».

Перетряска в руководстве ПОРП не была нужна и Москве. После устранения В.Гомулки в этом руководстве абсолютно преобладала «промосковская» группировка, члены которой «по национальным мотивам», как уже отмечалось выше, не были политическими конкурентами Берута. Они принимали советское присутствие в Польше и прежде всего в силовых структурах. Это обеспечивало абсолютный контроль Москвы в польской партии и стране в целом.

Тем не менее «национальный вопрос» применительно к польскому руководству в Москве не упускался из вида. После смерти И.В.Сталина, когда исчезла прочная «связка» Сталин—Берут, новое советское руководство вернулось к его обсуждению. Из записи беседы Н.С.Хрущева, Г.М.Маленкова, В.М.Молотова, Н.А.Булганина с Б.Берутом, состоявшейся 28 декабря 1953 г. в Москве, известно, что в связи с предстоящим съездом ПОРП были рассмотрены «некоторые вопросы персонального характера и рекомендовано т. Беруту перевести т. Бермана на работу в Совет Министров, сохранив его в Политбюро, а т. Минца освободить от обязанностей руководителя Госплана, сохранив его в Политбюро и Совмине. Было рекомендовано серьезно заняться выдвижением руководящих кадров из числа выросших и преданных партии товарищей польской национальности»¹⁴.

И все-таки в Польше в начале 50-х годов не происходили массовые партийные чистки по «национальному (еврейскому) принципу». Не был организован и политический судебный процесс антисемитской направленности над крупными партийными функционерами.

С этой точки зрения по весьма близкому «сценарию» развивалась ситуация в ВПТ. Еще в начале 1950 г. советский советник

* В воспоминаниях Я.Хылинского — сына Б.Берута утверждается, что «история» с Вольским послужила причиной отзыва В.З.Лебедева из Варшавы, осуществленного якобы по требованию Б.Берута (*Chyliński J. Jaki był. Bolesław Bierut. Wspomnienia supe. W-wa, 1999. S. 171*). Согласно документам, посол был отозван почти через год — 16 марта 1951 г., что не дает оснований напрямую связывать этот факт с «делом» Вольского.

при управлении государственной безопасности Венгрии С.Н.Карташов направил В.С.Абакумову докладную записку о ситуации в стране. В этом документе Карташов специально остановился на «еврейском вопросе» в Венгрии. Он отметил не только значительную долю евреев, «живущих, как правило, на нетрудовые доходы и имеющих обширные родственные, торговые и политические связи с Америкой, Палестиной и другими капиталистическими странами»¹⁵, но и сделал из этого политические выводы. Отмечалось, что еврейская буржуазная среда «оказывает известное влияние на многих неустойчивых работников еврейской национальности, занимающих нередко ответственные должности в партийных и государственных органах, в том числе и в УГБ». Подчеркнув, что этот вопрос в докладной «затронут неслучайно», советник предлагал обратить внимание на то, что «на руководящих постах в ЦК партии и государственном аппарате много евреев»¹⁶. Конкретно, со слов М.Ракоши, были названы члены Политбюро ЦК ВПТ: министр народного образования Й.Реваи, министр обороны М.Фаркаш, председатель планового управления З.Ваш и член ЦК министр юстиции И.Рис¹⁷.

Информация Карташова тогда, в 1950 г., не получила политического продолжения. Она оказалась востребованной лишь осенью 1951 г. на фоне нарастания антисемитской кампании в СССР и соседней Чехословакии.

Новый «виток» политики государственного антисемитизма в Москве начался с середины 1951 г., когда И.В.Сталин, стремясь ослабить резко усилившиеся функции МГБ СССР и одновременно дистанцироваться от этого ведомства, организовал разгром его руководящей верхушки. При этом были использованы противоречия в узком руководстве ЦК ВКП(б) и «еврейский фактор».

11 июля 1951 г. состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором министр госбезопасности В.С.Абакумов был обвинен в том, что «...погасив дело Этингера*, помешал ЦК ВКП(б) выявить безусловно существующую законспирированную группу врачей, выполняющих задания иностранных агентов по террористической деятельности против деятелей государства». Политбюро постановило обязать МГБ СССР возобновить следствие по делу Этингера и еврейской антисоветской молодежной организации «троцкистского типа»¹⁸. Арест Абакумова открыл новую антисемитскую кампанию в СССР, важнейшей составной частью которой стало «дело врачей». Возобновилось и следствие по делам бывших руководителей Еврейского антифашистского комитета. Началась подготовка закрытого су-

* Я.Г.Этингер — врач, лечивший высшую советскую элиту, был арестован в ноябре 1950 г. как еврейский националист. Он обвинялся в убийстве А.С.Щербакова — 1-го секретаря Московского горкома ВКП(б). В.С.Абакумов тогда посчитал полученные под пытками показания Этингера надуманными, объявил «дело» «не заслуживающим внимания». 2 марта 1951 г. Этингер скончался в камере Матросской тишины (РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 74. Д. 46. Л. 19).

дебного процесса по схеме разоблачения «заговора американско-сионистской агентуры»¹⁹. Для правящих кругов стран, входивших в советский блок, эта интенсивно развивавшаяся в СССР кампания стала своего рода сигналом к новой «охоте за ведьмами».

В таких условиях представляется естественным запрос заместителя министра иностранных дел СССР А.Е. Богомолова, направленный 5 октября 1951 г. послу СССР в Венгрии Е.Д. Киселеву. В нем излагалась просьба срочно выслать характеристики на З.Ваши, министра внешней торговли А.Собека, его заместителя Л.Хай и др. 11 декабря 1951 г. характеристики на этих лиц были отправлены в Москву²⁰.

27 декабря 1951 г. в аппарате МИД СССР была составлена специальная справка о подготовке партийно-государственных кадров в Венгрии. И в ней, и в вышеназванных документах проводилась мысль, «что ряд сомнительных в политическом отношении лиц занимает руководящие посты в министерстве культуры и министерстве внешней торговли». Конкретно речь шла о Ваши и Собеке, которые, по мнению посла, высказанному в письме Богомолову 17 декабря 1951 г., «проявляют националистические тенденции..., позволяя себе ряд недопустимых высказываний по поводу деятельности советских предприятий в Венгрии»²¹. Наиболее наглядно, по мнению составителей справки, «националистические тенденции» проявляются в идеологической работе ВПТ. Й.Реваи, возглавлявший этот участок работы, обвинялся, в частности, в том, что был инициатором смены состава правления Союза венгерских писателей и привлечения к руководству Союза «писателей-попутчиков». В Справке давались общая оценка ситуации в ВПТ («...в настоящее время многие партийные комитеты допускают серьезные ошибки в области бдительности. У членов партии необходимо усиливать революционную бдительность против буржуазных националистических элементов и агентов империализма») и рекомендации советскому посольству («Сигналы о наличии у некоторых членов партии националистических настроений, в том числе и у ряда руководящих работников... требуют со стороны посольства изучения этих националистических тенденций») ²²²³.

Таким образом, в начале 50-х годов в Венгрии, как и в Польше, антисемитская кампания не приняла открытого характера. Она протекала в латентных формах как борьба с «националистическими тенденциями», с деятельностью «реакционных и антидемократических элементов». Реальным проявлением этого стало удаление двух высших партийных функционеров — Й.Реваи и министра обороны М.Фаркаша — евреев по национальности из системы высшей исполнительной власти. Они не были рекомендованы в вице-премьеры, поскольку, как считал М.Ракоши, «избрание их заместителями премьер-министра послужит серьезной почвой для антисемитской агитации». Хотя Ракоши полагал, что им «будет трудно подобрать соответствующую замену» и объяснить партийным массам причину «отсутствия этих товарищей среди заместителей премьер-министра», руководство ВПТ пошло на такую кадровую реорганизацию правительства²⁴.

На том же общеполитическом фоне, но по-иному развивались в 1951—1952 гг. события в Чехословакии. Как уже отмечалось выше, на рубеже 1950—1951 гг. по Чехословакии прокатилась волна арестов среди верхнего слоя партийно-государственной номенклатуры. Шли следствия по делу В.Клементиса, А.Лондона, О.Шлинга, М.Швермовой. Большую часть арестованных объединяло то, что они принадлежали к лондонской части чехословацкой коммунистической эмиграции, поэтому было несложно инкриминировать им обвинения в связях с западными разведками. Но для «раскручивания» крупного процесса нужна была более значимая политическая фигура, чем находившиеся под следствием В.Клементис и О.Шлинг. К лету 1951 г. стало очевидно, что внутрипартийная верхушка начала поиски такой фигуры. Об этом, в частности, свидетельствовала весьма показательная шифротелеграмма Ракоши Сталину 9 июля 1951 г.: «В Москву. Тов. Филиппову. Тов. Копржива, начальник Чехословацкой госбезопасности, член политбюро Чехословацкой Компартии просит у нас данные (так в тексте. — *Авт.*) относительно чехословацких враждебных элементов. Ввиду того, что борьба против таких элементов в Чехословакии теперь боле[e] серьезная, мы передадим наши данные. Ракоши»²⁵.

В это же время в донесениях советских советников, в частности В.А.Боярского, в МГБ СССР появился сюжет о еврейских националистах и приводились показания бывшего заместителя министра внешней торговли Э.Лебла, арестованного 24 ноября 1949 г., на Р.Сланского и его брата. Впоследствии и в своих мемуарах Е.Лебл объяснил причину своего поведения на допросах расчетом на то, что их протоколы станут известны руководству партии и последнее поймет абсурдность «показаний» и его невиновность как подследственного²⁶.

Советская сторона, как свидетельствуют документы российских архивов, к этому времени располагала сведениями, полученными через Комитет информации от посла СССР в Праге М.А.Силина «о связях Р.Сланского с западными агентами». Сам Силин счел нужным в феврале 1953 г. напомнить В.М.Молотову и Г.М.Маленкову в специальных письмах о ранее, в 1948 г., направленном им в Москву компромете на Сланского²⁷. Хотя автор писем не раскрывал источников полученных им данных, можно предположить, что он в своей информации 1948 г. базировался на материалах чехословацкой службы безопасности, в недрах которой уже с лета этого года было создано специальное подразделение, собиравшее сведения о руководящих функционерах КПЧ. В числе первых через бывших агентов гестапо были получены компрометирующие данные на Р.Сланского, Б.Геминдера, Й.Франка²⁸.

Политическая фигура Сланского как возможного главного обвиняемого на столь необходимом для правящей верхушки крупном политическом процессе могла устроить многих. Он был ответственен за расстановку кадров в партийном и государственном аппаратах. Это давало возможность переложить на него вину за становившиеся все более очевидными провалы в экономической политике

и перманентное снижение жизненного уровня в стране, подрывавшие доверие населения к правящей политической верхушке. В соответствии с коммунистическим менталитетом тех лет достаточно было инкриминировать ему внедрение в верхние эшелоны власти, в партийный и государственный аппарат лиц, якобы связанных с иностранными спецслужбами, как открывалась возможность объяснить обществу причины всех неудач деятельностью шпионов и классовых врагов. Материалы российских архивов, особенно АВП РФ, показывают, как, начиная с лета 1951 г., усиливался поток компромата на Р.Сланского, поступавший в советское посольство. Записи бесед советских дипломатов с представителями правящей верхушки КПЧ А.Чепичкой, В.Копецким, А.Новотным, Ю.Дюришем, З.Неедлы, А.Запотоцким и др., проходивших с июля по ноябрь 1951 г., свидетельствуют, что эти политики составляли ядро группировки, выступавшей против Сланского²⁹.

Советники МГБ СССР, трудившиеся в органах госбезопасности Чехословакии над организацией процесса, подобного процессу Л.Райка в Венгрии, также видели в Сланском весьма подходящую кандидатуру. Сложность же по сравнению с Т.Костовым и Л.Райком, В.Клементисом, О.Шлингом и др. заключалась в том, что Сланский принадлежал к той части коммунистической эмиграции, которая в годы войны находилась в Москве. Он пользовался доверием ЦК ВКП(б), несмотря на компромат, направленный на него в 1948 г. Через Сланского на протяжении семи лет внешнеполитический отдел ЦК ВКП(б) получал исчерпывающую информацию о ситуации в Чехословакии и руководстве компартии. Думается, что именно это обстоятельство объясняет негативную реакцию И.В.Сталина на первые сообщения, поступившие из Праги летом 1951 г. об участии Сланского в «антипартийном заговоре».

18 июля 1951 г. И.В.Сталин получил информацию главного военного советника в Праге генерал-полковника Н.И.Гусева, который сообщал военному министру СССР А.М.Василевскому, ссылаясь на беседу с А.Чепичкой: «Поздно вечером 16.7.51 г. в Ланы прибыл министр госбезопасности Копржива с показаниями бывшего министра иностранных дел А.Лондона* и других, которые после пятимесячного молчания, рассчитывая на изменение обстановки в стране, наконец показали, что главным руководителем шпионов и заговорщиков являются генеральный секретарь ЦК КПЧ Сланский и Геминдер». Как сообщал Гусев, Чепичка и Готвальд « всю ночь обсуждали положение и думали, если Копржива сообщит это Сланскому, могут произойти неприятности»³⁰.

В ответ на полученную информацию и вопрос Чепички, что делать, Гусев предложил Готвальду «посоветоваться с тов. Сталиным или тов. Маленковым»³¹. Трудность ситуации для группировки, выступавшей против Сланского, заключалась в том, что 31 июля 1951 г. Сланскому исполнилось 50 лет и правительством было принято по-

* В действительности А.Лондон был зам. министра иностранных дел.

становление наградить его высшей государственной наградой. Президенту К.Готвальду предстояло утвердить это решение правительства. Хотя, как свидетельствуют документы, за спиной Сланского шла работа по подготовке процесса, юбилей его был торжественно отмечен, юбиляр был награжден «Орденом республики».

Н.И.Гусев в своем донесении писал: «По-моему, необходим здесь представитель ЦК ВКП(б), который мог бы оказать помощь тов. Готвальду при решении этих вопросов»³². Наряду с донесением Гусева в Москву И.В.Сталину были направлены и следственные материалы показаний, касавшиеся Р.Сланского и Б.Геминдера. Реакция Сталина была немедленной. 20 июля он дал телеграмму, адресованную Готвальду: «Получил следственные материалы насчет тов. Сланского и тов. Геминдера. Мы считаем материалы недостаточными и думаем, что они не дают оснований для обвинения. Мы полагаем, что нельзя только на основании показаний известных преступников делать выводы, нужны еще факты, подтверждающие такие показания. Ввиду недостаточно серьезного отношения к этому делу мы решили отозвать Боярского* в Москву»³³. Готвальд 20-го же июля не замедлил подтвердить свое согласие с позицией Сталина: «Я вполне согласен с Вами, что на основании следственных материалов нельзя подвергать обвинению упомянутых товарищей... Это мое мнение с первого момента, когда я узнал об этом деле»³⁴.

Думается, однако, что такая позиция Готвальда была им несколько скорректирована сдержанно негативной реакцией Сталина на информацию из Праги 18 июля 1951 г. Известно, что 17 июля 1951 г. К.Готвальд после беседы с Л.Копрживой о показаниях А.Лондона обсуждал с А.Чепичкой вопрос о возможности сосредоточения в своих руках всей полноты власти в стране³⁵. По-видимому, реакция Сталина заставила Готвальда и его окружение, добивавшееся превращения Сланского в главного виновника очевидных провалов политики «ускоренного строительства социализма», попытаться убедить советское руководство в правильности своего выбора.

23 июля 1951 г. со специальной информацией о показаниях Лондона против Сланского и Б.Геминдера в Москву, куда Сталин пригласил Готвальда, был направлен Чепичка. На встрече, как позднее вспоминал Чепичка³⁶, рассматривались присланные из Праги протоколы допросов. В обсуждении приняло участие узкое руководство ВКП(б) — Л.П.Берия, Н.А.Булганин, Л.М.Каганович, Г.М.Маленков, Н.С.Хрушев³⁷. Важно отметить, что в кабинет И.В.Сталина вместе с А.Чепичкой вошел болгарский лидер В.Червенков, присутствие которого на беседе вовсе не было случайным.

* Отзыв Боярского мог быть также обусловлен и начавшейся чистой рукой руководства МГБ СССР, снятием В.С.Абакумова с поста министра и назначением на эту должность С.Д.Игнатъева.

Судя по воспоминаниям Чепички, Сталин резко критиковал работу советского советника в болгарской госбезопасности³⁸.

Докладывая советской стороне, А.Чепичка наполнил свое выступление откровенными выпадами против Р.Сланского. Авторы не располагают материалами доклада Чепички Сталину. Однако его резко отрицательное отношение к Сланскому откровенно прозвучало уже в ходе беседы с военным советником Гусевым, когда он информировал последнего о первых показаниях А.Лондона против Р.Сланского. В частности, Чепичка сказал: «Сланский всегда на заседаниях имеет с собой оружие, и если он узнает от Копрживы о показаниях на него, то не исключена возможность покушения с его стороны на тов. Готвальда. Ведь Сланскому, если он мерзавец, терять нечего»³⁹.

При обсуждении полученной от Чепички информации Сталин, ссылаясь на примеры из истории СССР, вновь подчеркнул необходимость весьма осторожно относиться к показаниям, полученным на допросах⁴⁰. Он прекрасно знал, каким образом возникают такие показания.

Итогом «миссии Чепички» стало письмо И.В.Сталина К.Готвальду, в котором была изложена позиция, выработанная на совещании 23 июля в Москве. «Мы по-прежнему считаем, — писал И.В.Сталин, — что показания преступников без фактов, подтверждающих эти показания, не могут служить основанием для обвинения деятелей, известных партии по их большой положительной работе...

Вместе с тем по многим данным, исходящим от наших советских работников, нам стало ясно, что Сланский наделал много ошибок в области выдвижения и расстановки руководящих кадров. Он оказался подслеповатым и слишком доверчивым, ввиду чего заговорщики и преступники довольно свободно и безнаказанно орудовали во вред партии и народа. Нам кажется поэтому, что нельзя держать на посту Генерального секретаря человека, который плохо разбирается в людях и допускает часто ошибки в деле распределения кадров. Поэтому мы думаем, что его следовало бы заменить другим»⁴¹.

Таким образом, «миссия Чепички» принесла свои результаты: Сталин дал согласие на снятие Сланского с поста Генерального секретаря. Готвальд 26 июля 1951 г. поспешил сообщить в Москву: «Ваше письмо от 24 июля 1951 г. получил. Сегодня информировал о нем тов. Запотоцкого. Мы согласились с организационными мероприятиями, которые Вы советуете в деле с тов. С. Мы думаем при реорганизации правительства — примерно в сентябре этого года назначить тов. С. членом правительства и в связи с этим освободить от настоящей функции. Мы исходим из того, что тов. С. должен и впредь исполнять ответственную работу, хотя бы на другом участке. Просим, чтобы Вы нам сообщили Ваше мнение насчет этого решения»⁴².

В Кремле предложения Готвальда были приняты: «Ваше письмо получили. Согласны. Филиппов. 27 июля 1951 г.»⁴³ Итак, после согласования действий с Москвой и получения «добро» операция

по вытеснению Р.Сланского с политической арены страны была выведена «из подполья». В сентябре 1951 г. на заседании пленума ЦК КПЧ он был освобожден от обязанностей генерального секретаря и назначен заместителем председателя правительства.

Материалы российских архивов показывают, что усилившийся с сентября поток компромата на Сланского со стороны А.Чепички, В.Копецкого, А.Новотного и др., который они передавали по дипломатическим каналам в Москву, был прицельно направлен на доказательства антипартийной вредительской деятельности бывшего генерального секретаря.

Так, например, Чепичка в беседе с советником советского посольства в Праге П.Г.Крекотенем рассказывал: «Во многих первичных парторганизациях, где обсуждается письмо ЦК о сентябрьском пленуме ЦК КПЧ, критикуют Сланского и спрашивают, почему Сланскому после допущенных им ошибок поручили такой ответственный пост в Совете Министров и в руководящих партийных органах. Многие члены партии спрашивают на партсобрании, не являются ли ошибки Сланского в вопросе засорения кадров вражескими элементами сознательно проводимой линией. О позиции, занимаемой Сланским сейчас, пока трудно сказать что-либо определенное...» Далее по ходу беседы Чепичка выводил советского дипломата на деятельность еврейской общины в Чехословакии, которая, по его словам, «тесно связана с сионистскими, югославскими и англо-американскими разведчиками... Уже после февральских дней 1948 г. руководство Национального фронта пыталось установить, какими ценностями и средствами располагает еврейская община, однако секретариат ЦК КПЧ взял под защиту еврейскую общину и не разрешил провести это мероприятие. Теперь выясняется, что имущество и ценности на сотни миллионов крон исчезли неизвестно куда, скорее всего переправлены за границу»⁴⁴.

Сообщая, что в аппарате ЦК работает много евреев, Чепичка объяснял это целенаправленной политикой Сланского, который, по мнению Чепички, поддерживал евреев при направлении их на работу в аппарат ЦК. Появление в информациях Чепички сюжетов о еврейской общине, о связях с ней ряда политиков, близких к Сланскому, отнюдь не было случайным. Совершенно очевидно, что они диктовались желанием противостоящих Сланскому пражских и братиславских политиков использовать его еврейское происхождение для доказательства связей генерального секретаря с сионистскими организациями и, таким образом, ввести готовящееся «дело» в рамки той антисемитской кампании, которая набирала силу в СССР.

О наличии в руководящей верхушке КПЧ в 1951 г. двух противоборствующих за спиной Готвальда группировок откровенно рассказывал советским дипломатам Копецкий еще в сентябре 1951 г. Он отмечал, что внутри руководства сложилась группа политиков — Р.Сланский, Й.Франк, И.Гендрих, Б.Геминдер и др., возмнивших себя хозяевами в партии. «Видные деятели партии чувствовали, — сообщал в Москву П.Г.Крекотень о своей беседе с Копецким, — как эта группа оттирает их от руководства и как они

(Копецкий, Неедлы, Дюриш и др.) постепенно становились людьми 3 и 4 разряда. Аппарат секретариата ЦК КПЧ постепенно превратился в инородное тело партии. Работники, сидевшие в аппарате ЦК, в своем большинстве не знали чешского языка, не знали и не понимали чешский народ. Эти люди никогда искренне не любили Советский Союз и им безразлично, кому служить»⁴⁵.

В Москву также сообщалось, что все кадры, рекомендованные секретариатом на ответственные посты, оказались вражеской агентурой. «В большинстве своем это были люди, жившие в Англии и находившиеся на службе в английской армии. Кроме того, эти люди были, как правило, космополитами. Достаточно сослаться хотя бы на такие факты, как состав бывших секретарей обкомов: Шлинг, Фукс, Ломский, Ланда — оказавшихся английскими шпионами... Такое же положение было в министерствах госбезопасности, национальной обороны, внутренних дел и т.д.». И далее делался вывод, что существовала «целая система направления на руководящую партийную и государственную работу людей, живших на Западе, и, безусловно, враждебных народно-демократическому строю»⁴⁶.

Эта и подобная информация, исправно поставляемая в Москву по разным каналам, достигла своей цели. Как свидетельствуют документы АП РФ, арест Сланского, проведенный 23 ноября 1951 г., был напрямую санкционирован Москвой. Это подтвердил впоследствии старший советник МГБ СССР в органах госбезопасности ЧСР А.Д.Бесчастнов, который в ноябре 1951 г. сменил на этом посту отошедшего Сталиным Боярского. По словам Бесчастнова, в Прагу со специальным решением ЦК ВКП(б) приехал один из членов Политбюро⁴⁷. Чешский исследователь К.Каплан, на основе изучения рукописных записей К.Готвальда пришел к выводу, что посланцем Сталина был А.И.Микоян, побывавший в Праге в ноябре 1951 г. Предположительные даты визита 11 или 22 ноября⁴⁸. Сталин, как показывают материалы Архива Президента РФ, держал «дело» Сланского на контроле, получая регулярно информацию из Праги, как по линии МГБ через советских советников, так и по дипломатическим каналам.

Так, сразу после ареста Сланского в ноябре 1951 г. министр госбезопасности С.Д.Игнатъев направил Сталину донесение советского советника Б.С.Есикова о его встрече с К.Готвальдом, в ходе которой Готвальд просил тщательно разобраться в «деле» бывшего генерального секретаря. 28 ноября 1951 г. советский посол А.И.Лаврентьев дал срочную информацию в Москву на имя Сталина о том, что А.Запотоцкий по согласованию с Готвальдом обратился к советскому руководству с просьбой прислать в помощь чехословацким следователям двух советских специалистов. Уже 30 ноября Игнатъев доложил Сталину о выделенных его ведомством кандидатурах. В Прагу были направлены полковник Сорокин и подполковник Морозов, утвержденные на заседании Политбюро ЦК ВКП(б)⁴⁹.

29 ноября 1951 г. Бесчастнов сообщил в Москву о том, что в ходе следствия по «делу» Сланского обнаружено некое письмо от

сотрудника американской разведки Франка. «Готвальд, — писал Бесчастнов, — прочитав это письмо, сказал... очень возможно, что оно адресовано Сланскому»⁵⁰. 3 декабря 1951 г. Игнатьев направил Г.М.Маленкову сообщение о новом документе, якобы разоблачающем Сланского как агента империалистической разведки. Он, в частности, сообщил, что в архиве МГБ СССР с 1949 г. хранится письмо из Чехословакии в Австрию от некоей Ирены Клойберовой, которое де было обнаружено только в 1951 г., а при обработке этого документа в тайнописи имеется подпись Сланского⁵¹. Можно предположить, что текст этого письма был изготовлен «умельцами» из МГБ СССР и в нужный момент передан «наверх» руководству. Сталину также были направлены показания А.Лондона и К.Шваба — бывшего заместителя министра внутренних дел — против Сланского, полученные в ходе следствия. 30 декабря 1951 г. Сталин специальной телеграммой известил К.Готвальда о необходимости освободить от работы министра госбезопасности Л.Копрживу, поскольку он, по мнению Сталина, «является человеком Сланского, ввиду чего его опасно держать на таком ответственном посту»⁵².

Такая рекомендация решила судьбу Копрживы: он был не только снят с работы, но и арестован в 1952 г.

Арест Сланского стал прологом к новой волне репрессий. Происходили интенсивные поиски его сторонников во всех звеньях партийного и государственного аппарата, которые сопровождалась подъемом антисемитских настроений в чешском и словацком обществах. Впоследствии один из ветеранов чешского коммунистического движения, бывший посол ЧСР в Москве К.Крейбих написал письмо протеста К.Готвальду. В нем он прямо заявил, что процесс Сланского «имел антиеврейское, антисемитское направление и... этот процесс является самым черным пятном в истории чешского народа... Процесс против антигосударственного центра... подстрекает и всячески разжигает антисемитские настроения среди населения»⁵³.

Страна вступила в фазу антисемитской истерии. Сразу после ареста Сланского, еще до доказательства его вины, в обществе развернулась кампания по отправке резолюций в ЦК КПЧ с требованиями разоблачения врагов и их самого жестокого наказания. К концу декабря 1951 г. в ЦК было получено 2355 писем и телеграмм с подобными требованиями⁵⁴.

К началу 1952 г. по «делу» Сланского были арестованы представители партийно-государственной верхушки, курировавшие развитие экономики страны: Л.Фрейка — руководитель народно-хозяйственного отдела канцелярии Президента республики; Й.Гольдман — председатель Госплана и представитель Чехословакии в СЭВ; Й.Франк — секретарь ЦК, курировавший вопросы развития промышленности; Б.Геминдер — заведующий международным отделом ЦК КПЧ; А.Грегор — министр внешней торговли и ряд других лиц.

На этих политиков, обвинив их в шпионско-подрывной деятельности против режима, можно было не только переложить от-

ветственность за нарастание социально-экономической напряженности в стране, но и дать аргументированное, с точки зрения руководящей верхушки, объяснение неудач в «ускоренном построении социализма», объяснение, которое могло быть принято значительной частью общества.

Органами госбезопасности при активном участии советских советников конструировался «антигосударственный центр заговорщиков» путем приобщения к «делу» Сланского лиц, арестованных в конце 1950 — начале 1951 г. С помощью такого «подтягивния» круг заговорщиков искусственно расширялся. В него были включены и высокие партийные функционеры, и ведущие экономисты, и представители силовых структур в лице министров и заместителей министров. В числе участников «заговора» оказались В.Клементис, Б.Райцин, К.Шваб, О.Шлинг, А.Лондон, Е.Лебл, Й.Гайду, М.Швермова и др. Как сообщало югославское радио, всего по делу «об антигосударственном заговоре» было арестовано 3000 человек⁵⁵.

Материалы российских архивов свидетельствуют, что проведению судебного процесса «над бандой Сланского» предшествовала неформальная консультация К.Готвальда с И.В.Сталиным во время XIX съезда КПСС в октябре 1952 г. По словам В.Широкого, который рассказывал на заседании президиума ЦК КПС о встрече чехословацкой партийной делегации со Сталиным на одной из подмосковных дач, советский лидер при обсуждении вопроса о предстоящем в Праге судебном процессе над Сланским якобы сказал: «А все-таки Клементис верный человек». И на замечание Готвальда о том, что В.Клементис — враг и его скоро будут судить, Сталин ответил: «То, что вы будете судить его, это ваше дело. Мы его считаем верным человеком»⁵⁶.

Если верить словам Широкого, Сталин, сказав — «это ваше дело», по существу предоставил Готвальду, как и в случае с Т.Костовым в Болгарии, свободу действий в решении судьбы отнюдь не только В.Клементиса, но и всех остальных арестованных по «делу об антигосударственном заговоре».

В чем же обвинялись «заговорщики», кроме связей с «сионистскими организациями», а через них и с «американским империализмом»? В протоколе процесса было официально зафиксировано: «Антигосударственный центр Сланского, равно как и титовцы в Югославии, придумали так называемую теорию чехословацкого особого пути к социализму. Под прикрытием этой теории, что собственно означало восстановление капитализма в республике, центр осуществлял подготовку к восстановлению старых отношений в Чехословакии по примеру Тито и под руководством английских и американских империалистов»⁵⁷.

Таким образом, организаторы процесса стремились убедить общество в существовании в стране гигантской опасности, связывая ее с наступлением сионистской угрозы после образования государства Израиль и его подчинения США. Сионизм, если судить по материалам февральского (1952 г.) пленума ЦК КПЧ, рассматривался руководителями Чехословакии как «новый канал, по которо-

му предательство и шпионаж проникают в коммунистическую партию», а антисиионизм как «защита от американской шпионской, диверсионной и подрывной агентуры»⁵⁸.

27 ноября 1952 г. суд вынес приговор, в соответствии с которым 11 человек, в том числе Р.Сланский, Б.Геминдер, Л.Фрейка, Й.Франк, В.Клементис, Б.Райцин, К.Шваб, О.Шлинг и др. были приговорены к смертной казни.

3 декабря 1952 г. приговор был приведен в исполнение. На этом «дело» Сланского не было закончено: его продолжением внутри страны стала развернувшаяся в атмосфере роста антисемитизма и национализма тотальная смена кадров партийного и государственного аппарата, деятельность которого перестраивалась по советскому образцу.

С точки зрения политической логики советского руководства, делавшего ставку на использование межгрупповой борьбы в компартиях всех стран региона с целью получения «управляемого» лидера, «дело» Сланского должно было получить свое развитие прежде всего в Румынии.

Отнюдь не случайно в декабре 1952 г. (т.е. сразу после исполнения приговора над Сланским и др.) новый советский посол в Румынии А.И.Лаврентьев поставил перед Г.Дежем вопрос: «Имеются ли какие-либо данные, говорящие о преступных связях чехословацких предателей с румынскими лицами?»⁵⁹ Хотя Г.Деж ответил, что «на этот счет каких-либо данных у него не имеется», он не преминул подчеркнуть, что антисемитская направленность процесса Сланского уловлена в руководящей верхушке страны: «...В Румынии некоторые работники еврейской национальности известные положения обвинительного заключения против Сланского и др., где говорится о сионистах, восприняли как поход против евреев»⁶⁰.

Интерес советской стороны к откликам на процесс Р.Сланского именно в Бухаресте объяснялся той информацией, которая поступала в Москву от советских советников. Начиная с 1951 г., заместитель главного военного советника по политической части при военном ведомстве Румынии генерал Н.И.Ряпосов «с тревогой» сигнализировал: «...В Румынии до сих пор не проведено скольконбудь крупного политического процесса над врагами народа»⁶¹.

Для организации процесса, который, как показывал опыт Софии, Будапешта и Праги, устроил бы Москву, нужны были активно действующие политические фигуры из высшего эшелона власти. На этот счет Г.Деж имел предварительные «заготовки». В качестве главных «жертв» им были выбраны члены Политбюро В.Лука, А.Паукер и Т.Джорджеску, отношения Г.Дежа с которыми не складывались еще со времени окончания войны.

Вероятно, этот «выбор» определялся несколькими мотивами. Лука и Паукер курировали в Политбюро ряд экономических министерств (например, А.Паукер — министерство земледелия и колхозного строительства, а также внешней торговли; В.Лука — министерства финансов, нефти и шахт, государственную плановую комиссию) и на них можно было возложить вину за хозяйствен-

ные неудачи 1950—1951 гг. Джорджеску контролировал две «силовые» ветви власти — МВД и юстицию и мог стать виновником «недоработок» этих ведомств «в борьбе с врагами».

В отношении Луки, Джорджеску и Паукер скорее всего учитывался и конъюнктурный момент: Паукер и (по некоторым сведениям) Джорджеску были евреями, Лука (венгр по национальности) был женат на еврейке, что позволяло использовать это обстоятельство в плане «борьбы с сионистами». Не в меньшей мере важной для Г.Дежа, который, напомним, пользовался доверием Москвы, была возможность свести личные счеты (прежде всего с В.Лукой), устранить эвентуальных конкурентов на высшую власть в партии и стране и тем самым исключить существование противоречий в руководстве РРП.

Такие противоречия, принимавшие нередко форму конфликтов между коммунистами, прибывшими в Румынию в 1944 г. из СССР (А.Паукер, В.Лука, Л.Реуту, В.Роман и др.) и теми, кто провел военное время на территории страны (Г.Деж, Т.Джорджеску, Э.Боднараш, Г.Апостол, М.Константинеску, А.Могиорош и др.), обнаружались еще в первые послевоенные годы⁶². Но в течение ряда лет они находились в приглушенном состоянии и отодвигались на второй план главными задачами момента — борьбой компартии за полное оттеснение всех некоммунистических сил от власти. В 1947—1948 гг., когда вопрос о монополии власти компартии был фактически решен, противоречия в руководстве РРП становились все более явными и, более того, как можно судить по документам российских архивов, Москве была ясна расстановка сил в этом руководстве и причины конфликтов в нем. В беседе с Г.Дежем и А.Паукер 2 февраля 1947 г. И.В.Сталин, спросив «имеются ли разногласия в Политбюро румынской компартии и... в чем они состоят...», не принял попытку Дежа «замкнуть» разногласия на фигуре Л.Патрашкану. Сталин не только продемонстрировал знание ситуации в Политбюро ЦК РРП, но и осудил «такое течение» в партии, «которое желало бы, чтобы в партии были только румыны, т.е., чтобы Паукер и Лука, которые не являются румынами по национальности, не могли бы занимать руководящие посты в партии... в этом случае партия из социальной, классовая станет партией расовой»⁶³.

Для Сталина, который улавливал случавшиеся в беседах с ним умолчания Г.Дежа и «приучал» последнего «говорить открыто, правдиво», был тогда чрезвычайно важен факт присутствия в узком руководстве РРП «людей из Москвы». Исходя в первую очередь из этого соображения, он в беседе с румынским лидером 10 февраля 1947 г. упрекал последнего в том, что он «не рассказал ему (Сталину. — *Авт.*) полностью, чистосердечно о националистическом уклоне внутри румынской компартии», что «Деж сам ставил вопрос перед Вышинским о том, что нужно Паукер послать (на работу. — *Авт.*) в Париж». «Это, — подводил итог Сталин, — неправильная и вредная позиция. Нужно хороших работников ценить и выдвигать, независимо от того, румыны они, евреи или венгры»⁶⁴.

Сигналы о разногласиях в руководстве РРП с «креном» в критику позиции Г.Дежа поступали в Москву и по линии советской миссии в СКК. В июне 1947 г. указывалось на «наличие определенного несогласия» внутри ЦК с проводимой Г.Дежем линией и его поведением, «что при углублении может привести к образованию оппозиции, ибо уже сейчас имеются сторонники Дежа и противники его линии... Деж не всегда считает нужным советоваться даже по принципиальным вопросам с членами Политбюро и секретарями ЦК»⁶⁵. Речь шла в первую очередь об А.Паукер, Т.Джорджеску, В.Луку и Э.Боднараше. Последний, вероятно, имел «спецздание» Москвы «приглядывать» за Дежем*.

Можно предположить, что противоречия в ЦК компартии Румынии были одной из причин двухнедельного пребывания в Бухаресте сотрудника аппарата ЦК ВКП(б) В.И.Лесакова в августе 1947 г. Советский «инспектор» констатировал наличие двух группировок в руководстве румынской партии: с одной стороны, Г.Деж, И.Маурер, С.Цайгер, М.Гастон, с другой — В.Лука и А.Паукер. Опираясь на материалы, полученные от СКК, а также в личных беседах с Лукой и Паукер, Лесаков утверждал, что Г.Деж боится усиления влияния и авторитета Луки и Паукер, подозревает последних в стремлении оттеснить его с позиции лидера⁶⁶.

Таким образом, складывание двух, достаточно подвижных в персональном и национальном составе группировок в ЦК компартии Румынии и элементы борьбы между ними за лидирующие позиции (с использованием авторитета и «советов» Москвы) проявились еще в первые послевоенные годы. Но тогда дело не доходило до открытого конфликта и до полной победы одной из двух группировок. Во многом решающую роль здесь играла позиция советских лидеров: Москва по соображениям международной политики и по внутривнутриполитическим региональным причинам (борьба за полноту власти) не была заинтересована в выходе наружу внутренних противоречий в коммунистическом движении.

Однако к 1949 г. положение дел существенно изменилось. Нараставшее на мировой арене противостояние «Запад—Восток», прорвавшееся летом 1950 г. трехлетним открытым вооруженным конфликтом в Корею, усилило стремление советского руководства к внутривнутриполитическому укреплению «восточного блока» путем форсированного формирования в странах региона политической системы советского типа, опирающейся на жестко консолидированное партийное руководство, абсолютно послушное Москве. «Пик» такой консолидации в Румынии пришелся на 1952—1953 гг., и для достижения этого была откровенно использована и Москвой и Г.Дежем «межклановая» борьба в ЦК РРП.

Давно существовавшее по линии Г.Деж — В.Лука противостояние стало с 1949 г. все больше выходить на первый план. Информа-

* В 1935—1936 гг. Э.Боднараш был слушателем школы специального назначения НКВД СССР (РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 33. Л. 59).

ция, поступавшая в Москву по дипломатическим каналам из Бухареста, наполнялась компроматом против Луки. Причем источником такого рода материалов были первые лица партии и государства.

Так, Г.Деж в своих беседах с послом СССР С.И.Кавтарадзе в апреле 1949 г. открыто высказывал недовольство Лукой, обвиняя последнего отнюдь не только в диктаторских замашках и нетерпимой грубости в отношениях «с ответственными товарищами». Наибольшее беспокойство Г.Дежа вызывало стремление Луки расшатывать министерство финансов в качестве рычага для усиления своей руководящей роли в правящей верхушке: «Он производит такое впечатление, как будто он дает деньги не из государственной кассы, а из своего кармана и в порядке милости или одолжения... Мне легко, — добавил Г.Деж, — работать со всеми товарищами — с Паукер, Джорджеску и с другими, а с Лукой без обострений и неприятностей дело не обходится. Ответственные товарищи, имеющие непосредственно к нему относящиеся вопросы, избегают его и стараются разрешить их через нас»⁶⁷.

За такой характеристикой В.Луки явно просматривалось намерение Г.Дежа скомпрометировать своего конкурента во властных структурах перед представителем Москвы. Тем более, что этот конкурент в прошлом был членом ВКП(б) (1941—1944 гг.), депутатом Верховного Совета СССР с 1940 по 1946 г. и всю войну находился в распоряжении VII Управления (работа среди войск и населения противника) Главного политуправления Красной Армии⁶⁸. Последнее означало, что Лука, по мнению Г.Дежа, мог располагать в Москве дополнительным кредитом политического доверия. Опасаясь, что Лука скрытно претендует на пост генерального секретаря (а это подтверждала А.Паукер), Г.Деж и стремился скомпрометировать Луку в глазах Москвы⁶⁹. Из информации советника МГБ СССР в Румынии А.М.Сахаровского, поступившей В.С.Абакумову 16 июня 1950 г., следует, что Г.Деж имел напряженные отношения не только с Лукой, но и с Паукер. Опираясь на материалы бесед посла Кавтарадзе с Паукер, советник доносил, что Паукер жаловалась на Г.Дежа, который якобы изолирует ее и Луку от решения некоторых вопросов. Советник делал вывод: «Не исключено, что такими заявлениями Паукер пытается создать у Георгиу Деж отрицательное мнение у советских представителей». Характеризуя личные качества Паукер, Сахаровский констатировал: «...В личной жизни не отличается скромностью., окружает себя приближенными из числа евреев...»⁷⁰

Со второй половины 1951 г. Г.Деж получил реальный шанс расправиться со своим давним и главным конкурентом в ходе подготовки и принятия решения о денежной реформе*. 4 июля 1951 г.

* Первая денежная реформа в Румынии была проведена в 1948 г. при участии советских специалистов и, по мнению Г.Дежа, «дала хорошие результаты» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 209. Л. 78).

он обратился к И.В.Сталину с просьбой провести анализ внутренней ситуации Румынии силами советских экономистов и решить вопрос о денежной реформе. Эта просьба находилась в русле крупномасштабных планов Москвы «стянуть» страны региона экономическим обручем — рублем. И в данном случае речь шла о «привязке» румынской леи к рублю, как общеплатежной денежной единице стран СЭВ. Деж признавал, что идея денежной реформы была ему подсказана Сталиным. По-видимому, вопрос о необходимости новой денежной реформы мог быть затронут на встрече Сталина с правительственной делегацией в составе Г.Дежа, А.Пау-кер, М.Константинеску и др. 28 марта 1951 г.⁷¹

Поскольку это должна была быть одна из первых финансовых реформ в странах Восточной Европы после утверждения монопольной власти компартий, то для Москвы было чрезвычайно важно провести ее в политически спокойной атмосфере. 4 августа 1951 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «согласно просьбе тов. Дежа, направить в Румынию группу товарищей для оказания помощи румынским друзьям по финансово-экономическим вопросам»⁷². Группу, прибывшую в Бухарест 15 августа 1951 г., возглавил известный советский финансист И.Д.Злобин, который впоследствии проводил денежные реформы в других странах региона.

Накануне приезда советских специалистов Г.Деж 13 августа 1951 г. обсуждая с С.И.Кавтарадзе вопросы секретности при подготовке реформы, не преминул высказать свои претензии к В.Луке: «...Что касается его (Луки. — *Авт.*) жены, то и в отношении нее у меня нет твердой уверенности. У нее родственники за границей, в частности, в Израиле... Лука от нее не скрывает секретов, и таким образом получается канал, через который может просачиваться любая тайна... Имеется факт, продолжающий вызывать подозрение: нами было вынесено на заседании узкого секретариата секретное решение, касающееся евреев. Буквально на другой день все еврейское население Бухареста уже знало о состоявшемся решении...» Симптоматичным был и ответ Кавтарадзе на этот счет: «...В таких случаях нужно принимать самые строгие меры и не считаться с личными обидами даже самых ответственных товарищей... Я бы считал крайне необходимым и неотложным, если бы Вы специально поставили этот вопрос перед руководством...»⁷³

Таким образом, накануне принятия чрезвычайно важных решений, касавшихся именно министерства финансов, возглавляемого В.Лукой, сознательно создавалась атмосфера недоверия к главе этого ведомства. Достаточно было малейшего неосторожного шага со стороны Луки, чтобы «курок» был спущен. Критическая ситуация возникла уже 20 августа 1951 г., когда группа Злобина встретилась с Лукой для обсуждения перспектив денежной реформы. Лука в этой беседе, как показывают документы Архива Президента РФ, занял резко негативную позицию. Как сообщал Злобин в Москву (с документом ознакомился Сталин), Лука «неожиданно заявил, что разговоры о необходимости проведения денежной ре-

формы необоснованны и не вызываются фактическим состоянием страны. Ни о какой инфляции в Румынии не может быть и речи... Поэтому если и придется проводить денежную реформу., то не потому, что нам угрожает инфляция, а с тем, чтобы приравнять лею к советскому рублю... Провести денежную реформу можно будет не ранее, чем через год—полтора, и провести это мы сможем собственными силами, и задерживать советских товарищей нет необходимости»⁷⁴.

Такая позиция министра финансов совершенно не сопрягалась ни с позицией Г.Дежа, ни с планами Москвы. Попытка советских экономистов через С.И.Кавтарадзе и Г.Дежа добиться изменения позиции В.Луки привела лишь к временному отступлению министра.

Между тем в начале октября 1951 г. руководитель группы советских экономистов И.Д.Злобин высказался за быстрое проведение денежной реформы, а 15 ноября 1951 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило: «Сообщить румынским друзьям о том, что комиссия считает целесообразным проведение денежной реформы на основе принципов, разработанных ЦК РРП...»⁷⁵ В такой ситуации положение Луки становилось критическим.

Дав согласие на проведение реформы и приняв участие в обсуждении ее проекта на заседании Секретариата ЦК РРП 27 ноября, Лука высказал ряд принципиально важных замечаний. Он настаивал на необходимости указать в проекте, что проведение денежной реформы вызвано не внутренними потребностями страны, а внешнеполитическими соображениями. Далее Лука резко возражал против указания в качестве причин реформы развивающуюся инфляцию и рост цен, что, по его мнению, совершенно не соответствовало действительности. Секретариат ЦК РРП не принял поправок Луки и он был вынужден подписать проект реформы. Советские финансовые специалисты расценили позицию Луки как попытку «всяческого послабления налогового обложения крестьян и городского частника», что приводило якобы к трудностям в снабжении по карточкам, «мешочничеству» рабочих, вздуванию цен и обогащению частника⁷⁶. Такие обвинения Луки охотно подтверждались Г.Дежем в беседах с советскими советниками. Он, в частности, сообщил в апреле 1952 г., что в течение 1949—1951 гг. от сельхозналога в Румынии был незаконно освобожден 1 млн 200 тыс. крестьянских хозяйств. Министерство финансов при этом сознательно занижало число кулацких хозяйств и они облагались более щадящим налогом. По мнению Г.Дежа, в Румынии кулаки составляли 10% населения деревни, а налогом было обложено только 2,5%⁷⁷.

Таким образом, исходя из менталитета лидеров ВКП(б) и опыта разгрома Н.И.Бухарина, советская сторона подводила идейно-политическую основу под позицию В.Луки, расценивая ее как право-оппортунистический уклон. Речь шла прежде всего о налогообложении крестьянства, и в этом вопросе имело место полное совпадение точек зрения Г.Дежа («Необходимо подвергнуть крестьянство налоговому обложению по всем видам имущественных объ-

ектов») и Москвы. Записывая 20 июля 1951 г. информацию Г.Дежа о его встрече с И.В.Сталиным, советский посол отметил, что на этой встрече «румынам указали» — нельзя освобождать крестьян от налогов, «ведь рабочий класс платит»⁷⁸. Тем самым Г.Деж получил мощное обоснование свободы своих действий.

13 марта 1952 г. Сталину поступила информация из аппарата ЦК ВКП(б) о состоявшемся 29 февраля — 1 марта пленуме ЦК РРП, где позиция В.Луки была подвергнута «критическому анализу». Констатировалось, в частности, что Лука проводил «крестьянскую политику», «теоретически сформулировал этот (правый. — *Авт.*) уклон и является его носителем», что «Министерство финансов и Госбанк нередко проводили политику, идущую вразрез в линии ЦК, они действовали в обход ЦК и не считались с его директивами»⁷⁹. На этом пленуме В.Лука признал «свои ошибки». Как показывают другие документы российских архивов и, в частности, поступающие по линии МИД СССР, участники пленума не сразу и не в полной мере поняли замыслы Г.Дежа «придать дискуссии политический характер». Они, оценил Г.Деж, «хотя и выступали с критическими замечаниями, но эти критические замечания политически не были острыми». Как рассказывал Г.Деж в августе 1952 г. новому советскому послу А.И.Лаврентьеву, «на другой день после заседания Могорош, С.Киву и др. стали уверять, что они выступили бы более решительно, если бы им дали понять, что этот доклад (по итогам финансовой реформы. — *Авт.*) и работу министерства финансов нужно критиковать в политическом плане»⁸⁰.

«Дело» Луки целенаправленно выводилось за пределы узкого руководства партии и во многом межличностным отношениям теперь придавался политический характер: пленум назначил комиссию «по расследованию деятельности В.Луки» и по подготовке закрытого письма к членам партии. В процессе подготовки письма, как свидетельствуют документы российских архивов, политическая направленность обвинений Луки выступила в полной мере. Но она вызвала протест некоторых членов Политбюро. Против обвинения В.Луки в правом уклоне протестовал Т.Джорджеску, заявив о своем несогласии с текстом письма⁸¹.

Позиция Джорджеску немедленно стала известна Сталину. 19 марта 1952 г. он получил информацию, которая была подготовлена в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б). В ней, в частности, сообщалось: «В защиту Луки выступил член ПБ Теохари Джорджеску, требовавший коренной переделки письма с тем, чтобы скрыть от партии правооппортунистические ошибки В.Луки. Против предложения Т.Джорджеску выступили гг. Кишиневский, Могорош, Константиnescу...»⁸² Как впоследствии сообщал Г.Деж Лаврентьеву, на следующем заседании Политбюро, когда продолжалось обсуждение доклада об итогах финансовой реформы, Могорош и др. выступили с резкой критикой деятельности Луки, и Могорош в своем выступлении предложил освободить Луку от обязанностей министра финансов⁸³.

В связи с тем, что Т.Джорджеску не согласился с той частью письма, где подвергалась критике правооппортунистическая линия В.Луки, и настаивал на том, чтобы коренным образом переделать письмо, «было внесено предложение квалифицировать в протоколе ПБ выступления Джорджеску как адвоката оппортунизма. После этого Джорджеску не настаивал на своем предложении и голосовал за письмо ЦК»⁸⁴.

Хотя в справке, направленной И.В.Сталину, ничего не говорилось о позиции, занятой на заседании Политбюро ЦК РРП А.Паукер, Москве тем не менее по дипломатическим каналам стало известно, что она «выступила по существу в защиту В.Луки и Т.Джорджеску»⁸⁵.

Позиция Джорджеску представляла для Г.Дежа немалую опасность. Он получил еще одного оппонента, в руках которого был сконцентрирован контроль за карательными органами, госбезопасностью и партийными кадрами. Поэтому отнюдь не случайно Г.Деж на встречах с советскими советниками в марте—апреле 1952 г. большое внимание уделил критике позиций Джорджеску, считая его «наиболее опасным, чем Лука»⁸⁶. По сообщению военного советника Ряпосова, Г.Деж в своих беседах с ним расценивал выступления Джорджеску на заседании Политбюро «как попытку прощупать единство и крепость ЦК РРП после пленума и возможность сколотить блок»⁸⁷.

При этом Г.Деж настойчиво обращал внимание советской стороны на негативные последствия сосредоточения трех высоких государственно-партийных постов в руках Т.Джорджеску. «...Деж указал, — сообщил Ряпосов в Москву, — что сосредоточение власти в руках Теохари, как зам. председателя Совета Министров, ведающего органами народных советов, как Министра внутренних дел, которому подчинены карательные органы, органы Госбезопасности и милиции, как секретаря ЦК, ведающего руководящими партийными кадрами, он считает ненормальным и высказал соображение о необходимости освобождения Теохари с поста министра внутренних дел.

При этом, — продолжал Ряпосов, — тов. Г.Деж указал на исключительно засоренность органов Госбезопасности и милиции чуждыми элементами, как следствие слабой работы этих органов по борьбе с врагами и привел пример. В странах народных демократий вскрыты крупные шпионские гнезда, у нас же, отмечал он, органы Госбезопасности не могут в течение нескольких лет довести до логического конца дела таких матерых врагов, как Патрашкану, заместителя секретаря ЦК Фориша*, Т.Петреску** и др.» Советник извещал начальника Генштаба С.М.Штеменко о

* Фориш Ш. — один из руководителей компартии Румынии в 1940—1944 гг., по решению ЦК убит весной 1946 г.

** Петреску Т. — в 1944—1947 гг. лидер правого крыла в социал-демократической партии Румынии, арестован в мае 1949 г.

том, что Г.Деж «в ближайшее время будет в Москве и после этого, посоветовавшись там, он примет соответствующее решение и меры...»⁸⁸

Не располагая информацией о пребывании Г.Дежа в Москве в апреле—мае 1952 г. и полученных им советах, можно лишь на основе косвенных сведений установить отношение советского руководства к острым разногласиям и борьбе в Политбюро ЦК РРП. Информация Ряпосова с интерпретированными Г.Дежем сведениями о ситуации, а фактически расколе в Политбюро румынской партии была незамедлительно переправлена военным министром СССР А.М.Василевским и С.М.Штеменко политическому руководству страны и, в частности, В.М.Молотову⁸⁹.

26 мая 1952 г. на заседании Политбюро ЦК РРП при обсуждении вопросов проверки финансовых органов и утверждении протокола заседания Политбюро ЦК РРП от 13 марта позиции В.Луки, Т.Джорджеску и А.Паукер уже расценивались как наличие фракционной группы. 26—27 мая 1952 г. пленум ЦК РРП, заслушав доклад Г.Дежа о существовании правого уклона в партии, сконцентрировал внимание на разборе «дел» Луки, Джорджеску и Паукер. Как позднее рассказывал советскому послу Г.Деж, «эта тройка игнорировала коллегиальность в работе, не допускала по своему адресу каких-либо замечаний, стремясь обезволить работников Центрального Комитета»⁹⁰.

Подвергшиеся критике, по констатации секретаря ЦК РРП М.Константинеску, пытались «уйти от ответственности». Стремление Луки оправдаться тем, что «финансовую политику он проводил при помощи постоянного советского советника Доброхотова» было квалифицировано Г.Дежем как «клевета на советского товарища». Джорджеску и Паукер, соглашаясь с критикой, отвергали обвинения во фракционной деятельности и в том, что были лидерами «примиренчества с правым уклоном».

При формировании нового состава Политбюро ЦК РРП судьба «фракционеров» была решена: все они не были избраны в состав политбюро, а их партийные функции перешли к наиболее жестким критикам «правого уклона». В итоге Г.Деж сконцентрировал в своих руках контроль за финансами, обороной, внутренними делами и внешней торговлей⁹¹.

Рассматривая результаты пленума ЦК РРП, важно подчеркнуть, что в новый состав руководства партии не был введен ни один из лидеров бывших левых социал-демократов. Более того, диктат Г.Дежа и его группировки на пленуме был столь откровенен, что ранее входивший в Политбюро бывший социал-демократ Л.Радачану заявил свою позицию следующим образом: «...Он не возражает против того, что он и никто из социал-демократов не избран в руководство ЦК, но просит отметить в решении пленума, что он не замешан в правом уклоне»⁹².

Решениями пленума ЦК РРП вся власть в партии и стране концентрировалась в руках Г.Дежа, который взял на себя руководство и Советом министров. Кроме того, было решено создать, на-

ряду с МВД, отдельное министерство государственной безопасности*, в подчинении которого в 1953 г. было 55 тыс. военнослужащих⁹³.

Такие перемены в руководстве румынской компартии и государства вряд ли могли происходить без ведома и одобрения Москвы.

Вскоре после пленума, в начале августа 1952 г., В.Лука был арестован, затем судим и приговорен к смертной казни. 4 октября 1954 г. этот приговор был заменен на пожизненные исправительные работы. Он умер в тюрьме 27 августа 1963 г. Судьба Т.Джорджеску сложилась иначе. Он был исключен из партии, понижен в должности и отправлен на работу корректором в издательство политической литературы⁹⁵. Осенью 1952 г. после ареста Луки в условиях нарастающих экономических трудностей по стране прокатилась волна репрессий. Она коснулась в первую очередь среднего звена партийных функционеров (секретари райкомов, горкомов и т.д.). Им инкриминировалась «враждебная деятельность», которая якобы выражалась в противодействии «созданию коллективных хозяйств», в распространении всевозможных слухов, в призывах «саботировать мероприятия партии и правительства»⁹⁶.

Что касается А.Паукер, то, выведенная из состава Политбюро, она до конца января 1953 г. оставалась министром иностранных дел. Можно предположить, что эта политическая «фигура» с ее коминтерновскими корнями и (что более важно) с тесными связями в СКК, а затем с советскими дипломатами, и прежде всего с послом С.И.Кавтарадзе, была Г.Дежу трудна для полного уничтожения. Это предположение подтверждается тем фактом, что Кавтарадзе перед своим отъездом из Бухареста летом 1952 г. спрашивал Г.Дежа, «не имеется ли возможности сохранить Паукер». Более того, по информации Г.Дежа, посол демонстративно просил Елену Киву, работавшую в МИД Румынии, передать привет Паукер⁹⁷.

В свете этого предположения становится понятным, почему после отъезда С.И.Кавтарадзе Г.Деж и его окружение в беседах с советскими дипломатами фокусировали информацию на компрометации А.Паукер. При этом ими была точно избрана версия, которую Москва не могла оставить без реакции, нужной Г.Дежу. Еврейка по национальности, Паукер обвинялась в связях с сионистами. Ей инкриминировали решающую роль «в освобождении израильских шпионов» в 1950 г. Следует заметить, что в беседах с советским послом А.И.Лаврентьевым 9—10 августа 1952 г. Г.Деж не преминул подчеркнуть: «...А.Паукер по этому вопросу беседовала с тов. Кавтарадзе. Он (Г.Деж. — *Авт.*) не знает содержания этой беседы. На соответствующий вопрос Дежа Кавтарадзе ответил ему,

* Управление госбезопасности в рамках МВД Румынии существовало с февраля 1949 г. (Bărbulescu M., Deletant D. Op. cit. P. 488).

что А.Паукер уже ангажировалась перед израильским посланником»⁹⁸.

Давая такую информацию А.И.Лаврентьеву, Г.Деж стремился политически скомпрометировать и советского дипломата, покинувшего Румынию, и А.Паукер, пока еще министра иностранных дел. В связях и поддержке сионистов Г.Деж обвинил и В.Луку, который якобы через свою жену предупредил руководителей еврейских организаций о предстоящих их арестах⁹⁹.

В последующих беседах в сентябре—декабре 1952 г. с советскими представителями Г.Деж и его окружение наращивали подачу компромата антисемитской направленности в Москву. Его центральной фигурой все больше становилась Паукер¹⁰⁰. Поэтому вопрос Лаврентьева о возможных связях «группы» Р.Сланского с румынскими лицами, заданный 6 декабря 1952 г., не только продемонстрировал заинтересованность Москвы в обнаружении таких связей, но и был нужен Г.Дежу как сигнал к действию.

23 января 1953 г. А.Паукер была отстранена от должности министра иностранных дел¹⁰¹. Это стало своеобразным прологом к массовым антисемитским акциям в Румынии, которые Г.Деж напрямую увязывал с прошедшими в Москве арестами «террористической группы врачей» и процессом Сланского в Праге. «Мы публиковали, — сообщал Г.Деж советским дипломатам, — ход следствия в румынской прессе (речь идет о процессе Сланского. — *Авт.*), причем, учитывая наличие большого количества еврейского населения в Румынии, а также возможности проявления антисемитских выступлений, мы очень внимательно относились к публикации материалов о процессе и избегали резких формулировок. Я лично, — сказал Г.Деж, — следил за этим и несколько раз изменял наиболее резкие формулировки, которые могли бы привести к ненужному обострению отношений между румынским населением и еврейским... в ЦК стали поступать ряд писем (так в тексте. — *Авт.*), сигнализирующих о неблагоприятном положении в некоторых учреждениях, в которых подвизаются еврейские националисты и различные сомнительные лица. Ряд сигналов подтвердился, и ЦК уже принял необходимые меры»¹⁰². Среди этих мер было закрытие в январе 1953 г. еврейского демократического комитета и других национальных комитетов, за исключением армянского, а также намерения подвергнуть изоляции «еврейских буржуазных националистов»¹⁰³.

20 февраля 1953 г. была арестована А.Паукер. Но смерть Сталина (5 марта 1953 г.) и последовавшая в начале апреля реабилитация арестованных врачей в Москве¹⁰⁴, спугали планы Г.Дежа. 20 апреля 1953 г. Паукер без приговора была освобождена из тюрьмы и направлена под домашний арест¹⁰⁵.

Параллельно с «раскручиванием» «дела» В.Луки, осенью 1952 г. руководство РРП активизировало «вопрос» о Л.Патрашкану, находившемся в заключении с 1949 г. и обвинявшемся «в организации государственного переворота». Теперь появился замысел связать «дело» Патрашкану с «правыми уклонистами» — В.Лукой,

Т.Джорджеску и А.Паукер и организовать процесс при закрытых дверях, опубликовав в печати только обвинительное заключение, свидетельские показания и приговор¹⁰⁶.

В феврале 1953 г. следствие по «делу» Л.Патрашкану, как сообщал Г.Деж в советском посольстве, подходило к концу. Бывший член Политбюро ЦК компартии Румынии рассматривался теперь как американский шпион, который «создал повстанческий центр и готовил переворот в стране»¹⁰⁷.

Осенью 1953 г., когда румынская сторона вновь предложила советскому посольству обсудить вопрос организации процесса над Патрашкану, который, по мнению секретаря ЦК РРП И.Кишиневского, «будет иметь значение больше для заграницы, чем для страны... народ его, по всей вероятности, не помнит», получила предложение — «посоветоваться в Советском Союзе, направив туда обстоятельную записку по этому поводу»¹⁰⁸.

С уверенностью можно утверждать, что «контакт» Г.Дежа с Москвой по этому вопросу состоялся в феврале 1954 г. Во время визита Г.Дежа в Москву он передал Г.М.Маленкову следственные материалы по «делу» Патрашкану. Маленков в свою очередь поручил М.А.Суслову и В.А.Зорину дать предложения по этому вопросу¹⁰⁹. Не располагая документом, подготовленным Сусловым и Зориным, можно высказать некоторые предположения. Поскольку на состоявшемся в апреле 1954 г. судебном процессе Патрашкану был вынесен вскоре приведенный в исполнение смертный приговор, допустимо сделать вывод, что Москва или по меньшей мере не высказала возражений, или предоставила румынской стороне полную свободу действий.

Таким образом, внутрипартийные репрессии 1951—1953 гг., утратив видимость прежнего идеологического обрамления (антиитализм, буржуазный национализм) приобрели новую окраску: борьба с «вражеской американско-сионистской агентурой внутри партии». Хотя порой в пропаганде сохранялись привычные для предыдущего этапа репрессий обвинения в «связях с Тито», политические процессы 1951—1953 гг. в ряде стран (Чехословакия, Румыния) вылились по сути дела в откровенный политический антисемитизм. Это было напрямую связано с внутренней политикой советского руководства и широкой антисемитской кампанией в СССР. Однако, что касается стран Восточной Европы, то здесь Москва позволяла избирательно использовать прямой политический антисемитизм, о чем весьма наглядно свидетельствовало развитие ситуации в Венгрии и Польше. Безусловно, репрессии против В.Луки, А.Паукер и в особенности Р.Сланского воспринимались как «знаковые» явления узким руководством ВПТ и ПОРП, где ключевые позиции занимали коммунисты еврейской национальности. Судьба Сланского наглядно демонстрировала возможное развитие ситуации и заставляла М.Ракоши, М.Фаркаша, Я.Бермана, С.Радкевича и др. развивать репрессивную активность, направляя ее нередко против коммунистов — представителей ти-

тульной нации и теоретически обосновывая это сталинским тезисом об обострении классовой борьбы.

- ¹ См. подробнее: Костырченко Г.В. В плену красного фараона. М., 1994. С. 58—95; Он же. Тайная политика Сталина. М., 2001. Гл. IV, V; Зубкова Е. Послевоенное советское общество: Политика и повседневность 1945—1953. М., 2000. С. 205—209.
- ² Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. Т. I. 1944—1948. М.; Новосибирск, 1997. С. 940.
- ³ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. Т. II. 1949—1953. М.; Новосибирск, 1998. С. 172—173.
- ⁴ Там же. С. 176—177.
- ⁵ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 360. Л. 31—35.
- ⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1301. Л. 187.
- ⁷ Там же. Л. 186.
- ⁸ Там же. Л. 178.
- ⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 151. Л. 45; AAN Zespół KC PPR—PZPR. sygn. 237/11-5. S. 38.
- ¹⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 151. Л. 43.
- ¹¹ Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 360. Л. 71—73.
- ¹² Там же. Ф. 3. Оп. 66. Д. 151. Л. 45—46.
- ¹³ Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 360. Л. 75, 78.
- ¹⁴ Там же. Ф. 3. Оп. 66. Д. 139. Л. 174.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1154. Л. 19.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Л. 15, 17, 18.
- ¹⁸ Там же. Ф. 3. Оп. 74. Д. 46. Л. 19.
- ¹⁹ Костырченко Г.В. В плену... С. 7.
- ²⁰ Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 626, 658—660.
- ²¹ Там же. С. 665, 659.
- ²² Там же. С. 665, 668.
- ²³ Там же. С. 788.
- ²⁴ Rainer M. János. Op. cit. 118. old.
- ²⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 812. Л. 119.
- ²⁶ См.: Löbl E. Svedectvo o procese s vedením protistatného centru na čele s Rudolfom Slanským. Brno, 1968.
- ²⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 806. Л. 84—85; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1362. Л. 223—224.
- ²⁸ K politickým procesům v Československu 1948—1954... S. 19—20.
- ²⁹ См.: Дело Сланского // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 10—20.
- ³⁰ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 394. Л. 103—104.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. Л. 104.
- ³³ Там же. Л. 105.

- 34 Там же. Л. 107.
- 35 Там же. Л. 104.
- 36 Каплан К. Возвышение и падение Алексея Чепички // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 82—93.
- 37 Посетители кремлевского кабинета И.В.Сталина // Исторический архив. 1997. № 1. С. 24.
- 38 Каплан К. Возвышение и падение Алексея Чепички. С. 88.
- 39 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 394. Л. 105.
- 40 Kaplan K. Report on the Murder of the General Secretary. Columbus (Oh). 1990. P. 126.
- 41 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 580.
- 42 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 394. Л. 112.
- 43 Там же. Л. 113.
- 44 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 610. Л. 177—180.
- 45 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 33. П. 191. Д. 16. Л. 71.
- 46 Там же. Л. 70.
- 47 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 812. Л. 122.
- 48 Kaplan K. Op. cit. P. 142—143.
- 49 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 811. Л. 148, 151, 152.
- 50 Там же. Д. 812. Л. 121.
- 51 Там же.
- 52 Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 394. Л. 124.
- 53 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 35. П. 226. Д. 15. Л. 6.
- 54 Zprávy Pillerový komise... Т. 1. S. 79.
- 55 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 884. Л. 314.
- 56 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 806. Л. 93.
- 57 Цит. по: Löbl E. Svedectvi... S. 42.
- 58 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 861. Л. 188.
- 59 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 40. П. 202. Д. 11. Л. 239.
- 60 Там же.
- 61 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1306. Л. 66.
- 62 Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K., Papacostea Ș., Teodor P. Istoria României. Buc., 1998. P. 510—511; Constantiniu F. O istorie sinceră a poporului român. Buc., 1999. P. 450.
- 63 Восточная Европа в документах... Т. I. 1944—1948. С. 565.
- 64 Там же. С. 581—582.
- 65 Там же. С. 636.
- 66 Там же. С. 697—699.
- 67 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 80.
- 68 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 33. Л. 65.
- 69 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 37. П. 154. Д. 8. Л. 5.
- 70 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1306. Л. 5—6.
- 71 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 201. Л. 144; Посетители кремлевского кабинета И.В.Сталина. С. 20.

- 72 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 201. Л. 1, 4; РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 74. Д. 46. Л. 55.
- 73 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 286—288.
- 74 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 201. Л. 144.
- 75 Там же. Л. 95.
- 76 Там же. Л. 143, 145.
- 77 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1306. Л. 62.
- 78 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 209. Л. 78.
- 79 Там же. Д. 201. Л. 147.
- 80 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 855. Л. 127—128.
- 81 Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1306. Л. 64.
- 82 Там же. Л. 56.
- 83 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 790.
- 84 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1306. Л. 56.
- 85 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 40. П. 202. Д. 12. Л. 85.
- 86 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1306. Л. 64.
- 87 Там же. Л. 63.
- 88 Там же. Л. 64—65.
- 89 Там же. Л. 58.
- 90 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 810.
- 91 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1306. Л. 76—79.
- 92 Там же. Л. 78.
- 93 Там же. Л. 78; Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K., Papacostea Ș., Teodor P. Op. cit. P. 498.
- 94 Scînteia. 10 noiembrie 1954.
- 95 Arhivele Totalitarismului. 1994. № 3. P. 251—252.
- 96 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 40. П. 202. Д. 12. Л. 160.
- 97 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 209. Л. 88.
- 98 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 855. Л. 130.
- 99 Там же. Л. 130—131.
- 100 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 40. П. 202. Д. 11. Л. 32; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1306. Л. 137—138.
- 101 Arhivele Totalitarismului... P. 252—253.
- 102 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 41. П. 215. Д. 12. Л. 112.
- 103 Там же. Л. 84.
- 104 Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 103.
- 105 Arhivele Totalitarismului... P. 252—253.
- 106 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 41. П. 215. Д. 13. Л. 149—151; Оп. 40. П. 202. Д. 11. Л. 25—27.
- 107 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 41. П. 215. Д. 11. Л. 152.
- 108 Там же. Д. 13. Л. 149—151.
- 109 РГАСПИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 14. Л. 186.

3. ЮГОСЛАВСКИЙ ВАРИАНТ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Политические репрессии в Югославии после Второй мировой войны, как и в других странах региона, были инструментом установления режима советского типа. Специфика ситуации в этой стране заключалась в том, что подавление реальных противников нового строя, по сравнению с большинством других стран Восточной Европы, происходило с заметным хронологическим опережением и пришлось, главным образом, на 1945—1947 гг. Причину такого опережения следует видеть в том, что фактическая монополия КПЮ на власть имела место уже в 1945 г. Компромисс, заключенный коммунистами с находившимися в эмиграции югославскими либерально-демократическими кругами весной 1945 г., носил в основном декларативный характер и был для компартии продиктован внешне-политическими соображениями. Фактически некоммунистические политические силы, пошедшие на компромисс, включаясь в уже почти сформированные структуры власти, не получали возможности оказывать реального влияния на внутреннюю политику. Поэтому компромисс был столь кратковременным и фактически осенью 1945 г. распался. Это определило существование в 1945—1947 гг. двух «потоков» в репрессиях.

Один «поток» — наказание коллаборационистов и представителей тех политических сил, которые рассматривались коммунистами как сотрудничавшие в годы войны с державами фашистской «оси». В Сербии речь шла, прежде всего, о вооруженных отрядах под командованием Д. Михайловича — четниках, подчинявшихся королевскому правительству в эмиграции. Выступая против коммунистов, они сохраняли влияние и пользовались поддержкой части сербского населения. Как считали в руководстве КПЮ, их опору составляли великосербски настроенные средние городские слои, часть интеллигенции и зажиточные крестьяне.

Характеризуя ситуацию в Сербии, член Политбюро ЦК КПЮ Э. Кардель в одном из своих выступлений в начале 1945 г. специально обращал внимание на то, что эти антикоммунистические силы «опираются на сербскую православную церковь, которая в своих верхушках (так в тексте. — *Авт.*) относится полностью враждебно к народно-освободительному движению»¹.

Что касается ситуации в Хорватии, то здесь коммунисты в качестве серьезных противников новой власти рассматривали, прежде всего, членов и сторонников Хорватской крестьянской партии во главе с В. Мачеком, выступавшим в годы войны за лояльное сотрудничество с «новым порядком». По словам Э. Карделя, В. Мачек «пользуется еще влиянием среди известной части крестьянских масс... около него собирается некоторая часть мелкой буржуазии и вся буржуазная реакция»².

Опираясь на созданную к 1945 г. систему тайной политической полиции (ОЗНА, далее УДБ), возглавлявшейся членом Политбюро ЦК КПЮ А. Ранковичем, и чрезвычайные суды, компартия развер-

нула массовые репрессивные акции в стране под знаком борьбы с коллаборационистами³. Д. Михайлович, обвиненный в коллаборационизме и предательстве национальных интересов, был в 1946 г. арестован и расстрелян по приговору федерального суда Югославии. В. Мачек еще весной 1945 г. эмигрировал во Францию.

Второй «поток» политических репрессий начался после победы КПЮ на выборах в Учредительную скупщину в ноябре 1945 г., победы, которая делала излишним компромисс компартии с демократической оппозицией. Это обстоятельство «развязывало руки» КПЮ для силового подавления инакомыслия и принудительного введения монополии коммунистической идеологии. В качестве повода для развязывания репрессий антидемократической направленности использовался факт существования в стране подпольных антиправительственных вооруженных отрядов. Советское посольство в Белграде в середине 1945 г. получило информацию о «неспокойствии в стране», о том, что «люди бегут в леса», что правительство Й. Тито не пользуется доверием общества⁴. Оно располагало данными, что в 1946—1947 гг. 15 тыс. четников действовали в Боснии и Сербии, 15—20 тыс. крижар (крестonosцев) в Хорватии, Боснии и Герцеговине, которые совершали террористические акты против сторонников новой власти. Тем не менее советские дипломаты считали, что «нет оснований ожидать широкого и организованного вооруженного восстания против правительства Тито внутри Югославии»⁵.

Главной «мишенью» репрессий со стороны силовых структур были Демократическая партия во главе с М. Гролом, Народно-радикальная партия, одним из лидеров которой был М. Трифунович и Земледельческий союз во главе с И. Шубашичем. Получив весной 1945 г. доступ в структуры власти в послевоенной Югославии, они попытались оторвать часть общества от коммунистов, объявив бойкот выборов в скупщину⁶.

Победа коммунистов на выборах (78,6% депутатских мест) показала национально-региональным лидерам этих партий степень влияния КПЮ в общегосударственном масштабе и позволила руководству компартии для закрепления своей монопольной власти развязать широкие репрессивные акции против инакомыслящих. Последовали аресты, закрытие газет оппозиционной направленности и организация судебных процессов над сторонниками некоммунистических партий. В 1946 г. был осужден на 8 лет тюремного заключения М. Трифунович. В сентябре 1946 г. Э. Кардель в беседе с заведующим Отделом балканских стран МИД СССР А. А. Лавришевым сообщил, что «оппозиционные группы не пользуются поддержкой в народе, за руководством этих групп установлено тщательное наблюдение, на них подобран компромат и в подходящий момент югославское правительство примет в отношении их радикальные меры»⁷. Именно такими мерами — через раскол партии и компрометацию популярного лидера — коммунисты решили проблему устранения с политической арены Народно-крестьянской партии. Была проведена акция по исключению из

партии ее главы — Д.Йовановича. Поводом для этого стало выступление Йовановича в конце 1945 г. с критикой политики КПЮ и проекта новой конституции Югославии, которая была откровенной копией советской конституции 1936 г.⁸

Следует при этом отметить, что посольство СССР в Белграде поддерживало жесткую позицию руководства КПЮ в отношении Д.Йовановича. Особенно остро советская сторона реагировала на его критику партийно-государственного устройства и предложение отделить партию от государства, «отменить государственную партию или не вводить ее и тем самым ликвидировать всякое подобие нового порядка фашизму». Из приведенного фрагмента видно, что Йованович, профессор политологии, получивший образование в Сорбонне, понял ближайшую перспективу развития Югославии и пытался противостоять возникновению партийного государства — основы тоталитарного режима. Отнюдь не случайно посол И.В.Садчиков в информационном письме В.М.Молотову 18 декабря 1945 г. акцентировал внимание министра на существовании позиции Йовановича: «Драголюб Йованович в недвусмысленной форме отождествляет наш государственный строй с фашизмом»⁹. Такая оценка советской стороной позиции Йовановича должна была ускорить репрессивные действия югославских властей в отношении этого крестьянского лидера. Он был не только устранен с политической арены, но и заключен в тюрьму. К 1947 г. призрачный «декор» многопартийности, характерный для политсистемы Югославии 1945—1946 гг., был ликвидирован, и репрессивные акции различной направленности сыграли в этом важнейшую роль.

Таким образом, Югославия первая среди стран Восточной Европы вступила в тоталитарный период своей послевоенной истории, показывая тем самым перспективу развития всего восточно-европейского региона. На этом новом этапе, как свидетельствует исторический опыт, на первый план в политике правящей верхушки компартий выходила задача превращения партии в идейно-политический монолит, что предполагало принудительную ликвидацию любых проявлений дискуссионности и оппозиционности прежде всего в руководящей партийной верхушке.

Но ситуация в КПЮ имела принципиальные отличия от положения дел в других компартиях региона. Как и большинство этих партий в межвоенный период, КПЮ была узкой кадровой (до 15 тыс. членов) политической организацией, по сути дела, лишенной возможности легально влиять на общество страны. Но в годы войны, благодаря последовательно антифашистской позиции и предложенным обществом самым радикальным методам борьбы за национальную независимость, компартия превратилась в массовую (161,8 тыс. чел.), общегосударственную, объединявшую представителей всех народов страны политическую организацию¹⁰. Более того, освободительная борьба объективно привела к фактическому слиянию партии со структурами Народно-освободительного фронта, что означало превращение КПЮ в стержневой элемент государственного устройства. В этом заключалось принципиальное от-

лично югославской ситуации от положения дел в других странах региона.

Отличие состояло также и в том, что на фоне самых широких просоветских настроений в Югославии приобщение многих тысяч новых членов партии, в основном крестьян, не располагавших опытом участия в политической жизни, к идеям социализма происходило на базе советских «стандартов» — достижение «социальной справедливости» через насильственный передел собственности и власти — стандартов, приспособленных к менталитету люмпенизированных слоев. Именно это создавало предпосылку для утверждения сталинизма как единственной идейной основы КПЮ.

Еще одно принципиально важное отличие заключалось в том, что пребывавшая в годы войны в подполье массовая партия, а после войны ставшая правящей, сохраняла конспиративные принципы деятельности. В такой ситуации абсолютная власть узкого руководства во главе с Й.Тито становилась неизбежной. Это означало отторжение партийных масс от участия в принятии решений.

Начавшийся весной 1948 г. советско-югославский конфликт¹¹, его постепенное углубление и в итоге независимая по отношению к Москве и Коминформу позиция руководства КПЮ во главе с Й.Тито разделила компартию на сторонников и противников линии Информбюро. Конфликт сделал актуальными и для Й.Тито, и для советского руководства существовавшие в ЦК КПЮ различные мнения о характере отношений Югославии с СССР и персональную борьбу за контакты с ЦК ВКП(б) и лично с И.В.Сталиным.

Без сомнения, Сталин, начиная акцию против Тито, как одного из самых сильных коммунистических лидеров стран региона, знал ситуацию внутри руководства КПЮ и наличие в нем сторонников более тесных связей, вплоть до интеграции, с СССР¹².

Открытое столкновение большинства руководителей КПЮ с теми, кто в начавшемся конфликте поддерживал позицию Москвы, состоялось на пленуме ЦК КПЮ 12—13 апреля 1948 г., обсуждавшем текст письма И.В.Сталина и В.М.Молотова к руководству КПЮ от 27 марта 1948 г.* На этом пленуме Тито определил письмо советских руководителей как «результат страшной клеветы» и «неправильного информирования Москвы»¹³. Выступавшие на пленуме Э.Кардель, А.Ранкович, М.Пьяде и другие согласились с той оценкой письма, которую дал югославский лидер. Но в ходе дискуссии определилась и другая точка зрения. Просоветскую позицию занял генеральный секретарь Народного фронта Югославии С.Жуйович, поддержанный членом ЦК КПЮ А.Хебрангом. Пос-

* В основу письма была положена Справка ОВП ЦК ВКП(б) «Об антимарксистских установках руководителей компартии Югославии в вопросах внешней и внутренней политики». Документ опубликован. См.: Восточная Европа в документах российских архивов. Т. I. 1944—1948. С. 787—800.

ледний в специальном письме к пленуму выразил согласие с позицией Сталина и Молотова.

Ответная реакция тех, кто поддержал Й.Тито, была весьма резкой. М.Джилас открыто назвал С.Жуйовича и А.Хебранга «носителями советской линии», которые передают информацию в ЦК ВКП(б), и констатировал, что «работа на разведслужбу СССР не совместима с пребыванием в партии»¹⁴.

Появление на пленуме ЦК КПЮ особого мнения Жуйовича и Хебранга вряд ли было неожиданностью для Тито и его сторонников. Разногласия между Хебрангом и Тито по вопросу о характере отношений с СССР обозначились еще в первые послевоенные годы, но в апреле 1946 г. они были отчасти разрешены в пользу Тито выводом Хебранга из состава Политбюро ЦК КПЮ и вынесением ему строго выговора «за фракционную деятельность, направленную в том числе и лично против Тито, а также за уступчивость СССР в экономических вопросах, за неверие в экономические силы ФНРЮ, а также недооценку югославских нужд и интересов»¹⁵. Тогда же Хебранг был освобожден от занимаемых государственных постов Председателя экономического совета и министра промышленности.

Для советской стороны позиция Жуйовича и Хебранга на пленуме ЦК КПЮ также не была какой-то неожиданностью. Неожиданным скорее всего стал тот факт, что против Тито выступили только двое, а остальная часть руководства поддержала своего лидера без оговорок.

Второе письмо ЦК ВКП(б) руководству КПЮ от 4 мая 1948 г., выдержанное в еще более резких формулировках с обвинениями югославских руководителей в откровенно антисоветских позициях и содержавшее требование обсудить вопрос принципиальных разногласий между двумя партиями на ближайшем заседании Информбюро с обязательным участием югославских руководителей, стало катализатором к развертыванию репрессий в КПЮ и оформлению их как борьбы со сторонниками Информбюро. Оно же, видимо, подтолкнуло Тито к более резким мерам в отношении Хебранга и Жуйовича. 6 мая 1948 г. был опубликован указ Президиума Народной скупщины Югославии об освобождении Жуйовича и Хебранга от занимаемых постов министров финансов и легкой промышленности. 8 мая 1948 г. они были арестованы¹⁶.

Сведения о начавшихся в руководстве КПЮ арестах привез в Москву сотрудник аппарата ЦК ВКП(б) В.В.Мошетов, который в Белграде вручал Й.Тито письмо ЦК ВКП(б) от 17 мая 1948 г. с приглашением прибыть на заседание Информбюро. В отчете о своей поездке и личной беседе с Тито Мошетов сообщал, что 15 и 16 мая в Югославии «были проведены в ряде партийных организаций сугубо конспиративные собрания, на которых обсуждались выводы комиссии по делу Жуйовича и Хебранга. Им предъявлены обвинения, которые сводятся к тому, что они изменили интересам родины. Хебранг якобы был связан с усташами, а Жуйович состо-

ял в близких отношениях с бывшим вражеским руководством КПЮ...* Заранее подготовленные ораторы выступили с речами, в которых клеймили Жуйовича и Хебранга как врагов народа. На собраниях выносились решения с требованием о предании их суду»¹⁷.

Эти обвинения С.Жуйовича и А.Хебранга в предательстве были предназначены для рядовых членов КПЮ и они должны были, с одной стороны, камуфлировать разногласия в узком руководстве партии, с другой — служить обоснованием начавшихся внутрипартийных репрессий. Истинные же причины ареста Жуйовича и Хебранга Тито откровенно сформулировал В.В.Мошетову: «Товарищи Сталин и Молотов, хотя и обижаются на нашу неудовлетворенность Лаврентьевым (в 1946—1949 гг. — посол СССР в Белграде. — *Авт.*), все же, я еще раз должен сказать, что он во многом повинен в наших отношениях... Он обособлялся и получал информацию от отдельных людей, которые неизвестно в каких целях давали ему ложную информацию»¹⁸.

Известие об аресте С.Жуйовича и А.Хебранга вызвало резкую реакцию Сталина, который 9 июня 1948 г. в ультимативной форме через Молотова довел до сведения Тито, что объявление Хебранга и Жуйовича предателями и изменниками родины расценивается в ЦК ВКП(б) как намерение «ликвидировать их физически». В связи с этим «ЦК ВКП(б) заявляет, что если политбюро ЦК КПЮ осуществит этот свой замысел, то ЦК ВКП(б) будет считать ЦК КПЮ уголовными убийцами. ЦК ВКП(б) требует, чтобы расследование дела Хебранга и Жуйовича о так называемой неправильной информации ЦК ВКП(б) происходило с участием представителей ЦК ВКП(б)»¹⁹. На это беспрецедентное вмешательство во внутрипартийные дела КПЮ югославские лидеры ответили категорическим отказом: Жуйович и Хебранг оставались в заключении под следствием.

Как уже отмечалось выше, Мошетов передал Тито письмо ЦК ВКП(б) с предложением явиться на заседание Информбюро, которое, по замыслу советской стороны, предполагалось созвать в первой половине июня «в одной из южных областей Украины, что было бы удобным, по мнению ЦК ВКП(б), для большинства компартий»²⁰. Ответ Тито был отрицательным. 14 июня 1948 г. Сталин вновь обратился с письмом в ЦК КПЮ с повторным приглашением представителей ЦК КПЮ для участия в работе Информбюро: «В случае Вашего согласия, — писал Сталин, — будем ожидать прибытия Ваших представителей не позднее двадцать первого июня в Бухарест, где они должны явиться в ЦК Румынской рабочей партии к тов. Деж и получить направление к месту работы Информбюро. Ждем немедленного ответа. Филиппов»²¹.

* Имеются в виду репрессированные в СССР члены довоенного руководства КПЮ.

Отказ ЦК КПЮ повлек за собой принятие на заседании Информбюро 22 июня 1948 г. жесткой резолюции «О положении в коммунистической партии Югославии»²². Обсуждение югославского вопроса на заседании Информбюро и принятие этой резолюции означало выход конфликта наружу и его интернационализацию. Эти обстоятельства принципиально меняли ситуацию в югославской компартии. Руководство КПЮ было поставлено перед необходимостью ознакомить партийную массу с сутью своих разногласий с ЦК ВКП(б) и Информбюро, что неизбежно должно было вызвать размежевание внутри низовых партийных организаций КПЮ.

Документальные российские источники, отражающие этот процесс, для исследователей достаточно ограничены. О ситуации внутри КПЮ мы можем судить по отдельным донесениям советских дипломатических служб. Как следует из отчета советского консульства в Загребе за 1948 г., после опубликования резолюции Информбюро в парторганизациях Хорватии стали проводиться партсобрания, где впервые были преданы гласности обмен письмами между ЦК КПЮ и ЦК ВКП(б) и их содержание. Эти партсобрания показали, что большинство членов партии явно растерялись. Многие члены компартии и большинство беспартийных «одинаково и безгранично» верили и ЦК КПЮ и ЦК ВКП(б). Они «наивно полагали, что произошло какое-то недоразумение, которое вскоре будет ликвидировано»²³.

Составители отчета консульства делали специальный акцент на нарастании в КПЮ недовольства политикой Й.Тито. Они утверждали, что на сторону Информбюро встают не только «коммунисты-одиночки, но и целые парторганизации»²⁴.

Однако, судя по годовому политическому отчету за 1948 г. посольства СССР в Белграде, подготовленному в мае 1949 г., руководству КПЮ удавалось нейтрализовать прокоминформовские настроения в партии. Посол констатировал, что по стране прошли митинги и собрания под видом обсуждения содержания вышеназванных писем и резолюции Информбюро, но, на деле, все свелось к одобрению (без обсуждения) линии ЦК КПЮ и к критике резолюции Коминформбюро и писем ЦК ВКП(б) как клеветы на югославскую партию, рабочий класс и страну в целом²⁵.

Все это, безусловно, свидетельствовало, что Тито и его окружение сумели сохранить контроль над ситуацией в партии. Последнее подтверждается также и тем, что в ходе подготовки V съезда КПЮ, открывшегося 21 июля 1948 г., была проведена тщательная фильтрация делегатов съезда, куда фактически не были допущены представители сторонников Информбюро.

О том, какими методами это делалось, сообщал в Москву советский консул в Загребе. По его словам, в Загребском университете, как и в других парторганизациях республики, прошли аресты. В соответствии со специальной директивой ЦК КПЮ были взяты на учет все сторонники резолюции Информбюро и колеблющиеся. Консул информировал МИД СССР, что широкое распространение

в партийных организациях получила практика индивидуального подписания резолюций о доверии ЦК КПЮ²⁶.

30 июня 1948 г. органы госбезопасности Югославии получили инструкцию о том, что все, кто выступает за Информбюро, должны быть арестованы. В это же время во все парторганизации были назначены уполномоченные УДБ. Перед ними ставилась задача выявлять на местах сторонников Информбюро. В низовых парторганизациях под началом уполномоченных УДБ были созданы специальные группы «самых проверенных и надежных», которые своим активным участием на партсобраниях должны были не допускать высказываний за резолюцию Информбюро. Всем членам партии было приказано в письменном виде изложить свою точку зрения на этот счет. Перед V съездом ЦК КПЮ дал директиву исключать из партии тех из самых видных и авторитетных коммунистов, которые высказались за резолюцию Информбюро²⁷.

Несомненно, И.В.Сталин был информирован о развитии ситуации в югославской компартии. Именно этим можно объяснить появление специального письма Сталина К.Готвальду 14 июля 1948 г., то есть накануне открытия V съезда КПЮ: «Я получил сообщение Силина, — писал Сталин, — о беседе с Вами по югославскому вопросу. У меня создалось впечатление, что Вы рассчитываете на поражение Тито и его группы на съезде КПЮ. В этих видах, видимо, Вы предполагаете опубликовать материал, компрометирующий югославских руководителей в области отношений с СССР. Должен Вам сказать, что мы, москвичи, не рассчитывали на такое скорое поражение группы Тито. Мы знаем достоверно, что съезд КПЮ подобран тщательно, все инакомыслящие лишаются должностей или арестовываются, на съезд пропускаются только давшие подписку голосовать против Коминформа. Мы исходим из того, что на предстоящем съезде Тито соберет большинство. Однако это обстоятельство ни в коей степени не смущает москвичей. Наша цель была на первом этапе изолировать югославских руководителей в глазах других компартий и разоблачить их жупнические махинации. Этой цели мы добились с успехом. В дальнейшем пойдет постепенное отпадение партийно-марксистских групп от Тито и его группы»²⁸.

Копии этого письма в качестве «ориентировки» были разосланы лидерам всех компартий — участниц Информбюро. Мы располагаем лишь реакцией К.Готвальда на это письмо. Посол в Праге М.А.Силин, передавший письмо И.В.Сталина лидеру КПЧ, в тот же день проинформировал советское руководство: «Тов. Готвальд сказал, что он согласен с письмом тов. Сталина, затем добавил "терпенья у меня хватит"»²⁹. Из вышеприведенного обмена мнениями между Москвой и Прагой совершенно отчетливо прорисовывается ставка ЦК ВКП(б) на ожидание организационного раскола внутри КПЮ в будущем.

Между тем развитие ситуации пошло по-иному. Поначалу оппозиция Й.Тито была достаточно заметной: 12% членов партии высказались за резолюцию Информбюро. Среди них 2 616 человек

были сотрудниками партаппарата, в том числе 2 члена Политбюро ЦК КПЮ, 8 членов ЦК КПЮ, 16 членов ЦК компартий союзных республик, 50 членов обкомов, 733 члена райкомов, 953 секретаря первичных организаций³⁰. Однако развернутые в партии группировкой Й.Тито массовые репрессии предотвратили перспективу возможного организационного раскола в КПЮ. Расчеты И.В.Сталина на такой раскол оказались несостоятельными.

Согласно информационным материалам, поступавшим в Москву по линии МИД СССР и в ЦК ВКП(б) из Секретариата Информбюро, после V съезда КПЮ в партии настало время открытого политического террора. В июле 1948 г. на заседании уполномоченных УДБ из областей, граничивших с Венгрией, Румынией и Болгарией, министр внутренних дел Сербии С.Пенезич дал следующую директиву: «Бдительность и контроль после выхода резолюции Информбюро надо усилить. Любое лицо, задержанное на границе, необходимо проверить и, если задержанный окажется членом партии, убивать его на месте, невзирая на личность — будь то член ЦК, министр или кто-либо другой, но без шума. О выполнении докладывать. Нет надобности держать таких людей в тюрьме»³¹.

О том, что эти и им подобные директивы выполнялись, свидетельствовали советские дипломаты. Они отмечали особенно широкий размах террора в Черногории, где традиционно были сильны прорусские и просоветские настроения. Для УДБ эти настроения служили основанием для развертывания репрессий под предлогом борьбы со сторонниками ВКП(б) и резолюции Информбюро. Посольство СССР сообщало о массовых арестах в республике и об уходе людей в леса как ответной реакции на аресты. В частности, приводился пример об уходе в горы Белопольского уездного комитета партии в полном составе (около 20 человек), включая начальника УДБ, который раздал оружие из арсенала управления безопасности. Группа приняла решение пробиваться в Албанию.

Для поимки этой группы был по тревоге поднят весь военный округ, в ряде районов введено осадное положение, арестовано около 600 человек. Почти вся группа была уничтожена, раненых расстреливали на месте³². Как сообщало посольство, в партийно-государственном аппарате распоряжались люди А.Ранковича, в отделах кадров сидели официальные сотрудники госбезопасности. В стране действовала широкая система осведомителей и агентов, которые вербовались из разных социальных слоев общества. В госбезопасности был сформирован специальный отдел по борьбе со сторонниками Информбюро в стране.

Еще летом 1948 г., накануне или сразу после V съезда КПЮ были проведены аресты представителей партийно-государственной элиты в национальных республиках Югославии. Кроме С.Жуйовича и А.Хебранга, были арестованы секретарь ЦК компартии Черногории, он же заместитель премьер-министра республики Б.Люмович, министры правительства этой республики В.Тмушич, Вуничевич, Б.Боронович и председатель Народной скупщины

Черногории П.Комневич, министры правительства Боснии и Герцеговины О.Старович и С.Мичанович, секретарь Хорватского собора Н.Рупчич, член ЦК КПЮ и КП Хорватии, министр легкой промышленности Югославии С.Златич, генералы Б.Петричевич, М.Джурич, В.Жижич и др.³³

7 ноября 1952 г. «Нью-Йорк Геральд Трибюн» дала свои комментарии к выступлению А.Ранковича на VI съезде КПЮ и, в частности, ссылаясь на это выступление, привела следующие данные: с 1948 г. в Югославии было арестовано 11 130 человек «за прокоминформовские симпатии», из которых 4 089 человек в конце 1952 г. все еще отбывали наказание. В современной югославской литературе приводятся и иные статистические данные: называются 16 тыс. человек репрессированных и заключенных в концлагеря³⁴.

Как и в других странах региона, в Югославии основными формами изоляции противников руководства компартии были тюремные заключения и направления в концлагеря без судебного разбирательства. По данным одного из ведущих политиков Югославии того времени В.Дедиера, только через концлагерь «Голи Оток» в хорватском Приморье прошли 31—32 тыс. заключенных³⁵. Строительство этого лагеря началось в мае 1949 г., а в начале июля 1949 г. в лагерь прибыли первые 400 заключенных-информбюровцев из Хорватии и Словении, а через два дня поступила группа из Сербии, Македонии, Воеводины, Боснии и Герцеговины, Черногории и Косова. Сроки пребывания в этом концлагере составляли от 6 месяцев до 2-х лет и поэтому его «население» непрерывно обновлялось³⁶. Установленный здесь жестокий режим, регулярные избиения и изнурительный труд были направлены на то, чтобы добиться от информбюровцев отказа от своих взглядов. По свидетельству бывших заключенных лагеря на о. Голи Оток, эта цель достигалась в короткие сроки и вскоре после прибытия на остров здесь не было ни одного заключенного, «который бы раньше или позже не заявил бы об отречении от своих взглядов»³⁷.

Вряд ли ситуация в лагере на о. Голи Оток с этой точки зрения была исключением, скорее всего она являлась типичной. Что же касается общего положения заключенных в лагерях Югославии, то документальные материалы архивного фонда Коминформбюро дают картину, весьма близкую к тому, о чем писал А.И.Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ». Так, в 1951 г. в ЦК ВКП(б) по линии Коминформа поступил документ из ЦК БКП. Это было описание жизни заключенных в югославских лагерях: «...Подъем в три часа утра, после продолжительной проверки — завтрак и обед заодно: чашка черного кофе, похлебка из овсяной или ячменной крупы или капуста, почти без жиров, хлеб большей частью кукурузный — около 300—400 граммов в день... Объекты работы расположены обыкновенно в 10—12 км от лагеря, бараки же находятся в 10—20 км от объекта... Заключенные в количестве нескольких тысяч идут на работу под конвоем около 1 тыс. полицейских с ручными пулеметами и автоматами, в сопровождении конной полиции и полицейских собак... Нормы труда неизмеримо высоки...

Не выполнившие норму подвергаются избиению и заключению в грязные карцеры, называемые бункерами. Часто их подвешивают за связанные руки у дверей лагеря для назидания остальным заключенным...»³⁸

Информация о положении «информбюровцев» в концлагерях Югославии в начале 50-х годов стала появляться в западной печати. В частности, сообщалось, что до октября 1950 г. в лагере «Стара Градиска» политические заключенные обязаны были носить на груди специальные надписи «вор», «двуличный», «пятиличный», «изменник» и т. д., имели место пытки и издевательства, запрещены были передачи посылок и какие-либо встречи с родными. Положение заключенных «информбюровцев» было значительно тяжелее, чем находившихся там же, например, бывших усташей. Жесткий режим для «информбюровцев» в этом конкретном лагере стал несколько ослабляться с конца 1950 г. после посещения его высоким чиновником УДБ³⁹.

Специфика репрессивных акций в Югославии заключалась в том, что здесь по существу не было организовано крупного (подобного «делам» Л.Райка, Т.Костова и др.) политического процесса. «Дела» арестованных — бывших членов руководства КПЮ — С.Жуйовича и А.Хебранга не были доведены до судебного слушания. Жуйович, принужденный к публичному «раскаянию» был освобожден в 1950 г. Хебранг покончил жизнь самоубийством в тюрьме.

Однако судебные политические процессы над мелкими подпольными группами и отдельными лицами из рядов реальных или мнимых сторонников Информбюро, которые расценивались правившей в КПЮ группировкой как главная опасность внутри страны, стали постоянным фактором политической жизни Югославии. В качестве типичного примера таких репрессивных акций можно привести судебный процесс над четырьмя студентами Высшей журналистско-дипломатической школы в Белграде в декабре 1952 г. Студентам инкриминировалось создание «подпольной организации с целью присоединения Югославии к советскому блоку, т.е. создание Советской Югославии». Суд приговорил четырех участников этой группы к тюремному заключению сроком от 7 до 10 лет. Специальным решением правительства это учебное заведение было упразднено⁴⁰.

Летом 1952 г. румынское телеграфное агентство, комментируя доклад А.Ранковича на VI съезде КПЮ, утверждало, что в тюрьмах Югославии томятся «250 тысяч патриотов»⁴¹. Не имея возможности проверить достоверность этих данных, тем не менее можно с уверенностью констатировать, что после 1948 г. политические репрессии в стране приняли массовый характер.

С помощью широких политических репрессий Й.Тито и его сторонникам удалось удержать под своим контролем положение в партии и стране в целом. Органами безопасности были подавлены попытки создания нелегальных антититовских организаций, возникавших прежде всего в молодежной среде. Было предотвращено

создание единого подпольного центра и единого руководства сил, оппозиционных Й.Тито.

* * *

Таким образом, конкретно-исторические материалы данной главы позволяют сделать ряд выводов.

Внутрипартийные репрессии в странах Восточной Европы, основная тяжесть которых пришлось на 1949—1953 гг., являлись важнейшим инструментом формирования компартий как стержневой структуры тоталитарной системы управления обществом. Они приняли разнообразные формы — от исключения из партии и снятия с государственных постов до арестов и судебных процессов в высшем партийном звене. Результатом репрессий такого рода вне зависимости от их идеологического оформления — «антититизм» и «антисионизм» или «антиинформбюро» — стало качественное изменение облика большинства компартий и норм их внутрипартийной жизни. По сути дела произошла их вторая «большевилизация», исключившая всякое инакомыслие, дискуссионность и вариативность мнений в компартиях. Во внутрипартийную жизнь был внедрен жесткий механизм послушания и безоговорочного исполнения директив вышестоящих органов. Тем самым партии превращались в идеолого-политический и организационный «монолит» — аналог ВКП(б).

В итоге борьбы за разрешение групповых противоречий в руководстве компартий произошло резкое усиление политических и государственных функций генеральных (или первых) секретарей ЦК партии, концентрировавших в своих руках все ключевые властные посты в законодательной и исполнительной сферах. Власть генсека или вождя в стране становилась неограниченной, что также являлось характерным и важнейшим признаком государства партийно-бюрократической диктатуры. В этом состоял принципиально важный «внутренний» результат репрессий в компартиях стран Восточной Европы, одинаковый как для стран, компартии которых входили в Коминформбюро, так и для Югославии, противостоявшей ему.

Для компартий стран, становившихся звеньями формирующегося советского блока, внутрипартийные репрессии стали инструментом, посредством которого происходило «стягивание» и укрепление этого блока. Прошедшие в 1949—1953 гг. партийно-политические репрессии резко усилили позиции Москвы в регионе и зависимость от нее абсолютизированной власти в партии и государстве «обновленной» партийной верхушки. Партийные лидеры стран Восточной Европы выступали как проводники новой стратегической линии Москвы, направленной на форсированное «построение социализма по Сталину». Исключалось какое-либо идейно-политическое «своеволие» руководства партий, резко ограничивался фактический партийный суверенитет и государственная независимость стран региона от СССР.

Москва, имевшая богатый «опыт» использования репрессий в собственном высшем руководстве, шла навстречу той части политической элиты стран региона, на которую она делала ставку, и удовлетворяла ее претензии на власть. Причем ЦК ВКП(б) далеко не всегда выступал инициатором тех или иных конкретных «дел». Документальный материал свидетельствует, что шедшие из восточно-европейских столиц в Москву «импульсы» к проведению той или иной репрессивной акции чаще всего были произведенными от острой фракционной борьбы внутри партийной верхушки стран региона. Определение масштабов репрессивных акций и выбор их конкретных жертв являлись прерогативой прежде всего правящих групп региональной коммунистической элиты.

Что касается ситуации в КПЮ и Югославии в целом, при всей специфике, обусловленной изоляцией партии от «мира социализма» и «опеки» ЦК ВКП(б) после советско-югославского конфликта, политические репрессии в КПЮ имели тот же сущностный характер и преследовали те же цели, как и в других странах Восточной Европы. С помощью этого «инструмента» Й.Тито обеспечил сохранение власти в своих руках и идейно-организационную монолитность рядов КПЮ. Лишь антикоминформовское «обрамление» репрессивных акций придавало процессу характер «югославского зазеркалья». Без какого-либо руководящего участия Москвы, более того, при активном противодействии Кремля репрессированию его сторонников, КПЮ, как и компартии других стран Восточной Европы, использовала репрессии внутри партии для обеспечения роли государственной партии.

Репрессиями в компартиях стран региона была скована политическая воля партийных масс, все более превращавшихся в объект манипулирования во имя реализации интересов узких группировок, находившихся у власти в партиях и контролировавшихся Москвой. Об этом свидетельствуют массовые кампании с требованиями смертной казни Т.Костова, Л.Райка, Р.Сланского и др. в поддержку судебных решений по этим «делам», принимавшие форму многочисленных петиций, писем, митингов, демонстраций. Однако достигавшаяся в результате этого «обратная связь» руководства и партийных низов базировалась отнюдь не только на идейно-политической сплоченности и вере в правильность принимавшихся решений. В значительной мере она порождалась атмосферой страха (в том числе и перед возможностью новой мировой войны) за собственные судьбы, ощущением всеобщности происходивших в регионе трагических событий, и нередко оборачивалась проявлением массового агрессивного психоза, упрощавшего осуществление контроля за состоянием общества.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 777. Л. 121—122.

² Там же. Л. 124.

- ³ См. подробнее: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: Миф или реальность? М., 1993. С. 101—103; Koštunica V., Čavoški K. Stranački pluralizam ili monizam: Društveni pokreti i politički sistem u Jugoslaviji. 1944—1949. Beograd, 1983.
- ⁴ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 296. П. 154. Д. 3. Л. 1.
- ⁵ Там же. Оп. 30. П. 120. Д. 37. Л. 5, 76—78.
- ⁶ См. подробнее: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Указ. соч. С. 103—106.
- ⁷ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 30. П. 119. Д. 22. Л. 10.
- ⁸ Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. Т. I. 1944—1948. Документы. М., 1999. С. 249—251, 270—271, 310; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. Т. I. 1944—1948. М.; Новосибирск, 1997. С. 330—336.
- ⁹ Восточная Европа в документах... Т. I. 1944—1948. С. 336, 333.
- ¹⁰ Klasno-socijalna struktura Saveza komunista Jugoslaviji. Beograd, 1984. S. 327.
- ¹¹ Подробнее о генезисе и развитии советско-югославского конфликта см.: Гиренко Ю.С. Сталин — Тито. М., 1991. Гл. IV. п. 4; вступительные статьи Гибианского Л.Я. к протоколам первого и второго заседаний Коминформа в кн.: Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949 гг. Документы и материалы. М., 1998; Волокитина Т.В. Сталин и смена стратегического курса Кремля в конце 40-х годов: от компромиссов к конфронтации // Сталинское десятилетие холодной войны. М., 1999. С. 10—23; Volokitina T. Povodom 50-godišnjice početka sovjetsko-jugoslavenskog konflikta 1948 godine // 1948. Jugoslavija i Kominform-Padeset godina kasnije. Beograd, 1998. S. 151—180; Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. У истоков социалистического лагеря // Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал. Т. II. М., 1997. С. 7—52; Nikolić M. Informbiro. Zagreb, 1989; Marković D., Krzavac S. Zavera Informbiro. Beograd, 1987 и др.
- ¹² См.: Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 292.
- ¹³ Там же. С. 363.
- ¹⁴ Там же. С. 367.
- ¹⁵ Там же. С. 294.
- ¹⁶ Восточная Европа в документах... Т. I. 1944—1948. С. 879.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 878—879.
- ¹⁹ Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 382—383.
- ²⁰ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 103. Л. 3.
- ²¹ Там же. Л. 5.
- ²² Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. С. 455—461.
- ²³ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 32-г. П. 115. Д. 8. Л. 84.
- ²⁴ Там же. Л. 86—95.
- ²⁵ Там же. Оп. 33. П. 134. Д. 15. Л. 14.
- ²⁶ Там же. П. 135. Д. 16. Л. 89.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 76. Л. 156.

- 28 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 360. Л. 14—15.
- 29 Там же. Д. 393. Л. 159.
- 30 Подсчитано авторами на основе данных, опубликованных в: Ги-
ренко Ю.С. Указ. соч. С. 391.
- 31 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 76. Л. 157.
- 32 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 33. П. 134. Д. 15. Л. 81—82.
- 33 РГАСПИ. ф. 575. Оп. 1. Д. 76. Л. 157.
- 34 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 883. Л. 288; Povijest Saveza komunista
Jugoslavije. Beograd, 1985. S. 355, 364.
- 35 Подр. см.: Marković D. Istina o Golom Otoku. Beograd, 1987.
- 36 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 212. Л. 30.
- 37 Там же. Л. 39.
- 38 Там же. Л. 89.
- 39 Там же. Ф. 17. Оп. 137. Д. 883. Л. 262—269.
- 40 Там же. Д. 885. Л. 249.
- 41 Там же. Л. 175—176, 353.

Глава VII

ИНСТИТУТ СОВЕТСКИХ СОВЕТНИКОВ В СТРАНАХ РЕГИОНА: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, РЕЗУЛЬТАТЫ

1. КАДРОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ НОВОЙ ВЛАСТИ И ЗАРОЖДЕНИЕ ИНСТИТУТА СОВЕТСКИХ СОВЕТНИКОВ (1944—1948 г.)

Трансформация системы управления обществом, основанной на принципе «демократии по соглашению» и характерной для развития восточно-европейского региона в 1944—1948 гг.¹, в систему советского типа происходила при активном участии советских советников военно-политического и экономического профиля. Они составляли особую группу среди многочисленных советских специалистов (врачей, преподавателей, инженеров, техников и т.д.), работавших в странах Восточной Европы после Второй мировой войны. Эта группа формировалась, как правило, из советской партийно-государственной номенклатуры — отраслевой и ведомственной верхушки различных министерств, генералитета и старшего офицерства Советской армии, Военно-морского флота, Военно-воздушных сил, МГБ и МВД СССР.

Советские советники в 40—50-е годы действовали прежде всего на уровне высшего эшелона власти и управления в стране пребывания. Появление этого весьма специфического института в общественной жизни стран региона в условиях их перехода под контроль СССР было следствием смены политических элит и прихода к власти социальных сил, никогда ранее не участвовавших в управлении обществом и, как правило, не располагавших ни общеобразовательным, ни профессиональным уровнем необходимых знаний (см. гл. II, III). В условиях начавшейся в странах региона на рубеже 40—50-х годов структурной перестройки всех сфер политической и экономической жизни и создания жесткой централизованной административно-распределительной системы управления нехватка кадров, близких власти по классовой принадлежности, становилась главной причиной востребованности советских советников правящими группировками национальной политической элиты. Советская сторона, в свою очередь, придавала деятельности советников большое значение и рассматривала этот институт как один из важнейших инструментов распространения социализма на регион, непосредственно граничивший с западным миром.

В обстановке «холодной войны», ставшей повседневной реальностью, значимость института советников, особенно в армии и

иных силовых ведомствах, как контрольно-информационного механизма, для советского руководства резко возростала. Институт советников был порожден также объективным совпадением заинтересованности как руководства СССР, так и компартий стран Восточной Европы в обеспечении сохранности новой власти от внутренней и внешней угрозы. Конкретно-исторический материал свидетельствует, что возникновение его относится еще ко времени войны — рубежу 1944—1945 г. Первые советские советники в странах региона появились прежде всего в новых силовых структурах, создававшихся при участии и руководстве компартий и под патронатом СССР.

В сентябре 1944 г. Государственный комитет обороны СССР (ГКО) принял два постановления о мероприятиях по оказанию помощи Народно-освободительной армии Югославии, где, в частности, предусматривалось направление в эту армию группы советских офицеров. Пока речь шла только о 48 офицерах-инструкторах в войска связи и артиллерии на уровне дивизии и сроком на 3 месяца².

Рассматривая вышеназванные документы с точки зрения исследуемой проблемы, важно отметить, что в них было четко определено и другое направление советской помощи в деле создания новых силовых структур, подведомственных компартиям. Речь шла о подготовке в советских высших военных учебных заведениях национальных армейских командных кадров. Применительно к югославской армии предусматривалось обучение в Высшей военной академии 15 командиров корпусов, дивизий, бригад НОАЮ, в Высшей офицерской разведшколе Генштаба — 40 руководящих работников разведки, а также предполагалось организовать подготовку 15 старших командиров артиллерии и 30 контрразведчиков НОАЮ. Кроме того, планировалось обучить 500 югославов в советских летных училищах³.

При этом важно отметить, что расходы по подготовке югославских кадров советская сторона полностью брала на себя.

Напрямую вопрос о советниках в армию Югославии был поставлен югославской стороной на встрече И.В.Сталина с делегацией Национального комитета освобождения Югославии 19 января 1945 г. Руководитель делегации А.Хебранг тогда заявил: «...Югославы ожидают двоякую помощь от Советского Союза: вооружением и людьми (инструкторами, советниками), ожидают помощь в создании по-современному организованной армии». Речь шла конкретно о необходимости «организовать центральное руководство армии, генеральный штаб, штабы армии и другие крупные военные штабы», чтобы обеспечить преобразование партизанской, повстанческой армии Тито в регулярную современную армию. В ходе беседы именно на этом моменте Сталин отнюдь не случайно сделал особый акцент, подчеркнув: «...Партизан... надо обучать — для современной армии они не годятся... партизан надо взять в руки, перекрутить их, чтобы они подходили для современной армии...»⁴

Советским ответом на просьбы югославов, высказанные И.В.Сталину, стало Постановление ГКО от 10 февраля 1945 г. о мерах по оказанию помощи НОАЮ. Помимо широкой программы подготовки офицерских кадров (предполагалось принять на обучение в СССР более 2,5 тысяч югославских военнослужащих), специальным пунктом постановления предусматривалось «выделить для НОАЮ в штабы, соединения, части и военные учебные заведения 111 советников и инструкторов». Причем 36 человек из них направлялись на работу в центральный аппарат НОАЮ — министерство и генштаб, остальные в управление армий, бригад, дивизий и т.д.⁵

Уже в ходе беседы со Сталиным возник принципиально важный вопрос о правах и обязанностях советских инструкторов и советников в югославской армии. Тогда, рассуждая на этот счет, Сталин нарисовал во многом идеалистическую модель отношений советского советника и югославского командира: «...Инструктор должен быть просто инструктором, советником, он не имеет права отменять или навязывать решения командиру...» Как следует из документа, это была реакция на предложение югославского генерала, начальника генштаба А.Йовановича, чтобы советские советники пользовались правами заместителя командира той или иной части и имели «возможность доносить о своих соображениях в вышестоящую инстанцию»⁶.

По всей видимости, столь осторожная позиция И.В.Сталина в определении полномочий советников была продиктована, в первую очередь, политическими соображениями — упредить возможные упреки со стороны союзников по антигитлеровской коалиции в откровенном вмешательстве СССР во внутренние дела суверенной страны. Думается, что предлагавшийся Сталиным весьма ограниченный объем компетенций советников в армейских условиях, где действовал принцип приказа, а не совета, был трудно реализуем на практике.

Но эти суждения Сталина были учтены при разработке Положения о советских военных советниках и инструкторах в Народно-освободительной армии Югославии от 10 февраля 1945 г. Это был первый нормативный документ подобного рода. Еще 4 февраля Сталин ознакомился с его проектом и не внес никаких поправок в положение о советниках.

Итак, в соответствии с указанным документом, на советников и инструкторов возлагалась «задача оказания помощи югославскому военному командованию в вопросах организации вооруженных сил НОАЮ, а также в подготовке и обучении армии и, главным образом, ее офицерских кадров...»⁷ В специальных пунктах констатировалось, что «советники и инструктора в отношении личного состава НОАЮ никакими административными правами не пользуются... В своей практической деятельности... не допускают элементов подмены командования НОАЮ в его административной деятельности... Все советники и инструктора в НОАЮ остаются на

действительной службе в Красной Армии... носят форму и знаки отличия, присвоенные им в Красной Армии».

В Положении было четко зафиксировано, что денежное довольствие личному составу аппарата военных советников, инструкторам и административно-техническому персоналу выплачивается «за счет сметы НКО Союза СССР». Питание же, квартиры и коммунальные услуги должны были обеспечиваться югославской стороной бесплатно⁸.

Документы подобного рода, относящиеся к другим странам, показывают, что главные пункты этого положения являлись для советской стороны основополагающими.

11 марта 1945 г. было принято Положение о советских офицерах-инструкторах в болгарской армии и 13 апреля 1945 г. — такой же документ об инструкторах в армии Чехословакии. Общим для всех них был пункт о правовой основе направления советских офицеров — официальная просьба правительства соответствующей стороны. Во всех документах неизменно присутствовал пункт и о том, что советские офицеры не наделяются административными правами и не могут подменять национальные кадры.

Специально констатировалось, что денежное довольствие, убывших «в правительственную командировку» офицеров-советников и инструкторов брала на себя советская сторона, за исключением питания, квартир и коммунальных услуг, расходы по которым несла принимающая сторона.

Различия, судя по документам, заключались в определении конкретных задач, исходя из ситуации в каждой стране. Так, для офицеров, направлявшихся в болгарскую армию, ставилась задача «оказания помощи командованию частей и соединений Болгарской армии в вопросах подготовки и обучения личного состава и, главным образом, офицерских кадров, по применению и использованию отпускаемого Болгарской армии советского вооружения»⁹.

Иначе формулировались задачи для советских офицеров, направлявшихся в Чехословакию. Здесь речь шла об оказании «помощи командованию военных училищ Чехословацкой армии в подготовке и обучении курсантского состава»¹⁰.

Такая постановка вопроса применительно к Чехословакии была отнюдь не случайной. Здесь коммунисты делили реальную власть с либеральными силами, а армия, где офицерский корпус был в основном довоенным, находилась под командованием президента Э.Бенеша и военного министра Л.Свободы. Они оба считали целесообразным использовать советских инструкторов временно и только в военных училищах. 10 июня 1945 г. чехословацкая сторона запросила 9 советских офицеров в военные училища. В итоге дискуссий на уровне правительства Чехословакии в страну к концу 1945 г. прибыло 86 советских офицеров¹¹.

Самая большая по численности группа военных советников и инструкторов в 1945 г. работала в Югославии. Ее возглавлял главный военный советник генерал А.Н.Барсков. На сегодняшний день крайне скудны доступные для исследователей материалы рос-

сийских архивов, характеризующие практическую деятельность советников и их взаимоотношения с югославскими офицерами. Тем не менее имеются сведения о том, что эти взаимоотношения были далеко не всегда бесконфликтными. На их характер оказывал воздействие целый ряд обстоятельств. Весьма существенное место занимала значительная разница в денежном довольствии югославских и советских офицеров в пользу последних. Это не могло не вызывать недовольства в югославской армии, сложившейся в вооруженной борьбе с фашизмом и фактически освободившей почти всю территорию Югославии.

Согласно югославским данным 1945 г., оклады советских специалистов были в 4 раза больше, чем у югославских командующих армиями, и в 3 раза больше, чем у союзных министров ФНРЮ¹². Тогда же, как утверждают югославские исследователи С.Кржавач и Д.Маркович, Й.Тито поставил этот вопрос перед советским послом А.И.Лаврентьевым. Он заявил: «Для Югославии в силу ряда причин не представляется возможным выплачивать такие высокие оклады советским специалистам» и просил «смягчить условия оплаты специалистов». В ответ на это последовала жесткая реакция советского правительства: оклады советникам и инструкторам снижены не будут.

В такой ситуации Тито «пригрозил» сократить число советских военных советников и был поддержан командованием НОАЮ, которое считало возможным провести «сокращение числа советских военных советников на 60%»¹³.

Без сомнения, существенная разница в оплате советских военных специалистов и высшего офицерского корпуса НОАЮ имела место и могла вызывать нежелательные для югославского руководства настроения в армии. Но если сопоставить «картину», представленную югославскими исследователями, с вышерассмотренными российскими архивными документами, а именно Постановлением ГКО от 10 февраля 1945 г. и Приложениями к нему, то становится понятной жесткая реакция И.В.Сталина, поскольку, как уже отмечалось, оклады советским советникам выплачивались из бюджета СССР.

Мы не располагаем сведениями о том, провела ли югославская сторона заявленное сокращение числа советников. Но, как свидетельствуют материалы Архива Президента РФ, 29 мая 1946 г. югославская сторона в лице начальника генштаба К.Поповича поставила перед начальником генштаба Советской армии А.М.Василевским вопрос о расширении корпуса советников в НОАЮ. Попович просил, в частности, помочь с организацией курсов усовершенствования офицеров и для этой цели выделить 20—30 инструкторов, а также продлить срок пребывания советских офицеров в Югославии на 2—3 года. Поповичем был поставлен вопрос о дополнительном командировании в Югославию до 139 военных советников. При этом специально подчеркивалось, что все расходы югославская сторона берет на себя¹⁴. Василевский пообещал доложить по всем вопросам Сталину. Можно предположить, что реакция

советского лидера была в целом положительной, но мы не располагаем данными, была ли югославская просьба удовлетворена в полном объеме.

Что касается Польши, то в силу специфики состава офицерского корпуса ее армии, о чем речь шла уже выше, советские советники появились здесь несколько позже — с начала 1946 г. Однако в течение этого года численность их возрастала и обрисовались три основных направления их деятельности: министерство национальной обороны, военно-воздушный и военно-морской флоты Польши. Причины столь четко ограниченной двумя родами войск сферы присутствия советских советников объяснялись скорее всего военно-политическими мотивами. Именно в авиации и флоте была весьма значительной доля довоенных кадровых офицеров, воевавших в годы войны на западном фронте в составе Польских вооруженных сил и возвратившихся в страну после войны. Имелись и специальные мотивы: речь шла о содействии советников в решении задач модернизации авиации и флота и подготовке новых кадров. К концу 1946 г. в ВВС Польши работало 90 советников и инструкторов. В начале 1947 г. в качестве советников при командовании ВВС служили генерал-полковник Ф.П.Полынин, полковник И.Катенин и подполковник Р.Лейбман. В военно-морском флоте первая группа советников появилась в январе 1946 г. Она возглавлялась капитаном 1-го ранга И.Шилинговским¹⁵.

Применительно к Польше мы не располагаем советским аналогом Положений о советниках и инструкторах в болгарской, югославской и чехословацкой армиях. Судить о сфере их деятельности в польской армии можно лишь на основе специальной инструкции, подписанной Главнокомандующим Войска Польского маршалом Польши М.Роля-Жимерским в октябре 1946 г. Анализ этого документа показывает, что присутствие советников в Войске Польском рассматривалось польской стороной как временное явление, обусловленное необходимостью подготовки квалифицированных кадров для авиации и флота, а также для управлений министерства.

Важно отметить, что советские советники, согласно инструкции, должны были назначаться приказом М.Роля-Жимерского. Они не располагали правом принятия каких-либо дисциплинарных решений. Это оставалось исключительно в компетенции польского командования. Советник наделялся правом доступа к секретной документации и участия в оперативно-тактических и организационно-мобилизационных решениях польского командования конкретного воинского подразделения или управления министерства. Советник должен был нести ответственность за эти решения наравне с польскими командирами.

Однако при этом оговаривалось, что он не может отдавать каких-либо устных или письменных приказов, что его деятельность должна быть ограничена лишь практическими советами по вопросам командования, боевой подготовки и управления подразделениями в воинских частях и министерстве¹⁶.

Сравнение этой инструкции с вышерассмотренными советскими документами показывает их безусловное принципиальное сходство в основных положениях. Вместе с тем в инструкции М.Роля-Жимерского более конкретно была очерчена сфера компетенции и ответственности советников за решения, принимаемые совместно с польскими офицерами.

Что касается Болгарии, Румынии и Венгрии, то ситуация с назначением советников в их национальные армии в первые послевоенные годы развивалась по-другому. И советская сторона, и новая власть в этих странах были ограничены в своих действиях условиями Соглашений о перемирии и отсутствием мирных договоров. Не располагая необходимыми конкретными материалами, которые позволили бы проследить процесс появления советников в болгарской, венгерской и румынской армиях, мы можем опираться только на отдельные документы. 7 марта 1945 г. политуправление 3-го Украинского фронта сообщало в ЦК ВКП(б), что из шести пехотных дивизий болгарской армии в двух уже имеются советские военные советники, в другие же «пока не назначены». Напомним, что 11 марта 1945 г. ГКО принял положение о советских офицерах-инструкторах в болгарской армии. Это позволяет предположить, что советская сторона намеревалась распространить систему советников на болгарскую армию. Но материал более позднего времени свидетельствует, что процесс был сознательно приостановлен советским руководством. Это подтверждается записями в дневнике Г.М.Димитрова о его беседе со Сталиным 2 сентября 1946 г. Димитров записал: «Стал[ин] высказывается за подготовку болгарских офицеров в стране, а не в СССР. "У нас имеются большие трудности в этом отношении и наше обучение не совсем подходит болгарской армии. Может быть поможем с преподавателями, программами и пр., но лучше, если вы будете иметь свои училища в стране"».

Стал[ин] считает, что для нас невыгодно иметь в армии советских инструкторов. Враги будут это использовать. Вреда будет больше, чем пользы. При этом, наличие инструкторов часто препятствует самостоятельному развитию собственных офицеров. "Лучше бы было, чтобы учились без нянек". Он согласился с тем, чтобы дать указание Бирюзову (С.С.Бирюзов — зам. председателя СКК в Болгарии. — *Авт.*) выделить несколько советских офицеров под его (Бирюзова. — *Авт.*) руководство, чтобы помогать болгарской армии тихо и без шума»¹⁷.

Нетрудно понять из этих рассуждений Сталина, что он принимал в расчет не только сложную внутривосточную ситуацию в странах — бывших сателлитах Германии, но и нерешенный вопрос об их международном статусе.

Что касается госбезопасности — другой важнейшей силовой ветви власти в странах Восточной Европы, то начало деятельности здесь советников НКВД—НКГБ (МВД—МГБ) СССР следует датировать также 1945 г., но, судя по доступным российским документам, это можно относить в первую очередь к Польше, что объяс-

нялось прежде всего спецификой ее внутренней политической ситуации того времени*.

Как известно, значительная часть польского общества находилась в различной по форме, вплоть до элементов гражданской войны, оппозиции к новому режиму. Это объективно выдвигало проблему обеспечения безопасности власти на первый план, в том числе и для советского руководства, крайне заинтересованного в стабильности ситуации в стратегически важном для него регионе.

Польские органы безопасности формировались в условиях острого дефицита кадров, что вынуждало новую власть искать помощь в Москве. Не случайно, 20 февраля 1945 г., еще до освобождения всей территории Польши, ГКО СССР принял постановление: «...Удовлетворить просьбу Временного Польского правительства о выделении советников министров внутренних дел (министерства общественной администрации и министерства общественной безопасности) Польши для оказания им практической помощи в работе, а также о выделении в распоряжение этих советников соответствующих войск НКВД.

Поручить НКВД (Берия) подобрать и согласовать с польским правительством кандидатуры советников и необходимое количество инструкторов»¹⁸.

Л.П.Берия подобрал на указанные должности соответственно генерала И.А.Серова — уполномоченного НКВД СССР по 1-ому Белорусскому фронту и генерала П.Я.Мешика — заместителя начальника Управления «СМЕРШ» НКО СССР. После согласования с Б.Берутом и Э.Осубка-Моравским, кандидатуры генералов были утверждены В.М.Молотовым как первым заместителем Председателя СНК СССР и затем, 7 марта 1945 г. на Секретариате ЦК ВКП(б)¹⁹.

Мы не располагаем конкретными данными о численности представителей НКВД в соответствующей польской службе. Косвенным свидетельством того, что институт советников этого профиля был в течение нескольких месяцев в основном сформирован и укомплектован, могут служить сведения, предоставленные заместителем начальника отдела кадров МОБ Польши в ЦК ВКП(б) в октябре 1945 г. На это время в системе министерства работало 259 советских граждан, членов и кандидатов в члены ВКП(б), а также 87 членов ВЛКСМ. Основная их часть (соответственно 215 и 29 чел.) служила во внутренних войсках²⁰. Очевидно, остальные, около 100 человек, и составляли аппарат советника.

* Вместе с тем имеются свидетельства, что в том же 1945 г. офицеры советской госбезопасности появились в формировавшихся тогда МВД некоторых других стран региона. Дневники Г.М.Димитрова свидетельствуют, что в сентябре 1945 г. болгарский лидер принимал трех полковников НКГБ СССР, отбывавших в Софию в качестве инструкторов в МВД Болгарии. 13 сентября Димитров записал в своем дневнике: «...Дал им необходимые разъяснения по поводу того, что от них требуется» (Георги Димитров. Дневник. (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 500).

Принципиально важно, на наш взгляд, отметить, что в связи с назначением двух советских генералов на должности советников в Польшу, в НКВД СССР тогда же в марте 1945 г. было разработано Положение о правах и обязанностях советника в органах безопасности Польши. Оно стало базовым нормативным документом при определении компетенций советников в структурах госбезопасности других стран Восточной Европы, что подтверждается тем материалом, который будет рассмотрен в дальнейшем.

Генеральная идея документа состояла в том, что советник и его аппарат «проводят свою работу не непосредственно (подчеркнуто нами. — *Авт.*), а через руководителей соответствующих органов». Это положение, по мнению авторов документа, должно было не допускать прямого вмешательства советников в деятельность польских органов безопасности. В данном случае трудно не видеть совпадения с тем пониманием роли советского советника в югославской армии, которое продемонстрировал И.В.Сталин в беседе 19 января 1945 г. с А.Хебрангом и А.Иовановичем.

В рассматриваемом документе четко определялись должностные обязанности советского советника. Советник должен был оказывать «необходимую помощь в деле организации аппарата министерства и его органов на местах, включая польские органы милиции, жандармерии, внутренних и пограничных войск». Главная же задача в условиях Польши сводилась к оказанию повседневной практической помощи «в организации и налаживании агентурно-оперативной и следственной работы органов общественной безопасности Польши, направляя ее таким образом, чтобы обеспечить на территории Польши государственную безопасность и общественный порядок, борьбу со шпионско-диверсионной и террористической агентурой немецких разведывательных органов и немецкого военного командования, борьбу с бандитизмом, повстанчеством и иными враждебными элементами, проводящими подрывную деятельность против Временного польского правительства и освободительной работы Красной Армии».

При этом важно отметить, что советник и его аппарат не имели права проводить аресты «вражеского элемента на всей территории Польши, за исключением прифронтовой полосы от 60 до 100 км». Как свидетельствуют документы российских архивов, это предписание нормативного акта далеко не всегда исполнялось. Документы секретариата НКВД показывают, что аресты проводили как польская служба безопасности, так и органы НКВД СССР²¹.

На советника госбезопасности возлагалась обязанность представления в НКВД СССР «своевременной и полной информации о политическом положении в Польше», за что советник нес персональную ответственность перед командованием НКВД СССР.

Советник наделялся достаточно широкими правами и штатным аппаратом, укомплектованным сотрудниками НКВД из расчета: по одному инструктору во всех отделах соответствующего министерства, по три инструктора для каждого воеводского управления и одному в каждом уездном отделе общественной безопасности в воеводствах.

Следует обратить внимание, что советнику при МОБ Польши были переданы все дислоцированные на польской территории войска НКВД СССР. Именно он, исходя из оперативной обстановки, определял дислокацию этих войск. Для боевого же применения их советник обязан был получать в каждом отдельном случае санкцию наркома внутренних дел СССР²².

Анализ этого документа дает основания утверждать, что предполагалось создание строго централизованной, пронизывающей всю вертикаль управления польских органов безопасности разветвленной структуры, позволявшей советской стороне контролировать состояние польского общества и результативность работы польских коллег.

Хотя этот документ был ориентирован на польскую реальность первых послевоенных лет, его основные положения в дальнейшем были использованы при определении функций советников МГБ СССР в других странах и выработке соответствующих нормативных актов.

В первые послевоенные годы имел место и иной вариант организации института советских политических и военных советников. Речь идет о тех из них, кто действовал в рамках советской части Союзных контрольных комиссий в Болгарии, Венгрии и Румынии, возглавленных представителями советского генералитета — Ф.И.Толбухин в Болгарии, К.Е.Ворошилов в Венгрии и Р.Я.Малиновский в Румынии.

Статус и функции советской части СКК, созданных осенью 1944 г., для каждой из стран определялись специальными постановлениями советского правительства, утвержденными ЦК ВКП(б) в ноябре 1944 г. В структуре СКК предусматривалась должность политсоветника. В соответствии с номенклатурой НКВД СССР на нее мог быть назначен дипломат в ранге посланника. Тогда же были утверждены кандидатуры на должность советника — А.А.Лаврищева для СКК в Болгарии, А.П.Павлова — в Румынии и Г.М.Пушкина в Венгрии. В каждой из СКК под руководством политсоветника работала группа помощников, консультантов, экспертов и референтов. Например, в штате советской части СКК в Болгарии, насчитывавшем 200 человек, 18 составляли группу политсоветника²³.

В компетенцию политсоветника входил широкий круг вопросов, связанных с участием СКК в восстановлении политической жизни в странах — бывших союзниках гитлеровской Германии. Речь шла об установлении контактов с политическими деятелями различной нефашистской ориентации, контроле за образованием, реорганизацией и составом новых формировавшихся органов власти и прежде всего правительств, об обеспечении процесса дефашизации вышеназванных стран и о других конкретных политических вопросах²⁴. Политические советники были обязаны на основе систематического анализа ситуации в стране пребывания предоставлять соответствующую информацию в НКВД—МИД СССР и руководству советской части СКК. В качестве конкретного примера

можно привести поручение начальника штаба СКК в Венгрии генерал-майора И. Левушкина исполняющему должность политсоветника Осокину. Ему предлагалось охарактеризовать и конкретно показать работу всех политических партий в Венгрии; настроения разных социальных групп и особенно молодежи и крестьянства, их политические ориентации и отношение к Красной Армии; степень активности религиозных деятелей, их отношение к Англии, Америке и Германии; политическую ситуацию в Будапеште²⁵.

Этот документ, относящийся к февралю 1945 г., раскрывает конкретные сферы и объем деятельности политсоветника СКК.

Таким образом, политсоветник СКК был своеобразным связующим звеном между советским правительством и послевоенной политической элитой Болгарии, Венгрии и Румынии. Он, с одной стороны, обеспечивал Москву необходимой информацией, а с другой — проводил в жизнь применительно к каждой стране линию советского руководства, основанную на Соглашениях о перемирии. Такая форма советского контроля и участия в политической жизни этих стран сохранялась вплоть до осени 1947 г., когда в соответствии с заключенными в феврале 1947 г. мирными договорами структуры СКК были ликвидированы. Теперь советское воздействие на внутривосточное развитие Болгарии, Венгрии и Румынии осуществлялось через советские дипломатические представительства.

Рассматривая начальный этап формирования системы советников в странах Восточной Европы, на наш взгляд, принципиально важно отметить, что в этот период в политике национальной элиты проявилась тенденция привлекать советских специалистов к участию в организации ряда сфер общественной жизни — экономики, культуры, государственного строительства. Носителями этой тенденции были прежде всего коммунисты, но отнюдь не только они.

Допустимо предположить, что позитивная позиция Сталина по вопросу о советниках, высказанная в беседе 19 января 1945 г. с А. Хебрангом и А. Йовановичем и реализованная в Постановлении ГКО от 10 февраля 1945 г., дала югославским политикам импульс к более широкой постановке вопроса. Уже в начале февраля 1945 г. член Политбюро ЦК КПЮ Э. Кардель, рассуждая о предстоящем послевоенном строительстве нового государства, особое внимание уделил разнообразным формам советской помощи. В частности, речь шла о присылке советских советников «по отдельным линиям государственного строительства»²⁶. Доклад Карделя, сделанный на одном из заседаний в Белграде, был направлен в ЦК ВКП(б) Г. М. Димитрову, который 22 февраля 1945 г. препроводил его И. В. Сталину. Мы не располагаем материалами, отражающими непосредственную реакцию советского лидера. Тем не менее есть документальное свидетельство, что в ноябре 1945 г. в Югославию было откомандировано 20 гражданских специалистов²⁷. Это означало одно — просьба югославской стороны была выполнена.

Аналогичная тенденция в начале 1945 г. проявилась и в других странах. В феврале 1945 г. в ОМИ ЦК ВКП(б) на имя его главы Г. М. Димитрова поступило письмо руководителя дирекции радио-

вещания Болгарии коммуниста О.Василева, где, по сути дела, излагалась программа широкого привлечения советских советников в экономику, культуру, пропаганду и систему образования этой страны. Автор письма исходил из необходимости учитывать «...всегда особую международную обстановку и невозможность для СССР открыто вмешиваться в наши (т.е. болгарские. — *Авт.*) внутренние дела». Поэтому он предлагал: в структуры СКК «или под какой-либо другой формой в Болгарию должно быть прислано гораздо больше советских специалистов из всех отраслей государственной, общественной и культурной деятельности». Василев подчеркивал: «...Должны быть посланы не только партийные работники, а именно знатоки государственных работ в прямом смысле этого слова»²⁸. Он считал необходимым создать в Болгарии «...более широкий всесторонний центр (советских специалистов. — *Авт.*) с единым руководством и точно установленными практическими задачами», ядро которого «будет находиться в дипломатической среде, но не будет покрываться ее работой»²⁹.

Такую постановку вопроса Василев объяснял острой нехваткой квалифицированных кадров в условиях, когда в министерства и ведомства пришли десятки «хороших парней» из бывших партизан, не обладающих знанием хозяйственных законов, финансов, банковского дела. «Вот и здесь, — подчеркивал автор документа, — помощь советского специалиста была бы чрезвычайно полезна»³⁰. Конкретно Василев называл промышленность, земледелие, кооперацию, юстицию, просвещение и культуру.

Об этих предложениях О.Василева были информированы первый заместитель председателя советского правительства В.М.Молотов и секретарь ЦК ВКП(б) Г.М.Маленков. Однако реакция советской стороны была тогда весьма сдержанной. Практических шагов, направленных на расширение присутствия советников как в рамках СКК, так и за ее пределами, не последовало. По-видимому, это объяснялось нежеланием Москвы осложнять отношения с союзниками по линии СКК.

В Чехословакии в апреле 1945 г. в связи с предполагаемой национализацией крупной промышленности перед послом В.А.Зоринным был поставлен вопрос о перспективе привлечения советских советников «в помощь чехословацкому правительству для налаживания управления этой промышленностью». Министр промышленности социал-демократ Б.Лаушман информировал посла о своем намерении вынести данный вопрос в правительство ЧСР³¹. В ходе беседы была достигнута договоренность о специальной встрече советника по экономическим вопросам Н.Демьянова с представителями министерства промышленности Чехословакии. 25 мая такая встреча состоялась. На ней была высказана просьба Лаушмана «относительно оказания Чехословакии всесторонней помощи советских экономических органов планирования в деле организации, восстановления и управления чехословацкой промышленности, подлежащей национализации». Одновременно чехословацкая сторона поставила вопрос «о возможности организации

постоянного института советников СССР при Экономическом совете правительства Чехословакии»³². Однако эти переговоры не завершились конкретным обращением Чехословакии к советскому правительству.

Мы не располагаем материалами, которые бы свидетельствовали об активном продвижении советской стороной института советников в экономику и культуру стран региона в 1945—1946 гг. Судя по доступным документам, в 1947—1948 гг. процесс направления советников и специалистов несколько ускорился, а сфера их применения стала расширяться. Это было в значительной мере обусловлено тем, что в странах региона восстановительный период подходил к завершающему этапу. Последнее совпало с окончательным утверждением монопольной власти компартий и обозначившимся вектором развития — к советской государственной модели с ее административно-распределительной системой организации экономики и управления обществом. Именно этот принципиально важный поворот в развитии региона, четко проявившийся на рубеже 1947—1948 гг., определил активизацию спроса на советских советников и специалистов в сфере государственного строительства, экономики, культуры, идеологии и пропаганды.

Для Венгрии, Румынии и Болгарии, которые после заключения мирных договоров становились равноправными субъектами международного права, особую остроту приобретал вопрос о советском участии в организации силовых ветвей власти. Как известно, в соответствии с условиями Соглашения о перемирии, в 1944—1947 гг. в этих странах имели место ограничения на развитие силовых структур и прежде всего армии. После снятия ограничений предстояли расширение и реорганизация силовых структур. Поэтому для компартий и в этой группе стран вопрос о советских военных советниках приобретал особую актуальность.

Уже в июне 1947 г. в беседе члена Политбюро ЦК ВКП(б) А.А.Жданова с членом Политбюро ЦК БРП(к) Т.Костовым в рамках подготовки двухстороннего договора Болгарии и Югославии, по инициативе последнего было поставлено «несколько военных вопросов» в связи с работой по реорганизации болгарской армии. Костов отметил, что все эти вопросы уже были изложены в письме Г.М.Димитрова И.В.Сталину и он (Костов) «их здесь ставит в порядке напоминания». Речь шла о поставках советского оружия и танков в 1947—1948 гг. на условиях долгосрочного кредита и об «увеличении до 16 человек военных советников всех родов войск из офицеров и генералов Советской Армии». Одновременно была высказана просьба о приеме в советские военные академии (15 человек) и училища (19 человек) болгарских офицеров. При этом Т.Костов сообщил, что все расходы на содержание советников в болгарской армии и обучение офицеров в СССР Болгария берет на себя³³.

Документы свидетельствуют, что в 1947—1948 гг. представители утвердившихся у власти компартий ставили в официальном и неофициальном порядке вопрос о направлении советских советников и специалистов и оказании различных других форм помощи

для налаживания централизованной модели государственного управления. Например, член Политбюро ЦК КПР Э.Боднараш в беседе с послом СССР С.И.Кавтарадзе 30 декабря 1947 г. поставил вопрос «об оказании помощи командированием советских специалистов для работы в соответствующих министерствах Румынии». Он мотивировал просьбу тем, что «румынская компартия испытывает крайнюю нужду в соответствующих квалифицированных и подготовленных людях»³⁴.

Такая же просьба прозвучала и во время приема заместителем министра иностранных дела СССР А.Я.Вышинским члена Политбюро ЦК КПР и министра финансов Румынии В.Луки 17 января 1948 г. Последний поставил в ходе беседы на первое место вопрос о советских советниках. Он просил ускорить направление в Румынию «специалистов по различным отраслям промышленности в качестве советников»³⁵. Ответ на эти просьбы был дан решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 апреля 1948 г. Советское руководство разрешило направить в Румынию 9 специалистов: из них одного в качестве советника по вопросам организации армии и военного обучения; четверых специалистов из Госплана СССР; по одному специалисту из министерств черной металлургии и земледелия и двух специалистов по финансам.

Следует обратить внимание, что в этом же решении были пункты, связанные с предоставлением румынской стороне помощи в организации работы органов безопасности. Было решено сроком на один год направить в неофициальном порядке советника по вопросам госбезопасности. Кроме того, МГБ СССР предлагалось принять на обучение «20 румынских курсантов из числа политически проверенных людей для обучения на шестимесячных курсах госбезопасности с отнесением всех расходов за счет Правительства Румынии»³⁶. Одновременно министерству внешней торговли СССР было дано поручение заключить с румынским правительством соглашение об условиях работы советских специалистов в Румынии.

Конкретные материалы свидетельствуют, что национальная партийная и государственная элита стран региона в первые послевоенные годы рассматривала присутствие советских советников и специалистов в своих странах, главным образом, как временное и вынужденное нехваткой кадров явление. Одна из важнейших причин такой позиции, в разной форме и мере проявлявшейся среди руководящих деятелей Болгарии, Румынии, Чехословакии, Польши, Югославии, заключалась в опасении с их стороны быть обвиненными на Западе и общественным мнением своих стран в политике, допускающей ущемление национального суверенитета. Послевоенное общество стран региона было в этом отношении весьма чувствительным, что тогда понимали и в Москве, и в руководствах компартий стран региона. Известно, что в принятой на заключительном этапе войны концепции «национального пути к социализму» важное место отводилось идее возрождения национальной независимости. Отнюдь не случайно принципы пролетарского интернационализма были отодвинуты на второй план. На

таким «фоном» присутствие советских советников могло восприниматься и истолковываться в общественном мнении как нарушение заявленных компартиями принципов, как покушение на государственный суверенитет.

Об этом свидетельствовала ситуация в Польше, единственной из стран региона, где Москва через сложившуюся в эти годы систему советников МГБ—МВД СССР и советский офицерский корпус в армии уже контролировала важнейшие силовые структуры новой власти. Руководство ППР и прежде всего ее лидер В.Гомулка, без сомнения, осознавали уязвимость своих позиций в деле обеспечения национальной независимости страны. Во имя нейтрализации присутствовавших в общественном мнении суждений о зависимости Польши от СССР и ценой даже ухудшения профессионализма кадрового состава армии в 1945—1947 гг. была произведена массовая демобилизация советских офицеров из Войска Польского. В 1947 г. были отозваны офицеры МГБ СССР из полевых управлений польской госбезопасности. Выступая в октябре 1956 г. на заседании Политбюро ЦК ПОРП В.Гомулка говорил о том, что тогда же, в 1947 г., он получил согласие И.В.Сталина и Н.А.Булганина на откомандирование всех советских офицеров из Польши к 1951 г., что в 1948 г. было подписано соглашение об отзыве советников из министерства общественной безопасности³⁷. Речь шла о представителях МГБ—МВД СССР в воеводских и центральных структурах этой службы*.

С весны 1948 г. позиция по данному кругу вопросов В.Гомулки и вице-министра национальной обороны генерала М.Спыхальского, проводившего реальную замену советских офицеров польскими кадрами, стала одним из главных объектов критики как со стороны ЦК ВКП(б), так и в Политбюро ЦК ППР. Неслучайно эта позиция была определена как националистическая, наносящая «большой вред делу укрепления союза и дружбы между польскими и советскими народами» и якобы объективно содействовавшая «политике польских буржуазных националистов»³⁸.

Отстранение Гомулки от руководства партией летом 1948 г. прервало начавшееся было свертывание системы советского присутствия в силовых структурах Польши.

По-видимому, по тем же соображениям, что и Гомулка, стремился не активизировать прибытие советских советников и специалистов К.Готвальд, возглавлявший в 1946—1948 гг. правительство ЧСР. По свидетельству чехословацкого экономиста Й.Гольдмана, участвовавшего в 1946 г. в разработке двухлетнего плана экономического развития Чехословакии, именно Готвальд отвел предложения некоторых чехословацких экономистов пригласить советских специалистов по планированию³⁹. Ситуация повторилась и в апреле 1948 г., когда представители чехословацкого Госплана в беседе

* Из воеводских управлений общественной безопасности советники были откомандированы в 1955 г., а из министерства — в конце 1956 г.

с советским послом М.А.Силиным вновь поставили вопрос о целесообразности направления «в чехословацкий Госплан 1—2 советских советников или инструкторов, которые бы оказали соответствующую помощь при организации чехословацкого планирования»⁴⁰. Советский посол не взял на себя инициирование этого вопроса в Москве и порекомендовал собеседникам решать проблему советников на межправительственном уровне. Однако со стороны правительства Чехословакии, если судить по российским документам, официального обращения не последовало, и вопрос остался пока открытым: Позднее, в 1949 г., лидер КПЧ далеко не сразу согласился на прибытие в страну советников МГБ СССР и выражал сомнения в необходимости их пребывания на постоянной основе⁴¹.

Нельзя исключить, что просьба Г.Дежа в апреле 1948 г. направить в Румынию советника по линии МГБ СССР в неофициальном порядке⁴² объяснялась подобными же политическими соображениями.

Для правящей коммунистической элиты также становилось все более очевидным, что, наряду с несомненными для нее практическими позитивами, институт советских советников и конкретные действия последних имели и ряд негативных последствий. Они проявлялись в той профессиональной среде, где непосредственно работали советники, и имели своим основанием, с одной стороны, материальные привилегии советских специалистов, что было оговорено двусторонними межгосударственными соглашениями. С другой стороны, возникали неизбежные противоречия национальной конкуренции между советскими советниками и национальными кадрами. За советниками стояло государство, одержавшее победу в тяжелейшей войне, что давало им, безусловно, чувство морального превосходства, нередко выражавшееся в прямом диктате, не соответствовавшем их профессиональному уровню. Это вызывало естественную негативную реакцию национальных кадров.

Современный чешский исследователь К.Каплан, опираясь на документы чешских архивов, показал, что главными причинами курса правительства Чехословакии, и в частности генерала Л.Свободы, направленного на неуклонное сокращение (с 86 в 1945 г. до 9 в 1948 г.) числа советских инструкторов были финансовые расходы чехословацкой стороны и более привилегированное материальное положение советских инструкторов. Кроме того, Каплан отмечает напряженные личные отношения между советскими и чехословацкими офицерами: «Советские советники не были удовлетворены своим положением. Они ссылались на недоброжелательное к ним отношение преподавателей и руководства училищ, на недостаточное использование их знаний и опыта как в училищах, так и в армии»⁴³.

Москва уже в 1946 г. располагала данными о том, что в генеральном штабе албанской армии имеют место «нездоровые настроения в отношении пребывания советских офицеров в Албании. Некоторые из них, албанских офицеров, смотрят на советских офицеров как на оккупантов и, во всяком случае, держатся в отношении советских офицеров весьма настороженно»⁴⁴. Ситуация в

Албании усложнялась еще и тем, что в этой стране преобладающим сохранялось влияние Югославии. Этот факт летом 1947 г. признавал И.В.Сталин, который считал, что с международной точки зрения Советскому Союзу удобнее оказывать помощь Албании, в том числе и советниками, через Югославию⁴⁵.

По мере того как нарастали тенденции к югославо-албанской экономической интеграции, конкретным выражением которой была деятельность координационной комиссии, руководство Албании стало еще более сдержанно относиться к появлению новых советских советников. Так, 9 марта 1948 г. Э.Ходжа в беседе с советским посланником Д.С.Чувахиным в ответ на сообщение последнего о намерении советской стороны направить в Албанию одного советника и нескольких специалистов, сказал: «...Мы должны будем отказаться от советников, так как опыт показывает, что наличие советников при министерствах усложняет работу соответствующих министерств и ставит в затруднительное положение албанских членов координационной комиссии». Ходжа заявил также, что командование югославской армии рекомендует албанскому генштабу не приглашать советских советников для специальных родов войск. Далее он поставил Чувахина в известность, что правительство Албании приняло решение отказаться от услуг советских советников и пригласить только специалистов. Как сообщил Чувахин в Москву, Ходжа сказал, что «вообще вопрос о советских военных советниках (в Албании. — *Авт.*) лучше всего было бы югославам разрешить в Москве»⁴⁶. К осени 1948 г. по мере развития советско-югославского конфликта позиция албанского руководства в отношении использования советских советников существенно изменилась. 1 ноября 1948 г. албанская партийная делегация в ходе беседы в ЦК ВКП(б) поставила перед секретарем ЦК ВКП(б) М.А.Сусловым вопрос о необходимости направления в Албанию группы советников — двух для организации партийной работы в армии, двух преподавателей марксизма-ленинизма, одного в МВД и одного в плановую комиссию. Албанские руководители получили обещание «по возможности удовлетворить» их просьбу⁴⁷.

Таким образом, можно констатировать, что к концу 1948 г. лидеры АПТ в этом вопросе отмежевались от Югославии и полностью переориентировались на СССР.

В самой Югославии ситуация с советскими советниками была достаточно напряженной. По данным российского исследователя Ю.С.Гиренко, опирающегося на воспоминания Э.Карделя, проблема взаимоотношений советских и югославских специалистов была одним из вопросов, обсуждавшихся в беседе И.В.Сталина с Э.Карделем 19 апреля 1947 г. Кардель, констатируя наличие споров и недоразумений между советскими и югославскими специалистами, фактически, как пишет Гиренко, «поставил вопрос о вмешательстве советских советников во внутренние дела Югославии»⁴⁸. Кардель воспроизводит не только реакцию Сталина на его слова: «Специалисты находятся там для того, чтобы их слушали, а не только сидели у вас сложа руки», но и свою реакцию на эту

резкую реплику советского лидера: «Мы очень довольны ролью советских специалистов и благодарны советскому правительству за их направление. Польза от их работы большая. Это бесспорно. Речь только о некоторых недоразумениях в работе наших и ваших специалистов»⁴⁹.

Летом 1947 г. в советско-югославских отношениях вновь возник вопрос о статусе советских специалистов в Югославии, что было связано с принятием правительством ФНРЮ решения о запрете предоставлять советской стороне какую-либо экономическую информацию партийными и государственными органами Югославии. И.В.Сталин расценил это решение как недружественный акт по отношению к советским специалистам, как выражение недоверия им и даже как попытку установить за ними слежку⁵⁰. Югославская же сторона в ходе полемики по этому вопросу объясняла свои действия тем, что советские специалисты «чрезмерно навязывают свои взгляды», игнорируют мнение югославских коллег. Однако Белград, встретившись с острой реакцией Сталина, вынужден был отступить и скорректировать вышеуказанное решение. Теперь советская сторона могла получать информацию только в ЦК КПЮ и правительстве ФНРЮ⁵¹.

Таким образом, доступ советских советников к информации существенно ограничивался, что, естественно, оказывало прямое влияние на общую атмосферу, в которой работали советские специалисты в Югославии.

Информацию об осложняющихся отношениях советских советников с югославскими партнерами поступала в Москву по разным каналам. Так, работавшие с февраля 1946 г. до лета 1948 г. в югославской армии «в качестве военных инструкторов» 13 испанских коммунистов представили в ЦК ВКП(б) развернутую справку о своей деятельности. Документ содержал конкретный материал о неприязненном отношении высших югославских офицеров к советским военным советникам, об отсутствии «уважения к советским офицерам и... систематической клевете на них», а также о «презрительном отношении (югославов. — Авт.) к техническим знаниям советников и к замечаниям советских офицеров...» Составители информации делали далеко идущие политические заключения: «Югославы считали, что появление советников в штабах наносит ущерб независимости Югославии и своей критикой стремились показать, что они не нужны в югославской армии»⁵².

Таким образом, вышеприведенный материал показывает, что присутствие и деятельность советских советников в странах Восточной Европы вносили элемент напряженности в двусторонние межгосударственные отношения. Тем самым оказывалось стимулирующее воздействие на формирование в массовом общественном сознании настроений национальной ущемленности, что могло для носителей власти иметь серьезные негативные политические последствия и угрожало ростом недоверия к правящей партии.

1948 г. показал, что Москва имела возможность использовать складывающийся институт советских советников как инструмент

давления на руководство стран Восточной Европы в сугубо политических целях. Это со всей очевидностью проявилось уже на начальной стадии советско-югославского конфликта. Как известно, 18 марта 1948 г. в аппарате ЦК ВКП(б) был подготовлен специальный документ «Об антимарксистских установках руководителей компартии Югославии в вопросах внешней и внутренней политики», в котором руководители КПЮ обвинялись «в недоброжелательном отношении к Советскому Союзу и братским компартиям. Эти ошибки, — говорилось в документе, — превращают их в подголосков буржуазии в проведении внутренней и внешней политики страны»⁵³. Такие обвинения получили немедленное отражение в практических шагах советского правительства. В Москве приняли негласное решение об отзыве из Югославии советских гражданских советников и специалистов. Формальным поводом послужили меры югославской стороны по упорядочению практики передачи информации по экономическим вопросам советским представителем. Москва расценила эти действия как выражение недоверия к советским работникам в Югославии и «проявление недружелюбия в отношении СССР». Одновременно по распоряжению военного министра Н.А.Булганина из Югославии отзывались и военные советники, а также инструкторы под предлогом «недружелюбного отношения к ним в югославской армии»⁵⁴.

Тем самым Югославия была поставлена в затруднительное положение. Ее руководители попытались не допустить отзыва советских специалистов, ими были предприняты шаги к урегулированию «недоразумения со специалистами». Об этом, в частности, свидетельствует прием В.М.Молотовым посла Югославии В.Поповича 24 марта 1948 г., в ходе которого последний просил отменить распоряжение об отзыве советских военных и гражданских специалистов. Запись этой беседы в дневнике В.М.Молотова отражает острую заинтересованность югославской стороны в урегулировании возникших осложнений в отношениях двух стран и непримиримость позиции СССР, озвученной В.М.Молотовым: «Попович просит В.М.Молотова отменить распоряжение об отзыве из Югославии военных и гражданских специалистов. Мы не знаем, говорит Попович, как обойтись без советских специалистов, которые нам крайне необходимы. Попович говорит, что виновные в создавшемся положении с югославской стороны будут самым строгим образом наказаны... Попович еще раз просит В.М.Молотова не отзывать советских специалистов... Попович спрашивает, правильно ли, что во всем этом виновно только югославское правительство. Молотов отвечает: в данном случае — да»⁵⁵.

Как известно, 27 марта 1948 г. последовало первое письмо ЦК ВКП(б) к ЦК КПЮ, официально положившее начало советско-югославскому конфликту, закончившемуся разрывом отношений. К 31 марта советские гражданские и военные советники и специалисты были откомандированы из Югославии. Еще 24 февраля был задержан выезд в Югославию дополнительной группы специалистов в соответствии с решением Совета Министров СССР от 4 ноября 1947 г.⁵⁶

Отзыв советников и специалистов из Югославии становился политическим «уроком» отнюдь не только для руководства этой страны. Он как угрожающий «жест» был адресован и лидерам всех остальных государств региона. Для правившей в регионе коммунистической верхушки, не располагавшей необходимыми кадрами, особенно в силовых структурах и госаппарате, это было весьма серьезное предупреждение.

Таким образом, первые послевоенные годы стали временем зарождения института советских советников в странах Восточной Европы. Уже в эти годы со всей очевидностью определились основные направления их деятельности — силовые структуры, государственный аппарат и экономика. Вместе с тем к 1948 г. достаточно очевидными становились и «интересы» Москвы к использованию этого института как инструмента воздействия на политическую элиту и контроля за внутренним развитием стран региона. В массовом общественном сознании появление советских советников воспринималось далеко не всегда так, как интерпретировала этот факт правящая элита («братская помощь»). Зачастую деятельность советников рассматривалась как одно из проявлений ущемления национальной независимости. Зарождался «очаг» противоречий в двухсторонних отношениях Москвы и ее союзников.

- 1 См. подробнее: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: Миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944—1948 гг. М., 1993. С. 310—312.
- 2 Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. Т. 1. 1944—1948. Документы. М., 1999. С. 91—94.
- 3 Там же. С. 91—92.
- 4 Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. Т. 1. 1944—1948. М.; Новосибирск, 1997. С. 121, 123.
- 5 Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. 1944—1948. С. 147.
- 6 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 124.
- 7 Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. 1944—1948. С. 148.
- 8 Там же. С. 148—149.
- 9 Там же. С. 151.
- 10 Там же. С. 186.
- 11 Kaplan K. Sovětští porádcí v Československu. 1949—1956. Pr., 1993. S. 67.
- 12 Гиренко Ю.С. Сталин — Тито. М., 1991. С. 313—314.
- 13 Цит. по: Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 313, 314.
- 14 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 908. Л. 170.
- 15 Nalepa E.J. Oficerowie Armii Radzieckiej w Wojsku Polskim. 1943—1968. M., 1995. S. 126.
- 16 Там же. С. 313.
- 17 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 69; Георги Димитров. Дневник. (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 534.
- 18 НКВД и польское подполье. 1944—1945 гг. (По «Особым папкам» И.В.Сталина). М., 1994. С. 99.

- 19 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 103. Л. 2.
- 20 Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. 1944—1948. С. 240—241.
- 21 См. подробнее: НКВД и польское подполье...; Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944—1945 гг. М.; Новосибирск, 2001.
- 22 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 103. Л. 108.
- 23 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1051. Л. 38, 176, 177, 179—181.
- 24 См.: Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. Док. 23, 28, 33, 34, 39, 44, 79, 81.
- 25 АВП РФ. Ф. 453, Оп. 1а. П. 1а. Д. 1. Л. 11.
- 26 Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. 1944—1948. С. 138.
- 27 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 31. П. 121. Д. 7. Л. 2.
- 28 Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. 1944—1948. С. 140.
- 29 Там же. С. 142.
- 30 Там же. С. 141.
- 31 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 201.
- 32 Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. 1944—1948. С. 193.
- 33 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 227. Л. 52.
- 34 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 35. П. 137. Д. 17. Л. 27.
- 35 Там же. Оп. 36. П. 144. Д. 8. Л. 6.
- 36 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 865.
- 37 Gomułka i inni. Dokumenty z archiwum KC PZPR. 1948—1982. Londyn, 1987. S. 93—94.
- 38 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 820.
- 39 См. подробнее: Гольдман Й. Очерк национализации в Чехословакии. М., 1947. С. 39—43.
- 40 Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. 1944—1948. С. 576.
- 41 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1361. Л. 59.
- 42 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 197. Л. 8.
- 43 Kaplan K. Sovětsí porádcí... S. 67—68.
- 44 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 22. Д. 319. Л. 86.
- 45 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 249. Л. 17—19.
- 46 АВП РФ. Ф. 067. Оп. 16. П. 111. Д. 4. Л. 3.
- 47 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1160. Л. 15.
- 48 Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 314.
- 49 Там же.
- 50 Там же. С. 315.
- 51 Там же.
- 52 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 494. Л. 8—11.
- 53 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 787—800.
- 54 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 398. Л. 27; Ф. 3. Оп. 66. Д. 908. Л. 175.
- 55 Восточная Европа в документах... Т. 1. 1944—1948. С. 800—801.
- 56 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 909. Л. 17.

2. СИСТЕМА СОВЕТНИКОВ В ДЕЙСТВИИ (1949—1953 г.)

Конец 1948—1949 г. стали переломными в процессе складывания института советников в странах региона. Если ранее и в Москве, и в восточно-европейских столицах пребывание советников воспринималось как некое временное явление, связанное с решением конкретных разовых задач в отдельных областях общественной жизни, то с начала 1949 г. подход к этому институту стал заметно меняться. К середине года с большой отчетливостью проявилось обоюдное стремление Москвы и региональной коммунистической элиты превратить присутствие советников в постоянный фактор, участвующий в перестройке и обеспечении функционирования ключевых звеньев государственного организма во всех странах региона.

Причины такой перемены проистекали из серьезных изменений международной ситуации. Реальностью стала биполярность послевоенного мира. Противостояние двух «центров», олицетворением которого явился раскол Германии и образование двух германских государств с разным общественным устройством, получило на рубеже 40—50-х годов новые импульсы. Если раскол Германии продемонстрировал окончательное крушение расчетов И.В.Сталина на его непосредственное участие в решении всех мировых проблем через сохранение долгосрочного сотрудничества с Западом, то испытание атомного оружия в СССР, компенсируя это, закладывало в советский курс длительное противостояние капиталистическому миру. В идеолого-политическом плане этот процесс начался еще во второй половине 1947 г. Произошло, по сути дела, практическое возвращение советского лидера, а с ним и всего политического руководства СССР, к тому восприятию мира, которое сложилось во второй половине 20-х годов. Тогда ключевым фактором для Сталина был приоритет «внешней политики в условиях «враждебного капиталистического окружения...» Все прочее должно было быть подчинено одной великой задаче скорейшего наращивания «военно-промышленной мощи»¹.

Став снова исходным, этот постулат был экстраполирован на внутреннюю политику в Советском Союзе, а также распространен на страны региона. Во главу угла ставилось обеспечение обороноспособности блока. Отсюда проистекала ориентация на ускоренную индустриализацию через превалирующее, во многом экстенсивное развитие тяжелой промышленности во имя милитаризации экономики и модернизации армий, роль которых в жизни общества предельно гипертрофировалась. Для реализации такой политической линии объективно становилось необходимым укрепление и ужесточение власти партийного государства на всех уровнях через ускоренное формирование политических режимов советского типа.

Доступные на сегодняшний день документы российских архивов свидетельствуют, что в новых условиях институт советников

был ориентирован в первую очередь на обслуживание таких направлений как осуществление, опираясь на опыт СССР, трансформации экономики в соответствии с нуждами блока, перестройка и укрепление силовых структур (армии, госбезопасности, МВД в первую очередь) на классовой основе, функционирование складывавшегося партийно-государственного аппарата. Одновременно Москва получала в свои руки инструмент повседневного контроля за реализацией общих целей в каждой из стран региона.

Заинтересованность региональной коммунистической элиты в присутствии советников была обусловлена тем, что, приступив к строительству «социализма по Сталину», она столкнулась с рядом проблем, связанных не только с выполнением программы «социалистических преобразований», но и с обеспечением безопасности своей власти. Среди них ключевую роль играла проблема нехватки национальных кадров, готовых к выполнению поставленных на повестку дня задач. Для одних стран она упиралась в элементарное отсутствие необходимого кадрового контингента. В Албании это происходило из общей цивилизационной отсталости. В Болгарии, Румынии и Венгрии недостаток квалифицированных кадров объяснялся в значительной мере прошедшими в 1945—1947 гг. репрессиями против адептов старых, прогермански ориентированных режимов, а также интенсивными чистками под контролем СКК армии и госаппарата от фашистских и профашистских элементов². В Польше и Чехословакии также имело место политическое недоверие коммунистов к «буржуазным специалистам» и стремление вытеснить их из системы управления обществом.

Судя по документам, в 1949 г. подходы Москвы к использованию советских советников и специалистов в странах региона четко определились. В советском руководстве считали, что новая национальная элита, получив всю полноту власти, не может в сжатые сроки решить первоочередные, с точки зрения ЦК ВКП(б), задачи без прямого советского участия и контроля. Выход виделся в расширении этого участия и превращении института советников и специалистов в постоянный фактор воздействия на внутреннюю ситуацию каждой из стран.

На таком фоне Москва в конце 1949 г. принципиально изменила условия финансирования направляемых в страны советников и специалистов. Если в 1944—1949 гг. страны региона несли лишь часть финансовых расходов, то в октябре 1949 г. Совет Министров СССР принял новое постановление по этому поводу³.

Советская сторона исходила из того, что правительства Польши, Румынии, Венгрии, Чехословакии и Болгарии «должны выплачивать советским специалистам заработную плату в местной валюте в размере окладов, которые существуют или будут установлены в дальнейшем для местных специалистов соответствующих должностей и квалификации, и обеспечить другие условия, включая продовольственное и промтоварное снабжение, установленные надбавки к заработной плате и т.п., которыми пользуются местные

специалисты, а также бесплатными квартирами с обстановкой, отоплением и освещением»⁴.

Такой порядок оплаты советников и специалистов вводился с 1 ноября 1949 г. На основании этого постановления в 1950 г. были подписаны соответствующие двусторонние соглашения или протоколы, конкретизирующие финансовую сторону дела.

Таким образом, произошли принципиальные изменения в условиях финансирования работы советских специалистов в пользу СССР. Исключение составляла Албания, в отношении которой сохранилось действие Постановления от 5 марта 1944 г., где фиксировалась оплата деятельности советников из бюджета СССР.

Столь существенную корректировку советским руководством финансовой ситуации с советниками можно объяснить не только экономическими мотивами, но и некоторыми новыми тенденциями в политике национальной номенклатуры. Их следует охарактеризовать как стремление решать важные внутренние проблемы руками советских людей и тем самым избежать политической ответственности при возможных неудачах. Фонды секретариатов Совета министров и министра иностранных дел СССР хранят многие десятки писем с просьбами руководителей стран Восточной Европы направить советников и специалистов. Новые тенденции в политике лидеров стран региона достаточно быстро были замечены Сталиным. Это отчетливо проявилось уже в его беседах с Э.Ходжей и болгарской правительственной делегацией, состоявшихся в марте и июле 1949 г.

В начале года албанская сторона через миссию СССР в Тиране подала заявку на 120 советских специалистов (из них 27 гражданских) для албанской армии⁵. В Москве сочли такие цифры слишком завышенными и существенно ограничили численность командированных на работу в Албанию в 1949 г. Вероятно, позиция Москвы побудила Ходжу в беседе со Сталиным в марте 1949 г. вновь поставить вопрос о присылке советских специалистов. Он просил направить их для оказания помощи в осуществлении двухлетнего плана экономического развития. В частности, речь шла о специалистах по строительству текстильного и сахарного комбинатов, геологоразведочным работам (Албания располагает залежами редких полезных ископаемых — медь, хром, битум и др.), по исследованиям электроэнергетических ресурсов. Как особо важный обсуждался вопрос об участии советских офицеров в организации службы безопасности и полиции, налаживании работы министерства внутренних дел⁶.

Реакция Сталина на просьбы албанской стороны была весьма позитивной: «...Мы Албанию поможем». Советский лидер считал наиболее эффективной формой помощи направление в Албанию советских инструкторов. Сделав оговорку («...мы надеемся, что албанцы сами будут работать»), Сталин дал поручение министру иностранных дел СССР А.Я.Вышинскому рассмотреть все просьбы албанской стороны⁷. В апреле 1949 г. между правительствами СССР и Албании была достигнута договоренность по программе

командирования 37 советских специалистов в 1949 г., выполненной к концу года⁸.

Беседа И.В.Сталина 29 июля 1949 г. с болгарской правительственной делегацией, возглавляемой В.Червенковым, также показала многоплановость запросов болгарской стороны на советских специалистов. Болгары просили оказать помощь советниками в области планирования экономики, развития сельского хозяйства, организации внутренней торговли, финансов, строительства, возведения и эксплуатации электростанций. Сталин пообещал направить в Болгарию советских специалистов, «которые смогут быть полезными для Болгарии»⁹. 2 сентября 1949 г. последовала официальная просьба болгарского правительства прислать «четырёх советских специалистов: по вопросам планирования сельского хозяйства, по вопросам внутренней торговли и политики цен, по финансовым вопросам и по министерству промышленности». В телеграмме Червенкова на имя Сталина отмечалось: «Указанные специалисты будут нами использованы в качестве советников при Совете Министров. Просьба ускорить их присылку»¹⁰.

С аналогичной просьбой 6 августа 1949 г. обращался к Сталину премьер-министр Польши Ю.Циранкевич. Речь шла о направлении в Польшу советских специалистов для экспертизы «польского 6-летнего плана развития добычи угля и реконструкции угольной промышленности»¹¹.

Анализ статистических данных, представленных в справке МИД СССР к заседанию Совета министров СССР 31 октября 1949 г., дает все основания утверждать, что эти просьбы болгарской и польской сторон, как и подобные просьбы руководства других стран региона, систематически выполнялись. Более того, экономическое направление работы советников уже в 1949 г. оформилось как одно из ведущих. К концу этого года в страны Восточной Европы было направлено 187 специалистов для оказания технической помощи, 61 — военный советник*, 18 гражданских советников и специалистов. Среди этих последних только 9 были советниками и работали в Румынии. (В декабре 1949 г. Г.Деж направил в Москву новый запрос на советников в гражданские отрасли экономики численностью более 60 человек). Из первой группы подавляющая часть (139 чел.) работала в Болгарии и Албании (соответственно — 99 и 40 чел.). В Румынию было откомандировано 14 чел., в Польшу** — 8, в Чехословакию — 6 чел. В качестве военных советников осенью 1949 г. в Болгарии находились 29 офицеров, в

* В эти цифры, как оговорено в справке МИД СССР, не включены данные о советских военных и гражданских советниках и специалистах, работавших в Албании. По-видимому, не учтены и военные советники в ВВС и ВМФ Польши.

** По другим сведениям, в Польше в 1949 г. работало 14 советских специалистов по организации военной промышленности (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1291. Л. 9).

Венгрии — 13, в Румынии — 11, в Чехословакии — 8 чел.¹² При чем главные военные советники были прикомандированы к министрам обороны Албании, Болгарии, Венгрии и Румынии, т.е. туда, где шло интенсивное увеличение численности армий и их перестройка в соответствии со структурой советской армии*. Документы ЦК ВКП(б), относящиеся к февралю 1950 г. свидетельствуют, что в советском военном ведомстве уже была определена не только структура института военных советников, но и решением секретариата ЦК ВКП(б) утверждена номенклатура должностей военных советников в армиях союзных стран. В списке должностей, включенных в номенклатуру ЦК ВКП(б), значились главные военные советники, их заместители, заместители главных военных советников по политчасти, старшие военные советники и советники при начальниках отдельных родов войск, советники при начальниках отделов генеральных штабов, советники при командующих военными округами, армиями, корпусами, дивизиями, советники при начальниках военных академий. Всего для Албании, Болгарии, Венгрии, Румынии и Чехословакии было утверждено 84 должности. Главные военные советники в тот период предусматривались для Албании, Болгарии, Венгрии и Румынии, их заместители — для Болгарии, Венгрии и Румынии, заместители главных военных советников по политчасти — для Албании, Болгарии, Венгрии и Румынии. Старшие советники и советники при начальниках родов войск предусматривались для всех стран. Военные советники направлялись в генштабы Албании, Болгарии, Румынии и Чехословакии. На остальные категории советников в феврале 1950 г. приходилось 13 должностей из 83. Это свидетельствовало о том, что советским контролем пока была охвачена лишь армейская верхушка. Исключение составляла Чехословакия, где 6 военных советников работали в среднем армейском звене¹³.

Архивные документы, отложившиеся в «особых папках» Политбюро ЦК ВКП(б), показывают, что имела еще одна группа военных советников и специалистов, работавших в регионе. В течение 1949 г. был принят ряд решений о командировании советских офицеров в страны Восточной Европы в качестве советников и специалистов по линии МВД, МГБ и военной юстиции СССР. Например, 18 апреля 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о помощи албанскому правительству «в организации работы органов Министерства внутренних дел Албании». Было решено «в связи с просьбой албанского правительства: ... 1. Обязать МГБ СССР (тов. Абакумова) принять в 1949 г. на специальные курсы 20 албанских офицеров (из) органов государственной безопасности. 2. Обязать МГБ СССР (тов. Абакумова) направить в Албанию инструкторов по организации шифросистемы МВД Албании. 3. Обязать МВД СССР (тов. Круглова) командировать в Албанию

* В этой группе учтены только офицеры, откомандированные министерством вооруженных сил СССР.

на срок до одного года инструктора по организации работы органов милиции и инструктора по расследованию уголовных дел»¹⁴.

Безусловно, вышеприведенный документ весьма специфичен. Он отражает конкретную ситуацию в Албании, где партия, стоявшая у власти, вовсе не располагала соответствующими кадрами и необходимыми для обеспечения этой власти силовыми структурами. В других странах, как и показывают документы, в 1949 г. четко обозначились два направления советского участия в кадровой помощи силовым ведомствам, основанной на запросах руководства этих стран.

Первое направление было связано с проблемой организации и укрепления пограничной службы, что было отнюдь не случайным. Достаточно вспомнить, что именно в это время на нараставшее блоковое противостояние «Запад—Восток» наложился резко обострившийся и интернационализированный Москвой советско-югославский конфликт. Стремление, прежде всего Москвы, отсечь Югославию от других стран советского блока, изолировать ее непроницаемой границей обусловило позитивную реакцию И.В.Сталина на соответствующие просьбы Г.Дежа, М.Ракоши и В.Червенкова в июле и сентябре 1949 г. В начале января 1950 г. Г.Деж направил в советское правительство еще один запрос на 1 советника в пограничные войска и 1 — в милицию¹⁵. Практическое решение этих вопросов готовилось советской стороной на уровне министра внутренних дел СССР С.Н.Круглова. Как пример, можно привести докладную записку Круглова Сталину о подборе кандидатов на работу в Венгрии в качестве советников по вопросам пограничной охраны и милиции. Документ показывает, что к подбору кадров отношении МВД СССР было весьма серьезным. Старшим советником направлялся полковник Д.Д.Прокофьев — начальник отдела пограничной службы главного управления погранвойск МВД СССР, имевший высшее военное образование (Военная академия им. Фрунзе) и прослуживший в этих войсках 29 лет. На должности советников предлагались 7 офицеров-пограничников (от полковника до майора), 4 из которых закончили Академию им. Фрунзе и 3 — пограншколы МВД. В группу Прокофьева были включены также 2 советника (комиссар милиции 3 ранга и полковник) по вопросам организации службы милиции. В конце августа 1949 г. группа вылетела в Будапешт¹⁶.

При этом важно отметить, что советская сторона отнюдь не сводила проблему помощи в организации погранслужбы только к направлению офицеров-советников. По существу, она брала на себя подготовку необходимых кадров. Об этом наглядно свидетельствует, например, решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 сентября 1949 г., когда был рассмотрен «вопрос ЦК КП Болгарии». Речь шла о просьбе В.Червенкова оказать помощь «по усершевствованию офицерского состава погранвойск Болгарии». В связи с этим было принято решение «обязать МВД СССР (т. Круглова): 1. Организовать подготовку пяти болгарских старших офицеров пограничной службы при Военном институте МВД СССР с годич-

ным сроком обучения, начиная с 1.III.1950 г. 2. Подготовить восемь болгарских младших офицеров при Каменец-Подольской школе усовершенствования офицерского состава МВД СССР с годичным сроком обучения. Начало занятий с октября 1949 г. 3. Организовать при Военном Институте МВД ускоренный курс обучения пограничной службы болгарских офицеров-пограничников по окончании ими курсов "Выстрел" и Военной Академии им. Фрунзе. 4. Принять двух болгар в Алма-Атинское военное училище войск МВД с двухгодичным сроком обучения и подготовить из них инструкторов служебного собаководства. Начало занятий с октября 1949 г. 5. Командировать двух советских офицеров в качестве советников в штаб пограничных войск Болгарии. Принять группу из 6—8 болгарских офицеров и ознакомить их с условиями охраны границы на равнинной, горной местности, на морской и речной границах». В декабре 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло еще одно решение, в соответствии с которым на обучение в СССР разрешалось принять 30 офицеров болгарских погранвойск¹⁷.

1949 г. стал стартовым в распространении системы советников МГБ СССР на все страны региона. Импульс к этому был дан начавшимися внутрипартийными политическими репрессиями, открывшимися в середине 1949 г. арестами и следствием по «делам» Т.Костова и Л.Райка.

Летом 1949 г. в Болгарию и Венгрию прибыли со специальным заданием в качестве советников высокопоставленные офицеры МГБ СССР: генерал Л.Л.Шварцман (Чернов) и полковник М.Т.Лихачев (в Софию) генерал М.И.Белкин и полковник Н.И.Макаров (в Будапешт). Судя по их донесениям в Москву, перед ними была поставлена задача обеспечить нужную советскому руководству политическую концепцию следствия и подготовки задуманных процессов. Речь шла о придании этим процессам антититовской и антиюгославской направленности. Есть прямые документальные свидетельства, что автором задания был И.В.Сталин, который регулярно получал всю документацию, поступающую в МГБ СССР от советников этого ведомства и из советских посольств в Софии и Будапеште¹⁸. Отмечая эту идеолого-политическую функцию названных советников, следует подчеркнуть, что в отличие от Болгарии, в Венгрии советникам не пришлось корректировать направленность следствия в антиюгославскую сторону доказательствами связей Л.Райка с Й.Тито и А.Ранковичем. Такая направленность, как было показано в предыдущей главе, изначально обеспечивалась активностью М.Ракоши¹⁹. Здесь корректировка действий венгерских следователей шла в ином ключе.

Судя по документам МГБ СССР, имеющимся в нашем распоряжении, советские советники, прибывшие в Будапешт с разовым заданием тогда, когда следственные действия уже шли полным ходом, получили в Москве «определенную... установку на объективность в деле». Можно предположить, что эта установка обуславливалась обеспокоенностью Москвы возможным провалом

следствия в связи с фантастичностью показаний подследственных, получаемых в результате жесточайших пыток. В 1954 г. в ходе работы специально созданной комиссии ЦК ВСРП факты широкого применения мер физического воздействия на Л.Райка и других арестованных были подтверждены венгерскими следователями. Они утверждали, что указания добывать «нужные» свидетельства любыми средствами шли напрямую от первых лиц государства. Это подтверждал и Э.Гере в беседе с послом Киселевым в феврале 1954 г.²⁰

Отчеты советников Шварцмана и Лихачева из Софии и Белкина и Макарова из Будапешта свидетельствуют, что в Москве воспринимали как норму их участие в подготовке допросов и иных следственных действий. Поэтому не случайно в докладе В.С.Абакумову, например, Шварцман и Лихачев 3 сентября 1949 г. сообщали, что они «оказывали болгарским следователям практическую помощь в организации допросов, проведении очных ставок, проверке и документации показаний арестованных и свидетелей»²¹.

Что же касается непосредственного участия офицеров МГБ СССР в допросах, то здесь дело обстоит сложнее. Как сообщил В.С.Абакумов И.В.Сталину, Л.Л.Шварцман и М.Т.Лихачев только «по просьбе гг. Червенкова и Югова лично участвовали в допросах Костова, но потом вынуждены были отойти от его допросов, так как болгарские товарищи сочли неудобным дальнейшее участие советских следователей в допросах Костова»²². Из цитируемого фрагмента со всей очевидностью вытекает, что советники МГБ СССР, выезжая из Москвы, не имели разрешения на личное участие в допросах. Вероятно, такого разрешения не получили и Белкин с Макаровым, хотя, судя по их докладам в МГБ, они присутствовали при допросах Л.Райка и других арестованных. В одном из своих донесений Абакумову они информировали: «Мы, как представители Москвы..., начинаем стесняться Ракоши в проведении той, явно тенденциозной линии, которую Ракоши по своим соображениям хочет, чтобы проводили органы безопасности Венгрии в деле Райка... Наше положение здесь довольно щекотливое. Если мы присутствуем на допросах и видим, что венгерские следователи получают явно неправдоподобные показания, и мы молчим при этом, то фактически участвуем в этом деле, а если обращаем внимание на явную неправдоподобность показаний, то этим вызываем нарушение той линии, которую Ракоши приказал иметь венгерским следователям»²³.

Несмотря на возникающие разногласия, М.И.Белкин и Н.И.Макаров продолжали работать с восемью основными обвиняемыми и свидетелями по делу. 16 августа 1949 г. они сообщали Абакумову: «...В последнее время вместе с венгерскими товарищами проводим очные ставки между арестованными, чтобы закрепить их показания. Помимо этого, тщательно документируем показания обвиняемых имеющимися вещественными доказательствами». Кроме того, советники «работали» с агентами венгерской госбезопасности, которые были посажены в камеры к Л.Райку и дру-

гим лицам, проходившим по «делу», и вместе с венгерскими следователями готовили речь государственного обвинителя²⁴.

Информируя Абакумова о текущей работе, Белкин и Макаров сообщили также, что они готовят «вместе с венграми» речь для государственного обвинителя, и высказали свое отрицательное отношение к действиям и предложениям Ракоши, который два раза забраквал обвинительный акт по «делу Райка» и «в заключение написал его сам»²⁵.

В тот же день Абакумов препроводил эту докладную записку Сталину с просьбой «обратить внимание на изложенные в записке тт. Белкина и Макарова замечания по существу подготовленного обвинительного акта по делу и указания т. Ракоши венгерским органам безопасности о переработке всех протоколов допросов обвиняемых с целью их сокращения, что может принести ущерб делу»²⁶. Среди критических замечаний советников к документу, подготовленному М.Ракоши, назывались отсутствие ясности «политического существа дела», отсутствие «юридической силы обвинений», наличие формулировок, «материалами дела не подтверждающихся». Советники отмечали реакцию Ракоши на эти замечания: он сказал, «что особого значения этому он не придает», поскольку текст будет переделан в Москве, «где имеются специалисты-юристы, и в частности, тов. Вышинский»²⁷.

Документы российских архивов по «делам» Л.Райка и Т.Костова показывают, что советники, выполняя подготовительную, «черную» работу в соответствии с политическими инструкциями, получаемыми «сверху» из Москвы, обеспечивали реализацию генерального политического замысла этих процессов. Являясь промежуточным, связующим звеном между министром госбезопасности СССР и лидерами Болгарии и Венгрии, советники в этом смысле практически выполняли информационно-аналитические функции. Принципиальные же и окончательные решения при определении судеб «жертв», как показывает переписка Червенкова и Ракоши со Сталиным, согласовывались и принимались только на самом высоком уровне.

Опыт участия советников в подготовке процессов Костова и Райка показал возможности данного инструмента воздействия и контроля за развитием ситуации и заинтересованность в нем как советского руководства, так и национальных лидеров. Поэтому отнюдь не случайно, что еще в ходе подготовки судебного процесса по «делу» Райка в Венгрию выезжали высокие представители госбезопасности Польши и Чехословакии для ознакомления с материалами «дела» и поиска «преступных связей» Райка в элите ПОРП и КПЧ.

Прямым следствием участия советских советников в подготовке суда над Райком стали обращения К.Готвальда и Г.Дежа в Москву с просьбой прислать специалистов из МГБ СССР. Так, 16 сентября 1949 г. после консультации с Ракоши Готвальд отправил в ЦК ВКП(б) телеграмму: «Одновременно с разоблачением предательской клики Райка в Венгрии были обнаружены некоторые ее

связи в Чехословакии. Просим ЦК ВКП(б) о направлении нескольких специалистов»²⁸. 23 сентября 1949 г. последовал ответ за подписью И.В.Сталина: «В связи с Вашей просьбой дано указание Министерству госбезопасности выделить и направить в Прагу необходимых работников. Филиппов». Ими стали уже прошедшие «школу» в Софии и Будапеште полковники Лихачев и Макаров. Их «миссия» носила сугубо секретный характер. Советники контактировали только с К.Готвальдом и Р.Сланским, и до начала 1950 г. об их присутствии не было известно даже в аппарате МВД Чехословакии²⁹.

В начале ноября 1949 г. аналогичная просьба последовала из Бухареста. Уже 9 ноября 1949 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) был решен «вопрос ЦК РРП» и утвержден текст телеграммы Г.Дежу: «В связи с Вашей просьбой прислать в Румынию работников для оказания помощи в разоблачении агентуры иностранных разведок к Вам будут направлены для этой цели работники МГБ СССР тт. Сахаровский и Патрикеев. Филиппов»³⁰.

Анализ доступных документов, отражающих краткосрочное пребывание четырех групп советников МГБ СССР в Болгарии, Венгрии, Чехословакии и Румынии в связи с «делами» Костова и Райка, а также стремлением (в первую очередь) Москвы интернационализировать эти «дела», позволяет предположить, что применительно к названным странам этот институт все еще не рассматривался как постоянно действующий. Однако участие советских советников в подготовке процессов Т.Костова и Л.Райка и активность в поисках «агентов Тито» и «сторонников Райка» в Чехословакии и Польше вызвали также заинтересованность ряда национальных лидеров в более широком и постоянном использовании этого института. Так, вскоре после прибытия в Будапешт генерала Белкина и Макарова М.Ракоши обратился к советскому послу с письмом, где излагал свою просьбу «прислать из Советского Управления Государственной безопасности для улучшения нашей работы в наше Управление несколько советников». Речь шла о командировании сроком на один год 12 офицеров МГБ СССР. Среди них были запрошены: советник-руководитель всей группы, советник по вопросам погранохраны, два советника по внутренней и внешней контрразведке, один — «по внутренне-политическим вопросам, име[ющий] опыт по троцкистской линии работы». Далее Ракоши просил направить в этой группе советников «по технике», по ведению следствия, «по общим организационным вопросам УГБ», по охране на заводах и предприятиях, «по охране руководящих товарищей», а также «для обучения вооруженных сил Управления Государственной безопасности»³¹. Фактически венгерский лидер в этом письме определил те основные направления в деятельности госбезопасности, где по его мнению требовался опыт советников МГБ СССР. Уже 31 октября 1949 г. ЦК ВКП(б) удовлетворил просьбу Ракоши. В Венгрию направлялись 15 советников «для оказания помощи в работе местных органов безопасности и пограничным войскам»³².

По сути, Ракоши продемонстрировал новый подход к использованию института советских советников, который, судя по доступным документам, был положительно встречен (а может быть, и инициирован) в Москве. В пользу этого говорит решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 13 декабря 1949 г. по вопросу о работе органов МГБ СССР за рубежом. В этом решении было признано необходимым «оказать помощь» органам госбезопасности в странах народной демократии. Организация работы советников МГБ СССР в структурах госбезопасности этих стран возлагалась на 6 отдел 1-го управления МГБ СССР³³. Можно предположить, что при подчинении советников МГБ 1-му управлению этого ведомства во многом учитывались не только «практика» 1949 г., но и уже накопленный с 1945 г. опыт их работы при министерстве общественной безопасности Польши, о чем говорилось выше.

В течение февраля—марта 1950 г. были приняты решения Политбюро ЦК ВКП(б) и по другим странам: 27 февраля была утверждена группа советников из 11 человек во главе со старшим советником С.И.Филатовым «для оказания помощи в работе органов безопасности и пограничной службы» Болгарии. В марте 1950 г. была произведена смена советника МГБ СССР в Польше С.П.Давыдова. На эту должность при министерстве общественной безопасности был утвержден полковник госбезопасности М.С.Безбородов, проработавший на своем посту до апреля 1953 г. 24 марта 1950 г. Политбюро ЦК ВКП(б) обязало В.С.Абакумова направить в Румынию бригаду советников из 8 человек во главе со старшим советником А.М.Сахаровским, выполнявшим эти обязанности до ноября 1952 г. 14 июля 1950 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило направить в Чехословакию «для оказания помощи в работе органов безопасности и пограничной службы группу советников МГБ СССР из 8 чел. во главе со старшим советником Боярским В.А.» В декабре 1950 г., реагируя на просьбу Р.Сланского, Политбюро ЦК ВКП(б) постановило «обязать министра госбезопасности (тов. Абакумова) направить в Чехословакию четырех советников по вопросам организации контрразведки в армии, по борьбе против шпионажа, диверсий и саботажа в промышленности, а также по работе в милиции и организации оперативного учета в министерстве госбезопасности». Чехословацкая сторона через МИД СССР извещалась, что советники МГБ СССР будут командированы в ближайшее время³⁴.

О принятых решениях такого рода уведомлялись первые лица стран региона телеграммой, как правило, за подписью Сталина, где всегда указывалось, что данное решение принято «в связи с Вашей просьбой». При этом вопрос о сроке пребывания советников не фиксировался, что открывало возможности для их длительной работы в стране. Например, в Чехословакии Лихачев и Макаров находились с осени 1949 г. до лета 1950 г., В.А.Боярский с осени 1950 г. до лета 1951 г., А.Д.Бесчастнов с лета 1951 г. по 1954 г.

Возникает вопрос, были ли эти просьбы результатом самостоятельных шагов, предпринимавшихся лидерами стран региона, или

же их поступление инициировалось советской стороной? Документальные материалы не позволяют дать однозначный ответ на этот вопрос. Есть свидетельства в пользу и того и другого варианта. Так, например, в беседе Сталина с Ходжей 2 апреля 1951 г. последний от имени албанского правительства просил «послать дополнительно 8 советников по госбезопасности». Постановлением Совета министров СССР от 30 апреля 1951 г. в Албанию по линии МГБ направлялось 5 советников (по контрразведке и розыску, следственным делам, по криминалистике, погранохране, милиции), а 21 ноября 1951 г. по просьбе албанской стороны был продлен на 2 года срок пребывания советника МГБ СССР М.С.Пузырева в МВД этой страны³⁵.

Есть свидетельства и другого рода. Например, чехословацкое руководство (Готвальд и Сланский) не спешило направлять в Москву подобную просьбу. Работавшие по приглашению К.Готвальда уже упоминавшиеся ранее сотрудники МГБ СССР Лихачев и Макаров не рассматривались высшим руководством КПЧ как советники, постоянно действующие в госбезопасности страны. Они имели конкретное задание — поиск «буржуазных националистов» в Чехословакии. Материалы российских архивов показывают, что Готвальд и Сланский еще весной 1950 г. пытались затормозить создание постоянной системы советских советников в органах госбезопасности. Так, в марте 1950 г. Лихачев и Макаров в своих доносениях сообщали в Москву: «Тов. Готвальд и Сланский знают также, что чехословацкие органы нуждаются в повседневной помощи по всем линиям работы, в силу чего возникла необходимость иметь в органах безопасности советников МГБ СССР, как это сделано в других странах народной демократии... Мы пришли к твердому убеждению, что тов. Готвальд и Сланский не хотят иметь наших советников, опасаясь, видимо, того, что советники будут много знать и обо всем информировать Москву»³⁶.

Нам неизвестно, как реагировало советское руководство на такую информацию. Тем не менее к лету 1950 г. советская сторона, по-видимому, получила соответствующую просьбу от Готвальда. В пользу этого свидетельствует тот факт, что 14 июля 1950 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило командирование в Прагу группы советников во главе с В.А.Боярским.

Таким образом, к середине 1950 г. советники МГБ СССР уже постоянно работали во всех странах региона. Документы показывают, что и в дальнейшем, по мере того как репрессивной политической охватывались все более широкие слои общества, продолжалось насыщение госбезопасности этих стран советниками МГБ СССР, а также входившими в их аппарат инструкторами и техническими работниками.

Следует отметить, что структурами МГБ СССР в начале 50-х годов охватывались и разведывательные направления деятельности национальных органов безопасности, о чем речь пойдет ниже. Документы российских архивов, часть которых уже опубликована, дают основания для вывода, что регулярно происходившее продле-

ние сроков пребывания советников, корректировки персонального состава и расширение их аппарата, по сути дела, означали, что сложилось важнейшее силовое звено системы воздействия, участия и контроля советской стороны за политическим развитием региона³⁷. Более того, можно говорить и о том, что началось воспроизводство этого звена на основе использования номенклатурного принципа расстановки и перемещения советских кадров. На рубеже 40—50-х годов в МГБ СССР сложилась группа высших и старших офицеров — генералов и полковников, «курировавших» органы безопасности восточно-европейских стран: Л.Л.Шварцман (Чернов), М.Т.Лихачев, М.И.Белкин, Н.И.Макаров, Г.С.Евдокименко, С.П.Давыдов, М.С.Безбородов, С.Н.Карташов, А.М.Сахаровский, В.А.Боярский, А.Д.Бесчастнов и др. Как показывают документы, в рамках этой группы имели место перемещения советников из одной страны в другую для (или после) выполнения «специальных задач».

Российские исследователи не располагают достаточным документальным материалом, чтобы ответить на закономерно возникающий вопрос, сколько советников МГБ работало в каждой из стран? Некоторые представления на этот счет дают сведения, существующие в национальных историографиях. Так, например, по данным К.Каплана, в Чехословакии в 1950—1953 гг. только в центральном аппарате госбезопасности работало 17 советников МГБ СССР и 2 представителя советской внешней разведки. В Польше, судя по информации С.Марата и Ю.Снопкевича, в середине 1953 г. в министерстве общественной безопасности, не считая структур этого ведомства в воеводствах, а также армейской контрразведки, работали 53 советника МГБ СССР во главе с генералом Лялиным³⁸.

Каковы же были функции советников МГБ, из чего складывалась их практическая работа, на каких условиях осуществлялись их контакты с представителями стран пребывания, каковы были источники сообщаемой ими в Москву информации?

Представляется, что достаточно надежные ответы на эти вопросы могут быть даны на основе изучения документов, подписанных самими советниками и направлявшихся ими в Москву. К сожалению, в настоящее время исследователи располагают лишь небольшой частью источников такого рода. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении донесения советников на имя Абакумова или его заместителя С.И.Огольцова из Будапешта, Праги, Варшавы и Бухареста позволяют в определенной мере воссоздать картину их повседневной работы.

Анализ вышеназванных документов за 1950 г. показывает, что первоочередной их задачей было информирование Москвы о текущей политической ситуации в стране пребывания. Например, именно такой характер носили сообщения С.П.Давыдова из Варшавы от 6 июля 1949 г. о ситуации в польской католической церкви, М.С.Безбородова от 11 мая 1950 г. о пленуме ЦК ПОРП, телеграмма А.М.Сахаровского, направленная в Москву в начале мая

1950 г., об арестах представителей бывшей политической элиты Румынии, М.С.Безбородова от середины ноября 1950 г. «о вскрытой польскими органами безопасности шпионско-вредительской организации»³⁹.

Особое внимание в информации, поступавшей в Москву, уделялось характеристике отношений в партийных верхах и позиций лидеров по конкретным вопросам. При этом как «показатель надежности» выступало отношение к СССР. Так, например, в обширной докладной записке советника Карташова от 10 февраля 1950 г. из Будапешта была дана политическая характеристика практически всем членам Политбюро ЦК ВПТ и ряду министров Венгрии. Источником для нее были беседы советника с М.Ракоши. Со слов Ракоши была выделена группа политически неблагонадежных деятелей, вина каждого из которых состояла в том, что он «плохо относится к СССР», «враждебно настроен к Советскому Союзу», «группирует вокруг себя людей, настроенных против СССР». Важен и вытекающий из этого вывод советника: «...На руководящих постах в Венгрии... имеются люди, не внушающие доверия... бросается в глаза то обстоятельство, что на руководящих постах в ЦК партии и государственного аппарата много евреев»⁴⁰.

Таким образом, в Москву пошла информация, сконструированная совместными усилиями М.Ракоши и советника. Весь документ демонстрировал единодушие его соавторов — Ракоши и Карташова — в оценке ситуации в элите ВПТ и в понимании задач органов безопасности Венгрии, а также приоткрывал механизм взаимоотношений советника с первым лицом в государстве — постоянные личные контакты.

Следующим важнейшим объектом внимания советников МГБ СССР было состояние органов безопасности в странах региона, прежде всего их кадровое обеспечение, организация работы и направленность карательных мероприятий. Тот же Карташов сообщал в Москву, что руководство ВПТ «недооценивало роли органов безопасности как острого оружия партии... не принимало должных мер к очищению карательных органов от чуждых элементов». Далее советник, отчитываясь о своей работе, писал: «Имея в виду это положение, мы высказали тов. Ракоши свое мнение о целесообразности проведения тщательной проверки личного состава УГБ, военной контрразведки и полиции и укрепления их рабочими-коммунистами.

Наши советы были учтены, и решением политбюро назначена комиссия по проверке кадров, в первую очередь руководящего состава УГБ и военной контрразведки... Наши советы были одобрены и учтены при реорганизации этих органов, которая сейчас заканчивается»⁴¹.

Эта же линия отчетливо прослеживается и в информациях Лихачева и Макарова из Праги. Они обращали внимание на неправильную, с их точки зрения, позицию начальника управления безопасности МВД ЧСР Й.Веселого, который считал, что Чехословакии не нужны сильные органы безопасности. Советники же пола-

гали, «что органы безопасности Чехословакии работают очень слабо и объясняется это прежде всего безинициативностью т. Веселого и его неспособностью руководить ими»⁴².

В компетенцию советников МГБ СССР, как показывают документы, входило оказание «практической помощи» в следственной работе органов безопасности страны пребывания. В 1949—1952 гг., на которые пришлось основная тяжесть политических репрессий в регионе, это направление являлось в работе советника магистральным во всех странах. Как типичный пример того времени, можно привести донесение советников М.Т.Лихачева и Н.И.Макарова об их пятимесячном пребывании в Праге, где с большим трудом шли поиски «чехословацкого Райка». В марте 1950 г. Лихачев и Макаров информировали Москву: «...В результате тщательно организованного при нашем участии следствия по делам арестованных получены важные показания об активной вражеской работе ряда лиц, занимающих ответственное положение в чехословацком государственном аппарате». Речь шла о В.Клементисе, Г.Гусаке, Л.Новомеском и др.⁴³

Однако в отличие от Венгрии итоги «поисковой работы» органов госбезопасности Чехословакии и советских советников не нашли понимания в узком руководстве КПЧ. И это было немедленно доложено в Москву: «Такое отношение к серьезным материалам, полученным в процессе следствия, явилось результатом того, что руководители Чехословакии полагают, что у них в стране англо-американская и титовская агентура не может пробраться в руководящие звенья государственного и партийного аппарата». По мнению советников, именно позиция Готвальда обусловила то, что руководители органов «фактически самоустранились от руководства следствием и со своей стороны не оказывали рядовым работникам помощи в разоблачении преступников». Более того, эта негативная оценка была распространена советниками на всю деятельность органов безопасности Чехословакии, которые «работают очень слабо... за последние пять месяцев... не вскрыто ни одного серьезного дела на агентуру иностранных разведок...»⁴⁴

Как следует из докладной записки Лихачева и Макарова, для «перелома» ситуации в нужном для советской стороны направлении советники использовали метод открытого шантажирования Готвальда («...Готвальд, почувствовав, как это было заметно по его поведению, что материалы о преступной деятельности Клементиса и отсутствие решения по ним станут через нас известными в Москве, — заявил, что они эти материалы обсудят и примут соответствующее решение») и давления на руководителей госбезопасности. («В связи с тем, что со стороны товарища Готвальда не поступало никаких указаний об оперативной реализации показаний арестованных, мы в беседе с тт. Веселым и Швабом поинтересовались, думают ли они сами поставить вопрос об аресте кого-либо из сообщников Клементиса») ⁴⁵. Поскольку «дело» В.Клементиса вскоре стало активно разрабатываться, можно сделать вывод, что работа советников получила в Москве одобрение. Более того, было

преодолено и нежелание Готвальда иметь в Праге в соответствующих структурах постоянных представителей МГБ СССР.

Обеспечение развития ситуации внутри правящей элиты в нужном советскому руководству направлении было одной из главных задач советников МГБ СССР в каждой из стран пребывания, и нажим на Готвальда вовсе не был каким-то исключением. Донесения советника С.П.Давыдова и заместителя советника Климашева из Варшавы на рубеже 1949—1950 гг. подтверждают это со всей очевидностью. В конце октября 1949 г. Давыдов, судя по его информации в Москву, дал указание заместителю начальника управления военной контрразведки Войска Польского советскому полковнику Д.П.Вознесенскому установить негласное наблюдение за семьей М.Роля-Жимерского, дабы исключить якобы готовившийся побег последнего за границу. Контроль за выполнением этого указания был возложен на инструктора аппарата советника МГБ СССР по Гданьскому воеводскому управлению госбезопасности полковника Шибалева⁴⁶. В ноябре 1949 г. маршал Роля-Жимерский был снят с поста министра национальной обороны Польши. В марте 1950 г., видимо, посчитав предпринятые меры недостаточными («...до сих пор не организована активная разработка Роля-Жимерского»), советник сообщал в Москву: «...Нами обращено внимание руководства МОБ Польши на необходимость установить тщательное агентурное наблюдение за Роля-Жимерским и его связями и принять меры, исключающие возможность его побега»⁴⁷.

Подобное советское «подталкивание», осуществлявшееся через советников МГБ, являлось своего рода «наведением на цель», в соответствии с политическими потребностями Кремля. Этими же потребностями обуславливалось и участие советников в следственных процессах. В большинстве стран именно советники выступали как основные конструкторы будущего процесса и обеспечивали его политическую направленность. Кроме того, они осуществляли жесткий контроль за ходом следственных действий и полученными на допросах показаниями. Обо всем этом немедленно информировалась Москва. Так, например, полковник Г.С.Евдокименко* в конце июня 1950 г. сообщал В.С.Абакумову о том, что в ходе следствия по «делу арестованных бывших руководящих работников генерального штаба и военного министерства Венгрии ...протокол допроса пишется арестованным под диктовку (венгерского. — *Авт.*) следствия». При этом советником приводились конкретные примеры на основе сообщений самих венгерских следователей. Советник информировал министра госбезопасности СССР о при-

* Евдокименко Г.С. — полковник МГБ СССР, в 1950 г. — заместитель советника, с января 1951 г. советник при управлении госбезопасности Венгрии; отозван в Москву по настоянию М.Ракоши; в 60-е годы работал начальником УКГБ по Краснодарскому краю, куда в 1957 г. был доставлен из Будапешта М.Ракоши.

нятых им в этой связи мерах: «...14 июня с. г. в беседе с начальником УГБ Петером и его заместителем Сюч мы обратили их внимание на вышеизложенные факты о методах допросов, применяемых следователями и высказали мнение о том, что в результате этого следствие запутано.

Петер, согласившись, что подобные методы ведения следствия неправильны, пожаловался: товарищи Ракоши и Фаркаш постоянно требуют от него в максимально сжатые сроки «получать от арестованных хорошие показания, и если эти требования почему-либо вовремя не выполняются, то руководство УГБ обвиняется в плохой работе»⁴⁸.

В обязанности советников, как показывают документы, входило не только информирование МГБ СССР о ходе следствия, но и направление в Москву самих следственных материалов, прежде всего протоколов допросов. Затем переведенные на русский язык протоколы из МГБ поступали лично Сталину⁴⁹. Тем самым Сталин имел не только исчерпывающую информацию, но и возможность использовать эти документы для воздействия на первых лиц в других странах региона. Например, 16 марта 1951 г. он направил Б.Беруту, Г.Дежу, В.Червенкову и М.Ракоши показания В.Клементиса и О.Шлинга⁵⁰. Немедленная реакция Ракоши 27 марта («мы насторожились и на основании имевшегося до сих пор опыта и полученного предупреждения сделаем на своей территории все, чтобы раскрыть и уничтожить организацию врага»⁵¹), служит тому подтверждением.

Практическая деятельность советников МГБ СССР при министерствах (или управлениях) госбезопасности стран Восточной Европы в 1949—1951 гг. подвела советское руководство к выводу о необходимости нормативно упорядочить обязанности и права советника этого ведомства. В октябре 1951 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило «Наставление для советников МГБ СССР при органах государственной безопасности в странах народной демократии»⁵². Появление этого документа вряд ли можно считать случайным. К осени 1951 г. практическая деятельность советников МГБ обозначила некоторые нежелательные для советской стороны явления. Конкретно они выражались не только в нараставшем недовольстве национальной номенклатуры привилегированным материальным положением высокопоставленных офицеров МГБ СССР, но и в возникновении трений между первыми лицами государств региона и советниками, о чем свидетельствуют документальные материалы российских архивов. Упреки в «малой активности» в адрес советников, в том числе советника МГБ Карташова, в марте 1950 г. высказывал М.Ракоши представителю аппарата Информбюро С.Г.Заволжскому, отмечая, что «советские товарищи мало помогают и иногда не обращают внимания на многочисленные шпионские группы, арестованные венгерскими властями... Ежедневно большую часть рабочего дня я сам веду следствие, и это продолжается в течение почти года...»⁵³ Не сложились отношения Ракоши и с Г.С.Евдокименко, работавшим в Будапеште с января 1951 г. и ото-

званным в СССР по настоянию венгерского лидера. И это не было единственным случаем.

Сложными были и отношения главного советника МГБ в Румынии А.М.Сахаровского с Г.Дежем. Последний откровенно жаловался советскому послу С.И.Кавтарадзе 20 июля 1951 г., что его советы и указания «по вопросу улучшения работы органов не получили практического осуществления» в деятельности Сахаровского. 19 ноября 1952 г. место Сахаровского занял полковник МГБ СССР С.М.Литвинов⁵⁴.

Такой накапливавшийся «негативный потенциал», несомненно, форсировал появление «Наставления для советников МГБ СССР...», определявшего пределы компетенции офицеров этого ведомства, командированных в страны Восточной Европы.

Согласно документу, главная задача советника состояла в оказании помощи органам безопасности и милиции страны пребывания в том, чтобы «оперативно правильно проводить в жизнь указания и директивы руководства этих стран по вопросам организации безопасности страны, улучшения постановки агентурно-оперативной и следственной работы, боевой и служебной подготовки пограничных и внутренних войск». Лишь по этим вопросам, как указывалось в документе, советники имели право давать «практические советы», причем «только в устной форме», «не допуская механического копирования форм и методов работы органов госбезопасности СССР» и персонально отвечая «за правильность и форму даваемых ими лично и приданным им аппаратом советов и рекомендаций».

В наставлении были четко определены «уровни» служебных взаимоотношений советников и их аппарата с представителями органов безопасности и политическими руководителями стран пребывания: советники должны были поддерживать «деловой контакт» с министром (или начальником управления) и его заместителями, инструкторы — с руководителями отделов, управлений (департаментов) органов безопасности и войсковых подразделений. Советник МГБ СССР наделялся правом информировать «о недостатках, имеющих место в агентурно-оперативной и следственной работе, а также в службе пограничных и внутренних войск... по мере надобности руководителей страны, но с санкции МГБ СССР в каждом конкретном случае».

Советникам не разрешалось вмешиваться в вопросы назначения и перемещения кадров, лично принимать агентуру органов безопасности и допрашивать арестованных, предоставлять информацию руководителям страны по своей инициативе и без санкции МГБ СССР. В документе предусматривались действия советника в случае получения серьезных компрометирующих материалов в отношении некоторых работников национальных органов безопасности. В такой ситуации советник был обязан «информировать об этом руководителей органов, а в случае необходимости, с санкции МГБ СССР, руководителей страны», но не вмешиваться в решение вопросов об этих «работниках». Советнику категорически за-

прещалось «давать какие-либо советы по расследованию или проверке» ставших ему известными компрометирующих материалов «на кого-либо из руководящих работников страны», принимать участие в расследовании или проверке таких материалов, в разработке этих лиц. Но советник в подобных случаях был обязан «доложить о наличии таких материалов руководству страны и одновременно доложить об их содержании МГБ СССР для информации Правительству СССР». Одновременно советнику разрешалось информировать руководителей страны пребывания о работе советника и его аппарата по оказанию помощи органам безопасности этой страны, как по их просьбе, так и «в отдельных случаях, когда это необходимо, и по своей инициативе».

Особым пунктом в наставлении были определены вопросы материально-бытового обеспечения аппарата советника — в рамках соответствующих двусторонних договоров. Констатировалась недопустимость излишеств в этой сфере⁵⁵.

Ко времени появления этого документа МГБ СССР через систему своих советников охватывало не только все карательные структуры в органах безопасности стран региона, включая военную юстицию — суд и прокуратуру, но и подчинявшиеся в СССР министерству госбезопасности пограничные и внутренние войска, а также внешнюю политическую разведку. Известно, что с 1947 г. все службы советской внешней разведки были изъяты из ведения МГБ и МО СССР и переданы в специально созданный комитет информации при СМ СССР. Его возглавил В.М.Молотов как заместитель председателя советского правительства. Выше уже говорилось, что осенью 1949 г. «ранг» комитета был понижен переподелением его МИДУ, но комитет сохранил политическую составляющую своей разведывательной деятельности⁵⁶. Весной 1950 г. «исходя из единства политических целей и задач, а также из взаимного доверия между СССР и странами народной демократии, правительство СССР запретило органам советской разведки ведение всякой разведывательной работы в странах народной демократии»⁵⁷.

Для того чтобы не допустить образования «вакуума», на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 17 апреля 1950 г. было признано целесообразным «установить контакт советской внешнеполитической разведки с соответствующими органами стран народной демократии в целях взаимной помощи в разведывательной работе против капиталистических государств и клики Тито в Югославии». Для этого было решено «иметь при органах внешнеполитической разведки стран народной демократии представителей советской политической разведки с необходимым аппаратом», через которых «установить обмен разведывательными сведениями..., оказывать взаимную помощь в разведывательной работе... и в необходимых случаях совместно проводить разведывательные мероприятия...» Упомянутое постановление правительства СССР, утвержденное решением Политбюро ЦК ВКП(б), было оформлено как Директива послам — посланникам СССР в странах региона «довести до

сведения» лично первых лиц государства с просьбой «сообщить свое мнение, пожелания и предложения по существу вышеизложенного»⁵⁸.

Судя по тому, что 5 — 6 июня 1950 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило кандидатуры представителей комитета информации в странах народной демократии (Т.Т.Шкляренко — в Польше, А.И.Филиппов — в ЧСР, В.Д.Филатов — в ВНР, Л.П.Александров — в НРБ, С.С.Спандарьян — в Румынии, М.Ф.Глазков — в Албании) советская инициатива была поддержана лидерами этих стран.

Оценивая названную реорганизацию советской внешней разведки, чрезвычайно важно отметить, что утвержденным представителям комитета информации предписывалось поддерживать «необходимый контакт с советниками МГБ СССР и представителями советской военной разведки»⁵⁹. Однако, институт представителей комитета информации в странах региона просуществовал немногим более года, и 2 ноября 1951 г. внешняя разведка была возвращена в МГБ СССР. В созданное 1-ое главное управление этого ведомства вошло и 1-ое управление, которому подчинялись советники МГБ, работавшие в странах Восточной Европы⁶⁰.

Итак, проведенное руководством СССР в 1951 г. переподчинение внешней политической разведки вновь министерству госбезопасности завершило создание разветвленной системы советского контроля в странах региона по линии политического сыска. Теперь МГБ, а через него и советское руководство, прежде всего И.В.Сталин, полностью контролировали внутривнутриполитическое развитие каждой из стран региона.

Что касается национальной политической элиты, то систему советников МГБ СССР она использовала как эффективный инструмент обеспечения устойчивости системы власти и разрешения межклановых противоречий. Коммунистическая элита стран Восточной Европы была заинтересована в присутствии советников и по ряду иных причин. Советник МГБ был прямым связующим звеном с соответствующим ведомством в СССР, которое, как известно, в те годы занимало ключевые позиции в системе советской власти. Кроме того, фигура советского советника могла быть использована в качестве удобного «громоотвода» в случае необходимости отвести от себя ответственность за репрессии. Поэтому отнюдь не случайно сложившийся дуэт — коммунистическая элита—советские советники функционировал, даже несмотря на имевшие место трудности в ее взаимоотношениях с советниками этого ведомства.

Тогда же, в 1950—1951 гг., произошло стремительное распространение института советников на вторую важнейшую силовую ветвь — армии стран Восточной Европы. К этому времени практически при всех министрах обороны действовали главные военные советники с приданным им аппаратом: в Болгарии — генерал-лейтенант Петрушевский, в Румынии — генерал-лейтенант Колганов, в Чехословакии — генерал-лейтенант Гусев, в Венгрии — сначала

генерал-майор Ю.М.Прокофьев, а затем, после «жалоб» М.Ракоши в Москву, генерал-лейтенант В.Р.Бойко, в Албании — полковник Лебедев.

Специфика ситуации в Польше заключалась в том, что подавляющая часть высших командных должностей как и в первые послевоенные годы, вновь была занята советскими генералами и старшими офицерами. Курс на назначение советских граждан в штат Войска Польского получил ускорение именно в 1949 г. Например, 8 апреля 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) по представлению министерства вооруженных сил СССР приняло решение о командировании генерал-майора В.С.Бенского «в Польшу для работы в должности начальника организационно-мобилизационного управления Войска польского». В июне 1949 г. аналогичные решения были приняты по кандидатурам полковников С.Б.Сидоровича, С.А.Макарцева, направлявшихся для работы в должности начальника управления артиллерийского вооружения (Сидорович) и командира дивизии штурмовой авиации (Макарцев) Войска Польского⁶¹. В течение 1949 г. на службу в Войско Польское прибыло 4 генерала и 17 старших офицеров. С ноября 1949 г. министерство национальной обороны возглавлял советский маршал К.К.Рокоссовский. На январь 1950 г. командные должности в генеральном штабе, академии генштаба, ПВО, управлении кадров, в авиации, сухопутных войсках, флоте, политуправлении, интендантстве и военных округах занимали уже 130 советских генералов и полковников. В 1950 г. в Войско Польское было откомандировано 84 генерала и офицера, в 1951 — 96, в 1952 — 68 человек⁶².

Изучение протоколов решений Политбюро ЦК ВКП(б) за 1950—1951 гг. позволяет утверждать, что такая форма насыщения офицерского корпуса Войска Польского советскими военнослужащими оставалась основной, что делало институт советников в армии этой страны мало актуальным.

В других странах региона, начиная с 1950 г., шло интенсивное создание среднего командного звена военных советников. Протоколы решений Политбюро ЦК ВКП(б) показывают, что в центре внимания советского руководства стояли армии Болгарии, Венгрии и Румынии. Речь шла о назначении советников при командующих родами войск, военными округами, корпусами, дивизиями, а также в управлениях военных министерств⁶³. Так, например, 10 марта 1950 г. были утверждены генерал-майор И.И.Горелкин старшим военным советником при начальнике связи румынской армии, полковник Л.И.Кудрявцев — советником при начальнике управления кадров румынской армии, полковник Д.Д.Данилюк — советником при командовании 1-й армии болгарской армии. 12 июня 1950 г. генерал-майор Д.Л.Казаринов был утвержден советником при начальнике оперуправления генштаба венгерской армии. В это же время были утверждены А.Ф.Сыроваткин советником при начальнике инженерных войск венгерской армии, капитан 1-го ранга В.Д.Яшков — старшим советником при командующем военно-морскими силами Болгарии, М.В.Корж — советни-

ком при начальнике организационно-мобилизационного отдела генштаба болгарской армии⁶⁴.

Отдельные доступные документы Архива Президента РФ позволяют произвести частичную реконструкцию того, как возникали в странах региона запросы на военных советников. Например, в январе 1950 г. И.В.Сталин получил выписку из доклада главного военного советника в румынской армии генерала Колганова. В ней сообщалось о недостаточном внимании руководства РРП к положению дел в армии. Именно этот фрагмент доклада привлек, судя по пометам на документе, особое внимание Сталина. Ему принадлежит также надпись «Румыния. Оборона», показывающая, к какой рубрике советский лидер отнес данный документ. К сожалению, мы не располагаем сведениями о том, какие указания были даны Сталиным генштабу Советской Армии в связи с этим конкретным документом. Но 2 февраля 1950 г. Сталин получил из генштаба еще одну информацию о заседании секретариата ЦК РРП от 9 января 1950 г. На секретариате обсуждался вопрос о ситуации в румынской армии. На заседании, наряду с членами Политбюро румынской партии Г.Дежем, А.Паукер, Т.Джорджеску, И.Кишиневским, А.Могиорошем, П.Борилэ, присутствовал и генерал-лейтенант Колганов. В представленной Сталину выписке из решения секретариата ЦК РРП прямо указывалось: «Учитывая особенно важное значение помощи советских военных советников, Секретариат считает необходимым ходатайствовать перед правительством СССР о дополнительной посылке военных советников в армию РНР...» Конкретно речь шла о приглашении 9 военных советников в центральное управление боевой подготовки и в отделы боевой подготовки в округах, в военные академии и училища, в армейскую контрразведку и др. По данным же румынских архивов в конце апреля 1950 г. в армии этой страны работали в качестве советников и сотрудников их аппарата 40 советских офицеров⁶⁵.

Конкретно-исторический материал показывает, что хронологически появление советников в армиях стран региона отнюдь не случайно совпадает с массовым вытеснением «старого» кадрового офицерства и заменой его классово надежным, партийным контингентом, не имевшим, как правило, профессиональной военной подготовки. В первую очередь это и делало постановку партийной верхушкой стран региона проблемы военных советников перед советским руководством практически неизбежной.

Весной 1950 г. был снят с поста министра обороны Л.Свобода, что стало прологом к массовым чисткам в армии Чехословакии. Буквально вслед за снятием Л.Свободы К.Готвальд и новый министр обороны А.Чепичка 5 мая 1950 г. обратились к Н.А.Булганину с докладной запиской о реорганизации армии и с просьбой о назначении советников. Речь шла о 54 генералах и старших офицерах⁶⁶. Среди первых прибывших в Чехословакию советников, судя по протоколам решений Политбюро ЦК ВКП(б), были генерал-майор Т.Я.Белик (заместитель по политчасти главного военно-

го советника), генерал-майор А.С.Кузнецов (старший военный советник при командующем артиллерии) и генерал-лейтенант Д.С.Жеребин (старший советник при начальнике генштаба)⁶⁷. Как сообщали Готвальд и Чепичка Сталину 26 сентября 1950 г., «к настоящему времени основная часть военных советников прибыла». Симптоматично, что это сообщение хронологически почти совпало с информацией посла М.А.Силина (22 августа 1950 г.) Сталину о том, что «...в армию перебросили сотни верных коммунистов на укрепление офицерского состава»⁶⁸.

Вторая половина 1950 г. и весь 1951 г., когда вооруженное столкновение СССР и США в Корее было в полном разгаре, прошли под знаком массового откомандирования советских генералов и старших офицеров на работу в Албанию, Болгарию, Венгрию, Румынию и Чехословакию в должности советников при командирах дивизий, корпусов, командующих родами войск, начальниках управлений в центральном аппарате армий⁶⁹. Например, в сентябре 1951 г. в чехословацкой армии работали 73 генерала и полковника. Они были прикомандированы к министру и его заместителям, командующим родами войск и округов, дивизий, начальникам училищ и военных академий. Был решен вопрос о командировании в 1952 г. трех советников в военно-морской флот Румынии⁷⁰.

В середине 1953 г. в советской военной элите раздавались голоса в пользу распространения института советских советников на полки, бригады и даже батальоны. Эти соображения высказывались, например, в докладной записке Н.А.Булганину летом 1953 г. побывавшими в Чехословакии высокопоставленными представителями генштаба, политуправления Советской Армии и МВД СССР (М.С.Малинин, Н.В.Пупышев, И.С.Шередега)⁷¹. Конкретное воплощение эти соображения советских генералов получили в 1954—1955 гг., когда число военных советников в ЧСР было доведено до 264, а сфера их деятельности распространилась на полки. Такая ситуация сохранялась до конца 1956 г.⁷²

Что касается Польши, то в середине 1952 г. по инициативе К.К.Рокоссовского, который тяготился своим постом министра и пребыванием в стране, была сделана попытка перенести практику и принципы работы советских военных советников в Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Румынии на Войско Польское. Маршал не скрывал, что «он сам бы хотел быть главным военным советником, так как это определило бы срок его пребывания в Польше». Идея Рокоссовского, как сообщает польский историк Э.Налепа, получила одобрение в Москве. Речь шла о назначении военных советников только к польским генералам и старшим офицерам не ниже командира бригады, а также начальникам управлений в министерстве национальной обороны, командующим родами войск. Причем в авиации и танковых войсках предполагалось ввести институт советников вплоть до командиров полков. Функции советников должны были определяться уже упоминавшейся польской инструкцией 1946 г., в которую теперь вносилось принципиальное

изменение: военные советники подчинялись не министру обороны Польши, как в 1946 г., а министру и начальнику генштаба Советской Армии⁷³.

Акцию планировалось начать осенью 1952 г., но по предложению Рокоссовского, считавшего «молодой» польский генералитет все еще неготовым к выполнению высших командных функций, она была отложена на более поздний срок — начиная со второй половины 1953 г. В середине 1953 г. польская сторона запросила в Москве 269 советников по линии министерства вооруженных сил СССР. В течение этого года в Польшу было откомандировано 79 офицеров в ранге советников. Однако апогей становления института военных советников в Войске Польском пришелся на 1954 г., когда прибыло около 150 военных советников. Затем, начиная с 1955 г., их численность резко сокращалась и в середине 1956 г. составляла 50 человек, большинство из которых возвратилось в СССР в ноябре—декабре этого года⁷⁴.

Если судить по протоколам решений Политбюро ЦК ВКП(б), то на работу советниками в армии стран Восточной Европы направлялись лучшие с профессиональной точки зрения советские офицерские кадры, прошедшие войну, окончившие военные академии, имевшие практический опыт командования крупными воинскими подразделениями. В этом отношении для формирования послевоенных армий в регионе их роль, безусловно, была позитивной, о чем есть свидетельства современников. Так, например, Готвальд в письме Сталину 15 января 1952 г., касаясь вопросов строительства в армии, писал о позитивной роли «военных советников под руководством генерал-полковника Гусева и генерал-майора Белика, которые оказали и оказывают большую помощь в реорганизации армии, организации боевой и политической подготовки, быта и жизни войск...»⁷⁵

Цитируя Готвальда, мы понимаем, что читатель имеет право усомниться в искренности этих слов, в связи с несомненной идейно-политической ангажированностью лидера КПЧ. Но приведем оценку деятельности военных советников, данную в 1987 г. и касающуюся их работы в Польше: «...Со времени создания нашей армии мы имели многочисленных строевых советских советников. Их деятельность была однозначно позитивной»⁷⁶. Эта оценка принадлежит М.Нашковскому, бывшему начальнику военной контрразведки Войска Польского, занимавшему этот пост с июня 1950 г. по октябрь 1952 г.

На наш взгляд, следует отметить то весьма важное обстоятельство, что в современной национальной историографии позитивы в профессиональной деятельности советских военных советников вытесняются материалом, характеризующим политические аспекты их работы. Речь идет о том, что для советского руководства советники, безусловно, служили источником политической информации, а также проводником политической линии Сталина и его окружения не только в армии, но и в стране пребывания в целом.

Политический «блок» вопросов обязательно присутствовал в донесениях главных военных советников и их аппарата в Москву, например, Колганова, Ряпосова из Румынии, Петрушевского из Болгарии, Гусева из Чехословакии. Наиболее важные из документов такого рода, поступавших в военное министерство на имя Н.А.Булганина, А.М.Василевского, С.М.Штеменко, доводились немедленно до сведения И.В.Сталина. Так, например, в январе 1952 г. Штеменко представил Сталину докладную записку военного советника при командующем химическими войсками ЧСА полковника В.Я.Наумкина. Наумкин сообщал сведения, полученные им в беседе с заместителем начальника химических войск ЧСА инженер-полковником Билеком. По мнению последнего, «чехословацкие руководители погрязли в мелкобуржуазных привычках и не являются примером для народа», доверие общества к главе правительства А.Запотоцкому «как к политическому деятелю, осуществляющему политику дружбы и сотрудничества с СССР, с каждым днем падает». Готвальд же «потерял всякий политический нюх» и ему нужен советский советник, а еще лучше — аппарат советников по экономическим и политическим вопросам. Чехословакия может пойти по пути Югославии — резюмировал свои рассуждения Билек, считая, что в этих условиях необходимо усилить советское руководство внешней и внутренней политикой Чехословакии, «но так, чтобы не дать повода к разговорам о том, что Советский Союз оккупировал Чехословакию»⁷⁷. Не удивительно, что информация такого рода, полученная от чехословацкого «источника», легла на стол Сталину.

Советскому лидеру поступали и докладные записки советников, содержавшие их собственные оценки политической ситуации в стране пребывания. Так, 9 января 1951 г. Василевский и Штеменко направили Сталину краткое изложение докладной записки военного юриста, полковника В.Е.Зайцева, с августа 1950 г. работавшего советником при начальнике управления военных судов Войска Польского*. Судя по фрагментам записки Зайцева, представленным Сталину, советник не только дал политические оценки кадровому составу польской военной юстиции — «не внушают политического доверия» — и распространил их на часть госаппарата, но и негативно охарактеризовал главу департамента юстиции Гольдера — «еврей, старый буржуазный юрист, советскую власть признает с оговорками, имеет связь с США». По оценке Зайцева «не внушают политического доверия» заместители председателя верховного военного суда польские офицеры — полковник Драгомерецкий, полковник Медусский, члены суда Крупский, Гомлер, Серафин, Милевский, главный военный прокурор Заракowski. Такие характеристики Зайцева были отнюдь не случайны: всех этих лиц он «связал» с «делом» Спыхальского — «польского еврея,

* Председатель Высшего военного суда В.Свентоховский и его заместитель А.Томашевский были советскими офицерами.

ярого националиста, сторонника Гомулки», который «под разными предложениями изгонял советских офицеров-юристов»⁷⁸. Вышеприведенные фрагменты из докладной записки Зайцева объясняют особую роль советников — военных юристов, деятельность которых Нашковский отделяет от профессиональной работы строевых советских офицеров и подчеркивает, что «они (юристы. — *Авт.*) оказывали немалое и притом одностороннее влияние на направление преследований в армии»⁷⁹.

Таким образом, опираясь на проанализированный материал, можно констатировать, что в 1950—1951 гг. (в Польше — в 1953—1954 гг.) во всех армиях стран региона начала функционировать система военных советников. Они играли существенную роль в модернизации армий, их перевооружении, реформировании, в боевой подготовке в соответствии с советской военной доктриной, совмещая это с контролем над политической атмосферой и настроениями в армии и стране пребывания в целом. По сути дела, советские военные советники в начале 50-х годов выполняли подготовительную работу к объединению армий стран Восточной Европы в военно-политический блок, к созданию организации Варшавского договора в 1955 г.

Вторым направлением в политике Москвы по формированию советского военного блока было развитие военной промышленности в странах Восточной Европы и подключение их к оборонному комплексу СССР. Уже в первых долгосрочных планах экономического развития стран региона была заложена программа развертывания военной промышленности. В соответствии с ней предусматривалось и осуществлялось направление советских специалистов военно-технического профиля. В качестве примера можно привести докладную записку от 3 мая 1950 г. министра вооруженных сил СССР А.М.Василевского и заместителя председателя Госплана СССР П.В.Никитина заместителю председателя Совмина СССР В.М.Молотову о рассмотрении просьбы польского правительства «об оказании ему помощи в организации польской военной промышленности» и направлении в этой связи в Польшу «советских специалистов, необходимых для организации и налаживания производства продукции военной промышленности». Согласно этому документу, к началу 1950 г. в Польше работали 14 советских специалистов. Важно отметить, что 20 ноября 1950 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) вышеупомянутый П.В.Никитин был утвержден для работы постоянным советником при Совете министров Польши «по делам оборонной промышленности и мобилизационного плана народного хозяйства»⁸⁰.

Резкое ускорение развитию военно-промышленного комплекса придало совещание в Москве 9—12 января 1951 г. руководителей и министров обороны стран региона. Участники совещания были ориентированы Сталиным не только на развертывание армий, но и на резкий рост военно-промышленного потенциала всех стран. Для Польши и Чехословакии речь шла в первую очередь об увеличении объема военного производства и налаживании выпуска

новых для них видов вооружения по советским лицензиям. Так, польскому руководству на совещании было рекомендовано не только увеличить численность армии, но и построить в 1951—1955 гг. 53 новых военных завода, а также создать 92 военных цеха на гражданском производстве. Для других стран, например, Болгарии, имелось в виду налаживание военной промышленности по сути дела с нуля. Отвечая на заявление В.Червенкова о том, что в Болгарии нет тяжелой промышленности, Сталин, по словам М.Ракоши, «предложил, чтобы Болгария сама развивала военную промышленность и, что одно и то же, тяжелую промышленность»⁸¹.

Вслед за этим совещанием в феврале 1951 г. был создан специальный военно-координационный комитет*, целью которого было согласование всего комплекса вопросов, связанных с обороной СССР и стран региона. В него входили наряду с представителями СССР, представители всех стран региона⁸².

Такая напряженная программа интенсивного развертывания военного производства объективно влекла за собой резкое увеличение спроса на советских специалистов и советников военно-технического профиля. Как свидетельствуют документы, вопросы выполнения планов выпуска военной продукции лидеры стран региона напрямую ставили в зависимость от пребывания специалистов советской оборонной промышленности. Так, в апреле 1951 г. Готвальд и Запотоцкий направили в Москву запрос на 25 советников, «которые бы оказали техническую помощь при организации производства на основе представляемых лицензий». В подготовке запроса принимал участие главный военный советник генерал-лейтенант Гусев. В июне 1951 г. в Чехословакию прибыла первая группа в количестве 37 человек, а в августе — еще 44 человека. С марта 1952 г. в ЧСР началось сокращение численности советников по военному производству, и в 1953 г. их осталось 43 человека⁸³.

Материалы российских архивов показывают, что основная масса советников по военному производству стала прибывать в регион в 1951 и особенно в 1952 гг. Так, в 1951—1952 гг. было запланировано откомандировать в Польшу 25 советников с перспективой роста их числа к 1955 г. до 48 человек⁸⁴.

* Уже через два года, в июне 1953 г. Л.П.Берия, человек весьма осведомленный в вопросах организации военной промышленности, дал следующую оценку деятельности этого комитета: «Этот комитет, — писал он Г.М.Маленкову, — пожалуй, ничего полезного не делает, кроме того, что вносит путаницу и неразбериху и предъявляет непомерные требования к промышленности Советского Союза и стран народной демократии. Например, в Польше создается такое положение, когда достигнутые мощности по производству вооружения и боеприпасов оказались излишними для поляков и не используются в целях производства этой продукции для других стран народной демократии или загрузки их для выпуска гражданской продукции» (Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 919).

Процедура направления специалистов военного производства сохранилась такой же, как и в случаях командирования военных советников в армию и госбезопасность: по просьбам правительств стран региона и решениям Совета министров СССР с персональным утверждением на бюро президиума правительства и заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Конкретные кандидатуры подбирались соответствующими профильными министерствами. Причем в Москве, давая согласие на просьбы, поступающие из стран, открыто говорили о возможности продления сроков пребывания командированных советских специалистов⁸⁵. По мере окончания срока пребывания советников по такой же схеме происходило продление времени их работы. Приведем отдельные примеры.

7 мая 1951 г. М.Ракоши просил советскую сторону продлить на один год работу 26 советских специалистов в венгерской военной промышленности. В.М.Молотов, курировавший такие вопросы как заместитель председателя правительства, считал возможным оставить в Венгрии только 24 человека, что и было утверждено на заседании бюро президиума Совета министров СССР 29 мая 1951 г.⁸⁶ Примерно через год, 16 января 1952 г. Ракоши обратился с письмом к И.В.Сталину, где, доложив о результатах ликвидации карточной системы в Венгрии, затронул и вопросы развертывания военного производства. Он сообщил: «Мы не смогли выполнить прошлогодний план военной промышленности, но производство в течение года возросло... в этом году, видимо, отставать не будем. Для военной промышленности мы организовали специальное министерство»⁸⁷. Авторы не располагают документом, отражающим реакцию Сталина конкретно на это письмо. Однако материалы более позднего времени позволяют сделать вывод о положительном отношении Сталина к полученной от Ракоши информации. Через полгода венгерский лидер обратился в советское посольство с просьбой продлить срок пребывания советских специалистов для обеспечения роста военного производства, «а также для освоения ряда новых видов вооружения и боеприпасов...»⁸⁸

Другой пример. 12 февраля 1952 г. председатель правительства ЧСР А.Запотоцкий и министр иностранных дел В.Широкий обратились к советскому правительству с письмом, где просили направить «одного советского специалиста, который помог бы наладить производство ленточного парашюта и оказал бы одновременно содействие при организации производства остальных типов парашютов». 7 марта 1952 г. советское правительство положительно решило этот вопрос⁸⁹. 15 августа 1952 г. распоряжением Совета министров СССР была удовлетворена просьба чехословацкой стороны о продлении сроков пребывания в ЧСР 17 советским специалистам, направленным по линии министерств вооружения и авиационной промышленности СССР, поскольку «чехословацкая промышленность еще не освоила производство ряда необходимых изделий и выпуск первой серии продукции по советским лицензиям»⁹⁰. Речь шла о выпуске советских истребителей МИГ-15. 29 декабря 1952 г. А.А.Вышинский (МИД СССР) и Ю.Максарев (Министерство

транспортного машиностроения СССР) информировали И.В.Сталина о просьбе чехословацкого правительства продлить срок пребывания в стране 7 советским специалистам, работавшим в танковой промышленности, и дополнительно командировать одного специалиста сроком на 1 год для налаживания ручной и автоматической сварки танков Т-34 и самоходных пушек СУ-100. Положительное решение было принято 4 января 1953 г.⁹¹

К сожалению, материалами, в полной мере раскрывающими участие советских специалистов и советников в развертывании военного производства в странах Восточной Европы, мы не располагаем. Нет и систематических данных о численности командированных в регион специалистов военно-технического профиля. Однако, приведенные выше документы из фонда И.В.Сталина, секретариатов советского правительства, министра иностранных дел А.Я.Вышинского и других ведомств позволяют сделать вывод, что направление специалистов советской оборонной промышленности, оформленное официальными просьбами первых лиц государств Восточной Европы, носило массовый характер. Причем важно отметить, что наиболее типичным, помимо целевых (для военных заводов) запросов, были запросы на советских специалистов в новые для конкретных стран, как правило, связанные с выпуском военной техники, отрасли промышленности и министерства: электротехника, химия, станкостроение, тяжелое машиностроение, кораблестроение, геологоразведка, электростанции, энергосети и т.д. Иными словами, речь шла о модернизации промышленности и выводе подавляющей части стран региона на более высокую ступень технологического развития, без чего было невозможно и создание военного производства*.

Следует рассмотреть еще одно, на наш взгляд весьма немаловажное с точки зрения исследуемых проблем, направление в деятельности советских советников. Речь идет об их присутствии в органах государственного управления. Известно, что с 1948 г. важнейшей политической целью советского руководства в Восточной Европе было создание государств — аналогов советскому, построенному на принципах концентрации власти в руках узкой партийной верхушки, жесткой централизации управления, сосредоточения всех политических и экономических решений в исполнительных структурах. Принятые или обновленные в 1949—1953 гг. почти во всех странах Восточной Европы конституции подводили законодательную базу именно под эти принципы государственного устройства, а проведенные тогда же реформы судебных структур, административно-территориального деления и системы местных

* Исходя из темы исследования, авторы сознательно оставили за рамками данной главы вопросы, связанные с работой советских советников и специалистов в экономической сфере в целом, а также в области просвещения, образования и культуры.

органов власти фактически создавали каркас политической организации тоталитарного общества.

Катализатором ускоренного проведения реформ, направленных к созданию модели государственного управления, максимально приближенной к жестко централизованному советскому образцу, было уже упоминавшееся совещание лидеров стран региона в Москве в январе 1951 г. Предложенный на совещании И.В.Сталиным курс на ускоренную милитаризацию экономики ставил по существу эти страны в форс-мажорные условия, при которых переход к жестко централизованной системе управления рассматривался как объективно необходимый шаг, гарантирующий успех в выполнении крайне напряженных планов экономического развития.

Партийно-государственной номенклатурой для форсированного перехода к советской системе управления в восточно-европейских странах были затребованы и активно использовались советские советники. Их внедрение в государственные (несиловые) структуры этих стран происходило все по той же схеме, хотя хронологически могло быть «разнесено» во времени. «Опорными» точками в этой схеме были главный советник при правительстве каждой из стран, главные и старшие советники или советники при отраслевых министерствах и управлениях. Далее в иерархической лестнице следовали советники и инструкторы в отделах министерств и ведомств, а также в различных учреждениях и учебных заведениях. Как пример механизма привлечения советников, можно привести просьбу правительства Чехословакии направить «сроком на 1 год главного советника для работы в чехословацком правительстве, а также группу советских специалистов в составе 11 человек для работы в качестве советников при некоторых министерствах Чехословакии». Готовившие ответ в Прагу П.К.Пономаренко (министр заготовок) и А.А.Громыко (заместитель министра иностранных дел) считали возможным удовлетворить просьбу Чехословакии, исключая лишь пункт о главном советнике. Их предложения были одобрены на Политбюро ЦК ВКП(б) 21 декабря 1951 г. Если судить по материалам чешских архивов, то к январю 1953 г. 37 советских специалистов работали в министерствах Чехословакии (исключая министерства обороны и госбезопасности). Из них 15 человек являлись советниками министерств. В президиуме правительства официально не было советского советника, но здесь в качестве «консультанта» выступал советник государственной комиссии по вопросам зарплаты В.Т.Зуев⁹².

По степени насыщенности высшего звена госаппарата советскими советниками Чехословакия вряд ли являлась в регионе каким-либо исключением. Материалы российских архивов, относящиеся к Румынии, показывают, что в министерствах и ведомствах этой страны в апреле 1953 г. число советников достигало 50 человек⁹³. Приглашение советников осуществлялось по одному и тому же трафарету. Это подтверждается документами секретариата Совета министров СССР, который готовил ответы на запросы из стран. Как пример можно привести обращение Б.Берута

через посла СССР в Варшаве А.А.Соболева весной 1953 г. с просьбой прислать советников. Положительный ответ советской стороны был получен Варшавой 26 мая 1953 г.⁹⁴ По численности запрашиваемых специалистов просьба Берута была аналогична вышеназванному запросу чехословацкого правительства конца 1951 г.

При этом интересно отметить, что под особо пристальным вниманием советской стороны находились министерства финансов, органы госконтроля, налогов и статистики, т.е. те структуры, которые обеспечивали функционирование экономики в заданном на милитаризацию направлении. Поскольку органы госконтроля, как правило, создавались в регионе заново, участие советских советников было здесь непосредственным и самым активным. Так, например, создав в сентябре 1951 г. министерство госконтроля, руководство Чехословакии сразу же обратилось в Москву с просьбой прислать советника в это министерство. В советском руководстве сочли «целесообразным пойти навстречу "чехам", так как Министерство государственного контроля Чехословакии не имеет опыта работы и остро нуждается в помощи Советского Союза в этой области»⁹⁵.

Приведенный пример отражает весьма типичную для региона ситуацию, что подтверждается данными и по другим странам. Например, после беседы члена Политбюро ЦК РРП П.Борилэ с советским послом в Румынии А.И.Лаврентьевым 7 октября 1952 г. и высказанной послу просьбы прислать советника, в страну был направлен сроком на 1 год советский специалист «для работы в качестве советника по вопросам организации государственного контроля, имея в виду, что такой советник может оказать помощь также в организации контроля в армии и в оборонной промышленности»⁹⁶.

Советские советники как консультанты принимали участие в организации или реформировании по советскому образцу органов власти всех уровней, а также в реформировании административно-территориального деления стран региона, что подтверждается рядом документов. Так, 21 декабря 1950 г. Совет министров СССР принял постановление о командировании в Румынию двух сотрудников президиума Верховного Совета СССР в качестве специалистов по административно-территориальному делению страны и «по вопросам организации городских Советов»⁹⁷. Тогда же, в декабре 1950 г. А.Я.Вышинский обратился к И.В.Сталину с предложением удовлетворить просьбу Болгарии о предоставлении документации, касающейся организации, задач и функций советов и центральных руководящих органов, а также принять 15 болгарских специалистов для ознакомления с работой Советов в СССР. Отдельным пунктом, по сути дела, программы помощи Болгарии в перестройке органов власти по советскому образцу значилось командирование в Софию на 1 год специалиста «в качестве советника при Президиуме Народного Собрания и Совета Министров Болгарии для организации работы болгарских народных советов»⁹⁸.

В связи с реорганизацией национальных комитетов по образцу советов и переподчинением их (от МВД к правительству) правительство Чехословакии обратилось летом 1952 г. в Москву с просьбой о «командировании советского советника для работы в национальных комитетах»⁹⁹.

Что касается функций и обязанностей советников, работавших в органах государственного управления, то они определялись специальной инструкцией, изданной в мае 1952 г. и подготовленной в связи с постановлением Совета министров СССР «Об улучшении руководства советскими советниками и специалистами, командированными на работу в учреждения и на предприятия стран народной демократии»¹⁰⁰. В соответствии с этой инструкцией им предписывалось: быть в курсе политики партии страны пребывания; работая в качестве консультантов при местных руководителях, оказывать помощь в осуществлении конкретных мероприятий; «проявлять инициативу в постановке и решении организационных и практических вопросов». При этом подчеркивалось, что советник не имеет права вмешиваться в принятие окончательных решений местными руководителями и принимать прямое участие в практической реализации этих решений. Советнику разрешалось давать рекомендации по вопросам внутренней и внешней политики страны пребывания лишь с согласия посла или по его поручению с согласия советника по экономическим вопросам. Только последний имел право обращаться в вышестоящие инстанции страны пребывания в случае возникновения спорных вопросов, но по согласованию с послом.

Таким образом, постановлением и инструкцией советники наделялись только консультативными функциями; им запрещалось практическое участие в выполнении тех или иных задач и выстраивалась жестко централизованная вертикаль их служебных отношений и подчинений.

Как на практике реализовывалось данное постановление и сколь строго советники следовали положениям инструкции, можно проследить на основе материалов, связанных с работой советского советника в министерстве государственного контроля Чехословакии. Направленный в декабре 1951 г. в это министерство советник В.Г.Жуков систематически давал в Москву информацию, касающуюся отнюдь не только профессиональных, но и политических вопросов. Эта информация нередко поступала в ЦК ВКП(б) и лично И.В.Сталину. Например, в феврале 1953 г. А.Я.Вышинский и заместитель министра госконтроля СССР А.Павельев направили Сталину материалы в связи с выявлением советником Жуковым ряда «недостатков как в работе самого Министерства госконтроля Чехословакии, так и в реагировании чехословацкого правительства на материалы госконтроля». К ним, судя по документам, советник отнесил: отсутствие в министерстве проверенных и квалифицированных кадров, непроведенную чистку «аппарата от сомнительных элементов после разоблачения клики Сланского», отсутствие реакции на «вскрытие госконтролем круп-

ных недостатков и злоупотреблений». Жуков при этом отмечал, что чехословацкое правительство задерживает рассмотрение материалов в силу того, что глава правительства А.Запотоцкий и вице-премьер Я.Доланский неправильно понимают функции министерства госконтроля.

О выявленных недостатках советник информировал руководство министерства госконтроля СССР, командировавшего его на работу в Прагу. Из министерства материал Жукова поступил в МИД на имя его главы А.Н.Вышинского с предложением войти в инстанцию и «дать указание тов. Богомолу (посол СССР в ЧСР. — Авт.) информировать тов. Готвальда о положении дел в Министерстве госконтроля Чехословакии, а также об отношении Чехословацкого правительства к донесениям и материалам этого Министерства».

В МИДе был разработан проект указаний послу СССР в Праге, затем направленный в ЦК ВКП(б) на имя Сталина, где и было принято окончательное решение. В данном конкретном случае послу СССР предлагалось посетить «совместно с т. Жуковым К.Готвальда и информировать его в неофициальном порядке о недостатках в работе чехословацкого министерства финансов., а также о необходимости укомплектования этого министерства политически проверенными и квалифицированными работниками»¹⁰¹. Таким образом, эти конкретные материалы свидетельствуют, что складывавшийся институт советских советников, действовавших в госаппарате, становился не только ключевым звеном системы связей советского политического руководства с лидерами стран Восточной Европы, но и источником важнейшей информации о ситуации в каждой из стран, в том числе и в их руководящих структурах.

Вместе с тем знакомство с документами, выходящими из-под пера советников (независимо от сферы их профессиональной работы), позволяет сделать вывод о том, что политическая составляющая занимала в этих информациях в Москву весьма существенное место. Например, в Румынии в 1951—1952 гг. советские советники в области финансов И.Д.Злобин, И.И.Макаров, В.И.Александров, командированные для того, чтобы «направлять и проводить общую финансово-экономическую линию в Румынии», явились транслятором в Москву сугубо политической информации, касавшейся деятельности «фракционной группировки» В.Луки, Т.Джорджеску и А.Паукер¹⁰², информации, данной в интерпретации Г.Георгиу-Дежа и его сторонников. Они трактовали позицию «фракционной группировки» как правооппортунистическую, подведя под разногласия в руководстве РРП «теоретическую базу».

Лидеры национальной политической элиты прекрасно понимали эту связующую роль советских советников и активно использовали свои контакты с ними для передачи необходимого с их точки зрения компромата в Москву на тех своих товарищей по партии, которых рассматривали как опасных для себя конкурентов на по-

литическом Олимпе. Поэтому отнюдь не случайно, что наиболее подробная и исчерпывающая информация о межклановой борьбе внутри партийной верхушки, как правило, поступала в Москву через советников самого высокого уровня. Эта была безусловно важная, в первую очередь для Москвы, сторона деятельности советников. Что же касается их профессиональной работы, то принимающая сторона в лице руководства стран региона в большинстве случаев высказывала удовлетворение итогами работы советников в госаппарате. Например, 3 апреля 1951 г. заместитель председателя Совета министров Румынии И.Кишиневский в беседе с советским послом С.И.Кавтарадзе «выразил свое большое удовлетворение в связи с приездом в Бухарест... советника по статистике В.И.Мартынова, который уже приступил к работе в Главном Управлении при Совете Министров». Кишиневский признал, что аппарат этого управления был «безобразно раздут» и принял предложение Мартынова сократить его в 10—12 раз, «переместив центр тяжести в работе на периферию»¹⁰³.

В сентябре 1951 г. заместитель генерального секретаря ЦК КПЧ Б.Келлер сообщил временному поверенному в делах СССР в Чехословакии П.Г.Крекотеню: «Советские работники... оказывают неоценимую помощь в перестройке чехословацкого хозяйства..., министры Янковцева и Крайчирж говорят, что они работали всего лишь несколько дней с советскими советниками и сделали столько, что они не могли бы сделать и в несколько лет по перестройке руководимых ими министерств». Об «огромной пользе» работы советских советников говорили и другие государственные деятели Чехословакии, считавшие, что они проходят «сейчас новую школу у советских советников...»¹⁰⁴ Б.Берут в беседе с советским послом А.А.Соболевым 23 февраля 1952 г. «просил передать благодарность Советскому Правительству за то, что оно дает возможность польской промышленности использовать богатейший опыт советских специалистов»¹⁰⁵. Член Политбюро ЦК ВПТ Э.Гере в беседе с советским послом Е.Д.Киселевым также дал высокую оценку деятельности советских советников, которые «вполне успешно справляются со своей задачей»¹⁰⁶.

Однако эти похвалы относительно работы советников нередко оказывались в противоречии с действительным положением дел, что подтверждают документы советских посольств, под контролем которых находились советники. Если по началу советы советских специалистов воспринимались в стране их пребывания практически безоговорочно, то с течением времени ситуация стала изменяться. Как пример, можно привести взаимоотношения министра финансов Румынии В.Луки с советником этого министерства Доброхотовым. В беседе с С.И.Кавтарадзе 29 ноября 1951 г. Лука, отметив, что советник «помог подготовить группу сотрудников, которые разбираются в вопросах финансовой политики и техники», констатировал, что «теперь можно обойтись и без советника». Как сообщал в Москву Кавтарадзе, «Лука передо мной не ставил вопрос о новом финансовом советнике»¹⁰⁷. Нередко, по сообще-

ниям посольств, советники встречались с такой практикой, что с их рекомендациями соглашались, а в жизнь их предложения проводились крайне медленно или встречали открытое сопротивление. Нередко вокруг фигуры советника складывалась сложная политико-психологическая атмосфера. На смену искреннему в одних случаях и внешнему — в других безоговорочному восприятию рекомендаций советников приходило недоверие выросших национальных кадров к профессиональной деятельности советников и более того, стремление отсечь их от участия в подготовке тех или иных решений. Именно об этом сообщал Корсунский — советник в министерстве химической промышленности Румынии послу А.И.Лаврентьеву, о чем посол в свою очередь информировал Москву в апреле 1953 г.: «...Согласно полученной мною информации от Корсунского, у него создается такое впечатление, что от него стремятся скрыть ряд вопросов, имеющих важное значение для работы химической промышленности. Внешне отношения министра и руководящих работников с Корсунским весьма хорошие»¹⁰⁸.

По-видимому, к 1953 г. стали появляться элементы некоей изоляции советников в госаппарате, выразившиеся в уходе местных специалистов от обсуждения с советниками текущих вопросов, в нарушении ранее сложившихся контактов с партийными органами разных уровней¹⁰⁹.

На наш взгляд, все более проявлявшаяся неблагоприятная атмосфера вокруг советских советников порождалась рядом причин. С одной стороны, вряд ли представители принимающей стороны не понимали роли советников как политических информаторов Москвы, что, безусловно, оказывало воздействие на повседневное отношение к ним в коллективах. С другой стороны, следует иметь в виду и причины этического порядка, вызывавшиеся во многом личными качествами того или иного советника, порой не вписывавшегося в искусственно созданный коммунистической пропагандой собирательный «образ советского человека». Демонстрация «социалистического превосходства», нередко диктат, абсолютизация советского опыта и стремление советников навязать собственное профессиональное мнение — все это, естественно, воспринималось местными кадрами как унижение национального и профессионального достоинства. Например, как сообщал в Москву посол Лаврентьев, заявление министра высшего образования Румынии Мургулиса о том, что «нельзя считать все рекомендации советников непогрешимыми», вызвало крайнее удивление советников, «поскольку советские советники, — объяснял посол, — в своей работе стремились к тому, чтобы каждый высказанный ими совет или рекомендация всесторонне обсуждались с румынскими коллегами»¹¹⁰.

Серьезным «раздражителем» для национальных кадров была и реально существовавшая оплата труда и условия быта советских советников. Выше уже отмечалось, что в течение 1950 г. были подписаны двусторонние соглашения, определявшие условия работы

и оплаты советников. Но доступные документы свидетельствуют, что с течением времени принимавшие советников стороны зачастую все более выходили за пределы этих соглашений, нарушая их основополагающий принцип — одинаковые оклады для советских и местных специалистов одного уровня. Так, например, в Чехословакии в течение 1952 г. по инициативе чехословацкой стороны происходила корректировка оплаты советников в сторону ее реального роста. В частности, были введены ежемесячные доплаты на питание, детей и жену, а также предписывалось при отъезде советника из страны вручать ему ценный памятный подарок. В целом эти дополнительные выплаты существенно превышали установленные двусторонним соглашением оклады советников¹¹¹. Ситуация в Чехословакии вовсе не была каким-либо исключением. Аналогичным было положение дел, например, в Венгрии и Румынии.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы российских архивов свидетельствуют, что советская сторона была этим крайне обеспокоена. Советские послы в Венгрии и Румынии отнюдь не по собственной инициативе, а по указанию из Москвы, фактически ставили перед руководством этих стран вопрос о наведении порядка в оплате советников и возвращении к нормам соглашений, подписанных соответственно 7 и 5 февраля 1950 г. Так, принципы оплаты труда советников стали предметом обсуждения 16 декабря 1952 г. в беседе Е.Д.Киселева с заместителем премьер-министра Венгрии Э.Гере. Посол был обеспокоен суммами, выплаченными венгерской стороной советским советникам в виде различного рода доплат: «...Нам часто бывает трудно судить о правильности окладов, предлагаемых в отношении советских специалистов, поскольку в предложениях венгерской стороны совершенно не указываются данные об окладах венгерских специалистов соответствующей квалификации, что важно знать, исходя из буквы и духа Соглашения от 7.II.50 г.» Это, по словам посла, затрудняло расчеты между правительствами двух стран, касавшиеся оплаты советников. Гере в свою очередь утверждал, что «нарушения Соглашения в вопросе об окладах нет» и обосновывал правильность действий венгерской стороны тем, что «нельзя просто равняться на оклады венгерских специалистов... Советский же специалист приезжает сюда на сравнительно короткое время и вынужден на все тратить гораздо больше, чем наши люди с устойчивой оседлой жизнью...» По-видимому, советского посла не убедила аргументация Гере, и он попросил, «чтобы зам. министра финансов (Венгрии. — *Авт.*) Саберский, коему подчинены все вопросы оплаты и расчетов советских специалистов, помог нам с примерами разобраться и установить правильную линию в этих вопросах»¹¹².

Вопросы упорядочения оплаты труда советников обсуждались и послом А.И.Лаврентьевым с заместителем премьер-министра Румынии И.Кишиневским 22 апреля 1952 г. Кишиневский был ознакомлен с новыми, сокращенными на 15% окладами советских советников¹¹³. 9 июня 1953 г. советский посол специально посетил

Кишиневского в связи с необходимостью пересмотреть карточное снабжение советников продовольственными и промышленными товарами в следующем направлении: «...Советские советники и специалисты, командированные для работы в учреждениях, организациях и на предприятиях Румынии, должны снабжаться по нормам, установленным для соответствующих категорий румынских специалистов, как это предусмотрено советско-румынским соглашением от 5 февраля 1950 г.» Сообщая в Москву о предпринятой «акции», посол отметил и реакцию Кишиневского: «Хотя Кишиневский и заметил, что он ничего не находит предосудительного в том, что командированные из СССР советские граждане получали по завышенным нормам, все же по тому, как реагировал Кишиневский, можно судить, что высказанное нами пожелание об упорядочении этого вопроса встречено им с явным удовлетворением»¹¹⁴.

Мы не располагаем подобными документами по другим странам региона, но, зная правила работы советского аппарата, можно утверждать, что такова была единая линия в советской политике 1952—1953 гг. В пользу этого говорит секретное письмо председателя правительства ЧСР А.Запотоцкого в президиум правительства от 26 января 1953 г., в котором он предлагал руководствоваться двусторонним соглашением от 5 июня 1950 г.¹¹⁵ Запотоцкий специально указывал на отмену решения от 10 апреля 1952 г., по которому производились дополнительные выплаты советским советникам.

Представляется, что появление в 1951—1952 гг. систематического, по существу узаконенного принимающей стороной дополнительного материального «стимулирования» советников, было отнюдь не случайным явлением. Оно пришлось на время первых провалов долгосрочных экономических планов, пересмотренных под давлением Москвы в сторону повышения заданий при фактическом сокращении сроков их выполнения и поставок сырья и оборудования из СССР. Имелась и политическая составляющая этой заинтересованности: обострявшаяся внутривнутрипартийная борьба группировок создавала атмосферу острой конкуренции за контакты с Москвой и лично Сталиным. Советник становился удобной и необходимой фигурой, ибо его информация поступала, как правило, узкому руководству СССР. Эти обстоятельства делали правившие группировки крайне заинтересованными в передаче советниками в Москву выгодной для них информации.

Вместе с тем фигура советника в критической ситуации могла быть использована представителями национальной элиты в ее стремлении избежать политической ответственности за экономические трудности, в первую очередь, в качестве виноватого как перед общественным мнением собственной страны и ее партийным руководством, так и перед Москвой. Такая тенденция отчетливо проявилась, например, в конфликте В.Луки с Г.Дежем в 1952 г., когда на заседании Политбюро ЦК РРП, обсуждавшем результаты проверки финансовых органов, Лука прямо заявил, что

«финансовую политику он проводил при помощи постоянного советского советника Доброхотова». Столь откровенный «перевод стрелки» на советника Г.Деж пытался снивелировать словами: «Это клевета на советского товарища...»¹¹⁶

К 1953 г., по мере того как институт советников стал постепенно охватывать все сферы общественной жизни стран региона, проблема взаимоотношений советских советников и национальных кадров становилась все более сложной, предвстая как перед советским политическим руководством, так и перед лидерами стран Восточной Европы своими различными сторонами. Было очевидно, что деятельность советников, особенно в госаппарате и силовых структурах, порождала у национальных кадров ущемленные национальные чувства и как следствие этого объективно возникало стремление сузить сферу профессионального участия советников. Тем более, что в области экономики, науки и техники одной из причин нарушения деловых контактов советников и национальных специалистов был в ряде стран (например, в Чехословакии или Польше) более высокий профессиональный и общеобразовательный уровень последних. В свою очередь среди советских советников и специалистов формировалось ощущение не востребо-ванности и недоверия, что усиливало нарушение деловых контактов и сужение возможных источников необходимой им информации. Это, безусловно, затрудняло выполнение советниками поставленных Москвой задач, снижалась результативность их работы.

Смерть Сталина и начавшаяся борьба внутри советского руководства за передел сталинского «наследства» заострили проблему роли, места и эффективности работы советских советников в странах Восточной Европы. Неудивительно, что человеком, который поставил этот вопрос, стал Л.П.Берия. Как пишет Р.Г.Пихоя, Берия «...был, несомненно, наиболее информированным человеком в составе тогдашнего руководства, причем его информация была разнообразна, точна и независима от других ведомств.., в качестве руководителя разведки Берия был в курсе многих вопросов политики и международных отношений, реальных проблем, возникавших между СССР и другими странами»¹¹⁷.

За три недели до своего ареста 26 июня 1953 г. Берия написал главе советского правительства Г.М.Маленкову сопроводительную записку к информации главного советника МВД СССР в Чехословакии А.Д.Бесчастного. Эта сопроводительная записка может рассматриваться как важный самостоятельный документ, ибо содержит критический анализ работы советских советников в странах региона, сделанный человеком, претендовавшим на главную роль в управлении государством и осознавшем к этому времени необходимость его реформирования. Л.П.Берия писал: «В связи с событиями в Чехословакии*», необходимо отметить, что и по другим

* Имеются в виду массовые беспорядки в Праге и Пльзне в связи с объявленной в стране денежной реформой и отменой карточной системы.

странам народной демократии мы недостаточно информированы о действительном политическом и экономическом положении. Советы, даваемые нашим друзьям, являются эпизодическими, бессистемными, в ряде случаев не увязанными с хозяйственно-политическими задачами стран народной демократии и Советского Союза. Более того, надо прямо сказать, что наши советы не всегда были удачными. Достаточно напомнить пример со строительством в Румынии канала Дунай—Черное море стоимостью 10 миллиардов лей. Такое положение объясняется главным образом тем, что существующий в Москве Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ) работает из рук вон плохо и никакой положительной роли в координации экономики стран народной демократии эта организация не играет... То, что произошло в Чехословакии, может повториться и в других странах и привести к более крупным нежелательным последствиям. Во избежание этого с нашей стороны нужна более активная и квалифицированная помощь странам народной демократии в правильной организации руководства государственным строительством и народным хозяйством»¹¹⁸. Такая оценка деятельности советников в странах Восточной Европы была весьма симптоматичной. Она стала, по сути дела, первым своеобразным сигналом: «пик» использования сложившейся к 1953 г. системы советников, по-видимому, был пройден. Эффективность этого института по существу подвергалась в советском руководстве серьезному сомнению. Однако итогом борьбы группировок внутри Политбюро ЦК ВКП(б) за «сталинское наследство» стал перехват полноты власти в Москве «старой сталинской гвардией» в лице В.М.Молотова и Г.М.Маленкова. Это во многом обусловило сохранение института советских советников в странах Восточной Европы еще на ряд лет. В сложившемся виде он прекратил свое существование после событий 1956 г. в Венгрии и Польше.

¹ Такер Р. Сталин у власти. М., 1997. С. 45

² См. подробнее: Валева Е.Л. Политические процессы в Болгарии. 1944—1948 годов // Славяноведение. № 4. 1999. С. 26.

³ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. Т. II. 1949—1953. М.; Новосибирск, 1998. С. 248—249.

⁴ Там же. С. 248.

⁵ АВП РФ. Ф. 021. Оп. 36. П. 22. Д. 21. Л. 14—15.

⁶ Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 53—54.

⁷ Там же. С. 53.

⁸ Там же. С. 271; АВП РФ. Ф. 021. Оп. 36. П. 22. Д. 22. Л. 7, 92, 95.

⁹ Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 200.

¹⁰ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 254. Л. 31.

¹¹ Там же. Ф. 3. Оп. 66. Д. 31. Л. 101.

- 12 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 250—251; АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 197. Л. 24.
- 13 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 487. Л. 36, 43; АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 279. Л. 50, 54, 61, 63.
- 14 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 40. Л. 146.
- 15 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 3276. Л. 49—50; АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 197. Л. 14.
- 16 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 235. Л. 428—429.
- 17 РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 74. Д. 41. Л. 16; АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 274. Л. 97—99, 112.
- 18 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 284. Л. 88.
- 19 Там же. Д. 496. Л. 60.
- 20 Там же. Л. 66.
- 21 Там же. Д. 284. Л. 89.
- 22 Там же. Л. 89.
- 23 Там же. Д. 496. Л. 60.
- 24 Там же. Д. 503. Л. 5.
- 25 Там же. Л. 2, 5.
- 26 Там же. Л. 1.
- 27 Там же. Л. 4.
- 28 Kaplan K. Report on the Murder of the General Secretary. Columbus (Oh) 1990. P. 53.
- 29 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 394. Л. 6; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1361. Л. 54; Kaplan K. Sovětští poradci v Československu... S. 19.
- 30 РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 74. Д. 41. Л. 43.
- 31 Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1153. Л. 1—2.
- 32 Там же. Ф. 3. Оп. 74. Д. 41. Л. 537.
- 33 Там же. Д. 42. Л. 63, 67; Лубянка — ВЧК—КГБ. Документы. М., 1997. С. 37—38.
- 34 Там же. Ф. 3. Оп. 74. Л. 43. Л. 98, 110, 112; Д. 44. Л. 2; Д. 45. Л. 16.
- 35 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 507, 526; АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 197. Л. 55.
- 36 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1361. Л. 59.
- 37 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 721, 722, 742, 743 и др.; РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 74. Д. 44. Л. 2; Д. 45. Л. 23; Д. 46. Л. 61, 84; Ф. 17. Оп. 3. Д. 47. Л. 30; ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 60. Д. 7722. Л. 7; Д. 7727. Л. 7.
- 38 Kaplan K. Sovětští poradci v Československu 1949—1956... S. 104; Marat St., Snopkiewicz J. Ludzie bezpieki. Dokumentacja czasu bezprawia. W., 1990. S. 20.
- 39 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1301. Л. 181—187; Д. 1304. Л. 20—24; Д. 1300. Л. 2—3, 46—50.
- 40 Там же. Д. 1154. Л. 14—19.
- 41 Там же. Л. 25—32.
- 42 Там же. Д. 1361. Л. 58, 60.

- 43 Там же. Л. 54.
- 44 Там же. Л. 55, 58.
- 45 Там же. Л. 57—58.
- 46 Там же. Д. 1300. Л. 18.
- 47 Там же. Л. 26.
- 48 Там же. Д. 1154. Л. 49—50.
- 49 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 503. Л. 1.
- 50 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 494.
- 51 Там же. С. 498.
- 52 РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 74. Д. 47. Л. 6.
- 53 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 318.
- 54 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 209. Л. 79; Д. 197. Л. 88.
- 55 РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 74. Д. 47. Л. 60—62.
- 56 Лубянка — ВЧК—КГБ. С. 37, 38; Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ. Кн. 2. М., 2000. С. 8.
- 57 РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 74. Д. 43. Л. 128.
- 58 Там же.
- 59 Там же. Л. 174.
- 60 Лубянка — ВЧК—КГБ. С. 125.
- 61 РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 74. Д. 40. Л. 187, 202.
- 62 Подсчитано авторами по работе: Nalepa E.J. *Oficerowie Armii Radzieckiej w Wojsku Polskim 1943—1968*. W., 1995. S. 256—261, 72.
- 63 РГАСПИ. ф. 3. Оп. 74. Д. 44. Л. 1, 2, 6, 8, 9, 31, 33, 34, 38.
- 64 Там же. Д. 43. Л. 184, 185, 186; Д. 44. Л. 8, 33, 34.
- 65 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 362. Л. 113—114; Pop A. 1950. *Legatia S.U.A. informează: dominația U.R.S.S. asupra României nu poate fi slăbită // Magazin istoric*. 2001. № 4. P. 45.
- 66 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 394. Л. 37—39; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1361. Л. 78, 85—88.
- 67 РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 74. Д. 44. Л. 33, 38, 43.
- 68 АП РФ. Ф. 45. Д. 394. Л. 37, 14.
- 69 РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 74. Д. 45. Л. 18, 21, 114, 115, 116; Д. 46. Л. 70.
- 70 См.: Kaplan K. *Sovětští poradci...* S. 107—108; АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 197. Л. 82.
- 71 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 807. Л. 80.
- 72 Kaplan K. *Sovětští poradci...* S. 75.
- 73 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 139. Л. 3; Nalepa E.J. *Op. cit.* S. 126—127.
- 74 Там же. S. 128—129, 131, 133, 134.
- 75 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 671.
- 76 Цит. по: Poksiński J. «TUN». *Tatar-Utnik-Nowicki*. W., 1992. S. 237.
- 77 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 804. Л. 143—145.
- 78 Там же. Д. 811. Л. 14—15.
- 79 Цит. по: Poksiński J. *Op. cit.* S. 237.

- 80 РГАСПИ. Ф.82. Оп. 2. Д. 1291. Л. 98—99; Ф. 3. Оп. 74. Д. 44. Л. 135.
- 81 См.: Ракоши М. Людям свойственно ошибаться // Исторический архив. N 5—6. 1997. С. 7—8; Curtesku C. Januarie 1951: Stalin decide înarmarea Romanei // Magazin istoric. 1995. № 10. P. 15—23; Poksiński J. Op. cit. S. 256.
- 82 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 919; Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 418.
- 83 Kaplan K. Sovětští poradci... S. 87—88.
- 84 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1291. Л. 97—99.
- 85 ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 59. Д. 587. Л. 15.
- 86 Там же. Д. 548. Л. 7—8, 12, 16.
- 87 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 293. Л. 98.
- 88 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 60. Д. 769. Л. 3.
- 89 Там же. Д. 714. Л. 2, 29.
- 90 Там же. Д. 823. Л. 11, 8.
- 91 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 25. Д. 341. П. 27. Л. 19.
- 92 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 662—663; Kaplan K. Sovětští poradci... S. 111—112.
- 93 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 41. П. 215. Д. 10. Л. 93.
- 94 Там же. Ф. 0122. Оп. 36. П. 296. Д. 11. Л. 39.
- 95 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 654—655.
- 96 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 40. П. 202. Д. 11. Л. 77.
- 97 ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 60. Д. 714. Л. 18, 12—10, 26—25.
- 98 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 721, 744—748; АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 201. Л. 143—150.
- 99 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 34. П. 207. Д. 19. Л. 30.
- 100 РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 74. Д. 48. Л. 98, 114, 119.
- 101 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 35. П. 236. Д. 78. Л. 94—95; Ф. 07. Оп. 25. П. 27. Д. 341. Л. 19; Ф. 0138. Оп. 35. П. 236. Д. 78. Л. 93, 96.
- 102 Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 744—748; АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 40. П. 202. Д. 11. Л. 77—78; Ф. 07. Оп. 25. П. 22. Д. 274. Л. 29.
- 103 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 39. П. 190. Д. 11. Л. 10.
- 104 Там же. Ф. 0138. Оп. 33. П. 191. Д. 16. Л. 8; Оп. 34. П. 207. Д. 18. Л. 2.
- 105 Там же. Ф. 0122. Оп. 35. П. 282. Л. 3.
- 106 Там же. Ф. 07. Оп. 27. П. 41. Д. 142. Л. 63.
- 107 Там же. Ф. 0125. Оп. 39. П. 190. Д. 11. Л. 67.
- 108 Там же. Оп. 41. П. 215. Д. 10. Л. 60.
- 109 Там же. Д. 11. Л. 186; Д. 10. Л. 60.
- 110 Там же. Д. 10. Л. 60.
- 111 Kaplan K. Sovětští poradci... S. 118—120, 126—127.
- 112 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 32. П. 152. Д. 3. Л. 103.

- ³ Там же. Ф. 0125. Оп. 41. П. 215. Д. 10. Л. 93.
- ⁴ Там же. Д. 11. Л. 30.
- ⁵ Kaplan K. Sovětští poradci... S. 128—129.
- ⁶ Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 745.
- ⁷ Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти 1945—1991. М., 1998 С. 108—109.
- ⁸ Восточная Европа в документах... Т. II. 1949—1953. С. 918—919.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СЛОЖИЛИСЬ ЛИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ РЕЖИМЫ СОВЕТСКОГО ТИПА?

Конкретно-исторический материал, составивший основу данной работы, свидетельствует, что на протяжении 1949—1953 гг. страны Восточной Европы охватила «вторая волна» тоталитаризма: там утверждались политические режимы, принципиально новые для данного региона, основу которых составляли национальные варианты власти советского типа. Они различались степенью приближенности к сложившемуся в СССР «классическому сталинизму» — партийно-бюрократической диктатуре. Их относительно быстрое по времени утверждение явилось следствием ряда причин. Важнейшими из них были потребность ускорения экономического развития и перехода к модернизации экономической сферы, программы которых были предложены коалиционными правительствами. Свою роль играла и компрометация в годы войны в массовом сознании европейцев либеральных идей и принципов организации общества на их основе, как не обеспечивших успешное противостояние фашизму. Стремление к расчету с прошлым и связанное с ним отрицание старых довоенных порядков усиливались тем, что в послевоенном обществе широкое распространение получил силовой синдром, под которым следует понимать репрессивный тип сознания как реакцию на преступления фашизма. Притягательными стали идеи социализма в различных его вариациях, включая и «советский социализм». Интерес к последнему, безусловно, определялся превращением СССР в авторитетную мировую державу, с политической и социально-экономической системой которого европейское общественное мнение связывало в первую очередь и победу над фашизмом. Все вместе взятое усиливало леворадикальные настроения в Европе, хотя истоки их лежали в разрушенных войной экономике и социальной структуре, где резко возрос удельный вес люмпенизированных и маргинальных слоев, готовых к немедленному и революционному изменению ситуации в свою пользу. Это в полной мере относилось и к обществу стран Восточной Европы в 1944—1947 гг. Развернувшаяся тогда острая борьба различных политических сил за власть, за направление, средства, перспективы модернизации и

руководство этим процессом велась в условиях доминанции СССР в регионе, присутствия в ряде стран Красной Армии, а в странах-сателлитах еще и Союзных контрольных комиссий, где главную роль играли также советские представители. В конце 40-х годов эта борьба принесла победу носителям и сторонникам левого радикализма.

Установление в странах Восточной Европы властной монополии компартий сопровождалось сменой элит всех уровней. Это давало исторический шанс изменения общественного статуса тем, кто традиционно занимал нижние ступени социальной лестницы. Такого рода общественный «аванс» создавал реальную почву для утверждения в регионе советской модели организации общества. Обозначилась как одна из наиболее актуальных и политически острых проблема «носителей власти», которым предстояло управлять в новых условиях.

Рассмотрение на материале стран Восточной Европы процесса постепенного создания на классовой основе корпуса новых кадров, превращения их в «командную силу», анализ менталитета этих кадров, их социально-психологических и идейно-политических ориентиров, показывают, что основой организованной, своеобразной иерархической вертикали стала партийно-государственная номенклатура — специфическое явление, свойственное левототалитарным режимам. Номенклатурная система в свою очередь породила новый, формационный по характеру, тип управленца, специфика которого заключалась в неадекватности его культурного облика и профессионального уровня новому общественному статусу. Проведенное исследование показало, что зарождение номенклатуры как исторического феномена в регионе относится к концу 40-х годов. В начале 50-х годов в странах Восточной Европы уже стал реальностью властно-исполнительный механизм, с помощью которого партийно-государственное руководство стремилось держать под неослабным контролем все стороны жизни общества. Интенсивно развивавшийся в регионе процесс сращивания партийного и государственного аппарата составил основу трансформации бюрократии: она быстро утрачивала статус передаточного механизма и все более активно начинала играть важную политическую роль. Возникал, как и в СССР, феномен бюрократическо-политической монополии на власть.

Оттеснение бывшей политической элиты от власти и блокирование ее дестабилизирующего влияния в обществе происходило в рассматриваемые годы посредством репрессий вплоть до физического уничтожения. Этот «профилактический террор» фактически расчищал управленческо-административное «поле» для новых функционеров, принявших коммунистическую идею и политику компартий. Именно компартии и только они стали источником новых управленческих кадров и в первую очередь номенклатуры.

Происходившая подмена принципа профессионализма как критерия назначения и перемещения кадров принципом декларируемой «верности идеалам» и «послушания» вышестоящим инстанциям обусловила снижение способности нового государственного аппарата адекватно решать управленческие задачи и превращение его, как и в СССР, в простых исполнителей указаний и директив «сверху». Выстраивалась специфическая властная вертикаль, основанная на принципе «исполнения директив сверху». Она обеспечивала абсолютную власть узкопартийного клана во главе с вождем — генеральным (первым) секретарем компартии. Таким образом, в начале 50-х годов в странах Восточной Европы скалдывался государственный механизм советского типа как с точки зрения его организационной структуры и методов создания, так и принципов подбора кадров.

Необходимость тщательного подбора и учета кандидатур чиновников при систематически острой нехватке квалифицированных кадров диктовала нормативное оформление кадровой ситуации. Это выражалось в прямом заимствовании из советской практики определения номенклатуры должностей, находившихся в ведении тех или иных высших органов. Номенклатурный принцип узаконил «назначенство» как единственный метод перемещения кадров. Такая кадровая политика была призвана обеспечить действенность власти, стабильность политической ситуации. В действительности же, как показал исторический опыт и СССР, и стран Восточной Европы, номенклатурный принцип блокировал социальную циркуляцию, препятствуя профессиональному обновлению и совершенствованию управленческого аппарата. Он усиливал диктаторский потенциал власти.

Как и в СССР, в странах региона искушение властью оказалось непреодолимым моральным препятствием для партийно-государственной элиты. Проявляя индифферентность к провозглашенным высоким идеалам общества социальной справедливости, несомненно осознавая их «нестыковку» с реальной действительностью, она весьма рано оказалась восприимчивой к повседневному жизненному комфорту в условиях бедности подавляющей части населения. Номенклатурные привилегии, давно укоренившиеся в среде советских управленцев (спецобслуживание, спецпитание, отдых, спецлечение и т.д.) воспринимались региональной элитой как ее законное право. Советская сторона, предлагая национальному руководству свои жизненные стандарты, вносила тем самым определенную лепту в формирование элитарной психологии в новом национальном правящем слое.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что для утверждения в регионе политических режимов — аналогов советскому и обеспечения их функционирования правящие группировки национальных компартий при прямом участии и поддержке

Москвы задействовали весь апробированный в СССР арсенал механизмов установления контроля над обществом.

С целью формирования в массовом сознании мифологизированного образа социально справедливого общества были предприняты усилия по организации информационной блокады региона посредством переориентации источников информации с Запада на СССР. С этой целью была реализована система запретительно-ограничительных мер: от введения политической цензуры по типу советского Главлита, ликвидации традиционно существовавших в Восточной Европе культурно-информационных центров, библиотек и институтов западных стран до запрета свободного передвижения иностранных граждан, включая дипломатов, журналистов и пр. Особое значение в осуществлении контроля за информационным «полем» придавалось, учитывая географическое положение и геополитическую значимость региона, глушению западных радиостанций, пресечению техническими средствами возможностей прослушивания населением радиопередач соседних капиталистических государств, к которым после 1948 г. была отнесена и Югославия.

Эти меры существенно ослабили каналы воздействия осевших на Западе представителей «старой» политической элиты и блокировали возможности организованного проявления оппозиционных настроений в обществе. Единственным источником информации, а значит и формирования общественных умонастроений становилась партийная печать. Компартии стран Восточной Европы стремились воспроизвести советскую модель контроля за информацией и создания информационно закрытого общества. На решение этой задачи были направлены усилия мощного идеологического аппарата, пропагандировавшего прежде всего позитивную составляющую механизма общественного согласия. Крен был взят в одну сторону — показ роста материально-жизненного уровня, социальных благ и общественных перспектив, гарантированных властью широким слоям. Создавалась тем самым мифическая картина постепенного приближения всего общества к провозглашенному социалистическому идеалу. Реальная же действительность довольно быстро показала, что советские методы обеспечения информационной блокады и пропагандистского давления здесь не срабатывали в той мере и степени, как в СССР. Западное воздействие на общества этих стран сохранялось.

Рассматриваемый исторический отрезок — 1949—1953 гг. — это время, когда по примеру ВКП(б) правящими коммунистическими верхушками был запущен и в полной мере использован такой испытанный механизм воздействия на общество и одновременного контроля за ним, как устрашение через политические репрессии. В начале 50-х годов они приобрели в регионе характер политического террора, осуществляемого государственной властью.

Его цель состояла в том, чтобы через подсистему страха привести общество к консолидации и гражданскому согласию на классовой основе. Была исключена возможность общественного самовыражения для тех социальных и политических сил, которые еще недавно были адептами прежнего строя. Репрессиям подвергались как реальные, так и мнимые сторонники прошлого, в особенности бывшие члены распущенных политических партий, служащие «старого» госаппарата, чиновники, кадровые офицеры, которые могли стать массовой базой оппозиции режиму. Целенаправленно изолировались от общества видные представители прежней политической элиты — бывшие социал-демократы, носители либерально-демократической и крестьянской альтернатив коммунистическому варианту развития. Общественные перспективы представителей некогда лидировавшей части нации, влиявшей на вектор общественного развития (аристократии, буржуазии, крупных земельных собственников, чиновничества и офицерства), были практически сведены режимом на нет. В странах Восточной Европы механизм устрашения выполнял свою роль лишь исторически краткий отрезок времени.

Специфическим направлением в репрессивной политике 1949—1953 гг. были внутрипартийные репрессии, сыгравшие ключевую роль в процессе создания партии-государства как основы политических режимов советского типа в регионе. Реформистские течения 40-х годов были парализованы репрессивными акциями. Силowymi же методами тогда была проведена повторная «большевизация» компартий, направленная на исключение инакомыслия и плюрализма мнений, на коренное изменение норм внутрипартийной жизни, на превращение компартий стран Восточной Европы в идеолого-политический «монолит» — аналог ВКП(б), что было с готовностью воспринято рядовыми членами партий, вступившими в их ряды после установления монополии коммунистов на власть и не имевшими иного опыта партийной работы.

Компартии, таким образом, превратились в тоталитарную организацию, отождествляющуюся с лидером-вождем, в основе власти которого лежал миф о его исключительности. Культ вождя интенсивно насаждался в обществе и поддерживался в массовом сознании всей мощью агитационно-пропагандистского аппарата в соответствии с опытом ВКП(б). Вместе с тем, советская политическая практика 30—40-х годов показывала: смена поколений в руководстве и активе партии может осуществляться методом репрессирования когорты «старых» партийцев и выдвижения на их место молодых, политически удобных кадров. В рассматриваемые годы в регионе это также имело место, но приобрело специфическую форму: смена поколений здесь стала производным в первую очередь от межклановой борьбы тех, кто находился в стране в годы войны, и тех, кто прибыл вместе с Красной Армией.

В условиях «холодной войны» череда внутрипартийных политических репрессий в регионе позволила советскому руководству решить еще одну из важнейших, с его точки зрения, задач — сделать партийных лидеров беспрекословными проводниками советской стратегической линии. Это открывало путь к форсированному созданию в Восточной Европе обществ, однотипных советскому, и, как следствие, укрепляло формирующийся восточный военно-политический блок.

Таким образом, имплантация в 1949—1953 гг. сталинской системы террора, многообразного по своей социально-политической направленности, была ориентирована на достижение основной цели коммунистической элиты — заставить общество принять ее идеологию и соответствующие последней принципы социальной организации, исключавшие проявление какого-либо инакомыслия, и тем самым решить главную задачу любого режима — задачу самосохранения.

Объединенные общими интересами — удержать власть и сценентировать советский блок — Москва и национальные политические элиты рассматривали репрессии как объективную закономерность и политическую целесообразность, определенные временем.

На наш взгляд, репрессивные акции рубежа 40—50-х годов сыграли свою роль в достижении некоего гражданского согласия, договора власти с обществом. Позднее это состояние было определено как «морально-политическое единство народа». Акцентируя внимание на проблеме репрессий и их роли в установлении руководством компартий контроля над обществом, мы отдаем себе отчет, что отнюдь не только репрессии являлись фактором специфической консолидации значительной части общества в условиях партийно-бюрократической диктатуры. Первостепенную роль в этом процессе, без сомнения, играло решение задач ускоренной модернизации экстенсивного типа, сопровождавшейся социально-экономическими и социокультурными переменами в пользу «низов», перед которыми была открыта перспектива общественного роста. Однако, достигнутое гражданское согласие было относительным и кратковременным: со второй половины 50-х годов возникают кризисы в ряде стран советского блока, сопровождавшиеся сменой политической верхушки. Их результатом явилось временное разрешение конфликта между властью и обществом.

Важнейшим «инструментом», с помощью которого Москва обеспечивала свое участие в создании в странах региона режимов советского типа, являлся институт советников. Конкретный материал (решения Политбюро ЦК ВКП(б) о направлении советников в страны региона, нормативные документы, определявшие права, обязанности и пределы их компетенции, а также отдельные отчеты

ты и докладные записки советников, в частности в МГБ СССР, отражающие их практическую деятельность) позволяет констатировать, что это звено системы воздействия советской стороны на политическое развитие стран региона сложилось уже к 1952 г. Советники выполняли поставленную перед ними задачу — содействовать местным кадрам в перенесении советских принципов управления в конкретные условия Восточной Европы.

Появление института советников как активного и весьма значимого фактора внутривосточной жизни этих стран во многом соответствовало интересам национальной политической элиты и номенклатуры разных степеней подчинения, ибо власть в результате классовой кадровой политики не располагала необходимым числом управленцев и специалистов высшей и средней квалификации. В силу этого обращения к советскому правительству за кадровой помощью были для национальных руководств выходом из критического положения, во многом объяснявшим легкость восприятия национальной номенклатурой и фигуры советника как гаранта успешного «построения социализма», и его советов. Свою роль здесь играли идейно-политическое единомыслие высшей элиты стран Восточной Европы и советского руководства и доверие этой элиты к Москве.

Но существовала и другая сторона медали — стремление элиты политически обезопасить себя, направляя нараставшие негативные настроения в обществе в советскую сторону. Фактический материал свидетельствует, что правящие группировки, действуя таким образом, зачастую сознательно шли на определенное ущемление национально-государственного суверенитета своих стран. Деятельность советников МГБ и министерства вооруженных сил СССР была одним из наиболее зримых проявлений этого.

Итак, 1949—1953 гг. для Восточной Европы стали периодом активного внедрения советской (сталинской) модели организации общества.

В начале 50-х годов в странах региона были созданы основные, «несущие» элементы этой модели: абсолютная концентрация политической и экономической власти в руках вождя; наличие единственной массовой партии (коммунистической), обладавшей реальной властью (сохранявшиеся в отдельных странах «декоративные» партии — не в счет); монополия марксистско-ленинского учения в сфере идеологии; монополия партийного государства на средства массовой информации и силовые структуры; всеобъемлющий контроль со стороны властных структур, облеченных на это специальными полномочиями; жесткая централизованная система управления экономикой. Были приведены в действие и типичные для советской модели механизмы поддержания этой «конструкции», включая репрессивно-террористические. Это

дает основание говорить о наличии в Восточной Европе политических режимов, несомненно, близких к советскому образцу, левототалитарных по своему характеру, однако имеющих особые «родовые» черты, не дающие возможности считать их аналогами советского сталинского режима. Отличие, на наш взгляд, состоит в степени развертывания заложенного в этой «конструкции» тоталитарного потенциала.

Что же подводит нас к такому утверждению? Ответ не простой.

Советская модель распространялась в регионе, который существенно отличался от Советского Союза конца 20 — начала 30-х годов уровнем цивилизационного развития, традициями культурного общения с Западом, ментальностью населения, наконец, пространственными координатами. В ряде стран Восточной Европы уже в межвоенный период началось становление гражданского общества, его политическое и социальное структурирование. Несомненно, по степени продвинутости этого процесса в регионе выделялись Чехословакия, Польша и Венгрия. В Румынии, Болгарии и Югославии переход от сословного общества к гражданскому имел существенное отставание, но и здесь уже была налицо целая палитра политических партий, общественных движений и организаций, характерная для перехода к индустриальному обществу. Исключение составляла Албания, в которой общественные отношения, присущие стадии феодализма, переплетались с элементами родового строя.

В России, где до революции 1917 г. также интенсивно формировалось гражданское общество, гражданская война 1918—1922 гг., по сути дела, оставила за собой «выжженную политическую пустыню». Этот «вакуум» быстро был заполнен политическими представителями леворадикально настроенной части российского общества. В Восточной же Европе после Второй мировой войны в исторически краткий период, 1944—1946 гг., произошло возрождение большинства довоенных политических партий и движений (за исключением фашистских). Они предлагали обществу разные варианты дальнейшего развития, что отражало многообразие общественных, социально-экономических и политических интересов населения и являлось важнейшим признаком гражданского общества. Более того, в 1944—1948 гг. на антифашистской, национально-освободительной и демократической основах сложился и действовал (в ряде стран по принуждению) механизм общественного консенсуса, основанный на принципе демократии по соглашению различных политических сил. Такого этапа, предшествовавшего утверждению сталинизма, в СССР, по сути дела, не было. В этом состояло первое принципиальное отличие восточно-европейской ситуации на момент перехода к партийно-бюрократической диктатуре. Отсюда (и это, на наш взгляд, главное) иная

готовность восточно-европейского общества рубежа 40—50-х годов к восприятию советской модели в национальном варианте.

Второе отличие заключалось в «качественном» состоянии самих компартий. Вряд ли будет преувеличением считать, что такой мощной, централизованной, дисциплинированной партии, как ВКП(б) в 20—30-е годы, не существовало ни в одной стране Восточной Европы. Кроме того, так называемое объединение рабочего движения в регионе и массовые чистки вовсе не уничтожили полностью традиций и корней социал-демократизма. Его фермент сохранялся и в компартиях, и в обществе, что подтвердилось возрождением социал-демократических (социалистических) партий на рубеже 80—90-х годов.

Несмотря на масштабные внутрипартийные репрессии конца 40 — начала 50-х годов, идеи «национальных путей к социализму» полностью истребить не удалось. Загнанные вглубь, они периодически возрождались. Поэтому отнюдь не случайно десталинизация, начавшаяся после смерти Сталина с антикультовых проявлений, сопровождалась возвращением к концепции «национального пути к социализму». Иными словами, один из основных «родовых» признаков сталинизма как варианта тоталитаризма — идеологическая монолитность — не получил в компартиях стран Восточной Европы долгосрочного закрепления. Что касается политического лидерства, то никто из национальных руководителей в регионе не стал для своего народа подлинно харизматическим вождем (как Ленин и Сталин в СССР). «Сила общественного мнения», лежащая в основе величия вождей, о чем писал в свое время М.Вебер, не подняла в сознании людей до поистине божественных высот ни Ходжу, ни Георгиу-Дежа, ни Червенкова, ни Готвальда, ни Ракоши...

Третий фактор, сужавший возможности укоренения сталинской модели в регионе, состоял в существенном различии технологических эпох. Время утверждения сталинизма в регионе пришлось на канун мировой научно-технической революции, принесшей коренные изменения в технике, особенно в электронике, информатике и средствах массовых коммуникаций. В этот период ставка на экстенсивность и изоляцию от мира являлась уже цивилизационным анахронизмом. Понятие глухого «железного занавеса», отделившего социалистический лагерь от остального мира, относилось прежде всего к СССР. Для Восточной Европы «занавес» был, скорее, «железной решеткой» с совсем иной степенью проницаемости. Следует также иметь в виду и географический фактор, т.е. сравнительно малую территориальную протяженность региона с запада на восток. Это пространство легко осваивалось западной пропагандой с помощью новейших технических средств, что давало возможность расшатывать идеологические позиции компартий.

Далее, объясняя причины неполной реализованности советской модели в регионе, следует иметь в виду слишком короткий временной отрезок, опущенный этим режимам историей. Сталинская модель в СССР просуществовала не одно десятилетие и прошла в своем развитии ряд этапов. Победа в Великой Отечественной войне закрепила позиции и влияние сталинского руководства, придав режиму общенациональный облик «коллектива соотечественников», защищавших свою страну от агрессора. Несмотря на все негативы советского режима, в его основе сохранялось связанное с идеалом социализма гуманистическое ядро, общество адаптировалось к идее «самого справедливого строя». Все это не могло не сказаться на длительности существования советского тоталитаризма, пережившего, кроме того, этап определенной либерализации после смерти Сталина.

Советская модель в Восточной Европе не прошла в своем развитии этапа, который бы в такой мере укрепил позиции тех, кто олицетворял собой режим. Ни война в Корее, ни атомный шантаж, ни жупел третьей мировой войны и связанное с этим движение сторонников мира не вызвали к жизни в странах региона такой общенациональной идеи, выразителем и защитником которой выступал бы существующий политический режим, как это было в СССР в годы Великой Отечественной войны. Не стали консолидирующими власть и общество и планы коренных социально-экономических перемен, которые должны были обеспечить рывок в цивилизационном развитии. Экстенсивная индустриализация, приобретшая в условиях «холодной войны» односторонний характер (развитие военного и обслуживавшего его производства), по времени совпала с массовыми политическими репрессиями в обществе. Эта «спрессованность» внутренней политики компартий имела своим прямым следствием угасание энтузиазма тех, кто доверял власти и рассчитывал на скорую реализацию своих общественных перспектив. Угасанию энтузиазма в немалой степени способствовало и сохранение здесь (в отличие от СССР) значительной части способной к критическому осмыслению происходящего «старой интеллигенции» — носительницы общенациональных идеалов и прежде всего идеи независимости.

Все перечисленные выше факторы существовавшим образом повлияли на процесс и степень укоренения в восточно-европейском обществе советской модели, ее трансформацию в непривычных для себя условиях и, как следствие, на облик политических режимов в странах региона. До определенного времени заложенный в советской модели тоталитарный потенциал реализовывался на национальной почве в значительной мере благодаря авторитету и влиянию советского харизматического лидера.

Смерть Сталина в марте 1953 г. открыла этап кризисных потрясений в странах Восточной Европы, свидетельствуя на истори-

ческом опыте региона об ограниченном внутривнутриполитическими причинами влиянии и роли внешнего фактора, о его, в конечном счете, вторичности в сложном переплетении предпосылок, обстоятельств и коллизий внутреннего характера.

Начавшаяся во второй половине 50-х годов десталинизация явилась важным импульсом в процессе саморазрушения левототалитарных режимов в Восточной Европе, завершившемся на рубеже 80—90-х годов.

Именной указатель

А

Абакумов В.С. — 274, 288, 434, 435, 452, 455, 475, 479, 480, 487, 518, 526, 530, 533-535, 552, 556, 565, 617, 620, 621, 623, 625, 628
Абрамов А. — 68
Адибеков Г.М. — 59, 346, 377-379, 423
Азовцев В. — 237, 260
Александреску А. — 308
Александри В. — 400
Александров А.М. — 50
Александров В.И. — 645
Александров Г. — 313
Александров Л.П. — 632
Альбрехт А. — 134, 528
Ангелеску К. — 448
Андерс В. — 318
Андорка Р. — 169, 170
Андреев Б. — 264
Андрейчев — 386
Андропов Ю.В. — 259
Аникеев А.С. — 375, 377, 379
Антипов А.И. — 156, 325, 345,
Антонеску И. — 69, 70, 452
Антонеску М. — 70
Антониевич — 221
Апостол Г. — 563
Апро А. — 294, 456
Аренд А. — 6, 22
Аристов А.Б. — 168
Арон Р. — 6, 22
Архипов П.А. — 280
Асбиу К. — 192
Атанасов Г. — 197

Ахматова А.А. — 322
Ачимович М. — 73, 76

Б

Бабиченко Д.Л. — 345
Баева И. — 10, 24, 94-96, 99
Базанов Г.М. 414, 415
Бакарич — 264
Бакулев А.Н. — 228
Балаж Т. — 533
Балканджиев — 84
Баранов В. — 151
Баранов Л.С. — 46, 156, 186, 316, 340, 359, 362, 364, 365, 531, 550
Барновский М. — 10
Бареш Г. — 156, 288, 296, 393, 513
Барсков А.Н. — 595
Бартошек К. — 13, 14
Бата — 472
Бахолы С. — 240, 241
Бацилек К. — 159, 255
Баштеванский Ш. — 168, 296
Библер А. — 361, 363
Бевин Э. — 46
Бежану П. — 452
Безбородов М.С. — 477, 623, 625, 626
Бекташи Х. — 77
Белезнаи — 479
Белик Т.Я. — 634, 635
Белинич М. — 356
Белишова Л. — 185, 186, 190, 502, 539
Белкин М.И. — 521, 522, 524, 526, 527, 529, 619-622, 625

- Бенеш Э. — 16, 32, 36, 40, 47, 70,
 71, 88, 89, 313, 393, 402, 466,
 482, 483, 534, 595
 Бенский В.С. — 633
 Бердяев Н.А. — 6, 22
 Береи А. — 410
 Беренд И.Т. — 170
 Берия Л.П. — 9, 87, 89, 167, 229,
 452, 455, 463, 514, 556, 599, 612,
 639, 650, 654
 Берман Я. — 119, 133, 261, 323,
 329, 333, 383, 458, 478, 479,
 486-488, 499, 506-508, 511, 528,
 529, 531, 547-549, 551, 573
 Берус А. — 221
 Берут Б. — 15, 17, 37, 124, 126,
 129, 130, 132, 133, 136, 261,
 285, 333, 457, 458, 463, 478,
 479, 485-488, 506, 508-511, 527-
 531, 537, 548-551, 599, 629,
 642, 643, 646
 Бесчастнов А.Д. — 255, 559, 560,
 623, 625, 650
 Бида А. — 383, 384
 Билек — 251, 637
 Бирнс Д. — 33
 Биро З. — 529
 Бирюзов С.С. — 598
 Бирюков Н.И. — 297
 Благоева С. — 416, 417
 Благоевич Д. — 267
 Блиновский Ф. — 134
 Боаров — 523
 Богданова Р. — 25, 96, 300
 Богомоллов А.Е. — 40, 169, 471,
 553, 645
 Боднараш Э. — 434, 463, 481,
 482, 563, 564, 605
 Бодров М.Ф. — 264, 273, 475, 516
 Божиллов Б. — 65
 Бойко В.Р. — 633
 Бокшаи — 472
 Бон — 453
 Борейша (Гольдберг) Е. — 507
 Борек В. — 251
 Борзенко А.К. — 414
 Борилэ П. — 634, 643
 Борисов И.С. — 125, 402
 Борозняк А.И. — 12
 Боронович Б. — 585
 Бортновский — 477
 Боцай С. — 193
 Бочев И. — 230
 Бочек В. — 88, 466, 484
 Бояджиев — 447
 Боярский В.А. — 535, 536, 537,
 554, 556, 559, 623-625
 Бранков Л. — 523, 525, 528, 529
 Братиану Г. — 452
 Братиану К.И., Братиану Дину —
 308, 310, 448
 Братиану К. (Бебе) — 448
 Бркич З. — 217
 Брокдорф В. — 75
 Брыя В. — 449
 Букмиллер М. — 11, 14, 25
 Булатов Н. — 185-187
 Булганин Н.А. — 167, 261, 435,
 455, 458, 483, 484, 499, 526,
 551, 556, 606, 610, 634, 635,
 637
 Буначиу А. — 259
 Буров Д. — 453
 Буршик Й. — 476
 Бутенко А.П. — 7, 29, 298
 Бухарин Н.И. — 567
 Бушуева Т.С. — 23
 Былгаранов Б., Болгаранов —
 457, 476, 516
 Бышек В. — 511

В

- Валева Е.Л. — 96, 651
 Валентини А. — 81
 Вальков В.А. — 270
 Варади — 472
 Варга А. — 281
 Василев О. — 65, 93, 313, 603
 Василевский А.М. — 463, 555,
 570, 596, 637, 638
 Васильева Н.В. — 97, 377
 Ваш Г. — 148
 Ваш З. — 117, 552, 553
 Вебер Г. — 11

- Вебер М. — 663
 Величко — 258
 Велчев Д. — 447, 469
 Верблян А. — 10
 Вереш Я. 465, 479
 Верт Н. — 11, 25, 28, 57
 Веселый Й. — 626, 627
 Веслав см. Гомулка В.
 Виг П. — 109
 Вида И. — 97, 170, 344
 Виноградов И.Т. — 166
 Випперман В. — 22
 Вишоюну К. — 413
 Владимиреску Т. — 468, 481
 Владислав II Ягелло — 30
 Вовканич I. — 25
 Вознесенский Д.П. — 435, 628
 Вознесенский Н. А. — 89, 263
 Волков В.К. — 15, 22, 42, 58, 60
 Волокитина Т.В. — 22, 58, 60, 95,
 97, 98, 170-173, 229, 231, 232,
 344, 345, 347, 377, 378, 461,
 462, 492, 542, 590, 611
 Волошук — 254
 Вольский В. (Пивоварчик А.) —
 548-551
 Ворошилов К.Е. — 342, 601
 Восленский М.С. — 22, 116, 171,
 173, 294, 301
 Вуничевич — 585
 Высотин В.Г. — 159, 162
 Вышинский А.Я. — 9, 68, 69, 85,
 96, 212, 237, 247, 260, 287, 309,
 310, 344, 405, 440, 448, 485,
 525, 528, 530, 550, 563, 605,
 615, 621, 640, 641, 643-645
- Г
- Гаврилов В. — 97, 377
 Гаврилова Е. — 388
 Гагаринов А.Н. — 502
 Гаджиев К.С. — 7, 23
 Гайду Й. — 535, 561
 Галичий Н.П. — 193
 Гарлицкий А. — 124, 136
 Гастон М. — 564
 Гейдрих А. — 534
 Геминдер Б. — 159, 393, 554-556,
 558, 560, 562
 Гендрих И. — 392, 393, 558
 Генчев — 447
 Георгиев В. — 230
 Георгиев К. — 257, 469
 Георгиу-Деж Г. — 53, 54, 85, 138,
 139, 150, 153, 228, 238, 258,
 259, 271, 274, 339, 340, 365,
 371, 373, 397-399, 417, 419,
 452, 453, 473, 498, 531, 537,
 562-573, 582, 607, 616, 618,
 621, 622, 629, 630, 634, 645,
 649, 650, 664
 Георгиу Ш. — 153
 Герасимов Л. — 257
 Гере Э. — 260, 479, 520, 523, 525,
 527, 620, 646, 648
 Герман Ф. — 471, 478
 Гибианский Л.Я. — 60, 346, 377,
 379, 590
 Гибсон А. — 70
 Гимпельсон Е.Г. — 298
 Гиренко Ю.С. — 232, 347, 377,
 378, 379, 590, 591, 608, 611, 612
 Глазков М.Ф. — 262, 632
 Голдош Л. — 535
 Голиченков А.А. — 399, 417
 Голубович Р. — 358, 359
 Гольдбергер — 151
 Гольдер — 637
 Гольдман Й. — 529, 560, 606, 612
 Гомбрович Е. — 328
 Гомлер — 637
 Гомулка В. — 15, 17, 47, 54, 79,
 87, 122, 124, 229, 329, 331, 437,
 450, 458, 485, 488, 497-499,
 505-511, 514, 520, 528-530, 532,
 547, 551, 606, 638
 Горакова М. — 451, 452
 Горелкин И.И. — 633
 Горький М. — 337
 Готвальд К. — 14, 16, 37, 47, 88,
 90, 91, 159, 162, 165-169, 250,
 251, 254, 261, 295, 296, 322,
 352, 353, 362, 435, 451, 466,
 470, 482-484, 498, 512-514, 520,

- 522, 529, 530, 532-534, 536,
537, 555-561, 584, 606, 621,
622, 624, 627, 628, 634-637,
639, 645, 664
- Габский С. — 41, 42
- Грегор А. — 250, 296, 560
- Григорьян В.Г. — 125, 133, 148,
168, 186, 273, 366-368, 421
- Гринкевич Б. — 511
- Гришина Р.П. — 98
- Гроза П. — 69, 70, 238, 258, 271,
310, 320, 321, 431, 443, 448, 452
- Грозев Г. — 195
- Грол М. — 578
- Громов Е.И. — 166, 167, 346
- Громыко А.А. — 412, 452, 453,
531, 642
- Гротеволь О. — 39
- Гулевич М. — 449
- Гусак Г. — 163, 532-536, 627
- Гусев Н.И. — 555-557, 632, 635,
637, 639
- Д
- Давид П. — 296
- Давыдов С.П. — 486, 623, 625,
628
- Даллес Д.Ф. — 525
- Дамянов Г. — 196, 257, 518
- Дамянов П. — 469, 474, 516
- Дамянов Р. — 197
- Дангулов С.А. — 40
- Данилюк Д.Д. — 633
- Двораковский В. — 127
- Дедиер (Дедијер) В. — 377, 586
- Дедов — 133
- Деж Г. см. Георгиу-Деж Г.
- Деканозов В.Г. — 68
- Делетант Д. — 431
- Демьянов Н. — 603
- Дери Т. — 322
- Дечи Д. — 260, 523, 524
- Джакович Д. — 213
- Джекобс — 361
- Джибладзе М.Л. — 128
- Джилас М. — 6, 22, 41, 59, 75,
100, 169, 212-214, 221, 233,
237, 245, 270, 297, 299, 352,
354, 356, 499, 524, 525, 581
- Джорджеску Т. — 85, 149, 228,
258, 259, 279, 280, 397, 431,
531, 562-565, 568-571, 573, 634
- Джувани А. — 240
- Джуреску К. — 448
- Джурич М. — 586
- Джуров Д. — 516
- Дзержинский Я. — 488
- Дзодзе К. — 77, 78, 92, 182, 189,
450, 501-505, 539
- Димитров А. — 257
- Димитров Г.М. — 40, 52, 57, 59,
64, 65, 80, 83, 93, 95, 196-198,
200, 226, 231, 242, 256, 263,
270, 272, 273, 294, 313, 348,
403, 442, 465, 496, 497, 499,
515-518, 543, 598, 599, 602,
604, 611
- Димитров Г.М. (Гемето) — 78,
328
- Димов Д. — 197
- Длужинский Е.И. — 548
- Длуский О. — 507, 528
- Доби И. — 237, 289
- Добрев К. — 272
- Доброхотов — 570, 646, 650
- Дойчер Й. — 293, 301
- Доков Д. — 300
- Докузов П. — 370
- Доланский Я. — 90, 250, 251-254,
296, 645
- Донат Ф. — 537
- Донча — 481
- Драбкин Я.С. — 8, 12
- Драгойчева Ц. — 197
- Драгомерецкий — 637
- Драгомир С. — 448
- Дрда Я. — 252
- Дртина П. — 90
- Дубенский Б.А. — 386, 387
- Дьере И. — 260
- Дьлндлши Я. — 81
- Дьяконов Ю.Л. — 23
- Дюриш Ю. — 90, 250, 253, 296,
532, 536, 555, 559

Е

- Евдокименко Г.С. — 434, 479,
480, 625, 628, 629
Есиков Б.С. — 559

Ж

- Жаров А.И. — 405-407
Жданов А.А. — 36, 47, 89, 90,
317, 318, 351, 352, 463, 467, 604
Желев Ж. — 6, 22
Желички Б.Й. — 544
Жеребин Д.С. — 635
Живков Ж. — 257
Живков Т. — 237
Жижич В. — 586
Жофинец М. — 260
Жуйович С. — 265, 349, 580-582,
585, 587
Жуков В.Г. — 644, 645

З

- Завадский А. — 124
Завадский М. — 535
Заволжский С.Г. — 109, 110, 156,
236, 325, 326, 340, 521, 629
Зажицкий Я. — 485, 528
Зайкин Д.И. — 132, 133, 261, 487
Зайцев В.Е. — 637, 638
Замбровский Р. — 261, 486-488,
506, 507, 528, 529, 547, 549, 550
Запотоцкий А. — 250-252, 254,
296, 555, 557, 559, 637, 639,
640, 649
Зарако-Зараковский Ст., Зара-
ковский Ст. — 637
Зафиров Д. — 26
Захаров М.В. — 434, 480
Звонков Д.К. — 285, 287, 288
Зелинский Е. — 298
Зельд Ш. — 537, 538
Зенкл П. — 450, 451
Зиллиакус К. — 374, 498
Зильберштейн (Зеленец) Л. — 125
Зима В.Ф. — 59
Зимянин М.В. — 374, 375
Зихерл Б. — 266, 267, 350, 351

- Златев З. — 23
Златич С. — 586
Злобин И.Д. — 340, 566, 567
Змргал Я. — 90
Зорин В.А. — 16, 36, 44, 48-51,
68, 71, 88, 253, 573, 603
Зотов В. — 529
Зошенко М.М. — 322
Зубкова Е.Ю. — 27, 57, 335, 346,
542, 574
Зуев В.Т. — 642
Зупка Ф. — 164, 251
Зэлд Ш. — 109

И

- Иванов К. — 231
Иванович С. — 360
Ивановский В. — 517
Ивреков И. — 517
Игнатъев С.Д. — 488, 513, 514,
556, 559, 560
Игрицкий Ю.И. — 7, 301
Изидорчик Я. — 134
Илли — 480
Ильин И.А. — 3
Ильичев Л.Ф. — 133
Иорданова Д. — 272
Ионеску В. — 308, 309
Ирасек З. — 20
Исаченко И. — 394
Исламов Т.М. — 13, 344
Ислями Н. — 539
Исусов М. — 96, 230, 231, 543, 544

Й

- Йованович А. — 594, 600, 602
Йованович Д. — 268, 579
Йон О. — 251, 296, 331
Йонаш — 250, 296
Йорга Н. — 400

К

- Кабеш — 296
Кавтаралдзе С.И. — 228, 258, 259,
339, 412, 419, 446, 565-567,
571, 605, 630, 646

- Каганович Л.М. — 556
 Кадар Я. — 103, 106, 456, 525, 537, 538
 Казаринов Д.Л. — 633
 Калеци В. — 505
 Каллаи Д. — 454, 537, 538
 Камбрия — 481
 Каменов Е. — 257
 Каменов П. — 257
 Кантемир Д. — 400
 Каплан К. — 10, 19, 20, 155, 161, 165, 314, 382, 393, 409, 433, 447, 449, 459, 463, 491, 559, 575, 607, 625
 Каплан-Кобринская Р. — 121
 Капо В. — 190
 Капо Х. — 190, 249, 262
 Каракоста Д. — 448
 Кардель Э. — 211-214, 219, 235, 239, 264, 265, 277, 278, 580, 602, 608
 Кареткин В.А. — 190-192
 Карои М. — 524
 Карташов С.Н. — 274, 288, 289, 435, 444, 454, 530, 537, 552, 625, 626, 629
 Катенин И. — 597
 Катышев В.В. — 388, 389
 Квасиборский Ю. — 449
 Келлер Б. — 168, 169, 252, 296, 646
 Керник В. — 41, 42
 Керр А.Д.К. — 33, 52
 Керстен К. — 10
 Кетли А. — 455, 456
 Кетлинг Б. — 467, 477
 Кечи Ю. — 539
 Киву Е. — 571
 Киву С. — 568
 Кидрич Б. — 264, 265
 Кинов И. — 474-476, 482, 500, 515, 516
 Кирилл Габровский, кн. — 65
 Кирсанов В.И. — 151, 375, 401
 Кирсанов С.П. — 312, 329
 Кирхмайер Е. — 467, 471, 478
 Киселев Е.Д. — 116, 117, 295, 410, 446, 455, 456, 472, 479, 525, 553, 620, 646, 648
 Киш К. — 260, 446
 Кишиневский И. — 142, 145, 238, 246, 247, 258, 259, 286, 325, 359, 364, 399, 446, 531, 568, 573, 634, 646, 648, 649
 Кишоюну К. — 443
 Клапалек К. — 484
 Клементис В. — 529, 532-538, 554, 555, 561, 562, 627, 629
 Климашев — 487, 628
 Климент Г. — 250, 252, 296
 Клишко З. — 124, 506, 530
 Клойберова И. — 560
 Клосевич В. — 134
 Ключников А. — 421
 Ковач Б. — 442
 Ковач И. — 109, 113, 116, 117, 479, 527, 538
 Ковачевич О. — 223
 Когэлничану М. — 400
 Колаковский Л. — 13
 Коларов В. — 65, 196, 199, 205, 273, 342, 386, 434, 474, 475, 499, 516, 517
 Колганов К.С. — 473, 480, 481, 632, 634, 637
 Коле Ю. — 134
 Колека С. — 190, 249, 262, 263
 Колпакиди А.И. — 653
 Кольман А., Кольман Э. — 155, 156, 512-514, 543
 Комар В. — 488
 Комневич П. — 586
 Кондратьев В. — 27
 Коновалов Ф. — 256, 264
 Кономи М. — 184
 Конопка В. — 125
 Константинеску М. — 259, 263, 566, 568, 570
 Константинеску Н.Н. — 173
 Копецкий В. — 90, 165, 250, 252, 254, 296, 314, 321, 391, 392, 532, 535, 536, 555, 558, 559
 Копецкий Яр. — 533
 Копольд — 484
 Копосу К. — 448

- Копржива Л. — 158-160, 250, 296,
 435, 451, 535, 554-557, 560
 Корбель П. — 243, 250, 253
 Корж М.В. — 633
 Короткевич Г.Я. — 80
 Костов Т. — 66-68, 195, 196, 203,
 204, 256, 278, 331, 339, 343,
 347, 364, 386, 450, 474, 475,
 481, 500, 514-519, 524, 532,
 534, 543, 544, 549, 555, 561,
 587, 589, 604, 619-622
 Костров Л. — 151
 Костырченко Г.В. — 299, 346,
 543, 574
 Корсунский — 647
 Котеленец А.И. — 148
 Кошш И. — 110, 454
 Кошбук Г. — 400
 Крайчирж — 250, 296, 646
 Красильников А. — 405
 Краус Т. — 13, 22
 Кржавач С. — 596
 Крейбих К. — 560
 Крекотень П.Г. — 165, 252, 254,
 255, 287, 392-394, 404, 405,
 438, 439, 534, 558, 646
 Кристеску Е. — 70
 Кристо П. — 505
 Кроснарж Й. — 253, 296
 Круглов С.Н. — 229, 284, 526,
 617, 618
 Крупский — 637
 Кудрявцев Л.И. — 633
 Кузнецов А.С. — 635
 Кузьмин С.Т. — 429, 472
 Кулишев Г. — 387, 388, 447
 Кульчицкий П.А. — 479
 Купка Г. — 278
 Куропеска Ю. — 471, 488
 Куртуа С. — 11, 12, 25
 Кутлашр К. — 476, 477
 Куусинен Х. — 47
- Л
- Лаврентьев А.И. — 132, 150, 212,
 213, 238, 239, 252, 253, 259,
 264, 286, 349, 355, 417, 441,
 456, 559, 562, 568, 571, 572,
 582, 596, 643, 647, 648
 Лавришев А.А. — 211, 212, 578,
 601
 Лазар Д. — 344
 Лазарев Б. — 298
 Ланге О. — 40, 241, 458
 Ланда М. — 559
 Лакер У. — 290
 Ласкар М. — 481
 Лаушман Б. — 90, 603
 Лашкович А.А. — 99
 Лебедев — 633
 Лебедев В.З. — 53, 132, 133, 333,
 478, 485, 486, 499, 505, 506,
 508, 510, 528, 548-551
 Лебл Е. — 533, 554, 561
 Левушкин И. — 602
 Левычкин К.Д. — 67, 68, 84, 194,
 199
 Лейбман Р. — 597
 Ленарт И. — 165
 Лекарский К. — 447
 Ленин В.И. — 139, 145, 150, 156,
 193, 250, 292, 293, 301, 337, 663
 Лесаков В.И. — 139, 564
 Леукуция А. — 448
 Лехович В. — 510, 511, 548
 Леши Х. — 190
 Литвинов М.М. — 29
 Литвинов С.М. — 630
 Литвинович — 477
 Лихачев М.Т. — 435, 451, 517,
 532-534, 619, 620, 622-627
 Ломский Г. — 559
 Лондон А. — 535, 554-557, 560,
 561
 Лошонцы Г. — 109, 537, 538
 Лука В. — 138, 149-151, 228, 258,
 259, 271, 339, 340, 397, 562-
 573, 605, 645, 646, 649
 Луканов К. — 258
 Лукач Д. — 323
 Лулчев К. — 311
 Лупу Н. — 32
 Люмович Б. — 585
 Лялин — 625

М

- Мадайчик Ч. — 75
 Маджару В. — 400
 Майореску Т. — 400
 Майский И.М. — 29, 30, 63
 Макаров Н.И. — 435, 451, 524, 526, 532, 534, 619-627
 Макаров И.И. — 645
 Макарцев С.А. — 633
 Максарев Ю. — 640
 Маленков Г.М. — 89, 90, 167, 168, 261, 313, 359, 361, 452, 455, 458, 463, 467, 514, 526, 551, 554-556, 560, 573, 603, 639, 650
 Малешова С. (Гурин М.) — 501
 Малинин М.С. — 484, 635
 Малиновский Р.Я. — 337, 601
 Маниу Ю. — 308-310, 442
 Манча П.И. — 77
 Марат С. — 625
 Марек Л. — 507
 Марко Р. — 192, 249
 Маркович Д. — 596
 Маркс К. — 139, 250, 337
 Марошан Д. — 106, 110, 454, 455, 538
 Мартынов В.И. — 646
 Марчева И. — 10, 24
 Маршалл Дж.К. — 43, 44, 50, 59, 496
 Масарик Томаш Г. — 45
 Масарик Я. — 44, 45, 50, 90, 250, 393, 402
 Матеев Б. — 23
 Матеев Е. — 258
 Матушевский С. — 549
 Маурер И. — 564
 Маурер Ю. — 163
 Махненко А.Х. — 297
 Мачек В. — 577, 578
 Мачич — 69, 70
 Медведев А. — 518, 519, 544
 Медов В.С. — 330, 402, 428, 500
 Медусский — 637
 Мельников Л.Г. — 274, 417
 Меркулов В.Н. — 246, 247
 Мешик П.Я. — 599
 Мешкова П. — 96, 97
 Мигев В. — 10, 19, 23, 24, 26, 298
 Миклош — 82
 Миколайчик Ст. — 28, 30, 35, 39, 41, 42, 86, 120, 311, 328, 413, 443, 449
 Микоян А.И. — 89, 559
 Милевский — 637
 Миндсенти Й. — 326
 Минин В.И. — 189, 190
 Минц А. — 528
 Минц Г. — 42, 129, 261, 486-488, 505-507, 528, 547, 551
 Минчев П. — 201, 202
 Митин М.Б. — 375
 Митрий, Митрие — 221
 Михай I — 443
 Михайлов Н.А. — 421
 Михайлович Д. — 74, 75, 577, 578
 Михов Н. — 65
 Михозл С.М. — 547
 Мичанович С. — 586
 Могирорш А. — 146, 148-150, 457, 563, 568, 634
 Модельский И. — 467
 Модзелевский З. — 44
 Молотов В.М. — 16, 29, 33, 46, 52, 53, 63, 69, 75, 89, 90, 199, 229, 244, 261, 264, 274, 337, 350, 351, 367, 374, 375, 407, 434, 452, 455, 458, 463, 467, 496, 497, 499, 503-505, 507-510, 533, 547, 551, 554, 570, 579-582, 599, 610, 631, 638, 640, 651
 Молочков Ф.Ф. — 295
 Мольнар Э. — 46, 260
 Морача П. — 97
 Морен Э. — 6, 22
 Морозов — 559
 Моссор С. — 467, 471, 478
 Мошанов Ст. — 67
 Мошетов В.В. — 581, 582
 Мошко К. — 162, 168
 Мошкович — 530

Мразек К. — 476
Мурашко Г.П. — 22, 26, 58-60,
98, 170, 171, 229, 231, 232, 344,
347, 377, 461, 492, 542, 544,
590, 611
Мургулис — 647
Мурешану В. — 371
Мушанов Н. — 311
Мюллер В. — 445
Мюфтиу М. — 192

Н

Наджафов Д.Г. — 345
Надь И. — 109, 260, 295, 443, 527
Надь Ф. — 443
Налепа Э. — 635
Наринский М.М. — 59
Натанаили В. — 539
Наумкин В.Я. — 251, 637
Начев Н. — 517
Нашковский М. — 48-51, 471,
636, 638
Нгеля К. — 190
Неделку М. — 440
Недич М. — 73, 74, 76
Неедлы З. — 250, 254, 296, 555,
559
Нежинский Л.Н. — 57
Нейман А. — 250, 251
Нейчев М. — 257
Некрасов В. — 27
Некрич А.М. — 227, 233, 290, 301
Ненов Б. — 223
Никитин П.В. — 638
Никова Г. — 462, 543
Николов М. — 278
Никулеску-Бузешть К. — 328
Нистор И. — 448
Нишани О. — 92, 240
Новак З. — 134
Новиков Н.Г. — 164, 251, 439,
531
Новицкий С. — 478
Новомеский Л. — 163, 532-535,
627
Новопашин Ю.С. — 12, 299

Новотный А. — 45, 164, 165, 168,
169, 227, 254, 255, 394, 404,
405, 439, 555, 558
Новый В. — 529, 533
Ногради Ш. — 527, 538
Нойбахер Г. — 75
Носек В. — 90, 91, 251, 296, 414,
482, 529, 530, 533, 534, 536
Носкова А.Ф. — 22, 26, 58-60, 98,
170, 171, 229, 231, 232, 344,
347, 377, 461, 492, 542, 544,
590, 611

О

Овчаров В.И. — 156, 325, 327,
346
Огнянов Л. — 300
Огольцов С.И. — 475, 511, 518,
625
Окали Д. — 444
Окс М. — 134
Ольшевский Ю. — 125
Омельченко К.К. — 381
Орлеманьский Ст. — 30, 58
Орлик И.И. — 35, 58
Орлов Б.С. — 12
Орузэлл Д. — 294, 302
Осокин — 602
Осубка-Моравский Э. — 37, 38,
73, 86, 87, 599
Охаб Э. — 463

П

Паасикиви Ю. — 40
Павелич А. — 73, 76
Павельев А. — 644
Павлов А.П. — 32, 69, 601
Павлов Н. — 343, 517
Павлов Т. — 195, 272, 445
Павлович В. — 406
Падье П. — 267
Пал Ю. — 395
Палига Е. — 298
Палфи Д. — 109
Панди — 110
Пано С. — 185, 191, 249, 262

- Пантази К. — 70
 Пантелие Г. (Бондаренко Панте-
 леймон) — 431
 Панчевский П. — 257
 Панюшкин А.С. — 317
 Патрашкану (Пэтрэшкану) Л. —
 70, 138, 450, 497, 531, 563, 569,
 572, 573
 Патрикеев — 622
 Паукер А. — 138, 151, 228, 248,
 259, 374, 397, 418-420, 439,
 456, 457, 529, 531, 562-566,
 569-573, 634, 645
 Пачковский А. — 13, 447
 Пачраами Ф. — 191
 Пашкевич Г. — 467, 478
 Пашко И. — 190
 Пеза М. — 240
 Пеккалы М. — 47
 Пекса Ф. — 168
 Пенезич С. — 585
 Перистери П. — 190, 192
 Перович П. — 223
 Песси В. — 47
 Петер Г. — 274, 454, 520, 524,
 525, 527, 629
 Петков Н. — 66, 202, 311-314,
 442
 Петр А. — 250, 251
 Петранович Б. — 92, 98
 Петреску Т. — 569
 Петричевич Б. — 586
 Петров Г. — 24
 Петрович — 264
 Петрушевский А.В. — 499, 500,
 515, 516, 632, 637
 Пеутин В. — 318
 Пеце Т. — 280
 Печатнов В.О. — 315, 319, 344,
 345
 Печи Ш. — 191
 Пий XII — 384
 Пик В. — 39
 Пика Г. — 466, 476
 Пиклер — 110
 Пильняк Б.А. — 322
 Пимоненко И.С. — 299
 Пиронков — 272
 Пирош Л. — 109
 Пихоя Р.Г. — 57, 58, 543, 576
 650, 655
 Плачек Ш. — 445, 450
 Плойгар Й. — 250, 251
 Подцероб Б.Ф. — 405
 Позняков В.В. — 347
 Покивайлова Т.А. — 347
 Поланский Д. — 451
 Поллит Г. — 361
 Польшин Ф. — 597
 Помазнев М.Т. — 246
 Понграц К. — 109
 Пономарев Б.Н. — 359
 Пономаренко П.К. — 642
 Понс С. — 378
 Поп А. — 20
 Попеску — 481
 Попзлатев П. — 443
 Попов В.И. — 457
 Попов Г.М. — 256, 275
 Попович В. — 223, 610
 Попович К. — 596
 Попович М. — 264
 Поптомов В. — 256
 Порфи — 479
 Поспелов П.Н. — 52
 Потемкин Ф. — 319
 Преотьяса Г. — 371
 Прима Е. — 130, 402, 430
 Прокофьев Д.Д. — 618
 Прокофьев Ю.М. — 473, 633
 Прохазка В. — 284, 470, 536
 Прохазка Я. — 88, 285, 482
 Прохоров Д.П. — 653
 Прхала А. — 432
 Псурцев Н.Д. — 405, 407
 Пузырев М.С. — 624
 Пуло Х. — 241
 Пупышев Н.В. — 635
 Пухлов Н.Н. — 110, 156, 364
 Пуцар Д. — 220
 Пушкин Г.М. — 81, 82, 340, 341
 479, 519-521, 523, 601
 Пыжиков А.В. — 347, 423
 Пырван В. — 400

Пьяде М. — 214, 235, 580

Р

Радачану (Рэдэчану) Л. — 258, 570

Радеску Н. — 69, 413

Радкевич С. — 87, 529, 530, 573

Радованович М. — 223

Разыграев П.П. — 252

Райк Л. — 80, 81, 103, 108-111, 116, 124, 158, 282, 331, 347, 362, 364, 450, 454, 481, 514, 519-534, 537, 538, 544, 549, 555, 587, 589, 619-622, 627

Райнер Я. — 10, 544

Райс Ш. — 285, 287, 288, 296

Райцин Б. — 88, 470, 482, 484, 561, 562

Ракоши М. — 46, 64, 80, 82, 83, 103, 105, 106, 108, 110, 260, 270, 274, 283, 288, 289, 295, 340, 341, 362, 374, 403, 408, 410, 434-436, 454-456, 462, 463, 465, 466, 468, 472, 473, 480, 482, 491, 492, 497, 519-533, 536-538, 544, 552-554, 573, 618-623, 626, 628, 629, 633, 639, 640, 654, 664

Ранкович А. — 212, 214-216, 265, 363, 365, 367, 475, 504, 524, 525, 528, 577, 580, 585-587, 619

Рапацкий А. — 457, 458

Рашкулец — 452

Ребряну Л. — 400

Реваи Й. — 103, 104, 106, 110, 274, 456, 497, 520, 552, 553

Реваи К. — 479

Редлих Р. — 296

Рейман М. — 12

Рейман П. — 392

Рене Д. — 241, 297

Реуту Л. — 563

Рипка Г. — 451

Рис И. — 454, 455, 552

Робникар В. — 223

Рогов Н. — 148

Роговин В.З. — 542

Розов Х. — 67

Рокоссовский К.К. — 261, 435, 471, 485-487, 633, 635, 636

Роля-Жимерский М. — 485-488, 528, 597, 598, 628

Роман В. — 481, 563

Романенко С.А. — 97

Ромковский Р. — 528

Ромничану М. — 448

Ронаи Ш. — 237

Рошиану М. — 309

Рузвельт Ф. — 28

Руммель — 477

Рупчич Н. — 586

Рэуту Л. — 399

Ряпосов Н.И. — 481, 569, 570, 637

С

Саберский — 648

Савков — 406

Садчиков И.В. — 244, 579

Садчиков Н.Г. — 381

Сакашич А. — 82, 106, 454, 455, 480, 538

Салаи А. — 523, 526

Санатеску К. (Сэнэтеску) — 309, 413, 443

Саплакан — 453

Сахаровский А.М. — 452, 565, 622, 623, 625, 630

Свентоховский В. — 637

Светлик К. — 467

Свобода Л. — 88, 89, 251, 296, 466, 467, 470, 482-484, 533, 595, 607, 634

Святло Ю. — 433, 487, 528

Седер Ф. — 455

Секфью Д. — 46

Селивановский Н.Н. — 87

Семенов — 325

Семиряга М.И. — 22, 75, 97

Сеньи Т. — 109, 523, 525, 526

Серафин — 637

Сергеев В.М. — 297

Сергеев П.К. — 407

Серов И.А. — 255, 599

- Сидорович С.Б. — 633
 Сикачев Н.Н. — 280, 281
 Силин М.А. — 159, 160, 250-252, 261, 284, 325, 331, 411, 450, 484, 533, 534, 536, 554, 584, 607, 635,
 Симич С. — 264, 265
 Симонов К.М. — 221, 233
 Сирков Д. — 19, 26
 Сирмаи И. — 110, 408
 Скшешевский С. — 133
 Слабек Г. — 13, 328, 329
 Сланский Р. — 14, 47, 71, 90, 91, 155, 156, 159, 160, 163, 165-167, 243, 250-253, 296, 325, 362, 391, 450, 483, 512, 513, 530, 533, 534, 536, 545, 554-562, 572-574, 589, 622-624, 644
 Смирнов А.А. — 169, 422
 Смирнов М.В. — 472
 Снопкевич Ю. — 625
 Собек А. — 553
 Соболев А.А. — 285, 457, 643, 646
 Сокор М. — 309, 371
 Солженицын А.И. — 586
 Сорокин — 559
 Соряну Х. — 324
 Спандарьян С.С. — 279, 324, 339, 632
 Спасов В. — 297
 Спахиу Б. — 182, 185, 190-192, 240, 262, 502
 Спиру Н. — 501-503
 Спыхальский М. — 124, 229, 485, 488, 499, 506, 510, 511, 528, 530, 606, 637
 Срзентич — 264
 Стайков Хр. — 447
 Стайнов П. — 447
 Сталин И.В. — 9, 14-17, 22, 27, 28, 30-32, 35, 37-43, 45, 52-54, 57-60, 65, 87, 89, 98, 114, 132, 133, 139, 145, 147, 150, 159, 165-167, 171, 183, 184, 229, 230, 232-234, 244, 250, 261, 266, 270-274, 290, 291, 293, 298, 299, 301, 320, 333, 337-339, 341, 342, 345-354, 356, 360, 366, 374, 375, 377, 381, 399, 405, 413, 416, 429, 434, 442, 443, 452, 454-456, 463, 464, 469, 473-476, 478, 480-483, 485-488, 496-498, 500, 502, 506-511, 513-515, 517-519, 525-528, 530, 532-534, 536-538, 543, 545, 547, 549-552, 554-557, 559-561, 563, 566, 568, 569, 572, 574, 575, 580-582, 584, 585, 588, 590, 593, 594, 596, 598, 600, 602, 604, 606, 608, 609, 611, 613, 614-616, 618-624, 629, 632, 634-645, 649-651, 663-665
 Станьчик Я. — 44
 Старевич А. — 134
 Старович О. — 586
 Степинац А. — 76
 Стефанов И. — 505, 515, 517
 Стецанеску — 453
 Стоенчев М. — 311
 Стоилов Г. — 257
 Стойчев В. — 447
 Стойчев Кр. — 195
 Стоянов П. — 84, 278, 311
 Стоянов Т. — 387
 Странский — 271, 272
 Стрехай Р. — 287, 288
 Стручков — 325
 Стыкалин А.С. — 344, 345, 347, 382, 423, 424
 Сулицкий Н.П. — 149, 150, 457
 Суслов М.А. — 133, 166-168, 186, 316, 317, 359, 421, 488, 497, 507, 514, 521, 526, 550, 573, 608
 Сыздек Б. — 458
 Сыздек Э. — 458
 Сыроваткин А.Ф. — 633
 Сытенко — 252
 Сюдак П. — 449
 Сюч Л. — 344, 521, 528, 629

Т

- Такер Р. — 651
 Танев Д. — 197
 Тарасов — 247

Таркаланов Д. — 311
Татар С. — 467, 478, 488
Татареску Г. — 40, 78, 308, 452
Теклу Я. — 481
Тенев И. — 202
Теречи Е. — 190
Терпешев Д. — 516
Тесла Й. — 168
Тильди З. — 40, 443, 454, 455
Тисо Й. — 71, 72, 260
Титель-Петреску К. — 456, 457
Тито Й.Броз — 31, 52, 54, 55, 74,
92, 98, 141, 187, 189, 212, 214,
217-219, 221-224, 226, 228, 239,
265-267, 270, 331, 336, 339,
343, 347-350, 352-356, 358, 359,
362-367, 370, 371, 374-377, 414,
417, 474, 480, 481, 496-501,
506, 514, 515, 518, 519, 523-
528, 530, 531, 533, 534, 537,
539, 573, 578, 580-585, 587-590,
593, 596, 611, 619, 622, 631

Титоренков Фр. — 204
Тишков А.Н. — 443
Тмушич В. — 585
Толбухин Ф.И. — 601
Тольятти П. — 224
Томашевский А. — 637
Тончев С. — 257
Топенчаров В. — 386, 387
Тошев Т. — 447
Траинин И. — 301
Трендафилов — 447
Трифонович М. — 578
Троцкий Л.Д. — 266, 293, 504
Грынский С. — 516
Тужев И. — 517
Туманов П.А. — 280
Турлейская М. — 507
Тэнасе С. — 152
Тюльпанов С.И. — 22, 59

У

Угер Й. — 168, 254
Уйхейи (Уйхельи) С. — 537
Ульбрихт В. — 39
Урбан К. — 13

Уткин — 263
Утник М. — 467, 478

Ф

Фабиченков А.А. — 163
Фарберов Н.П. — 297, 298
Фаркаш М. — 103, 106, 109, 434,
454-456, 472, 479, 497, 520,
524, 525, 552, 553, 573, 629
Фатеев А.В. — 32, 58, 60, 344, 346
Фатино Г. — 448
Фельтев Б. — 531
Фечин Ф. — 67
Филатов В.Д. — 632
Филатов С.И. — 623
Филиппов А.И. — 632
Филиппов (Сталин И.В.) — 166,
273, 474, 475, 554, 557, 582,
622
Филитов А.М. — 22
Филлипс М. — 267, 268
Филов Б. — 65
Фильд Г. — 528
Фильд Н. — 522, 523, 528
Финкельштейн Ю. — 530
Фирлингер З. — 165, 251, 254,
296
Фитова А. — 14
Флореску — 481
Флорианович К. — 471
Фориш Ш. — 569
Франк Й. — 161, 296, 554, 558,
560, 562
Фрейка Л. — 529, 560, 562
Фришке А. — 17
Фрунзе В. — 10, 308
Фукс — 559

Х

Хаджи-Панзов Б. — 517
Хазанов М. — 513
Хази Ар. — 260
Хай Л. — 553
Хайду — 110
Хамити З. — 249
Хандлер М. — 217, 218

Ханов А. — 216
Хеба Т. — 186
Хебранг А. — 32, 349, 580-582,
585, 587, 593, 600, 602
Хейзлар — 296
Хидаш И. — 260
Хильдемайер М. — 11
Ходжа Н. — 190, 191
Ходжа Э. — 78, 184-187, 189-192,
249, 250, 262, 263, 270, 279,
284, 415, 501-505, 539, 540,
608, 615, 624, 664
Холбан — 481
Холловэй Д. — 57, 59
Хорват З. — 109
Хорват М. — 109
Хорти М. — 436, 438, 446, 479,
525
Хоттлетт Р. — 29
Хохфельд Ю. — 528
Христов Б. — 517
Христозов Р. — 256, 257, 436,
475, 518
Христу И. — 448
Хрушев Н.С. — 261, 458, 551, 556
Худице И. — 448
Хылинский Я. — 17, 551

Ц

Цайгер С. — 564
Цази И. — 223
Цанков Г. — 256, 286
Царвуланов — 295, 342
Цачевски В. — 24
Цепа — 477
Цинцар-Маркович — 76
Циранкевич Ю. — 38, 41, 122,
311, 457, 458, 616
Цуцуй Г. — 139

Ч

Чада В. — 45
Чанков Г. — 273, 515, 516
Чельшев И.А. — 57
Чепичка А. — 16, 250, 251, 254,
284, 285, 296, 433, 450, 459,

463, 483, 484, 536, 555-558,
575, 634, 635
Червенков В. — 67, 94, 195, 196,
198, 199, 204, 205, 247, 271-
273, 342, 374, 375, 385, 388,
390, 416, 434, 440, 474-476,
491, 515-519, 537, 556, 616,
618, 620, 629, 639, 664
Черноки В. — 443
Черноколев Т. — 257, 445, 516
Черноусов — 247
Черный К. — 535
Чернявский Г.И. — 7, 23
Чернякова Ю.Н. — 280
Чех Г. — 344
Чичовска В. — 385-388, 390, 423
Чокалов — 447
Чубарьян А.О. — 12, 25
Чувахин Д.С. — 77, 78, 178, 179,
188, 240, 241, 249, 279, 415,
502, 504, 505, 539, 540, 608

Ш

Шабанский П. — 264
Шарланов Д. — 24, 96, 97
Шаталин Н.Н. — 166, 167
Шатилов С.С. — 89
Шваб К. — 536, 560-562, 627
Швальбе Ст. — 38
Шварцман (Чернов) Л.Л. — 517,
518, 619, 620, 625
Швермова М. — 155, 156, 163,
484, 513, 535, 536, 554, 561
Шебеше Ш. — 456
Шепилов Д.Т. — 133, 316
Шередега И.С. — 635
Шеху А. — 539
Шеху М. — 185, 186, 188, 190-
192, 249, 262, 263, 502, 504, 540
Шеху Ф. — 190
Шибав — 628
Шилинговский И. — 597
Широкий В. — 162, 165, 168, 169,
250, 251, 254, 296, 411, 439,
513, 532, 536, 561, 640
Шкляренко Т.Т. — 632
Шлехта Э. — 250, 451

- Шлинг О. — 163, 534, 535, 537, 538, 554, 555, 559, 561, 562, 629
- Шмераль С. — 155
- Шмераль Я.Б. — 169
- Шмидке К. — 531, 533, 534
- Шнюков Г.П. — 363, 412, 413
- Шойом Л. — 479, 480
- Шпиндер — 453
- Шпуза С. — 193
- Шрамак Я. — 314
- Штагл К. — 409
- Штеменко С.М. — 434, 463, 480, 569, 570, 637
- Штрбац Ч. — 92
- Шубашич И. — 578
- Шулев — 68
- Шуликов В.И. — 246

Щ

- Щербаков А.С. — 552

Э

- Эйслер Е. — 15
- Эльснер Ф. — 39
- Эминеску М. — 400
- Энгельс Ф. — 139, 250, 337
- Эрбан — 251, 296
- Эрдеи М. — 110
- Эссе Э. — 12
- Этингер Я.Г. — 552

Ю

- Югов А. — 83, 205, 257, 416, 436, 500, 515-518, 620
- Юдин П.Ф. — 340, 350, 351, 359, 364, 365
- Юнгблюд В.Т. — 57
- Юрецкий М. — 478
- Юстус П. — 109, 395

Я

- Яблоньский Г. — 458
- Яжборовская И. — 542

- Якова Т. — 180-182, 184-187, 249, 502, 539, 540
- Яковлев А.Н. — 11, 13
- Яковлев В.Г. — 41, 86, 87, 122, 311, 323, 499, 506, 507
- Яковлев Д.Г. — 67
- Янак Д. — 20
- Янев Д. — 204, 257
- Янза — 472
- Янковцева Л. — 251, 296, 646
- Яноушек К. — 476
- Ярошевич А. — 510, 511, 548
- Яшков В.Д. — 633

A

- Albert A. — 24

B

- Balogh S. — 23
- Bărbulescu M. — 24, 25, 460, 571, 575, 576
- Barnovský M. — 24
- Bartošek K. — 25
- Belda I. — 297
- Beck C. — 60
- Bierut B. — 543, 551
- Bilek J. — 24
- Białyński Z. — 24, 459, 494, 522, 545
- Bobowski St. — 171
- Boldur-Lătescu G. — 24, 460, 461
- Bombicki M.R. — 96, 493
- Borkenau F. — 22
- Brabec V. — 174
- Bracher K.D. — 22
- Břachová V. — 460, 492-494
- Brătianu G. — 462
- Brisca A. — 26
- Brockdorff W. — 97
- Brzeziński Zb. — 22
- Burda A. — 297
- Buzatu G. — 23, 424

C

- Čavoški K. — 590
 Chirițoiu M. — 23
 Chyliński J. — 25, 551
 Connelly J. — 99
 Constantiniu F. — 24, 575
 Courtois St. — 25
 Cristescu C. — 491
 Curtesku C. — 654
 Cyrankewicz J. — 23, 460
 Czubiński A. — 23, 97

D

- Deletant D. — 24, 25, 96, 98, 431,
 459, 460, 571, 575, 576
 Diverger M. — 233
 Djilas M. — 57
 Dominicczak H. — 96, 459-461

E

- Eisler J. — 24

F

- Ficeac B. — 26, 424
 Filippov — 462
 Friedrich C.J. — 22
 Friszke A. — 26
 Frunză V. — 24, 344
 Furet F. — 22

G

- Garlicky A. — 23, 173, 494, 541,
 543
 Gheorghe J. — 462
 Gheorghiu-Dej G. — 24, 174, 460,
 461
 Glassner G.J. — 22
 Gomułka W. — 541, 542, 545, 548,
 612
 Góra W. — 23
 Gottwald K. — 546
 Grahovac P. — 232
 Grigore Olimp Joan — 26
 Gwizdź A. — 297

H

- Hegedüs A. — 23, 233
 Hejl V. — 24, 25
 Hitchins K. — 24, 25, 460, 575, 576
 Holzer J. — 26
 Horaková M. — 25, 459

I

- Ionițoiu C. — 26, 461
 Ivanov M. — 25

J

- Janak D. — 26
 Jesse E. — 22
 Jirasek Zd. — 26
 Jolan J. — 233

K

- Kalinová L. — 174
 Kaplan K. — 24-26, 98, 175, 344,
 345, 423-425, 459-462, 491-493,
 543, 575, 611, 612, 652-655
 Kardelji E. — 377
 Kędzia Z. — 297
 Keqau P. — 22
 Kersten K. — 24, 171
 Kisieliewski S. — 548
 Kočański A. — 96, 344, 346, 460
 Kołakowski L. — 25, 26
 Korbel P. — 175, 176, 297, 298,
 494
 Korboński S. — 96
 Kornhauser W. — 22
 Koštunica V. — 590
 Kozik Z. — 172, 173
 Kozłowski Cz. — 459, 461
 Krzavac S. — 590
 Kuboviš B. — 232
 Kuciński J. — 297
 Kuroń J. — 24, 26, 460
 Kwasiborski J. — 461

L

- Landau Z. — 173
 Lange O. — 298

Löbl E. — 574, 575

M

Madajczyk Cz. — 97, 171
Marat S. — 24, 493, 545, 652
Margolin I.L. — 25
Marković D. — 590, 591
Marjanovic J. — 96
Mikić M. — 232
Muraschko G. — 377
Mysliński J. — 26

N

Nagy I. — 23
Nalepa E.J. — 492, 494, 611, 653
Nikolić M. — 590
Noskova A. — 377
Novak M. — 233
Novotny A. — 233
Nowicki St. — 24, 492, 543, 653

O

Ochab E. — 492

P

Pătrășcanu L. — 23
Paçepa J.M. — 460, 461
Paczkowski A. — 24, 25, 60, 461
Panne J.L. — 25
Papacostea S. — 24, 25, 460, 575, 576
Pešek J. — 24, 25, 26, 459, 460
Piecuch H. — 492
Pethybridgt K. — 22
Petranović B. — 98
Pokivajlova T. — 174
Poksiński J. — 24, 492-494, 543,
545, 546, 653, 654
Pop A. — 26
Pünkösti A. — 23

R

Raina P. — 24
Rainer M.J. — 23, 462, 545, 546,
574
Rakosi M. — 23, 462, 544

Rataj J. — 25
Rieber F.J. — 59
Roszkowski W. — 24
Romsics J. — 23
Reiman M. — 22, 25
Routledge L. — 22
Runtjić A. — 232

S

Schapiro L. — 22
Scherstjanoi E. — 22
Sirotković I. — 232
Siabek H. — 23, 25, 171, 346, 492
Slanský R. — 574
Snopkiewicz J. — 24, 493, 545, 652
Socha L. — 492, 511, 543, 545
Stalin (Sztalin) J. — 22, 459, 461,
462, 491, 545, 654
Stipetić V. — 232
Strbac Č. — 98
Swiatlo J. — 24, 459, 522, 545
Syzdek B. — 23, 24, 171, 296, 460,
462
Syzdek E. — 23, 24, 460, 462

T

Taborsky E. — 233
Tănase S. — 24, 174, 460, 461
Tatar St. — 24, 492, 543, 653
Teodor P. — 24, 25, 460, 575, 576
Tismăneanu V. — 24
Tomásek D. — 26, 423, 424
Tomaszewski J. — 96, 173, 297
Tomeš J. — 493
Torańska T. — 24, 25, 493, 548
Turlejska M. — 24
Tuțui Gh. — 173

U

Ulam A. — 377
Utitz B. — 25
Utnik M. — 24, 492, 543, 653

V

Vass H. — 344, 424
Vagasski V. — 175, 494

Vida J. — 23

Volokitina (Wolokitina) T. — 377,
378, 590

W

Werblan A. — 23, 24, 300, 461, 542

Werth N. — 25

Weyner J. — 26

Wyrwich M. — 460

Z

Zalai K.L. — 344, 424

Žaček R. — 494

Żakowski J. — 24, 26, 460

Zhdanov — 60

Zubok V. — 347

Оглавление

К читателю	3
Накануне: новые реалии в международных отношениях на континенте в конце 40-х годов и «ответ» Москвы	27

Раздел I СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НОСИТЕЛИ ТОТАЛИТАРНОЙ ВЛАСТИ

Глава I. Начальный этап «кадровой революции» в послевоенной Восточной Европе: основные векторы и первые итоги	63
Глава II. Источники формирования партийно-государственной номенклатуры — нового правящего слоя	100
1. Венгрия, Польша, Румыния, Чехословакия: социокультурный облик рабочих партий	102
2. Албания, Болгария, Югославия: рабочие партии с крестьянским «лицом»	177
Глава III. Оформление и функционирование нового механизма государственной власти	234

Раздел II МЕХАНИЗМЫ УТВЕРЖДЕНИЯ РЕЖИМОВ СОВЕТСКОГО ТИПА

Глава IV. Москва и установление монополии компартий на информацию на рубеже 40—50-х годов	305
1. Ликвидация информационного плюрализма и блокирование каналов западной информации	305
2. На югославском «фронте» информационной войны	348
3. Информационная блокада региона: механизмы действия	380
Глава V. Репрессии — инструмент подавления политической оппозиции	426
1. Устранение реальных и мнимых сторонников буржуазных порядков	426
2. Репрессии в армии: судьба военной элиты	463
	685

Глава VI. Репрессии как элемент внутрипартийной борьбы за власть	495
1. Начальный этап «второй большевизации» компартий: поиски «агентов Тито», «троцкистов» и «буржуазных националистов» (1948—1950 гг.)	495
2. «Вторая волна» внутрипартийных репрессий: борьба против «американо-сионистской агентуры» (1951—1953 гг.)	547
3. Югославский вариант политических репрессий	577
Глава VII. Институт советских советников в странах региона: цели, задачи, результаты	592
1. Кадровые возможности новой власти и зарождение института советских советников (1944—1948 гг.)	592
2. Система советников в действии (1949—1953 гг.)	613
Заключение. Сложились ли в Восточной Европе режимы советского типа?	656
Именной указатель	667

**Волокитина Татьяна Викторовна
Мурашко Галина Павловна
Носкова Альбина Федоровна
Покивайлова Татьяна Андреевна**

**МОСКВА И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
Становление политических режимов
советского типа (1949—1953)
Очерки истории**

Редактор *М. Айламазян*
Художественное оформление *А. Сорокин*
Технический редактор *В. Юрченко*

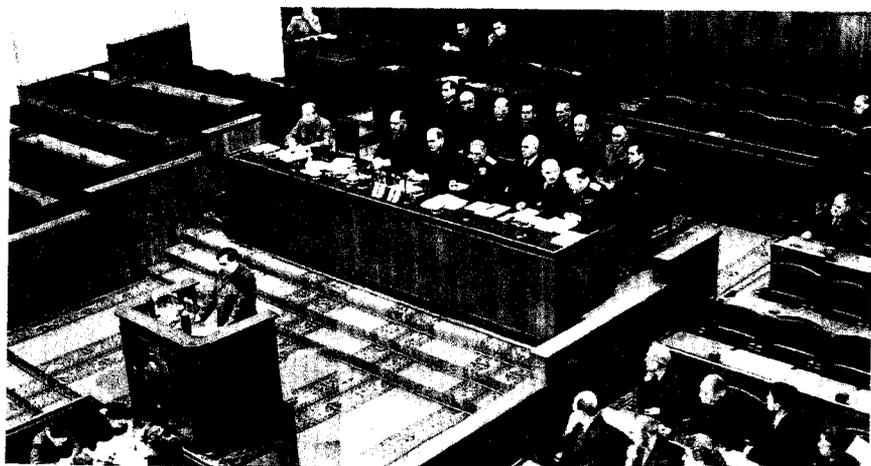
ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 22.01.2002.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 43,0 + 1,25 вкл. Уч.-изд. л. 55,4. Тираж 2000 экз
Заказ № 5536

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71
Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации).

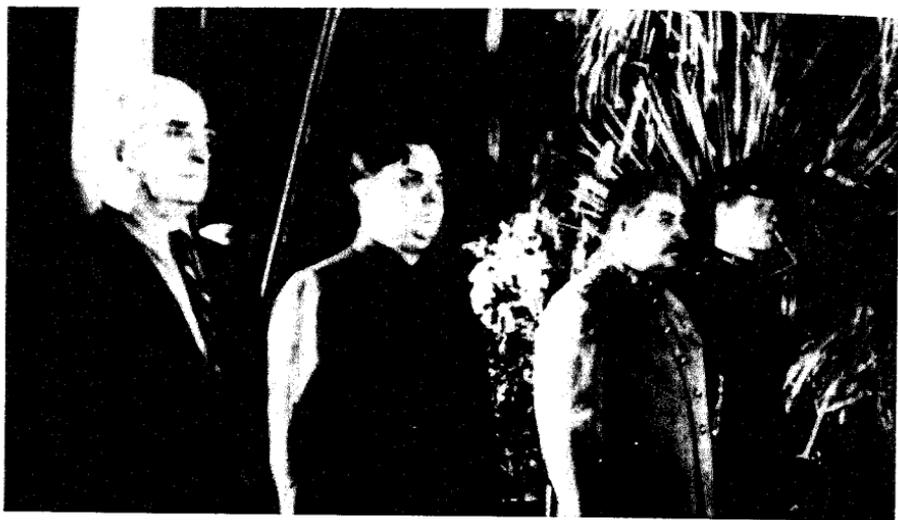
Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

И.В.Сталин на XIX съезде
ВКП(б)—КПСС.
Октябрь 1952 г. Москва
(из фондов РГАСПИ)

Президиум XIX съезда ВКП(б)—КПСС. Первый ряд слева направо:
И.В.Сталин, Л.М.Каганович, В.М.Молотов, К.Е.Ворошилов,
Н.С.Хрущев, Л.П.Берия, Н.А.Булганин.
На трибуне — Г.М.Маленков. Октябрь 1952 г.
(из фондов РГАСПИ)

Л.П.Берия, Г.М.Маленков, И.В.Сталин на похоронах М.И.Калинина.
Колонный зал Дома Союзов. Июнь 1946 г. Москва
(из фондов РГАСПИ)

А.Я.Вышинский — министр
иностраннных дел СССР
в 1949—1953 гг.
(из фондов АВП РФ)

В.Н.Меркулов — нарком-министр
госбезопасности СССР
в 1943—1946 гг.
(из фондов ГАРФ)

В.С.Абакумов — министр
госбезопасности СССР
в 1946—1951 гг. (из фондов ГАРФ)

С.Д.Игнатьев — министр
госбезопасности СССР
в 1951—1953 гг. (из фондов ГАРФ)

С.И.Огольцов — заместитель,
1-й заместитель министра
госбезопасности СССР в 1946—1953 гг.
(из фондов ГАРФ)

С.Н.Круглов — нарком-министр
внутренних дел СССР
в 1945—1953 гг. (из фондов ГАРФ)

Э.Ходжа выезжает в г. Пермет на I Антифашистский конгресс
Фронта национального освобождения Албании.
Май 1944 г. (из фондов РГАКФД)

Прибытие Й.Тито в Москву. Слева направо: посол Югославии в СССР
С.Симич, В.М.Молотов, Й.Тито, министр иностранных дел Югославии
И.Шубашич. Апрель 1945 г. (из фондов РГАСПИ)

К.Готвальд выступает на приеме во Всеславянском комитете в честь правительственной делегации Чехословакии. 25 июля 1946 г. Москва (из фондов РГАКФД)

Прием И.В.Сталиным польской правительственной делегации. Слева направо: Ст.Швальбе — председатель Верховного совета ППС, Ю.Циранкевич — премьер-министр Польши, И.В.Сталин, В.Гомулка, Г.Минц (министр промышленности Польши), В.М.Молотов. 4 марта 1947 г. Москва. Кремль (из фондов РГАСПИ)

М.Ракоши (слева) и посол СССР в Венгрии Е.Д.Киселев.
Не ранее лета 1949 г. Будапешт (из фондов АВП РФ)

Г.Георгиу-Деж (из фондов журнала «Magazin istoric». Бухарест)

В. Коларов — председатель Совета
министров НРБ в 1949—1950 гг.
(фотохроника ТАСС.
Из фондов РГАКФД)

В. Червенков — заместитель предсе-
дателя Совета министров НРБ.
Ноябрь 1949 г.
(из фондов РГАКФД)

Й.Тито подписывает договор о дружбе и взаимной помощи между СССР и Югославией. Слева направо: Б.Ф.Подцероб, С.Симич, И.Шубашич, И.В.Сталин, В.М.Молотов, А.Я.Вышинский. Рядом с Тито С.Г.Базаров. 12 апреля 1945 г. Москва. Кремль (из фондов РГАКФД)

Подписание договора с Чехословакией о присоединении Закарпатской Украины к СССР. Первый ряд слева направо: посол СССР при союзных правительствах в Лондоне в 1943—1945 гг. В.З.Лебедев, министр обороны Чехословакии Л.Свобода, министр школ и просвещения З.Неедлы, NN, посол СССР в Чехословакии В.А.Зорин, заместитель министра иностранных дел В.Клементис, председатель правительства Чехословакии З.Фирлингер, И.В.Сталин, А.Я.Вышинский. Июнь 1945 г. Москва. Кремль (из фондов РГАСПИ)

Отъезд из Москвы югославской правительственной делегации.
У микрофона — Й.Тито. Слева направо: министр внутренних дел А.Ранкович,
В.М.Молотов, В.Г.Деканозов, посол Югославии в СССР В.Попович.
10 июня 1946 г. (из фондов РГАКФД)

Подписание договора о дружбе и взаимопомощи между СССР и Венгрией.
Слева направо: президент Венгрии З.Тильди, И.В.Сталин, генеральный
секретарь КПВ М.Ракоши, лидер социал-демократической партии А.Сакашич,
посол СССР в Венгрии в 1948—1949 гг. Г.М.Пушкин.
17 февраля 1948 г. Москва. Кремль (из фондов РГАСПИ)

Прием албанской правительственной делегации. В центре слева направо:

Отъезд болгарской правительственной делегации.
На переднем плане слева направо: Г.Димитров, А.Я.Вышинский, Т.Костов.
24 марта 1948 г. Москва (из фондов РГАКФД)

Э.Ходжа, Н.М.Шверник, В.А.Зорин. 24 марта 1949 г. Москва (из фондов РГАКФД)

Премьер-министр Польши Ю.Циранкевич прибывает в Москву.
Начало 50-х годов (из фондов РГАСПИ)

С.И.Кавтарадзе — в 1945—1952 гг.
посол СССР в Румынии
(из фондов АВП РФ)

М.Ф.Бодров — в 1948—1954 гг.
посол СССР в Болгарии
(из фондов АВП РФ)

Вручение ордена Золотого Льва послу СССР в Чехословакии В.А.Зорину.
Первый слева — глава правительства ЧСР З.Фирлингер.
7 ноября 1945 г. Прага (из фондов АВП РФ)

Перед отлетом на конференцию в Париж. Второй слева М.А.Силин — в 1948—1951 гг. посол СССР в Чехословакии. Весна 1946 г. Москва (из фондов АВП РФ)

Слева направо: посол СССР в Польше в 1945—1951 гг. В.З.Лебедев, президент Польской республики в 1947—1952 гг. Б.Берут, NN, NN. Конец 40-х годов. Варшава (из фондов АВП РФ)

В кулуарах IX съезда КПЧ. Слева направо: Г.М.Маленков, П.Ф.Юдин,
К.Готвальд, Р.Сланский.
Май 1949 г. Прага (из фондов РГАКФД)

Президент Венгрии А.Сакашич (в центре), посол СССР
Г.М.Пушкин (справа) на открытии фестиваля в связи со 150-летием
А.С.Пушкина. 7 июня 1949 г. Будапешт (из фондов АВП РФ)

Слева направо: Е.Д.Киселев — посол СССР в Венгрии в 1949—1954 гг.,
NN, Я.Кадар. Не позднее середины 1951 г. (из фондов АВП РФ)

Вручение верительных грамот А.А.Соболевым Б.Беруту. 24 марта 1951 г.
Варшава (из фондов АВП РФ)

Секретарь ЦК БРП(к)
Т.Костов выступает на митинге
в канун парламентских выборов
Ноябрь 1945 г. Пловдив
(из фондов РГАКФД)

Член Политбюро ВПТ Л.Райк.
Конец 40-х годов

Маршал Советского Союза
К.К.Рокоссовский (из альбома:
«Marszałek dwóch narodów».
W-wa. 1976)

Маршал К.К.Рокоссовский —
министр национальной оборо-
ны Польши в 1949—1956 гг.
(из альбома: «Marszałek dwóch
narodów». W-wa. 1976)

Маршал К.К.Рокоссовский в парадном мундире Войска Польского.
Начало 50-х годов (из альбома: «Marszałek dwóch narodów». W-wa. 1976)

Празднование XXXI годовщины Советской Армии.
Четвертый слева министр национальной обороны Польши
М.Роля-Жимерский, командующий Северной группой советских войск
К.К.Рокоссовский (с ноября 1949 г. по 1956 г. министр национальной
обороны Польши), заместитель министра национальной обороны
М.Спыхальский. Февраль 1949 г. Варшава (из фондов АВП РФ)

Генеральный секретарь ЦК КПС
Р.Сланский (из фондов РГАКФД)

А.Паукер — член Политбюро ЦК РРП
в 1945—1952 гг. (из фондов журнала
«Magazin istoric». Бухарест)

Л.Патрашкану — член Политбюро
ЦК КРР в 1945—1947 гг.
(из фондов журнала «Magazin istoric».
Бухарест).